

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ,
МЕТОДЫ, ПРАКТИКА

СМОЛЕНСК
2011

Российский фонд фундаментальных исследований
Русское географическое общество
Ассоциация российских географов-обществоведов
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКА

(к 100-летию со дня рождения
Ю.Г. Саушкина)

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

СМОЛЕНСК
2011 г.

ББК 65.049
С 692

Рецензенты:

Алексеев А.И. – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Зырянов А.И. – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма географического факультета Пермского государственного университета

Редакционная коллегия:

Катровский А.П. (ответственный редактор),
Агирречу А.А., Евдокимов М.Ю., Ковалев Ю.П., Шувалов В.Е.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 11-06-06005з*

**С 692 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ,
МЕТОДЫ, ПРАКТИКА:** Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум,
2011. – 608 с.

В сборник научных статей вошли материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ю.Г. Саушкина, проходившей в г. Смоленске 13–15 мая 2011 г. на базе Смоленского гуманитарного университета. Данный сборник, объединенный общей идеей, отличается основательностью и глубиной теоретических и методических статей, широта тематики и практическая значимость региональных исследований. В отдельный раздел вошли статьи, отражающие влияние взглядов Ю.Г. Саушкина на отечественную социально-экономическую географию.

Сборник научных статей представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов учебных заведений, а также широкого круга лиц, интересующихся вопросами социально-географической тематики.

ЮЛИАН ГЛЕБОВИЧ САУШКИН
(1911–1982)

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮЛИАНА ГЛЕБОВИЧА САУШКИНА

2 июля 2011 года исполняется 100 лет со дня рождения **Юлиана Глебовича Саушкина** (1911–1982) – одного из крупнейших отечественных экономико-географов, доктора географических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, почетного члена Географического общества СССР, заведующего кафедрой экономической географии СССР Московского университета на протяжении более тридцати лет. Имя этого выдающегося ученого, педагога, организатора экономико-географической науки является не только гордостью географического факультета, Московского университета, но и всей России.

Юлиан Глебович родился в Москве в семье служащих, вырос и воспитывался в семье деда – Леонида Ивановича Саушкина, известного в Москве учителя математики.

Этап становления Ю.Г. Саушкина как профессионального экономико-географа (1927–1937 гг.) прошел в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ). В 1928 г. семнадцатилетним юношей он поступил на географическое отделение физико-математического факультета МГУ. Во время учебы в университете большое влияние на формирование творческой личности Ю.Г. Саушкина оказали профессора Московского университета С.В. Берштейн-Коган, А.А. Борзов, С.Г. Григорьев, В.А. Каменецкий, Б.М. Каминский, А.А. Крубер, А.А. Рыбников, Б.С. Урланис. Особое место в жизни Юлиана Глебовича занял Н.Н. Баранский – крупнейший советский экономико-географ, основатель отечественной районной школы экономической географии и кафедры экономической географии в Московском университете, который открыл перед своим учеником широкие горизонты научного творчества. Ю.Г. Саушкин был захвачен географическими идеями и личностью Н.Н. Баранского и до конца своих дней шел по пути, который наметил в науке его учитель. В 1932 г. Ю.Г. Саушкин в числе первых выпускников кафедры экономической географии окончил университет и был оставлен для научной работы в НИИ географии МГУ. Исключительное значение для формирования в этот период Ю.Г. Саушкина как ученого имело его участие в многочисленных экспедиционных исследованиях в Казахстане, на Урале, Дальнем Востоке. Исследования ключевых объектов, на которые нацеливал Н.Н. Баранский, работа в поле, сбор и обобщение разносторонних материалов о природе, хозяйстве, жизни людей необыкновенно расширяли географический кругозор, наполняли конкретным содержанием представления о важности комплексного подхода в географии. По экспедиционным материалам были опубликованы и первые научные статьи Ю.Г. Саушкина.

Следующий этап творческой жизни (1937–1947 гг.) Ю.Г. Саушкина связан с Московским государственным педагогическим институтом имени В.И. Ленина (МГПИ). Н.Н. Баранский еще в студенческие годы высоко оценивал способности своего ученика. Поэтому не случайно в 1937 г. после присуждения Ю.Г. Саушкину ученой степени кандидата географических наук он пригласил его на должность доцента 2-го МГУ (МГПИ), а в 1939 г. передал ему там заведование кафедрой экономической географии.

В 1941 г. Ю.Г. Саушкин добровольцем ушел на фронт в составе Фрунзенской дивизии народного ополчения: в бою под деревней Суборово Смоленской области был тяжело ранен и вернулся после госпиталя в Москву, где продолжил работу в институте и стал деканом географического факультета.

Разносторонняя деятельность Ю.Г. Саушкина в МГПИ оказала большое влияние на развитие школьной географии: как и Н.Н. Баранского, его отличало требование к будущим учителям географии творческого отношения к педагогическому процессу, широкой культуры, глубокого понимания сущности географических явлений. Он ведет большую работу среди учителей Москвы, дает открытые уроки в школах, показывая яркие примеры умелого преподавания географии.

Параллельно с работой в МГПИ Ю.Г. Саушкин в 1945 г. возглавляет Государственное издательство географической литературы «Географгиз», которое сыграло важную роль в развитии географии и распространении географических знаний в нашей стране.

После десятилетней работы в МГПИ Ю.Г. Саушкин переходит на географический факультет МГУ уже как сформировавшийся ученый, имеющий солидный опыт научной, педагогической и организационной работы. В 1947 г. он защищает докторскую диссертацию и в том же году по рекомендации Н.Н. Баранского становится профессором, а затем заведующим (1948–1981 гг.) кафедрой экономической географии СССР. Именно в этот период раскрывается талант Ю.Г. Саушкина как ученого, педагога и организатора экономико-географической науки. Он становится признанным лидером советской экономической и социальной географии.

Деятельность Ю.Г. Саушкина в Московском университете многогранна и плодотворна. Он активно занимается педагогической деятельностью, читает оригинальные курсы лекций и готовит учебники для университетов страны по учебным дисциплинам «Введение в экономическую географию» и «История и методология географической науки», ведет теоретический семинар по экономической и социальной географии. Яркие, всегда насыщенные новым материалом лекции Ю.Г. Саушкина были поистине блестящими. В какой бы аудитории он ни выступал, он умел «захватить» слушателей, увлечь их богатством мысли, темпераментом изложения, мастерством и живостью образов и аналогий. Лекции Ю.Г. Саушкина не только обогащали новыми знаниями, но и стимулировали творческую активность студентов, побуждали их к размышлениям и поискам.

Ю.Г. Саушкин выступал с лекциями и докладами в десятках университетов, на многочисленных конгрессах, симпозиумах, конференциях в СССР и за рубежом. Его лекции на географических факультетах, работа в качестве председателя государственных аттестационных комиссий в многочисленных университетах страны были исключительно успешны. Формированию экономико-географических «гнезд» во многих университетах и институтах страны способствовала работа Ю.Г. Саушкина по подготовке кадров высшей квалификации: под его руководством подготовлено более 50 кандидатских и 10 докторских диссертаций, работали десятки отечественных и иностранных стажеров. Всем им он оказывал неоценимую помощь консультациями и советами.

Среди публикаций Ю.Г. Саушкина (свыше 500) особо выделяются его авторские научные монографии и учебники.

Первой среди них следует назвать его докторскую диссертацию, опубликованную в 1947 г. под названием «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» [5]. Этот труд является образцом синтеза данных физической, экономической и социальной географии. В нем Юлиан Глебович дает комплексное географическое описание типов сельскохозяйственной деятельности в различных природных условиях, анали-

зирует взаимосвязь окультуренной природы, сельского расселения и главных черт сельского хозяйства. Книга была высоко оценена многими отечественными географами, в т.ч. Н.Н. Баранским и Л.С. Бергом, и не потеряла своей актуальности в настоящее время. К рассмотренным в ней проблемам анализа и прогноза взаимодействия природы, хозяйства и населения Ю.Г. Саушкин возвращался на протяжении всей своей дальнейшей научной деятельности.

В 1958 г. выходит первое издание фундаментального университетского курса «Введение в экономическую географию» (второе издание – 1970 г.) [6], который Юлиан Глебович читал для студентов 1 курса географического факультета Московского университета с 1952 г. почти сорок лет. В нем Ю.Г. Саушкин дает общее представление об экономической географии, ее связях с физической географией и другими науками, комплексное представление о ее научном методе и основных этапах развития. Большое внимание уделяется анализу взаимодействия производства и природной среды, рассматриваются основные вопросы географии населения земного шара, проводится хозяйственная оценка важнейших элементов географической среды, играющих важную роль в производстве: земной коры и ее ресурсов, климата, гидросферы, органического мира суши. Значение этого учебника для подготовки географов трудно переоценить: на многие десятилетия он стал базовым для университетов как нашей страны, так и некоторых зарубежных (переведен на польский, румынский, итальянский языки).

В 1970-е гг. Ю.Г. Саушкин создает две фундаментальные книги по общим вопросам экономической географии и теоретическим и методологическим проблемам географии в целом: «Экономическая география: история, теория, методы, практика» [11] и «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» [13]. Эти уникальные обобщающие труды внесли большой вклад в развитие географической науки, отразили огромную эрудицию автора (первая из этих книг, например, опиралась на 800 источников на русском и иностранных языках). Они содержат исключительное богатство мыслей, суждений, оценок, мимо которых не может пройти ни один исследователь, занимающийся теорией и методологией географии. Главная идея этих книг – борьба за единство и целостность географии, за развитие ее теоретических основ, за разработку и применение новых подходов и методов. «Интеграция науки, – писал Ю.Г. Саушкин, – состоит не в том, чтобы уничтожить ветви, образовавшиеся в процессе ее дифференциации, а в том, чтобы объединить их общими теоретическими позициями, общим фундаментом. Иначе география потеряет свое значение фундаментальной науки и превратится в набор прикладных наук» [13, с. 10]. Эти суждения выглядят актуальными и для наших дней. Ю.Г. Саушкин отмечал, что современная экономическая география – это наука о процессах формирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем и о прогнозировании и управлении этими системами. Именно такое определение социально-экономической географии стало классическим в настоящее время.

Ю.Г. Саушкин был не только теоретиком, но и крупнейшим историком географической науки. Большая заслуга Ю.Г. Саушкина в том, что он рассматривал становление и развитие теоретических основ географии в целом, и экономической географии в частности, через призму целостного исторического подхода. До сих пор изданный в 1976 г. его курс лекций «История и методология географической науки» [12] остается лучшим учебным пособием по соответствующей дисциплине для студентов-географов всех университетов страны.

Ю.Г. Саушкин обладал редким даром видеть новое, подхватывать и развивать перспективные идеи, поддерживать новые направления в науке. Многие идеи в разных областях нашей науки получили развитие благодаря именно его поддержке.

Развитию теории географической науки, формированию новых направлений в географии были посвящены теоретические исследования Ю.Г. Саушкина, опубликованные в его статьях во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг., в т.ч. в соавторстве с В.М. Гохманом, Б.Л. Гуревичем, А.М. Смирновым и другими учеными [1, 2, 3, 10]. В них нашли отражение актуальные для этого этапа развития географии проблемы внедрения математических методов, системно-структурного подхода, становления теоретической географии и метагеографии. Все эти работы можно по праву отнести к новаторским. Они оказали большое влияние на внедрение в нашей стране формализованных подходов и количественных методов в экономико-географических исследованиях, способствовали новому осмыслению объекта и предмета изучения экономической и социальной географии (территориальные социально-экономические системы и структуры разных видов), послужили стимулом для ученых разных направлений по их изысканиям в сфере теоретической географии и метагеографии. Ю.Г. Саушкин отмечал, что теоретическая география и метагеография формируются как области географической науки наиболее общего, теоретического характера, без развития которых дальнейшее углубление теоретических исследований в географии становится невозможным. Он полагал, что область теоретической географии – выявление наиболее общих законов и закономерностей формирования и развития территориальных систем и структур, изучаемых географией. Целью же метагеографии Юлиан Глебович считал разработку общих основ географии как науки, выявление ее собственных сущностных свойств, самоидентификации и места среди других наук, определение задач и перспектив развития.

Ю.Г. Саушкин одним из первых поставил вопрос о формировании такого нового научно-прикладного направления исследований, как географическое и экономико-географическое прогнозирование [4,9]. Задачи географического прогнозирования он рассматривал очень широко: «Географический прогноз как целое ставит задачей научно определить, каковы должны быть в перспективе интегральные подсистемы, то есть как в пространственно-временных системах различных групп стран, конкретных стран, районов, городов, групп ландшафтов и отдельных ландшафтов сложится взаимодействие природы, населения, хозяйства» [12, с. 379].

Большое значение имеют работы Ю.Г. Саушкина по географическому районированию. Помимо его большого вклада в изучение истории экономического районирования [8], особо следует отметить его работу по природно-хозяйственному районированию СССР [14], в которой Юлиан Глебович еще раз доказал свое мастерство и талант проведения реальных комплексных географических исследований.

Ю.Г. Саушкин разрабатывал и другие вопросы теории экономической и социальной географии, в т.ч. связанные со структурой и процессами развития территориальных хозяйственных систем, территориально-производственными комплексами и циклами, географией населения и городов.

Продолжая традиции Н.Н. Баранского, Ю.Г. Саушкин придавал большое значение социально-экономической картографии. При этом он подчеркивал необходимость при составлении карт опираться на теоретические труды в области экономической и социальной географии. В одной из своих последних статей [15] Юлиан Глебович перечислил сорок шесть явлений, которые охватывает экономическая и социаль-

ная география в четырехмерном пространстве-времени. Ю.Г. Саушкин был сторонником широкого использования в экономико-географических исследованиях картографических произведений и сам неоднократно принимал участие в их создании, в т.ч. научно-справочных атласов по Целинному, Тюменскому и Алтайскому краям. Он живо откликался на картографические новинки статьями и рецензиями.

Особое место среди работ Ю.Г. Саушкина занимают книги о Москве. Москву он любил страстно, еще с детских лет. Поэтому не случайно посвятил ей одну из лучших своих книг. В 1950 г. Ю.Г. Саушкин опубликовал первую книгу о Москве под редакцией Н.Н. Баранского [7], которая выдержала четыре издания и была переведена на многие иностранные языки (английский, испанский, японский и др.). А в 1983 г., уже после кончины Ю.Г. Саушкина, вышла написанная им в соавторстве с В.Г. Глушковой монография «Москва среди городов мира» [16] – широкое экономико-географическое исследование столицы, развитие и особенности которой проанализированы в сравнении с крупнейшими городами мира.

Исключительно многогранна и плодотворна редакционно-издательская деятельность Ю.Г. Саушкина. В 1948–1960 гг. он был главным редактором журнала «География в школе» и достойно продолжил здесь работу Н.Н. Баранского по консолидации сил географов высшей и средней школ, развитию творческого географического мышления и оказанию помощи школьным учителям географии на самом высшем научном уровне.

Ю.Г. Саушкин внес большой вклад в издание «Вопросов географии» – одной из наиболее авторитетных географических серий научных сборников. Он был ответственным редактором 14 выпусков «Вопросов географии», среди которых такие, как «География населения» (1949), «Центрально-промышленный район» (1960), «Экономическая география СССР в перспективе» (1962), «Проблемы школьного курса географии» (1971), «Теоретическая география» (1971) и др.

Большое значение Ю.Г. Саушкин придавал научным публикациям в журнале «Вестник Московского университета. Серия География», активным членом редколлегии которого был на протяжении многих десятилетий (с 1962 г.). В этом журнале Юлиан Глебович опубликовал несколько десятков своих статей, заметок, рецензий, среди которых можно выделить не только его собственные научные разработки (например, «Прогноз в экономической географии СССР», «Территориальное сочетание энергопроизводственных циклов», «Природно-хозяйственные районы Советского Союза»), но и целую серию проблемных статей, посвященных актуальным проблемам развития географической науки и подготовленных с соавторами («Математический метод в географии», «Геосистемы и геоструктуры» и др.).

Ю.Г. Саушкин придавал большое значение изданию комплексных географических работ, участвуя в редколлегии таких изданий географического факультета МГУ, как «География в Московском университете за 200 лет» (1955), «Труды Прикаспийской экспедиции» (1957), «Методы географических исследований» (1960), «Синтетические карты населения и экономики» (1972) и др.

Ю.Г. Саушкин принимал также самое активное участие в написании и научном редактировании коллективных экономико-географических монографий, среди которых такие известные, как «Отечественные экономико-географы» (1957) и «Экономическая география в СССР. История и современное развитие» (1965).

Труды Ю.Г. Саушкина получили широкое международное признание. Его книги и статьи переведены на многие иностранные языки. Он прекрасно знал мировую ге-

ографическую литературу, поддерживал контакты с зарубежными учеными, популяризировал со многими из них, умело отстаивая позиции отечественной географии. С лекциями Ю.Г. Саушкин выступал в университетах США, Великобритании, Норвегии, Индии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Югославии и других стран. Он активно участвовал в работе шести Международных географических конгрессов, руководил работой секций экономической географии, был членом и руководителем ряда рабочих групп и комиссий Международного географического союза. Он пользовался большим авторитетом среди ведущих экономико-географов мира.

Вклад Ю.Г. Саушкина в развитие географической науки широк и разносторонен. Являясь наиболее крупным и авторитетным после Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского преемником и продолжателем их идей, он в значительной степени способствовал тому, что эти подходы получили приоритетное развитие в отечественной географии.

Ю.Г. Саушкин внес большой вклад в развитие методологических и теоретических основ географии в целом, и социально-экономической географии в частности. Огромная эрудиция и энциклопедичность сочетались в нем с неугасающим интересом ко всему новому и перспективному. Его усилия по внедрению в отечественную географию новых методологических и теоретических подходов, методов исследований, становлению новых направлений исследований были осязаемыми и плодотворными.

В то же время, Ю.Г. Саушкин страстно и с большой научной убежденностью отстаивал основы и принципы районной школы экономической географии, заложенные его учителями. Следуя традициям школы Баранского – Колосовского, он много сделал для осуществления географического синтеза, развития комплексных географических исследований. Юлиан Глебович всегда подчеркивал географическую сущность собственно экономической географии, целостность системы географических наук, необходимость тесных взаимосвязей между ее разными ветвями. Ю.Г. Саушкин создал исключительные по широте и яркости изложения обобщающие географические работы, имеющие важное значение для развития теории социально-экономической географии и географии в целом.

Своими книгами, лекциями, активным участием в научных форумах, разносторонней организационной деятельностью, Ю.Г. Саушкин в высокой степени способствовал росту престижа географии как в нашей стране, так и за рубежом.

Вся жизнь Ю.Г. Саушкина была примером подлинного служения науке. В год его столетия коллеги и ученики с благодарностью вспоминают время совместной работы и отдают дань глубокого уважения ученому и учителю. Научная, педагогическая, редакционно-издательская и организационная деятельность Ю.Г. Саушкина столь значительна, что он по праву может быть назван одной из наиболее крупных и ярких фигур в истории географической науки.

Е.Н. Перцик, В.Е. Шувалов

Библиографический список

1. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии // Вопросы географии: Сб. 77. – М., 1968.
2. Гохман В.М., Саушкин Ю.Г. Современные проблемы теоретической географии // Вопросы географии: Сб. 88. – М., 1971.
3. Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Математический метод в географии // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1966. – № 1.

4. Звонкова Т.В., Саушкин Ю.Г. Проблемы долгосрочного географического прогноза // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1968. – № 4.
5. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947.
6. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958 (2-е изд., доп. и испр. – 1970).
7. Саушкин Ю.Г. Москва. Под ред. Н.Н.Баранского. – М.: Географиз, 1950 (4-е изд. – 1964).
8. Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
9. Саушкин Ю.Г. Прогноз в экономической географии // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1967. – № 5.
10. Саушкин Ю.Г., Смирнов А.М. Геосистемы и геоструктуры // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1968. – № 5.
11. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
12. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
13. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980.
14. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1980. – № 4.
15. Саушкин Ю.Г. Проблемы взаимодействия экономической и социальной географии с социально-экономической картографией // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1981. – № 1.
16. Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира: экономико-географическое исследование. – М.: Мысль, 1983.

**Ю.Г. САУШКИН
И СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ**

«ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» – ПОСЛЕДНЕЕ НЕЗАВЕРШЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Ю. Г. САУШКИНА

В 2011 г. географическая общественность России отмечает 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного экономико-географа, одного из наиболее ярких продолжателей отечественной районной школы экономической географии Юлиана Глебовича Саушкина.

В этой связи к юбилейной конференции, проводимой в Смоленском гуманитарном университете, выходит из печати книга Ю.Г. Саушкина «Географическое мышление» – незаконченное произведение ученого, показывающее широкий масштаб ученого, задумавшего столь объемное и насыщенное издание¹. К сожалению, автор успел написать только около 5 глав книги, посвященные ранним периодам своей жизни (детству и студенческим годам), а также три главы, характеризующие активную педагогическую и научную деятельность ученого в масштабе нашей страны («Лекции в своей стране») и мировой географии («Лекции в ближних странах» и «На дальних берегах»).

Читая написанные главы, в которых по необходимости с доскональной подробностью дается описание определенных этапов жизни и деятельности ученого, глубоко анализируется вклад в развитие науки ведущих специалистов в различных областях географической науки и смежных направлениях, можно представить, что целиком написанное данное произведение было бы уникальным изданием, повествующим об особенностях развития отечественной географии (и экономической географии, в частности), о роли советской географической мысли в мировой науке, о ключевых направлениях географической науки.

Помимо пяти написанных глав, Ю.Г. Саушкиным был подготовлен подробный (на 1,5 п.л.) конспект всей книги, в котором он с большой тщательностью расписал содержание практически всех глав книги. Этот план является уникальным самостоятельным научным произведением, из которого прослеживаются не только биографические сюжеты автора, но и многочисленные моменты, связанные с историей развития географической науки в нашей стране. Кроме того, в нем предлагается, хотя и краткий, но очень емкий по содержанию разбор отдельных методологических подходов, связанных с различными направлениями географической науки.

Не случайно книга, сочетающая в себе, биографические, историко-географические и научно-методологические сюжеты была названа автором «Географическое мышление» (другое, предложенное автором название книги – «Географическая мысль: поиск, сущность, значение»). Через большинство раскрытых в плане книги глав проникает идея географического мышления в различных (иногда даже неожиданных) сюжетах.

Все главы книги можно разделить на две крупные группы: биографические, основная цель которых показать роль и место Юлиана Глебовича на том или ином этапе его трудовой деятельности, и научно-проблемные, в которых основной упор делается на конструктивный анализ различных направлений географической науки. Хотя, почти все главы в той или иной степени пронизаны сочетанием обоих направлений.

Попытаемся вкратце проанализировать некоторые, наиболее яркие моменты, которые на наш взгляд выделяются в развернутом плане.

Среди глав, непосредственно посвященных деятельности ученого, особое место занимают первые главы, написанные автором целиком – «Из семьи в университет, чтобы стать географом» и «Студенческие годы в Московском университете». Здесь можно не только проследить становление Юлиана Глебовича как будущего и формирующегося экономико-географа, но и окунуться в ту атмосферу, которая царила на рубеже 1920–1930 гг. в географической науке и образовании. Ведь, автор был непосредственным участником наиболее важных моментов, сыгравших ключевую роль в современной науке. С одной стороны, географическое отделение, на которое пришел учиться Юлиан Глебович в поиске «взаимодействия», на тот момент представляло собой плеяду выдающихся учеников Д.Н. Анучина, основоположника университетской географической науки в нашей стране. С другой стороны – это выход книги Н.Н. Баранского «Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана» (1926 г.), создание кафедры экономической географии в МГУ (на которой Юлиан Глебович был в числе студентов 2-го ее выпуска), последующее правительственное решение о реформе географического образования в средней и высшей школе (1934 г., правда, она состоялась уже после окончания Ю.Г. обучения на кафедре, в период начала его активной работы). Фактически на его глазах, и, возможно, при его непосредственном участии (сначала в качестве студента), была заложена современная конфигурация географического образования, которая путем дальнейшей эволюции и преобразования сохранилась до начала XXI века.

Непосредственным продолжением главы, посвященной студенческим годам, была задумала глава «Николай Николаевич Баранский», посвященная главному Учителю Юлиана Глебовича, достойному продолжателем идей которого он являлся на протяжении всей своей жизни. Биографии и творчеству своего учителя посвящено немало работ в библиографии ученика, наиболее классическая из которых была не раз опубликована им в различных вариациях в изданиях, посвященных как истории экономико-географической науки, так и в двухтомнике Н.Н. Баранского, вышедшего к его 100-летию². Большое внимание роли Н.Н. Баранского он уделял и в своих крупных работах. В географической серии «Вестника Московского университета» в 1981 г. была опубликована другая оригинальная статья Юлиана Глебовича об Учителе «Уроки Николая Николаевича Баранского».

Важным направлением географических исследований в период становления современной науки были полевые географические (и экономико-географические) экспедиции. Фактически становление Ю.Г. Саушкина как ученого проходило при его активном участии в таких исследованиях. В главе «Первые экономико-географические и комплексные экспедиции» автор предполагал осветить важность этого направления, особенно комплексных экспедиций, идеологами проведения которых были Н.Н. Баранский и А.А. Борзов, как авторитетные руководители экономико- и физико-географических направлений в МГУ. В конспекте автор упоминает первые экспедиции, в которых он либо сам принимал участие, либо те, которые были важными этапами развития географической науки в нашей стране. Он говорит о необходимости не только практических, но и теоретических выводов по итогам исследований, упоминает те научные статьи, которые были посвящены истории и методике проведения подобных мероприятий.

К следующему блоку глав биографического характера следует отнести 4 главы: «Работа в Педагогическом институте», «Географический факультет Московского университета», «Кафедра экономической географии» и «Географическое издатель-

ство». Общая особенность этих глав состоит в том, что они посвящены трем основным местам работы автора: МГПИ им. В.И. Ленина, МГУ и Географгиз.

В МГПИ Юлиан Глебович начал работать в 1937 г. сначала доцентом (после присуждения ученой степени кандидата географических наук без защиты диссертации), а затем (с 1939 г.) – заведующим кафедрой экономической географии, а после демобилизации с фронта в результате ранения 1942 г. – деканом географического факультета. В главе, посвященной МГПИ, автор предполагал не только охарактеризовать деятельность факультета в тот период, но и показать роль педагогических институтов в подготовке кадров, особенности их взаимодействия с классическими университетами, перспективы этого взаимодействия на современном этапе.

Основная трудовая деятельность Юлиана Глебовича прошла на географическом факультете МГУ и, непосредственно, на кафедре экономической географии СССР, которую после защиты докторской диссертации он возглавлял на протяжении более 30 лет. Подробный конспект задуманной главы о факультете включает не только исторические моменты, связанные с деятельностью факультета в целом (преобразование географического отделения сначала в почвенно-географический факультет (1933 г.), образование самостоятельного географического факультета (1938 г.), переезд в новое здание на Ленинских горах (1953 г.) и т.д.), но и предполагал характеристику основных научных школ, сформировавшихся на факультете, наиболее выдающихся ученых, внесших существенный вклад в развитие географической науки, анализ основных направлений научных исследований факультета за 40-летнюю его историю и т.п. Кроме того, здесь же предполагалось провести анализ взаимоотношений вузовской и академической географической науки в Москве (Геофак – Институт географии АН СССР).

В главе, посвященной кафедре экономической географии (ее название подразумевалось именно так, как была кафедра основана изначально), предполагалось показать более чем 50-летнюю историю коллектива, основные направления ее деятельности, дальнейшие перспективы по развитию географической науки и образования и ее роль в формировании отечественной экономико-географической школы. Первому этапу развития кафедры была посвящена была статья Юлиана Глебовича, опубликованная в 1955 г.³ и впоследствии вошедшая в «Избранные труды» (2001) ученого. Некоторые аспекты были отражены и в более поздних его крупных работах.

Третье место трудовой деятельности Ю. Г. Саушкина – Географическое издательство (Географгиз) также должно было быть отражено в книге самостоятельной главой. В конспекте он указывает причины создания в 1945 г. специализированного издательства, связанные с недостатком географической культуры и географического мышления в обществе, необходимостью прививать подобные навыки широкой общественности. Будучи на протяжении нескольких лет первым директором Географгиза Юлиан Глебович принимал непосредственное участие в популяризации географических идей путем издания и переиздания трудов классиков отечественной географии, подготовке новых научных и научно-популярных книг по всем направлениям географической мысли. Отмечая факт реформы ОГИЗа и вхождения в 1964 г. Географгиза в издательство «Мысль» он лишь коротко в конспекте отметил: «“Мысль” – не до географической мысли», тем самым указывая на снижение роли издания географической литературы в рамках крупного издательства по социально-экономической тематике.

Говоря об издательской деятельности сразу же следует упомянуть еще две главы книги, основной предмет которых непосредственным образом связан с научной и педагогической деятельностью Юлиана Глебовича: «Журнал "География в школе"» и «Вопросы географии».

Журнал был организован Н.Н. Баранским одновременно с выходом Постановления о преподавании географии в школе в 1934 г. и Юлиан Глебович с самого первого номера был активным автором этого авторитетного периодического издания, выходящего до сегодняшнего дня. Именно «Географию в школе», как самый крупный по аудитории читателей профессиональный журнал он на первых порах считал проводником «географического мышления», благодаря сочетанию в нем среди авторов как крупных ученых (А.Е. Ферсман, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг и др), вузовских профессоров, так и представителей учительства и краеведов. Все это позволяло сохранять широкую гамму тематики, представляя ее не только в виде научных статей и обзоров, но и в варианте открытых уроков, консультаций, публикации хроники событий, проходящих в стране и в мире и имеющих отношение к географическому мышлению. На протяжении 12 лет (с 1948 по 1960 гг.) Юлиан Глебович был главным редактором этого издания, стараясь сохранить те традиции и тот дух журнала, которые сформировались на первом этапе его развития.

Следующая важная глава, посвященная одновременно издательской и научной деятельности ученого – «Вопросы географии». Стоя у истоков их создания в 1946 г., как органа Московского филиала ВГО (а позднее, ГО) СССР, в качестве одного из членов редколлегии и директора Географгиза, где они издавались, Юлиан Глебович в этой главе своей книги планировал провести глубокий анализ тематики и содержания этой серии. В 1960 г. им уже был проведен доскональный обзор первых пятидесяти сборников⁴, но к моменту написания книги в начале 1980-х было выпущено уже более 110 сборников, анализ содержания которых требовал особого внимания. Из конспекта чувствуется отношение к смене идеологии, которая проводилась в серии по мере их выхода, указываются положительные и негативные, по мнению автора, аспекты, связанные с ними.

Педагогическую деятельность Юлиана Глебовича помимо уже некоторых упомянутых выше глав, отражает еще несколько задуманных автором разделов книги. Глава «Аспиранты и диссертации. Докторские диссертации» задумывалась как подведение некоторых итогов и анализ сложившейся ситуации профессиональной подготовки кадров высшей категории. Конспект этой главы начинается словами автора об аспирантуре, как «прекрасном явлении в жизни молодого ученого», которых в подобном формате не было у самого Ю.Г. Саушкина. В этой главе он указывает, что под его руководством защитилось более 50 кандидатских диссертаций⁵, хотя он и принимал участие в качестве консультанта в значительно большем количестве работ. В главе предполагался анализ тематики работ, характеристика наиболее ярких аспирантов и тем диссертаций. Определенное внимание планировалось уделить защитам докторских диссертаций, поделиться особенностями некоторых наиболее известных и оригинальных защит, привести размышления о критериях работ, сопоставить их с опытом зарубежных университетов. Также в этой главе, Юлиан Глебович планировал охарактеризовать деятельность ВАКа, в котором на протяжении длительного времени он состоял членом экспертной комиссии по географии.

С одной стороны педагогической деятельности, а с другой стороны – особенностям взаимоотношения экономико-географов МГУ, и в частности самого Ю.Г. Сауш-

кина, посвящена серия глав книги, которые повествуют о его роли в развитии географического образования и науки в нашей стране, а также за рубежом.

Глава «Лекции в своей стране» повествует о многочисленных поездках Юлиана Глебовича по университетам Советского Союза, в которых он читал курсы лекций, некоторые из которых впоследствии стали основной для самостоятельных публикаций автора, как было с книгой «Лекции по экономическому районированию СССР» (М., 1960), которая появилась благодаря прочитанному в Одессе курсу лекций. В этой же главе он характеризует особенности некоторых географических коллективов, сложившихся во многих университетах СССР. С этой главой перекликается в некоторой степени и задуманная глава «Географические “гнезда”», конспект которой автор начинает с указания на «один из рычагов географической стратегии – размещение по территории страны основных научных сил географов, проводящих линию укрепления географического мышления». Имеющееся разнообразие, с одной стороны, и дефицит географических «гнезд» в отдельных регионах, с другой – он предполагал раскрыть, проанализировав все имеющиеся центры географической науки и образования, как на территории Российской Федерации (начиная с Москвы), так и в союзных республиках, в некоторых из которых наряду с университетами существенную роль играли и республиканские академические институты.

Три главы книги посвящены особенностям взаимоотношения Ю.Г. Саушкина с представителями мировой географической науки. Главы «Лекции в ближних странах» (написана целиком) и «На дальних берегах» (незаконченная) освещают поездки ученого в социалистические страны Европы и в США и Канаду, соответственно. В них показаны не только деятельность Юлиана Глебовича во время поездок, но и характеризуется вклад зарубежных ученых в мировую географическую науку, схожие и противоречивые взгляды на развитие географии в разных странах.

К этому же блоку глав можно отнести и главу «На международных географических конгрессах», которая в конспекте раскрыта с достаточно высокой степенью подробности. Предваряя эту главу историческим экскурсом о роли нашей страны в международном географическом сообществе, далее автор планировал подробно рассказать о тех 4-х конгрессах, на которые он ездил в качестве участника: в Бразилию, Швецию, Великобританию и Индию. В конспекте можно проследить ту роль, которую играли советские делегации на высших по своему статусу форумах географов мира. С особенной тщательностью в конспекте Юлиан Глебович показывает тематику тех выступлений, которые были озвучены советскими географами, а также наиболее яркие доклады зарубежных ученых. Также упоминаются и те путешествия по странам проведения мероприятий, которыми сопровождались конгрессы (экскурсии, проведение отдельных симпозиумов в различных городах).

Безусловно, особое место в этой главе должно было занимать повествование о XXIII Международном географическом конгрессе, который в июле 1976 г. проводился в Москве. Это самое крупное и масштабное географическое мероприятие за всю историю географии в нашей стране. Юлиан Глебович, как лидер отечественной экономической географии, был одним из ключевых людей по подготовке научной программы Конгресса, редактором и соредактором двух сборников материалов, посвященных количественным методам в географии (доклады симпозиума) и общей экономической географии. В конспекте, где описывается данное событие им с большой доскональностью указываются те многочисленные доклады по самым различ-

ным направлениям географической науки, на которые он, видимо, планировал обратить внимание при написании этого фрагмента главы.

Упомянутые выше главы незавершенной книги Ю. Г. Саушкина в большей мере выделены по биографическому принципу, но некоторое количество глав, в которых биографические и историко-географические положения также отражены, скорее можно было бы в первую очередь отнести к научным разделам книги. Она посвящена тем направлениям науки, работы по которым составили существенную долю научного наследия ученого в виде книг, статей, выступлений с лекциями и докладами.

Первому крупному научному исследованию Юлиана Глебовича должны была быть посвящена глава «Книга "Географические очерки"». Эта книга, вышедшая в 1947 г. в Географгизе, была докторской диссертацией, успешно защищенной автором в том же году в МГУ. Это уникальное географическое произведение, целью которого была комплексная характеристика 9 из 54 выделенных им хозяйственных районов Советского Союза. Из конспекта видно, что создание этой книги пришлось на середину 1940-х гг., после демобилизации с фронта в результате контузии, а идеи, раскрытые в ней, были обобщением предыдущего этапа исследовательской работы Ю. Г. Саушкина, преимущественно в предвоенный период. Составляя конспект по этой главе, автор сожалеет, что так и не удалось сделать подобную характеристику по всем выделенным районам, но при этом упоминает слова Н. Н. Баранского, который считал эту работу не столько экономико-географической, сколько общегеографической, как она и воспринимается до сегодняшнего дня.

Второе важное направление, нашедшее отражение в структуре книги – это географическое изучение городов и книги о Москве. Этому направлению посвящено не мало работ Юлиана Глебовича, который рассматривал не только методологические проблемы изучения городов, но и является одним из первых авторов книги о Москве (1950 г.) – городе, в котором он родился, вырос и который любил с детства. Также в этой главе он предполагал дать анализ имеющихся в отечественной экономико-географической литературе многочисленных работ по проблемам развития городов, урбанизации, вопросам районной планировки, а также наиболее ярких работ по отдельным городам и их региональным совокупностям.

Идеи, отраженные ученым в докторской диссертации, многочисленные участия в комплексных географических экспедициях заложили у Ю. Г. Саушкина позицию о необходимости единства географии, аналогичное «единству математиков, биологов, представителей других наук», называя это жизненной необходимостью. В главе «Единая география – сторонники и противники» Юлиан Глебович планировал раскрыть все перипетии этого вопроса, показать те исторические события, которые были направлены как на создание единой науки, так и те, которые препятствовали этому. Упоминая концепцию метагеографии, теоретической географии и геопространства, он достаточно критически оценивает те нападки, которые были со стороны оппонентов.

Карта, как говорил Н.Н. Баранский – это язык географии. С самого начала своей научной деятельности Юлиан Глебович не мог не уделять должного внимания картографическим методам и возможности их применения в экономической географии. В этой связи вполне очевидным является наличие в плане книги «Географическое мышление» главы «Географическая картография». В конспекте этой главы автор проводит оценку состояния этого направления науки, как в исторической ретроспективе, так и по наиболее крупным современным картографическим

произведениям и центрам проведения подобных исследований (как отраслевых, так и региональных), говорит о большой роли отдельных ученых в развитии отечественной картографии. Упоминает важнейшие издания, посвященные проблемам в том числе социально-экономического картографирования, а также обращает внимание на имеющиеся теоретические обобщения, посвященные картографическим моделям геопространства, математическим методам в картографии и др. В заключении конспекта этой главы он приводит свое краткое определение географической картографии, «как картографические работы, пронизанные географической мыслью и служащие опорой для нее».

Районированию – центральному звену экономической географии, лежащему в основе отечественной школы экономической географии, заложенной Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским, Юлиан Глебович планировал посвятить главу под названием «Проблемы районирования. Пространственные комплексы», в которой он предполагал дать (указывая это как продолжение упоминавшейся выше книги «Лекции по экономическому районированию СССР») исторический и тематический обзор имеющихся опытов районирования, как общегеографического, так и экономико- и физико-географического. Ю.Г. Саушкин, говоря о методологических проблемах районирования, обращает внимание на то, что «районирование есть отражение неоднородности», которое его усиливает. Важным направлением районирования он выделяет сопоставление различных сеток районирования, в первую очередь упоминая свою работу по сопоставлению сеток экономических и тектонических районов⁶ (чувствуется по комментариям и выделениям в тексте, что это воспоминание о трудной, но решенной задаче), а также природно-хозяйственные районы, работа по которым была опубликована Ю.Г. Саушкиным в 1980 г.⁷ В этой же главе он предполагал провести анализ роли районирования в планировании и управлении хозяйством, проводившиеся трансформации административно-политического деления страны и их взаимосвязи с проблемами районирования.

«Новые методы географических исследований» – так озаглавлена следующая глава книги Юлиана Глебовича. В 1960–1970-х гг. он был один из сторонников и активных сподвижников развития новых направлений как в экономической географии, так и в географической науке в целом, считая это одним из способов на пути к единству географии. Математическая география, метагеография, космическая съемка Земли – эти и некоторые другие направления, упоминающиеся в конспекте этой главы, по его мнению, служили стимулом дальнейшего развития науки. Большую долю в этой главе он планировал уделить роли Б.Л. Гуревича и других ученых, а также «казанской группе “математизированных” географов», оказавших существенное влияние на развитие новых направлений.

«Географические прогнозы» – также одна из глав предполагавшейся книги, посвященная одному из ключевых направлений географической науки второй половины XX в., несомненный вклад в которое было сделано Ю.Г. Саушкиным, Т.В. Зонковой и другими учеными. Важность и необходимость географических прогнозов, причем, как комплексных, так и покомпонентных, приставлялась ему крайне актуальной, особенно в эпоху научно-технического и социального развития, а также в связи с увеличением значения отдельных регионов страны и новых видов ресурсов в хозяйственном развитии.

Тема географического мышления проходит через все главы книги, но две главы непосредственно должны были быть посвящены этому явлению. Первая глава

«Географическое мышление среди других типов мышления» (к сожалению, она не раскрыта в конспекте) по всей видимости, должна была ввести это понятие в географический обиход, раскрывая его сущность и содержание. В главе «Географическое мышление в повседневной жизни» автор предполагал написать о «непрерывной, "обычной" жизни людей: о жизни низового района, области, республики ... с учетом местных условий». Здесь предполагалось сделать упор на фактор выбора места при размещении тех или иных объектов хозяйственного и социального назначения, о роли географического положения и границ, о важности дальнейшей разработки инженерной географии и комплексных инженерных географических исследований, охватывающих как природную среду, так и экономическое и социальное развитие. По словам автора, географ, способный оценить сочетание различных факторов на территории, должен быть обязательным штатным сотрудником на низовом уровне управления, а в масштабах страны необходимо создание единой географической структуры, координирующей эту деятельность. Сегодня об этом редко говорят, но потребность в подобных организациях и специалистах на местах не уменьшилась.

Заключительная глава книги должна была называться «Планетология» – это попытка развития в рамках географической науки нового направления, включающего изучение и прогноз всех компонентов природной и социально-экономической жизни на Земле в целом. «Острейшая необходимость планетологии для охраны Земли, для научно-обоснованного планирования, прогнозирования, управления развитием Земли», по мнению Юлиана Глебовича, является неотъемлемой составляющей комплексного географического изучения планеты. Автор выделил в рамках Земли 7 суперсистем, «состоящих из взаимосвязанных блоков», которые охватывают природные, экономические, социальные, политические и экологические компоненты. В связи с тем, что эта глава книги была посвящена в какой-то степени новому для Ю.Г. Саушкина направлению науки, то в конспекте он максимально подробно постарался изложить ее содержание, раскрыв каждую суперсистему. Но, к сожалению, имеющаяся рукопись обрывается при их характеристике. Видимо, имея представление, ученый не успел изложить свои идеи.

Таким образом, имеющийся развернутый план книги Юлиана Глебовича Саушкина «Географическое мышление», который так и не был им закончен, как и сама книга, в любом случае представляет уникальный интерес для географического научного сообщества, как яркий пример попытки глубокого осмысления состояния отечественной экономической географии, да и географической науки в целом, к началу 1980-х гг., когда, судя по содержанию, и был написан план книги и некоторые главы из нее.

В 1938 г. в журнале «География в школе» Н.Н. Баранским была опубликована небольшая заметка (которая позднее вошла в сборник его статей) под названием «Что понимать под выражением географическое мышление». В ней Николай Николаевич говорит о двух главных признаках данного понятия – это мышление, во-первых, привязанное к территории..., и, во-вторых, связанное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного "элемента" или "отрасли"⁸. Представляется, что Юлиан Глебович попытался в своей работе, задуманной, но, к сожалению, не законченной, развить эти идеи Учителя, раскрыв их на новом, более современном уровне. Это лишний раз подтверждает преемственность и дальнейшее развитие учеником идей своего Учителя.

Примечания

- ¹ Автор выражает глубокую признательность Н.В. Петрову – выпускнику кафедры экономической географии СССР МГУ, который в начале 1980-х гг. взял на себя труд расшифровать рукопись имеющих глав книги и плана, сохранив тем самым последнюю работу ученого для современных поколений географов.
- ² Саушкин Ю.Г. Николай Николаевич Баранский – его жизнь и деятельность по становлению советской экономической географии (к столетию со дня рождения – 1881–1981) // Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. С. 3–27.
- ³ Саушкин Ю.Г. Экономическая география в Московском университете // География в Московском университете за 200 лет. 1755–1955. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – С. 111–134.
- ⁴ Саушкин Ю.Г. Пятьдесят томов «Вопросы географии» // Историческая география / Вопросы географии. Сб. 50. – М.: Географгиз, 1960. – С. 3–14.
- ⁵ К сожалению, к настоящему времени не удалось пока составить полный список аспирантов Ю.Г. Саушкина. В период с первой половины 1960-х до 1980-х гг. под его непосредственным руководством было защищено примерно 44 кандидатских диссертаций. Информация по более ранним защищенным под его руководством кандидатских диссертациях пока полностью не найдена, но такое исследование продолжается.
- ⁶ Саушкин Ю. Г. Сопоставление сеток основных экономических и тектонических районов СССР // Экономическое районирование СССР / Вопросы географии. Сб. 47. – М.: Географгиз, 1959. С. 104–121.
- ⁷ Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1980. – №4. – С. 3–13.
- ⁸ Цит. по: Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. 2-е изд. – М.: Географгиз, 1960. – С. 143.

Гладкевич Г.И. (г. Москва)

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И ПРОИЗВОДСТВА В РАБОТАХ Ю.Г. САУШКИНА

Вопросы взаимодействия природы, населения и хозяйства – особая тема в научном наследии Ю.Г. Саушкина. Речь идет, прежде всего, о его известной книге, опубликованной ранее других, – «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» (1947), а также об учебном пособии – «Введение в экономическую географию», из девяти глав которой, семь напрямую содержат важнейшие суждения на эту тему.

«Диалектический процесс взаимодействия географической среды и производства должен быть исследован экономико-географом в конкретном его проявлении в разных странах, районах, городах, местностях, хозяйствах» [Саушкин Ю.Г. «Введение в экономическую географию». – М.: Изд-во Моск. ун-та», 1970. – С. 137], что может быть объединено понятием «территория».

Ученым подчеркивается важность в экономико-географическом исследовании *«комплексного подхода к изучению любой территории»* [Саушкин Ю.Г. Экономико-географические исследования. – Смоленск, 2001. – С. 43–54]. Опираясь на методологию комплексного подхода в числе таких свойств (помимо социально-экономических параметров) экономико-географам предлагается учитывать не только природные качества, определяемые принадлежностью к определенному природному комплексу или их сочетанию, но также совокупность тех *изменений* (здесь и далее выделено Г.И. Гладкевич), которые внесены в природу в результате хозяйственной деятельности, что можно было бы назвать степенью антропогенности ландшафта.

Приведем более детально высказывания Ю.Г. Саушкина по этому вопросу.

«Взаимодействие природы и человека является очень сложным: природа влияет на жизнь человека, но и человек изменяет природу, поэтому на человека воздействует измененная, «очеловеченная» природа, в которой соединились и ее собственные свойства и запечатленные в ней результаты труда, результаты ее изменения человеком, во многих случаях бесчисленного ряда поколений.

Особенно сильны «обратные» связи (воздействие измененной природы на человека), когда человек создает, расширяет и усложняет «искусственную» природу. Эта «искусственная» природа решающим образом влияет на многие стороны производственной и общественной деятельности людей.

Саушкин уточняет, что на развитие общества, на развитие производства влияет не какая-то абстрактная доисторическая природа, а современная, уже сильно измененная людьми географическая среда, в которой изменены не только отдельные естественные условия (поверхность, почвы, растительность, местные климатические условия и т. д.), но и их связи, природные комплексы [стр. 101, там же].

«К сожалению (пишет Ю.Г. Саушкин), некоторые наши естествоиспытатели до сих пор изучают природу, не принимая во внимание степени изменения ее людьми. С трудом еще прививается среди некоторых физико-географов правило: характеризовать географическую среду со всеми теми существенными историческими изменениями, какие внесло в природу человеческое общество на разных этапах своего развития.

Взаимодействие природы и человека развивается «по спирали»: каждый раз «встречаются» новая, измененная человеком географическая среда и новый по своим навыкам человек, вооруженный новыми орудиями производства, обладающий новыми знаниями для нового этапа активного изменения географической среды.

Таким образом, в 70-е годы прошлого столетия Ю.Г. Саушкин первым указывает на необходимость учета того обстоятельства, что человеку приходится иметь дело с воздействием на него измененной природы.

Почти параллельно М.А. Глазовская [Глазовская М.А. Способность окружающей среды к самоочищению, «Природа», 1979, №3] публикует работы по устойчивости геосистем, понимаемой как способности природных образований к сохранению своей структуры и поведения или их восстановлению после нарушения внешними факторами.

Геосистемы по-прежнему остаются природным образованием, но в отдельных из них техногенные факторы давят над природными, и появляется термин «геотехнические системы», а ландшафтно-геохимический прогноз, обращаясь к устойчивости геосистем, напрямую смыкается с проблемой нормирования антропогенных нагрузок.

Работа Ю.Г. Саушкина вышла раньше указанных публикаций, и он первым обращает внимание на то, что «... большое значение имеет степень «податливости» географической среды человеческому воздействию. «Спираль» поднимается вверх неодинаково быстро и высоко в различных географических условиях. В одних условиях географическая среда способна быстро запечатлеть в своих свойствах результаты труда предыдущих поколений и накапливать их, а в других условиях этого не происходит» [стр. 102, там же].

В живой природе в отношении организмов животного происхождения и в отношении людей территория обладает ограниченной емкостью, то есть не только регулирует размещение организмов, но и служит механизмом, лимитирующим их численность, исходя из возможностей жизнеобеспечения.

То же и в процессе хозяйственного использования: территория, когда территория, выполняя роль пространственного базиса деятельности общества, обладает условными границами так называемой емкости, которая соизмеряется со степенью экологической напряженности, оцениваемой как функция двух переменных: силы воздействия (антропогенной нагрузки), с одной стороны, и устойчивости *измененной* (по Ю.Г. Саушкину) природной среды к этому воздействию, с другой.

Общественная значимость различных видов использования территории неодинакова, что должно учитываться в хозяйственной практике. В каждом конкретном случае приоритет должен отдаваться тем видам использования территории, которые, с одной стороны, определяются наиболее насущными потребностями общества, а, с другой, – специфическими природными свойствами территории.

По мере развития общества по «*спирали*» (термин Ю.Г. Саушкина) система потребностей меняется. В первую очередь, должны реализовываться те функции территории, которые связаны с освоением и сохранением ее биологической продуктивности – природоохранная, аграрная, рекреационная, лесохозяйственная и т. д.

Для староосвоенных районов характерны периодически происходящие изменения функций мест. Это связано с появлением новых потребностей, которые не могут быть удовлетворены за счет уже развитых здесь функций. Задача науки придать процессу изменения функций прогрессивный ход.

Одна и та же функция может выполняться территориями разного типа. Чаще, – территория полифункциональна. Сочетание функций формирует определенные типы природопользования, которые дифференцируются по оказываемым на окружающую среду видам воздействия, их масштабу и последующей степени трансформации природной и социально-экономической среды.

С учетом сказанного, экологическое состояние территории следует соизмерять с *измененностью* (термин Ю.Г. Саушкина) природной среды, являющейся результатом реакции природной среды на определенный тип воздействия (определяемый совокупностью выполняемых территорией функций или типом природопользования) и устойчивости природной среды (способности природных ландшафтов к самоочищению, – по М.А. Глазовской) (рис. 1).

По отношению к соответствующим типам природопользования - промышленному, сельскохозяйственному, селитебному, рекреационному, природоохранному (дифференцирующимися по оказываемым на окружающую среду видам и масштабу воздействия и последующей степени трансформации природной и социально-экономической среды) – территория обладает определенной и различной емкостью, которая является свойством территориальной системы в целом и, в соответствии со свойством эмерджентности систем не может быть определена путем простого «сложения» ее составляющих. Определение территориальной (экологической) емкости основывается на фиксировании результатов воздействия различных видов хозяйственной деятельности и определении того уровня воздействия, при котором территориальная система переходит в состояние деградации.

Расчет нормы антропогенной нагрузки через соотношение интенсивно и экстенсивно используемых земель предложил Реймерс Н.Ф., рассчитавший, что в зоне южной тайги буферная территория, выполняющая или могущая выполнять экологическую функцию, должна составлять не менее 50%, а в зоне широколиственных лесов – всего 25% [Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М.: Россия молодая, 1994].

Рис. 1. Концептуальная схема исследования воздействия на природную среду.
Разработано автором.

Емкость лимитирует набор функций территории, масштабы их развития и, соответственно, интенсивность использования территории. Исчерпание емкости может произойти не только в результате превышения интенсивности использования территории, но и из-за усложнения пространственной структуры природопользования, что приводит, как правило, к формированию конфликтных ареалов.

Можно выделить следующие виды конфликтных ареалов: монофункциональные, полифункциональные и комплексные (рис. 2).

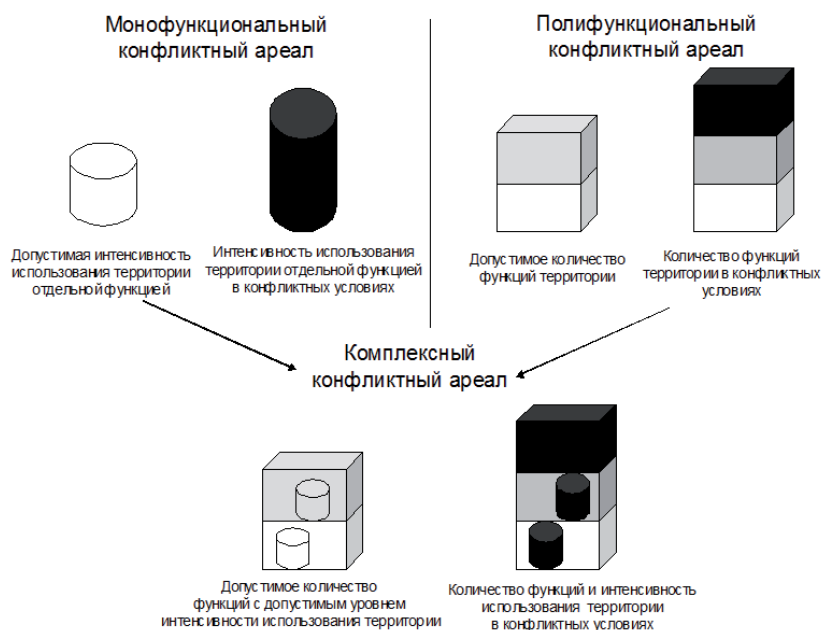

Рис. 2. Виды конфликтных ареалов

Таблица 1

Пути и способы устранения конфликтных ареалов

Основные пути устранения конфликтных ареалов	Способы устранения конфликтных ареалов	Вид конфликтного ареала
Снижение интенсивности использования территории	Сокращение масштаба воздействия	Полифункциональные
	Сокращение интенсивности использования территории до критериев ее экологической емкости	Монофункциональные
Разведение функций в пространстве	Создание буферных зон между функциями-антагонистами	Полифункциональные
Достижение экологического баланса	Дробление крупных монофункциональных ареалов природными объектами с охранным статусом	Монофункциональные
	Увеличение площади природоохранной функции до минимально необходимой	Полифункциональные и монофункциональные

Монофункциональный конфликт формируется как при интенсивном, так и экстенсивном способах использования территории. Это, например, сельскохозяйственная и рекреационная деятельность, использование леса в промышленных целях, т. е. так называемое «площадное» природопользование.

Полифункциональный конфликтный ареал формируется в зоне воздействия высоко интенсивных функций, распространение которых ограничено границами застройки (селитебная, транспортно-промышленная, некоторые виды рекреационной деятельности). Для его выявления важно определить характер пространственного сочетания функций друг с другом – симбиоз, соседство или антагонизм.

При симбиотических отношениях функции реализуются в одних и тех же территориальных границах и накладываются друг на друга. В случае соседства функции могут иметь общие границы. Функции, которые не могут совместно использовать территорию, являются антагонистами: селитебная и природоохранная, селитебная и транспортно-промышленная и т. д.

Устранение территориальных конфликтов – важная задача оптимизации природопользования. Можно предложить «интенсивный», «пространственный» и «экологический» пути решения проблемы (табл. 1). Важнейшее направление устранения конфликтных ареалов – «пространственное». Оно заключается в смещении (переносе) функций на «территории оптимального развития», в рамках которых их функционирование было бы наилучшим. Также возможно дробление крупных ареалов природными объектами, под которые отводятся не эффективные с точки зрения данных функций участки территории, например, дробление обширных сельскохозяйственных и рекреационных территорий и интенсификация производства на остальных площадях при условии, что усиление воздействия на этой части территории не приведет к деградации ее природной системы.

Примером разрешения полифункционального конфликта является «поляризация ландшафта» по Родману Б.Б. – модель развития территориальной структуры, в условиях которой природа не будет разрушаться под натиском роста городов, бла-

годаря созданию «буферных зон» между функциональными зонами-антагонистами [Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002].

Буферные зоны предназначены для «поглощения воздействия», которое оказывают на территорию высоко интенсивные функции – промышленная, транспортно-промышленная и селитебная.

«Смягчение» территориальных конфликтов в природопользовании базируется на стремлении к сохранению функций, обеспечивающих экологический баланс (экологическое равновесие) территории.

Гладкий Ю.Н. (г. Санкт-Петербург)

**«СВЕТОЧ ИСТИНЫ ОБЖИГАЕТ РУКУ НЕСУЩЕГО»
(к столетию со дня рождения Ю.Г. Саушкина)**

Все мы осознаем символическое значение фразы о том, что физическая смерть не властна над талантом. Увы, властна, ибо ушедший из жизни человек никогда не воскреснет, с ним невозможен разговор в диалоговом режиме, сегодня он не одернет онечестившихся политиков и «бизнесменов от деградирующей науки»... Поэтические образы, красивые гиперболы по отношению к гигантам мысли, конечно, уместны, но горькая действительность остается тем, чем она есть. Эта действительность становится особенно горькой, когда думаешь о Юлиане Глебовиче Саушкине, о большой и страстной Личности, об одном из подлинных фундаторов отечественной географии, об ученом транснационального масштаба.

Рисовать задним число его облик, равно как и пытаться дать оценку его кипучей и разносторонней деятельности, крайне трудно, к тому же – боязно сфальшивить. Был он при жизни человеком не только большим, но и сложным, со своим внутренним миром нераспесканных страстей, с очень непростым характером, «задиристым», неугомонным. Может быть, именно поэтому к нему применимы слова известного французского ученого конца 18 – начала 19 вв. Пьера Буаста: «Светоч истины часто обжигает руку того, кто его несет».

Скупые прижизненные строки из БСЭ проливают слишком мало света на истинную роль Юлиана Глебовича в нашей науке, на его заслуги перед отечественной наукой и географической общественностью. А они очень велики. Приведем поддержку из библиографического справочника А.В. Краснопольского, более «щедро» (хотя и несколько эклектично) отражающую заслуги мэтра: «...Автор 700 научных работ. Внес вклад в разработку проблем экономического районирования, истории и методологии географической науки, в становлении таких ее разделов, как теоретическая география и географический прогноз, социальные аспекты географии. Произвел методологический анализ системы географических наук и на примере конкретных территорий СССР показал неразрывную взаимосвязь деятельности населения с природными условиями. Разработал ряд вопросов теории экономической географии, связанных, в частности, со структурой и процессами развития территориальных систем (районов, городов, промышленных узлов), экономическим районированием, территориально-производственными комплексами.... Много внимания уделял формированию экономической и социальной географии,

социально-экономической картографии, применению математических методов в географических исследованиях» (8, с. 292–293).

Можно говорить о богатейшем творческом наследии Юлиана Глебовича, редком интеллекте, удивительном знании жизни, гуманизме, педагогическом и ораторском мастерстве, наконец, о совершенно фантастической энергии, которая удесятеляла его нравственные силы. Даже сегодня, в начале 21 века, в России все еще слишком редки ученые, обладающие чувством личной свободы, дающим им возможность не «стелиться» перед начальством и иметь независимое суждение, особенно по судьбоносным вопросам. Что же тогда говорить середине 20 столетия, когда вольнодумство могло закончиться весьма плачевно?

В этой связи нельзя не вспомнить о принципиальной и мужественной позиции Ю.Г. Саушкина, обозначившейся на «пике» страстей вокруг методологической возможности-невозможности единой географии в СССР, совпавших в начале 60-х годов с защитой докторской диссертации Всеволодом Анучиным. В защите (длившаяся 3 дня!) на стороне Анучина приняли участие видные философы, оппозицию возглавили физико-географы, категорически отрицавшие факт действия естественных законов в обществе, на чем, собственно, по мнению Анучина, базировался отрыв общества от природы и возводилась стена между естественными и общественными отраслями географии. Анучин тогда предостерегал от опасности «разбресть по отдельным, узкоцеховым чуланам и коконам», призывал к необходимости одновременного изучения и сопоставления природных и общественных процессов, об исследовании географической среды как целостного объекта.

«Досталось» и книге этого автора по теоретическим проблемам географии (1). Ощущая за своей спиной моральную поддержку не только Николая Баранского, но и Юлиана Саушкина, Всеволод Анучин формулирует следующую чрезвычайно важную мысль: «Причины такого специфического отношения к книге вполне понятны. Ведь признать правильность концепции единства географии одновременно означает признать необходимость отказа от привычных формулировок и положений, которые повторялись много лет. Признать правильность концепции единства географии означает необходимость пересмотра своих работ. А много ли после такого критического пересмотра останется в них действительно ценного для географии?» (2, с. 25).

Современная «географическая молодежь» вряд ли знакома с перипетиями одной изощренной, и весьма поучительной дискуссии по методологическим вопросам географии, вспыхнувшей на страницах «Литературной газеты» еще в 60-х гг. прошлого столетия, где весьма достойную позицию занял Юлиан Глебович. Дискуссию открыл опальный Всеволод Анучин (3), фактически в одиночку восставший против консервативно настроенных (и запуганных) деятелей советской географии (прежде всего, – академика Иннокентия Герасимова, директора института географии АН СССР), эгоистически отстаивавших сугубо естественный профиль науки и для которых определение географической среды как исключительно природного фактора являлось теоретической базой всех их научных изысканий. «Заужение» предмета географии, апеллирование лишь к природе без должного учета человеческого фактора, по его мнению, не могли обеспечить познание целого, «для этого нужна не только дифференциация», утверждал ученый, но и интеграция.

В дискуссии приняли участие Д. Арманд, В. Гохман, М. Горнунг, В. Ковалевский, И. Герасимов, И. Забелин (4, 5, 6, 7). Но в данном случае особый интерес представляет участие в упоминаемой дискуссии Юлиана Глебовича, чьи уроки, на-

ставления и, чего греха таить, благодетельствование (в нелегкое, идеологически «окрашенное» время) автор с благодарностью пронесит через всю жизнь. В отличие от некоторых «непоколебимых» и подчас – вовсе не «слепых» подручных партии, осудивших Анучина за «искривление» методологической линии советской географии, Саушкин в своей статье «Сегодня и завтра географии» (9) в условиях жестких идеологических тисков сумел не только честно и внятно изложить свою позицию, но и по существу взять под защиту опального «диссидента» (слегка чем-то напомнив известную миссию Вячеслава Ростроповича и Галины Вишневской в судьбе Александра Солженицына).

Дискуссию в «Литературной газете» Саушкин признал вполне своевременной и весьма полезной, добавив при этом: «Исключение, пожалуй, составляет статья академика И.П. Герасимова «Исчезла ли география?», написанная так, словно ее автор не задумывается над актуальными проблемами географии и не склонен смотреть далеко вперед. Мало того, судя по статье, академик И.П. Герасимов удовлетворен современным состоянием географии и не принимает на себя никакой ответственности за те серьезные промахи, которые были допущены в планировании географической науки и развитии разных ее направлений» (там же).

Изложив известный свой в те годы взгляд на предмет географической науки (как рассматривающей «в пространственном аспекте взаимодействие общества и природы, взаимные связи природных, технических и экономических процессов»), Саушкин (вслед за Геттнером) сравнил ее с важнейшим «мостом», соединяющим естественные и общественные науки. В свою очередь, общество – ведущая активная сторона» во взаимодействии природы и общества, что, по мнению ученого, не допускает малейшей дискриминации гуманитарной географии в организации научных исследований.

Он полагал, что «основная сила географии, смысл ее существования, основа ее будущего расцвета» – в комплексности, в то время как разобщенность, разорванность для нее «смерти подобны». Отсюда делался вывод в необходимости глубокой проработки вопроса о единстве географии, чем своевременно и серьезно занялся Всеволод Анучин. «Однако попытки создания стройной теории единства географии встречают сильное сопротивление со стороны тех географов (большей части узких специалистов в какой-либо одной области), которых вовсе не привлекает комплексное решение больших проблем, да еще и под экономико-географической «дирижерской палочкой». Начинают кричать о том, что это-де возврат к буржуазной географии, попытки «смешения» законов природы и законов общества и т.д.» (там же).

Конечно, упование Саушкина на создание в будущем «стройной теории единства географии» вряд ли имело под собой «стройную» философскую основу, хотя решительное отстаивание им единства цели и методов комплексных географических исследований, осуществляющихся представителями разных областей географической науки, совсем не противоречит стратегии развития современной географии.

Основываясь на личных встречах с ученым, на переписке с ним, на многочисленных известных мне примерах хочется рассказать о его отношении к молодежи, к ученикам-аспирантам, диссертантам и просто слушателям. Это отношение во многом было трогательным и совершенно бескорыстным. Разумеется, и он нередко разочаровывался в молодых людях, обнаружив в них эгоистические позывы, нечестность, лень – однако это всего лишь эпизоды. Он испытывал страстное влечение к молодой аудитории, перед которой он весь как-то преображался и, проповедуя

(именно: проповедуя, а, не читая или рассказывая), воодушевлял молодежь своим жаром, горячим порывом.

И это при том, что студенческую аудиторию МГУ достаточно трудно «провести» внешней аффектацией, манерностью, мимикой. На лекции проф. Саушкина шли «гу-жом» не потому, точнее: не только и не столько потому, что он превосходный оратор, а потому, что получали богатую нравственную пищу и духовное удовольствие. Это еще одно доказательство того, что ораторские приемы служили для него обыкновенным средством самовыражения, но только не «позой» (как, случалось, говорили недоброжелатели).

Увлеченно работал Юлиан Глебович с аспирантами (я заставлял их у него дома), их успехи воспринимал как собственные. Держа их на переднем крае науки, он находил время и случай поинтересоваться их бытом, личными планами, помочь в чем-то. Вспоминается такой, на первый взгляд, лишь забавный случай, очевидцем которого мне довелось стать в 1972 г. Аспиранты-географы как-то «на ходу» пригласили Его на чей-то день рождения, будучи абсолютно уверенными, что профессор, прежде всего, из-за колоссальной загруженности, не придет. Стол поэтому также был приготовлен «на ходу», по-мужски скупой, точнее: со смещенными в угощении акцентами - в сторону «высокомолекулярных соединений». А он взял и пришел, держа в руках громадную авоську, в которой было все: от лимонада до пирожных. И вопреки смутным ожиданиям, он не только не сковал своим присутствием атмосферу праздника, но еще более разрядил ее, проявив при этом огромный такт. Спустя два дня компания почти в полном сборе продолжила уже чисто научный разговор на квартире Юлиана Глебовича.

Он не боялся проявить перед своими учениками свою неосведомленность по какому-либо вопросу, признать свою статью не вполне удачной или предпочесть широкой публикации ее так называемое «депонирование» (что в те годы считалось в основном уделом аспирантов), не считал для себя зазорным помочь «чужим», иногородним аспирантам и соискателям в их первых, исходных шагах в науке. К нему в полной мере также можно отнести энергично проповедовавшие им слова Мичурина: «мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в тоже время, продолжая его».

Во время учебы автора на курсах повышения квалификации судьба удружила автору несколькими теплыми, нетленными встречами «тет-а-тет» с Юлианом Глебовичем. Во время одной из них в его МГУшной квартире автор малоуспешно пытался уразуметь ключевые задачи экономической географии на предстоящие годы (только что вышла из печати его знаменитая работа «История и методология географической науки».) Мэтр, с присущей ему красноречивостью и пылкостью напомнил некоторые изложенные в главе факты, в частности о том, что теорию географической науки надлежит развивать молодому поколению, что Бунге при написании его «Теоретической географии» исполнилось 34 года, Харвею при публикации его «Объяснения в географии» – также 34. По иронии судьбы, гостю в это время «шарахнуло» примерно столько же, что, к удивлению, было не только каким-то непостижимым образом зафиксировано хозяином, но и «хитро» использовано в корыстных целях для того, чтобы попытаться «подвигнуть» гостя на некие «великие свершения».

Впоследствии выяснилось, что на «великие дела» он «подвигал» и других географов, в частности авторитетного историка-международника и политико-географа Ватаняра Ягю. Именно в паре с последним мы написали рецензию на вышеупомя-

нутый труд Юлиана Глебовича. Спустя многие годы, вспоминая об этом с улыбкой, думаешь о том, что «наказ» корифея, к сожалению, географами не выполнен. Многие положения составленного Саушкиным оглавления ненаписанной «Теории географической науки» остаются «неприкасаемыми» и сегодня.

Трогательную заботу проявлял Юлиан Глебович о кадрах высшей квалификации в географии, справедливо связывая с ними будущие надежды географической науки. Он яростно боролся с эгоцентрическими приемами отдельных, как правило заурядных «светил» от географии, рассуждавших то о своеобразном возрастном цензе остепенявшихся (сам он защитил докторскую диссертацию в 35 лет), то о мнимом перепроизводстве кадров высшей квалификации, в то время как профессор географии во многих университетах оставался «раритетом»).

...Конечно, наши воспоминания об одном из наиболее талантливых отечественных представителей общественной географии базируются, главным образом, на впечатлениях, полученных во время научных и учебно-методических «тусовок», личных бесед и немногочисленных «чаепитий». Но этих впечатлений, вкупе с творческим наследием ученого, вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что Юлиан Глебович Саушкин – это яркая и пока недооцененная Личность, «эксклюзивная глыба» в отечественной географии. Именно ему пришлось вести непримиримую борьбу с теми, кто, замыкаясь в своем дисциплинарном «коконе» и принимая общественное крыло географии, по выражению Н.Н. Баранского, «разбазаривал» географию, кто, усиливая «до неприличия» социоморфность гуманитарной географии, превращал ее в служанку КПСС, кто просто, завидуя его таланту, возводил «напраслину» на ученого «от бога». Время все расставило по своим местам.

Поистине, «светоч истины часто обжигал руку того, кто его нес».

Библиографический список

1. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. – М., 1960.
2. Анучин В.А. О критике единства географии. – М., 1961.
3. Анучин В. А. История с географией // Литературная газета. – 1965. – 18 февраля.
4. Арманд Д.Л. Давайте не будем! // Литературная газета. – 1965. – 25 марта.
5. Герасимов И.П. Исчезла ли география? // Литературная газета. – 1965. – 29 апреля.
6. Гохман В.М., Горнунг М.Б., Ковалевский В.П. Не ради чести мундира... // Литературная газета. – 1965. – 20 мая.
7. Забелин И. Что случилось с географией? // Литературная газета. – 1965. – 3 июня.
8. Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник. Т. II. – СПб, 1993.
9. Саушкин Ю.Г. Сегодня и завтра географии // Литературная география. – 1965. – 17 июня.

Даньшин А.И., Шкирина А.И. (г. Москва)

ВЗГЛЯДЫ Ю.Г. САУШКИНА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАРТОГРАФИЮ И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Широта научного мировоззрения Юлиана Глебовича Саушкина проявилась в том, что не было отрасли социально-экономической географии, исследованием проблем которой он бы не занимался. Диапазон его научных интересов был огромен. Ученик и последователь Н.Н. Баранского, он также считал карту «альфой и оме-

гой» географии, а наличие карт в студенческих научных исследованиях, как и в трудах уже сложившихся ученых, предполагал обязательным.

Общеизвестно, что экономическую картографию как особую отрасль экономической географии, пограничную (и переходную) с картографией, создал Николай Николаевич Баранский. В 1932 году он начал читать студентам МГУ первый в стране курс экономической картографии. Лекции выпускались в виде брошюры на правах рукописи до Великой отечественной войны в нескольких выпусках, а в 1962 году был издан отдельной книгой [1]. Это сыграло большую роль в подготовке первых специалистов экономико-географов. Надо отметить, что Н.Н. Баранский читал курс под названием «Экономическая картография», который впоследствии, в связи с расширением исследований по социальным проблемам стал называться «Социально-экономическая картография». Это произошло еще до того, как экономическая география стала называться социально-экономической.

Ю.Г. Саушкин постоянно совершенствовал понятия в экономической и социальной географии, что неизбежно отражалось и на социально-экономической картографии. В наше время ее можно определить как отрасль знания, отражающую и исследующую территориальные социально-экономические системы с использованием картографического метода. Рассматривая социально-экономическую карту как картографическую модель, отображающую системы разной степени сложности, он подчеркивал важную коммуникативную функцию социально-экономических карт.

Он разделял взгляды Н.Н. Баранского на экономическую карту и экономическую картографию, утверждавшего, что «как ни важны для экономической картографии связи с общей картографией, необходимо со всей категоричностью указать, что одних общих начал картографии совершенно недостаточно для овладения экономическим картографированием и что лучший специалист в области общей картографии, полностью овладевший всей совокупностью вопросов картографической техники, если у него нет специального экономико-географического образования, может понимать в вопросах экономического картографирования лишь формальную сторону дела» [1].

Интерес Ю.Г. Саушкина к социально-экономической картографии и вообще к географической картографии был огромен. Известны его многочисленные рецензии на атласы и отдельные карты, написанные еще в довоенные годы.

Важной для понимания его взглядов можно считать статью «Проблемы взаимодействия экономической и социальной географии с социально-экономической картографией» [2], в которой он пишет, что экономическая и социальная география неразрывно связаны с социально-экономической картографией, составляя во многих случаях одно целое с ней. В географической науке информация «знаю где» была и остается всегда основной. Однако пространственно точных данных недостаточно, необходимы ответы на вопросы «знаю как» и «знаю почему»

Много занимаясь проблемами теоретической географии, главное он видел в том, что социально-экономическая карта должна быть составлена на основе новейших теоретических поисков и достижений экономической и социальной географии и географии в целом, в том числе теоретической географии. Он пишет, что составление карт требует, с одной стороны, прочной опоры на теоретические труды в области экономической и социальной географии, а с другой, должно иметь своей целью решение задач фактического анализа и синтеза явлений и процессов народного хозяйства, его прогнозирования, планирования и управления им ([2], с.16).

Когда в 1960-х годах Географический факультет МГУ приступил к созданию комплексных научно-справочных атласов, Ю.Г. Саушкин принимал активное участие в этих работах, будучи членом редколлегии этих изданий, он опубликовал серию статей по этой тематике и выступил с докладами на нескольких картографических конференциях.

В незаконченной работе Ю.Г. Саушкина «Географическое мышление» план одной из глав целиком связан с географической картографией. Примечательно, что первый из блоков, описывающих достижения науки, посвящен региональным атласам, начиная с «Атласа Московской области» и заканчивая атласами союзных республик (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия). По итогам издания атласов в 1965 г. была выпущена статья, посвященная созданию и интерпретации социально-экономических карт в региональных атласах [3]. Уже в 1968 г. Юлиан Глебович, понимая важность участия экономико-географов в работах по тематическому картографированию, становится вместе с К.А. Салищевым редактором книги «Социально-экономические карты в комплексных региональных атласах» [4]. В ней отстаивал позиции совместного создания карты экономико-географами и картографами.

Подготовка к XXIII Международному географическому конгрессу проходила под эгидой обобщения многих советских географических концепций. Поэтому в начале 1970-х гг. Ю.Г. Саушкин трижды выступает с докладами, в том числе и на международных конференциях, по проблемам создания экономических карт.

Большое значение он придавал созданию карт на основе экспедиционных исследований, которые обеспечивают точность и достоверность информации.

В одной из своих книг («Экономическая география: история, теория, методы, практика» [5]) он дает исторический экскурс в создание социально-экономических карт как отечественных, так и зарубежных, изданных в нашей стране в послевоенные годы.

Как и Н.Н. Баранский, он придавал большое значение генерализации на картах, выделяя главное, но при этом ограничивая себя, чтобы не превратить карту в абстракцию. Он видел новые пути в социально-экономической картографии, возникшие в результате обобщения и переосмысливания огромного материала, полученного при составлении региональных атласов, а также отдельных тематических карт, которые ведут к созданию во многом новой социально-экономической картографии, которая включает в себя и то классическое наследство, которое создали Н.Н. Баранский, А.И. Преображенский и Г.Н. Черданцев.

В статье «Что такое экономико-географическое открытие?» [6] Ю.Г. Саушкин называет социально-экономическую карту в качестве первичного открытия. Он утверждает, что каждая крупномасштабная экономическая карта, составленная на основе полевых исследований и впервые воспроизводящая особенности территориальной организации населения и хозяйства различных местностей на фоне их природных особенностей, играет важную роль экономико-географического первооткрытия ([6], с.137). Открытия следует, прежде всего, ожидать, пишет он, при составлении комплексных и синтетических карт, составленных в полевых условиях и изображающих сочетания явлений, в том числе сочетания социально-экономических явлений с природными.

На пути к научному открытию Ю.Г. Саушкин видит типологию исследуемых объектов как применение генерализации в социально-экономической картографии. На его взгляд, здесь содержатся большие возможности для научных открытий.

Определённые открытия Ю.Г. Саушкин связывает с использованием широко применяемого картометрического анализа. Он подчеркивает, что картометрический анализ соседства, выраженный в количественных показателях представляет большой научный интерес. Такие показатели, как «меры однородности», «меры концентрации», «меры связности», «меры типичности» и др., предложенные в свое время Л.Я. Нутенко [7] были высоко оценены Ю.Г. Саушкиным. Однако, как он говорил, они мало используются при картометрическом анализе, хотя применение многомерных показателей позволяет производить подлинные научные открытия ([6], с. 141).

И вот становление новой социально-экономической картографии произошло, когда уже Ю.Г. Саушкина не стало.

Современная социально-экономическая картография базируется на широком внедрении электронной техники, что позволяет ускорить и удешевить процесс создания карт, а также улучшить их распространение. Наряду с этим возможность многовариантного подхода в процессе составления карт, позволяет, и создавать пробные образцы, и выбирать из них тот, который в наибольшей степени отвечает целевым требованиям.

Ю.Г. Саушкин жил и работал во времена, когда в нашей стране карты составлялись традиционным ручным способом, а автоматизация находилась в зачаточном состоянии, хотя на Западе она стала внедряться в конце 1950-х годов. Полагая, что использование математических методов приведет к возможному переосмыслению определенных принципов составления карт, Ю.Г. Саушкин считал, что картографический метод в сочетании с математическими методами обогащают экономическую географию. Еще в 1966 г. Ю.Г. Саушкин совместно с Б.Л. Гуревичем в статье, посвященной математическому методу в географии, подчеркивали, что «картографический метод... заиграет неожиданно новыми «красками» когда при сопоставлении карт будут использованы аспекты и результаты математической географии» [8].

В книге «Географическое мышление» Ю.Г. Саушкин, говоря о теоретических обобщениях в картографии, подчеркивает важность нового в создании социально-экономических карт, требуя использования анаморфоз, аэрокосмических снимков в экономической географии, тем самым став предвестником компьютерного картографирования.

Информационного обеспечения для целей компьютерного картографирования требует создания согласованных баз данных. Трудно переоценить преимущества компьютерного картографирования, которое позволяет использовать географическую основу с разной степенью нагрузки и разгрузить ее без особых затруднений. Это облегчает и ускоряет: 1) создание карт разного масштаба, используя ресурсы разных информационных сетей; 2) обеспечивает быстрый доступ к информации и ее обновление; 3) использование технических средств для хранения огромных массивов цифровых данных, в том числе и картографической информации; 4) возможность применения разных способов картографирования, что в свою очередь позволяет комплексно использовать информацию и выбрать оптимальный способ картографирования; 5) создает благоприятные условия для быстрого обмена картографической информацией.

Все это упрощает мониторинг объектов картографирования на разных территориальных и иерархических уровнях. Прежде подготовка информации для карт занимала много времени, теперь же она существенно сократилась и возможна многовариантная обработка. Это совершенствует систему обработки информации, осо-

бенно для создания трудоемких динамических и прогнозных карт. Таким образом, удается корректировать и вносить изменения в содержание карты и способы картографирования, что позволяет улучшить оформление карты.

В последние годы наметился определенный рост числа картографических изданий, среди которых социально-экономические карты занимают существенное место. Роль этих произведений важна, так как они отражают произошедшие в нашей стране изменения в экономической и социальной сферах. Многие издания находятся в стадии подготовки. Это позволяет также судить об уровне картографического знания и картографической культуры в стране.

В девяностые годы прошлого столетия социально-экономическая картография, как и вся наука в России, испытывала период стагнации. Лишь школьная атласная картография развивалась на уровне своих требований. Оживление началось с начала XXI века, когда стали издаваться крупные картографические произведения, в которых были социально-экономические карты. Важным событием стало четырехтомное издание Национального Атласа России (М., 2004–2008 гг.), где в первом томе, озаглавленном «Общая характеристика территории» (М., 2004 г.) есть несколько социально-экономических карт; том третий «Население и экономика» (М. 2008 г.) целиком состоит из социально-экономических карт.

Заметным событием стало издание ряда региональных атласов, где социально-экономические карты занимают существенное место. Среди них особо следует отметить Атлас Московской области. История. Культура. Экономика. (М., 2005 г.); Сибирь. Атлас Азиатской России (Новосибирск–Москва, 2007 г.); Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа (Омск, 2004 г.); двухтомное издание Атласа Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (Ханты-Мансийск–Москва, 2004–2006 гг.), где первый том «История. Население. Экономика» почти целиком представлен социально-экономическими картами. В 2009 г. был издан Атлас социально-экономического развития России.

Характерным для всех этих атласов является компьютерный характер составления карт, что позволило подготовить и издать картографические произведения за сравнительно короткие сроки.

Смена общественного строя в России повлияла на тематику и содержание социально-экономических карт. Появились карты, отражающие особенности политического развития (выборы), уровень развития банковской и страховой сферы, инвестиционная деятельность, фермерство, обеспечение сетью Интернет, конфессиональные особенности населения и т.п. Следует особо отметить, что большинство региональных атласов содержит существенный объем текстовой информации подчас совершенно не связанной с содержанием карт и выполняющей рекламную функцию для данного региона.

Несмотря на технический прогресс в создании социально-экономических карт, проблемы остаются. Прежде всего они связаны с информационной обеспеченностью. Смена форм собственности отразилась и на системе учета. Некоторые показатели стали не обязательными для предоставления в централизованную структуру учета, что затрудняет их получение. Осложнилась возможность территориальной дифференциации крупных компаний и выделения их производственной специализации. Совсем утрачена возможность проведения экспедиционных исследований для целей картографирования ввиду их дороговизны. Все это конечно не может не сказаться на достоверности информации. Слабым звеном остается разработка но-

вых способов картографирования. Не до конца решенной задачей можно назвать внедрение картографического метода в практику хозяйствования и научные исследования. Желательно, чтобы прогресс, достигнутый в составлении карт, стал возможным и при их использовании.

Поэтому, на наш взгляд, становится важной идея Ю.Г. Саушкина о переходе отображения действительности с помощью картографических знаков к картографической модели геопространства. То есть любые картографические работы должны быть пронизаны географической мыслью и служить опорой для нее.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н., Преображенский А.И. Экономическая картография. – М.: Географгиз, 1962. – 284 с.
2. Саушкин Ю.Г. Проблемы взаимодействия экономической и социальной географии с социально-экономической картографией // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – Геогр. – 1981. – №1. – С. 10–19.
3. Коровицын В.П., Саушкин Ю.Г. Социально-экономические карты комплексных региональных атласов // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – Геогр. – 1965. – №6. – С. 3–16.
4. Социально-экономические карты в комплексных региональных атласах. – М.: [Геогр. ф-т МГУ], 1968. – 168 с.
5. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.
6. Что такое экономико-географическое открытие? // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. – М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 134–152.
7. Нутенко Л.Я. Меры качества схем членения территории // Вопросы географии, сб. 88. – 1971.
8. Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Математический метод в географии // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – Геогр. – 1966. – №1. – С. 3–28.

Казанский Н.Н. (г. Москва)

Ю.Г. САУШКИН И ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СТРАНЫ

С конца 1950-х гг. в стране развернулся поиск путей совершенствования территориальной организации народного хозяйства в целях повышения его эффективности. Для решения этой задачи в период реформ по управлению народным хозяйством Н.С. Хрущева и А.Н. Косыгина к планированию были привлечены многие научные подразделения различных ведомств. На них возлагалась задача разработки предплановых прогнозных материалов, обеспечивающих комплексный подход в развитии производительных сил на длительную перспективу [1]. В связи с этим повысился спрос на выпускников кафедры экономической географии СССР Московского университета в различных научных учреждениях, участвующих в этой работе.

Многие ученики Ю.Г. Саушкина участвовали в формировании новых подходов в подготовке научных прогнозов развития отраслей народного хозяйства и районных производственных комплексов. Мне пришлось участвовать в работе Института комплексных транспортных проблем (ИКТП), организованного в составе АН в 1955 году. В нем сложился коллектив отраслевиков и регионалистов, объединившихся для поиска путей научного прогнозирования пропорционального развития транспорта и производства. Итоги проведенного исследования были обобщены в коллективной монографии «Транспорт и формирование районных производственных комплексов» (М., 1962). В 1961 году ИКТП был передан в ведение Госэкономсовета, который принял

решение о создании в нем отдела развития транспорта экономических районов. На отдел была возложена разработка гипотез комплексного развития транспорта и производства, прежде всего восточных районов СССР. Результаты исследований были изложены в отдельных выпусках по каждому экономическому району и обобщены в монографии «Транспортные проблемы восточных районов СССР» (М., 1967). Ю.Г. Саушкин активно участвовал в работе ученого совета Института, членом которого он в то время был, поддерживая инициативу работающих здесь географов в обеспечении комплексного подхода в формировании транспортной сети страны.

Много было сделано при подготовке Всесоюзной конференции, посвященной обсуждению проблем комплексного развития транспортной сети СССР. Особо был выделен доклад, посвященный роли транспорта в формировании экономических районов [2].

В конце 1960-х гг. была осуществлена очередная реорганизация системы государственного управления народным хозяйством. Перспективное планирование снова сконцентрировалось в Госплане СССР, в котором в целях обеспечения эффективного сочетания отраслевого и регионального управления хозяйством был создан отдел территориального планирования и размещения производительных сил. Его возглавил М.Г. Первухин, его заместителем утвержден В.Ф. Павленко (ученик Н.Н. Колосовского). Работать в отдел были приглашены многие видные регионалисты-экономикогеографы, в том числе и из ИКТП (В.С. Варламов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Палеев, П.Е. Семенов и др.).

Работа в отделе в последующий период реформ А.Н. Косыгина, когда возглавляемое им правительство было озабочено переходом к интенсификации производства в стране, требовала регионального подхода в целях наилучшего хозяйственного использования различных ресурсов. В откровенных беседах с ветеранами сводного отдела (Ю.И. Колдомасовым и др.) я пытался выяснить, как идеи Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского использовались в плановой работе в предвоенные и послевоенные годы. В отделе следили за выходом в свет научных публикаций Н.Н. Баранского. Над статьями, в которых рассматривались региональные проблемы хозяйствования, работали с ножницами: вырезали материал, который можно было использовать при подготовке проектов директивных решений партийных съездов и решений правительства.

Старожилы вспоминали активную позицию Н.Н. Колосовского на всех совещаниях по сдвигу производственных объектов в восточные районы страны. Особенно запомнилась его позиция при решении проекта Урало-Кузнецкого комбината. В то время многие известные экономисты (например, Я.Б. Диманштейн, К.Г. Воблый и др.) выступали против, по их мнению, весьма дорогостоящего проекта размещения металлургических заводов с разобобщенными на тысячи километров каменноугольной и железорудной сырьевыми базами. Николай Николаевич не только убеждал противников расчетами дешевых тарифов на реконструируемой Транссибирской магистрали, но и неоднократно через голову непосредственного начальства обращался с личными письмами и докладными записками к И.В. Сталину, дополнительно аргументируя свой проект стратегическими соображениями. В итоге по этому вопросу появилась запись в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г., повторенная в Резолюции XVI съезда ВКП(б). Она гласила, что «Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использова-

ния богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири» [3]. Вопрос о включении соответствующих объектов в план был решен, но Н.Н. Колосовскому после очередной реорганизации пришлось уйти из Госплана СССР сначала в «Бюро Ангары» Гидроэнергопроекта, а затем в АН СССР.

В это же время Ю.Г. Саушкин обратился ко мне с просьбой провести разборку архива Н.Н. Колосовского, оставшегося после его смерти у сестры – В.Н. Лагутиной. Эта работа была осуществлена, и многие рукописные материалы впоследствии были подготовлены нами к изданию.

После перехода на работу во вновь созданный в 1965 году в Госплане СССР отдел территориального планирования и размещения производительных сил мои контакты с Ю.Г. Саушкиным продолжались. В 1969 году по его просьбе мне пришлось принять участие в редактировании основного труда Н.Н. Колосовского по теории экономического районирования в издательстве «Мысль». В редакцию поступили возражения многих рецензентов против публикации отдельных частей книги, в частности последнего раздела [4, с. 313–335]. Пришлось поработать и убедить редакцию в актуальности публикации этой работы. С 1976 г. по инициативе Ю.Г. Саушкина кафедра экономической географии СССР МГУ представляла в Госплан СССР свои предложения по комплексному развитию экономических районов страны почти к каждому проекту пятилетних планов.

Особенно большую работу пришлось выполнить Ю.Г. Саушкину в редактировании сборников «Вопросы географии», подготовленных к изданию по актуальным проблемам территориальной организации производительных сил [5, 6, 7, 8]. В них отражены те позитивные подходы, к внедрению которых в практическую работу по территориальному планированию направлялись наши усилия.

Следует также отметить активную роль Ю.Г. Саушкина в доведении до международной общественности отечественного опыта и подходов к решению проблем территориальной организации производительных сил в выступлениях на географических конгрессах и при чтении лекций во многих зарубежных странах.

Работа отдела территориального планирования в Госплане СССР первоначально сводилась к выделению сводных планов экономического и социального развития союзных республик и выполнению поручений правительства. Затем была организована работа по составлению Схем развития и размещения производительных сил по экономическим районам и Генеральной схемы по стране в целом на перспективу, обеспечивших научный предплановый подход к решению территориальных проблем размещения производительных сил.

Однако в последующем удалось внедрить в практику планирования принципы комплексного подхода к более дробным единицам: г. Ленинград и Ленинградская область, Красноярский край, г. Москва, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, Саянский, Южно-Якутский ТПК. В отделе были созданы специальные подотделы по планированию Ленинграда и Москвы, Сибири и Дальнего Востока. По мнению многих экономистов (например, академика Л.И. Абалкина), в конце 1980-х гг. существовал реальный шанс на успех экономического преобразования в стране. Опыт комплексного планирования Ленинграда и Ленинградской области привлек внимание не только внутри страны, но и за рубежом. Помню, как мы у Н.П. Лебединского (заместителя Председателя Госплана СССР) встречали французских парламентариев, которые живо интересовались опытом этого регионального планирования. Вскоре

после их возвращения французский парламент принял решение о составлении перспективных планов экономического и социального развития Французской Республики и г. Парижа.

Однако у нового руководства страны не хватало твердости и решимости в продолжении этих работ. В конце концов, М.С. Горбачев пошел навстречу разработанной в это время в США программе реформ в России, получившей название «Вашингтонский консенсус», предусматривавшей отказ государства от регулирования экономикой и переход к рыночным отношениям. В итоге наступил период развала экономики страны.

Теория рыночного фундаментализма, взятая на вооружение рыночных реформ в нашей стране, приводит к разрушению Российской цивилизации с ее единым в прошлом экономическим пространством, которое постепенно включается в мировую глобальную экономику. Разрушение социалистического лагеря, СССР, сокращение протекционистской защиты российских рынков привело к изменению геополитической карты мира. Далеко не все доходы от использования недр и природных ресурсов, а также природная рента попадают в государственную казну. Государство как бы остается в стороне от защиты своих национальных интересов.

Конечно, можно себе представить глобальную мировую экономику в виде спрута, ядро которого представлено в виде ведущих транснациональных корпораций (ТНК), группирующихся вокруг мирового финансового центра (правительства), от которого во все части мира протянулись щупальца, сосущие ресурсы различных стран. Именно такой подход вызывает активный протест против глобализма во многих странах мира. Вряд ли такой подход может обеспечить оптимальную организацию мировых производительных сил. По-видимому, этой схеме должна быть противопоставлена схема многополярного мирового экономического пространства, которое должно быть обосновано в процессе экономического районирования мировой экономики с учетом не только производственно-технологических, но и экологических и социальных последствий того или иного сочетания производств в различных районах земного шара.

Опыт такого разделения на 15 групп государств содержится в докладе В. Леонтьева в ООН «Будущее мировой экономики», подготовленном в конце 1970-х гг. [9]. В совершенствовании экономического районирования мировой экономики должны быть использованы идеи и опыт решения исследуемых проблем, выдвинутые в свое время Николаем Николаевичем Баранским, Николаем Николаевичем Колосовским, Юлианом Глебовичем Саушкиным и другими российскими экономикогеографами.

Библиографический список

1. Семенов П.Е., Казанский Н.Н. Роль СОПС в подготовке предплановых и прогнозных документов по территориальной организации производительных сил. ТЭК, – М., 2005. – № 3–4. – С. 34–40.
2. Казанский Н.Н. Транспорт и формирование экономических районов // Вопросы комплексного развития транспортной сети СССР. – М., 1962.
3. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. – С. 195.
4. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М., 1969.
5. Экономические связи и транспорт // Вопросы географии. – 1963. – Сб. 61.
6. Территориальная организация производительных сил СССР // Вопросы географии. – 1968. – Сб. 75.
7. Территориальные производственные комплексы // Вопросы географии. – 1970. – Сб. 80.
8. Экономическая география и территориальное планирование // Вопросы географии. – 1972. – Сб. 90.
9. Будущее мировой экономики: Доклад группы экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым. – М., 1979. – С. 216.

Ю.Г. САУШКИН И СОЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Юлиан Глебович Саушкин – весьма примечательная фигура в отечественной географии. Его высоко ценил Н.Н. Баранский. Пятьдесят лет назад, когда в аудитории 18–07 нового здания МГУ отмечалось 50-летие Ю.Г., лидер нашей науки сказал примерно следующее: «Юлиан Глебович и пишет хорошо, и говорит хорошо, а это не всякий умеет. Когда ему надо была выезжать за рубеж для чтения лекций, он в считанные месяцы овладел английским языком и читал лекции без помощи переводчика. Кто еще может сделать это также?».

Критерием оценки Ю.Г. зарубежным географическим миром можно считать публикацию (перевод) его статей и отдельных лекций в журнале «Soviet Geography». Таких публикаций 40 – никем не превзойденный рекорд.

Ю.Г. поражал талантом, энергией, яркостью, особой, только ему присущей, манерой читать лекции и делать доклады. Определение «блестящий университетский профессор» как нельзя лучше подходит к нему. Ю.Г. блистал на кафедре, на геофаке, в университете, в географии. Он работал быстро и хорошо (сочетание не частое) и получал весомый результат. Можно сказать, что он своей деятельностью расширил наше представление о возможностях человека, занятого любимым делом.

В его публикациях поражает очень широкий, тематический и сюжетный спектр. С первых же лет своей деятельности преподавателя и исследователя он был, судя по опубликованным работам, охвачен жадной больше увидеть, узнать, написать. И это еще тогда, когда не наступило время создания солидных учебников монографий.

Осмысливая деятельность Ю.Г., вспоминая его многогранность, считаю нужным подчеркнуть наиболее сильные его черты, которые, думается, имеют определяющее значение для оценки выдающегося педагога и ученого. Известно, что Н.Н. Колосовский пришел в экономическую географию от техники, И.А. Витвер – от истории, Н.Н. Баранский – от экономики и государственной службы. Ю.Г. Саушкин, если продолжать в том же духе, – от географии. Он всегда оставался географом, великолепно умеющим использовать в своей работе весь потенциал географии.

Многие авторитеты нашей науки особо отмечали вышедшую в свет в 1947 г. первую капитальную книгу Ю.Г. «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности в различных районах Советского Союза». В ней мастерски воплощен географический синтез. Глубокий и яркий труд представил тогда молодого тридцатилетнего Ю.Г. как талантливого ученого, разрабатывавшего очень важное направление в географической науке, общегеографическое направление.

Вторая черта, свойственная Ю.Г., – осознание географии как: науки очень большого государственного значения. В нашей стране с ее огромной территорией, дифференциацией природных и социально-экономических условий, многонациональностью географии объективно отведена чрезвычайно важная роль, и не даром в отечественной географии видное место заняли, с одной стороны, труды по районированию, учение об экономическом районе, а, с другой, – изучение единых систем – транспортной и энергетической, обеспечивающих целостность страны и взаимодействие составляющих ее районов.

Едва ли не первым в нашей стране Ю.Г. употребил понятие «конструктивная география». Причем он имел в виду не только научное обслуживание географией конкретных разделов общественной практики. С самого начала он смотрел гораздо шире. Конструктивной география должна быть, начиная со своих теоретических основ. В своей последней, не завершенной книге «Географическое мышление» он вспоминал, что примененное им впервые на лекциях понятие «конструктивная география» было по тем временам оригинальным и мыслилось как синоним единой, целостной географии, со своей теорией, со своим строем мыслей, с большой отдачей практике.

Ю.Г. подчеркивал значение общегеографического синтеза. Он говорил о воспитании: географической мысли, ее формировании у студентов: в течение всех пяти лет учебы в университете. Действительно, если у молодого человека, окончившего геофак, за время учебы не выработалось географическое мышление, то вряд ли его можно назвать географом. Один только факт учебы на географическом факультете и его окончании недостаточен.

Духом конструктивности были пронизаны, лекции Ю.Г. читавшегося им в конце 1940-х – начале 1950-х годов курса «Сталинский план преобразования природы». На основе этих лекций была написана книга «Великое преобразование природы Советского Союза» (1951). Ю.Г. готовил новое издание, дополненное и расширенное. Но успешная работа крупных географических коллективов в активно действовавших комплексных экспедициях и Московского университета, и Института географии АН СССР, и других организаций была прервана. Новое издание книги, очень интересной и нужной, не вышло¹.

Тогда география действительно проявила себя как: конструктивная наука, и вклад Ю.Г. в ее развитие был очень значителен. Несмотря на то, что комплексные полевые работы прекратились и перестали читаться подстилающие их лекционные курсы, несомненно произошло солидное усиление конструктивных основ географии. Был дан импульс многими теоретически и практически важным научным направлениям.

Прошло время. Но и сейчас исследовательский и преподавательский опыт, накопленный географией в те далекие годы, важен и нужен. Необходимость географизации государственной политики во многих сферах деятельности государства остается и даже нарастает. Тем более, что резко изменилась ситуация, Россия стала иной, появились новые и усложнились старые проблемы. Их решение в силу особенностей нашей страны требует применения географических подходов и методов, включения географического мышления. Это необходима при решениях в области, демографии, миграций, развития и размещения производительных сил, совершенствования территориального устройства страны и регионов, структурных изменений в экономике, преобразования городов и оздоровления сельской местности.

Приведем три примера, которые, по нашему мнению, иллюстрируют необходимость привлечения сил конструктивной географии. Они относятся к Москве, крупным городским агломерациям и монопрофильным (монофункциональным) городам.

Москва, которой на протяжении всей своей жизни Ю.Г. уделял большое внимание, все глубже погружается в пучину усложняющихся проблем. Город разрастается, наступая на свое природное окружение, самым нерациональным, осужденным мировым градостроительством путем – расплывается наподобие масляного пятна. Столица продолжает «съедать» один за другим время от времени устанавливаемые лесопарковые зеленые пояса, подрывая собственное экологическое благополучие,

не в пример, скажем, Лондону, который сохраняет в течение десятилетий свой зеленый пояс.

В Подмоскowie явно пренебрегают правилами разумного обращения с природой. Москва демонстрирует просто чудовищный разрыв между богатством и бедностью. Она в первых рядах среди столиц мира по числу миллиардеров, но 11% ее жителей живут за чертой бедности. Удручает происходящее в Москве отчуждение среды, захват состоятельной частью населения общественного пространства.

И, пожалуй, самое убийственное: Москва, хотя и стремится войти в числе мировых финансовых центров, во многом утрачивает столичность. Об этом свидетельствует уже происшедший структурный сдвиг. Понесла потери ранее ключевая отрасль промышленности – машиностроение (в том числе высокотехнологичные производства). На первое место вышла пищевая промышленность. Непомерно выросла доля торговли. Строительство ведется с размахом. Но оно решает не столько задачу обеспечения жильем нуждающихся, сколько задачу получения сверхприбыли строительными фирмами.

Москва в ее нынешнем состоянии вряд ли сможет успешно выполнить роль лидера модернизации, в которой нуждается Россия.

Роль крупных городских агломераций в нашей стране огромна. Они давно уже признаны: наукой, в том числе и географической, ключевыми формами расселения. Но ключевая вовсе не значит единственная. Разнообразие условий, их территориальной дифференциации должно соответствовать и разнообразие форм расселения. Поэтому лозунг в газете «Ведомости», провозглашающий что мы (жители России) будем жить не в 83-х регионах – субъектах Федерации, а в 20 городских агломерациях, вызывает шок. Ведь такая «позиция» свидетельствует, помимо всего прочего, о дремучем незнании своей страны, о географической безграмотности.

Монофункциональные города – головная боль наших государственных деятелей. Положение многих из этих городов катастрофично. Представляется что размеры опасности, которая вызвана монофункциональными городами, точнее, не решением их острых проблем, явно недооценивается. Ведь это не катастрофа определенной категории городов-неудачников, не вписавшихся в рыночные условия. Это и катастрофа управления. Ведь монофункциональные города находятся в кризисном состоянии много лет, с начала «лихих девяностых». Но действенных мер по выправлению их тяжелого положения принято не было.

С начала недавнего финансового кризиса руководство страны оперативно оказало весьма щедрую помощь олигархическому капиталу, банкам. Подобной помощи монофункциональные города не получили. А их сотни и живут в них миллионы. Многие такие города-бедолаги превратились в «депрессивное гетто» (выражение А. И. Трейвиша). Какие поколения вырастут в этих гетто? И какими делами они займутся, униженные и оскорбленные несправедливостью, преисполненные ненависти?

В печати публикуются разные предложения относительно монопрофильных городов. Среди них – о переселении жителей из городов с неперспективными градообразующими предприятиями в другие места. По сути – это смертный приговор городам, из которых выведут население (куда и сколько для этого понадобится средств – неизвестно). О подобном варианте можно говорить лишь в отношении сырьевых центров, расположенных в районах с экстремальными природными условиями, после того, как запасы разрабатываемых месторождений будут ис-

черпаны. Таких городов у нас не так мало, но в общем это лишь часть монофункциональных городов.

А в отношении основной их массы нужно, прежде чем предлагать тот или иной сценарий действий, оценить потенциал каждого города, возможность перепрофилизации градообразующих предприятий или создания новой базы, отвечающей условиям и дающей нужную стране продукцию или услуги. Подобный опыт в советские годы был накоплен большой. Нужно также выяснить, нужен ли данный город как социально-экономический фокус территории, как центр своего окружения.

Связывать же будущее города с судьбами не оправдавшего надежд градообразующего предприятия более чем опрометчиво. На протяжении своей истории почти каждый город не раз менял свой профиль, характер своей деятельности, создавая новую экономическую базу или трансформируя прежнюю.

Недостаточная востребованность географической науки в нынешней России позорительна. Но, видимо, и географов есть в чем упрекнуть. Вспомним же наших учителей, вспомним Юлиана Глебовича Саушкина, обратимся к его книгам, которые он нам оставил, зарядимся заложенными в них мыслями и энергией. И будем действовать.

Примечания

- ¹ Стимулировало работы Постановление СМ СССР и ЦК ВКВ(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, травопольных севооборотов, строительстве прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР», опубликованное 24 октября 1948 г.

Лейзерович Е.Е. (г. Москва)

«ЗОЛОТАЯ КНИГА» ЮЛИАНА ГЛЕБОВИЧА САУШКИНА

Юлиан Глебович Саушкин защитил докторскую диссертацию в 35 лет, что в середине XX века было у экономико-географов редкостью. С диссертацией и сегодня не трудно познакомиться. Это – большая (423 с.) книга с длинным названием: «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» [3]. Книга вышла как 38-й том «Учёных записок» Московского Государственного Педагогического Института имени В.И. Ленина, тиражом 10 тыс. экземпляров. Её наверняка можно найти во всех крупных библиотеках России.

Основное содержание книги составляют девять очерков (глав), посвящённых связи природы и сельскохозяйственной деятельности в избранных автором экономических подрайонах России, Белоруссии и Центральной Азии: Центральной Якутии, Присухоне, Припятском Полесье, Котловине озера Неро, водораздельной части Среднерусской возвышенности, Хорезмском оазисе, Талас-Ассинском оазисе, Джувалинском плоскогорье, Горном Таджикистане.

Все очерки написаны примерно по одной схеме: природные условия, история взаимодействия природной среды и сельского хозяйства с акцентом на имевшие место попутные изменения ландшафта, современное сельское хозяйство, основные проблемы развития сельского хозяйства (коротко). Однако при этом не только конкретное содержание отдельных очерков, но и общее впечатление от каждого из

них, заметно различаются, как за счёт тщательного учёта Ю.Г. Саушкиным особенностей объектов исследования, так и за счёт использования им неповторяющихся приёмов исследования. Особенно подробно описываются неповторимые картины взаимодействия природы и сельскохозяйственной деятельности в конкретных условиях того или иного экономического подрайона.

Ю.Г. Саушкин очень широко использует сравнительный метод, что заметно расширяет возможности оценки того или иного рассматриваемого явления. Авторский материал изложен развёрнуто, без спешки, включает в себя очень много конкретных наблюдений, и даже рекомендаций агрономического и землеустроительного характера.

Основой для каждого из девяти очерков послужили, прежде всего, результаты исследования на месте взаимосвязи сельскохозяйственной деятельности в избранных экономических подрайонах с их природной средой. Ю.Г. Саушкин побывал во всех описываемых им местностях, причём во многих, прежде всего центральноазиатских, ещё в начале своей географической карьеры. Его однокурсник и в довоенные годы сослуживец Л.Е. Иофа рассказывал мне, что в молодости Юлиан Глебович был очень болезненным. Несмотря на это он в компании с такими богатырского склада мужчинами, как Н.Н. Баранский и С.Н. Рязанцев, ни в чём не отставая от них, совершил ряд продолжительных и трудных поездок по пустыням, долинам и горам Центральной Азии.

В книге результаты личных исследований дополнены за счёт громадного количества проработанной литературы – от трудов классиков до местных изданий, и значительного объёма статистических материалов, которые в те годы добывались с большим трудом... Часто приходилось обращаться к статистике прошедших лет. Из-за этого при чтении некоторых очерков временами появляется желание охарактеризовать их как историко-географические.

Выход книги Ю.Г. Саушкина, как и сама защита им диссертации, были заметными событиями в географической жизни. Помню, что в аудиториях и коридорах Геофака МГУ много о них говорили. Все цитировали очень уважаемого на факультете академика Л.С. Берга, в те годы Президента Географического общества СССР, который сказал, что до того как он прочитал книгу Ю.Г. Саушкина, считал физическую и экономическую географию разными науками, а прочитав книгу понял, что они едины. В 1948 г. в «Известиях ВГО» была напечатана рецензия, в которой Лев Семенович оценивает книгу очень высоко [1].

Однако выход книги совпал по времени с периодом, когда Юлиан Глебович делал головокружительную научную карьеру, выдвинувшись после серьезного сердечного заболевания Н.Н. Баранского в лидеры экономической географии в МГУ (до этого он уже был таковым в МГПИ), и почти одновременно став главным редактором в журнале «География в школе» и в только что созданном Географгизе. А головокружительная карьера, как известно, заставляет волей-неволей «наступать на ноги» и стимулирует появление недоброжелателей и открытых врагов. Так было и в данном случае.

Сергей Николаевич Рязанцев рассказывал мне о пути, который выбрали не другие Юлиана Глебовича. Они разослали отдельные главы книги в те районы страны, связи природы и сельскохозяйственной деятельности в которых описаны в очерках Ю.Г. Саушкина. Расчёт был на то, что местными географами и работниками сельского хозяйства будут найдены ошибки в описании отдель-

ных процессов или поставлены под сомнение некоторые рекомендации автора. Определённые «успехи» были достигнуты. Однако, справедливо и образно возмущался С.Н. Рязанцев, это было равно тому как разрезать на части картину Репина «Иван Грозный убивает сына» и оценивать её по этим частям. Ведь главная цель книги Ю.Г. Саушкина не описание процессов, происходящих в отдельно взятых местностях, а комплексная картина взаимодействия природной среды и сельскохозяйственной деятельности.

Ю.Г. Саушкин рассматривает свою работу как начальный этап в развитии важной ветви экономической географии (стр.19). Какой именно – не указано. Сначала напрашивается мысль о географии сельского хозяйства. Ведь в пространном введении, предшествующим девяти главам-очеркам, перечислены выделенные автором на территории СССР 54 географических типа сельского хозяйства и рекомендовано их конкретное изучение. Однако в заголовке ни одной книги или статьи, опубликованной Ю.Г. Саушкиным в последующие годы, нет слова «сельское хозяйство». А в МГУ ведущая агрогеографическая школа А.Н. Ракитникова обходит рассматриваемую книгу «стороной».

Ответ мы находим в статье, опубликованной двумя годами ранее. Ю.Г. Саушкин считал, что нужна особая ветвь географии, которая взяла бы на себя изучение культурных ландшафтов, то есть создала бы специальную науку от истории развития природной среды в связи с историей общества [2]. Сам Юлиан Глебович в дальнейшем, ввиду гигантской занятости и многогранности интересов (некоторыми учёными отмечалось, чаще как достоинство, но иногда и как недостаток, то, что почти на всех съездах или крупных совещаниях географов он выступал по темам, несовпадавшим с темами его выступлений на предыдущем съезде или крупном совещании) не успел достаточно глубоко развить это направление. И оно перешло к разным группам других учёных.

Однако помимо призыва к изучению культурных ландшафтов «Географические очерки» содействовали развитию целого ряда других направлений в экономической географии. Прежде всего, книга осталась «гимном» единой географии. Л.Е. Иофа рассказывал мне, что перед войной Н.Н. Баранский постоянно говорил о желании написать такую книгу или учебник, в которых нельзя будет отличить экономическую географию от физической. Выход в 1946 году статьи Н.Н. Баранского «Страноведение и география экономическая и физическая» был, по мнению Л.Е. Иофы, заметным отступлением от декларированной ранее задачи. В дальнейшем Н.Н. Баранский активно защищал единство географии в ходе дискуссии, развернувшейся вокруг книги В.А. Анучина «Теоретические основы географии». Однако этот вопрос уже не был в центре его интересов. Между тем, Ю.Г. Саушкин уделял большое внимание единству географии до конца дней. Он говорил о нём над гробом Н.Н. Баранского, выступая в дискуссиях, часто возвращался в своих книгах и статьях.

Глядя на книгу Ю.Г. Саушкина с расстояния в 65 лет, мы склонны видеть в качестве главных объектов авторского изучения скорее не типы сельского хозяйства, а типы местностей, преимущественно сельскохозяйственных по специализации. Это позволяет оценить книгу, которая не случайно названа «Географическими очерками», не только как начальный этап в развитии отдельной ветви экономической географии, но и как важный этап в укреплении всей районной школы экономической географии. Вскоре основные её идеи «проросли» в «Синей серии» – выдающемся достижении экономической географии СССР.

Работы по выпуску книг «Синей серии» – экономико-географических характеристик всех экономических районов России и всех союзных республик, активно развернулись Институтом географии Академии наук СССР после того как к руководству отделом экономической географии этого Института пришёл Сергей Николаевич Рязанцев – ученик Н.Н. Баранского и близкий друг и единомышленник Ю.Г. Саушкина. С.Н. Рязанцев был блестящим мастером тех самых экономико-географических характеристик, которые оставались любимым детищем Н.Н. Баранского до конца его жизни. Даже в начале 60-х годов Николай Николаевич говорил мне при выборе темы кандидатской диссертации: «Написали бы Вы лучше хорошую экономико-географическую характеристику». Но это было уже в то время, когда ВАК наложил запрет на защиту подобных тем.

С.Н. Рязанцев ещё в довоенные годы на примере нескольких автономных республик обратился кдробному экономическому районированию. Свои наработки в этой области он широко внедрил в книги «Синей серии». С.Н.Рязанцев определённым образом влиял на Ю.Г. Саушкина, как младшего товарища и соавтора первых статей. «Географические очерки» вполне можно рассматривать и как призыв к «дробному» видению территории, занявшему в дальнейшем важное место в книгах «Синей серии».

«Географические очерки» были написаны на «экваторе» жизни Ю.Г. Саушкина. Любимое изречение Н.Н. Баранского, что докторская диссертация – это три года пота, три часа позора и тридцать лет спокойной жизни, к диссертации Ю.Г. Саушкина отнесено быть не может. Педагогическая и научная деятельность Юлиана Глебовича после триумфальной защиты развернулась ещё активней. В последующие годы он опубликовал много хороших книг и статей, заметно продвигавших вперёд нашу науку. И всё же тянет согласиться с известным экономико-географом второй половины XX века Валерием Алексеевичем Пуляркиным, который утверждал, что никто из его современников – отечественных экономико-географов не написал ничего лучше своей докторской диссертации. И при этом торжественно добавлял: «Даже Юлиан Глебович Саушкин».

Не без опоры на собственный опыт Ю.Г. Саушкин, в период его активного участия в работах ВАКа, выдвинул девиз: «Без книги нет докторской диссертации». Несомненно, что этим он стремился поднять качество защищаемых работ, даже не считаясь с трудностями, иногда практически непреодолимыми, в их публикации. Его же собственная диссертация-книга стала достойным памятником научному и публицистическому таланту автора. Она занимает выдающееся место в длинном перечне его трудов, и, главное, в экономико-географическом изучении России, Белоруссии и государств Центральной Азии.

Библиографический список

1. Берг Л. С. Рецензия на книгу Ю.Г. Саушкина «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» // Известия ВГО. – Т. 80. – Вып. 2. – М., 1948. – С.189–192.
2. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. – Сб. 1. – 1946. – С. 97–106.
3. Саушкин Ю.Г. «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» / Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. XXXVIII. – М., 1947. – 423 с.

**ЮЛИАН ГЛЕБОВИЧ САУШКИН – ЛИДЕР СОВЕТСКОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ, УЧИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК**

В июле 2011 г. профессору Юлиану Глебовичу Саушкину исполнилось бы 100 лет! Вспомнить этого уникального человека – долг тех, кто его знал и с кем он работал, и кто у него учился.

В 1982 г. 30 июля ушел из жизни выдающийся ученый, педагог, человек и друг. Он был организатором мировой и советской географической науки, прекрасным редактором, лектором, мудрым наставником. Профессор Юлиан Глебович Саушкин – это золотой фонд отечественной географии и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Профессор Ю.Г. Саушкин уже в 36 лет был доктором географических наук и руководителем лучшей в СССР кафедры экономической географии. Он был очень смелым и талантливым человеком, обладал обширными энциклопедическими знаниями. Ю. Г. Саушкин всегда и во всем старался быть первым. Он сделал блестящую карьеру ученого. Уже в 29 лет был деканом географического факультета Московского педагогического института им. В.И. Ленина, а в 36 лет заведовал кафедрой в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Более 20 лет его идеи буквально будоражили географическую общественность Москвы, страны и мировой географической науки. Трудно переоценить его личный вклад в дело конструктивного развития отечественной и мировой экономической и социальной географии. Ю.Г. Саушкин – автор большого числа научных и научно-популярных публикаций, в том числе 17 монографий, учебников и учебных пособий для высшей школы и учителей средней школы страны. Ключевыми для последних десятилетий работы Ю.Г. Саушкина можно считать монографии, учебные пособия и курсы лекций для высшей школы, созданные при его участии, по его инициативе и под его руководством. Это хорошо известные преподавателям вузов и студентам географических факультетов учебные пособия – «Введение в экономическую географию» (1970), «Экономическая география: история, теория, методы, практика» (1973), «История и методология географической науки» (1976), «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» (1976) и многие др. Уже после смерти Ю.Г. Саушкина в 1983 г., благодаря стараниям энергичной его аспирантки В.Г. Глушковой, вышла замечательная географическая книга о Москве – «Москва среди городов мира. Экономико-географическое исследование» (1983) (в соавторстве с В.Г. Глушковой).

В конце XX века профессор Ю.Г. Саушкин занял место лидера в ряду выдающихся отечественных ученых-географов и был лучшим среди географов мира. А сколько он сделал для развития теории и методологии географической науки, для создания и развития научной школы экономической географии Московского университета! Скольких вырастил и воспитал молодых ученых, учителей географии, беззаветно преданных своей Родине, любящих свой народ и свою страну.

Ю.Г. Саушкин родился в Москве 2 июля 1911 г. и прожил немногим более 70 лет. Он был настоящим москвичом, который любил, хорошо знал и гордился своим городом и своей родиной. У него была удивительная манера разговаривать, прекрас-

ный московский говор, умение выслушать, желание помочь и поддержать собеседника. Московский университет был для него родным и близким, а любимая кафедра – его домом. В Московском университете к нему пришли успех, признание и любовь. Секрет его успеха был прост: талант, во много раз, помноженный на кропотливый труд. Он был любимым профессором географического факультета Московского университета, ученым с большой буквы.

У многих студентов и аспирантов знакомство с Юлианом Глебовичем совпало с их первым годом учебы на географическом факультете Московского университета. Нередко он читал самые первые лекции первокурсникам географического факультета. Перед студентами и аспирантами стоял среднего роста человек с приятными чертами лица и с искренней доброй улыбкой. Этой улыбкой он щедро делился со всеми. Юлиан Глебович выглядел очень молодо, всегда был со вкусом одет, аккуратным и обходительным. Он очень уважительно и доверительно относился как к аспирантам, так и к студентам. Он всегда восхищался умными ребятами, красивыми и привлекательными девушками. Они, в свою очередь, платили ему любовью и восхищением. Профессор Ю.Г. Саушкин обладал высокой культурой общения с людьми, умел создать атмосферу комфорта и уюта где-бы ни находился: на кафедре в своем кабинете, на вокзале в зале ожидания, в гостинице. Он обладал удивительной памятью. Он на все и на всех находил время. И, что меня восхищало и удивляло, всех знал по именам! В общении он был очень прост. Он подбирал литературу не только аспирантам и молодым преподавателям, но и студентам, приносил книги из личной библиотеки (в которой были практически все научно-публицистические источники) с уже вложенной в них закладкой на нужной странице. В своей небольшой квартире супруги Саушкины могли разместить не только именитого гостя, приехавшего из другого города или страны, но и простого аспиранта, у которого не было денег на поселение в гостинице.

Профессор Ю.Г. Саушкин был гениален и прост. Гениальность заключалась в умении нестандартно и широко мыслить, эрудированности, огромном «багаже» знаний и желании делиться им с учениками и коллегами, в неиссякаемой энергии и богатом творческом потенциале. Он был очень мобильным человеком, принимал личное участие во многих российских и международных географических конференциях и заседаниях, активно читал лекции в периферийных вузах страны. Студенты и преподаватели периферийных вузов всегда видели уважительное отношение к себе. Интеллигентность и приветливость, внимательность и заботливость покоряли нас.

Профессор Ю.Г. Саушкин работал до последнего своего дня. Он был человеком исключительной увлеченности и плодovitости на идеи. Неудивительно, что его творческое наследие насчитывает такое большое число работ. Даже после его смерти издавались книги и фундаментальные статьи. Научные труды Ю.Г. Саушкина по проблемам развития экономической, социальной и политической географии еще долго будут сохранять актуальность и практическую значимость. Его глубокие знания и острый ум помогли разработать целостное представление о глобальных и региональных особенностях территориальной организации общества, развитии и взаимодействии природных и общественных систем.

Ю.Г. Саушкин был не только эрудированным ученым, но и прекрасным методистом. Он последовательно развивал идеи единства географии как науки о законах

развития пространственных систем, формирующихся на земной поверхности в результате взаимодействия общества и природы. Его деятельность способствовала появлению новых направлений в работе и форм интеграционного географического образования в высшей школе. Складывая единую картину мира, интеграционный метод помогал молодым ученым осмыслить «в каждой капле – запах океана, в каждом камне – веяние пустынь».

Мне, аспирантке профессора Ю.Г. Саушкина, посчастливилось работать под его руководством. Он был удивительным научным руководителем. Свои мысли он излагал просто, доступно и никогда не боялся что кто-то их «украдет». Более того, он «дарил» свои идеи и искренне радовался, если его аспирант добивался успехов в ее развитии. Юлиан Глебович, невзирая на свой статус и положение, мог сам оформить статью аспиранта и сдать ее в печать, написать план работы и составить программу исследования. Умение мыслить, обобщать и излагать материал, было у профессора Ю.Г. Саушкина тоже особенным. Он мог так сформулировать фразу, сделать словарный оборот, подобрать ключевое слово, что текст читаемой статьи, приобретал нужный смысл без особой корректировки и дополнительных усилий. Все аспиранты и докторанты профессора Ю.Г. Саушкина проходили успешную защиту.

Он учил нас, молодых аспирантов, будущих специалистов высшей школы России, любить географию и Родину, приобщал к большой науке, воспитывал своим примером, своей жизнью, своим отношением к науке. Он вывел многих аспирантов и докторантов кафедры экономической географии СССР Московского университета им. М.В. Ломоносова на широкий простор российской географической науки, помог стать настоящими учеными и людьми! Я горжусь тем, что среди выпускников моего поколения есть действительный член АН РФ П.Я. Бакланов.

Ученый с мировым именем, Ю.Г. Саушкин оставался скромным в жизни и очень доступным. Мы приходили к нему и его супруге Алле Михайловне Ветровой в сектор В просто так, чтобы поговорить, послушать музыку, посоветоваться. Нас всегда угощали чаем, конфетами, фруктами. А, встретив в буфете, Юлиан Глебович обязательно покупал нам что-нибудь на ужин. Иногда он приходил к нам в общежитие в гости.

Особую роль в жизни человека он отводил семье, высоко ценил тепло и целебную силу домашнего очага, дом, семья были для него «табу». Юлиан Глебович очень любил свою супругу, ценил ее человеческие качества, доброту и внимание, он был заботливым мужем.

Говорят, что незаменимых людей не бывает, но это не так! Вот уже 29 лет как Юлиана Глебовича нет с нами. Это огромная потеря для коллектива географов нашей страны, она воистину невосполнима. Сегодня нам всем очень не хватает профессора Саушкина Ю.Г., но его портрет на стене – без траурной рамки. Он навсегда остался среди нас.

В канун 100-летия со дня рождения профессора Юлиана Глебовича Саушкина мы вновь вспоминаем о нем и скорбим. Светлая память об Ученом и Человеке навсегда сохранится в сердцах его учеников и коллег.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.Г. САУШКИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Введение. Перечитывая и знакомясь впервые с работами нашего талантливого коллеги, многие годы возглавлявшего кафедру экономической географии СССР географического факультета МГУ – Юлиана Глебовича Саушкина, столетие которого мы отмечаем в 2011 году, очень остро чувствуешь его крайне серьезное, даже подвижническое, отношение к нашей науке, ее статусу и месту в системе географических наук. Неверно сказать, что он работал в экономической географии. Точнее будет определить его жизнь как служение, как выполнение мессианской задачи укрепления роли и места экономической географии в советском обществе. Думаю, что именно так он и понимал сверхзадачу своей жизни. И в этом он шел вослед своему учителю Н.Н. Баранскому, также посвятившему жизнь укреплению роли и значения экономической географии в советском обществе. Он очень остро чувствовал, особенно после смерти Н.Н. Баранского, свою ответственность за судьбу и за защиту советской экономической географии (здесь можно, например, вспомнить его критику директора Института географии академика И.П. Герасимова за игнорирование экономической географии).

Другое ощущение, которое не покидает при чтении многих работ Ю.Г. Саушкина, – это его сильнейшая послевоенная радость от пространств страны, которые дают возможность пытливому географу увидеть, не пересекая международных границ, смену ландшафтных зон и ярусов высотной поясности, беспрецедентное разнообразие городских и сельских видов хозяйственной деятельности. Например, в своих географических очерках природы и хозяйства 1947 года он пишет про то, какие новые исследовательские и практические возможности (например, при реализации единого плана осушения) дает интеграция территорий Полесья, ранее разделенных на части государственной границей Польши и СССР, внутри Советского Союза. Хорошо видно, как хрущевская оттепель раскрепостила его работы, как он воспринял формирование совнархозов как сигнал для наступательной активности экономической географии и экономико-географов в государственном строительстве и обустройстве разрушенных войной и новых необжитых пространств СССР, для более тесной связи науки и практики¹.

Наконец, третье сквозное ощущение от его работ, – это жажда творчества, постоянный поиск творческих открытий в научных исследованиях, во имя которых он часто выходил за рамки нашей науки, например, увлекался актерской системой К.С. Станиславского, которую призывал использовать в школьном преподавании географии. Неслучайно он так часто использовал понятие «комбинации» – например, энергопроизводственная цепочка как сочетание видов экономической деятельности; экономическая география как наука, которая исследует территориальные комбинации производительных сил, развивающихся в той или иной конкретной социальной среде². Давайте вспомним, что для Й. Шумпетера именно рекомбинации привычных элементов обеспечивают «творческое разрушение»³, новые сочетания старых элементов приводят к инновационному прорыву в науке и практической деятельности.

Ю.Г. Саушкина отличала редкая широта мышления. Неслучайно во многих работах он настойчиво подчеркивал пагубность изоляции от мировой науки. Воспроиз-

водя обязательную в те трудные годы программу критики буржуазных географов, он всегда одновременно с этим подчеркивал те конструктивные элементы, те творческие находки, которые советские экономико-географы были обязаны почерпнуть из зарубежных работ для укрепления своей науки. Широта его взгляда проявлялась в том, что любую исследовательскую тематику он стремился дать в контексте более широких явлений, например, процессы освоения не отдельно, а всей земной поверхности⁴.

Неслучайно его раздражали узкие темы в кандидатских диссертациях – также как и описательный характер многих из них⁵. Конструктивность его мышления проявлялась, например, в том, что он ратовал не за послевоенное восстановление того, что было ранее, а за существенное и позитивное изменение, например, структуры земельных угодий Курской области⁶.

Может возникнуть вопрос, а на каких теориях, на работах каких предшественников вззошел талант Ю.Г. Саушкина? Думаю, что можно назвать три основных теоретических платформы, которые определили характер мышления Ю.Г. Саушкина – хотя, конечно, не было пределов его эрудиции, и он был способен творчески перерабатывать знание многих сотен разных источников и исследовательских школ. Во-первых, это творчески, в интересах географической науки, усвоенные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, с которыми в те годы знакомились миллионы советских людей, но осовременить и применить их к теоретическим и практическим потребностям советской экономической географии трех послевоенных десятилетий так, как Ю.Г. Саушкин, не смог никто.

Во-вторых, это работы талантливых российских энциклопедистов конца 19 и первой половины 20 века – прежде всего философов, географов, естествоиспытателей, как тогда говорили. Многие из них сформировали уникальное направление «русского космизма», влияние которого с точки зрения широты и предельности поставленных общецивилизационных проблем развития человечества, ноосферогенеза, взаимодействия с природой, мы ощущаем до настоящего времени. Это В.И. Вернадский, Л.С. Берг, В.В. Докучаев, Н.И. Вавилов, Л.И. Мечников и многие другие, которые часто встречаются на страницах книг Ю.Г.Саушкина в описании российских научных школ. А работе В.В. Докучаева «Учение о зонах природы», изданной в 1948 году, Ю.Г. Саушкин посвятил вступительную статью.

Наконец, третья теоретическая платформа – это работы старших коллег – основателя советской экономической географии Н.Н. Баранского и отца советской теории экономического районирования, энергопроизводственных циклов и территориально-производственных комплексов Н.Н. Колосовского, которые для Ю.Г.Саушкина были постоянным источником творческого вдохновения и стимулом для собственных исследовательских усилий.

2. Перетоки знания – анализ списка литературы книги «Экономическая география: история, теория, методы, практика»

Главной книгой жизни Ю.Г. Саушкина, как можно судить по числу ссылок в международной Интернет-системе анализа научного цитирования «Publish or Perish», является его классическая монография «Экономическая география: история, теория, методы, практика», изданная в 1973 году. На 20 мая 2011 года на эту работу имелось 133 ссылки, зафиксированных в «Publish or Perish», что значительно опережает все другие работы Ю.Г. Саушкина. Второе место занимал учебник «Введение в

экономическую географию» 1970 год (52 ссылки); третье-пятое места делили работы «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» (1947 год); «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» (1980 год); «История и методология географической науки» (1976 год) – 32 ссылки на каждую книгу.

Работа Ю.Г. Саушкина названа под явным влиянием книги А. Геттнера «География, ее история, сущность и методы» (М.: 1930, под ред. Н.Н. Баранского). Одновременно все содержание книги Ю.Г.Саушкина можно расценивать как полемику с хронологическим подходом в географии, который отстаивал А. Геттнер, при полном игнорировании прав географии на исторический подход, на изучение проблемы времени, циклов, ритмов, разворачивающихся в конкретных пространствах. Книга Ю.Г. Саушкина, в которой 14 глав, в каждой главе от 7 до 13 рубрик, т.е. всего около 250 тематических сюжетов, наоборот, обосновывает конструктивность привнесения временного фактора в экономико-географические исследования.

В этой монографии 916 ссылок, что сделало бы честь и современному исследованию компьютерной эры. Для до-компьютерной эры такое количество литературных источников свидетельствует о фантастической эрудиции и работоспособности автора, и о том, что монография до настоящего времени является первоклассным обзором мировой литературы в области экономической географии, равного которому до сих пор нет в мире.

Возникает естественный вопрос: чьи статьи и книги являются чемпионами цитирования Ю.Г. Саушкина? Если не учитывать работы классиков марксизма-ленинизма, многочисленные ссылки на которые в те годы были обязательными, рассматривать только работы коллег автора в сообществе экономико-географов, то абсолютным лидером станет крупный советский специалист по проблемам географии населения В.В. Покшишевский. Ю.Г. Саушкин ссылается на его работы 21 раз. И это примечательно. В последнее десятилетие жизни у автора укрепляется интерес к «человеческой» географии, социальным вопросам географии, проблемам географического мышления. Так не было в 1950–1960-е годы, когда доминантой научных интересов Ю.Г. Саушкина были географические ландшафты, экономические районы, территориально-производственные комплексы.

Второе-третье места по частоте цитирования в книге Ю.Г. Саушкина занимают работы Н.Н. Баранского и И.М. Маергойза (11 ссылок). Это ожидаемый результат. Н.Н. Баранский был старшим коллегой и учителем Ю.Г. Саушкина, которому тот посвятил несколько своих книг. И.М. Маергойз был соратником Ю.Г. Саушкина в Московском государственном университете, многие годы возглавлял здесь кафедру экономической географии социалистических стран.

Четвертое-седьмое места по частоте ссылок (каждый по 10) занимают работы В.А. Анучина, с которым Ю.Г. Саушкин дискутировал по оценке роли географического фактора в развитии человеческих сообществ, работы ученицы Н.Н. Колосовского и младшей коллеги Ю.Г. Саушкина Т.М. Калашниковой, работы современника автора, сильного советского исследователя социальных проблем географии С.А. Ковалева и статьи ученика Ю.Г. Саушкина талантливого экономико-географа Б.Б. Родомана.

На восьмом месте по частоте упоминаний работ стоит И.А. Витвер (девять ссылок), старший коллега Ю.Г. Саушкина, занимавшийся изучением экономической географии зарубежных стран. Девятое-десятое места по частоте ссылок на их работы (по восемь) делят соратник Ю.Г. Саушкина на кафедре экономической геогра-

фии СССР в первой половине 1950-х годов, блестящий исследователь процессов комплексобразования в советской послевоенной экономике Н.Н. Колосовский и представитель школы ленинградских социальных географов О.А. Константинов.

Одиннадцатое и двенадцатое места по частоте ссылок в книге Ю.Г. Саушкина имеют работы основателя мировой региональной науки, автора нескольких монографий по теоретическим основам региональной науки и методам регионального анализа американца В. Айзарда и старшего коллеги Ю.Г. Саушкина Л.Я. Зимана (по семь цитирований). Тринадцатое-пятнадцатое места занимают работы П.М. Алампиева, В.М. Гохмана, А.Е. Пробста (по шесть ссылок).

Любопытно, что в книге очень мало ссылок на работы Л.Н. Гумилева (всего две), в основном они критические, хотя интеллектуальное влияние Л.Н.Гумилева чувствуется даже по одним и тем же цитатам классиков советской физико-географической науки, например Л.С. Берга: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида»⁷. В книгах Л.Н. Гумилева эта цитата из работы Л.С. Берга также встречается довольно часто. Ю.Г. Саушкин, несомненно, очень хорошо знал основные работы Л.Н. Гумилева, использовал их список литературы, возможно, даже конкретные цитаты, но саму теорию этногенеза не признавал.

3. Основные сюжеты книг Ю.Г. Саушкина как мосты в экономику знания, в инновационную экономическую географию

Несмотря на значительное число работ Ю.Г. Саушкина (за всю жизнь им было написано более 600 статей, рецензий и монографий), количество крупных тематических сюжетов, которые его постоянно интересовали, было не так велико – около шести. Это тема географических ландшафтов и их преобразований в результате человеческой деятельности; тема научных школ и их научных лидеров; тема экономического районирования, экономической специализации регионов, территориальной организации производительных сил; тема синтеза экономической географии с другими географическими науками, интеграции всей географии с другими областями научного знания; тема времени, возраста, истории в географических исследованиях; наконец, тема взаимодействия общества и природы. Очень важно отметить, что эти темы для автора стали сквозными в том понимании, что каждая из них, как правило, разрабатывалась не только обособленно, но также и во всех других исследовательских направлениях. Например, тема экономического районирования разрабатывалась сама по себе, но также в аспекте проблемы времени, также в тематике научных школ, также в тематике динамики природных ландшафтов, в контексте взаимодействия природы и общества.

Попробуем внутри выделенных шести «супертем» вычленить те направления, которые сегодня звучат особенно актуально в аспекте вызовов экономики знания и инновационного развития, перед которыми стоит наша страна. Поступая таким образом, мы в полной мере будем выполнять завет Ю.Г. Саушкина – добиваться максимального практического значения нашей науки.

3.1. Экономические институты и ландшафтная динамика. Как из ландшафтов высекается знание

Прошло уже почти 65 лет с момента опубликования докторской диссертации Ю.Г. Саушкина – «Географические очерки природы и сельскохозяйственной дея-

тельности населения в различных районах Советского Союза. (М.: Географгиз. 1947. 423 с.), однако ее тематика остается исключительно современной. Ведь многие страницы книги посвящены тому, как воздействуют экономические институты (прежде всего прав собственности) на ландшафтную динамику. Во времена Ю.Г. Саушкина не использовался термин «экономические институты», говорили более узко и индустриально о производственных отношениях, однако сюжетно он разрабатывал в своей докторской диссертации те же самые тематические линии, за которые Элиноор Остром в 2009 году получила Нобелевскую премию!

Э. Остром сравнивала три варианта управления общественной собственностью, в том числе природных ресурсов: государственный (централизованный), рыночный (приватизированные/частные природные ресурсы) и коллективный (общинный). Она пришла к выводу, что в последнем случае пользователи нередко находят более эффективные, чем традиционные, методы баланса конфликтующих интересов, одновременно не приводящие к исчерпанию природного ресурса в общественной собственности.

Но ведь это абсолютно перекликается с сюжетами книги Ю.Г. Саушкина. Для подтверждения приведем цитату из нее: «При общинном использовании лугов не проводилось почти никакого их улучшения, но нельзя сказать, что сельская община особо хищнически относилась к своим луговым богатствам. Иное положение оказалось при аренде лугов. Арендаторы, по большей части кулацкие хозяйства, затратив капитал, стремились получить с арендованного луга все, что только было возможно: летний укос, осенний укос отавы, а на некоторых видах лугов – три-четыре укоса в год, и кроме того использовать луга под весенние и осенние пастбища. В результате этого производительность луга сильно падала, он покрывался кочками, заболачивался. Ценные растительные ассоциации сменялись менее ценными в кормовом отношении. Хорошие сенокосы сменялись малопродуктивными выгонами. Площадь выгона и кустарника росла за счет выродившегося сенокоса. Именно к периоду, когда луга стали источником денег, когда молочное животноводство стало объектом капиталистических отношений, относится то обилие испорченных малопродуктивных сенокосов и выгонов, которое характерно для Вологодского района⁸... За десятилетия до работ Э. Остром Ю.Г. Саушкин пишет про то, что общинная собственность для сохранения ландшафтов оказывалась целесообразнее, чем частная или аренда.

В другом очерке развития Полесья автор показывает, как изменился облик ландшафтов под влиянием перехода от феодального к капиталистическому и социалистическому (государственному) хозяйству: «Бедная песчаная пашня имела для помещичьего хозяйства ценность только при вложении в нее дарового крепостного труда, а при необходимости найма рабочей силы свою ценность потеряла, тем более, что не могла дать рыночной продукции, приносящей денежный доход. Наоборот, леса и болота предоставляли большие возможности для капитализации, т.е. получения денежного дохода (с. 130)»... для феодального периода развития хозяйства Полесья было характерно сельскохозяйственное освоение песчаных гряд, связанное с частичным образованием сыпучих песков, и очень слабое использование болот, вызывавшее лишь их обезлесение и образование открытых травяных пространств. Капиталистический период в развитии хозяйства Полесья был связан с экстенсивным осушением болот под сенокосы и доходные лесные угодья; экстенсивное осушение вызвало сильное изменение природной среды торфя-

ников, но как уже говорилось, еще не меняло всей внутренней структуры физико-географических процессов болотного ландшафта Полесья. Социалистический период сельскохозяйственного производства Полесья связан с интенсивным осушением болот, распахкой торфяников и созданием культурной торфяной почвы, являющейся основой товарного производства⁹.

В очерке по ландшафтам Курской области автор обращает внимание на историческое «чересполосное землепользование Курской губернии, при котором невозможно помышлять о полезных нововведениях» (цитата К.Арсеньева из Статистических очерков России, в книге Ю.Г. Саушкина дана на стр. 236). Затем реформа 1861 года закрепила чересполосицу – крестьянские пахотные земли были выделены не сплошным массивом, а во множестве мест, в виде мелких и длинных полосок вдоль склонов. Общины порой имели земли в 50 верстах от помещичьей усадьбы.

Узкие крестьянские полоски, связанные с чересполосицей, мелкая вспашка земли крестьянским инвентарем, дробность землевладения обусловили невозможность многопольной системы хозяйства¹⁰, затормозили в дальнейшем внедрение и других технологических инноваций, например, в виде сельской телефонизации. Курская область по этому показателю и сегодня занимает последние места в России. Верится, что есть прямая связь между историческим чересполосным землепользованием в черноземной Курской губернии, лоскутным одеялом курской пашни в 19 веке, очень замедленным развитием здесь капиталистических отношений и затем торможением технологических инноваций уже в советское индустриальное время. А показатели развитости отдельных форм коммуникации (например, отсталость сельской телефонизации) это как раз и демонстрируют. История заселения Курской губернии воздействовала на размер земельной собственности и ее распределения между разными землевладельцами.

В другом очерке автор увязывает экономические институты и развитие поливного земледелия в Средней Азии: «Искусственное орошение в Средней Азии тормовила феодальная раздробленность, периодам наибольшего проявления которой было свойственно большее развитие богарного земледелия. При создании крупных централизованных государств, с которыми в Средней Азии были связаны наиболее значительные оросительные работы, богарные земли как бы «втягивались» расширившимися территориями оазисов и сохранились в «глухих местах», в которых власть центральных правительств, предпринимавших эти работы, была слаба и где в наибольшей степени сохранялась феодальная раздробленность»¹¹. Здесь опять проводится идея связи экономических институтов, типа доминирующих отношений собственности и ландшафтной динамики – в сторону поливного или богарного земледелия.

Выше были приведены примеры воздействия экономических институтов на тип ландшафтной динамики. Однако в работе Ю.Г. Саушкина есть и противоположные примеры воздействия ландшафтов, природных условий на экономические институты: «Почему долина низовьев Аму-дарьи (Хорезм) при одинаковых, более или менее, природных условиях, опередила в развитии хозяйства долины низовьев Сыр-дарьи и Или? Причина этого лежит и в различиях природных условий этих долин. Аму-дарья имела одновременно две дельты (Аральскую и Сарыкамышскую) с тенденцией перемещения рукавов реки к Аральскому морю. Людям было легче поэтому, воспользовавшись этим естественным процессом, отвоевать себе площадь Сарыкамышской дельты и покорить природу.

В долинах Сыр-дарьи и Или реки водили за собой людей, а не люди овладевали реками. Поэтому в моменты сильных исторических потрясений (нашествия полчищ кочевников с Востока) имевшиеся на Сыр-дарье и реки Или сооружения скорее уничтожались природой, а на Аму-дарье они сохранялись, с теми или иными изменениями, во все исторические эпохи¹².

Есть в этой книге Ю.Г. Саушкина разделы, в которых автор показывает роль ландшафтных факторов в выработке нового знания и маршруты его миграции из одного места в другое. Например, его очерк по Горному Бадахшану (Таджикистану), с многочисленными ссылками на Н.И. Вавилова, который первым исследовал механизм, обеспечивающий сортовое разнообразие культурных растений в горных районах, звучит исключительно современно. По сути, здесь описывается ситуация нескольких обособленных интеллектуальных платформ, на которых вырабатывается новое знание, которое впоследствии диффундирует для широкого тиражирования в среду более многочисленного и более плотно проживающего в более комфортных условиях населения.

С современной интеллектуальной платформой Горный Таджикистан роднит то, что социальные и экономические процессы протекали здесь «более изолированно от общественного и физического влияния других народов»¹³. Высказывается очень важная для понимания механизма современного инновационного процесса идея Н.И. Вавилова, что периодам массового укоренения новшества всегда предшествует период сосредоточенного и изолированного экспериментирования с ним: «вдвигаясь в процесс развития земледельческой культуры, мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур, объединивших многоплеменный состав населения, предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами. Обуздание больших рек, овладение Нилом, Тигром, Ефратом и другими великими реками требовало железной деспотической организации, создания плотин, регуляторов затопления, требовало организованных массовых действий, о которых не мог мечтать первобытный земледелец Северной Африки и Юго-Западной Азии. Всего вероятнее поэтому, что центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы»¹⁴.

Дальше Ю.Г. Саушкин подхватывает и развивает мысль Н.И. Вавилова: «Горные районы, горный Таджикистан (Бадахшан) – район первых опытов людей в отборе и возделывании культурных растений... Природные растительные ресурсы гор с их зарослями диких плодовых деревьев, многообразием видов дикорастущих злаков и других однолетних растений в связи с вертикальной зональностью – все это содействовало первобытным земледельческим опытам в горах, в том числе в долинах и ущельях Горного Таджикистана¹⁵... Жизненная необходимость искусственного орошения земли в горных ущельях вела к созданию организованных коллективов, появлению более высокой ступени производственных отношений, которые, в свою очередь, способствовали развитию земледельческой культуры»¹⁶.

Автор показывает, каким было географическое разделение труда горных долин и оазисов речных равнин в Средней Азии в выработке аграрных инноваций: «оазисы речных долин равнинной Средней Азии намного превосходили по технике земледелия, продуктивности его, по своему богатству те горные долины, в которых намного раньше началось возделывание растений, зародилось первобытное мотыжное земледелие. Превосходили оазисы их и разнообразием культур, приобретенных

благодаря широким транспортным связям с дальними странами, но намного уступали горным долинам по сортовому разнообразию культурных растений, так как в каждой из долин, отделенных друг от друга труднодоступными хребтами, земледельческая деятельность населения проходила самостоятельно и ее объединяла лишь большая или меньшая общность дикорастущих растений и тысячи лет, затраченных населением на возделывание культур... В то время как земледелие крупных оазисов речных долин равнинной Средней Азии столетие за столетием шло вперед, земледельческое хозяйство обособленных долин Горного Таджикистана сохраняло свой первобытный характер. До сих пор, несмотря на обратное влияние на него оазисов равнин, оно имеет много черт изолированно развивавшегося первобытного мотыжного земледелия¹⁷... В силу изолированности долин количество культурных растений невелико, но велико число сортов¹⁸.

В этих разделах книги Ю.Г. Саушкина разрабатывается важная для современных экономико-географических исследований и очень актуальная тема влияния географических, ландшафтных факторов на скорость коммуникации между людьми и темпы распространения инноваций в пространстве. Но еще более важным представляется тот факт, что здесь показано, как географические факторы (изолированности, труднодоступности, низкой плотности поселений) способны содействовать рождению инноваций.

Во многих разделах своей книги Ю.Г. Саушкин обращает наше внимание на то, каким образом передаются навыки экономической деятельности от места к месту, какую роль в этом играют миграции. Он описывает, что горцы высоких замкнутых долин Таджикистана отнюдь не были заперты в горах, но ввиду нужды бывали на отхожих промыслах в Фергане, Средней Азии, даже Индии. В очерке про Центральную Якутию он показывает, как «сельскохозяйственное производство, зародившееся в другой природной зоне, «привилось» в таежной полосе, приспособилось к новой природе и в процессе этого приспособления очень сильно изменило ее»¹⁹. В очерке по Южному Казахстану он снова подчеркивает, что трудовые земледельческие навыки узбеков Ферганы, дунган Син-цзяна, жителей русской лесостепной черноземной полосы повлияли на развитие земледелия у казахов, впитавших опыт ведения хозяйства соседних народов и прошлых веков²⁰... Акценты на ландшафтные детерминанты рождения нового знания, на географически обусловленные маршруты миграции нового знания, который ставит в своей книге Ю.Г. Саушкин, звучат очень конструктивно для современной школы исследователей «перетоков знания» и стимулируют их на собственные малые открытия в этом направлении.

3.2. Научные школы и лидеры: личное общение, перетоки знания и инновации

Работы Ю.Г. Саушкина отличает значительное внимание к истории науки. Он сам писал об этом следующим образом: «Знание истории науки позволяет как бы с большой высоты обозреть ее путь, лучше понять ее задачи и метод, достижения и ошибки и тем самым проникнуть в и ее будущее»²¹. Этот акцент в научном творчестве, думаю, был результатом влияния В.И. Вернадского, многие труды которого посвящены как раз истории науки²².

Но Ю.Г. Саушкин интересуется не просто история наука как таковая, его захватывают вопросы формирования и эволюции научных школ, роль научных лидеров в становлении и развитии научной школы. Именно ему принадлежит идея выделения научной школы и анализа ее формирования и развития как метода научных, в

том числе экономико-географических, исследований²³. При этом он очень четко и определенно говорит о том, что «научная школа создается методологией и научными методами ее основателя (или ряда основоположников). Четкость позиций имеет в этом деле первостепенное значение...»²⁴.

Описывая научные географические школы, автор подчеркивает, как разные потребности Западной Европы и России в географическом обосновании вопросов практической деятельности определили разные по тематике исследовательские усилия в первом и втором случаях: «Если в странах Западной Европы наука (18 века) в значительной степени была направлена на удовлетворение практических потребностей морского судоходства и заморской торговли, то в России существовали другие практические потребности – заселения и хозяйственного освоения самого большого в мире массива суши, своего рода «океана» лесов, степей, тундры и пустынь²⁵... Например, русская естественнонаучная школа Татищева-Ломоносова отражала в своих работах небывалый по своему размаху процесс хозяйственного освоения территории России. «Сами масштабы осваиваемых территорий, прежде всего Сибири, были исключительно велики и несравнимы ни с одним из других европейских государств. Их исследование требовало новых методов, целостного восприятия самых главных особенностей природы, жизни людей и возможностей хозяйственного освоения просторов России»²⁶.

В характеристике научных школ автор всегда персонифицирует ее работу, атомизируя анализ школы до конкретных исследователей – лидера или нескольких лидеров и его учеников. Ю.Г. Саушкин, в духе современной концепции перетоков знания, которой в момент написания его работ еще не было, нередко определяет каналы коммуникации, по которым знание перетекало от одного ученого к другому. Нередко это происходило в ходе личного общения научных лидеров одной или разных школ друг с другом, их общения с учениками – студентами и аспирантами.

Хотя автор и не использует модных современных терминов и концепций, существенно, он акцентирует именно те вопросы в обменах и перетоках знания, которые сегодня разрабатываются многими региональными учеными и являются передовым фронтом современной мировой общественной науки: формы и факторы личной коммуникации, ее роль в рождении нового знания, направления перетоков знания, личное общение и появление инноваций. В своем анализе научных школ и лидеров, Ю.Г. Саушкин максимально приближается к тематике «когнитивной» экономической географии.

3.3. Экономическое районирование как процесс творческой работы

Многие работы Ю.Г. Саушкина, особенно в 1960-е годы, посвящены проблеме экономического районирования²⁷. В одной из них, например, обсуждается интересный вопрос о связи размеров предприятий и размеров экономического района, вопрос, который носил дискуссионный характер в начале 1960-х годов, т.е. на стадии перехода советской экономики к позднеиндустриальному этапу господства крупных промышленных предприятий. Не приводит ли укрупнение предприятий к неизбежному увеличению, раздвиганию границ экономических районов? Не зная принципа возрастающей отдачи, действующего в условиях крупных промышленных агломераций, автор справедливо отвечает, что нет, ввиду того, что существуют резервы нарастания экономической плотности в самом крупном городском ядре экономического района²⁸.

Нет смысла пересказывать содержание работ Ю.Г. Саушкина по экономическому районированию, и так хорошо известное экономико-географическому исследовательскому сообществу. Целесообразнее вычленить из них те составляющие, которые являются для нас, экономико-географов первой четверти 21 века, наиболее актуальными с точки зрения вызовов постиндустриальной трансформации России и строительства основ новой экономики знания. Ведь очевидно, что метод районирования сохраняет свой потенциал в экономико-географических исследованиях такой огромной страны как Россия и в условиях существования смешанной государственно-рыночной экономики.

В первое двадцатилетие радикальных экономических реформ и трансформаций российской экономики популярность этого метода и число работ, ему посвященных, в России существенно сократилось по сравнению с позднесоветским периодом. Одно из объяснений – прежняя специализация российских регионов, десятилетиями складывающееся в стране географическое разделение труда между экономическими районами индустриальной эры в условиях сильнейшего за послевоенный период экономического кризиса поломались. Новые районная специализация и разделение труда между регионами, адекватные реалиям постиндустриальной эры и условиям глобализации, формируются постепенно. В этих условиях исследования по экономическому районированию потеряли былую популярность. Можно надеяться, что по мере обретения национальной экономикой черт большей устойчивости актуальность исследований нового экономического районирования России вернется. И тогда будут переоткрыты заново многочисленные, систематизирующую данную проблематику, работы Ю.Г. Саушкина.

Свое определение экономического района он выводит из работ К.Маркса: «Маркс по сути сформулировал общий закон соответствия пространства, занимаемого производством, определенной ступени развития производительных сил. При комбинации различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, связанных территориальным разделением труда, необходимо появляется такое пространство, которое получило название экономического района»²⁹. Экономический район, с одной стороны, выражает специализацию местного хозяйства; с другой стороны, общественное разделение труда, сложившееся внутри страны, а теперь и глобально.

В чем состоят основные теоретические достижения понимания экономического района Ю.Г. Саушкиным с позиций современного периода развития России и отсюда требований, предъявляемых к экономико-географическим исследованиям? Прежде всего это понимание районирования как непрерывного процесса творческой работы, видение районов как развивающихся систем³⁰. Это понимание района как синергии³¹, т.е. как территории, способной обеспечить возрастающую отдачу от комплексирования входящих в него не механической суммы элементов и факторов. Это понимание экономического районирования как инструмента технико-экономической реконструкции национальной экономики России на инновационной, постиндустриальной основе, «как инструмента территориального планирования, связанного с территориальным разделением труда и специализацией» (цитата Ю.Г. Саушкина), как обращенного в будущее, имеющего перспективный, прогностический характер. Это понимание квалифицированных кадров, в целом населения как важнейшего фактора для обоснования экономических районов, что было еще в творческой лаборатории Н.Н. Колосовского. Об этом говорит Ю.Г. Саушкин в своих лекциях по экономическому районированию³². Это идея конструктивного внутреннего противоречия в развитии

экономического района, обычно противоречия между развитием институтов (производственных отношений) и активов (производительных сил), которое придает его существованию живую динамику. Это четкость представления, что существуют старые и новые экономические районы, что в их развитии есть определенная стадийность, что внутри района должно быть ядро, способное повести за собой остальной коллектив экономического района³³.

Каковы же основы нового экономического районирования России? Для ответа на этот вопрос используем наш отзыв на диссертацию Н.В. Пороховой «Пространственная неравномерность в прогнозировании социально-экономических процессов (на примере энергопотребления)», защищенную в 2009 году на географическом факультете МГУ.

Н.В. Порохова пишет на странице 31 своей диссертации: «В постиндустриальной экономике дифференциация топливно-энергетических ресурсов в пространстве перестает быть фактором формирования новых ТПК и районов (в случае, если энергетическая и транспортная инфраструктура уже развиты)». Действительно, почему в индустриальное время ТПК формировались – автор приводит пример штата Кентукки; а в постиндустриальное время, при тех же благоприятных предпосылках, уже нет: добыча энергоносителей в штате Вайоминг и Аляске не стала основой местного комплексирования, вместо этого идет «экспорт» произведенной электроэнергии и добытой нефти. Далее автор отмечает, что глобальной тенденцией становится рост значения «социальной» энергетики – бытового, коммунального, транспортного, энергообеспечения всех фирм сектора услуг, одновременно снижается чисто производственное значение энергетики как технологического сырья, что нередко, по Н.Н. Колосовскому, становилось фактором экономического районирования.

Но можно ли согласиться с тем, что энергоресурсы уже ни в какой мере не являются фактором местного экономического комплексирования? Убежден, что нет! Они продолжают выступать фактором районообразования, но сущностно другого, чем раньше. Финансовая рента, получаемая от добычи энергоносителей, частично остается на территории и становится – при наличии эффективных институтов – основой формирования здесь, как показывает пример штата Аляска, провинции Альберта, Ханты-Мансийского автономного округа, энергознаниевой цепочки – ядра региональной инновационной системы (научно-образовательного комплекса). Такие регионы получают шанс иметь лучшие позиции в национальных инновационных рейтингах.

Вместо прежних индустриальных энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского возникает энергознаниевая цепочка – за счет конвертации ресурсной ренты в местную инфраструктуру знания. Да, местный ТПК в постиндустриальную эру на базе добываемых энергоносителей уже не возникает. Но региональная инновационная система, новый университетский комплекс с сетью венчурных фирм промышленного сервиса здесь повсеместно формируется!

Обобщая, можно утверждать, что мы наблюдаем диалектику снижения роли одних (материальных) факторов районообразования, но одновременно возвышения других, нематериальных, знаниевых, факторов районообразования. Новое экономическое районирование будет районированием не хозяйственных, но научно-образовательных структур. Косвенное тому подтверждение – постепенный (и незаметный для многих) переход от изучения территориальной структуры хозяйства к исследованию территориальной структуры российских и региональных универси-

тетов и их филиалов, территориальной структуры компетенций региональных университетов и т.д. Районирование по региональным знаниевым структурам и зонам их влияния станет прямым продолжением и развитием идей Н.Н. Колосовского, но уже для новой эпохи.

Но для этого нужно увидеть очевидную связь между энергетической рентой и формированием, разрастанием, развитием местных знаниевых структур (обучения, исследования), которые включают в орбиту своей деятельности все новые и новые элементы региональной экономики. В этом новом понимании экономического района, стержневой для него знаниевой цепочки происходит органичная увязка ресурсного развития и местной экономики знания, корреляция местной эксплуатации ресурсов, формирования региональной финансовой системы на ее основе и затем частичной трансформации ее активов в местную экономику знания, университетский комплекс, региональную инновационную систему.

Да, технологически добытые энергоресурсы теперь отрываются от своего места рождения, транспортируются по трубопроводным, морским, энергосетям совсем в другие районы. Но финансово, по уникальным компетенциям, которые необходимы для их разработки и которые есть только у местных экспертов, они сохраняют связи с территорией добычи, продолжают играть районообразующее значение, но уже в другом виде и другой форме. Имеет место не отмена экономических районов как таковых, но их модификация.

Необходимо провести ревизию индустриальной теории экономического районирования для задач постиндустриальной трансформации экономики России и ее инновационной модернизации: дать новое определение экономического района; сформулировать новые районообразующие факторы (например, глобализация, коммуникационные сети, возвышение сектора услуг и др.); определить, какие старые и новые принципы районирования работают в современных условиях; что является ядром современного районообразования (возможно, региональная инновационная система). Конечно, при этом нужно будет учитывать мировой опыт формирования новых экономических районов в Италии, странах ЕС, в США (Силиконовая долина и др.).

3.4. Как высекается новое знание от синтеза экономической географии с другими науками

Ю.Г. Саушкин как подлинно творческий человек не мог все время оставаться в недрах той науки, служению которой он посвятил всю свою жизнь. Идеи необходимости синтеза разных знаний часто присутствуют в его работах: «география – прежде всего творческое содружество физической, экономической географии и картографии»³⁴; «творческая линия стыков» приводит к ярким научным вспышкам и др. В его работах эти тенденции проявились, например, в синтезе ландшафтной и социальной истории («Географические очерки...»), в разработке теории метагеографии, призванной на математическом аппарате стать наукой-интегратором внутри семейства географических наук, во внимании к картографическим методам исследований как общем языке для всех географических наук, в использовании по аналогии методов и понятий других наук в своих исследованиях (например, гравитационного поля) и др.

Особенно в последнее десятилетие его научной биографии проявилось тяготение к другим наукам и формам творческой самореализации человека (например,

театральному искусству). Потенциал экономической географии он стал видеть в ее пограничности между семейством географических и экономических наук: «Грани наук, их крупных отраслей и подразделений особенно «чреватые» научными открытиями»³⁵. «Чем больше будет крупных исследований на контактах различных географических наук, тем лучше для теории и практики. При этом не надо бояться исследований на грани естественных и общественных географических наук...»³⁶.

В союзе с другими географическими науками он видел источник новых творческих открытий для экономической географии: «Экономическая география, не опирающаяся на знание конкретной географической среды, не умеющая учитывать законы природы при изучении развития производительных сил, т.е. отказывающаяся от совместного с физической географией раскрытия противоречий между обществом и природой и их разрешения, ... перестает быть творческой наукой»³⁷.

Описывая лабораторию научной работы других известных ему лично ученых, он опять делает акцент на их способности к содружеству с другими науками, их методическим, понятийным и аналитическим аппаратом: «И так всегда Л.С. Берг, когда это было нужно для научного анализа, использовал данные геологии и истории, археологии и экономики, филологии и биологии, палеоботаники и ихтиологии и многих других наук, смело разрушая ради синтеза и целостного исследования объекта «перегородки» между разными научными дисциплинами»³⁸.

Выступая перед студентами-первокурсниками МГУ, он опять ставит акцент, обосновывает необходимость сотрудничества внутри системы географических наук: «Наша эпоха характеризуется ростом значения синтеза явлений, относящихся к миру природы, к миру техники, к миру общественной жизни, к миру человека. На первый план развития науки теперь выходят, в частности, те науки, которые объединяют изучение природы и человека, техники и человека, общества и человека, природы и общества и т.д. (С. 5)... Социальное развитие и научно-техническая революция быстро уничтожают былую разобщенность общественных и естественных наук, физико-географических и экономико-географических наук, в частности. (С. 8)... В предстоящий век синтеза в науке в целом синтез в географии совершенно необходим... усиление тех отраслей географии, тех ее направлений, которые будут в наибольшей степени соединять исследование разных природных и социально-экономических явлений... Система географических наук станет значительно более гибкой... (С. 8-9)»³⁹. На платформе борьбы против разобщенности экономической и физической географии он выступал в дискуссиях о единой географии⁴⁰, популярных в географическом сообществе 1970-х годов.

Постоянные усилия по поиску синтеза, направлений интеграции внутри географических наук, между экономической географией и стыковыми к ней науками не-географического «поля» имели у Ю.Г. Саушкина четкое теоретическое обоснование, которое он изложил в одной из своих работ: «На самом деле наука едина и движется вперед одним фронтом, когда то одна, то другая из ветвей науки выдвигается вперед, но не может быть разрыва единой цепи человеческого знания»⁴¹...

3.5. Проблема времени, циклов, истории, возраста в экономико-географических исследованиях

Известно, что самый большой вызов для любой науки – конструирование рабочих моделей, способных эффективно интегрировать пространство и время. И почти всегда такие модели обеспечивают значительный прогресс в приращении на-

учного знания. Так, в геологии как науке о времени всегда трудно эффективно ввести факторы пространства в теоретические представления и методику научных исследований. Теория новой глобальной тектоники обеспечила конструктивную интеграцию факторов времени и пространства и обеспечила мощный прорыв в развитии геологического знания о прошлом Земли. Л.Н. Гумилев сумел ввести в процесс этногенеза, имеющий дело со временем, факторы пространства в виде «кормящего ландшафта» этноса. И опять это способствовало прорыву в нашем понимании развития народов и стран.

С другой стороны, в географии как науке о пространстве нелегко разрабатываются модели, органично ухватывающие факторы времени. Именно поэтому для Ю.Г.Саушкина стало интеллектуальным вызовом ввести факторы времени в географический анализ, в экономико-географическое исследование, соединить пространственный и исторический анализ. Вот как он сам говорит об этом: «Мечта и цель географов – сделать время еще сильнее, соединив его свойства открытия «всего сокровенного» с познанием сокровенных же сокровищ, хранимых земным и космическим пространством»⁴².

Он был озабочен этим с самых первых своих работ. Так, он рассказывает об опыте подготовки своей первой карты по заданию Н.Н. Баранского: «На составленной мною карте было отмечено время прокладки автогужевых путей, охарактеризовано современное движение и нанесены совсем умершие участки»⁴³.

Тема времени в его разных ипостасях проходит по всем основным темам исследований Ю.Г. Саушкина: в изучении ландшафтов, научных школ, экономическом районировании, взаимодействии общества и природы и др. Он вводит время, как было сказано ранее, в содержание карт и атласов. Он делает акцент на динамике пространственных систем, циклах, стадиях, фазах, ритмах хозяйства, разветвляющихся в конкретном пространстве. Он разграничивает старые и молодые экономические районы. Он разрабатывает методологию и методику экономико-географического прогнозирования⁴⁴.

3.6. Общество и природа

Тема взаимодействия общества и природы является сквозной в работах Ю.Г. Саушкина. Очень неожиданно и интересно она звучит в работе по сопоставлению тектонического и экономического районирования СССР, в которой он пишет, что разнообразие тектонических структур важно и перспективно для экономики⁴⁵.

Даже от современных мировых классиков, работы которых стали мировыми бестселлерами, например, Дж. Даймонда (книга «Пушки, микробы и сталь») его выгодно отличает сила целостного восприятия природы и общества («История природы и история общества и его производства (прежде всего производительных сил) не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны и влияют друг на друга»⁴⁶), понимания взаимодействия человека с природой как единства противоположностей, отчетливое признание того, что само влияние природной среды, характер взаимодействия человека с природой зависят от конкретной стадии развития производительных сил общества. Это конструктивная идея о том, что противоречия природы и общества специфично проявляются для каждого этапа исторического развития человечества⁴⁷.

Системное понимание взаимодействия общества и природы Ю.Г. Саушкин воспринял из работ К. Маркса и Ф. Энгельса, классиков российской географической науки конца 19 и первой половины 20 века. Конкретными инструментами изучения

взаимодействия природы и общества для Ю.Г. Саушкина стали географические циклы круговоротов веществ, в которых осуществляется обмен веществ между природой и обществом⁴⁸; цепные реакции между природой, населением, хозяйством внутри районного территориально-производственного комплекса и др.

Хочется привести здесь высказывания Ю.Г. Саушкина по нескольким направлениям взаимодействия общества и природы, которые подчеркивают его нежелание следовать мейнстриму того времени, и способность высказывать самостоятельные и оригинальные мысли.

В своей первой книге «Географических очерков...» он говорит о том, что на разных стадиях общественного развития хозяйственная деятельность человека может либо быть в согласии с природными процессами и ускорять их многократно (так, стоило человеку только подтолкнуть некоторые естественные процессы на территории Лено-Вилюйской равнины, как они пошли необычайно быстро, создавая необходимые для скотоводов кормовые угодья (с. 35); либо быть в противоречии и противостоять природным процессам в попытках затормозить их⁴⁹.

Задолго до внедрения новой концепции обуздания наводнений в США и Голландии, суть которой состоит в отказе от борьбы через строительство высоких дамб и идеологии мягкого сосуществования со стихией путем подготовки заранее долин для затопления, Ю.Г. Саушкин говорит о том, что «человеку в условиях Полесской низменности нужно не препятствовать физико-географическим процессам, а идти в том же направлении, ускоряя эти процессы и не противопоставляя им разрушающих сторон своей деятельности⁵⁰.

В разрез с научным сообществом Ю.Г. Саушкин пишет, что подлинная охрана природы состоит не столько в организации заповедников (хотя они и очень нужны), сколько в разумной эксплуатации природы, в правильном использовании в производстве законов природы, в том, чтобы многому учиться у природы, во многом следовать ей⁵¹.

4. Заблуждения Ю.Г. Саушкина

Лауреату Нобелевской премии П.Л. Капице принадлежит мысль, что «ничто так не поучительно, как заблуждение гения»⁵². Попробуем в этой связи обозначить некоторые явные ошибки мышления Ю.Г. Саушкина, отражающие интеллектуальную атмосферу того времени, в котором он жил. Они приурочены к тем сквозным темам, которые характеризуют творчество Ю.Г. Саушкина – районирование, ландшафты, взаимодействие общества и природы.

В своей работе 50-летней давности он явно недооценил возможности развития техники и технологии как факторов, изменяющих закономерности размещения производительных сил. Он категорично говорит, что «пиво перевозить крайне невыгодно, выгоднее перевозить сырье, ячмень и другое, и получить пиво на месте потребления, потому что перевозка пива – это перевозка воды. Мебель невыгодно перевозить, гораздо выгоднее перевозить дерево и делать мебель в районах потребления, чем перевозить громоздкую мебель, перевозка мебели – это перевозка воздуха»⁵³. Реалии сегодняшнего времени – это перевозка пива и перевозка мебели на дальние расстояния. Изменились технологии изготовления пива и мебели, в них значительно большую роль стали играть легкосборные модули, экстракты. С другой стороны, увеличилась роль более маневренного, чем железная дорога, автомобильного транспорта. Это позволило преодолеть те барьеры, которые во времена

Ю.Г. Саушкина казались беспрельдно высокими. Любопытно отметить, что теоретически Ю.Г. Саушкин хорошо понимал революционную роль техники в территориальной организации производительных сил, например, он писал, что «как автомобиль потребовал реконструкции старых городов с их узкими кривыми улицами, так современная техника решительно требует нового подхода к географической среде, новой территориальной организации производительных сил»⁵⁴. Однако в конкретных, отмеченных выше примерах, он явно эту роль недооценил.

Другой пример касается оценки роли природной среды в развитии человеческого общества. В какой степени природные силы независимы от человека? Современный ответ на этот вопрос существенно более позитивный, чем ответ 40-летней давности, когда доминировала идея «очеловеченной природы», того, что «количество вызванных развитием человеческого общества новых свойств, особенностей, связей явлений географической среды, нарастает с неимоверной быстротой»⁵⁵.

В духе этой интеллектуальной традиции Ю.Г. Саушкин пишет в своих географических очерках: «Нам кажется, что нельзя связывать обилие гессенки и шведки с благоприятными для них в среднечерноземных губерниях климатическими условиями. Обилие этих вредных насекомых, как уже отмечалось, связано с сильнейшей распашкой земель, а эта распашка опять-таки вызывалась, социально-историческими условиями развития сельского хозяйства этих губерний»⁵⁶.

Сегодняшние оценки, под влиянием участвовавших природных катастроф, слабо связанных с человеческой деятельностью, допустили бы более самостоятельную роль самой природы, признали бы ее меньшую «очеловеченность», чем считалось несколько десятилетий ранее. Качели пошли в другую сторону.

Интересны колебания Ю.Г. Саушкина в вопросе оценки роли климата в развитии человеческих сообществ. В одной и той же книге на одной странице он пишет, что «распад Хазарского государства был связан не только с политическими и социальными причинами, но и с естественным процессом трансгрессии Каспийского моря» (с. 96), на другой, что «неверно создавать из колебаний климата своеобразный фетиш и объяснять колебаниями климата за последние тысячелетия многие явления общественной жизни» (с. 205)⁵⁷.

И совсем очевидно заблуждение Ю.Г. Саушкина в вопросе объяснения возникновения и размещения городов сугубо индустриальными причинами: «не по принципу обслуживания, а по производственному признаку»⁵⁸. Сегодня мы видим многочисленные примеры перерождения бывших индустриальные городов в сервисные, более того, возникновения сервисных городов с чистого листа. Таковы новые реалии постиндустриальной экономики.

Ю.Г. Саушкин рассматривал экономические районы, ядром которых были территориально-производственные комплексы. Производственный процесс внутри ТПК был организован по принципу технологического конвейера, в логике технологической цепочки. Стадийная организация ТПК, ЭПЦ (в цепи от сырья до готового продукта) присутствовала в работах классика советской теории экономического районирования Н.Н. Колосовского. Однако современные креативные индустрии организованы не по конвейерному принципу линейной цепочки, а по принципу сетевой коммуникации⁵⁹. Поэтому во многих случаях на смену старому индустриальному экономическому району с ядром в виде линейной производственной цепочки возникает новый сервисный район, организованный вокруг сетевых структур. И комплексность его развития теперь понимается не как замыкание всех производств в

линейную цепочку последовательных стадий, но как тесное сопряжение основных агентов местной экономики в единую коммуникационную сеть.

Любопытно, что сам Ю.Г. Саушкин понимал сущностные особенности сетей и их отличие от других форм территориальной организации производительных сил. Они писал, что «сеть складывается постепенно и включает участки (пункты), вызванные потребностями разных эпох; при этом участки (например, железнодорожной сети), утратившие свое значение, могут сохраняться. Населенные пункты тоже, как правило, сохраняются, но оказавшись в стороне от современных потоков грузов и пассажиров поселения, морские и речные порты «хищреют» и порой исчезают с карты. Система в отличие от разновременной сети всегда современна. Система объединяет сети разных периодов в одно целое...»⁶⁰.

5. Уроки и выводы. Практически в каждой сквозной теме Ю.Г. Саушкин высказал глубокие мысли, которые сегодня звучат для нас, российских экономико-географов первой четверти 21 века, как его завет. В вопросах институциональных факторов ландшафтной динамики он предупреждал нас о том, что «многие неудачи в заселении новых районов происходили и происходят из-за того, что переселенцы на новых местах с иной географической средой ведут свое хозяйство по-старому, соответственно исторически сложившимся трудовым навыкам»⁶¹. Это можно расценить как призыв более тщательно подбирать институты, адекватные условиям конкретной природной среды, не ограничиваться при этом среднестатистическими федеральными институтами, рассчитанными на всю страну в целом и потому не способными эффективно учитывать местные особенности.

Для интеллектуального обогащения работников он призывал поощрять «сезонные перемещения колхозников из одного района в другой, в первую очередь в районы интенсивного трудоемкого хозяйства, в частности огородные». В подтверждение этой мысли он цитировал В.И. Ленина: «Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге, и на севере, и в земледелии и в промышленности, и в столице, и в захолустьи»⁶². Эти фразы сегодня, на этапе модернизации российской экономики, трансформации пространственной организации производительных сил, когда всеми осознано значение мобильности кадров в деле интеллектуализации экономики, звучат исключительно актуально.

В вопросах развития научных школ Ю.Г. Саушкин дал нам, может быть, самый главный урок: «Не может быть настоящего ученого, не посвятившего хотя бы несколько своих работ людям – своим учителям, соратникам, ученикам. Статьи и даже книги, в которых говорится о геоморфологии какого-то участка суши, или о конкретных городах, о методах исследований и т.п. быстро стареют, через несколько лет о них могут и не вспомнить. Работы же о людях, их жизни, творчестве, борьбе остаются надолго, так как людей всегда будут интересовать прежде жившие люди. И чем ярче будут очерчены образы этих людей, тем дольше будет сохраняться значение для науки не только объектов этих образов, но и их авторов»⁶³. Без памяти об учителях, без признания учениками их вклада в интеллектуальный рост не могут устойчиво существовать научные школы.

В другой работе автор пишет, что истинное творчество невозможно без непрерывного общения. Сегодня бы сказали, без активных обменов неявным знанием в

ходе личной коммуникации. Ю.Г.Саушкин дает нам хороший индикатор подлинного творчества, мастерства – в отличие от рутины. Творец способен обеспечить в ходе изложения непрерывность мысли, ремесленник предпочитает делить свой интеллектуальный продукт на отдельные, слабо связанные между собой части⁶⁴.

По теме экономического районирования и размещения производительных сил Ю.Г. Саушкин, задолго до П. Кругмана, обратил внимание на то, как оптимальная территориальная организации жизни общества способна повысить национальный экономический рост, в трактовке Саушкина – производительность общественного труда: «достигнутые даже на всех предприятиях положительные результаты могут быть обесценены при неправильной организации кооперирования и комбинирования предприятий, в процессе их агломерации в промышленных узлах и промышленных районах...⁶⁵». «Высокая производительность общественного труда достигается не только механизацией и электрификацией производства, применением достижений науки и технологии, рационализацией производства, мастерством работника и его высокой выработкой продукции, но еще и рациональной территориальной организацией производства»⁶⁶.

Будто отвечая на современные упреки Всемирного Банка в адрес России, которая якобы неэффективно и неумело использует свои пространства⁶⁷, Ю.Г. Саушкин в канун Великой Отечественной войны описывает передислокации сотен предприятий центральной России за Урал: вот причины современного растянутого расселения, коммуникаций и хозяйственной деятельности России – геополитические, а не экономические⁶⁸.

Будто предостерегая нас от современной тотальной увлеченности кластероформированием, Ю.Г. Саушкин пишет: «Надо предостеречь против искусственного «конструирования» комплексов: мы должны открыть их существование в действительности, а не выдумывать их и не наделять их несуществующими свойствами»⁶⁹.

Ю.Г. Саушкин цитирует работы К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что всякая новая производительная сила влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда. Значит, знание, которое становится полноценной производительной силой в современной экономике России, обязательно приведет к новому географическому разделению труда и новой специализации регионов.

В теме научного синтеза Ю.Г. Саушкин предупреждает нас, что обмен идеями между географами и экономистами не должен приводить к выхолащиванию географической сущности экономической географии и ее «экономизации», когда исчезает разница в сущности и методах с экономическими науками⁷⁰. Синтез не должен сопровождаться сдачей позиций экономической географии. Пожалуй, сегодня, в период возвышения статуса экономических наук и ослабления народнохозяйственной и научной роли экономической географии, этот завет звучит еще современнее, чем во времена Ю.Г. Саушкина.

На конкретных примерах региональных исследований автор призывает нас вводить сюжеты экономико-географического анализа в более широкий контекст географического разделения труда, постиндустриальной трансформации, глобализации и др.: «Система городов может быть научно исследована лишь в неразрывной связи с системой территориального разделения общественного труда – разделением народного труда внутри страны и шире международным разделением труда»⁷¹.

В теме времени в экономико-географических исследованиях Ю.Г. Саушкин дает нам поучительные примеры пространственно-временной стратификации городов,

обосновывает принципы экономико-географического прогнозирования в эру экономики знаний: «Новые научно-технические достижения, особенно в специфической форме их отражения в пространственных системах производительных сил, обычно принимаются во внимание по имеющимся «зародышам» (научным опытам, тенденциям). Экономико-географ должен внимательно следить за появлением новых «точек роста» самых разнообразных наук...чтобы прийти к экономико-географическому прогнозу»⁷².

Наконец, в теме взаимодействия общества и природы более чем за 20 лет до П. Кругмана автор говорит о «факторах первой и второй природы» в развитии человеческих сообществ, только называет их «изначальные благоприятные для человека условия природы (которые играли особенно большую роль на первых ступенях развития человечества) и вторичные благоприятные условия географической среды, которые создали для себя сами люди своим трудом, используя орудия производства и открытые наукой законы природы»⁷³.

Вероятно, самый интегральный завет Ю.Г. Саушкина для нас, его коллективных наследников в деле развития нашей общей науки – укреплять теоретическую географию: «Важно, чтобы возможно больше географов занималось теоретической географией. Это один из важнейших участков мировой географической науки»⁷⁴.

Знакомство с творческим наследием Ю.Г. Саушкина подтверждает высокий уровень советской экономической географии третьей четверти 20 века, на которую пришелся основной период его научной биографии. Задача наша как его преемников – вернуть престиж и статус нашей науки, ее теоретико-методологическую роль в семействе общественных наук и ее практическое значение для целей государственной политики и управления необъятными пространствами России.

Примечания

- ¹ Саушкин Ю.Г. Экономическая география и народное хозяйство. – М.: Изд-во «Знание», 1963.
- ² Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 91.
- ³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: ЭКСМО, 2007. – 862 с.
- ⁴ Дергачев В.А., Саушкин Ю.Г. Целостность процесса освоения всей поверхности земного шара // Вестник МГУ. – Серия географическая. – 1979.
- ⁵ Калинин Г.П., Саушкин Ю.Г. Современный уровень кандидатских и докторских диссертаций по географическим наукам и пути их улучшения // Вестник Московского университета. – География. – 1971.
- ⁶ Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 263.
- ⁷ Берг Л.С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // Берг Л.С. Труды по теории эволюции. – Л. 1977. – С. 238.
- ⁸ Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 88.
- ⁹ Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 88. – С. 148–149.
- ¹⁰ Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 243.
- ¹¹ Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 358.
- ¹² Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 311–312.
- ¹³ Гинзбург В.В. Горные таджики. – М.-Л. 1937. С. 15. Цит. по Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географиз, 1947. – 423 с. – С. 378.

- 14 Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. – Л., 1926. – С. 104. Цит по Ю.Г. Саушкин Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 380.
- 15 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 380.
- 16 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 381.
- 17 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 382–383.
- 18 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 392.
- 19 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 20.
- 20 Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз. 1947. – 423 с. – С. 325.
- 21 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 43.
- 22 См. например, Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1988. – 336 с.; Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. – 464 с.
- 23 Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980. – 268 с.
- 24 Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 422 с. – С. 171.
- 25 Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980. – 268 с. – С. 32.
- 26 Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980. – 268 с. – С. 40.
- 27 Саушкин Ю.Г. Исследование комплексного развития производительных сил экономических районов СССР. Сов. география. Итоги и задачи. – М.: Географгиз, 1960; Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1960; Саушкин Ю.Г. Территориальная организация производительных сил коммунистического общества-главная задача советских географов // Вестник МГУ. – 1961. – Серия география; Саушкин Ю.Г. Новое экономическое районирование. – М.: Знание, 1963; Саушкин Ю.Г. Территориальные сочетания энергопроизводственных циклов // Вестник Моск. ун-та. – Серия География. – 1968 и др.
- 28 Саушкин Ю.Г., Калашникова Т.М. Гипотеза перспективного развития системы районных территориально-производственных комплексов СССР. В сб.: «Экономическая география СССР в перспективе» Сб. // Вопросы географии. – 1962. – № 57. Географгиз. – С. 121–146.
- 29 Саушкин Ю.Г. «Экономическая география: история, теория, методы, практика». – М.: Мысль. 1973. – 559 с. – С. 27.
- 30 Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М., 1960. – 238 с. – С. 191.
- 31 Саушкин Ю.Г. «Экономическая география: история, теория, методы, практика». – М.: Мысль, 1973. – 559 с. – С. 97.
- 32 Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М., 1960. – 238 с. – С. 166.
- 33 Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М., 1960. – 238 с. – С. 124.
- 34 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 10.
- 35 Саушкин Ю.Г. Что такое экономико-географическое открытие? С. 134–152. Экономическая и социальная география на пороге 21 века. Смоленский гуманитарный университет. – Смоленск: Издательство СГУ, 1997. – 300 с. – С. 136.
- 36 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 24.
- 37 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 24–25.
- 38 Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 422 с. – С. 176.
- 39 Саушкин Ю.Г. География в перспективе (вступительная лекция первому курсу 1 сентября 1973 года) // Вестник МГУ. – Серия География. – 1974. – № 2. – С. 3–10.
- 40 Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М.: Изд-во МГУ, 1976.
- 41 Связь преподавания географии в школе с жизнью. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск 2001. – С. 307–332. – С. 327.
- 42 Саушкин Ю.Г. Что такое экономико-географическое открытие? Экономическая и социальная география на пороге 21 века. Смоленский гуманитарный университет. – Смоленск: Издательство СГУ, 1997. – 300 с. – С. 134–152. – С. 143.
- 43 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Географическое мышление. – Смоленск, 2001. – С. 15–42. – С. 42.
- 44 Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Мысль, 1973. – 559 с. Глава. 18. Географический прогноз. – С. 243–254.
- 45 Саушкин Ю.Г. Сопоставление сеток основных экономических и тектонических районов СССР // Вопросы географии. – 1959. – Сб. 47. – С. 104–121.

- 46 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 19.
- 47 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 137.
- 48 Саушкин Ю.Г. Географические циклы круговоротов веществ // Вести. МГУ. Сер. географ, 1978.
- 49 Саушкин Ю.Г. Географические очерки... – М.: Географгиз, 1947. – 423 с. – С. 9.
- 50 Саушкин Ю.Г. Географические очерки... – М.: Географгиз, 1947. – 423 с. – С. 119.
- 51 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Человек и природа. – Смоленск, 2001. – С. 191–212. – С. 199.
- 52 Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. Ломоносов и мировая наука. – М.: Наука, 1981. – С. 324–345. – С. 338.
- 53 Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М., 1960. – С. 142.
- 54 Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. – М., 1960. – С. 6.
- 55 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 8.
- 56 Саушкин Ю.Г. Географические очерки. – М.: Географгиз, 1947. – 423 с. – С. 252.
- 57 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с.
- 58 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 171.
- 59 Leyshon A. Time-space (and digital) compression: software formats, musical networks, and the reorganization of the music industry// Environment and planning. A. 2001. – Vol. 33. – P. 49–77.
- 60 Саушкин Ю.Г. «Экономическая география: история, теория, методы, практика». – М.: Мысль, 1973. – 559 с. – С. 445.
- 61 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 173–174.
- 62 Саушкин Ю.Г. «Географические очерки...» Цитата из работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». – М., 1947. – С. 190, 187.
- 63 Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 422 с. – С. 171.
- 64 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Поиски путей к педагогическому творчеству в преподавании географии. – Смоленск, 2001. – С. 287–306. – С. 301.
- 65 Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 559 с. – С. 9.
- 66 Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 559 с. – С. 311–312.
- 67 От Ялты до Екатеринбурга. Всемирный Банк. 2009.
- 68 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Преподавание экономической географии в условиях Великой Отечественной войны. – Смоленск, 2001. – С. 272–286.
- 69 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 340 с. – С. 104.
- 70 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Географическое мышление. – Смоленск, 2001. – С. 29. – С. 15–42.
- 71 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Об изучении системы городов Советского Союза. – Смоленск, 2001. – С. 147–155. – С. 148.
- 72 Саушкин Ю.Г. Избранные труды. Прогноз в экономической географии. – Смоленск, 2001. – С. 67–75. – С. 71.
- 73 Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. Изд-во МГУ. 1970. 340с. С. 107.
- 74 Саушкин Ю.Г. От метагеографии к теоретической географии. С. 11–20. География в системе наук. – Л.: Наука, 1987. – 212 с. – С. 11–20.

Поросенков Ю.В., Худякова Т.М. (г. Воронеж)

ПРОФЕССОР Ю.Г. САУШКИН И ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Профессор Ю.Г. Саушкин относится к числу наиболее выдающихся отечественных экономико-географов второй половины 20 века. Оценивая вклад Ю.Г. Саушкина в развитие экономической географии страны, Е.Н. Перцик [3] выделил пять основных аспектов его деятельности.

1. Ю.Г. Саушкин стал крупнейшим и авторитетнейшим приемником идей Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского и способствовал тому, что идеи московской экономико-географической научной школы стали главенствующими в нашей науке.

2. В условиях НТР, повышения значимости и обострения экономических, социальных и экологических проблем в общественном развитии страны Ю.Г. Саушкин выдвинул новые теоретические идеи, обогатившие

экономическую географию и способствующие ее трансформации в социально-экономическую(общественную) географию. Хорошо зная новые концепции и тенденции развития мировой науки, Ю.Г. Саушкин обосновал теорию применения системно-структурного подхода, использования математических методов, развития теоретической географии и метагеографии.

3. В условиях интенсивно происходящей диверсификации отечественной науки и все усиливающегося дистанцирования природной географии от экономической географии, Ю.Г. Саушкин отстаивал целостность системы географических наук, выявил как в теоретическом аспекте, так и в ряде конкретных исследований глубинные взаимосвязи географии природы и географии общества.

4. Его теоретические работы по экономической географии и географии в целом, созданные в процессе учебно-методической деятельности, стали настольными книгами для целого поколения отечественных географов и в определенной степени предопределили основные направления развития современной социально-экономической географии.

5. Международная деятельность Ю.Г. Саушкина (переведенные на иностранные языки его монографии, лекции за рубежом, участие в международных конференциях, встречи с зарубежными учеными) способствовали росту престижа отечественной географии.

К числу важнейших для современной науки теоретических положений Ю.Г. Саушкина относятся его идеи о структуре географических наук и в частности социально-экономической географии, об аспекте и основных принципах исследования. В 1976 г. в опубликованном курсе лекций Ю.Г. Саушкина по «Истории и методологии географической науки» [6] было разработано понятие о системе географических наук, в основу которой он положил учет для каждой частной географической науки специфики объектов исследования и внутренней структуры. По характеру объектов исследования Ю.Г. Саушкин выделил три подсистемы географических наук: природно-географическую, социально-экономическую и общегеографическую. В свою очередь, в зависимости от особенностей внутренней структуры частных географических наук и их функционального предназначения он выделил четыре группы: однокомпонентные, поликомпонентные, синтетические и прикладные.

В рамках такого подхода подсистема социально-экономической географии была представлена шестью однокомпонентными науками (география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта, география строительства, география торговли, география науки и культуры), четырьмя поликомпонентными науками (география населения, география городов и других поселений, география сферы обслуживания, политическая география), четырьмя синтетическими науками (экономическая география в целом и учение о ТПК, экономико-географическое страноведение, планетарная экономическая география, историческая география) и одной прикладной наукой - районной планировкой. Экономико-географы при непременном знании природно-географических наук должны учитывать и формирующиеся общегеографические науки. Среди последних Ю.Г. Саушкин выделял три поликомпонентные науки - географию природных ресурсов (оценка земель, учение о водохозяйственных проблемах и др.), медицинскую географию, географию туризма и отдыха. К синтетическим общегеографическим наукам он отнес картографию, математическую географию, исто-

рию и методологию географии, теоретическую географию, метагеографию, страноведение и историческое ландшафтоведение. А к прикладным общегеографическим наукам, по мнению Ю.Г. Саушкина, относились геоника и географическое прогнозирование.

Представленной схемой Ю.Г. Саушкин отразил результаты диверсификации внутренней структуры географии, достигнутые этой наукой к середине 70-х годов 20 века. При этом он отметил объективность процесса формирования внутри географии целой подсистемы социально-экономико-географических наук, а с другой стороны, быстрое развитие подсистемы общегеографических наук в процессе интеграции физико- и экономико-географических исследований для преодоления исторически сложившегося разрыва между «безчеловечной» физической географией и «безприродной» экономической географией [2]. Не смотря на критику со стороны оппонентов Ю.Г. Саушкина о чрезмерной его увлеченности «открытием» все новых наук, последующее развитие географии в конце 20 и на начале 21 веков подтвердило правоту ученого.

Для современной отечественной географии характерно усиление процессов межнаучной и внутринаучной интеграций. В основе первой лежит необходимость решения острейших экономических, социальных, демографических и экологических проблем современного развития страны, что усиливает связи географии с пограничными дисциплинами. Как бы сбывается предвидение В.И. Вернадского о том, что системы наук будут формироваться не на основе общности объектов их исследования, а на основе решения крупных междисциплинарных проблем. При всей прогрессивности такого развития для географии весьма тревожной выступает тенденция к «размыванию» ее границ.

Внутринаучная интеграция в географии является реакцией на ее современную чрезвычайно диверсифицированную структуру и положительно оценивается большинством исследователей, хотя этот процесс приносит немало методологических сложностей для географического научного сообщества. На протяжении многих десятилетий советского развития глубокая интеграция теории физико- и экономико-географических исследований вряд ли была возможной, хотя и было выполнено немало комплексных работ. Это вытекало из господствующей тогда марксистско-ленинской методологии, которая исходила из того, что общество и природа развиваются по разным законам и смешивать их нельзя. Поэтому физическая география относилась исключительно к естествознанию, а экономическая география к обществоведению.

Однако по мере исследования на глобальном, региональном и локальном уровнях сложнейших современных экономических, социальных, демографических и экологических проблем все большее число исследователей стали исходить из необходимости коэволюционного развития общества и природы. Теоретической основой такого подхода стала системно-структурная методология, позволяющая глубоко исследовать взаимодействия общества и природы. В этой связи уместно вспомнить мнение Р. Хартшорна – одного из крупнейших американских географов середины прошлого века, что география, в принципе, не может приспособиться к условному делению наук на естественные и общественные, поскольку она одновременно и та, и другая [4]. Более того, «граница» между естествознанием и обществоведением проходит не между, а внутри как физической, так и социально-экономической географии.

В аспекте необходимости усиления интеграции физико- и экономико-географических исследований весьма непростой является проблема определения объекта и предмета как географии в целом, так и ее социально-экономической подсистемы. При самом широком понимании под объектом науки понимается вся совокупность фактов, явлений и процессов, которую она изучает, а под предметом – конкретной аспект исследования объекта. Поэтому наука на всем историческом этапе своего развития имеет один объект исследования, но разные предметы исследования в зависимости от специфики периода ее развития.

В истории отечественной географии на каждом переломном этапе ее развития неоднократно предпринимались попытки определения объекта и предмета исследования. По мере интеграции географии наблюдается тенденция расширительно-го, общегеографического толкования понятий, сложившихся в физической географии (географическая оболочка, ландшафт), сущность которых теряется при игнорировании социально-экономических процессов. Вероятно, на современном этапе развития географии ее общим объектом исследования целесообразно считать предложенное Э.Б. Алаевым еще в 1983 году [1] понятие «геоверсум» (как часть универсума - мира в целом или всего сущего, изучаемого наукой).

Такой подход позволяет трактовать общий объект исследования социально-экономической географии как «социогеоверсум», то есть ту часть географической действительности, которая изучает эта наука. Такое понимание позволяет рассматривать такие понятия, сложившиеся на разных этапах развития социально-экономической географии, как «размещение отдельных отраслей и производства в целом», «экономические районы», «территориальные производственные (хозяйственные, социально-экономические, общественные) комплексы», «территориальная организация общества», «территориальные социально-экономические (общественные) системы» в качестве предметов, то есть аспектов исследования социогеоверсума. Все они сохраняют свой теоретический потенциал и могут использоваться в современных исследованиях, но, вероятно, наибольшие возможности в этом отношении имеют понятия «территориальная организация общества» и «территориальные социально-экономические системы».

Профессор Саушкин придавал большое значение проведению крупномасштабных исследований в регионах. Он отмечал, что в отличие от статистической случайной выборки, выявление «ключей» т.е. типичных социально-экономических объектов имеет важное методическое значение. На наш взгляд, в условиях рыночной экономики ряд теоретических и методических разработок социально-экономической географии советского периода не теряют своей значимости. Сохраняют актуальность подходы к изучению производственно-экономических связей различных хозяйственных объектов. Значительное место в исследованиях экономико-географов должны занять технико-экономические и социально-экономические расчеты для определения пропорциональности и сбалансированности элементов территориальных социально-экономических систем. Изучение социально-экономических процессов субъектов РФ должно основываться на глубоком анализе внутрирегиональных связей при формировании интегрированных образований различного уровня (акционерные общества, холдинги и т.д.). Роль детальных экономико-географических исследований взаимодействия и взаимосвязанности элементов хозяйственных комплексов возрастает в связи с выявлением инвестиционной привлекательности регионов.

Определение конкурентоспособности предприятий отраслей и регионов также базируется на анализе технико-экономических, социально-экономических и экологических показателей хозяйственных систем различных иерархических уровней и масштабов страны.

В начале 60-х годов XX века Ю.Г. Саушкин поставил перед экономико-географами важную перспективную задачу – исследование территориальной организации общества (ТОО). Считаем, что на современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации задача исследования территориальной организации российского общества приобретает особую актуальность. Субъекты федерации наделены важнейшими полномочиями в соответствии с Конституцией РФ. Выдвигаются на первый план крупномасштабные исследования социально-экономического развития республик, краев и областей.

В отечественной науке накоплен значительный научно-методический опыт исследований на региональном и локальном уровнях. В рыночных условиях, с одной стороны, происходит углубления общественно-территориального разделения труда, а с другой, – появление «депрессивных районов». Резко изменились производственно-экономические связи в регионах. Спад производства, характерный для многих отраслей экономики страны, обусловил территориальные сдвиги рынков получения сырья и зон сбыта готовой продукции. Все эти процессы приводят к изменению границ объективно сложившихся веками экономических районов России. Встает задача выделения и уточнения границ экономических районов в новых условиях хозяйствования. Здесь необходимо проанализировать трансформацию отраслевой и территориальной структур в экономике. Важно осуществить структуризацию географического пространства в различных частях государства, определить территориальную структуру и задачи совершенствования территориальной организации хозяйства субъектов Федерации.

Таким образом, профессор Ю.Г. Саушкин своей многолетней и плодотворной работой внес значительный вклад в развитие теории отечественной географии и социально-экономической географии. Теоретическое наследие Ю.Г. Саушкина содержит богатый «арсенал» подходов, методов и приемов анализа территориальной организации хозяйства и решение проблем расселения населения. Идеи Ю.Г. Саушкина сохраняют актуальность до наших дней.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономгеографии / Под ред. Ю.Г. Симонова, К. Г. Тихоцкого / Н.Н. Баранский. – М.: Географ. ф-т МГУ, 2001. – 196 с.
3. Перцик Е.Н. Юлиан Глебович Саушкин/ Е.Н. Перцик // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие: Кн. для учителей. – М.: Просвещение, 1987. – 542 с.
4. Поросенков Ю.В. История и методология географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Порсоев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 224 с.
5. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973. – 259 с.
6. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций) / Ю.Г. Саушкин. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 423 с.
7. Саушкин Ю.Г. Избранные труды / Ю.Г. Саушкин. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.

ВОСПОМИНАНИЯ О Ю.Г. САУШКИНЕ
(написаны в 1988 г. по заказу В.Г. Глушковой)

Юлиан Глебович Саушкин был настоящим русским интеллигентом и учёным широкого профиля, обаятельным и красноречивым лектором, плодовитым литератором в науке. В год его рождения такая аттестация не очень-то выделяла бы университетского деятеля из рядов профессуры. В год его смерти это выглядело как реликтовое чудо, звезда на сером фоне. Феномен Саушкина, строго говоря, необъясним без характеристики фона, но она не входит в мою задачу.

Посреди любимой им Русской равнины Ю.Г. Саушкин возвышался, как Автомедон над тройкой лошадей, всегда бежавших дружно: его лекции, его сочинения, его ученики. Он был настоящим университетским Профессором, таким, о которых грезят сегодняшние публицисты. В своих высказываниях наш Юлиан был смел настолько, насколько это было возможно, и чуточку больше; балансировал, как эквилибрист на канате. Улавливал, схватывал всё новое, передовое, нетривиальное, чтобы передать нам до того, как оно станет дозволенным. Он был проводником идеологических оттепелей, но не участвовал в закручивании гаек; выдвигал и подерживал молодёжь, шагал с нею в ногу.

Ю.Г. Саушкин принял кафедру в годы, когда Геофак ютился на задворках Моховой, а нас, вчерашних школьников в байковых шароварах и бывших фронтовиков в гимнастёрках объединяла в тесной 56-й аудитории романтика экспедиций и наивная вера в грядущее преобразование природы. Фиолетовыми чернилами и вольным художественным стилем писали профессора отчёты и отзывы о научных работах. Юлиан покинул нас в пору застоя, когда многие преподаватели стали подобострастными гувернёрами для недорослей с Кутузовского проспекта, научные отчёты превратились в стандартные бланки с машинописным шифром, а у проходной высотного Храма науки дежурила милиция. Сопrotивлялся ли Ю.Г. Саушкин нараставшей коросте или ухитрялся её не замечать? Не знаю. Должно быть, и я все эти годы витал в облаках. Для меня Ю.Г. был не заведующим, подписателем бумаг, а обаятельным учёным, влюблённым в своё дело. География в изложении Ю.Г. Саушкина казалась не только наукой, но и искусством.

Настоящий интеллигент и настоящий географ! С годами эти свойства становились всё более взаимозависимыми, оттачивались, отливались в некоторую эстафетную палочку культурных традиций, переданную нам через гуманитарную щель в железобетонной стене прагматизма и технократизма. Нельзя не быть интеллигентом, гуманистом, публицистом, если вместил в профессию весь диапазон «от геологии до идеологии». Любимыми героями Ю.Г. Саушкина были К.И. Арсеньев, Л.И. Мечников, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, А.И. Воейков, В.В. Докучаев, Д.Н. Анучин, Л.С. Берг. И сам Ю.Г. чувствовал себя их наследником.

В тридцатые годы советская наука изрядно поредела, но географии сравнительно повезло: она пострадала не столько от репрессий, сколько от роковой пропасти между физической и экономической половинами. Географы-естественники, каковых в географии тогда было большинство, искали в природе убежище от идеологического давления и не хотели связываться с напористыми марксистами. Л.С. Берг и А.А. Григорьев отrekliсь от человека и стали чистыми природоведами. В те годы, когда

судьбу «географической среды» предначертал в своём «Кратком курсе» И.В. Сталин, иных позиций у учёных, доживших до наших дней, и быть не могло.

В отличие от В.А. Анучина, Ю.Г. Саушкин даже в оттепельные 60-е годы не выступал явно под флагом «единой географии», но по существу был проводником географии комплексной, понимаемой теперь как гуманитарное естествознание. Ю.Г. Саушкин сам был отличным комплексным географом, о чём свидетельствуют его «Географические очерки...» (1947).

«Экономическая география..!» Так и звучит в моих ушах раскатистый, особо поставленный голос Юлиана Глебовича, якобы бравшего уроки ораторского искусства у артистов, со своеобразным староинтеллигентским московским произношением, в котором «э» такое же закрытое, как «и», а «если» звучит почти как «эсли». Через всю мою жизнь прошли два слова – существительное с прилагательным. На каком же из них мы сегодня должны ставить ударение?

Мне кажется, что мы должны сделать решительное ударение на слове «география». Экономическая география Н.Н. Баранского и Ю.Г. Саушкина не была частью сталинистского экономического учения. Ошельмовавшая Тюнена и Вебера, вытравившая из памяти Чаянова и Кондратьева, не заметившая Кристаллера и Лёша, отвергнувшая рынок, ренту и стоимость, советская экономическая псевдонаука ничего не могла дать экономической географии и ничего от неё не получила, несмотря на все старания наших экономгеографов улучшить командно-административную систему хозяйствования. Я имею в виду экономическую картографию и районирование Н.Н. Баранского, энергопроизводственные циклы Н.Н. Колосовского, географию сельского хозяйства Н.Н. Ракитникова.

Экономическая география не поставляла отмычек для кладовой невозобновляемых ресурсов, но и не могла препятствовать их разграблению. Мышиный писк о нецелесообразности БАМа или автозавода в Тольятти не был услышан. Школьный курс экономической географии Н.Н. Баранского оказался слишком трудным для министров. Нелегко толковать о различиях от места к месту тем, кто всю страну пытался постричь под одну гребёнку. География невольно сделалась «антигосударственной» наукой и уцелела только благодаря своей малой известности. Так чем же она всё-таки была, чем ещё может стать?

Экономическая география Н.Н. Баранского и Ю.Г. Саушкина, Р.М. Кабо и С.А. Ковалёва была в какой-то мере географией человека в самом бесчеловечном периоде истории советского общества. Это была не антропогеография и не только география населения в демографическом и трудоресурсном значении, а география всей человеческой деятельности, география антропогенных явлений. Такой географией никто в нашей стране, кроме горстки учеников Н.Н. Баранского, Ю.Г. Саушкина, С.А. Ковалёва, не занимается. Такая география нужна нам и сегодня как база для экологии человека, как основа экофильного градостроительства и районных планировок, дифференцированной финансовой и социальной политики, учитывающей географическое положение и различия от места к месту.

Ю.Г. Саушкин своевременно заразил нас оптимизмом и манией величия. География, с его подачи, казалась пупом Земли. Великая наука, охватившая всё сущее на нашей планете, молодая и древняя одновременно, такая же красивая, как голубой земноводный шар, открывающийся взору из космоса. Очевидно, наш Профессор умел вдохновлять студентов в то время, когда они ещё не были охвачены скепсисом, ставить их на необратимый путь развития в избранной ими профессии до того,

как они столкнутся с всесильной реальностью. Разочаровался бы я сейчас, да поздно: большая часть жизни прожита и отдана любимой науке.

Выступления и лекции Саушкина – это фейерверк на кафедре. Он увлекал нас и сам увлекался своими идеями так, что его заносило иногда далеко в сторону. В 40-х годах Ю.Г. породил оригинальную гипотезу об антропогенном происхождении, культурной проградации чернозёма. Природоведы закатили глаза, а Ю.К. Ефремов откликнулся стихотворением.

Кто с бальмонтовой бородкой,
В меру пылкий, в меру кроткий...?

Описав «испанскую» внешность нашего Юлиана, стихотворец переходил к сути его концепции.

Раскопав мечи и кольца
Допотопного трипольца,
Он базировал на сём
Среднерусский чернозём.
С почвой бед таких не чаяв,
Охнул в гробе Докучаев...

Занимаясь Москвой, Ю.Г. Саушкин выдал диковинную версию происхождения её названия. То было на заре научной топонимики. Теперь эта наука расцвела, гипотезу Саушкина лингвисты решительно отвергли, но окончательного решения не вынесли.

Листая труды науковедов, я с удовольствием прочитал о таком типе учёного, который мечет идеи как икру, не опасаясь, что многие окажутся ложными. Мутации мысли рассчитаны на последующий отбор. Критики и экспериментаторы для проверки гипотез всегда найдутся, а сейчас главное – высказать. «Наука – это такое сообщество, в котором ни одна новая мысль не пропадает». Мне нравится «икромётный» и «искромётный» талант Ю.Г. Саушкина: такие учёные полезны для мозгового штурма.

Жизнь внесла поправки в некоторые наши теории. Значение концентрации производительных сил Ю.Г. Саушкин возможно преувеличивал, но зато этот закон хорошо сработал в подготовке самих географов. За 17 лет моего процветания в Московском университете при Ю.Г.Саушкине наша кафедра выпустила две «могучие кучки»: в 1971 г. это были А.И. Алексеев, П.Я. Бакланов, Т.П. Варна, В.Г. Глушкова, Н.Б. Култашев, И.А. Портянский, В.Н. Севостьянов, И.Р. Спектор; в 1976 г. В.Л. Бабурин, О.И. Вендина, Г.А. Горностаева, В.Л. Каганский, Н.Н. Казанцев, С.А. Тархов, В.Е. Шувалов. Как города-спутники вокруг столицы, располагаются в хронологии вблизи этих пиков малые агломерации выпускников: М.Е. Карпель, М.П. Крылов, М.Р. Сигалов, Б.М. Эккель; Г.Л. Васильев, Н.В. Петров.

Ю.Г. Саушкин был мастером ассоциативного мышления. Его вдохновляли неожиданные связи, аналогии, парадоксы. Во всей Вселенной не было такого явления, которое Ю.Г. не мог бы остроумно связать с географией. В его представлении А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь были прекрасными географами. Статьёй в журнале «География в школе» откликнулся Ю.Г. Саушкин в 1937 г. на бурно праздновавшееся всей страной столетие смерти А.С. Пушкина. Великий наш поэт первым отметил белую берёзу в Крыму и природную высотную зональность на Кавказе, а его «Заметки при чте-

нии «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинникова» – последнее, что он успел написать перед роковой дуэлью.

Хозяйство и земная кора, хозяйство и климат, хозяйство и океан... Ю.Г. выступал не только как экономгеограф, он покушался на почвоведение, любил и понимал физическую географию, но любовь эта не всегда была взаимной. Коллеги с других кафедр нередко называли Ю.Г. Саушкина дилетантом, артистом, поэром.

Чтобы быть услышанным в век конкуренции и информационного потопа, надо громко кричать. Сегодня хотят посадить науку на хозрасчёт, рассуждают о ценообразовании на рынке научных идей. Но что за маркетинг без рекламы? Ю.Г. прекрасно рекламировал всю географическую науку, а не только свою специальность, старался за гидрологов и климатологов, откровенно презиравших географию, хотя и числившихся докторами географических наук.

Не счесть тех, кто сделался географом под обаянием Ю.Г. Саушкина. В 1963 г. 24-летняя Н.Б. Крутовская ехала в электричке с работы домой, от Подлипков до Лосиноостровской, и оказалась рядом с Ю.Г., который читал книгу на английском языке. Заметив, что Наташа читает вместе с ним, он дал ей книгу, они разговорились. Она не вышла в своей Лосинке, а доехала с Юлианом до Ярославского вокзала. Отказалась от карьеры на престижном предприятии, где была секретарём комсомольской организации при генеральном конструкторе С.П. Королёве, поступила на Геофак, потом работала в институте «Союзкурортпроект». А сколько ещё таких кадров было извлечено из провинции на гастролях Ю.Г. Саушкина!

Один английский профессор при мне спросил, каково влияние советской географии на практику. Ю.Г. ответил скромнее, чем я ожидал, но твёрдо: «Мы – учебное заведение. Влияем через наших выпускников».

В хрущёвскую оттепель Ю.Г. Саушкин вышел на международную арену и воспользовался ею сполна. Похлопывая по плечу Тэда Шабада [1], прорубил нам окна в Америку и Европу. С именем Саушкина связаны математические методы, системный подход, развитие непроизводственных сфер социально-экономической географии. У истоков модернистских течений рядом с Ю.Г. Саушкиным стояли В.М. Гохман, Б.Л. Гуревич, Ю.В. Медведков, В.С. Преображенский. С ними наш Юлиан организовал первую математическую школу для географов в спортлагере Казанского университета (1966), был он и во главе «12 апостолов», собравшихся в Риге в 1973 г. на Первый всесоюзный симпозиум по теоретической географии. Мы все сидели за одним столом, а особенно запомнилась заключительная «тайная вечеря» в небольшом элитном ресторане «Put, vejini» в глубине Старой Риги, около Домского собора.

Парадоксальна связь Ю.Г. Саушкина с математикой. В отличие от другого моего научного руководителя, «инженера лесополос» Д.Л. Арманда, Ю.Г. сам не занимался расчётами, в его сочинениях почти нет формул, он не любил цифр, не доверял статистике и количественным прогнозам. Зато он понимал математику по-новаторски, прежде всего как науку о структурах и формах. Он истолковал И.Тюнена как предтечу линейного программирования. От Ю.Г. Саушкина на одном из последних при нём заседаний кафедры я впервые услышал термин качественная математика и с восторгом принял его на вооружение, понял, в каком жанре прозы выступаю: занимаюсь отношениями «ближе – дальше» и «меньше – больше» без предварительных измерений (которые, однако, становятся возможными как вторичные, после ранжирования), и это не просто модельный трюк, но и, между прочим, приспособление науки к отсутствию правдивых карт и достоверной статистики.

Ю.Г. Саушкин перенёс к нам заимствованное у В. Бунге понятие теоретическая география, окрестив им отечественную поросль, дополнил своей метагеографией (по аналогии с метаматематикой и металингвистикой). Не столько содержание работ Ю.Г. Саушкина и его последователей, сколько их претенциозная вывеска раздражали наших оппонентов. Не нравилось им, что такая ёмкая терминологическая ниша захвачена одним специфическим направлением, сектантски обособившимся от «корифеев». Но дело сделано! Пути, пройденного под флагом теоретической географии, никто не отберёт.

* * *

Зимой 1951/52 г. я был безвестным второкурсником, но уже штудировал труды Н.Н.Баранского, мечтал о возрождении географических описаний. О предмете и методах нашей науки тогда спорили яростнее, чем сегодня. На одной из дискуссий в закоулках НИИГа [2] я послал Ю.Г. Саушкину записку.

-- Почему бы не сказать, что объект географии – территория?

-- Вы правы, но... не будем дразнить гусей!

Я лихорадочно и тайно от кафедры дописывал свой трактат и под занавес, 30 апреля, положил его на стол Ю.Г. Саушкину, а тот отнёс его Николаю Николаевичу Баранскому. Так состоялся мой первый личный разговор с Баранским. Зачёт и оценку за курсовую работу мне поставили без защиты, и вместо учебной практики я сразу отправился в Прикаспийскую экспедицию. И в дальнейшем я писал в своих студенческих работах, что хотел, а моими формальными руководителями были Н.Н. Баранский, Ю.Г. Саушкин, А.Н. Ракитников. Благодаря Н.Н.Б. моя дипломная работа была полностью опубликована в 1956 г. в «Вопросах географии» (сб. 39) и осталась самой объёмистой статьёй в моей жизни. Более того, я сам сделался её издательским редактором в Географизе.

В аспирантуру в те годы брали только членов комсомольского бюро, так что вопрос о моём распределении был предreshён. Титул «любимого ученика Н.Н. Баранского», который, кроме меня, носили Ю.Г. Саушкин, В.М. Гохман, Г.В. Сдасюк, Б.С. Хорев, В.С. Варламов и некоторые другие, помог мне легко адаптироваться в издательстве, основанном Баранским и Саушкиным. В числе моих авторов побывали почти все ведущие географы нашей страны, а в 1963 г. на мой стол легла рукопись книги Ю.Г. Саушкина «Москва», хорошо известной мне по предыдущим трём изданиям.

Работа над книгой была приятной и увлекательной, а сам я не мог удержаться, чтобы не вписать в неё множество своих строк и абзацев, -- разумеется, с ведома и полного одобрения автора. Выпуск этой книги географической редакцией издательства «Мысль» в 1964 г. был для меня большим праздником. Типография отпечатала небольшую часть тиража, включая контрольные и авторские экземпляры, на хорошей бумаге в ярко-красном переплёте, с прицелом на международную книжную выставку, а остальной тираж, как водится, сделали похуже. Юлиан Глебович и я погрузили более сотни экземпляров в такси на площади, где теперь стоит главное здание Текстильного института. Разорвав одну из пачек, автор с картинным жестом преподнёс свою книгу ошарашенному шофёру.

В 1965 г. Ю.Г. Саушкин наконец-то смог пригласить меня на работу на свою кафедру. Одновременно на Геофак пришёл предостерегающий сигнал. Ради меня, которого брали на должность всего лишь старшего инженера, собрался деканат, но Ю.Г. и Татьяна Михайловна Калашникова защитили своего протеже.

-- Кто из учёных не отличался странностями? В конце концов, нам нужны мозги.

Это Ю.Г. сказал декану А.М. Рябчикову и повторил мне в своей квартире, куда я был приглашён для воспитательной беседы. Декан разрешил принять меня на службу с условием, что Ю.Г. поручится за мою лояльность. Разговор наш шёл за чашкой чая, по-семейному.

-- Ну, ты же всё понимаешь, Борис, ты же знаешь...

-- Да, Юлиан Глебович, понимаю, постараюсь...

-- Ну, вот и хорошо, будь умницей, не подведи нас.

Я обещал не совершать поступков и слово своё, в общем, сдержал. По крайней мере, до кончины Ю.Г.

В следующие 19 лет я приходил на кафедру дважды в неделю к 15.00. В остальное время занимался своим делом. Опубликовал до сотни статей, некоторые переведены за границу, но ни одной книги, даже тоненькой брошюры вроде методических рекомендаций протолкнуть не удалось. Похвала Саушкина, восторженные отзывы других географов не помогали, а скорее настораживали издателей, наталкивались на злое молчание «отцов» факультета.

Однажды я пожаловался Ю.Г.Саушкину, что меня поливают в «Известиях ВГО», сравнивают с буржуазными учёными, проложившими дорогу фашизму. Саушкин рассмеялся.

-- Гордись этим, Борис! Вырежи этот текст, носи на груди!

Официально меня не допускали к преподаванию, вероятно, чтобы «не дразнить гусей», но изредка показывали студентам, давали читать отдельные лекции и доклады. Немногие студенты пришли ко мне сами, как я когда-то пришёл к своим руководителям, сразу сделались моими друзьями и сотрудниками на всю жизнь.

Присутствуя на студенческих и аспирантских защитах, я видел, как пестовал и выдвигал молодёжь Ю.Г.Саушкин. Тому, кто не знал, чем заняться, он предлагал оригинальнейшие темы, вплоть до «Географии мелкого хулиганства» (студентке, служившей в милиции) и «Географии мороженого», а тех, кто сам выбрал свой путь, благожелательно принимал и признавал готовенькими.

Помню, как защищал свою работу Михаил Крылов. Меня, его оппонента, хотя и считавшегося оригинальным мыслителем, но пропитанного редакторским педантизмом, смутила сумбурность изложения, а Ю.Г. вступился за своего питомца знаменитыми словами Н.Н. Баранского.

-- Лучше ворох непричёсанных мыслей, чем гладкое безмыслие.

Въедливыми вопросами и нетривиальными инициативами М.П. Крылов и сегодня будоражит нас в Географическом обществе.

Экстравагантным и одиозным казался эпатировавший своими парадоксами Владимир Каганский, специалист по географическим границам. Сам он не принадлежал к числу поклонников и любимцев Ю.Г. Саушкина, но ни на какой другой кафедре не смог бы окончить Геофак. Теперь В.Л. Каганский – признанный методолог географии и науковедения. Немало его статей опубликовано вопреки сопротивлению некоторых профессоров нашего факультета. Хорошо, что кафедра Баранского и Саушкина сберегла для науки несколько неконформистов.

Ю.Г.Саушкин мною не командовал, ничего мне не приказывал, а воздействовал на меня авторитетом учёного. Много лет он был первым читателем и критиком моих сочинений. К тому же я был бесконечно признателен ему за то, что он взял меня на службу в университет; понимал, что без его поддержки я не продержался бы в Храме и несколько месяцев. Этого было достаточно для послушания. Лов-

лю себя на мысли, что и в моих отношениях с младшими поколениями в какой-то мере идеалом служит модель научной деятельности Н.Н. Баранского и Ю.Г. Саушкина: «икромётность» творчества и руководство как покровительство.

Ю.Г. Саушкин управлял кафедрой скорее авторитарно, нежели демократично, он окружал себя фаворитами, к коим принадлежал и я, но для меня власть шефа была чем-то вроде меценатства за счёт госбюджета. Я был единственным в СССР человеком, получавшим зарплату за занятие теоретической географией. Мне выпало счастье заниматься в рабочее время только своим любимым делом. Значительно продвинулась бы вся наша наука, если бы многие учёные пользовались такими же нормальными условиями для работы.

Примечания

1. Теодор Шабад – редактор и переводчик американского журнала «Soviet Geography».
2. Научно-исследовательский институт географии. Впоследствии НИИ при факультетах были ликвидированы, а их сотрудники распределены по кафедральным и факультетским лабораториям.

Написано 28 октября 1988 г. В машинописном виде передано В.Г. Глушковой, обещавшей это опубликовать, а также Б.С. Хореву, Е.Е. Лейзеровичу, Л.В. Смирнягину и др.

Из переписки Б.Б. Родомана с В.Г. Глушковой

Борис Борисович! С.Б. Лавров, Е.Н. Перцик и я пишем книгу о Ю.Г. Саушкине. Пожалуйста, напиши для этой книги твои воспоминания о Ю.Г.С., их включим в книгу за твоей подписью... Вера Глушкова. 4.09.88.

Дорогая Вера! С этим письмом посылаю мои воспоминания о Ю.Г. Саушкине, 13 с., 2 экз. Надеюсь, что они будут опубликованы как целое, а не раздроблены и перемешаны с материалами других авторов. Копии этого сочинения я послал в подарок Б.С.Хореву и другим видным географам... Б.Б.Родоман. 31 окт. 1988.

О дальнейшей судьбе этого текста: небольшая часть этих воспоминаний в виде огромной цитаты (на несколько страниц) вошла в написанную В.Г.Глушковой брошюру, которую мне пока не удалось найти в своей домашней библиотеке, но большая часть текста осталась не опубликованной, а я полагаю, что она заслуживает публикации в связи с исполняющимся в этом, 2011 г., столетием со дня рождения Ю.Г. Саушкина.

21 февраля 2011 г. Б.Б. Родоман

Терещенко Т.А. (г. Уральск)

ЮЛИАН ГЛЕБОВИЧ САУШКИН И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Казахстану повезло. Лидеры экономико-географической школы, яркие и талантливые ученые Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский и Ю.Г.Саушкин знали Казахстан, работали в Казахстане, готовили высококвалифицированные кадры по экономической географии для хозяйства Республики и системы высшего образования Казахстана.

Н.Н. Баранский, в годы Великой Отечественной войны, с ноября 1941 года по март 1943 года, жил в Алма-Ате. Он возглавлял сектор географии в Казахском филиале АН СССР, сотрудники которого занимались географическими исследованиями территории Казахстана. Здесь же была организована аспирантура по экономической географии. Под его руководством была продолжена начатая перед войной тема «Производительные силы и размещение производства в горных и предгорных районах Южного Казахстана». Н.Н. Баранский читал лекции по экономической

географии СССР и зарубежных стран на географическом факультете Казахского педагогического института им. Абая. В этот период он работал над проблемами методологии и методики преподавания экономической географии в школе. И первыми читателями учебного пособия «Методика преподавания экономической географии» в рукописном варианте были алматинские учителя географии [1].

Николай Николаевич Колосовский во время Великой Отечественной войны, будучи членом комиссии по мобилизации ресурсов Урала и восточных районов СССР на нужды обороны, руководил исследованиями по перспективам развития транспорта Казахстана [2].

Юлиан Глебович Саушкин знаком был с Казахстаном еще со студенческих лет. Вот что он писал об этом периоде: «Я в 1930 году выбрал для своей практики почвенно-землеустроительную экспедицию Народного комиссариата Земледелия Казахстана. Меня включили в партию, работавшую в Западном Казахстане между Оренбургом на севере, Актюбинском на востоке, рекой Эмбой на юге и Каспийским морем на западе. Работа состояла из почвенной съемки (уроки М.М.Филатова оказались «золотыми»), сбора статистических данных об урожайности пшеницы, проса и некоторых других культур для установленных на контуре карты сельсовета главных почвенных типов за годы 1911 (сильнейший неурожай) или (и) 1921 (тоже засуха и неурожай) и дальше до 1929 г. Эти данные должны были быть обсуждены на собрании крестьян и официально утверждены сельсоветом с подписями и печатью. Вначале я думал, что такая процедура явится формальностью, но собрания были многочасовыми, боевыми, и я был поражен, как точно помнили крестьяне, на каком участке, в каком году, какая культура, сколько дала сбора. Потом я обработал данные и составил графики урожайности по годам и контурам с разными типами почв: исторические данные были сопоставлены с пространственными; руководители экспедиции положительно оценивали эти графики.

Трехмесячная работа в Казахстане была первой моей совершенно самостоятельной работой. Со мной было двое рабочих для рытья почвенных ям, ухода за верховыми лошадьми и других хозяйственных целей. Карт не было, и я получал схемы контуров сельсоветов с топографическими пунктами, хорошо видными издалека и другими немногими ориентирами.

Ночевали всегда на воздухе, когда в палатке, а то и под куполом звездного неба. Запах полыни, шорохи степной жизни, дрофы в кустарниках, не боящиеся нас, безоружных, мазары с тряпочками - подношениями верующих, вокруг которых летали десятки диких голубей, редкие колодцы с чуть солоноватой водой, иногда опасные пятна топких солончаков – все это было чудесно для меня – москвича, окунувшего в пестрый мир степной природы» [3].

В 1936 году в журнале «География в школе» была опубликована статья Юлиана Глебовича «Южно-Казахстанская область» и через 10 лет, в этом же журнале, статья «На южной границе богарного земледелия», в которых очень подробно, образно и красочно характеризуется природа, население и хозяйство казахстанских регионов.

Впоследствии в конце 60-х начале 70-х годов двадцатого века Юлиан Глебович дважды приезжал в Казахстан, на кафедру экономической географии Казахского Государственного университета, где читал лекции студентам и возглавлял работу Государственной экзаменационной комиссии. И тогда же началось его сотрудничество по подготовке кандидатов наук для системы высшего образования Казахской ССР в МГУ. Первой аспиранткой из Казахстана была М. Болегенова, которая в насто-

ящее время работает доцентом кафедры экономической географии Казахского национального университета им аль Фараби.

Через десять лет, в 1980 году, уже автору данной статьи посчастливилось два года «сидеть за партой Юлиана Глебовича», быть его аспиранткой (к сожалению, последней) и работать под его руководством. Мой педагогический путь, мне кажется, не состоялся бы без влияния такого удивительно талантливого человека, как Юлиан Глебович.

Нам, аспирантам 80-х, прошедшим школу Юлиана Глебовича, навсегда запомнились аспирантские семинары, на которых он будил мысль, активно дискутировал, учил правильной устной и письменной речи. Запомнилась лекция, посвященная экономико-географическим циклам, после которой, каждый из нас, аспирант первого года обучения, должен был рассмотреть данную теорию относительно своей темы исследования и кратко изложить на бумаге.

Учитель был одним из немногих научных руководителей, который писал письма и поздравления к празднику аспирантам. В них он щедро давал советы, делился своими мыслями, идеями, планами. В письмах не навязывал, а предлагал вариант какого-либо решения. Вот выдержка только из одного письма, а всего их было 10.

Он никогда не делил студентов и аспирантов на «столичных» и «провинциалов», на перспективных и бесперспективных, все они у него были равными. Более того, порой казалось, что его отношения с провинциалами были более теплыми и домашними. В 1980 году в аспирантуру на кафедру поступили 15 человек, из них 13 были не москвичами, а выпускниками вузов из различных регионов СССР: Армении, Воронежа, Казахстана, Киргизии, Мордовии, Омска, Оренбурга, Твери, Томска. Нас называли «Саушкиным призывом». Так претворялась в жизнь идея Юлиана Глебовича о создании «географических гнезд». И сегодня все выпускники его «призыва» работают в системе географического высшего образования, пропагандируют географическую науку и несут географическую культуру в массы.

Такие «экономико-географические гнезда» функционируют во всех экономических районах Казахстана, где в высших учебных заведениях работают его аспиранты и выпускники аспирантуры кафедры экономической географии МГУ. Так в Западном Казахстане аспирантуру по экономической географии в МГУ закончили – Парфенова. А.Я., Галимов А.Г., Амельченко В.И., Терещенко Т.А., Галимов М.А., Слета А., в Северном – Карстен А.А., Шакенова Т., Христолюбский В.С., в Южном – Болегенова М.Т., Темирбеков А.Т., Фурсина Г.А., Искакова К.А. Центральном – Джусупов С., а непосредственно аспирантуру Юлиана Глебовича – Болегенова М.Т., Искакова К.А., Терещенко Т.А., Христолюбский В.С. (начинал учебу под его руководством).

В настоящее время экономическая, социальная и политическая география в Казахстане представлена в Институте географии Министерства образования и науки Республики Казахстан – единственном научно-исследовательском учреждением географического профиля. В нем ведутся исследования по основным направлениям географической науки – физической, социально-экономической географии, гидрологии суши и геоэкологии. В последние годы институт был основным центром по подготовке кадров высшей квалификации-докторов и кандидатов наук.

Большая же часть географов Казахстана сосредоточена в системе образования - университетах, институтах, академиях, в основном на географических факультетах и кафедрах географии. За 20 лет количество вузов, в которых велась подготовка специалистов по географии, увеличилось. В 1986 году обучение этой специальности проводили только 7 высших учебных заведений, из них три были

в Алматы: Казахский государственный университет, Казахский педагогический институт, Женский педагогический институт. В каждом экономическом районе педагогические институты готовили учителей географии для своих регионов: в Уральске для Западного Казахстана, в Петропавловске для Северного Казахстана, в Усть-Каменогорске для Восточного Казахстана и Джезказгане для Центрального Казахстана. Обучение велось по двум направлениям: естественно-научное и образовательное. Специалистов по экономической географии университетского профиля готовил только Казахский государственный университет на дневном и заочном отделениях. Педагогические институты вели подготовку учителей по специальностям «География-биология», «География-экология» на очном и «География» на заочном отделениях.

За 20 лет независимости в Казахстане произошла полная диверсификация институциональных структур, программ и форм обучения, осуществлен переход преимущественно к университетской системе образования. Процесс оптимизации сети высших учебных заведений включал формирование многопрофильных университетов классического типа на основе объединения и слияния отраслевых и региональных высших учебных заведений или реорганизации педагогических и технических институтов в университеты.

Указом Президента в 2001 году особый «национальный» статус предоставлен восьми высшим учебным заведениям Республики. В одиннадцати областных центрах были созданы крупные региональные государственные университеты. Произошел сдвиг подготовки специалистов в негосударственный сектор образования.

Подготовка географов в Казахстане осуществляется, преимущественно, в государственных учебных заведениях. Современное обучение имеет также два направления: естественно-научное и образовательное. Естественно-научное направление представлено в Казахском национальном университете им. аль Фараби, Евразийском национальном университете, Казахском национальном педагогическом университете им. Абая, Казахстанском инженерно-технологическом университете, Карагандинском государственном университете, Западно-Казахстанском государственном университете. Большая же часть университетов и педагогических институтов страны готовит учителей географии.

Территориальная организация географического образования имеет свои региональные особенности. Подготовка специалистов по географии осуществляется в 29 учебных заведениях страны. Лидером является Южный Казахстан, где готовят специалистов по географии в 13 высших учебных заведениях, в Северном Казахстане в семи вузах, в Западном в пяти, в Восточном и Центральном в двух.

Ядром в подготовке квалифицированных географов остается Алматы. Ведущие позиции по подготовке специалистов по экономической географии остаются за кафедрой экономической и социальной географии Казахского национального университета им. аль Фараби. Здесь работал объединенный Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности физическая география, экономическая, социальная и политическая география и геоэкология.

Столица Астана не заняла ещё достойного места в системе экономико-географического образования, несмотря на то, что в ней функционирует филиал географического факультета Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова, где ведется подготовка кадров по специальности «Экология природопользования».

Следует отметить положительный факт, что в каждой области Республики имеются университеты и педагогические институты, которые обеспечивают потребности региона в квалифицированных специалистах, учителях географии.

Большой опыт и сложившиеся традиции в преподавании географии имеет Западно-Казахстанский государственный университет. В 1932 году здесь был организован естественно-географический факультет, а в 1938 году открыта кафедра географии. За более чем 80-летний период было подготовлено и выпущено более 4000 квалифицированных учителей географии по следующим направлениям: «География», «География-биология», «География, биология, химия», «География-экология», «История и география», «География и туризм». Здесь, непрерывно, начиная с 1946 года, работает географическое общество. В настоящее время на кафедре географии планируется организовать подготовку географов естественно-научного направления со специализацией английский язык. Это обусловлено тем, что в республике осуществляется программа развития школ с полиязычным обучением. В целях обеспечения конкурентоспособности страны и ее граждан вводится поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков», согласно которому необходимо развитие трех языков: казахского как государственного языка, русского как языка межнационального общения и английского как языка успешной интеграции в глобальную экономику. Объективные реалии складываются таким образом, что характерный для казахстанского общества билингвизм, постепенно начинает сменяться полиязычием.

Таким образом, в Казахстане сложилась достаточно развитая сеть вузов, ведущих подготовку квалифицированных специалистов-географов. За годы независимости сформировалась система подготовки научных кадров высшей квалификации: докторов и кандидатов наук, которая функционировала до 2011 года.

В 1999 году Казахстан присоединился к Болонскому процессу, что обусловило волну инноваций в высшей школе. В частности, в подготовке кадров, которая ведется в соответствии с требованиями Государственной программы развития образования Республики Казахстан, отмечается что « наиболее распространенной и признанной является трехступенчатая модель подготовки кадров: бакалавриат-магистратура-докторантура PhD, основанная на кредитной системе обучения».

Прекращение в 2010 году подготовки кадров через аспирантуру и докторантуру и введение новой модели подготовки научно-педагогических кадров через программы магистратуры и докторантуры PhD, при небольшом объеме государственного заказа, не способствует улучшению ситуации.

В настоящее время перед казахстанскими географами стоит ответственная задача продолжить традиции научной школы экономической географии Баранского-Колосовского-Саушкина. Это включает в себя и подготовку кадров высшей квалификации на основе государственных образовательных грантов для региональных высших учебных заведений. Такая целевая подготовка во второй половине 20 века в ведущих высших учебных заведениях Москвы и Санкт Петербурга способствовала расцвету географической науки в республике и подготовке большой армии грамотных учителей географии.

Библиографический список

1. Ярмухамедов М.Ш. Развитие географического образования в Казахстане // Географическое образование в Казахстане. – Алма-Ата, 1987. – С. 4–11.
2. Калашникова Т.М. Пророчество без чудес. – М.: Мысль, 1983. – С. 14.
3. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск, 2001. – С. 369.

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Ю.Г. САУШКИНА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ю.Г. Саушкин – выдающийся экономико-географ нашей страны. Он является ярким представителем «районной школы» экономической географии, основанной Н.Н. Баранским. Ю.Г. Саушкин разработал методологические основы социально-экономической географии. Обоснование профессором Саушкиным основных теоретических вопросов общественной географии не потеряло своего значения и в настоящее время. Особое внимание он уделял системному анализу объектов экономической географии. Об этом свидетельствует его определение экономической географии – это наука о процессах формирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем и об управлении этими системами [4].

Используя теоретическое наследие Ю.Г. Саушкина отметим основное содержание и этапы исследования территориальных социально-экономических систем на примере хозяйства субъектов РФ. Субъекты РФ в новых условиях хозяйствования в связи с углублением общественно-территориального разделения труда в стране – важнейший объект крупномасштабных географических исследований.

Хозяйство субъектов РФ – представляет собой территориальную социально-экономическую систему, имеющую многомерную структуру и характеризующуюся иерархическим строением. Переход к рыночной экономике обусловил влияние новых условий и факторов на формирование хозяйства. Создание многоукладной экономики, новых форм собственности, возможность самостоятельно вести внешнеэкономическую деятельность – все это обусловило работу в условиях конкуренции: Конкурентоспособность в рыночных условиях приобретает особое значение. Для обеспечения конкурентоспособности предприятиям региона необходимо добиваться сбалансированного эффективного производства. При этом особую значимость приобретает система управления на всех хозяйственных уровнях. Эффективность управления зависит от соотношения рыночных и государственных методов экономического и организационного регулирования. Поэтому правовыми, административными, экономическими рычагами государство должно воздействовать на развитие отраслей хозяйства. Опыт реформ 1990-х годов свидетельствует о том, что если государство не вмешивается в формирование рынка, он регулируется криминальными структурами и в меньшей степени поддается контролю [3].

Реформа местного самоуправления – один из наиболее актуальных вопросов современной региональной экономики России и важный фактор развития субъектов РФ. Согласно Конституции каждый субъект РФ наделен правами и полномочиями. От того, как администрация субъекта будет работать, во многом зависит уровень жизни населения региона. Совершенствование организационно-управленческой структуры региона создали условия для конкуренции товаропроизводителей.

Исследование территориальных социально-экономических, хозяйственных систем включает следующие этапы:

- выявление производственной структуры на основе выявления анализа связей и взаимоотношений производств;

Рис. 1. Производственная структура хозяйства субъектов РФ

- изучение территориальной структуры путем анализа пространственных взаимоотношений элементов системы;
- совершенствование территориальной организации системы на основе метода экономического районирования.

Изучение производственной структуры системы основано на анализе видов связей, их классификации, что создаёт условия для изучения внутреннего строения системы. Выявление функций производств и сложившихся связей предприятий и отраслей, позволяет определить стадии основного процесса по выпуску готовой продукции, а также сопутствующие и обслуживающие производства и службы (рис. 1).

На рисунке отражена не только внутренняя структура системы – межотраслевые комплексы (1, 2...N) и их связи, но и показаны разнообразные виды связей рассматриваемой системы с элементами производственной инфраструктуры региона и с ресурсами многоцелевого назначения (земля, вода, трудовые ресурсы).

Среди всего многообразия отраслей и сочетаний производств формирующихся в субъектах Федерации необходимо выделить главные отрасли являющиеся отраслями специализации, сложившимися в процессе территориального разделения труда. Они являются основой формирования специализированных межотраслевых комплексов (1, 2...N). Выделяются следующие виды связей:

- производственно-технологические в структуре МОК;
- производственно-экономические с объектами производственной инфраструктуры;
- социально-экономические по использованию рабочей силы и услуг социальной инфраструктуры;
- эколого-экономические с природными ресурсами многоцелевого назначения и обратные.

Следующий этап исследования – анализ территориальной структуры системы на основе изучения пространственных взаимоотношений и взаимосвязей производств. Структуризация географического пространства России – это основная проблема географической науки по мнению П.Я. Бакланова [1]. Он исследовал механизм формирования территориальных структур хозяйства, изучил закономерности формирования территориальных структур и выделил следующие их элементы: узлы, ареалы, рыночные зоны и т.д. [2, с. 37]. Сложившиеся исторически структура хозяйства субъекта РФ может быть и не рациональной. Поэтому необходимо установление ее пропорций и сбалансированности, что изучается на следующем этапе.

Завершающий этап исследования – совершенствование территориальной организации хозяйства на основе метода районирования. Понятие «территориальная организация хозяйства» – одна из основных категорий экономической географии при изучении как районных, так и районных комплексов. Задача экономико-географов заключается не только в описании структуры хозяйства в территориальном аспекте, но и в изучении особенностей и эффективности различных форм территориальной организации производства.

Территориальная организация хозяйства субъекта РФ представляет собой процесс установления рациональной структуры и связей предприятий основных отраслей, обслуживающих и дополнительных производств на основе прогрессивных форм общественной организации производства (специализации, размещения, концентрации, комплексирования, кооперирования, комбинирования и интеграции). На основе технико-экономических и социально-экономических расчётов выявляется взаимодействие элементов хозяйственной системы, определяется районобразующая роль отдельных предприятий, что определяет границы хозяйственных районов. Анализ внутрирегиональных различий в уровне развития хозяйства позволяет выделить мезорайоны (внутриобластные, внутрикраевые, внутриреспубликанские) в пределах субъектов РФ. Ю.Г. Саушкин отмечал: «Именно районирование выполняет функцию выделения упорядоченных, организованных пространственных систем, создавая тем самым основу для различных видов территориального управления [4, с. 414]. Район мы рассматриваем как прогрессивную форму территориальной организации хозяйства субъекта РФ. Район представляет собой специализированное производственно-территориальное сочетание предприятий и служб по выпуску готовой продукции, характеризующееся определенным уровнем экономического развития.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Структуризация географического пространства – основа теоретической географии / П.Я. Бакланов // Теория социально-экономической географии: Современные состояния и перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. / Юж. фед. ун-т. – Ростов н /Д, 2010. – С. 12-21 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П.Я. Бакланов. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
3. Радугин Н. Государственное регулирование агропродовольственного комплекса АПК / Н. Радугин, В. Любимов // АПК: Экономика, управление. – 1999. - №7 – С. 5-24.
4. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.

ВКЛАД Ю.Г. САУШКИНА В СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СССР

Казенное название этой статьи предполагает анализ всего корпуса работ Юлиана Глебовича Саушкина (1911-1982), относящихся к теоретической географии, причем анализ всесторонний и возможно менее пристрастный. Однако текст фактически посвящен размышлениям только над двумя работами Ю.Г. Саушкина (Гуревич, Саушкин, 1966; Гохман, Гуревич, Саушкин, 1968) и взгляду на современное состояние теоретической географии сквозь призму этих работ. Юбилей выдающегося ученого, ушедшего от нас несколько десятилетий назад, – не просто обязанность воздать дань уважения, это значительно более трудный, а часто и неприятный долг осмыслить путь, пройденный после его смерти. Ведь история науки, по В.И. Вернадскому (1863-1945), является инструментом ее развития. Поэтому необходимо не просто с почтением снять шляпу, а взять этот инструмент в руки.

Между тем сколько-нибудь серьезное знакомство с историей науки лучше всякого огуречного рассола отрезвляет тех, кто опьянен безудержной верой в прогресс и считает его линейным и однонаправленным в силу душевной простоты или личной заинтересованности. Перечитывая лучшие статьи 60-х годов, трудно отделаться от мысли о том, что география с тех пор во многих очень важных отношениях не столько поднималась к новым вершинам, сколько спускалась с них. Читая курс «Методология современной географии» на географическом факультете МГУ, автор выглядит перед студентами смелым новатором именно потому, что пытается донести до них методологические представления 60-70-х годов. Строго говоря, методология современной географии вряд ли вообще стоит того, чтобы учить ей студентов.

Даже структуру нашей науки Ю.Г. Саушкин и его ближайшие соратники кроили на вырост. Отсюда и математическая география, и метагеография, в выделении которых из теоретической географии сейчас, увы, нет никакой нужды. Ведь математика, по мысли Ю.Г. Саушкина, должна была стать главным языком теоретической географии. «Не получилось ли так, – писали Б.Л. Гуревич и Ю.Г. Саушкин – что ряд географов в поисках новых путей, ведущих вперед из описательной стадии развития науки, увидели выход в «количественных» методах, в калкуляции, сводящей существо дела к получению конкретных численных показателей. Эти географы не заметили, что оказались во власти своего рода «цифрового эмпиризма», который чужд теоретических построений, не дает возможности открыть новые закономерности, уводит в сторону от математического метода в географии. Задачей последнего является в первую очередь открытие, уяснение и систематизация географических структур, в свете которых и конкретные численные показатели приобретают научный смысл, становятся вычислимыми с разумной степенью точности, несмотря на чрезвычайную сложность, многофакторность географических явлений и процессов (цит. по: Саушкин, 2001, с. 60, здесь и далее в цитатах курсив источника)».

В рассмотренных статьях представляется важным выделить следующие положения:

1. Выбор в пользу квазитеоретической концепции познания, признание того постоянно забываемого обстоятельства, что результаты опыта излагаются на языке теории и соответственно теория решает, что может наблюдаться в эксперименте, по А. Эйнштейну (1879-1955). Между тем не только старшее поколение географов, но даже молодежь находится в плену совершенно архаичных представлений, считая экономические районы или ландшафты столь же объективно существующими, как острова или реки. В противоположность этому меньшая (и худшая) часть научного сообщества вовсе спустила флаг и перешла на позиции постмодернизма, отрицающего саму объективную реальность. Но наука – доказательное знание, если мы повествуем об образах пространства, рассматривая как их носителей самих себя, то ни о какой доказательности речи быть не может. Между тем географии чтобы остаться наукой, необходимо пройти между Сциллой наивного реализма и Харибдой отрицания объективной реальности. Ю.Г. Саушкин еще в 60-е гг. понимал, что нитью Ариадны может стать только квазитеоретическая концепция познания, хотя и не употреблял сам этот термин. Мы никогда не должны терять веру в существование объективной реальности, но всегда должны исследовать зависимость получаемой ее картины от используемых нами теоретических построений.

2. Примат теорий по отношению к моделям. Изогранный математический аппарат ни при каких обстоятельствах не может компенсировать убожество теоретических положений, лежащих в основе моделей. Именно потому Ю.Г. Саушкин так высоко ценил работы Б.Б. Родомана, намечавшие пути формализации географических структур. Даже заимствования из физики оказывались плодотворными в географии лишь тогда, когда они допускали переинтерпретацию в географических понятиях. Так, завораживающе красивая попытка У. Айзарда определять кривизну социально-географического пространства по отклонению от прямой пассажиропотоков в поле тяготения города-гиганта не имела существенных продолжений: пассажиры пользуются разными видами транспорта, и тогда пришлось бы для каждой категории пассажиропотоков вводить свою метрику пространства. Между тем энтропийные модели получили широкое распространение, поскольку разница в доходах, например, хорошо поддавалась отображению в таких моделях, не создавая непреодолимой многозначности. Это относится и к моделям диффузии, включая диффузию нововведений, где идейной основой служит представление о необходимости личного контакта для распространения инноваций.

3. Полиструктурность объектов изучения географии и необходимость поиска инвариантов пространственной организации географических систем. Именно в статье Б.Л. Гуревича и Ю.Г. Саушкина было впервые введено понятие географических структур, а также разработаны теоретические представления о них, которые до сих пор не представляются ни устаревшими, ни примитивными. Соавторы опирались даже не на достижения физики, на что и сейчас решаются самые отчаянные из нас, а на математику Н. Бурбаки: «Весьма важно для географии, что понятие математической структуры, построенной аксиоматически, не требует определения природы (субстрата) тех элементов, которые образуют ту или иную структуру. В работе Н. Бурбаки описываются основные типы математических структур – порождающие структуры и дается классификация математических теорий, опирающихся

не на внешнее сходство (алгебра, анализ, теория чисел, геометрия), а на концепцию иерархии структур, идущую от простого к сложному, от общего к частному. ...тем самым получит полную определенность математическая география как наука о географических структурах, т.е. структурах пространственного размещения, сочетания, взаимодействия природных и общественных комплексов (цит. по: Саушкин, 2001, с. 58)».

4. Необходимость разработки представлений о географическом пространстве, определяемых характером изучаемых географией процессов, т.е. представления о пространстве должны быть не первичными по отношению к изучаемым географией процессам, а производными от них. Это положение фактически продолжает размышления В.И. Вернадского о необходимости разработки особых геометрий для описания биологических явлений, равно как и некоторых других явлений, изучаемых естественными науками. Парадоксально, но географическое пространство, священная корова нашей науки, фактически остается не более чем метафорой. Мы до сих пор с чувством рассуждаем о нем, как знатоки о букете изысканного вина, но, кажется, даже не стремимся облечь наши представления в формализованные теоретические конструкции, к чему призывал нас Ю.Г. Саушкин.

5. Необходимость разработки математического аппарата, адекватного задачам, стоящим перед географией. Это положение тесно связано с предыдущим, но имеет важную специфику: оно ориентирует нас не просто на сотрудничество с математиками как со своего рода мастерами по ремонту, способными нам решить (как тогда говорили, обсчитать) какие-то конкретные задачи, а на смелые поиски контактов с элитой математической науки, с теми, кто способен создавать новые направления в математике. Именно таковы были привлеченные Ю.Г. Саушкиным к нашим делам замечательные математики И.М. Гельфанд (1913–2009) и М.Л. Цетлин (1924–1966). При этом первый из них был не только известным математиком, но и биологом, автором работ в области нейрофизиологии, а второй был еще шире по своим научным интересам, поскольку работал не только на ниве биологии и медицины, но также социологии и структурной лингвистики.

К этой славной когорте принадлежал и Б.Л. Гуревич (1904–1968), о котором нельзя не сказать добрые слова. Время сметает все на своем пути, и уже не осталось не только тех, кто стоял у штурвала нашей науки в звездные часы количественной и теоретической революций (счастливое исключение – Ю.В. Медведков, который, к нашему сожалению, сейчас далеко), но и тех, кто их знал. Лишь во всемирной паутине чудом запутались воспоминания профессора филологии, прекрасно знавшего Б.Л. Гуревича и с теплотой описавшего как его самого, так и его жизненный путь (Соколянский, 2004). Б.Л. Гуревич, человек исключительно любознательный и разносторонний, после войны работал доцентом на геолого-географическом факультете Одесского университета. Еще до войны, учась на мехмате МГУ (это было его второе высшее образование, первое – филологическое), он близко познакомился с И.М. Гельфандом и А.Н. Колмогоровым (1903–1987). Понятно, что столь неординарный человек и при этом талантливый математик был полезен Ю.Г. Саушкину, как вихрь увлекавшему за собой людей. Именно в соавторстве с Б.Л. Гуревичем написаны лучшие статьи Ю.Г. Саушкина в области теоретической географии. Но и для Б.Л. Гуревича, чья безвременная кончина оборвала это плодотворнейшее сотрудничество, совместные исследования с Ю.Г. Саушкиным стали вершиной и венцом его научного творчества. Не-

даром проф. Соколянский, высоко ценивший Б.Л. Гуревича как пушкиниста, ставит на первый план именно его вклад в географию.

6. Представление о единстве географии как о методологическом единстве. Одной из самых любимых методологических идей Ю.Г. Саушкина была идея структурного изоморфизма – тождества структуры без тождества элементов содержания, который и лежит в основе применения математических методов. Не будем придавать чрезмерное значение марксистско-ленинской фразеологии, иногда (но далеко не всегда!) отражавшейся в публикациях тех лет, особенно когда приходилось отбиваться от идеологических обвинений, далеко не безобидных по тем временам. Не только сочинения таких «обвинителей», но и они сами уже давно и прочно заботы, но работы творцов количественной и теоретической революций в нашей стране, среди которых Ю.Г. Саушкин был неформальным лидером, не просто по-прежнему интересны нам, они еще сослужат нам добрую службу.

Переходя от рассуждений о структурах и структурном изоморфизме на языке теоретической математики Н. Бурбаки на язык более привычный и понятный широкому географическому массам, В.М. Гохман (1918–1986) и Ю.Г. Саушкин писали: «Авторы этой статьи не раз высказывались против такого понимания «единой географии», когда «целостность» восприятия материального мира земного шара достигалась отсечением от географии наук, образовавшихся в процессе ее дифференциации (геоморфологии, климатологии, и многих других), и упрощением действительности, сведением ее основы к одной только природной основе. С такой «единой географией» советским географам не по пути. Но есть и другое понимание целостности системы географических наук, которое мы зовем «единством географии»... Такое понимание географии как целостной системы взаимосвязанных, взаимопроникающих географических наук хорошо согласуется с закономерной дифференциацией географии, позволяет широко использовать результаты глубоких аналитических исследований «частных» географических дисциплин и приобщать эти дисциплины к географическому синтезу, к раскрытию сложного диалектического противоречивого единства истории материального мира Земли и ее пространственного выражения в виде геосистем и геоструктур (Гохман, Саушкин, 1971, с. 10–11).

Мы сами быстро меняемся вместе со временем и потому далеко не всегда успеваем заметить, как изменилось оно само. Листая не пожелтевшие от времени страницы 77-го сборника «Вопросов географии (1968)» - «Математика в экономической географии», даешься диву: сколь же было квалифицированным в математическом отношении наше научное сообщество, сколь многие плодотворно трудились на этом поприще! Увы, еще при жизни Ю.Г. Саушкина тонус стал снижаться, в 1981 г. был фактически исключен из научного сообщества Ю.В. Медведков, подавший заявление на эмиграцию, а после смерти Ю.Г. Саушкина с кафедры ушел С.М. Гусейн-Заде, оставивший яркий след в математическом моделировании расселения. Ему, скорее всего, просто стало скучно. Еще очень многие блестящие исследователи ушли в мир иной, либо в другую сферу деятельности, или же уехали в другие страны. Почти никто не пришел им на смену. По нынешним временам даже трудно представить, что изданный тиражом 8500 экз.

77-й сборник «Вопросов географии» разошелся очень быстро, в то время как изданный тиражом 600 экз. сборник трудов Ю.Г. Саушкина лишь через несколько лет стал библиографической редкостью. Сейчас мы гораздо дальше от понимания того, что книга природы написана на языке математики, чем почти полвека назад, когда Ю.Г. Саушкин со товарищи пустились в отважное интеллектуальное предприятие, результаты которого мы теперь изучаем, как материалы отчаянно смелой экспедиции, по маршруту которой никому и в голову не приходит отправиться самому.

Между тем оснований для оптимизма все меньше и меньше, поскольку деградирует само научное сообщество, меняются его ценностные установки и мотивация ученых. Как говорят французы, нет ничего худшего, чем привычка к худшему. Если в советские времена мы внутренне отторгали многие мерзкие стороны жизни учебного, считая их глубоко чуждыми науке с ее высокими принципами бесстрашного поиска объективной истины, то сейчас мы внутренне принимаем ту сюрреалистическую реальность, в которой живем. Мы согласны с тем, что нам платят за количество публикаций, как за макулатуру, принимаемую на вес, хотя прекрасно осознаем губительность такого подхода для развития науки. Мы играем как малые дети в нелепейшие игры с научным цитированием, вполне представляя их абсолютную глупость. Мы не восстаем против финансирования науки через систему грантов, не обеспечивающей ни поддержки институтов строгой профессиональной критики, ни воспроизводства научных кадров и уже не ведущей, а приведшей к распаду научного сообщества.

Мы даже не говорим о концепции устойчивого развития с тем сарказмом, с каким говорили между собой об исторических решениях очередных Съездов КПСС. Мы вообще не имеем никаких масштабных задач, но такие фигуры, как Ю.Г. Саушкин, могут сформироваться только на большом деле. Мы уже утрачиваем само представление о географии как о науке, тем более науке фундаментальной (Ханин, 2010). Зачем нам тогда вообще нужна теоретическая география, хранилище методологических принципов, теоретических конструкций и математических методов! Даже выдавливание географии из средней школы вызывает крайне вялую реакцию нашего сообщества, хотя нетрудно представить, что Ассоциация американских географов в аналогичной ситуации гудела бы как растревоженный улей.

В чем можно было бы не согласиться с Ю.Г. Саушкиным, опираясь на методологические достижения прошедших после его смерти десятилетий? Мы больше не должны считать единственно правильной одну теорию и всегда стремиться сделать выбор в ее пользу. Мы обогатились представлениями о полиморфизме теоретического знания, о возможности сосуществования двух или нескольких различных теорий описывающих одни и те же явления. Такая ситуация очень типична для экономической науки, но она часто возникает и в других областях знания, включая и физику, и географию. Однако эти идеи развивались Н.Ф. Овчинниковым (1915–2010), замечательным философом науки, еще в 70-е годы. Ему же принадлежат четкие представления о структуре как об инвариантном аспекте системы, которые были разработаны еще раньше.

Весьма много дала синергетическая революция последней трети XX в., благодаря которой представления о самоорганизации, о спонтанном возникновении структур из хаоса в диссипативных системах (открытых, неравновесных и

нелинейных) стали общенаучными. В географии тоже в последние четверть века стало принято писать не о пространственной организации, а о пространственной самоорганизации. Благодаря работам И. Пригожина (1917–2003), Г. Хакена, С.П. Курдюмова (1928–2004) каузальное (причинное) объяснение уже не рассматривается как единственно возможное и в области явлений мезомира, доступных нашему непосредственному чувственному восприятию. Наряду с ним может применяться и финалистское (телеологическое) объяснение, предполагающее, что процесс детерминирован не начальными условиями, а конечным состоянием. Однако, как и в случае с системным подходом, применение синергетики в географии по большей части сводится к использованию соответствующей терминологии (аттракторы, точки бифуркации, темпомиры...), в лучшем случае – понятийного аппарата. Применение же математического аппарата для исследования странных аттракторов – сложных неперiodических решений, своего рода лабиринтов, в которых блуждает процесс, тормозится совершенно недостаточным уровнем математической подготовки географов, который за последние 30 лет только снизился, причем очень зримо.

Обсуждение проблем единства географии могло бы стать куда более плодотворным при опоре на представления о программно-предметной симметрии (то, что для одной науки является предметом, для другой является методом), сформулированных блистательным философом М.А. Розовым (1930–2011), весьма интенсивно разрабатывавшим методологические проблемы экологии и географии. Однако иногда складывается впечатление, что вклад М.А. Розова в методологию географии более ценим философами, нежели самими географами, хотя у философов науки много объектов для приложения сил, а у географов М.А. Розов – почти единственный из наиболее ярких отечественных философов, оставивший нам в наследство ценный вклад в методологию нашей науки.

Вспоминая Ю.Г. Саушкина, мы вспоминаем время, когда мы были на очень достойном уровне в теоретических исследованиях, возможно, в чем-то даже опережая наших зарубежных коллег. В плане использования математических методов мы едва ли могли претендовать на лидерство, но все же выглядели вполне пристойно. Сейчас на Западе спадает мутная волна постмодернизма, но преобладающий прагматизм, потребительское отношение к науке неизбежно порождают поверхностность, мелкотемье и никак не способствуют серьезным прорывам. Впрочем, мы все больше и больше отстаем даже от этого уровня. Едва ли наших выпускников за очень редким исключением можно считать хотя бы квалифицированными ремесленниками. Совершенно непонятно, что же они умеют. Если мы не желаем все дальше и дальше откатываться назад, нам следует сделать нашу отсталость нашим конкурентным преимуществом. Не имея масштабных задач, поставленных перед нами государством, мы можем вернуться к тем теоретическим задачам, которые были выдвинуты Ю.Г. Саушкиным и его соратниками в 60–70-е годы, и попытаться их решить. Впрочем, такая возможность представляется тоже чисто теоретической.

Библиографический список

1. Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Математический метод в географии // Вестник Московского университета. – Серия география. – 1966. – №1. – С. 3–28.

2. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии // Вопросы географии. – Сб. 77. Математика в экономической географии. – М.: Мысль, 1968. – С. 3–14.
3. Гохман В.М., Саушкин Ю.Г. Современные проблемы теоретической географии // Вопросы географии. Сб. 88. Теоретическая география. – М.: Мысль, 1971. – С. 5–28.
4. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.
5. Соколянский М. Служение науке и поклонение поэзии. <http://www.migdal.ru/times/47/4199/> 2004.
6. Ханин С.Е. Поиск путей развития социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 126–134.

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ МЕТОДОМ ВКЛЮЧЁННОГО НАБЛЮДЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Вторая половина XIX в. интересна появлением разнообразных исследовательских материалов, посвящённых сельской местности. Причин тому было несколько: в первую очередь, появилась возможность изучать крестьян, самостоятельно организующих хозяйство и принимающих решения отдельно от помещиков. Кроме того, ещё до реформы 1861 г. правительству требовались более подробные знания о тех, кого реформа затрагивала непосредственно. В пореформенный период положение крестьянства стало не менее сложным и шатким, что привлекло к себе внимание интеллигенции. Одновременно с этим в политической жизни настала «оттепель», и цензура позволяла издавать довольно смелые для того времени материалы о жизни крестьянства.

Дополнительные возможности для детального изучения крестьянской жизни давала возникшая в 1864 г. земская система. Значительное развитие сети сельских школ и земских больниц требовали притока образованных специалистов, которые нередко начинали вести записи, фиксируя впечатления от погружения в незнакомый для себя мир деревни. Свои наблюдения они могли проверить статистическими данными, которых благодаря проводимым в 1880–1910 гг. подворным переписям набрался значительный массив. Возможна и обратная связь: появление большого количества новой статистики потребовало её анализа, и провести его наиболее качественно могли именно те, кто непосредственно соприкасался с крестьянами: земские врачи, учителя, помещики. Земская реформа охватила не всю территорию Российской империи – земства были учреждены лишь в тех губерниях, где наблюдалось сплошное сельскохозяйственное освоение и, как следствие, было наиболее развито помещичье землевладение: центр Европейской России и Поволжье. «Национальные окраины», Европейский Север, где основная масса крестьян были черно-сошными, Кавказ и Сибирь остались вне новой системы земств. Подворные переписи там не проводились.

Одни из наиболее популярных работ того времени, написанные земскими врачами – это статистико-этнографические очерки А.И. Шингарёва («Вымирающие деревни»), Д.И. Жбанкова («Бабья сторона»), отличающиеся не только подробным анализом ситуации, но и лёгким публицистическим слогом, сделавшим их доступным широкому кругу читателей. При этом почти в каждом земстве были свои авторы и исследователи (Веретинников И.В. – в Дмитровском уезде Московской области, Шиндловский Г.И. – в Землянском и Задонском, и др.), чьи труды сейчас рассредоточены по областным архивам. Помимо очерков о конкретных уездах и губерниях в то время появлялись и более общие работы, основанные на анализе земской статистики и проведении полевых наблюдений на территории Европейской России. Одним из наиболее интересных для географии населения трудов является работа М.С. Уварова «О влиянии отхожих промыслов на санитарное состояние России» («Вестник общественной гигиены», 1896, № 7), в которой собраны данные из 126 уездов 20 губерний России.

К другой группе причин, вызвавших повышенный интерес российской интеллигенции к деревне, вероятно, можно отнести «общее настроение» в обществе того

времени. С одной стороны, многих беспокоило непростое положение крестьянства, с другой стороны, ещё не утихли суждения славянофилов о самобытности и духовной культуре русского крестьянства. В связи с этим появляются работы публицистов и писателей, проживших какое-то время в деревне и несколько ближе столкнувшихся с сельским мироустройством. Их работы носили характер заметок, отрывков, писем и имели целью «лишь обратить внимание на эти порядки знающих и думающих о народе людей» [4]. К подобным работам можно отнести творчество Г.И. Успенского («Власть земли», «Нравы Растеряевой улицы», «Люди и нравы современной деревни»), А.А. Фета (сборник очерков «Из деревни», публиковавшихся в «Русском вестнике» 1862–1871 гг.), Н.А. Энгельгардта («Письма из деревни», выходившие в номерах «Отечественных записок» в 1872–1882 гг.). Два последних автора долгое время прожили в сельской местности, самостоятельно организуя хозяйство в усадьбе и постоянно взаимодействуя крестьянами. Они позволяли взглянуть на современную им деревню с двух сторон: и «изнутри», вникая в тонкости сельской жизни, и «сверху», рассказывая о том, как непросто выстраивать любые отношения с крестьянством.

Третья группа причин развития исследований сельской жизни в конце XIX – начале XX вв. касается науки, в первую очередь, этнографии. Учреждённое русским фабрикантом и меценатом князем В.Н. Тенишевым «Этнографическое бюро», существовавшее с 1897 по 1901 гг., провело детальное изучение сельской местности центральной России, охватив широкий круг вопросов крестьянской жизни от фольклора до политических взглядов. К сожалению, огромный массив информации до настоящего времени полностью так и не обработан. В отечественной географии стали появляться комплексные описания, сочетавшие в себе традиционные описания и анализ земской статистики. Классическим трудом того времени считается «Мураевенская волость» П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Не менее интересна работа его дочери, Ольги Семёновой-Тян-Шанской «Жизнь Ивана», где этнографические заметки о жизни «среднестатистического крестьянина» Ивана дополняются рассмотрением крестьянских бюджетов и сельской экономики того времени.

В рамках данного исследования были подробно рассмотрены лишь некоторые работы того времени. Выборка их может считаться случайной, тем не менее, автору хотелось рассмотреть труды различных исследователей: земских врачей, помещиков, публицистов, учёных для различных по географическим условиям местностей.

Дискуссионным остаётся вопрос о том, можно ли говорить об использовании метода включённого наблюдения применительно рассматриваемым источникам. Никто из авторов не был социологом и не стремился использовать социологические методы. Д.Н. Жбанков и А.И. Шингарёв – земские врачи, А.А. Фет и Г.И. Успенский – писатели и публицисты, О.П. Семёнова-Тян-Шанская – учёный. Более того, многие авторы придерживались определённых программ (составленных ими предварительно или позаимствованных у других исследователей), хотя включённое наблюдение, как правило, бывает неструктурированным [7]. Тем не менее, одно из важнейших условий – нахождение на месте наблюдений и непосредственное наблюдение, реакция – соблюдает каждый автор. Все работы содержат в себе большое количество описаний, впечатлений, дополняются цитатами и историями, что позволяет отнести их опыту включённого наблюдения. Даже довольно узкие темы исследований земских врачей (в обоих случаях все стороны крестьянского укла-

да интересовали их лишь как факторы санитарного состояния территорий) только указывают на более точную фокусировку наблюдения, т.к. авторы поднимали широкий круг вопросов, преследуя цели «описать условия, деятельность людей, которые в ней участвуют и значение того, что наблюдалось» [7].

Д.И. Жбанков сосредоточил внимание на изучении отхожего промысла, вернее, на изучении местности, где основное количество трудоспособных мужчин отправлялось в отход. Он подробно изучал мотивы, заставлявшие сотни крестьян ежегодно отправляться в города, рассматривал сезонность отхода, состав отходников, экономическую сторону данного явления, маршруты и способы перемещения крестьян. Автор внимательно изучает отрицательные и положительные стороны отходничества. Основные негативные последствия:

1) отход, преимущественно, происходит в летнее время (бурлачество, строительство зданий и мощение улиц в городах) – все полевые работы остаются на плечах жён, которые нанимают работников, а наёмный труд заведомо хуже. Или женщины сами управляют хозяйством, что даёт им нелегко и влечёт за собой ряд заболеваний и приводит к снижению рождаемости;

2) экономически отход оправдан не всегда: до 1/3 заработка может уйти на дорогу, нередко растраты заработанных денег в последние дни «питерского кутежа» и кражи, много денег уходит на поддержание «щёгольских привычек», которые отходники приобретают в городах;

3) в городах крестьяне теряют навыки сельскохозяйственного труда, приобщаются к пьянству, приобретают болезни и дурные привычки;

4) усиливается «отрицательный отбор», т.к. «в отход идёт почти всё лучшее из деревни, а здесь остаются различные неудачники»[1];

5) тяжкое положение женщин, оставшихся без мужей и сыновей: тяжёлый труд и необходимость самостоятельно управлять хозяйством, оставшиеся без должной заботы маленькие дети, трудности совместного жилья со свекровью – частые «разделы», как следствие – женское пьянство и множество болезней, вплоть до бесплодия (до 11% всего женского населения в фертильном возрасте)

В то же время автор видит и неоспоримые плюсы массового отходничества: в первую очередь, экономическое положение всё равно улучшается, что приводит к иным стандартам потребления (появляются «городские» предметы быта, книги, фабричная одежда). Новые привычки требуют большей заботы о крестьянском жилище, избы отходников, как правило, чище и просторнее, что заметно улучшает санитарное состояние и повышает качество жизни. Другое важное следствие – это повышение грамотности, притом не только среди отходников, которые многому учатся в городе, но и среди крестьянских детей, т.к. в зимнее время отходники, «сидя на готовых хлебах», нередко берутся учить детей грамоте, составляя конкуренцию земским школам.

В целом, автор не даёт однозначной оценки массовому несельскохозяйственному отходу, признавая его объективную выгоду и в то же время указывая на негативные последствия. При этом основное беспокойство его состоит в том, что вследствие отходничества нарастает раскол между поколениями, между сельским и городским мирами, последствия которого пока слабо прогнозируемы.

Другой земский врач – А.И. Шингарёв – сосредоточил своё внимание на факторах санитарного неблагополучия местности, в число которых входят экономические условия, промыслы, жилище, размер земельного надела и др. Свои наблюде-

ния автор иллюстрирует статистическими данными, высчитывая корреляционную зависимость заболеваемости от перечисленных выше факторов. Шингарёв признаёт, что, описывая довольно типичную для перенаселённого Черноземья ситуацию, он выбрал населённые пункты с самыми неблагоприятными медицинскими характеристиками (крайне высокой заболеваемостью и отрицательным естественным приростом, что для времени демографического взрыва было редкостью), чтобы «хотя бы чисто фактическим материалом, голосом сухих и мёртвых цифр, напомнить о живых и страдающих людях, очертить, в какие невыносимые условия существования поставлены эти люди у себя дома, в своей убогой хате, со своей удручающей темнотой, показать, как гнетуща эта мертвящая действительность их родного села». В числе основных «зол» деревни Шингарёв видит мелоземелье, от которого происходит крайняя бедность крестьян, отсюда – тяжёлая санитарная обстановка, низкий уровень грамотности (детей не отправляют в школы, т.к. без них невозможно управиться с хозяйством), поиск несельскохозяйственных промыслов. Положение наблюдаемых селений недалеко от губернского центра повлияло на возникновение здесь особого промысла – питомнического. Крестьяне берут младенцев из Воронежского сиротского приюта на «откорм», часто младенцы оказываются больными и заражают крестьян, кроме того, нередко они не доживают до года, увеличивая показатели смертности на селе. Подводя итог исследованию, автор замечает, что все современные проблемы «стоят в непосредственной зависимости от социальных ошибок прошлого времени и от общих современных условий русской жизни, лишивших её свободного развития, самостоятельности и просвещения».

О.П. Семёнова-Тян-Шанская сосредоточила внимание не столько на экономической стороне крестьянской жизни, сколько на нравственных аспектах. Возможно для неё, образованной городской барышни, наблюдаемая картина была столь пугающей, что все её впечатления отразились в работе «Жизнь Ивана» резкими, лишёнными снисхождения и сантиментов главами. На страницах книги автор повествует о добрачной жизни крестьян, об экономической стороне браков, об отсутствии заботы о детях, о варварских способах врачевания («грызь заговаривать» и т.п.), много внимания уделяет нравственности крестьян в целом. Ранняя смерть Семёновой-Тян-Шанской не позволила ей закончить свой труд, поэтому издание представляет собой две части: описание жизни собирательного персонажа Ивана и набор заметок о сельской жизни, оставшихся без авторских выводов. В целом, в книге «Жизнь Ивана» наиболее ярко показаны две линии: низкий уровень грамотности и нравственности крестьян, когда нормы поведения формировал страх наказания (церковного осуждения или денежного штрафа от земского старосты), и крайне низкая мотивация к труду (крестьяне работали только в страду, к дополнительному заработку стремились лишь в неурожай, а в урожайные годы «убрав свой хлеб, ложатся на печку – и не надо им ничего, кроме хлеба и тепла, и «хозяйки», которой можно помыкать»).

В работах публициста Глеба Успенского в отличие от других авторов нет плана описания и методики наблюдения. Он пишет лишь о наиболее ярких, на его взгляд, эпизодах из сельской жизни, сопровождая их собственными рассуждениями об устройстве сельской жизни. Он обращает внимание на то, что место его наблюдения – не Нечерноземье с массовым отходом в города и не малоземельный Центр, а «житница русской земли с обилием хороших земель» – Самарская губерния – где крестьяне не имеют недоимок, тем не менее, и здесь много несправедливости и тя-

гот крестьянской жизни. К числу основных акцентов наблюдений Успенского можно отнести следующие:

- после отмены крепостного права организующую роль в деревни на себя взяли общины, которые ставили своей целью заботиться о каждой крестьянской семье. Автор говорит о «нравственном одиночестве крестьян... т.к. с одной стороны – круговая порука и обязанности, нередко навязанные, с другой – каждый отвечает лишь за себя, и никто не поможет, ни мир, ни государство»;
- как следствие этого – то, что каждый член общины думает лишь о прямой грошовой выгоде лично для себя, чем умело манипулируют земские старшины и писари, по-своему распоряжаясь мирской казной и поражая своей «искренностью беззакония»;
- отсутствие тех, кто готов заботиться о крестьянах, отсутствие «внимательного деревенского жителя, без которого деревня стоскуется и разбредётся, а что и останется в ней, потеряв аппетит к крестьянскому труду, будет только бессильным рабочим материалом в руках тех, кто даст хоть какой-то заработок»;
- многие крестьяне, видя тяготы деревенской жизни и невозможность изменить косную структуру деревенского уклада, стремятся заработать денег и выбиться в кулаки, что ведёт к нарастанию раскола внутри деревни.

Стоит отметить, что автор не выдержал «этой деревенской муки» и сбежал из деревни, не прожив в ней и одного лета.

В очерках А.А. Фета содержится множество отвлечённых рассуждений автора о сельском труде и сельской жизни, и, в целом. Его, в первую очередь, беспокоила невозможность выстраивания отношений с крестьянами на новых началах. Он постоянно сталкивался с тем, что крестьяне готовы к диалогу лишь в случае нужды, как правило, прибегая к уловкам («Явите Божескую милость!»), в остальное же время неохотно соглашались на работу и с недоверием принимают все предложения помещика. Значительная часть работы посвящена экономическим и практическим наблюдениям об организации аграрного производства.

Обобщая работы авторов рубежа XIX–XX вв., можно выделить ряд сквозных сюжетов и наблюдений. В первую очередь, отмечается резкая негативная оценка всего происходящего на селе. Безусловно, для этого были объективные причины, но, возможно, сказывалось и ослабление цензуры и «мода» на резкие, обличающие режим и правительству работы. Все авторы говорят о невысокой ценности жизни крестьян (они не ценят ни собственную жизнь, ни жизнь своих близких), об отсутствии мотивации к труду, кроме вечной нужды. Многие начинают опасаться за судьбу русской деревни, т.к. наряду с тревожными демографическими показателями они наблюдают начало изменения общественного уклада и постепенное перемещение крестьян в города (не только на заработки, но и на постоянное проживание). Кроме А.И. Шингарёва, который впоследствии вошёл в состав Временного правительства, никто не может предложить никаких путей выхода из сложившейся ситуации, авторы лишь стремятся рассказать о том, что происходит, надеясь, что «когда-нибудь впоследствии, пройдя случайно через чьё-нибудь яркое сознание, мои бледные образы вспыхнут и оживут хоть на мгновение».

Многие проблемы, описанные в рассмотренных работах, актуальны и сегодня. Современные исследователи сельской местности по-прежнему говорят о тяжёлом положении жителей деревни, отмечают крайне низкую мотивацию к тру-

ду и стремление к мгновенной выгоде. Всё чаще звучат разговоры о том, что оставшиеся в сельской местности становятся «бессильным рабочим материалом». Как и прежде, всюду бедность, пьянство, отход на заработки. Даже «дикий» питомнический промысел сохранился до настоящего времени, лишь немного изменив форму (раньше брали младенцев из сиротских приютов, теперь – подросших детей из детских домов, но за то же государственное пособие). Основное отличие состоит в том, что на рубеже XIX–XX вв. демографический потенциал села был в разы больше современного, и если прежде были лишь робкие опасения «вымирания деревни», то сейчас это явление на исследуемых территориях стало уже повсеместным.

Библиографический список

1. Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-Этнографический очерк. – Кострома: Губернское издательство, 1891.
2. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) – Москва: Энциклопедия российских деревень, 1995.
3. Семёнова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из чернозёмных губерний. – Москва: Изд-во «Ломоносовъ», 2010.
4. Успенский Г.И. Люди и нравы современной деревни: (Из деревенского дневника). – Ч. 2. – Москва, Л.Ф. Снегирев и М.Н. Маракуев, 1879-1880.
5. Фет А. «Из деревни» очерки 1862–1872 http://dugward.ru/library/katalog_alfavit/fet.html
6. Шингарёв А.И. Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Статистико-социологические исследования в дореволюционной России. – Москва: УРСС, 2010.
7. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалёв Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. – Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 2009.
8. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем //1872–1887. – М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956.

Благовестова Т.Е. (г.Смоленск)

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

В современной социальной и экономической географии говорят о становлении нового направления – географии уровня и качества жизни населения. Сегодня категория «качество жизни» – это достаточно широкое междисциплинарное понятие, позволяющее с позиции системности и целостности подойти к осмыслению проблем жизнедеятельности современного человечества. Данная категория затрагивает также и управленческий аспект, поскольку усиление территориальной дифференциации качества жизни населения в современных условиях является одной из угроз региональному развитию.

В отечественной науке с конца 90-х годов XX века наблюдается активное развитие как теоретической, так и методической базы исследований по данной проблематике. Однако судьба данного понятия в отечественных общественных науках складывалась непросто.

Впервые среди ученых о качестве жизни в своих работах заговорили американские социолог Д. Рисман («Одинокая толпа», 1950 г.) и экономист Дж. Гэлбрейт («Об-

щество изобилия», 1958 г.). В 1970-е годы и как понятие, и как концепция «качество жизни» неоднократно подвергалось жесточайшей критике в советской литературе. В концептуальном плане разговоры о «качестве жизни» были призваны «...«доказать» мнимые преимущества буржуазного образа жизни перед социалистическим» [13, с.150].

В период с 1970 г. по 1980 г. концепции «образа жизни», «уровня жизни», «качества жизни», «стиля жизни» неоднократно обсуждались на международных конференциях, в которых принимали участие и советские ученые. Поэтому, несмотря на определенное неприятие, категория «качество жизни» в дальнейшем все чаще стала использоваться и в отечественных публикациях. Обобщая результаты дискуссий этих лет, социолог И.В. Бестужев-Лада определял качество жизни как социологическую категорию, выражающую качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды, структура досуга, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, знаниях, творческом труде, уровень стрессовых ситуаций, структура расселения и др.) [5, с.126].

Ведущая российская школа изучения благосостояния сформировалась в Институте социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН) под руководством Н.М. Римашевской. Начиная с конца 1960-х годов и на протяжении нескольких десятилетий учеными этой школы осуществлялись социологические исследования населения г. Таганрога, который вполне репрезентативно, по их мнению, отражал всю группу подобных городов России. В этом исследовании принимали участие и географы. В ходе работ были собраны и проанализированы данные, касающиеся практически всех сторон образа жизни населения, в том числе и относящиеся к категории «качество жизни» (проект «Таганрог») [133].

Другая научная школа под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной сформировалась в Новосибирске. Ученые этой школы одними из первых в стране в 1970-е годы стали проводить работы по оценке социально-экономического положения регионов страны. В работах определялась значимость компонентов социально-экономического развития регионов с использованием факторного анализа и разрабатывались методы многомерных типологий [7]. При исследовании образа жизни Р.В. Рывкина применяет понятие «эталон развитости», за который принимает «образ жизни людей, занятых умственным трудом высокой квалификации, выбранных в органы управления высоких рангов, являющихся высокообразованными и высокоурбанизированными потребителями услуг, обладающих развитым досугом, имеющих малое по размерам личное подсобное хозяйство» [16].

Необходимо отметить, что помимо собственных новаторских для своего времени разработок, социологи и экономисты использовали теоретический багаж социально-экономической географии, а также работали в тесном контакте с географами в ряде экспедиционных исследований. Географические работы обогатили социологию пониманием таких факторов социального развития регионов как историческая давность заселения, плотность населения, густота и людность населенных пунктов, развитость транспортной инфраструктуры, расположение по отношению к важнейшим магистралям и общественным центрам разного уровня, природно-климатические условия, отраслевая структура производства, сложившийся уровень развития отраслей непродовольственной сферы [8, с.31].

Среди современных российских теоретико-методологических и практических исследований качества жизни можно выделить работы экономистов А.А. Саградова (1995), Т.В. Малышевой (2001), А.П. Егоршина, А.К. Зайцева (2002), С.А. Айвазяна (2002, 2005); социологов И.А. Щеткиной (2007) и др. Вместе с тем большое количество работ посвящено изучению отдельных составляющих качества жизни, таких как уровень жизни, качество трудовой жизни, качество населения, качество среды жизни и т.д. Важный вклад в исследования уровня жизни как одной из составляющих качества жизни внесли представители Всероссийского центра по изучению уровня жизни (В.Н. Бобков и др.).

С позиций философского подхода к вопросам качества жизни населения подходит Э.С. Демиденко. В своих исследованиях он размышляет о качестве среды жизни на глобальном уровне, говорит о противоречивом влиянии техносферы на жизнь человека. Работы Э.С. Демиденко свидетельствуют о значительной зависимости качества населения от качества среды жизни [6].

Как отмечают В.М. Котляков, Г.А. Агранат и Г.М. Лаппо [10], «география никак не может пройти мимо проблемы качества жизни, которое имеет региональные различия». Как самостоятельная ветвь социальной географии география качества жизни выделилась из географии образа жизни. Одним из первых отечественных экономико-географов высказал мысль о необходимости изучать территориальные различия в образе жизни людей основоположник географии населения в СССР Р.М. Кабо. В 1946 году Н.Н. Баранский, характеризуя ситуацию в развитии отечественной географии в 30-х и первой половине 40-х годов XX века, писал: «Убив старую «антропогеографию», «новые веяния» ничего не создали на ее месте.... В каких домах живут люди данной страны, чем питаются и во что одеваются, во что верят и как проводят свободное время – обо всем этом наши современные научные описания неизменно умалчивают... Человек – тема для наших ученых определенно неприятная, щекотливая, тема, которой предпочитают не касаться! Как-никак, а в результате «человека забыли»!!!» [4]. Таким образом, в отечественной географии еще в 1940-е годы говорили о необходимости развивать одно из направлений географии населения – географию образа жизни.

В 60-х годах XX века С.А. Ковалев первым среди ученых-географов поставил задачу изучения региональных различий в уровне и условиях жизни населения, в том числе обеспеченности различными формами обслуживания [9]. Особое внимание он уделял исследованию образа жизни сельского населения. Как необходимую часть изучения образа жизни рассматривал анализ подвижности населения, маятниковые миграции В.Г. Давидович. Вопросами качества населения, проблемами рождаемости, смертности (в частности, мужской сверхсмертности) занимался в эти годы Б.Ц. Урланис. Итак, в 60–70-е годы XX века само понятие «качество жизни» непосредственно не использовалось в работах советских географов. Они исследовали лишь отдельные составные части этой категории с позиции географии образа жизни. Однако региональных исследований уровня и качества жизни в это время СССР еще не было.

Первые региональные исследования образа жизни в СССР и степени удовлетворенности условиями жизни сделали эстонские ученые М. Лауристин, Т. Райтвийр в 1979 г. Например, Т.В. Райтвийр в структуре образа жизни выделяет виды деятельности «по фундаментальным потребностям» с точки зрения «качества жизни»: труд, питание, гигиена и физический отдых, получение информа-

ции, воспитание детей, воспроизводство ближайшей материальной среды, рекреационная деятельность [14].

В советское время сложились еще одна научная школа, занимающаяся вопросами социального развития регионов и территориальной дифференциации образа жизни населения – московская географическая (С.А. Ковалев, А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко и др.). В 1980-е годы исследованием географических закономерностей образа жизни занимались А.И. Алексеев и С.В. Федулов. А.И. Алексеев схематично представил понятие «образ жизни», существующее в экономической и социальной географии, как составную часть триединства: «условия – деятельность – сознание». По его мнению, общим, объединяющим многочисленные определения образа жизни, является понятие «жизнедеятельность». Деятельность людей обусловлена, с одной стороны, условиями, в которых она протекает, а с другой – потребностями людей, их чувствами и мыслями. Потребности же, в свою очередь, в значительной степени определяются существующими условиями жизни, которые, преломляясь в сознании людей, могут вызывать деятельность, направленную на изменение самих этих условий [1, с.185]. В своей схеме А.И. Алексеев условия жизни рассматривает как природные условия, условия труда, условия обслуживания, социокультурные условия, политико-правовые условия; деятельность – как труд, быт, отдых; а сознание представлено в виде характеристик субъекта: демографических, социальных, физиологических и психологических. Кроме того, он выявил влияние различных факторов (ЭГП, людности поселения, состава его жителей, уровня их образования, набор предприятий сферы обслуживания) на образ жизни, а также создал методику социально – географических исследований сельского населения. Позднее, в конце 1990-х годов А.И. Алексеев совместно с Н.В. Зубаревич анализируют изменения, произошедшие в городском и сельском образе жизни в ходе осуществляемых социально-экономических реформ. По их мнению, «аграризация» городского населения, более «патриархальный» образ жизни сельского населения являются средствами адаптации к кризису экономики и способами некоторого улучшения своего качества жизни [2, с. 85].

По мнению С.В. Федулова, образ жизни, складывается из разнообразных социально-экономических и культурно-бытовых форм. В широком смысле он включает в это понятие стиль (как социально-психологический срез), качество (как социально-экономический аспект), ритм и форму жизни. Федулов С.В. считает, что географическое изучение образа жизни включает «исследование территориальной дифференциации образа жизни, рассмотрение влияния комплекса местных условий на его формирование и функционирование, изучение условий и факторов образа жизни, рассмотрение территориальной варьированности его отдельных компонентов. Это необходимо для анализа этого феномена для целей лучшего понимания специфики региона (населения) и более точного его районирования и планирования перспектив развития» [19, с.20].

Таким образом, общим для географов, как и экономистов и социологов в 70–80-е годы XX века было использование подходов к оценке уровня жизни в основном через обеспеченность услугами, жильем, и реже, накопленным имуществом. С другой стороны, работы тех лет создали определенный задел как теоретических, так и практических знаний для дальнейших исследований уровня и качества жизни населения отдельных регионов и страны в целом.

С конца 80-х годов XX века география образа жизни обогатилась исследованиями экономической и социальной сфер жизни людей. А.И. Алексеев, С.А. Ковалев, А.А. Ткаченко предлагают свою схему комплексного географического анализа образа жизни территориальной общности людей. Она включает в себя четыре направления: потребление людьми различных благ; доходы людей, обеспечивающие это потребление; бюджет времени (распределение его на труд, обслуживание семьи, отдых, учебу); традиции, склонности, обычаи потребления, общения, труда и отдыха [3, с. 32].

Необходимо отметить, что собственно понятие «качество жизни» в отечественной социальной географии выделилось из концепции образа жизни и стало самостоятельно применяться лишь в начале 80-х годов XX века. В этот же период утвердилось понимание необходимости его субъективных оценок. Высказывается идея о том, что на жизнедеятельность отдельных территориальных общностей большое влияние оказывают не только экономические, но и социальные, экологические факторы. Так, С.Б. Лавров пишет, что качество жизни населения определяют не размер валового национального дохода на душу населения, а сумма социальных показателей [11, с. 27–41].

Во второй половине 1990-х годов резко возрос интерес ученых к социальной тематике, к проблемам уровня и качества жизни. В своей работе С.А. Меркушев большое внимание уделяет качеству среды жизни. По его мнению, понятие «качество среды» необходимо трактовать в широком смысле. При этом оценка этого понятия подразумевает оценку всей совокупности элементов, формирующих эту среду и одновременно выступающих в качестве предпосылок для жизни и деятельности человека [12, с. 16].

В это же время в России начался активный поиск и попытки разработать интегральный показатель благосостояния на основе углубления разработки концепции качества жизни. Все чаще появляется стремление использовать категорию «качество жизни» как некий интегральный показатель, способный оценивать эффективность проводимой социальной политики в РФ.

Среди современных российских теоретико-методологических и практических исследований качества жизни можно выделить работы географов С.А. Меркушева (1997), С.В. Сарайкиной (1997), В.С. Тикунова, Д.А. Цапука (1999), Е.Г. Анимцы (2000), А.Г. Базаровой (2001), Н.В. Зубаревич (2003), П.Н. Мадюскина (2005), Т.В. Гавриловой (2005) и др. В них предлагаются авторские методики оценки качества жизни, проводится анализ качества жизни населения отдельных регионов РФ, различных типов населенных пунктов, даются практические рекомендации по улучшению качества жизни в отдельных территориальных образованиях. Появились работы, посвященные региональной дифференциации отдельных компонентов качества жизни: доходов населения, бедности, безработицы, долголетия (А.И. Алексеев, А.И. Трейвиш, Н.В. Зубаревич и др.). Так, первое описание региональных различий в доходах было сделано в работе «Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей». Ю.А. Симагин в конце XX – начале XXI века исследовал такие важные составляющие качества жизни населения как уровень занятости и уровень образования населения. Он осуществил типологию регионов по уровню, динамике и структуре зарегистрированной безработицы [18]. Социально-экономическими аспектами качества жизни населения региона, экологическими аспектами и вопросами управления качеством жизни занимал-

ся О.П. Литовка. Обобщением опыта американских исследователей качества жизни населения в 1990-е годы занимался В.М. Харитонов.

На рубеже веков вопросами, относящимися к направлению «качество жизни населения», занимался коллектив авторов ИГ РАН (П.М. Полян, Н.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш и др.). В своей работе «Город и деревня в европейской России: сто лет перемен» (памяти В.П. Семенова–Тян–Шанского) они рассматривают демогеографические итоги XX века, оценивают «самочувствие» городов в конце XX века: исследуют связь между благополучием городов и их демографическими характеристиками, социально-экономическими индикаторами, профилем и размерами городов. В данной работе затрагиваются проблемы одного из индикаторов качества жизни населения – благоустройства городов и сельской местности. Таким образом, в монографии проводится сравнительный анализ состояния отдельных составляющих образа и качества жизни населения в начале и конце XX века.

В настоящее время региональными исследованиями социальной инфраструктуры, ее влиянием на качество жизни населения региона занимается С.И. Яковлева. Проблемы качества жизни, особенно в контексте качества питания, здорового образа жизни, экологизации потребностей населения в своих работах поднимает Б.И. Кочуров. Исследованиями межрегиональной миграции и ее связью с наиболее важными экономическими показателями, характеризующими уровень и качество жизни в регионах занимается Л.Б. Карачурина. Вопросы территориального управления в контексте повышения качества жизни населения затрагивают в своих работах М.Д. Шарыгин и А.А. Ткаченко. В настоящее время географическим изучением образа жизни населения и в его контексте теорией качества жизни населения занимается Н.А. Щитова [20]. Особое внимание в своих исследованиях она уделяет вопросам качества деятельности населения, выделяя при этом четыре основные сферы жизнедеятельности человека: трудовую, бытовую, рекреационную и сферу духовной жизни. П.Н. Мадюскин в своей диссертационной работе говорит о необходимости использования сочетания объективных и субъективных методов исследования качества жизни в социальной географии. Он проводит оценку социального самочувствия населения на мезо- и микротерриториальных уровнях.

Н.В. Зубаревич в работах «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода» [8] и «Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?» [15, с. 78] рассматривает качество жизни как комплексный показатель социального развития регионов России, в характеристиках которого в разных пропорциях отражаются уровень жизни, условия жизни и качество населения. Она выделяет два варианта комплексной оценки качества жизни населения с использованием «полного» и «кризисного» индексов качества жизни. На их основе автор производит типологию и ранжирование регионов страны по качеству жизни населения. Н.В. Зубаревич является одним из авторов интернет-проекта «Социальный атлас российских регионов» Независимого института социальной политики, который стартовал в конце 2003 г. На сайте представлены важнейшие срезы регионального развития, как социальные, так и влияющие на них демографические и экономические. Наибольшее внимание в проекте уделено важнейшим социальным проблемам – занятости, доходам, доступности социальных услуг. Несомненными плюсами данного проекта являются обилие аналитических и графических материалов. Таким образом, Н.В. Зубаревич изучает качество жизни населения регионов России с помощью интегрального показателя, а также исследует и от-

дельные компоненты этого понятия, и факторы, на него влияющие (качество населения, неравенство в доходах, проблемы безработицы, инвестиционную привлекательность регионов и др.).

Обобщая изложенный материал, отметим, что в развитии взглядов на категорию «качество жизни», можно выделить следующие этапы:

1) конец 50-х – середина 70-х годов XX века. Исследования качества жизни проводились в странах Запада в основном экономистами, социологами, философами; в отечественной науке наблюдалась активная критика этого понятия, что связано с идеологией данного периода. Для работ советских географов были характерны исследования отдельных составляющих качества жизни с позиции теории образа жизни, а также факторов, влияющих на него. Само понятие «качество жизни» географами не употреблялось;

2) середина 70-х – 80-е годы XX века. На Западе формируется концепция «ощущаемого» (субъективного) качества жизни; продолжается поиск объективных индикаторов для исследуемой категории; разрабатываются международные и национальные системы социальных индикаторов. С середины 80-х годов отечественные географы стали активно употреблять понятие «качество жизни». Расширяется перечень наук, занимающихся данной проблематикой, исследования ведутся не только в философии, географии, экономике, социологии, но и в психологии, медицине;

3) с 90-х годов XX века по настоящее время – современный этап. Западные исследователи говорят о необходимости применения комплексного, системного подхода к изучению качества жизни. В России значительно возрос интерес исследователей различных наук, в том числе и географии, к этой проблеме, что связано с началом политических и социально-экономических реформ в конце 80-х – начале 90-х годов.

Географические исследования качества жизни населения отличаются своей комплексностью, так как данная категория рассматривается интегрально, включая систему компонентов: уровень материального благополучия населения, уровень его образования и здоровья, социально-экономические, природно-экологические, культурные и другие условия его жизнедеятельности, а также субъективное отношение индивида к различным сторонам своей жизнедеятельности. Крайне важно, что географический подход позволяет выявить территориальные различия качества жизни населения на макро-, мезо- и микроуровне, и определить их причинно-следственную связь.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Вопросы географии, сб.129: Динамика расселения в СССР. – М.: Мысль, 1986. – С. 185–191.
2. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и странах Балтии в 1990-е гг. / Под ред. Ж.А. Зайончковской. – М., 1999. – С. 83–89.
3. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. Ю.Г. Саушкин и изучение населения в отечественной географии // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. – М. - Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 23–39.
4. Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Известия Всесоюзного географического общества. – Вып. 1. - 1946.
5. Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений // РАН, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1993. – 232 с.
6. Демиденко Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития: Монография. – М.-Брянск, 1992.
7. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. – Новосибирск: Наука, 1991. – 446 с.

8. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 262 с.
9. Ковалев С.А. Сельское расселение. Географическое исследование. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 371 с.
10. Котляков В. М., Агранат Г. А., Лаппо Г. М. Россия на рубеже веков // География. – 2000. – № 33.
11. Лавров С.Б. Аспекты западной социальной географии // Вопросы географии, 1980. Вып. 115. – С.27–41.
12. Меркушев С.А. Качество населения городских поселений Пермской области (территориальный анализ): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Пермь, 1997. – 23 с.
13. Попов С.И. Буржуазная социология в поисках нового «качества жизни» // Социс. – 1977. – №1. – С. 148–152.
14. Райтвийр Т.В. Образ жизни населения Эстонской ССР и его региональные различия // Опыт изучения социально-экономических территориальных комплексов (Уч.записки Тартуского ун-та, труды по географии. Вып. 490.) – Тарту, 1979.
15. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
16. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. – Новосибирск: Наука, 1979.
17. Симагин Ю.А. Безработица в регионах России // Социальные последствия рыночных реформ в России. – М., 1997.
18. Симагин Ю.А. Изменение трудовой составляющей образа жизни (проект «Таганрог») // Социс. – 2004. – №5. – С. 86–92.
19. Федулов С.В. Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты): дисс. ...канд. геогр. наук. – М., 1989.
20. Щитова Н.А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования: монография. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2005. – 283 с.

Булгакова А.И. (Смоленск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В России формирование основ экономической географии, являющейся частью общественно-научного крыла географии, относят к началу XVIII века и связывают с именами В.Н. Татищева (1686–1750) и М.В. Ломоносова (1711–1765). М.В. Ломоносова считают основоположником новой для своего времени концепции экономической географии и приписывают первое употребление термина «экономическая география» в 1760 году, определив при этом содержание и границы исследования новой науки, совместив изучение хозяйства страны с изучением природных условий [5, 6]. Так, Н.Е. Дик полагал, что основой трудов М.В. Ломоносова, была идея связи экономических явлений с физико-географическими условиями и географическим положением местности, что отличало его работы от господствовавшей среди западноевропейских географов описательной камеральной статистики, охватывающей комплекс не связанных друг с другом сведений административного и экономического характера [5].

В XIX веке в России для обозначения исследований экономико-географического характера начинает использоваться термин «статистика», под которым подразумевалось формальное описание территории в хозяйственном отношении без учёта влияния природной среды и истории развития. Б.А. Вальская считала, что «по существу тогдашняя статистика, в смысле государствоведения, непосредственно занималась вопросами экономической географии России, то есть изучением размещения производительных сил, районированием, исследованием влияния природных условий на хозяйство и хозяйственной деятельности людей на природу» [2, с. 41].

В конце XIX века, в связи с растущей потребностью государства в образованных специалистах-коммерсантах, большое распространение получает термин коммерческая география. Данный термин просуществовал сравнительно недолго и уже к 20-м годам XX века утратил свою значимость. Важным событием в развитии теоретических представлений о географической науке является учреждение в 1902 году в Политехническом институте города Санкт-Петербурга кафедры экономической географии, которую возглавил В.Э. Ден. Данное обстоятельство привело к появлению работ, в которых авторы пытались определить теоретические основы выше-названных наук, в том числе и принадлежность их к разряду географических и экономических дисциплин.

Вопросы коммерческой географии наиболее полно были освещены в работах Морева Д.Д. (80-е годы XIX века), Соболева М.Н. (конец XIX – начало XX века) и Чевакинского А.И. (первое десятилетие XX века) [7, 8, 9]. Автор первого учебника по коммерческой географии, появившегося в 1888 году, Морев Д.Д., считал, что определение коммерческой географии как науки, призванной описывать торговые сношения разных народов, не исчерпывает всё её содержание. По его мнению, эта наука включает в себя рассмотрение следующих вопросов: 1) обмен продуктов по их роду, количеству и ценности; 2) пути, по которым совершаются торговые движения (моря, реки, дороги); 3) «средства», которыми пользуются при торговле, а именно почта, телеграф, банки и прочие учреждения; 4) «главные виды добывающей и обрабатывающей промышленности» [7, с. 1]. Подводя, таким образом, к пониманию коммерческой географии как науки, изображающей все хозяйственные отношения страны, в их связи с географией, политическими и культурными условиями, Морев Д.Д. предлагал называть данную науку термином «хозяйственная география», входящим в России в конце XIX века в употребление. Предметом изучения хозяйственной географии, как и политической экономии, по его мнению, является народное хозяйство. Разница их состоит в том, что «политическая экономия исследует общие законы и условия хозяйства, безотносительно к месту, времени, тому или другому народу; между тем, как коммерческая география изображает экономическое состояние народов в данное время и в данной стране». Принципиальным является то, что хозяйственная география является наукой географической и содержит территориальный аспект, в отличие от политической экономии, относящейся к разряду экономических наук [7].

М.Н. Соболев (1902) вместо термина «коммерческая география» употребляет термин «хозяйственная география и статистика», которая занимается изучением хозяйственной деятельности человека, направленной на удовлетворение потребностей посредством затраты труда. В область ведения хозяйственной географии и статистики входит изучение «производства предметов, нужных человеку – что именно производится, где, в каких размерах, при каких условиях. Затем она рассматривает порядок, каким произведённые товары передвигаются от производителя к потребителю; здесь она изучает торговлю товарами...и те средства, которые находятся у людей для передвижения товаров с места на место» [8, с. 1]. Таким образом, область изучения хозяйственной географии очень широка и включает в себя рассмотрение всех стадий существования продукции от её производства, распределения, обмена и потребления. Предметом изучения хозяйственной географии, так же как и политической экономии, по мнению Соболева М.Н., является хозяйственная деятельность людей. Разни-

ца между этими науками заключается в том, что хозяйственная география имеет описательно-наблюдательный характер и изучает единичные факты конкретной страны в современную эпоху, в то время как политическая экономия занимается изучением общих законов экономического развития [8].

Таким образом, в конце XIX века предмет изучения коммерческой или же хозяйственной географии был очень широк. Обозначение хозяйственной деятельности в качестве предмета изучения и коммерческой географии, и политической экономии указывает на понимание коммерческой географии не только как географии торговых отношений, но и географии, изучающей всю хозяйственную деятельность человека, включая природные, политические и культурные предпосылки её развития. Главное же отличие коммерческой географии от наук экономических, заключается в территориальном аспекте географии.

Об отличии коммерческой географии от географии хозяйственной писал Чевакинский А.И. (1909), сделавший акцент на изображение торговли в разных странах мира в качестве предмета изучения коммерческой географии. Считая географию фундаментом торговой деятельности, Чевакинский А.И. полагал, что для коммерческой географии важными сведениями являются сведения о природе и об этнографических особенностях страны. Поэтому в качестве составных частей коммерческой географии он рассматривал четыре главных элемента: география страны, её население, объекты торговли и её обстановка. Таким образом, сузив предмет изучения коммерческой географии до изучения только лишь торговых отношений, Чевакинский А.И. рассматривал географию и население страны как важные условия и факторы для развития диспропорций в производстве товаров и торговли [9]. Отдельно он выделяет экономическую географию (1915), «черпающую своё содержание из наук экономических и антропогеографии» [10, с. IX]. Предметом изучения экономической географии, по его мнению, является хозяйственная деятельность населения, которую необходимо рассматривать в зависимости от природных условий. Отмечая связь экономической географии с географическими науками, Чевакинский А.И. особое внимание обращал на её принадлежность к дисциплинам экономическим наряду с политической экономией, экономической политикой и финансами [10].

Вопрос о том, к экономическим или географическим наукам относится экономическая география, является довольно сложным и неоднозначным. Так, Ден В.Э. (1908), впервые начавший читать курс экономической географии на одноименной кафедре Санкт-Петербургского политехнического университета в 1902 году, считал экономическую географию или же хозяйственную географию составной частью политической экономии. Целью её является «изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни в их географическом распространении, а так же всех физических и культурных условий, которые, так или иначе, влияют на каждую из этих отраслей» [3, с. 3]. Если в 1908 году Ден В.Э. относил экономическую географию к наукам экономическим, то в начале 20-х годов XX века он включал экономическую географию в состав географической науки. При этом предметом изучения экономической географии он по-прежнему считал изучение пространственного распространения явлений хозяйственной жизни [4]. Можно предположить, что на столь кардинальное изменение теоретических представлений немалую роль оказало время написания работы, а именно активно происходящий в то время спор между отраслестатистическим и районным направлением, нередко протекавший на идеологической основе.

Камеральная статистика, коммерческая география и, в некоторой степени, политическая арифметика, по мнению Баранского Н.Н., были главными предшественницами экономической географии XX века. Первостепенной основой появления данных направлений стало формирование крупных государств и развитие торговли, что в свою очередь породило возросший спрос на образованных чиновников и коммерсантов в начале XVIII века. Отмечая, что в виде этих направлений экономическая география впервые приобрела «более оформленный и самостоятельный вид», Н.Н. Баранский при этом указывает на существенные отличия между экономической географией и её предшественницами. Так, по своей сути камеральная статистика представляла собой «описательное государствоведение» с незначительной долей использования географического элемента, а коммерческая география приравнивалась к товароведению. Признавая несостоятельность и незрелость этих двух направлений, Н.Н. Баранский отмечал, что «экономическую географию в обоих этих видах можно скорее, считать просто-напросто родом «литературы», и довольно-таки скучным, чем наукой» [1, с. 47]. Проследившая дальше эволюцию камеральной статистики, он отмечал, что именно она в дальнейшем преобразовалась в отрасле-статистическое направление, получившая своё отражение в трудах В.Э. Дена и его последователей. Критикуя данное направление в географии, он отмечал, что «камеральная статистика передала «душу», свой метод исследования массовых явлений той дисциплине, которую мы сейчас называем статистикой..., а бречное «тело», т.е. набор всяких справочных сведений о том или другом государстве, вошло существеннейшим элементом в то, что называется отраслестатистическим направлением экономической географии, и в таком виде влачит своё существование до наших дней» [1, с. 39]. На формирование экономической географии в современном её виде, по мнению Н.Н. Баранского большое влияние оказали общее землеведение и страноведение, которые поставили перед экономической географией задачу не только описывать, но и находить взаимосвязи между природными условиями и особенностями хозяйства страны. Таким образом, по его мнению, взяв начало от камеральной статистики и коммерческой географии XVIII века, под влиянием физико-географических идей XIX века экономическая география приобретает свои специфические черты и складывается как самостоятельная наука, способная удовлетворять запросам общества и производства своего времени.

В настоящее время в связи с возрастанием интенсивности торговых отношений, вопросы коммерческой географии становятся вновь актуальными и приобретают вторую жизнь. В свою очередь, данное обстоятельство требует определения объекта, предмета исследования, а так же нового взгляда на теоретические основы науки, находящейся на стыке географических и экономических дисциплин. В этом отношении большой интерес представляют опыты теоретического обоснования, предпринятые отечественными учёными конца XIX – начала XX века.

Библиографический список

1. Баранский, Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. – 287с.
2. Вальская, Б.А. Об экономико-географическом изучении России в первой половине XIX в. // Вопросы географии, 1948. Сб. 10. – С. 41–52.
3. Ден, В.Э. Очерки по экономической географии. Ч. 1. Сельское хозяйство. - Спб.: Правда, 1908. – 368 с.

4. Ден, В.Э. Курс экономической географии. – Л.: гос. изд-во, 1924. – 652 с.
5. Дик, Н.Е. Ломоносовский период в развитии русской географии. – М.: Мысль, 1976. – 127 с.
6. Иофа, Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. – М.: Географгиз, 1949. – 93 с.
7. Морев, Д.Д. Очерк коммерческой географии и хозяйственной статистики России сравнительно с другими государствами. – СПб., 1888. – 232 с.
8. Соболев, М.Н. Коммерческая география России. Очерк хозяйственной статистики и географии России сравнительно с иностранными государствами. – Томск, 1902. – 244 с.
9. Чевакинский, А.И. Коммерческая география России. Сравнительное обозрение с главнейшими государствами мира. – СПб., 1909. – 198 с.
10. Чевакинский, А.И. Экономическая география. – СПб., 1915. – 270 с.

Гладкий А.В. (г. Киев)

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ В КИЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Исследования процессов формирования и развития городских и промышленных агломераций всегда были одними из приоритетных направлений развития общественной географии в Киевском университете. Их зарождение и развитие были связаны с весомым общественным заказом и потребностью в глубоком системном анализе процессов промышленного агломерирования, которые сформировались в условиях стремительных процессов урбанизации и концентрации промышленного производства второй половины XX в. Важность и актуальность исследований была обусловлена также практикой формирования локальных агломерированных территориально-производственных комплексов (ТПК) в районах Донбасса и Приднепровья, а также вокруг ряда областных центров и городов-миллионеров Украины.

Исследованиями промышленных агломераций в Украине и, в частности, в Киевском университете, занималось много ученых. Заслуживают особого внимания научные труды К.Г. Воблого, И.И. Зильбермана, И. Маергойза, С.И. Ищука, М.М. и А.М. Паламарчуков, А.В. Степаненко, А.И. Драпиковского, В.Н. Пересекина и др. Однако особенности формирования и развития научной школы исследования промышленных агломераций еще детально не изучались.

Исследования процессов агломерирования промышленности в Киевском университете сформировались сразу же со времен учреждения кафедры экономической географии (1933 г.), которую возглавил академик АН УССР К.Г. Воблый. В его работах было предложено статистико-эмпирическое направление анализа экономических районов и крупных городов Украины на основе теории „штан-дартов промышленности” немецкого экономиста и географа Альфреда Вебера, в которой впервые была выделена и охарактеризована роль агломерационных факторов в размещении производства. Среди важнейших работ ученого, которые содержат элементы анализа теории Вебера нужно выделить такие: „Экономическая география Украины” (1925), „Киев – сердце Украины” (1944), „Экономическая география Советской Украины” (1945), „Народное хозяйство Советской Украины” (1945), а также многочисленные рецензии и отзывы на труды других известных украинских географов.

В своих исследованиях Константин Воблый неоднократно говорил о существовании агломерационного эффекта промышленного производства, ссылаясь на теорию Вебера. В частности, он давал критическую оценку его работ, утверждая, что „факторы Вебера необходимо существенно дополнить прочими факторами второстепенного значения, которое внесут существенные поправки в научные исследования и повысят их практическое значение”. По мнению Воблого, одним из таких дополнительных факторов штандортной теории должна быть ориентация на источники сырья и энергии, что позволило ученому сформулировать понятие „сырьевая зона” промышленности и подойти к пониманию процессов промышленной концентрации и агломерирования на основе минерально-сырьевых ресурсов территории. Также, ученый высказал мысль о том, что в теории Вебера недостаточно полно раскрыт механизм агломерационного эффекта в промышленности. Ведь Вебер отталкивался в своих соображениях от минимизации затрат производства, не учитывая потребность в ориентации предприятий на максимизацию прибыли. Такая мысль Воблого, впервые высказанная им в книге И.И. Зильбермана „Промышленность Украины и ее географическое размещение: очерки промышленной географии” (1929) свидетельствует о глубоком понимании ученым важности и общественной значимости агломерационных процессов [5]. Тем не менее, начиная с 30-х годов XX века, теория Вебера в СССР была признана буржуазной, а ее последователи (Бернштейн-Коган, Гинзбург и др.) были объявлены „вредителями”. Это откинуло далеко назад понимание процессов агломерации производства в советской науке [7].

Новый интерес к развитию промышленности больших городов появился уже перед самым началом Великой Отечественной войны. В то время, в Киевском университете значительно улучшились условия для активизации научной работы, особенно после организации НИИ географии, где отдел экономической географии с 1940 г. возглавил И. Маергойз. Ним были заложены основы комплексного исследования промышленности крупных городов на примере Киева, изучены практически все промышленные предприятия города, разработана уникальная картотека внутренних и внешних связей. Но собранные материалы погибли во время войны. В послевоенные годы И.Н. Маергойз продолжил свои исследования, опубликовав серию работ, посвященных формированию промышленных комплексов крупных городов.

В послевоенные годы статистико-эмпирические исследования промышленности в Киевском университете продолжил проф. Г. Кривченко. Им опубликовано ряд работ о народном хозяйстве УССР, в частности о промышленном производстве республики. В дальнейшем, вектор географических исследований существенно повернулся в сторону анализа проблем развития агропромышленного комплекса, экономико-географического районирования, размещения производительных сил и страноведения. Поэтому, до конца 60-х гг. XX в. основательные исследования городских и промышленных агломераций на факультете практически не проводились. Среди работ, которые имели некоторое отношение к исследуемой нами проблеме, следует выделить труды А.Т. Дибровы. Его важнейшая работа – «География Украинской ССР» – фундаментальное пособие для студентов географических факультетов университетов Украины (1954, 1958 и 1982), а также учебник для средней школы «География Украинской ССР» (1982).

Значительная активизация исследований городских и промышленных агломераций в Киевском университете приходится на 70-е - 80-е годы XX в. Так, глубокие теоретические обобщения особенностей формирования и развития промышлен-

ных узлов и агломераций были осуществлены С.И. Ищуком. В монографии „Комплексное планирование социально-экономического развития города“ (1980) С.И. Ищук, А.В. Степаненко и др. раскрыли проблемы формирования городского промышленного и социального комплекса во времена плановой экономики в тесной согласованности с интересами и приоритетами пригородной зоны. Также, в монографии проанализированы методические основы и организационные принципы разработки комплексных планов социально-экономического развития города, исследованы подходы к плановому регулированию численности населения, развития промышленности, эффективности использования природно-ресурсного и трудового потенциалов.

Кроме того, А.В. Степаненко в монографии „Города в условиях развитого социализма“ (1981) также осуществил анализ проблем комплексности и сбалансированности социально-экономического развития крупных городов. В частности, им проанализированы основные проблемы развития крупных и малых городов, исследованы особенности формирования агломерационного эффекта, определены пути оптимизации городского промышленного производства и социального комплекса. В монографии „Социально-экономическое развитие городов“ (1988), А.В. Степаненко развил теоретические основы социально-экономического развития города, затронул проблемы пропорционального развития народнохозяйственного комплекса, социального развития и трудового потенциала. Со временем, А. Степаненко также выдал энциклопедический справочник „Города Украины“ (1994). С.И. Ищук продолжил детальное изучение локальных промышленных комплексов узлового и агломерационного типа. В монографической работе „Территориально-производственные комплексы и экономическое районирование“ (1996) им был проведен анализ методологических основ формирования локальных ТПК, определен круг условий и факторов, которые влияют на их развитие, осуществлена оценка эффективности функционирования ТПК, усовершенствована их типизация и научные подходы к районированию промышленности [6].

Преподаватели и ученые Киевского университета организационно участвовали в исследовании процессов промышленного агломерирования, которые проводились в 70-х и 80-х годах Институтом географии АН УССР. В частности, в коллективной монографии „Территориальная структура производственных комплексов“ (1981) под редакцией М.М. Паламарчука (в написании которой принимали участие А.М. Паламарчук, Г.В. Балабанов и др. ученые университета) были выделены Донецко-Макеевское, Киевское, Харьковское, Криворожское промышленно-агломерационные образования [1;4]. Результаты комплексных исследований Киевской агломерации, которые были проведены в Институте географии, изложены в монографии „Промышленный комплекс Киевского Приднепровья (экономико-географическое исследование)“ (1988) [2]. Ее подготовка также осуществлялась с привлечением сотрудников Киевского университета (П.А. Масляк, А.М. Паламарчук и др.)

В этих работах были раскрыты общие закономерности формирования отраслевой структуры промышленных агломераций, а также особенности их специализации, проведена систематизация и типизация агломераций по масштабам производства, раскрыты особенности минерально-сырьевой ориентации. Отдельно была проанализирована сущность и закономерности формирования регионального агломерационного промышленного комплекса, который определяется авторами, как „один из видов ТПК, форма территориальной организации производства,

которая объединяет в своем составе локальные (узлы, центры) и областные ТПК" [1]. Границы такого регионального комплекса на деле оказались значительно шире, чем зона влияния крупного промышленного города, которая и представляет собой, по нашему мнению, собственно территорию агломерирования промышленности.

Исследованию агропромышленного комплекса промышленно-агломерационных образований посвящены работы Я.Б. Олийныка, Н.Д. Пистуна, В.А. Гуцала, Н.И. Провотар (Мезенцевой) и др. Ими обосновано функциональное зонирование пригородного АПК (которое реализовано на примере Киева), осуществлен анализ предпосылок и факторов развития, установлены особенности специализации и кооперации предприятий АПК в пригороде. Основные результаты проведенных исследований изложены в ряде научных статей в сборнике „Экономическая география“, а также систематизированы в учебном пособии „География агропромышленного комплекса“ (1997). Отдельно нужно отметить значительный творческий вклад этих ученых в обоснование развития агропромышленного комбината „Рось“ в зоне влияния Киева, который является, по сути, агломерированным предприятием высокого уровня сопряженности.

В Киевском университете большое внимание уделялось исследованиям вопросов формирования земельной ренты крупного города и пригородной зоны, а также особенностям и ее влияния на размещение производства. Эти вопросы и поныне исследует доцент кафедры экономической и социальной географии университета, советник Президента Кыргызстана А.И. Драпиковский. Ему принадлежат: „Практикум по оценке городских земель“ (1998), „Экономика городов: Украина и мировой опыт“ (1997), „Оценка земельных участков“ (2003) и др. Кроме того, А.И. Драпиковский обосновал в своих исследованиях необходимость формирования Киевского технополиса, как ведущей ячейки прикладной инженерной науки и высокотехнологической промышленности в агломерированной зоне столицы Украины. Эти исследования имели большое значение при дальнейшей разработке идей промышленного агломерирования в работах прочих ученых. Особенности географической оценки урбанизированной территории и методическим подходам к ее исследованию посвящены труды В. Н. Пересекина. Ему принадлежит концепция формирования интегральных районов крупного города.

Практические вопросы развития промышленных агломераций и их ядер исследуются в коллективной монографии „Экономико-географический комплекс крупного города (на примере г. Киева)“ (1989), которая является результатом глубокого анализа проблем развития производственного комплекса города и столичного региона.

Вообще, исследование Киевской агломерации было приоритетным направлением научных разработок экономико-географов Киевского университета. Так, взаимозависимость промышленного комплекса и системы расселения Киевской агломерации исследовала Е.К. Кузьминская. Анализ территориальной организации производственного комплекса столичного макрорайона был проведен В.Б. Шишацким. Исследования трудовых связей Киева и пригородной зоны осуществил М.Я. Мижега. Его работа „Трудовые связи в крупном городе“ (1984) стала важным этапом в исследовании агломерационных процессов в Украине. Периферийную зону агломерирования Киева и методические основы ее выделения изучал аспирант университета Ала Аль-Хамарнех. Анализ Киевской региональной системы расселения осуществляла Т.В. Булычева.

Экологические вопросы развития промышленных узлов и агломераций на примере Киева анализируются в коллективной монографии „Киев как экологическая система: природа – человек – производство – экология” (2001). В ней раскрываются основные вопросы сбалансированного развития городской среды, поднимаются проблемы децентрации производства, выноса за пределы города экологически вредных предприятий. Проблемами урбоэкологии в университете занимаются М.Д. Гродзинский, А.Ю. Дмитрук, Е.В. Савицкая и др.

Среди прочих агломерационных образований, выпускниками Киевского университета детально анализировалась Харьковская агломерация, вопросам усовершенствования ее промышленного территориального комплекса посвящена диссертация Р.И. Литвиненко [3]. Позднее, она осуществила попытку комплексного анализа прочих промышленных агломераций Украины. Исследование экономико-географических условий развития г. Одессы осуществил Л.В. Гнатюк. Городские поселения, которые сложились на базе горнодобывающей промышленности Донбасса, изучала Л.А. Ганечко.

Накопленный предварительно опыт научного анализа агломераций был систематизирован и существенно дополнен новыми исследованиями в монографии С.И. Ищука и А.В. Гладкого „Киевская хозяйственная агломерация: опыт регионального менеджмента” (2005). В частности, в ней рассмотрены особенности процессов агломерирования, их влияния на развитие хозяйственного комплекса и промышленного производства. В дальнейшем, А.В. Гладким была опубликована монография «Научные основы общественно-географических исследований промышленных агломераций» (2008), подготовленная в рамках работы над докторской диссертацией.

Таким образом, научные исследования процессов городского и промышленного агломерирования в Киевском университете имеют давние традиции, что определяет их как одно из приоритетных направлений научной деятельности географов. Их дальнейшая активизация обусловлена исключительной важностью и необходимостью подобных исследований для развития украинского общества в будущем.

Библиографический список

1. Территориальная структура производственных комплексов / Под ред. М. М. Паламарчука. – К.: Наукова думка, 1981. – 311 с.
2. Промышленный комплекс Киевского Приднепровья (экономико-географическое исследование) / М.М. Паламарчук, И.А. Горленко, Л.Г. Руденко и др.; Отв. ред. И.А. Горленко; АН УССР. Отделение географии и геофизики. – К.: Наукова думка, 1988. – 252 с.
3. Литвиненко Р. И. Промышленные агломерации УССР и перспективы их комплексного развития / Р. И. Литвиненко // Основные направления комплексного развития регионов: Сб. науч. трудов. – К.: СОПС УССР АН УССР, 1980. – С. 127–147.
4. Корецький Л. М. Географія промисловості Української РСР. / Л. М. Корецький, М. М. Паламарчук. – К.: Наукова думка, 1967. – 328 с.
5. Зільберман І. І. Промисловість України та її географічне розміщення: нариси промислової географії / Зільберман І. І.; під ред. К. Г. Воблого. – К., 1929. – 230 с.
6. Ішук С. І. Територіально-виробничі комплекси і економічне районування (методологія, теорія) / Ішук С. І. – К.: Українсько-фінський інститут менеджменту і бізнесу, 1996. – 244 с.
7. Зиман Л. Вебер Альфред // Малая советская энциклопедия / Под ред. Н.Л. Мещерякова, Н.Н. Овсянникова. – М.: Советская энциклопедия, 1933. – Т. 2. – 1934. – С. 266.

ТРУДЫ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДОКУЧАЕВА И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

История развития географической науки – одно из основных направлений деятельности Юлиана Глебовича Саушкина. Все его основные труды были проникнуты идеями историзма. Вопросам истории экономической географии уделялось первостепенное значение в главных трудах Ю.Г. Саушкина: Экономическая география: история, теория, методы, практика; История и методология географической науки; Введение в экономическую географию; Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. Особый интерес он уделял истории отечественной географии XIX века. Помимо монографий перу Ю.Г. Саушкина принадлежит более тридцати статей по истории географической науки. Среди отечественных исследователей, творческому наследию которых Юлиан Глебович Саушкин уделил больше внимания, безусловно, Василий Васильевич Докучаев.

В 1948 году Саушкин написал вступительную статью «Русская ландшафтно-географическая наука» к книге В.В. Докучаева «Учение о зонах природы».

Саушкин обратил внимание на мысли В.В. Докучаева о зональности: «человек зонален во всех проявлениях своей жизни: в обычаях, религии (особенно нехристианских религиях), в красоте, даже половой деятельности, в одежде, во всей жилой обстановке; зональны домашний скот, так называемая культурная растительность, постройки, пища и питье» [1, с. 326].

Относительно общественно географических идей В.В. Докучаева еще в 1948 году Ю.Г. Саушкин писал «Докучаев не понял особых закономерностей развития хозяйственной деятельности людей и установил слишком прямые связи между природой и сельским хозяйством и даже между зонами природы и «умственным и нравственным складом» человека. Распространив закон зональности природы на хозяйственную деятельность, умственный и нравственный склад людей, В.В. Докучаев встал на позиции вульгарного географического материализма» [6, с. 238-239]. Ю.Г. Саушкин отметил, что «В.В. Докучаев, как и П.П. Семенов и А.И. Воейков, уделял внимание не только природе, но и хозяйственной деятельности людей, однако, здесь его положения намного отстают от работ П.П. Семенова-Тян-Шанского и А.И. Воейкова» [6, с. 238]. С данным выводом молодого исследователя, а ему было, когда он писал эти строки, тридцать семь лет, сегодня трудно согласиться. Позднее Саушкин неоднократно обращался к творческому наследию В.В. Докучаева, влиянию его трудов на развитие географии, но в многочисленных публикациях в 1960–80-х годах отсутствуют негативные оценки попыток Докучаева рассмотреть вопросы организации хозяйственной деятельности. В «белой» книге Ю.Г. Саушкина вкладу Докучаева в развитие географии посвящена целая глава «Школа В.В. Докучаева и география» [5]. Данная глава, практически без изменений вошла в другую книгу Ю.Г. Саушкина «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем». Рассматривая вклад В.В. Докучаева в методiku оценки земель Нижегородской губернии, Ю.Г. Саушкин пишет « По существу, это была первая в истории науки программа детального крупномасштабного сплошного комплексного (природного и статистико-экономического) изучения большой территории с практиче-

скими задачами оценки и улучшения использования земель и ведения сельского хозяйства» [8, с. 116]. Представляется, что именно благодаря учению В.В. Докучаева, уже в зрелом возрасте Юлиан Глебович Саушкин высказал мысль о природно-хозяйственном районировании [7].

Вместе с тем, работы В.В. Докучаева не получили объективной оценки в работах отечественных общественных географов и по сути остались недооценёнными. В отличие от А.И. Воейкова, вкладу в развитие экономической географии которого были посвящены статьи В.В. Покшишевского [4, 9], Василию Васильевичу Докучаеву не нашлось места в фундаментальных сборниках по истории экономической географии.

Конец XIX, начало XX века – один из наиболее плодотворных периодов развития отечественной географии. Успешная работа и рост авторитета Императорского Русского географического, Вольного экономического и ряда других обществ, создание первых кафедр географии в университетах, формирование научных школ, значительный интерес к познанию производительных сил общества, существенный рост научных публикаций, массовое издание популярной географической литературы позволяют отнести этот период к «золотому веку» российской географии. Российская география в этот период стала занимать все более важное место в мировой науке, и от роли прилежных и успешных учеников российские ученые все больше стали выступать как учителя и наставники, разрабатывая собственные оригинальные учения. Отечественные исследователи в этот период заложили основы ряда новых направлений естествознания и общественной науки. Среди исследователей этого периода особое место занимает Василий Васильевич Докучаев. О вкладе В.В. Докучаева в развитие естествознания, о его творческом наследии для развития почвоведения и геологии, ландшафтоведения и биогеографии написаны десятки фундаментальных трудов. По прошествии более века идеи, обобщения, законы, сформулированные Василием Васильевичем Докучаевым, получают подтверждения в науке и практике. Как правильно заметил С.В. Зонн в предисловии к книге о выдающемся ученом «Чем дальше отделяется от нас время творения и создания новой и самобытной русской науки, тем величественнее вырисовывается творческий гений Василия Васильевича Докучаева, не только как создателя новой науки, но и как выдающегося ученого, внедрявшего свои научные достижения в практику, направляющего её на улучшение и совершенствование производительных сил народного хозяйства» [3, с. 5]. Вместе с тем, до настоящего времени не получило достойной оценки его творческое наследие применительно к развитию общественной географии.

Исследователь исключительно широкого взгляда на региональное развитие, сторонник комплексного подхода при изучении природы выдвинул в своих трудах и ряд идей необходимости комплексного социально-экономического развития. Именно идеи комплексного регионального развития, изложенные В.В. Докучаевым, могли способствовать появлению подобных идей позднее. Сегодня мало кто знает и помнит, что Василий Васильевич Докучаев занимался вопросами территориальной организации общества в конце XIX века. Одним из первых он осознал, что любая социально-экономическая политика должна быть региональной, аграрная же политика может быть эффективной только при учете различий в природных и прочих условиях российских регионов. Столь же очевидна для В.В. Докучаева была региональная политика в сфере профессионального образования.

В конце 80-х – начале 90-х годов XIX века ухудшилась ситуация в ведущей отрасли экономики страны – сельском хозяйстве, развитие которого характеризовалось нестабильностью и невысокой экономической эффективностью.

По мнению В.В. Докучаева главным виновником подобного положения в сельском хозяйстве страны являлось “мало понятное и мало извинительное незнакомство с Россией относительно ее естественных сил”, а одной из его причин является недостаток квалифицированных кадров. Дефицит агрономов, ветеринарных врачей, других специалистов сельского хозяйства имел место во всех регионах страны и объяснялся, в первую очередь, недостаточным развитием сельскохозяйственного образования.

В связи со значительным дефицитом агрономов, других специалистов аграрного сектора назрела необходимость реформирования системы сельскохозяйственного образования. Основные идеи и принципы реформирования системы сельскохозяйственного образования, в том числе территориальной структуры, были изложены в 1898 г. В.В. Докучаевым в работе «Место, число, задачи и основы реорганизации наших сельскохозяйственных школ...». Данная работа ученого стала своеобразной программой развития сети аграрных вузов в России.

Василий Васильевич Докучаев видимо раньше других осознал, что необходимость политики регионализации в сфере образования – не дань заслугам регионов, а средство обеспечения более широкого доступа населения периферии к образованию в стране, одно из условий эффективного регионального развития. Для России, в силу особенностей ее освоения, административно-территориального деления, значительной природной дифференциации, многонациональности больше чем для других стран приобретает значение концепция и стратегия многополярности и полицентризма. Это сегодня многополярность рассматривается как одно из условий устойчивого мирового и регионального развития. Сто десять лет назад мысли о многополярной системе аграрного образования не являлись очевидными. Идеи полицентризма развития высшей школы разделяли многие общественные деятели и исследователи на рубеже XIX и XX веков: С.Ю. Витте, Н.А. Бунге, И.И. Янжул, Д.И. Менделеев и др. Вместе с тем, и в прошлом и в настоящем территориальной организации высшей школы в России присущи чрезмерная концентрация в небольшом числе учебных центров.

Именно В.В. Докучаевым впервые в конце XIX века были поставлены вопросы об экономико-географической обусловленности развития и территориальной организации высших сельскохозяйственных учебных заведений. Им также были сформулированы принципы реформирования территориальной организации аграрного образования. По его мнению, «сельскохозяйственные вузы должны быть расположены зонально и организованы в теснейшей зависимости от местных физико-географических, исторических, бытовых и экономических условий, от местных сил стихий, невзгод, нужд, естественных богатств» [2, с. 332]. Данная мысль актуальна для настоящего времени, когда при стратегии развития высшего аграрного образования исходят из целесообразности на современном этапе формирования и развития только двух исследовательских аграрных университетов: одного в Южном федеральном округе, а другого в Москве. Более того, В.В. Докучаев полностью разделял мысли Д.И. Менделеева о нецелесообразности и неэффективности подготовки в Москве и Петербурге кадров высшей квалификации для Урала, Сибири и других отдаленных районов.

Практически он первым положил принцип регионализации в основу стратегии развития отечественного сельскохозяйственного образования. По мнению В.В. Докучаева, «исходя из числа сельскохозяйственных царств и областей число вузов в Европейской России должно быть не менее десяти. Кроме того, минимум два сельскохозяйственных вуза должны быть открыты в Сибири» [2, с. 332]. В.В. Докучаев не ограничился формулировкой общих принципов территориальной организации аграрного образования, но и в качестве новых центров его развития назвал Умань, Воронеж, Тифлис, Ташкент, Пермь, Новочеркасск, Бугуруслан и др. [2, с. 333]. Особого внимания заслуживает факт рассмотрения им в качестве потенциальных вузовских центров и средних городов. В известной степени, взгляды В.В. Докучаева совпадали со взглядами другого выдающегося отечественного ученого Д.И. Менделеева о преимущественном развитии высшей школы не в столичных городах. Особого внимания заслуживает его мнение об исключительной, как бы сейчас заметили «локомотивной» роли системы профессионального образования в развитии сельского хозяйства.

В.В. Докучаев первым из отечественных ученых поставил вопрос о необходимости интеграции образования, науки, производства, первым отметил высокую эффективность подобного сращивания. Аграрные вузы должны были, по его мнению, стать своеобразными учебно-научно-производственными комплексами, определяющими развитие сельского хозяйства в регионе. Применительно к таежной зоне он отмечал, что «при лесохозяйственном вузе должны быть вспомогательные учреждения: лесоделательный завод, гонка дегтя, смолы, заводы – уксусный, сыроваренный ... и пр.». Еще в конце XIX века В.В. Докучаев не просто понимал, но и настаивал на том, что наука, образование, производство могут составлять не отдельные, изолированные друг от друга элементы, а совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих объектов.

Таким образом, В.В. Докучаев еще в конце XIX века выступил с идеей формирования учебно-научно-производственных комплексов, т.е. он более чем на 70 лет опередил Б.С. Хорева и других отечественных географов, развивших учение об интеграции образования, науки и производства на локальном и региональном уровнях. Более того, он предвосхитил идею создания исследовательских аграрных университетов. Возможно идеи комплексного развития высшей школы и хозяйства, высказанные В.В. Докучаевым, опередили свое время. Они практически так и не были реализованы на практике. Но идеи территориальных комплексов, энергопроизводственных циклов, агроконвейеров, кластеров, которые относятся к числу важнейших достижений теории общественной географии XX века построены на необходимости интеграции, комплексности развития производства товаров и услуг... Наивно с именем В.В. Докучаева связывать теории ТПК и ЭПЦ, но то, что сама идея комплексности, взаимосвязанности, взаимозависимости природы, хозяйства и общества, высказанная им более 110 лет назад продуктивна сегодня, не вызывает сомнения.

По мнению В.В. Докучаева, важнейшим направлением реформирования сельскохозяйственного образования в России должно стать положение, при котором «высшие, средние и низшие сельскохозяйственные учебные заведения должны представлять из себя одно стройное целое – одну непрерывную систему – лестницу», по которой можно подняться от низшей ступени к высшей [2, с. 332]. Данная мысль отражает современные идеи необходимости непрерывного професси-

онального образования с одной стороны, и формирования единых образовательных комплексов (систем) с другой.

Таким образом, выдающийся русский естествоиспытатель, создатель школы генетического почвоведения и один из создателей учения о природных зонах Василий Васильевич Докучаев внес вклад не только в развитие естественного крыла отечественной географии, но и высказал ряд мыслей и положений которые могли оказать влияние на становление и развитие общественной географии.

Библиографический список

1. Докучаев В.В. Избранные сочинения. – М., 1949. – Т. 3.
2. Докучаев В.В. Место, число, задачи и основы реорганизации наших сельскохозяйственных школ и так называемых опытных станций // Избранные сочинения. Т. 2. – М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1949. – С. 331–335.
3. Зонн С.В. Василий Васильевич Докучаев. 1846–1903. – М.: Наука, 1991. – 221 с.
4. Отечественные экономико-географы / Под редакцией Н.Н. Баранского, Н.П. Никитина, Ю.Г. Саушкина. – М.: Учпедгиз, 1957. – 326 с.
5. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. Курс лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 1976. – 422 с.
6. Саушкин Ю.Г. Основные идеи русской классической географии дореволюционного периода // Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск: Универсум, 2001. – С. 226–240.
7. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1980. – № 4. – С. 3–13.
8. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1980. – 269 с.
9. Экономическая география в СССР. История и современное развитие / Под ред. Н.Н. Баранского Н.П. Никитина, В.В. Покшишевского, Ю.Г. Саушкина. – М.: Просвещение, 1965. – 663 с.

Панков С.В. (г. Тамбов)

РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Характеристики сельских поселений начинают появляться в географических работах наряду с описаниями городов с первых шагов развития географии – начиная с тех путевых записок путешественников, которые составляли первые научные фонды географии. Постепенно в географической и этнографической литературе накапливался материал о характерных чертах расселения и быта жителей сельских местностей, при этом, конечно, делались и попытки, не ограничиваясь описанием, объяснить причины многообразных особенностей в расселении, облике населенных пунктов... [3].

Путь, проделанный географической наукой в вопросах изучения сельских поселений, и собственный анализ существующей литературы позволяют выделить следующие этапы в развитии представлений о сельских поселениях:

1 этап. Описательный. Происходит первичное накопление материала. Работы отличаются комплексным подходом, исследуются история, этнография, демография, природа в основном для нужд статистики и ревизского учета. Охватывает период с середины XVIII века до конца XIX–начала XX веков.

2 этап. Поисковый. Намечается дифференцированный подход в изучении сельских поселений, возникают различные школы и направления. Работы носят морфологический и этнокультурный характер. Назревает необходимость анализа и обобщения накопленного материала. Длится до середины XX века.

3 этап. Аналитический. Окончательное обособление современных научных дисциплин, в результате чего каждая наука имеет свой предмет в изучении сельских поселений. Происходит оформление антропогенного ландшафтоведения в отдельную ветвь физико-географического ландшафтоведения. Исследования ведутся преимущественно «вглубь»: вырабатывается методика и систематизируются приемы и понятия, анализируется и структурируется существующий теоретический и практический материал, вводятся понятия «сельские селитебные ландшафты», «селитебные геосистемы» и др. Предпринимается попытка интегрированного изучения сельских поселений в контексте развития регионов. Охватывает вторую половину XX–начало XXI веков. Рассмотрим представленные этапы подробнее.

1. Первые описания поселений, суждения об их планировке, расположении встречаются в работах В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. В их анкетах имеется обширный материал для географической характеристики страны, предусматриваются вопросы относительно типов поселений, хозяйства, населения. В течение второй половины XVIII века появляются первые описания губерний в связи с проводившимся «Генеральным межеванием» земель (так называемые «Экономические примечания»). В них приводятся краткие характеристики почти всех поселений каждого уезда, нередко весьма содержательные с географической точки зрения (число жителей, размеры и структура угодий, природное окружение и т.п.). В этот период, именно в 80–90-е годы XVIII века, создается серия «топографических описаний» отдельных губерний, наместничеств и уездов, в которых также описывались «знатнейшие» из слобод, сел и деревень.

В течение XIX века проводится большая работа с применением топографических съемок и составлением возможно точных списков поселений. Наиболее распространенным типом работ остаются описания или характеристики отдельных сельских поселений, сохраняющих «анкетную» направленность в официальных статистических изданиях. В таких изданиях наряду с элементарными описаниями и подчас поверхностными заключениями содержатся ценные наблюдения и сопоставления, имеется интересный историко-географический материал, рассматриваются народные традиции планировки селений, раскрываются общие черты исследуемой территории.

В середине 60-х годов XIX века стали появляться труды А.П. Шапова, носившие характер размышлений о влиянии географической среды на развитие поселений. Географические условия и «свободный разгул» населения выступали в его трудах главным фактором расселения. Очень большое значение для географических исследований поселений в последней трети XIX века имела деятельность П.П. Семенова-Тян-Шанского, отраженная в научных трудах Русского географического общества («Живописная Россия» 1881–1895 и «Россия, полное географическое описание нашего общества» 1899–1914), где характеристикам поселений уделено довольно значительное место.

2. В России этого периода формируется многополярный подход в исследовании сельских поселений. В работе А.И. Воейкова [2] устанавливаются связи между размерами селений и интенсивностью сельского хозяйства, развитием череспо-

сицы и дальнотемелья. Решающая роль принадлежит социально-экономическим факторам при опосредованном влиянии природной среды, обусловленной формой землевладения. «У нас постоянно упоминается о недостатке воды в Черноземной полосе, и этим объясняют огромные селения, существующие во многих местах этой полосы. Но разве даже подземные воды и реки – используются надлежащим образом? Разве нет больших пространств без жилья вдоль рек?». Эти «пространства без жилья» находились в частных руках и у казны, поэтому были не доступны для крестьянского заселения.

Другая сторона сельских поселений, связанная преимущественно с природными условиями, нашла отражение в трудах В.П. Семенова-Тян-Шанского, где выделены зональные типы поселений, в основу которых положено «преимущественное сосредоточение человеческих поселений среди тех или других форм земной поверхности» [8, с. 164]. В одной из работ [7] он сформулировал следующий «антропо-географический закон»: главный фактор в расселении человека – пресная вода, поверхностная и грунтовая. Не отрицалась им роль хозяйственных факторов и исторических условий в заселении.

В 10–30-х годах XX века характеристики отдельных сельских населенных пунктов, территорий, их история и условия возникновения появляются в краеведческих изданиях и ученых записках в виде этнографических или культурно-исторических очерков, иногда географо-статистических, продолжая традиции подобных земских статистических работ прошлого.

3. Во второй половине XX века происходит окончательное формирование современных научных дисциплин, где изучение сельских поселений имеет свой предмет исследований. Таким образом, история поселений рассматривает возникновение и развитие поселений, а также исторические закономерности расселения для различных эпох. Особенно ценными представляются работы историко-краеведческого плана, дающие материал для дальнейшего исследования в других отраслях науки. Этнографы наблюдают быт и нравы народов, их расселение по территории, культурные отношения, особенности жилищ и их эволюцию. Социально-экономическая статистика (демографическая, административная, коммунальная), наряду с другими общественными явлениями, призвана характеризовать и жизнь сельских поселений при помощи ей методами массового статистического наблюдения.

Планировка сельских населенных мест и сельская архитектура функционально организуют территорию (улицы, кварталы, здания и сооружения) с учетом требований рациональной организации производства и благоустроенного проживания людей с анализом исторического опыта строительства и комплексом современных норм, в т.ч. эстетических, ко всему ансамблю застройки. Предметом исследований специалистов коммунальной гигиены стали: санитарно-гигиеническое состояние поселений, воздействие на них факторов природно-техногенного характера и соответствующий прогноз для существующих и будущих населенных пунктов. Изучением совокупности сельских поселений, «расположенных в пределах ограниченной определенными признаками территории» [1, с. 12], занимается районная планировка.

Исследования в перечисленных дисциплинах прямо и косвенно связаны с данными о природных условиях территории, о существующих на ней расселении и хозяйстве, без анализа которых работа не может иметь высокий научный уровень.

Составление комплексных характеристик природы, населения и хозяйства по районам есть одна из главных задач географических наук, физической и экономи-

ческой географии [3]. Поэтому междисциплинарные связи дополняют различные отрасли знаний, давая друг другу ценный материал в изучении сельских поселений, включая вопросы, связанные с природно-климатическими условиями при застройке населенных мест, оценкой медико-географических показателей для различных ландшафтных зон, требованиями к жилищу в различных климатических районах. В целом, исследуя сельские поселения как ландшафтно-хозяйственные геосистемы, необходимо подчеркнуть, что именно в них «наиболее ярко выражены связи между населением, хозяйством, природой» [6, с. 161].

Географическое изучение поселений не дублирует работу других наук, но в то же время тесно соприкасается с ними, сохраняя во всех случаях географичность исследований со своими принципами отбора, анализа и изложения материала. Итак, картографы анализируют и классифицируют внешние формы поселений с целью наиболее обоснованной схематизации изображения при составлении карт различных масштабов. Социально-экономическая география и география населения изучают социально-экономический потенциал поселений, внутривозрастные связи, условия и формы расселения, а также географические особенности материальных форм мест обитания. Особенности дезинтеграции и интеграции российского сельского пространства глубоко исследованы в работах социальных географов А.И. Алексеева, Т.Г. Нефедовой, П.М. Поляна, А.И. Тревиша, Б.Б. Родомана и других.

Поселения для физической географии не являются объектом непосредственного изучения. Но в ландшафтоведении они образуют особую группу антропогенных комплексов – сельские селитебные ландшафты, «развитие которых подчиняется двум различным закономерностям: природным и социально-экономическим [4, с. 149]. Изменение «естественных» природных условий поселениями меняет ландшафты страны, и в поле зрения физико-географов должны находиться как эти новые культурные ландшафты, так и преобразующая роль населенных пунктов. Направления и масштабы воздействия на природу (и обратно – Прим. наше) связаны не только с типом хозяйства, но и с типами поселений, их размерами и историей развития. Следовательно, для понимания происходящих изменений физико-географу необходимо располагать историко-географическими и экономико-географическими сведениями о поселениях. Характеристика одного из элементов любого поселения – его территории, природных условий площадки и ближайшего окружения – требует физико-географических наблюдений [3].

Основные вопросы, касающиеся «топографического положения» сельских поселений и их комплексного исследования, отражены в трудах по экономической географии. Ландшафтный подход и связанная с ним направленность в изучении сельских поселений представлены в работах Ф.Н. Милькова, где селитебные ландшафты определяются как «антропогенные ландшафты населенных мест: городов и сел с их постройками, улицами, дорогами, садами и парками» [5, с. 71].

Социально-экономический и ландшафтный анализы при всей существующей «изолированности» друг от друга, на современном этапе развития общества должны быть максимально интегрированы между собой в вопросах изучения сельских поселений. По точному выражению С.А. Ковалева [3, с. 226]: «Составление комплексных характеристик природы, населения и хозяйства... есть одна из главных задач географических наук, физической и экономической географии». Такой комплексный подход вовсе не отрицает индивидуальности каждой из двух сторон, напротив, сопоставляя обе эти стороны, выясняя причины наблюдаемых различий в

географии сельских поселений, закономерности и механизмы их развития, можно видеть противоречия, возникающие вследствие известного отставания тех или иных черт сельских поселений от потребностей общества, его стремления к гармоничному, сбалансированному проживанию с учётом исторического наследства, природных условий, общественных и хозяйственных особенностей.

Библиографический список

1. Богорад Д.И. Районная планировка. – М.: Госстройиздат, 1960. – 243 с.
2. Воейков А.И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. Императорского Географического общества, 1909. – Т. 45. – Вып. 1. – 52 с.
3. Ковалев С.А. Сельское расселение. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 371 с.
4. Мильков Ф.Н. Общее землеведение: учебник. – М.: Высшая школа, 1990. – 335 с.
5. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. – М.: Мысль, 1973. – 84 с.
6. Природно-антропогенные системы центральной лесостепи Русской равнины / Отв. ред. А.М. Грин, М.И. Мухина. – М.: Наука, 1989. – 276 с.
7. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Антропогеография Центральной промышленной области. Распределение населения ЦПО в связи с естественными условиями. – Л.: Научно-технический отдел ВСНХ, 1924. – 25 с.
8. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М.-Л.: Госизд., 1928. – 311 с.

Пашинская Н.Н. (г. Киев)

ГЕОГРАФИЯ ТРАНСПОРТА В УКРАИНЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В социально-экономической географии традиционно уделялось значительное внимание изучению транспорта как важного элемента территории, который тесно связан с конкретными природными и социально-экономическими условиями. География транспорта как отдельное направление экономико-географических исследований, которое изучает закономерности развития и функционирования транспортно-географических явлений и процессов, определяет особенности размещения транспорта в зависимости от природных, исторических и экономических условий сформировалась в середине XIX века. Объектами изучения географии транспорта являются территориальные и региональные транспортные системы, транспортные потоки, распространение отдельных видов транспорта, влияние транспортных процессов на развитие территориальных элементов хозяйства и расселения.

Современная география транспорта изучает транспорт в трех аспектах: транспортные явления, которые включают исследования транспортных сетей, терминалов, перемещения грузов, услуг и людей; транспорт как фактор изменений в других географических структурах; обеспеченность транспортными услугами [4]. Все более распространенными являются исследования транспортных сетей как целостных системных формирований, которые имеют свои закономерности развития и являются важной инфраструктурной основой для становления хозяйственных комплексов разных типов и масштабов. Транспортному фактору отводится важное место в теории размещения, региональной экономике, международной экономике и теории внешней торговли.

Современные социально-экономические процессы и трансформации, формирование мировых транспортно-коммуникационных систем актуализируют необходимость анализа роли транспорта в этих процессах и изучение изменений, происходящих в его функционировании. Это способствует увеличению количества публикаций, дифференциации их тематики. Несмотря на определенный рост востребованности исследований по географии транспорта в мире, в Украине она пребывает в стагнации. В связи с этим возникла необходимость инвентаризации знаний, достижений в географии транспорта и разработки новых перспективных направлений исследований в этой сфере.

В Украине география транспорта в качестве самостоятельной отрасли социально-экономической географии сформировалась в основном в 60-70 годах XX столетия. До этого разнообразные вопросы, которые входят в ее проблемное поле, рассматривались как составляющая часть комплексных экономико-географических исследований. Она развивалась в русле исследований советской экономико-географической школы. Значительное влияние на становление географии транспорта имели фундаментальные работы И.В. Никольского, И.И. Белоусова, Л.И. Василевского, Н.Н. Казанского, Г.А. Гольца, С.Б. Шлихтера, В.Н. Бугроменка, С.А. Тархова. Поэтому можно выделить такие основные направления ее развития в этот период: изучение транспорта как важного элемента экономического района и территориально-производственного комплекса (изучение транспортных систем экономических районов и областей); региональная география транспорта (изучение региональных особенностей функционирования транспортных систем), география пассажирских перевозок, отдельные аспекты теории географии транспорта.

Основные этапы развития географии транспорта в Украине:

I этап (20–50-ые годы XX века) появление первых исследований по географии транспорта, которые имели описательный характер. Она развивалась, как неотъемлемая часть экономической географии, большинство работ имели отраслевой характер.

II этап (60–80-ые годы XX века) становление и активное развитие географии транспорта. Большинство работ было посвящено географии отдельных видов транспорта, транспортно-экономическим системам районов. Эти работы ориентировались преимущественно на анализ грузо- и пассажиропотоков, технико-экономическую характеристику различных видов транспорта и транспортных магистралей. Во многих исследованиях подчеркивалось, что транспортный фактор является определяющим в развитии территориально-производственных комплексов (ТПК), межотраслевых комплексов, необходимым условием территориального разделения труда, специализации районов, их комплексного развития.

Весомый вклад в решение многих теоретико-методических и прикладных вопросов географии транспорта осуществили ученые Института географии НАН Украины. Систематические исследования транспортных проблем начались здесь в 1971 г. с создания отдела географии транспорта. В научных разработках сотрудников отдела значительное внимание было уделено вопросам определения сущности транспортной системы, ее структурных особенностей и территориальной организации. Основной объект исследования – транспортная система Украины. Среди важных направлений ее изучения – выявление уровня обеспеченности территории Украины разными путями сообщения, определение структурных особенностей транспортной системы, места и роли отдельных видов транспорта в реализации грузовых и пассажирских перевозок, выявление узких мест в работе транс-

портной системы и обоснование основных направлений развития транспорта на перспективу. Основные результаты исследований опубликованы сотрудниками отдела (В.М. Пелых, М.В. Григорович, Е.Ф. Коценко, Л.Л. Тарангул) в ряде монографий. Более детально работу отдела рассмотрено в монографии «Географическая наука в Национальной академии наук Украины» [1].

Сформировались основные центры развития географии транспорта: Институт географии НАН Украины, географические факультеты Киевского, Львовского, Одесского, Таврического университетов.

III этап (90-ые годы XX века – начало XXI века) – современный период развития географии транспорта в Украине. Исследования представлены фрагментарно, происходит формирование новых направлений и тематик.

Важным аспектом современных исследований является изучение социальной роли транспорта, поскольку он способствует развитию различных социальных, культурных, рекреационных связей, тем самым ускоряя социально-экономическое развитие общества. Сейчас приоритетным является развитие транспортной отрасли для удовлетворения спроса потребителей, повышение качества и разнообразия предоставления транспортных услуг. В связи с этим получили развитие общественно-географические исследования по транспортной логистике (И.Г. Смирнов), транспортной инфраструктуре приграничных территорий (О. Ю. Бордун), территориальной организации пассажирских перевозок (К.Д. Диденко). Значительное внимание уделяется экологическим аспектам функционирования транспорта, его роли и значению в устойчивом развитии регионов (Н.Н. Пашинская).

Таким образом, наличие разнообразных исследований является важным аргументом, свидетельствующим о сформированности географии транспорта в Украине как важного направления социально-экономической географии. Вместе с тем, сейчас она переживает трансформацию и имеет ряд проблем в своем развитии.

1. Значительная часть исследований основывается на устаревшей методологии, посвящена изучению традиционных объектов. Это признак определенной стагнации этого научного направления, поскольку базовые научные концепции были сформированы несколько десятилетий назад, и не происходит процесс научной эволюции. В результате устаревшие теоретико-методологические основы и методы не отвечают современным потребностям науки, а тем более современным направлениям прикладных исследований в этой сфере. Это значительно замедляет ее развитие, снижая возможности применения исследований в практике. Кроме того, исследования часто охватывают те темы, которые выходят за пределы не только географии транспорта, но и общественной географии в целом. Например, технико-экономические характеристики транспорта, повышение производительности его использования, проблемы эксплуатации технических средств и транспортных сетей, оставляя без внимания территориальную (пространственную) организацию транспортных систем. Для преодоления этих проблем необходимо четко определить перспективные направления общественно-географических исследований в области транспорта, для чего целесообразно проанализировать имеющийся потенциал географии транспорта XXI века.

Нами проанализирована тематика диссертационных работ с 1990 по 2010 гг. За этот период в Украине было защищено 5 кандидатских диссертаций по географии транспорта: Мацяк М.Н. «Формирование межотраслевого транспортного комплекса в зоне влияния крупного города (на примере Львова)» (1993), Бордун О.Ю. «Транспорт-

ная инфраструктура западноукраинского пограничья: экономико-географическое исследование» (2003), Диденко Е.Д. «Территориальная организация автомобильных пассажирских перевозок в Украине» (2007), Шум И.В. «Общественно-географические аспекты интеграции Украины в Панъевропейскую транспортно-логистическую систему» (2007), Пашинская Н.Н. «Транспортная инфраструктура АПК региона в условиях рыночной системы хозяйствования (общественно-географическое исследование на примере Киевского Приднепровья)» (2009). Вместе с тем не защищено ни одной докторской диссертации. Тут можно только выделить работу по геологистике Смирнова И.Г. «Логистическое направление в общественной географии: теория и практика исследований» (2004).

2. Значительную конкуренцию составляют труды экономистов, которые частично берут на себя предметную область географии транспорта. Так защищены докторские работы по региональной экономике Пашенка Ю.Е. «Развитие и размещение транспортно-дорожного комплекса Украины в условиях интеграционных процессов» (2006), Новиковой А.М. «Методологические основы развития транзитного потенциала Украины» (2004).

3. Недостаточная развитость новых направлений, которые активно развиваются в зарубежной географии. Анализ тематики ведущего зарубежного журнала по географии транспорта *Journal of Transport Geography* за последнее десятилетие показал, что в нем доминируют статьи следующей тематики: городской транспорт (15%), морские перевозки и порты (15%), доступность (15%), воздушный транспорт (10%), поведенческая география (*travel behavior*) (10%), публикации о пространственных преимуществах в транспортных сетях, пространственных эконометрических моделях (5%), другие темы (30%) [3].

В последние десятилетия мировые интеграционные процессы, глобализация, новые транспортные технологии и инновации, увеличение контейнерных перевозок, применение информационных технологий для управления транспортными потоками обусловили трансформацию территориальной организации транспортной системы. Совершенствование транспортных систем усиливают глобальное взаимодействие и обуславливают изменения в понятии «местоположение», происходит процесс «сжатия пространства» увеличение пространственно-временной доступности. Основной функцией транспорта стала интернационализация экономики и общества, он перестал быть отраслью хозяйства. Изменились скорость перевозок, объемы транспортных потоков между странами и регионами, сузилось распределение по специализации отдельных видов транспортных потоков, появились новые элементы территориальной структуры (контейнерные терминалы, мультимодальные логистические центры).

Транспортная система становится комплексной, трансформируется в сложную товаропроводящую логистическую систему под влиянием процессов глобализации, изменений в структуре хозяйства. Происходит переход от многоотраслевой транспортной системы к единым логистическим цепочкам и формирование сетевых структур. Активно развиваются новые технологии перевозок, «размываются» границы между отдельными видами транспорта, каждый из которых ранее использовался в своей сфере и имел четкую специализацию. Происходит их интеграция в единые логистические цепи, ориентированные на минимизацию затрат и реализацию принципа «точно в срок». При этом происходит процесс стандартизации перевозок, что позволяет укрупнить отправления и потоки путем применения контейнеров (стан-

дартных транспортных средств). Сейчас для перевозки одного груза активно используются два или более видов транспорта и таким образом происходит развитие всемирной интермодальной (межотраслевой) системы, использующей комбинированные перевозки. Эти процессы значительно повысили роль логистики в организации транспортных потоков, происходит формирование транспортно-логистических систем, обеспечивающих интеграцию производства и распределительной системы [2].

Происходят процессы концентрации транспортных потоков, формирование полимагистралей и транспортных коридоров, мультимодальных транспортных узлов, объединяющих разные виды транспорта для обслуживания крупных международных грузо- и пассажиропотоков. Таким образом, транспортная система сейчас находится в процессе глубоких фундаментальных преобразований. В условиях интеграционных процессов многоотраслевая транспортная система видоизменяется в единые логистические цепи (под влиянием новой «транспортной парадигмы»), активно развивается интермодальный комбинированный транспорт, происходит формирование единого рынка транспортных услуг на разных континентах. Под влиянием этих процессов меняются основные аспекты исследования транспорта.

Таким образом, современные тенденции в развитии транспортной системы определяют актуальные направления ее исследования, среди которых: пространственный анализ транспортных потоков в связи с ростом спроса на транспортные услуги, концентрацией потоков; исследование проблем пропускной способности транспортной инфраструктуры; транспортная доступность; геологистика; пространственный анализ транспортной сети и ее моделирование; социальная география транспорта, анализ транспортной мобильности населения; экологические аспекты развития транспорта.

Библиографический список

1. Географическая наука в Национальной академии наук Украины / Под ред. Л.Г. Руденка. – К., 2009. – 240 с. (на укр. языке).
2. Пашинская Н.Н. География транспорта: современные направления исследований // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. – Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 302–305.
3. Hall D. Transport geography and new European realities: a critique // *Journal of Transport Geography*. – 2010. – № 18 (1). – P. 1–13.
4. Hoyle B., Knowles R. *Modern Transport Geography*. 2-nd ed. – London: Wiley, 1998. – 315 p.

Пирожник И.И., Смоляков Г.С. (г. Минск)

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В БЕЛАРУСИ

Появление первых экономико-географических представлений в Беларуси связано с периодом существования Великого Княжества Литовского, составлением инвентарей крупных землевладений. В этот период в монастырях и учебных заведениях собирались и обобщались некоторые географические сведения. Так, Матей из Мехова в 1517 г. впервые в Европе в своей работе «Трактат о двух Сарматиях» описал земли между Вислой и Доном (в т.ч. белорусских). В «Азбуке» (1596 г.)

Л.Зизания (Тустановского) был помещен «Лексис» – толковый словарь, где помещались термины по географии, природоведению, этнографии и другим дисциплинам. Примечательно, что данное издание было на белорусском языке. В 1766 г. в Вильне был издан большой «Географический лексикон для основательного понимания газет и истории от разных авторов собранные, переведенные и написанные» И. Карпинского. В целом же исследования собственной территории носили в тот период эпизодический характер.

Во второй половине XVIII в. появляются первые экономико-географические характеристики отдельных частей Беларуси. В 1785–1786 гг. А.Меером было составлено «Описание Кричевского графства или бывшего староства», где дана характеристика производительных сил владения в целом, определено состояние крестьянства для целей создания в Кричеве судоверфи, рассмотрен вопрос о выселении на постоянное место жительства староверов на юг Украины.

Включение территории Беларуси в состав Российской империи изменило характер и направление экономико-географических исследований. Это проявилось в пояснительных записках к картам в «Военно-историческом обзоре Российской империи (1843–1852 гг.)». В 1861 г. под руководством А. Карева были изданы «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния». В 1863 г. аналогичная работа была выполнена по Гродненской губернии (П. Бобровский) и в 1864 г. – по Минской (И. Зеленский). Привлекались материалы М. Балинского, А. Киркора, И. Лялевеля и др. Эти описания строились по определенной схеме: введение, исторический очерк, разделы по географии, астрономии, демографии, промышленности, сельскому хозяйству, путям сообщения, этнографии, истории государственных и религиозных учреждений и др. Были приведены карты этих губерний.

Помимо таких работ проводились исследования более мелких территорий и отдельных населенных пунктов. Известный в свое время белорусский краевед, писатель, историк А. Ельский опубликовал в «Географическом словаре земель польских и других краев славянских» несколько тысяч статей о почти всех уездах Беларуси, о некоторых поселениях (Минск, Пинск, Туров, Заславль, Слуцк, Новогрудок, Несвиж, Койданово и др.). При описании городов и местечек им использовались множество данных, но они подавались без определенной последовательности. Незадолго до этого (в 40-е годы XIX в.) под руководством Э. Тышкевича была издана книга на польском языке «Описание Борисовского уезда в статистических хозяйственных, промышленно-торговых и медицинских отношениях», которая давала описательную характеристику.

А. Смородский, историк, педагог и общественный деятель в течение десяти лет отвечал за издание «Памятных книжек Минской губернии», где помещал краеведческие статьи. В результате в 1894 г. он опубликовал в Минске свою работу «География Минской губернии. Родиноведение», и это было примечательным изданием.

Белорусский историк, краевед, этнограф И. Горбачевский в работе «Лепельский уезд Витебской губернии» (1895) наряду с физико-географическими характеристиками рассматривал в уезде состояние земледелия и животноводства, торговли, промыслов, образования и др. В 1907 г. К. Аникиевич, белорусский краевед, этнограф и археолог издал свою основную работу «Сенненский уезд Могилевской губернии», в которой даны географические, исторические, экономические и этнографические характеристики уезда.

В XIX в. в развитии социально-экономической географии Беларуси следует отметить следующие особенности: 1) экономико-географические исследования проводили не профессиональные географы; 2) экономико-географическая информация уступала по своему объему этнографической и этнологической; 3) общее содержание этих исследований было краеведческим; 4) отсутствие в Беларуси высшего учебного заведения, где бы формировались научные традиции не способствовало развитию экономической географии.

В начале XX в. в Беларуси начали быстро развиваться капиталистические отношения, и это обусловило повышение интереса к изучению производительных сил. В 1905 г. под редакцией В.П.Семенова-Тян-Шанского вышел в свет девятый том географического описания России «Верхнее Поднепровье и Белоруссия», авторами которого были в основном белорусские исследователи (А. Сапунов, Д. Шендрик, М. Довнар-Запольский и др.). Из всего объема книги 90 % составляло описание особенностей размещения населения, населенных пунктов, хозяйства. При характеристике губерний использовался сравнительно-географический метод, давались некоторые оценки экономического потенциала различных местностей. Эти материалы использованы при создании первого в истории Беларуси учебника «География Беларуси» (1919), написанного А. Смоlichem. Экономико-географические исследования в это время были направлены на сбор статистических данных по промышленности и сельскому хозяйству, изучению размещения населения и населенных пунктов и их классификации.

Дореволюционное развитие географии создало предпосылки и условия для ускоренного формирования направлений экономико-географических исследований, появления первых профессиональных экономико-географов и написанных ими монографий и учебников. За первые двадцать советских лет в Беларуси сформировался коллектив ученых, которые вели свои исследования в Институте белорусской культуры (Инбелкульте), подразделениях Госплана, Белорусском государственном университете, Белорусской сельскохозяйственной академии, а с 1931 г. в Институте экономики АН БССР.

Одним из первых профессиональных географов был А. Смолич, имя которого долгие годы замалчивалось, а труды его были неизвестны. Он впервые в отечественной географии обосновал научные задачи по изучению ландшафтов с учетом их генезиса, эволюции, состава и пространственного распределения, выполнил их типологию и районирование для целей хозяйственных потребностей различных отраслей. А Смолич принимал участие в составлении проекта окружного деления Беларуси (1924), разработал программу экономико-географического изучения районов БССР (1930). С применением изометрических кривых (для сельского населения) и метода картодиаграмм (для городского) построил дозиметрическую карту размещения населения, помещенную в качестве приложения в книге «Размещение населения в Белорусской ССР» (1929). В коллективной работе «Беларусь. Очерки истории, экономики, культурного и революционного движения» (1924) А.Смолич рассмотрел уровень экономического развития и структуру хозяйственного комплекса Беларуси в 1913 г., для чего использовал методы экономического анализа. Десять показателей хозяйственного развития и освоения регионов, которые приведены в данной работе, позволяют ранжировать белорусские губернии по степени их развития. Он выделил слабые и сильные стороны хозяйства Беларуси. В настоящее время эти слабые стороны практически полностью преодолены, а силь-

ные приобрели еще большее значение, например, выгодное географическое положение, интенсивное сельское хозяйство, квалифицированная рабочая сила и т.д. На основе анализа природно-географических условий и типов хозяйствования выделил сельскохозяйственные районы БССР. За новаторские разработки на уровне мировых достижений географической науки в работах «Размещение населения в Белорусской ССР» и «Сельскохозяйственные районы БССР в 1927–1928 гг.» решением Государственного Русского географического общества (9.05.1930 г.) А. Смолич был награжден Малой золотой медалью.

К числу первых экономико-географов относится Г.Горецкий, выпускник Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, ученик А.Рыбникова и А.Фортунатова. Основные научные интересы его находились в области географии сельского хозяйства, он заведовал кафедрами экономической географии в Белорусской сельскохозяйственной академии и штандорта народного хозяйства в Белорусской Академии наук (1926). Для исследования территорий Г. Горецкий применял метод экономического профиля. Для получения необходимых данных были организованы экспедиции по линиям Петровско–Разумовское–Дурыкино (1925), Слуцк–Мглин и Минск–Могилев (1926). В результате исследований в Москве была издана в соавторстве с С. Малышевым и А. Рыбниковым книга «Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области» (1927), в предисловии которой А. Чаянов отметил важность метода экономического профиля для исследования территорий. Большое значение для определения путей развития хозяйства Беларуси имела работа о национальном доходе (1925). Им же были разработаны типы специализации сельского хозяйства в соответствии с местными условиями. Г. Горецкий определил Беларусь как регион с интенсивными формами животноводства и зависящем от него земледелием. Он исследовал народонаселение Западной Беларуси и состояние сельского хозяйства Гомельской области.

В 1922 г. А. Бурбис опубликовал научную монографию «Краткий очерк по экономической географии Беларуси», в которой выделил и впервые в истории белорусской географии описал территориально-хозяйственный комплекс Беларуси, проанализировал экономическое состояние хозяйства страны и ее ресурсов, рассмотрел хозяйственные связи с регионами России. В 1923 г. М. Ярошевич в книге «Сельскохозяйственные регионы Минской губернии и Белорусской советской социалистической республики», основанной на материалах первой сельскохозяйственной переписи в России (1916), выполнил сельскохозяйственное районирование Беларуси, дал структуру земельных угодий, почвенных площадей, состава животноводства и др. Несколько позже (1926) Р. Бонч-Осмоловский провел анализ территориальных различий показателей сельского хозяйства и выделил ареалы интенсивного, переходного и экстенсивного земледелия. В 1930 г. М. Материкин теоретически обосновал возможность формирования в Беларуси аграрно-индустриальных комбинатов и определил районы специализации сельского хозяйства. В 1920-е годы разрабатывались также проблемы народонаселения (Л. Лубно-Герцик, В. Смулевич, Е. Волков, С. Маргелов и др.), георурбанистики (С.Сулькевич), был подготовлен проект Большого экономико-географического атласа (1940).

Тридцатые годы XX в. были особенными в развитии белорусской социально-экономической географии, когда значительные потери понесла вся наука: за пределы Беларуси были высланы наиболее активные экономико-географы – А. Смолич и Г. Горецкий (вскоре прекратили экономико-географические исследования).

Тем не менее, наука продолжала развиваться в Академии наук и в высших учебных заведениях. С. Маргелов занимался проблемами размещения населения, промышленности и сельского хозяйства, участвовал в составлении плана 2-й пятилетки, редактировал разделы по Беларуси в Большом Советском Атласе, провел экономическое обследование районов Беларуси. Вместе с М. Лойко составил программу экономико-географического описания районов БССР (1932). С. Маргелов в соавторстве опубликовал первую академическую монографию «Экономическая география БССР» (1936), в которой дана полная экономико-географическая характеристика развития и размещения хозяйства Беларуси, а также приведено описание его отраслевой структуры. Из других работ этого периода известны книги А. Тимашова «Экономические очерки районов и их методология» (1931), В. Фришмана «Промышленность Западной Белоруссии. Статистико-экономическое описание» (1934), Я. Ракова «Полесская область» (1939). В 1934 г. была образована кафедра экономической географии в БГУ, которая вначале выполняла функцию учебного подразделения, с 1938 г. открыта аспирантура по экономической географии, для научно-педагогической работы приглашен профессор М. Смирнов. Сталинские репрессии и Великая Отечественная война практически полностью уничтожили научное экономико-географическое сообщество, что привело к свертыванию многих работ и направлений исследований на длительное время. В послевоенный период в науку пришло второе поколение экономико-географов (Н. Романовский, И. Трухан, Ф. Мартинкевич, Н. Рогозин, А. Малышев, В. Медведев и др.), исследования которых были направлены на решение важных народнохозяйственных задач в области народонаселения и размещения отраслей хозяйства. В 1953–1954 гг. К. Лукашов опубликовал книгу и ряд статей, посвященных критике геополитических концепций американских географов. Им также рассматривались проблемы использования минеральных ресурсов мира (1947, 1953). В первые послевоенные годы были защищены диссертации по размещению торфяной (Н. Романовский) и льняной промышленности (И. Трухан), характеристике Полесской области (А. Малышев). Академик АН БССР Ф. Мартинкевич занимался проблемами развития и размещения производительных сил Беларуси, эффективности сельскохозяйственного производства. Он исследовал закономерности размещения отраслей сельского хозяйства и формирования зон специализации, перспективы комплексного исследования природных ресурсов и развития производительных сил Белорусского Полесья. Под руководством Ф. Мартинкевича было проведено исследование, в результате которых вышла вторая академическая монография «Экономическая география БССР» (1956), где была дана комплексная характеристика восстановленного после войны хозяйства в новых государственных границах, был подготовлен комплексный Атлас БССР (1957). В последующие годы были подготовлены вузовские учебники «География Белоруссии» (1965, 1977) и «Экономическая география Белоруссии» (1973, 1982). В Беларуси появились региональные центры экономико-географической науки и образования (Брест, Гомель, Могилев). Проводились исследования по новым и обновленным направлениям науки: географии населения и расселению (В. Жучкевич, Н. Рогозин, В. Крищанович, С. Польский, Б. Манах, Е. Антипова, К. Красовский), рекреационной географии (И. Пирожник, Т. Федорцова), региональной экономике (Л. Козловская), экономике природопользования (А. Томашевич, И. Войтов). В энциклопедических изданиях появилось много статей по социально-экономической географии. Важным событием в жизни страны было издание «Национального атласа

Беларуси» (2002), который существенно отличается по содержанию экономикогеографических карт от «Атласа БССР» (1957).

На рубеже XX и XXI вв. в Беларуси сформировалось социально-экономическое направление в географии, которое изучает основные принципы формирования и размещение территориальных социально-экономических систем, промышленных и транспортных узлов и комплексов, сельского хозяйства и отраслей АПК, динамики, состава и распределения населения и трудовых ресурсов, отраслей социально-культурного, бытового и туристского обслуживания. Современные исследования связаны с выявлением новейших тенденций в географии мирового хозяйства и участием Беларуси в международном разделении труда, геополитической ориентации Беларуси. Проблемами регионального социально-экономического развития в условиях перехода к рыночной экономике, трансформации системы расселения, рационального использования природно-ресурсного потенциала занимаются научные коллективы отраслевых экономических институтов и вузовских кафедр (Институт экономики НАНБ, НИЭИ Министерства экономики РБ, БГУ, БГЭУ, БрГУ – Я. Александрович, Е. Антипова, Л. Козловская, К. Красовский, В. Медведев, И. Пирожник, А. Томашевич, Л. Шахотько, О. Шимова и др.).

Ратанова М.П. (г. Москва)

20 ЛЕТ СНГ: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В декабре 2011 года исполняется 20 лет существования СНГ. 21 декабря в Алма-Ате главами одиннадцати суверенных государств была подписана декларация, по которой Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина на равноправных началах образовали Содружество Независимых государств. Это произошло после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежского соглашения руководителями Белоруссии, Украины и России, в котором констатировалось, что СССР прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность. Грузия – член СНГ с 1993 г. В настоящее время произошли изменения в составе стран-участниц СНГ. С 2005 г. Туркменистан участвует в организации в качестве ассоциированного члена. В 2009 г Грузия официально вышла из состава Содружества.

Прошло 20 лет с начала провозглашения Содружества. С самого начала прогнозы его существования были пессимистичными. Каждый год политики, многие исследователи предвещали его распад. Однако СНГ продолжает существовать и уместно рассмотреть его успехи, неудачи, определить возможные пути развития и целесообразность существования. Содружество отличается от большинства действующих в настоящее время в мире межгосударственных, региональных образований. Обычно интеграция растянута во времени, проходит несколько этапов развития, объединяет страны, различающиеся в экономическом, культурном, демографическом отношении. Страны СНГ до распада входили в состав СССР, они составляли единое экономическое пространство, были обеспечены единой минерально-сырьевой базой, общей инфраструктурой. Существовала технологическая взаимозависимость национальных хозяйственных комплексов. Сильны были культурные, образова-

тельные связи. Наконец, существовала единая политическая система, определявшая направление развития всего Союза. После 1991 г. единое пространство распалось. Провозглашение СНГ, выдвинуло совершенно новые задачи, потребовало разработки новых подходов к интеграции. Примеров такого рода реинтеграционных процессов в мире не было.

В деятельности СНГ можно выделить несколько этапов. Задачей первого было оформление организационной структуры Содружества. Были разработаны и подписаны временные соглашения о совете глав государств и Совете глав правительств Содружества независимых государств. Закончился первый этап в январе 1993 г. принятием устава СНГ, в котором были определены основные цели Содружества.

Итоги экономического развития. Единое экономическое пространство сохранялось до 1993 г, пока существовала рублевая зона. После введения национальных валют каждая страна самостоятельно определяла концепцию экономического развития, пути выхода на мировой рынок, выбора инвесторов, экономических партнеров.

Разрушение единого хозяйственного комплекса привело к тому, что в течение первого десятилетия шел нарастающий развал экономики, ни одна из стран не достигла уровня советского времени по основным показателям – объему ВВП, промышленному, сельскохозяйственному производству и объему инвестиций в основной капитал. Однако уровень падения был не одинаков по отдельным странам. Так, объемом валового внутреннего продукта в 2000г. по отношению к 1991 в Армении составил 76,9%, Беларуси – 89,7%, Казахстане – 77,9%, Узбекистане – 99,0%. Этот показатель для Молдовы равнялся 42%, Таджикистана – 41%, Украины – 47%, Азербайджана – 59%, Грузии – 46,7%. Направления экономических преобразований, скорость их реализации по-разному складывались среди стран Содружества. Всемирный банк, принимавший самое активное участие в реформировании экономик бывших советских республик, разделил их на две группы по уровню либерализации. В первую вошли Россия, Кыргызстан, Молдова, Грузия и Казахстан, принявшие политику «шоковой терапии». Во вторую – Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Украина, Азербайджан, заявившие о целесообразности поэтапных, эволюционных преобразований.

Принятие стратегии проведения «шоковой терапии» привело к резкому слому централизованного управления экономикой, стремительному процессу деиндустриализации, свертыванию базовых отраслей промышленности, ориентации преимущественно на экспортные секторы для пополнения бюджета.

Типичной страной СНГ, развивающейся по сценарию «шоковой терапии», является Россия, где последствия ее проведения были самые негативные. Основные шаги:

- отпуск цен
- гиперинфляция, уничтожившая все сбережения граждан
- быстрая приватизация, следствием которой было разворовывание ключевых объектов экономики
- вывоз капитала за рубеж
- нарастание государственного долга.

Уже к 1992 году экономика достигла критической черты, за которой возникала угроза экономической безопасности России. Во второй группе вопрос о проведении реформ, о скорости их проведения рассматривался иначе. В качестве примера можно назвать Беларусь и Узбекистан.

В Узбекистане были провозглашены принципы постепенного и поэтапного перехода к рыночной экономике: «Не построив новый дом, не разрушай старый».

В Беларуси не проводилась широкомасштабная приватизация. Основные предприятия остались в собственности государства, на долю которых приходилось 75% ВВП. Удалось сохранить промышленный потенциал, структуру промышленности, не разрушить сложившиеся технологические связи. Такая же политика сбережения основных отраслей, крупных предприятий была и в сельском хозяйстве. На фоне развала промышленности, деиндустриализации, захватившей все страны СНГ, лишь в Беларуси и Узбекистане уровень развития промышленности в 2000 г превзошел уровень 1991.

Начало второго десятилетия характеризуется относительным ростом основных экономических показателей во всех странах. Существенный рост показали страны располагающие богатой сырьевой базой, инвестиционно привлекательные – Россия, Казахстан, Азербайджан. В Азербайджане объем ВВП в 2009 г. по сравнению с 2000 г. вырос в 383 раза, размер инвестиций в 993 раза. В Казахстане – ВВП в 206 раз, инвестиции – в 459; в России – ВВП в 152 раза, инвестиции – в 211.

Беларусь выбрала модель социально ориентированной рыночной экономики. В последнее десятилетие она имела высокие показатели экономического развития. Успехи белорусской экономики связаны не только с направлением, выбранным страной, но и существенной помощью России по нескольким направлениям. Прямые доходы от помощи России в 2006–2009 гг. оцениваются примерно в 60% от ВВП. Они складываются из: прямого финансирования белорусской экономики – 48%, поставок энергоносителей по льготным ценам – 15,2%, дохода от реэкспорта российского нефтегазового сырья и продукции из него – 17,3%.

Устойчивые темпы экономического роста имела и Армения, несмотря на особенности ее ЭГП, изолированность от внешнего мира транспортной блокадой, незначительные природные ресурсы. Это можно в значительной степени объяснить устойчивыми связями с Россией, ростом товарооборота, осуществлением ряда совместных программ в области энергетики, промышленности, транспорта.

Украина находилась в прошедшее десятилетие в числе аутсайдеров. Кризисное состояние экономики явилось результатом оранжевой революции. Не было особых успехов в экономике Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Положительную динамику можно объяснить чрезвычайно низким уровнем, с которого начался некоторый подъем после 2000 г.

Проблемы интеграции. Начиная с середины 90-х годов, в рамках СНГ проявляются разные интеграционные группировки. К типу центростремительных можно отнести ряд группировок, возникавших в СНГ:

Центрально-азиатское сотрудничество (ЦАС) – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан (2002–2005 гг.)

ЕврАзЭС, включающее Россию, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, – наиболее мощная в экономическом плане организация. Возникла в 2000 г., основные задачи – формирование общих внешних таможенных границ, входящих в него государств, выработка единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен.

ГУУАМ – Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Молдавия. С 2002 года, после выхода из состава Узбекистана – ГУАМ. Организация была нацелена на европейские и международные структуры. Одна из целей – устранение энергетической зависимости от России, развитие транзита энергоносителей в обход территории России. По своей политической направленности – антироссийский блок.

Таким образом, видно, что в течение прошедшего двадцатилетия не удалось создать четко работающую единую интеграционную структуру. Необходимость созда-

ния ее становится все более острой для всех стран содружества в условиях процессов глобализации и нарастания мощи Стран Европейского союза и Китая.

В этой связи особую важность представляет решение о создании таможенного союза трех государств – России, Белоруссии, Казахстана. Это ключевые государства Содружества – 90,5% территории, на которой проживают 167,4 млн. чел (2010). На их долю приходится 85,8% ВВП, 82,4% производства промышленности, 73,1 сельскохозяйственного производства. Уникально ЭГП этой громадной территории – между Евросоюзом на западе и Китаем, странами Юго-восточной Азии (АСЕАН), создавшими зону свободной торговли, на востоке. Появляется реальная возможность реализовать крупные транзитные проекты, создать логистические центры, новые промышленные производства, сформировать новые технологические связи, создать единое экономическое пространство. Таможенный Союз может стать экономическим ядром СНГ. С июля 2010 г. договор вступил в действие.

Показатели уровня интеграции. Один из важнейших показателей интеграции – уровень развития связей: экономических, технологических, трудовых научных, образовательных, культурных. Размеры товарооборота между странами содружества резко сократились. За прошедших два десятилетия основной вектор связей был направлен на мировой рынок. В среднем доля товарооборота по СНГ составляет в настоящее время немногим более 20%. (для сравнения в ЕС-27 она составляет 65%, а в НАФТА – 45%). В структуре товарооборота преобладают топливно-сырьевые товары. Основным поставщиком для большинства стран Содружества – Россия. В первые годы после образования СНГ именно топливно-энергетические ресурсы, низкие цены на них, по сравнению с мировыми, были основным сдерживающим ядром Содружества. В 2007 г. средняя цена на газ стран СНГ – участниц рынка составляла 110 дол./ тыс. м³, а для европейского рынка – 269,4 дол./тыс.м³. Фактически Россия субсидировала экономики стран СНГ. Несмотря на сокращение внешнеторговых связей, они сохраняются, являются залогом сохранения и расширения единого экономического пространства.

Производственные связи. Сохранились производственные связи между отдельными предприятиями. Их расширение очень важно для интеграционного процесса, разработки единых технологий, реанимация совместных научных исследований, подготовка инженерных и рабочих кадров.

Миграционные связи. За двадцатилетний период существования СНГ менялся характер миграционных связей, причины их вызывающие. До середины 90-х преобладали связи этнические, вызванные достаточно активным возвращением титульных наций на родину. С середины 1990-х процесс перемещения этнических репатриантов в значительной степени бы завершен, на смену ему приходит трудовая миграция, идет образование единого трудового рынка. Причинами трудовых миграций стал низкий уровень материального обеспечения населения ряда стран, невозможность найти работу в своей стране. Основные социально-экономические показатели позволяют выделить группу стран, которые формируют потоки трудовых мигрантов – Таджикистан, Кыргызстан, Молдова, Армения. С другой стороны, выявились страны, принимающие мигрантов, имеющие потребность в трудовых ресурсах, и в первую очередь Россия. В ближайшие 20 лет России потребуется свыше 12 млн. иммигрантов, чтобы компенсировать сокращение трудовых ресурсов.

Выводы. Процесс интеграции идет очень сложно, однако дальнейшее развитие Сообщества неизбежно. Это диктуется повышением значения регионального со-

трудничества и интеграции как фактора обеспечения стабильности и процветания государства в современном мире, при усилении процессов глобализации.

Приоритетом должно стать экономическое сотрудничество, широкое торгово-экономическое взаимодействие государств. Для достижения высокого уровня взаимодействия необходима поэтапность, сохранение имеющегося позитивного опыта, развития сохранившихся связей.

Савоскул М.С. (г. Москва)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Факт «теоретической лакуны» в социальной и экономической географии признают многие отечественные географы. В частности, это нашло отражение в мнениях отечественных специалистов по социально-экономической географии, опубликованных в сборнике «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов»¹. При этом количество современных иностранных социальных географов, называемых в данном сборнике, достаточно невелико (упоминаются М. Портер, П. Кругман и др.), а упоминание немецких современных социальных географов приближается к нулю. Хотя справедливости ради надо заметить, что классиков немецкой географии (в частности В. Кристаллера) не забывают. Сам по себе выход в свет книги «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов», свидетельствует об озабоченности экономико-географического мира своей теоретической судьбой.

Знакомство с социальной географией Германии позволяет несколько по иному взглянуть и на отечественную социальную и экономическую географию. В условиях назревшей необходимости изменения и развития понятийно-концептуального аппарата отечественной экономической и социальной географии и поиска дальнейшего пути, российской социальной и экономической географии нельзя отказываться от возможности рассмотрения опыта работы зарубежных коллег-географов. Особенно интересен в этом отношении опыт Германии, еще со времен Александра Гумбольдта, знаменитой своими учеными-географами, которые сыграли значительную роль в становлении отечественной географической науки.

Еще одним поводом для обращения к этой теме стало осознание того, что Германия, в силу слабого владения немецким языком российскими учеными, является более закрытой для нас в научном плане страной, чем страны англоязычного мира. И у нас сформировано (если вообще сформировано) только очень приблизительное представление о том, что же составляет предмет научных теоретических дискуссий в немецкоязычном пространстве социальной географии.

В случае же даже детального знакомства с работами, опубликованными на английском языке немецкими авторами, мы сталкиваемся с незначительным спектром их научных взглядов. Да и то только тех, которые признаются «существенными» и «интересными» и допускаются на международную сцену англоязычным научным сообществом, оставляя, таким образом, за кулисами по различным причинам (объективным и субъективным) значительную часть «национальной немецкой научной кухни».

Эмпирической базой для данной работы послужил письменный опрос 25 немецких ученых из Германии (14 университетов) и Австрии (Вена) от научных сотрудников до профессоров, проведенный в 2002 г. Анкета была отправлена тем, географам, которые в справочнике «Кто есть где?» отметили, что сферой их научных интересов является социальная география. Немецким географам были заданы шесть вопросов: Какие институты географии в Германии, на Ваш взгляд, развивают новые теоретические направления социальной географии? Как бы Вы охарактеризовали состояние социальной географии в данных институтах? Существует ли в настоящее время преобладающее теоретическое направление в социальной географии Германии? Если да, то какое? Произошли ли в последние годы изменения в основной «парадигме» социальной географии в Германии? Как бы вы охарактеризовали социальную географию Германии по сравнению с социальной географией Великобритании и США? Оказало ли объединение Германии влияние на немецкую социальную географию?

Помимо этого, информационной основой для приведенных ниже рассуждений стали личные наблюдения автора за немецким научным сообществом в ходе научных стажировок в различных университетах Германии в 2001–2007 гг., и многочисленных беседы с немецкими коллегами, проводимые как в России, так и в Германии.

Для того, чтобы более детально остановиться на начале 21 века в социальной географии Германии, необходимо уточнить, что же понимается там под «социальной географией» и какие этапы это направление географии прошло в послевоенный период.

До настоящего времени не существует четко принятого определения «социальной географии» в Германии. В немецкой географии используют понятия «социальная география (Sozialgeographie)», «культурная география (Kulturgeographie)» или антропогеография (Anthropogeographie) для всего обществоведческого блока географии, а не социальная и экономическая география, как это принято в России. Содержание этих понятий сходно. Экономическая география (Wirtschaftsgeographie) определяется как ветвь культурной географии, основными составными частями которой являются – география аграрного сектора, география промышленности, география третичного сектора².

И хотя в немецком словаре географических терминов указано, что понятия «социальная» и «культурная» география являются синонимами, на практике в беседах с коллегами я чаще всего встречала, что под «социальной» географией, прежде всего, понимают только теоретические исследования, а не все направления социальной географии³. Значительная часть молодых исследователей редко задумывается над тем, как определить отрасль их научной деятельности, но, если все же такой вопрос возникает, чаще всего можно услышать ответ, что это «социальная география» или «экономическая география», причем для первого могут использовать и английский вариант – social geography или human geography.

Распространенное ранее понятие «антропогеография» в настоящее время используется гораздо реже. Так, например, в справочнике персоналий немецких географов «Кто есть где?», только один исследователь заявил себя как антропогеограф, тогда как к направлению социальной географии причислили себя около 90 человек⁴. Но существуют университеты, где в институтах географии выделяют отдельно кафедры экономической географии и антропогеографии. Обычно это понятие также выступает синонимом культурной географии.

В послевоенный период в среде немецких географов значительное внимание стали уделять процессам, порождаемым культурой. Ландшафтный подход, преобладающий в начале 20 века в немецкой географии, сменился, функциональным подходом, господствовавшим во многих теоретических работах немецких географов, до 1970-х годов. Развитие социальной географии в 1950–1970-е гг. связано с именами Ханса Бобека, Вольфганга Хартке, а также с исследователями Мюнхенской социально географической школы – последователями Хартке⁵.

Шаг в сторону от «ландшафта» как центрального понятия географии первым сделал немецкий географ Вольфганг Хартке (Wolfgang Hartke). Он предложил рассматривать ландшафт, как показатель, регистрирующий и объясняющий деятельность людей. По его положению, следы человеческой деятельности отражаются в культурном ландшафте, то есть это индикаторы, позволяющие судить о происходящих социальных процессах. И социально-географическое исследование должно рассматриваться как исследование «следов» социальных процессов. Он поставил в центр исследования повседневную социальную жизнь, а культурный ландшафт, по его мнению, это – средство реконструкции этой повседневной жизнедеятельности человека.

Концепция Мюнхенской школы, влияние которой на немецкую географию достигло своего пика в первой половине 1970-х гг., связана с пространственным разделением человеческой деятельности в соответствии с основными общественными функциями, которые проявляются в конкретных действиях социальных групп в конкретном пространстве и в определенное время. Исследовательские интересы Мюнхенской школы не касаются статичных социальных пространств, а направлены на изучение процессов и их пространственного проявления. По мнению, авторов концепции (Maier, Ruppert) эти процессы являются результатом мотиваций и целевых установок различных социальных групп, которые как раз и могут изменить пространственные образцы⁶.

После 1950-х гг. одно из важных мест в теоретической географии Германии заняли, так называемые поиски доказательства научности социальной географии, поскольку наукой считались только точные науки, то это направление можно назвать поиском пространственных законов и построением математических моделей. Представитель этого направления Бартельс (Bartels).

Время с середины 1970-х гг. можно назвать временем «плюрализации» немецкой социальной географии – появилось множество разнообразных идей и направлений в географии. Ряд этих направлений пришел в Германию из Англии и США, например такие направления, как – экология человека, радикальная марксистская география, переросшая в политическую географию, поведенческая география.

Современные мнения немецких географов также подтверждают, что в теоретической географии Германии нет единого теоретического направления, и что оно в современных условиях вряд ли возможно. Но так или иначе современная немецкая социальная география испытывает на себе сильное влияние смежных социальных наук, а также англоязычного научного мира. Что достаточно точно сформулировано в ответе профессора из Мюнхена:

Исследователи работают в рамках социальных теорий и разделяют точку зрения соседних наук – социологии и политологии. Во многих институтах пространство учеными понимается не как онтологически существующая объективность, а как конструкт, который формируется действиями человека. Конструк-

тивизм играет важную роль в теоретической географии. Меняются и исследовательское поле и исследовательские методы.

Теоретические изменения в географии 1990-х – начале 2000-х гг., в своих ответах географы связывают, прежде всего, с институтом географии в Йене, поскольку на тот момент там работал Бенно Верлен (Benno Werlen), предложивший теорию действия, ставшую наиболее популярной в современно немецкой географии (см. табл. 1).

Таблица 1

Какие институты географии в Германии, на Ваш взгляд, развивают новые теоретические направления социальной географии?	чел
Йена	15
Гейдельберг	6
Гамбург	5
Мюнстер	5

На наш взгляд, теория действия является продолжением и развитием идей Мюнхенской школы, а в более обобщенном виде продолжением гуманизации географии, происходящей в Германии, а также в США и Великобритании в послевоенный период.

В теории действия утверждается, что восприятие внешних физических условий не объективно, а зависит от их социально-культурного значения, что новые общественные формы и условия не объективны, а субъективны. И поэтому пространственные условия могут пониматься только как среда для повседневного поведения людей.

Теория действия не употребляет понятие пространственного исследования, учитывающего действия людей, скорее речь идет об исследовании действий людей, с учетом пространственной составляющей. Таким образом, вместо проблем традиционных для географического исследования (пространственного), появляются проблемы социального поведения людей⁷. Ни «регионы» и «группы» составляют предмет социальной географии, а деятельность людей, с учетом социально-культурных и физических условий. В центре стоит вопрос как субъект себя ведет? Какие он совершает поступки?

Вот мнение представителя молодого поколения географов из университета Пассау: «Работы Бено Верлена улучшили имидж немецкой социальной географии в англоязычном пространстве. Хотя до сих пор можно сказать, что англо-американская география доминирует в мире. Немецкая география оказывается изолированной, прежде всего из-за языка, большинство работ публикуется на немецком языке и ее мало кто воспринимает.»

Примерно такое же мнение относительно работ Верлена высказывает значительная часть географов, принявшая участие в интервьюировании, хотя при этом часть географов говорила о том, что не разделяют подходы, предложенные в теории действия.

В этом же отрывке озвучен еще один вопрос, волнующий немецких географов, не меньше, чем российских, это их место в англоязычном мире, поскольку у большинства географов Германии профессиональный успех ассоциируется с успехом в англоязычном мире (табл. 2).

Таблица 2

Как бы вы охарактеризовали социальную географию Германии по сравнению с социальной географией Великобритании и США?	чел
отстает от английской и мировой географии	5
не хуже английской и мировой географии	7
нет ответа	6

О чем свидетельствует и мнение географа из Саарбрюккена: «Немецкая география не то что бы отстает, но из-за небольшого числа публикаций на английском языке она была долгое время исключена из англоязычной дискуссии, сейчас этот пробел восполняют молодые ученые. Немецкая география не выходила вовне, а только брала и адаптировала, то что находила в англоязычной географии».

Многие географы считают немецкую географию излишне теоретизированной, при незначительной части эмпирических исследований. Также распространено мнение, что немецкая социальная география отстает от англоязычной географии в силу изолированности языка. Письменный опрос, личные беседы и наблюдения показали вполне закономерный, но с первого взгляда не очевидный в толерантном немецком обществе, разлом мнений немецких географов в зависимости от возраста, на приверженцев англо-американского пути в географии, и на сторонников собственного германского пути в географии.

В заключение хотелось бы отметить, что знакомство с основными направлениями и новыми парадигмами в немецкой социальной географии только начинается и может сыграть положительную роль в ходе реструктуризации учебной программы, повлиять на увеличение многообразия научных подходов, целей и методов отечественных географических исследований.

Библиографический список

1. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов // Ред. и сост. А.Г. Дружин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
2. Kemper F.-J. Sozialgeographie // Allgemeine Anthropogeographie. Hrg. Schenk W., Schliephake K. Gotha, Stuttgart, 2005. – S. 146–211.
3. Wer ist wo? Geographinnen und Geographen an Universitäten, Hochschulen und Forschungseinrichtungen in Deutschland, Österreich und der Schweiz. – Bonn. 2001.
4. Werlen B. Sozialgeographie: eine Einführung. – Bern, Stuttgart, Wien. 2000.
5. Wörterbuch Allgemeine Geographie. Hrg. Leser H. – München. 1997.

Примечания

- ¹ Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов // Ред. и сост. А.Г. Дружин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
- ² Wörterbuch Allgemeine Geographie. Hrg. Von Hartmut Leser. – München, 1997. – S. 1003.
- ³ Там же. С. 37–38, 795.
- ⁴ Wer ist wo? Geographinnen und Geographen an Universitäten, Hochschulen und Forschungseinrichtungen in Deutschland, Österreich und der Schweiz. – Bonn. – S. 496, 499.
- ⁵ См. например, работы Werlen B. Sozialgeographie: eine Einführung. – Bern, Stuttgart, Wien. 2000; Kemper F.-J. Sozialgeographie // Allgemeine Anthropogeographie. Hrg. Schenk W., Schliephake K. Gotha, Stuttgart, 2005. – S. 146–211
- ⁶ См. о развитии немецкой географии в послевоенный период Kemper F.-J. – S. 153.
- ⁷ Более подробно о теории действия см. Werlen B. – S. 305–357.

ШКОЛА Н.Н. БАРАНСКОГО И ЕЕ ХУЛИТЕЛИ

Отмечая столетие со дня рождения Ю.Г. Саушкина – виднейшего продолжателя дела Н.Н. Баранского, полезно вернуться к оценке роли лидера «районного направления» советской экономической географии и достижений его школы. Стремление к ревизии наследия Н.Н. Баранского связано во многом с субъективными причинами, но главную роль играют объективные обстоятельства. Двадцать лет постсоветского развития социально-экономической географии (СЭГ) в нашей стране в условиях радикального изменения общественного строя показали необходимость «перетряхивания» ее теоретического арсенала. Решать нужно два вопроса. Первый: в какой мере школа Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского удовлетворяла потребности социалистического государства, соответствовала объективной социально-экономической реальности. Второй: в какой мере наработанное в советские годы применимо в изменившихся условиях, а точнее – имеет универсальное, непреходящее значение. Попытка коллективной оценки ответа на эти вопросы недавно была предпринята в рамках двух сборников: «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов» (Редакторы и составители А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2010. – 166 с.) и «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития» (Под редакцией А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2010. – 476 с.).

Ответы участников дискуссии на эти вопросы противоречивы. Наглядно это видно на одном примере. На соседних страницах (38 и 39) первого сборника сталкиваются две точки зрения. Ю.Н. Гладкий выступил против претенциозных заявок «на создание особой теории размещения социалистического производства». Он считает, что в трудах многих ученых преобладают сверхидеологизированные выкладки, классовые условности, что они засорены «предрасудками классового противостояния». Как вывод – призыв «унять гордыню и попытаться более плодотворно, чем прежде, использовать то ценное, что накопила западная географическая наука». Прямо к этим строкам примыкает утверждение А.Г. Дружинина: «Советская экономическая география, ее теоретический «багаж» в целом были достаточно адекватны контексту эпохи, позволяя многие годы и, даже, десятилетия обеспечивать фундаментальный и практикоориентированный характер научных исследований». Разумеется, это не исключает необходимости приспособления СЭГ к новым общественным условиям и использованию при этом зарубежного теоретического знания. Наиболее острыми выглядят высказывания А.И. Чистобаева (там же, с. 48): «В это же время потускнели труды Н.Н. Баранского, они оказались слишком политизированными и, как следствие, имеющими значение только для административно-плановой системы». И далее следует пассаж об ортодоксальных географах, которые «продолжают возвеличивать тех, кто по своим учениям уже давно не соответствует времени». Дальше его идет только В.Н. Андерсон, выступающий против постсоветской экономической географии, в которой продолжают использоваться «устаревшие теоретико-методологические схемы «советской экономико-географической науки» (кавычки заслуживают внимания! Э.Ф.), которая запятнала себя беззаветным

и преданным служением власти, государству, идеологической машине, выполняя не свойственную науке пропагандистскую функцию. Автор связывает отставание советской географической теории хозяйства с тем, что советский период истории был по сути бесхозным и даже «антихозяйственным».

В совершенно искаженном свете предстает история советской экономической географии в работе А.И. Чистобаева «Экономическая география в системе наук: новый взгляд на проблему». Она буквально пронизана выпадами против «формального лидера и приближенных к нему коллег по экономической географии». При чтении статьи создается впечатление, что именно из-за нападок Н.Н. Баранского оказалась драматичной судьба В.Э. Дена и его последователей. Заметим, что репрессиям подвергались не только представители деновской школы, но и сотрудники Н.Н. Баранского. За этим следует пассаж, касающийся экономико-географов Московского университета, которые всячески возвеличивали образ Н.Н. Баранского, «вынужденно работали в русле его интересов». Особенно заметны личные упреки А.И. Чистобаева в адрес Ю.Г. Саушкина. И снова назойливо звучит мысль об ударах, «организуемых соратником Ленина и Сталина», об авторитете Н.Н. Баранского, о подавлении им оппонентов «партийным авторитетом своей приближенности к сильным мира сего». Эти слова не имеют под собой никаких оснований.

Нельзя не согласиться с тем, что были в отечественной географии (главным образом, среди преподавателей высшей школы) люди, которые никаких иных функций у географии, кроме идеологических, пропагандистских, не видели. Мне лично приходилось работать с такими «теоретиками» и даже подвергаться с их стороны травле. Не могу не отметить, что опирались мои гонители на превратно истолкованные якобы марксистские положения Б.Н. Семецкого, кстати говоря, выступавшего очень часто против школы Н.Н. Баранского.

Но если географ видел смысл своей деятельности в применении выдвигаемых им идей на практике, как мог он не служить государству, власти?! Ведь в условиях плано-административной экономики только власть и могла реализовать эти идеи. И уж точно А.И. Чистобаев имеет авторитет среди ученых из-за того, что в своих прикладных работах сделал вместе с Н.Т. Агафоновым и другими коллегами экономико-географами для нужд советского государства. В статье Анатолия Ивановича справедливо названы многочисленные географы-прикладники, успешно работавшие в государственных органах и научно-исследовательских заведениях. И большинство из них вышли из школы Н.Н. Баранского. Чистые же теоретики, преимущественно работавшие в высшей школе, способствовали пропаганде (в хорошем смысле) географических знаний. И в этом случае основная их часть работала в русле идей Н.Н. Баранского.

Следует признать, что в изменившихся условиях востребованность экономико-географов заметно снизилась, так как в квази-рыночной экономике нашей страны в их услугах, в объективной оценке географической реальности потребности нынешние хозяева экономики не испытывают.

Отдельно нужно остановиться на обвинениях в адрес Н.Н. Баранского, как якобы душителя своих оппонентов. Проводится мысль о монополизме школы Н.Н. Баранского, приведшем к тяжелым последствиям для представителей других школ. При этом проводится разделение не только по методологическим подходам, но и чисто географическому принципу – говорится о противостоянии москвичей и ленинградцев. При этом первые относятся к районному направлению, а вторые – к

отраслево-статистическому. Делается акцент на том, что школа, возглавляемая старым большевиком Н.Н. Баранским, боролась против школы буржуазного профессора В.Э. Дена. В действительности (независимо от политических последствий) борьба все же носила теоретический характер. Когда читаешь учебники В.Э. Дена, поражаешься обилию прекрасно обработанного фактического материала, включая статистический, и эту сильную сторону заимствовала у деновцев школа Н.Н. Баранского. Но географичными в этих учебниках были в основном топонимы – названия стран, городов, областей, как это имело место в работах статистиков XIX века. Это было описательное государствоведение (смотри книгу В.Э. Дена «Курс экономической географии». – Л., 1925). Замечу, что в этой книге имеется даже раздел о районировании вполне в духе времени. Но это не меняет сути книги.

Кстати говоря, я недавно обратился к любимой с юных лет прекрасной книге Стампа и Бивера «Британские острова» и убедился, что она выполнена в чисто деновском духе. Это выдающаяся отраслевая характеристика страны, региональным в ней является только раздел о Лондоне. Когда от деновской школы потребовалось включение в учебники характеристики экономических районов, они успешно ввели в свои учебники соответствующий материал, но само содержание характеристики оставили прежним. В чисто познавательном отношении эти работы были очень полезны, но от географической науки требовалось большее, и это большее принесли идеи районной школы, обогащенные работами академика И.Г. Александрова, Н.Н. Колосовского с одной стороны и геттнеровской концепцией географии с другой. Этим она сильно отличалась от школы В.Э. Дена, которая не имела в трудах своего основателя серьезной методологической базы. Станным кажется утверждение, что В.Э. Ден и его сторонники были в большей мере экономистами, нежели представители районной школы. По образованию сам В.Э. Ден был экономист, но стоял гораздо дальше от реальной экономики, чем те же И.Г. Александров и Н.Н. Колосовский. В конечном счете наиболее сильные из последователей В.Э. Дена приняли на вооружение основные достижения районной школы и стали уже после смерти своего учителя видными советскими географами (М.Б. Вольф, В.С. Клупт, Г.С. Невельштейн).

Можно утверждать, что основная масса отечественных экономико-географов смогла успешно работать, используя сильные стороны обеих школ. Гораздо важнее и опаснее была для Н.Н. Баранского борьба с «леваками», сводившими экономическую географию к «круто политизированной деновщине». И здесь Н.Н. Баранскому удалось в тяжелой борьбе отстоять позиции подлинной советской СЭГ. А «леваки» ушли из науки сами собой. Лишь в ходе методологических дискуссий послевоенных годов их вздорные аргументы использовались некоторыми противниками школы Н.Н. Баранского. Сохранялась отрывка псевдомарксистской идеологизации географии и в Москве, и в Ленинграде, в других географических центрах (Ростов-на-Дону, Саратов, Челябинск). С помощью этой политизации сводились счёты с оппонентами – вовсе не по научной линии.

Высшие достижения советской географической науки успешно работали на социально-экономическое развитие страны, использовались в государственных и партийных документах (учение о территориально-производственных комплексах), а также в работе многочисленных проектных организаций разного рода. Но можно утверждать, что теоретические достижения советской СЭГ во многом опережали западную науку. Когда мы прочитали в известной книге Портера о кластерах, то сразу стало ясно, что с учетом иных реалий рыночной экономики это наша теория

ТПК. Когда мои студенты услышали лекцию шведских ученых (Котлера и других) о маркетинге места, они сразу узнали в нем учение Н.Н. Баранского, И.М. Маергойза об экономико-географическом положении. Наконец, в недавней работе П.Кругмана легко увидеть многие положения, которые, правда, в сугубо вербальной форме, без формул и моделей, изложены в наших вузовских учебниках (В.К. Бугаев, Ю.Н. Гладкий, Э.Л. Файбусович. Лекции по курсу «Социальная и экономическая география». Часть 1. – СПб., 1997). И в начале всех этих теорий были труды Н.Н. Баранского и его соратников и последователей.

Яковлева С.И. (г. Тверь)

ГЕОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИЯ ТУРИЗМА

Процесс дифференциации социально-экономической географии идет непрерывно. Появление новых и перспективных ветвей науки всегда интересовало Ю.Г. Саушкина. Он чутко реагировал на все новинки и поддерживал такие исследования, помогал молодым ученым в поиске новой тематики. Данная публикация посвящена географии и картографии туризма – актуальным, взаимосвязанным и активно развивающимся сейчас направлениям науки и практики. Обращаясь к наследию Юлиана Глебовича [1], можно узнать, как он оценивал географию туризма. Читаем в тексте [2, с. 224]: «...в самое последнее время географы обратили большое внимание на географию отдыха, в том числе на географию туризма, – ветвь науки, имеющую большое практическое значение в связи с крупными капиталовложениями в организацию отдыха и туризма, что требует глубокого продумывания ее территориальных форм и учета местных условий. Современная «индустрия» отдыха и туризма нуждается в четких принципах территориальной организации... Существенно, что география отдыха и туризма стала областью комплексных системных исследований, проводимых совместно физико-географами и экономико-географами» (1973 г.). Прошло почти 40 лет. Все, что определено задачами географии отдыха и туризма, остается актуальным.

В каталоге диссертаций РГБ периода 1986–2010 гг. зарегистрировано всего около 140 географических работ по туристской тематике (из них более 80% с 2002 г. – рис.), это около 10% всех работ по туризму, в которых участвует 18 научных дисциплин.

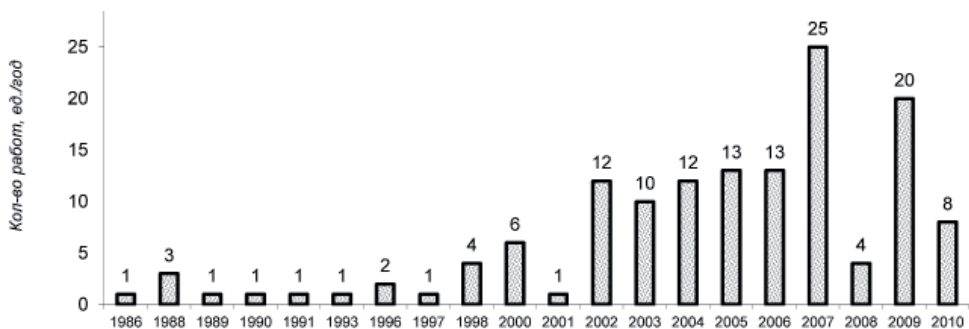

Рис. Динамика географических диссертаций по туристской тематике, защищенных в России в 1986–2010 гг., единиц/год

Доминируют экономические (половина всех диссертаций по туризму) и педагогические (около четверти) науки. В тематической структуре географических диссертаций основными являются две наиболее актуальные темы (1-я и 2-я), о которых и говорил Ю.Г. Саушкин:

1. Оценка туристских ресурсов (54%)
2. Анализ территориальной организации туризма (22%)
3. Анализ территориальной организации отраслей (видов) туризма (12%)
4. Роль и функции туризма в региональном развитии (5%)
5. Методология и методы исследований, разработок (7%).

Одновременно с географическими исследованиями территориальной организации туризма началась разработка тематических туристских карт. Они создаются путем картографической интерпретации статистики туризма, результатов социологических опросов, классификаций и типологий ареалов, центров туризма, стран и регионов. Многие карты сопровождаются графическими построениями (графики, диаграммы, таблицы, матрицы).

Для современного этапа характерно активное издание туристских карт и атласов, планов городов с окрестностями. Серия карт туризма включена в первый Национальный атлас России [1]. При этом в современной России отсутствуют важнейшие составляющие национального комплекта туристских карт: нет изданных на современной топографической основе маршрутных атласов, комплексных региональных туристских атласов и национального атласа туризма (табл. 1).

Таблица 1

История отечественной туристской картографии: хронология формирования тематических направлений [5, с. 10]

№	Тематические группы туристских карт	Хронологический ряд (век, годы)									
		XIX в.	1900-1920	1920-е	1930-1941	1945-50-е	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е
1	Маршрутные карты, атласы и схемы	●	●	●	●	●	●	○	●	●	●
2	Туристские карты и схемы регионов/местностей	●	●	○	●	●	●	●	●	●	●
3	Туристские карты, атласы и схемы городов	●	●	●			○	○	●	●	●
4	Комплексные региональные туристские атласы								●	○	○
5	Отраслевые карты (специализированные)	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●

Условные обозначения в клетках таблицы:

○	группы изданных туристских карт и схем,
●	в том числе: группы изданных туристских карт

Ведется разработка проектных региональных карт туризма – специализированных карт территориального планирования туристско-рекреационной деятельности в регионах и новое направление прикладной картографии. Разделы «Туризм и рекреация», как правило, включены в схемы территориального планирования регионов и генпланы, а карты – в графические проектные материалы. Самыми первыми были карты в районных планировках курортов и крупных курортных районов страны (довоенные разработки) [5]. Сейчас туристские карты входят в состав Схем территориального планирования регионов и/или туристская информация включена

Таблица 2

Соотношение базовых и туристских карт в проектных материалах схем ТП регионов-субъектов РФ

Туристская информация базовых карт в материалах проектных разработок	Виды туристских карт по тематическому содержанию		
	Карты туристских ресурсов	Карты туристских маршрутов	Карты территориальной структуры туризма
Туристско-рекреационные зоны и центры, в том числе приоритетного развития	● ■	■	● ■
Зоны планируемого размещения объектов капитального строительства туристско-рекреационного назначения	● ■	■	● ■
Зоны с особыми условиями использования территорий: ООПТ (заповедники, заказники, лечебно-оздоровительные местности и курорты), культурного наследия	● ■	■	● ■

*В клетках таблицы указана тематическая информация (сюжет) туристских карт, которая суммируется с туристской информацией базовых карт и/или показывается только на картах туризма:

- – базовая (зональная) туристская информация на картах (показана на базовых и туристских картах)
- – собственно туристская информация (показана только на туристских картах)

в содержание других специальных карт (использования территории и капитального строительства). В схемах территориального планирования (ТП) субъектов РФ, как правило, 1–2 туристские карты. Самые большие комплекты специальных туристских карт содержатся в схемах Псковской и Смоленской областей [3–4]. По тематическому содержанию все туристские карты в проектных материалах территориального планирования регионов можно объединить в три группы (вида): карты туристских ресурсов, маршрутов и территориальной (планировочной) структуры туризма. Карт туристской индустрии (экономики туризма) среди проектных карт нет.

Карты (схемы) использования территории и капитального строительства являются базовыми для большинства туристских карт в схемах ТП регионов, так как на них отображены туристско-рекреационные зоны, опорные центры, особо охраняемые природные территории, территории и объекты культурного наследия. На туристских картах информация «удваивается», т.е. дополняется специальной туристской, которой нет на исходных/базовых картах использования территории и капитального строительства (табл. 2). Только на специальных туристских картах показаны туристские маршруты. На туристских картах на фоне природного районирования и природно-средового зонирования вместе с природным каркасом и карка-

Примерное содержание комплексной туристской проектной карты региона
в схемах территориального планирования субъектов РФ

Тематические блоки карты	Картографируемые объекты
Рекреационные ресурсы	
Садово-дачные кооперативы Коллективные сады	
А. Природные	Леса Реки, водоемы, озёра
Б. Лечебно-бальнеологические	Источники минеральных вод Лечебные грязи Пляжи
В. Объекты массового отдыха (инфраструктура отдыха)	Санатории, лечебницы Дома отдыха Детские лагеря
Г. Особо охраняемые природные территории (ООПТ): существующие и планируемые	Заповедники, музеи-заповедники Заказники: зоологические, ландшафтные Национальные парки Памятники природы: дендрологические, ботанико-зоологические, ландшафтные, гидрологические, геологические, дендрологический парк
2. Туристские ресурсы	
<i>Исторические поселения – основные центры туризма</i>	
А. Объекты культурного наследия	Памятники археологии, архитектуры, искусства, истории Ансамбли Достопримечательные места
Б. Объекты (учреждения) туризма (туристская инфраструктура)	Туркомплексы Турбазы Базы отдыха Гостиницы, гостиничные комплексы Аквапарк Лыжные базы Мотели, кемпинги Зоопарк Музеи, картинные галереи
Транспортная инфраструктура	Железные дороги Автомобильные дороги с твердым покрытием Дороги с твердым покрытием Грунтовые дороги Пристани
3. Туристские маршруты (сохраняемые и планируемые)	Водные Наземно-водные Наземные: автодорожные, железнодорожные Кольцевые туристские маршруты
4. Территориальная (планировочная) структура туристско-рекреационной деятельности (существующая и перспективная: проектные предложения)	Туристско-рекреационные районы (существующие) Туристско-рекреационные зоны (существующие и перспективные) Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа Туристско-рекреационные центры (центры обслуживания туристско-рекреационных районов, зон и маршрутов): Маршрутно-транзитные <i>центры</i> Маршрутно-транзитные <i>точки</i> : экскурсионные, экскурсионно-инфраструктурные, туристские узлы (стоянки) Туристско-рекреационные коридоры

сом расселения показан каркас туристско-рекреационного комплекса с его районами, центрами и подцентрами, ареалами, зонами и инфраструктурой сообщений – внешних, внутренних.

Примерное содержание комплексной туристской проектной карты (или серии карт) региона показано в табл. 3. Макет создан с учетом опыта разработки туристских карт в схемах ТП регионов-субъектов РФ.

Разработка и создание региональных проектных туристских карт – актуальный и проблемный вопрос теории и практики картографического обеспечения территориального планирования. Превращение туризма в стратегическую отрасль современного хозяйства требует большого количества туристских карт различной тематики и назначения, активных региональных исследований туристско-рекреационной деятельности.

Библиографический список

1. Национальный атлас России. Т. 3. Население. Экономика. Раздел: Рекреация. Туризм. Спорт. – М., 2008. – С. 217–219; Т. 2. Природа. Экология. – М., 2007. – С. 476–478.
2. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
3. Схема территориального планирования Псковской области. Положения о территориальном планировании и Материалы по обоснованию проекта схемы территориального планирования [Электронный ресурс], http://gkt.pskov.ru/sites/default/files/tp/stp_oblasti_3red.zip.
4. Схема территориального планирования Смоленской области. Положение о территориальном планировании [Электронный ресурс], <http://admin.smolensk.ru/~jkh/Docs/Shema/Pologeniya.pdf>. Положение о территориальном планировании Смоленской области. Приложение 2, http://admin.smolensk.ru/~jkh/Docs/Shema/Pril2_Pologen.pdf.
5. Яковлева С.И. Туристские карты: Конспект лекций. – Тверь, 2011. – 64 с.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: БИЗНЕС-ГЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Современная постсоветская экономическая география переживает определенный методологический кризис, связанный с глубоким изменением общего объекта исследования общественных наук на постсоветском пространстве – общественно-экономической формации, переходом от планово-централизованной к “квазирыночной” (еще пока) экономике. Постсоветская экономическая география до сих пор “инкапсулирует” в себе устаревшие теоретико-методологические схемы “советской экономико-географической науки”. Здесь необходимо заполнить гигантский провал, который образовался в теоретических и методологических исследованиях. Речь идет, прежде всего, о таких направлениях, как теория хозяйственной географии и географическая теория хозяйства, потому, что советский период истории был по сути «бесхозным» и даже “антихозяйственным”. Фактически мы еще и до сих пор не имеем ни практики цивилизованного рыночного хозяйствования, ни его современной философии (теории), которая могла бы быть положена в основу этой практики. Необходимо разработать географическую теорию формирования и пространственного распределения спроса, потому что императивом всей предыдущей истории отечественной экономической географии было производственное предложение. Для этого надо изучать географические аспекты образа жизни и потребительских норм. Экономико-географы должны активно работать в направлении разработки теории и методики изучения потребительского спроса как проекции образа жизни и достоинства человека, который формируется в специфической региональной социокультурной, духовной и природной среде. В этом смысле, крайне необходима географическая теория предпринимательской деятельности – теория, подобная теории предпринимательства Й. Шумпетера, которая дает интерпретацию этой деятельности во времени, игнорируя пространственную составляющую [9].

Эффективным инструментом регионального развития в условиях обострения геоэкономической конкуренции должна стать бизнес-география [1, 2, 4]. Можно выделить, по крайней мере, четыре обстоятельства, которые вызвали появление и обуславливают возможность широкого практического применения этой новой прикладной экономико-географической науки: 1) рост числа субъектов хозяйствования, которые получили право самостоятельно осуществлять территориальное планирование и управление своей хозяйственной деятельностью. Это особенно характерно для экономик переходного типа, которые характеризуются появлением (восстановлением) института частной собственности на землю, а также ростом количества самостоятельных предприятий и фирм, предоставляющих территориально-распределенные услуги (в англоязычной литературе для них используется специальный термин – «location-based service»). В этой ситуации бизнес-география помогает обеспечить конкурентоспособность субъектов хозяйствования за счет рациональной пространственной организации производства и рынка сбыта товаров (услуг); 2) обострение конкуренции на рынках товаров и услуг, которая приводит к необходимости рассматривать пространственный фактор как один из ключевых резервов повышения конкурентоспособности субъектов хозяй-

ствования. В условиях, когда все другие возможные ресурсы повышения конкурентоспособности (технологические, организационные, социальные) исчерпаны, резерв рационализации пространственной организации производства и распределения становится ведущим, и может обеспечить существенный экономический эффект. В этой связи географическое пространство (географическая среда) может рассматриваться как важная разновидность производственного ресурса (ресурс-товара), который претендует на роль самостоятельного объекта менеджмента и маркетинга; 3) расширение прав и рост самостоятельности местных органов власти определяют необходимость перехода от территориального управления, которое фактически выполняет лишь функции администрирования по территориальному признаку, к географическому менеджменту, который содержит в себе такие дополнительные функции, как территориальное планирование, географическая экспертиза, региональный маркетинг, геоаудит и ряд других. Бизнес-география может стать эффективным инструментом реализации концепции устойчивого развития на местном и региональном уровнях; 4) появление новых информационных технологий сбора, хранения, обработки и распространения географической информации, которые обеспечивают возможность организации территориального социально-экономического мониторинга. Такой мониторинг позволяет контролировать процессы территориальной организации и самоорганизации производства и потребления, как на уровне фирмы, так и на уровне целого региона. Географические информационные системы (ГИС), спутниковое позиционирование (GPS) и навигационные системы, дистанционное зондирование, автоматизированное картографирование, мобильная связь и Интернет составляют современную технологическую основу геоменеджмента – пространственного аналога time-менеджмента (управления временем), который позволяет эффективно осуществлять функции территориального/ пространственного планирования, управления и мониторинга [2].

В качестве объекта бизнес-географии, на наш взгляд, следует рассматривать пространственное поведение субъектов экономической деятельности (компаний, фирм, банков, предприятий и организаций различной формы собственности) в реальном географическом пространстве (географической среде) в условиях рыночной (или смешанной) экономики. Бизнес-география принципиально не может существовать в условиях исключительно плановой (командно-административной) экономики.

Предметом бизнес-географии должно быть изучение закономерностей пространственной организации различных бизнес-процессов, а целью – разработка моделей рациональной (оптимальной) пространственной организации предпринимательской деятельности на основе экономических, социальных и экологических критериев.

Теоретико-методологическую основу бизнес-географии должны составлять:

- географическая теория размещения - "локационная теория" (location theory), адаптированная к географическим реалиям;
- географическая теория пространственной конкуренции;
- теория географической ренты;
- географическая теория менеджмента;
- географическая теория маркетинга;
- теория экономико-географических рисков;
- теория принятия пространственных решений;
- кластерная теория пространственной организации бизнеса.

Технологический уровень бизнес-географии должна представлять деловая география – совокупность географических (в основном геоинформационных) технологий менеджмента.

Бизнес-география отличается от прикладной экономической географии прежде всего тем, что она ориентирована на поиск и реализацию пространственных факторов улучшения конкретных бизнес-решений и, таким образом, оперирует на уровне менеджмента отдельной фирмы (предприятия, организации), в то время как прикладная экономическая география призвана обслуживать корпоративные общественные потребности определенных территорий (территориальных общин) и оперирует на уровне планирования территории (геопланирования) [8].

Одной из главных задач бизнес-географии должно быть изучение рентных эффектов системного (группового) размещения. Если рассматривать территорию (по Э.Б. Алаеву – геоторию) как ограниченный природный ресурс – пространственный базис размещения общества, то можно применить “рентный” подход для выяснения процессов использования географического пространства и географической среды. В условиях глобализации экономических процессов и финансовых рынков, инвесторы (которые уже имеют международный, транснациональный статус) и “владельцы” территорий (правительства стран, органы регионального и местного самоуправления) вступают в отношения, аналогичные отношениям землевладельцев и капиталистов-арендаторов в рамках классической теории земельной ренты. Поэтому можно говорить о географической (региональной) ренте, которая возникает в процессе использования “региональной среды” в виде размещения там инвестиций, привлеченных в результате геоэкономической конкуренции инвесторов. Бизнес-география, как прикладная наука, должна изучать процессы и особенности образования географической ренты разных типов, в том числе географической квазиренты. Она должна иметь соответствующий методический аппарат для ее количественного оценивания и прогнозирования.

Важное значение для бизнес-географии имеет также изучение мультипликаторных эффектов размещения. Мультипликаторный (усиливающий или тормозящий) эффект размещения возникает благодаря влиянию определенной совокупности пространственных факторов (мультипликаторов) на объект, который размещается, и наоборот (через обратную связь). Таким образом, эффект размещения (экономический, социальный, экологический) определенного объекта в разных местах будет разным.

Географический маркетинг (геомаркетинг) является одной из самых важных составляющих бизнес-географии, которая имеет большое самостоятельное значение. Понятие геомаркетинга можно рассматривать в рамках трех различных концепций [1, 2]. Во-первых, под геомаркетингом можно понимать географические аспекты классического маркетинга, в частности процедуры географической сегментации рынка и географического позиционирования товара (услуги). Во-вторых, геомаркетинг можно трактовать как маркетинг места и, в частности, маркетинг региона (территории). В-третьих, геомаркетинг можно рассматривать как маркетинг географических знаний и технологий.

Актуальной задачей современной постсоветской экономической географии является разработка теоретико-методологических и технологических основ бизнес-географии, определение ее научно-познавательных функций и прикладного значения в системе географических и экономических наук.

Библиографический список

1. Андерсон В.М. Геоменеджмент і геомаркетинг як інструменти запровадження регіонального розвитку в умовах ринкових перетворень в Україні // Україна в сучасному світі. – К.: Стилос, 2003. – С. 336–348.
2. Андерсон В.М. Бізнес-географія і геомаркетинг – нові напрямки конструктивної географії // Наукова парадигма географічної освіти України в ХХІ столітті: Збірник наукових статей II Міжвузівської науково-практичної конференції 22 грудня 2006 року. – Донецьк: ДООУ, 2006. – С. 83–94.
3. Андерсон В.М. Регіональна конкуренція як фактор соціально-економічного розвитку територій в умовах глобалізації: теоретичний аспект // Научные основы современных тенденций пространственного развития. Сб. науч. тр. – Одесса: ИПРЭИ НАН Украины, 2007. – С. 27–35.
4. Андерсон В.М. Бізнесова географія як новий напрям конструктивної географії: теоретико-методологічні та технологічні засади // Географія в інформаційному суспільстві. Зб. наук. праць. У 4-х тт. – К.: ВГЛ Обрії, 2008. – Т. II. – С. 161–163.
5. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 376 с.
6. Портер М. Конкуренция – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
7. Соколенко С.І. Кластери в глобальній економіці. – К.: Логос, 2004. – 848 с.
8. Топчієв О.Г. Основи суспільної географії: підручник для студ. Географ. Спеціальностей вищих навч. Закладів / О.Г. Топчієв. – Одеса: Асторопринт, 2009. – 544 с.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
10. Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. Marketing Places Europe. – Pearson Education Limited, 1999.
11. Laulajainen R., Stafford H.A. Corporate Geography. Business Location Principles and Cases. – Kluwer Academic Publishers, 1995.

Архипов Ю.Р. (г. Чебоксары)

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К МОДЕЛИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ

Сложность системы регионального расселения, иерархичность ее строения требует для ее исследования применения системы моделей, которая может включать в себя модель иерархической структуры, модель развития опорных центров, модель динамики структуры расселения для территории, охватывающей опорные центры, модели локальных систем расселения и модели отдельных поселений. Предлагается поэтапная реализация моделей.

Анализ и моделирование иерархической структуры системы расселения заключается в определении межуровневых (вертикальных) и внутриуровневых (горизонтальных) отношений. К характеристикам межуровневых отношений можно отнести «k – оценку» Кристаллера, соотношение людностей центров смежных уровней иерархии, долю центра в общей численности населения своей зоны влияния, соотношение территориальных подсистем разных уровней иерархии по численности населения и другие. Первые три показателя связаны следующим равенством:

$$\frac{P_m}{P_{m+1}} = \frac{(k_m - \alpha_{m+1}) \cdot \alpha_m}{(1 - \alpha_m) \cdot \alpha_{m+1}},$$

где P_m – численность населения центра m-го уровня иерархии, P_{m+1} – людность центра смежного, более низкого, уровня иерархии, k_m – «k – оценка» для m-го уровня иерархии поселений, α_m – доля численности населения центра m –го уровня в

общей численности населения зоны его влияния, в которую входят все нижележащие уровни [3].

Внутриуровневыми характеристиками территориально-иерархической структуры системы расселения могут быть показатели соотношения территориальных подсистем одного уровня иерархии. Так как число таких подсистем на нижних уровнях иерархии может быть достаточно велико и показатели, их характеризующие, варьируют в определенных пределах, целесообразно определять средние значения структурных показателей.

На следующем этапе производится моделирование развития опорных центров совместно с их зонами влияния (дополняющими районами), учитывая взаимозависимость их развития. Методологической базой моделирования системы опорных центров регионального расселения является концепция опорного каркаса расселения и теория центральных мест в современном ее состоянии.

Развитие центра зависит от его функций, которые подразделяются на базовые (градо- или поселкообразующие) и небазовые (градо- или поселкообслуживающие). Базовые функции подразделяются на функции специализации, которые выходят за рамки данного района, и местные функции (функции местного центра), обслуживающие местную территорию (дополняющий район). Таким образом, все функции центра подразделяются на: 1) обслуживающие только сам центр, 2) местные функции, обслуживающие дополняющий район и 3) функции специализации.

Моделирование системы опорных центров региональной системы расселения предлагается проводить следующим образом. Вначале прогнозируются численности населения элементарных районов по годам определенного периода на основе прогнозных значений коэффициентов естественного и миграционного приростов населения. При этом миграционный прирост населения элементарного района увязывается с уровнем благосостояния его населения. Затем определяются численности населения дополняющих районов центров низшего уровня, предполагая известным, какие элементарные районы входят в тот или иной дополняющий район. Для определения будущей динамики численности населения каждого центра низшего уровня дается вариантный прогноз развития градообразующих и градообслуживающих его отраслей по показателю занятости в них населения. Для отраслей специализации прогнозируется численность занятых в них. Для местных отраслей дается прогноз доли занятых в общей численности населения дополняющего центр района. Прогнозирование градообслуживающих отраслей проводится по доле занятых в них в общей численности населения центра. Таким образом, динамика численности населения центра зависит от развития отраслей специализации и местных отраслей. Развитие местных отраслей во многом определяется тем, как будет меняться численность населения дополняющего района. Развитие градообслуживающих функций центра зависит от изменения его численности населения.

После того, как численности населения центров низшего уровня определены, переходим к следующему уровню. Процедура повторяется, то есть определяются численности населения дополняющих районов, на основе которых, используя прогнозные значения развития градообразующих и градообслуживающих отраслей, находятся численности населения центров. Затем происходит переход к следующему более высокому уровню и так далее вплоть до охватывающей системы – региональной системы населенных пунктов. Таким образом, моделирование идет «снизу-вверх» и предполагает варианты расчеты.

Модель представляет собой систему уравнений, в которой неизвестными являются данные о численности населения по годам рассматриваемого периода элементарных районов и поселений-центров разных уровней иерархии. В качестве параметров модели, которые прогнозируются, используются: для элементарных районов – коэффициенты естественного и механического движения населения, для поселений центров – численность занятых в отраслях специализации, доля занятых в местных отраслях в общей численности населения дополняющего района, доля занятых в градообслуживающих отраслях в численности населения поселения-центра. Модель предназначена для прогнозных расчетов [2].

Реализация модели развития опорных центров регионального расселения на материалах Чувашии показала, что ее преимуществом является возможность многовариантных расчетов.

Моделирование опорных центров системы расселения Чувашии показало, что важным этапом процесса моделирования является калибровка параметров модели, то есть определение их значений. Совершенствование модели возможно, в основном, за счет учета нелинейности в рассмотренных зависимостях. Модель применима для прогнозирования развития иерархически соподчиненных опорных центров системы расселения.

Моделирование расселения для территории, охватывающей опорные центры, ввиду многочисленности поселений, главным образом сельских, целесообразно проводить структурно. Для этого предлагается использовать матричный метод [1].

Матричный метод применим для моделирования динамики структуры (структурной характеристики), представляющей собой соотношение групп поселений, выделенных по какому либо признаку (например, по людности или функциональному типу). На начальном этапе строится квадратная матрица, показывающая перераспределение поселений по выделенным группам за рассматриваемый период времени. К матрице присоединяются вектор-столбец, каждая компонента которого показывает число прекративших свое существование поселений соответствующей группы, и вектор-строка, компоненты которого показывают возникновение новых поселений. На основе данной матрицы строится матрица перехода, связывающая начальное и конечное распределения поселений по людности. Используя данную матрицу можно дать прогноз изменения структуры системы расселения с периодом упреждения, равным рассмотренному периоду времени, при предположении, что прошлые тенденции сохранятся в будущем. Если рассмотреть динамику перераспределения поселений по группам по годам, то, используя статистические методы, можно определить коэффициенты матрицы перехода в зависимости от времени. Матрица перехода в этом случае будет зависеть от времени. Это, на наш взгляд, позволяет дать более точный прогноз будущей динамики структуры системы расселения. В непрерывном случае модель будет иметь вид системы дифференциальных уравнений первого порядка. Преимуществом этой модели является возможность определения устойчивости процесса перераспределения поселений по группам и соответственно изменения структуры системы расселения путем анализа корней характеристического уравнения системы дифференциальных уравнений, что важно для повышения достоверности прогноза.

Показатели матрицы перехода могут интерпретироваться как вероятности перехода поселений из одних групп людности в другие. Следовательно, матричное моделирование динамики структуры расселения может рассматриваться как сто-

хастическое, что вполне правомерно, имея в виду стохастичность процесса развития поселений, составляющих «ткань» регионального расселения.

Исследование динамики структуры распределения поселений по людности целесообразно проводить по отдельным уровням иерархии, что связано с влиянием разных факторов на развитие поселений разного иерархического ранга.

Анализ влияния факторов на развитие поселений Чувашии показал что, во-первых, на поселения разного уровня иерархии действуют различные сочетания факторов, во-вторых, фактор стохастичности оказывает большее влияние на поселения низших уровней иерархии. Все это позволяет прийти к выводу, что моделирование динамики структуры расселения для территории, охватывающей опорные центры, целесообразно проводить послойно (по уровням иерархии).

Реализация матричного метода на материалах Чувашии показала, что наблюдается процесс расслоения уровней иерархии поселений, составляющих «ткань» регионального расселения. Матричный метод позволил выявить степень динамичности поселений разной людности и уровня иерархии.

Модели локальных систем расселения можно подразделить на три вида: модели локальных систем взаимосвязанного городского и сельского расселения (в частном случае, городских агломераций), чисто сельских систем и сельских систем с центром-городом. В моделях первого вида целесообразно выделение взаимосвязанных блоков городского и сельского расселения. В моделях второго вида большую роль играют социальные факторы. Модель третьего вида является сочетанием первых двух.

Города, являясь опорными центрами системы расселения, являются отдельными объектами моделирования. Существует два основных направления моделирования города: моделирование города в целом и моделирование его функционально-пространственной организации. При моделировании города в целом могут быть использованы два подхода: демографический и социально-экономический. При втором подходе численность населения города увязывается с его градообразующей и градообслуживающей базой.

Предлагается подход моделирования сбалансированного (равновесного) развития города, который предполагает комбинацию демографического и социально-экономического подходов. Под сбалансированным развитием города можно понимать такое, когда требуемая численность населения города равна (или приблизительно равна) наличному населению. Требуемая численность населения города зависит от его функциональной структуры и развитости функций, а наличное население определяется естественным и механическим движением населения. Под влиянием внешних и внутренних факторов сбалансированное развитие города может быть нарушено. Если требуемая численность населения больше наличной, то возникает проблема увеличения притока населения в город или увеличения его естественного прироста, что связано с необходимостью дополнительных затрат. В противном случае встает проблема развития, главным образом, градообразующих отраслей для обеспечения занятости населения, что также связано с определенными затратами. Таким образом, устойчивое развитие города требует затрат (денежных, материальных, времени). Путь развития города с минимальными затратами – это равновесный (сбалансированный) путь. Поэтому во многих случаях этот путь является наиболее предпочтительным.

Рассмотренная система моделей апробирована на материалах Чувашии и показала свою работоспособность. Дальнейшее повышение эффективности системы моделей регионального расселения требует совершенствования методологии и методики моделирования, куда относятся вопросы разработки системы критериев, принципов выбора показателей, построения моделей, работы с ними, анализа и интерпретации результатов.

Библиографический список

1. Архипов Ю.Р. Моделирование территориальных систем расселения / Ю.Р. Архипов. – Казань, Изд-во КГУ, 1988. – 121 с.
2. Архипов Ю.Р. Моделирование региональной иерархической системы населенных пунктов (на материалах Чувашской Республики) / Ю.Р. Архипов, И.Т. Артемьев // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. – М., ИГ РАН, 2001. – С. 216–221.
3. Архипов Ю.Р. Иерархическая структура системы поселений и формула Зипфа / Ю.Р. Архипов // Известия РАН. – Серия география. – 2002. – №5. – С. 57–63.

Бакланов П.Я. (г. Владивосток)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И СИСТЕМЫ – ОСНОВНОЙ ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Важнейшими методологическими принципами экономико-географических исследований, к которым подошел Ю.Г. Саушкин (1973; 1976; 1980 и др.) и которые можно считать его теоретическим завещанием, следующие:

1. Комплексный подход к выделению объекта экономико-географических исследований. Поддерживая многие, так называемые отраслевые исследования, Ю.Г. Саушкин считал, что наиболее полным объектом исследований являются территориальные социально-экономические системы. В составе последних должны охватываться и изучаться не только экономические объекты, различным образом взаимосвязанные между собой, но и связанное с ними население и социальная инфраструктура. Изучая такие структуры, экономическая география, по сути, превращается в социально-экономическую.

2. Ю.Г. Саушкин всегда подчеркивал необходимость и важность учета связей между экономической (социально-экономической) и физической географией. По существу, здесь речь идет о необходимости охвата и изучения связей и отношений территориальных социально-экономических систем с природными и природно-ресурсными. Подобные представления закладывались Ю.Г. Саушкиным в основу природно-хозяйственного районирования и – в конечном счете – единой географии.

Проводя последовательно идею комплексности, именно в рамках единой географии могут выделяться и изучаться интегральные географические структуры и системы, включающие в себя компоненты населения, экономики (хозяйства), природных ресурсов и собственно – природные компоненты в их различных взаимосвязях и сопряжениях.

3. К специфическим географическим измерениям объекта исследования – территориальности (пространственности) и комплексности Ю.Г. Саушкин считал необ-

ходимым добавить и временное измерение. То есть, и территориальные социально-экономические системы, и интегральные геосистемы должны рассматриваться и изучаться в динамике, как изменяющиеся системы. Отсюда – выход на прогнозные географические исследования, которые Ю.Г. Саушкин всемерно поддерживал и стоял у истоков их развития.

4. Межкомпонентные взаимосвязи, составляющие основу комплексности, территориальные сопряжения и динамика во времени – все это в достаточно полном виде охватывается в методологии системного анализа, который начал широко проникать в различные науки в конце 60-х, начале 70-х годов XX столетия. И Ю.Г. Саушкин, видимо, хорошо это поняв, стал активно поддерживать и развивать системный подход в географии. Именно ему принадлежат первые представления о географических структурах и географических системах.

5. Наконец, следует отметить, что Ю.Г. Саушкин видел важность введения в социо-экономико-географические исследования строгих количественных измерений и оценок. В этой связи он одним из первых стал поддерживать развитие количественных подходов и математического моделирования в географии.

Таким образом, нашим выдающимся эконо-географом и моим учителем Ю.Г. Саушкиным были заложены методологические основы для нового, в том числе и современного этапа географических исследований. Разумеется, он не мог просто физически все сделать сам, в том числе разработать строгие подходы к выделению территориальных социально-экономических структур и систем, к их параметризации и анализу свойств, факторов и механизмов развития и т.п. Все это должны делать мы – его ученики и последователи.

Жесткий удар по экономико-географическим исследованиям был нанесен в 90-е годы прошлого столетия. Распад СССР, а заодно и единого народно-хозяйственного комплекса и последующие радикальные политические и экономические реформы породили у многих глубоко ошибочные представления о всемогуществе рыночного регулирования экономики. Зачем нужны экономико-географические исследования, если рынок сам наилучшим образом регулирует размещение, структуру и развитие хозяйства любой территории?! В этих условиях одни эконо-географы перешли в другие сферы гуманитарной географии, другие – стали искать свой объект и предмет исследований в институциональных сферах.

И только единицы пытались найти свое место в географическом изучении хозяйства, новой экономики России. В конечном итоге такие исследования были востребованы в возрождающемся территориальном планировании, в географических обоснованиях инвестиционных проектов. Автор, относя себя к последним, после долгих размышлений пришел к твердому убеждению, что многие основные теоретические достижения советской экономической географии – учения о географическом разделении труда, о энерго-производственных циклах и территориально-производственных комплексах, об экономическом районировании и территориальных системах производства, хозяйства, а тем более – социально-экономических, имеют непреходящее значение. Они отражают объективные черты и свойства пространственной экономики, существующие при любой форме собственности, в том числе – частной и акционерной. Кроме того, и рынок не всемогущ в управлении. Необходимы и важны другие инструменты управления экономикой, в том числе различные формы планирования, прогнозных оценок, мониторинга. Особенно это важно для социально-экономических систем.

Экономико-географический анализ процессов хозяйственного освоения новых районов и территорий показывает следующее. Любой вид экономической деятельности человека (группы людей) в первичных пространственно-временных измерениях реализуется в виде формирования и функционирования определенно-го предприятия, организации, компании (назовем его предприятием). В процессе формирования и функционирования предприятия закладываются его взаимодействия с другими элементами хозяйства (в том числе - предприятиями), компонентами природных ресурсов и природной среды, а также – через занятых – работников предприятия и членов их семей – с объектами социальной инфраструктуры. Одновременно закладываются сопряжения предприятий, групп населения и объектов инфраструктуры с территорией и через территорию друг с другом. Все это есть не что иное, как формирование звеньев территориальных социально-экономических структур и их целостных сочетаний – в виде соответствующих систем. Практически все элементы (компоненты) в таких структурах взаимосвязаны между собой непосредственными и опосредованными связями, многие звенья взаимообусловлены в своем формировании и развитии. Кроме того, все элементы и звенья территориальных социально-экономических структур имеют собственные пространства и привязку к территории, они изменяются во времени и пространстве и в этой связи являются пространственно-временными образованиями.

Для строго выделения подобных интегральных структур предлагается использовать метод разноуровневых «точек отсчета» структурных звеньев. Суть этого метода заключается в следующем. Выбирается отдельный компонент или их сочетание на территории (предприятие или их локальное сочетание – например, промузел) – в качестве «точки отсчета» структурных звеньев. Затем выделяются реально существующие связи и отношения этой «точки отсчета» со всеми другими компонентами, в т.ч. с природно-ресурсными, социальными, инфраструктурными, а также – связи и отношения «точки отсчета» с территорией и через территорию со всеми элементами структурных звеньев в пределах рыночных зон.

В результате для данной «точки отсчета» выделяется вся система реально существующих в течении определенного периода времени связей, отношений, сопряжений, выраженная в конкретной территориальной форме, то есть в виде множества территориальных структурных звеньев. Все сочетания структурных звеньев, выделенных для «точки отсчета» – целостного образования – отдельного предприятия, компании, промузла, города, их территориальных сочетаний – в соответствии со всеми его связями, отношениями сопряжениями можно рассматривать в качестве интегральной территориальной социально-экономической системы. Такие системы, как правило, имеют пересекающиеся структуры в виде отдельных элементов и звеньев, входящих одновременно в две и более территориальные системы.

Представляется, что в целом подобный процесс структуризации отражает и процесс территориальной организации хозяйства и общества. Наши исследования (Бакланов, 2007; 2010) показывают, что сложные, многоуровневые процессы территориальной организации хозяйства и общества в целом складываются из процессов системообразования, локального и регионального комплексообразования и районообразования.

В общем процессе системообразования можно выделить следующие закономерности. Территориальные социально-экономические структуры, их звенья формируются на основе межкомпонентных связей, отношений, сопряжений не-

зависимо от того, где бы ни размещались отдельные компоненты. При этом связи и сопряжения каждого отдельного компонента образуют и локальные сочетания связанных, сопряженных между собой разнородных компонентов. Например, размещение любого отдельного хозяйственного предприятия в определенной географической точке вызывает необходимость привлечения сюда определенного населения (занятых на предприятии и членов их семей), строительства транспортных подходов, привлечения транспортных средств и их обслуживания, создания необходимых объектов социальной инфраструктуры, строительной базы, энергетики, экологической инфраструктуры, коммуникаций связи. Все это сочетание формируется в пределах небольших территорий, как правило – в пределах поселений и составляет объективный процесс локального социально-экономического комплексообразования. Последующее развитие основного предприятия или появление другого нового неминуемо вызовет изменения во всем локальном сочетании компонентов, необходимые и достаточные для соответствующих вариантов развития и функционирования основных предприятий. В каждом подобном случае происходит соответствующий процесс локального социально-экономического комплексообразования, новый его цикл. Сочетания тесно связанных локальных структур и процессов локального социально-экономического комплексообразования в пределах определенной территории выступает в виде регионального социально-экономического комплексообразования. С выделением всех территориальных зон влияния отдельных компонентов и структурных звеньев и их взаимосвязей региональное комплексообразование переходит в процесс социально-экономического районообразования. Представляется, что подобное социально-экономическое районообразование в наиболее полном виде отражает процессы территориальной организации общества. Последняя, таким образом, может рассматриваться и как сложный многоуровневый процесс, и как состояние в определенный период времени. В этом случае территориальная организация общества может быть представлена в виде сочетания территориальных социально-экономических систем и их структур.

В зависимости от того, какое социально-экономическое образование (предприятие, компания, их сочетание, промузел, поселение, город, группа поселений в пределах определенной территории, экономический район) выбирается в качестве «точки отсчета» структурных звеньев – будет определяться уровень обобщений, генерализации выделяемых структур и их характеристик. Этим в целом определяются и интегральные структурные уровни в территориальной организации общества, которые, как правило, не укладываются в отдельные экономические районы, выходят за их границы.

Важнейшим свойством территориальных социально-экономических систем различных уровней является их структурно-функциональная инвариантность. Все элементы любой территориальной системы можно объединить в функциональные блоки: население, основные виды деятельности, обслуживающие, производственная и социальная инфраструктура, территория с её природно-ресурсным потенциалом. Оценки уровней развития, связей и сопряжений этих блоков важны при анализе вариантов динамики, развития территориальных систем. Таким образом, на первом этапе анализируется структурно-функциональное содержание территориальных систем, затем – их территориальные структуры.

ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИВНОСТИ

В последние десятилетия в социально-экономическом и пространственном развитии стран, отдельных регионов произошли глубокие изменения. Общеэкономические закономерности постиндустриального общества, трансформации территориальной структуры, процессы поляризации начали проявляться практически во всех странах постсоветского пространства и требуют углубленного научного анализа.

К числу возникших в последние десятилетия проблем, которые, с одной стороны, требуют поиска новых методологических подходов к их решению, с другой – относятся к традиционной сфере компетенции общественной географии, принадлежат проблемы регионального развития, в особенности возникновение зон тотальной депрессивности.

В каждой стране существуют свои особенности формирования депрессивных территорий, но важно определить общие механизмы этого процесса, дать ответ на вопрос – как происходит развитие региональной депрессивности, какие факторы и причины этому способствуют, какие методологические подходы необходимо использовать для их изучения.

Как известно, выделяют четыре уровня научной методологии – философская, общенаучная методология, методология конкретных наук (общественно-географическая) и частичная методология. Целью этого исследования является изложение основ общественно-географической методологии изучения региональной депрессивности как одной из ключевых проблем регионального развития.

Среди базовых основ общественно-географической методологии исследования региональной депрессивности особое место занимает учение об общественно-пространственных процессах. Оно является теоретико-методологическим базисом для установления механизмов образования депрессивных территорий, что нашло отображение в нескольких концепциях регионального развития.

Возникновение депрессивных территорий – сложный, многовекторный, противоречивый процесс. Исходя из общественно-географических позиций, образование депрессивных территорий следует рассматривать как стадию регионального развития, шире – общественно-пространственного процесса, под которым следует понимать смену во времени этапов пространственной организации человеческой деятельности в регионах, которая происходит под влиянием определенных предпосылок, управленческих решений, самоорганизации и характеризуется закономерностями стадийности, цикличности и комплексности.

С позиции классической экономики, в экономическом цикле различают четыре фазы, которые последовательно сменяют друг друга – “кризис”, “депрессия”, “оживление” и “подъем”. Экономисты трактуют “депрессию” как одну из фаз экономического развития, для которой свойственны падение производства, тенденция к снижению цен и возрастание уровня безработицы. Она характеризуется кумулятивным процессом, при котором падение предложения тянет за собой снижение производства и ведет к уменьшению использования ресурсов, что в свою очередь удерживает спрос на низком уровне.

Насколько правомерной является интерполяция общеэкономических понятий на региональное развитие? В научных кругах существуют различные точки зрения к определению депрессивных территорий. Одни из них базируются на количественных характеристиках показателей социально-экономического развития региона, другие – на основании наличия кризисных производств, предприятий и отраслей, присутствие которых на определенных территориях является признаком депрессивности. Вместе с тем, не подлежит сомнению тот факт, что образование депрессивных территорий, за исключением их возникновения в результате техногенных катастроф, является следствием именно общеэкономических тенденций, которые приобретают региональную специфику под влиянием местных особенностей. В данном контексте следует согласиться с мнением Т.Г. Нефедовой, что "...болезнь отрасли, предприятия ... превращается в болезнь места (территории)" [4, с. 109].

Аналогичной точки зрения придерживаются украинские ученые (М.И. Долишний, З.В. Герасимчук), которые считают правомерным перенесение результатов о наличии диспропорций в отраслевом срезе на территориальный срез, а также выделение в развитии региона, сродни экономическому циклу, стадий роста, спада, кризиса и депрессии. Ярким примером сказанного является зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и структурой его хозяйства. Не вызывает возражений и проверенная на практике теория, согласно которой циклическим процессам во времени соответствуют территориальные структуры в пространстве [2, с. 38].

Если депрессия является одной из стадий экономического цикла, то, следовательно, она является отображением определенного процесса. Поскольку фактически основой образования региональных депрессий являются именно явления экономической депрессивности, то соответственно их возникновение и развитие можно представить как разновидность общественно-пространственного процесса. При несколько различной трактовке понятий "общественно-пространственный" и "общественно-географический" процесс в работах Э.Б. Алаева, А.Г. Топчиева, общепринятым является тот факт, что он предусматривает определенную смену стадий, состояний пространственной организации человеческой деятельности, а также трансформацию территориальной структуры региона. То есть, возникновение депрессивных территорий может рассматриваться как составляющая часть общественно-пространственного процесса.

Общественно-пространственные процессы характеризуются значительным разнообразием. Например, они могут быть территориально-структурными, компонентно-структурными, хроно-структурными, вертикально-структурными. К.В. Мезенцев выделяет три группы общественно-пространственных процессов: а) базисные; б) основные; в) интегральные (региональное развитие, региональная стагнация, региональная деградация). Он же утверждает, что возникновение депрессивных территорий является функциональной формой проявления региональной деградации [3, с. 94]. Вместе с тем, вопрос о четком разграничении интегральных общественно-пространственных процессов остается дискуссионным.

Сущность дискуссии состоит в следующем: может ли региональное развитие включать и явления деградации/или депрессивности. Соответственно правомерным ли является словосочетание "развитие депрессивных территорий"?

Несмотря на разнообразие подходов и критериев, которые используются при определении понятия "региональное развитие", а также его широкого примене-

ния в научно-практической деятельности, однозначного определения этого термина не существует. Традиционно под понятием “развитие” ученые подразумевают поступательные, а главное положительные изменения в развитии тех или иных явлений. Вместе с тем, региональное развитие “... не обязательно имеет только прогрессивный характер, оно может иметь тупиковые и даже регрессивные направления” [5, с. 239], обычно оно характеризуется чередованием различных стадий, среди которых возможной является и стадия депрессии. С позиций синергетического подхода, региональное развитие можно трактовать как переход от одного состояния “равновесия” системы к другому, как качественное изменение состава, связей и функционирования системы, которая может проходить как по линии прогресса, так и регресса.

На возможность присутствия явлений депрессивности в рамках регионального развития однозначно указывает С.А. Тархов, в понимании которого оно состоит из нескольких стадий, например: зарождения, роста, стагнации, деградации, повторного роста [6, с. 24]. В контексте понимания механизмов возникновения депрессивных территорий важным является утверждение о том, что развитие отражает не только процесс смены структуры системы, а и смену способа ее функционирования.

Таким образом, как показывает анализ исследований проблем экономического и регионального развития, в ученых нет единой точки зрения относительно содержательной сущности последнего. Вместе с тем, большинство исследователей склонны трактовать региональное развитие как сложный процесс, которому присущи как положительные, так и отрицательные тенденции развития. По мнению автора, региональное развитие является интегральным общественно-пространственным процессом, который включает классические стадии цикла – от регионального кризиса до регионального роста, в т.ч. и стадию региональной депрессивности (рис. 1).

Анализ существующих научных подходов к трактовке регионального развития позволяет сделать следующие выводы: 1) региональное развитие как интегральный общественно-пространственный процесс характеризуется неоднородностью, разновекторностью, а поэтому кроме положительных изменений может включать явления региональной деградации и стагнации (депрессии), что делает правомерным использование термина “развитие” в контексте исследования депрессивных территорий; 2) логикой синергетического подхода не исключается возможность не только поступательного, но и регрессивного регионального развития, не только развития от простого к более сложному, но и наоборот, выделение более простых форм общественной организации из более сложных; 3) возникновение депрессивных территорий целесообразно рассматривать в рамках соответствующей стадии регионального развития (интегрального общественно-пространственного процесса), которая характеризуется наличием негативных тенденций; 4) образование депрессивных территорий является функциональной формой проявления региональной депрессивности как стадии регионального развития.

Как уже отмечалось, образование депрессивных территорий является сложным процессом, который определяется многими факторами. Общественно-географическая методология является лишь одним из подходов, который используется в научно-практической деятельности для изучения механизмов развития региональной депрессивности, формирования проблемных территорий. Следует также отметить, что в соответствии с большинством существующих концепций регионального развития (“полюсов роста”, “центр-периферия” и др.) возникновение

Составлено с учетом [1, с. 92]

Рис. 1. Место региональной депрессивности в структуре общественно-пространственного процесса

депрессивных территорий следует рассматривать как определенную закономерность, как следствие, прежде всего цикличности, стадийности экономических и региональных процессов. Вместе с тем, сказанное не противоречит целесообразности использования для изучения явлений региональной депрессивности относительно новых синергетического и бихевиористического общенаучных подходов.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Мартынов В.Л. Пространственная самоорганизация общества и региональное развитие Зарубежной Европы / В.Л. Мартынов // Региональные исследования. – 2004. – №2. – С. 36–46.
3. Мезенцев К.В. Суспільно-географічне прогнозування регіонального розвитку: [монографія] / К.В. Мезенцев. – Київ: НВЦ "Київський університет", 2006. – 253 с.
4. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки / Т.Г. Нефедова. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с. (Серия "Новая история").
5. Подгрушный Г.П. Стадийно-эволюционное развитие регионов: факторы, механизмы и цели / Г.П. Подгрушный // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. – Матер. Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.) / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с.
6. Тархов С.А. Представление о территориальном развитии и методология пространственного анализа / С.А. Тархов // География и проблемы территориального развития. – М.: ИГ АН СССР, 1989. – С. 23–30.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ФОНДОВОГО РЫНКА¹

Модернизация общественного устройства в постсоветский период не оставила без изменений и отечественную географию. Развитие получили политическая и электоральная географии, география культуры и коммерческая география². Произошли существенные изменения и в социально-экономической географии³.

Вместе с тем ряд областей современной социально-экономической жизни пока не стали объектами пристального географического внимания. К таковым относятся и национальный фондовый рынок.

Известен объективный критический взгляд ряда известных ученых на появление новых разделов социально-экономической географии. Характерным в этом плане является мнение д.г.н., профессора кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова В.Л. Бабурина о том, что «в потоке инноваций преобладают внегеографические сюжеты, лишь формально прикрепленные к географии через присутствие пространственной составляющей».

На первый взгляд именно таким «сюжетом» представляется социально-экономическая география национального фондового рынка. И аргументы для обоснования такого взгляда долго искать не надо. Во-первых, фондовый рынок не помечен как географический объект ни на одной карте мира. Во-вторых, большая часть людей, совершающих миллионы операций с различными фондовыми ценностями не считает эту деятельность своей профессией и только малая часть населения относит себя к специалистам фондового рынка. В-третьих, практически отсутствуют полевые экспедиционные исследования и ничтожно малы статистические обобщения и аналитические географические описания фондового рынка на региональном и локальном уровнях.

Однако, опираясь на базовые положения научного наследия Ю.Г. Саушкина, можно доказать обратное, а именно, что социально-экономическая география национального фондового рынка имеет право на развитие.

Рассуждая о дифференциации и интеграции географической науки Ю.Г. Саушкин отмечал неизбежность появления новых разделов и необходимость смежных исследований «в связи с потребностями общественной практики. «Процессы дифференциации и интеграции в географии понимаются, анализируются, объясняются, направляются и прогнозируются, основываясь на том или ином теоретическом базисе, исходя из конкретных потребностей того или иного общественного строя⁵.

Национальный фондовый рынок никогда не был фантомом, история его развития и исследований известна⁶. Фондовый рынок в постсоветской России является неотъемлемым элементом общественной жизни и финансовой основой развития производительных сил. Он, как часть рыночной экономики, во взаимосвязи с рынками товаров, труда, капитала, природных ресурсов и социальных услуг обеспечивает функционирование общественного воспроизводства. Как самостоятельный экономический феномен, рынок ценных бумаг объединяет все слои общества в качестве участников фондовых операций, за счет привлекаемых инвестиций стимулирует социально-экономическое развитие, способствует росту инвестиционной

самостоятельности экономических субъектов, обеспечивает свободную конкуренцию, влияет на социальную структуру и состояние общества⁷.

По мнению автора, региональный фондовый рынок представляет собой сложную социально-экономическую, функциональную, организационную систему взаимоотношений эмитентов, инвесторов, профессиональных участников рынка, посредников и консультантов по поводу владения, распоряжения, управления и кредитования ценными бумагами в регионе и фондами региональных эмитентов вне его⁸.

Место регионального рынка ценных бумаг в системе социально-экономической географии России обусловлено, во-первых, значением самого региона, во-вторых, значимостью фондового рынка в общественном воспроизводстве региона и в-третьих, ролью регионального рынка ценных бумаг в национальном и мировом фондовом рынке. Значение региона зависит, с одной стороны, от его позиционирования по ключевым показателям социально-экономического развития, а с другой стороны, определяется уровнем развития территориальной специализации и комплексности. Значимость фондового рынка в общественном воспроизводстве региона определяется степенью успешности привлечения капитала в реальный сектор региональной экономики, «связывания» ценными бумагами сбережений и накоплений юридических и физических лиц и масштабом капитализации акционерных обществ региона.

Значение регионального фондового рынка, как части предмета социально-экономической географии России, состоит в его конкретном участии в развитии российского рынка ценных бумаг и степени влияния на социально-экономическое развитие. Каждый региональный фондовый рынок имел примерно равные стартовые возможности для развития после акционирования и приватизации в начале 90-х годов прошлого века. На территории всех регионов России проводилась единая государственная политика, действовали одни и те же законы, осуществлялись государственные программы приватизации государственных и муниципальных предприятий, применялись одинаковые технологии трансформации собственности. Однако результаты развития фондового рынка в регионах России после массового акционирования и приватизации получились разные.

Своеобразие рынков ценных бумаг регионов проявляется в качестве федерального и регионального нормативно-правового обеспечения, жизненности системы саморегулирования профессиональных участников; особенностях субфедерального регулирования, в специализированном или универсальном характере и, наконец, в количественных и качественных характеристиках. Региональный компонент нормативно-правового обеспечения включает не только нормативно-правовые акты субъектов РФ⁹, но и региональные программы развития рынка ценных бумаг.

В числе первых региональных программ развития региональных рынков ценных бумаг были следующие: Комплексная программа развития рынка корпоративных ценных бумаг с целью привлечения инвестиций в экономику Москвы, утвержденная постановлением правительства Москвы от 15.07.1997 № 531; Комплексная программа по развитию рынка корпоративных ценных бумаг Тульской области, утвержденная постановлением губернатора Тульской области № 442 от 30 ноября 1999 г.; Программа развития ценных бумаг Челябинской области на 1998–2000 годы, утвержденная постановлением законодательного собрания Челябинской области № 297 от 28 мая 1998 г.; Программа развития рынка ценных бумаг Республики Саха (Якутия) на период до 2005 г., одобренная экспертным со-

ветом Республики Саха (Якутия) в марте 2002 г.; Комплексная программа развития рынка ценных бумаг в Кировской области, утверждена постановлением губернатора Кировской области от 16.05.2001 № 156; Программа стимулирования привлечения инвестиций промышленными предприятиями Центрального федерального округа с помощью инструментов рынка ценных бумаг разработанная аппаратом полномочного представителя президента РФ в ЦФО при активном участии РО ФКЦБ в ЦФО, одобрена Советом Центрального федерального округа 25 апреля 2002 г.; Программа развития финансовых рынков Северо-Западного федерального округа с помощью инструментов рынка ценных бумаг на период до 2007 года»; Комплексная программа по развитию рынка корпоративных ценных бумаг и стимулированию привлечения инвестиций предприятиями Тульской области с помощью инструментов рынка ценных бумаг на 2002–2005 годы, утвержденная постановлением администрации Тульской области; областная целевая программа «Развитие рынка ценных бумаг на территории Воронежской области на 2003–2006 годы», утвержденная Воронежской областной Думой 3 июля 2003 г.; областная целевая программа «Развитие рынка ценных бумаг Ярославской области на 2004–2005 годы», утвержденная постановлением администрации Ярославской области в октябре 2003 г. и отдельные программы саморегулируемых организаций профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Функционально региональный фондовый рынок является системой фондовых операций, включающих: 1) осуществляемые на территории региона как зарегистрированными, так и незарегистрированными в регионе юридическими и физическими лицами с ценными бумагами региональных и инорайонных эмитентов; 2) использующие услуги профессиональных участников и инфраструктуру фондового рынка региона; 3) производимые вне территории региона с ценными бумагами региональных эмитентов.

В функциональной структуре рынка ценных бумаг регионов можно выделить три основных уровня – меж, внутри региональный и глобальный. Межрегиональный уровень, объединяющий в рамках единого национального, региональные рыночные структуры, призван обеспечить взаимодействие больших групп участников рынка. Межрегиональный уровень проявляется в организации региональных отделений ФСФР, отдельных программах развития фондового рынка федеральных округов и деятельности ассоциаций профессиональных участников рынка ценных бумаг. Внутрирегиональный уровень в основном затрагивает отношения между клиентами и обслуживающими их профессиональными участниками. Если связанные деловыми отношениями участники рынка находятся в разных регионах, то взаимодействие между ними производится через межрегиональный уровень рынка. Внутрирегиональный уровень является базисом для обеспечения взаимодействия участников рынка на территории конкретного региона. Глобальный уровень фондового рынка регионов предполагает возможности участия региональных эмитентов и инвесторов в фондовых операциях за рубежом, а также представление ценных бумаг региональных эмитентов на мировых рынках ценных бумаг.

Межрегиональные связи региональных рынков ценных бумаг обеспечивают единство национального, а международные – общность мирового фондового рынка. Одновременно рынки ценных бумаг регионов объединяют локальные рынки, включая рынки ценных бумаг административно-территориальных образований и корпораций. В целом региональные рынки ценных бумаг открыты для движения

потоков денежных средств внутри регионов; между регионами, финансовым центром и международными рынками.

В организационном плане рынок ценных бумаг региона представляет совокупность субъектов и объектов рынка, зарегистрированных в регионе. Основными пространственными формами организации региональных фондовых рынков являются: концентрированная, присущая столичным регионам (г. Москва и г. Санкт-Петербург), рассеянная, ярко выраженная для большинства субъектов Федерации, не имеющих крупных корпоративных эмитентов и пассивно ведущих себя на рынке государственных и муниципальных ценных бумаг; синтетическая, характерная для регионов с внутренними областными или краевыми центрами концентрации инвестиционно привлекательных эмитентов, развитой инфраструктуры, профессиональных участников и одновременно с периферийными зонами «белых пятен», в которых рынок ценных бумаг не развивается (Свердловская, Новосибирская, Томская, Омская, Красноярская, Самарская области, Краснодарский край и др.).

В настоящее время региональный анализ развития национального фондового рынка выполняется отдельными исследователями в порядке личной инициативы¹⁰. Между тем начавшийся осенью 2008 г. экономический кризис наглядно показал государственную значимость степени взаимосвязи национального фондового рынка и реального сектора российских регионов. Территориальные дисбалансы размещения фондовых ценностей негативно продолжают негативно влиять на комплексное социально-экономическое развитие. В этой связи возрастает актуальность географического прогноза, который «в первую очередь прогноз процессов пространственной трансформации и пространственных перемещений объектов исследования, изменений их пространственных соотношений»¹¹.

Такой прогноз развития национального фондового рынка должен быть основан на подробном географическом анализе территориальной организации фондового рынка, включая его формы, институты, динамику состава участников, объем и виды фондовых операций, эволюцию размещения финансовых инструментов, количественные и качественные показатели состояния и уровня развития. Этот прогноз может быть разработан на основе совокупности принципов, включая: 1) исторический (генетический) подход к прогнозируемому объекту, 2) анализ зародышевых форм объектов, явлений, процессов, которые могут развиваться в перспективе; 3) сравнений, аналогий, сопоставлений или компаративный; 4) устойчивости направления, темпов и основных структур исторического процесса или эволюционный; 5) ассоциативности, т.е. прогнозирования объекта, явления, процесса в его взаимодействии с другими или системной связности; 6) неопределенности или многовариантности; 7) непрерывности и ряда методов (экспертного, составления логических схем и экстраполяции, типологизации и математического моделирования)¹².

В целом проблемы развития социально-экономической географии национального фондового рынка должны решаться комплексно на основе междисциплинарного подхода.

Примечания

¹ При подготовке тезисов доклада использованы результаты научного исследования по проекту 03-02-00335а/Ц «Перспективные направления развития регионального фондового рынка» (руководитель проекта Бердникова Т.Б.), выполненному при финансовой поддержке РГНФ.

- ² Туровский Р.Ф. Политическая география: учебное пособие. – М.- Смоленск, 1999; Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001; Дружинин А.Г., Суший С.Я. Очерки географии русской культуры, 1994; Плисецкий Е.Л. Коммерческая география. Территориальная организация производства и рынка. – М.: КноРус, 2009.
- ³ См. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / Ред. и сост. А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
- ⁴ Там же, С. 52,53.
- ⁵ Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1980, С. 202, 203.
- ⁶ См.: Бердникова Т.Б. Рынок ценных бумаг: прошлое, настоящее, будущее. Монография (Серия «Научная мысль»). – М. ИНФРА-М, 2011.
- ⁷ Подробнее: Бердникова Т.Б. Рынок ценных бумаг и биржевое дело. – М.: ИНФРА-М, (Серия «Высшее образование») 2000; Бердникова Т.Б. Рынок ценных бумаг. Вопрос-ответ (Серия «Высшее образование»). – М.: ИНФРА-М, 2003, Бердникова Т.Б. Рынок ценных бумаг. – М.: ИНФРА-М, 2004
- ⁸ Под регионом понимается субъект Российской Федерации – см.: Основные положения региональной политики Российской Федерации.- Собрание законодательства РФ, 1996- №23, Ст. 2756.
- ⁹ Например, одним из первых законов субъектов Федерации был Закон Алтайского края от 10.11.97 г. № 61 -Зс «О порядке управления акциями, находящимися в собственности Алтайского края» устанавливает основания и способы приобретения Алтайским краем права собственности на акции акционерных обществ, поступающие в казну края, и порядок управления этими акциями. Законом регулируются также отношения, возникающие в процессе управления акционерными обществами, все акции которых входят в состав краевой казны, и отношения, связанные с назначением и деятельностью представителей края в органах управления акционерных обществ.
- ¹⁰ См.: Бердникова Т.Б. Возможности и ограничения развития регионального фондового рынка / Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2005. – № 1(38). – С. 66–77; Жданов В.П. Инвестиционные механизмы регионального развития. – Калининград: Янтарный сказ, 2001; Ковалева Г.А. Красильникова Н.М. Формирование Уральского регионального рынка ценных бумаг / Отв. ред. А.В. Гайда; РАН. УрО. Ин-т философии и права. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 96 с. Ковалева Г.А. Красильникова Н.М. Развитие уральского фондового рынка: основной итог приватизации. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 172 с.; Миркин Я.М. Институциональное и региональное измерение рынка // Рынок ценных бумаг. – 2001. – № 10. – С. 33–38; Новиков. А. В. Региональный фондовый рынок. Оценка потенциала / Отв. ред. Ю.В. Гусев; Новосиб. гос. акад. экономики и упр. Новосибирск: НГАЭиУ, 1999; Региональный рынок ценных бумаг: особенности, проблемы и перспективы: / Б.Н. Балакирев, Т.Б. Бердникова, В.В. Гринева и др. / Под ред. Т.Б. Бердниковой. – М.: Финстатинформ, 1996. – 175 с.; Ямщикова О.А. Становление регионального рынка ценных бумаг. – Ростов-на-Дону, Полиграф, 1994. – 64 с.
- ¹¹ Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем: Пособие для учителей.- М.: Просвещение, 1980. – С. 250.
- ¹² Там же, С. 245–249.

Ващалова Т.В. (г. Москва)

ГЕОГРАФИЯ ТЕХНОСФЕРНОЙ АВАРИЙНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

1. История вопроса.

В 1980 г. руководителями научно-исследовательской (тогда – проблемной) лаборатории снежных лавин и селей – Г.К. Тушинским и С.М. Мягковым – была опубликована программная статья с обоснованием актуальности создания нового раздела страноведения – инженерно-экономической географии горных стран (1). В рамках этого раздела предполагалось развивать «изучение взаимодействия разного рода искусственных сооружений и природной среды для обоснования рекомендаций по обеспечению максимальной эффективности работы этих сооружений и одновременному улучшению природной среды в зонах их влияния».

Эта идея была горячо поддержана Ю.Г. Саушкиным. Среди его последних, незавершенных работ – статья, посвященная данной проблематике для первого из предложенной им серии сборников по инженерной географии горных стран. В ней особо отмечен (пользуясь современной терминологией) высокий социально-экологический потенциал подобных исследований, необходимость разработки сложнейших комплексных решений и глобальная значимость работ подобного типа (2, стр. 219–220).

Идеи и принципы, сформулированные в рамках инженерной географии горных стран, оказались применимыми для развития инженерной географии любых территорий. Это направление, поддержанное на географическом факультете МГУ трудами Ю.С. Кожухова, С.А. Ракиты (5,6) в идейном и, отчасти, методическом плане опиралось на развивавшуюся с к. 60-х – н. 70-х годов экономико-географами экономическую оценку естественных ресурсов. К последним, согласно формуле Ю.Г. Саушкина, должны быть отнесены все те компоненты природы, без которых не может существовать современное и будущее производство (7, с. 318). По поводу этих работ Ю.Г. Саушкин писал, что учитываться должны не только ресурсы, положительно влияющие на развитие производства, но и отрицательно влияющие (7, с. 342). Актуальность этого напоминания сохранилась до настоящего времени и проявилась, в частности, при обсуждении проекта «Стратегии РГО на 2011–2015 гг.».

В конце 80-х – начале 90-х годов под влиянием концепции устойчивого развития инженерная география трансформировалась в географию природного риска, основоположником которой (3; 4) справедливо считать многолетнего заведующего НИЛ снежных лавин и селей С.М. Мягова (1933–2000). Дальнейшее развитие идеи учета и снижения значимости негативных факторов функционирования территориальных социально-экономических комплексов определило потребность в создании географии техносферного риска. На этапе ее становления (создание базы данных и анализ первичных связей) справедливее было бы говорить о географии техносферной аварийности (ТА).

2. Определение ТА и цель ее изучения.

Под техносферной аварийностью понимается весь спектр неблагоприятных и опасных явлений, возникающих на промышленных, транспортных, жилищно-коммунальных и др. объектах вследствие нарушения штатного режима их функционирования. Эффекты, связанные с подобными нарушениями, вызывают нежелательные последствия не только в техносфере, но и в окружающей среде, обществе.

Целью географического изучения техносферной аварийности является сведение создаваемых ею рисков жизнедеятельности к приемлемому для общества минимуму. Иначе говоря, изучение техносферных рисков как продуктов сложного взаимодействия природной среды, техносферы и общества, образующих закономерные пространственные сочетания, есть вклад географов в снижение их угнетающего воздействия в функционирование территориальных социально-экономических комплексов (ТСЭК).

Снижение техносферных рисков ТСЭК есть частный случай управления совокупным риском жизнедеятельности территориальных систем «природа-хозяйство-общество», которое, в свою очередь, является методологической основой решения проблем устойчивого развития – главных проблем современного глобального сообщества.

3. Место географии техносферной аварийности в экономико-географических исследованиях.

Используя понятийный аппарат экономической географии, пространственно-временной анализ техносферной аварийности можно определить как направление экономико-географических исследований, включающее установление связей структуры, частоты, причин ТА с рядом характеристик производственной, непроизводственной сфер СЭК и его населения. Видимо, правомерным было бы заключение о том, что научное оформление географии техносферной аварийности – это закономерный этап развития географии условий жизнедеятельности людей в широком смысле слова (с включением сюда условий хозяйственной деятельности).

Было бы несправедливым не отметить, что уровень техносферной аварийности определяется не только структурой, состоянием техносферы и качеством населения, но и природной спецификой региона. Недаром в лексикон специалистов, занимающихся неблагоприятными и опасными процессами, давно вошло понятие «природно-техногенные опасности». В связи с этим, подтверждая справедливость тезиса о месте анализа техносферной аварийности в работах экономико-географической направленности, нельзя не обратить внимания на его (анализа) роль объединителя общественно- и естественнонаучных исследований в целях оптимизации функционирования территориальных комплексов населения и хозяйства, существующих в определенных природных условиях.

3. Современный уровень осознания пространственно-временных особенностей ТА в России.

Современная техносферная аварийность в России – это ежегодно более 0,5 млн. инцидентов разной степени тяжести, в которых гибнет более 50 тыс. человек и получают травмы около 300 тыс. человек. Прямой ущерб измеряется миллиардами рублей.

Пространственная неоднородность структуры и динамики техносферной аварийности отражает территориальную структуру хозяйства регионов, их экономическое благополучие, плотность и качество населения, а также уровень регионального и локального природного риска. На уровень ТА косвенным, но вполне очевидным образом влияют политико-экономические и социокультурные процессы, происходящие в российском обществе. Другими словами, она может рассматриваться как один из их индикационных признаков.

В настоящее время не существует строгой, логичной, ориентированной на географические исследования классификации техносферной аварийности. Ее создание – одна из первостепенных задач. Пока же для работы с фактическим материалом и представления первичных результатов его анализа допустимо использование классификации ТА, принятой в оперативной работе МЧС. Она включает выделение следующих типов техносферных аварий (с некоторыми обобщениями автора), часть из которых подразделяется и на виды:

1. Пожары и взрывы (не теракты) (далее – по локализациям: здания и сооружения разного назначения, транспортные, подземные и т.д.).

2. Транспортные аварии (далее – по видам транспорта).

3. Аварии в системе жилищно-коммунального хозяйства (далее – по видам жизнеобеспечения: тепло, вода, электроэнергия, очистные сооружения).

4. Аварии с попаданием в окружающую среду опасных химических и радиоактивных веществ, а также боеприпасов.
5. Аварии с выраженным экологическим эффектом
5. Гидродинамические аварии.
6. Обрушения.

География техносферной аварийности в настоящее время находится на стадии сбора и первичного анализа фактических данных. База данных о техносферных авариях в России пополняется в режиме реального времени. По отдельным характеристикам запаздывание может составлять 1–1,5 года. В настоящее время она насчитывает около 16 тыс. фактов. Систематические сведения по обозначенным выше типам ТА фиксируются с 1992 г. За более ранние годы информация фрагментарна.

Современная техносферная аварийность в России в целом по стране характеризуется преобладанием инцидентов, связанных с непроизводственной сферой. В структурном плане – это пожары и ДТП, среди которых подавляющее большинство – пожары в помещениях жилого и социально-бытового назначения (6.68% всех пожаров) и аварии личного автотранспорта (6.90% всех ДТП).

Ведущая роль пожаров названных видов, как и ДТП с личным автотранспортом сохраняется в нашей стране на протяжении последних двух десятилетий. То же можно сказать и о доле участия пожаров всех локализаций и транспортных аварий (как с учетом трубопроводного транспорта, так и без него) в общей сумме ТА. На протяжении рассматриваемого периода их доля колебалась в пределах: пожары – 45–50%; транспортные аварии – 25–35% (в т.ч. ДТП – 25–35% транспортных).

Повсеместность и массовость пожаров и ДТП определяет актуальность и возможность выявления их причин и условий возникновения а также количественную оценку последних.

Техносферные аварии совершаются людьми, поэтому связь их динамики с численностью и плотностью населения достаточно очевидна. В отношении пожаров в зданиях и сооружениях непроизводственного назначения сделана попытка установить количественные зависимости с некоторыми характеристиками качества населения. В частности, выполнен мелкомасштабный статистический анализ связи их динамики с социально-демографическими характеристиками населения субъектов РФ. Среди более чем десяти показателей выделились уровень безработицы, миграционной подвижности, подростковой преступности и алкоголизации населения. Их значимость менялась на протяжении изученного периода (1992–2005 гг.), но в среднем они «отвечали» за 30–40% пожаров названного типа.

На количество пожаров в зданиях и сооружениях, безусловно, влияют природные особенности территории, преломляющиеся, в частности, через продолжительность отопительного периода. В распределении регионов, ранжированных по этому показателю, очевидна широтно-секторальная компонента.

Влияние производственной сферы на частоту техносферных аварий в условиях двадцатилетнего «реформирования» хозяйства страны опосредуется экономическим благосостоянием региона (возможностью компенсировать износ объектов техносферы) и, особенно, возможностью обеспечить экономически активное население достойной работой. Последнее наиболее ярко проявилось в 90-е годы, когда уровень безработицы определял 15–25% общей суммы техносферных аварий, а совместный учет безработицы и уровня душевых доходов повышал коэффициент детерминации до 40–60 % (8).

Ближайшими задачами в развитии работ по географии техносферной аварийности видятся следующие:

- 1) создание географической классификации техносферных аварий;
- 2) оценка вклада различных экономических и социокультурных факторов в суммарный уровень аварийности в территориальных системах разного ранга и локализации;
- 3) выявление сочетаний техносферных аварий (с долевым участием разных типов), характерных для различных территориальных социально-экономических комплексов;
- 4) разработка подходов и определение минимально возможного уровня техносферной аварийности социально-экономических систем разного типа.

Библиографический список

1. Тушинский Г.К., Мягков С.М. Содержание инженерно-экономической географии горных стран и основные пути ее развития // Вестник Московского Университета. – Серия 5. – География. – 1980. – №2.
2. Саушкин Ю.Г. Проблемы комплексного хозяйственного освоения горных территорий // Избранные труды. – Смоленск. 2001. – С. 213–225.
3. Мягков С.М. География природного риска. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 222 с.
4. Курбатова А.С., Мягков С.М., Шныпарков А.Л. Природный риск для городов России. – М.: НИИиПИ экологии города, 1997. – 239 с.
5. Кожухов Ю.С. Стоимостная оценка природных условий градостроительства на территории СССР // Вестник Московского Университета. – Серия 5. – География. – 1981. – №1
6. Ракита С.А. Природа и хозяйственное освоение Севера. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
7. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Изд-во Мысль, 1973. – 559 с.
8. Ващалова Т.В. Социальные факторы техносферной аварийности: опыт анализа статистики // Социологические исследования. – 2006. – №1.

Войнов Д.А. (г. Москва)

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Методы анализа территориальных структур хозяйства и населения могут быть качественными и количественными. Такое разделение уже в своем наименовании содержит противоречие, поскольку противопоставлять качественные и количественные методы изучения можно, лишь помня об их диалектической взаимосвязи.

Качественные методы традиционно и закономерно преобладают в географии. Они унаследованы географией из своей ранне-описательной стадии. Территориальная дифференциация характеризуется в первую очередь качественными территориальными различиями. Преобладание качественного подхода в социально-экономической географии обуславливается, в том числе, разнокачественностью явлений, попадающих в поле зрения нашей науки. Разнокачественность явлений порождает большое разнообразие их сочетаний, которое затрудняет формализацию закономерностей территориального развития. Поэтому оценивать количественные методы можно по степени их применения и самостоятельности на фоне качественного подхода. Эволюция применения количественных методов в социально-экономической географии всегда следовала за общественным развитием.

Количественные методы начинают применяться вместе с появлением более глубокого анализа явлений, когда становится необходимым не просто констатировать качество, но и определить его интенсивность. Для этого используется целая гамма показателей: распаханность земель, количество пашни на одного человека, доля городского населения и пр., которые служат более точному определению качества, установлению его территориальных границ и меру эволюции объекта. Последнее – один из сильнейших стимулов развития количественных методов.

В целом применение количественных методов более успешно в пределах одного качества, но именно в периоды быстрых качественных социально-экономических изменений столь же быстро растет спрос на оценку скорости этих изменений. Одним из лучших примеров данной стадии развития количественных методов является работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», где на помощь попыткам отследить происходящие в России территориальные сдвиги приходит целый набор элементарных, но весьма действенных показателей. В целом же на стадии углубления анализа явлений количественные методы остаются лишь вспомогательными. Лучшим примером этого является модель И. Тюнена, в которой итогом количественных построений становится модель качественной дифференциации территории.

Ю.Г. Саушкин приводил в 1966 г. высказывание одного из создателей теории динамического программирования Р.Белмана о том, что «главная цель построения математических моделей космогонических, экономических, физических, биологических и т.д. процессов и явлений состоит не столько в получении численных результатов, которые часто сомнительны из-за недостаточности наших знаний некоторых основных постоянных и входящих в эти задачи функций, сколько в определении... структуры самого рассматриваемого явления. Во многих случаях более важны общие представления, чем конкретные численные значения констант. К тому же в приложениях встречаются процессы такой огромной сложности, что... только предварительное выяснение общей структуры решения может подать надежду на эффективное использование вычислительных машин» (цитируется по Ю.Г. Саушкину «Математический метод в географии» [3]). Именно так обстоит дело в географии, добавляет Ю.Г. Саушкин, предостерегая от «цифрового эмпиризма» и от ухода от существа дела, и от математического метода в географии. Таким образом, Ю.Г. Саушкин определяет математическому методу роль одного из инструментов анализа в географии.

Расширению применения количественных методов в географии способствует появление сложных технических и территориальных социально-экономических систем, повышение системной взаимоувязанности компонентов и, следовательно, увеличение роли в системах прежде мало значимых системных закономерностей. Урбанизированные районы-системы начинают абсолютно доминировать над однородными сельскохозяйственными районами, которые, кроме того, неизмеримо больше чем ранее, входят в качестве зависимой периферии в крупные системы городов.

Развитие промышленности и городов двояко отразились на применении математических методов в социально-экономической географии. Во-первых, появились новые элементарные показатели. Усиление концентрации и специализации привело к появлению соответствующих коэффициентов. Однако, эти новые простейшие показатели хотя и отвечали изменившимся условиям материального производства, но не были способны отразить возросшую сложность систем. Поэтому в социально-экономической географии активно стал использоваться системный подход, который не сводится к механической сумме элементарных показателей.

Однако и в этих, более благоприятных для математических методов условиях, в системном анализе впереди шли качественные подходы. Даже советская районная школа, имевшая в условиях плановой экономики гораздо больше оснований для применения более точных математических методов, скорее ограничивалась лишь вспомогательным применением простейших показателей для более точной характеристики тех или иных параметров территориальных систем и структур. Более того, именно советская географическая наука характеризовалась широчайшим применением качественных методов в географии.

В связи с этим интересным представляется рассмотрение особенностей количественных показателей классиком страноведения И.А. Витвером. Признавая их важную роль в характеристике территориальных структур, он особо заострял внимание на сложностях, возникающих при их применении. Причем главный недостаток количественных показателей И.А. Витвер видел не только в осреднении пространственной неоднородности, но и в игнорировании временной неоднородности. Есть немецкая поговорка о том, что когда два человека говорят одно и то же – это совсем не одно и то же. Перефразируя ее можно сказать, что один показатель, даже «географически адаптированный», для стран с разным уровнем развития – совсем не одно и то же (И.А. Витвер приводит примеры одинаковой плотности населения для Бельгии и Англии с одной стороны и о. Ява с другой).

Показатель урбанизации – важнейший для характеристики территориальной структуры – также может вводить в заблуждение, поскольку может достигаться за счет индустриализации, а может и за счет иных причин (торговые, административные, военные, транспортные). Так И.А. Витвер приводит пример Аргентины (по состоянию на 1930 г.) – как аграрной страны с высоким уровнем урбанизации, что, по его мнению, является в значительной степени следствием «многоступенной и разветвленной системы эксплуатации земледельческого труда, при которой непомерно разрастаются паразитические элементы общества, прежде всего – спекулянты всех мастей и рангов, а также элементы, обслуживающие потребности разбогатевших паразитов...» [1]. Характеризуя различные показатели, важные для территориальной структуры, он прямо заявляет, что «эти показатели нужно рассматривать лишь как средство, но отнюдь не как цель» (там же). Но И.А. Витвер отдает им именно вторичное значение по отношению к качественным характеристикам территорий. Отдельно рассматривая особенности первичных источников и процессов агрегирования статистической информации, И.А. Витвер отмечал, что их недостатки гораздо сильнее наносят удар по количественному анализу, нежели по качественному (который всегда можно качественно подправить).

Период после Второй мировой войны характеризовался повышением роли транспорта и инфраструктуры в целом, дальнейшим расширением и углублением территориального разделения труда, ростом мобильности населения. Все большую роль стали играть сетевые структуры, и уровень территориальных систем снова вырос. Формирование единого социально-экономического пространства, то есть появление казалось бы единого для всех территорий качества вхождения в одну экономическую систему, не могло не вызвать попытки на новом уровне формализовать закономерности. В результате география испытала математический бум в рамках количественной революции. От развившихся кибернетики, топологии, от появления вычислительной техники многие географы ждали прорыва в географии.

Однако количественная революция натолкнулась на непреодолимые преграды, которые можно сформулировать следующим образом:

- 1) не исчезнувшая разнокачественность явлений и колоссальная вариабельность сочетаний факторов;
- 2) поляризация территорий, как по самым простым признакам, так и по месту в общей системе;
- 3) ориентация количественной революции на форму процессов и игнорирование их содержания.

Количественная революция создала большое количество моделей взаимодействия, перемещения, полей (Ульман, Дюр, Чизхолм, Хегерстранд), диффузии (Хегерстранд), модификаций гексагональных моделей и замощения площади в целом (Леш, Изард, Хаггет). Для объяснения социальных процессов был использован аналоговый подход, в рамках которого сформировалось новое направление в географии, получившее название «социальная физика».

При всем множестве попыток математизации географии и разнообразии форм у всех этих подходов есть один общий недостаток – абстрагирование от сущности процесса. Подобные трудности испытывали и другие науки. Например, в психологии математический бум проявился в изучении корреляций различных черт характеров для определения общего характера. Определенные результаты были достигнуты, однако они не отвечали на вопрос о сущности, о причинах тех или иных черт характеров, что заводило психологию в тупик. Американский психолог Г.Олпорт отметил: «Современный психолог обычно находит безопасное убежище в чаще статистической корреляции. Будучи запуганными инструментами естественных наук, многие психологи отвергают более тонкий регистрирующий инструмент, специально предназначенный для сопоставления и правильной группировки фактов, – свой собственный разум» [2]. Очевидно, суть данного замечания применима и к географическим исследованиям.

Несостоятельность возложенных на математику надежд проявлялась постоянно в расхождении моделей с реальностью. Разнокачественность территорий (их природа, уровень развития) делала необходимым введение «поправочных коэффициентов», которые во многом обесценивали применяемый в исследовании подход, поскольку введение уникальных коэффициентов делало бессмысленной сам процесс формализации. В результате, математические модели стали все более сводиться к статистическим методам и элементарным экстраполяциям, которые сами по себе не учитывают сущности процессов и качественных переходов. Применение математических методов в географических работах все более становилось формальной индульгенцией для создания качественных выводов.

Сложилась ситуация, когда математические методы в итоге давали ординарные результаты, очевидные и при качественной оценке, отличаясь только наличием сложной – и во многом качественной – методикой отбора показателей. Закладываемые в модель параметры давали соответствующий результат. Не имея возможности математически описать процессы, количественные методы стали выполнять в основном вспомогательную функцию при анализе. Следствием этого стал поиск аналогий-суррогатов в иных процессах, все дальше уходящий от существа дела.

Определенных успехов количественные методы достигли в попытках формализации модусов географического районирования. Здесь можно выделить два принципиальных направления. Во-первых, это системный подход к району. Коли-

качественная революция, давшая ряд математических методов исследования системы расселения и транспортных сетей, безусловно, не могла не усилить значимость системного подхода к анализу районной организации общества. Второе направление – сугубо прикладное, обусловленное тем, что количественные методы помогают классифицировать и систематизировать информацию, позволяя через количественный анализ признаков давать качественные заключения о закономерностях функционирования района.

Количественная революция стала закономерным следствием кризиса географической науки. Применение абстрактных подходов для объяснения реального мира стало первым шагом в отрыве науки от реальности. Математика попыталась заменить философию. Однако если философия, обобщая достижения различных наук и исходя из сущностных позиций, никогда не старалась дать исчерпывающий ответ для конкретных наук, то абстрактная математика, взявшая на себя роль сопоставления сходных форм, тем более не способна заменить отраслевые науки. Если с помощью количественного подхода географы пытались объяснить реальный мир, то закономерным следующим шагом в западной географии стал переход на игнорирующие реальный мир субъективистские позиции.

Качественные методы, по-видимому, останутся в ближайшие годы основными для географии. Применение математики будет лишь вспомогательным инструментом и не более. Причем за количественным анализом всегда будет следовать качественная оценка. Но в целом сегодня постоянно создаются условия для более широкого применения математических методов географии.

Библиографический список

1. Витвер И.А. О показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран, 1934. В кн. Избранные сочинения. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1998.
2. Гиппенрейтер Ю.Б.. Введение в общую психологию. 2006.
3. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск, 2001.

Гриценко А.А. (г. Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПРИГРАНИЧЬЕ С ПОЗИЦИИ ГЕОГРАФИИ

Социокультурные явления охватывают обширную область субъектных отношений, влияющих на процессы развития и функционирования общества. Эти явления (феномены) часто связываются с институтом семьи, образованием, существующими традициями, политической культурой, этническими общностями, а также стереотипом поведения, сознанием, восприятием, идентичностью людей и т.п. Большая часть социокультурных явлений не лишена географического содержания, что позволяет говорить об особом социокультурном измерении географического пространства.

Здесь в качестве примера мы остановимся на феномене региональной идентичности, его изучении и специфике в связи с российско-украинским приграничьем, которое исследовалось автором со стороны России на протяжении нескольких лет, в том числе полевыми методами.

Важно понимать, что идентичность всегда связана с сознанием населения, его психологической установкой на разграничение «своих» и «чужих», «своего» и «чужого», а также на ассоциацию и отождествление с ними. В связи с этим необходимым условием исследования является установление тех факторов, которые оказывают воздействие на идентичность, а также маркеров или объектов (предметов и/или явлений), которые выступают в роли «компаса» в процессе самоидентификации.

Для понимания сущности региональной идентичности принципиально важным является то, что она не безразлична ко многим характеристикам территории. Ландшафты, слагающие ее, в том числе квазиестественные, исторические и этнокультурные особенности, современное социально-экономическое и политическое положение на разных уровнях – от локального до макрорегионального оказывает существенное влияние на восприятие, память, стереотип поведения и другие социокультурные феномены, связанные с региональной идентичностью. В то же время региональная идентичность остается в системе социума в значительной степени самостоятельным феноменом с ярко выраженным неформальным, слабо формализуемым характером. Автор убежден в том, что чувство малой родины как эмоциональная реакция на комплексное представление о «своей» территории является сформированным в массовом сознании естественным образом и, соответственно, в малой степени подлежит искусственному конструированию.

Однако существует несколько иная точка зрения, которую чаще разделяют политологи. Согласно этой точки зрения, исключительно важными для региональной идентичности являются политические индикаторы и так называемые «дискурсы». Так, Р.Ф. Туровский отмечает: «Развитие регионального самосознания (в современной России – А.Г.) во многом было стимулировано региональными элитами, преследовавшими свои политические интересы, ростом их политических амбиций... деятельность элит (политических элит! – А.Г.) затронула «спящие» (?! – А.Г.) пласты общественного сознания...» [5, с. 105]. Спорным представляется положение о том, что «процесс на уровне элиты и процесс на уровне общественного сознания идут бок о бок и стимулируют друг друга» (там же; курсив Р.Ф. Туровского). С нашей точки зрения, региональная идентичность является скорее чертой повседневной жизни населения и, по крайней мере, в пределах России имеет преимущественно низовое происхождение.

В этой связи в исследованиях мы отдаем предпочтение работе с местным экспертным сообществом, удачно определенным М.П. Крыловым как «неформальная группа, которая демонстрирует определенную установку на личностную ответственность за судьбу края, при этом не «участвующая во власти» [3, с. 4]. Важным положением является то, что представители этой группы (учителя, работники музеев, краеведы, журналисты и др.) будучи активным меньшинством, местной культурной элитой выступают в качестве реальных носителей региональной и этнокультурной идентичности.

Подобные особенности региональной идентичности определяют методический аппарат, применяемый в процессе исследования. Так, безусловно, необходимым в приграничье является установление взаимосвязи между современными и прошлыми социокультурными и социополитическими процессами, этнокультурной ситуацией, а также с современной исторической памятью населения, его представлениями о пределах своей территории (малой родины), ее уникальности, специфичности.

Важной предпосылкой для региональной идентичности населения российско-украинского приграничья является расположение в ее пределах двух историко-

культурных регионов, в прошлом связанных с украинским казачеством – Слободской Украиной и Гетманщиной. Их внутреннее устройство отличалось от многих других регионов – будучи по-военному организованным казачеством, преимущественно украинским («черкасским»), продолжительное время они сохранили внутреннюю автономию и самоуправление.

В этногеографическом смысле территории двух в значительной степени автономных образований представляют собой переходную зону между исторически украинским и исторически русским населением. В российско-украинском приграничье этот переход имеет плавный, континуальный характер и связан с взаимным наложением украинского и русского культурных компонентов. Для региональной и этнокультурной идентичности подобное свойство приграничья оказывается весьма существенным.

Здесь следует отметить, что при изучении пространственных явлений культурным и этническим особенностям территории часто приписывается резкий характер взаимных переходов. Нередко исследователи прибегают к абстракции, выделяя конкретные культурные границы. Однако на практике применение этого методического приема отражения реальности, например на карте, стало традиционно не обсуждаемым постулатом. То есть границы стали неотъемлемыми частями культурных ареалов, в то же время изначально предполагалось, что эти границы имеют абстрактный, научно-прикладной смысл, и в реальности носят более сложный характер, который скорее сводим к переходным зонам. Однако понятие «переходная зона» весьма слабо разработано в общественной географии. В физической географии, особенно в биогеографии в последнее время утвердилось очень сходное понятие «экотон».

Для выявления степени сохранности исторической памяти у населения, этнокультурных черт, в том числе в сознании, восприятии культурного ландшафта в качестве рабочих методов нами использовались полевые географические и качественно-количественные социологические методы. Они позволили выявить территориальные рамки присутствия украинской культуры в историко-культурном ландшафте российской части приграничья, относительно компонентов которой предварительно была выдвинута гипотеза упорядочивающая их. Компоненты историко-культурного ландшафта связаны с идентичностью и мировосприятием людей (табл. 1).

Согласно гипотезе, современная региональная самоидентификация местного населения и историческая память воздействуют на человеческую личность равнозначно инерционным, переходящим из поколения в поколение факторам, которые формируют культурный ландшафт и своеобразие населённых пунктов. Например, современные строительные стили, воспроизводящие традиционные украинские мазанки (Белгородская, Курская и Воронежская области) или двуязычие и говор близкородственный украинскому, являющийся в этой зоне приграничья местным, коренным.

Группировка компонентов историко-культурного ландшафта (касающихся внутренней духовной сферы человека) осуществлена по аналогии с представлениями Н.А. Солнцева о важности отдельных физико-географических компонентов для структуры природного ландшафта. Например, геологическая или геоморфологическая структуры во многом определяют сам ландшафт.

Структурированность компонентов ландшафта у Н.А. Солнцева и у нас (историко-культурный ландшафт) определяется временной упорядоченностью, выделением компонентов по их устойчивости. Однако отличия заключаются в том, что в нашем понимании компоненты ландшафта (историко-культурного ландшафта) одновре-

Таблица 1

Компоненты историко-культурного ландшафта,
связанные с мировосприятием и идентичностью людей

№	Компоненты историко-культурного ландшафта
1	Язык (говор), на котором говорит большая часть населения, и культурно-исторические предпочтения населения, нашедшие отражение в особенностях местной городской и сельской архитектуры.
2	Осознание населением специфики места своего проживания («духа места»).
3	Память о территориальных образованиях прошлого (княжествах, губерниях и др.), в том числе украинских (Гетманщине) и русско-украинских (Слободской Украине).
4	Память об украинских корнях и территориях происхождения своей семьи.
5	Этническая самоидентификация (Кем человек себя в большей степени «считает?»).
6	Самоидентификация при опросах (Кем человек себя «называет?»).

Примечание: компоненты историко-культурного ландшафта даны сверху вниз от более устойчивых, долговременных к менее устойчивым, кратковременным.

менно связаны как с долговременными, например владение украинским языком, так и кратковременными (этническая самоидентификация) факторами.

Мы полагаем, и это оказывается весьма важным, что в случае сохранения традиционного облика ландшафта (особенно в исторических городах) его компоненты образуют определённое гармоничное целое, что дает возможность проследить присутствие украинской культуры на территории приграничья. В данном случае, здесь более расширительно и конкретно реализуется идея Б.Б. Родомана о саморазвитии культурного ландшафта [4].

П.Я. Бакланов в качестве одного из свойств территориальных систем выделяет инерционность. Проведенные нами исследования показали существование инерционности в региональном сознании в связи с российско-украинской государственной границей, прошлыми административными границами, а также границами бывшей Слободской Украины и Гетманщины. Определенная инерционность отмечается и в этнической ситуации.

В приграничье региональная идентичность восполняет недостаток в этнической самоидентификации и отражает, тем самым, в противовес данным переписей населения, сложный характер этнокультурной дифференциации населения.

Интерес вызывает сложившаяся ситуация, при которой в большей степени рассматривается динамичность процессов и явлений, в то время как многие из них обладают устойчивой инерционностью (а некоторые и инертностью), то есть слабой восприимчивостью к воздействиям и изменениям во времени.

В наших исследованиях учитывались такие важные для региональной идентичности особенности, как восприятие населением места своего проживания, пределов своей малой родины, укорененность населения, историческая память, отношение к возможности объединения соседними областями, а также ареал проживания земляков (подробнее об этом см.: [1, 2]). Была выявлена значительная культурная дистанция между приграничьем и внутренней («глубинной») Россией, ядра и периферии.

фери ментальных регионов, а также значительные внутриобластные различия в самоидентификации на субрегиональном уровне, которые с одной стороны связаны с типом поселений, а с другой стороны – с континуальностью приграничья и его исторической размежеванностью.

Таким образом, можно утверждать, что применение географического подхода в наибольшей степени отвечает задачам изучения социокультурных феноменов в приграничье, поскольку само приграничье выступает в качестве организующего начала, в том числе в пространственном аспекте.

Библиографический список

1. Гриценко А.А. Этноландшафтные особенности формирования современного российско-украинского порубежья // Проблемы региональной экологии. – 2010. – №1. – С. 148–157.
2. Гриценко А.А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН. – Серия географическая. – 2011. – №1. – С. 31–44.
3. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России // Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. геогр. наук. – М.: ИГРАН, 2007. – 54 с.
4. Родоман Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии, сб. 113. – М.: Мысль, 1980. – С. 117–127.
5. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей?. – М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.

Демьянов С.А. (г. Минск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В ТРЕХМЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Современные научные исследования экономико-географических процессов сформировали новый взгляд на сущность процессов развития мирового сообщества. Коренным образом изменилось и понимание территориального развития. Рост городов, урбанизация, миграция населения и торговые отношения считались лишь катализаторами прогресса в развитых странах. Теперь же эти факторы выступают в качестве движущих сил на динамично развивающихся с экономической точки зрения территориях.

Активные торгово-экономические отношения и торговля компонентами готовых изделий, использование преимуществ экономической плотности при значительной скученности трудовых ресурсов – вот современные процессы развития макрорегионов, имеющих закономерный характер течения. Основным результатом процессов развития на современном этапе является создание и эффективное функционирование региональных производственных сетей.

Любой регион в процессе развития подвергается преобразованиям, особенно географическим. Географические преобразования можно охарактеризовать тремя измерениями: плотность, расстояние и разобщенность. Данные измерения неразрывно связаны с географическими уровнями: плотность характерна для локального уровня, расстояние – для национального уровня, разобщенность – для международного уровня [1].

Плотность зависит от ряда локальных проблем (достижения оптимальной плотности населения, увеличения экономической доступности центра и снижения неравномерности условий жизни).

Расстояние до мест экономической активности на национальном уровне является важной проблемой. Основным критерием расстояния, как измерения развития, является расстояние от экономически отсталых районов до экономически развитых районов. Решение данной проблемы возможно при увеличении мобильности населения и снижении транспортных издержек.

Разобщенность является основной проблемой на международном уровне. Диффузивный характер экономической концентрации в ряде макрорегионов (Субафриканский, Австралийско-Южнотихоокеанский, Северо-Евразийский и Североафриканско-Ближневосточный) свидетельствует о значительной разобщенности государств в пределах макрорегиона. Выражается она как в таможенных барьерах, так и в религиозных и этнических.

Однако на всех географических уровнях и во всех измерениях развития прослеживается одна потенциальная проблема – несоответствие территориальной дислокации производства и населения.

Возможность развития регионов благодаря территориальным изменениям следует рассматривать как закономерный итог вышеизложенных процессов. В тоже время территориальные изменения как фактор развития региона характеризуется тремя векторами направленности [1]:

- 1) увеличение экономической плотности за счет роста городов и урбанизации. Данный вектор присущ локальному уровню интеграции;
- 2) сокращение расстояний по отношению к узловым центрам с высокой экономической плотностью. Данный вектор присущ национальному уровню интеграции;
- 3) снижение степени разобщенности на международном уровне. Оно характеризуется повышением проницаемости экономических границ в целях интернационализации экономики и использования преимуществ масштабы производства, при сохранении его специализации.

Данное деление построено на принципах эволюционирования территориально-экономических систем США и Японии.

Одновременно с процессами территориального развития в настоящее время активно реализуется экономическая интеграция. Сама же экономическая интеграция играет ключевую роль в рассмотрении трех основных проблем развития регионов: урбанизации, территориального развития и региональной интеграции.

Урбанизация. Известно, что любой регион, страна или район имеет свои географические особенности, но имеющие универсальный характер основных принципов. Для унифицирования основных принципов географических особенностей специалистами Всемирного Банка выделено 3 универсальных принципа [1]:

- 1) в преимущественно сельских районах следует занимать как можно более нейтральную политическую позицию и закладывать институциональные основы для возможной урбанизации в определенных точках. Основополагающую роль играют разумная земельная политика, а также меры по обеспечению базовых услуг для всего населения;
- 2) в районах активной и динамичной урбанизации следует создавать помимо институциональной основы еще и территориально-связующую инфраструктуру,

чтобы дать возможность расширить доступ населения к использованию благ экономической плотности центра;

3) Стабилизированная урбанизация региона с уже сложившейся вертикальной институциональной системой и инфраструктурой, однако требующей принятия адресных мер по решению проблем трущоб, при сохранении предоставляемых базовых услуг и модернизации транспортной инфраструктуры.

Территориальное развитие. Территориальное развитие является одной из главных проблем процессов мировой регионализации. При комплексном подходе к территориальному развитию следует выделять регионы:

- Развитые регионы;
- Богатые регионы;
- Бедные – отстающие регионы;
- Регионы с преобладанием бедного населения.

Два последних довольно часто различаются, поскольку оснований у бедного населения мигрировать в узловые центры экономической плотности больше, чем у остальных групп.

Интеграция стран в макрорегионе невозможна без миграционных процессов на национальном и локальном уровнях, которые проходят по трем основным сценариям:

1) отстающие регионы являются малонаселенными, и остаются бесперспективными для стимулирования и инвестирования их экономики, а также концентрации экономической активности. Главной задачей такого сценария является равномерное и наиболее полное обеспечение базовыми услугами населения, сопряженное с высокими издержками их транспортировки и реализации. Институциональная основа направлена, в идеале, на повышение мобильности населения, повышение эффективности функционирования системы обеспечения экономических нужд населения;

2) отсталые регионы густонаселенны и этнически однородны, и миграция не осложнена серьезными препятствиями. Однако слабый доступ к динамично развивающимся рынкам осложняет процессы развития. Главной задачей институтов власти является создания трансграничной инфраструктуры, интегрированной транспортной сети (т.е. связывающую отдаленные районы с прогрессивными);

3) отсталые регионы густонаселенны, однако имеют значительные различия в этнокультурном и религиозном отношениях. Миграция здесь крайне затруднена широким спектром препятствий. Также эти препятствия осложняют процессы перелива экономического потенциала и производственных мощностей по принципу центр-периферия. Наиболее эффективно проводится политика, направленная на стимулирование первичного сектора экономики, а также смежных производств.

Региональная интеграция. Третьей проблемой экономической интеграции является региональная интеграция, призванная эффективно использовать блага глобализации. Характеристики и процессы изменения на низших уровнях способны проецироваться на более высокие уровни, но с учетом определенных аспектов. Одним аспектом для уровневой иерархии является степень сложности, сопряженная с экономической интеграцией. На международном уровне основным аспектом является разобщенность стран. Также следует классифицировать задачи интеграции с учетом особенностей каждого из макрорегионов [2]:

1. Страны региона, расположенные вблизи мировых рынков решают простую задачу интеграции – институциональное оформление интеграции в мировые рынки.

2. Страны региона, удаленные от мировых рынков, но имеющие благоприятный инвестиционный климат для развития внутреннего рынка, решают более сложную задачу: создание эффективных институтов и региональной инфраструктуры в целях получения доступа к мировым рынкам и усиления специализации.

3. Страны региона разобщены и удаленные от мировых рынков. Задачами региональной интеграции служат: создание региональной инфраструктуры и региональных институтов, а также получение преференций в доступе на мировой рынок.

Согласно современным исследованиям в области социально-экономической географии развитие региона в трехмерном измерении направлено на извлечение экономических выгод и материальных благ. По результатам исследований, проведенных группой исследователей Всемирного Банка, развитие любого региона всех уровней интеграции проходит благодаря трем основным механизмам – мобилизации населения, миграции трудовых ресурсов и перемещению товаров и услуг. В настоящее время развитие экономических регионов происходит по трем векторам [2]:

1) миграция трудовых ресурсов из бедных регионов в богатые и развитые центры в целях получения полного набора материальных благ развитого центра, а также участие в их распределении. Данное измерение развития предусматривает концентрацию материальных благ в строго ограниченных центрах и вынужденность населения центра существовать скученно;

2) мобилизация населения происходит в целях реализации экономических возможностей населения в центрах экономической активности. Население отсталых районов не имеет возможности реализовать все свои способности в своем районе, и вынуждено переселяться в развитые центры, в основном находящиеся неподалеку. Среди мотиваций мобилизации населения следует отметить: реализацию экономических возможностей населения, улучшение условий жизни, правовая и социальная защита и повышение социального статуса;

3) перемещение товаров и услуг (капитала, идей и др.) происходит при незначительной экономической разобщенности на международном уровне по мере усиления экономической интеграции и позволяет развивать масштабность производства при сохранении и укреплении его специализации. Торговые отношения между странами определяют их положение в мировой хозяйственной системе и способствуют развитию межгосударственных связей. Перемещение товаров и услуг позволяет не только обмениваться производственным опытом, но и определить направленность специализации экономики.

Экономический ландшафт макрорегиона. Экономический ландшафт региона характеризуется своеобразными «неровностями» [2]. Трехмерная модель региона определяется «неровным рельефом» системы социально-экономических индикаторов (отражающихся в их диспропорциональности и несбалансированности). Экономический ландшафт региона также следует понимать как следствие воздействия экономического развития на трансформацию территориальной экономической системы при любых масштабе исследования. Пестрота и неоднородность экономического ландшафта региона определяется экономическим ростом. Также следует отметить, что географические различия в уровне жизни сопряжены с экономическим ростом. Эта ситуация характеризуется:

- неравномерностью распределения экономических благ;
- различием временных рамок развития;
- процессом усиления-сглаживания неравномерности в уровне жизни.

Экономическое развитие создает благоприятные условия для дальнейшего процветания и возникает «благотворный круг». Он состоит из четырех основных свойств экономического развития: географическая неравномерность, круговая причинность, «эффект соседства» и «эффект перелива». Данные свойства характеризуют следующие процессы [37]:

1. Географическая неравномерность – происходит концентрация экономических благ, увеличение диспропорциональности и локализованное поощрение развития экономики.

2. Круговая причинность – происходит поступательное решение задач развития в условиях противоборства концентрации экономического производства и процесса выравнивания регионального уровня развития.

3. «Эффект соседства» – происходит поощрение экономической интеграции при влиянии факторов неравномерности и замкнутости. Проявляется в стремлении использовать выгоды от концентрации производства, оформленном в межнациональное институциональное взаимодействие.

4. «Эффект перелива» – происходит «перелив» из регионов с «перегревом» экономической концентрации в регионы со слабой экономической активностью.

Этот эффект возникает на всех географических уровнях и является закономерным результатом экономического развития. Важным процессом во всех измерениях является концентрация производства и населения. Активнее всего концентрация происходит на локальном уровне, сложнее всего – на международном. На уровне макрорегионов группы стран в пространстве макрорегиона взаимосвязаны, т.е. совместно испытывают экономический рост и стагнацию. При этом важным фактором является близость к развитым странам, благодаря которой и улучшается ситуация в близлежащих странах. Распределение экономических благ неразрывно связано с концентрацией производства и населения. Анализируя исследования современных ученых-экономгеографов, можно сделать вывод о том, что распределение экономических благ происходит по гиперболической траектории. В начале развития различия в распределении экономических благ в странах региона усиливаются, а затем выравниваются. Следует отметить, что различия в распределении экономических благ выравниваются поэтапно. Наиболее быстрыми темпами происходит выравнивание потребления домохозяйствами предметов первой необходимости. Следующим этапом является выравнивание доступности базовых услуг. На данном этапе происходит выравнивание доступности медобслуживания, базового образования, а также водоснабжения и канализации. Последним этапом является выравнивание уровня доходов. Этот этап наиболее длительный и осложнен множеством барьеров.

Библиографический список

1. World Bank [Electronic resource] / Documents. – Mode of access: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_bookweb_1.pdf.
2. World Bank [Electronic resource] / Documents. – Mode of access: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_bookweb_2.pdf

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Основной целью создания национальной инновационной системы России является обеспечение устойчивого регионального экономического развития, достижение конкурентных преимуществ региона и повышение в нем качества жизни населения. Эти процессы во многом определяются территориальной интенсивностью размещения и развития инновационной инфраструктуры (ИИ).

Усиленное внимание к региональному аспекту создания ИИ связано с характером инновационного развития мировой экономики. Исходя из опыта экономически развитых стран, предполагается, что различия в социально-экономическом развитии регионов не должно превышать 4 раза. При выполнении данного условия, возможно формирование такой инновационной системы, которая функционировала бы по одинаковым для всех регионов правилам и единым экономическим подходам. В этом случае формирование ИИ следует начинать на региональном уровне, а общегосударственная система должна учитывать множество региональных систем.

Одним из главных направлений стимулирования инновационной деятельности в регионе является создание инновационной инфраструктуры, как наиболее значимого базиса в рамках становления региональной инновационной экономики.

Для России, как и для большинства стран, характерно неравномерное распределение инновационного потенциала по регионам, что обуславливает необходимость дифференциации регионов для формирования региональной инновационной экономики, учитывая специфику особенностей каждого из них. Очевидно, что ведущая роль в обеспечении эффективности НИС в России должна отводиться регионам, которые обладают более высоким потенциалом, и выступают «точками роста». Ядром формирования региональной инновационной экономики в таких регионах может стать создание технико-внедренческих или промышленно-производственных зон, для создания которых необходимым фактом является наличие развитой инновационной инфраструктуры. На территории Российской Федерации уже предусматривается создание такого рода локальных экономических зон: Москва (Зеленоград); Московская область (Дубна); Санкт-Петербург; Томск; Липецк и Татарстан (Елабуга); Нижегородская область. В данном случае объектом инновационного развития становится именно регион, крупнейший по численности населения и научно-техническому потенциалу.

На заседании комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики РФ, которое прошло 31 января 2011 г. в г. Арзамасе, Д.Медведев поставил в пример Нижегородский регион, так как на его территории наиболее эффективно реализуются программы поддержки приоритетных инновационных проектов и самых передовых форм и типов практического внедрения этих проектов в производство. Особенно это касается крупных компаний с государственным участием. При этом было отмечено, что результативность инновационного развития зависит не от сумм, потраченных на разработку и внедрение новых технологий (2% в среднем по региону), а от патентной активности предприятий, т.е. количества патентов, полученных за новые разработки.

По данным РА «Эксперт» Нижегородская область устойчиво занимает 4 место по инновационному потенциалу среди регионов России. Это прежде всего высокий уровень развития научно-производственного и образовательного комплекса; такое развитие и размещение промышленных предприятий, которые быстро и эффективно способны воспринимать наукоемкие технологии и выпускать конкурентоспособную высокотехнологическую продукцию. При этом важно отметить, что степень зрелости ИИ определяется состоянием инновационной активности промышленных предприятий области. Основные показатели, отражающие развитие инновационной деятельности в Нижегородской области свидетельствуют о том, что в течение последних 4-5 лет порядка 15% промышленных предприятий области внедрили завершённые инновации, что позволило им производить значительно усовершенствованные продукты.

Для наиболее целостного представления о уровне развития региональной инновационной инфраструктуры Нижегородского региона необходимо рассмотреть прежде всего какие формы размещения производственных сил связаны с ее использованием. В литературе чаще всего встречаются такие формы размещения как технопарк, индустриальный парк, кластер, бизнес-инкубатор, инновационно-технологический центр и некоторые другие.

Основой создания инновационной экономики в регионе могут быть действующие или создаваемые кластеры, технопарки и индустриальные парки, совокупность которых во многом изменяет традиционную картину размещения в регионе хозяйственных структур. В настоящее время (2011 год) в регионе создан технопарк в п. Сатис (Дивеевский район Нижегородской области) продолжается работа по созданию более мощного по функциональной структуре и значимости технопарка «Ан-кудиновка» в ближайшем пригороде г. Нижнего Новгорода.

Создание региональных технопарков даст целый ряд преимуществ Нижегородской области. Это – увеличение инновационных предприятий, дополнительные рабочие места, вовлечение в перспективную высокооплачиваемую работу молодых специалистов, повышение научного потенциала и международного признания Нижегородской области. Необходимо также создавать и укреплять технологические кластеры на базе горизонтально и вертикально взаимодействующих предприятий в целях внедрения инновационных процессов в приоритетных направлениях регионального развития. Такие направления уже определены на региональном уровне.

Преодолеть технологическую отсталость региональной экономики не слишком высокого уровня развития помогут индустриальные парки – специальные территории, где можно быстро и недорого начать любой бизнес.

Чтобы регион отошел от сырьевой и товарной зависимости ему необходим новый этап индустриализации, основанной на увеличении числа промышленных предприятий, производящих качественную, недорогую и высококонкурентную продукцию. Индустриальный парк во многом отличается от технопарков вроде Сколково (Подмосковье) или Сарова (Нижегородская область). Это связано с тем, что российская промышленность застыла в своем развитии на уровне 80–90-х годов – обновление производственных фондов было частичным и во многом избирательным. Появившиеся за последние 10–15 лет новые, отстроенные с нуля предприятия пока недоросли до размеров даже среднего бизнеса. Для того, чтобы количество новых конкурентоспособных предприятий увеличилось в десятки раз как раз и необходимо создание индустриальных парков, т.е. территорий,

где создана инфраструктура: есть подведенные коммуникации, логистические склады, транспорт. Такой парк должен иметь и готовые для эксплуатации производственные помещения.

В настоящее время в России существует примерно 250 площадок, используемых индустриальными парками. Об этом заявили более половины всех регионов России, в том числе и Нижегородская область. Однако в большинстве своем эти парки – просто выделенные региональной властью необорудованные почти ничем небольшие по размерам (до 1 кв. км) территории. В лучшем случае с подведенными коммуникациями.

Условно российские индустриальные парки можно разделить на три группы. Первая, – чисто государственные парки, созданные с прямым участием губернаторов. Они занимают примерно 2/3 из имеющихся в стране. Реально работает в России только 20 % из них, в том числе в районе г. Дзержинска Нижегородской области.

Вторая группа парков – те, что созданы на базе крупных промышленных предприятий. Например, парк в Татарстане на базе КамАЗа или парк на базе ГАЗа. Третья группа парков – частные парки, созданные на свободной (новой) территории, под которые местные власти выделяют земли с готовыми коммуникациями и в долгосрочную аренду (до 49 лет). Обычно у них хорошие «бизнес» - планы, но очень мало реальных инвесторов. Таким примером в Нижегородской области может стать индустриальный парк «Заволжье».

Целью промышленного роста за счет предприятий в индустриальных парках является неполучение простой финансовой прибыли, а импортозамещение. Так, сегодня 80 % отечественного потребительского рынка в машиностроении Нижегородской области уже занято импортом, на 50 % – из стран дальнего Зарубежья. В Китае, например, 95 % внутреннего рынка занимает собственная продукция.

В настоящее время (2011 г.) в Нижегородской области созданы все условия для создания и успешного функционирования 3-х научно-технологических и производственных кластеров и одного инновационного. Кластерная модель инновационного развития разработана в регионе на основе уже сформировавшихся отраслей промышленной и инновационной специализации путем создания целостного механизма предпринимательской деятельности, включающей среду производящего знания, предпринимательскую среду и среду передачи знаний в другие регионы и отрасли хозяйства.

Первой и весьма удачной попыткой создания региональных кластеров было включение это инновационной формы размещения производительных сил в стратегию развития Нижегородской области до 2020 года. Автомобильный кластер представляет собой группу территориально соседствующих предприятий и организаций, объединенных общей инновационной программой внедрения передовых производственных инжиниринговых технологий в целях повышения конкурентноспособности участников. В автомобильный кластер вошли автозаводы области, поставщики и производители автокомпонентов, образовательные учреждения, консалтинговые компании, финансовые структуры. В Нижегородском автокластере автокомпонентное производство выделено в подотрасль и определено как «стратегический резерв роста автомобильной промышленности». В состав этого кластера в 2010 году входило около 100 производителей автокомпонентов, однако только 10–15% их продукции соответствуют пока западным стандартам. Решение проблемы низкого качества лежит в привлечении иностранных партнеров и инвестиций.

Если автомобилестроение как кластер сейчас несколько «притормозил» эффективность в своем развитии, то кластеры, создание которых основано на инновационном потенциале области, быстро развиваются. Речь прежде всего идет об атомном кластере и мощном химическом кластере, о создании которых на территории области было заявлено в 2010–2011 годах. Кластер атомной энергетики в Нижегородской области – некоммерческое объединение региональных предприятий атомной отрасли, научно-исследовательских, проектных и образовательных учреждений, предприятий атомного машиностроения, организаций рыночной инфраструктуры, управляющих структур, имеющих целью повышение конкурентоспособности всех участников кластера, а также производимого ими конечного продукта – энергоблоков.

Географически и технологически взаимосвязанное размещение предприятий на территории области в основном обусловлено людскими и сырьевыми ресурсами, научно-информационным потенциалом, достаточным резервом энергетических мощностей, готовой инфраструктурой, специализированной подготовкой «химиков» в образовательных учреждениях области, высоким объемом капиталов и инвестиций.

Главным аспектом инновационного развития региона на основе кластерного подхода является создание целостной системы, включающей среду, производящую и стимулирующую формирование инноваций, предпринимательскую среду и среду продвижения инноваций потребителям. Для этого на территории Нижегородской области необходимо создание особого инновационного кластера на основе сочетания всех элементов, позволяющих конкретные инновации эффективно внедрять в деятельность готовых к этому внедрению предприятий и создавать на этой основе конкурентоспособную продукцию. Формирование инновационного (особого) кластера является необходимым условием для создания прибыльного регионального хозяйства, а значит для роста ВРП.

Если предложить более конкретно, то на территории Нижегородской области необходимо применить кластерный подход к формированию не только системы инфраструктуры инновационной деятельности, но и всей системы в целом. Что приведет к более тесному взаимодействию всех ее элементов, позволяющих генерировать знания в большей степени, способствовать увеличению активности инновационных предприятий и росту ВРП. Формирование инновационного кластера на территории региона, является необходимым условием, как для создания региональной инновационной системы, так и для обеспечения взаимосвязи региональной инфраструктуры и увеличения инновационной активности предприятий Нижегородской области.

Повышению инновационной активности в регионе могут содействовать следующие меры: развитие партнерских отношений между промышленными предприятиями и научными организациями; создание эффективной базы информационных ресурсов; создание специальной сбытовой базы для эффективного продвижения новшеств на рынке инновационной продукции; организация офисов передачи технологий в НИИ и вузах Нижегородской области. К элементам, которые также необходимо создать, относятся: центр управления инновациями, научно-методическое обеспечение инновационной деятельности, механизм отбора и экспертизы проектов, информационный сайт. Что касается правовой охраны и защиты результатов, то администрация региона могла бы взять на себя финансирование из бюджета защиты прав интеллектуальной собственности для наиболее значимых универсаль-

ных разработок, с тем, чтобы затем участвовать в виде коллективных собственников в продаже интеллектуального продукта.

Формирование региональной инновационной инфраструктуры, как необходимого условия реализации инновационной стратегии социально-экономического развития региона, достижение экономических, социальных и культурных изменений в Нижегородской области в конечном итоге приводит к конкурентоспособности региона и его инвестиционной привлекательности.

Библиографический список

1. Бобылева О.Г. Формирование региональной инновационной структуры как фактор роста национальной экономики / О.Г. Бобылева // Статистика, факты, комментарии. – 2008. – №4. – С.18-23.
2. Москаленко Л. Инвестиции – в «яму» /Л. Москаленко // Эксперт. – 2010. – №47. – С.42–48.
3. Морозов С.И. Проблемы научного обеспечения стратегического планирования инновационной деятельности в регионе/ С.И. Морозов // Инновации. – 2010. – №11. – С.68–71.
4. Сатеев Н. Создаем российский кластер / Н. Сатеев // Инвестиционный каталог Нижегородской области. – 2008. – №19.

Дирин Д.А. (г. Барнаул)

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ЕГО СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ

Современный этап развития человеческого общества характеризуется формированием на планете глобальной антропосферы, как вторичной геосреды. При этом ведущим фактором, определяющим географическое разнообразие антропосферы, является человеческая культура. Исследованием географических аспектов человеческой культуры на разных пространственных уровнях занимается культурная география, возникшая в начале XX века в Германии на фундаменте классической антропогеографии, и впоследствии получившая наибольшее развитие в США.

Ключевым понятием культурной географии является представление о геокультурном пространстве (ГП). Анализу некоторых особенностей данного феномена посвящена настоящая статья.

В.Н. Стрелецкий [5] определяет геокультурное пространство как концептуальную категорию, характеризующую всеобщие и познаваемые формы существования геокультурных явлений, процессов и объектов «второй природы». Геокультурное пространство выступает рамкой, сферой, продуктом и контекстом человеческой деятельности. Оно может рассматриваться в двух разных аспектах: 1) исследование культуры в географическом пространстве (пространственная дифференциация элементов культуры – как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей – общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения); 2) исследование географического пространства в культуре (выявление специфических атрибутов, характеризующих представления о географическом пространстве в разных культурах и культурных контекстах, дескрипция и сопоставление образов различных местностей и территорий, исследование отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых они живут) [5, С. 330].

Геокультурное пространство имеет горизонтальную и вертикальную структуры. Горизонтальная структура определяет закономерности и особенности территориальной дифференциации геокультурного пространства. Ее основным свойством является полимасштабность или иерархичность. Геокультурное пространство всегда можно рассматривать на нескольких соподчиненных уровнях организации. В первом приближении можно выделить, по меньшей мере, три таксономических уровня: планетарный («культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского, «великие культуры» О. Шпенглера, «цивилизации» А. Тойнби, «культурные миры» Р.Ф. Туровского и т. п.), региональный («культурный район» Р. Хартшорна, «культурный край» Р.Ф. Туровского) и локальный («топос» Р. Хартшорна, «культурный ландшафт» Ю.А. Веденина, М.В. Рагулиной, М.Е. Кулешовой, «этнокультурный ландшафт» В.Н. Калущкова и др.). Конечно, можно дать и гораздо более дробное деление. Например, в пределах культурного ландшафта как относительно гомогенного геокультурного комплекса при микрогеографическом исследовании могут быть выделены культурные местности, урочища, объекты.

Однако геокультурное пространство, даже в рамках одного иерархического уровня (в том числе и локального), весьма неоднородно. И эта неоднородность проявляется в двух аспектах: функциональном – предполагающем деление ГП на ряд зон различного функционального предназначения: поселенческую, хозяйственную, сакральную и пр.; и семантическом (смысловом) – определяющим смысловую дифференциацию территории. Можно выделить несколько взаимосвязанных разновидностей семантической дифференциации ГП, отражающих разные стороны освоения и осмысления территории сообществом: образная, топонимическая, статусная и пр.

При анализе статусных характеристик геокультурного пространства логичной представляется схема, предложенная В.Л. Каганским [3]. В качестве основных статусных зон культурного ландшафта он выделяет следующие: центр – провинция – периферия – граница.

«Центр интегрирует систему изнутри. Граница очерчивает ее извне. Центр и граница, полярные позиционно-функциональные края, конкретизируют систему... Провинция и периферия имеют по два соседа, промежуточные. Они различны позиционно: провинция прицентральнона – периферия пригранична... Система без центра внутренне неопределенна, задана извне («колония»); без провинции – аморфная масса, сжатая центром и границей; без периферии – лишена гибкости, запаса возможностей; система без границы недоопределена.

Если система взаимодействует со средой и/или иной системой и/или устроена иерархически (все это – атрибуты ландшафтного пространства), то четырехчленная схема неизбежна. Она фиксирует основные аспекты дифференциации как территориальных, так и фазовых пространств, однообразно их описывая... Центр – доминирующий уникум системы. Провинция – самодостаточная обыденная среда системы, база деятельности. Периферия – вторичный зависимый источник ресурсов. Граница – обеспечивает контакт со средой» [3, с. 75–76].

Границы между культурными ареалами (например, культурными ландшафтами) внутри геокультурного пространства представляют собой не строгую линию, а полосу некоторой ширины, в которой смежные культурные ареалы в процессе взаимодействия создают особые экотоны. Поскольку границы, как правило, наиболее удалены от центра, его влияние здесь минимально. Однако границы всегда являются зо-

ной разделения интересов смежных сообществ и зоной взаимного влияния, поэтому каждое сообщество уделяет своим границам особо пристальное внимание.

Вертикальная структура геокультурного пространства организует его внутреннее устройство, определяя сущностные геокультурные характеристики каждой точки земной поверхности. Важнейшим свойством вертикальной структуры ГП является его функциональная и историко-культурная многослойность. Например, Р.Ф. Туровский [6] выделяет следующие функциональные слое-элементы ГП: 1) этническое пространство; 2) конфессиональное пространство; 3) политико-историческое пространство; 4) лингвистическое пространство; 5) художественное пространство; 6) пространство народного искусства; 7) пространство бытовой культуры; 8) экономико-культурное пространство; 9) пространство политической культуры; 10) научное пространство; 11) философское пространство [6, С. 37–38]. В качестве еще одного «слоя» геокультурного пространства можно рассматривать природную среду, которая является материальной основой культуригенеза. Также отдельно следует выделить «ментальное пространство» – мысленное представление о пространстве в групповом сознании людей – носителей данной культуры.

Историко-культурная многослойность ГП тесно связана с другим его свойством – динамизмом, и характеризуется наличием в одной точке пространства культурных проявлений разных исторических эпох. Геокультурное пространство постоянно развивается, изменяясь во времени. При этом, в ходе своего развития оно складывается из серии историко-культурных слоев, которые могут как сосуществовать, обогащая геокультурное пространство, делая его более разнообразным и информационно насыщенным, так и полностью или частично перекрывать друг друга. Развитие геокультурного пространства может протекать как спонтанно (эволюционно), так и целенаправленно (революционно). Так, к примеру, во многих городах Испании гармонично сочетаются многочисленные геокультурные слои – реликты прошлых эпох (античности, мавританского господства, реконкисты, имперско-католического периода и т. д.), определяя их неповторимый колорит. С другой стороны, богатое и разнообразное геокультурное пространство Византии было коренным образом (в основном целенаправленно) преобразовано турецкими завоевателями. В ходе исламизации территории происходило сознательное «затирание» прежних культурных слоев. Сегодня подобная ситуация характерна для некоторых постсоветских государств (характерным примером является снос памятников советской эпохи в прибалтийских республиках).

С историческим развитием происходят и статусные изменения. Например, с изменением экономико-географического положения «центральный» культурный ландшафт может лишиться своих прежних функций и превратиться в провинцию или даже периферию. Так произошло с г. Томском, когда Транссибирская железнодорожная магистраль прошла южнее него. Распад государства превращает бывшие периферийные зоны культурного ландшафта в приграничье. В таком положении оказались многие регионы России после распада СССР.

Причины, определяющие особенности территориальной дифференциации культурно-географического пространства, довольно разнообразны по своему генезису. Различные культурно-географические слои накладываются друг на друга, создавая сложно-мозаичную ячеистую структуру геокультурного пространства.

Ареалы, выделяемые по разным факторам, не всегда «вкладываются» друг в друга, а часто взаимно перекрываются. Например, несколько ландшафтных ареалов может находиться в пределах границ расселения одного этноса, также и однотипные ландшафты могут осваиваться совершенно разными этническими группами. Ареалы распространения крупных религий могут перекрывать границы множества этнических ареалов, но также и делить их на части и т. п. Приведем основные, на наш взгляд, факторы, определяющие пространственную дифференциацию культуры.

Первопричиной пространственной неоднородности человеческих культур, несомненно, является разнообразие природных условий. Это положение справедливо, учитывая природно-адаптивный характер становления любой культуры [2]. Природные условия территории определяют характер и режим хозяйственной деятельности. Особенно ярко географический детерминизм культурогенеза проявляется в природных условиях, приближенных к экстремальным, на территориях с малым ландшафтным разнообразием или где ландшафты слабоустойчивы к внешнему воздействию. Примером таких территорий могут служить обширные пространства Арктики, где природа определила возможность лишь заниматься экстенсивным оленеводством, рыболовством и охотой, а также накладывает жесткие ограничения на все прочие сферы жизни и, соответственно, культурные особенности, проявляющиеся в особенностях традиционных жилищ, пищи, способах передвижения и в духовной культуре. Похожая ситуация сложилась в зонах северной тайги, тропических пустынь и других территорий, для которых характерна низкая степень природного разнообразия и, следовательно, небольшое количество вариантов хозяйственной деятельности. В районах с более благоприятными природными условиями и разнообразной ландшафтной структурой появляется возможность выбора вида хозяйственной деятельности (действует закон географического POSSIBILITIS) и при формировании геокультурного пространства решающую роль уже играет интеллектуальная энергия населяющего его сообщества людей. Также следует иметь в виду, что от степени благоприятности для жизнедеятельности человека и ландшафтного разнообразия территории зависит «информационная плотность» геокультурной среды и уровень насыщения ее объектами «второй природы».

Если природные факторы дифференциации культурно-географического пространства – это «активный фон», в котором происходит культурогенез, то социально-культурные факторы определяют специфику его протекания. Именно эта группа факторов конструирует «вторую природу» и на фундаменте естественной среды создает собственно геокультурное пространство. Факторов человеческой активности, определяющих территориальное разнообразие культурных феноменов, огромное количество, но самые важные из них, имеющие фундаментальное значение, следующие:

Этнический фактор. До настоящего времени именно этническая структура общества наиболее ярко выражена и определяет членение человечества на группы, объединенные «длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [2]. Именно в рамках этноса, как основной структурной единицы общества, формируется духовный слой культуры, определяющий стереотипы мышления и поведения людей, их ценностные установки и приоритеты. А духовная энергия этноса впоследствии воплощается в материи при обживании географического пространства, проявляясь в способах хозяйствования, в архитектуре, произведениях искусства и пр.

Границы этнических ареалов довольно хорошо фиксируются в пространстве, хотя усиление миграционных процессов в мире, проявления глобализации и мультикультурации, делают межэтнические различия все менее заметными, а границы этнических ареалов менее выраженными.

Хозяйственный фактор. Специфика прагматического освоения пространства отражается практически во всех сферах жизни общества и элементах культуры (как материальной, так и духовной). Особенности дифференциации геокультурного пространства по специфике хозяйственной деятельности относительно полно исследованы в рамках концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ), разработанной отечественными этнографами [1, 4]. При анализе хозяйственно-территориального деления ГП наибольшее значение имеет производственная специализация территории, форма организации хозяйственной деятельности, исторические традиции в природопользовании и пр.

Религиозный фактор. Ареалы распространения различных религий и их ответвлений также представляют собой специфические «частные геокультурные пространства», внутри которых по-особенному устроена духовная жизнь человеческих сообществ. Конфессиональная специфика территориальной общности людей материально выражается в культовой архитектуре, выделении всякого рода святых мест и пр. В пределах любого конфессионального или субконфессионального ареала выделяются религиозные центры и периферийные пространства [6].

Историко-политический фактор. Многими специфическими чертами культуры наделяются территории внутри политических и административно-территориальных границ. Поэтому политико-географическое деление территории также является и фактором членения геокультурного пространства. Также следует учитывать, что многие историко-политические события находят яркое отражение в пространстве. Так, например, особое мемориальное значение приобретают места, связанные с важными историческими событиями или с деятельностью выдающихся исторических личностей [3].

Таким образом, геокультурное пространство представляет собой объективное явление природно-антропогенного характера, имеющее в настоящее время глобальное распространение и сложно дифференцированное территориально. Оно имеет сложную структуру и законы функционирования.

Библиографический список

1. Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования / Б.В. Андрианов, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1972. – № 2. – С. 3–16.
2. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Феникс, 2008. – 736 с.
3. Каганский, В.Л. Центр – Провинция – Периферия – Граница: основные зоны культурного ландшафта / В.Л. Каганский // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72–101.
4. Левин, М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) / М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография, 1955, № 4. – С. 3-17.
5. Стрелецкий, В. Н. Геопространство в культурной географии / В.Н. Стрелецкий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 330–332.
6. Туровский, Р. Ф. Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. – М.: Институт Наследия, 1998. – 210 с.

Дружинин А.Г. (г. Ростов-на-Дону)

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА МЕТРОПОЛИЗАЦИИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ «ВГЛУБЬ»¹

Ю.Г. Саушкин неизменно акцентировал необходимость развития нашей экономико-географической науки «вглубь», в том числе и в таком приоритетном направлении, как «разработка вопроса о территориальных комплексах» (Саушкин, 1973, с. 511). В этой связи в современном контексте существенный когнитивный интерес представляет категория «метрополия», чьё «возвращение» в «язык» общественно-географической науки связано не только с существенным усилением в территориальной организации общества ролевых позиций крупнейших городов, но и необходимостью более углублённой разработки проблематики власти (политической и экономической) в её географическом звучании.

Власть в социологии ещё со времён М. Вебера определяется как «возможность и способность осуществлять свою волю». Общественно-географический аспект феномена власти, при этом, проявляется в следующих сопряжённых аспектах:

- воздействие геопространства (его свойств, факторов, тенденций и форм саморазвития) на власть, её формы, модели, механизмы;
- влияние власти (как функции, «силового поля» и, наконец, института в его цивилизационных и иных локализованных формах и проявлениях) на географическое пространство, его таксоны;
- объективном по своей природе формировании и развитии властных отношений внутри самого географического пространства, между его отдельными территориальными составляющими (равно как и «внутри» них), ситуации, когда власть (в первую очередь в её политико-экономической ипостаси) не только обретает конкретные территориальные формы, но и выступает в качестве системоформирующего, структурирующего и конструирующего территориальную организацию общества института и механизма.

Олицетворяя вышеназванное триединство аспектных проявлений географии власти, метрополия (как понятийно-категориальный конструкт и, одновременно, общественно-географическая реальность) воплощает в себе фактическую, универсальную, реализуемую в конкретных геопространственных формах способность одних территорий осуществлять «свою волю» по отношению к другим территориям. Становление и воспроизводство в складывающихся и спонтанно модифицируемых общественно-географических структурах (конкретная метрополия, сеть метрополий, их иерархия) особой практики экономического (через рентный, ценовой и бюджетный механизмы, системы внутрикорпоративного перераспределения прибыли и др.), политического (институционализированный статус, локализация структур государственного управления территориями) и социально-культурного (историческая колея «столичности», притягательность образа и уровня жизни) доминирования ведущего пространственного ареала и, прежде всего, собственно городского центра – составляет суть процесса метрополизации. Будучи (как и любое иное общественное явление) по своей природе двойственным (объективно-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 10-06-00012-а

субъективным, вещественно-невещественным, чувственно-сверхчувственным), метрополизация являет собой процесс формирования системы власти над геопространством и, одновременно, территориальной организации (территориализации) самой власти, реализуемой в том числе и в форме метрополий.

Проявляющая себя как универсальная закономерность, территориальная концентрация научно-инновационного потенциала, финансов, собственности (и доминантных собственников), неравномерная обеспеченность территорий инфраструктурой, предопределяемый традицией либо законом статус отдельных населённых мест, исторически сформированное в них (и продолжающееся воспроизводиться благодаря центроориентированным вертикальным и горизонтальным связям) наиболее благоприятное качество хозяйственной и поселенческой среды, наконец, наличие особого имиджа и основывающееся на нём культивирование моральной убеждённости в праве ведущих городских центров на политические и экономические решения и связанные с ними полномочия и привилегии – благоприятствуют урбоориентированной кластеризации власти, превращают крупнейшие города в основной аттрактор метрополий, ареал локализации их ядерных элементов.

Симптоматично, что из 200 крупнейших российских частных компаний 133 (67%) имеют свои штаб-квартиры в Москве и подобная «кластеризация» распорядительных полномочий и собственности не только в существенной мере подкрепляет общий политико-экономический статус общероссийской столицы в постсоветской территориализации власти, предопределяет рельефно проявившееся в последние десять – пятнадцать лет её доминирование в территориально-хозяйственной системе России, но и практическую неизбежность экспансии крупнейших компаний в регионы и, соответственно, расширение ареала влияния столичной метрополии. Сопряжённое с данными процессами делегирование отдельных полномочий другим крупнейшим городам (через локализацию региональных офисов московских компаний, размещение межтерриториальных логистических узлов, предоставление элементов «столичного» статуса в системе государственного управления Санкт-Петербургу, центрам Федеральных округов) сопровождается фактической частичной «деметрополизацией» ведущих городских поселений второго-третьего «эшелона» (утратой контроля местных бизнес-групп над важнейшими активами, растущей зависимостью территориальных общностей от финансовых и иных решений органов федеральной власти и трансрегионального бизнеса др.).

В постсоветской России Москва, безусловно, обрела качество мегаметрополии. Но наряду с этим и другие крупнейшие города (а также их агломерации) в различной степени продуцируют и притягивают к себе «кластеры власти» (особого рода территориальные общности субъектов, институтов и потенциалов геопространственного доминирования); механизмы территориальной организации общества обеспечивают их влияние на периферию и всё это активизирует процессы метрополизации, формирует хитросплетение метрополий, являющих собой, прежде всего, форму пространственной локализации и механизм территориальной детерминации вертикальных политико-экономических отношений. Метрополия выступает как единство стабильности благодаря «накопленному» и воспроизводимому потенциалу, обеспечивающей центростремительный вектор инфраструктуре, исторической колее доминирования–легитимизации (институты «столицы» и «периферии») и изменчивости, включая такие её факторы, как спонтанно меняющееся глобальное позиционирование вследствие технико-технологических, геополитиче-

ских и геоэкономических инноваций, появления новых центров экономической и политической силы, обновление политических и экономических элит, всё, что видоизменяет статус метрополий, их пространственную конфигурацию.

Эволюция метрополий, общественно-географических условий, форм и механизмов их формирования, развития и функционирования корреспондирует с последовательным переливом экономических и демографических ресурсов первоначально из аграрной сферы в индустриальную (в России этот период начался с 1870-х и продолжался фактически до распада СССР), а затем и из индустриальной в третичную и четвертичную (что в полной мере характерно для постсоветского этапа; в этом отношении все современные российские метрополии функционируют в триаде структурных изменений «терциаризация – деиндустриализация – реиндустриализация»), а также с последовательным (хотя и замедленным) преодолением «трения пространства» (наиболее существенного в первую очередь для самих метрополий, локализованных в них корпораций, социально лидирующих слоёв и групп), расширяющим ареалы влияния крупнейших городов. Контроль над землёй и капиталом в меняющемся политико-экономическом и технико-технологическом контексте дополняется необходимостью осуществлять властные полномочия над знанием и информацией – неотчуждаемыми факторами современного производства. Это достигается за счёт финансизма, монополизма, бюрократизации и криминализации, а также дальнейшей пространственной концентрации ресурсов, что углубляет территориально-социальную стратификацию и сегрегацию.

Исторически сложившаяся разреженная сеть городов, значительность расстояний, усугубляемая малоэффективным (экономически и технически) транспортом, наличие обширной демографической и экономической «пустыни», малопривлекательной для власти не только транснационального и федерального, но и регионального масштаба, обуславливает «лоскутность» российской метрополизации, ведёт к формированию закрытого, выстроенного по сетевому-ареальному принципу пространства, где рост демографо-экономической «массы» метрополий сочетается с селективной их маргинализацией, с общим углублением межтерриториального неравенства. Это стимулирует процесс «метрополизации метрополий», в котором всё более различим фактор глобальной экономической и политической власти.

Процесс метрополизации протекает в иерархичном гиперструктурированном пространстве, множа, в свою очередь, его сложность, усиливая доминанту линейно-узловых форм территориальной организации общества, формируя и перекраивая мозаику имманентных метрополиям социально-экономических ареалов и зон, выстраивая обновлённую конфигурацию социально-экономического и политического регионализма.

Констатируя сопряжённость «кластеризации власти» и функционализации того или иного города как «центрального места», следует одновременно подчеркнуть, что метрополия – это всё же не «центр», не одиноко противостоящий окружающей периферии «главный город» с чётко оконтуренными и институционализированными границами. Любой крупный урбанистический центр по своей сути лишь «вмещает» ту или иную метрополию (выступает таксоном её локализации, средой месторазвития), причём далеко не в полном геопространственном «объёме», в то время как генерируемая и воспроизводимая метрополией система воздействия на территории, интеграции их в единую территориальную социально-экономическую целостность, навязывания им своих интересов, алгоритмов в существенной мере «вы-

плёскивается» за архитектурно-планировочные и административные рубежи крупного города, образуя систему «ядро метрополии – периферийные и вынесенные её элементы». Формируясь на базе лидирующего центра, метрополия представляет собой территориально «распределённую» систему его позиционирования, выстраиваемый в матрице центр-периферийного взаимодействия ареал его политико-экономической доминации. Данная конструкция в целом соответствует традиционной центр-периферийной модели и в существенной мере реализует логику взаимодействия «метрополии – колонии» в исторически сложившемся понимании с двумя принципиальными оговорками. Одна из них связана с необходимостью учёта трендов урбанизации, индустриализации и (в последние десятилетия) перехода к постиндустриальной экономике, когда приоритетными «ресурсными территориями» для метрополий всё в возрастающей мере становятся и сами крупнейшие города, их инфраструктура, экономико-демографический потенциал. Дихотомия «метрополия – колония», в этой связи, в существенной мере утрачивает свою территориальную определённую, поскольку отношения политико-экономического доминирования реализуются не только по отношению к «периферии», но и к «центральным местам», позволяя идентифицировать в структуре «города-метрополии» доминантный ареал локализации власти – «основное ядро метрополии».

В ядерных элементах метрополии (как правило, это центральные части крупнейших городов либо локализованные за их пределами кварталы и посёлки местной элиты) концентрируются федеральные и региональные органы власти, головные офисы (либо офисы региональных филиалов) и наиболее важные сервисные службы крупных хозяйственных структур (холдингов, ФПГ, ТНК и др.), расселяются наиболее состоятельные слаты населения, формируется необходимая для их жизнедеятельности инфраструктура и архитектурно-планировочная среда. Выступая в триедином качестве «кластеров власти», локалитета экзогенного политико-экономического и культурного влияния и, наконец, определённого иерархического уровня территориальной организации власти, ядерные элементы метрополий образуют иерархичные «архипелаги» в полицентрическом геопространстве.

В региональном и политико-экономическом контекстах постсоветской России метрополии рентоориентированы (на улавливание и перераспределение ренты, главным образом ресурсно-сырьевой и позиционной) и функционируют в условиях доминанты экономических и политических монополий. Монополия на власть (в том числе приоритетное распоряжение ресурсным потенциалом территории), на институты – создаёт условия для формирования метрополий, пролонгации ими территориального социально-экономического доминирования, для стабильного получения ими «маржи» (позиционной ренты), для новых и новых количественных и качественных изменений, иллюстрирующих и подкрепляющих соответствующий привилегированный статус. В этом плане показателен г. Сочи, в последние годы обретший фактический статус «летней столицы России», а «заодно» и позиции одной из метрополий Краснодарского края и в целом южного макрорегиона. Иной, тоже южно-российский пример – выстраиваемая практически «с нуля» столица Ингушетии, г. Магас (на 01.01.09 – 400 жителей), пока ещё далёкий от облика сложившейся метрополии, несопоставимый по своему хозяйственному и демографическому масштабу даже с соседней Назранью (137 тыс. жителей), но уже «зарезервировавший» за собой значимые политико-экономические функции и черты (симптоматично, что число локализованных в городе рабочих мест вдвое превышает его числен-

ность населения, а средняя заработная плата в 1,4 раза выше, чем в целом по региону – ситуация, характерная для крупнейших городов и их центральных частей), включая важнейшую для российских условий – локализацию Власти и в этой связи – активно развивающийся (на Магас приходится 16 % всех по Республике инвестиций в основной капитал, а душевая обеспеченность жильём в 4,5 раза превосходит аналогичный показатель по Назрани) (Дружинин, 2010).

Подчеркнём, социально-экономические контрасты между ведущим региональным центром – метрополией и остальной тяготеющей к нему периферией, выступают не только наиболее важным индикатором метрополизации, но и фактическим условием формирования соответствующего ареала. Как свидетельствует анализ ситуации по Югу России, центр-периферийные градиенты формируются и поддерживаются метрополией, достигая некоего максимума (в Ростовской области, к примеру, «пик» концентрации экономического потенциала в областном центре пришёлся на 2003–2005 гг.) и способствуя пространственной экспансии ареала метрополизации. Затем под воздействием комплекса факторов (в том числе и за счёт территориального распространения генерируемых метрополизацией позитивных социально-экономических эффектов) они частично нивелируются, что полномасштабно проявилось в ряде ведущих регионов Юга во второй половине так называемых «нулевых» годов. Впрочем, «выравнивающий» эффект метрополизации условен и недолговечен. Геоэкономические, геополитические и иного рода изменения неизбежно инициируют новую фукционализацию ведущих региональных метрополий, реновацию их пространственных ядер и, в этой связи, новое углубление территориальных социально-экономических контрастов в ареале метрополизации.

Замятина Н.Ю. (г. Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИЙ НОВОГО ОСВОЕНИЯ В РОССИИ)

Тезис о том, что на экономическое развитие оказывают влияние различные факторы, связанные с мышлением и поведением индивидов, уже не требует доказательств. Это предмет рассмотрения целой отрасли – институциональной экономики, среди теоретиков которой сразу несколько лауреатов Нобелевской премии (Д. Норт, Р. Коуз, П. Кругман). Большое внимание уделяется при этом роли институтов – как формальных (законы, правила), так и неформальных (общепринятые условности и кодексы поведения) [см.: Норт, с. 18]. Характерно, что в развивающихся странах и традиционных обществах большую роль играют именно неформальные институты. В свою очередь, институты формируются в соответствии с «частными целями тех, чьи позиции позволяют изменить институты» [Норт, с. 33]. Таким образом, для понимания механизмов взаимосвязи мышления и поведения людей и регионального экономического развития необходим выход на уровень изучения не только массовых представлений, но и представлений и поведения элит, проблемы власти, социального капитала, символического капитала и т.п.

Развитие территорий нового освоения подвержено влиянию институциональных и поведенческих факторов в большей степени, чем староосвоенных террито-

рий, в силу своей специфики: территориям нового освоения присущ высокий уровень неопределенности в различных сферах деятельности. Идеологии, в свою очередь, напрямую связаны с уменьшением неопределенности – это признают и культурологи [например: Гирц], и экономисты [например: Норт].

Как минимум, на нескольких конкретных примерах можно показать случаи судьбоносного влияния на развитие (и конкретно появление городов) территорий нового освоения, во-первых, конкретных людей, во-вторых, массового идеологического настроения. Самый яркий, пожалуй, Норильск – город, созданный в Заполярье на базе системы концентрационных лагерей по решению не планировочных организаций, но конкретного человека, А.П. Завенягина. Еще один, более скромный, пример создания города по инициативе снизу – история города Муравленко (ЯНАО), созданного вне планов Госплана: «Первым заказчиком строительства Муравленко стало нефтегазодобывающее управление «Холмогорнефть». Это строительство не было предусмотрено пятилетним планом, а значит, не было и финансирования. Но М. К. Михайлов, управляющий трестом-площадкой «Ноябрьскнефестрой» – «ННС», убедил генерального директора объединения «Ноябрьскнефтегаз» В.А. Городилова начать строительство на собственные средства – благо фонды на строительство жилья были. Летом 82-го строители вышли в Муравленко.» [www.muravlenko.com/istoriya_goroda.html]. Наконец, роль особого психологического настроения в «отборе» контингента первопоселенцев уже в массовом порядке отмечается в воспоминаниях, например: «Каждый год приезжало очень много людей в надежде заработать приличные деньги, не испытывая особых трудностей. Но когда они сталкивались с суровой действительностью, от них оставался малый процент. Из года в год происходил отсев: слабые уезжали, оставались крепкие и надежные. Это как при промывке золота – пустая порода смывается, а драгоценный металл остается. Вот таким образом и формировался наш коллектив. Чтобы работать в тех условиях, требовались не просто квалифицированные специалисты, а люди с зарядом романтики. Ведь кто, кроме них способен изо дня в день заводить на открытой местности моторы, когда мороз под сорок градусов и ниже.» [Цит по: Влюбленные в север. – Екатеринбург: Издательство «Баско», 2003. – С. 12. <http://museum.rosneft.ru/past/memoirs/38/>]. По сути, речь идет об отборе народа «хоть сборного, зато отборного» (выражение А.Т. Твардовского) – буквально в полном соответствии с американской теорией фронта.

Важность подобных факторов – решений конкретных людей и массового идеологического настроения – не означает отхода от научных позиций. В гуманитарных науках наработаны многочисленные методики изучения непараметризуемых аспектов – социологические, антропологические, лингвистические и др. В большинстве случаев, заметим, можно выявить общие поведенческие и культурные тенденции, закономерности. Социальные науки XX в. доказали, что мышление и поведение человека в значительной степени зависят от влияния культуры и общественных отношений, чем это принято считать в рамках экономической географии. Изучая мышление и поведение конкретных людей, мы имеем дело не столько с «субъективными» процессами, сколько с частными случаями общих тенденций и закономерностей.

Тем не менее, далеко не всегда ясны пути междисциплинарного сопряжения такого рода методик – скажем, лингвистического анализа и экономической

го развития. На этом этапе свой вклад в понимание взаимосвязей мышления и поведения людей и регионального развития может внести когнитивная география, которая имеет потенциал создания «стыковочного звена» между экономикой и традиционной экономгеографией, с одной стороны, и гуманитарным знанием, с другой.

Ключевым объектом анализа на данном пути должен стать когнитивно-географический контекст (КГК) – совокупность представлений о пространстве, актуальных в определенной ситуации, у конкретных лиц, принимающих решение, или в массовом сознании [подробнее см.: Замятина]. КГК учитывает набор географических объектов, которые участники событий «держат в поле зрения» при принятии решений, смыслы, увязываемые с различными географическими объектами, их иерархию, или, шире ценностную неоднородность пространства (термин В.Л. Каганского), а также представления о функциональных связях объектов, их административном соподчинении и т.д.

Применительно к освоению новых территорий необходимо, в первую очередь, изучение ценностного фокуса КГК: какая территория считалась «главной». Образно варианты выбора главной территории в отношении фронта хорошо описывал в своих лекциях ведущий российский специалист по Северу Канады А.И. Черкасов: «русские в Сибирь уходили, американцы на фронт приходили».

Косвенно связь «чувства хозяина» со стороны тех, кто распоряжается ресурсами, и социально-экономического развития территории хорошо осознается в массах северян, сплошь и рядом оговаривающихся о «хозяевах территории», например: «В январе 1991 года Вынгаяхинский промысел и посёлок Ханымей были переданы в НГДУ «Заполярье». Заинтересованность заполярьцев в развитии посёлка и промысла принесла значительные результаты. Посёлок начал оживать. Развернулось жилищное строительство, достраиваются брошенные ранее объекты...» [Ханымей – не брошенный посёлок. <http://www.vingapur.ru/publ/3-1-0-29>]. Еще пример, даже более показательный, поскольку это речь мэра города о переходе градообразующего предприятия от «Сибнефти» к «Газпромнефти»: «Хочу поделиться радостью: в город вернулся нефтяной хозяин. (Выделено мной – Н.З.) И это правильно, ведь в нашем регионе нефти добывается гораздо больше, чем в других нефтегазовых городах Ямала – Губкинском, Ноябрьске. Третья часть окружной добычи приходится на город Муравленко. К сожалению, в последние годы добыча нефти упала на пять миллионов тонн. Но с приходом нового руководства, новой команды в 2009 году падения добычи не предвидится. Я считаю это большим достижением работников нефтегазовой отрасли и жителей города.» [<http://www.gublibrary.ru/pub/Personalii/Bikovskiy.htm>]

КГК может быть изучен методами, заимствованными или созданными на стыке с социальными и гуманитарными науками -- например, контент-анализ текстов и схожие методики. Обращаясь к ним, мы, однако, сохраняем географический предмет исследования – пространственные взаимосвязи объектов (хотя в данном случае объектами выступают концепты¹, это не менее «негеографические» объекты исследования, чем отрасли, предприятия, города, популяции...)

Дальнейшая исследовательская задача будет состоять в том, чтобы провести сопоставление КГК (лиц, принимающих решение), а также массовых и реальных социально-экономических процессов. В рамках механизма взаимодействия КГК уже сегодня можно отметить следующую тенденцию: положительный

эффект достигается, когда территориально совпадают институциональные возможности влиять на ситуацию, материальные ресурсы и КГК. Так, в частности, происходило в случае названного примера основания Норильска. Материальные ресурсы, размещающиеся вне ценностного фокуса КГК принимающих решение, по-видимому, не дают такого результата, что можно проследить на примере мелкомасштабного исследования «несложившихся» городских судеб некоторых районов разработки нефти и газа (например, поселок Вынгапур, поглощенный Ноябрьском). В данном случае, заметим, необходимы точечные, «индивидуальные» исследования городов и районов, подобные популярным в современной исторической науке «личным историям» и «локальным историям». Только подробное изучение «локальных географий» отдельных городов и местностей позволит вскрыть роль поведенческих, когнитивных, а во многом и институциональных факторов регионального развития.

Что касается практического применения знаний КГК, то здесь речь может идти о целенаправленном конструировании КГК – как населения в целом, так и, главным образом, региональной элиты, как фактора регионального развития.

Библиографический список

1. Влюбленные в север. – Екатеринбург: Издательство «Баско», 2003. (<http://museum.rosneft.ru/past/memoirs/38/>).
2. Гирц К. Интерпретация культур. Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).
3. Замятина Н.Ю. Когнитивно-географический контекст как модель соотношений географических образов (на примере анализа текстов официальных сайтов субъектов РФ) // Известия РАН. – Серия географическая. – 2006. – № 5.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
6. <http://www.gublibrary.ru/pub/Personalii/Bikovskiy.htm>
7. <http://www.vingapur.ru/publ/3-1-0-29>
8. http://www.muravlenko.com/istoriya_goroda.html

Примечания

- ¹ Концепт – наиболее распространенное понятие, характеризующее «единицу» мышления, свойственную определенной культуре (как синонимы используются понятия «когнитивные структуры» и «схемы»). Совокупность концептов составляет концептосферу – понятие, предложенное Д.С. Лихачевым. Концептосфера – это слой смыслов, вписанный в рамки более общей нематериальной сферы, известной географам как ноосфера В.И. Вернадского, и пронизывающий ее подобно тому, как биосфера пронизывает географическую оболочку. Концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру. <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов, 2001, с. 43). Обратим внимание, что концепт рассматривается не только и даже не столько как элемент мышления отдельного человека, сколько как элемент объективно существующей культуры, продукт деятельности человеческого сообщества. А значит, мышление концептами оказывается значительно менее субъективным, чем о нем принято думать.

СЕЗОННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И МИРЕ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Многие работы классиков отечественной экономической и социальной географии посвящены проблемам взаимодействия природы и общества. Изучение природных условий и анализ зональных закономерностей территориальной организации населения и хозяйства долгое время оставались одними из главных вопросов экономико-географической науки в СССР. На начальном этапе становления географии укорененным было детерминистическое представление о влиянии природы на деятельность общества, однако уже к середине XX века господствующим стало понимание многостороннего взаимодействия в рамках системы природа-население-хозяйство [4]. Сегодня в географии все чаще говорится о влиянии человека на окружающую природную среду, и все меньше внимания уделяется природным закономерностям функционирования общества.

Сохранение сезонных колебаний в общественных процессах, на первый взгляд, демонстрирует неправомочность отказа от детерминистических представлений. Развитие науки, технологий и международной торговли во второй половине XX века создали возможности для практически полного нивелирования сезонных колебаний производства. Население же продолжает совершать большую часть туристских поездок в летний период, сохраняет сезонное потребление продуктов питания (даже тех, которые производятся круглый год), покупает одежду только в конкретные сезоны. Глубина проникновения представлений о смене времен года в общественное сознание (социальную память) оказалась существенно большей, чем значимость самих сезонных колебаний. В последнее время, значение термина «сезонность» трансформировалось от колебаний, вызванных сменой времен года, к простому определению устойчивых колебаний в течение года (сезонность в широком смысле). То же касается и таких терминов как «сезонные колебания», «сезонные ритмы» и «сезонные циклы». При этом все важнее становится роль косвенных, квазисезонных процессов, таких как потребительские предпочтения или праздничное потребление.

В России, как и в большинстве стран мира, сезонные колебания проявляются во многих сферах: в экономике, социальной сфере, миграциях населения. В целом можно объединить все эти процессы в несколько сезонных циклов, являющихся основой для сезонных колебаний во всех основных социально-экономических процессах:

- Природный цикл (смена времен года), влияющий на изменение условий жизни людей и ведения хозяйства в зависимости от колебаний температуры воздуха, влажности, состояния ландшафтов. Это наиболее стабильный цикл.
- Сельскохозяйственный цикл объединяет в себе ряд природно-антропогенных процессов: цикл лактации, циклы откорма, вегетативные циклы и т.д. Именно сельскохозяйственный цикл является базовым для сезонной ритмики экономики.
- Строительный цикл связан с неравномерностью проведения строительных работ в течение года. Современный строительный цикл определяется не

только природными закономерностями, но и спецификой финансирования работ, уровнем развития технологий, качеством трудовых ресурсов.

- Культурно-религиозные циклы играют ту же роль в формировании сезонности жизнедеятельности населения, что и сельскохозяйственные циклы в экономике. Их базовые функции «ограничителя» до сих пор проявляются в таких процессах, как потребление продуктов питания или проведение свадеб.
- Социальные циклы (или циклы социальной активности) связаны с неравномерностью распределения в течение года временных затрат населения на участие в общественных процессах: образовании, культурных и спортивных мероприятиях. Они становятся базой для функционирования предприятий потребительских сфер экономики.
- Туристско-рекреационные циклы находятся в противофазе с социальными и связаны с такими формами проведения свободного времени, как туристские поездки, маятниковые рекреационные (дачные) миграции.
- Потребительские циклы связаны с цикличностью потребительских ожиданий и предпочтений населения. Среди факторов их формирования – динамика доходов населения, общее состояние рынка труда, но главные – праздничное потребление.

В рамках данной работы рассмотреть влияние всех этих циклов невозможно, поэтому в качестве иллюстрации показана сезонность экономики России и стран мира, отражающая общие тенденции трансформаций сезонных процессов в современном обществе.

Сезонность в экономике. Еще на рубеже 1930-х годов экономистами в Конъюнктурном институте Н. Кондратьева и американским экономистом С. Кузнецом, независимо друг от друга, проводились работы по изучению сезонных колебаний экономики на примере отраслей промышленности и торговли [2,5]. Изучение совершенно разных по особенностям хозяйственной организации стран привело исследователей к общей мысли о двойственности факторов формирования сезонных колебаний. Были выделены два «двигателя» сезонности (по С. Кузнецу): сезонность потребления сырья и сезонность потребления готовой продукции. В результате, в экономике США и СССР проявлялись существенные сезонные колебания. Минимум экономической активности приходился на начало года. В весенние месяцы наблюдался некоторый рост, а в середине лета – спад промышленного производства. Максимум приходился на конец лета – начало осени – период сбора урожая и переработки сельскохозяйственной продукции. Для осени был характерен нисходящий тренд с минимумом в октябре и ноябре. В декабре вновь происходил рост, связанный с активизацией потребления (в СССР декабрьского роста не возникало из-за незначительной роли потребительских отраслей в экономике). В работе советских экономистов в качестве факторов называются природный и социальный, но конкретный анализ отраслей проводится в ключе изучения сырья и сбыта.

По мере развития технологий аграрного и промышленного производства, сезонность отраслей и экономики в целом подвергалась существенным трансформациям. В конце 1980-х годов, американским экономистом Джеффри Мироном в качестве основного фактора сезонных колебаний экономики называется уже «потребительский», и отмечается постоянное снижение значимости «фактора погоды» [1]. Отразилось это и на особенностях внутригодового хода экономической активно-

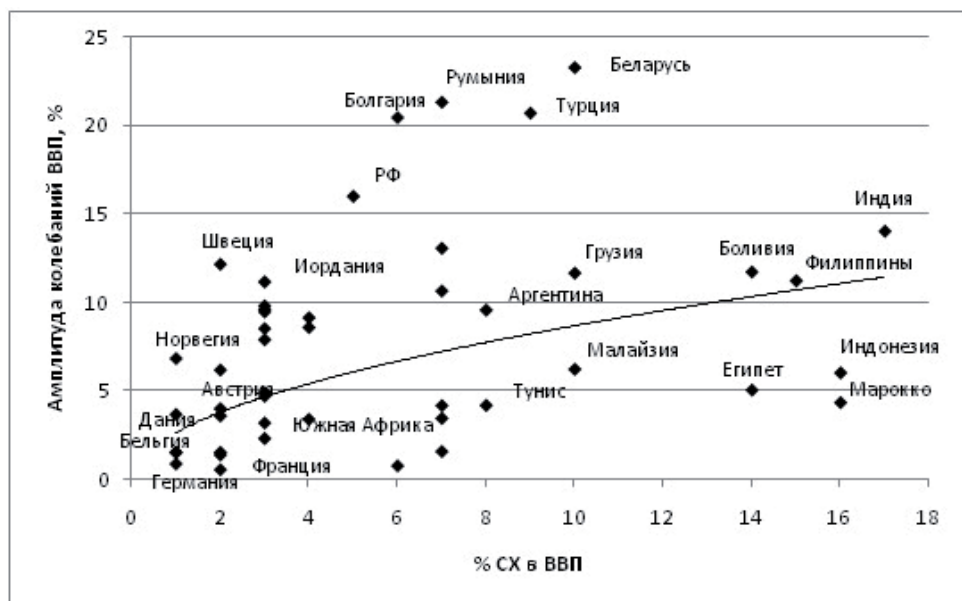

Рис. 1. Связь между амплитудой сезонных колебаний (в среднем в 1999–2009 гг.) и значимостью сельского хозяйства в структуре ВВП (по данным 2009 г.) в странах мира
Рассчитано автором по данным Мирового банка

сти в развитых странах, который можно проследить на примере колебаний ВВП США. Как и в первой половине XX века, минимум показателя ВВП наблюдается в начале года, в 1 квартале. Однако, в отличие от 1930-х годов, в 4 квартале не происходит спада экономической активности, а, напротив, в конце года ВВП достигает максимума. Мирон связывает это с «эффектом рождества» – потребительским бумом, вызванным приобретением подарков и ростом активности покупателей в «сезон распродаж». Подобная ритмика, по его мнению, характерна для большинства стран, даже тех, где рождество не празднуется, но все равно есть новогодние праздники. При этом Мирон анализировал ситуацию только в развитых странах. В доказательство он приводит примеры двух стран южного полушария – Австралии и Новой Зеландии, сезонный ход ВВП которых практически идентичен ходу США [1,3].

Действительно, современные различия сезонных колебаний ВВП в странах колоссальны. Амплитуда среднего за период с 1999 по 2009 год индекса сезонности варьируется от 0,6% в Италии до 66,2% в Киргизии. При этом лишь в 6 странах (из 68 по которым есть данные) амплитуда превышает 20%, в том числе и в России. Можно говорить о наличии статистически значимой прямой зависимости между долей сельского хозяйства в экономике и амплитудой колебаний ВВП (рис. 1). В регионах экваториального и субэкваториального поясов, где климат позволяет выращивать 2–3 урожая в год, колебания умеренные (примеры Индии, Филиппин) или незначительные (Индонезия, Малайзия). Максимальные же колебания (относительно значимости сельского хозяйства в экономике) наблюдаются в странах с умеренным и субтропическим климатом (Белоруссия, Турция, Грузия).

Помимо амплитуды колебаний, страны мира различаются и особенностями годового хода показателя ВВП, который связан, в первую очередь, с уровнем раз-

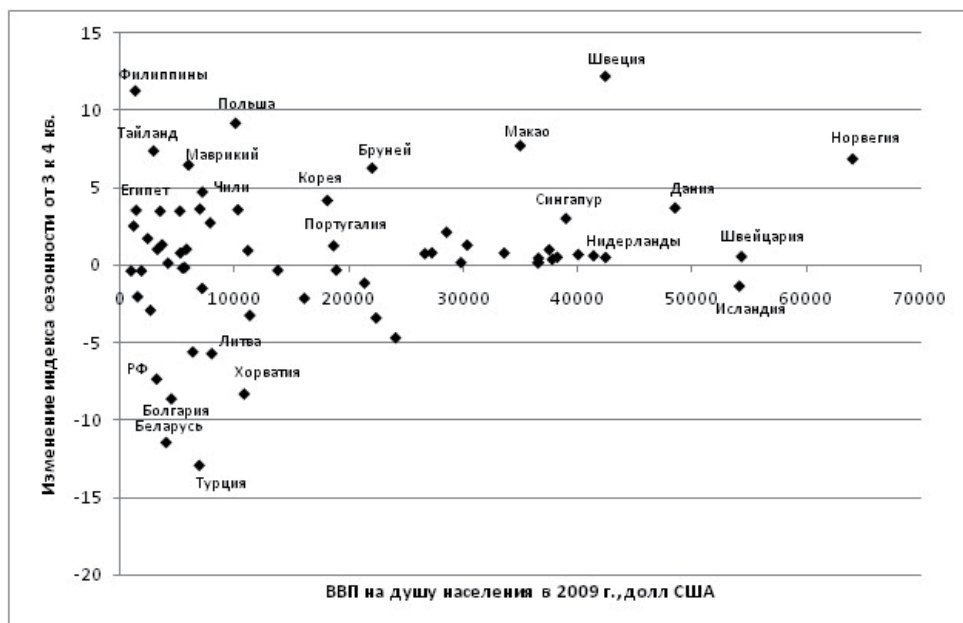

Рис. 2. «Эффект рождества» в формировании сезонной ритмики (изменения ВВП в 4 кв. по отношению к 3 кв.) и уровнем социально-экономического развития стран (ВВП на душу населения в 2009 г.)

Рассчитано автором по данным Мирового банка

вития экономики. Влияние природной сезонности (через сельскохозяйственный цикл) ведет к формированию годового хода с летним максимумом и зимним минимумом, социального (потребительского) фактора сказывается на снижении экономической активности в 1 квартале (минимум даже в странах южного полушария), сокращении темпов роста в 3 квартале за счет снижения потребительской активности в начале осени и резком росте ВВП в 4 квартале.

Абсолютное большинство стран с доминированием потребительского фактора относятся к категории развитых. Среди государств, где ВВП на душу населения превышает 25 тыс. долл. США, только в Исландии наблюдается незначительное снижение экономической активности в 4 квартале, во всех остальных значения в 4 квартале выше, чем в 3 (см. рис. 2). Такой же ход ВВП имеют и развивающиеся страны с высокой степенью вовлеченности в международную торговлю (примеры – Сингапур, Тайвань, Макао). Их экономика ориентирована на потребителей в развитых странах, что и приводит к синхронизации экономических ритмов. На другом полюсе лежат развивающиеся страны с «изолированными локальными экономиками», менее вовлеченные в процессы международной торговли (Кипр, Греция, Киргизия, Белоруссия, Болгария, Литва и др.). В них по-прежнему сохраняется традиционный «природный» сезонный ритм в экономике. До середины 2000-х годов к данной группе относилась и Россия.

Экономический спад первой половины 1990-х годов привел к формированию в России классического природного ритма колебаний экономики с умеренной (на уровне 15%) амплитудой (см. рис. 3). В 1996–1997 годах наметилось усиление роли

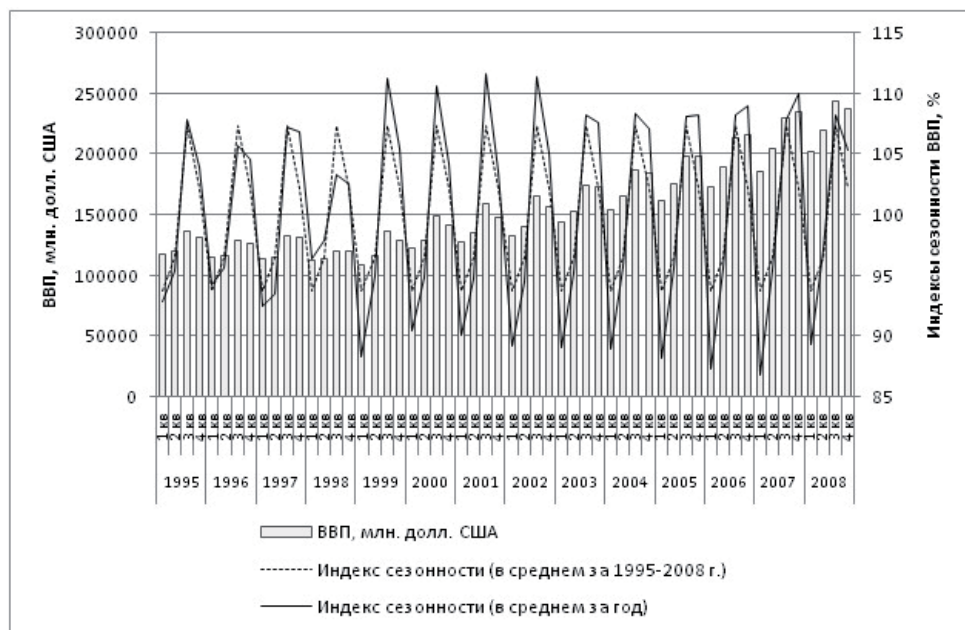

Рис. 3. Сезонные колебания ВВП Российской Федерации в 1995–2008 гг.
Рассчитано автором по данным Мирового банка

потребительского фактора (снижение интенсивности падения ВВП в 4 квартале). Период восстановительного роста после дефолта 1998 года характеризовался резким ростом амплитуды колебаний и возвращением к «природному» типу сезонности. Качественный перелом наступил в 2003 году, когда вместе с резким увеличением темпов роста ВВП изменился и состав «драйверов» экономического роста – к отраслям импортозамещения и сырьевому сектору добавились розничная торговля, строительство, сфера недвижимости и финансовый сектор, ориентированные на внутреннее потребление. Одновременно произошли изменения сезонной ритмики: резко сократились темпы падения ВВП в 4 квартале, амплитуда колебаний упала ниже 20%. 2005 и 2006 года стали первыми в новейшей истории России, когда ВВП в 4 квартале не сократился по сравнению с 3.

Подобные данные свидетельствуют о коренной перестройке российской модели экономики и интеграции населения страны в глобальное общество потребления. Даже в конце 2008 года, в период экономического спада и финансового кризиса, жители страны не снизили своих потребительских ожиданий.

Основные выводы. Сезонность, в широком понимании, не исчезает, напротив, в ряде стран даже усиливается в последние годы. Не только развивающиеся, но и развитые экономики подвержены внутригодовым колебаниям. Однако сущность этих колебаний различна для территорий с разным уровнем социально-экономического развития. В замкнутых аграрно-индустриальных экономиках до сих пор применимы детерминистические принципы, когда ход жизни общества идет вслед за сменой времен года. В развитых странах с постиндустриальной экономикой, интегрированной в глобальные процессы, уже общество (потребитель)

становится драйвером экономической динамики и ритмики. Природные циклы при этом никуда не уходят, лишь снижается их значимость, они теряются за ритмами социальных изменений.

Россия – пример страны, которая сегодня идет по пути к открытой социально-экономической системе. На примере колебаний ВВП мы видим глубину изменений, произошедших в потребительском сознании и сущности экономической модели страны. То же проявляется и в других процессах: сезонных миграциях, демографической ритмике, розничной торговле. Все большую роль в формировании сезонности играют «социальные» факторы. При этом разнообразие и экстремальные различия природных и социально-экономических условий внутри страны становятся «линзой» для преломления социальной модернизации.

Библиографический список

1. Jeffry A. Miron. The Economics of Seasonal Cycles. Working Paper No. 3522. National bureau of economic research 1990.
2. Kuznets Simon. Seasonal Variations in Industry and Trade. New York: National Bureau of Economic Research, 1933.
3. Robert B. Barsky, Jeffrey A. Miron. The Seasonal Cycle and The Business Cycle. Working Paper No. 2688. National bureau of economic research, 1988.
4. Саушкин Ю.Г. Человек и природа // Вестник Московского университета. – Серия 5. – Географическая. – 1969. – №5. – С. 20–27.
5. Сезонность и сезонные колебания в промышленности и народном хозяйстве // Сб. статей под ред. А.М. Гинзбурга и Г.И. Дукова. – М.: Государственное техническое издательство, 1930.
6. База статистических данных Мирового банка. <http://data.worldbank.org/>

Земцов С.П. (г. Москва)

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ (МОДЕРНИЗАЦИИ) СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГЕОСИСТЕМ

Одной из ключевых проблем современной экономической географии является ее двойственное положение между естественными и общественными науками, что в конечном итоге ведет к «разрыву» и «дрейфу» науки между разными направлениями. Отсутствие собственного научного «ядра» (каковым в советский период являлась районная школа) ведет к дальнейшей периферизации экономической географии как в научном сообществе в целом, так и внутри географии. В данной работе рассматривается возможность применения инновационно-синергетического подхода к интеграции разрозненных теорий на основе единого методологического подхода.

«Всеобъемлющим» объектом географии следует считать геоуниверсум, включающий в себя первичную географическую оболочку земли (литосфера, гидросфера, атмосфера), образованную географической формой движения материи [7], биосферу и антропосферу. Геоуниверсум – сложная самоорганизующаяся система, подчиняющаяся законам синергетики. Антропосфера, включающее в себя человеческое общество и результаты его деятельности, также сложная система, но является корреляционной по отношению к природным геосферам и состоит из техносферы, социосферы и ноосферы (информационной или когнитивной страты). Каким бы разным не был предмет географических исследований, он всегда обладает простран-

ственной составляющей (по К. Маркову – пространственно-временной). География изучает отдельные территориальные системы [8], в частности геосистемы как подсистемы геоуниверсума, тогда экономическая география изучает геосистемы как части антропосферы и их взаимодействие с природными оболочками. Иначе подобные системы и их пространство можно назвать социально-экономическими.

Пространство и время взаимообусловлены и не существуют без материи, а системы – универсальный способ организации материи в бесконечно расширяющейся Вселенной. С момента образования материи для пространства характерны центробежные и центростремительные силы, что обуславливает центр-периферийную модель его организации как проявление механизма сохранения энергии¹. В «ядрах» концентрируются вещество, энергия и информация; активные внутренние процессы ведут к зарождению простых систем. Сложившееся пространство дифференцируется и характеризуется разнородными условиями (факторами) для существования систем (пространство как среда). Благоприятные условия следует считать аттракторами, к которым стремится система в своем развитии². В подобных условиях складываются диссипативные системы, которые способны контролировать энтропийные процессы на длительных промежутках времени. В частности образованию геоуниверсума способствовали условия, при которых вода может находиться в трех агрегатных состояниях. Неблагоприятные условия (репеллер) периферии часто вызваны высоким «трением» пространства (ее удаленностью, разорванностью и т.д.). Пространственное развитие сопровождается конфликтами за факторы развития с другими системами, но и с самой «средой обитания».

Общая энтропия (мера неупорядоченности) Вселенной возрастает [9], тогда как в рамках саморазвивающихся систем падает. Увеличение количества элементов без их организации ведет к росту энтропии. Геоуниверсум стремится к уменьшению энтропии, путем самоорганизации своей структуры, но для этого необходим постоянный приток энергии, то есть система должна быть открытой³. Более равномерного распределения солнечной энергии геоуниверсум достиг путем создания кругооборотов веществ (иначе географической формы движения материи) и природных зон. Зональность – частное проявление центр-периферийной структуры в рамках сферических систем. Так в субтропическом климате интенсивность природной среды значительно выше, чем в арктических широтах, т.к. здесь в геоуниверсуме созданы более благоприятные условия для «освоения» (и запасаения) солнечной энергии. В антропосфере – подобным проявлением следует считать образование городов, «кольца» Тюнена, а на глобальном уровне разделение между развитыми и развивающимися странами.

Один из обязательных атрибутов сложных систем – цикличность. Причем циклы можно подразделять на этапы (уровни) и ритмы. Геоуниверсум обладает как внутренней ритмикой (смена дня и ночи), так и внешней (ритмы солнечной активности и т.д.). Ритмы также способствуют более равномерному «освоению» энергии. В антропосфере к подобным ритмам можно относить макроэкономические колебания. Но нерегулярные ритмы – это вызов для системы, на который она реагирует созданием инновации (новой структуры) и повышает уровень организации или деградирует. Выбор дальнейшего пути – «точка бифуркаций» системы. Так крупные катастрофы в истории Земли вели к эволюции ее биоты: большая часть биоты мезозойской эры погибла, но была внедрена инновация – млекопитающие (более высокий уровень организации). При этом у каждой системы существует некий инва-

Динамичная схема региональной СЭГС
 Составлено автором на основе исследований комплексных территориальных систем

Страта (сфера)	Характеристика		Инновации	Энергия развития
«Сознание» (ноосфера)	Когнитивная, или «информационная», сфера		Идеи, образы	Креативная
«Общество» (социосфера)	Человек и сферы общественной жизни человека	Психосфера	Новые ощущения	Пассионарность
		Экономическая Социальная Политическая	Институты развития	Инвестиции Доверие Воля, борьба
		Культурная (духовная)	«Духовные» институты	Идеология
«Технология» (техносфера)	«Орудия труда». Здания, дороги (инфраструктура), промышленность		Технологии, продукты	Физическая энергия
«Природа» (геосферы Земли)	Природная среда (условия) и ресурсы		Новые сорта, породы и т.д.	Экологические изменения. Исчерпание ресурсов

риант, который не подвержен стихийным изменениям и определяет возможности развития. В инварианте заложены «гены» системы. «Гены» геоуниверсума заложены в частности в видовом разнообразии биоты. Системы в своем развитии движутся к некоторому аттрактору, или «потенциальной форме» [6], так геоуниверсум, по мнению В.И. Вернадского, движется к своему ноосферному этапу [4]. Существуют и странные аттракторы («черные лебеди» [11]), вызываемые случайными событиями. Они крайне важны в условиях «вызова», так как способны перевести систему на более высокий уровень развития.

Экономическая география (ЭГ) изучает социально-экономические геосистемы (СЭГС) такие как страна, район, регион, город, промышленный комплекс, кластер и т.д. СЭГС представляют собой «единую ограниченную территориальную общность населения и природно-хозяйственного комплекса» (страна, регион, город и т.д.) [2].

СЭГС региона (страны и т.д.) можно изучать в качестве динамичной модели (схема 1), состоящей из нескольких страт, схожих со сферами антропосферы. Каждая страта образована неким подпространством (слоем) в социально-экономическом пространстве (СЭП). Тогда в соответствии со структурой СЭГС (схема 1) изменяется представление и о территориальном аттракторе – ЭГП. Оценка ЭГП для техносферы предполагает учет инфраструктурных факторов, тогда как в социосфере на первом месте – институциональные, а в информационном пространстве (4-й страте) схожие функции выполняет образ территории. Уровни СЭГС – это в определенном смысле этапы общественного развития в зависимости от преобладающей страты: аграрная стадия (преобладающее влияние природной среды), индустриальная (определяющее влияние промышленности, технологий), постиндустриальная (преобладающее влияние социальных связей), когнитивная (важнейший элемент – сознание).

Развитие СЭГС можно представить как процесс снижения энтропии в каждой из страт. При этом на отдельном этапе развития СЭГС достигает потенциальной формы. Энергия развития – некий эквивалент физической энергии Солнца, способствующий снижению энтропии. Для каждой из страт характерны соответствующие инновации (повышающие организованность) и определенные функции в рамках СЭГС.

Природно-экологическая страта включает в себя совокупность физико-географических и экологических условий, формирующихся в той или иной СЭГС.

Технологическая страта подразумевает под собой созданные человеком вещества, материалы, постройки, механизмы. Орудия труда помогли человеку в развитии разумных способностей, но страта занимает подчиненное положение по отношению к социосфере, так как не имеет способности к саморазвитию. Высшие технологические уклады (ТУ) – потенциальная форма (аттрактор) СЭГС. «Гены» СЭГС в техносфере заложены в существующей инфраструктуре и технической организации основных фондов [3].

Общественная страта включает в себя психосферу человека и сферы общественной жизни человека [1]. Экономическая сфера — система экономических отношений, возникающая и воспроизводимая в процессе материального производства. Инновации связаны с созданием новых экономических, инвестиционных и финансовых институтов. Энергией процесса развития следует считать инвестиции. Основная функция страты – создание материальных благ. Социальная сфера – система социальных отношений, т.е. отношений между группами людей, занимающими различное положение в социальной структуре общества. Энергией процесса следует считать доверие, так как именно она определяет скорость взаимодействия в социуме. Основная функция – социализация человека, распределение материальных и нематериальных благ. Политическая сфера (политико-правовая) – система политических и правовых отношений. Инновации в области управления и права (партии, законы и т.д.). Политическая воля и борьба – основные движущие силы. Основная функция – управление в рамках СЭГС. Духовная сфера («культурная») – система отношений между людьми, отражающая духовно-нравственную жизнь общества, представленную такими подсистемами, как культура (традиции), религия, мораль, искусство. В духовной сфере фактически заложены «гены» сообщества, поэтому ее функция связана с созданием и хранением нематериальных благ. Идеология – движущая сила развития в культурной сфере. Духовное наследие (памятники архитектуры, выдающиеся произведения, научные работы, религиозные трактаты и т.д.) определяет ментальность сообществ, их цивилизационную направленность. Психосфера человека связана с личными установками, желаниями, эмоциями, поведением человека в той или иной ситуации. Движущая сила – психическая энергия человека, иначе пассионарность («либидо» в трудах К. Юнга).

Информационно-когнитивная страта включает в себя «чистое» сознание человека, его образы, мысли, идеи. Интернет-пространство (виртуальную реальность) можно считать первым этапом в создании независимой когнитивной среды.

В ЭГ XX столетия (в индустриальный период) приоритетным было изучение техносферы (ТПК, ЭПЦ и т.д.). Сегодня происходит переход к изучению социосферы (социальная, культурная и политическая география) и психосферы (поведенческая география). Начинается исследование когнитивной сферы, представляющее собой изучение информационного пространства (география образов, Интернет и т.д.).

Циклы СЭС по стратам

Страта (сфера)	Циклы
«Сознание»	(Смена научных парадигм по Т. Куну)
«Общество»	Экономическая – циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, социальная – «волны» Э. Тоффлера, политическая – циклы жизни государств (по С.Мягкову), духовная – смена направлений в искусстве, реформация церкви и др.
«Технология»	Технологические уклады С. Глазьева и др.
«Природа»	Циклы Чижевского, сезоны года и др.

Составлено автором

Типы модернизаций СЭГС и их положение в СЭП

Типы модернизаций	Пространственное положение	Инновационный цикл
«Естественное» развитие Догоняющее развитие «Зависимое» развитие	Центр Полупериферия Периферия	Инновации Вторичные инновации Традиции

Составлено автором

Для СЭГС процесс перехода через точки бифуркации, иначе инновационное преобразование, носит название модернизации. Модернизация (от англ. modern – «современное») – это совершенствование чего-либо путем конструктивных изменений. Модернизация способствует достижению системой своей новой потенциальной формы (в техносфере – это высшие технологические уклады [5], в общественной сфере – это идеи постиндустриального и сетевого общества [10], в когнитивной страте – информационное общество). Циклы модернизаций можно увидеть через различные составляющие по стратам СЭГС (схема 2). Волны (этапы) модернизаций можно считать общей (интегрированной) цикличностью СЭГС⁴.

Модернизация имеет дуалистическую природу: это пространственный процесс, охватывающий все СЭП, но характерен он лишь для «центров» (генерации и восприимчивости инноваций). Так отдельные точки пространства имеют особые аттракторные способности. Эти точки становятся центрами концентрации и развиваются по модели естественной модернизации. Иначе когда трение пространства велико, СЭГС начинают отставать в своем развитии. Данная схема может долго сохраняться при четкой связи (балансе) между центром и периферией, когда первый постоянно модернизируется, генерируя инновации и сбрасывая на периферию энтропию («традиционные» технологии), а последний обеспечивает его необходимыми ресурсами («энергией»: природными, людскими и иными). Также на сохранение подобной схемы влияет консервативность СЭС, их зависимость от «пройденного пути» (от англ. path dependency), иначе предрасположенность, заложенная в «генах» СЭГС.

В соответствии с положением СЭГС в рамках центр-периферийной модели и на основе выстроенных в главе схем можно выделить следующие факторы развития СЭГС.

Первичные (на начальных этапах зарождения и становления):

I. Внешний – ЭГП как некий территориальный аттрактор;

II. Внутренний – средовые факторы (благоприятные условия природной среды, природные ресурсы).

Вторичные (при формировании устойчивой центр-периферийной модели):

I. Внешний – возможность «усваивать» (абсорбировать) модернизационные волны (инвестиционный потенциал): связанность с «центром» (инфраструктура, схожесть технологических укладов), открытость и барьерность (институты), потенциал информационного пространства (образ территории, бренды).

II. Внутренний – возможность генерировать инновации (инновационный, или потенциал саморазвития): концентрация и масштаб (агломерации), разнообразие (структура экономики) и интенсивность взаимодействия (доверие и конкуренция) участников.

Библиографический список

1. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. – М., 1968. – С. 106.
2. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. – М., 2002.
3. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН. – М.: Наука, 2007.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.
5. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993.
6. Гурвич А.Г. Избранные труды. – М.: Медицина, 1977.
7. Лямин В.С. Философские вопросы географии. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
8. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М.: Изд-во МГУ, 1976.
9. Суриков В.В. Введение в основы естествознания. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.
10. Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford UP, 2000.
11. Taleb, N. Black Swan and Domains of Statistics, The American Statistician, August 2007, Vol. 61, No. 3.

Примечания

- ¹ Философско-религиозное объяснение развития Вселенной предполагает несколько стадий: создание материи – жизни – разума – нематериального разума как единый процесс сохранения энергии в расширяющейся Вселенной (где энергия рассеивается) путем познания и стремления к Богу (идеальной субстанции) перед тем как Вселенная «схлопнется» (в рассуждениях Платона, Тейяра де Шардена и др.)
- ² В антропосфере подобным аттрактором следует считать ЭГП.
- ³ Закрытые системы либо переходят в инвариантное состояние, либо погибают.
- ⁴ Основные волны модернизаций: 1-я волна – модернизация Петра I (XVIII в.), 2-я – реформы Александра II (XIX в.), 3 – советская индустриализация И.В. Сталина (XX в).

Зубаревич Н.В. (г. Москва)

ТРЕНДЫ И ПРИОРИТЕТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В 2010-х пространство России будет развиваться в достаточно узком «коридоре возможностей», обусловленном объективными факторами и барьерами развития. Выбор приоритетов политики государства способен усиливать влияние позитивных факторов и смягчать влияние барьеров. Именно от этого выбора будет зависеть скорость модернизации или деградации социально-экономического пространства.

1. Тренды развития

Пространственное развитие России обусловлено сочетанием факторов, важнейшие среди которых:

- высокая обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными и др.), которые востребованы глобальным рынком, и их локализация в относительно небольшом числе регионов;
- внутриматериковое географическое положение, повышающее транспортные издержки (экономическое расстояние), малочисленность приграничных регионов, расположенных на путях глобальной торговли;
- слаборазвитая инфраструктура (транспортная, производственная, социальная), особенно в периферийных территориях;
- малочисленность крупных агломераций, способствующих развитию за счет эффекта масштаба, редкая сеть городов и низкая плотность населения, что замедляет распространение инноваций в пространстве;
- устойчивая депопуляция в большинстве регионов страны, которая будет усиливаться в 2010-х гг.;
- снижающийся человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); концентрация более высокого человеческого капитала в крупнейших городах и лучших центрах высшей школы;
- низкая мобильность домохозяйств из-за барьеров низких доходов, неразвитого рынка жилья и кредитов; преобладание временной трудовой миграции отдельных членов домохозяйств «на заработки» и миграций молодежи на учебу;
- пространственная поляризация расселения, многолетний процесс стягивания населения из периферий к более крупным центрам и в пригороды;
- плохие институты и неблагоприятный предпринимательский климат (незащищенность прав собственности, коррупция и др.); при этом в слаборазвитых республиках барьеры плохих институтов максимальны.

Воздействие этих факторов дифференцирует российское пространство. По уровню и динамике развития лидируют российские регионы, обладающие конкурентными преимуществами в виде агломерационного эффекта, высокой ресурсообеспеченности нефтью и газом, более выгодного географического положения на путях глобальной торговли или их сочетанием. Это подтверждают тренды пространственного развития 1990–2000-х годов. Лидеры по уровню социально-экономического развития – столица страны и ведущие нефтегазодобывающие регионы (автономные округа Тюменской области), за которыми следует Санкт-Петербург. Лидеры второго уровня – 10–12 регионов, обладающих экспортными ресурсами и производствами, городами-миллионниками, выгодным положением в пределах крупнейших агломераций (Московская, Ленинградская области) и на основных путях глобальной торговли. Более 2/3 регионов страны не имеют явных конкурентных преимуществ развития и занимают «срединное» положение по уровню развития или даже сохраняют черты депрессивности. Устойчива и группа слаборазвитых республик Северного Кавказа и юга Сибири с проблемным рынком труда, наиболее высокой долей теневой экономики, крайне неблагоприятными институциональными условиями.

Новый экономический кризис почти не изменил сложившуюся пространственную картину развития, подтвердив ее устойчивость. Основной сдвиг – ухудшение по-

ложения регионов традиционной обрабатывающей промышленности, для которых усилились риски депрессивности из-за низкой конкурентоспособности предприятий. Второй сдвиг – появление небольшой группы 4-5 инвестиционно привлекательных регионов новой индустриализации и импорта технологий (Калужская, Ленинградская, Калининградская, Белгородская области). Их привлекательность обеспечена не только улучшением институциональной среды для инвесторов, но и преимуществами более выгодного географического положения и развитой инфраструктуры.

Тренды развития российского пространства показывают, что:

- Россия и дальше будет развиваться в условиях сильной социально-экономической асимметрии пространства;
- продолжится сжатие обитаемого и экономического пространства вследствие пространственной локализации конкурентных преимуществ и устойчивой депопуляции;
- «коридор возможностей» регионального развития до 2020 г. формируется в первую очередь объективными факторами и барьерами.

При таких жестких ограничениях важнейшая институциональная задача – стимулировать использование объективных конкурентных преимуществ регионов.

2. Приоритеты развития с опорой на конкурентные преимущества регионов

Стимулирование агломерационных преимуществ. Расширение экономической зоны Московской столичной агломерации. До кризиса процесс шел активно, но охватывал только приграничные районы соседних областей вдоль крупных магистралей и центры отдельных регионов с более благоприятным инвестиционным климатом (Калужская область). При снижении институциональных барьеров все области вокруг Москвы получают дополнительный приток инвестиций с целью создания товаров и услуг для огромного рынка столичной агломерации. Вторая составляющая – дорожное строительство для сокращения экономического расстояния, реализуемое государством в партнерстве с бизнесом.

Ускорение развития крупных городов-центров регионов. Растущий потребительский спрос будет стимулировать рост российских и зарубежных инвестиций в сектор услуг и пищевую промышленность крупных городов – региональных центров и их пригородных зон, этот спрос еще не насыщен. Первыми будут притягивать инвестиционные ресурсы города-миллионники и близкие к ним по численности, конкурируя за инвесторов. Это снизит гипертрофию Московской столичной агломерации, а конкурентное развитие городов-центров ускорит процесс модернизации муниципальных институтов.

Более активное использование преимуществ географического положения. Реализация преимуществ соседства с развитыми странами. В регионах, граничащих со странами Евросоюза, снижение барьерной функции границы и улучшение инвестиционного климата ускорит приток инвестиций в отрасли переработки. Это типичный тренд развития для приграничных регионов стран ЦВЕ, который не реализован в России из-за институциональных барьеров (ограничений для инвесторов, чрезмерного контроля пограничных территорий и др.).

Расширение географии преимуществ приморского транзитного положения. В отличие от западных и южных приморских регионов, приморские зоны более заселенных регионов Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Сахалин) слабо используют свои преимуществ из-за сильных институциональных барьеров

и слаборазвитой инфраструктуры. Снижение институциональных барьеров позволит привлечь инвестиции, в том числе иностранные, что при координации с рациональными инфраструктурными проектами государства создаст необходимые условия для развития бизнеса. Приток китайских инвестиций и контролируемое привлечение рабочей силы также будет содействовать росту экономики Дальнего Востока, особенно его крупных городов.

Использование ресурсных преимуществ. Расширение географии реализуемых ресурсных преимуществ с помощью совместных проектов (СРП, концессий) и использования западных технологий для ускорения развития ресурсодобывающих и транзитных регионов Европейского Севера (Мурманская область, Ненецкий АО и республика Коми), Сибири (ЯНАО, Красноярский край) и Дальнего Востока (Якутия, Сахалинская область).

Максимальное использование ресурсного преимущества плодородных и обширных земельных ресурсов. Снижение институциональных барьеров для развития агросектора и пищевой переработки регионов Черноземья и Европейского юга. Снижение транспортных тарифов для более удаленных от путей зернового экспорта регионов Поволжья и юга Западной Сибири. Поддержка государства с целью укрепления позиций российских производителей на мировом продовольственном рынке.

Концентрированное использование преимуществ человеческого капитала. Формирование центров инновационного развития за пределами Московской агломерации. Эту функцию могут выполнять несколько крупных городов страны (Томск, Новосибирск, Екатеринбург и др.) с сохранившимся научным потенциалом в разных областях науки. При улучшении инвестиционного климата они смогут получить венчурное финансирование, в том числе иностранное. В таких городах можно развивать учебно-научные комплексы (качественный университет и современные исследовательские структуры) с эффективной системой стимулирования научной деятельности. К сожалению, преимущество более качественного человеческого капитала недостаточно выражено в большинстве крупных городов России, поэтому таких инновационных центров будет немного. Тиражирование федеральных университетов без модернизации системы обучения и качества преподавательских кадров не дает результатов.

Рациональная интеграция социальной и региональной политики для поддержки периферийных территорий. Смена приоритетов региональной политики: государство не лезет в экономику (это невозможно на обширных периферийных пространствах), а создает условия для бизнеса и людей. Мерами региональной политики могут решаться две главные задачи: стимулирование мобильности населения и поддержка локальных центров роста с помощью инвестиций в инфраструктуру и институциональных мер.

Социальная политика должна снижать риски маргинализации и бедности. Потребуется обеспечить баланс двух задач. Первая – воспроизводство человеческого капитала периферийных территорий при оптимизации системы образования и здравоохранения в условиях депопуляции (укрупнение учреждений, дистанционные, мобильные формы), при этом сокращение сети должно быть постепенным, чтобы население могло адаптироваться. Именно регионам придется реформировать сеть социальных услуг, решения могут (и должны) быть разными. Вторая – развитие более эффективных форм адресной социальной защиты уязвимых групп на-

селения. Приоритет социальной поддержки людей важнее поддержки регионов, но переход к адресным формам возможен только при изменении федерального дизайна социальной политики.

3. Векторы модернизации, снижающие барьеры российского пространства

Анализ мирового опыта и пространственного развития России позволяет предположить три важнейших вектора модернизации пространства.

1. Ускорение диффузии инноваций (технологических, потребительских, информационных и др.). Процессы диффузии инноваций в пространстве идут тремя путями – по иерархической системе городов (от крупнейших к менее крупным) и в пределах агломераций – от их городов-центров в пригороды, а также от приграничных регионов с интенсивными глобальными контактами вглубь страны, хотя этот путь в России менее развит. Для ускорения диффузии необходимо снижать институциональные и инфраструктурные барьеры. Инвестиции в современную транспортную инфраструктуру «сшивают» пространство: центр агломерации и его пригороды, крупные города между собой и с менее крупными, а также с портовыми городами – «воротами» в глобальный рынок. Для ускорения модернизации приоритетны инфраструктурные инвестиции государства в территории, где концентрируются крупные города и население. Тем самым быстрее снижается экономическое состояние для бизнеса и большинства жителей страны.

Институциональные механизмы: городское планирование и горизонтальная координация развития территорий в составе агломераций (она лучше учитывает интересы территорий по сравнению с административным объединением); снижение коррупционных барьеров для бизнеса при выделении земли и выдаче разрешений на строительство в городах, финансовая самостоятельность городов, позволяющая более активно вкладывать средства в развитие инфраструктуры; реально избираемое и подотчетное населению местное самоуправление для более эффективного использования бюджетных средств и др. Во всем мире эти «рецепты» работают.

2. Конкуренция регионов и городов за инвестиции и человеческий капитал. Без конкуренции не может развиваться и модернизироваться не только рынок, но и пространство. Конкуренция регионов за инвестиции улучшает предпринимательский климат и модернизирует институты. Но есть два ограничения. Во-первых, инвестиции в сырьевые проекты нечувствительны к качеству региональных институтов: для крупных ресурсодобывающих компаний приоритетны иные факторы, а региональные институциональные риски минимальны, т.к. проблемы решаются на федеральном уровне. Во-вторых, конкуренция за инвестиции государства способствует улучшению региональных институтов только в том случае, если государство выделяет эти средства по прозрачным критериям.

В конкуренции регионов за инвестиции уже есть победители, улучшившие институциональную среду для привлечения инвесторов, хотя главным преимуществом остается их географическое положение (Калужская, Ленинградская области и др.). В большинстве случаев инвестиции идут туда, где есть нефть и газ, строятся нефтепроводы или реализуются политические проекты федеральных властей, модернизационный эффект которых весьма сомнителен. Высокодотационные регионы не испытывают необходимости в конкуренции и улучшении институтов, т.к. трансферты из федерального бюджета поступают бесперебойно. Без децентрали-

зации межбюджетных отношений иждивенчество неискоренимо и конкуренция регионов невозможна.

Модернизация неизбежно приведет к усилению региональных различий, но регионы-«победители» обеспечивают рост поступлений налогов в бюджеты и создают лучшие практики, которые можно распространять. Отставание «проигравших» регионов частично компенсируется трансфертами на социальные цели (образование, здравоохранение), а также адресной социальной политикой, нацеленной на помощь людям, а не регионам. Придется восстанавливать механизм контроля «снизу» и смены глав регионов с помощью выборов. При всех издержках выборов действующий механизм назначения еще менее эффективен по качеству управления, подтверждением служит бюджетная политика многих регионов в кризисный период.

Конкуренция за человеческие ресурсы неизбежно будет расти по мере усиления депопуляции. Конкурируют прежде всего крупные города, но преимущества столичной агломерации настолько велики, что она стягивает большую часть трудовой миграции. Крупные города, за исключением федеральных, являются муниципалитетами и жестко ограничены в полномочиях и финансовых ресурсах. Даже города-миллионники и близкие к ним по численности жителей очень слабо притягивают население из-за пределов своих регионов, не имея необходимых ресурсов для развития инфраструктуры и городской среды; создается мало качественных рабочих мест.

Основной барьер для роста конкуренции за инвестиции и человеческий капитал – сверхцентрализация системы управления и межбюджетных отношений, создающая минимум стимулов для развития регионов и городов. Внутри региона также существует барьер централизации полномочий и доходных источников на уровне региональной власти и бюджета, при этом больше всего ущемляются муниципалитеты крупных городов, где налоговые поступления выше. Для роста конкуренции, стимулирующей пространственную модернизацию, необходима децентрализация управления, изменение пропорций распределения налоговых поступлений в пользу регионов, а внутри них – в пользу городов.

Придется решать проблему регионов – получателей статусной ренты (налоговых доходов от штаб-квартир крупнейших компаний), незаслуженно выигрывающих от децентрализации. В основном это Москва, в 2000-е гг. – Санкт-Петербург, до 2011 г. – Тюменская область. На муниципальном уровне эта проблема может решаться с помощью механизма отрицательных бюджетных трансфертов для городов с ведущими промышленными предприятиями крупных ресурсодобывающих и металлургических компаний, налоги которых составляют основу не только муниципального бюджета, но и бюджета некоторых субъектов РФ.

3. Рост мобильности населения. Этот вектор воспринимается как один из важнейших экспертным сообществом и властями, но не является таковым для населения. Большинство россиян считают необходимым создание новых рабочих мест там, где они проживают, вне зависимости от конкурентоспособности территории. Однако в реальной практике большинство семей поддерживают миграцию своих выросших детей в крупные города на учебу и поиск более высокооплачиваемой работы. Еще одна форма с относительно низкими издержками для семьи – трудовые маятниковые миграции одного из взрослых членов с более длительным временным циклом (недельным в крупные города, сезонным на строительство, вахтовая занятость и т.д.), что позволяет увеличить радиус перемещений. Такие формы частично снижают напряженность на рынках труда слаборазвитых и депрессивных территорий и, в

силу относительно меньшей затратности для домохозяйств, останутся доминирующими как минимум на среднесрочную перспективу. В депрессивных моногородах в первую очередь должны поддерживаться мерами государственной политики учебные миграции молодежи и трудовые миграции отдельных членов семьи «на заработки» в другие города как наиболее эффективные способы снижения давления на рынке труда в условиях ограниченных финансовых ресурсов.

Для того, чтобы мигрировали домохозяйства, условия пока не созданы и они вряд ли сформируются в ближайшие годы. Необходимы более высокий уровень доходов населения, ликвидация института регистрации, развитые рынки жилья с низкими барьерами, широкая и гибкая система жилищного кредитования. Еще один барьер – низкие темпы создания новых, более качественных рабочих мест в крупных городах. Получается, что ехать людям не на что и незачем. Подтверждением стал фактический провал программы переселений Роструда в рамках антикризисной политики на рынке труда. Рассчитывать на быстрое изменение ситуации сложно, поэтому пока лучше делать ставку на те формы трудовой миграции, которые оказались наиболее жизнеспособными, одновременно снижая институциональные барьеры для всех форм миграций и переселения домохозяйств из депрессивных периферийных территорий.

Все три вектора пространственной модернизации – *пространственная диффузия инноваций, конкуренция регионов и городов, мобильность населения* – работают и без поддержки властей, но со «скрипом» и очень медленно. В России нужно сделать очень многое, чтобы они заработали в полную силу.

Култашев Н.Б., Колдунова Е.Н. (г. Тверь)

«ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ» КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Анализируя процесс развития идей в географии, Ю.Г. Саушкин рассматривал, прежде всего, его направленность: от констатации эмпирики, систематизируемой в сетках границ внутри двумерного пространства земной поверхности, к многомерному пространству геосистем (геоэкосистем, в т.ч. собственно ТСЭС) как подсистем глобальной экосистемы человечества [8.9]. Они возникли и изменяются в процессе освоения человеком многообразных форм земной природы. Их целостность обусловливается потоками вещества, энергии и информации между территориализованными человеческими коллективами и компонентами природы, с одной стороны, между самими людьми и между компонентами природы непосредственно с другой. Подчеркнем: ТСЭС в таком случае – это системы жизни человека; нераздельные единства всех форм деятельности, обусловливаемых состояниями среды жизни в целом и состояниями социальной реальности. Очевидно, что географическое мышление, будучи не только образным, кладущим свои суждения на карту, но и комплексным эволюционировало от познания факта существования простой территориальной дифференциации к изучению территориальных единств жизни человека в конкретных пространственно-временных условиях глобальной экосистемы. Соответственно, нельзя игнорировать и факт существования территориального сознания: последнее – предпосылка самоидентификации и мотивации про-

пространственного поведения человека в конкретных условиях. При этом территориальное сознание – мышление о территории – может рассматриваться и как географическое мышление населения территории. Разница лишь в том, что в отличие от профессионалов-географов в нем доминируют, прежде всего, обыденная (не теоретическая) компонента и прагматическая составляющая – определение смысла поведения. Иначе, географическое мышление как процесс – явление сложное: оно начинается с восприятия особенностей среды жизни на территории в обыденных формах содержания и формирования памяти о ней у всего населения и трансформируется в теоретические формы восприятия закономерностей территориальной организации (ТО) глобальной экосистемы у ученых.

Следует говорить о двух компонентах территориального сознания: с одной стороны, это – стереотип восприятия своей среды жизни всеми проживающими на территории. Для географии человека особенно важна другая компонента: способность групп людей – территориализованных субъектов действия – воспринимать себя как единое целое, как территориальную общность, как определенный пространственно-временный социум.

Способность воспринимать себя таковым связана с существованием явления общественной памяти. Память – элемент сознания, человеческая форма хранения и передачи информации об особенностях взаимодействия со средой. Она – регулятор информационного обмена в системе. Соответственно, коллективная память предполагает наличие коллективного сознания. Коллективная память как атрибут социума – явление само по себе абстрактное. Непосредственно оно проявляется в особенностях жизни, реального поведения групп людей. Ее состояние зависит от длительности проживания на определенной территории, от устойчивости социума. Так, от абстрактного представления о коллективном сознании последнего мы вновь возвращаемся к представлению о территориальном сознании.

Оно вытекает и из приложений формализованных теорий конца XX в. [6 и др.] к реальным процессам человеческого бытия, и из более ранних взглядов историков: В.О. Ключевский полагал, что путь к началу истории народа должно указывать первое, что народ сам о себе запомнил: «В народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие почувствовал себя единым целым» [5, с.11]. Иначе, начало истории территориальной (реально существующей) общности населения связано с удержанием в коллективном сознании (в народной памяти) событий, в которых он посредством кооперативного действия воспринял себя как единое целое – осознал себя. – Сознание народа оказывается в данном случае системообразующим фактором. В итоге, события «выводят составные части народа из разрозненного состояния, соединяют его силы для какой-либо общей цели и закрепляют это соединение какой-либо связующей, для всех обязательной формой общежития» [5,с.22].

Сосуществование на территории групп населения через целеполагание и совместные действия приводят от фактов осознания единства целого к формированию реального целого – территориальной системы. В терминах теории Н.Н. Моисеева [6] речь идет о переходе от состояния пространственной дивергенции к состоянию пространственной конвергенции - к кооперированию, к системообразованию – двум нераздельным составляющим мирового синергетического процесса. Условие – совместная деятельность, предпосылки которой – территориальное сознание и целеполагание в конкретных условиях.

Гордо заявив «*Ergo, cogito sum*», Р.Декарт вместе с тем построил свою гносеологию таким образом, что разделил в едином человеке телесное и духовное начала. Изучение первого он считал делом науки, второе было передано в ведение церкви. Картезианские представления, в целом преодоленные наукой и философией к концу XIX в., неожиданным образом порой продолжают проследиваться во взглядах авторов бесчисленных индивидуальных «парадигм» в отечественной географии в начале XXI в.

Отдавая должное вкладу Р.Декарта, И.Ньютона в развитие науки и философии, Ю.Г.Саушкин вместе с тем последовательно и постоянно анализировал меру допустимости их взглядов в формирование оснований современной географии.

Вопрос о территориальном сознании имеет серьезное общенаучное значение, хотя бы потому, что в литературе, не имеющей прямого отношения к геонаукам, мы сталкиваемся с анализом проблемы «регионального сознания». Состояние последнего оказалось в частности одним из факторов, решившим (по мнению немецкого ученого Э.Клюга) исход исторического противостояния Великих княжеств Московского и Тверского [4, с.316-325 и др.].

У вопроса две стороны, формальная и содержательная. Под территориальным сознанием мы понимаем специфический круг проблем жизни, отраженных мышлением населения, проживающего на территории. Оно не может быть сознанием индивида – это коллективное сознание, сформировавшееся в процессе систематического длительного взаимодействия. Это – форма социального сознания, поскольку присуще некоторому социуму-коллективу людей, взаимодействующих хотя бы по поводу совместного использования территории. Однако, социологическая традиция не позволяет отождествить социальное сознание только с общественным: исторически установилось так, что под обществом чаще всего понимаются социумы, соответствующие по масштабам прежде всего государственным образованиям. Иначе: общественное сознание – лишь один из конкретных вариантов социального (в т.ч и территориального сознания). Так определяется иерархическое место явления «территориальное сознание»: под ним понимается сознание социумов, т.е оно надиндивидуально. Представление о нем некорректно распространять на сознание лишь общества: это понятие может быть применено к нескольким иерархическим уровням ТО общества, начиная с локальных сообществ и кончая уровнем ниже государственного: пространственные масштабы социумов очень разнообразны.

Пути науки, тем не менее, неисповедимы: реально существующие объекты, абстрагируясь от пространства-времени бытия, она может представить в форме сущностей. И тогда оказывается, что не все коллективы территориализованы: существуют культурные системы, не полностью совпадающие с социальными системами, включая и общество. Например культурная система, сложившаяся на базе западного христианства институализирована во множестве стран и в силу этого представлена множеством субкультур. Последние, оказываются важными структурами соответствующих территориализованных социумов [7, с. 22]. То же самое следует сказать и о различных формах научного мышления – они интернациональны.

В географии (признанной науке о территории) давно сложилось убеждение в том, что сознание как таковое, прежде всего относится к не варьирующим в пространстве явлениям – в рамках «критериев географичности». С этим можно согласиться до того момента, пока речь идет о сознании как таковом – как о сущности. Но оно и не существует самостоятельно(если не иметь ввиду предельные абстракции типа гегелевского Духа): существует сознание индивида и коллективов разного

масштаба. В нашем случае нас интересует пространство социумов – самостоятельных групп людей, связанных по крайней мере совместным использованием территории: все реальные социумы территориальны и само по себе словообразование «территориальное сознание» оказывается, вроде бы, нонсенсом. Фактически, однако, известно, что сознание социумов существенно различается в пространстве: в силу исторических, этнографических, экологических и других причин конкретные социумы весьма различаются по путям своего развития и его уровню: москвичи, поморы, аборигены Австралии по разному организуют свою жизнь на своей территории. Соответственно, и состояния их сознания очень различны. В таком случае необходимо иметь ввиду, что можно говорить о понятии «сознание социума» как родовом – абстракции от конкретного и нельзя говорить то же самое о «территориальном сознании» – оно всегда индивидуально (любая территория всегда индивидуальна). Предположение о том, что какая-либо территория без социума располагает собственным сознанием бессмысленно.

Иначе, если речь идет о территориальном сознании как сущности, то это означает лишь одно: речь идет о сознании некоего абстрактного социума. Отражение в сознании индивидов специфических свойств территории (среды жизнедеятельности) неизбежно, ибо вне территорий социумы не существуют. Это органически и отражено, в частности, в модели системы действия Т.Парсонса. Но в данном случае возникает методологический вопрос о соотношении представлений теоретической социологии – науки о сущностях географии человека – науки о конкретных формах его бытия. Это – извечная и нерешенная до сих пор проблема логики и теории познания, проблема восхождения от абстрактного к конкретному. Будем исходить из того, что упомянутую модель можно рассматривать как абстракцию фундаментальных свойств ТСЭС – если согласиться с тем, что в основаниях знания о социально-экономических системах должны присутствовать адекватные представления социологии. Из этой модели, соответственно, ясны место и роль сознания социумов в человеческих системах – их интеграция через обеспечение управления их функционированием.

Совместная деятельность людей приводит к синергетическому эффекту: коллективное сознание оказывается не сводимым к сумме индивидуальных сознаний. Оно превращается в единое сознание, определяющее поведение коллектива; в объективную силу, независимую от индивидуальных волей.

Э.Дюркгейм утверждал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь: ее можно назвать коллективным или общим сознанием» [3, с. 306]. Он исходил из того, что общество является независимой от индивидов – наиндивидуальной – реальностью. Из выдающейся роли коллективного сознания в обществе вытекает, в частности, идея коллективного субъекта действия. Руководящая наиндивидуальная роль коллективного сознания сохраняется на разных иерархических уровнях территориальных систем. Содержание территориального сознания не может быть сведено только к подчинению безличной воле общественного сознания, к мотивации поведения индивидов только усвоенными правовыми и моральными нормами общества: территориальное сознание порождает особенности самоидентификации личности как члена территориальной общности – в рамках норм индивиды, коллективы, конкретные социумы определяют свое поведение сами. И тогда мы обязаны обратиться к общенаучному принципу круговой причинности: не только макроуровень системы в силу действия законов подчинения опре-

деляет поведение микроуровня, но и ее микроуровень (в случае коррелированного поведения всех или определенной части элементов) может изменить направленность поведения макроуровня.

М. Вебер, в частности, утверждал, что мотивация деятельности индивида связана с такими понятиями, как «смысл деятельности» и «повседневность» [1, с. 78 и др.]. Определяя свое поведение, индивид исходит не непосредственно из своих целей, а из определения смысла. Сам по себе смысл – это некоторая оценка индивидом соотношения своих намерений и намерений других индивидов. Естественно, что «уровень» смысла как оценка в сильной степени зависит от состояния этого сознания: внешние факторы смысла опосредуются субъективными переживаниями, представлениями, набором целей самого индивида – он образуется соотношением эмоционального (психического) и рационального (сознанием, разумом). Исключительно важна при этом роль состояния повседневности – того, что есть «нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени» [2, с.123], – словом то, что не «выбивает из колеи».

Соотношение собственных намерений с намерениями других индивидов осуществляется через оценку социальной реальности – всей совокупности объектов и событий внутри социокультурного мира, понимаемого как опыт обыденного сознания людей, живущих среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями взаимодействия. Следует согласиться с А.Шюцем: социальная реальность – мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти точку опоры и с которым должны наладить взаимоотношения. – «Социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, которые реальны, поскольку индивиды сами для себя их определяют, хотя от чувственного наблюдения они ускользают» [12, с.485–486]. Вера, убеждения – элементы более общего явления, опыта обыденного сознания – очень важной структуры социальной реальности, идеальной компоненты здравого смысла. Обыденное сознание (в т.ч. как компонента географического мышления): а) фрагментарно, ограничено определенными участками социальной реальности – в отличие от теоретического знания; б) часто непоследовательно; представляет все степени ясности и отчетливости – от глубокого понимания до простой осведомленности или даже до слепой веры в вещи, принимаемые за саморазумеющиеся, что и оказывается предпосылкой мифологизации реальности; в) различно у различных людей и различных социальных групп; г) социализировано. Несмотря на отмеченные особенности, однако, полагают, что обыденного знания повседневной жизни достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с социальной реальностью – непосредственно данной индивиду в отличие от мира коллективного сознания.

Заключая вопрос о факторах смысла, следует констатировать (с учетом особенностей строения социальной реальности и индивидуальности повседневности), что сколь рациональны не были бы изначальные цели, их трансформация в смысл может привести к поведению весьма далекому от целерационального. Впрочем, здесь все очень индивидуально и сильно связано с особенностями территории: состояние социумов, их устойчивость очень сильно зависит от того, насколько дифференцированы эти социумы на коллективы и институты. Низкий уровень дифференцированности – предпосылка дестабилизации социума. Но этот уровень сильно зависит от того, какой смысл вкладывают индивидуальные сознания в свои дей-

ствия, насколько правильно они понимают тенденции развития своего социума, в какой мере активны их намерения.

Реально, функционирование территориального сознания, его эффективность зависят от содержания проблем территории: очевидно, что этот процесс сильно различается в Москве, Тверском, либо Смоленском Верхневолжье; на Северном Кавказе и т.д.

Неизбежен вопрос о сфере применения знаний о территориальном сознании. Но ответ на него очевиден: в 70-е годы по инициативе Б.С. Хорева и других коллег Ю.Г. Саушкина был поставлен вопрос о востребованности географии управления. Эпоха централизованного управления – в той форме, какой она сложилась в нашей стране в XX в. – миновала. Но, с одной стороны, самоорганизация (в т.ч. территориальная) населения – форма самоуправления и неизбежный фактор управления. С другой стороны, все более настойчивыми становятся мысли об использовании опыта форм управления фирмами на Западе, в региональном и прочих видах управления у нас. Говорят и об использовании положительного в забываемом ныне собственном опыте. Не чужды эти мысли и географам [10,11].

Библиографический список

1. Вебер М. Образ общества: Избранное. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
3. История теоретической социологии: Социология века. – М.: т. 2. 1997. – 448 с.
4. Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485). – Тверь, 1994. – 432 с.
5. Ключевский В.О. Русская история. – М.: Эксмо, 2009. – 912 с.
6. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. – 1990. – № 6.
7. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
8. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 424 с.
9. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980. – 269 с.
10. Социально-экономическая география: традиции и современность / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. – М.: Смоленск: Ойкумена, 2009. – 347 с.
11. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. Материалы междунар. научн. конференции. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с.
12. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

Корпусов И.М. (г. Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ

Цель данной статьи не столько глубоко проанализировать конкретные географические аспекты изучения религий, сколько постараться собрать и систематизировать географические факторы, воздействующие на религиозную сферу.

I. Терминологические и понятийные сложности, связанные со спецификой объекта изучения.

Вопрос о географичности такого предмета изучения, как религиозная сфера носит непростой характер и, очевидно, имеет яркую специфику, вытекающую из качеств такого феномена человеческой жизни, каким является религия.

Существует как минимум два типа определений самого предмета исследования. Первое можно вывести из самой сути религии, определив ее как «организованное поклонение высшим силам. Такое поклонение – будь то поклонение чувственное, материальное или же служение в Духе и Истине – предполагает несомненную для верующего сознания реальность тех высших сил, которым оказывается почитание». [6] Второе, более внешнее определение, рассматривает религию как «одно из направлений мирового общественного сознания» [6].

Первое определение сулит серьезные трудности для любого исследования, поскольку содержит категории, подлинность которых не может быть установлена или опровергнута научными методами. Однако, эти сущностные для любой религии вопросы могут быть выражены внешне: в поведении людей, их личном самоопределении по отношению к какой либо религии, объектах или местах поклонения, религиозном искусстве, институциях и т.п.

Чаще всего литература, касающаяся вопросов распространения религий, апеллирует к религиозному самоопределению людей, живущих на какой-либо территории, что может быть выражено, например, картографическими методами или некими общими определениями типа «Испания – католическая страна» или «Россия – православная страна», «исламский Северный Кавказ» и т.п. При ближайшем рассмотрении эти определения или картографические обозначения оказываются относительными. Если взять более точные данные, касающиеся поведения верующих, знания ими основ своего вероучения, мы получим цифры, серьезно отличающиеся от социологического самоопределения. Например, по России при колеблющихся около 60% определившихся к православию, доля населения, отвечающая минимальным церковным требованиям, составляет не более 6% [8]. Или во многих городах России число практикующих православных может быть меньше, чем число практикующих протестантов и суммарной численности представителей других религий. Между тем, в массовом сознании и даже в научной и учебной литературе эти территории могут быть отнесены к традиционно православным. При этом надо сказать, что подобное расхождение номинальных и практикующих верующих почти на порядок характерно в основном для России. В западных странах такое явление тоже имеет место, но в значительно меньшем масштабе.

Сложность определения объекта изучения в данной теме состоит еще и в вопросе о том, что считать религией и религиозным, где проходит граница между религией и другими формами сознания. Например, в России, как в США и Европе, распространены религиозные организации, которые предпочитают именоваться научными или культурными сообществами. Многие религиозные учения именуются «науками», излагаются с обильным использованием естественнонаучной терминологии, смешанной с нововведенными основателями этих учений понятиями. Многие современные объединения «фанатские» группировки бонельщиков, фирмы, практикующие сетевой маркетинг и т.п., очевидно несут в себе черты, свойственные религиозным объединениям. В опыте XX века известны идеологии, в основном тоталитарного характера, в которых можно найти достаточно много чисто религиозных черт. Религиозное, как явление неоднородно и различно не только по своему вероучению, но и нравственной направленности. Все это делает границы религиозного менее четкими, и создает трудности в определении объекта изучения.

II. Влияние географических факторов на религиозную жизнь.

Рассматривая историю и современную практику различных религий можно установить несколько основных факторов, оказывающих влияние на религиозную жизнь и имеющих географический характер.

1. Природные, физико-географические условия.

- доступность различных территорий имела воздействие на распространённость тех или иных религий;
- различные природные условия влияют на второстепенные стороны религиозной жизни, обрядовые установления. Например, по тем предписаниям о постах, которые имеются в православной церкви, очевидно, что они формировались в районе восточного средиземноморья. В процессе распространения православия среди народов северо-восточной Сибири, Аляски встал вопрос об изменении данных предписаний, которые невозможны для народов, рацион питания которых построен исключительно на рыбе и мясной пище. Или, например, известное положение Корана о посте в священный месяц рамадан (нельзя есть до захода солнца) требует коррективов для мусульман, живущих за полярным кругом, так как время рамадана перемещается по годовому кругу и выпадает и на летний период. Мировые религии легко находят решения такого рода вопросов, так как такие проблемы имеют для них периферийный характер.

2. Религиозная символика и ландшафт.

В жизни многих религий важны вопросы соприкосновения с ландшафтом:

- во многих религиях, особенно пантеистических, сакрализуются природные объекты, орографические или гидрографические объекты;
- выбор почитаемых мест часто определяется их природной необычностью;
- в христианстве и других религиях важной составляющей религиозного восприятия мира является эстетика. Умение вписывать храмы, религиозные символы в существующий ландшафт отмечается многими исследователями;
- целенаправленное формирование культурного ландшафта, визуальное выделение зданий и объектов религиозного характера. Символические элементы в планировке городов (город Кашин в XVI–XVII вв., дореволюционная Тверь и т.д.).

3. Размещение.

Вопросы распространения религий и масштабы такого распространения оказывают неизбежное влияние на религиозную жизнь. Наиболее распространенные религии, как правило, обладают наиболее богатым опытом разнообразия религиозной жизни. Например, православие в России и православие в Африке при сходстве вероучения серьезно отличаются по образу традиционного благочестия и обрядовой практики. Этот общий принцип будет справедлив для любой крупной конфессии. Локальные культы, как правило, не сталкиваются с такими вопросами.

4. Взаиморасположение ареалов распространения религий.

Фактор взаиморасположения различных ареалов распространения религий создает возможность взаимного влияния друг на друга, примерами такого влияния могут служить:

- обмен различными религиозными идеями в зонах соприкосновения ареалов распространения. Например, все крупные деятели движения иконоборчества в Византии происходили из районов, пограничных с завоеванными

мусульманами территориями, где распространялись свойственные исламу взгляды на иконопись;

- появление новых религиозных течений в зонах соприкосновения различных религий. Это возникновение в северной Индии сикхизма, имеющего в себе черты ислама и индуизма, появление на ближнем востоке течений, несущих в себе черты смешения ислама и христианства, таких как, например, алавиты (Сирия);
- нахождение внутри ареала господствующей в обществе религии другого религиозного меньшинства, что, как правило, приводит к более четкой самоидентификации у представителей последнего;
- жизнь представителей одной и той же деноминации может меняться в зависимости от нахождения в «тыловой» части своего ареала или на зоне соприкосновения. Например, жизнь Казанской епархии РПЦ по многим параметрам отлична от другой части той же Русской православной церкви [3];
- поддержание религиозной традиции может поддерживаться компактным характером расселения представителей различных конфессий. Например, исламские анклавы в пригородах крупных европейских городов.

5. Расселение

Общая картина расселения влияет на географию распространения основных религий. Это проявляется в ряде явлений:

- различия в уровне религиозности в зависимости от размеров населенных пунктов. В России отмечаются различия в уровне и формах религиозной жизни в городах и сельской местности. Если в начале XX века уровень религиозности в сельской местности был выше городского, то в конце – прямо наоборот. Можно даже отметить некоторую корреляцию процента верующих от размера населенного пункта.
- крупные города и опорный каркас расселения определяют общую картину распространения религиозных новаций. Новые религиозные движения зарождаются (или усваиваются в случае прихода из-за рубежа) прежде всего в крупных городах и распространяются в другие города и в зоны, прилегающие к магистралям, их соединяющим.
- можно отметить закономерности распространения различных религиозных деноминаций в зависимости от размеров населенных пунктов. Например, в России, представители католической церкви присутствуют в крупных городах. Протестантизм «освоил» уровень малых [3]. В целом, наблюдается предсказуемая закономерность увеличения разнообразия религиозной жизни с увеличением людности городов.

6. Религия как часть комплекса общественных отношений, сложившихся на определенной территории:

- на каждой территории религия занимает особое, присущее для данной территориальной общности место. Религиозный фактор может быть определяющим в сфере культуры, политики, экономики. Например, экономическое развитие пгт. Дивеево в Нижегородской области можно объяснить исключительно религиозными причинами. Это формирование культурного облика разных штатов США, например Юта (мормоны), южные штаты (баптизм), ряд территорий Пенсильвании, Огайо, Индианы (амиши). Религия может занимать разное положение по отношению к обществу и государству. Напри-

мер, католицизм во Франции и Ирландии. Шиитский ислам в Азербайджане и в соседнем с ним Иране. Различные территории можно рассматривать как сложившиеся комплексы подобных отношений религии, общества, культуры, государства и т. д.;

- с другой стороны, государство и общество оказывают влияние на характер религиозной жизни, и даже на её распространение. Таким примером могут быть атеистическая политика тоталитарных государств или распространение «Теологии освобождения» среди католиков Латинской Америки.

7. Разного рода пространственные процессы:

- миграции в современном мире оказывают на распространение религий более существенное влияние, чем миссия. Распространение ислама в Европе происходит в основном по закономерностям, связанным с миграционными процессами;
- в ряде случаев массовые миграции могут приводить к существенной ломке механизмов и институтов передачи религиозных традиций, как например, в случае массовой и ускоренной урбанизации в СССР в 30–50-е годы XX века.

8. Демографические факторы.

- динамика численности различных религиозных групп, которая сама зачастую религиозно детерминирована, может приводить к изменению религиозной ситуации в рамках государств или иных территориальных объединений. Таким примером может служить современный Израиль;
- известна различная распространенность разных деноминаций среди возрастных или иных групп. Например, наиболее «молодежная» религия в России – это ислам, наиболее «женская» православие и т.п. [8];
- различные демографические процессы могут повлиять на механизмы передачи религиозных традиций. Так, на первых стадиях демографического перехода, когда количество молодежи, то есть восприимчивых традиций, резко возрастает, меняется их соотношение с носителями традиции. Такого рода процессы описаны рядом ученых и философов, например Ортега-и-Гассет [2].

В целом, перечень вопросов, относящихся к географическим факторам формирования религиозной сферы, может быть продолжен. География может предложить интересный подход к объяснению процессов, происходящих в религиозной жизни. Этот подход самостоятелен и может быть весомым дополнением к комплексу знаний о сложном феномене религиозности.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. О перспективах христианства в Европе: попытка ориентации // Православная община. – 1994. – №19.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2003.
3. Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. – М.-СПб., 2002.
4. Сафронов А.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России. Автореферат диссертации кандидата географических наук. – М. 1998.
5. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – № 7.
6. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995.
7. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2 – М., 1995.
8. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века. – М., 2006.

Кочуров Б.И., Лобковский В.А.,
Смирнов А.Я. (г.Москва)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА И РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В последние десятилетия прошлого века и первые нынешнего, фокус внимания географической науки все более сосредотачивается в направлении сложных систем, а также явлений самоорганизации в природе и обществе и присущего им синергетического эффекта.

Природопользование – спонтанно формирующаяся система, возникает на определенной территории, специфика которой (географическая, геополитическая, биоклиматическая, геолого-геоморфологическая) существенным образом обуславливает особенности поведения, самосознания и характера бытия ее населения (социума). В процессе освоения природной среды формируется адекватная культура социума, которая приобретает определенные социальные формы, институциональную структуру [1].

В свете вышеизложенного особенно важным становится обоснованность методологии и арсенала методов научного анализа современных природно-хозяйственных систем. Целесообразным представляется комплексный эколого-ресурсный подход, который позволяет в наибольшей степени раскрыть усложняющиеся процессы реальной действительности.

Природопользование как система относится к числу сложных систем, которым свойственны региональные особенности, обусловленные спецификой территориальной организации хозяйственной деятельности, расселения, географического положения и исторического развития.

Системному изучению, системному подходу к изучению общества и природы большое внимание уделял выдающийся географ Ю.Г.Саушкин. Он писал: «Система не есть гармоничное целое. Гармония не есть необходимый признак системы. Есть системы растущие, развивающиеся, гибнущие. Системы во многом противоречивы в своем развитии. Внутренние противоречия – один из признаков системы. Познавание этих противоречий – одна из задач науки ...» [2].

Системный подход в географии, таким образом, направляет нас на исследование не только территориальных различий в природопользовании, но и на изучение связей, процессов разнородных явлений в такой сложной системе как природопользование.

Особенно такой подход важен при рассмотрении регионального природопользования. Его можно охарактеризовать как процесс, представляющий собой целенаправленную последовательность действий, ограниченную привлеченными ресурсами. Целевая функция такого природопользования должна состоять в стремлении к сбалансированному соотношению системных показателей (производства, ресурсов, качество окружающей среды, благосостояние человека и т.д.).

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, в России территориальная организация природопользования формируется без ясных целей, часто хаотично и стихийно. Отличается несбалансированность целей, ресурсов и мер, а также отсутствие системы синхронизации их измерений, что приводит к росту рисков финансового и экономического кризисов.

Хозяйственные структуры в так называемый «переходный» период функционируют и развиваются иначе, чем в условиях плановой экономики. Происходят мощные перемены в природопользовании, приводящие к неоднозначным результатам и эффектам. Как позитивным, так и негативным. Так деньги заменили товар и стали главным товаром и далеко не всегда обеспечены чем-то реальным – товарами, услугами, средствами производства, землей, полезными ископаемыми.

Высокая скорость социально-экономических перемен, их глубина и неоднозначность задают новые исследовательские цели и задачи, прежде всего, в географии, формирование новых подходов и адекватного инструментария к разработке путей решения возникающих проблем.

Привычные социально-экономические и экологические показатели и индикаторы, использующиеся достаточно широко в научных исследованиях и на практике, не всегда оказываются «чувствительными и полезными». Так на повестке дня давно стоит задача идентификации пределов внутреннего валового продукта (ВВП), как показателя экономического развития и социального прогресса. Необходимо формирование новой системы показателей социально-экономического развития, отражающих весь спектр экономических, социальных, культурных, экологических укладов в регионе.

Крайне важен выбор критериев и показателей успешности социально-экономического развития, эффективности природопользования и состояния окружающей среды. С этим напрямую связана эффективность управления социально-экономическим развитием страны, в которой с современных позиций выделяют уровни планирования ресурсов, проектного управления, процессного управления, управления архитектурами и потенциалами, то есть управление приобретает не двухмерное, а трехмерное, четырехмерное планирование.

На наш взгляд [3], необходимо, опираясь на фундаментальные достижения географии и смежных наук, провести системный анализ современного природопользования с позиции его эффективности как основного результата общественно-производственной деятельности.

Эффективность природопользования создается трудом населения региона, в пределах территории региона, путем переработки предмета труда – региональных запасов природных ресурсов и сырья в экономически значимые привлекательные полезности или рыночный товар.

Эффективность природопользования определяется как соотношение результатов хозяйственной (региональной) деятельности P и затрат на их достижение Z , выраженных в сопоставимых единицах: $E = P / Z$. Следовательно, эффективность есть безразмерная величина, число, показывающее, во сколько раз увеличится отдача единицы затрат ресурсов за счет их рационального использования.

Эффективность возникает в процессах хозяйственной деятельности, которые характеризуется своими основными показателями: целями постановки процесса, способами достижения целей, затратами ресурсов на реализацию целей.

По традиционному монетарному подходу, широко применяемому в науке и практике, под эффективностью использования природных ресурсов понимают отношение доходов от потребления и расходов на это потребление природных ресурсов и сырья. При этом, способы преобразования расходов в доходы рассматриваются как «черный ящик» с расходами на его входе и доходами на его выходе. Однако, использование для оценки эффективности региональной деятельности только денежного, монетарного подхода маскирует значение источников денежных по-

токов. А это региональные потенциалы живого квалифицированного труда, средства труда, потоки предмета труда (природных ресурсов и сырья), результата труда (продукции и услуг). В условиях нормальной рыночной экономики денежные потоки и их источники взаимосвязаны и обуславливают друг друга, как предполагается, справедливыми соотношениями. В нынешних же существующих в России условиях несвободного рынка, эти соотношения считать справедливыми наивно. Поэтому, для оптимизации управления российскими соотношениями «деньги и их источники» необходимо сопоставлять традиционный монетарный и предлагаемый нами натуральный подходы расчетов эффективности природопользования.

В Институте географии РАН и в некоторых университетах и НИИ страны (Липецкий государственный педагогический университет, Кузбасская государственная педагогическая академия, НИИПИ Генплана Москвы и др.) в течение ряда лет проводится мониторинг эффективности регионального природопользования, охватывающего следующие направления: 1) региональное природопользование как процесс преобразования природных ресурсов в востребованные привлекательные полезности – рыночный продукт; 2) креативная активность населения и добродетели народа; 3) культура природопользования как фактор общенациональной безопасности; 4) РФ как система справедливого и высокоэффективного природопользования [4].

Итак, либо эффективное природопользование – путь строительства великой, процветающей России, локомотива и лидера мира Кротких, либо деградация России на задворках свободного (безответственного) общества потребления, превращение ее в обезлюдившую мировую помойку и плохо охраняемый склад сырья развитых экономик. Выбор за нами.

Наиболее значимыми показателями эффективности природопользования являются:

- креативная (творческая) активность населения, в которой различаются два направления: общенациональное (ОКАН) и индивидуальное (ИКАН);
- соотношение между производственным (прибыль-образующим) (ПОС) и экологическим (затратным) секторами (ЗЭС) экономики;
- соотношение между натуральной (НЭП) и монетарной (МЭП) эффективностью хозяйственной деятельности.

Сбалансированное соотношение вышеуказанных показателей определяет устойчивое высокоэффективное и справедливое природопользование. Установлено, что рациональное и гармоничное соотношение основных показателей регионального природопользования создается при следующих условиях:

$$1 < (\text{ЭПОС}/\text{ЗЭС}) < 1,5 \quad (1);$$

$$1 < (\text{ОКАН}/\text{ИКАН}) < 1,5 \quad (2);$$

$$1 < (\text{НЭП}/\text{МЭП}) < 1,5 \quad (3).$$

Если в рассматриваемых соотношениях (2 и 3) преобладает знаменатель над числителем, то возникает кризисная ситуация (спад производства, финансовые затруднения и т.п.), но создаются уникальные условия для развития инновации – экотерриторий. К таким регионам относятся (2008–2009 гг.) Брянская, Ивановская, Орловская области, Республика Адыгея, Республика Марий-Эл и др.

Во время финансового кризиса 2008–2009 гг. регионы России по направлениям развития распределялись по трем группам:

«Обработка (производство)». Природа как предмет труда. Развитие производственных отраслей реальной экономики, прибыль-образующего и затратно-эколо-

гического секторов. Антикризисное развитие от самоотверженного труда к гармонии производственных интересов.

«Эко-развитие». Природа как среда обитания. Развитие особо охраняемых природных территорий (ООПТ), рекреации, туризма, эко-агрокомплексов и т.п. Развитие происходит от кризисного состояния к гармонии экологического развития.

«Потребление». Природа как средство обогащения. Развитие от гармонии согласованного равенства интересов к дисгармонии предкризисного накопления денег и далее к после кризисному опустошению и за счет изъятия денег из социальных и производственных сфер.

Исходя из системности – важного фактора организации взаимосвязей производственных и социальных процессов – мы выделяем три группы регионов: системы, – целостности, обладающие системной эффективностью; агрегации – целостности, не обладающие системной эффективностью; хаос – формации, не обладающие ни целостностью, ни системной эффективностью. На основе этого удалось представить федеральные округа и входящие в них субъекты как формации «система», «агрегация», «хаос». По результатам расчетов 2006–2010 гг. наиболее близким приближением к формации «система» высокоэффективного природопользования нами был определен Уральский и Поволжский федеральные округа. Наиболее отдаленным от формации «система» был Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа – «хаос». Сибирский и Южный федеральные округа были отнесены к формации «агрегация».

Библиографический список

1. Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность регионального природопользования: методические подходы // Проблемы региональной экологии. – 2008. – №3. – С. 61–70.
2. Саушкин, Ю.Г. Что такое экономико-географическое открытие // Экономическая и социальная география на пороге 21 века. - Смоленск: изд-во СГУ, 1997. – С.134–152.
3. Б.И. Кочуров, В.А.Лобковский, А.Я.Смирнов, Л.Г.Лобковская. Экодиагностика и эффективное природопользование в системе «население-территория-ресурсы-экономика» // Проблемы региональной экологии. – 2010. – № 5. – С.42–50.
4. Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность регионального природопользования и финансовый кризис в России // В сб. Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 1. Сб. науч. тр. ИНИОН РАН Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М., 2010. – С. 607– 615.

Крылов М.П. (г. Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ (современные коллизии общественно-географической мысли и некоторые особенности творческого наследия Ю.Г. Саушкина)

О теоретической географии и теории географии. Общеизвестно, что для творческого наследия Ю.Г. Саушкина проблема построения теоретического основания общественной географии и географии в целом очень важна. Сейчас эта позиция, почти традиционная для нашей науки, подвергается испытаниям. Нельзя согласиться с мнениями коллег-географов о якобы объективном уменьшении роли теории на

том основании, что заказ государства на теорию резко сократился, а саму «географию полностью захлестнул поток прикладных исследований, не оставляющих места для теории» (например, Теория..., с.94, также с.21, 30, 32, 66–67). Наша аргументация может быть сведена к следующему.

Во-первых, неверно, что современный социальный заказ исключает теоретический поиск. Как правильно отметил А.Н. Пилясов (Теория..., с.17), важнейшим упущением российской общественной географии является «то, что не выработано целостного представления (новой теории) о ... роли пространственных факторов формирования и модернизации российской экономики... Между тем, все возможности, а главное – спрос на рождение такого представления явно был». (В экономике теорию учета специфики России разработал акад. РАН В.М. Полтерович).

Во-вторых, новые реалии уже сами по себе должны стимулировать и активно стимулируют теоретический поиск в социологии, этнографии и смежных областях географии. После 1991 г. обнаружилась новая или всплыла «из-под глыб» культурная специфика России (например, проблемы идентичностей). Здесь – огромное поле деятельности для теоретика, проводящего эмпирические исследования.

В-третьих, не надо забывать о том, что любые прикладные исследования (равно, как и учебный процесс) базируются на определенных теоретических и методологических основаниях, экспертиза или ревизия которых есть постоянно актуально теоретическая задача, вне которой обоснованность прикладных разработок более чем проблематична.

В руках прикладника и исследователя всегда имеется «веер теорий и концепций». Поскольку руки и мозг прикладника обычно скованы, то, по крайней мере для исследователя, нужна более общая теория, стоящая «выше» географии, социологии, экономики и этнографии. Но в этой теории должна быть географическая составляющая – назовем ее теоретической географией.

Представляется, что отставание в теории – не результат ослабления внимания к специальным, чисто теоретическим, исследованиям, а следствие отсутствия целенаправленных и теоретически осмысленных эмпирических исследований, отсутствия обобщения результатов региональных исследований в смежных науках. Слабое внимание к теории – это не новость, но традиция российской вузовской, но никак не академической, науки. Сказанное относится к теории географии. Теоретическая же география должна быть создана усилиями энтузиастов (например, в духе Б.Б. Родомана) и развиваться в рамках специальных теоретических исследований. Поэтому казавшаяся парадоксальной и не вполне понятной, если отвлечься от принятого тогда противопоставления «марксистско-ленинских основ» и теоретического раздела математического моделирования, идея Ю.Г. Саушкина о разделении теории географии и теоретической географии получает методологическое оправдание.

В последнее время вопрос о теоретической географии вновь актуализировался в неожиданно резкой форме, а именно – в критике В.А. Шупером понимания теоретической географии В.Л. Каганским и Б.Б. Родоманом. Как известно, В.А. Шупер отождествляет теоретическую географию с математической географией, В.Л. Каганский – с общей теорией культурного ландшафта. Однако указанные варианты теоретической географии не учитывают актуальную проблему инвентаризации результатов исследований. Необходимо знать сферы применимости различных утверждений, их соотношение, соподчинение и возможные противоречия – с тем, чтобы выявить совокупность некоторых «бесспорных истин» (не путать с пре-

зупциями и аксиомами - !). Сама эта «беспорность» должна быть предметом научного обсуждения. Нужен некоторый минимум теоретических знаний, к которому географы-обществоведы могли бы апеллировать, подобно тому, как физики ссылаются на второе начало термодинамики и другие физические законы, которые «не разрешают» выдвигать некоторые противоречащие этим знаниям конструкции.

Современное многообразие общественно-географических дисциплин, возможно, превосходит многообразие географических дисциплин Геофака МГУ 1970-х гг.; соединение «в одной упряжке» региональных разделов экономики, социологии, этнографии, замешанное на культурологию и применяющее математику и кладущее свои суждения на карту – более ядовитую гремучую смесь в науке представить, наверное, нелегко! Если для экономической и физической географии времен Ю.Г. Саушкина так или иначе могла идти речь об общих для них формах районирования, образующих теоретическую географию, то для современной общественной географии задача заключается в выяснении того, в чем противоречат, а в чем – как будто нет – постулаты и выводы различных смежных с географией, но не всегда родственных с ней и между собой, общественных наук. Насколько здесь важен критерий геопространства, как будто «поверяющий» разногласия обществоведов? Ю.Г. Саушкин смотрел на эту проблему оптимистически, отождествляя «вынос за скобки» с построением модели геопространства (Саушкин, 1976, с. 366–367, 376). Однако исчисление структуры гена и передачи наследственности как основа теоретической биологии (Саушкин, 1976, с. 376) все же не аналогично исчислению изображений на карте как основы теоретической географии, как это считал Ю.Г. Саушкин. Похожим на теоретическую биологию скорее будет совокупность неких утверждений о наследственности и изменчивости в региональном измерении социума, а также разработка самого понятия «регион» – не только как субстрата районирования, но прежде всего как формы консолидации общественных наук под эгидой географии, в той, быть может, единственной области, где это возможно.

Методологии и типы научной рациональности в современной российской географии.

1) «Объектная» методология. Соответствует классической науке с многими элементами неклассической науки (по В.С. Степину). Неклассическая наука здесь проявляется во влиянии на результат исследования методического и теоретического аппарата, ориентации на определенную научную школу. Необходимо сочетание концепции уникальности и поиска соответствующих ей средств познания с языком пространственного анализа. Результат исследования не предопределен заранее. Отрицательный результат – это тоже результат (нередко более интересный, чем положительный результат). Преобладает индукция. При формулировке поля необходимых выводов возможна дедукция. Критерии верификации и фальсификации работают ограниченно. Этому способствуют уникальность явлений в пространстве и времени, что в совокупности полностью исключает возможность применения «физикалистских» подходов. Очень трудно реализовать принцип воспроизводимости эксперимента: феномены могут меняться и сложно (хотя возможно) повторять применение полевых методов. Постановка задачи носит (в основном) неконъюнктурный характер.

2) «Субъектно-конструктивистская» методология (в пределе – постмодернистская). Предпочтение отдается некоторому исходному кругу практических задач, идей, теорий и понятий, объединяемых допущением об управляемости процес-

сов в природной среде и в обществе и о желаемой цели такого управления. Хотя здесь речь идет о научном исследовании, однако прямой или косвенный социальный заказ нацеливает на определенную (суженную) постановку научной задачи, а также на выбор определенного набора критериев, связанных с принятыми или модными, достаточно жесткими, априори принимаемыми допущениями (принятыми в данном научном сообществе и/или социокультурной сети) ценностными установками. Имеющаяся неопределенность в теории социальных, культурных и экологических явлений, в нормативно-методических документах позволяет выбирать формально допустимые и «общепринятые» теоретические и методические положения, однако так или иначе склоняющие результат исследования в направлении, концептуально близком исследователю, откуда не слишком сложно приблизиться к результату, интересному для заказчика, для которого отрицательный результат – это не результат. Примерами могут быть математическое моделирование, моделирование географических образов, гипотеза этнокультурного разнообразия, презумпция примата политической формы над культурой. Важны (чаще обязательны) социальный заказ и дедукция. Пример – модель колебания уровня Каспийского моря была верна сама по себе (не имела математических ошибок), но результат был неверен, возможно, в силу действия неучтенных факторов. Не работают критерии верификации и фальсификации. Моделирование часто близко к тавтологии или даже к конструкту.

Научность подходов, основанных на данной методологии, может быть существенно выше, если следовать различению установок номинализма и реализма в исследовательских конструкциях и в практических рекомендациях. Опираясь только или преимущественно конструктами, исследователь начинает терять контакт с реальностью, будь то колебания уровня Каспийского моря или этническая культура. Когда конструкты являются не только исследовательским языком, но и перманентно создаются исследователем, то в качестве результата исследования и практической рекомендации в конечном счете выступает точка зрения исследователя, не только лишенная достаточного обоснования, но также и внятной аргументации.

Следует различать конструкты, которыми оперируют гуманитарии (типа этноса, нации и т.д.) и более или менее абстрактные теории физикалистской экономики: и те, и другие проникли в географию и ассимилированы географами). Гуманитарные конструкты не сопряжены с полновесными теориями; то, что имеется, это, по сути, лишь иллюстрация и конкретизация конструкта. Представляется, что существует целый ряд эколого-математических и экономико-математических конструктов, отчасти близких конструктам гуманитариев, например, таковыми являются понятия «экономический ущерб от загрязнения среды», «компенсируемость воздействий на среду», «предотвращаемость ущербов от нарушения природной среды», «качество воды», «устойчивость геосистем» и т.д. С этих позиций становится понятной проблематичность степени достоверности многих географических и экологических прогнозов.

Описанные подходы обычно трактуются учеными как проявление современной постнеклассической науки (В.С. Степин). Мы, однако, не разделяем эволюционизм и оптимизм уважаемого философа.

Заметим, что собственно экономические теории, как правило, основаны на отнюдь не узкой эмпирической базе; они могут быть верифицированы и фальсифицированы, что, однако, говорит об их «научности», но не характеризует их безу-

словную достоверность. Кроме того, ряд экономических теорий и моделей столь абстрактны, что оперируют «ненаблюдаемыми фактами», что приближает их к охарактеризованным выше конструктам (об этом писал в свое время В. Леонтьев, а сейчас – С.Г. Кирдина).

Теоретические аспекты проблемы региональной дезинтеграции России. Представляется неверной все более распространяющаяся и ставшая популярная точка зрения, что ослабление позиций России в мире тождественно ее распаду на отдельные регионы (например, у Г.Г. Малинецкого). На самом деле исторические прецеденты говорят об отсутствии прямой связи между данными явлениями. Например, деградация Испанской империи, начиная с Филиппа II, не сопровождалась ее распадом, при этом отделение Латинской Америки спустя 250–270 лет, было связано с другими причинами. Во времена гражданской войны не было распада России, несмотря на внешнюю видимость обратного: все тогдашние политические центры – Москва, Самара, Уфа, Омск, Иркутск, Екатеринбург – существовали как центры единой России, но разной политической ориентации (Советская власть, Комуч, Белое движение и др.). Кубанская республика не была сепаратистской (см.: А.Н. Никитин). Если Тамбовская губерния воссоединилась с Советской Россией в марте 1918 г., то это не значит, что она мыслилась как отдельное государство. Лишь Врангель выдвигал идею раздела России на два государства – «Красное» и «Белое» – но это тоже не «распад». Отделение северных малороссийских губерний в 1917 г., закрепленное Брестским миром, расширившим эту территории до современных границ Украины (но без Крыма) – это тоже не распад России. Нерешенным остается вопрос о культурной «метисации, как в смысле ее полезности, так и в смысле реализуемости. Н.Я. Данилевский в «России и Европе» считал «культурные прививки» от одного культурно-исторического типа к другому невозможными или мало результативными. Позже А.А. Богданов в «Тектологии» скептически (скорее, негативно) относился и культурной (и биологической) метисации. А в наше время Ю. В. Андреев, описывая эволюцию древней греческой культуры, общества и этноса, считал полезной метисацию (синтез) культур и психогенетического склада для большинства близкородственных народов, составивших основу классической Эллады (от критян до дорийцев), но счел пагубной метисацию последующей эпохи эллинизма, которая привела сначала к утрате многих ментальных ценностей греков, а впоследствии – к известным процессам «ориентализации» эллинистического мира, замене греческого языка восточными, смене политической культуры. Отсюда можно понять теоретическую неопределенность, возникающую при конструировании понятий «мультикультурализм», «плави́льный котел», «симбиоз культур», «этнос», «нация», «гражданская нация», существенных для общественной географии.

Проблема таксономического статуса территориальных единиц ставится очень редко, так же как и проблема степени связности пространства, единства (однотипности) закономерностей (при выделении «цивилизационных регионов» ответы на эти вопросы не дается). Отмечается невнятность понятия «цивилизация» с точки зрения ее таксономического статуса (например, Уэскотт, 2002, отчасти, Мелко, 2002). Не могут быть приняты предложения «бесконфликтно» решить коллизию множественности или единственности цивилизаций на Земле посредством построения некоей «матрешки», включающей единую цивилизацию на глобальном уровне (как бы в соответ-

ствии с идеями П.А. Сорокина) и некоторую совокупность цивилизаций (по Тойнби, Шпенглеру, Данилевскому и др.) на более локальных уровнях (якобы в таком ракурсе альтернативные концепции множественности или единственности цивилизаций дополняют друг друга). Если в известном смысле культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского могут быть объединены в некую целостность, благодаря элементам сходства культурно-исторических типов, то культуры и цивилизации О. Шпенглера вряд ли могут быть рассмотрены в рамках какого отряда или класса, столь не схожи закономерности, присущие разным культурам. Рассматриваемая коллизия предстает более предметно в контексте проблемы «евроцентризма» – в последнее время достаточно жестко ставится вопрос об ограниченной интерпретируемости западных реалий, о необходимости соответствия понятийной системы социуму каждой страны, его специфике (С.Г. Кирдина; А.Ф. Филиппов).

О метагеографии. Понятие «метагеография», как известно, было предложено Ю.Г. Саушкиным, совместно с В.М. Гохманом и Б.Л. Гуревичем. В последние годы это понятие вновь стало популярным, однако, без упоминания и ссылок на предшественников.

Библиографический список

1. Мелко М. Природа цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 306–327.
2. Никитин А.Н. Суверенная Кубань, часть первая. – М.: Национальный ин-т бизнеса, 2010. – 367 с.
3. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 423 с.
4. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 164 с.
5. Уэскотт Р. Исчисление цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 328–344.

Мажар Л.Ю. (г. Смоленск)

ГЕОСИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Сущность геосистемной парадигмы заключается в использовании категории «геосистема» как интегрального объекта изучения географической науки, имеющего как природную, так и социально-экономическую, или общественную, составляющие. В таком случае это понятие является действительно универсальным и может считаться общим по отношению к конкретным природно-территориальным и общественно-территориальным системам. Географические системы являются одной из категорий пространственных систем в окружающем нас мире, а именно: геосистемы – это системы мезоуровня и планетарного масштаба (в отличие от космических мегасистем и микросистем молекулярного уровня). Главной особенностью пространственных геосистем является их «привязка» к поверхности планеты. Таким образом, пространственная сущность дополняется конкретными географическими координатами.

Все геосистемы, как природные, так и общественные, отвечают общим критериям географичности: геосистемы выдерживают определенную размерность (мезо- и

макро-уровень в рамках эпигеосферы), имеют определенную неповторимость (являются «геоториальными индивидами»), обладают «неперемещаемостью». В общенаучном понимании они объективно подразделяются по генезису и преимущественному «набору» элементов (объектов) на два вида: природные и антропогенные, каждый из которых является объектом изучения соответствующего «крыла» географической науки – физической географии или социально-экономической.

Природные и общественные геосистемы, обладая общесистемными свойствами, имеют существенные различия в характере развития и степени управляемости. Но они функционируют не изолированно, являясь друг для друга не только «средой» или «фактором». Интенсивное взаимодействие между ними осуществляется по каналам природопользования и антропогенного воздействия на природу. Индикатором такого взаимодействия является конкретная геоэкологическая ситуация.

Геосистемы подразделяются на определенные виды в зависимости от целевых установок, набора элементов, характера связей и других признаков. При этом они не изолированы, могут включать в себя элементы, относящиеся к системам другого вида, т.е. одни и те же элементы в силу востребованности разных их качеств могут входить в различные геосистемы. В этом нет противоречия, так как все географические объекты сложны по составу и многоаспектны по характеру функционирования. Геосистемы иерархичны по своей сути, но строгая иерархия выдерживается только лишь в геосистемах одного вида.

Геосистемы разного вида имеют сложную геоториальную соподчиненность. В редких случаях природные и антропогенные геосистемы совпадают абсолютно в рамках единых интегральных геосистем. Зачастую они «перекрывают» друг друга, образуя сложную картину дискретно-континуального географического пространства.

С позиций геосистемного анализа общество, развивающееся в дискретно-континуальном пространстве, может быть представлено как дискретными образованиями (системами и их структурами), так и континуальными (районами, регионами и другими площадными образованиями). Между дискретными и континуальными образованиями существует неразрывная связь: системы и их структуры отражают материальную сущность всех площадных категорий. В связи с этим желание постичь суть ТОО диктует необходимость познания общества с точки зрения его геосистемной организации.

Для всех общественных геосистем характерна полисистемная организация, которая выражается в «вертикальной» полисистемности (наличие на одной и той же территории систем разного уровня организации – природных, промышленных, производственных, социально-экономических, общественных) и «горизонтальной» полисистемности (наличие иерархически соподчиненных систем разного территориального охвата).

Уровень организации общественных систем «по вертикали» (без учета территориального охвата) определяется набором элементов, составляющих геосистему. С определенной долей условности можно выделить следующие виды территориальных систем по уровню организации, сложности и набору элементов:

- территориальные системы природопользования (ТСПП) – взаимосвязанные объекты и инфраструктура данной сферы;
- территориально-промышленные системы (ТПРС) – взаимосвязанные промышленные объекты различных отраслей, а также производственная и транспортная инфраструктура;

- территориально-производственные системы (ТПС): все объекты материального производства, в том числе агропроизводственные (в дополнение к указанным выше промышленным и инфраструктурным объектам);
- территориальные экономические системы (ТЭС) – в дополнение к выше названным включают объекты сферы нематериального производства и, прежде всего, сферы услуг;
- территориальные социально-экономические системы (ТСЭС) – более сложные по своему составу, так как дополнительно к выше названным включают все объекты и систему отношений в социальной сфере;
- территориальные общественные системы (ТОС) – включают в себя все выше названные объекты, а также социально-политические институты, властные структуры местного, регионального и федерального уровня (в части их полномочий относительно рассматриваемой территории). Именно последние, в конечном счете, определяют ТОО, которая и является на сегодняшний день основным объектом изучения социально-экономической географии.

Подтверждается закономерность: каждая система более высокого уровня организации на одной и той же территории базируется на системах более низкого уровня и включает ее элементы. При этом происходит усложнение взаимосвязей в системе, усиливается ее интегральный характер и в целом повышается устойчивость общественной геосистемы к внешним воздействиям. В практическом плане сложноорганизованные интегральные геосистемы можно считать стабилизирующим фактором в территориальной организации общества, что необходимо учитывать в региональной политике.

Видовое разнообразие ТОС не ограничивается уровнем организации территориальных систем «по вертикали». Это схематичное представление о территориальной организации общества с максимально возможным его упрощением для целей географического анализа. Для этих же целей в рамках сложноорганизованной территориальной общественной системы можно вычленить и другие территориальные системы (в зависимости от задач исследования, набора элементов, характера связей и других критериев), например, транспортная система, система расселения, территориально-политическая система, туристско-рекреационная система и др. Все эти системы существуют объективно, не являются абстрактными построениями, но они «завуалированы» в чрезвычайно сложном геопространстве.

Геосистемный подход имеет большое методологическое значение в географической науке, так как позволяет упорядочить терминологию, привести ее в соответствие с системной парадигмой, не нарушая при этом традиционности и преемственности. И.М. Маергойз подчеркивал, что «применение этой общенаучной методологии исследования тем нужнее, чем сложнее изучаемый нами объект, и оно может быть плодотворным лишь при углублении, уточнении, а то и перестройке понятийного аппарата самой экономической географии, исходя из требований системного подхода» [2, с. 21].

Говоря о сущности территориальных систем, необходимо, прежде всего, уточнить соотношение понятий «комплекс» и «система». Среди философов наблюдаются существенные разночтения в их трактовке. Географы, опираясь на мнение Э.Б. Алаева, определились, что «комплекс» необходимо рассматривать как видовое по отношению к родовому понятию «система». «Комплекс – это система, отличающаяся высоким уровнем сопряжения между составляющими элементами по потокам

вещества, энергии и информации» [1, с. 59]. Следовательно, всякий комплекс (особенно это актуально для территориально-производственных комплексов) – это система, но не всякая система – комплекс.

На первый взгляд, достаточно простым кажется вопрос о соотношении понятий «система» и «структура» в географии. Однако и здесь необходимо дать пояснение: одним из основных свойств любой системы является наличие структуры как жесткой связи элементов, поддерживающих ее целостность. Для территориальных систем особую важность представляет территориальная структура как совокупность определенным образом взаиморасположенных и сочлененных элементов [1].

Одна из наиболее актуальных задач, от решения которой во многом зависит повышение эффективности общественного производства и, в конечном счете, повышение уровня жизни населения связана с рационализацией территориальной организации общества. Опираясь на геосистемные представления, можно с уверенностью утверждать, что изменения в территориальной организации общества связаны с соответствующими изменениями в общественной геосистеме и составляющих её территориальных системах. А это определяется динамическими свойствами систем [3, с. 46-56]. Изменения, происходящие в территориальных системах отражают понятия динамического ряда: «развитие», «эволюция», «сдвиги», «деформация», «трансформация». Все они близки по значению, но каждое из них несет особую смысловую нагрузку. Наиболее конкретным и информационно насыщенным понятием является «трансформация», характеризующая изменение внутренней структуры объекта, изменение топологических и функциональных характеристик. Трансформация территориальных систем – процесс объективный, он может протекать как стихийно, так и целенаправленно. Стихийная трансформация, как правило, бывает негативной, сопровождается кризисными явлениями, ведет к деградации территориальных систем и ухудшению ТОО. Целенаправленная трансформация требует активного участия людей для достижения позитивных результатов. Механизм геосистемной трансформации кроется, на наш взгляд, в создании определенных условий и факторов, воздействующих на территориальную структуру соответствующих систем. В самых общих чертах можно выделить следующие этапы геосистемной трансформации: воздействие движущих сил (целевые установки, конкретные задачи, административные решения, условия, факторы и т.д.), изменение отдельных структурных параметров (появление новых элементов, связей), изменение параметров территориальных структур в рамках отдельных территориальных систем, трансформация территориальных систем (новые функциональные характеристики), трансформация общественных геосистем регионального уровня (преобразования на уровне региона), оптимизация территориальной организации общества на национальном уровне.

При геосистемном анализе ТОО актуальным становится изучение самих ТОС и входящих в их состав систем более низкого уровня организации. Однако на практике приходится сталкиваться с неразрешенными пока еще теоретическими проблемами, к числу которых можно отнести выявление закономерностей территориально-классификационного системобразования на различных иерархических уровнях, типологию и классификацию территориальных систем.

Главное достоинство геосистемного анализа, на наш взгляд, состоит в том, что он позволяет обеспечить целостность проводимых исследований, дает возможность держать в поле зрения всю систему и не «утонуть» в деталях, чем грешат ино-

гда современные исследования. Как метод исследования в экономической и социальной географии он предполагает поэтапные действия.

На первом этапе необходимо определить уровень иерархии и состав изучаемой системы. При этом важно определить ее территориальный охват, характер границы континуального образования – зоны, района, региона - в пределах которого функционирует система. Для достижения наибольшей полноты проводимого исследования необходимо определить элементарный состав системы с топологической привязкой объектов, выявить системообразующие потоки. При этом должны учитываться не все связи (иногда это просто невозможно!), а лишь важнейшие. Энергетический или информационный поток может представлять собой статистическое обобщение частных случаев и контактов, а линия на карте, соединяющая пункт отправления и получения, может быть условной. Выявление и схематичное отражение системообразующих связей – одна из самых сложных процедур геосистемного анализа.

Следующий этап – выявление конкретных структур как жесткой связи элементов системы. Наиболее важные структуры – отраслевая, функциональная, территориальная – позволяют понять механизмы динамики и развития систем.

Завершающий этап исследований – выявление многогранных связей систем, оценка их влияния на всю интегральную общественную геосистему. В данной ситуации важно адекватно оценить экономический и социальный эффект от развития конкретного вида систем.

Таким образом, геосистемный анализ играет важную роль в исследовании пространства, позволяет решать актуальные задачи теоретического и прикладного характера.

Библиографический список

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Алаев Э.Б. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Маергойз, И.М. Территориальная структура хозяйства / Маергойз И.М. – Новосибирск: Наука, 1986. – 303 с.
3. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы / Мажар Л.Ю. – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.
4. Сочава, В.Б. Учение о геосистемах / Сочава В.Б. – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.

Мечковская О.А. (г. Минск)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОМПЛЕКСНОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТУРИСТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Туристское пространство мира, стран и регионов является главным объектом географии туризма. Согласно польскому географу Я. Стаховскому (1993) понятие «туристское пространство трактуется как часть реального географического пространства» (так представляют туристское пространство также Я. Варшиньска и А. Яцковский, 1978, а также В. Хасбандс, 1983). В свою очередь, географическое пространство – совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени. Под отношениями понимается воздействие географического объекта на окружающую его

территорию и другие географические объекты. В категории туристского пространства в качестве объектов выступают как отдельные туристские центры (национальные парки, города – культурные центры, курорты и др.), так и территориальные рекреационные системы различного таксономического ранга (от локальных до международных). Влияние на окружающую территорию выражается степенью развития туризма или туристской функции на данной территории (строительство объектов инфраструктуры, хозяйственных объектов, преобразование естественного ландшафта в результате рекреационной нагрузки на территорию и т.д.) [3]. Таким образом, туристское пространство охватывает ту часть географической среды, где под влиянием спроса созданы соответствующие элементы инфраструктуры и реализуются различные виды рекреационных занятий в свободное время [4].

География туризма – наука о территориальной дифференциации туристского пространства, изучающая факторы и особенности его формирования и развития. Особенности территориальной организации туризма раскрываются на основе комплексного социально-экономико-географического анализа, методологической основой которого являются классические теории мирохозяйственных связей, теории конкурентоспособности, а также современные концепции формирования туристского пространства, основанные на экономико-географических, социологических и прикладных исследованиях.

Основные положения теорий формирования туристского пространства тесно согласуются с концепциями мирохозяйственных связей, которые объясняют международную специализацию различных стран с точки зрения взаимодействия трех главных факторов производства туристского продукта: естественно-ресурсного, капитала и трудовых ресурсов. Разноплановые особенности в развитии туризма стран и регионов объясняют современные теории пространственной поляризации мирового туристского пространства, в основе которых лежит концепция «центр-периферия», одним из первых авторов которой является В. Кристаллер – создатель теории центральных мест. С учетом тенденции к постиндустриальному развитию, приоритетное значение в повышении эффективности туризма современные теории формирования туристского пространства придают эндогенным факторам, связанным с внедрением инвестиций и инноваций в туризме (М. Опперман, Г. Шабо, А. Уильямс). Модель территориальной рекреационной системы (В.С. Преображенский и др.) позволяет подойти к анализу территориальной организации туризма как системного явления на основе характеристики и оценки эффективности взаимосвязей и функционирования подсистем (иностранные посетители, рекреационные ресурсы, туристская инфраструктура, обслуживающий персонал, управляющие органы).

Значительную роль играют и концепции бихевиоризма, разработанные за рубежом в 1980-х гг., но не получившие широкого применения в географии туризма в эпоху технократической парадигмы, когда все исследования опирались на научно-технические достижения. В это время туристский регион представлялся как производственный комплекс, который формировался и оценивался в основном с позиции организаторов отдыха, определяющих объем и структуру туристского предложения. В период гуманистической парадигмы системный подход к изучению территориальной структуры туристского пространства строится на новом качественном уровне с учетом потребностей потребителя. В связи с этим, при изучении территориальной структуры туризма особую актуальность имеют теории Р. Батлера,

Ж.-М. Миоссека, П. Мюллинса и С. Лишевского, основанные на концепциях бихевиоризма, позволяющие изучить особенности организации туризма в странах и регионах с позиции спроса и предпочтений туристов, генерирующих рекреационное поведение и определяющих характер использования различных туристских районов.

Системный подход к изучению пространственных особенностей региона опирается на широкий спектр методов страноведческого (типология, классификация) и пространственно-функционального анализа, экономико-математических (корреляционный анализ, таксономический метод, анализ влияния туристских поступлений на платежный баланс) и картографических методов исследования.

Таким образом, изучение методологических основ развития туризма и мирового хозяйства в целом позволяет сформировать научно-теоретический аппарат комплексного экономико-географического анализа туристского региона, который заключается в поэтапном выявлении особенностей его пространственной структуры.

На первом этапе анализируется динамика пространственной структуры туристского региона. В зависимости от размеров региона (макрорегион, мезорегион, страна, район, туристский центр и др.) могут выявляться изменения пространственной структуры на различных иерархических уровнях. Особенности динамики туризма изучаются в контексте «центр-периферия» с использованием теории пространственной поляризации туристского рынка. Здесь также целесообразно изучение географической и структуры туристских потоков для определения регионов генерирования туристского спроса.

На втором этапе выявляются внутренние и внешние факторы развития туризма в регионе. На основе обобщения и анализа статистического и фактического материала изучаются особенности влияния различных групп факторов на развитие туризма в регионе. Затем группируют факторы по степени их позитивного и негативного воздействия на отраслевую и территориальную структуру туризма. Кроме того, на этом этапе возможно проведение SWOT-анализа с целью выявления специфических факторов локального характера и оценки возможностей и перспектив развития туризма в данном регионе.

Прежде всего изучаются социально-экономические факторы развития туризма, связанные с уровнем социально-экономического развития, особенностями инвестиционной политики, внедрением инноваций, развитием интеграционных процессов и созданием благоприятной социо-культурной среды. Наиболее часто для оценки уровня социально-экономического развития страны выбирается интегральный показатель – индекс развития человеческого потенциала, который широко используется Программой развития ООН в межстрановых сопоставлениях. Поскольку между уровнем социально-экономического и туристского развития региона существует тесная зависимость, то для выявления наиболее сильно воздействующих факторов целесообразно применение корреляционного анализа, который позволит измерить степень тесноты существующих связей.

В группе эндогенных факторов основным выступает проводимая туристская политика, целью которой является стабилизация факторов спроса и предложения в туризме и достижение его сбалансированного развития. Возможности широкого выхода региона на туристский рынок связаны с усилением роли туризма в национальной экономике. Поэтому изучается динамика доли туристских поступлений в структуре макроэкономических показателей, показывающая изменение ранга функций туризма в хозяйственном комплексе (от зарождающейся, сопутствующей

к дополняющей, ведущей либо угасающей). Кроме того, оценивается влияние туризма на экономику региона по взаимосвязям сальдо туристского обмена и общего платежного баланса.

Важнейшим фактором повышения конкурентоспособности национального туристского продукта являются рекреационные ресурсы. В связи с этим, необходимым этапом комплексного анализа является оценка рекреационных ресурсов. На основе оценки природно-рекреационных ресурсов выделяются регионы (районы) с различной степенью природной аттрактивности. Культурно-исторические ресурсы оцениваются с помощью балльной оценки их сравнительной ценности. По результатам оценки проводится их структурирование с выделением объектов международного, национального, регионального и местного значения. Отдельно выделяются полифункциональные центры как основные в структуре туристского предложения.

На основании изучения факторов туризма и оценки рекреационных ресурсов обозначаются основные перспективные направления развития туризма в регионе и пути повышения эффективности использования рекреационных ресурсов.

На третьем этапе определяется эффективность функционирования туристского сектора региона на основе показателей интенсивности туризма и территориальной концентрации туристских функций. В качестве критериев оценки интенсивности туризма берутся: поступления от туризма, расходы на туризм, доля региональных туристских доходов в ВВП страны, доля туристских поступлений в объеме экспорта. Основными критериями оценки территориальной концентрации туристских функций являются: прибытия туристов на тысячу местного населения, прибытия туристов на единицу площади региона, концентрация туристских центров на 1000 км², аттрактивность природной среды для туризма (число природно-территориальных комплексов отдыха и туризма), доля рекреационных территорий в общей площади страны.

На основе изучения критериев эффективности функционирования туристского сектора определяется уровень развития туризма на данной территории с возможностью группировки стран (районов).

На четвертом этапе выявляются особенности и современные тенденции развития территориальной структуры туризма в регионе. Это становится возможным благодаря тому, что на предыдущих этапах исследования были изучены уровень и интенсивность развития туристской функции, географическая и функциональная структура туристских потоков, степень развития материальной базы туризма, то есть наиболее динамичные элементы территориальной организации туристского обслуживания (Пирожник, 2008). Особенности территориальной организации туризма раскрывают типы туристского пространства и типы территориальных структур туризма на различных стадиях развития туристской функции [3]. Тип пространства (зарождения, становления, ассимиляции, колонизации и урбанизации) определяется характером освоения туристской территории: интенсивностью туристских потоков, территориальной концентрацией и степенью развития туристской функции, уровнем туристской освоенности, рекреационно-туристской специализацией и воздействием туризма на окружающую территорию [2]. Процесс освоения туристского пространства способствует формированию различных типов территориальных структур туризма (точечной, очаговой, ареально-сетевой, линейно-узловой, а также более сложных – зонально-иерархической и анклавной), отражающих основные направления туристских потоков и определяющие характер за-

стройки территории объектами туристской инфраструктуры. Изучение особенностей эволюции туристского пространства, определение ранга функции туризма на данной территории, сегмента потребителей туристского рынка (первопроходцы, новаторы, быстро либо медленно признающие большинство, консерваторы), а также характер туристского предложения (от единичного к полифункциональному, селективному) позволяет выделить стадию развития туризма на данной территории (зарождение, становление, развитие, консолидация) [4]. Преобразование туристской территории проходит несколько стадий развития с выделением пространств и территориальных структур различного типа.

Таким образом, комплексный экономико-географический анализ туристского пространства позволяет сформировать туристский образ региона, раскрывающий современные тенденции формирования и развития туризма на данной территории.

Библиографический список

1. Мечковская О.А. География туризма: методы анализа туристского пространства : пособие для студентов геогр. фак. / О.А. Мечковская. – Минск: БГУ, 2008. – 115 с.
2. Мечковская О.А. К вопросу об устойчивом развитии международного туризма // Экономика природопользования для устойчивого развития: теория и практика: Тез. докл. междуна. науч.-практ. конф., Минск, 21 – 22 ноября 2006 г. / Мин. природных ресурсов и охраны окр. среды, Мин. экономики Респ. Беларусь УО «Бел. гос. эконом. университет». – Минск: БГЭУ, 2006. – С. 147-149.
3. Мечковская О.А. Экономико-географические тенденции развития международного туризма в странах Центральной и Восточной Европы: Дис. ... канд.геогр. наук: 25.0024 / Бел. гос. ун-т. – Мн., 2004. – 190 с.
4. Пирожник И.И. Структурно-функциональные особенности рекреационного пространства и формирование туристского продукта Беларуси // Туризм и региональное развитие: Сб. ст. / Смоленск. гуманитар. ун-т; Отв. ред. Л.Ю. Мажар. – Смоленск: Универсум, 2008. – С. 124–136.

Мошков А.В. (г. Владивосток)

ОСОБЕННОСТИ НЕРАВНОВЕСНОСТИ И САМООРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ¹

В последние десятилетия внимание ученых привлекают процессы, происходящие в так называемых неравновесных диссипативных структурах, или структурах, далеких от равновесия. Считается, что разрабатываемая на этой основе теория, или парадигма, позволяет дать объективное объяснение процессам, определяющим материальную действительность [1–5].

В изучении процессов самоорганизации территориально-производственных систем (ТПС) главным является отношение к вопросу о детерминированности и индетерминированности социально-экономических явлений. Детерминированность и индетерминированность развития целостных систем определяется соотношением характерного времени развития внешних условий (T_x) и характерного времени формирования целостности (t_x), предопределяемой этими условиями. Очевидно, что в качестве внешних условий формирования целостных ТПС определённого ранга выступают выходные характеристики целостных же систем более высокого ранга, в том

¹ Работа выполнена по проекту 4008. МНТЦ.

числе и тех, которые разрушаются. Критерий детерминированности развития целостных систем можно обозначить как HS (H – холистические, целостные; S – системы) определяется соотношением Tx и tx , или, что то же самое, соотношением развития HS более высокого ранга, формирующих внешние условия, с HS более низкого ранга, мало влияющими и не определяющими развитие высокоранговых целостных систем [3]. Например, взаимодействие зарубежных фирм, компаний с каким-либо отечественным предприятием в субъектах Дальневосточного федерального округа оказывает слабое воздействие на функционирование локальных ТПС (или промышленных узлов), под которыми понимается совокупность компактно расположенных предприятий связанных между собой производственно-технологическими и экономическими связями и отношениями. Развитие HS низшего ранга, в данном примере – промышленных узлов, является детерминированным, т.е. какими бы существенными ни были изменения в структуре производства, потребляемом сырье и материалах, а также в ассортименте выпускаемой продукции в каждом из предприятий, не меняется инвариантная часть структуры функциональных отношений ТПС более высокого ранга (например, ТПС субъекта РФ). Аналогично, существенным образом не изменится структура ТПС при нарушении производственных связей между малым предприятием и средним, либо крупным. ТПС претерпит существенные изменения, вплоть до разрушения, если будут ликвидированы основные элементы её структуры (блоки предприятий – специализированных, обслуживающих производство или население). Таким образом, ТПС не разрушается, если внешнее окружение не приводит к полному банкротству предприятий, формирующих структурно устойчивое сочетания элементов – основных и обслуживающих производств, которое можно рассматривать как инвариант системы.

При этом, целостные ТПС могут быть весьма разнообразны по форме – количеству предприятий и по их составу (отрасли, виды экономической деятельности, звенья энергопроизводственных циклов), т.е. система меняется морфологически, т.е. морфологически она меняется, что происходит вследствие присоединения или убавления некоторого количества элементов. Так, если добавится или убавится число предприятий в ТПС, они войдут (или выйдут) из состава соответствующих их характеру производства блоков предприятий системы, поскольку так как структура функциональных отношений в данных системах сохранится. Хотя количественно (по числу предприятий, объему выпускаемой продукции, численности промперсонала) системы будут меняться. В результате, такие системы можно отнести к числу развивающихся, детерминированных.

Беспорядок формируется в результате неаддитивного сложения потоков вещества и энергии, вырабатываемых целостными разнопорядковыми системами. При этом, в одних случаях происходит кумуляция энергии и вещества, что создаёт условия для формирования новых целостных образований. Однако, в других случаях возникает диссонанс сил и попадающая в поле их действия система разваливается, их неё выпадают составные части и в результате – формируется хаос, переходящий потом в новый порядок [3]. Кроме этого, «...в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям, а также происходит расширение масштабов системы, повышение ее чувствительности к высшему миру и, наконец, возникает историческая перспектива, т.е. возможность появления других, быть может, более совершенных форм организации. И помимо этого возникает новая категория феноменов, именуемых аттракторами» [4], т.е.

множество состояний элементов динамической системы, к которым она стремится с течением времени. Возникновение оптимальных отношений между элементами системы, обеспечивающее наиболее «совершенные формы организации» происходит в результате воздействия на хаос порядка более высокого ранга. Это действие и выступает в качестве условий, задающих процесс упорядочения [3].

Опыт хозяйственных преобразований в России показывает, что если эти условия сохраняются, то целостная территориально-производственная система после разрушения восстанавливает свою инвариантную часть структуры функциональных отношений элементов. Таким образом, хаос и порядок сосуществуют в природных системах и порождаются общими причинами. В ТПС хаос и порядок может быть обусловлен диспропорциями в темпах развития функциональных элементов её структуры (основных и обслуживающих), либо между крупными, средними и малыми предприятиями. В результате, каждые из элементов структуры формируют свои конкурентные преимущества в борьбе за ресурсы (природные, трудовые, финансовые, сырьё, материалы, оборудование и др.) территории.

Проблема изучения динамики и закономерностей развития ТПС, вопросы образования хаоса и порядка в их структуре и их взаимопереходы имеют фундаментальное значение. В состоянии хаоса когерентность (т.е. согласованное протекание в пространстве и во времени нескольких колебательных или волновых процессов, при котором разность их фаз остается постоянной) элементов, из которых составляется целостная система, возрастает [1-5]. Поскольку, «...вдали от равновесия каждая часть системы «видит» всю систему целиком...», а в равновесии они «...видят только своих непосредственных соседей и «общаются» только с ними» [3]. Формирование порядка и хаоса в развитии ТПС, в их различных формах и иерархической соподчиненности, предопределяется действием закона самоорганизации.

В ТПС, вследствие самоорганизации, формируется как порядок, так и хаос, который представляет собой некоторое состояние системы в конкурентной борьбе за ресурсы территории «старой» формы организации элементов структуры с «новой», которую она стремится заменить. В этом случае, хаос есть не что иное, как состояние неопределенности в исходе этой борьбы, поскольку существует несколько возможных вариантов возникновения новой структуры на месте старой. При этом сохранение «старых» отношений между элементами функциональной и территориальной структуры становится невозможным, т.к. новая структура возникает в любом случае.

Помимо диспропорций, диалектическое противоречивое единство порядка и хаоса можно рассматривать как один из источников развития ТПС. Развитие любых целостных ТПС, обеспечивается за счет поступления ресурсов (энергии, вещества и информации) из внешней среды и реализация произведенной в системе продукции за пределами своих границ. Динамика разницы расходов ресурсов (вещества и энергии) в этих двух потоках в течение времени и определяет развитие ТПС. Динамически равновесный режим характеризуется как установившийся баланс вещества и энергии на входе и выходе системы. Целостные ТПС различных рангов и видов имеют пространственно-временной предел развития, или некоторое «идеальное состояние», к которому они постоянно стремятся.

Различные виды связей ТПС (производственные, экономические, социальные, экологические и др., т.е. потоки энергии, вещества и информации), которые в основном и определяют развитие системы, представляются как связи, формирующие структуру системы, можно обозначить как F-потоки. В свою очередь, связи по

потокам вещества и энергии, вызывающие деградацию систем, их разрушение, как D - потоки. [3]. В этом случае, действие F-потоков, формирующих систему, необратимо направлено к росту показателей, характеризующих их выходные параметры: размеры, объем выпускаемой продукции (товаров и услуг), эффективность производства (производительность труда, материало-, энерго- и фондоемкость производства продукции, её себестоимость и др.).

ТПС, как и все целостные саморегулирующиеся образования, имеют предел роста, который зависит от особенностей их структуры и функционирования. В конечном счете, расход вещества и энергии в F-потоке с приближением системы по своим размерам к некоторой предельной величине затухает. Этот процесс обусловлен действием обратной отрицательной связи: чем больше увеличивается система по объему продукции, количеству предприятий или численности занятого промышленно-производственного персонала, производительности труда или другим показателям, тем меньше вещества и энергии, необходимых для ее существования и развития, она накапливает.

ТПС, которая достигла своих предельных размеров (например, согласно программе социально-экономического развития, либо с учетом природно-ресурсной, демографической, экологической ёмкости территории, размера совокупного спроса на производимую продукцию), выполняет основную функцию – перерабатывает поступающих из внешней среды ресурсов (веществ, энергии, информации) в разнообразную продукцию (товары или услуги), предназначенную для реализации за пределами системы, в сопоставимых с потреблёнными ресурсами объемах. В этом случае, система обеспечивает свою целостность, но её качественный рост прекращается (т.е. система повторяет себя по содержанию, по форме и по размерам).

Дезорганизации систем обуславливается действием D-потоков, которые представлены той частью ресурсов, которая изымается из некоторого количества вещества, энергии и информации (MEI), накапливаемых в самой системе, но используемых другой формирующейся системой [3]. В результате система не может достичь своего наивысшего уровня развития. Кроме этого, некоторая часть MEI системы выступает в качестве F-потока, формирующего другую систему, за счет организации D-потока. Если F-поток – это поступление MEI из среды, то D-поток – это «вынужденный» расход MEI самой системой. F-поток формируется во внешней среде системы, а D-поток – на конкретной системе. Таким образом, F-поток характеризует систему как «хищника» (потребителя ресурсов), а D-поток эту же систему характеризует как «жертву» (ресурс, обеспечивающий, удовлетворяющий потребности других систем) [3].

Примером подобных отношений может служить локальная ТПС в форме промышленного узла, который сформировался в лесохозяйственном районе и активно эксплуатирует имеющиеся лесные ресурсы для производства разнообразной продукции из древесины. Появление в районе одного или нескольких промышленных узлов с лесохозяйственной специализацией производства создаст конкурентную среду, где новые узлы отвлекут на себя не только наиболее доступные и высококачественные природные ресурсы территории, но рабочие кадры, имеющиеся мощности производственной инфраструктуры. В результате у первого промышленного узла существенно возрастают издержки производства и могут возникнуть проблемы со сбытом продукции, вплоть до закрытия не рентабельных предприятий.

В ТПС действие D-потоков, направленных на её деградацию и разрушение, тоже необратимо и ведет к уменьшению величин выходных характеристик систем (их производительности труда, размеров и разнообразия структуры и т.п.). Данные потоки также имеют свои индивидуальные пределы действия. В конечном счете, в процессе развития системы должен устанавливаться баланс расходов вещества и энергии в обоих потоках, характеризующий состояние динамического равновесия системы, который, практически не достигается, хотя стремление к нему присуще всем целостным саморегулирующимся образованиям.

Таким образом, формирование, развитие и саморегулирование целостных ТПС осуществляется через диалектическое взаимодействие двух потоков вещества и энергии противоположной направленности. Это взаимодействие обуславливает спонтанное стремление ТПС к состоянию динамического равновесия, представляющего собой не что иное, как аттрактор. Оно характеризует завершение этапа формирования системы как целостной относительно самостоятельной единицы (при этом, система продолжает развиваться и эволюционировать). В этом случае, состояние аттрактора – это стационарный, установившийся режим развития системы, когда энтропия её в течение времени значительно не меняется при непрекращающемся поступлении и диссипации энергии и вещества. Система, находящаяся в состоянии динамического равновесия, является типично диссипативной самоорганизующейся структурой [3].

Целостная ТПС формируется при постоянстве расходов вещества и энергии, на входе и выходе из системы. Она развивается детерминированно в направлении достижения некоторого предела, зависящего от емкости системы, способной принять и переработать ресурсы в продукцию, объёмы и ассортимент которой определяются потребностью определённого сегмента рынка.

При этом, обязательным условием является отсутствие конкурирующей системы, создающей D-поток. В случае, когда D-поток формируется из F-потока системы и расход в нем веществ и энергии изменяется по тому же логистическому закону, что и в F-потоке, то сложение их приводит к автоколебанию. Поскольку, D-поток зарождается с некоторым опозданием после формирования в системе F-потока через некоторый период времени, обеспечивая необходимыми материальными и финансовыми ресурсами доминантную (потребляющую) систему за счет преобразования вещества, энергии и информации системы поставщика. Распределение между этими двумя системами поступающего извне ресурсов обуславливают колебательный характер взаимоотношений этих систем даже при постоянстве поступления вещества, энергии и информации из среды. С ростом расходов вещества и энергии в D-потоке расход их в F-потоке уменьшается, а затем начинается спад продуктивности системы «жертва». В результате, через некоторое время начинается спад продуктивности и системы «хищник». Таким образом, динамика обеих систем является взаимосвязанной.

Из вышеизложенного следует, что самостоятельно развивающаяся целостная система при постоянстве расходов вещества и энергии характеризуется двумя режимами развития: 1) режимом переходного развития, когда система, накапливая в себе ресурсы вещества, энергии и информации, быстро увеличивается в размерах; и 2) установившимся режимом, когда система достигает предела развития своего состояния. Продолжительность этого стационарного режима для одной независимо развивающейся системы определяется длительностью сохранения условий поступления вещества и энергии.

Библиографический список

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 238 с.
2. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Вестник РАН. – Т. 71. – № 3. – 2001. – С. 210–224.
3. Поздняков А.В. Стратегия российских реформ. – Томск: Спектр, 1998. – 324 с.
4. Пригожин И. Перестройка: Переходные процессы и механизмы. – М.: Наука, 1990. – 159 с.
5. Haken H. Principles of Brain Functioning. A Synergetic Approach to Brain Activity, Behavior and Cognition Berlin: Springer, 1996.

Носонов А.М. (г. Саранск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРОГЕОСИСТЕМ¹

Процесс развития научного познания связан с непрерывным поиском новых методов и способов решения теоретических и практических задач. В связи с тем, что современный этап развития многих научных направлений характеризуется процессом систематизации, классификации, теоретических обобщений, стремлением к синтезу накопленных знаний [5], традиционные методы и подходы уже не в состоянии справиться с этими задачами. Появилась необходимость единой методологической основы, позволяющей органически объединить различные научные подходы в общую концепцию. Большие возможности для решения этих вопросов открывает системный подход, который ориентирован на раскрытие сущности объектов как целостных систем, исследование их многообразных внутренних и внешних связей и механизмов формирования устойчивой структуры.

Системный подход, как направление в методологии научного познания, сформировался в 50-е годы XX века и еще не приобрел формы строгой методологической концепции. География, объектом изучения которой являются сложные территориальные системы, наиболее хорошо подготовлена к восприятию и активному применению системного подхода. В современной географии первые опыты использования системного анализа в исследовании территориальных систем представлены в трудах Б. Берри, Р. Чорли, П. Хаггета, Т. Хагерстранда, Дж. Лэнгтона, Д. Харвея и др. В Советском Союзе практическое применение системного подхода в географии и экологии появилось в 60-е годы XX в. и способствовало синтезу наук о Земле и социально-экономических дисциплин. Традиционно использующийся в географии комплексный подход явился благоприятной предпосылкой развития системных представлений в этой предметной области. В наибольшей степени идеи системного анализа проявились в физической географии, – в учении о гео-системах, разработанном в 60-х годах В.Б. Сочавой [7].

Первоначально термин «геосистема» использовался только для обозначения природных объектов, позднее он стал применяться и для обозначения социально-экономических образований, а также сложных пространственных природно-социальных (социально-природных) систем, включающих одновременно элементы природы, население (человека) и все проявления его материальной и духовной культуры.

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 11-06-00177-а).

Под геосистемой понимают относительно целостное территориальное образование, формирующееся в тесной взаимосвязи и взаимодействии природы, населения и хозяйства, целостность которого определяется прямыми, обратными и преобразованными связями, развивающимися между подсистемами геосистемы [4].

В соответствии с системным подходом как главной методологической основой гео-графии, главным объектом исследования в агрогеографии являются территориальные системы (агрогеосистемы), предметом – исследование их структуры и функций, взаимодействия входящих в их состав элементов (подсистем) между собой и с внешней средой.

В настоящее время не существует единого подхода к определению этого понятия и соответствующего терминологического аппарата. Хотя термин «агрогеосистема» широко используется в современной экономической и социальной, физической географии и ландшафтоведении, однако до сих пор не сложилось его однозначного определения. Оно во многом зависит от целей и направлений исследований. Так, в работах В.А. Николаева [2] под агрогеосистемой понимается природнохозяйственный комплекс (агроландшафт), другие авторы считают, что в состав этой системы входят только природные компоненты. Ряд ученых понимают под агрогеосистемами «суперсистемы», включающие экологические, экономические и социологические компоненты [6]. Согласно другому подходу агрогеосистемы – это природные комплексы, вовлеченные в сельскохозяйственное производство и испытывающие воздействие со стороны хозяйственных систем [1, 3]. Данный подход более обоснован, так как взаимоотношения хозяйственных и природных агрогеосистем скорее следует рассматривать как воздействие внешней среды на систему, при котором проявляются ее свойства, и происходит формирование и развитие. Это подтверждается и рядом отличительных признаков данных агрогеосистем:

- во-первых, хозяйственные и природные агрогеосистемы имеют качественно различный характер и развиваются по принципиально разным законам (природным и социально-экономическим);
- во-вторых, природные агрогеосистемы обладают специфической системой управления. С одной стороны, это внешние управляющие воздействия, часто без наличия обратных связей; с другой – у них существуют внутренние механизмы саморегуляции на основе обратных связей, присущие экосистемам;
- в-третьих, природные агрогеосистемы обладают целостностью внутренней структуры, природные компоненты которой связаны энергетическими, вещественными и информационными потоками;
- в-четвертых, хозяйственные и природные агрогеосистемы существенно различаются по функциональному назначению: первые выполняют регулирующие и контролирующие функции, вторые производят заданный объем продукции.

В соответствии с вышеизложенным под «агрогеосистемами» (от англ. agro – сельскохозяйственный, geo – географический (территориальный), system – система) мы понимаем территориальные системы сельского хозяйства различного иерархического уровня и предлагаем использовать следующую терминологию.

Агрогеосистемы (АГС) – это природные и хозяйственные территориальные системы, главная функция которых заключается в производстве продуктов питания, растительного и животного сырья для легкой и пищевой промышленности.

В свою очередь агрогеосистемы подразделяются на природные и хозяйственные (социально-экономические) в соответствии с их различными конкретно-системным содержанием и закономерностями развития.

Природные агрогеосистемы (ПАГС) – это видоизмененные природные ландшафты, включающие взаимосвязанные биотические и абиотические компоненты, устойчивое функционирование которых возможно только при наличии постоянного потока антропогенной энергии. Они предназначены для получения определенного количества сельскохозяйственной продукции и подобно другим экосистемам, функционируют на основе биогеохимического круговорота вещества и энергии.

Социально-экономические агрогеосистемы (СЭАГС) – это производственно-территориальные системы сельского хозяйства, состоящие из агротехнических, агрохимических, мелиоративных комплексов, трудовых ресурсов, главная цель которых – достижение заранее определенной продуктивности агроценозов и выполнение регулирующих функций.

Агрогеосистемы характеризуются определенными структурными, функциональными и генетическими признаками:

- 1) однородностью зональных и аazonальных природных условий;
- 2) сходным характером использования сельскохозяйственных земель;
- 3) примерно равным количеством дополнительно получаемой антропогенной энергии;
- 4) одинаковой продуктивностью агроценозов (в энергетическом и стоимостном выражении);
- 5) аналогичными специализацией сельского хозяйства и уровнем интенсивности производства;
- 6) однотипными историей освоения и перспективами развития;
- 7) примерно равной долей отчуждаемой (товарной) продукции в энергетических и стоимостных показателях;
- 8) сходным характером экологических проблем развития сельского хозяйства.

Агрогеосистемы обладают всеми свойствами, присущими территориальным системам, из которых наиболее важными являются: целостность, структурность, автономность, территориальность (географичность), динамичность, функциональность, управляемость и устойчивость.

Характерная черта агрогеосистем – их целостность, которая раскрывается рядом взаимосвязанных атрибутов этих систем. К ним относятся интегративность качеств системы (эмерджентность), компонентность, структурность и функционирование и историзм. Различные элементы агрогеосистемы объединяются в единое целое при помощи круговорота вещества, энергии и информации. Изучение агрогеосистем как целостных образований обуславливает необходимость рассмотрения всех элементов системы (типов использования земель, систем земледелия и животноводства и т. д.), их взаимодействия в комплексе, а также учета структурной неоднородности отдельных ее частей.

Целостность агрогеосистемы следует рассматривать не как простую сумму ее свойств, а совокупность новых качеств, которые не характерны для образующих ее частей. Это свойство носит название эмерджентность. Эмерджентными свойствами природных агрогеосистем является возможность формирования продуктивности агроценозов на основе использования солнечной и антропогенной энергии и ее регулирование при помощи внешних механизмов.

Другое важное свойство агрогеосистем – структурность. Под структурой системы понимается определенная устойчивая взаимосвязь, взаимоотношения и взаиморасположения составляющих его компонентов. Основные компоненты природных агрогеосистем (литолого-геоморфологические, гидрологические, почвенные условия, агробиоценозы) представляют собой нетождественные части целого, объединенные биогеохимическим круговоротом вещества, энергии и информации. Хозяйственные агрогеосистемы, включающие в свой состав системы земледелия и животноводства, трудовые ресурсы, системы машин, объединены единой системой управления позволяющей целенаправленно осуществлять регулирующие функции.

Одной из особенностей агрогеосистем как территориальных комплексов является их иерархичность – свойство делимости на относительно обособленные, соподчиненные между собой подсистемы различного ранга. Под автономностью территориальных систем понимается стремление к большей внутренней упорядоченности, компенсации недостающих элементов и функций. Способность создавать и поддерживать высокую степень внутренней упорядоченности является важнейшей характеристикой геосистем, экосистем и биосферы в целом. Высокая внутренняя упорядоченность компонентов достигается при низком уровне энтропии, т. е. количестве связанной энергии, которая недоступна для использования. В отличие от технических систем развитие биологических и территориальных систем сопровождается выравниванием различных потенциалов между компонентами геосистем, что приводит к увеличению их однородности и соответственно повышению энтропии.

Территориальность предполагает учет зависимости функционирования и развития геосистем от размещения ее элементов на территории. Для агрогеосистем большое значение имеет размещение ее компонентов в пространстве по отношению к центрам переработки и потребления продукции, по отношению к транспортным путям, трудовым ресурсам, энергетическим базам и др. Динамичность – это свойство геосистем, характеризующее временной аспект их развития, изменения и движения. Элементы геосистем связаны между собой не только пространственно, но и через время. Каждый элемент агрогеосистемы имеет различное время релаксации (самовосстановления до исходного состояния), которое, как правило, больше у природных комплексов.

Функционирование агрогеосистем во времени (эволюция) представляет собой процесс смены состояния их отдельных элементов и подсистем, что приводит к изменению системы в целом. В ходе эволюции агрогеосистемы происходят изменения ее структуры, функций, режима функционирования, что вызывает либо усложнение, либо упрощение геосистемы. Накопление этих изменений приводит к переходу системы в новое состояние. Эти положения хорошо иллюстрируются эволюцией систем земледелия России в конце XIX – начале XX вв. Первоначально преобразование отдельных элементов хозяйственных агрогеосистем (агротехнической, агрохимической, мелиоративной подсистем) приводило к изменению структуры агроценозов (состава возделываемых культур) и соответственно систем земледелия в направлении повышения их интенсивности. В результате этого произошла качественная перестройка земледелия, повлекшая за собой коренное изменение технологических и организационно-производственных взаимоотношений между отраслями растениеводства и животноводства, что привело к качественным сдвигам функционирования агрогеосистем (переходу в новое состояние).

Управление агрогеосистемами имеет ряд специфических черт. В качестве объекта управления здесь выступают природные агрогеосистемы, которые помимо управляющего воздействия со стороны хозяйственных агрогеосистем имеют внутреннюю систему управления, основанную на положительных и отрицательных обратных связях. Управляющее воздействие хозяйственных агрогеосистем заключается в координации совокупности агротехнических, агрохимических, мелиоративных, организационно-производственных мероприятий, направленных на достижение целевой функции природных агрогеосистем – получения необходимого количества сельскохозяйственной продукции.

Важнейшей характеристикой агрогеосистем является устойчивость. Существуют разнообразные подходы к определению устойчивости геосистем. Применительно к изучению агрогеосистем предпочтительнее использовать понимание устойчивости как способность сохранять свое состояние, основные свойства и взаимосвязи при внешнем воздействии в течение некоторого времени. Устойчивость зависит от уровня антропогенного воздействия и способности к самоочищению различных типов агрогеосистем. В результате этого один и тот же вид сельскохозяйственной деятельности в разных природных ландшафтах приводит к разным экологическим и экономическим последствиям. Важными вопросами являются разработка и обоснование критериев устойчивости функционирования агрогеосистем. Экономическим критерием является соизмерение продуктивности агроценозов и производственных затрат при тех или иных способах организации хозяйства, в частности, экономическая оценка земель. К экологическим критериям относятся общая биологическая продуктивность агрофитоценозов; доля отчуждаемой части биологической продукции во всей сельскохозяйственной продукции; содержание гумуса и минеральных элементов в почве, доля земель, подверженных неблагоприятным экологическим процессам.

Таким образом, агрогеосистемы представляют собой территориально-природные и территориально-производственные системы, обладающие специфическими свойствами и выполняющими единую целевую функцию – получение целенаправленно заданного количества сельскохозяйственной продукции. Достижение этой главной цели функционирования агрогеосистем возможно только на основе их устойчивого развития, рационализации использования природного агропотенциала территории.

Библиографический список

1. Крючков В.Г. Использование земель и продовольственные ресурсы / В.Г. Крючков. – М.: Мысль, 1987. – 231 с.
2. Николаев В.А. Концепция агроландшафта / В.А. Николаев. // Вестник Московского университета. – Серия 5. – География. – 1987. – № 1. – С. 45–56.
3. Носонов А.М. Территориальные системы сельского хозяйства (экономико-географические аспекты исследования) / А.М. Носонов. – М.: Янус-К, 2001. – 324 с.
4. Саушкин Ю.Г. Геосистема и геоструктура / Ю.Г. Саушкин, А.М. Смирнов // Вестник МГУ. – Серия география. – 1968. – № 5. – С. 27–32.
5. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.
6. Сельскохозяйственные экосистемы. – М.: Агропромиздат, 1987. – 221 с.
7. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах / В.Б. Сочава. – Новосибирск: Наука, 1978. – 319 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Как показала дискуссия ведущих экономико-географов России, одним из актуальных и приоритетных направлений исследования социально-экономической (общественной) географии становится разработка теории и методики регионального развития [4, с.83-93]..

Сложность исследования, на наш взгляд, заключается, прежде всего, в неоднозначном толковании самого понятия «регион», а также в отсутствии нового методического инструментария диагностики регионального развития.

Мы определяем регион как органически целостную территорию, способную к саморазвитию и самоорганизации, для которой характерна общность генезиса и взаимосвязанность всех компонентов, большая степень устойчивости и интенсивности внутренних связей и отношений, взаимодействие всех сфер жизнедеятельности людей в условиях качественной среды жизни.

По мнению Г.А. Гольца, «Главная проблема регионального развития состоит в противоречии между уникальными характеристиками территории (в природном, ресурсном, демографическом, социальном, культурном, политико-административном и тому подобных отношениях) и всеобщими тенденциями научно-технического прогресса, требующими для своего развития всемерной унификации и стандартизации» [1, с. 101–102].

Территориальная организация регионального развития представляет собой интеграцию структуры, динамики и управления. Она имеет объективный характер, проявляется в постоянном пространственно-временном воспроизводстве всех сфер жизнедеятельности населения.

К приоритетным направлениям территориальной организации регионального развития в современных условиях реформирования российского общества, прежде всего, относятся:

- административно-территориальное устройство на всех иерархических уровнях;
- территориальная организация жизнедеятельности населения;
- повышение эффективности функционирования реального сектора экономики и социальной сферы;
- становление и развитие территориального управления на основе целесообразного сочетания регионального управления и местного самоуправления.

Нам представляется, что для обоснования территориальной организации регионального развития необходимо использовать системный, социально-пространственный, синергетический, дробно-региональный подходы с применением системы методов социально-экономического микрорайонирования, программно-целевого управления, социально-экономического мониторинга, SWOT-анализа, а также количественных методов, в частности метода нейронных сетей, позволяющего получить объективную и достоверную информацию.

Особенностью географического изучения жизни населения является активное использование дробно-регионального подхода с учетом циклов жизнедеятельности населения, основывающегося на методах социально-экономического микро-

районирования, результатом использования которого становятся иерархически организованные таксоны: микро-, топо- и нанорайоны. Их формирование происходит в процессе функционирования и жизнедеятельности людей, адаптации и синтетизирования всех видов деятельности, локализации, концентрации и деконцентрации населения, появления поселений разного ранга, что, в свою очередь, будет способствовать реализации административно-территориального реформирования на региональном уровне [2, 3].

Административно-территориальное реформирование одна из ключевых проблем совершенствования территориальной организации российского общества. Совершенствование административно-территориального устройства в современных условиях на региональном уровне обусловлено становлением в России местного самоуправления. Процесс административно-территориальных преобразований в регионах-субъектах РФ получил новый импульс с принятием 6 октября 2003 года федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Административно-территориальное деление и социально-экономическое районирование – два основных взаимообусловленных вида территориальной дифференциации. Цель административно-территориального деления заключается в осуществлении текущей организации и управлении хозяйственной деятельностью, процессами жизнедеятельности населения. Социально-экономическое районирование – действенный механизм оптимизации территориальной структуры региона, базис для совершенствования административно-территориального устройства субъектов РФ и операционная единица территориального прогнозирования, программирования, планирования и управления.

В качестве инструмента диагностирования потенциала и разработки стратегических направлений регионального развития целесообразно использовать метод SWOT-анализа. Методология SWOT-анализа позволяет выявить, во-первых, внутренние сильные и слабые стороны (оценить силы и средства) региона, а также вскрыть в ходе анализа слабые стороны и угрозы для его развития, и, во-вторых, установить внешние связи.

Особенности генерации стратегий развития региона и муниципальных образований на основе систематического сопоставления заранее созданных списков внешних факторов с внутренними силами и слабостями с применением расширенной SWOT-матрицы осуществляется как последовательность шагов, обеспечивающих:

- анализ внешнего окружения – показатели качества жизни населения региона и муниципальных образований;
- анализ внутреннего окружения – основных имеющихся возможностей, целесообразных для использования обеспечения социально-экономического развития региона и муниципальных образований;
- построение стратегий и тактических действий.

Цель построения расширенной SWOT-матрицы состоит в том, чтобы сфокусировать внимание на построении 4-х групп стратегий развития. Каждая группа стратегий использует определенную парную комбинацию внутренних и внешних обстоятельств.

Совместному анализу подвергаются пары следующих показателей:

- силы – возможности (S-O);
- силы – угрозы (S-T);

■ слабости – возможности (W-O);

■ слабости – угрозы (W-T).

В результате анализа показателей из каждой пары формируется набор стратегий:

■ стратегии силы – возможности (SO) служат для активизации сил и средств на основе максимального использования внешних возможностей;

■ стратегии слабости – угрозы (WT) – для нейтрализации слабых сторон и угроз;

■ стратегии слабости–возможности (WO) нейтрализации слабых сторон при одновременном использовании возможностей.

■ стратегии силы–угрозы (ST) – для максимального развития сильных сторон и снижения угроз.

Метод социально-экономического мониторинга, представляющий собой последовательную систему наблюдений за ходом социально-экономического развития территории, оценку происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности, анализ причин, вызывающих социально-экономические перемены и обуславливающих социально-экономическую ситуацию, прогноз развития социально-экономической ситуации, проводится с целью принятия управленческих решений по преодолению негативных и развитию позитивных тенденций.

Библиографический список

1. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Том 1 Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 535 с.
2. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование как механизм административно-территориального реформирования региона // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез.докл. Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. – С.149–151.
3. Пономарева З.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическое районирование: вопросы методологии // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез.докл.Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. – С.151–153.
4. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / Ред. и сост. А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 166 с.

Самбулова Е.Н. (г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Экономическое пространство – одна из ключевых категорий экономической географии. Оно представляет собой один из видов геопространств и характеризуется целостностью и иерархичностью. Истоки изучения пространства восходят к хорологической концепции А. Геттнера. Ю.Г. Саушкин также уделял особое внимание изучению пространства. Так, например, теоретическую географию он определяет как науку о логике геопространств, их свойствах и принципах изучения и картографирования¹. Под географическим пространством в географии часто понимают территорию, однако, в действительности понятие «пространство» шире, оно многомерно, включает акватории, информационное пространство и т.п.

В региональной экономике всплеск интереса к понятию «экономическое пространство» связан с формированием Единого экономического пространства (ЕЭП), которое должно сформироваться к 2012 г. и охватить Россию, Белоруссию и Казахстан. Л.Б. Вардомский предлагает рассматривать экономическое пространство как форму бытия экономики с позиций системно-структурного, хозяйственно-правового, геополитического (геоэкономического) и инновационного подходов. Он подчеркивает, что «национальное экономическое пространство по мере его включения в глобальную экономику и интегрированную экономику группы стран-участниц регионального объединения превращается в часть более крупного экономического пространства», т.е. экономические региональные группировки формируют макропространства².

Процессы глобализации, в свою очередь, ведут к образованию мегапространства или глобального пространства, объединяемого международными производственными связями, формирующимися в результате дробления производственного процесса на отдельные операции, которые выносятся за границу. Интегрирование таких цепочек ведет к все более тесной интеграции международных производственных цепей, прежде всего, как результата деятельности ТНК.

Таким образом, национальное экономическое пространство одновременно является частью макропространства, формируемого деятельностью региональных интеграционных группировок, и мегапространства – глобального пространства, формируемого деятельностью ТНК. Внешние факторы начинают играть все большую роль в пространственной организации национального хозяйства.

Среди основных последствий взаимодействия национального и глобального пространства на национальном уровне можно выделить:

- Усиление неравномерности развития экономического пространства страны на национальном уровне. Когда национальное экономическое пространство становится частью глобального экономического пространства, его части, в большей степени наделенные факторами производства, могут реализовывать свои преимущества не только в пределах государства, но и в международных масштабах. Проявляется мультипликативный эффект – они все в большей степени начинают опережать отсталые районы. В конечном счете, отрыв развитых районов – центра от районов с низким уровнем развития – периферии становится все более сильным.
- Усиление неравномерности развития в пределах отдельных регионов. На разных иерархических уровнях «центры» все больше отрываются от своей «периферии». Ускоренными темпами по отношению к своему окружению начинают развиваться региональные центры. В самом сложном положении оказывается «периферия периферии» – сельские районы отсталых регионов. Эти территории оказываются фактически выключенными из процессов глобализации и обречены на отставание.
- Формирование международной специализации ряда территорий и городов, функции которых проявляются в рамках глобального пространства. Самым ярким проявлением этого становятся глобальные города, несущие международные функции. Другое проявление этого процесса – формирование «индустриальных кластеров» (по М. Портеру) – регионов, где сконцентрировано большое количество предприятий – филиалов ТНК.

- Изменения в специализации регионов. Те регионы, которые в наибольшей степени втянуты в мирохозяйственные процессы, углубляют свою специализацию на тех видах деятельности и на тех товарах, на которые есть спрос и которые конкурентоспособны на мировом рынке, т.е. для которых у них есть сравнительные преимущества. Так, для стран с сырьевым экспортом, регионы с развитой добывающей промышленностью могут стать еще более «сырьевыми». Однако если страна стремится к созданию развитых факторов производства, т.е. новых сравнительных преимуществ, она может формировать новую специализацию регионов, примером чего могут послужить «свободные экономические зоны».
- Различия в темпах и характере экономического развития старопромышленных и новых индустриальных районов. Как правило, для старопромышленных районов характерна некоторая инерционность развития, инерционность сложившейся территориальной структуры. Эти регионы гораздо менее активно взаимодействуют с глобальным пространством, они и менее восприимчивы к инновациям.
- Изменение внутривосточных межрегиональных товарных потоков. Ряд наиболее ориентированных на мировой рынок регионов в значительной степени переориентируют свои внутренние связи на внешние, реализуя свою продукцию на внешнем рынке. В результате они становятся элементами глобального пространства.
- Формирование международных транспортных коридоров и новых транспортных центров. Такие коридоры становятся осью развития, и к ним стягивается хозяйственная деятельность.
- Границы в глобальном масштабе в результате отказа от протекционизма все в большей степени теряют функции барьерности, становясь все более контактными.

Взаимодействие региональных экономических макропространств и национального экономического пространства проявляется в следующих направлениях:

- Усиление фрагментарности экономического пространства. Участие страны в региональных интеграционных группировках – процесс, как правило, наиболее интенсивно захватывающий регионы, расположенные в непосредственной близости от стран – участниц, или те регионы, в экспортных товарах которых заинтересованы страны – участницы. Еще более сложная картина наблюдается в случае участия страны в нескольких региональных интеграционных группировках.
- Новая роль границ в региональном масштабе. Участие стран в региональных группировках, особенно в зрелых, предполагающих формирование в рамках этих группировок единого экономического пространства, резко усиливает контактность границ, превращая их в открытые границы. В этом случае возможны изменения в специализации и значении отдельных центров и регионов, которые начинают работать на весь региональный рынок. В пределах региональных интеграционных группировок начинается формирование трансграничных регионов. Такие трансграничные регионы могут быть продуктом трансформации лимитрофных территорий, т.е. таких территорий, которые имеют черты переходности – сочетают признаки разных цивилизаций, окраинами которых они являются.

- Изменение специализации приграничных территорий. В результате регионализации они могут приобретать новые функции, например, там может интенсивно развиваться международный туризм, внешняя торговля, в частности, «челночная», увеличивается поток мигрантов.
- В течение последних десятилетий Китай активно включается в мировое хозяйство, в результате его экономическое пространство становится элементом глобального экономического пространства, испытывает его возрастающее влияние. В меньшей степени территории Китая участвуют в региональной экономической интеграции, хотя формирование единого рынка «АСЕАН+3», взаимодействие в рамках ШОС становятся существенными факторами развития приграничных территорий.

Следствием углубляющегося взаимодействия китайского экономического пространства с мировым стало усиление неравномерности развития китайского экономического пространства на разных иерархических уровнях.

Во-первых, сохраняется значительный разрыв в уровнях развития между административными единицами. В 2001 г. разрыв между показателями валового регионального продукта на душу населения между самой развитой единицей (Шанхай) и самой отсталой (Цинхай) составил 10,5 р. по сравнению с 7,5 в середине 1990-х годов, а к 2003 г. что разрыв между лидером КНР по уровню экономического развития г.ц.п. Шанхаем и самой отсталой провинцией Гуйчжоу возрос до 13 раз! В 2008 г. разрыв между ними начал сокращаться (8,2 р.), что связано с влиянием мирового экономического кризиса, затронувшего, в первую очередь, производство экспортоориентированных предприятий приморья. Как и в России, в КНР различия между показателями ВРП на душу населения существенно меньше, чем различия в ВРП на 1 кв. км, что подчеркивает гигантскую пространственную неоднородность освоения этих стран. валовой региональный продукт на 1 кв. км территории в пров. Цзянсу в 804 раза превышает показатель Тибетского автономного района³.

Во-вторых, несмотря на целенаправленную региональную политику государства, при консервации отсталости внутренних регионов сохраняется и даже усиливается отрыв приморских провинций от центральных и западных по уровню экономического развития.

В-третьих, под воздействием внешних факторов происходит перенос центра тягести развития внутри приморской зоны: на первом этапе реформ доля Шанхайского региона (г.ц.п. Шанхай, пров. Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой) снижалась, а южного росла. С 1998 г. по настоящее время доля Шанхайского региона имела тенденцию к росту.

В-четвертых, ускоренными темпами по сравнению с окружением начинают развиваться региональные центры (административные центры провинций, уездов и т.д.).

В-пятых, усиливается разрыв между городом и деревней: влияние внешних факторов в большей степени затрагивает городские территории, что способствует их опережающему развитию.

Идет интенсивный процесс формирования международной специализации ряда территорий и городов. В ходе включения в глобализационные процессы крупнейшие города (Шанхай, Пекин, Гуанчжоу), «специальные экономические зоны», регионы с экспортной специализацией, обладающие наиболее выраженными сравнительными преимуществами и креативными инновационными возможностями в мировом масштабе и характеризующиеся высоким уровнем конкурентоспособно-

сти, превращаются в полюса роста и начинают выполнять пространственно организующую роль не только в рамках страны, но и на международном уровне.

Проявляется относительное отставание в темпах и характере экономического развития старопромышленных районов, например, Северо-Восточного (особенно, пров. Ляонин).

Приморские провинции в значительной степени переориентируют свои внутренние связи на внешние, реализуя свою продукцию на внешнем рынке. Здесь концентрируется основная часть филиалов ТНК, предприятий с участием иностранного капитала, которые втянуты в международные производственные процессы, являясь звеньями в глобальном разделении труда. Менее же втянутые в мирохозяйственные процессы регионы попадают в сложную ситуацию, теряя рынки сбыта своей продукции из-за того, что не выдерживают конкуренции с более дешевой импортной продукцией. Особенно это касается сырьевых и сельскохозяйственных провинций Центрального и Западного Китая.

Усиление фрагментарности экономического пространства Китая связано с тем, что участие Китая в региональных интеграционных группировках – процесс, как правило, наиболее интенсивно захватывающий регионы, расположенные в непосредственной близости от стран-участниц, или те регионы, в экспортных товарах которых заинтересованы страны-участницы. Участие в Шанхайской Организации Сотрудничества в наибольшей степени оказывает воздействие на Синьцзян-Уйгурский автономный район. В сотрудничество со странами АСЕАН вовлечена прежде всего пров. Юньнань. Усиливает фрагментарность экономического пространства и приграничное сотрудничество как этих регионов, так и Хэйлунцзяна с Россией, Тибета с Непалом, предполагающее интенсивные торговые и инвестиционные связи с прилегающими регионами соседней страны.

В результате происходит изменение специализации приграничных территорий, они приобретают новые функции: например, в пров. Юньнань начинает интенсивно развиваться международный туризм, а в пров. Хэйлунцзян внешняя торговля.

Углубление диспропорций в развитии экономического пространства Китая как результат усиления и усложнения взаимодействия с глобальным экономическим пространством рассматривается китайским руководством как одна из главных проблем, выявившихся в ходе экономической реформы после 1978 г. Реакция руководства Китая на происходящие процессы на пространстве страны выражается в особенностях региональной политики, направленной на сглаживание географической логики развития и воздействия внешнеэкономических факторов.

Примечания

- ¹ Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М., 1976.
- ² Вардомский Л.Б. Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции. Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2008.
- ³ Чжунго тунцзи няньцзянь, 2009. (Китайский статистический ежегодник). – Пекин, 2009.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Важнейшим фактором, определяющим региональное развитие, является позиционное положение – экономико-географическое положение. Особый интерес для исследования имеет транспортно-географическое положение (ТГП). Транспорт образует своеобразный каркас территориальной структуры хозяйства и консолидирует социально-географическое пространство, служит фактором устойчивости социально-экономического развития региона.

Н.Н. Баранский подчеркивал, что для экономической географии чрезвычайно важно положение территории к путям, рынкам, крупным центрам (промышленным, торговым, административным, культурным). Н.Н. Баранский рассматривал ЭГП с трех позиций: по отношению к территории, по отношению к элементам производства и непроеизводственной сферы и с позиций пространственной масштабности оценки положения [1].

Непреодолимое значение имеют глубокие разработки положений теории ЭГП в трудах И. М. Маергойза. Он разработал структуру ЭГП в системе отношений: «основные территориальные», «производные территориальные», «интегральные территориальные – отношение к территориям различного масштаба» [4].

Е.Е. Лейзерович выделил 3 вида ЭГП: инновационное, соседское, транспортно-географическое [3]. У транспортно-географического положения много подвидов: центральное, периферийное, внутреннее, магистральное, транзитное, тыловое (вдали от транспортных путей), тупиковое, приморское и др. Так, транзитное положение – это положение на таких транспортных путях, по которым осуществляются связи ведущих экономических объектов (центров и ареалов), и в местах пересечения этих путей создаются хорошие условия для развития самых разных производств, даже там, где для этого нет местных ресурсов.

Под ТГП понимается положение по отношению к транспортной сети (с учетом ее мощности, провозной способности путей сообщения, степени загруженности, скорости и стоимости перевозок), сети транспортных узлов и потоков. ТГП является важнейшим компонентом экономико-географического положения. Особенности положения экономико-географических объектов определяются близостью или удаленностью от важнейших транспортных узлов и магистралей и характером территориального охвата. Оценивается обеспеченность объекта транспортными и коммуникационными возможностями хозяйственных связей (автомобильные и железнодорожные дороги, авиатрассы, нефте- и газопроводы, оптико-волоконные линии связи и ЛЭП, аэропорты, речные и морские порты).

Важнейшие черты ТГП: исторический динамизм, потенциальные возможности, управляемость, возможность «создать себе положение», уникальность положения. Н.Н. Баранский писал, что страна может исправлять, улучшать свое ЭГП (ТГП). В качестве примеров он приводил сооружение Панамского канала и проведение трансконтинентальных железных дорог в США [1].

При характеристике позиционного положения регионов возможно использование комплексного подхода, который может выражать интегральную оценку ЭГП/ТГП. Уровни ЭГП (макро-, мезо- и микроположение) взаимодействуют друг с дру-

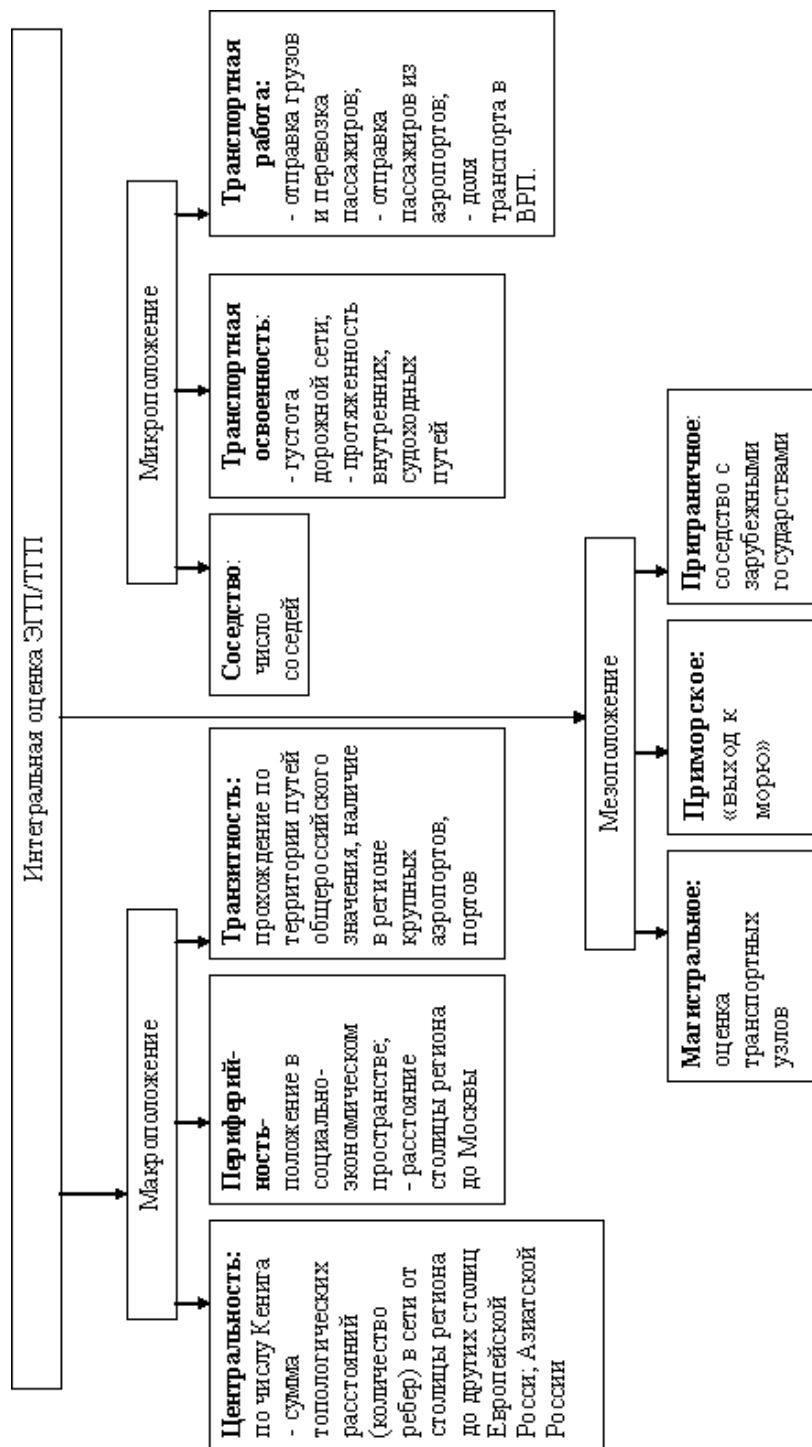

Рис. 1. Интегральная оценка ЭП / ТПП региона

гом, но их отражение на развитие тех или иных процессов и явлений может быть различным. Считается, что наибольшим потенциалом роста обладают территории с выдающимся макро- и мезоположением, расположенные в фокусах связей, скрепляющих воедино крупные территории, в центрах быстроразвивающихся промышленных или сельскохозяйственных ареалов, в точках контактов различных зон, перепадов экономических потенциалов, в опорных узлах районов нового освоения. Проведенный анализ показал, что для одних регионов существеннее всего оказывается микроположение, для других – мезо- или макроположение.

Рисунок 1 отражает авторский подход к оценке ЭГП/ ТГП регионов России как относительно макро-мезо-микропозиций так и относительно друг друга. Оценка позиционный возможностей имеет в данном случае количественное значение – в баллах и рангах и представляет собой в конечном итоге – количественный потенциал позиционных возможностей регионов.

В положении «микро» – возможно изучение соседства, транспортной освоенности и транспортной работы региона. Оценку мезоположения регионов возможно провести по позициям – «магистральное», «приморское», «приграничное». «Магистральность» положения характеризуется на основе балльной оценки пропускной способности путей сообщения, проходящих через крупные транспортные узлы изучаемых регионов, где учитывается наличие магистральных железных и автомобильных дорог, водных путей и аэропортов [6]. Полученные баллы суммируются по транспортным узлам каждого региона и аналогично другим оценкам ранжируются «от большего к меньшему». При характеристике приморского положения дополнительный балл получают регионы имеющие выход к морю. При оценке «приграничности» регионы за «соседство с зарубежными государствами» получают дополнительный балл. Положение «макро» оценивается по позициям – «центральность», «периферийность», «транзитность» (рис. 1). «Центральность» рассматривается как выгодность положения столиц регионов и определяется способом топологических расстояний, оценивается положение столиц на графе железнодорожной сети России. Графы рекомендуется строить для столиц регионов европейской и азиатской частей России. Города (столицы регионов) – это вершины графа, их соединяют ребра, показывающие наличие прямых железнодорожных связей между вершинами. Расстояние между столицами измеряется числом ребер (число Кенига) – по кратчайшему расстоянию. Чем меньше сумма данного числа, тем центральнее, выгоднее положение города в системе. Периферийное положение рассматривается в двух аспектах (рис. 1). В первом случае периферийное положение оценивается по расстоянию от административного центра изучаемого региона до Москвы, составляется рейтинг мест. Во втором случае, периферийное положение оценивается с социально-экономических позиций. Поскольку всякое экономическое пространство представляет собой связанные воедино и взаимодействующие между собой территории. В пространстве «качество» экономики, уровень социально-экономического развития изменяются в направлении «центр-периферия». Именно это направление в данных исследованиях расширяет позиционные возможности оценок, делает невозможным применение в системе оценок только «транспортно-географического положения», поэтому используется «оценка ЭГП/ТГП» (рис. 1). Периферия не однородна, имеет «ближнюю» и «дальнюю» территорию. «Ближняя» – тесно связана с центром, от которого она получает импульсы к развитию, в то время как «дальняя» периферия практически не испытывает влияние центра.

На межрегиональном уровне понятие «периферия» используется не столько с точки зрения географической удаленности от центра, сколько с позиций в социально-экономическом пространстве страны. Некоторые периферийные по уровню развития регионы могут территориально находиться ближе к центру, поскольку уровень развития больше определяется структурностью экономики, ресурсами, активными и другими факторами, нежели географическим расстоянием от центра. Согласно центрально-периферийной концепции выделяют группу полупериферийных территорий. Анализ проведенных другими авторами типологий полупериферийных регионов показал, что выделяют три большие группы: «догоняющая полупериферия», «ядро полупериферии» и «отстающая полупериферия» [5]. В итоговой оценке регионам, входящим в группу «ядро полупериферии» присвоены 3 балла, регионам из группы «отстающая полупериферия» – 1 балл, регионам, не вошедшим ни в одну из групп – 0 баллов, поскольку они являются периферийными территориями.

Транзитное положение наиболее экономически выгодное положение региона, обеспечивающее стабильный, безопасный, скоростной, рентабельный и комфортный транзит товаров и услуг. При оценке учитывается наличие в каждом регионе железных дорог, автомобильных дорог, нефте-, газопроводов, речных путей, морских портов общероссийского значения, аэропортов международного значения. При оценке позиций «макроположения» (рис.1) следует учитывать, что для регионов есть потенциальные возможности развития сетевых связей, благодаря которым «сотрудничающие города достигают выгоды от увеличения масштаба производства, чему способствует образование быстрых и надежных коридоров транспорта и телекоммуникаций» [2, С.125], речь идет о формировании так называемых «коридорных» городов. Хотелось бы привести высказывание Н.Н. Баранского: «Удобства положения как бы они ни были велики сами по себе, создают только возможности, которые надо еще суметь использовать» [1, С. 91].

Разновариантность подходов и оцениваемых позиций положения регионов в пространстве страны показала, что:

- 1) предложенная схема анализа ЭГП/ТГП (рис.1) может быть использована для региональных географических объектов;
- 2) специфика исследования предполагает использование системного подхода к оценке ЭГП/ТГП ввиду анализа положения не одного объекта, а многих;
- 3) в аналогичных исследованиях возможно использование отдельных составляющих для анализа позиций ТГП;

Например: по устоявшимся подходам в микроположении оценивается соседское положение. «Транспортная освоенность» и «транспортная работа» дополняют данную характеристику, характеризуют количественный потенциал ТГП, показывают насколько в настоящее время используется имеющаяся транспортная инфраструктура региона, которую необходимо учитывать, по выражению Н.Н. Баранского и авторскому мнению – она есть «географическая данность», поскольку инфраструктура «привязана» к территории. «Транзитность» и «магистральность» – связанные между собой позиции, возможно, их взаимоисключение в оценке мезоположения.

4) необходима дифференциация в присвоении баллов (количественный потенциал ЭГП оценивался по сумме баллов и мест), возможно использование экспертных оценок и взвешивание коэффициентов, что позволит реализовать не только количественный, но и качественный подход к оценке положения регионов в пространстве страны. Так, при апробации данной методики для депрессивных реги-

онов России, «приморское» и «приграничное» положения уступили место – «центральному» и «транзитному» [7]. С одной стороны, это не совсем объективно, но с другой – можно объяснить «не контактностью» границ приморских регионов, определившихся на последних местах в рейтинге ТГП. При формировании и реализации региональной политики следует обратить внимание на данное обстоятельство, особенно это актуально для Камчатского края и ЕАО (занимают последние места в интегральной оценке ТГП), Дагестана, Приморского и Забайкальского краев (занимают средние позиции в итоговой оценке). Такие регионы как Республика Мордовия, Владимирская, Ульяновская, Кировская области, как и большинство регионов изучаемого депрессивного типа «недоиспользуют» выгоды своего ЭГП [7];

7) на формирование регионального транспортного пространства оказывают влияние цели социально-экономического развития, структура экономики, состояние инфраструктуры. Транспортно-географическое положение выступает важнейшим фактором регионального развития и создания возможностей регионального роста, что будет способствовать выходу регионов на более передовые позиции и в конечном итоге созданию «действенного» полупериферийного социально-экономического пространства страны.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии: Изд. подгот. Л.М. Панчешниковой. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1990. – 303 с.
2. Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол / Рышард Доманьски. – М.: Новый хронограф, 2010. – 376 с.
3. Лезерович Е.Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов. Теория и социальные функции географии // Известия РАН. – Серия географическая. – № 1. – 2006. – С. 9–14.
4. Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 137 с.
5. Раевская А.Н. Факторы и динамика социально-экономического развития полупериферийных территорий России: автореф. дис. канд. геогр. наук / Раевская Анна Сергеевна. – Москва, 2009. – 24 с.
6. Семина И.А. Транспорт как фактор регионального развития (на примере регионов депрессивного типа) / Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). – М.: Эслан, 2009. – С. 305–326.
7. Семина И.А. Положение регионов депрессивного типа в социально-экономическом пространстве страны // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. – М.: Эслан, 2010. – С. 318–339.

Сидоров В.П. (г.Ижевск)

ГЕОГРАФИЯ ТРАНСПОРТА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВА

География транспорта – одна из важнейших дисциплин блока отраслевых наук в составе экономической, социальной, политической и рекреационной географии. А сама транспортная система – одна из самых «географичных» среди других геосистем, поскольку она не только имеет четко выраженную территориальную структуру, но и присутствует в территориальной структуре многих других социально-экономических систем. Все связи в территориальной структуре подразумевают преодоление пространства, которое технически и обеспечивает транспорт, гаран-

тируя таким образом, сохранение не только территориальной структуры, но самих социально-экономических систем. Поэтому транспорт, был и должен быть для экономико-географов постоянным и важным объектом исследования. Автор предлагаемой статьи в свое время отдал (причем, не без удовольствия) много сил и внимания научно-практической деятельности в сфере географии транспорта. И поэтому его беспокоит современное состояние отечественной географии транспорта. Имеется в виду география транспорта не как учебная дисциплина в образовательных учреждениях, а как отраслевое направление экономической и социальной географии.

Информация, полученная из каталога Российской государственной библиотеки, показывает, что за последние примерно двадцать – двадцать пять лет из нескольких сотен экономико-географических кандидатских и докторских диссертаций транспортной тематике были посвящены около двух десятков. Даже если автор статьи и пропустил какие-то диссертации, то все равно – таких работ очень мало! Причем пик интереса к транспортным системам, как объекту географических диссертационных исследований пришелся на середину 90-х гг. прошлого века, когда в некоторые годы защищались по 4–5 работ. В 2000-х гг. диссертации по транспортной тематике стали буквально «штучным» товаром.

Можно определить несколько причин уменьшения научного интереса к географии транспорта.

1. Ослаб практический интерес к транспортной тематике, который «подогревается» возможностью защиты диссертации; выгодностью проведения хоздоговорные работы; возможностью выигрывать гранты.

2. Подзабыты старые и (или) не удается создать новые методы транспортно-географических исследований.

3. Происходит замена самостоятельной географии транспорта разделом в ныне модной логистике. Например, разделом наподобие «Управления и оптимизации перевозки людей и физических грузов» или чем другим подобного рода.

1. Ослабление практического интереса. У географов всех специальностей и направлений подготовки нет необходимости долго искать объект диссертационного исследования. Им может стать все, что каким-либо образом располагается на поверхности Земли. Но почти всегда существует проблема с выбором предмета исследования. И возникают извечные для любого – и особенно молодого – ученого вопросы: «О чем писать? Что защищать?». Все это относится и к географии транспорта. Содержание авторефератов диссертаций многих из тех немногих молодых экономико-географов, писавших или пишущих диссертации по транспортной тематике не дает повода для радости. В качестве предмета работы представляется то, над чем представители старшего поколения уже успешно работали в 80-х - первой половине 90-х годов 20 века. Причем автор ни в коем случае не обвиняет молодых ученых в плагиате. Скорее всего, они и не знают об этих работах, поскольку обошлись просмотром работ признанных в отечественной географии транспорта корифеев, которых не более 5–6. Но были не только докторские транспортно-географические диссертации. Было и немало успешных в научно-методическом плане прикладных транспортно-географических работ. Поэтому, по моему мнению, эти новые диссертации добавили в географию транспорта как науку не очень много нового. Одной из косвенных причин подобной ситуации является структура самой транспортной системы.

Транспортная система в упрощенном виде – это совокупность трех компонентов:

1. Транспортной сети (транспортных пунктов, узлов, перегонов), т.е. объектов географических, как-то пространственно расположенных.

2. Подвижного состава – т.е. объектов нелинейных, перемещающихся, и, поэтому, географически непостоянных.

3. Организации перевозочного процесса, т.е. категории экономической, нетерриториальной.

Транспортная сеть всегда и в первую очередь интересует географию транспорта как науку. И здесь экономико-географам следует сосредоточить усилия на совершенствовании: методики оценки конфигурации транспортной сети – ее оптимальности для обеспечения перевозочного процесса, а также методики оценки транспортно-географического положения (ТГП) объектов. Если к транспортной сети (ее морфологии, типологии, этапам развития и т.п.) интерес у географов относительно стабилен, то про совершенствование методики оценки ТГП стали понемногу забывать. А ведь оценка ТГП – это именно та географическая работа, на которую пока не очень претендуют экономисты-транспортники или технари-транспортники и которая может быть востребована при выполнении практических работ не только по оптимизации городского и междугороднего транспорта, но и связанных с поиском мест размещения других социально-экономических объектов.

В то же время следует заметить, что в наши дни одного объектного поля в виде транспортной сети для развития географии транспорта недостаточно. Чтобы география транспорта была конкурентоспособной и востребованной на рынке грантов и хоздоговоров ей необходимо «работать» с подвижным составом и процессами экономической организации транспортной системы.

2. И вот тут возникает вторая причина торможения развития отечественной географии транспорта – слабость собственного методического аппарата, его неспособность оценивать состояние транспортных систем на том уровне, который требует, например, заказчик. Но это не повод обходить транспортно-географическую тематику. И экономическая и социальная география в целом, и география транспорта – в частности – никогда не отличалась богатым арсеналом собственных методов исследований (по мнению автора). И ничего страшного в этом нет. Методическая сила экономико-географических дисциплин в другом – в способности найти, понять, овладеть методами других наук, умело адаптировав их для решения собственных исследовательских задач. В конкретном случае надо восстанавливать навыки работы с методами теории графов, задачами линейного программирования транспортного типа, возрождать среди географов уже забытую моду на овладение математическими и математико-статистическими методами, активно осваивать методы экономических наук. Только лишь на своих методах, география транспорта далеко не уедет. Более того, она будет вытолкнута с поля прикладных (имеется в виду – отдельно оплачиваемых) транспортных исследований в форме хоздоговоров, грантов и т.п. Что, в общем-то, и происходит. В первом десятилетии 2000-х на 1 географическую «транспортную» диссертацию, приходилось примерно по 3–4 негеографических диссертации, посвященных пространственному анализу (а это предметное поле географии транспорта) организации, оптимизации, оценке транспортных систем. С той лишь разницей, что в области исследования междугороднего транспорта доминируют диссертации по экономическим наукам (в подавляющем большинстве случаев – по экономике и управлению народ-

ным хозяйством), а в области внутригородского транспорта – диссертации по техническим наукам.

3. Теперь немного о соотношении географии транспорта и логистики. Логистика – это наука об управлении и оптимизации материальных, финансовых, информационных потоков, потоков услуг на основе применения современных технологий, более обоснованных и совершенных экономических решений, которая должна с учётом реальных возможностей связать внутренние и внешние связи (потоки) для получения конечных (оптимальных) результатов. Цель логистики – обеспечение потребителя продукцией или услугами в нужное время в нужном месте при минимальных временных и финансово-ресурсных затратах на осуществление логистических операций и имеющихся возможностях. Логистическая операция – действие, связанное с возникновением, преобразованием или поглощением материального и (или) нематериального потока (связи), ограниченное областью поставленной логистической задачи. Логистическая функция – это совокупность связанных логистических операций, направленных на достижение одной из поставленных перед логистической системой или её элементами задач. Главный объект воздействия логистической операции – логистический поток. Логистический поток – это совокупность объединённых по определённому признаку объектов, перемещаемых в физическом (географическом) или виртуальном (например – электронном) пространстве, а также во времени и преобразуемая в соответствии с воздействием на неё субъекта управления. Логистические потоки различаются по регулярности, непрерывности, стабильности, изменчивости, характеру перемещения элементов, сложности и некоторым другим параметрам. Основные правила логистики: товар – только нужный; качество – только высокое; количество – необходимое; время доставки – точное; место – чётко определённое; затраты – минимальные.

Логистический характер транспортной системы можно подтвердить логистическими по форме и сути основными потоками (связями) в ней.

В самом общем виде можно выделить несколько этапов возникновения этих связей потоков. Потоки первого этапа: клиент – перевозочная компания, перевозочная компания – клиент; потоки второго этапа: клиент/груз – перемещение к месту назначения/потребителю, клиент/груз – место назначения/потребитель; потоки третьего этапа: – клиент/груз – реакция на потреблённые транспортные услуги.

Показанная выше возможность логистических характеристик связей (потоков) в перевозочной деятельности позволяет говорить о том, что свойства транспортной системы соответствуют свойствам систем логистических:

1. В транспортной системе присутствует совместимость элементов: клиент (пассажир/груз) – перевозочная фирма или организация – непосредственно перевозка – транспортная инфраструктура.

2. Существование устойчивых связей между элементами транспортной системы – прямых (всегда) и обратных (в большинстве случаев).

3. Связи между элементами транспортной системы имеют определенную упорядоченность и чёткую организацию.

4. Большинство связей (потоков) в транспортной системе предполагает преодоление пространства – в это плане ТПС логистическая географическая система.

5. Транспортная система обладает интегративными свойствами пространственной и непространственной организации своих компонентов и выражается в ней.

Всё вышесказанное подтверждает возможность и указывает на необходимость применения методического аппарата логики при исследовании параметров, оценке эффективности и поиске путей оптимизации функционирования транспортных систем любого уровня сложности.

Подводя итог можно напомнить, что если не для быстрого развития, то хотя бы просто для оживления отечественной географии транспорта необходимо: совершенствовать и развивать традиционно-географические методы оценки конфигурации транспортной сети и транспортно-географического положения; обогащать арсенал методов транспортно-географических исследований, возвращая в него математические и графоаналитические и осваивая параллельно экономические методы; не «бояться» логики и, тем более не растворяться в ней, а используя ее понятия, подходы и методы, защищать и расширять свое место в пространстве исследований транспортных систем разного уровня.

Стрелецкий В.Н. (г. Москва)

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ (КРАТКИЕ ТЕЗИСЫ)

1. Термин регионализм в современном географическом и социально-гуманитарном дискурсе используется в различных значениях [1; 3; 4; 7 и др.]. Под регионализмом, в частности, понимается:

1) подход к проблемам социума с позиций интересов и потребностей регионов, их учет в экономике, политике, управлении, отказ от чрезмерного централизма и унификации;

2) взаимодействие между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (например, административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующих соответствующие региональные группировки; их региональное сотрудничество, укрепление связей между ними;

3) политические движения в рамках разных региональных сообществ, направленные, в частности: а) на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей); б) на расширение уже существующих прав региональных сообществ.

Интерпретация регионализма в данном докладе имеет иной ракурс: он трактуется, прежде всего, как феномен культуры.

2. Культура как географическая реальность может рассматриваться с двух разных точек зрения [6]. Во-первых, это культура в географическом пространстве (пространственная дифференциация артефактов и ментифактов, их выраженность в ландшафте, связь с географической средой, пространственная самоорганизация культурных комплексов). Во-вторых, это географическое пространство в культуре (представления о географическом пространстве в разных культурных контекстах, образы различных местностей и территорий, отношение местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры).

3. Под культурным регионализмом понимается своеобразие, самобытность региональных сообществ людей, неразрывно связанное с региональным разнообра-

зием культурных ландшафтов. Культурный регионализм являет собой двуединый феномен: с одной стороны, это понятие охватывает реальное региональное разнообразие культурных ландшафтов, с другой стороны – их восприятие местными (территориальными) сообществами. Таким образом, у феномена культурного регионализма есть две важнейшие составляющие. Во-первых, его объективная основа, некая комбинация культурных характеристик, которые придают той или иной территории черты своеобразия, неповторимости, а то и уникальности, по сравнению с другими территориями. Во-вторых, это субъективная составляющая, самосознание людей – носителей региональной культуры, перцепция ими географического пространства. Феномен культурного регионализма прослеживается на разных уровнях пространственной иерархии – от локального до национального.

4. Феномен культурного регионализма может быть описан большой совокупностью индикаторов, используемых в культурно-географических исследованиях. К числу важнейших «индикаторов» культурного регионализма относятся:

1. Региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией.

2. Этническая / субэтническая / субкультурная гомогенность / гетерогенность регионального (местного) сообщества.

3. Характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура.

4. Регионально специфические для местной культуры особенности хозяйства и природопользования.

5. Местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы).

6. Конфессиональная структура регионального (местного) сообщества.

7 Регионально специфические особенности духовной культуры.

8 Регионально специфические особенности материальной культуры.

5. Стержневое понятие в интерпретации регионализма как феномена культуры – региональное самосознание людей. Региональная идентичность как самоотождествление определенных общностей людей с соответствующими территориями является, как правило, следствием укорененности культуры, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к своей «малой родине», стремления так или иначе ее «обустроить». Очень часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову.

6. Трактовка понятия «район» в культурной географии имеет две разные традиции. В первом случае «районируется» территория, во втором – культура. Первый подход восходит к идеям основоположников хронологической концепции о «заполнении» географического пространства, второй – к представлениям о пространственном бытии самой культуры. В рамках концепции культурного регионализма эффективна реализация именно второго подхода.

7. Узловая теоретико-методологическая проблема исследования феномена культурного регионализма – вопрос онтологического статуса культурных районов.

Как и любой иной район, культурный район не является объектом, существующим независимо от нашего сознания, данным нам как бы «от природы». Но он не является, по глубокому убеждению автора, и чисто интеллектуальным конструктом, сформированным одним лишь мышлением (данная точка зрения широко распространена в современной англосаксонской культурной географии и в некоторых других национальных школах). В споре между сторонниками и противниками признания реальности культурных районов автор придерживается представления об их реальности. Но последняя, с позиций современного знания и современной методологии, конечно же, не может трактоваться в редукционистском смысле. Длительное время в отечественной науке и философии категория реальность (от латинского *res, realia* – дело, вещи) трактовалась как совокупность всего материального вокруг нас, окружающий мир, воспринимаемый нашими органами чувств и независимый от нашего сознания. Современная же философия исходит из представлений о реальности как о сложной семиотической, знаковой системе (сформированной и природой, и людьми). Многие культурно-географические феномены, как хорошо известно, не являются материальными; их ключевые особенности и связи относятся как раз к сфере сознания и проявляются, в решающей степени, в сходстве систем ценностей и ментальности людей. Культурные районы, отнюдь, таким образом, не будучи «вместилищем артефактов», есть, тем не менее, категория реальная.

8. Другой ключевой вопрос в изучении культурного регионализма, – являются ли культурные районы естественно-историческими феноменами, или же это конструируемая реальность? В понимании автора, большей частью генезис культурных регионов органичен и объективен, носит спонтанный, естественноисторический характер. Они, как правило, не создаются искусственно в силу тех или иных политических и др. решений, но формируются и развиваются по собственной, внутренней логике. Но этот тезис, подтверждаемый, в частности, результатами эмпирических исследований на материалах Германии и Европейской России, не означает отрицания автором возможности искусственного «конструирования» региональных идентичностей и вообще региональных культурных комплексов; данный процесс может дать импульс формированию «новых» культурных районов (например, в географических контурах административно-территориальных единиц), не имеющих исторической укорененности как первоосновы своего генезиса. Так, создание региональной мифологии – мощнейший ресурс, который широко используется в современном мире и региональными властями, и региональными интеллектуальными элитами для выстраивания «особой» региональной идентичности (а это один из ключевых элементов культурного регионализма).

9. Культурные районы, как и другие виды районов, в типологическом отношении могут быть как узловыми (нодальными), так и однородными (гомогенными), либо в разной степени совмещать их признаки. Распространенное представление о культурных районах как преимущественно однородных связано с фокусировкой внимания на пространственной дифференциации традиционной культуры (особенно когда речь идет о «частных», а не об интегральных культурных районах – в этнической, лингвистической географии, географии религий и т.д.). В то же время современные центры новационной (преимущественно городской) культуры, по мере пространственной диффузии культурных инноваций, объективно и неизбежно порождают и воспроизводят узловые культурные районы. Грань между районами традиционной и новационной культуры, и вообще между однородными и узловыми

ми культурными районами – достаточно условная и, главное, исторически подвижная. Многие из сохранившихся в наши дни районов традиционной культуры – уцелевшие «реликты» полноценных узловых культурных районов, существовавших в прошлые исторические эпохи.

10. Соотношение культурных районов с другими типами районов общества. Культурный район (как территориальная общность людей и их культуры) – более «узкая» категория, чем интегральный общественный район. Среди понятий, используемых в районировании общества, культурные районы стоят в одном ряду с экономическими, социальными, политическими и другими районами, выступающими в роли частных инвариантов пространственной самоорганизации общества. Процессы регионализации в отдельных «сегментах» общества (социум, экономика, культура и др.) имеют свою специфику; соотношение социальных, экономических, культурных и иных структур на разных уровнях пространственной самоорганизации различно. Культурные взаимодействия проявляют себя, в том числе, на очень обширных пространствах. В некоторых макрорегионах мира (например, в Северной Америке) именно культурные районы фактически занимают верхние «этажи» районирования (см. работы Р. Гастила, В. Зелински, а из отечественных географов – Л.В. Смирнягина [5] по районированию США). Вместе с тем, трактовать эту эмпирическую данность как общую географическую закономерность нет достаточных оснований. Так, в Западной Европе наблюдается скорее иная пространственная картина: там экономические районы высшего ранга, большей частью, крупнее культурных.

11. Одна из острейших методологических проблем культурной географии – проблема анклавов в культурном районировании. Инокультурные анклавы внутри культурного района (особенно если речь идет об однородном культурном районе) – это часто очень значимые феномены, которые невозможно игнорировать при проведении культурного районирования. Примерами могут служить иноэтнические вкрапления (анклавы) внутри однородного (гомогенного по базовому признаку) культурного района или города внутри районов традиционной сельской культуры. При однородном культурном районировании анклавы во многих случаях могут быть «изъяты» из регионального контекста без особого ущерба для отображения того феномена культуры, который районируется (так при районировании традиционной сельской культуры можно игнорировать вкрапления городов в ее географическое пространство, ибо они по определению не являются центрами сельской культуры). Однако при интегральном узловом культурном районировании игнорировать проблему анклавов невозможно; выявление характера связи последних с другими структурными звеньями узлового района становится важной частью процедуры районирования. Региональная самоидентификация населения и формирование региональных общностей людей предполагают максимальное «включение» всех групп населения в местное сообщество, в том числе и представителей инокультурных анклавов. Опыт конкретных исследований (в частности, на материалах Германии и ряда других западноевропейских стран) показывает, что наличие таких анклавов внутри культурных районов не обязательно способствует размыванию целостности последних и уж во всяком случае не исключает формирования, в той или иной степени, общих ценностей и единого регионального самосознания представителей разных культурных групп, проживающих в пределах таких районов.

12. Миграции населения играют в генезисе культурно-географических различий двоякую роль. С одной стороны, они выступают в роли мощнейших трансля-

торов культурных артефактов, ментифактов, социофактов во внешнее пространство. С другой стороны, высокая миграционная подвижность часто ослабляет ранее сложившиеся традиционные культурные комплексы и может, тем самым, снижать «силу» (в терминологии М.П. Крылова [2]) региональной идентичности. Однако представляется, что связь здесь более сложная. Миграции населения не всегда влекут за собой разрушение укорененной культуры и, более того, могут быть сами отчасти продиктованы и обусловлены как раз высокой степенью укорененности.

13. Опыт исследований на примере России и некоторых зарубежных европейских стран (в частности, Германии) не подтверждает прямой связи между культурным регионализмом и региональным сепаратизмом. Во многих случаях развитое региональное сознание выступает как раз неотъемлемым компонентом национальной идентичности, выполняет функцию важной «скрепы» национального единства.

Библиографический список

1. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. – М.: Гардарики, 2002.
2. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010.
3. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Отв. ред. С.С. Артоболевский, А.И. Трейвиш. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Регионы и регионализм в странах Запада и России / редколлегия: И.М. Бусыгина, Р.Ф. Иванов, И.М. Супоницкая. – М.: ИВИ РАН, 2001.
5. Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989.
6. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. – Серия география. – 2002. – № 4. – С.18–28.
7. Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В.Я. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., Летний сад, 2003.

Темирбеков А.Т. (г. Алматы)

О СУЩНОСТИ И СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРРИТОРИЯ» И «ПРОСТРАНСТВО» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

В сфере научных понятий и терминологии географической науки в целом, и в частности экономической и социальной географии широко распространены и применяются понятия «территория» и «пространство». Во многих случаях эти понятия употребляются как синонимы, в других случаях ими подразумеваются разные толкования.

Ю.Г. Саушкин, анализируя содержание термина «экономическая география», учитывая факторы историзма и динамики развития (имеется в виду пути развития экономической географии как науки), писал, что «советские экономико-географы... за полвека формирования своей конструктивной науки ... пришли к значительно более точному и вместе с тем широкому определению сущности экономической географии. Объекты исследования экономической географии – территориальные системы, которые формируются в процессе жизни общества, территориальные проявления производственной и некоторых других видов общественной деятельности людей.» (1, с. 4–5). Рассматривая процессы формирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем в историческом и региональном аспекте, целостность их образования, особенности внутренней структуры и присущий им «рисунок размещения», Ю.Г. Саушкин заключает, что «террито-

риальность – необходимый признак экономической географии» или, как ныне она именуется, социально-экономической географии. Этот, выделенный, главный признак социально-экономической географии – территориальность, – является одним из значимых вкладов Ю.Г. Саушкина в географическую науку. Он об этом писал во втором издании разработанного им курса «Введение в экономическую географию», изданного в 1970 году. Ныне, когда отмечается 100-летняя юбилейная дата Ю.Г. Саушкина, мы должны говорить и помнить о необходимости бережного отношения к научным наследиям ученых, вносивших огромный вклад в объект и предмет исследования, а также в понятийно-терминологический аппарат нашей науки.

Вместе с тем, не всегда эта святая заповедь соблюдается. В последнее время в публикациях социально-экономико-географического содержания часто стало употребляться слово «пространство», которому придается значимость понятий «территория» или «территориальность». При этом авторы этих публикаций не утруждают себя давать определения, как следует читателям понимать содержание слова «пространство». Как нам представляется, только после наделения выражения «пространство» определенным содержанием, оно приобретает статус понятия. Более подробное знакомство с содержанием этих публикаций свидетельствует, что они пользуются этим выражением произвольно. Например, профессор геофака Нижегородского педагогического университета К.П. Сергеева, свою информационную статью, посвященную учебно-справочному атласу, озаглавила «Кладовые» пространственной информации по географии своего края (атлас «Нижегородская область»), (2, с. 37–39). В этой статье «пространство» ею в одном случае понимается как экономико-географическое положение (ЭГП) области. Для этого процитируем автора, «Все эти карты позволяют дать полную и многоплановую характеристику ЭГП Нижегородской области. А в другом случае выражение «пространство» несет в себе несколько различных функциональных назначений. Это можно увидеть из следующего текста автора «Специальные карты и разнообразные схемы атласа позволяют исследователю или читателю охватить одним взглядом обширное пространство, выявить многие географические закономерности, создать картографический образ территории». Исходя из этих суждений «пространство» у К.П.Сергеевой явно не идентичное понятие с территорией, и не является признаком территориальности.

Совершенно иное толкование вкладывают в «пространство» авторы В.Н.Кошелев и Е.С. Никифорова в совместной статье «Место и роль Калининградской области в политике пространственного развития России» (3, с. 11–19), которая посвящена анализу «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов РФ», учитывающая вопросы пространственного развития регионов, где выделены перечень «регионов-локомотивов», отвечающих за развитие страны в целом. Авторы статьи ссылаясь на официальное лицо Министерства регионального развития РФ Дмитрия Шеймана, утверждают, что новая концепция подразумевает несколько «точек роста», на которые будет работать все остальное российское «пространство», обеспечивая их необходимыми ресурсами. Исходя из тех терминов и понятий, содержащихся в этой статье, можно сделать вывод, что по мнению авторов, и региональное развитие, и территориальное планирование, и «точки роста» являются соподчиненными элементами пространственного развития. В этой же статье можно встретить и такую фразу «поляризованное развитие – принципы пространственного развития, ...». Из всего этого следует, что авторы в понятие пространство вкладывают не только территорию, о которой идет речь, но и процесс

что и вносит определенную путаницу в соотношениях понятий «территория» и «пространство» в данной статье.

Своеобразно трактует объект исследования и сущность понятия «пространство» профессор В.Л. Мартынов (4, с. 10–17). В статье «Экономика и экология Северо-Запада: тенденции и перспективы» он указывает, что объектом исследования современной социально-экономической географии является пространственные закономерности развития общества. Соответственно, предмет исследования – пространственные структуры, формирующиеся в ходе деятельности человека и процессы, приводящие к формированию таких структур. Основным процесс, изучением которого занимается география, – это перемещение в пространстве». Соответственно, тому, что в пространстве свободно может передвигаться только человек, в этой статье автор выделяет четыре «ипостаси» человека – «человека биологического», «человека социального», «человека экономического» и «человека политического». Анализируя пространственные перемещения человека в этих «ипостасях», все же таки автору, как бы не хотелось обособить «пространство» каким-то универсальным свойством, для современной социально-экономической географии, ему не удастся оторваться от главного и необходимого признака экономической географии – признака территориальности, о котором писал Ю.Г. Саушкин. В доказательство этого положения обратимся к следующему тексту автора в этой статье. «Человек политический» в данном случае понимается как часть пространственной политической системы-государства..., национальной территории». Исходя из указанного, следует, что пространство в понимании проф. В.Л. Мартынова, это та же территория, что и у Ю.Г. Саушкина, как и у всех экономико-географов. Единственное, что необходимо здесь доказывать, это то, что понятие пространство объемное, по меньшей мере трехмерное, а территория – понятие не более чем двухмерное. Что остается неясным в этой статье, так это, какие пространственные закономерности и пространственные структуры выявлены автором в трехмерном пространстве Северо-Запада в указанной статье остается неопределенным.

О соотношении объемности и универсальности понятий «территория» и «пространство» в социально-экономической географии интересным представляется статья заведующего кафедрой методики обучения географии и краеведения РГПУ им. А.И. Герцена проф. В.Д. Сухорукова (5, с. 3–9), которая посвящена территориальным интересам России. Он пишет «В состав территории (обратите внимание, не «в состав пространства») России входит суша в пределах границ, воды (внутренние и территориальные) и лежащие над сушей и водами воздушное пространство (тропосфера, стратосфера, ноосфера и значительная часть вышележащего пространства)». Далее в этой же статье он указывает на «северность» российской природы, что накладывает жесткие ограничения на освоение территории страны». Как видим, проф. В.Д. Сухоруков не указывает на освоение пространства России, а подчеркивает важность освоения ее территории, что подразумевает важность изучения и исследования территории как главного объекта и предмета социально-экономической географии.

Еще более идентично содержание понятия «пространство» проф. В.Д. Сухорукова (6, с. 18–22) к содержанию «территория» в его статье «Гуманизация современной географии», где он указывает, что «...центральное положение в конкретных географических исследованиях должна занимать проблема сущности «места» как «фазового пространства». «Место» идентифицируется с пространством и рассматривается как центр человеческого опыта и определенной территории». Как видим,

автор понимает, что «пространство» в данной формулировке носит абстрактный характер, поэтому рекомендует рассматривать хозяйственную деятельность человека конкретно на определенной территории.

Чтобы понять, что вкладывают в содержания понятий «места» и «пространства» мы должны обратиться к научному наследию классика экономической географии Н.Н. Баранского (7, с. 28). Он писал, что «предметом экономической географии является изучение хозяйственного своеобразия стран и районов, изучение пространственных различий в хозяйстве на земном шаре, т.е. различий от места к месту, а также пространственных сочетаний в хозяйстве». В современной социально-экономической географии под «пространственными различиями в хозяйствах земного шара» и « различий от места к месту» по выражению Н.Н. Баранского, подразумевается региональное деление мира и территориальная организация промышленного производства, сельского хозяйства, да и общества в целом, а также территориальное сочетание природных условий и ресурсов.

Проблеме четкости и ясности понятий большое внимание уделял проф. Э.Б. Алаев (8, 9), который специально занимался разработкой, по его словам « "Введения" в экономико-географическую терминологию». В связи с этим очень показательным его высказывание об основном объекте и предмете исследования социально-экономической географии. Он писал, «... так как географическими, территориальными аспектами процессов в народном хозяйстве и социальной жизни стали заниматься представители многих других научных направлений (9, с. 7). Из текста этой цитаты видно, что территориальные исследования одновременно являются и географическими исследованиями, что лишний раз подтверждает, что территориальный (а не пространственный) признак является главным в социально-экономической географии. Одновременно он указывал, что «... внедрение в исследования... математических методов расширило возможности социально-экономической географии». В физике и математике пространство исследуют как объект, требующий трехмерное измерение или в трех плоскостях. Из выше анализированных статей придерживающихся понятия «пространства» как основной объект и предмет исследования в социально-экономической географии, ни в одном из них не обращено внимание на этот аспект исследования. Это и не удивительно. Об этом Э.Б. Алаев (9, с. 256–257) писал следующее. «"Поле", "тяготение", "пространство" и другие подобные им термины, когда они относятся к сфере социально-экономических отношений людей, не имеют содержательной общности с соответствующими понятиями из области физики».

Для чего необходимо теоретико-методологическое обоснование, как следует понимать и употреблять те или иные понятия и термины. Это, прежде всего, необходимо для школьной, затем вузовской географии, да и всей системе образования и географической науки.

Библиографический список

1. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
2. Сергеева К.П. «Кладовые» пространственной информации по географии своего края (атлас Нижегородская область) // География и экология в школах XXI век. – 2006. – № 3. – С. 37–39.
3. Кошелев В.Н., Никифорова Е.С. Место и роль Калининградской области в политике пространственного развития России // География и экология в школе XXI века. – 2006. – № 5. – С.11–19.
4. Мартынов В.Л. Экономика и экология Северо-Запада: тенденции и перспективы // География и экология в школе XXI века. – 2005. – № 7. – С. 10–16.

5. Сухоруков В.Д. Территориальные интересы России // География и экология в школе XXI века. – 2005. – № 7. – С. 3–9.
6. Сухоруков В.Д. Гуманизация современной географии // География и экология в школе XXI века. – 2008. – № 8. – С. 18–22.
7. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. – 28 с.
8. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977.
9. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – С. 256–257.

Ткаченко А.А. (г. Тверь)

О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ ЧЕЛОВЕКА

Обращение к данной теме вызвано невероятной (на взгляд автора) путаницей в вопросе об отечественных географических школах. Непосредственными побудителями послужили две публикации: монография «Географические научные школы Московского университета» [4], изданная в 2008 г. к 70-летию географического факультета МГУ, и статья М.П. и П.М. Крыловых «Понятия, концепции и научные школы в современной российской экономической географии...» [6] в журнале «Вестник Московского городского педагогического университета».

Представляется весьма символичным тот факт, что книга о научных географических школах вышла в красном переплете. Издание «Красной книги», по определению, должно свидетельствовать о высокой степени озабоченности дальнейшей судьбой того, чему эта книга посвящена.

В обеих названных работах вопрос о научных школах – на наш взгляд – рассмотрен некорректно. В монографии представлено 13 школ. Сделано это очень обстоятельно. Для каждой школы, хотя и с разной степенью полноты, показаны этапы становления, современное состояние, базовые научные концепции, дан список основных опубликованных работ. Однако принцип выделения школ не показан. Из 13 школ 10 представляют природоведческое крыло географии, 2 школы (картографическая и рационального природопользования) могут считаться общегеографическими, и лишь одна школа принадлежит общественно-географическому крылу нашей науки. Таким образом, все природно-географические кафедры (за исключением кафедры физической географии мира и геоэкологии) представлены «своими» школами, а три экономико-географические – одной «сборной».

Наравне с этой, почти всеобъемлющей школой, представлена «школа эрозии почв на водосборах и русловых процессов». Направлений, подобных названному в работах экономико-географов МГУ можно выделить, наверное, десятка полтора. Масштабы рассмотренных школ и широта изучаемых ими проблем абсолютно несопоставимы.

В статье М.П. и П.М.Крыловых предложена интересная схема характеристики научных школ. Дан обзор 17 «школ» – без каких-либо критериев и обоснования идентификации. По нашим подсчетам, для выделения этих 17 школ использовано 5–7 разных оснований, в результате чего в обзор попали несопоставимые структуры, например, школа экономического районирования и ленинградская/санкт-петербургская экономико-географические школы.

Очевидная путаница в вопросе о научных школах в отечественной географии связана прежде всего с тем, что вопрос этот очень мало изучен. В былые времена высказывалось мнение, что в нашей географии вообще может существовать лишь одна (разумеется, марксистская) научная школа. «Самый факт существования в советской географии нескольких «школ и направлений» глубоко ненормален и тревожен», – писал в 1953 г. в «Известиях ВГО» ростовский профессор М.С. Волобуев-Артемов [3]. Как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Как нам представляется, данный вопрос стал более или менее широко обсуждаться после выхода в 1976 г. книги Ю.Г. Саушкина «История и методология географической науки» [9], где четко и убедительно были показаны механизм формирования и значение школ в науке и «в качестве самых ярких примеров» рассмотрены 6 научных школ [9, с. 245–269].

К.К. Марков [7] и другие авторы справедливо отмечали субъективность выделения этих школ. В научный обиход вошло язвительное слово «школотворчество» [7, с. 69]. Л.С. Абрамов утверждал [2, с. 20], что обратиться к данному вопросу Саушкина побудила его (Абрамова) работа 1972 г. [1], где говорилось об отечественных физико-географических школах. Однако, о создании Баранским экономико-географической школы Ю.Г. Саушкин писал еще в 1965 г. [8, с. 523], а может быть, и раньше.

Упомянутая путаница вызвана главным образом тем, что пишущие о географических школах, как правило, не учитывают неоднозначности термина «научная школа». О множественности его трактовок говорилось еще в широко известном сборнике 1977 года «Школы в науке» [11].

В литературе встречается (по наблюдениям автора) четыре основных варианта понимания научной школы (не считая так называемых «ведущих научных школ РФ», формируемых с целью получения президентских грантов).

1. Национальная (либо региональная) школа – собирательная категория, по географическому принципу охватывающая всех специалистов в определенной области науки, независимо от их взглядов и взаимосвязей между собой (например, французская, российская, московская школы).

2. Школа-организация (точнее – «школа некоторой организации») тоже собирательна и охватывает либо преподавателей и выпускников вуза, либо сотрудников научного учреждения, например, школа МГУ, школа ИГАН.

3. Школа-направление – группа ученых, разрабатывающих близкие научные проблемы (школа экономического районирования, школа геоурбанистики).

4. Личная школа – устойчивая группа ученых, в которой действуют отношения «учитель-ученики».

Первая трактовка – простая констатация национальной или региональной принадлежности – в силу своей всеохватности, никакого научного интереса не представляет.

Из трех оставшихся значений основным, как нам представляется, следует считать последнее – личную школу конкретного ученого. И школа-организация, и школа-направление представляют интерес и несут какие-то отличительные черты только в том случае, если у них есть (был) определенный лидер, благодаря которому школа приобрела свое лицо. В противном случае школа-организация остается лишь фактом биографии (где учились или набирались опыта те или иные исследователи), а школа-направление – лишь областью интересов без каких бы то ни было оснований именоваться школой. Считать любое научное направление школой совершенно бессмысленно.

Например, географическая школа МГУ создана Д.Н. Анучиным. Стержнем районной школы (районного направления) в экономической географии является школа Баранского – Колосовского. Эти школы выросли из личных школ названных ученых. Наверное, можно считать правилом, что школы-организации и школы-направления вырастают из личных школ их основателей.

В своей книге 1976 г. Ю.Г. Саушкин очень точно обозначил и основной признак научной школы – наличие учеников, продолжающих дело учителя, и факторы образования школы, среди которых ключевое место занимает такой субъективный момент, как «притягательная сила» учителя [9, с. 245]. Можно только удивляться, что эти бесспорные положения натолкнулись на непонимание в академической среде.

По Л.С. Абрамову, рассуждения «о причинах и условиях образования школ, вроде обаятельности учителя и его беззаветного служения науке, мало украшают автора как историка и методиста» [2, с. 20]. А.Г. Исаченко иронизировал по поводу притягательного Ю.Г. Саушкину «синдрома школьной парты» [5]. Оба названных автора, видимо, забыли что «школа» (в прямом русском значении этого слова) всегда связана с учением (обучением), которого без учителя быть не может. Следовательно, и школы, если правильно употреблять слова, без учителя не бывает.

К сожалению, введя достаточно четкие и убедительные признаки школ, Ю.Г. Саушкин тут же сам от них отошел при рассмотрении предложенных им примеров. Этим и была вызвана критика со стороны К.К. Маркова. Было допущено смешение разных понятий. Направления (области) науки были представлены как личные школы выдающихся ученых. Отечественное ландшафтоведение было названо школой Берга – Борзова, отечественная океанология – школой Шокальского – Зубова. Включенные в эти пары ученые никогда вместе не работали, так что говорить о совместных личных школах, конечно, нельзя, как нельзя целую область науки обозначать именами отдельных выдающихся ученых.

Экономико-географическая школа Баранского – Колосовского была представлена в исключительно широком составе. В таком виде ее можно отождествить с районным направлением советской экономической географии, но никак не с личной школой Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского. Попутно отметим, что по свидетельству современников, эти два великих географа составляли уникальный тандем, и разделить их личные школы вряд ли возможно.

Следовало бы специально рассмотреть вопрос о генезисе и внутренней структуре экономико-географической школы МГУ: как соотносятся между собой личные школы Баранского – Колосовского и Витвера? каково их соотношение со школой Д.Н. Анучина? какие экономико-географические школы (школы-направления и личные школы) сформировались на географическом факультете в последующие годы? какие из них существуют в настоящее время, а какие перестали существовать? Однако ответы на эти вопросы не могут быть даны в рамках данной публикации. Необходимо проделать большую работу, свободную от спешки, клише, пафоса и ниспровергательских настроений...

В последние годы в науковедческой литературе [например, 10] утверждается, что на смену четко иерархизированным вертикальным научным структурам приходят сетевые полицентрические структуры. Отсюда делается вывод о постепенной замене традиционных школ сетевыми. В этом качестве предстают некоторые современные школы-направления. Факт существования и быстрого распространения бесспорен, однако заменить традиционные школы (школы-организации и лич-

ные школы) они вряд ли способны, так как выполняют совсем иные функции и занимают совсем другое место в жизни и деятельности членов научного сообщества.

Как уже говорилось, основным значением термина «научная школа» мы считаем личную школу конкретного ученого. Только эта трактовка имеет нетривиальное содержание, заключающееся в специфических отношениях между учеными. Личная школа служит основой для формирования оригинальных школ-направлений и самобытных школ-организаций. Через рассмотрение личных школ можно приблизиться к пониманию внутренней структуры, механизмов формирования и развития научного сообщества. В связи с этим ниже мы специально остановимся на личных школах.

Обычно (почти всегда) личные школы возникают в результате руководства диссертантами и дипломниками. В принципе, каждый ученый, воспитавший хотя бы одного-двух исследователей вправе считать, что у него есть своя научная школа. Но в подавляющем большинстве случаев это будет «школа в себе». За ее пределами о ней ни говорить, ни писать никто не станет. Чтобы школа получила признание, необходимы: авторитет учителя (известность и востребованность его идей), притягательность его личности, значимость результатов научной деятельности не только самого учителя, но и его учеников. Необходимо также определенное единство тематики, используемых подходов, концептуальной базы. Школа должна быть узнаваема. Это – своего рода бренд.

Личные качества учителя – хотя и субъективный, но очень важный фактор. Мысль о существовании школы должна культивироваться учениками, а затем и учениками учеников. Но когда воспоминания о работе с учителем не доставляют удовольствия, культивировать их ученики не будут. Если о школе некоторого лица не говорят и не пишут, значит ее нет, независимо от того, сколько специалистов им подготовлено. Против признания школы работают разномыслие (не видно единства) и формальное отношение к руководству, приводящее к низкому качеству работ.

Принадлежность к известной научной школе – своего рода личный капитал, повышающий конкурентные позиции научного работника. Иногда даже приходится сталкиваться со случаями «самозванства», когда, не имея на то достаточных оснований, человек причисляет себя к школе известного ученого.

Школа может насчитывать несколько поколений и – по принципу иерархичности – включать в себя школы учеников ее создателя. Школы могут переплетаться, «скрещиваться». Это происходит в тех случаях, когда в силу особенностей научной биографии один или несколько ученых считают себя представителями двух или более школ.

Много ли в современной отечественной социально-экономической географии получивших общественное признание личных научных школ? Нам представляется, что очень мало. Подчеркнем, речь идет не об авторитете того или иного ученого и даже не о количестве его учеников, а о наличии определенной группы, признающей себя и признаваемой окружающими в качестве его научной школы.

Школа Баранского – Колосовского к настоящему времени очень сильно разрослась и, пользуясь выражением Ю.Г. Саушкина [9 стр. 246], следует признать, что она «расплывается»... Какие школы возникли в ее составе? По нашим наблюдениям, в общественном сознании (в печати и на слуху) присутствуют только школы И.М. Маергойза, С.А. Ковалева и М.К. Бандмана. Но последняя уже не в географии, а рядом – в региональной экономике. Школа А.Н. Ракитникова, судя по всему, по каким-то причинам канула в Лету. Особняком, как и он сам, стоит школа Б.Б. Родомана. Официальных (формальных) учеников у него, похоже, никогда не было, но ряд извест-

ных географов называли (называют?) себя его учениками. Дискуссия в академическом журнале свидетельствует о кризисе в рядах этой школы.

Иногда упоминаются казанская школа Н.И. Блажко и А.М. Трофимова и пермская – М.Д. Шарыгина. В 1980-х гг. говорилось о школе Ю.В. Медведкова. До распада СССР в Эстонии существовала очень сильная и интересная школа С.Я. Ныммик.

Перечень получился более чем скромный. Отсутствие школ говорит о неструктурированности научного сообщества. Этим объясняется наша неспособность к концентрации усилий и, как следствие, – к решению серьезных научно-практических задач.

Библиографический список

1. Абрамов Л.С. Описания природы нашей страны: Развитие физико-географических характеристик. – М.: Мысль, 1972.
2. Абрамов Л.С. Методологические подходы к исследованию научных школ и их роли в отечественной географии // Научные школы в географии. – М.: МФГО, 1983.
3. Волобуев-Артемьев М.С. Еще раз о методологических основаниях экономической географии и о борьбе с пережитками геттнерианства // Известия ВГО. – 1953. – т. 85. – Вып. 2.
4. Географические научные школы Московского университета / Гл. ред. Н.С. Касимов. – М.: Издательский дом «Городец», 2008.
5. Исаченко А.Г. Отечественная география XX столетия: смена поколений и роль Петербургской географической школы // Известия РГО. – 2000. – Т. 132. – Вып. 6.
6. Крылов М.П., Крылов П.М. Понятия, концепции и научные школы в современной российской экономической географии и некоторые проблемы преподавания экономической географии // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия «Естественные науки». – 2009, – №1.
7. Марков К.К. Два очерка о географии. – М.: Мысль, 1978.
8. Саушкин Ю.Г. Баранский Н.Н. // Экономическая география в СССР: история и современное развитие. – М.: Просвещение, 1965.
9. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). – М.: Издательство МГУ, 1976.
10. Фандо Р.А. Пути трансформации феномена «научной школы» // Годичная научная конференция 2004. / Институт истории естествознания и техники. – М.: Диполь – Т, 2004.
11. Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кремера. – М.: Наука, 1977.

Томашевич А.В. (г. Минск)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Одной из важнейших проблем в сфере природопользования является экономико-географическая оценка природных ресурсов. Такая оценка, с учётом территориальной дифференциации и экологических нормативов, позволяет решать ряд важнейших народнохозяйственных задач в области рационального использования природных ресурсов. В том числе:

- стоимостную оценку национального богатства, имеющую не только экономическое, но и политическое значение;
- экономическое обоснование инвестиций в воспроизводство, охрану и хозяйственное освоение природных условий и ресурсов;
- сравнительную оценку наиболее эффективных вариантов освоения, т.е. выбор альтернатив при размещении предприятий;
- оценку эффективности работы горнодобывающих предприятий, а также формирование цен на продукцию природопользования;

- обоснование нормативов потребления ресурсов, в том числе отчуждения их для застройки, дорожного строительства;
- разработку стоимостных параметров коммерческих кадастров и др.

В 1998 г. НИЭИ Минэкономики Беларуси была выполнена стоимостная оценка природных ресурсов, однако в настоящее время она не отвечает реалиям XXI века. Достаточно отметить, что ресурсы калийных солей республики были оценены всего в 145 млн. долларов США, а все полезные ископаемые в 0,984 млрд. долларов.

Частично это было связано с тем, что теоретические основы экономической оценки природных ресурсов в достаточной степени не разработаны. Это касается прежде всего применения региональных и мировых цен на ресурсы в формировании замыкающих затрат, методов определения экологической ренты, вопросов, связанных с учётом фактора времени при стоимостной оценке ресурсов (дисконтирования), участия ресурсопотребления и экологической ренты в макроэкономических показателях социально-экономического развития (ВВП, ВВП др.), ценообразования в условиях рыночных отношений и т.д.

Практика показала, что в оценочных характеристиках недостаточно учитываются особенности регионов. В том числе, состояние производственной и социальной инфраструктуры, демографических процессов, характера территориальных сочетаний различных ресурсов, экологических факторов. Кроме того, не учитываются новые принципы размещения производства (переход от ТПК к кластерам), особенности в развитии приграничных территорий и т.п. Это именно те аспекты природопользования, которые не могут быть достаточно полно исследованы без участия специфических подходов и методов экономической географии.

Рассмотрим под этим углом зрения проблемы оценки и освоения основных видов природных ресурсов Беларуси.

Земельные ресурсы. Недостатком оценки земельных ресурсов прошлых лет является то, что она проводилась без учёта качественных характеристик участков земли, их местоположения и целевого назначения. Это значительно занижает оценку, т.к. не учитывается дифференциальная рента. В Беларуси плодородие пахотных почв различается на уровне административных областей почти в 1,3 раза, на межрайонном и межхозяйственном уровнях – соответственно в 2,1 и 3,0 раза. Подобная закономерность отмечается для показателей, характеризующих технологические свойства и местоположение земельных участков (В.М. Яцухно, 2002 г.).

Для коррекции оценки земельных ресурсов как национального богатства могут быть использованы данные земельного кадастра, который должен обновляться систематически.

Водные ресурсы. При стоимостной оценке водных ресурсов, не были учтены затраты на природоохранные мероприятия и повышение качества самой воды. В прогнозе обеспеченности Беларуси хозяйственно-питьевыми водами на 2020–2050 гг. К.А. Курило (БЕЛНИГРИ, 2000 г.) акцентирует внимание на такие возможные последствия воздействия водоотбора как оседание земной поверхности, формирование депрессионных воронок, т.е. снижение уровня грунтовых и напорных вод за счёт уменьшения пластового давления в балансово-гидродинамической системе, осушение грунтового водоносного горизонта, уменьшение стока рек, изменение качества подземных вод по отношению к принятым стандартам, ущерб сельскому и лесному хозяйству и т.д. В настоящее время, подчёркивает автор, на отдельных водозаборах и реках происходит постоянное изменение качества подземных и поверх-

ностных вод, и в будущем это может стать одной из главных проблем при обеспечении населения хозяйственно-питьевыми водами.

В связи с этим необходимо расширение гидрохимической режимной сети на водозаборах и опасных участках загрязнения в целях контроля качества водных ресурсов, их прогнозирования и предотвращения загрязнения.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития БР на период до 2020 г. необходимо дальнейшее развитие системы платного водопользования на основе эколого-экономической оценки водных ресурсов. Естественно, что реализация этих мер повлечёт за собой серьёзное удорожание водных ресурсов.

Всё это говорит о том, что эколого-экономическая оценка в первую очередь должна быть осуществлена для объектов водного хозяйства, которые находятся в положении техногенной опасности. К сожалению, насколько мне известно, такие работы в системном режиме пока не проводятся.

Лесные ресурсы. Экономическая оценка лесных ресурсов с учётом средообразующих функций леса дело весьма сложное. Здесь присутствует специфика объединения различных видов полезностей, в том числе экономических, социально-экологических, биологических, культурных и, в какой-то степени технологических в стоимостной форме. Например, в одной из кандидатских диссертаций БГТУ (2009 г.) даётся оценка древесных запасов трёх лесхозов Беларуси и отдельно стоимостная оценка средообразующих функций лесов в форме запасов углерода при величине депонирования углерода – 1,6 т/га в год. Причём, стоимостная величина оценки средообразующих функций леса находится почти на одном уровне со стоимостью древесных запасов. Если реализовать эту стоимость через цены на лесную продукцию, то, во первых, это существенно увеличит стоимостные характеристики для отечественного пользования и отразиться на конкурентоспособности продукта лесопользования на международном рынке по ценовому фактору. В связи с этим опять встаёт вопрос о получении нашей страной международной экологической ренты за использование странами Европы экологических полезностей белорусских лесов. (В.Ф. Багинский, Н.В. Данькова «Природные ресурсы» 2002 г. №3, 2205 г. №2)

Привлекает внимание ещё одна проблема, связанная с воспроизводством лесных ресурсов в Беларуси. По мнению известных специалистов лесного дела А.Д. Янушко и С.С. Штукина, переход на плантационное лесовыращивание является наиболее эффективной формой интенсификации ведения лесного хозяйства. Такая форма воспроизводства лесных ресурсов позволяет выращивать древесину нужного качества ускоренными темпами от подготовки площади до рубки главного пользования. В США, Канаде, странах Латинской Америки создано 130 млн. га лесных плантаций (3,2% лесов планеты), из которых 99 млн. га – в странах умеренного климата.

Полезные ископаемые. Экономическая оценка минеральных ресурсов республики также нуждается в корректировке. Тем более следует иметь в виду, что современная технология и послекризисная конъюнктура цен на сырьё и топливо существенно меняет отношение ко многим полезным ископаемым, в том числе железным рудам, бурым углям, горючим сланцам и т.д.

Исходя из качественных характеристик бурых углей, пишет академик И.И. Лиштан (П.р. №1, 2003г.), основными направлениями их использования являются топливное (малая энергетика – брикет, генераторный газ; жидкое высококалорийное топливо), сельскохозяйственное (удобрения, гуминовые препараты) и химико-технологическое (воск, смолы, красители, фенолы, сорбенты и т.д.). Большинство

технологий получения указанных продуктов в последнее время прошли проверку в лабораторных условиях и могут быть быстро освоены.

Академик И.И. Литван рекомендует также вернуться к проблеме горючих сланцев, в частности Туровского месторождения. Разработанные методы интенсификации термической переработки горючих сланцев позволяют повысить выход целевых продуктов и снизить их себестоимость на 20-30%. Получаемые жидкие и газообразные продукты (сланцевая смола, газовый бензин, полукоксовый газ) представляют собой высококалорийное синтетическое топливо для энергетики. При этом автор рекомендует провести детальную разведку одного шахтного поля Туровского месторождения, строительство опытной шахты и отбора представительной технологической пробы для промышленного испытания.

Даже при условии передачи месторождений бурых углей и горючих сланцев в концессию иностранным фирмам, проблема их рационального использования и экологический контроль остаются актуальными для наших специалистов.

Неожиданные ситуации могут возникнуть относительно флагмана нашей промышленности – Солигорского калийного комбината. Новые объекты этой отрасли в России, в Казахстане, в Китае, других регионах мира могут повлиять на конкурентоспособность и экспортную активность нашего предприятия. Необходимо заранее изучать возможности выхода на новые рынки сбыта, изучать мировую конъюнктуру калийных удобрений, инвестиционную привлекательность отрасли, возможность инновации в области технологии и экологии. Это же касается и других минеральных ресурсов Беларуси.

Территориальное сочетание природных ресурсов представляет собой материальную основу регионального кластера. По Энрайту – это географическая агломерация производств (фирм), работающих в одной или нескольких родственных отраслей хозяйства.

Например, наше Полесье. По сочетанию здесь различных видов природных ресурсов, а это в потенции готовый продукт, а также сырьё первичное и вторичное, напрашивается организация минимум двух-трёх кластеров: химического и горно-химического (по модели ФРГ – Швейцария) строительных материалов (по модели Соссuolo в Италии). Кроме того, учитывая, что недра Белорусского Полесья богаты цветными и редкими металлами, редкоземельными элементами при условии их достаточно высокой эколого-экономической оценки, может быть создан мощный кластер редкометального сырья, а его переработка на месте – это новая отрасль промышленности. Это уже другая степень конкурентоспособности данного региона. И хотя теория Портера и Энрайта была подвергнута критике, на примере Белорусского Полесья она может себя полностью подтвердить.

Причём территориальное сочетание производства, средств транспорта, потребителя, возможностей экспорта, импортозамещения и т.п. – это уже проблема логистики, которой в настоящее время уделяется большое внимание.

А сюда встраиваются и проблемы экологии и трудоустройства населения, социальной инфраструктуры и т.д.

Под этим углом зрения можно рассматривать и другие регионы нашей страны.

Весьма важной для Беларуси является проблема малых традиционных и альтернативных источников энергии.

Особого внимания заслуживает использование водотоков республики. Их потенциальная мощность составляет 850 МВт, в том числе технически доступная —

520 МВт, экономически и экологически целесообразная – 250 МВт. Имеется в виду реконструкция существующих ГЭС, сооружения каскадных станций на реках Сож, Днепр, Припять, ГЭС на Днепро-Бугском канале, Немане и т.д.

Ветроэнергетический потенциал составляет в Беларуси более 1600 МВт. В 2006 году суммарная установленная мощность ветроустановок составляет 0,9 МВт, а это замещение 0,33 тыс. т.у.т. Сейчас изучается 1840 площадок для размещения ветроустановок. Прогноз к 2012 году – более 9 млн. кВт ч. электроэнергии, что эквивалентно 2,6 тыс. т.у.т. при общей установленной мощности 5,2 МВт. Кроме того, рассматривается перспектива использования солнечной энергии.

Более реально использование энергоресурсов от переработки отходов (Речицкий гидролизный завод и другие), нефтяного кокса (Новополоцкий и Мозырский НПЗ), а также теплового эффекта водовращающих генераторных установок.

В настоящее время появились работы, в которых даётся денежная оценка и природных ресурсов, и экологических, как в сумме, так и по отдельности. Имеет место и отождествление природно-ресурсного и экологического потенциалов. Здесь, однако, следует заметить, что экологический потенциал является более сложным комплексом природных и, в том числе, антропогенных условий и явлений, включающих «невесомые полезности», которые, по мнению Н.Ф. Реймерса, не могут быть оценены экономически. Однако, та их часть, которая может быть освоена на основе современных технологий, обогащает собой состав природных ресурсов как экономическую категорию. Этот же тезис можно отнести и к так называемому «экологическому капиталу», который по той же логике частично или полностью не что иное, как природно-ресурсный капитал. По косвенной аналогии можно задаться целью стоимостной оценки различных типов ландшафтов в качестве национального богатства и для решения многих хозяйственных вопросов. Идея не такая уж утопичная и с позиции экологической ренты вполне осуществима. Таким образом, необходимы новые акценты и новые методические подходы к оценочным работам.

Заслуживает внимание ещё одно обстоятельство в области учёта затрат в сфере природопользования.

Как признано многими экономистами, такие экономические показатели, как валовой национальный продукт (ВНП), не отражают реальное благосостояние страны и несостоятельны с экономической точки зрения, так как не учитывают издержки, связанные с истощением природных ресурсов, деградацией окружающей среды и затратами по её восстановлению, и совершенно правы. В целях унификации национальной отчётности государств, Статистическим отделом ООН разработана «Система интегрированной экологической и экономической отчётности» (SFFA). Главным нововведением системы является пересмотр содержания показателей стоимости, добавленной в процессе производства, и чистого дохода за счёт учёта в них процессов истощения природных ресурсов и ухудшения качества окружающей среды, т.е.:

$ЧВП = ВВП - ОК - РОС$,

где ЧВП – чистый внутренний продукт;

ВВП – валовой внутренний продукт;

ОК – потреблённый основной капитал;

РОС – стоимость использованных природных ресурсов и затраты на охрану окружающей среды.

Если сюда ещё присовокупить потреблённый «экологический капитал», то, что останется от ВВП?

При таком раскладе многим странам, живущим за счёт природных ресурсов, придётся изменить свой рейтинг не в лучшую сторону.

Теперь об учёте фактора времени при оценочных работах. Большинство специалистов, занимающихся теорией экономики природопользования, при учёте фактора времени, склонны к применению метода сложных процентов. Вместе с тем, анализируя обоснованность применения дисконтирования по сложным процентам, следует иметь в виду, что этот метод может привести к ошибочным решениям, поскольку при этом возможно появление в расчётах фиктивных величин. К. Маркс, который является величайшим авторитетом в области экономической науки, назвав концепцию дисконтирования по сложным процентам «мистификацией», доказал, что никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов (К. Маркс. Капитал. Т. 3. С. 434–438). И это действительно так – проверено практикой. В связи с этим проблема дисконтирования в области природопользования также нуждается в дальнейшем исследовании.

И последнее. В народном хозяйстве и, особенно в природопользовании, в большинстве высокоразвитых стран хорошо поставлено дело с экологическим аудитом и экологическим страхованием. Кроме того, развита сеть, экологических банков, посредством которых осуществляются все виды финансового обеспечения всех форм управления природопользования от налогообложения до финансирования природоохранных мероприятий. Эту проблему в области природопользования в нашей республике также предстоит решить в ближайшем будущем.

Все эти проблемы в региональном аспекте, безусловно, должны найти своё место в географических исследованиях. Географы не должны уходить от участия в их решении. Целесообразно проводить эти исследования совместно – географам и экономистам.

Федорова Е.К. (г. Воронеж)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Поскольку география традиционно изучала в основном материальные аспекты функционирования государств (географическое положение, природные и социальные ресурсы конкретной территории и т.п.), в процессе её развития было отмечено появление экономического направления географических исследований, дополняющих материальные аспекты функционирования территорий нематериальными – то есть отношениями различных социальных систем по поводу систем всех классов, выступающих в виде ресурсов развития. «Экономическая география изучает формирование и развитие территориальных социально-экономических систем»[1]. При этом отношения систем и их элементов по поводу вариантов использования имеющихся ресурсов с целью обеспечения приемлемого, с собственной точки зрения, будущего представляется возможным изучать в рамках такого направления географических исследований, как регионоведение. «Регионоведение – это комплексная социально-экономическая дисциплина, изучающая закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы региона (включая управление) с учётом исторических, демографических, национальных, религиозных, эколо-

гических, политико-правовых, природо-ресурсных особенностей, места и роли в общероссийском и международном разделении труда»[2]. Таким образом, можно сказать, что современные исследования территорий представляется целесообразным проводить одновременно в двух измерениях, которые условно можно назвать горизонтальным (предметы которого традиционно изучает география) и вертикальным (предметы которого изучает преимущественно регионоведение; одним из важнейших среди которых является идеология развития общества, занимающего конкретную территорию), а связь этих измерений, по нашему мнению, получает отражение в социально-экономической географии.

«Современный этап развития экономической географии характеризуется процессами укрепления федерализма, выстраивания рациональной вертикали власти, поиском путей оптимального сочетания федерализма с регионализмом. В условиях становления рыночного хозяйства всё большее значение приобретает использование в экономико-географических исследованиях программно-целевых методов управления экономикой территорий. В настоящее время особую важность приобретают социальные программы общегосударственного и регионального уровней, определяющие перспективы экономического развития страны»[3].

Итак, не вызывает сомнения тот факт, что доктринальные (формулирующие общие направления развития – концепции, доктрины) и программные документы территориального развития (регламентирующие конкретные направления, выделенные в рамках общих – программы, планы) оказывают существенное влияние на поведение территориальных социально-экономических систем разных уровней (государств и их регионов) в процессе приобретения и использования ресурсов, необходимых для обеспечения их эффективного функционирования и развития. Деятельность уполномоченных органов социально-экономических систем, направленную на реализацию образа будущего системы, зафиксированного в названных документах территориального развития, принято называть стратегическим территориальным управлением. В широком смысле стратегическое управление развитием территориальной социально-экономической системы – это управление изменениями данной системы в условиях динамичного окружения, включающее в себя запланированные стратегией изменения системы и незапланированные, но необходимые для адаптации системы к изменившемуся окружению. В узком смысле – это разработка и реализация системы стратегических решений относительно изменений системы в её динамичном окружении, учитывающей интересы большинства субъектов системы[4].

Данная деятельность осуществляется в рамках управления территориальным развитием уполномоченными органами социально-экономических систем, в Российской Федерации – начиная от федеральных органов государственной власти и управления, включая в себя деятельность органов государственной власти и управления региона и заканчивая органами местного самоуправления, к которым, как известно, относятся администрации городских и сельских поселений, а также городских округов. Исходя из положений географии городов (геоурбанистики) можно сделать вывод, что город представляет собой самоформирующуюся социально-экономическую систему, поскольку одна из его подсистем (а именно, население) формирует городскую среду, изменяя и саму себя, и другие подсистемы города (сферу обеспечения и экономическую базу города)[5], что признано и на государственном уровне, в ст. 3 и 2 Конституции РФ («носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является её многонациональный на-

род», «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»). Справедливым представляется утверждать, что под наиболее общее определение региона, как социально-экономической системы, попадает и город, поскольку он также является частью территории, выделенной по признаку, называемому урбанистической концентрацией; соответственно, можно сказать, что социум территории определяет его функционирование, на настоящий момент и в перспективе.

Далее представляет интерес рассмотреть, кто же определяет развитие самого социума. Вот что на этот счёт говорит один из американских учёных: «Элиты всех стран управляют желаниями людей – отправной точкой для создания богатства, опираясь сознательно или неосознанно на идеологию и религию, рекламу и другие средства воздействия на сознание людей» [6]. Напомним, что относительно идеологии в России утверждает её конституция: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7]. И всё же, с определённой долей условности, преобладающей в управлении развитием современного российского общества можно назвать идеологию (в общем смысле этого слова: как систему идей, управляющих развитием общества), – это либерализм. «В РФ гарантируется единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности», «в РФ признаётся идеологическое разнообразие», «РФ – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», «РФ – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [8]: всё это, без сомнения, свидетельствует о стремлении и России представить себя либеральным государством.

На наш взгляд, любую идеологию развития государства может проиллюстрировать проводимая им экономическая политика, поэтому представляется целесообразным рассмотреть и это явление.

Экономическая политика Российской Федерации регламентирована доктринальными и программными документами социально-экономического развития её территории, начиная с Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (федеральным органам исполнительной власти и исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано руководствоваться положениями данного документа при разработке программных документов, планов и показателей своей деятельности)[9], включая программы социально-экономического развития её регионов и муниципальных образований, дополненных целевыми программами всех уровней (федерального, регионального и местного); при этом остаётся место ещё и для частной предпринимательской деятельности граждан государства, которая не должна противоречить принятым законодательным актам всех уровней. Соответственно, мы можем сделать вывод (после изучения перечисленных документов), что экономическая политика России осуществляется, преимущественно, в направлении либерального развития общества.

Данная экономическая политика результатом своей реализации (для государства в целом и его регионов, в частности) устанавливает переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста, что планируется связать с формированием нового механизма социального развития, основанного на сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности (то есть с опорой на социум, осуществляющий в данной территориальной социально-экономической системе свою де-

тельность). Названные изменения считается возможным достичь посредством оптимального сочетания программ и отдельных мероприятий по стимулированию конкуренции и предпринимательской инициативы, и государственной поддержки системных прорывных проектов, прежде всего, в рамках частно-государственного партнерства [10]. Хотелось бы отметить, что самим представителям социума реализация обозначенной экономической политики предлагает «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан; в 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности)» [11] – что призвано, как можно предположить, стимулировать создание «системных прорывных проектов» для их реализации «в рамках частно-государственного партнёрства».

Подводя итог сказанному, следует отметить, что экономическая политика, являющаяся следствием используемой территориальными органами власти и управления идеологии развития социально-экономической системы, направлена, в первую очередь, на социум территории, как на элемент системы, определяющий её состояние и создающий в условиях проводимой экономической политики среду территории (применительно к территориальному управлению на муниципальном уровне – городскую среду), то есть реализует перспективу развития территории, обозначенную органами её управления в доктринальных и программных документах территориального развития. В связи с тем, что главной задачей экономической, социальной и политической географии (географии общества) официально признана «выработка практических рекомендаций в области экономико-, социально-, эколого- и политико-географической эффективности территориальной организации отраслей хозяйства, систем расселения, инфраструктуры и других разносторонних процессов и явлений разного территориального масштаба, а также прогнозирование изменений в территориальной организации общества» [12], чем также занимаются территориальные органы власти в процессе стратегического управления развитием социально-экономических систем, представляется возможным назвать роль социально-экономической географии в этом процессе как основополагающую.

Библиографический список

1. Экономическая география России: Учеб.пособие для вузов / Под ред. Т.В. Морозовой. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 8–11.
2. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение (методология, политика, экономика, право). – Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 1998. – С. 4–8.
3. Экономическая география России: Учеб.пособие для вузов / Под ред. Т.В. Морозовой. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 8–11.
4. Королёва Е.Н. Стратегическое управление развитием муниципальных социально-экономических систем в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты. – М.: ВГНА Минфина России, 2006. – С. 24.
5. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1997. – Глава 1–2.
6. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008. – С. 29–31.
7. Конституция Российской Федерации. – Ст. 13, п. 2.
8. Конституция Российской Федерации. – Ст. 8, 13, 14, 7.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-п. - http://www.smolin.ru/odv/reference-source/pdf/Progr-2020_total.pdf
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. - <http://www.smolin.ru/odv/reference-source/2008-03.htm>
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. - <http://www.smolin.ru/odv/reference-source/2008-03.htm>
12. Паспорт специальности 25.00.24 Экономическая, социальная, политическая и рек-реационная география - <http://originweb.info/science/codes/25/250024.html>.

Федоров Г.М., Корнеевец В.С. (г. Калининград)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Можно считать общепризнанным, что глобализация, способствующая интенсификации коммуникаций, имеет следствием усиление регионализации. Регионы, формирующиеся стихийно или целенаправленно, пытаются получить (и получают) дополнительные конкурентные преимущества. Они обеспечивают более быстрое и комплексное развитие экономики и социальной сферы, внедрение инноваций, устойчивое развитие территории. В результате в мире усиливается поляризация: те регионы, которые наиболее эффективно используют имеющиеся у них ресурсы, развиваются быстрее остальных. Так что применительно к регионализации в условиях глобализации можно сформулировать три гипотезы, подтвержденные и теоретическими рассуждениями, и аналитической практикой, так что их можно считать аксиомами:

1. Глобализация усиливает регионализацию
2. Регионализация ведет к поляризации.
3. (как следствие двух первых аксиом): Глобализация усиливает поляризацию.

Углубление поляризации не означает, что не могут появляться новые полюса роста (в соответствии с гипотезой Кондратьева – Валлерстайна о цикличности развития цивилизаций и неизбежности смены мирового лидерства). Эта гипотеза может быть применена и к оценке развития и конкуренции регионов.

Принципиальный вопрос: как указанные выше аксиомы должны (если должны) использоваться органами власти стран, регионов, муниципалитетов в планировании регионального развития (которое реализуется во многих странах, в том числе в странах ЕС и в России).

Власти государства могут:

- а) способствовать поляризации, стимулируя развитие «полюсов и точек роста»;
- б) стремиться обеспечить выравнивание – cohesion, поддерживая депрессивные районы, развивая село-городское партнерство, стимулируя сотрудничество регионов с разным уровнем развития и др.;
- в) относиться к региональной дифференциации безразлично.

Особой частью общего процесса регионализации является трансграничная регионализация. Именно глобализация, способствующая интенсификации коммуникаций, создает благоприятные условия для формирования трансграничных регионов. В их формировании участвуют промышленные, транспортные, торговые и другие предприятия, учреждения образования, науки и культуры, между которыми устанавливаются многочисленные связи. Созданию трансграничных регионов содействует

региональная политика Европейского союза, стимулирующая развитие связей между приграничными регионами разных стран, в том числе не входящих в ЕС, включая Россию. Положительным примером является Балтийский макрорегион, в котором формируются многочисленные трансграничные мезо- и микрорегионы. В результате трансграничной регионализации развитие приграничных территорий соседних стран получает дополнительные стимулы, улучшаются предпосылки формирования общеевропейского экономического, культурного, научного, образовательного пространства. Процессы трансграничной регионализации требуют теоретического и методического обоснования, что создаст научный фундамент для разработки общей стратегии российских регионов, обеспечивающей их скоординированные действия и усиление выгод, получаемых от сотрудничества с регионами соседних стран. Задача географов, как представляется, – дать научно обоснованные и практически применимые рекомендации по проведению эффективной региональной политики, в том числе в сфере трансграничного регионообразования.

С политической точки зрения можно говорить о трансграничном регионализме тогда, когда осознается взаимозависимость интересов по обе стороны границы и достигается высокая степень взаимодействия между органами власти соседних государств. В таком случае трансграничный регионализм предстает в виде пространственно интегрированной формы политического сотрудничества.

Возникновение трансграничного регионализма во многом обусловлено процессами экономической глобализации, требующей укрупнения рынков и новых подходов к пространственной организации экономики. Но во многом трансграничный регионализм является реакцией на недостаточную способность государств и международных организаций решать глобальные вопросы. Требуются и новые формы, и дополнительные акторы (регионы) для организации коллективных действий для поддержания мирного сосуществования и обеспечения экономического развития. В то же время, несмотря на возможные значительные выгоды для обеих сторон от расширения и углубления сотрудничества, частым препятствием к наращиванию интеграционных процессов являются именно политические факторы (действующие с обеих сторон, и иногда в неожиданном направлении).

Тезис об усилении регионализации в условиях глобализации может быть дополнен следующими утверждениями.

Первое: речь идет об усилении процесса формирования не гомогенных (однородных) регионов, а когерентных регионов, объединяемых все более тесными внутренними связями.

Второе: интенсивно формируются трансграничные регионы, которые ранее обычно находились в зачаточном состоянии. Часто они являлись гомогенными регионами, выделяемыми по принципам однородности некоторых показателей. Теперь же активно развиваются связи между национальными регионами стран, расположенных по разные стороны границы, и образуются не гомогенные, а когерентные трансграничные регионы.

Третье: в процесс формирования трансграничных регионов включаются властные структуры граничащих друг с другом государств, их административно-территориальных единиц и муниципалитетов. Заключаются международные соглашения, направленные на развитие сотрудничества и формирование трансграничных регионов. Создаются международные ассоциации, координирующие их развитие.

Таблица 1

Иерархия регионов

Иерархический уровень	Примеры регионов
<i>Межгосударственные регионы</i>	
Глобальный уровень	Мировая политическая система
Мегарегионы	ЕС, СНГ, ОАГ, Африканский союз, Лига арабских государств и др.
Международные макрорегионы	Союзное государство России и Бела-руси, Балтийский регион, Бенилюкс, страны Балтии и др.
Трансграничные мезорегионы	Еврорегионы
Трансграничные микрорегионы	Территории двух сотрудничающих муниципальных образований Внутригосударственные регионы
<i>Внутригосударственные регионы</i>	
Макрорегионы	Федеральные округа
Мезорегионы	Административно-территориальные образования
Микрорегионы	Муниципалитеты
II (высшего) уровня	Муниципальные районы и городские округа
I (низшего) уровня	Городские и сельские поселения
Локальный уровень	Населенные пункты

Место трансграничных регионов в общей иерархической системе когерентных регионов, формирующихся в мире, можно представить следующим образом (табл. 1).

Выделяются следующие стадии развития трансграничного сотрудничества:

- локальные приграничные контакты;
- взаимодействие административно-территориальными единицами, муниципальных образований государств (в рамках побратимских соглашений между городами, договорами о межрегиональном сотрудничестве и др.);
- реализация между субъектами разных стран трансграничных проектов в различных сферах (экономических, социальных, экологических, культурных и т. д.), результатом которых является налаживание взаимосвязей между участниками проекта.
- сетевая форма трансграничного сотрудничества, предполагающая взаимодействие между акторами различных уровней по обе стороны границы; на этой стадии формируются трансграничные регионы.

Разработка совместных проектов как этап формирования трансграничных сетей особенно актуальна тогда, когда речь идет о трансграничной регионализации, основанной не на естественных факторах (таких, как национальная или историко-культурная общность, налаженные экономические взаимосвязи и т. п.), а осуществляющейся в результате решения масштабных целей, сформулированных на различных политических уровнях. К таким целям могут относиться обеспечение безопасности, социально-экономическое развитие периферийных приграничных рай-

Таблица 2

Международное сотрудничество в трансграничных регионах

Субъекты сотрудничества	Цели сотрудничества	Виды (формы) сотрудничества	Пространственные формы организации сотрудничества
Региональные органы государственной власти	Обмен опытом; привлечение инвесторов; содействие связям между юридическими и физическими лицами	Совместные целевые комиссии, мероприятия (конференции, семинары, совещания, встречи)	Территориальные сети; еврорегионы; треугольники роста
Органы местного самоуправления	Использование зарубежного опыта; привлечение инвесторов	Совместные мероприятия (семинары, совещания, встречи)	Территориальные сети; еврорегионы
Хозяйствующие субъекты	Экономическая выгода	Торговля; инвестиции; совместные предприятия; обмен опытом	Территориальные кластеры и комплексы
Учреждения социальной сферы	Обмен опытом; привлечение интереса со стороны общества	Совместные мероприятия (конференции, семинары, стажировки, соревнования, конкурсы, концерты); научные проекты и образовательные программы	Территориальные сети
Некоммерческие (общественные) организации (НКО)	Распространение взглядов в соответствии с целями НКО	Семинары, встречи; совместные акции	Территориальные сети
Религиозные организации	Распространение религиозных взглядов	Организация и поддержка религиозных общин в соседних странах	Территориальные сети
Неформальные группы лиц	Общение в соответствии с интересами	Встречи	Нет

охов, охрана окружающей среды, повышение конкурентоспособности территорий в глобальном масштабе.

В формировании трансграничных регионов (табл. 2) участвуют промышленные, транспортные, торговые и другие предприятия, учреждения образования, науки и культуры, органы власти, между которыми устанавливаются многочисленные связи. Создаются условия для кооперации предприятий, расположенных по разные стороны границы.

Наиболее общий признак сформировавшихся трансграничных регионов, обычно предполагающий наличие и ряд остальных признаков, – юридическое закрепление отношений между административно-территориальными и муниципальными образованиями соседних стран. Речь идет о заключении международного договора, соглашения по поводу сотрудничества. В наиболее продвинутом случае об-

разуются ассоциации, иногда со статусом юридического лица, со специальными постоянно действующими органами управления.

Трансграничная регионализация – один из приоритетов современной политики Европейского союза. Создаются сетевые структуры, которые позволяют формировать схемы трансграничного сотрудничества. Европейский союз реализует ряд крупномасштабных программ, направленных на поддержку приграничного сотрудничества и интеграционных процессов на внутренних и внешних границах ЕС. Во-первых, приграничное сотрудничество рассматривается как перспективный инструмент ускорения развития периферийных территорий, расположенных на границах национальных государств. При этом интеграция и выравнивание развития на всей территории ЕС является главной его целью. Во-вторых, местные органы власти и экономические акторы активно пытаются использовать возможности формирования новых региональных альянсов (что позволяет получить финансирование по линии программ Европейского союза и, кроме того, приобрести дополнительную политическую власть за счет участия в стратегическом сетевом сотрудничестве). В-третьих, предполагается, что многообразие природных, культурных и экономических особенностей разных регионов может значительно способствовать развитию разных сфер общественной жизни.

Для обеспечения трансграничной регионализации Евросоюзом используется программа «Interreg». Она разработана для финансирования и развития трансграничного сотрудничества между регионами в двух или более государствах-членах ЕС, а также для развития трансграничного сотрудничества на внешней границе Европейского союза, в том числе с участием регионов России, которая участвует в софинансировании соответствующих проектов.

Меры по развитию трансграничной регионализации решают три главные задачи:

- 1) Усиление конкурентных возможностей субъектов, участвующих в деятельности трансграничных регионов.
- 2) Содействие выравниванию условий и уровня развития регионов различных стран ЕС.
- 3) Создание предпосылок формирования глубоко интегрированного общеевропейского (включая Россию) экономического, культурного, научного, образовательного пространства.

Российские регионы на Балтике имеют благоприятные возможности расширения и углубления участия в трансграничном сотрудничестве, и их необходимо использовать для снижения недостатков периферийного положения приграничных субъектов РФ и превращения их в регионы – «коридоры развития», соединяющие Россию и Европейский союз. Складывающиеся на границе России и стран ЕС трансграничные регионы имеют благоприятные предпосылки развития, особенно если обе стороны станут более активно реализовать декларируемые ими стратегии углубления сотрудничества (включая формирование четырех «общих пространств», подписание и реализация нового рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и пр.).

Опыт содействия формированию трансграничных регионов в Европе целесообразно использовать при разработке и реализации соответствующих программ во всех приграничных территориях РФ, причем российские регионы могут не только играть более активную роль во взаимодействии с партнерами на границе с ЕС, но и занять ведущее положение в формировании трансграничных регионов во взаимодействии с территориями, не относящимися к странам ЕС, особенно с регионами стран СНГ.

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Пространственное развитие современного города обычно анализируется с использованием трех моделей. Эти модели были разработаны на материале развития промышленных городов США, но с определенными поправками применимы и к городам Европы.

Модель концентрических зон, Берджесса [Берджесс, 1925]. Разработанная еще в 1920-х, эта модель описывает развитие городской среды как набор концентрических кругов, где каждый круг обозначает способ использования земли. Внутренний круг – это центральный деловой район, затем изнутри наружу идут переходная зона, зона рабочих кварталов, зона дорогостоящего жилья и зона пригородов. Отличительной особенностью этой модели является положительная зависимость между уровнем жизни и расстоянием от центрального делового района. Обитателями центра являются иммигранты и люди с низким социально-экономическим статусом, обитателями окраин – люди с высоким достатком. По мере роста города и увеличения его центрального делового района, происходит соответствующее расширение зон.

Секторная модель, Хойт [Harris & Ullman, 1945]. В 1939 году было отмечено, что, например, жители с низкими доходами живут ближе к железнодорожным веткам и вдоль них, а офисные здания имеют тенденцию располагаться вдоль ключевых дорог. На основании наблюдений было произведено расширение модели концентрических зон с учетом влияния транспортных осей. Новая модель рассматривала развитие города как сектора, образованные ключевыми транспортными осями, отходящими от центра города. В рамках этой модели, близость к транспортным путям увеличивала капитализацию земли и влияла на ее использование. Так, в центре города оставались деловые здания, а промышленное производство располагалось вдоль транспортных осей. Жилая недвижимость низкого класса располагается ближе к промышленным и складским районам, а высокого – вдали от них.

Многоядерная модель, Харрис и Уллман [Harris & Ullman, 1945, p. 13]. К середине 1940-х стало понятно, что крупные города больше не укладывались в существующие модели развития. В них развивались значительные по площади пригородные зоны, некоторые из которых, достигнув определенного размера, начинали функционировать как маленькие деловые районы – ядра развития. Несмотря на то, что центральный район города оставался центром экономической активности, стало понятно, что в этих ядрах также развиваются особые формы деятельности, часто собирающиеся в кластеры, т.е. образующие цепочки добавленной стоимости. В центре новой модели находится центральный район, вдоль транспортных осей располагаются районы легкой промышленности и оптовой торговли. Тяжелая промышленность, часто окруженная жилыми районами низкого класса, располагалась на внешних границах города, а периферию занимали жилые пригороды и небольшие деловые центры.

М. Уайту [Вагин, 2001, с. 11] удалось разработать модель города, соединяющую семь элементов городской структуры воедино. Центр города, по-прежнему, – центральный деловой район со всеми его признаками. Зона стагнации – та часть горо-

да, которую Берджесс назвал «зоной перехода». Она в наибольшей степени пострадала от спекуляций владельцев недвижимостью, ожидавших распространение деловой части на эти районы. Отсутствие инвестирования в эту часть города привело к повсеместному ее упадку. Ниши бедности и меньшинств сконцентрированы во внутреннем городе или старейших пригородах. На территории города имеются анклавы элиты. Наиболее богатые семьи живут на периферии метрополиса. Происходит рассеивание среднего класса, представители которого занимают огромную часть территории метрополиса. Они живут, начиная от границ центральной части города, но главным образом в пригородах. В зависимости от состава семьи осуществляется выбор необходимого типа жилья. Черные представители среднего класса, как правило, проживают в сегрегированных анклавах.

Места институциональной принадлежности и общественного сектора – госпитали, университеты, исследовательские центры, деловые центры, штаб-квартиры корпораций и т. д. оказывают существенное влияние на использование земель и развитие жилищного строительства. В свою очередь, принятие решения о каких-либо изменениях городской инфраструктуры существенным образом способно изменить значимость территории для поселения. Эпицентры и коридоры — другая часть выделенной схемы. Беспрецедентное движение населения в пригороды привело также и к перемещению туда деловой активности. Сегодня в пригородах большинства городов сформировались эпицентры, сконцентрировавшие в себе многие функции центральной деловой части города. Кроме того, весьма распространенным типом поселения является полосное расселение вдоль транспортных коридоров, связывающих радиальные автомагистрали. Эти места заселены, как правило, высокооплачиваемыми специалистами. Следует подчеркнуть роль политического воздействия на городские процессы в использовании земельного пространства городов. С начала века города все в большей мере испытывают на себе воздействие: городского зонирования; повышения роли городского правительства в обеспечении городской инфраструктуры; увеличения роли федерального правительства в функционировании рынка жилья; городской реконструкции.

Процесс зонирования городской территории предполагает искусственное повышение платы за землю в различных частях города для привлечения внимания к той части территории, что требует инвестирования. В большинстве американских городов существуют подобные планы развития. Города начали реализовывать целенаправленную политику в этом направлении. Значимость развитой городской инфраструктуры для ценности конкретной городской территории очень велика. Поэтому принятие решений о создании тех или иных инфраструктурных решений, – без сомнения, политический процесс. Начиная со времен великой депрессии, американское правительство проводит активную жилищную политику, за счет субсидирования большого количества программ для малообеспеченных семей. С одной стороны – генеральная политика правительства на увеличение среднего класса, а с другой стороны – это поддержка строительной индустрии. Реализация правительством программ финансирования жилищного строительства происходит через «квазиправительственные» агентства, такие как федеральная национальная ипотечная ассоциация и правительственная национальная ипотечная ассоциация. На рубеже 1950-х гг. федеральное правительство США начало активные действия по реконструкции городов. Благодаря этому вмешательству, были предприняты действия по изменению облика внутреннего города ряда американских ме-

трополисов. Осознание важности такого рода политического вмешательства привело к формированию политэкономического подхода, изучению использования городского пространства.

М. Кастельс [Кастельс, 1988, СС. 85-11], говоря о развитии пространственных тенденций изменения городских форм, выделил шесть основных процессов. Процесс нового межрегионального разделения труда предопределяет значимость каждого процесса данной городской территории. Во-вторых, центры и субцентры в крупных городах интенсивно увеличивают основные виды деятельности и продолжают вовлекаться в процесс экономического роста, политического доминирования и культурного превосходства. Вокруг этих динамично развивающихся мест увеличивается число джентрифицированных соседств новой городской элиты. В-третьих, вокруг этих центров на огромных пространствах внутренних городов продолжается упадок. Они все больше становятся «городскими резервациями» для простых рабочих и национальных меньшинств. Здесь же увеличивается численность семей матерей-одиночек. В-четвертых, одновременно с упадком отдельных центральных частей городских территорий пригороды испытывают экономический подъем, превращаясь в эмигрантские города — один из полюсов экономики метрополитенской зоны. В-пятых, за пределами городских границ пригороды продолжают расширяться, создавая все более индивидуализированные и диверсифицированные образцы жизни и деятельности. И последнее, расширение пригородов сопровождается дальнейшим территориальным расширением городов с распространением деятельности и проживания горожан на территории сельских и смешанных областей. В результате этого процесса иногда возникают новые автономные поселения, но чаще этот процесс принимает форму особых функциональных отношений с близлежащим крупным городом.

В России процесс структурирования городского пространства сложно осуществить, опираясь лишь на подходы зарубежных авторов. Основной интерес к этой теме в России проявляют архитекторы и городские планировщики, именно они были главными заказчиками для географов и социологов, занимавшихся городской проблематикой. Вероятно, именно этот фактор обусловил жесткий функционализм большинства подходов к структурированию городского пространства в отечественной литературе [А.В. Дмитриев, А.М. Лола, М.Н. Межевич. 1988].

В последние годы делаются качественно иные попытки структурирования городского пространства российских городов. Интересны подходы к структурированию городского пространства с позиций типологизации городской среды, определяющейся через особенности застройки, месторасположения той или иной части города, а также исторически сложившихся функциональных особенностей тех или иных зон города [Кирсанова Л.Ю. 1996].

Первым недостатком существующих моделей является их статичность. Они обладают определенной «объяснительной» силой, но слабы в «предсказательном» плане. Быстрые динамические изменения в городском пространстве городов постсоциалистического пространства требуют разработки моделей способных моделировать трансформационные процессы. Вторым недостатком существующих моделей является недооценка городской системы как сложного объекта моделирования наделенного определенным набором уникальных свойств и характеристик, которые раскрываются в определенных закономерностях пространственного роста и эволюционного развития.

Анализ трансформационных процессов, протекающих в городском пространстве областного центра Смоленск, осуществлялся с применением модели городской системы, предложенной Ресиным В.И. и Попковым Ю.С. [Ресин, Попков, 2000, с.50].

Объяснение особенностей трансформационных процессов, протекающих в городском пространстве Смоленска потребовал выделения функционально-морфологической структуры Смоленска и транспортно-планировочной структуры. Функционально-морфологическая структура естественно дифференцируется на подсистемы, отвечающие основным видам жизнедеятельности городского населения (места приложения труда, жилье, обслуживание и т. п.). Транспортно-планировочная структура обеспечивает социально-функциональные связи между ними. В совокупности они формируют радиально кольцевую пространственную структуру Смоленска.

Выделение городского центра Смоленска, как основного структурного элемента системы, и транспортных магистралей с важными функционально-пространственными зонами позволяет построить секторальную пространственную структуру Смоленска.

Секторальная пространственная структура Смоленска в совокупности с функционально-пространственными зонами определяет участки наиболее интенсивного освоения соответствующих городских пространств. Интенсивность освоения определенных участков городского пространства приводит к возникновению конкурентных процессов, между участниками экономических процессов желающих использовать эти пространства в своих целях.

Авторы [Ресин, Попков, 2000, с. 53], объясняя взаимную обусловленность признаков строения, функционирования и развития городской системы (далее ГС), вводят единую систему теоретических понятий, которая позволяет обобщить описание городской системы в терминах соответствия его внутренней структуры, функциональной организации и динамики развития.

В соответствии с такой моделью городская система дифференцируется на две структурно-соподчиненные части – каркас и ткань. Каркас – ведущая структурообразующая часть системы, которая охватывает область сосредоточения функциональной активности, наиболее активных, массовых процессов жизнедеятельности населения, связанных с высокой интенсивностью освоения пространства. Каркас ГС формируют главные транспортные магистрали, коммуникационные узлы, связанные с ними сооружения городского значения – общественные, деловые и другие уникальные комплексы, привлекающие потоки посетителей. Зоны преимущественной локализации видов деятельности, не требующих высокой пространственной концентрации, составляют ткань – основной материально-пространственный субстрат системы, структурно подчиненный каркасу. К ткани относится большая часть жилых территорий, рядовая застройка производственных и коммунальных зон, объекты повседневного обслуживания и другие стереотипные элементы ГС. Модель «каркас–ткань» в обобщенной форме отражает функциональную организацию градостроительной системы через отношения составляющих ее структурных компонентов. Зафиксированные в терминах модели представления об интенсивности освоения, ранге транспортной доступности пространственных элементов системы характеризуют не только условия осуществления локализованных в них отдельных городских функций, но и специфическую роль этих элементов в функционировании всей системы, степень их включенности в общий процесс жизнедеятельности городского населения.

Отличие каркаса от планировочной структуры заключается в необходимости видеть пространственно материальные объекты не только с точки зрения выполняемых функций, но и с точки зрения той роли, которую они играют в ГС в целом, на каком уровне они ведут конкурентную борьбу.

Для большей объяснительной и предсказательной силы данной модели ее необходимо дополнить еще одним элементом ГС – это «каркас–ткань–среда».

Каркас выступает в роли жесткой основы ГС. А ткань, это тот трансформирующийся материал, благодаря изменению которого ГС приспосабливается к изменениям во внешних условиях функционирования. Но какие конкретные формы принимает ткань, зависит от факторов, которые стали решающими в процессе трансформации Смоленска – (условие среды, неформальные факторы, генетические факторы, административные факторы, глобализационные и интеграционные факторы). Включение в модель такой важной составляющей как «среда» дает возможность управления развитием ГС не только прямым воздействием на стратегические функционально-пространственные зоны, через материально-пространственные объекты, но и косвенными методами.

Для обеспечения равномерного социально-экономического развития в долгосрочном плане определяющим фактором развития городской системы становится стратегия социально-экономического развития. В результате модель в упрощенной форме имеет вид – «стратегия–каркас–ткань–среда».

Развитый каркас – привилегия ГС, имеющий жесткую структуру. В дискретных ГС каркас, как правило, выражен неявно, находится в стадии формирования. Если в жесткой ГС структура материализована в каркасе, который определяет ее последующее функционирование, то в дискретной ГС совокупность внутренних взаимосвязей содержит некоторое множество вероятных исходов развития системы. Дискретное состояние не может быть однозначно задано описанием каркаса; оно определяется главным образом свойствами и параметрами ткани. Развитый каркас, принимающий на себя основные функциональные нагрузки, делает эффективным функционирование жестких систем в стабильной среде, а относительная неизменяемость его характеристик определяет ограниченные возможности адаптации систем такого типа к изменению внешних условий. Напротив, аморфность строения, относительно слабое развитие каркаса в дискретных системах обуславливает широкий диапазон их адаптируемости на уровне формирования и воспроизводства элементов ткани [Ресин, Попков, 2000, с. 60]. Таким образом, конкурентоспособность градостроительной системы зависит от гибкости внутренней функционально – пространственной структуры, или другими словами быстрой адаптируемости составляющих ее элементов к изменяющимся условиям. Необходимо отметить, что формы, которые принимает ткань системы, обусловлены внутренней и внешней средой функционирования.

Изучение реальных трансформационных процессов в Смоленске, свидетельствуют о возможности использования предложенной модели, как базовой для объяснения и моделирования трансформационных процессов, протекающих в городском пространстве, хотя на начальном этапе трансформации в Смоленске происходило сужение экономического пространства, связанное с переходом на рыночную систему хозяйствования.

Начальный этап трансформации в Смоленске можно охарактеризовать, как адаптация элементов каркаса и ткани к новым рыночным условиям, в результате

чего неконкурентоспособные элементы ткани были вытеснены новыми бизнес-формами, а конкурентоспособные элементы, изменив свою пространственную структуру и функции, стали успешно функционировать в новых условиях. Отдельные элементы каркаса, потеряли свою значимость в новых условиях хозяйствования, стали элементами ткани. На начальном этапе трансформация каркаса и ткани происходила параллельно, отличие заключалось в том, что элементы каркаса, адаптируясь, меняли свои функции и значимость, а ненужные элементы ткани просто исчезали с городского пространства. На промежуточном этапе наблюдалось буйное развитие ткани в городском пространстве Смоленска. Важной отличительной чертой промежуточного этапа трансформации стало способность местной администрации управлять внутренней средой в ГС, это стало определяющим фактором для появления прогрессивных форм ткани в городском пространстве и временных рамок трансформационных процессов. На завершающем этапе трансформации в городском пространстве происходила качественная перестройка ГС, что выразилось в совершенствовании функционально-структурной организации каркаса.

Пространственно-временной анализ трансформационных процессов, протекающих в городском пространстве Смоленска, раскрывает один из способов определения фаз развития городской системы. Любые бизнес-объекты предъявляют определенные требования к городскому пространству. Исследование концентрации объектов различной отраслевой специализации в городском пространстве, позволяет выделить пространственные предпочтения для каждой отрасли. В результате, когда происходит фаза роста городской системы, происходит количественный рост этих бизнес-объектов в наиболее привлекательных для них местах городского пространства. В фазе перехода, из фазы роста в фазу структурной реорганизации, количественный рост замедляется и останавливается, даже может происходить количественное снижение бизнес-объектов на данном участке городской территории. Это связано с ужесточением конкуренции, неправильной оценкой бизнесом потенциального спроса, сменой покупательского поведения населения или нехваткой свободных площадей под новое строительство. Ужесточение конкуренции и желание бизнеса повышать свою доходность заставляет отрасли осваивать новые участки городского пространства в поисках новых выгодных коммерческих местоположений. В фазе структурной реорганизации количественный рост бизнес-объектов останавливается. Образовавшиеся сгустки деловой активности вступают в активную фазу конкуренции.

На начальном этапе трансформации происходило сужение экономического пространства Смоленска. Большинство новых бизнес-форм осваивало центр города. Эти центростремительные процессы свидетельствуют о желании бизнеса использовать потенциал каркаса. Освоение периферии происходило вдоль маршрутов движения городского транспорта, на остановках, и в транспортных узлах и центрах. Основную функциональную нагрузку нес центр города. На промежуточном этапе происходило концентрация и количественный рост новых бизнес-объектов в коммерческих местах открытых первыми бизнес-формами. Происходил количественный рост ткани. На завершающем этапе трансформации основные коммерческие места были уже заняты. Обострилась конкуренция между участниками рынка за наиболее выгодные коммерческие местоположения. Это говорит о смене фаз в городском пространстве Смоленска. Фазе роста приходит на смену фаза структурной организации.

Оценка динамики развития ГС в каждой фазе колебательного цикла тесно связана не только с изменением относительной мощности каркаса, но и с изменением

ем его внутренней структуры. Эта структура характеризуется взаимным расположением и типом связи узлов каркаса, т. е. наиболее интенсивно освоенных центров функциональной активности. В зависимости от количества центров различаются моно- и полицентрические каркасы. Здесь надо отметить, что Смоленск обладает моноцентрическим каркасом с выраженным преобладанием главного центра. Формирование субцентров находится на начальной стадии формирования.

Предложенная модель «стратегия–каркас–ткань–среда» обладает как «объяснительной», так и «предсказательной» силой. Она позволяет учитывать индивидуальные особенности сформированной пространственной структуры, обусловленной воздействием набора уникального сочетания факторов влияния. Рассмотренная модель способна учитывать эволюционные особенности развития города, как сложного объекта и разработать действенную стратегию социально-экономического развития.

Библиографический список

1. Bergess E. W. The urban community, selected papers from the proceedings of the ASS, 1925. – New-York: AMS press. 1971.
2. Castells M. High Technology and Urban Dinamics in the United States. In Kazarda, J. (eds.) The Metropolis Era. Vol. 1. A World of Giant Cities. Newbury Park: Sage Publication. 1988.
3. Harris C. D. & Ullman E. L. 'The nature of cities'. The Annals. 1945.
4. Вагин В.В. Социология города. Учебное пособие для муниципальных управляющих. – М.: Московский научный общественный фонд, Школа муниципального управления, 2001.
5. Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н. Где живет советский человек. Социальные проблемы управления расселением. – М.: Мысль. 1988.
6. Кирсанова Л. Ю. Географические аспекты оценки городской среды (по материалам социологических обследований москвичей). Автореферат на соискание ученой степени кандидата географических наук. – М., 1996.
7. Ресин В.И. Попков Ю.С. «Развитие больших городов в условиях переходной экономики» Системный подход. Эдиториал УРСС. – М., 2000.

Черкашин А.К. (г. Иркутск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕДИНОЙ ГЕОГРАФИИ

Проблемы единства и целостности географии, развития теоретической географии и применения современных методов исследования постоянно были в центре внимания профессора Ю.Г. Саушкина (1976, 1980). Возникшая в свое время широкая дискуссия о «единой географии», инициированная проблемной работой В.А. Анучина (1960), сейчас продолжается с меньшей интенсивностью и в ограниченных масштабах. Утрата интереса к этой проблеме, прежде всего, связана с отсутствием конструктивных результатов в виде целостной концепции единой географии, объединяющей природную, экономическую и социальную географии. Многими учеными единство географии принимается аксиоматически, поскольку изучение географической реальности в преобразованном человеком мире подразумевает объединение естественных и гуманитарных наук через междисциплинарные исследования, интеграцию и синтез знаний. Неприятие другими учеными единой географии как конструктивной схемы решения территориальных задач связано с отсутстви-

ем научных основ такого объединения, поэтому окончательное решение проблемы все больше отодвигается на будущее.

Постепенно приходит понимание, что проблема единства географии решается не сама по себе, а в контексте единства всего научного знания, что для географической науки, действующей на стыке со всеми другими науками, весьма актуально. Единая наука должна формироваться как саморазвивающаяся система знаний и методов генерации знаний. В этой системе все частные знания соответствующих научных отраслей занимают свое собственное место и связаны определенным образом с остальными знаниями. Фрагменты интересных мыслей исследователей разных лет проявляют свое значение и полезность только в системе всеобщих или географических знаний. Требуется аннотированный анализ известных текстов с целью уточнения суждений и определения их места в теоретической схеме, которая должна быть построена.

Реализуется система вложений экономической географии E_{eg} в единую географию E_g и единую науку E : $E_{eg} \subset E_g \subset E$. Отсюда возникает последовательность логического вывода от общего к частному $E \Rightarrow E_g \Rightarrow E_{eg}$, т. е. экономическая география является отражением идей единой науки посредством единой географии. Особенностью конструкции E является дифференциация научных теорий не по традиционному объектно-ориентированному принципу, когда различается физическая и экономическая географии, а в соответствии с предметно-ориентированным подходом, где природные, экономические и социальные явления рассматриваются с общих позиций в рамках одного или нескольких предметных интерпретаций действительности. Каждая предметная интерпретация i соответствует специальной теории T_i , по-своему трактующей элементы, их связи, структуру элементов и связей – систему и организацию. Единая наука в качестве систем рассматривает знания e_{ij} , принадлежащие определенной теории $T_i = \{e_{ij}\}$. Простейшими знаниями (элементами) теории e_{i0} являются базовые понятия и аксиомы этой теории, на основе которых через логический вывод $e_{i0} \Rightarrow e_{ij}$ формулируются производные понятия и законы (модели). Одним из базовых понятий любой теории является «структура», а именно с «необходимостью исчисления структур» Ю.Г. Саушкин (1973, с.17) связывал формирование теоретических основ географии.

Единая наука как универсальная система объединяет все знание $E = \{e_{ij}\}$, однозначно распределенное по теориям $E = \{T_i\}$. В итоге, единая наука – это расслоенное знание. Связь разных теорий осуществляется через процедуру интерпретации $T_i \equiv T_k$, когда понятия в аксиомах одной теории заменяются на понятия другой теории $e_{i0} \equiv e_{k0}$, в результате чего появляется система аксиом новой теории. В итоге все теории становятся взаимно интерпретируемыми, и, выбрав за основу одну из них, можно построить любую другую, в частности, выделить новые понятия и сформировать по этому алгоритму новую теорию (Черкашин, 1997, 2005). Единая наука является одной из системных интерпретаций, в которой системы – это знания, упорядоченные в системы знаний, а именно, в аксиоматические теории T_i , описывающие сквозным образом объекты действительности с разных сторон (многослойно, полисистемно).

Сквозной характер теории означает, что она отражает и объясняет свойства разнокачественных объектов (природных, экономических, социальных) с единых предметных позиций. Единая география в составе единой науки также обладает сквозными качествами познания и должна описывать свои территориальные объекты на едином языке в рамках одной теории, но она может также использовать

разные теории для решения поставленных задач. Это свойство объединяет географические исследования с другими науками, позволяет использовать весь арсенал единой науки для достижения своих целей. В частности, наблюдаемое сходство гравитационных моделей в физике и географии не формально, а имеет общую аксиоматическую и содержательную основу.

Таким образом, географическое знание, как, впрочем, и знание всех объектно-ориентированных наук, полипредметно, т.е. для своего понимания требует множества различных теоретических интерпретаций. В силу этого существуют разные теории географии: комплексная, функциональная, пространственная, динамическая, структурная и т.д. Это значит, что возможны различные типы моделей территориальных образований, что наглядно прослеживается в полимодельности экономической географии.

Теоретическая география – это метатеоретический уровень географического знания, определяющий истоки его расслоения-дифференциации. Предметом теоретической географии является географическое знание вообще, включая эмпирические и расчетные данные, знания о типах географических систем, модели геосистем и теории географии (Черкашин, 2007). Это знание рассматривается в заметном отрыве от конкретного географического содержания, но все-таки в связи с этим содержанием. Метагеография полностью такую связь утрачивает, соответствуя математической географии, где все соотношения формальны. Понятно, что смысл теоретической географии раскрывается в рамках теоретического знания в целом, теоретической науки, а метагеографии – в рамках метанауки, или математики. Теоретическая наука исследует многообразие всеобщей связи знаний, касательные пространства к которому порождают слои знаний, например, множество теорий $E = \{T_i\}$, слагающих единую науку. Эти слои – своеобразные карты знаний, организованные вокруг соответствующих полюсов-инвариантов (точек касания многообразия связи знаний), например, в теории – вокруг элементарных понятий и аксиом. В итоге географическое знание оказывается разложено по предметным уровням, где рядом находятся знания из других наук, и организовано в системы знаний – модели, теории и классификации.

Та или иная теория строится и выбирается географом в зависимости от содержания поставленных задач. Из терминологии самой постановки обычно видно, какую теорию и модель лучше привлекать для решения. В географии преобладают две теоретические конструкции, которые условно можно назвать геосистемной и геокомплексной. В рамках геосистемной модели территориальные объекты рассматриваются как динамические системы с изменяющейся структурой. Для описания используются математические уравнения потоков элементов из состояния в состояние. Это балансовые и потоковые модели, широко применяющиеся в метеорологии, гидрологии, геоморфологии, экологии, при описании технологических процессов, транспортных потоков и межотраслевого баланса. Этим методом владеют в основном отраслевые географические дисциплины, которые объединяются в единую теорию динамических систем. В социально-экономической географии перспективной становится логистическое направление исследований.

Логистика по своей сути – явление не только экономическое, но и географическое, проявляющееся в разных местах и различных масштабах в пространстве и времени на планете. Многие принципы и правила логистики родственны системным представлениям географии, а знания географии – полезны для организации логисти-

ческих процессов. Особенно важной становится организующая функция логистики в формировании производственных и территориально-промышленных комплексов. Основная задача логистики – планирование, управление и контроль движения материальных, энергетических, финансовых и информационных ресурсов в различных экономических системах. Поточковая интерпретация логистики становится основной в этой области знаний и деятельности. Это позволяет в обобщенном смысле рассматривать логистику как систему управления любыми экологическими и социально-экономическими потоками. В данном смысле логистическая деятельность, с одной стороны, создает динамическую геосистему регулирования территориальной организации, а с другой, – формирует разные уровни производственного и территориального управления развитием технологий, производств, городов и регионов, рассматривая такое развитие как логистический процесс.

Другой, геокомплексный подход представляет теорию сложных систем – комплексов. Он предполагает наличие функциональных, или информационных связей между компонентами. В геокомплексе отражается подобие структуры и изменения его частей, система соответствия частного в процессе функционирования целого. Эта идея отражена в понятиях природный комплекс, ресурсный комплекс, промышленный комплекс, территориальный комплекс и т.д. Здесь подразумевается соответствие функционирования каждой подсистемы работе других подсистем и системы в целом. Наличие такого соответствия (комплексности) определяет норму существования и рационального использования природных и социально-экономических ресурсов и является критерием выделения районов разного вида комплексности. Примером простейшего экономико-географического комплекса может служить комплексы товаров и услуг, являющиеся основой меновой стоимости, сравнения качества и полезности, объемов производства и реализации в конкретных рыночных условиях. Логистический комплекс – последовательность организаций и операций доставки товаров от производителя к потребителю при сохранении качества и количества товаров. В этом комплексе товар однозначно отображается из одного географического положения в другое. В производственном комплексе товар изменяется в технологической цепи – последовательности отдельных рабочих операций или целых производств.

Согласно В.А. Анучину (1960) единая география является цельной, комплексной наукой, представленной физической и экономической географиями, имеющими общий объект исследования и объединенными в единый познавательный комплекс. Иными словами комплексироваться могут не только реальные объекты, но и знания о них, связанные в информационный комплекс, например, в комплексных исследованиях, в атласах тематических карт. Единая наука – такой информационный комплекс, в котором системные теории взаимно интерпретируемы, т.е. информация трансформируется и передается из одного теоретического слоя в другой. В географических комплексах также функционально связываются свойства разнокачественных компонентов.

В.А. Анучин (1960), как и большинство географов, признают ядром географии комплексный подход, когда географическая среда познается не только по отдельным элементам, но и по их комплексам разного пространственного и временного масштаба, и «сочетание изучаемых элементов в территориальных комплексах в каждом отдельном случае определяется целью исследования» (с. 241). Территориальные комплексы – это те же объекты исследований в специальной научной интерпретации, по-

этому предмет географической науки совпадает по объему понятия с объектом исследования. Аналогичная ситуация в единой науке, где объект познания однозначно соответствует полисистеме знаний о нем. Все остальные теории отражают только один специальный, моносистемный взгляд на объект. География трансформирует полисистему знаний теоретической науки в комплекс знаний, увязывая элементы знаний, их композиции и конфигурации в структуру их функционального подобия.

Ю.П. Михайлов (1980) обратил внимание, что интегральный, комплексный подход свойственен не только для географии, но, например, геологии и архитектуре. Сквозные качества всех теорий единой науки, включая теорию сложных систем-комплексов, объясняет этот факт. Изучение комплексов – предмет не только географии, но и исторической, медицинской, технической и иных наук, применяющих свои знания на практике.

Универсумом теории комплексов является множество всех подмножеств (сочетаний) элементов разного качества. Все сочетания различными функциональными связями упорядочиваются в комплексы, которые также комплексируются. Основной идеей теории комплексности является аксиома однозначного соответствия всех комплексов значениям отрезка множества континуума $[0,1]$, с помощью которого все комплексы линейно упорядочиваются и индексируются (Черкашин, 2005). Изменение комплексов и их связей сопряжено со скольжением их образа (индекса) по отрезку $[0,1]$, в чем выражаются гомотопические свойства комплексов, т. е. однозначной определенности особенностей комплекса их индексом. На идее комплексности (гомологии) основаны методы сравнительно-географических исследований, индикации, а также моделирования при переходе от абстрактных уравнений к конкретным расчетным схемам. Сравнительно-географическое моделирование базируется на гомотопических свойствах комплексов, когда математическая модель объекта одного местоположения превращается в модель другой территории при изменении числового индекса, определяющего коэффициенты модели. Гомотопические свойства комплексов определяют географические правила вывода по аналогии при переходе от одной пространственно-временной ситуации к другой (Черкашин, Истомина, 2009).

Таким образом, единство географии вытекает из единства науки в целом, что позволяет использовать общенаучные идеи и теории для развития теоретического базиса географической науки. Обеспечивается относительная простота объяснения причин возникновения тех или иных закономерностей и знаний. Это позволяет перейти от абстрактной географической комплексности к конкретному описанию причин ее возникновения и построению расчетных схем. Помимо теории комплексов в географических исследованиях должны применяться другие теоретические конструкции и соответствующие модели, идентификация которых обеспечивается значениями индексов географической ситуации. Это позволяет распространить методы географии на комплексные исследования других наук, что подтверждает ее методологический статус в формировании и, главное, в применении научного знания.

Библиографический список

1. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии.- М.: Гос. Из-во географической литературы, 1960. – 264 с.
2. Михайлов Ю.П. К вопросу о предмете и объекте географии // География и природные ресурсы. – 1980. – №1. – С. 27–37.

3. Саушкин Ю.Г. Теория географии и теоретическая география / Теоретическая география. Материалы симпозиума. – Рига, 1973. – С 16-20.
4. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 423 с.
5. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Просвещение, 1980. – 269 с.
6. Черкашин А.К. Полисистемный анализ и синтез. Приложение в географии. – Новосибирск: Наука, 1997. – 502 с.
7. Черкашин А.К. Полисистемное моделирование. – Новосибирск: Наука, 2005 – 280 с.
8. Черкашин А.К. Полисистемные исследования развития теоретической географии // География и природные ресурсы. – 2007. – №3. – С. 27-37.
9. Черкашин А.К., Истомина Е.А. (ред.) Гомология и гомотопия географических систем – Новосибирск: ГЕО, 2009. – 351 с. - <http://www.izdatgeo.ru/index.php?action=book&id=201>.

Шарыгин М.Д. (г. Пермь)

КАТЕГОРИЯ «ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ» В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

Одним из исходных понятий в общественной географии является «территориальные системы» и традиционное его выражение «территориальные комплексы». Системный подход имманентно присущ экономической (социально-экономической и общественной) географии и во многом обусловлен предметом ее познания, который имеет весь спектр системных характеристик.

Основополагающую роль в формировании категории «территориальные системы» сыграл выдающийся отечественный географ Юлий Глебович Саушкин. Его идеи отличались новаторством и конструктивностью, пронизывая все направления общественной и общей географии [1, 6]. Особенно велик его вклад в обоснование теоретико-методологических положений экономической географии, которая является наукой «о законах развития динамических территориальных систем, формирующихся на земной поверхности в процессе взаимодействия природы и общества, и об управлении этими системами» [2, с. 6]. И далее он подчеркивал, что никакие другие науки, кроме географических, территориальные комплексы (системы) не изучают. Стало быть, задачей географических наук, и только географических, является исследование территориальных комплексов (систем) разного рода, сложившихся на Земле, включая их историю, их географическое распространение, т. е. исследование их во времени и пространстве [2].

Среди множества территориальных систем особое место занимают интегральные общественные системы, воплотившие в себе предметную сущность науки и ставшие центральным ядром всей совокупности общественно-географических исследований. Представление о территориальных системах сложилось в XX столетии, существенно обогащаясь в процессе развития науки и общества. Изначально территориальные системы трактовались как производственные, реализуемые в форме территориально-производственных комплексов (ТПК). основанием учения о ТПК был отечественный географ Н.Н. Колосовский, получивший поддержку Н.Н. Баранского, Ю.Г. Саушкина, А.Т. Хрущева и других ученых.

Территориальная производственная система (ТПС) представляла собой пространственное сочетание предприятий, формирующее материально-техническую основу экономических районов разного иерархического уровня. Целеориентиру-

ющим ядром этой системы было производство, функционирующее на базе природных, трудовых и транспортных ресурсов. Системы создавались с целью повышения экономической эффективности, образуемой за счет территориальной концентрации и хозяйственного комплексирования.

В составе интегральных территориальных производственных систем выделяют более частные систем: промышленные (П.Я. Бакланов, А.Т. Хрущев и др.), сельскохозяйственные (А.Н. Ракитников, К.И. Иванов и др.), транспортные (И.В. Никольский, Н.Н. Казанский и др.). Каждая из них имеет индивидуальные пространственно-временные характеристики и одновременно комбинируются в территориальные сочетания в границах экономических районов.

В третьей четверти XX столетия стали явно проявляться негативные последствия абсолютизации экономики и экономического детерминизма. Появилась потребность трансформации экономики в социэкономiku и выдвижение на первый план человека как потребителя, производителя и менеджера. Реакцией на трансформацию стал «всплеск» исследований по географии населения, формирование представления о территориальных общностях людей (ТОЛ) и территориальных социально-экономических системах (ТСЭС). ТСЭС стали включать не только производство, но и население, инфраструктуру, природопользование.

Обобщая результаты исследования территориальных форм жизнедеятельности людей, Ю. Г. Саушкин [3] пришел к выводу, что предметом изучения экономической географии являются ТСЭС. Экономическая география, писал он, – «это наука о процессах реформирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем и об управлении этими системами [3, с. 5]. Можно предполагать, что расширительная трактовка предмета экономической географии предвосхитила ее трансформацию в социально-экономическую географию.

Под ТСЭС обычно понимается пространственно-временное сочетание социально-экономических элементов жизнедеятельности людей, включенное в процессы общественного воспроизводства, развивающееся как звено географического разделения и интеграции труда, услуг, информации. Развитие учения о ТСЭС стимулировало теоретические и прикладные исследования территориальной организации производства и населения, что отразилось на повышении статуса социально-экономической географии. Одновременно стала ощущаться узость понятия ТСЭС, которое оставляло за пределами познания социально-психологические, поведенческие, духовные, нравственные и иные процессы и компоненты жизнедеятельности людей.

Появилась потребность дальнейшего углубления и расширения научных представлений о ТСЭС, формирования нового понятия, адекватно отражающего обновляемые территориальные формы пространственной организации общества. Такой формой стала территориальная общественная система (ТОС). Представление о ней зародилось в «недрах» учения о ТСЭС с отражением переходных черт и с учетом полициклического развития и пространственной организации общества.

В современных условиях можно констатировать, что ТОС – это пространственно-временная форма организации общества, в которой взаимосвязанно и взаимообусловленно сочетаются все сферы жизни людей, включенные в процессы функционирования, развития и воспроизводства. Ядром ТОС являются человек и ТОЛ – социумы, объединенные множеством связей, общими интересами и отношениями и местожительством.

Рис. 1. Модель ТОС

Сферы деятельности ТОЛ: 1 – трудовая; 2 – бытовая; 3 – рекреационная; 4 – политическая; 5 – интеллектуальная; 6 – духовная. Функциональные блоки ТОС: I – хозяйственный; II – материально-обслуживающий; III – сервисный; IV – управленческий; V – социальный; VI – культурный. Инфраструктура: а – производственная; б – социально-бытовая; в – рекреационная; г – институциональная; д – социально-культурная; е – рыночная

Для ТОС характерны следующие черты:

- антропоцентричность
- пространственно-временная идентичность
- социально-духовная приоритетность
- сочетание целостности и открытости, самоорганизации и управления
- сбалансированность компонентов и синергетическая эффективность управления
- множественная, в том числе и иерархическая, структуризация
- динамизм и цикловое развитие и др.

Параметрические характеристики ТОС наиболее полно (по сравнению с ТСЭС) отвечают предметной сущности формирующейся общественной географии. При этом ТОС не только «не подавляет» производственные и социально-экономические системы, но и стимулирует их развитие, ориентируя на благополучие каждого человека и ТОЛ в целом. Общественная география становится наукой о закономерностях и особенностях развития ТОС и об управлении ими.

Концептуальная модель ТОС отражена графически на рис. 1.

Как видно из рис. 1, ядром ТОЛ являются ТОЛ, для которых характерна множественная структура, проявляющаяся в территориальном, социально-групповом, профессиональном, демографическом, этническом и других ресурсах. Многогранная жизнь людей реализуется в форме ролевых функций, которые можно объединить в конкретные сферы деятельности: трудовую, бытовую, рекреационную, политическую (общественную), интеллектуальную, духовную и др.

Внутренняя структура ТОС представлена в виде функциональных блоков (подсистем) и энерго-вещественных циклов. Наряду с блоком ТОЛ взаимосвязанно функционируют хозяйственный, материально-обслуживающий сервисный, управленческий, социальный, культурный и другие блоки.

Сочетание функциональных блоков в интегральных ТОС происходит в процессе функционирования энерго-вещественных циклов и активной деятельности инфраструктурного обустройства. Энерго-вещественные циклы обеспечивают воспроизводство ТОС и включают в свой состав разные «по природе» и носителям процессы. Среди них: демографический, информационно-коммуникационный, инновационный, топливно-энергетический, металлурго-машиностроительный, нефтегазохимический, агропромышленный, строительный, водохозяйственный и т. д.

В ТОС выделяются следующие виды инфраструктуры: производственная, социально-бытовая, социально-культурная, рекреационная, экономическая, рыночная, институциональная и др.

ТОС как прогрессивную форму пространственно-временной организации общества отличает возможность комплексирования и сбалансирования всех блоков, сфер, циклов, компонентов и элементов. С этой целью все активнее реализуется сочетание государственного управления и рыночного регулирования. Создаются условия для повышения уровня и качества жизни населения.

Изучение ТОС в рамках общественной географии в свою орбиту захватило решение не только социально-экономических и гуманистических, но и экологических проблем. Необходимость экологизации общественно-географических исследований отмечалась многими учеными и, в первую очередь, профессором Ю. Г. Саушкиным [2, 3, 4, 5, и др.].

При исследовании ТОС экологические аспекты не остаются без внимания и, более того, появляется тенденция переноса акцента познания на экологическую составляющую. На базе учения о ТОС формируется представление о территориальных общественно-экологических системах (ТОЭС). Ядром этих систем остается ТОС, жизнедеятельность которых протекает не только в природной, но и квазиприродной, экономической и других средах.

Концептуальная модель ТОЭС представлена на рис. 2. На модели отражены центральное положение ТОЛ и окружающая среда двух видов: контактно-личностная микросреда и контактно-общностная макросреда.

Контактно-личностная микросреда включает повседневное окружение людей в процессе труда, быта и отдыха. В нее входит три блока: биосфера (А1), квазиприродная среда (А2), социальная среда (А3). Каждая из них включает конкретные средовые компоненты, окружающие человека в повседневной жизни.

Окружающая макросреда имеет контактные отношения со всем коллективом ТОЛ. Она консолидирует частные сферы: I – природную, II – хозяйственную, III – социальную, IV – политическую, V – информационную, VI – рекреационную, VII – межэтническую, VIII – инновационную, IX – духовную. Каждая из сред обеспечивает ту или иную грань жизнедеятельности людей. Каждый человек и целостные ТОЛ функционируют в окружающей среде благодаря инфраструктурному обеспечению (рис. 2).

Средовый подход при исследовании ТОЭС позволяет по-новому рассмотреть территориальные объекты: страну, регион, город, село и др., а также конструировать экологически чистые и безопасные места жительства людей. ТОЭС можно рассматривать как концептуальную модель пространственно-временной формы жизнедеятельности людей, в которой появляется возможность достижения высокого уровня благополучия населения и формирования комфортной окружающей среды.

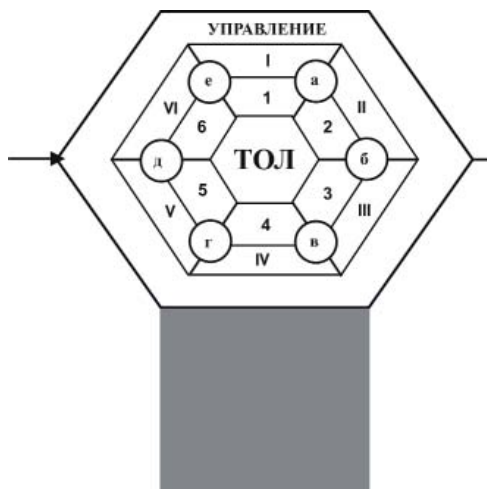

Рис. 2. Модель ТООС

 – экологическая инфраструктура

А. Контактно-личностная микросреда

A1 – биосфера (физиосфера): A11 – пища; A12 – вода; A13 – воздух. A2 – квазиприродная среда:
A21 – жилищно-коммунальная; A22 – рабочее место; A23 – рекреация.
A3 – социальная среда: A31 – семья; A32 – коллеги, соседи; A33 – духовный мир

Б. Окружающая (контактно-личностная) макросреда

I – природная; II – хозяйственная; III – социальная; IV – политическая; V – информационная;
VI – рекреационная; VII – межэтническая; VIII – инновационная; IX – духовная.

Инфраструктура:

1 – природная; 2 – производственная; 3 – социальная; 4 – политическая; 5 – информационная;
6 – рекреационная; 7 – этническая; 8 – научно-техническая; 9 – духовная

Географические исследования ТООС базируются на методологических положениях общественной географии в процессе развития категории «территориальные системы». Они, естественно, будут углубляться с учетом тенденций эволюции человеческого общества.

Библиографический список

1. Лавров С.Б., Перчик Е.Н., Глушкова В.Г. Ю.Г. Саушкин. Люди науки. – Смоленск, 2001. – 104 с.
2. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М., 1958; 1970. – 339 с.
3. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М., 1973. – 559 с.
4. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М., 1980. – 269 с.
5. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск, 2001. – 416 с.
6. Шарыгин М.Д. Роль идей Ю.Г. Саушкина в развитии экономической и социальной географии // Территориальные социально-экономические системы Урала. – Пермь, 1991. – С. 4–14.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНОГО И МЕТОДИЧЕСКОГО АППАРАТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ¹

Социально-экономической географии в ходе своего развития постоянно приходится решать проблему соответствия своего понятийно-концептуального и методического аппарата новым условиям и потребностям практики. Этот процесс естественен и непрерывен во времени. Изменения объекта и субъекта познания в ходе исторического процесса приводят к появлению новых и трансформации старых парадигм и научных школ, в рамках которых формируются свои понятия и концепции, выполняющие функцию теоретических основ социально-экономической географии.

Понятия и концепция социально-экономической географии (СЭГ) и связанных с ней методов исследования формировалась и развивалась на разных исторических этапах под воздействием различных внутренних и внешних факторов. При этом на каждом этапе в той или иной мере решалась, с одной стороны, проблема ее самоидентификации, определения собственного места среди других наук, а с другой – проблема адекватности ее концепций и методов новым социально-экономическим условиям и задачам практики. Это диалектическое противоречие между возможностью «сохранить собственное лицо» под угрозой фактического растворения в среде смежных наук и необходимостью трансформации ее сущностных основ на каждом историческом этапе решалось по-разному.

Смена условий и приоритетов социально-экономического развития в последние десятилетия привела к необходимости коренной трансформации исторически сложившегося в отечественной социально-экономической географии понятийно-концептуального аппарата. На смену привычным для экономико-географов понятиям и концепциям приходят новые: региональные и промышленные кластеры (Майкл Портер и Майкл Энрайт), центр-периферийные отношения (Джон Фридман, Франсуа Перру, Иммануил Валлерстайн), конкурентные преимущества стран, регионов и городов, обусловленные факторами «первой» и «второй» природы (Пол Кругман, Масахиса Фуджита) и др. Многие чисто географические понятия заменяются региональными: понятие территории – понятием пространства, территориальная организация – пространственной организацией, вместо чисто географического понятия района все чаще используется систематическое понятие региона. Географические концепции позиционных преимуществ, территориального комплексобразования, районообразования замещаются теориями регионального роста и регионального развития, моделями региональной политики, концепцией кластерной политики.

В рамках данной проблемы полезно посмотреть, как отечественные экономико-географы относятся к вопросу о современном аппарате социально-экономической географии. Материал для этого анализа можно найти в книге «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов», изданной к научной конференции по теоретическим проблемам социально-экономической географии, прошедшей в Ростове-на-Дону в мае 2010 г.

¹ Исследование выполнено в рамках работ по проекту РФФИ №10-06-00278-а

На вопрос «Современный аппарат социально- и экономико-географических исследований: есть ли он и как его развивать?» ответы были самые разнообразные. Представим некоторые из них:

Вопрос/автор	Суждение
<i>«Есть ли он?»</i>	
В.Л. Бабурин	«Формально аппарат есть, более того, спектр применяемых методов с каждым годом становится шире» с. 118
П.Я. Бакланов	«В принципе, есть и сложившаяся в рамках социально-экономической географии понятийная база» с. 119
Л.Я. Безруков	«Общественная география обладает значительным аппаратом исследований как в понятийно-концептуальном, так и в методолого-методическом отношении» с. 119
Ю.Н. Гладкий	«...причудливое смешение философских методов исследования, общенаучных подходов, частнонаучных и дисциплинарных методов, а также приемов и средств междисциплинарного исследования» с. 122
А.Г. Дружинин	«Современный инструментарий есть...» с. 122
В.Н. Стрелецкий	«Понятийно-терминологический аппарат ... усложнился, но все же его трансформация в постсоветский период не была радикальной. Обновление методического аппарата российской СЭГ географии происходило в последние двадцать лет ... быстрее и было более очевидным» с. 128
А.И. Трейвиш	Если аппарат методический, то он налицо. Не особенно отлаженный, зато разнообразный» с. 129
М.Д. Шарыгин	«В СЭГ географии сформировался мощный понятийно-терминологический, методологический и методический аппарат» с. 130
<i>«Его недостатки»</i>	
П.Я. Бакланов	«... но она (понятийная база) также, зачастую, используется в произвольной форме» с. 119
Л.Я. Безруков	«... в отечественной СЭГ стали преобладать разного рода безразмерные дедукции и рефлексии, а конкретных стоимостных расчетов и экономических оценок становится все меньше и меньше» с. 119-120
Ю.Н. Гладкий	«Смешение методов и подходов в географии стало обычным делом» с. 121
А.Г. Дружинин	«Современный инструментарий ...используется не в должном объеме и не повсеместно» с.122
В.Н.Стрелецкий	«...это обновление (методического аппарата) не носило характера четкого направленного тренда, ибо было крайне разнонаправленным, противоречивым, даже эклектичным» с. 128
<i>«Что делать?»</i>	
П.Я. Бакланов	«...формирование более строгого аппарата должно идти по пути установления более строгой иерархии объектов исследования, их структурного членения, количественной параметризации, установления общих свойств экономико-географических структур и их динамики. Более строгим должно быть и отношение к понятийной базе» с. 119

Ю.Н. Гладкий	«...всегда остается актуальной идея более широкого использования системного подхода...» с. 121
А.Г. Дружинин	«серьезно изучать не только «что», но и «как» делают наши коллеги на «Западе» (а ныне и на «Востоке») с. 124
А.В. Мошков	«Современный аппарат социально- и экономико-географических исследований необходимо дополнить понятиями, принципами, терминами «нелинейной» географии» с. 125
А.Н. Пилясов	«...нужно ... всемерно поощрять совместно вырабатываемые в междисциплинарных коллективах ... концептуальные представления по вопросам пространственного развития» с. 126
В.Н. Стрелецкий	«Научный аппарат развивается, в первую очередь, естественным путем, органично. Это объективный процесс саморазвития.... Представление о том, что прогресс в экономико- и социально-географических исследованиях предполагает в качестве первого шага «отладку» научного аппарата, я не разделяю» с. 128
А.И. Трейвиш	«Общее развитие аппарата в связи с «гуманизацией» шло и какое-то время будет идти путем освоения таких методов, как социологический, контент анализ, ментальные карты ... И учить надо не столько самим методам, сколько ориентации в них, умению выбрать подходящие» с. 129
М.Д. Шарыгин	«Требуют уточнения понятия территориальной организации хозяйства (экономический район, ТПК, ЭПЦ, кластер и др.) и общества в целом (ТСЭС, ТОС, ТОЭС и др.) с. 131

Приведенные выше суждения показывают, что при общем признании наличия своего аппарата исследований в СЭГ, акцент делается, прежде всего, на его нечеткость, произвольность в применении и противоречивость. Но целенаправленные предложения по его совершенствованию практически отсутствуют. Таким образом, наличие самой проблемы признается, но не предлагается системного подхода к ее решению.

Как было сказано выше, данная проблема для СЭГ не нова. В ее решение большой вклад внес Ю.Г. Саушкин, особенно в разработку таких основополагающих понятий и концепций отечественной районной школы СЭГ, как территориальное разделение труда, территориально социально-экономические системы, энергопроизводственные циклы, природно-хозяйственное районирование и др. Весной 1982 г. автору выпала честь представить на Всесоюзном межведомственном научном совещании «Понятийно-концептуальный аппарат в экономической и социальной географии» в Тбилиси совместный с Ю.Г. Саушкиным доклад «Система основных понятий и концепций экономической и социальной географии как ветви единой географической науки». В нем были сформулированы пять тезисов:

1. Интеграция географической науки диалектически неразрывно связана с ее дифференциацией.

2. Необходимо соответствие понятийно-концептуального аппарата каждой ветви географической науки структуре единой географической науки с учетом ее «сквозных» и «параллельных» ветвлений.

3. Экономическая и социальная география двуедина. Она пользуется как единым понятийным аппаратом, так и специфическим для каждой своей ветви. Это единство особенно видно в учении о городах.

4. Построение единой понятийно-терминологической системы экономической и социальной географии невозможно без признания единства географической науки, так же как и единства экономической и социальной географии.

5. Построение единой системы понятий экономической и социальной географии невозможно без четкого, однозначного, точного определения исходных понятий географической науки в целом.

Из тезисов видно, что при рассмотрении данного вопроса акцент был сделан на проблему построения единой понятийно-концептуальной системы СЭГ как ветви именно географической науки. Уже 30 лет назад эта проблема стояла достаточно остро и требовала для ее решения адекватных усилий. За прошедшие десятилетия ее актуальность не снизилась. Однако появилось много и других проблем, связанных, прежде всего, с кардинальными изменениями в территориальной организации общества на всех иерархических уровнях, формированием и развитием смежных с СЭГ наук и междисциплинарных направлений со своими концептуальными подходами, понятийным и методическим аппаратом, а также с изменением запросов практики, учет которых стал крайне необходимым для сохранения основных функций «классической» СЭГ, которые мы условно называем «миссионерской» и «почвеннической».

Попытаемся сформулировать несколько тезисов, которые, возможно, будут полезны для решения проблемы трансформации понятийно-концептуального и методического аппарата отечественной СЭГ на современном этапе развития.

1. Система понятий и концепций формируют базис теории СЭГ. В каждой научной школе совокупность понятий и концепций своя. Поэтому у СЭГ географии нет единой теории. Однако в разных научных школах применяются схожие понятия и концепции, что позволяет говорить о теоретических основах СЭГ как единой науки. Замещение этих понятий и концепций заимствованиями из других наук приводит к фактическому исчезновению СЭГ как ветви географической науки и экономико-географического подхода к исследованию общества. Разработке и применению на практике этих понятий и концепций необходимо уделять первостепенное внимание.

2. Для последних десятилетий под влиянием фактора глобализации междисциплинарных парадигм для географии в целом и СЭГ в частности была характерна тенденция «встраивания» в другие мировоззренческие подходы. В результате СЭГ прошла в этот период целую серию трансформаций, которые и определили современное состояние ее понятийно-концептуального и методического аппарата, т.е. ее теории.

В этот период для СЭГ была характерна не столько разработка новых или трансформация старых понятий и концепций, сколько внедрение заимствованных из других, прежде всего, региональных наук. Это заимствование проходило без их адекватного анализа и корректировки, что фактически привело к потере СЭГ важных черт самоидентификации и растворению в достаточно аморфной среде региональных наук, в среде которых она не смогла занять свою «экологическую нишу». Данный процесс был обусловлен как объективными, так и субъективными факторами, но главным из них является неадекватность использования в современных условиях традиционного понятийно-концептуального аппарата СЭГ.

Данный процесс имеет объективный характер и препятствовать ему – значит превратиться в рудиментальную, догматическую науку. Поэтому необходим процесс радикальной трансформации понятийно-концептуального аппарата СЭГ, основанного, с одной стороны, на переосмыслении показавших свою эффектив-

ность старых понятий и концепций, с другой – встраиванию в него новых, в основном заимствованных из других наук, понятий и концепций.

3. Для сохранения основных черт самоидентификации СЭГ как ветви географической науки необходимо соблюсти определенный консенсус между старыми, классическими и новыми понятиями и концепциями. Для этого целесообразно и использовать опыт формирования понятийно-концептуальной системы отечественной районной школы экономической географии, в которой каждое понятие и концепция выполняло свою функцию в понятийно-концептуальной системе:

- ТРТ как политэкономическое понятие – функцию «экономизации». Оно позволяло связать общеметодологический уровень анализа с конкретными территориальными системами, раскрыть индивидуализирующую роль места протекания «однотипных процессов», отобрать в каждой стране, районе, центре из множества отраслей и производств самые экономически выгодные (аналог закона Дарвинского естественного отбора), связать экономическую и социальную географию в единое целое.
- ЭГП как чисто географическое понятие – функцию «географизации». Здесь следует отметить, что это понятие может считаться не только одним из критериев географичности исследовательского подхода, но его можно отнести к наиболее интеграционным во всей структуре экономико-географического знания в рамках районной школы.
- Понятие ЭПЦ находится на стыке технологии и географии и выполняло функцию «технологизации» экономической географии. При его разработке Н.Н. Колосовским была предпринята практически единственная в нашей науке попытка создания концепции экономико-географического процесса.
- Понятие и концепция ТПК развивались на стыке географии, экономики и технологии. Оно выполняло комплексизирующую функцию в рамках построения конструктивной, а не описательной географии.
- Особое место занимали понятие экономического (экономико-географического) района и теория экономического районирования, что, собственно, и позволяет говорить о формировании районного подхода в социально-экономической географии. Это ключевое понятие и концепция в районной школе, ведущий критерий географичности в целом.

Таким образом, в понятийно-концептуальной системе районной школы экономической географии нашли свое место не только видовые географические понятия (ЭГП как вид географического положения, экономический район как вид географического района), но и «географизированные» экономические (ТРТ как пространственная форма общественного разделения труда) и производственно-технологические (ЭПЦ и ТПК) понятия и концепции.

4. Понятия и концепции СЭГ должны формировать не совокупность, а систему, т.е. они должны быть логически взаимосвязаны между собой. Пример такой понятийно-концептуальной системы дает отечественная районная школа, в которой между понятиями ТРТ, ЭГП, ЭПЦ, ТПК и экономического района существовали не только функциональные, но и причинно-следственные взаимосвязи. Между применяемыми в современных экономико-географических исследованиях понятиями и концепциями такой взаимообусловленности практически нет.

5. В каждой научной школе применяется своя совокупность общих (общенаучных и общегеографических) и собственных, специальных методов исследования. Так, в

школах идиографического направления, среди общих методов исследования преобладают качественные (сравнительно-описательный, историко-эволюционный, картографический), а в школах номотетической направленности – формализованные (математические, методы моделирования и др.). В современных исследованиях широко используются, прежде всего, общенаучные методы исследования: историко-эволюционный, математический и математико-статистический, собственно статистический, социологический, методы экспертных оценок. Из общегеографических чаще всего используются картографический метод в его разных вариациях и метод полевых исследований.

Собственные, специальные методы исследования можно выделить только в тех школах, где разработана своя понятийно-концептуальная система. Классическим примером может также служить отечественная районная школа экономической географии, в рамках которой были разработаны такие специальные методы исследований, как оценка позиционных преимуществ городов, районов и стран методом ЭГП, анализа территориальной организации хозяйства методом ЭПЦ, целевая систематизация экономико-географической информации методом экономико-географического районирования и др. Для сохранения в практических работах своей «экологической ниши» разработке собственных методов исследования в СЭГ необходимо уделять первостепенное внимание. Эту проблему нельзя решить без наличия в теоретическом багаже собственных понятий и концепций.

Для проведения полноценного экономико-географического исследования нужно сочетание разных методов, которые позволили бы применять при анализе все три методологических подхода системного анализа: «белого ящика», присущего географическому, территориальному подходу, «черного ящика», характерного для регионального систематического подхода, «серого ящика», применяемого при моделировании процессов и явлений.

6. Современные запросы практики при проведении экономико-географических и региональных исследований определяют акцент на исследовании динамики процессов. В этом отношении понятийно-концептуальный аппарат собственно СЭГ сильно отстает и не выдерживает конкуренции с региональными систематическими науками. Не случайно именно в них в последнее время бурно развиваются не столько теории размещения, сколько теории и модели регионального развития, регионального роста и др. Их знание и освоение – важная для СЭГ задача. Однако она не снимает вопроса о разработке собственных динамических экономико-географических концепций и связанных с ними понятий, или своеобразной «географизации» общепризнанных концепций регионального развития, разработанных в других науках.

Перечень проблем, связанных с поиском оптимальных решений для трансформации понятийно-концептуального аппарата отечественной СЭГ применительно к современным и перспективным условиям, на этом, естественно, не исчерпывается. На этот вопрос есть и другие взгляды и суждения. Однако представляется, что данная проблема требует усилий всего экономико-географического сообщества для ее конструктивного решения.

**МЕТОДЫ И МЕТОДИКА
ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

НОВЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР МИРА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В конце XX века человечество столкнулось с рядом уникальных явлений демографического характера, которые с полным основанием можно назвать феноменами. Впервые ощутимо быстрым стал рост численности пожилого населения, который получил название демографического старения. Развивающиеся страны мира охватил стремительный рост темпов урбанизации, в то время как в развитых странах стало появляться все больше городов с наднациональными, глобальными функциями. При глобальном характере миграции происходит небывалое за историю человечества увеличение ее масштабов, усложнение структуры, форм и мер регулирования, проявление социально-экономических последствий. XXI век характеризуется проявлением территориальной дифференциации вышеперечисленных демографических феноменов, что обуславливает актуальность научных исследований в области совершенствования методики экономико-географического изучения перечисленных демографических процессов с учетом пространственной полимасштабности.

Одним из новых явлений в демографической истории человечества является демографическое старение, которое, несмотря на первое историческое проявление во Франции еще в первой половине XIX в., во второй половине XX в. проявилось почти во всех развитых странах Европы, Северной Америки, Японии и Австралии. Если в результате перехода к низкому уровню рождаемости и предшествовавшему ему снижению уровня смертности в 1985 г. население в возрасте 60+ лет составляло 6 % в мире (в развитых странах – 11,5 %, в развивающихся странах – 4,2%), то в 2009 г. этот показатель составил 11 % (в развитых странах – 21 %, в развивающихся странах – 6,5 %). Таким образом, по шкале Ж. Боже-Гарнье – Э. Росsetта человечество на макрогеографическом уровне вплотную подступило к эпохе демографического старения. По прогнозу ООН, доля лиц в возрасте 60+ лет в населении мира к 2050 г. удвоится и возрастет до 22 % (в высокоразвитых странах – до 33 %, в развивающихся странах – до 15 %) [1].

Наряду с увеличением абсолютного и относительного числа пожилых людей в мире демографическое старение проявляется также через ряд следующих тенденций.

1. Происходит проявление постоянного увеличения темпов их прироста. Пожилое население мира ежегодно увеличивается на 2 %, в то время как мировой темп увеличения всего населения составляет 1,2 %. Темпы прироста лиц 60+ лет достигнут 2,8 % в год к 2025–2030 гг. и потребуют перспективного экономического и социального регулирования в большинстве стран.

2. Претерпели кардинальные изменения показатели долголетия, характеризующиеся ростом продолжительности жизни при рождении приблизительно на 20 лет по сравнению с 1950 г. с 46 лет до 66 лет.

3. Проявилась тенденция собственно старения пожилых людей. Самая быстро растущая возрастная группа в мире является и самой старой среди старых – те, кому за 80 лет. В настоящее время эта группа, доля которой в мировом населении составляет 14 %, ежегодно увеличивается на 3,8 %. К середине столетия пятая часть пожилых людей мира будет находиться в возрасте от 80 лет и старше.

Таблица 1

Система показателей для оценки демографического старения в мире [сост. по 1]

	Показатель	Временная оценка	Примечание
1	Численность лиц в возрасте 60+ лет, чел.	2009, 2050	–
2	Доля лиц в возрасте 60 + лет, %	2009, 2050	–
3	Доля лиц в возрасте 80 + лет, %	2009, 2050	–
4	Коэффициент маскулинизации пожилых, % (мужчин на 100 женщин)	2009	–
5	Продолжительность предстоящей жизни для лиц в возрасте 60 +, лет	2005 2010	Рассчитывается для мужчин и для женщин
6	Доля замужних/женатых в возрасте 60 + лет, %	2009	Рассчитывается для мужчин и для женщин
7	Доля одиноких лиц в возрасте 60 + лет (живущих отдельно)	2009	Рассчитывается для мужчин и для женщин
8	Коэффициент демографической нагрузки (15 64/65+)	2009, 2050	–
9	Степень занятости лиц в возрасте 60+ лет, %	2009	Рассчитывается для мужчин и для женщин
10	Возраст выхода на пенсию, лет	2009	Рассчитывается для мужчин и для женщин

4. Происходит увеличение диспропорций между численностью мужчин и женщин. Большинство пожилых людей составляют женщины. Поскольку продолжительность жизни женщин больше, чем у мужчин, сегодня на 81 мужчину в возрасте 65+ лет приходится 100 пожилых женщин. В более развитых регионах на 100 женщин приходится 71 мужчина, в менее развитых регионах 88, поскольку в более развитых регионах между полами имеются большие различия в продолжительности жизни.

5. Происходит увеличение медианного возраста населения мира. Если сегодня медиана возрастного состава населения мира равна 26 годам, то к 2050 г., по прогнозам, мировая медиана населения увеличится на десять лет, достигнув 36 лет.

Эволюционное развитие демографического старения в мире обусловило необходимость изучения и анализа последствий процесса системой новых показателей, которая была предложена в 2009 г. Комиссией по экономическим и социальным вопросам ООН (табл. 1).

В 2010 г. в мире произошло еще одно уникальное эволюционное событие. 50 % населения стали проживать в городах, что свидетельствует об урбанизационном переходе на макрогеографическом уровне. Урбанизация выходит на первые позиции благодаря своим темпам роста городского населения преимущественно в развивающихся странах. Феноменальность процесса выражается: во-первых, в скорости и интенсивности увеличения городского населения в мире; во-вторых, в сенсационных различиях роста городского населения между высокоразвитыми и разви-

вающимися странами мира; в-третьих, во взрывоподобном росте населения крупных городов; в-четвертых, в существенных социально-экономических различиях городского образа жизни развитых и развивающихся стран; в-пятых, в непредвиденных последствиях стремительного роста урбанизации. Актуальность проблемы подчеркивается необходимостью решения многогранных последствий процесса урбанизации, которые проявились в XXI веке в развивающихся регионах и требуют привлечения опыта многих развитых государств.

Глобальный характер урбанизации обусловил появление повышенного интереса к проблеме со стороны международной общественности, впервые нашедшего отражение в Отчете Фонда ООН в области народонаселения «Этапы и вехи: население и экологические изменения» (2001 г.), где был сделан акцент на негативных последствиях урбанизации в развивающихся странах. К их числу отнесены: «ложная урбанизация», усиленное загрязнение воды и воздуха, отсутствие систем водоснабжения, канализации и переработки растущих отходов, сокращение пригодных для обработки земель по мере строительства городов, несоответствие возможностей здравоохранения быстрому росту городов за счет миграции из села и др.

В XXI в. городское население растет значительно быстрее, чем все население мира. Так, если все население увеличивается в год примерно на 1,2 %, то городское – на 2,1 %. При этом наибольший прирост городского населения приходится в настоящее время на наименее развитые страны. Рост урбанизации в высокоразвитых странах в настоящее время существенно замедлился и составляет около 0,5 % в год, в то время как в развивающемся мире происходит «урбанистический бум», городское население увеличивается подобно «демографическому взрыву» почти на 3,5 % год (в Африке – на 3,8 %, в Азии – на 2,7 %). В то же время наибольшая доля городского населения по-прежнему остается проживать в высокоразвитых странах, которые еще в 1950 г завершили «урбанизационный переход». Отличительной особенностью современной урбанизации является также то, что страны с наименьшей долей городского населения имеют самые высокие темпы его роста. Бурунди, Эритрея, Руанда – более 6 % в год. Наряду с этим некоторые страны Европы в настоящее время имеют уже отрицательную динамику городского населения: в Болгарии, Украине, Литве, Латвии, России, Грузии городское население ежегодно сокращается более чем на 0,5 % в год [2].

При неуклонном росте урбанизации все большее количество населения аккумулируют крупнейшие городские агломерации с численностью свыше 1 млн. чел. Наиболее ощутимо этот процесс проходит в развивающихся странах. Так, если за последние 50 лет в развитых государствах численность как всего городского, так и крупногородского населения практически удвоилась, то в развивающихся странах шестикратное увеличение количества горожан сопровождалось десятикратным ростом крупногородского населения. Если в 1950 г. на долю развивающихся стран приходилось 2/5 всех агломераций более 1 млн. чел. и только 1/3 всего крупногородского населения, то сейчас – почти ¾ в обоих случаях.

При стремительном росте урбанизации в развивающихся странах в развитых государствах все большее количество городов начинают исполнять функции глобальных городов, изучение которых стало занимать особую нишу в социально-экономических исследованиях российских и зарубежных авторов с 1990-х гг. (С. Сассен, П. Тейлор, Н. Слука и др.). Наряду с разработанными и успешно используемыми в мировой экономике и экономической географии классификациями глобаль-

Таблица 2

Индекс глобальности городов (GCI) [сост. по 3]

	Критерий	Показатели
1	Деловая активность	■ штаб-квартиры 500 крупнейших фирм в рейтинге Fortune Global 500 ■ количество международных конференций, объем потока товаров
2	Человеческий капитал	■ численность иностранных мигрантов ■ качество образования в университетах ■ количество международных школ ■ количество студентов-иностранцев ■ доля резидентов с университетской степенью
3	Информационный обмен	■ количество международных новостных бюро ■ уровень цензуры ■ количество международных новостей в ведущих местных газетах ■ доля пользователей широкополосного интернета
4	Культурный опыт	■ количество ключевых спортивных мероприятий, проводимых в городе ■ количество музеев, культурных центров и кулинарных заведений ■ отношения с городами-побратимами
5	Вовлеченность в политическую жизнь	■ число посольств и консульств, международных организаций и местных учреждений международного уровня ■ количество политических конференций, проводимых в городе

ных городов крупнейшей консалтинговой компанией мира А.Т. Керни в начале XXI века для оценки степени глобализации городов был разработан индекс глобальности городов [3] (табл. 2).

На основании проведенных компанией А.Т. Керни расчетов в десятку глобальных городов мира по совокупности признаков в 2010 году вошли: 1) Нью-Йорк, 2) Лондон, 3) Токио, 4) Париж, 5) Гонконг, 6) Чикаго, 7) Лос Анджелес, 8) Сингапур, 9) Сидней, 10) Сеул [3].

Реалистическое понимание неисчерпаемости познания процесса урбанизации, именуемой «тихой революцией XX века», ставит перед международной общественностью множество новых проблем, требует безотлагательного решения, как в развитых, так и в развивающихся странах и подчеркивает необходимость дальнейшего глубокого изучения его уникальных и отличительных черт и последствий в современном мире.

В XXI веке под влиянием структурных и пространственных изменений международной миграции происходит научное переосмысление теоретико-методологических подходов к ее экономико-географического анализу. Глобальный характер миграции в XXI веке, образование региональных миграционных систем с относительно масштабными и устойчивыми миграционными связями, появление транснациональной миграции с формированием «транснациональных социальных пространств» диффузных пространств без учета государственных границ, обуславливают необходимость формирования в социально-экономической географии качественно новой системы показателей для объективной оценки всего спектра последствий.

В настоящее время мобильность выступает одним из основных факторов развития человеческого потенциала. Как мобильность может стимулировать развитие человеческого потенциала? Какова структура мигрантов по месту происхождения,

Таблица 3

Международная миграция в системе показателей развития человеческого потенциала [сост. по 4]

Модуль	Показатели		
	1.1.Международная миграция	Иммиграция	✓ Численность иммигрантов, чел. ✓ Годовой прирост иммигрантов, % ✓ Доля в населении, % ✓ Доля женщин, %
1. Общие тенденции миграции		Эмиграция	✓ Уровень эмиграции, % ✓ Уровень международного перемещения, %
2. Международные мигранты по регионам постоянного проживания	1.2.Внутренняя миграция	✓ Всего мигрантов, чел., ✓ Уровень внутренней миграции, %	
	✓ Континент постоянного проживания, % от общей численности эмигрантов ✓ Категория страны постоянного проживания по ИРЧП, % от численности всех эмигрантов ✓ Доля иммигрантов континента из страны, % от численности всех иммигрантов континента		
	3.1. Численность международных мигрантов в странах ОЭСР, чел.		✓ Низкий (незаконченное среднее образование) ✓ Средний (среднее или среднее специальное образование) ✓ Высокий (высшее образование)
3.Образование и занятость международных мигрантов в странах ОЭСР	3.2. Образовательные уровни международных мигрантов, % от всех мигрантов старше 15 лет		
	3.3. Уровень эмиграции лиц с высшим образованием, %	Коэффициент участия в рабочей силе, % от всех мигрантов	
	3.4. Статус экономической активности международных мигрантов	Уровень общей безработицы, % Уровень безработицы среди международных мигрантов, %	✓ Низкий ✓ Средний ✓ Высокий
4. Перемещение, вызванное конфликтами и отсутствием безопасности	4.1. По стране происхождения / по стране, представившей убежище	Численность беженцев ✓ Всего, чел., ✓ Доля от международных мигрантов, % ✓ Доля от числа беженцев в мире, %	
	4.2. Внутренне перемещенные лица, чел.	Люди, оказавшиеся в положении беженцев, чел. Численность обратившихся за предоставлением убежища, чел.	
5. Международные финансовые потоки	✓ Входящие потоки, долл. США ✓ Исходящие потоки, долл. США		
	5.1. Переводы	✓ Исходящие потоки на 1 мигранта, долл. США	
	5.2. Официальная помощь в целях развития, долл. США		
	5.3. Относительный размер потоков переводов	✓ Переводы на душу населения, долл. США ✓ как % ВВП	
	5.4. Входящие потоки переводов по стране происхождения, % от общих потоков поступающих переводов		

уровню доходов и образования, причине миграции, месту въезда? Каковы условия и среда жизнедеятельности переселенцев-мигрантов? В чем заключаются последствия для мест происхождения и мест назначения мигрантов? Как мобильность превратить в неотъемлемую часть национальной стратегии развития? На эти вопросы, поставленные в Докладе о развитии человека за 2009 год, предлагаются ответы и сформулированы выводы, используя показатели международной миграции, предлагаемые экспертами UNDP (табл. 3) [4].

Таким образом, эволюционные изменения, которые происходят в демографических, урбанизационных и миграционных процессах мира трансформируют в XXI веке сложившийся рисунок геодемографического пространства, влияя на все сферы жизнедеятельности постиндустриального общества и выступают объективной предпосылкой для формирования в современной экономической географии качественно новой системы эмпирического анализа социально-экономических данных с использованием опыта международных организаций.

Библиографический список

1. Population ageing and Development 2009. Department of the Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations. Режим доступа: www.unpopulation.org. Дата доступа: 25.09.2010.
2. Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации. Ежегодный Отчет Фонда ООН в области народонаселения. – UNFPA, Нью-Йорк, 2007. – 112 с.
3. Urban Elite –GCI 2010. Режим доступа: www.atkearney.com. Дата доступа 3.09.2010.
4. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. – М.: Весь мир, 2009. – 229 с.

Гонтарь Н.В. (г. Ростов-на-Дону)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИКЛИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Современные процессы динамики территориальных социально-экономических систем, усложняясь и модифицируясь в соответствии с возникновением новых субъектов, связей и уровней пространственного взаимодействия, подчинены вместе с тем ряду универсальных трендов, не утрачивающих свою значимость. К числу последних относится цикличность подсистем ТСЭС, которая проявляется в разном масштабе (на макро-, мезо- и микроуровне), а также в различном временном разрезе (от суточных ритмов до вековых колебаний социальных процессов и экономических явлений). Обращаясь к современным трендам анализа территории с точки зрения динамики её подсистем, полагаем, что исследование цикличности может служить как пониманию факторов пространственной организации общества, так и его перспектив, что делает актуальным совершенствование соответствующих методик.

В части исследования траекторий экономической подсистемы ТСЭС следует отметить широкий ряд работ, освещающих на российском и международном эмпирическом материале деловые циклы, их параметры, пространственно и типологически обособленные факторы цикличности, сопряженность циклов отдельных территорий, влияние различных секторов экономики на формирование целостного делово-

Таблица 1

Динамика банковской инфраструктуры Ростовской области

	Количество кредитных организаций в регионе	В т.ч.		
		Количество филиалов в регионе, всего	Кредитных организаций, головная организация которых находится в данном регионе	Кредитных организаций, головная организация которых находится в другом регионе
1.04.2001	26	113	45	68
1.10.2010	18	110	13	97

Составлено по: [1,2].

го цикла стран и их сообществ (вплоть до анализа мирового делового цикла). В российской научной традиции также опробован ряд методик, идентифицирующих особенности российского делового цикла [3,6]. Так, А. Смирнов с коллегами выявили деловой цикл России, установив его пики и впадины начиная с сер. 1990-х гг. Среди работ, которые отмечены как релевантно отражающие деловой цикл российской экономики – труды ГУ ВШЭ (Индекс уверенности в промсекторе), Индекс оптимизма в промышленности (Институт Гайдара). Полагаем, интерес представляют и разработки индекса делового цикла РАН (группа Н. Райской), где сделана попытка прогнозирования глубины циклического падения. Однако применяемые методики анализа циклической динамики еще не вошли широко в практику экономико-географического анализа и, кроме того, не затронули мезоуровня анализа территории. В данной статье ставится (на примере динамики одной из важнейших подсистем современной экономики – банковской системы), задача апробации элементов соответствующей методики на региональном уровне (на материале Ростовской области).

Для анализа современной экономической динамики достаточно показательна сфера банковских услуг как в силу в целом терциаризации экономики (развития сферы услуг, роста её значимости), так и ввиду важности рыночной (в том числе банковской) инфраструктуры для активизации и поддержания экономических процессов.

В Ростовской области накопленный рост ВРП в 2000–2008 гг. превысил 2 раза (2,16 раза). В то же время доля различных отраслей сферы услуг в структуре ВРП области выросла с 44,5% в 2000 г. до 52,2 % в 2008 г. Несмотря на создание целого ряда новых предприятий производственной сферы (в частности, в промышленности), широкое развитие получила и банковская инфраструктура (табл. 1).

Отраженное в таблице сокращение формальных параметров было связано с повышением надежности банков. Произошли и качественные изменения. В область пришли подразделения транснациональных банков (Raiffeisen, BSGV, Société Générale), ряд банков области стали собственностью иностранных банковских групп (венгерский OTP-банк, банк Центр-инвест с преобладанием в структуре капитала доли европейского консорциума банков, и т.д.)

Анализ цикличности банковской сферы области ставил целью, с одной стороны, – выявление особенностей корреляции одного из важнейших сервисных секторов экономики с российской экономической динамикой, с другой – выявление отношения различных индикаторов банковской сферы к макроэкономическому циклу. Для этого при работе с показателями банковского сектора области, которые анализировались по ежеквартальным справочникам «Бюллетень банковской ста-

истики» за 2001–2010 гг. [1,2] был выявлен перечень индикаторов, пригодных для анализа за рассматриваемый период. В целом из 25 отслеживавшихся в разные периоды и рассмотренных для целей работы индикаторов часть была отсеяна, так как отслеживались только непродолжительное время, часть – по причине их неадекватности поставленным целям (значительные скачки в данных по привлечению средств юридических лиц в связи с началом и прекращением крупных инвестиционных проектов), часть – ввиду прекращения публикации (данные по индикаторам просроченной задолженности по кредитам). В итоге для анализа цикла в банковском секторе области были взяты следующие индикаторы: привлечение средств от физических лиц в рублях и валюте, задолженность по кредитам юридическим лицам, включая индивидуальных предпринимателей (в рублях и валюте), а также задолженность по кредитам физических лиц (в рублях и валюте)

Методика дальнейшего преобразования данных для анализа цикличности в данной сфере включала в себя последовательно: перерасчет сумм привлеченных средств и выданных кредитов в постоянных ценах 2001 года, расчет квартальных темпов роста каждого индикатора, сезонная корректировка данных, построение графиков темпов роста всех 6 индикаторов. Несмотря на устранение влияния факторов инфляции и сезонности, сохраняется значительная неровность данных, которая затрудняет анализ. В этой связи для окончательной обработки данных и возможности последующего их сравнения с деловым циклом РФ полагаем существенным использование инструментария технического анализа как комплексного подхода к анализу динамики. В настоящем случае нами применен конкретный инструмент технического анализа – работа со средними. В целом инструмент скользящих средних (moving average, MA) позволяет отделить трендовые движения от нетрендовых, отфильтровывая локальные экстремумы от более глобального во времени движения. Отличие и преимущество скользящих средних состоит в том, что они несут в себе значительно меньше шумов. Еще одно преимущество – способность давать сигналы о развороте тренда. Одним из инструментов является простой или линейный вид средней – simple moving average (SMA). SMA – это среднее арифметическое цен за определенный период. Общая формула для вычисления SMA за n периодов (в нашем случае – кварталов) – $SMA = (P(1)+P(2)+...+P(n))/n = (1/n) \sum P(i)$, где n – период усреднения, $P(i)$ – усредняемый показатель, $P(1)$ – последнее значение индикатора, $P(n)$ – самое удаленное на оси времени значение индикатора. Обычно значение n не должно быть меньше 3. При этом адекватность SMA может варьироваться в зависимости от выбранного значения n .

В нашем случае периодом усреднения для каждого индикатора являлись 3 квартала (среднее учитывает значение индикатора в базовый квартал, предшествующий и последующий). Базовой точкой, среднее в которой было принято за «100», явился 3 квартал 2001 г. В результате нивелирования шумов представленная ранее динамика оказывается более сглаженной.

Таким образом, имеется возможность с применением SMA идентифицировать четкий тренд на снижение темпов роста индикатора с 2007 г. вплоть до дна кризиса 2009 г., что было неочевидно при использовании несглаженного показателя. Кроме того, в случае SMA четко видна неравноценность спадов в темпах роста в нач. 2008 и нач. 2009 г., а именно, – более значимое падение темпов роста в кризис.

Сравнение полученных путем применения SMA рядов динамики индикаторов для Ростовской области с деловым циклом РФ основано на сравнении пиков и спа-

Таблица 2

Соотношение поворотных точек индикаторов и циклов (указано предсказание поворотной точки, «-» – отставание индикатора от поворотной точки, в кварталах)

	Индикатор	Лидирование (предсказание) / совпадение /отставание индикатора по отношению к разворотной точке цикла	Значение опережения / отставания (-), в кварталах
1	Объем вкладов физ. лиц, руб.	Лидирование дна цикла	1-2
2	Объем вкладов физ. лиц, валюта.	отсутствует	
3	Задолженность по кредитам, выданным юрлицам, руб.	Совпадает с дном	-1
4	Задолженность по кредитам, выданным юрлицам, валюта	Отставание от дна цикла	
5	Задолженность по кредитам, выданным физлицам, руб	Лидирование дна цикла	1
6	Задолженность по кредитам, выданным физ.лицам, валюта	отсутствует	

дов в рассмотренных индикаторах с пиками и спадами российского делового цикла. Последние были идентифицированы в литературе с сер. 1990-х, момента, когда прекратился посттрансформационный обвал российской экономики и в ней стал проявляться фактор цикличности. Был найден ряд локальных пиков и впадин делового цикла (промышленного цикла). В рассматриваемый период, то есть с нач. 2000-х, это (согласно ГКС-ОКВЭД, подтверждающимся аналогичными расчетами) [4]: – пики в декабре 2003 (4 квартал), июль 2007 (3 квартал); дно – в ноябре 2002 (4 квартал), январе 2005 (1 квартал), мае 2009 (2 квартал)

Идентификация аналогичных циклов для Ростовской области пока не осуществлена, в связи с чем рассмотренные банковские индикаторы сопоставляются с российским циклом. Однако данное сопоставление вполне релевантно с учетом того, что банковская активность в регионе обусловлена во многом деятельностью банков общероссийского масштаба: так, в Сбергательном банке России концентрируется до 50 % вкладов населения региона, а с учетом иных общероссийских банковских групп эта доля значимо превосходит 50%-й порог. Схожа доля общероссийских банковских структур и в размещении средств (кредитовании экономики и населения области). Тренды индикаторов (пример приведен на рис. 2, такие же графики получены и для других индикаторов) сопоставлялись с динамикой делового цикла РФ. Результат анализа индикаторов с точки зрения предсказания ими точек разворота циклов (или совпадения или отставания от последних) представлен в табл. 2.

Было выявлено, что данные индикаторы практически не могут использоваться при анализе пиков циклов, однако часть из них может быть полезна в анализе и предсказании дна циклов. Так, дно индикаторов 1 и 5 с разным лагом предсказывает наступление дна цикла, индикатор 4 запаздывает, а индикатор 3 совпадает с дном цикла. При этом валютные индикаторы в меньшей мере могут быть полезны, так как не имеют выраженной корреляции с циклом.

Отметим, что точность оценок может быть повышена соотношением индикаторов банковской системы области с её собственным (а не российским) деловым циклом; на результате также сказывается вынужденный квартальный (а не месячный) статистический ряд; также возможны различные варианты датировки пиков циклов (в датировке спадов разночтений фактически нет); имеет место и кратость периода наблюдений.

Роль произведенных оценок состоит в апробации методики анализа частных индикаторов делового цикла на мезоуровне, что может быть основанием для создания индикаторов цикличности (в том числе прогностического характера) для субъектов РФ и последующего выявления территориальных особенностей делового цикла в РФ.

Библиографический список

1. Бюллетень банковской статистики // Региональное приложение. – 2001. – № 2.
2. Бюллетень банковской статистики // Региональное приложение. – 2010. – № 4 (40).
3. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А.А., Использование интегральных индексов в анализе циклических изменений российской экономики // <http://opec.hse.ru/Сайт ГУ ВШЭ>.
4. Смирнов С. Роль экономических циклов в развитии российской экономики. Доклад на конференции ЦФИ. – М., 29 марта 2010.
5. Смирнов С. Система опережающих индикаторов для России // Вопросы экономики. – 2001. – № 3.
6. Sergey V. Smirnov Recent Economic Crisis as a Crash-Test for Competing Cyclical Indicators: The Russian Experience // 30th CIRET Conference, New York, October 2010 Session: Composite and Leading Indicators. Higher School of Economics, Development Center Institute. Moscow, Russia
7. www.cbr.ru

Елманова Д.С. (г. Москва)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере построения зон влияния дорог, городов и агломераций Бельгии)

XXI век довольно часто называют веком информации или информационных технологий. С каждым годом использование компьютерных программ в научной и педагогической деятельности получает все большее и большее распространение. При этом финансирование (во всяком случае, в России) не всегда позволяет покупать дорогостоящее программное обеспечение для проводимых исследований. Но далеко не всегда приобретение специализированных компьютерных приложений является обязательным: многие необходимые для работы операции с данными можно осуществить с помощью бесплатных программ или их комбинаций. Вторая характерная черта современной науки – широкое использование сети Интернет для поиска информации. Причем не только статистических данных, статей из научных журналов или книг зарубежных и отечественных специалистов, но и разнообразных картографических и геоинформационных данных. Благодаря этим двум особенностям современное географическое исследование обладает теми конкурентными преимуществами, которые так нужны для «выживания» в нашем быстроразвивающемся мире.

Для решения отдельных задач, ставящихся в социально-экономической географии, возможно, если не сказать необходимо, применять современные компьютерные технологии. Причем это прерогатива не только картографов, но и специалистов в области гуманитарной географии.

Рассмотрим одну из таких конкретных задач — построение зон влияния крупнейших автострад Бельгии. Работа состояла из нескольких блоков: сбор информации, техническая обработка данных, и построение картосхемы.

На первом этапе были выбраны автострადы, зоны влияния которых, необходимо определить. Бельгия стоит на втором месте в Европе по густоте своей дорожной сети, а общая длина автомагистралей составляет 1747,4 км¹. Это порядка 30 автострад и еще 9 кольцевых дорог. Очевидно, что не все из них играют важную экономическую роль в жизни страны. И наоборот: существуют национальные дороги, не являющиеся автострадами, занимающие значительное место в структуре перевозок. Поэтому для выделения зон влияния были выбраны магистрали с наибольшим потоком машин или имеющие большое значение в отдельных частях Бельгии. Всего анализировались 35 участков различных дорог, относительно равномерно обслуживающих всю территорию страны.

Для решения поставленной задачи требовалось установить принадлежность населенных пунктов Бельгии к зонам влияния выбранных дорог. Точка относилась к определенной зоне влияния, если путь от нее до соответствующей магистрали был короче, чем до любой другой исследуемой дороги. Рассматривалось два варианта построения зон влияния: по кратчайшему расстоянию или по наименьшей длительности пути.

Изначально список населенных пунктов Бельгии был взят с сайта одного из правительственных агентств² США, а впоследствии дополнялся автором. В итоге анализу подверглись около 3000 точек.

Основная задача на этапе сбора информации заключалась в том, чтобы получить сведения о расстоянии и затраченном времени от точек до исследуемых дорог. Эта возможность уже достаточно давно предоставляется в одном из интернет-приложений американской компании Google. Сервис Google Maps позволяет прокладывать маршрут от точки А до точки В, выдавая его подробное описание, а также рассчитывая расстояние и время в пути. Это приложение предоставляет справочную информацию для автомобильного транспорта, что гарантирует весьма высокую точность его данных.

Сервис Google Maps позволяет искать кратчайший маршрут между двумя заданными точками. Поскольку требовалось определить расстояние от населенных пунктов до дорог, надо было каким-то образом выбрать конечные пункты. Для этого было взято 15 крупных населённых пунктов, равномерно распределенных по территории Бельгии, и в приграничных районах соседних государств. Такой выбор оказался оправданным: проложенные Google Maps маршруты рано или поздно выходили на исследуемые магистрали. Это позволило вычислить расстояние и время в пути от выбранных точек до дорог. Всего для данного исследования было сделано порядка 30 000 запросов к сервису Google Maps о маршрутах между городами.

Для работы с информацией в сети Интернет обычно используются такие программы как Internet Explorer, Google Chrome или Mozilla Firefox. Однако выполнить множество запросов «вручную» через браузер настолько трудоемко, что делает по-

ставленную задачу бессмысленной. При обработке больших объемов данных удобнее получать страницы в автоматическом режиме, пользуясь при этом разными специальными утилитами. Сервис Google Maps предусматривает возможность программного доступа³ к сервису прокладки маршрутов. При этом начальная и конечная точки пути передаются непосредственно в адресной строке запроса. Получаемый в ответ файл содержит последовательные инструкции о проезде из города А в город В, снабженные координатами точек и информацией о времени в пути.

Для автоматического выполнения большого количества интернет-запросов вместо браузера можно использовать программу wget⁴. Единственная проблема, возникающая при массовых обращениях к сервисам Google, заключается в ограничении на количество запросов сутки. Однако, эту трудность можно обойти: например, выгружая данные в несколько «приемов» в разные дни.

Координаты исследуемых дорог также были получены из Google Maps: с помощью стандартных инструментов (прочерчивание линии вдоль дороги) была отрисована собственная картосхема, на которой цветом выделены анализируемые дороги. Затем эта схема с отмеченными магистралями была сохранена из сервиса Google Maps в файл формата .kml⁵. При этом каждая дорога представлялась в виде ломаной линии, узлы которой записаны через географические координаты.

Для дальнейших целей полученные линии были разделены на отрезки длиной по 100 метров. Эта замена ломаной линии на последовательность точек с малым шагом была сделана, чтобы уменьшить погрешность при проверке прохождения маршрутов по магистралям. Вместо попадания очередной точки маршрута на определенный участок дороги проверялась близость к одной из точек, лежащих на дороге. Такое допущение исключает ошибки, связанные с тем, что реальная магистраль, в отличие от геометрического отрезка, имеет ширину.

Дальнейшая обработка данных заключалась в преобразовании полученной информации о маршрутах. В каждом из них последовательно для каждой точки вычислялось пройденное от начала расстояние, время в пути и проверялось попадание на одну из исследуемых магистралей. После этого выбирался кратчайший (по расстоянию или по времени) участок маршрута от населенного пункта до одной из рассматриваемых дорог, и точка относилась к зоне влияния этой дороги.

В результате, каждому населенному пункту было приписано название дороги, к которой он тяготеет. Эта информация использовался далее при построении картосхемы.

На заключительном этапе полученная информация наносилась на карту. Одним из простейших способов отображения является постановка в исследуемых точках пунсонов, цвет которых определяется зоной влияния. Их скопления позволяют достаточно легко отрисовать зоны влияния дорог. Создание такой картосхемы возможно в различных современных картографических приложениях.

Зоны влияния дорог могут быть также отрисованы путем построения вокруг каждой точки области Вороного⁶ (рис. 1). Этот метод является более сложным, но дает лучше читаемую картосхему; он также доступен во многих геоинформационных системах.

Аналогичные картосхемы на основании той же методики были построены для зон влияния городов и агломераций Бельгии.

Перспектива дальнейшего использования общедоступных картографических интернет-сервисов в гуманитарной географии очень велика. Их применение позво-

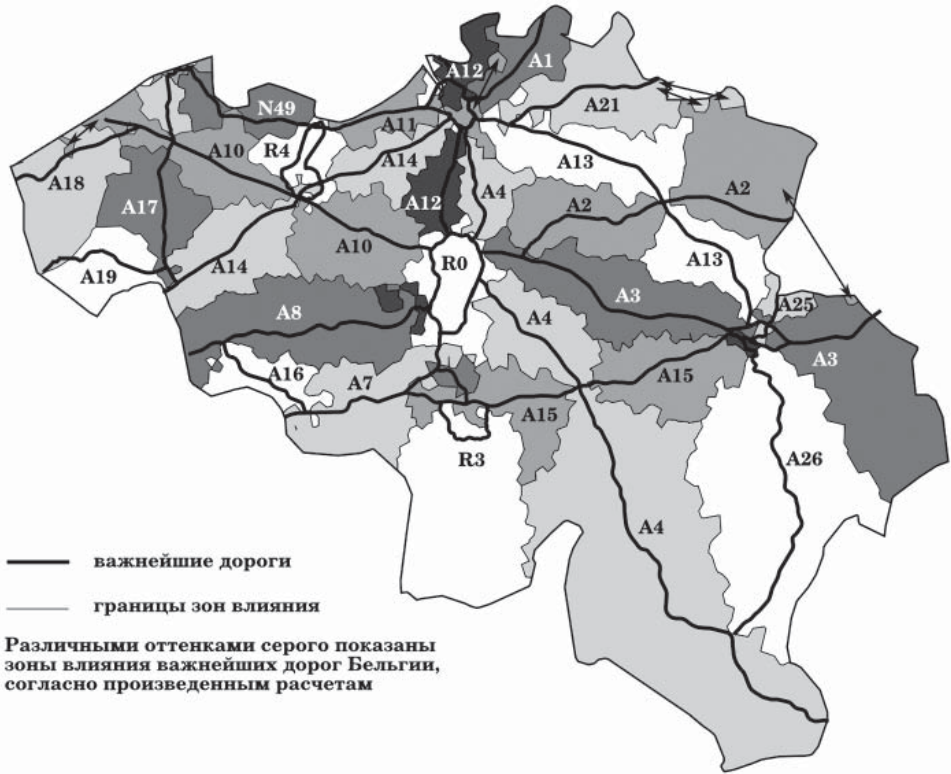

Рис. 1. Зоны влияния важнейших автомобильных дорог Бельгии

лит не только облегчить техническую сторону обработки данных, качественно и количественно разнообразить используемые материалы, но и получить новые оригинальные выводы в исследованиях.

Большую помощь при подготовке настоящего материала автору оказали выпускники механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Алексей Тен и Алексей Яшунский.

Примечания

- ¹ По данным SPF Mobilité et Transports. Traitement : SPF Economie (Direction générale Statistique et Information économique) на 2005 год.
- ² National Geospatial-Intelligence Agency (<http://earth-info.nga.mil/gns/html/cntyfile/be.zip>)
- ³ Соответствующее Интернет-приложение относится к Google Maps API Web Services и принимает запросы по адресу <http://maps.googleapis.com/maps/api/directions/>.
- ⁴ Доступна для свободного скачивания по адресу <http://gnuwin32.sourceforge.net/packages/wget.htm>
- ⁵ .kml – одно из подмножеств формата XML, предназначенное для хранения геоинформационных данных (записанных на специальном языке разметки)
- ⁶ Диаграмма Вороного конечного множества точек S на плоскости представляет такое разбиение плоскости, при котором каждая область этого разбиения образует множество точек, более близких к одному из элементов множества S , чем к любому другому элементу множества S [Ф. Препарата, М. Шеймос. Вычислительная геометрия: Введение. – М.: Мир, 1989. – С. 295].

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Территориально-политические системы (ТПС) в их взаимодействии друг с другом и географическим пространством традиционно рассматриваются в качестве объекта исследования политической географии [1]. Исторически в отечественной политической географии сложились две теоретические концепции, научные парадигмы, с позиций которых возможны два подхода к интерпретации понятия «территориально-политическая система» и сопряжённых с ней категорий. Первый – в рамках концепции территориально-политической организации общества [2], второй – с позиций деятельностно-геопространственной парадигмы политической географии [3].

Первый рассматривает политическую систему в качестве родового понятия для ТПС, опираясь на ключевое теоретическое понятие «политико-географическое место», как результат этого политико-географического процесса. В.А. Колосов определяет ТПС как «объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы (политических и административных границ, центров управления, органов власти, партий, общественных движений и т.д.), функционирующие на определенной территории» [1]. Определена иерархия ТПС в территориально-политической организации общества снизу вверх: первичное политико-географическое место (коммуна, село) – ... – страна – сообщество стран (геополитический регион). Каждый из уровней выполняет свои политические функции и имеет свои ТПС де-юре (с управленческими функциями) и де-факто (без таких функций), границы [1]. ТПС высшего ранга представляет собой систему ТПС низшего ранга. По мнению В.А. Колосова «чем в большей степени совпадают территориально-политические системы де-факто и де-юре, тем большей управляемостью обладает политическая система в территориальном плане. Однако на практике эти системы совмещаются далеко не полностью, преимущественно на низших системах иерархии» [1].

Недостатками данного подхода к пониманию ТПС являются: 1) излишне «широкое» определение понятия, выходящее за пределы объекта исследования политической географии; 2) абсолютизация научно-познавательных возможностей введённого Дж.Эгню понятия «политико-географическое место» (в том числе при определении видов ТПС) при его недостаточно чётком определении как минимального пространственного носителя политико-географических различий, возникающих на основе специфического сочетания географических условий и факторов политической деятельности [1]; 3) сведение типологии ТПС к двум основным типам (де-юре и де-факто) по признаку управляемости – далеко не самому важному, где ТПС де-юре выступают на практике частным случаем ТПС де-факто; 4) неразработанность понятийно-терминологического аппарата концепции.

Таким образом, можно рассматривать данный подход как проецирование политических систем на уровни территориальной иерархии местных сообществ, и он в большей степени удовлетворяет запросам политологического анализа. Пространственно-территориальные особенности в таком контексте представляются некими второстепенными и необязательными для анализа характеристиками. ТПС такого рода является объектом и для политической географии, но обладает чрезмерно большим количеством параметров и явлений, выходящих за пределы

предмета исследования. Таким образом, есть потребность выделять ТПС в «узком» смысле, акцентирующую внимание именно на пространственно-территориальных особенностях политических процессов, а не на всех политических явлениях данной территории. Именно такая ТПС представляет особый интерес для политико-географического исследования.

Второй подход рассматривает геополитическую систему в качестве родового понятия для ТПС. В этом случае элементарным «кирпичиком» и объектом исследования, как политической географии, так и геополитики представляется геополитическое отношение [3].

На более высоком уровне рассматриваются геополитические системы, представляющие собой системы геополитических отношений. Их также можно представить как «совокупность элементов – носителей деятельности, объединенных (связанных в структурном отношении) общностью целевой политической функции, реализуемой... посредством определенного типа геополитических отношений» [3]. Географическим выражением таких систем является понятие политической карты мира, отражающее процесс и результат геополитической самоорганизации общества. Геополитические системы делятся по элементам (субъектам и геополитическим общностям: геополитические системы страны, района, города) и структурам отношений (функциональные: государственные, партийные, и т.д.) [3]. Одному из иерархических уровней соответствует региональная геополитическая система, являющаяся объектом как региональной политической географии, так и региональной геополитики. Но изучаемые аспекты у них различаются.

Можно считать, что «предметом региональной геополитики выступают структурно-содержательные элементы региона, геополитические отношения с другими, а также относительно динамическое единство внутри региона, достигаемое противостоянием и соотношением различных факторов (политических, экономических, социально-этнических, конфессиональных)» [4]. Региональная геополитика осуществляется локальными игроками в рамках региона. В ней задействованы меньшие силы, которые развиваются в рамках или параллельно глобальным геополитическим процессам (противостояние Сербии и Хорватии, Вьетнама и Камбоджи, конфликты на Ближнем Востоке). Региональная геополитическая система выделяется интенсивными геополитическими связями, но, кроме того, она выступает «полем боя» для влиятельных внешних сил, каждая из которых оказывает давление на локальных акторов.

Однако региональная политическая география акцентирует внимание на геополитических отношениях, замкнутых внутри региона или территории. Причем, для геополитики ключевыми отношениями выступают геополитические интересы, а для политической географии – системообразующие геополитические отношения, определяющие развитие системы и политической общности. С учетом их противоречивой сущности, они могут быть названы «узловыми геополитическими проблемами» [3]. С одной стороны, рассмотренная выше ТПС также представляется замкнутой внутри региона (территории) и в этом смысле является более узким понятием, по сравнению с региональной геополитической системой. Но с другой стороны, ТПС в «широком» смысле включает множество параметров, не представляющих интереса, ни для политической географии, ни для геополитики. Однако ТПС в обозначенном выше «узком» смысле можно рассматривать как подсистему региональной геополитической системы в рамках территории.

Территориально-политическая система в узком смысле – политические отношения региона в территориальном выражении, их территориальная структура и динамика. В данном контексте основным направлением исследования становятся оси и узлы разного функционального значения, точки роста, «силовые» поля влияния и их градиенты, пространственные структуры, пространственный дрейф и диффузия политических явлений и процессов в рамках региона.

Обществу в своей политической деятельности приходится испытывать влияние объективно сложившихся в геопространстве факторов и адаптироваться к его условиям (природным, социальным, экономическим, духовным и т.д.), меняя под их воздействием характер своего функционирования. Однако в это же время происходит и процесс формирования факторов и условий геопространства под воздействием политической деятельности общества. В результате подобной самоорганизации политической деятельности (субъектов) и геопространства (объектов) происходит их взаимoadaptация.

В процессе взаимодействия акторов, осуществляющих политическую деятельность, с каждым из разнокачественных подпространств, формируются геополитические отношения (ГПО), взаимосвязанная совокупность которых определяет форму территориально-политической самоорганизации общества – ТПС. Таким образом, каждое ГПО выступает элементом ТПС и связано с другими ГПО, установившимися на данной территории, через процесс взаимoadaptации политических акторов и геопространства, т.е. в процессе территориально-политической самоорганизации общества.

Таким образом, под территориально-политической системой (ТПС) мы понимаем совокупность фактических геополитических отношений на определенной территории, возникающих и эволюционирующих в процессе взаимoadaptации политической деятельности и разнокачественных компонентов геопространства. Основной единицей отсчета при системном подходе к политической сфере служат не ее элементы (политические и административные границы, центры управления, органы власти, партии, общественные движения и т.д.), а специфические связи данных субъектов и объектов с геопространством. Аналогично Л.Н. Гумилеву и К.П. Иванову, говоривших о принципе системности к понятию «этнос» [5], мы можем отметить, что у территориально-политической системы нет, и не может быть системообразующего элемента, а есть системообразующие геополитические отношения определенного типа.

Для политической географии как общественно-географической науки важное методологическое значение имеет учет специфического сочетания имеющих разную природу своего существования элементов в конкретно рассматриваемом участке геопространства.

Все объекты геопространства принадлежат к какой-либо территориальной системе, которые в свою очередь могут быть расчленены на неограниченное количество всевозможных территориальных систем [6]. Таким образом, на одном и том же участке геопространства одновременно сосуществуют многочисленные разнокачественные территориальные системы, организованные по субстратному принципу (например, общественная, техническая, природная и т.д.), которые территориально не отделены, а накладываются друг на друга. Причем их границы могут не совпадать в пространстве. Каждый элемент любой из этих территориальных систем состоит в отношении не только со всеми элементами своей системы, но и с элементами других систем, расположенных на той же территории. Поэтому применительно к нашему исследованию мы можем говорить, что геопространство высту-

пает обобщенным выражением системы разнообразных дифференцированных и меняющихся во времени условий-предпосылок, факторов, объектов и результатов политической деятельности [3].

Так, естественные ресурсы и дифференциация природной среды в зональных и азональных ее проявлениях оказывают влияние на политико-географические явления и процессы, опосредованное социально-экономическими элементами территориальных систем (например, культурно-хозяйственные типы освоения территории).

Первостепенное значение для формирования и трансформации ТПС играет социальная и экономическая сферы жизни общества. Я.Г. Машбиц также отмечал обусловленность пространственной организации общественно-политического развития генезисом хозяйства, его специализацией и структурой, размещением экономики и населения, его «качеством», включающим и политическую культуру [7]. Для анализа ТПС важен тщательный учет демографической структуры населения и его качественные характеристики (уровень образования, профессиональный состав, уровень заболеваемости, уровень доходов и т.д.).

При значительном динамизме ТПС их изучение должно учитывать исторические факторы их формирования, которые определяют во многом их устойчивость и инерционность. К таким факторам относят этнический состав изучаемого участка геопространства, а также конфессиональную структуру его населения. Значимая роль национально-религиозных моментов в политико-географических исследованиях отмечалась еще И.М. Маергойзом [8]. Одним из них можно считать выявление региональных особенностей проводимых преобразований в этнической и религиозной сферах. Эти сферы в любые исторические периоды отличаются очень высокой чувствительностью к тому, что происходит в государстве, и оказывают значительное влияние на территориально-политическую самоорганизацию общества, характеризуя геопространственное своеобразие ее геополитических форм с учетом этнического и конфессионального субстрата территории.

В характере расселения и территориальной структуре хозяйства проявляется центр-периферийная модель функционирования современного общества, что зачастую оказывает сильное воздействие на ТПС. Так, С.Б. Лавров отмечал, что «стремительность изменений в общей структуре экономики (рост третичной сферы, возросшее значение инфраструктуры), нарастание наукоемких и кризис старых отраслей в промышленности, характеризующееся как «раскол конъюнктуры», сказываются на региональных пропорциях и шансах отдельных районов» [9]. То же самое можно сказать и о влиянии концентрации населения, дисперсности расселения, людности и функциональных типах городов на территориально-политическую организацию общества.

Важным аспектом изучения ТПС является выявление собственно политико-географического своеобразия изучаемого участка геопространства. Политико-географическое положение по отношению к регионам и центрам принятия политических решений, эволюция административно-территориального устройства, электрорайонирование делают уникальной ту или иную территорию, значительно определяя сущность и основные тренды трансформации ТПС.

Таким образом, методика изучения территориально-политической самоорганизации общества предполагает строгий учет всех ГПО, формирующих ТПС, т.е. множества природных, социально-экономических, историко-культурных, политико-географических и ряда иных факторов применительно к сложившимся условиям геопространства.

Библиографический список

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект-пресс, 2001.
2. Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. – Л.: Наука, 1988.
3. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. – СПб.: СПбГУ, 1996.
4. Багров Н.В. Объект, предмет, базовые категории регионального геополитического анализа // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – 2001. – № 26.
5. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. – 1992. – №1. – С. 50–57.
6. Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. – М.: Мысль, 1984.
7. Машбиц Я.Г. Основные направления политико-географических исследований // Политическая география: проблемы и тенденции. – Баку, 1987. – С. 7–13.
8. Маергойз И.М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – М., 1971. – С. 33–53.
9. Лавров С.Б. Политико-географические аспекты региональной политики в развитых капиталистических странах // Политическая география и современность: тенденции становления научного направления. – Л.: ЛГУ, 1989. – С. 15–22.

Кириллов П. (г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В мировой демографической науке к настоящему времени сформировалась универсальная методология прогнозирования численности и состава населения крупных территорий. В её основе лежат понятийно-концептуальный аппарат статистической демографии и методы реализации демографических прогнозов: основной (когортно-компонентный) и ряд вспомогательных. Вместе с тем, по-прежнему «проблемной» остаётся сфера регионального демографического прогнозирования, задачей которой является не только оценка перспективной численности и состава населения на региональном и субрегиональном уровнях, но и территориальных пропорций расселения. Такие оценки востребованы преимущественно в государственном управлении, маркетинге и различных видах региональной экспертизы.

Задачи оценки перспективной численности, состава и размещения населения в системе государственного управления и местного самоуправления, особенно в рамках региональной политики и территориального управления. В начале 2000-х годов они постоянно возникали при разработке документов территориального и стратегического планирования, в рамках текущего (оперативного) управления. Всё больше распространяются и другие прикладные прогнозные оценки населения: в маркетинговых исследованиях (бизнес-аналитике и практике), при проведении различных видов региональной социальной и экономической экспертизы. Для всех этих видов деятельности актуален вопрос разработки методики оперативной (в режиме мониторинга) оценки перспективной численности населения на региональном и субрегиональном уровне, обделённом вниманием со стороны государственной статистики.

В качестве основного метода реализации регионального демографического прогнозирования постепенно оформляется подход, который предлагается называть геодемографическим. Его суть составляют географические и, в частности, геодемогра-

фические представления о воспроизводстве населения, которые в комбинации с методикой передвижки возрастов позволяют решать практические задачи регионального прогнозирования населения. По сравнению с классическим демографическим прогнозом, который, как правило, выполняется для одного или нескольких объектов прогнозирования – открытых или закрытых демографических систем – геодемографический подход позволяет рассматривать полииерархические территориальные системы с учётом их пространственной дифференциации, что в ряде случаев остаётся за рамками даже т.н. «многорегиональных» демографических прогнозов.

Возможности интеграции географического и демографического подходов при решении практических прогнозных задач отмечал ещё Ю.Г. Саушкин, по мнению которого, «... (экономико-географы) не могут взять на себя ... (функции разработки) ... демографического прогноза, но региональные его варианты и особенно анализ последствий прогнозируемого роста и структуры населения в их территориальном, региональном выражении, а также прогноз межрайонных и иных миграций населения попадают в сферу экономико-географического прогнозирования»¹. С.А. Ковалёв отмечал важность осуществления не просто демографических, но и «расселенческих» прогнозов: «прогнозы изменений в расселении, городском и сельском, кратко- средне- и долгосрочные, периодически корректируемые с учетом фактических изменений, необходимы для всех регионов страны, как и прогнозы численности их населения»².

Важным преимуществом геодемографического подхода к прогнозированию по сравнению с демографическим прогнозом является объективизация оперативных ячеек, в роли которых выступают геодемографические системы. Классические объекты демографического прогнозирования – однородные демографические системы – выделять в целом весьма затруднительно, поэтому в большинстве случаев используется компромиссный территориальный уровень – региональные геодемографические системы, подходящие в общем виде под различные задачи прогнозирования. В большинстве случаев такой подход определяется и вынужденным соответствием метода имеющемуся статистическому обеспечению прогнозных разработок.

Процессы демографического развития в рамках геодемографического подхода описываются не только статистическими параметрами, но и вектором территориальных различий, формальным измерителем которого становятся географические градиенты, дифференциации основных демографических компонентов – рождаемости, смертности, миграционного движения. В геодемографических гипотезах уровневые и структурные демографических показателей дополняются показателями территориальной структуры, позволяющими уточнить, а в ряде случаев принципиально пересмотреть «поведение» демографических параметров. При этом для каждого из компонентов разрабатываются и обосновываются индивидуальные, но сопряжённые гипотезы изменения показателей в течение прогнозного периода. Основанием для их разработки служат не только ряды предшествующих демографических показателей, но и теоретические модели пространственной дифференциации воспроизводства населения, а также используется исторический (периоды-аналоги) и географический (регионы-аналоги) «опыт». Широко применяются анализ факторной обусловленности параметров воспроизводства населения другими показателями (уровень жизни населения, этнический состав, воспроизводственные установки населения и т.д.).

Несмотря на чисто прикладное значение геодемографических оценок, производимых в рамках такой трактовки геодемографических исследований, их суть в це-

лом весьма близка к содержанию исследований в рамках т.н. научной геодемографии, однако в общем виде такие прогнозы применимы и в другой «геодемографической»³ нише – при информационном обеспечении маркетингового планирования и разработке пространственных рыночных стратегий компаний, ориентированных на потребительский сектор экономики. Таким образом, в роли объекта геодемографического подхода к прогнозированию, таким образом, выступает геодемографическая система, под которой понимается «совокупность связей демографических процессов с социально-экономическими факторами определённой территории»⁴, что позволяет определённо отнести её к числу территориальных систем.

Основаниями для формирования геодемографических гипотез, принципиально отличающих их от гипотез демографического развития, становятся обобщённые представления о существующей динамике пространственных систем расселения. В числе таких оснований на первый план выходят обобщённые принципы урбанистического развития, разработанные циклические теории, представления о пространственной картине прохождения демографического перехода и прочие научно обоснованные основания для разработки гипотез пространственно-демографической динамики.

При разработке геодемографических гипотез широкое применение получает метод аналогов. Так, например, перспективная оценка численности населения в пределах крупных городских агломераций может быть осуществлена с учётом тенденций перераспределения численности населения в пределах урбанизированных территорий, первыми прошедших новейшие фазы пространственной эволюции (прежде всего городские агломерации Северной Америки и Западной Европы); для российских агломераций в современных условиях в качестве таких аналогов могут выступать и некоторые агломерации Юго-Восточной Азии. Таким же образом динамика соотношения и распределения сельского и городского населения может быть подчинена закономерностям в перераспределении населения и в ходе процессов постиндустриализации, наблюдавшихся в других странах.

В условиях неопределённости изменения пространственной картины каждого из прогнозных параметров по территории в качестве типовых геодемографических гипотез их изменения могут приниматься следующие (используются преимущественно для разработки гипотез рождаемости и смертности):

- гипотеза сохранения дифференциации (для отдельных территориальных ячеек устанавливается единый тип динамики, определяемый общей динамикой по всему региону);
- при наличии оснований для демографического выравнивания используются гипотезы схождения показателей (причём собственно точка схождения может быть определена как в пределах прогнозного горизонта, так и вынесена за его пределы);
- при формировании сценариев, связанных с территориальной дифференциацией факторов изменения демографических показателей, формируется совокупность гипотез для отдельных территориальных ячеек прогнозирования с устанавливаемой индивидуально для каждой из них динамикой перспективного поведения.

Наиболее сложная задача прогнозирования – разработка гипотез миграций. Основные проблемы учёта миграций подробно анализируются в рамках т.н. «многорегионального» демографического прогнозирования. Межуровневая увязка

гипотез является важнейшим этапом разработки геодемографического прогноза. Она осуществляется методом балансировки, т.е. локализацией отклонений в абсолютных значениях показателей по отдельным территориям низового ранга пропорционально их вкладу в общую структуру. При прогнозировании общего объёма миграционных потоков в рамках геодемографического подхода применяется т.н. «системно-структурный» подход. Его главная отличительная особенность – использование в качестве информационной основы не «точечных» данных о миграционном приросте (убыли) населения, а рассмотрении расширенной системы межтерриториальных миграций с использованием массива данных о межрегиональном миграционном обмене. В общем виде миграционные гипотезы строятся на основе матриц межрегионального миграционного обмена размера $N \times N$, где N – количество регионов в замкнутой системе. Матрицы анализируются за промежуток времени с характерной для поставленной задачи динамикой социально-экономического развития. К примеру, для крупных городских агломераций, мировых городов и других миграционно привлекательных территорий имеет смысл рассматривать одновременно несколько таких матриц различного иерархического уровня – от странового (с выделением групп стран – источников миграций) до внутриагломерационного (на уровне административного деления регионов конечной локализации миграционного прироста или поясных структур регионов с выраженной центр-периферийной конфигурацией). Отдельно в этом случае аналогичные приёмы применяются и для оценки перспектив внутрирегионального миграционного обмена.

Как показывает практика, общий объем миграционных потоков населения является более изменчивой величиной по сравнению с относительно устойчивыми удельными весами отдельных регионов-компонентов матрицы, поэтому итоговый прогноз разрабатывается на основе двух частных экстраполяционных прогнозов – общего объема мигрантов (в т.ч. на разных иерархических уровнях) и доли миграционного потока, приходящейся на анализируемую территорию; число въезжающих и выезжающих при этом прогнозируется по отдельности. Таким образом, при осреднении результатов пролонгированных тенденций в изменении миграционного потока в абсолютном выражении и удельного веса рассматриваемой системы в миграционных потоках более высокого ранга, можно получить средний вариант прогноза перспективного миграционного движения населения. Индивидуальные расхождения прогнозных значений, как правило, присваиваются высокому (оптимистическому) и низкому (пессимистическому) вариантам прогноза соответственно. Итоговый результат может быть представлен как вектор миграционного обмена на межгосударственном, межрегиональном, и матрица – на внутрирегиональном уровне.

В общем виде практическое применение геодемографического подхода к демографическому прогнозированию предусматривает реализацию дополняющих друг друга процедур (формирование сценариев, конкретизирующих их гипотез и проведение, собственно, прогнозных расчётов) и представляет собой комплексное мероприятие, призванное наиболее полно отразить возможные изменения в численности, составе и размещении населения на конкретной территории. При этом все три процедуры реализуются практически синхронно и требуют очень чёткой координации. Практическое применение геодемографического прогнозирования требует определённой гибкости в её структуре, т.к. в зависимости от специфики формулировки прогнозной задачи на различных этапах геодемографического прогно-

зирования допускается вариативность в выборе группы сценариев, методике расчёта и определении перспективных параметров воспроизводства населения. Всё это позволяет отнести методику геодемографического прогнозирования к категории «открытых» методик, что расширяет возможности её адаптации к меняющимся прогнозным задачам.

Примечания

- ¹ Саушкин Ю.Г. Этапы и методы экономико-географического прогнозирования // Вестник Московского университета. – Серия 5. – География. – 1972. – №3. – С. 3–13.
- ² Ковалёв С.А. О прогнозировании изменений в сельском расселении Нечерноземья // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. – М., 1991. – С. 4–6.
- ³ В ряде случаев для обозначения этого направления используется специальный заимствованный термин «геодемографикс» (от англ. geodemographics)
- ⁴ Фёдоров Г.М. Геодемографическая типология. – Л., 1985 – 152 с.

Ковалев Ю.П. (г. Смоленск)

ТУРИСТСКИЙ РЕГИОН КАК ИСТОЧНИК КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ТУРИСТСКОГО КЛАСТЕРА

Специфика туристского кластера состоит прежде всего в том, что одним из источников его конкурентных преимуществ является туристский регион как территория, концентрирующая туристские ценности. Возникает вопрос о том, что такое туристский регион и каждый ли регион может быть туристским?

В настоящее время в научной литературе имеется целый ряд работ, посвященных тематике туристского региона, по сути дела можно говорить о складывающейся концепции туристского региона. В концепции туристского региона много места уделяется значению туристской аттрактивности, являющейся основным источником туризма как такового. В широком смысле к туристским аттракциям относятся:

- аттракции природные: природный ландшафт, климатические и другие географические особенности;
- аттракции антропогенные: исторические здания и их ансамбли, уникальные современные архитектурные, промышленные и инфраструктурные объекты;
- аттракции культурные: традиции и фольклор, религия, музеи, специальные мероприятия (фестивали, конкурсы, ярмарки и т.д.);
- аттракции социальные: особенности традиционного уклада жизни местных сообществ.

С точки зрения туриста, эти элементы являются основой для выбора туристического направления. Они являются первоосновой и необходимым условием создания туристских регионов, но только их наличия недостаточно для развития туризма. Они должны быть дополнены целым рядом объектов, которые явятся той основой, без которой природное и культурное наследие и останутся неиспользованными или даже недоступными [Gołembski 1998]. Это те объекты, которые мы называем туристской инфраструктурой.

Кроме основных вопросов привлекательности туристского региона, важно выявить условия, определяющие функционирование туристских предприятий, а так-

же взаимоотношения между субъектами, функционирующими на туристском рынке. Изучение данного вопроса, как правило, ограничивается выяснением взаимодополняемости различных туристических услуг, которые входят в состав туристического продукта, и констатацией вытекающей из этого необходимости сотрудничества между поставщиками таких услуг. Между тем, условия, в которых они работают, в частности доминирующая рыночная конкурентная стратегия, являются важным фактором для тех, кто занимается выбором мест вложения инвестиций. Для них эта информация при выяснении конкурентоспособности в том или ином локалитете является важным дополнением к ранее описанным проявлениям основных факторов. Она также является важным элементом характеристики локальных сетей сотрудничества, свидетельствующим о том, что их можно рассматривать как кластер. Условия конкуренции и сотрудничества определены и регулируются законодательными актами и социально-культурными факторами (например, традиции сотрудничества), а также степенью желанности субъектов туристской деятельности поддерживать возможное сотрудничество.

Туристский регион является территорией, характеризующейся уникальным сочетанием конкретных элементов туристской системы с аттрактивными элементами окружающей природной, социально-экономической и культурной среды, благодаря чему возникает туристская специализация в отношении «внешнего мира». Туристский регион объединяет не только элементы туристской отрасли, но и различные артефакты и ментифакты, которые определенным образом проецируются на развитие рекреации и туризма.

Попробуем представить в общих контурах несколько пространственных черт туризма, проецируемых на специфику туристского региона. Среди основных пространственных черт туризма, определяющих специфику туристских регионов, необходимо в первую очередь выделить следующие [Бочваров, Ковалев 2003]:

- туристское пространство охватывает три основных элемента: территорию формирования спроса и рекрутации туристов, территорию предложения услуг («туристская дестинация», «туристский регион», «туристская местность»), и связующую территорию между ними, так как отдаленность территорий спроса и предложения приводит к необходимости использования средств транспорта. Таким образом, туристский регион является частью туристского пространства и не может существовать вне данного пространства;
- туризм является сектором экономики, который производит в основном услуги, осуществляющиеся только в отношениях «клиент – продавец услуг» и только в момент реализации соглашения. Это имеет огромное пространственное значение, так как турист должен оказаться в месте, где туристские ценности предлагаются в форме туристско-рекреационных услуг;
- отмечается сильное изменение пространственно временных и структурных потоков путешествующих. Наличие одновременно значительного общего, культурного, развлекательного, оздоровительного, релаксационного потенциала может привести к разнообразным позитивным и негативным изменениям экономических условий, хозяйственной и социальной структуры, технического оснащения привлекательных дестинаций;
- роль туризма как фактора перемен является наиважнейшей для привлекаемых с точки зрения развития туризма территорий, которые определяются как *туристские регионы*. Генезис территорий спроса и связующих терри-

торий заметно отличается от генезиса туристских регионов, несмотря на то, что они являются необходимой составной частью пространственной туристской системы. Важно выявление различий между внешней средой и содержанием туристского района, а также особенностей туристского пространства в целом, в котором туристский регион является только слагающим элементом;

- *туристские ценности* (в российской научной литературе это понятие заменяется такими терминами, как туристско-рекреационный потенциал, туристско-рекреационные ресурсы) являются гетерогенными. Часть исходных туристских ценностей (аттракции) имеет природный характер, другая часть создана человеком. Они имеют разную «географию». В первом случае она определяется малоизмененной природной средой, во втором – средой искусственной (в первую очередь в поселениях). Граница между этими двумя группами объектов не является резкой, так как имеется группа объектов аттракции, которая создана в результате изменения природной среды в результате деятельности человека. Локализация исходных туристских ценностей определяет становление территорий с туристской специализацией. Туристские ценности сами по себе не являются аттракциями, однако после произведенных инвестиций и мероприятий, преобразованные в аттракцию, они могут быть предложены на рынке как туристские продукты;
- характерной чертой функционирования туристского региона является сильная сезонность. Объясняется это неравномерными в течение года возможностями использования природного потенциала и сильными различиями в использовании свободного времени под влиянием природных факторов и социальной организации;
- туристский регион является регионом отраслевым и функциональным. Наличие условий, которые, возможно, могут стать туристскими продуктами (если появится спрос на них), не означает автоматического превращения территории в туристский регион. В этом случае можно говорить о зонах потенциального развития туризма;
- туристский регион является конструкцией, основные параметры и черты которой можно измерить. Это очень важный момент, так как создание образа региона невозможно, если нельзя показать его отличия от других. Чем меньше используемая единица, тем более необходимым будет её использование в пространственном планировании, в маркетинге и др. И наоборот, большие по размерности единицы имеют меньшее практическое значение, зато возрастает их информационно-дидактическая роль;
- одной из черт туризма является существование специализированных туристских регионов, которые имеют малое значение в пространственном планировании, но являются важным полигоном деятельности туристских субъектов;
- туристский регион как форма упорядочивания рядов и пространственной классификации туризма имеет огромное информационное и дидактическое значение. В этом его главная ценность для потребителей туристских услуг.

В российской (советской) науке вопросам туристской регионализации (районирования) длительное время, вплоть до конца 1960-х годов, практически не уделялось внимания. Первые работы, в которых рассматривались вопросы развития рекреации и туризма, делали акцент прежде всего на различные аспекты использова-

ния природных рекреационных ресурсов [Твердохлебов 1969]. Перелом наступил после появления работ, подготовленных учеными Института географии Академии наук СССР под руководством В. Преображенского. Именно руководимая им группа географов предложила базисную модель рекреационной системы, впоследствии широко использованную представителями других направлений научного знания. По Преображенскому, под рекреационной системой понимается социально-географическая система, состоящая из ряда взаимосвязанных подсистем: природных и культурно-исторических комплексов, инженерных сооружений, обслуживающего персонала, органа управления и, наконец, населения (отдыхающих), характеризующаяся как функциональной целостностью, поскольку состояние подсистем определяется социальной функцией системы в целом, так и целостностью территориальной [Преображенский 1975].

Е. Котляров (1978), в развитие взглядов Преображенского, разработал концепцию рекреационно-туристских комплексов, которые он определил как «сочетание рекреационных сооружений и сопутствующих предприятий инфраструктуры, объединенных тесными функциональными и экономическими связями, а также совместным использованием географического положения, природных и экономических ресурсов территории, занимаемой комплексом». В данной трактовке туристско-рекреационный комплекс рассматривается как основа формирования особого территориально-отраслевого образования – туристско-рекреационного региона, его ядро. Следуя логике автора данной концепции, с помощью районной планировки и территориального планирования можно регулировать и оптимизировать процессы развития рекреационно-туристского комплекса и туристского освоения конкретной территории в целом. По существу, в этом случае мы имеем дело с производственно-технологической трактовкой рекреационного района, выделяемого на природно-ресурсной основе. Основным недостатком данного подхода является то, что туристский район рассматривается как централизованно управляемая система, в рамках которой заранее было определено, в чем нуждается отдыхающий, а в чем – нет. Не обращалась внимания также на интересы местного населения, на его права.

В 1970–80-х годах советскими географами была проведена значительная работа по углублению представления о месте субъекта (человека) в территориальных рекреационных системах [Веденин 1982], предложены методические подходы к изучению пространственно-временной локализации рекреационного процесса и выделению туристско-рекреационных районов. Доминирующим являлся функциональный подход к выделению туристских и рекреационных районов [Лиханов, Преображенский 1975; Путрик, Свешников 1986, 1993] на основании различий в туристской освоенности территории и преобладания или сочетания познавательной, оздоровительной и спортивной функций туризма. Это все тот же знакомый по ряду зарубежных исследований подход к туристской регионализации на основе предложения услуг. Наиболее существенное отличие связано с огромными размерами территории России, поэтому выделяется большее число таксонов.

Туристско-рекреационное районирование России и Ближнего зарубежья, проведенное А. Даринским (1994) и взятое за основу Ю. Дмитриевским (2000) осуществлено на основе изучения туристской освоенности территории и достаточно субъективной оценки степени аттрактивности выделяемых регионов. Недостаточно проработанным является также вопрос разграничения выделенных регионов.

А. Евсеев, Т. Красовская и др. (1996) выделяют рекреационные зоны на основании различий в природных условиях, а регионы более низкого таксономического уровня для Севера России на основе транспортной доступности, что определяется спецификой объекта.

Таким образом, сложилось несколько основных подходов к туристской регионализации (туристскому районированию), основными из которых являются:

1. Районирование природных и культурно-исторических ресурсов, являющихся первоосновой развития туристской деятельности;

2. Интегральное районирование, направленное на выявление региональных туристских систем;

3. Выделение региональных туристских систем на основе социологических признаков в связи с наличием региональных различий в рекреационных потребностях.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует как четкая методика проведения туристского районирования, так и его общепринятые принципы. Это прежде всего связано с тем, что для современной российской науки характерна слабая изученность процессов самоорганизации туристской деятельности, недостаточно проработаны вопросы оценки туристско-рекреационного потенциала и создания полноценного туристского ресурса. Теоретические исследования в данных аспектах, несомненно, должны активизировать проработку вопросов туристско-рекреационного районирования России.

Следующим важным положением является необходимость оценки различий между туристским регионом и территориальной рекреационно-туристской системой, независимо от сильной близости этих понятий. Не рассматривая детально данный вопрос, следует отметить, что главным системообразующим фактором при формировании туристских регионов являются внутренние связи между подсистемами отрасли.

После упадка централизованного управления хозяйством и в эпоху все большего значения глобальных, а не внутригосударственных факторов, регионализация (районирование) потеряла значение в качестве важнейшего инструмента планирования. Исключением не является и сфера туризма. Многими управленцами интегральный (природно-социально-экономический) район понимается как очень сложная конструкция, слишком общая и трудная для доказательства реального существования, и что еще важнее – не создающая основы для конкретных территориальных действий. Кроме того, районирование в туризме зачастую отождествляется с районированием природных условий, благоприятствующих развитию туризма. Так как эти условия хорошо известны, то наличие и использование имеющихся баз данных приводит к тому, что нет необходимости в обращении к районированию. Оно было необходимо на начальном этапе развития туризма, когда существовала потребность в упорядочивании огромных массивов информации и проведении пространственной инвентаризации потенциальных ресурсов и условий для их развития. Но в то же время ни в коем случае нельзя забывать о том, что районирование незаменимо для оценки экологических, социальных, хозяйственных, культурных, психологических влияний туризма на конкретную территорию. Районирование также может служить основой предплановых работ при подвыборе перспективных мест локализации территориальных кластеров.

Современное развитие туризма в заметной мере акцентировано на организацию, маркетинг и продвижение турпродукта на туристском рынке, то есть на спрос,

формирование которого связано с так называемыми территориями рекрутации (происхождения спроса), лежащими вне туристского района. Районирование же до настоящего времени ориентируется на изучение предложения туристских продуктов, которые являются ничем иным, как преобразованным в них природным и антропогенным наследием, в форме предложения так называемых туристских объектов. Этот факт обязательно необходимо учитывать всем специалистам, занятым данной проблематикой. Вопросы изучения маркетинга и продвижения турпродукта в туризме являются необычайно плодотворной основой для пространственных исследований и функционально-проблемного районирования.

Управление развитием туризма и стратегическое планирование в данной сфере требуют создания территориальной матрицы, которая отразила бы пространственную действительность и основные цели развития. В этой связи операционный туристский регион (район) – как район деятельности, является однозначно необходимым как в науке, так и на практике.

Библиографический список

1. Бочваров М., Ковалев Ю.П. Туристский регион: новое содержание в старой форме// Теория и практика международного туризма. – М.: Кнорус, 2003.
2. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. – М.: Наука, 1982.
3. Даринский А.В. Туристические районы Российской Федерации и Ближнего зарубежья. – СПб: СПбГУПМ, 1994.
4. Дмитриевский Ю.Д. Туристские районы мира. – Смоленск: Универсум, 2000.
5. Евсеев А.В., Красовская Т.М., Мироненко Н.С., Шабалина Н.В. и др. Оценка рекреационного потенциала Севера России. – Смоленск: Универсум, 1996.
6. Котляров Е.А. География отдыха и туризма: формирование и развитие территориальных рекреационных комплексов. – М.: Мысль, 1978. – 238 с.
7. Лиханов Б.Н., Преображенский В.С., Веденин Ю.А. и др. География рекреационных систем и их районирование // Теоретические основы рекреационной географии. – М.: Наука, 1975. – С. 180–187.
8. Путрик Ю.С., Свешников В.В. Туризм глазами географа. – М., 1986.
9. Твердохлебов И.Т. Основы рекреационного районирования // Географические проблемы организации отдыха и туризма. Тез. докл. к рабочему совещанию. – М.: Всесоюз. геогр. общ-во, 1969. – С. 22–24.
10. Gołembski G. Przedsiębiorstwo turystyczne w gospodarce wolnorynkowej, Akademia Ekonomiczna w Poznaniu, Poznan 1998.

Кокина Ю.В. (г. Нижний Новгород)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РЕКРЕАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Оценка степени благоприятности природных ресурсов для использования в рекреационных целях, плотности расположения и степени привлекательности объектов историко-культурного наследия, а также целесообразности развития рекреационной деятельности на конкретной территории является одной из основных задач рекреационной географии.

Об актуальности изучения рекреационного потенциала свидетельствует провозглашенное Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. приоритетное развитие внутреннего и въездного туризма. С этой целью за последние десятилетия в России активно осваиваются новые территории с разнообразными ландшафтами, а также благоустраи-

ваются и преобразуются ранее освоенные. Одновременно проводятся работы по улучшению качества ландшафтов и разрабатываются мероприятия по повышению их устойчивости к рекреационным нагрузкам. Интерес к изучению рекреационных условий не случаен и с экономической точки зрения, так как по своей рентабельности рекреационные объекты значительно выгоднее предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности.

В связи с этим, проблема разработки универсальной методики оценки рекреационного потенциала природных комплексов страны в настоящее время является актуальным направлением в отечественной географической науке.

В самом общем смысле понятие «оценка» означает способ установления значимости какого-либо объекта для действующего и познающего субъекта [Социология: Энциклопедия, 2003]. В рекреационной географии, согласно вышеприведенному определению, объектом выступают любые природные элементы (полезные ископаемые, водоемы, растения и т.д.), компоненты (климат, почвы и др.) или их сочетания, а субъектом – технические средства и сооружения, отдельные предприятия, отрасли хозяйства, народное хозяйство в целом и непосредственно сам человек.

Территориальная рекреационная система представляет собой социальную географическую систему, состоящую из взаимосвязанных подсистем: природных и культурных комплексов, инженерных сооружений, обслуживающего персонала и отдыхающих, характеризующуюся функциональной и территориальной целостностью [География рекреационных систем СССР, 1982]. Таким образом, полноценная всесторонняя оценка рекреационной системы – исследование, подразумевающее участие представителей различных наук: медицинских, географических, экономических, культурологических, технических, социальных и др. В исследованиях рекреационной географии чаще всего изучаются связи природных и культурных комплексов с человеком и инженерными сооружениями.

Учитывая то, что оценка степени ценности природного комплекса должна осуществляться не для одного вида рекреационных занятий, а для их набора, более широкий выбор предполагаемых видов рекреационных занятий, а также наличие благоприятных условий для комфортного отдыха, существенно повышают ценность природного комплекса в целом. С другой стороны, оценить природный комплекс сразу как полифункциональное угодье невозможно. Для этого сначала необходимо оценить его раздельно как угодья определенного назначения, а затем получить общую интегральную оценку.

Методология оценки рекреационных ресурсов подразумевает несколько этапов. Прежде чем приступить к оценке, необходимо определить ее территориальную единицу. В естественно-географических исследованиях территориальной единицей могут служить ландшафты различных таксонов, в экономико-географических – административные образования различных уровней.

Следующий этап – отбор оценочных показателей, т. е. тех признаков природного и культурного комплекса, которые существенны для целей оценки. Исходным материалом для оценки служит выражение каждого показателя в натуральной форме, в соответствующей размерности по непрерывной шкале. Основная оценочная операция состоит в бонитировке, т. е. делении непрерывного ряда на некоторое число ступеней, или бонитировочных классов, с учетом пороговых значений с позиций данного субъекта. При этом интервалы новой оценочной шкалы не обязательно будут одинаковыми.

Далее необходимо осуществить выбор формы выражения оценки. Существенной трудностью на данном этапе является необходимость объединения и суммирования оценок отдельных показателей, которые выражаются в разной размерности.

Несмотря на многочисленные методики оценки рекреационных ресурсов, все они в самом общем смысле могут быть отнесены к двум формам выражения оценки: балльной и классификационной. Популярность балльной системы оценки рекреационных ресурсов (Л.И. Мухина, Ю.А. Веденин и др.) объясняется простотой, доступностью и удобством ее применения. Противники применения балльной оценки (А.Г. Исаченко, Д.Л. Арманд, Ю.П. Ковалев и др.) настаивают на том, что цель оценки заключается в определении качества природных комплексов. «При этом число служит мерой качества, оно представляет средство, а не цель. Иначе говоря, оценка качественная по содержанию, количественная – по форме» [Исаченко А.Г. Методы прикладных ландшафтных исследований, 1980]. Поэтому, по их мнению, оценка наилучшим образом может быть дана в натуральной форме – количественной или качественной – в зависимости от характера оцениваемого объекта или его отдельных свойств.

Более того, балльная оценка, которая не вызывает трудностей при бонитировке свойств природных комплексов, измеряемых в определенных количественных показателях, по их мнению, практически не применима для случаев, когда качество природного комплекса не может быть выражено в количественной форме (например, привлекательность ландшафтов или психологическое воздействие ландшафта на рекреанта). Выводы исследователя, осуществляющего оценку, основываются на приблизительных субъективных рассуждениях: «плохая погода – ухудшается настроение», «разнообразный ландшафт имеет большую эстетическую ценность, чем однообразный» и т.д. Подобная оценка не отражает объективную картину, в результате чего, по мнению А.Г. Исаченко, ее ценность снижается.

Однако сторонники балльной системы считают попытки унифицировать системы и критерии оценки вполне корректными, в связи с тем, что «красота природы объективна и не зависима от чьих либо вкусов, следовательно, способна вызывать одинаковые ощущения у различных субъектов» [Калашникова О.В. Пейзажеобразующее значение элементов ландшафтной структуры, 2003].

После выбора способа оценки необходимо осуществить переход от частных оценок к обобщенной оценке природных территориальных комплексов.

При балльной системе оценок общий (суммарный) балл получается путем суммирования частных (поэлементных) баллов, которым присваиваются определенные значения. Основные трудности интегральной оценки определяются, во-первых, несоизмеримостью первичных оценочных показателей, и, во-вторых, разной значимостью («весом» – Л.И. Мухина) частных оценок, поскольку разные свойства природных комплексов играют неравную роль в формировании общих условий того или иного использования этой среды.

Для выведения комплексной (интегральной) оценки чаще всего пользуются балльными шкалами. Несоизмеримость частных оценок преодолевается путем перевода всех частных шкал в одинаковую, обычно 4-5-балльную шкалу, а разная значимость оценок – путем введения поправочных «коэффициентов значимости» [Мухина Л.И. Принципы и методы технологической оценки природных комплексов, 1973], после чего все первичные оценки суммируются. Из суммы вычисляют среднее арифметическое, таким образом, результат – «суммарный балл» – оказывается в той же 4- или 5-балльной шкале.

А.Г. Исаченко обращает внимание на спорные моменты применения балльных шкал, так как суммарные баллы часто получаются в результате сложной процедуры многократного интегрирования. В качестве альтернативы балльной системе оценки автор предлагает оценочную классификацию природных комплексов [Исаченко А.Г., 1980]. Суть подобной оценки заключается в классификации по существу, а не по условным баллам всех фактических сочетаний природных условий и ресурсов в соответствии с заданными критериями. При этом рекомендуется ограничиваться каким-либо числом ступеней, как это делается при балльной оценке. Все многообразие сочетаний впоследствии сводится к небольшому числу вспомогательных укрупненных подразделений («наиболее благоприятный», «благоприятный» и т.д.), но каждое из них должно быть раскрыто в натуральных показателях. Частные оценки должны вводиться в оценочную классификацию в определенной перспективе, соотносительно их значимости. Значимость фактора определяется его положением в классификации, но не влияет на конечный результат – в отличие от балльной системы, где определение значимости влияет на величину суммарного балла.

Несмотря на то, что метод балльной оценки, по мнению некоторых исследователей в области рекреационной географии, субъективен, именно он в настоящее время очень широко используется в силу своей наглядности, доступности и удобства применения.

Окончательным этапом оценки рекреационных ресурсов можно считать составление оценочных карт и схем.

При использовании балльной системы оценок полученные результаты наносятся на карту в форме районирования. В случае использования оценочной классификации, предложенной А.Г. Исаченко, на этом этапе происходит группировка природных комплексов и отображение их на карте либо по системе индивидуальных контуров, либо по их типологическим объединениям. Обе системы единиц картографирования пригодны для отображения оценки как в количественной, так и в качественной формах. В первом случае получается картограмма, во втором – собственно типологическая карта, построенная по способу качественного фона. В легенде карты выделенные оценочные группы следует располагать в порядке ухудшения условий. Ландшафтно-оценочные карты, построенные на основе оценочных классификаций, легко сопоставляются и генерализуются по мере расширения территориальных пределов картографирования, их значения легче свести воедино, чем карты, основанные на балльных шкалах.

В рамках рекреационной географии разрабатываются также методы экономической оценки рекреационных ресурсов с учетом механизма образования дифференциальной ренты, сравнения объема эксплуатационных затрат на освоение ресурсов одного типа, сопутствующего экономического эффекта, рекреационного обслуживания, получаемого в сфере материального производства, объема оказываемых услуг и прибыли, получаемой от эксплуатации рекреационных ресурсов.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г.
2. География рекреационных систем СССР / В.С. Преображенский, Ю.А. Веденин, Н.А. Данилова и др.; Отв. ред. В.С. Преображенский, В.М. Кривошеев. – М.: Прогресс, 1982. – 228 с.
3. Исаченко А.Г. Методы прикладных ландшафтных исследований. – Л.: Наука, 1980. – 222 с.

4. Калашникова О. В. Пейзажеобразующее значение элементов ландшафтной структуры // Проблемы геологии и географии Сибири. Материалы научной конференции // Вестник ТГУ. – 2003. – №3. – С. 90–93.
5. Мухина Л. И. Принципы и методы технологической оценки природных комплексов. – М.: Наука, 1973. – 94 с.
6. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

Красноштанова Н.Е. (г. Иркутск)

КОМПЛЕКСНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (на примере Иркутской области)

В определении территориальной организации общества (ТОО) в качестве основополагающего понятия выступает географическое положение территориальных объектов, т.е. положение объектов относительно поверхности Земли и по отношению к другим объектам, с которыми они находятся во взаимодействии. Любая территория представляет собой систему взаимосвязанных географических объектов разного местоположения. Предмет изучения ТОО состоит в исследовании пространственного размещения, сочетания и функционирования систем расселения, хозяйства и природопользования [Саушкин, 1976; Хорев, 1981].

Для изучения территориальной организации создаются различные модели связности социально-экономических объектов на территории, отражающие топологические свойства ее взаиморасположения и компактности – наличия путей перехода (преобразования) объектов друг в друга. Одним из способов математического представления таких моделей являются ориентированные и неориентированные графы, вершины которых соответствуют объектам (районам, производствам, показателям), а ребра – их соотношениям (пространственное соседство, временные последовательности). Графы как топологические структуры преобразуются друг в друга, демонстрируя новые связи между понятиями. Так закон пространственной организации [Черкашин, 1996] связывает соотношения пространственного соседства районов с системой их классификационной упорядоченности и пространством их ординации с базовыми координатами «устойчивость», «обеспеченность» и «размерность». Устойчивость отражает свойства районов сохранять показатели своего социально-экономического развития. Обеспеченность представляет собой показатель качества жизни и привлекательности территории, а также надежность реализации жизненных и производственных целей. Размерность отвечает за площадные характеристики районов. На рис.1 представлена топологическая структура пространственного соседства районов Иркутской области в форме равностороннего треугольника-симплекса в трехмерном пространстве координат: размерности, обеспеченности и устойчивости объектов. Таким образом, если относительно поверхности Земли географическое положение мы определяем с помощью географических координат, то в данной модели выражаем положение района в системе территориальной организации относительно друг друга и в пространстве обобщенных характеристик.

Решается задача выделения индикативных социально-экономических показателей, влияющих на положение районов в пространстве ординации – координ-

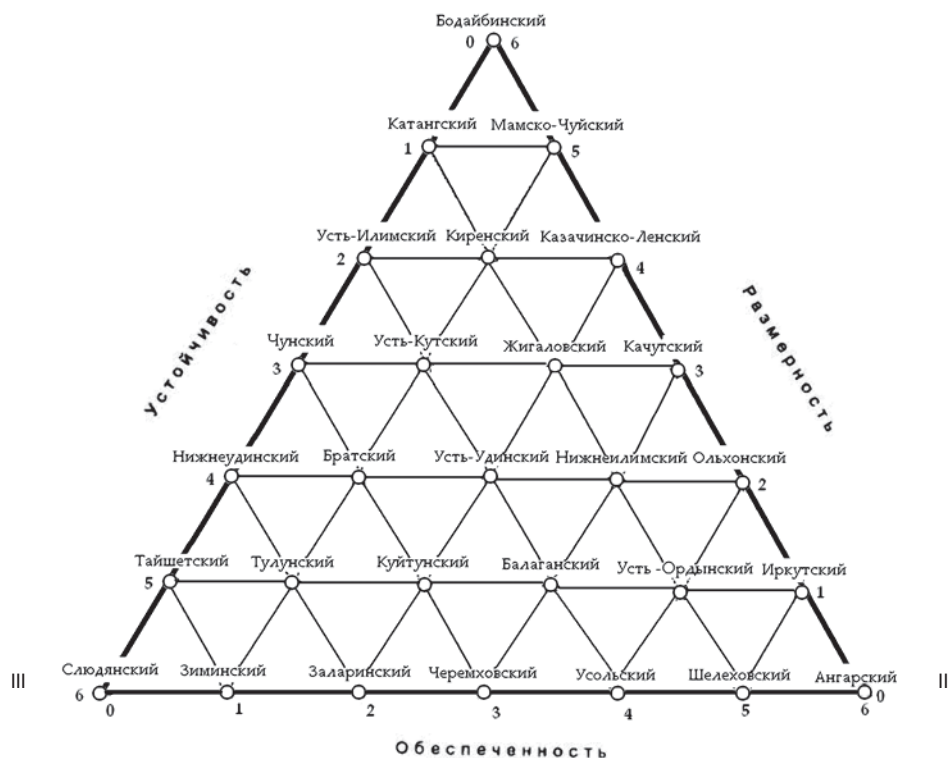

Рис. 1. Схема административно-территориального устройства Иркутской области в виде структуры территориальной организации общества. Цифры на сторонах треугольника – значения координат

нат «размерность», «обеспеченность» и «устойчивость». Для решения, поставленной задачи применен метод главных компонент (ГК) [Многомерный..., 1999] – комплексных показателей исследуемой ситуации. Метод широко используется при решении разнообразных задач и состоит в обработке данных матрицы, в данном случае представленной набором социально-экономических показателей по районам Иркутской области за 2009 г.: численность населения, плотность населения, число людей до, после и трудоспособного возраста, количество родившихся, количество умерших, естественный прирост, миграционный прирост, количество больничных коек, доходы на душу населения, продукция сельского хозяйства, уровень безработицы, отгрузка продукции, отгрузка продукции собственного производства, средняя заработная плата.

Первая главная компонента (ГК1) учитывает более 30 % вариации и определяется в основном экономическими показателями ($|r| > 0,8$): размер бюджета района в расчете на душу населения, среднемесячная оплата труда и объем отгруженной собственной продукции на человека. ГК2 обусловлена ($|r| > 0,7$) численностью и плотностью населения и объемами отгруженной продукции на человека. ГК3 зависит ($|r| > 0,6$) от численности населения (старше трудоспособного) и обеспеченности больничными койками. Три первых главных компоненты

покрывают 64% изменчивости исходных данных, что говорит о высокой вариативности статистического материала. Следующие по значимости ГК связаны с перечисленными показателями и также с численностью трудоспособного населения (-0,54) и уровнем безработицы (0,67). Восемь первых ГК исчерпывают 91% изменчивости данных, причем большая вариация свойственна удельным и относительным показателям, лучше характеризующих социально-экономическое состояние районов.

Размерность определяет ($r=0,68$) значение ГК1, обеспеченность ($r=-0,60$) – ГК2, устойчивость ($r=-0,65$) и размерность ($r=0,51$) – ГК3, устойчивость ($r=0,52$) и обеспеченность ($r=0,56$) – ГК4. Базовые координаты структуры территориальной организации несут взаимно дополнительную информацию о главных компонентах – независимых координатах пространства представления объектов исследования.

По графику нагрузок, где социально-экономические показатели и координаты представлены в пространстве двух первых главных компонент (ГК1 и ГК2), определяется качественные и количественные особенности связи показателей и координат между собой. Устойчивость положительно коррелирует с естественным приростом, рождаемостью и количеством детей. Обеспеченность индицирует миграционный прирост, численность и плотность населения, объем отгруженной продукции. Размерность обусловлена площадью района, доходами бюджета района на душу населения, уровнем безработицы и смертности. Важно, что размерность и обеспеченность находятся в оппозиции, откуда, в частности, следует, что безработица и смертность отрицательно влияют на показатель обеспеченности.

В пространстве первых двух главных компонент, отражающих более 50 % вариации, положения районов образуют треугольник связей (рис. 2), одна вершина которого – это промышленно-развитые районы юга Иркутской области (Иркутский, Ангарский, Шелеховский), вторая – северные районы (Катангский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский), третья – сельскохозяйственные районы центральной части области (Усть-Ордынский АО, Куйтунский, Заларинский и др.). В этой схеме хорошо проявляются эффекты географического положения и территориального окружения, а также особенности хозяйственной специализации районов, что используется для их экономико-географической классификации.

Для описания социально-экономической ситуации по группам районов используются перечисленные выше показатели и материалы с официального сайта Иркутской области [Прибайкалье..., 2011].

1. Ангарский, Иркутский, Шелеховский. Районы расположены в южной наиболее освоенной и экономически развитой части Иркутской области. В районах представлены практически все виды экономической деятельности. Промышленность представлена различными отраслями, такими как: цветная металлургия, нефтехимия, машиностроение, строительство, энергетика, лесная и пищевая промышленность и др. Хорошо развита транспортная и социальная инфраструктура. Хорошие социально-экономические условия обуславливают самые высокие значения плотности населения в районах этой группы.

2. Братский, Нижнеилимский, Усть-Илимский. Районы расположены на северо-западе области, располагают значительным природно-ресурсным потенциалом: лесные, минеральные, водные ресурсы, сельскохозяйственные земли. Основными отраслями, формирующими экономику районов, являются лесная и горнодо-

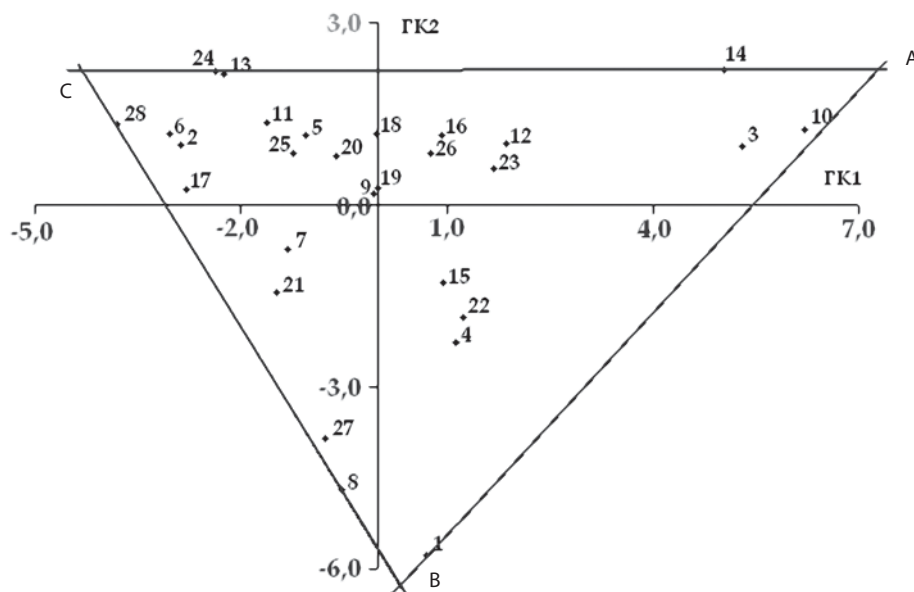

Рис. 2. Распределение районов Иркутской области в пространстве двух главных компонент (ГК1 и ГК2).

Районы: 1 - Ангарский, 2 - Балаганский, 3 - Бодайбинский, 4 - Братский, 5 - Жигаловский, 6 - Заларинский, 7 - Зиминский, 8 - Иркутский, 9 - Казачинско-Ленский, 10 - Катангский, 11 - Качугский, 12 - Киренский, 13 - Куйтунский, 14 - Мамско-Чуйский, 15 - Нижнеилимский, 16 - Нижнеудинский, 17 - Ольхонский, 18 - Слюдянский, 19 - Тайшетский, 20 - Тулунский, 21 - Усольский, 22 - Усть-Илимский, 23 - Усть-Кутский, 24 - Усть-Удинский, 25 - Черемховский, 26 - Чунский, 27 - Шелеховский, 28 - Усть-Ордынский АО.

бывающая промышленность. Сельское хозяйство представлено молочно-мясным животноводством, производством зерновых культур, картофеля и овощей, однако оно слабо развито. Рентабельность сельскохозяйственных предприятий низкая. Урожайность культур ниже среднеобластного уровня. Одной из причин является суровость природно-климатических условий этой территории. Относительно хорошо развита транспортная инфраструктура и представлена здесь воздушным, железнодорожным, авт-мобильным и водным видами транспорта.

3. Зиминский, Усольский. Районы расположены на юго-западе Иркутской области. Хорошо развито сельское хозяйство (птицеводство, животноводство, земледелие и др.) Основные отрасли промышленности химическая, деревообрабатывающая, легкая и пищевая. На территории хорошо развита сеть железнодорожных и автомобильных дорог. Районы характеризуются хорошо развитой социальной инфраструктурой.

4. Бодайбинский, Катангский, Мамско-Чуйский. Самые северные районы Иркутской области. Для данной группы районов, в отличие от предыдущих, сходства в структуре промышленного хозяйства нет. Так в Катангском районе промышленность представлена нефтегазодобывающей промышленностью, а в Бодайбин-

ском развития горнодобывающая отрасль, в частности золотодобывающая. Промышленность Мамско-Чуйского района была связана с добывающими отраслями промышленности, однако сложная транспортная схема и существующие тарифы на перевозку, стали весомой составляющей в конечной цене продукции предприятий Мамско-Чуйского района и сделали ее неконкурентоспособной на внутреннем и зарубежном рынках из-за дальности перевозок и высокого тарифа. Лесная промышленность слабо развита на территории этих районов. Объединение этих районов в общую группу скорее обусловлено схожими социальными показателями. Они резко выделяются на фоне других районов по таким показателям как естественный и миграционный прирост (самые низкие показатели в области), доход на душу населения (самые высокие значения) и показатель плотности населения (самые слабозаселенные территории Иркутской области). Демографическая ситуация в районах напряженная. Сельхозпродукция производится в основном в подсобных хозяйствах. Транспортная инфраструктура слабо развита, представлена воздушным, автомобильным и водным видами.

5. Киренский, Нижнеудинский, Усть-Кутский, Чунский. Усть-Кутский и Киренский районы расположены на севере Чунский и Нижнеудинский на западе Иркутской области. Ведущей отраслью экономики является лесная промышленность. Базу этой отрасли составляют значительные запасы древесины высокого качества. Наличие месторождений углеводородного сырья в Усть-Кутском и Киренском районах позволяет говорить о возрастании роли нефтегазо-добывающей промышленности в структуре экономики этих районов. Транспортная инфраструктура в целом по районам относительно хорошо развита, хотя существуют отдельные труднодоступные в транспортном отношении территории.

6. Куйтунский, Усть-Удинский. Районы расположены практически в центре Иркутской области ведущие отрасли сельского хозяйства зерновое растениеводство и мясомолочное производство, в промышленности – лесозаготовки и производство пиломатериалов. Транспортная инфраструктура в Куйтунском районе лучше за счет наличия железной дороги. В основном же транспортная сеть представлена автомобильными дорогами. Средний уровень развития социальной инфраструктуры.

7. Балаганский, Заларинский, Ольхонский, Усть-Ордынский АО. Группа районов расположена в южной части Иркутской области. Природные условия предопределили ведущую роль в экономике районов сельскому хозяйству, где приоритетными направлениями являются растениеводство и животноводство. В отдельных районах определенный вклад в экономику вносят добывающая и лесная промышленность. Сельскохозяйственное производство играет ключевую роль в жизнеобеспечении населения продуктами питания. Транспортная инфраструктура относительно хорошо развита.

8. Жигаловский, Казачинско-Ленский, Качугский, Слюдянский, Тайшетский, Тулунский, Черемховский. Внутри группы по местоположению можно выделить восточную подгруппу районов (Казачинско-Ленский, Качугский, Жигаловский) и западную (Тайшетский, Чунский, Черемховский). Особое место, в рассматриваемой группе занимает Слюдянский район, расположенный на юге Иркутской области, в географическом плане он не граничит ни с одним из районов группы, хотя по социально-экономическим показателям соответствует районам, входящим в группу. Слюдянский район и районы западной подгруппы имеют

хорошую транс-портную инфраструктуру, особую роль в развитии экономики рассматриваемых территорий области играет Транссибирская железнодорожная магистраль. Здесь развита промышленность, которая в основном представлена горнодобывающей и лесной отраслью. Сельское хозяйство вносит существенный вклад в экономику этих районов, за исключением Слюдянского (из-за дефицита удобных земель его сельскохозяйственное значение несущественно). В районах восточной подгруппы транспортная инфраструктура развита хуже. Здесь она представлена в основном автомобильным транспортом, в меньшей мере водным и воздушным, Казачинско-Ленский район пересекает железнодорожная магистраль БАМ. Промышленность представлена в основном лесной отраслью, есть судостроительный завод в Жигалово. Перспективно для освоения Ковыктинское месторождение. Его освоение не только полностью удовлетворит потребность региональной энергетики, химии нефтехимии, коммунального хозяйства, но и позволит экспортировать газ и другие ресурсы. Общее направление специализации сельского хозяйства – мясомолочное животноводство и производство зерновых.

Положение районов в треугольной структуре территориальной организации (рис. 1) сопоставляется с их положением в пространстве первых главных компонент (рис. 2). Две вершины А и В обоих треугольников представлены одинаковыми группами районов: северные I (А) – Бодайбинский, Катангский, Мамско-Чуйский; промышленные II (В) – Иркутский, Ангарский, Шееховский. Угловая группа III на рис. 1 – Слюдянский, Зиминский, Тайшетский районы – в треугольнике рис. 2 размещены в центральной области массива точек. В группы III вошли районы, в которых сельское хозяйство не является ведущей отраслью местной экономики: здесь есть и сельское хозяйство и промышленные предприятия.

Различие между группами А и В (рис. 2) определяется географическим положением районов. Здесь, как и в структуре территориальной организации (рис. 1), реализуется переход от южных к северным территориям. При продвижении в треугольнике (рис. 2) от вершин А и В к С возрастает роль сельского хозяйства в экономике районов.

Таким образом, комплексные социально-экономические показатели (независимые главные компоненты) позволяют упорядочить районы в соответствии с их экономической специализацией и частично отражают географическое положение района в системе территориальной организации Иркутской области.

Библиографический список

1. Многомерный статистический анализ в экономике / Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шеффер М. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 598 с.
2. Прибайкалье. Иркутская область: города и районы. Режим доступа: [<http://pribaiikal.ru/towns-district.html> 2.02.2011].
3. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 423 с.
4. Хорев Б.С. Территориальная организация общества. – М.: Мысль, 1981. – 320 с.
5. Черкашин А.К. Закономерности пространственной структуры и организации низового административно-территориального устройства России // География и природные ресурсы. – 1996. – № 4. – С. 5–17.

К АНАЛИЗУ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

1. Общая постановка проблемы¹.

Постсоветский период ознаменовался появлением значительного количества учебников и учебных пособий по экономической географии (ЭГ). Представляется возможным утверждать, что продолжающаяся маргинализация ЭГ в системе образования отчасти была компенсирована появившейся (относительной) свободой выражения авторской позиции. Следует заметить, что элемент обычной для учебного процесса рутины в этот период был ослаблен некоторым увеличением перечня вузовских специальностей, для которых необходимо преподавание ЭГ, хотя бы эта необходимость и определялась бы руководством соответствующих вузов. Рост числа направлений специализации студентов, для которых, хотя бы факультативно, требуется знание ЭГ, определило появление значительного разнообразия учебников. Кроме того, теперь не существует проблема «единого и единственного» учебника по ЭГ. Для каждого из направлений специализации студентов (географы-педагоги, университетские географы, экономисты, управленцы и др.) существует порядка 2 – 3 – 5 учебников и учебных пособий по ЭГ, нередко различающихся не только по форме подачи материала, по объёму и др. методическим характеристикам, но и по теоретико-методологическим, а иногда и по идеологическим основаниям². Учёт, анализ и обсуждение возникающего разнообразия идейно-теоретических основ учебников и учебных пособий по ЭГ (включая вопрос о соотношении декларируемого и фактически применяемого из числа теорий и идей) является предметом исследования авторов.

Достойно удивления, что в учебниках и учебных пособиях нет схемы сравнения регионов (территорий). Как ни странно, не находим такого рода схемы мы и у Н.Н. Баранского (1960). Н.Н. Баранский приводит т.н. «классическую» схему экономико-географической характеристики района СССР (1960, с. 237–249). Н.Н. Баранский говорит о сложностях, возникающих в рамках учебного процесса или популяризации знаний, которые связаны с тем, что «самая большая опасность при прохождении районной части курса СССР заключается именно в том, что районы станут в сознании учеников похожи один на другой и станут поэтому «путаться» один с другим ... окажется, что во всех районах есть почти всё, все они окажутся на одно лицо и в представлении учащихся смешаются один с другим». Признавая сложность показа специфики района, Н.Н. Баранский видел в сведении специфики к специализации, посредством которой показывается «основной облик» района.

2. Анализ вузовских учебников по экономической географии (СССР) и их сравнение с современными учебниками.

В настоящем разделе мы рассматриваем пять различных учебников для высшей школы по экономической географии (СССР) для студентов географических, экономических и педагогических специальностей, выпущенных в СССР с 1940 по 1989 г.

Анализируя приведенную таблицу, мы можем выделить следующие основные закономерности структуры вузовских учебников по экономической географии СССР (на основе пяти проанализированных учебников):

Таблица

Сравнительные характеристики структуры учебников
по экономической географии (1940–1989 гг.)

Раздел дисциплины/учебник ³	1,2	4	5	6	7
Объем учебника, стр.	584 ^{4****}	255	407	370	718
Специализация учебника	Геогр.	Экон ⁵ .	Экон.	Экон.	Педаг.
Доля разделов, от суммарного объема					
1. Предмет, история и задачи экономической географии	0%	1,6%	1,5%	3,8%	1,5%
2. Характеристика экономики (хозяйства) дореволюционной России	0%	0%	5,7%	2,4%	1,7%
3. Природные условия, природные ресурсы	3,6%	6,3%	17,0%	2,7%	2,1%
4. География населения	6,3%	2,4%	6,4%	1,9% ⁶	2,9%
5. География хозяйства ⁷ , в т. ч.	28,8%	20,3%	60,0%	80,5%	31,3%
5.1. География промышленности	16,1%	8,6%	28,3%	80,5%	20,1%
5.2. География сельского хозяйства	8,4%	9,0%	19,2%	0%	6,5%
5.3. География транспорта	4,3%	2,7%	12,5%	0%	4,7%
6. Экономические районы России (региональный раздел учебника)	49,3%	65,1%	0%	0%	63,6%

1) все учебники используют традиционную структуру изложения дисциплины (по содержанию отдельных элементов и их последовательность);

2) учебники, ориентированные для студентов-экономистов в 2 случаях из 3 не содержат регионального раздела;

3) во всех учебниках традиционно большую часть раздела о географии хозяйства занимает география промышленности. Роль глав, параграфов, посвященных географии транспорта и сельского хозяйства, существенно меньше. В том числе в одном из рассмотренных учебников этих разделов нет.

Что характерно для периода после 1991 г.:

1) для условий настоящего времени следовало бы ожидать существования множественности концепций (схемы построения изложения учебного курса + теоретических основ), однако изменений после 1991 г. очень мало и учебники очень похожи друг на друга. Исключение, подтверждающее правило – учебники А.Ю. Скопина.

2) даже обнаруживается шаг назад (по сравнению с тем, что было до 1991 г.) – ослабление региональных разделов и, особенно, разделов об охране окружающей среды (его реально нет даже в учебнике, составленном на кафедре эк. и соц. географии России).

3) по-прежнему нет динамики за какой-либо характерный период, позволяющий понять настоящее (допустим, после 1945 г., после 1991 г.

4) социокультурный раздел по-прежнему только как сумма демографических начал и сведений о расселении населения.

5) нет изложения фундаментальной специфики регионов (с характерными, в том числе историческими примерами).

б) теоретические разделы, как правило, отсутствуют или почти не связаны с последующими разделами учебника.

ЭГ безличная – нет драмы идей и драмы людей, которые хорошо бы связать и с задачами курса ЭГ, и с современными проблемами России (например, было бы хорошо, но ничего нет о Н.Д. Кондратьеве). Тогда как у Н.Н. Баранского – элементы сравнения: яркие, специфические черты (природные ресурсы и др.)

В последние годы экономическая география в разных вариантах преподается студентам широкого круга специальностей, в первую очередь географических, педагогических и экономических. Наряду с экономической географией в ее классическом понимании значительную долю дисциплин экономико-географического профиля занимают такие дисциплины, как «региональная экономика (и управление)», «территориальная организация и населения», «экономическая география и региональная экономика», «экономическая география и природопользование». Тем самым, размывается ядро собственно экономической географии, тогда как дисциплина может в большей степени удовлетворить потребности отдельных специальностей. Также развивается круг дисциплин, относящихся к регионалистике – то есть рассмотрению преимущественно общественных процессов во внегеографическом понимании. Сюда можно отнести дисциплины, преподаваемые преимущественно студентам экономических специальностей. Например, такие как «основы регионального управления», «территориальный маркетинг» и др.

Многие «окологеографические» науки, возникшие в частности на стыке экономической географии и других дисциплин находятся в стадии становления. Например, это касается региональной экономики. Это отражается на кардинально различающейся структуре множества появившихся в последнее десятилетие учебников и учебных пособий по данной дисциплине. Причем их число уже давно превышает учебники по собственно экономической географии.

Также стали развиваться и многие другие учебные дисциплины на стыке экономической и общественной географии и негеографических наук, отражая тем самым сохраняющуюся потребность высшего образования в географическом или квазигеографическом компоненте. К таким дисциплинам можно отнести геополитику, геоэкономику, лингвострановедение и др. дисциплины.

Уже 20 лет, с начала 1990-х гг. из вузовских учебников по экономической географии пропали разделы, отражающие социалистический путь развития страны. В частности, исчезли разделы, посвященные особенностям социалистической экономики. Также, видимо в связи с давностью времени исчез раздел, посвященный дореволюционным особенностям хозяйства (царской России). Одновременно появился подраздел или параграф, посвященный краткой эволюции идей и представлений собственно в экономической географии. Начиная с 2000 г., в связи с административными преобразованиями в России региональный раздел во многих учебниках (сейчас их не меньше 30–35%) представлен сеткой федеральных округов, а не экономических районов. То есть экономическая основа экономической географии подменяется управленческой.

В большинстве учебников появился раздел, посвященный географии сферы услуг (которые рассматривались раньше только в качестве услуг транспорта в соответствующем разделе). Также можно отметить, что современные вузовские учебники по экономической географии для студентов-экономистов (авторы (отв. редакторы): Морозова Т. Г., Видяпин В. И., Степанов М. В., Кистанов В. В., Копылов Н. В., Ва-

вилова Е.В., Козьева И.А., Кузьбожев Э.Н. и др.), к сожалению, почти не претерпели изменений в структуре и последовательности изложения материала по сравнению с учебниками советского периода. Чего нельзя сказать о вузовских учебниках по экономической географии, ориентированных на студентов-географов и педагогов.

В постсоветский период сохраняются основные недостатки вузовских учебников ЭГ советского периода:

- важнейшим, как бы интегральным, недостатком является более упрощенный характер изложения вузовских учебников, по сравнению со школьными (если сравнивать вузовские учебники с вузовскими, а школьные со школьными, но иногда школьные учебники оказываются более «продвинутыми», например, те учебники, где авторы В.Я. Ром, В.П. Дронов, В.П. Максаковский, чем учебники для студентов, в особенности экономических специальностей; как ни странно, нередко учебники для будущих географов-педагогов являются в большей степени теоретически насыщенными, чем учебники для географов классических университетов);
- слабая картографическая оснащенность вузовских учебников (в случае учебников по ЭГ для географических специальностей картографические материалы мало или, по крайней мере, не очень сильно, отличаются от школьных; в учебниках по ЭГ по экономическим специальностям обычно картографические материалы отсутствуют);
- по-прежнему в учебниках по ЭГ для вузов не находит отражения современная наука – ЭГ, ее достижения;
- нет внятной характеристики развития регионов и макроэкономических зон России: и в советский, и в постсоветский период регионы мыслятся как «пешки» в решения чуждых им задач на уровне всей страны; современные регионы-доноры и регионы-реципиенты столь же пассивны, как и районы, на территории которых размещается заданный объем производства (район учитывается лишь как площадка, оснащенная ресурсами, но не как географический и социально-экономический индивид);
- если в советский период размещение производительных сил для СССР трактовалось в основном вне мирового контекста (очень слабо – мировое хозяйство и внешняя торговля, и то далеко не всегда, мировые теории и закономерности при изложении отсутствовали), то в постсоветский период региональная политика мыслится без учета специфики России.

Таким образом, вузовская дисциплина «экономическая география (России)» не теряет своей актуальности для широкого круга вузовских специальностей, однако заменяется как более востребованными, так и более «модными» по названию (в меньшей степени по содержанию) регионалистическими дисциплинами.

Библиографический список

1. Экономическая география СССР. Ч. 2. / Под ред. Хрущева А.Т., Калашниковой Т.М., Никольского И.В. – М.: МГУ, 1988. – 288 с.
2. Экономическая география СССР. Ч. 1. / Под ред. Хрущева А.Т., Никольского И.В. – М.: МГУ, 1985. – 296 с.
3. Сидор С.И. Социально-экономическая география СССР: наука и дисциплина. – Минск: Университетское издательство, 1989. – 175 с.
4. Суворова Г.Т. Экономическая география СССР. – М.: Экономика, 1976. – 255 с.
5. Экономическая география СССР. Ч. 1. / Под ред. Бальзак С.С., Васютина В.Ф., Фейгина Я.Г. – М.: Соцгиз, 1940. – 407 с.

6. Брайтерман А. Д. Экономическая география СССР. – М.: Высшая школа, 1965. – 370 с.
7. Экономическая география СССР. Под ред. Никитина Н. П., Прозорова Е. Д., Тутыхина Б. А. – М.: Просвещение, 1966. – 718 с.
8. Баранский Н.Н. Исторический обзор учебников географии (1876 – 1934). – М.: Географгиз, 1954. – 502 с.
9. Баранский Н.Н. Методика преподавания географии. – М., Учпедгиз, 1960. – 450 с.

Примечания

- ¹ Раздел написан при участии д. г. н. М.П. Крылова.
- ² В большинстве случаев это не может быть объяснено типовыми требованиями содержания дисциплин госстандартов по соответствующим специальностям обучения в ВУЗах.
- ³ Номер учебника в столбце соответствует его номеру в перечне литературы.
- ⁴ Суммарно обе части учебника.
- ⁵ Для студентов сельскохозяйственных ВУЗов.
- ⁷ Суммируются три раздела (география промышленности, транспорта, сельского хозяйства).
- ⁸ Небольшая часть учебников по региональной экономике ничем не отличается по структуре и последовательности изложения от учебников по экономической географии.

Львова Е.К. (г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ГЕОГРАФИИ РАЗВИТИЯ (на примере Китая)

Различия в уровне развития стран и территорий внутри одной страны, а также причины их вызвавшие интересуют географов длительное время.

В разделе экономической географии в настоящее время сформировалась соответствующее направление – география развития (development geography).

География развития – это наука, изучающая территориальные закономерности распределения стандартов качества жизни и уровня жизни населения земли и причины их возникновения [1].

Методы исследования экономического развития начали разрабатываться в рамках экономической науки. В наше время география развития пересекается с соответствующей ветвью в экономике – экономикой развития (development economy), и географы пользуются методами, разработанными в рамках экономики. (Экономика развития – это наука, изучающая экономические особенности процесса развития в странах с низким ВВП) [4].

Экономическое развитие – это разнонаправленный и многоплановый процесс, что создает трудности для его изучения.

Одним из самых интересных примеров, страны, которая может быть использована для исследования экономического развития, является КНР. Диспропорции территориального экономического развития Китая, на фоне активного увеличения экономического потенциала, сделали равномерный рост регионов страны сложно реализуемым. Правительство КНР активно осуществляло региональную политику, основанную на теориях, разработанных экономистами для развивающихся стран: теория «кумулятивной причинности» Мюрдала Г. (circular and cumulative causation), [3] теория «накопления и перетечек» развития (backwash and spillovers), гипотеза перевернутой- U Кузнецца (inverted U-curve) [1].

а) Идея «кумулятивной причинности» Суть: процессы накопления вызывают концентрацию определенных отрицательных или положительных факторов на террито-

рии, которые в свою очередь начинают в связи с ростом объема, увеличивать свое положительное или отрицательное влияние на экономическое развитие – реализуется эффект самоусиления. Например, провинция Ганьсу в КНР – горно-пустынная территория, неблагоприятная для развития хозяйства. Хотя в связи с политикой принудительного распределения инвестиций на территории Ганьсу был создан комплекс тяжелой промышленности в 1950-60х гг., предприятия оказались убыточными. С переходом к рыночной экономической системе, долг государственных предприятий накапливается, инвестиций из собственных средств не хватает. Для урегулирования ситуации предприятия начинают увольнять рабочих. Бедность начинает усиливаться. Промышленность развитых территорий (например, провинция Чжэцзян), рентабельна в рыночных условиях. Предприятия создают достаточно прибыли для реинвестирования, а значит повышения эффективности экономики и благосостояния населения.

б) Теория накопления и перетечек предсказывает, что соседство с богатой территорией несет бедной территории большую полезность, чем соседство с бедной. Как предполагают ученые, через определенное время, экономические эффекты начнут распространяться с богатой территории на близлежащие бедные – в виде выноса каких-то производств, расширения инфраструктуры и т.д. За счет этого начинает повышаться благосостояние бедных территорий.

с) Гипотеза Кузнецца состоит в предположении, что накопление богатства территорией для развивающихся стран с высоким уровнем бедности связано на первом этапе с ростом диспропорций в распределении доходов, и даже с увеличением бедности (экономический рост отрицательно влияет на экономическое развитие). Через некоторое время, (второй этап) должен наступить качественный перелом, во время которого экономический рост стимулирует сокращение диспропорций и бедности, т.е. положительно влияет на экономическое развитие.

Эти три теории стали основой для так называемой «теории лестницы», которая формирует структуру долгосрочной стратегии развития Китайской экономики. Территорию страны поделили на три экономических пояса – «ступени». Название происходит из наличия четких границ, отделяющих районы друг от друга – физико-географической и экономико-географической:

1. Каждая ступень имеет разную высоту над уровнем моря и разный уровень экономического развития. Первая – побережье низинная равнина и самая экономически развитая, специализирующаяся на обрабатывающей промышленности. Вторая – плато, менее экономически развитая, центр сельского хозяйства и энергетики. Третья – горная, наименее развитая местность с акцентом на добывающую промышленность (согласуется с теорией кумулятивной причинности).

2. Побережье – наиболее развитая часть КНР и его возможности к росту стимулируются, что вызывает рост диспропорций (Теория перевернутой U). Государство не ограничивает рост уровня благосостояния восточных провинций, так как по достижении определенного, они должны начать позитивно влиять на экономическое развитие второй и третьей ступени лестницы – менее развитые центральные и западные провинции (теория «переливов и перетечек»).

Региональная политика КНР применяется на территории страны уже около 30 лет, поэтому экономико-географы пытаются оценить ее эффективность с помощью экономических методов.

На текущий момент существуют три подхода для определения экономического развития:

- 1) как процесса роста;
- 2) как уровня жизни, который должен быть, достигнут странами, со значительной частью населения проживающей за чертой бедности;
- 3) через оценку уровня бедности и неравенства.

В соответствии с вышеназванными тремя подходами в современной литературе используется три вида методов для оценки экономического развития.

1. Сложные модели для анализа структуры и свойств экономического роста.
2. Комплексный индекс для оценки уровня экономического развития на определенный момент времени.
3. Индексы Джинни или других показателей, позволяющих выявить неравенство и разрывы различных территории по экономическим показателям.

1. На первых этапах термин «экономическое развитие» понимался как процесс экономического роста. Для задач анализа свойств и структуры роста было разработано множество сложных экономических моделей.

Основа моделей – факторное уравнение Кобба- Дугласа [6].

$Y = F(K, L)$, где Y – выпуск, K – капитал, L – труд. Рост экономики представленный, как рост выпуска продукции (ВВП) зависит в этих моделях от нескольких экономических показателей, взятых в определенной пропорции. Базовых показателей влияющих на рост выпуска два: – капитал (или инвестиции) и труд. По мере усложнения моделей авторы добавляют в уравнение другие показатели (экзогенные модели – Солоу, эндогенные модели – Ромер) [6].

В настоящее время экономисты продолжают разрабатывать подобные модели и строить на их основе рекомендации к макроэкономической политике. Однако, в экономической географии эти модели используются мало, так как имеют прогнозный характер и вносят серьезные ограничения в изучение процесса развития наличием только экономических составляющих. Вариантом использования уравнения в рамках географии может быть оценка и сравнение трудоемкости и капиталоемкости выпуска отдельных отраслей внутри страны, или одной отрасли в разных странах. Так для КНР исследователи проводят анализ изменения эффективности и сравнение отраслей хозяйства в период реформ открытости.

Сомнения в том, что экономические индикаторы в состоянии достаточно полно отразить свойства многонаправленного человеческого развития, вызывали продолжительные дискуссии и попытки усложнить расчеты социальными, историческими, географическими технологическими и экологическими показателями.

Первым заявил о необходимости учитывать культурные и политические особенности развития страны для формирования моделей шведский экономист Г. Мюрдал после чего, взгляды экономики и географии на развитие начинают сближаться.

Развитие обретает все более этическую базу для оценки, даже в экономике, в разделе институционализма и нового институционализма. В свою очередь, экономическое развитие начинает включать в себя не только объемные, но и структурные показатели (структура ВВП, занятости и тд).

“Развитие – это процесс, посредством, которого улучшаются политические, социальные и в особенности экономические структуры страны в целях обеспечения благосостояния общества” [1].

Несмотря на то, что экономическое развитие продолжало восприниматься как процесс, потребовались методы для его оценки как уровня благосостояния обще-

ства, достигнутого на определенный момент времени. Уровень нужно измерять относительно каких-то параметров, в связи с этим потребовалось производить сравнения между странами, для чего стали использоваться комплексные индексы

Комплексный индекс экономического развития на определенный момент времени, используется, как инструмент пространственной и исторической оценки экономического потенциала накопленного регионами. Индексы наиболее часто фигурируют в экономико-географической литературе. Они дают возможность сравнивать разные территории на определенный момент времени. Анализ индексов через определенные временные интервалы дает представление о динамике экономического развития.

В настоящее время экономико-географы чаще всего пользуются шестью основными компонентами для определения развития: [7]

1) экономической компонентой (связанной с созданием и справедливым распределением богатства и улучшенных материальных условий жизни);

2) социальной компонентой (измеряемой, как благополучие в сфере здоровья, образования, жилищных условий и занятости);

3) политической компонентой – (охватывающей такие ценности как человеческие права, политические свободы, законные гражданские права человека, и некоторые формы демократии);

4) культурной компонентой – как признание того факта, что культура дает индивидуальность и самоуважение людям;

5) благополучием экологических условий;

6) парадигмой «полноты-жизни», которая относится к системе значений, символов и убеждений индивида, касающихся основного смысла жизни и истории.

Хотя эти компоненты должны давать всеобъемлющую комплексную характеристику процесса и уровня развития страны, методологические сложности не позволяют соединить их оптимальным образом. Поэтому компоненты делят по функциональной полезности на теоретические (6,4,5) и операционные (1,2,3). Среди операционных показателей ученые активнее используют экономические, так как их легче измерить.

К настоящему времени разработано много комбинированных индексов на основе специфических социально-экономических индикаторов, которые, как правило, содержат три главных направления человеческого развития: продолжительность жизни, образование (знания) и стандарты качества жизни. Тем не менее, обилие показателей создает сложности в их выборе и приведению к универсальному согласованному виду развития.

В последнее время ежегодно для оценки экономического развития китайских провинций Программа развития ООН (ПРООН) рассчитывает индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП наиболее проработанный в настоящее время инструмент для определения уровня благосостояния, достигнутого страной.

II. В дополнение к комплексным индексам экономисты разработали еще один способ оценки развития – широко применяющийся в экономической географии для измерения материального разрыва между самыми богатыми и самыми бедными. Метод не дает полного представления об экономическом развитии, так как сближение материального уровня не означает автоматического увеличения развития, но может быть использован вместе с другими методами.

Как показывает исторический опыт КНР, региональная политика принудительного распределения инвестиций между провинциями в 1960–70-х гг. привела к сокращению диспропорций в ВВП между территориями, но в тоже время замедлила общий рост ВВП страны и отрицательно повлияло на общую экономическую отдачу.

Неравенство может быть измерено с помощью коэффициента Джинни, кривой Лоренца. Исследователи пользуются также обобщенными энтропийными мерами неравенства. Например, индекс Тейла – преимущества которого заключаются в том, что он выполняет декомпозицию, то есть раскладывается на межгрупповую и внутригрупповую компоненты, которые в сумме равны значению агрегированного индекса [5].

Для КНР ученые выявили 3 направления существующего социального и экономического неравенства (город-деревня, побережье – внутренние районы, мужчины – женщины).

С накоплением теоретических знаний и методологического аппарата стало возможным измерить эффект «самоусиления», «перетечек развития», а также оценить время наступления «точки перелома» в модели перевернутой U из теорий, используемых в региональной политике КНР [2]. На основе усиленной математической базы сформировались методы «Новой экономической географии» и пространственной эконометрики, которые используют сложные математические модели для изучения экономического развития на территории и во взаимовлиянии с близлежащими территориями.

Экономическая теория оказала и продолжает оказывать сильное методическое влияние на экономическую географию в рамках изучения экономического развития. В то же время последние теоретические наработки в виде моделей «Новой экономической географии» отличаются сильной «географичностью», что говорит об усилении влияния экономической географии на экономическую теорию.

Библиографический список

1. Fisher J Geography and Development: A World Regional Approach, Prentice Hall, New Jersey, 1995, p 17.
2. Fujita M., Krugman P, Venables A.J "Spatial Economy: cities, regions and international trade" The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England.
3. Myrdal G. «Asian Drama: An Inquiry Into the Poverty of Nations Economic theory and underdeveloped regions, Essex, Gerald Duckworth, 1968.
4. Nafziger, E Wayne "Economic Development", fourth edition, Cambridge University Press, 2006.
5. Puga, D. The Rise and fall of regional inequalities, European economic review, 43(2) February, 1999, 303-34.
6. Romer, P. (1986) "Increasing returns and Long-run Growth" Journal of political Economy., 94 1002-37.
7. Tata R.T and Schultz R.R. Variation in human welfare: a new index of development status Annals of the Association of American Geographers., Vol. 78, No. 4 (Dec., 1988) pp. 580–593.

Морачевская К.А. (г. Санкт-Петербург)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Одной из наиболее распространенных в социально-экономической географии форм пространственного таксономирования и подходов к изучению территориальной организации общества является выделение территориальных социально-экономических систем (ТСЭС). По А.Г. Дружинину, под ТСЭС понимаются взаимо-

связанные сочетания природно-ресурсных, эколого-экономических, социодемографических и этнокультурных элементов, целенаправленно развивающихся и функционирующих на определенной территории [1, С. 9]. Изучение самых различных территориальных единиц в терминологии системной организации общества позволяет говорить и о возможности выделения трансграничных ТСЭС (ТрТСЭС).

Тематика изучения приграничных и трансграничных регионов приобрела особую популярность в отечественной географии в начале 1990-х гг., во многом и по сей день сохраняя свою актуальность. В работах отечественных географов середины 1990–2000-х гг. затрагиваются две основные проблемы приграничных и трансграничных регионов: 1) феноменология «нового пограничья» России, выявление и описание его экономико-географических, инфраструктурных, социальных и прочих особенностей; 2) типология новых российских границ. В настоящее время первая из обозначенных проблем – феноменологическая – в достаточной степени исчерпала себя хотя бы потому, что слово «новый» трансформировалось уже из прямого значения этого слова в обозначение комплекса условий и признаков, которыми обладают рассматриваемые территории в пределах России. Второй подход – типологический – проявлялся, в первую очередь, в построении типологий на областном, межобластном или не имеющим привязки к административным границам территориальных уровнях. В то же время переход на более низкий – внутриобластной (районный) – таксономический уровень встречается все еще достаточно редко.

Таким образом, исходными положениями формирования понятия ТрТСЭС являются:

- 1) распространенная в социально-экономической географии практика системного подхода к изучению территорий;
- 2) необходимость построения пространственных интегральных моделей дифференциации территории для целей типологии входящих в нее низовых территориальных единиц и последующего управления ими.

Первой стадией в методике изучения ТрТСЭС является определение границ системы, структурных элементов и связей между ними. Выделяют несколько подходов к определению строения ТСЭС. Учитывая специфику именно трансграничных образований, наиболее целесообразным представляется использование двух – функционально-территориального и классификационно-таксономического. Первый связан с секторно-концентрической дифференциацией территории ТСЭС, с различием качества и разнообразия функций мест внутри системы. Второй – позволяет раскрыть иерархичное строение ТСЭС: выделить социально-экономические системы территории, определить типы социально-экономических систем отдельных иерархических уровней [3, С. 55–56]. Первый подход отражает не покомпонентную (природно-ресурсный, демографический, производственный и пр. блоки) структуру системы, а структуру, состоящую из отдельных территориальных единиц. Подобная структура более подходит для изучения трансграничных регионов в силу особого значения факторов географического положения в социально-экономическом развитии (например, фактора приграничности или периферийности). Второй подход позволяет выделить в структуре системы линейно-узловые элементы в качестве «полюсов» и «коридоров» развития трансграничных связей.

Второй стадией в методике изучения ТрТСЭС является анализ системообразующего отношения. Часто встречается ситуация, когда в приграничных регионах одного государства титульный этнос соседнего составляет значительную долю в

населении. Нередки случаи, когда в силу исторических особенностей формирования и развития территории, в приграничных регионах по обе стороны границы проживает население нетитульного для соответствующей страны этноса. Обе описанные ситуации и приводят к формированию системообразующего отношения для ТрТСЭС – этнического. Данный факт отмечают многие исследователи, в частности, Т.И. Герасименко, подчеркивая, что единство этнокультурного пространства, формирующего как в результате разъединения, так и в результате интеграции по обе стороны границы, является решающим фактором формирования трансграничного региона [4, С. 87-88].

Отличительной особенностью любых общественно-территориальных систем, в отличие от, скажем, природных, является наличие элемента управления. Потому к изучению ТрТСЭС следует отнести также анализ деятельности элементов управления в направлении развития трансграничных связей, составляющий третий этап исследования рассматриваемых систем.

Отойдя от традиционной схемы покомпонентного анализа, мы будем придерживаться схемы анализа по территориальным единицам при оценке различных социально-экономических срезов в ТрТСЭС. Таким образом, четвертой стадией исследования ТрТСЭС и главным предметом в изучении ТрТСЭС выступают внутренняя дифференциация и пространственные особенности их социально-экономического развития. Анализ включит в себя три основных смысловых блока.

1) Одну из частей анализа ТрТСЭС составляет оценка т.н. «функций места» приграничных территориальных единиц как составных частей ТрТСЭС. По А.А. Минцу и В.С. Преображенскому, «место, то есть некоторая часть географического пространства, несет определенную функцию в жизни общества, и, таким образом, удовлетворяет определенную потребность. Набор и порядок функций ограничиваются возможностями места – его свойствами позиционными и физическими. Они же в условиях благоприятной конъюнктуры способствуют зарождению у него новых функций» [5]. Очевидно, что приграничные населенные пункты и районы, исходя, прежде всего, из своих позиционных свойств, имеют определенные функции во внутригосударственном разделении труда и развитии внешних связей. Последнее, в частности, позволяет говорить о системности в сосуществовании приграничных территорий. Общую оценку функций, которыми потенциально обладает территориальная ячейка в связи с приграничным положением, дает анализ потенциальной и реальной транзитности. В данный показатель включается качественная оценка особенностей географического положения и количественная оценка инфраструктурной освоенности (транспортная освоенность, плотность и пропускная способность погранпереходов, показатели уровня развития сферы обслуживания). Частные оценки функций, которыми потенциально обладает приграничная территория или ее часть, дает анализ таких показателей, как доля специфических видов формальной и неформальной занятости в общей структуре занятости населения; уровень доходов населения от занятости, имеющей отношение к осуществлению приграничной деятельности, доля неорганизованных форм торговли товарами из приграничного государства и др.

2) Еще одной важной составляющей анализа ТрТСЭС является оценка концентрации производства и населения на двух уровнях – по административным районам приграничных областей и внутри ТрТСЭС. Выявление территориальных диспропорций по этому показателю позволяет оценить связность системы, которая оценивается как тем более высокая, чем выше концентрация производства и насе-

ления (при отсутствии внутренних барьеров производство и население, как правило, концентрируются в наиболее освоенных зонах).

3) Интегральной характеристикой пространственных особенностей развития ТрТСЭС является анализ функциональной структуры и интенсивности связей, существующих между элементами системы. Интегральность этой характеристики выражается в учете географического взаиморасположения территориальных единиц внутри системы (признаков соседства и близости), институциональных, социально-экономических, инфраструктурных градиентов, способствующие появлению и развитию связующих потоков людей, товаров, капиталов. Наиболее адекватным методом оценки функциональной структуры и интенсивности связей между элементами системы является экспертный опрос (в отношении производственных и административно-политических связей) и опрос населения (в отношении прочих связей).

Построение на основе представленной методики интегральных моделей, отражающих пространственные особенности социально-экономического развития приграничных территориальных единиц и трансграничных связей, позволяет оценить современное состояние и спрогнозировать дальнейшее развитие территориальных социально-экономических систем, формирующихся в трансграничных регионах.

Библиографический список

1. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – 288 с.
2. Бакланов П.Я. Географические границы и трансграничные географические системы // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2006. – С. 4–5.
3. Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Введение в теоретическую географию. – Пермь, 1984. – 84 с.
4. Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. – СПб, 2005. – 235 с.
5. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение // Известия АН. – Серия географическая. – 1970. – №6.

Овсянников А.С., Порошенков Ю.В. (г. Воронеж)

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

На современном этапе развития России одними из важнейших являются территориальные проблемы населения и расселения. Переход нашей страны к рыночной экономике имел своим следствием обострение проблем расселения населения. Это оказалось неизбежным, поскольку ещё К. Маркс считал, что «... всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особые, имеющие исторический характер законы народонаселения» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 646). В условиях плановой государственной экономики действовали другие тенденции расселения населения, которые проявляют себя в современном обществе. Для советской экономики общегосударственные и региональные системы расселения формировались с целью освоения территории страны, создания благоприятных условий для развития ТПК, более равномерного распределения населения и социальной инфраструктуры в пределах экономических районов. Констата-

ция этих тенденций ни в коей мере не отрицает проявления на советском этапе развития страны острейших проблем в сфере населения и расселения.

После распада СССР и приватизации хозяйства, ослабления функций управления страной и регионами резко усилились процессы территориальной концентрации населения за счёт перераспределения населения из сельской местности, мелких и средних городов, что создало проблему выживания российского села, и небольших городов. Даже если исходить не из столь жёсткой марксистской обусловленности процессов расселения способами производства, нельзя не видеть, что явно обозначился миграционный отток населения в агломерации и мегалополисы страны, и с каждым годом растёт удельный вес столичных центров и центров субъектов Российской Федерации. На крайне низком уровне в настоящее время находится государственная поддержка сохранности освоенных территорий в северных и восточных регионах страны. Данная проблема из-за вывода многих территорий страны из хозяйственного использования и увеличения площади слабо заселённых земель угрожает экономической и политической безопасности России. Поэтому проблемы расселения как на государственном, так и региональном уровне требуют нового подхода в их решении.

Современная Россия – страна традиционно массовой миграции населения на разных этапах её развития и различных территориальных уровнях. Управление миграциями населения – это комплексная проблема, поскольку она включает в себя большую и разнообразную совокупность явлений и процессов. Особенно актуальной эта тематика стала во второй половине XX века. Основоположником географии миграций стал В.В. Покшишевский. В своей книге «Население и география» (1978) он отметил главную закономерность территориальной структуры расселения страны – наличие основной полосы расселения, которая включает в себя лесостепную, степную и южно-таёжную зоны с более благоприятными природными условиями для жизнедеятельности населения. Территории южнее и севернее данной полосы менее населены [2]. Европейскую часть РФ, в пределах которой и расположена основная часть полосы расселения, в этом отношении можно сравнивать со странами Восточной Европы. В то же время в условиях постсоветской России северные и восточные районы теряют своё население за счёт его миграции в западные и южные регионы.

Отражением процессов взаимосвязи расселения и территориальной организации хозяйства стала концепция единой сети расселения, разработанная Б.С. Хоревым в начале 70-х гг.. Б.С. Хорев полагал, что развитие региональных систем расселения в первую очередь обусловлено развитием хозяйства, его темпами, структурой и, в особенности, формированием ТПК. В результате такой взаимосвязи население перемещалось в районы интенсивного промышленного развития и нового освоения. Таким образом, в рамках концепции Б. С. Хорева, основным фактором формирования региональных систем расселения выступало развитие экономики и её территориальная организация в виде экономических районов, ТПК и узлов [6]. В целом же данная концепция соответствовала особенностям государственной плановой экономики, в связи с чем она трудно применима на современном этапе развития страны. В то же время концепция единой системы расселения не в полной мере учитывала и агломерационные процессы расселения, которые уже проявляли себя как на глобальном уровне, так и на уровне страны и выражались в концентрации населения в крупнейших городах и агломерациях.

Поэтому, уже в 60-е и 70-е годы XX века актуальной стала проблема развития малых городов. Это связано с тем, что жизнь населения в крупнейших городах осложнялась острыми проблемами, обусловленными неконтролируемым ростом численности их населения, сложностью в управлении, экологическими проблемами, нарастанием социальных противоречий.

Современная теория географии исходит из того, что расселение населения понимается в двух аспектах: 1) как состояние взаимного расположения населённых пунктов на той или иной территории, которое можно зафиксировать на карте;

2) как процесс размещения населения, то есть его перераспределение между отдельными населёнными пунктами и регионами через миграцию населения или появление (исчезновение) тех или иных поселений. На этой основе появилось понятие «сеть населённых пунктов», под которой понимают совокупность поселений на определённой территории [5]. В современной социально-экономической географии в качестве базовой используется системная методология, объектом исследования которой являются территориальные социально-экономические системы (ТСЭС). В географии населения таким общим объектом исследования выступают территориальные системы расселения как совокупность взаимосвязанных населённых пунктов [3]. Поэтому региональное расселение следует рассматривать прежде всего через системную парадигму, поскольку в основе систем расселения лежат устойчивые взаимные связи поселений. Связи обеспечивают функционирование и развитие систем расселения. При исследовании систем расселения выделяют прежде всего производственные и социальные связи.

Производственные связи формируются на основе получения сырья, выпуска готовой продукции, обеспечения трудовыми ресурсами. Социальные связи представлены прежде всего миграционными потоками населения, которые связаны с переменой места жительства. Кроме того, сюда относятся разнообразные связи по линии обслуживания населения. При этом каждая ветвь социального обслуживания имеет свою территориальную организацию. Особое значение на этапе рыночных преобразований приобрела торговля; медицинское обслуживание и система образования. Сеть торговых, медицинских и образовательных учреждений имеет свои территориальные уровни. В условиях рыночной экономики проблематичной становится функционирование сферы культуры. Таким образом, территориальные системы расселения формировались прежде всего под влиянием постоянных и значительных связей. Однако они характеризуются различной интенсивностью в зависимости от расстояния до поселений, что во многом определяет территориальные уровни систем расселения.

В рамках регионального расселения можно выделить три уровня систем расселения: локальный, внутрирегиональный (окружной) и региональный. Локальный уровень системы расселения связан с концентрацией населения в крупных городах, особенно центрах субъектов РФ, которая получила широкое распространение в первую очередь в староосвоенных регионах страны. Локальные системы расселения формируются на основе суточного ритма жизнедеятельности, поэтому они приурочены и к малым, и средним городам, в основном к местным центрам. Внутрирегиональный уровень систем расселения связан с формированием и развитием внутриобластных (внутрикраевых, внутриреспубликанских) районов, которые пока не получили юридического оформления. Эти территории включают несколько муниципальных районов с населёнными пунктами, тяготеющими к сравнитель-

но крупному социально-экономическому центру. Примером такого внутриобластного района в Воронежской области можно назвать Восточный внутриобластной округ, где единственный средний город – Борисоглебск является центром, к которому тяготеет население прилегающих муниципальных районов (Новохопёрского, Поворинского, Терновского, Грибановского).

Для современного периода развития страны необходимо ответить на вопрос, что лежит в основе формирования локальных систем расселения. До 90-х гг. в основе теории развития общества преобладал «экономический детерминизм», то есть все процессы и явления территориальной организации расселения объяснялись прямым влиянием экономических факторов. В рамках такого подхода расселение выступало лишь следствием производства. За развитием хозяйства следовало развитие сети поселений. Но современная Россия характеризуется тем, что в формировании процессов расселения на первый план вышли социальные факторы. Например, г. Воронеж в советское время – промышленный центр всесоюзного значения. В нём строились предприятия, которые в свою очередь требовали создания системы НИОКР, развития сферы образования и подготовки кадров. В итоге сформировалась взаимосвязанная функциональная система города, в которой приток населения шёл за счёт производственной сферы. Но уже начиная с 70-х годов XX века всё большее значение в развитии города получала социальная сфера. На современном этапе роль промышленности в функциональной структуре города постепенно снижается. Воронеж во всё большей степени развивается как сервисный центр.

На расселение населения в прошлом большое влияние оказывали не только экономические, но политические процессы. Приняли государственную концепцию развития страны, в рамках которой происходил сдвиг производства на восток. Основными условиями такого развития выступали избыток трудовых ресурсов в староосвоенных регионах страны, низкий уровень жизни, особенно сельского населения. Поэтому европейская территория страны являлась поставщиком трудовых ресурсов для территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. По мнению В.В. Покшишевского и Л.Л. Рыбаковского, миграция в районы Урала и Сибири с 1926–1939 г. составила 4,7 млн человек. При этом на Дальний Восток за этот же период переселилось около 1 млн человек. Одновременно хозяйственное развитие городов-миллионеров Москвы и Ленинграда привлекло 3 млн и 1.5 млн чел. соответственно. Для снижения уровня неравномерности освоения территории страны шло заселение новых территорий. Поскольку индустриализация страны многие годы шла за счёт перераспределения средств полученных сельским хозяйством, уровень жизни села и города стал резко различаться, что сказалось в послевоенные годы [3].

В послевоенный период почти все территории европейской части СССР стали терять своё население за счёт миграции. Получив право на свободное передвижение, денежную оплату труда и пенсии активная часть сельского населения постепенно перемещалась в крупные города. С этого времени в региональном расселении проявилась тенденция к уменьшению доли сельского населения в общей численности. Продолжала развитие тенденция к увеличению доли крупных городов в численности населения регионов. В определённой степени эти процессы сдерживались за счёт программы экономической и социальной поддержки села в 1970-х гг., а также программ освоения Дальнего Востока, Сибири, территорий стратегического значения.

Современная Россия, в отличие от СССР, в условиях рыночной экономики не располагает материальными ресурсами для освоения территории в масштабах всей страны. Развитие сферы обслуживания во многих моногородах Сибири (Норильск) оказалось для бизнеса не прибыльным. Поменялась территориальная организация хозяйства, особенно промышленности. Например, Дальний Восток сейчас создаёт прямые экономические связи с Японией, Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Стоимость перевозки полуфабрикатов и готовой продукции, а подчас и сырья из восточных в центральные регионы РФ, делает её не конкурентноспособной. Это разрывает единое экономическое пространство страны и её системы расселения населения.

Постсоветский период характеризуется тем, что крупногородские агломерации после некоторой деградации вновь становятся ядрами миграционного притяжения. В крупные города, с одной стороны, «стекается» население со всей территории их регионов, а с другой – жители северных и восточных частей страны переезжают в центральные и южные регионы, в их крупные города, что усиливает концентрацию населения в рамках основной полосы расселения. По нашему мнению на этот процесс влияет целый ряд факторов, именно: многообразие рабочих мест, сравнительно развитая социальная инфраструктура, более благоприятные условия для бизнеса. В крупных городах в основном сосредоточены ВУЗы, в том числе и коммерческие, так как есть потребитель данных услуг. Важное значение для переселенцев из северных и восточных регионов приобретает наличие невостребованных жилых фондов.

Миграция и расселение населения на каждом территориальном уровне имеют свои закономерности, так как это многоступенчатый процесс. Если процессы концентрации населения в крупнейших городах будут продолжаться и дальше, то экономический потенциал территорий страны будет использоваться неэффективно. В условиях современной России возникает необходимость поиска новых методов управления процессами расселения, помимо экономических. В настоящее время формируется новый тип общества среди активной части населения, для которого кроме насущных потребностей (жильё, питание, работа) характерно желание качественно изменить свою жизнь и иметь собственный бизнес, автомобиль и другие блага. Г.М. Лаппо считает, что города – это особая среда: экономическая, духовная, социальная [1]. Город позволяет создавать новые связи и возможности для достижения данных целей. Однако, опасной тенденцией выступает гиперурбанизация на фоне краха российского села.

Концепция регионального расселения на современном этапе должна учитывать сложившееся расселение и как систему, и как процесс, направленный на улучшение социально-экономических условий жизни российского общества на всей территории страны. Для этого требуется привлечь население в небольшие города, сельскую местность и отдалённые территории. Данную задачу можно выполнить, создавая условия, которые соответствовали бы взглядам активной части населения. По нашему мнению, к таким условиям относятся :

- обеспечение благоприятного инвестиционного климата в малонаселённых местах регионов. На этой основе строительство совместных предприятий, включая межрегиональные, что позволит создавать новые рабочие места, жильё и инфраструктуру;
- совершенствование законодательной базы для развития малого и среднего бизнеса, особенно в сельской местности. Нужен комплекс мер, облегчающих

организацию бизнеса и регистрацию фирм. Например, желающие вести дело в сельской местности должны иметь доступ к информации, чтобы знать какие земли можно арендовать или купить. Необходимо снизить налогообложение на начальном этапе их деятельности;

- создание новых рекреационных зон, экономическая эффективность которых не вызывает сомнения.

Следовательно, основным фактором расселения в настоящее время для России является социально-экономический, учитывающий потребности человека. В меняющихся условиях усилия науки должны быть направлены на поиск новых подходов и методов при изучении и оценке процессов расселения.

Библиографический список

1. Лаппо Г.М. География городов / Г.М. Лаппо. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.
2. Покшишевский В.В. Население и география. М.: Мысль, 1978. Практическая демография / Под ред. Рыбаковского Л.Л. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
3. Поросенков Ю. В. Размещение населения СССР: Социально-экономико-географическое исследование / Поросенков Ю. В. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989 – 168 с.
4. Саушкин Ю.Г. Избранные труды / Ю.Г. Саушкин // Под ред. Агирречу А.А. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.
5. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.
6. Хорев Б.С. Территориальная организация общества / Хорев Б.С. – М.: Мысль, 1981. – 320 с.

Осипов В.А. (г. Тюмень)

ИНЖЕНЕРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГРАРНЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СТОИМОСТИ УЧАСТКОВ

Агропромышленный комплекс (АПК) является традиционно проблемным в народном хозяйстве России, и большинство проблем привычно связывают с его экономической неэффективностью. Вместе с тем, хорошо известно, что в доиндустриальный период сельское хозяйство, являясь основой экономики страны, обеспечивало практически все нужды государства, принося громадный прибавочный продукт в результате внутреннего и внешнего товарооборота. Особенно значительный эффект проявился в пореформенный период, вплоть до коллективизации, когда хлебный экспорт стал основой пополнения золотовалютных запасов. Альтернативные им плачевные результаты работы сектора в послевоенный период убеждают нас, что большинство проблем АПК связано не столько с природными условиями, ресурсами и технологиями, сколько со сложившимися в нем социально-экономическими отношениями.

Целью настоящего выступления является рассмотреть совокупность социально-экономических подходов, позволяющихкратно повысить эффективность сектора и избежать его убыточности. Выступление построено на материалах выполнения гранта в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

В основу исследования положены теории дифференциальной ренты, агропромышленных комплексов (АПК) и энергопроизводственных циклов (ЭПЦ).

Экономическая рента представляет собой излишек, создаваемый ресурсом, и извлекается независимо от трудового вклада человека. Это постоянный источник дохода, размер которого может меняться в зависимости от внешних обстоятельств. Извлечение ренты непосредственно связано с закреплением ресурса в собственность. Данное обстоятельство теснейшим образом связывает рентополучателя с политической системой, предполагает обоюдные обязательства собственника и государства. Передавая ресурсы в собственность, и поддерживая право собственности, государство само извлекает ренту в виде налога. Отсюда следует, что право собственности на ресурсы не является абсолютным, поскольку, практикуя раздел ренты, государство выступает сособственником ресурса.

Ресурсы являются факторами производства, т.е. тем, без чего производство невозможно фактически. Собственно, поэтому они и являются источником ренты, являясь ограниченными и образуя монополеобразную ситуацию. К ресурсам относятся природные, трудовые, финансовые, технологические и информационные. Первые два особенно тесно связаны с экономической географией, поскольку закреплены не только в экономическом, но и реальном географическом пространстве. Аграрный сектор наиболее удобен для рентного анализа, как имеющий повсеместное распространение. Даже известный противник рентных отношений К.Маркс, выбросивший её (и прибыль) из догмы А. Смита, не смог сделать этого в сельском хозяйстве, поскольку это бы противоречило здравому смыслу и поставило бы всю теорию под шквал критики.

В аграрном секторе рента особенно ярко проявляется в дифференциальном виде, хотя местами на планете сохранились проявления монопольной аграрной ренты. Суть дифференциальной ренты состоит в том, что пригодные для производства земельные участки:

- а) делятся (условно) на «лучшие», «средние» и «худшие» и;
- б) «лучших» и «средних» не хватает в связи с ростом населения и приходится осваивать все «худшие» и «худшие».
- в) поскольку равновесная цена аграрной продукции отражает замыкающие затраты на «худших» участках, все «лучшие» по сравнению с ними приносят излишек, называемый дифференциальной рентой.

Вторым условием получения аграрной ренты является альтернативная стоимость земельных участков. Смысл этого термина состоит в том, что варианты использования участков под разные культуры существенно различаются по эффективности. Смысл термина «альтернативный» состоит в том, что участок, занятый под одно пользование, не может одновременно быть использован под другое пользование. Одно исключает другое. Поэтому всегда существует скрытая цена участка, иногда в разы превышающая известную. Другая сторона этого явления состоит в том, что при множестве альтернативных стоимостей всегда может быть выбрана оптимальная, например, безубыточная. Любой участок, даже «худшего» качества, может приносить ренту, если как следует поискать в «базе данных» альтернативных стоимостей. В этом аспекте убыточность сельского хозяйства предстает как миф, рожденный плохим использованием информации в управлении.

Третье условие – местоположение земельного участка. Это – всегда негативный аспект землепользования, поскольку затраты на транспортировку материальных ре-

сурсов и вывоз продукции всегда вычитаются из дифференциальной ренты. В России многие плодородные участки брошены или используются очень плохо из-за неразвитости транспортной сети. Здесь главной задачей является развитие инфраструктуры, обеспечивающей снижение транспортных издержек. Другой вариант – перевод менее транспортабельных грузов в более транспортабельные. Примером может служить развитие очагового животноводства с посевами фуражных культур. «Продукция» с таких очагов вполне может добираться до мест переработки «собственным ходом». В этой связи следует напомнить, что быстрое развитие ж.д. сети в пореформенной России напрямую было связано с соединением таких очагов с рынками сбыта, включая мировые, и приносило казне громадные доходы в золотой валюте.

В советское время, в связи с отсутствием частной собственности на землю, практическое использование рентных отношений фактически прекратилось, хотя еще в 1960-е гг. РосГИПРОзем отражал расчеты по ренте в своих проектах. Окончательно последние были устранены введением концепции «общественно-необходимых затрат» на основе предложений акад. С.Г. Струмилина. Сформировался печально известный затратный подход к оценке земель.

В постперестроечный период, с закреплением в Конституции РФ частной собственности на землю, возобновились кадастровые работы, использующие рентный подход, в основном завершённые к настоящему времени. Следует отметить, что Кадастр и рыночная оценка представляют собой значительно различающиеся вещи. Кадастр фиксирует собственность физического или юридического лица на участок и выполняет фискальную роль определителя суммы налога. Кадастровая оценка неизменна, поскольку устанавливается по преобладающему в данной местности традиционному аграрному использованию земель. Рыночная оценка зависит от многих факторов и как правило не совпадает с кадастровой. Её переменными выступают цены на продукцию, изменяющиеся затраты на производство и транспортировку, ставка ссудного процента банка.

К сожалению, в настоящее время не сложилось приемлемой методологии рыночной оценки аграрных участков. Предлагаемые экономистами формулы и методики отягощены частными деталями и малоприменимы в практической работе. Автором, в рамках проводимого исследования, использована простая и логичная формула расчета ренты английского географа П. Харгетта:

$$R = Y(C - Z) - УДТ,$$

где R – рента, Y – урожайность, C – цена произведенной продукции, Z – полные удельные затраты на производство, D – дальность перевозки, T – транспортный тариф. Первая часть формулы характеризует ренту по производительности, вторая – ренту по местоположению.

Собственно цена участка определяется по общепринятой формуле:

$$P = R \cdot 100\% / S.$$

Здесь P обозначает удельную цену участка, S – ссудный процент банка по долгосрочным депозитам.

Проведенное нами исследование было направлено на определение возможности повышения экономической эффективности ведения сельского хозяйства на

примере юго-запада Тюменской области (7 административных районов вокруг областного центра). Для этих целей путем дешифрирования космоснимка была составлена типологическая ландшафтная карта М 1: 100 000, на которой было выделено порядка 400 типов местности. Тип местности – это однородная в аграрном отношении территория. Дробность карты позволяла отделять используемые под пашню типы от остальных, включая заброшенные. Общая площадь пригодных к ведению сельского хозяйства земель составила порядка 20 тыс. кв. км.

Для ведения базы данных и последующего манипулирования с ней был закуплен программный комплекс ArcInfo с необходимыми модулями. Сама база данных стоилась в общедоступном приложении Microsoft Excel. В строках таблицы были отражены ландшафты и типы местности, в столбцах – типы использования (культуры). По каждой культуре, в рамках столбца, были рассчитаны рентные показатели. В итоговой части производилось их произведено сравнение. Результат оказался ошеломляющим. Использование земель под культуры с максимальными рентными показателями создавало добавочный чистый годовой доход (в дополнение к традиционному пользованию) более 50 млрд. руб., а кадастровая оценка земель оказалась заниженной на 0.5 трлн. руб. (S принят 10%).

В дальнейшем, работа с базой данных показала, что этот эффект относится к всей площади экспериментального района, реально используемая часть которой составляет порядка 20%. Соответственно, рентный доход от альтернативного использования снижается до 10 млрд. руб., что, тем не менее, сопоставимо с нефтяной промышленностью. С другой стороны, применяемая методика позволяет оценивать ныне неиспользуемые участки и производить экономические расчеты эффективности инвестиций в АПК. Именно этого требует Приказ Минэкономразвития России от 20.09.2010 № 445 «Об утверждении методических указаний по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения». Применение модуля Arc Publisher позволяет строить любые оценочные карты исследуемой территории.

В АПК природная рента создается один раз в нижнем звене и впоследствии перераспределяется. Первым рентополучателем выступает государство, взимающее свою долю через земельный налог. Другая часть ренты по производительности поглощается местоположением. Значительная доля изымается в цепочке переработки «от поля до прилавка». В совокупности, мы имеем полноценный агропромышленный цикл Н.Н. Колосовского, который может быть исследован соответствующими методами.

Структура ЭПЦ исследуется стандартными методами, апробированными еще в 1980-е гг. Путем квантификации расходных (технологических) коэффициентов между смежными производствами последовательной переработки сырья, строится результирующая однопродуктовая матрица типа «затраты-выпуск», представляющая собой модель, способную обращать процесс «от прилавка до поля». Другими словами, её применение не только делает производственный и экономический процесс «прозрачным», но и позволяет рассчитать потребность в земельных угодьях исходя из рыночной ситуации. В настоящее время формируется компьютерная программа реализации модели.

Еще одной задачей является проектирование территориальных кластеров АПК (локальных АПК), состоящих из пространственно обособленных стадий ЭПЦ. Необходимость таких расчетов обусловлена низкой транспортабельностью первичной аграрной продукции, а также стремлением к оптимизации масштабов производства. Её решение мы видим в правильной постановке транспортно-распределительной задачи линейного программирования на существующей транспортной сети. Одно-

временно может быть решена обратная задача – реконструкции инфраструктуры и отдачи капиталовложений.

По нашему мнению, совокупность этих задач может значительно улучшить экономическую ситуацию в агропромышленном комплексе, развивающуюся под влиянием жестких рыночных ограничений: практически полной неэластичности предложения земли, низкой эластичности спроса на аграрную продукцию, колебаний ставки банковского процента и плохо прогнозируемых изменений цен на иные, используемые в производстве ресурсы и материалы.

Пирожник И.И. (г. Минск)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БЕЛАРУСИ

Актуальной задачей экономико-географических исследований на современном этапе является изучение трансформации пространственной структуры хозяйственного и социального комплексов стран с переходной экономикой в условиях усиливающихся процессов глобализации и региональной интеграции. Важным направлением совершенствования территориальной организации социально-экономического комплекса Беларуси остается преодоление диспропорций в уровнях развития регионов разного ранга и различий в уровне жизни населения. Несмотря на длительную практику государственного регулирования по выравниванию уровня социально-экономического развития регионов, в условиях рыночной трансформации они, в Беларуси, как и большинстве стран с переходной экономикой, усугубляются. Проведенные Л.В. Козловской расчеты интегральных индексов (на основе восьми частных среднелюдских показателей) социально-экономического развития регионов Беларуси [1, с. 62-63] показывают (табл. 1), что столичная агломерация Минска, вместе с Минской и Гомельской областями, занимают лидирующие позиции в рейтинге регионов, Гродненская и Витебская сохраняют позиции устойчивых «середняков», а Брестская и Могилевская ухудшили свои позиции за период постсоциалистической трансформации.

Таблица 1

Динамика уровня социально-экономического развития регионов Беларуси
в 1990–2008 гг.*

Регионы (области)	Индекс интегрального уровня социально-экономического развития по отношению к среднереспубликанскому (РБ = 1,000)		
	1990 г.	2000 г.	2008 г.
Брестская	0,975	0,890	0,886
Витебская	1,007	0,987	0,990
Гомельская	1,011	0,990	0,999
Гродненская	1,013	0,961	0,982
г. Минск	1,160	1,345	1,301
Минская	0,989	1,045	1,040
Могилевская	1,012	0,881	0,907

*Составлено по Л.В. Козловской [1].

Таблица 2

Индикаторы уровня СЭР и рейтинг регионов Беларуси в 2008 г.*

Среднедушевые индикаторы уровня СЭР	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Человеческий капитал	5	4	3	6	1	7	2
Промышленность	3	7	2	5	1	4	6
Сельское хозяйство	2	5	4	1	7	6	3
Инвестиционные и финансовые ресурсы	5	6	3	4	2	1	7
Научный и инновационный потенциал	5	4	2	7	1	3	6

*Составлено по С.С. Балюк [2].

При этом диспропорции между лидирующим регионом (г. Минск) и аутсайдером (Брестская область), которые в 1990 г. составляли 1,19 раза увеличились к 2008 г. до 1,47. Экономический анализ уровня развития отдельных секторов хозяйственного комплекса по областям показывает [2, с. 11-12], что в последний период ухудшились позиции в промышленном комплексе Витебской области, низкий инновационный капитал и неустойчивое финансовое положение имеет Могилевская область, последние позиции по уровню развития человеческого капитала занимают Гродненская и Минская области, замыкают рейтинг по уровню развития малого бизнеса западные приграничные регионы (Брестская и Гродненская области), при этом, несмотря на приграничное положение с ЕС, Брестская область занимает последнее место по уровню развития внешней торговли (табл. 2).

Вследствие различий в достигнутом уровне социально-экономического развития регионов, в 2009 г. среднедушевые денежные доходы населения в г. Минске в 1,57 раза превышали среднереспубликанские, а в Гомельской, Брестской и Могилевской составляли 0,82-0,84 среднего уровня по Беларуси. Благодаря активной социальной политике государства, за период с 2000 по 2009 г., удельный вес населения Беларуси с уровнем доходов ниже бюджета прожиточного минимума удалось снизить с 41,9% до 5,4%. Внутри областных регионов, более высокий уровень начисленной номинальной заработной платы отмечается в 11 крупных городах и индустриальных центрах с числом жителей более 100 тыс. человек, а также в 12 индустриально-аграрных районах с крупными промышленными предприятиями (Минский, Дзержинский, Солигорский, Смолевичский, Мозырский, Жлобинский, Речицкий, Светлогорский, Гродненский, Волковысский, Березовский, Чашникский) [3, с. 101–121]. При этом уровень рентабельности реализованной продукции, работ и услуг по областным регионам колебался в 2009 г. от 12,5 % в г. Минске до 17,6 % в Гродненской области, при среднем показателе по стране 13,5 %. При этом удельный вес убыточных предприятий (21,7 % в среднем по стране) составлял в Могилевской области 13,5 %, а в г. Минске достигал максимума – 29,5 % [3, с. 450–459]. Приведенные примеры показывают, что диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов сохраняются, достигнутый уровень жизни населения в регионах частично выравнивается мерами активной государственной социальной политики, не всегда учитывающей достигнутый уровень экономической эффективности производственной деятельности в ре-

гионах. Специалисты по региональному развитию отмечают, что главной причиной сохраняющихся диспропорций в уровне развития регионов является высокая экономическая эффективность процессов территориальной концентрации производства и населения [1]. В условиях дефицита инвестиционных ресурсов в регионах, неблагоприятной структуры человеческого капитала вследствие старения (особенно сельского) населения, активные меры региональной политики требуют эффективного внедрения инновационных программ развития регионов, увязанные с программами глобальных механизмов развития и региональной интеграций в рамках Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана.

Для обеспечения экономического роста Беларуси в 10 % в 2011–2015 годах, необходимо с помощью привлечения внутренних и иностранных инвестиций продолжить ускоренную модернизацию ключевых отраслей. С использованием концепции «обгоняющей модернизации» экономической программой развития предлагается, с учетом традиционно высокого в Беларуси уровня НИОКР и повышения эффективности инновационной системы, создать и предложить мировому рынку собственные уникальные изделия и товары [4–5].

Предстоящая комплексная работа по совершенствованию инновационной системы и строительству конкурентоспособной экономики в Беларуси должна включать динамичное продвижение по следующим ключевым направлениям:

■ 1 – адаптация к процессам глобализации и региональной интеграции с комплексом мер посткризисного регулирования

Глобализация рынков товаров и услуг стала весьма эффективным инструментом установления единых общемировых стандартов производства. Она заставляет государства, которые стремятся выйти на передовой мировой уровень, постоянно подстраиваться под запросы международных рынков и все интенсивнее экспортировать свои товары, обменивая их на интеллектуальные товары и услуги развитых стран. Таким образом, последние получают интеллектуальную ренту, а остальной мир производит трудоемкую продукцию, используя дешевый и тяжелый труд в основном в отраслях материального производства. По общему индексу глобализации (табл.3) Беларусь пока уступает членам Таможенного союза и находимся на 109-м месте в мире. Невысокое место по индексу экономической глобализации (117-я позиция) обусловлено низким уровнем текущего и накопленного потоков прямых и портфельных иностранных инвестиций. Отрицательно сказывались также и высокие налоги на внешнеэкономическую деятельность из-за навязанных Россией в 2007–2009 годах сложных схем взимания вывозных пошлин на нефть и субсидирования ее переработки. Вместе с тем динамика белорусского экспорта и 44-е место Беларуси в мире по этому параметру (если ЕС брать за целое) подтверждает правильность многовекторного внешнеэкономического курса страны. Чтобы обратить себе на пользу глобализацию, нужно стать полноправным игроком на мировом рынке инноваций, повысить наукоемкость ВВП, увеличить долю интеллектуальных услуг и высокотехнологичных товаров в экспорте [4].

■ 2 – строительство современной рыночной инновационной системы

От инновационной системы страны зависит эффективность использования человеческого капитала. Современная экономическая наука определяет инновационную систему как сочетание рыночных и нерыночных механизмов, направлен-

Таблица 3

Индекс глобализации в странах Таможенного союза (2010 г.)

Индикаторы глобализации	Мировой лидер	Беларусь	Россия	Казахстан
Экономические	Сингапур (97,48/1)	46,24/117	58,00/92	69,78/55
Социальные	Швейцария (94,94/1)	61,55/62	68,82/39	48,01/105
Политические	Франция (98,44/1)	45,03/149	85,38/42	67,78/95
Общий индекс	Бельгия (92,35/1)	51,88/109	68,91/42	60,84/73

*Составлено по М.М. Ковалеву [4].

ных на оптимизацию производства, накопление, хранение и использование новых знаний в интересах устойчивого роста экономики путем институциональных перемен в государственном и частном секторах. Инновационную систему Беларуси Всемирный банк пока оценивает невысоко – 137-е место из 146 стран мира, входящих в рейтинг. Планируемое форсированное увеличение госрасходов на НИОКР в 2011–2015 годах призвано повысить предложение научных разработок на рынке знаний, при этом необходимо повысить спрос отечественных организаций на продукты труда белорусских ученых, а это можно сделать только децентрализовав инновационный цикл «наука – разработки – производство».

Создание современной рыночной системы требует также дальнейшего совершенствования рыночных отношений и условий ведения бизнеса. Следует отметить, что Беларусь по общему режиму ведения бизнеса существенно улучшила свои позиции в рейтинге (табл. 4), но важные для инновационных фирм позиции (ликвидация – 74-е место, защита инвесторов – 109-е, получение кредита – 113-е) требуют существенных улучшений.

Основными субъектами инновационной деятельности должны стать предприятия. Для этого предлагается децентрализовать инновационные фонды, отменить статус налога для инновационных отчислений и дать право частным фирмам и большинству госпредприятий самостоятельно распоряжаться этими средствами, но исключительно в инновационных целях. Государство как собственник госпредприятий может оставить за министерствами (концернами, холдингами) право создавать централизованные инновационные фонды и коллективно определять направления их использования. Однако при этом должно соблюдаться неперемное условие – на инновационные деньги создаются отечественные технологии и изделия [4].

В 2011–2015 годах для «рыночного сдвига» национальной инновационной системы предлагается при всех валообразующих предприятиях (холдингах) создать зоны развития высоких технологий (ЗВТ) с единым льготным режимом инвестирования (налогообложения). Иностранному инвестору в ЗВТ будет предоставлен «зеленый коридор». ЗВТ будут включать в себя инкубаторы инновационного бизнеса, венчурные фонды, совместные с университетами и транснациональными корпорациями научно-производственные центры.

■ 3 – развитие человеческого капитала высокого качества

Главным достижением XX века явилось повышение в 50 раз производительности работников физического труда, а главной задачей современного этапа в XXI веке является подготовка «работников знаний» с высокой производительностью умствен-

Таблица 4

Рейтинг условий ведения бизнеса в странах Таможенного союза
(по оценкам Всемирного банка)

Показатели	Белоруссия		Казахстан	Россия
	2007	2010	2010	2010
Простота ведения бизнеса	129	58	63	120
Регистрация предприятий	148	7	82	106
Получение разрешений на строительство	84	44	143	182
Наем рабочей силы	31	32	38	109
Регистрация собственности	96	10	31	45
Кредитование	171	113	43	87
Защита инвесторов	142	109	57	93
Налогообложение	175	183	52	103
Международная торговля	113	129	182	162
Обеспечение исполнения контрактов	36	12	34	19
Ликвидация предприятия	91	74	54	92

*Составлено по М.М. Ковалеву [4, с. 64].

ного труда. Индекс человеческого капитала, который измеряет ООН, является производной функцией трех показателей: ВВП по паритету покупательной способности на душу населения, продолжительность жизни и уровень образования (грамотность и охваченность средним образованием). В соответствии с «Докладом о развитии человека» (2010 г.), опубликованным Программой развития ООН, Беларусь по показателю уровня социально-экономического развития стран – индексу развития человеческого потенциала – передвинулась на 61-е место с 68-го, которое она занимала в предыдущем году. При этом Беларусь опережает все страны СНГ и входит в группу государств с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Цель следующей пятилетки по его развитию – выйти на 50-е место в мире. Главным сдерживающим фактором выступает низкая продолжительность жизни населения, особенно, белорусских мужчин. Более детальные измерения качества человеческого капитала применяются Всемирным банком в виде индекса образования, который учитывает охваченность высшим образованием (у Беларуси здесь 30-е место), включая долю студентов по инженерным и естественнонаучным специальностям (примерно 35-е место). Современные достижения стран по строительству экономики знаний оценивает индекс экономики знаний Всемирного банка. Несмотря на высокие значения в Беларуси индексов образования (30-е место), знаний (52-е место), инноваций (58-е место), информационно-коммуникационных технологий (80-е место), в общем рейтинге экономики знаний она находится только на 73-й позиции из-за низкой оценки ее экономического и институционального режима (137-е место) [4].

Развитие человеческого капитала невозможно без последовательной государственной политики по повышению уровня жизни населения. За истекшее пятилетие 2006–2010 гг. был достигнут рост реальных денежных доходов населения на 75%, заработной платы – на 59%, пенсий по возрасту – на 58%. В стране созданы возможности для того, чтобы люди в процессе трудовой деятельности могли обеспечивать себе приемлемый, растущий уровень дохода. В целом политика Беларуси в области обеспечения основных социально-экономических прав и гарантий соответствует высоким международным стандартам, что получило соответствующее

Таблица 5

Сальдо баланса торговли услугами Беларуси, млн. долл.

	2005 г.	2008 г.
Транспортные услуги	847	1700
Поездки	-48	-307
Финансы, лизинг, роялти	-40	-152
Другие	365	419
Всего	+824	+ 1660

*Составлено по С.М. Борисову [6, с.60].

признание в мировом сообществе. В частности, по данным рейтинга национальных бюджетов Всемирного банка, Беларусь среди стран бывшего СССР заняла в нем самое высокое место (53-е) и ежегодно тратит на поддержку уровня жизни населения 3,9 тыс. долларов США в расчете на каждого жителя. Средний уровень бюджетных расходов на душу населения по миру равен 4,87 тыс. долларов, в России (73-е место) – 2,46 тыс. долларов [5].

■ 4 – трансформация отраслевой структуры экономики и переход к постиндустриальной стадии с ускоренным развитием сферы услуг

Основным признаком постиндустриального общества является преобладание сферы услуг в структуре производимого ВВП страны (более 50 %) . Важно при этом, чтобы государство концентрировалось на современных наукоемких, с высокой добавленной стоимостью услугах: информационно-компьютерных (Индия), финансовых (Швейцария, Люксембург), транспортно-логистических (Германия), технологических и образовательных (США). Динамика постиндустриализации показывает, что Беларусь, учитывая ее географическое положение, должна уделять больше внимания сектору современных услуг (табл. 5). Хотя цифры свидетельствуют, что отдельные сектора развиваются на рыночных принципах и весьма динамично: так, за пять докризисных лет экспорт транспортно-логистических услуг вырос до 3 млрд. долларов, экспорт софтвера – почти в 10 раз до 160 млн. долларов, по официальным данным, и до 500 млн. долларов, по экспертным оценкам. Развитию же секторов финансовых и технологических услуг в следующей пятилетке следует уделить максимум внимания, поскольку они отстают. В 2009 году чистый экспорт финансовых услуг составил минус 60 млн. долларов, а технологических (лицензии, роялти) – минус 62 млн. Долларов [4].

■ 5 – информатизация и строительство сетевой экономики (сетевая реструктуризация производств и цепочек поставок-сбыта);

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) способствуют становлению экономики знаний, обеспечивая их высокую мобильность. ИКТ позволили быстро и дешево передавать огромные объемы информации в графическом и текстовом форматах, аудио- и видеоматериалы, что уменьшило транзакционные издержки компаний (e-business), повысило прозрачность рынков (маркетинговые интернет-порталы), снизило барьеры для входа на рынок, уменьшило значение пространственного и временного факторов. Наиболее авторитетный рейтинг Международного телекоммуникационного союза (ИКТ-индекс) довольно высоко

(55-е место) оценивает белорусскую ИКТ-инфраструктуру, сравнительно высокое (64-е место) имеет Беларусь и в рейтинге электронного правительства [4].

■ 6 – устойчивое развитие территорий и активная региональная политика

Классическая формулировка устойчивого развития, предложенная ООН, определяют, что это развитие, которое «позволяет удовлетворить потребности нынешних поколений, не нанося при этом ущерба возможностям, оставляемым в наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей». Концепция устойчивого развития призвана соединить задачи экономического роста с сохранением природной среды для будущих поколений. Дело в том, что высокий рост ВВП при безудержной эксплуатации природной среды приводит к падению будущего благосостояния. Важен не сам по себе экономический рост, а качественный рост, который сегодня измеряют индикатором прогресса (GPI – Genuine Progress Indicator, или просто «зеленый ВВП»). Поэтому в следующей пятилетке нужно добиваться не просто выравнивания ВВП наших регионов, но именно сбалансированного устойчивого роста региональных GPI [4].

В Докладе Всемирного банка о мировом развитии за 2009 г. отмечалось, что важным фактором экономического развития регионов и городов являются пространственные аспекты экономической деятельности и действие ряда экономико-географических факторов. Достигнутый уровень территориальной концентрации производства и населения в трех мирохозяйственных центрах (Северная Америка, ЕС, Япония) позволяет рекомендовать более широкое внедрение пространственных механизмов активизации экономического роста. В условиях экономической трансформации странам Центральной и Восточной Европы, в том числе и Беларуси, следует уделять большее внимание экономико-географическим процессам направленным на:

1) обеспечение более высокой плотности «экономической массы на единицу площади», усиление территориальной концентрации экономической деятельности и повышение её географической компактности (что закладывается в ряде моделей поляризованного «центр-периферического» развития, программах трансграничного сотрудничества, развития еврорегионов, Свободных экономических зон);

2) сокращение расстояний не столько в аспекте географической близости, сколько в категориях сокращения затрат и времени на преодоление пространства при перемещении капиталов, товаров, услуг, трудовых и информационных ресурсов;

3) ослабление разобщенности между странами, регионами, городами и поселениями путем упрощения процедур пересечения не только государственных, административных или географических барьеров, но, в первую очередь, ликвидация экономических (таможенных, визовых, налоговых), культурных, языковых и иных ограничений.

Многие белорусские ученые-регионоведы склоняются к мнению о необходимости дальнейшего совершенствования государственной региональной политики. При этом в качестве наиболее общей тенденции, по их мнению, целесообразно обеспечить сокращение прямого вмешательства государства в развитие региональных и местных сообществ и создать предпосылки для делегирования полномочий в решении вопросов локального масштаба из центра на места [7-8].

В рамках тенденции сокращения прямого вмешательства государства в социально-экономическую практику регионов и их развитие предлагается акти-

визировать следующие направления совершенствования государственной региональной политики:

1) перенос приоритетов от доминирующей практики централизованного перераспределения государственных ресурсов между административно-территориальными единицами на стимулирование структурных преобразований в самих регионах, обеспечение максимально эффективного использования внутренних материальных, финансовых и трудовых ресурсов областей, городов и поселений, роста экономической активности населения проблемных регионов;

2) обеспечение относительной финансовой самостоятельности регионов путем укрепления системы региональных финансов, местных бюджетов и совершенствования межбюджетных отношений;

3) сокращение затрат республиканского бюджета на реализацию регионально ориентированных, зачастую дублирующих мер, реализуемых в рамках отраслевых и межотраслевых программ практически всеми республиканскими органами, с направлением соответствующих средств на разработку и реализацию небольшого количества, но финансируемым в достаточном объеме, региональных программ, имеющих государственное значение;

4) активизацию реформы в области местного управления и самоуправления, нацеленной на повышение роли местных органов в решении региональных проблем, при которой регионы и местное население должны иметь широкие возможности выбора путей своего собственного развития, участия в принятии решений по всем социальным, экономическим, политическим и культурным вопросам местного значения.

Особого внимания заслуживает система принципов, на которых основывается региональная политика Европейского союза (принципы концентрации, партнерства, планирования, дополнительности и субсидиарности) [9]. Эти принципы с успехом могут быть использованы на национальном уровне в странах с переходной экономикой в модифицированном виде. Все вышеперечисленные меры по децентрализации управления регионами, несомненно, относятся к комплексу важнейших направлений по повышению эффективности государственной региональной политики и совершенствованию территориальной структуры социально-экономического комплекса страны и отдельных регионов. При этом некоторые либеральные экономисты [10] высказывают мнение, что замедление, а тем более отказ страны от включения в процессы глобализации и создание рыночной экономики с доминированием частной собственности и приватизацией белорусских предприятий крупными зарубежными ТНК, не способствует повышению конкурентоспособности экономики Беларуси и её отдельных регионов. На наш взгляд [11], стратегическая задача для Беларуси состоит в том, чтобы используя экономико-географические механизмы территориального развития, укрепить свой геоэкономический потенциал настолько, чтобы мировые глобализационные и интеграционные процессы не стали для нее разрушительными и она участвовала бы в них на взаимовыгодных, равных условиях с другими государствами.

Библиографический список

1. Козловская Л.В. Географический аспект в прогнозах и программах социально-экономического развития Беларуси // Вестник Белорусского университета. – Серия 2. – 2010. – № 1. – С. 60–65.
2. Балюк С. С. Формирование регионального народнохозяйственно комплекса (на примере Гродненской области). Автореф. дисс. канд. экон. наук. – Минск: БГУ, 2010. – С. 11–12.

3. Регионы Республики Беларусь. Стат. сб./Ред. колл. В.И. Зиновский и др. – Минск: Нац. стат. к-т, 2010. – 800 с.
4. Ковалев М.М. Будем строить экономику знаний // Экономика Беларуси. – 2010. – № 3. – С. 62–66.
5. Червяков А., Богданович А., Грибоедова И. Новое качество экономики – новое качество жизни населения // Экономика Беларуси. – 2010. – № 4. – С. 6–15.
6. Борисов С.М. Платежный баланс Белоруссии. - М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 99 с.
7. Фатеев В.С. Перспективные направления совершенствования региональной политики и местного самоуправления в Республике Беларусь // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы IX Междунар. науч. конф. в 4 т. Т.1. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2008. – С. 66–78.
8. Фатеев В.С. Глобальный кризис, его региональное преломление и перспективы развития регионов и городов Беларуси // Конкурентоспособность предприятий и регионов в глобальной экономике: сб. науч. ст. в 2 ч. Ч.1. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 187–193.
9. Ladysz J. Polityka strukturalna Polski i Unii Europejskiej. – Warszawa: PWE, 2008. – S. 127–175.
10. Злотников Л. Опасна ли глобализация для Беларуси? // Малый и средний бизнес Беларуси. – 2006. – № 24. – С. 3–8.
11. Пирожник И.И. Геополитическая динамика современного мира: Геополитическая ориентация Беларуси // Фокус (Минск). – 2007. – № 4. – С. 3–9.

Попкова Л.И. (г. Курск)

МЕТОДИКА ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Особое место в современных исследованиях принадлежит новому приграничью, как вследствие новизны самого явления, так и в силу того, что на этих территориях возник ряд проблем, в том числе и проблем изучения.

Во-первых, необходимо углубленное исследование территориальной структуры, выявление территориальной дифференциации приграничного пространства. Решение этой проблемы связано с определением интеграционного потенциала территории, для чего обязательно выделение непосредственного приграничья, рассмотрение опорного каркаса расселения, поскольку города-лидеры, обладающие наибольшими возможностями для межгосударственного сотрудничества, и должны быть организаторами этого процесса.

Во-вторых, это выявление проблем, которые имеют общее значение для обеих сторон или на одной стороне, но при целесообразности привлечения усилий и другой стороны. К ним относится, например, совместное решение вопросов, связанных с охраной окружающей среды, рациональным использованием лесных и водных ресурсов, оказанием взаимной помощи в чрезвычайных ситуациях, содействие реализации региональных экологических программ и др.

В-третьих, сохранение культуры путем создания для населения, проживающего в приграничных регионах, условий, обеспечивающих сохранение национальных обычаев, духовных ценностей. Это взаимодействие в социальной, культурной и в других областях деятельности представителей разных национальностей, при котором люди не титульной национальности не чувствовали бы себя ущемленными. Их интересы и мнения как национального меньшинства должны учитываться властями.

Проблематика «нового приграничья» является одной из самых острых в экономической, социальной и политической географии. В настоящее время складывается и трансформируется новая система региональных отношений в приграничье, от которой во многом будут зависеть и перспективы реализации планов по созданию единого экономического пространства стран ЕС.

Одна из важных задач исследования приграничья – выявление интеграционных возможностей территорий. Необходимо определить районы, которые способны быстро включаться в интеграционный процесс, например, в сфере рекреационной деятельности.

В ряде случаев приграничные районы должны считаться наиболее удобными на фоне всей страны местами для размещения мигрантов. Изучение внутренней дифференциации приграничья необходимо для обоснования путей оптимизации территориальной организации – совершенствования транспортной инфраструктуры, создания транспортных коридоров и для ближней интеграции, и для межгосударственных связей. Это должно работать на улучшение жизни населения и хозяйственной деятельности, способствовать интеграции на основе экономики, культуры, рекреации и других взаимосвязей.

Примерно такое же положение складывается и в этногеографической сфере. Граница разделяет ареалы проживания этносов. Приграничье характеризуется ситуацией, в которой удаленность от центра и близость к территориям с иным этническим составом населения ослабляют выраженность индикаторов государственной идентичности и усиливают те, которые связаны с соседним этносом.

Административно-территориальные преобразования в прошлом, миграционный обмен и межнациональные браки в прошлом и настоящем усиливают процессы этнического взаимодействия. В результате в приграничье складывается своеобразная этническая общность с индикаторами этноса, отличными от эталонных. Это переходный тип говоров, наличие смешанных элементов в культуре, традициях, обычаях и пр.

Внимательный взгляд на приграничное пространство обнаруживает в нем разнообразие составляющих его структурных компонентов, обусловленное историческими особенностями заселения территории, отсутствием значительных природных препятствий для ее освоения, а также множественностью происходивших здесь социально-экономических процессов. Приграничье насыщено многообразными этногеографическими связями, объединившими проживающее здесь население, с его характерными чертами и свойствами, дифференцированными в пространстве и изменяющимися во времени.

Проведение этногеографической дифференциации приграничного пространства необходимо для определения степени вовлеченности территории в зону действия границы. Попытка расчленить этногеографическое порубежье на более простые составляющие наталкивается на его восприятие как тавтологического «приграничья приграничий».

Этногеографическое приграничье рассматривается как составная часть единой социально-экономической системы, включающей также демографическое и расселенческое пространства. Кроме того, в исследовании учитывался тот факт, что административные границы устанавливались не только и не столько на основании диалектологических и этнических различий, а с учетом тяготения территорий к крупнейшим социально-экономическим центрам и транспортным магистралям.

Рассмотрение географических объектов в рамках осуществления ими не только материальных воздействий на окружающую территорию, с нашей точки зрения, обогащает возможности исследования, открывает пути для внедрения новых подходов. Одним из таких подходов является этнопсихологический. Суть его заключается в территориальной дифференциации национального самосознания, интересов и ценностных ориентаций, потребностей и мотивов, этнических стереотипов.

Поэтому одна из особенностей исследования состоит в изучении не только материальных взаимодействий в рамках пространственных систем, но и включением в него нематериальных взаимосвязей.

Исследование изменений в географии населения связано с необходимостью определения критериев этногеографического пространства на основе характеристик проживающих здесь жителей. Это связано с тем, что при легитимации практически никогда не удается произвести «деление без остатка».

За пределами договорных границ часто остаются ареалы с нехарактерными для отделенной территории качествами и свойствами. В случае с этническими границами это районы проживания иноэтнотосов, обладающих языковой, культурной, психологической спецификой. Их учет необходим при разработке стратегии и тактики регионального развития. Один из новых теоретических взглядов, сложившихся в лингвологии, предполагает высокую эффективность исследования при изучении границы в тесной связи с проблемами идентичности. Анализ территориальной идентичности человека стал одним из важнейших направлений социальной географии.

Исходную базу для этногеографических исследований составляют данные об этническом составе населения и его территориальной организации. Их основным источником являются переписи населения. Ценность этой информации заключается не только в ее разнообразии, но и в ее систематизированном, упорядоченном характере.

Немало сложностей возникает при определении национальной принадлежности населения, живущего в полосе этнической границы или в районах с тесными межэтническими контактами. Живущие в такой местности люди также часто обладают нечетким этническим самосознанием, иногда их происхождение смешанное. Зачастую они не отождествляют себя ни с какой национальностью, и называют себя «местными», «здешними».

В данном случае целесообразнее всего выделить «пограничные» группы в качестве самостоятельных этнических общностей, поскольку ни психологический, ни генетический подход не могут помочь в решении вопроса об этнической принадлежности жителей этнического приграничья.

Таким образом, вопрос этнического самоопределения при кажущейся простоте, не всегда дает объективную информацию, несмотря на то, что технология опроса разрабатывается в течение столетий. Поэтому часто прибегают к другим показателям, призванным помочь в определении этнической структуры населения.

К прямым показателям этнической структуры населения относится вопрос о родном языке. Он дает определенное представление о национальном составе населения, поскольку язык является одним из основных признаков нации. Большое значение имеет точное определение этого понятия. Вопрос о родном языке весьма объективен и в большинстве случаев тесно связан с этнической принадлежностью.

Для настоящего исследования важны также исследования этнической демографии. Становление этой науки связано с тем, что демографическое поведение во многом обусловлено нравами и обычаями населения. Многие демографические процессы трудно понять без широкого привлечения этнографических материалов, без привязки демографо-статистических данных к определенным этносам. Это особенно важно при исследовании рождаемости.

Для приграничных районов чрезвычайную важность представляет исследование языков и диалектов. Территориальную дифференциацию языков изучает лингвогеография. Некоторые авторы рассматривают диалект как единицу лингвогеографического членения языка.

Существуют и другие взгляды, которые, с нашей точки зрения, более полно отвечают представлениям географов о комплексности процессов и явлений. Суть их заключается в том, что при выделении диалектов необходимо учитывать и внеязыковые, социально-исторические факторы. Большое значение при выделении диалектов имеет этническое и национальное самосознание и оценка «соседей», элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции. Обычно предпочтение дается тем языковым признакам, которые отвечают возможно большему комплексу внеязыковых факторов.

Современная территория российско-украинского приграничья в лингвогеографическом плане изучена недостаточно. Попытки исследования языкового состава населения приграничья предпринимались, как правило, только по одну сторону границы (или на украинской, или на российской стороне). Чаще всего целью таких работ было исследование местных диалектов в границах одной области. Обследование степени похожести и различия диалектов по обе стороны государственной границы не проводилось.

В нашем исследовании изучение диалектов российско-украинского приграничья проводилось путем анализа лингвистических карт. При этом учитывалось, что при ликвидации политических границ, существовавших в прошлом, жители соседних территорий – носители сложившихся на этих территориях разных диалектов, вступали в контакт, начиналось междиалектное взаимодействие. Первоначальные диалектные границы размывались, а черты, характерные для каждого из этих диалектов, могли сдвигаться на соседнюю территорию. Диалектологические карты в определенной мере отражают и миграцию населения в прошлом.

Этнический состав населения, диалекты, сложившиеся в ходе освоения и заселения территории, сформировали в пределах российско-украинского этнокультурного пространства своеобразную этническую идентичность. Этнопсихологи предлагают для определения этнической идентичности исследовать этнические стереотипы. Географическая выраженность их проявилась в оценке влияния типа населенного пункта на формирование этнических стереотипов.

Социальное явление рассматривается с двух точек зрения – психологической (внутренней) и символической (внешней). В переложении этого положения для географического исследования расселение рассматривается как процесс и результат освоения территории. Согласно П. Сорокину, это, в том числе, и психическое взаимодействие между людьми в определенной природной, экономической, социальной, культурной, этнической среде, а также его материальное выражение.

Это одна из важных сторон, граней расселения, на которую обращалось мало внимания в географии, но которая особенно значима в приграничье.

Однако далеко не вся психическая деятельность полностью и адекватно реализовывается в практике, т.е. в культуре в узком значении слова, что вызывает определенные трудности, связанные с разработкой проблем этнической психологии. Понятийный аппарат науки включает такие категории как психический склад и характер. Характер и психический склад понятия однопорядковые, но психический склад шире понятия «характер», поскольку понимается как совокупность всех устойчивых характеристик психики.

Представление об этническом характере как особой социально-психологической категории исходит из того, что не отдельные личности выступают в качестве элементов этой категории, а прежде всего специфические для данной этнической общности социально-психологические черты. Хотя в природе не существует таких черт вне

психики отдельных личностей, однако, этнический характер было бы неверно сводить к простой сумме психических свойств. В целом характер каждой данной психической общности представляет собой органическое единство общего и особенного.

Основной сферой проявления характера этнической общности является деятельность. Общие типичные черты всех разновидностей деятельности не могут не налагать определенной печати на их результаты.

Следы такого воздействия обнаруживаются и в отдельных памятниках материальной культуры, и в различных видах народного искусства, в обычаях, речи, языке. Хотя черты характера не только проявляются через культуру, прежде всего ею детерминируются, но все же и они находятся за пределами культуры в узком смысле слова, представляя специфические свойства психики.

Устойчивые черты характера не являются свойством, внутренне присущим человеческому мозгу, – они сами продукт определенных внешних условий.

Большинство видов человеческой деятельности в той или иной степени обладает определенной этнической спецификой. Накопленные в ходе исторического развития этноса трудовые навыки, сформировавшиеся в его рамках традиции, налагают печать на культурные ландшафты соответствующих регионов. Специфика воздействия этноса на природу зависит не только от своеобразия хозяйственной деятельности, но и от характера расселения, численности населения и даже от некоторых особенностей его социальной и духовной жизни.

Этнос является древней и устойчивой формой информационного структурирования мира в переломные периоды развития, поэтому этнопсихологические исследования необходимы для понимания и объяснения процессов межэтнического общения в период ломки старых стереотипов и появления новых.

Система расселения как совокупность материальной и духовной культуры этноса, рассматривается в аспекте устойчивых психологических взаимодействий, сформировавшихся в определенной исторической, экономической, социальной среде. Обоснование целостной парадигмы географического исследования расселения включает многосторонний анализ большого числа факторов

Исследование этногеографических и этнопсихологических аспектов населения и расселения в приграничье показало: а) необходимость внедрения соответствующих подходов в географических работах; б) пока недостаточную разработанность методики исследований; в) целесообразность проведения специальных исследований, без чего характеристике географии населения приграничья недостает полноты.

Потоцкая Т.И. (г. Смоленск)

СУБЪЕКТЫ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Основными субъектами любого рынка являются производители, посредники и потребители. Поэтому отраслевое экономико-географическое исследование традиционно строится на выделении географии их деятельности. Вместе с тем, в большинстве работ, посвященных отраслевому анализу, посредникам отводится второстепенная роль или вообще не учитываются особенности их функционирования, что связано с общепринятым представлением о доминировании спекулятив-

ных операций в посреднической деятельности. Доказать ошибочность этой точки зрения можно на примере алмазно-бриллиантового комплекса (АБК). Посредники в рамках данного комплекса формируют вторичный рынок, емкость которого не только сопоставима с емкостью первичного рынка, но и превышает его.

Посредники наряду с производителями и потребителями занимают в АБК значительное место, что находит отражение в общепринятой схеме его отраслевой структуры, называемой «алмазным трубопроводом»: алмазная отрасль (добыча алмазов, торговля алмазами), гранильная отрасль (производство бриллиантов, торговля бриллиантами), ювелирная отрасль (производство ювелирных изделий с бриллиантами, торговля ювелирными изделиями с бриллиантами). Очевидно посредническая деятельность в АБК связывает между собой алмазную, гранильную и ювелирную отрасли, способствуя формированию единого комплекса. Можно выделить несколько причин её возникновения.

Во-первых, это субъективная природа ценообразования на алмазы и бриллианты, которые являются физически неоднородным товаром, т.к. большинство критериев (цвет камня, чистота, форма), лежащих в основе формирования цены, невозможно измерить инструментальным способом. Только весовые характеристики камня измеряются абсолютно, остальные параметры определяются визуально путем сравнения с образцом. Поэтому процесс продажи такого товара требует высококвалифицированных кадров оценщиков. Отсюда начинается цепочка посредников в АБК.

Во-вторых, это особенности специализации гранильных компаний, которые выступают потребителями алмазов. Предприятия, специализирующиеся на производстве бриллиантов идеальной и коммерческой огранок, нуждаются в высококачественном алмазном сырье. Предприятия, специализирующиеся на производстве бриллиантов индийской огранки, используют так называемые «околоювелирные» алмазы (сырье невысокого качества). В результате, добытые алмазы, прежде чем попасть на гранильное производство, проходят сортировку, чем также занимаются посредники. Более того, в процессе производства бриллианта из алмаза, выделяется категория алмазов, которые нерентабельно обрабатывать на данной территории по объективным причинам (дорогая рабочая сила, большие энергетические затраты и др.). Их, как правило, выставляют на продажу (в России этим занимается Алмазная палата). И это продолжение цепочки посредников.

В-третьих, посреднические услуги очень важны для ювелирных компаний, которые выступают потребителями бриллиантов. Они испытывают потребность в бриллиантах со схожими характеристиками (для производства серег, ожерелий, браслетов) и в большом количестве. Одна гранильная компания не сможет удовлетворить весь спектр этих потребностей, т.к. ассортимент производимых бриллиантов определяется свойствами алмазного сырья которое она обрабатывает, а не желанием ювелира. Отсюда и длинная торговая цепочка посредников в продвижении бриллиантов от гранильных компаний к ювелирным компаниям: крупные оптовики, хорошо знающие конъюнктуру ювелирного рынка и, умело комплекующие лоты бриллиантов для дальнейшей продажи; затем средние и мелкие оптовики, работающие на конкретные ювелирные компании под определенные заказы; наконец, собственно ювелирные компании.

Используя объективную потребность алмазно-бриллиантового бизнеса в посреднических операциях, крупнейшая алмазодобывающая компания мира – De Beers (ЮАР) сумела придать им организованный характер. Она сосредоточила в своих руках боль-

шую часть деятельности, связанной с сортировкой алмазного сырья и его комплектацией в соответствии с потребностями крупнейших гранильных компаний мира (через программу «Поставщик выбора»). А затем активно занялась брендированием ювелирных изделий с бриллиантами, «вытягивая» таким образом, через них спрос на бриллианты и алмазы. Её примеру последовали и остальные крупнейшие алмазодобывающие компании мира: BHP Billiton, Rio Tinto (Великобритания/Австралия). Определённые попытки в этом направлении предпринимает и АЛРОСА (Россия). Именно поэтому для компаний АБК характерна вертикальная интеграционная стратегия.

В историческом контексте география посредничества мало отличалась от географии производства и потребления. Первоначально посреднические функции тяготели или к местам производства или к местам потребления товара. Однако впоследствии, когда стала очевидна объективная потребность в посреднических услугах в разных отраслях экономики, и они превратились в хорошо организованный высокодоходный бизнес, возникла и его территориальная концентрация и, соответствующая ей география. Этот процесс стал возможен в странах, обладающих определенным набором свойств. В силу того, что товар проходит через территорию посредника транзитом, она не должна увеличивать стоимость товара, поэтому наличие режима льготного налогообложения / законодательства – одно из основных характеристик посредников. Кроме того, посредничество требует высококвалифицированных кадров, хорошо знающих свойства продаваемого товара и поэтому способных влиять на процесс ценообразования. В АБК эта функция реализуется через деятельность геммологических лабораторий, признанных мировым алмазно-бриллиантовым бизнесом.

Учитывая перечисленные факторы, влияющие на географию посредничества, можно выделить два типа стран-посредников в мировом АБК – традиционные и новые. Традиционные посредники – это страны, в которых посредничество изначально возникло как следствие производственных функций (Бельгия, Великобритания, Израиль, Швейцария). Новые посредники – это страны, в которых посредничество является следствием льготного налогообложения (страны Персидского залива, Китай/Гонконг, Сингапур). Вместе с тем, необходимо помнить, что посредническая деятельность в той или иной мере присуща странам, специализирующимся на производстве бриллиантов, таким как США, Индия и др.

Для того чтобы определить степень значимости посредников на мировом алмазно-бриллиантовом рынке, важно выявить соотношение в его структуре первичного и вторичного рынков. Первичный рынок алмазов/бриллиантов определяется как стоимость проданных алмазов/бриллиантов их непосредственными производителями. Вторичный рынок алмазов – совокупная стоимость проданных алмазов торговыми компаниями и компаниями-производителями бриллиантов; вторичный рынок бриллиантов – стоимость бриллиантов, проданных торговыми компаниями.

Расчёты, проведённые автором на основе данной трактовки первичного и вторичного рынка, показали, что ёмкость мирового алмазного рынка составляет около 33 млрд. долл. На 40% она формируется первичным рынком и на 60% – вторичным!!! Ёмкость мирового рынка бриллиантов составляет около 58 млрд. долл. На 30% она формируется первичным рынком и на 70% – вторичным!!! Разве можно не учитывать деятельность посредников, если они формируют больше половины ёмкости рынка?

При этом традиционные посредники доминируют в торговых операциях на мировом алмазно-бриллиантовом рынке. На них приходится около 90% мирового реэкспорта алмазов и бриллиантов.

Россия в посреднических операциях на мировом алмазно-бриллиантовом рынке. Являясь одним из лидеров в мировом производстве алмазов и бриллиантов, Россия не может не участвовать в посреднических операциях, т.к. с производителей (как уже было показано раньше) обычно и начинаются цепочки посредников. Попробуем это доказать.

Во-первых, основными партнерами России во внешнеторговых операциях с алмазами традиционно выступают страны-посредники (около 90% экспорта и импорта): Великобритания, Бельгия, Израиль (с постепенным уменьшением доли Великобритании). Это касается как экспорта, так импорта. Данное обстоятельство ставит под сомнение эффективность отечественной торговой политики алмазами, т.к. большинство алмазодобывающих стран стремятся продавать алмазы напрямую гранильным центрам, чтобы избежать возможных спекуляций, приводящих к увеличению стоимости итак дорогого товара. С этой целью компании, добывающие алмазы создают свои системы «сайтхолдерства» подобные De Beers. Россия только в начале этого пути. Освободившись от зависимости De Beers, АЛРОСА (основная алмазодобывающая компания России) пока еще только пытается формировать новую сбытовую политику. В свою очередь, российский гранильный бизнес, специализирующийся на производстве бриллиантов идеальной огранки, испытывает недостаток алмазного сырья необходимого качества на внутреннем рынке. Приходится его искать на мировом рынке. Основным поставщиком такого сырья (как, впрочем, любого) является De Beers. Поэтому данная ситуация с одной стороны, констатирует отсутствие собственных закупочных сетей у российских производителей бриллиантов, а с другой стороны еще раз подчеркивает незавершенность торговой политики АЛРОСА, отдающей на мировой рынок свои лучшие алмазы, в то время, как российский гранильный бизнес испытывает в них недостаток.

Во-вторых, основными партнерами России во внешнеторговых операциях с бриллиантами то же традиционно выступают страны-посредники (90%): Израиль, Бельгия, ОАЭ, Швейцария, Гонконг, в то время как на конечных потребителей приходится менее 10% экспорта: США, Япония, ФРГ, Великобритания. В отличие от внешнеторговых операций с алмазами России, это обстоятельство отражает естественные законы функционирования рынка бриллиантов, основанного на системе посредников.

В-третьих, в России наряду с первичным рынком алмазов, существует вторичный рынок алмазов, деятельность которого определяется работой ГОХРАНа (государственное учреждение по формированию Госфонда драгоценных металлов и драгоценных камней РФ, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и камней, создан в 1996г., Госфонд является частью золотовалютных резервов страны) и Алмазной палаты. Сегодня его емкость составляет около 10% первичного рынка. Так, ГОХРАН проводит аукционы по продаже алмазного сырья специальных размеров из Госфонда (выставляется сырье массой от 10,8 кар. и выше различных форм и качественно-весовых характеристик). Вместе с тем, Гохран осуществляет и закупку алмазов, регулируя в определенной мере отечественный рынок драгоценных металлов и камней, впрочем, как и любая компания, имеющая значительные их запасы. Очевидно, что министерство финансов использует аукционы для замены запасов алмазов на драгоценные металлы, которые на современном этапе развития считаются более ликвидным товаром, а, следовательно, и более подходящим для государственных запасов. С другой стороны, понятно, что до конечного российского потребителя приобретенные алмазы вряд ли дойдут (слишком мала поку-

пательная способность населения страны) - на покупку такого сырья необходимы довольно большие суммы. Поэтому оно, как правило, вывозится из страны.

Другим источником сырья на вторичном алмазном рынке России является Алмазная палата. Ее деятельность определяется продажей гранильными компаниями страны алмазного сырья, обработка которого является нерентабельной. Основными продавцами выступает более 60 алмазообрабатывающих отечественных компаний. И если для крупных производителей, например ОАО ПО «Кристалл», (Смоленск), ЗАО «Руиз Даймондс» (Москва), ООО НПК «Эпл Даймонд» (Якутск), ООО «Алмазный мир» (Москва), этот процесс выглядит естественным (доля выставленного каждой из них алмазного сырья в их выручке не превышает 15%), то малым компаниям это обстоятельство практически меняет специализацию - с обработки алмазов на торговлю ими, что требует совершенно других профессиональных навыков. В качестве иллюстрации, можно сказать, что существует целый ряд предприятий, у которых доля предложенного на вторичном рынке алмазного сырья в их выручке составляет 30% и более (ООО Якутдаймонд, ООО Русская алмазная группа, ООО Лена Даймонд, ЗАО Диарус), а у некоторых даже превышает 70% (ООО Карат 2000М, ООО Рони Крэб)! О какой специализации таких компаний на обработке алмазов можно говорить?

Таким образом, деятельность ГОХРАНа и Алмазной палаты можно рассматривать как деятельность посреднических структур. При этом большая часть алмазов, реализуемых ими, вывозится с территории России.

В-четвертых, в силу обширности территории страны, себестоимость производства бриллиантов в разных ее регионах имеет существенные отличия. Это создает условия для формирования давальческих схем. Давальческая схема или толлинг (от англ. tolling) – сырье, передаваемое заказчиком из одного государства компании-изготовителю в другом государстве с целью их переработки в готовую продукцию. Затем готовый продукт возвращается обратно и при этом, как правило, освобождается от таможенных пошлин. Продукция, находящаяся в толлинговом обороте, выходит из-под налогообложения. При этом давальческие схемы могут осуществляться и в пределах одного государства, когда алмазное сырье отдается на переработку тем компаниям, у которых ее рентабельность высока, т.е. в качестве посредников выступают гранильные компании. В наибольшей степени этим пользуются компании Москвы и Московской области, 80% стоимости переданных алмазов принадлежит именно им, что, впрочем, неудивительно в условиях высокой зарплат в данном регионе. Характерны эти схемы и для предприятий Смоленской области, Р. Саха. Более того, передача алмазного сырья на переработку другим компаниям осуществляется не только в пределах России, но и иностранным государствам. Российское сырье часто поступает на гранильные заводы Украины, Армении. В свою очередь, российские предприятия принимают на обработку сырье из стран, где себестоимость производства бриллиантов выше, чем в России. Таковых не так уже и много – Израиль, Бельгия, Нидерланды, США. Поэтому можно предположить, что гранильные компании России, частично или полностью принадлежащие гражданам этих государств, и вовлечены в давальческие схемы («Руиз даймондс» - Нидерланды; «Рози Блю Экселент» – Бельгия; «Альпро» – США; «Минерал Даймонд» – Израиль; «Кологрив» – Израиль; «Евросплав» – США, Британские Виргинские острова и др.).

Таким образом, можно сказать, что многие посреднические операции на мировом алмазно-бриллиантовом рынке берут свое начало на территории России.

В заключение отметим, что посредничество это не только спекулятивные операции на товарном рынке, но и механизм, позволяющий решать частные задачи конкретной отрасли, делающий ее функционирование более эффективным. Это не только эпизодическая деятельность, обогащающая предпринимателя, но и системные операции, приводящие к формированию специализации предприятий и, как следствие, территорий. Поэтому проводя экономико-географический анализ отраслевого (товарного) рынка, исследователь не имеет права не учитывать деятельность посредников, выделяя в качестве основных субъектов только производителей и конечных потребителей!

Роговская Н.В., Григорьева М.А. (г. Иркутск)

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Глобализация и конкуренция на мировом рынке продовольствия способствуют интенсификации сельскохозяйственного производства и повышению его продуктивности в благоприятных для развития отрасли регионах на юге России, в республиках Поволжья, в пригородах. В этих районах сельское хозяйство модернизируется и формируется опорный каркас крупнотоварного рыночноориентированного производства. Соответственно, состояние сельских территорий промышленно ориентированных регионов Сибири, с менее благоприятными агроклиматическими условиями еще более ухудшится. Таким образом, усилится дифференциация в развитии сельских территорий не только на уровне страны, но и внутри регионов. Данный процесс интенсифицируется слабостью институтов гражданского общества и, прежде всего, местного самоуправления, низкой бюджетной обеспеченностью. Реализация Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2012 года», «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы», приоритетных национальных проектов «Развитие АПК», «Образование», «Здоровье» создали определенные предпосылки для укрепления производственного и инфраструктурного потенциала села, улучшения его социальной среды. Но ресурсы, направляемые на эти цели, часто используются недостаточно эффективно. Отсутствуют или недостаточны инструменты для адресного регулирования важнейших проблем сельского развития.

В этой связи необходим программно-целевой подход к решению задач достижения динамичного развития села, который позволит интегрировать координацию принимаемых мер, повысить эффективность использования направляемых на сельское развитие ресурсов. Программно-целевой подход подразумевает проведение научно-исследовательских работ в области оценки социально-экономического развития сельской местности регионов, их внутренней дифференциации, потенциала развития.

Объектами нашего исследования стали два региона России – Алтайский край и Тамбовская область, где значение агропромышленного комплекса в хозяйстве выше среднероссийских показателей.

Проведение исследования и оценки потенциала развития сельской местности вызвано необходимостью создания программных документов для обоснования отнесения Алтайского края к «особо значимым аграрным территориям», в том числе реализации проекта «Алтайское Приобье» и российско-французского проекта «Содействие устойчивому развитию сельских территорий Тамбовской области».

Тамбовская область – один из типичных регионов Российского Черноземья. Агропромышленный комплекс и его базовая отрасль – сельское хозяйство – является ведущим сектором экономики области, его доля в ВРП составляет 15,7 % (по России около 5 %). Производство сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения в регионе в 1,9 раз превышает средний уровень по РФ и в 2,3 раза – по ЦФО.

Алтайский край исторически является крупнейшим производителем сельскохозяйственной продукции в России и Сибири. По ее производству Алтайский край занимает 6 место среди российских регионов. Доля сельского хозяйства в ВРП края 15,2 %.

Кроме того, отличительной особенностью области и края является высокая доля сельского населения в общей численности населения: соответственно 42,3 % и 46,4 % (по РФ – 26,9 %).

Определение потенциала развития сельских территорий края и области включает в себя комплексное многоаспектное исследование, в основу которого заложена оценка предварительно рассчитанных отдельных составляющих элементов (показателей) социально-экономического развития. Среди них: степень формирования основных фондов; диверсифицированность сельскохозяйственного и промышленного производств; инвестиционная активность; минерально-сырьевые ресурсы (наличие и разнообразие); рекреационный потенциал; транспортно-инфраструктурная обеспеченность; возрастная структура населения; трудовой потенциал; государственная финансовая поддержка территорий и т.д.

Таксономической единицей исследования являлись 60 муниципальных районов Алтайского края и 23 – Тамбовской области. В статистическую обработку в соответствии с целями и задачами проекта не включались городские округа.

В работе использовались статистические материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Тамбовской области, материалы администраций, паспорта муниципальных образований и др. Оценка производилась с учетом динамики показателей за период 2005–2008 гг., с дополнениями на 2009 г.

Обработка массива данных осуществлялась с использованием приемов кластерного анализа. По каждой группе показателей методом линейного масштабирования находились значения индикаторов. На наш взгляд, для обработки большого массива данных, обладающих разномасштабными значениями и, кроме того, имеющих как количественную, так и качественную характеристики, данный метод является наиболее пригодным. Он более точен, по сравнению с рейтинговыми оценками и основан на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений показателей). Тем самым данный метод показывает реальное расположение показателя каждого конкретного района между референтными точками.

С помощью метода линейного масштабирования индикаторы приводились к размерности от 0 до 1. Оценка по каждому из показателей, основанная на равной приоритетности индикаторов, рассчитывалась как среднее геометрическое или среднее арифметическое из значений показателей. В свою очередь общие интегральные индексы обобщающих типологий (потенциал, уровень развития) уточнялись использова-

нием экспертных оценок коэффициентов значимости факторов от 0 до 1. По отдельным показателям дополнительно проводился статистический анализ распределения, ранжирование и балльная оценка (для качественных характеристик).

На основе полученного интегрального показателя произведена группировка сельских муниципальных районов. Динамика развития и состояния отдельных полученных характеристик иллюстрируются соответствующими тематическими картами.

В Алтайском крае по степени потенциальных возможностей развития выделено пять групп территорий: с высоким, выше среднего, средним, ниже среднего и низким потенциалом.

1. Высокий потенциал развития – 6 районов (интегральный показатель выше 3). Для районов данной группы характерны высокая степень диверсифицированности экономики, высокий уровень развития транспортной сети, наличие минерально-сырьевых и рекреационных ресурсов, высокая инвестиционная активность, преимущественно прогрессивный тип возрастной структуры населения.

2. Потенциал развития выше среднего – 22 района (интегральный показатель от 2 до 3). Районы данной группы в значительной степени приближены к первой, более низкий интегральный показатель потенциальных возможностей развития сформировался за счет недостаточной развитости одного или нескольких исследуемых показателей.

3. Средний потенциал развития – 15 районов (интегральный показатель от 1,6 до 2). Большая часть районов данной группы имеют среднюю степень диверсифицированности производства и инвестиционной активности, не обладают значительной минерально-сырьевой базой, но характеризуются достаточно развитой сетью автомобильных дорог, стационарным типом возрастной структуры населения.

4. Потенциал развития ниже среднего – 13 районов (интегральный показатель от 1 до 1,6). Большая часть показателей потенциальных возможностей развития данных территорий имеет уровень ниже среднего по Алтайскому краю. Группа характеризуется средней степенью диверсифицированности экономики, в большинстве своем низким или снижающимся уровнем инвестиционной активности, низкой степенью развитости дорожной сети, отсутствием рекреационного потенциала, главным образом, регрессивным типом возрастной структуры населения.

5. Низкий потенциал развития – 4 района (интегральный показатель ниже 1). Для этих районов характерно преобладание сельского хозяйства, низкая степень диверсифицированности промышленного производства, отсутствие рекреационных и минерально-сырьевых ресурсов, низкая степень развитости транспортной сети, преимущественно регрессивный тип возрастной структуры населения.

К характеристике сельских территорий также были добавлены экологические ограничения хозяйственной деятельности и направления улучшения экологической среды на основе материалов «Схемы территориального планирования Алтайского края».

По потенциалу социально-экономического развития районы Тамбовской области были сведены в 4 группы:

1. Высокий потенциал развития – 4 района (интегральный показатель выше 3). Эта группа районов характеризуется высокой степенью формирования основных фондов, достаточно высоким уровнем развития туризма, средней развитостью транспортной инфраструктуры. В отдельных районах отмечается высокий уровень товарности сельского хозяйства и высокая степень диверсифицированности экономики.

2. Потенциал развития выше среднего – 5 районов (интегральный показатель от 2 до 3). Большая часть районов данной группы имеют среднюю степень диверсифи-

цированности производства, формирования основных фондов и товарности сельского хозяйства. Для данной группы характерно незначительное государственное целевое финансирование. Преобладает средняя развитость транспортной инфраструктуры. Уровень развития туризма средний.

3. Средний потенциал развития – 9 районов (интегральный показатель от 1,5 до 2). Группа характеризуется средним потенциалом товарности сельского хозяйства, низкой степенью формирования основных фондов, низким уровнем развития туризма. В районах отмечается незначительное государственное целевое финансирование. Развитость дорожной сети колеблется от высокого уровня к низкому.

4. Низкий потенциал развития – 5 районов (интегральный показатель ниже 1,5). Для районов этой группы характерны: низкая степень формирования основных фондов и диверсифицированности промышленного производства, низкий уровень развития туризма, государственного целевого финансирования, недостаточный трудовой потенциал.

Программно-целевой подход в решении задач комплексного развития сельских территорий носит динамичный характер и предполагает мониторинг проблем в социально-экономических средах. Поэтому, оценка потенциала и его составляющих должна своевременно корректироваться и актуализироваться в соответствии с изменяющимися целями и задачами развития.

Родионова И.А. (г. Москва)

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В МИРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Глобализация и переход к постиндустриальной стадии развития обусловили реструктуризацию мировой экономики и основные сдвиги в размещении промышленного производства на локальном, региональном и планетарном уровнях. Актуальность темы исследования определяется ростом масштабов и интенсивности мирохозяйственных связей, грандиозными геополитическими и геоэкономическими трансформациями, происходящими в мире.

На протяжении XIX и XX вв. рост значения промышленности и вторичного сектора в экономике стран, регионов и мира в целом и увеличение объемов промышленного производства был связан, прежде всего, с развитием процесса индустриализации в глобальном масштабе. Но в настоящее время происходит переход к постиндустриальной стадии развития, в первую очередь в экономически высокоразвитых странах, который характеризуется значительными изменениями отраслевой и территориальной структуры промышленности разных стран и мировой индустрии в целом. Процесс индустриализации продолжается, но в новых условиях – в условиях глобализации мировой экономики, при этом фиксируются сдвиги в размещении производственных мощностей как на страновом, так и на региональном уровне.

Исследование сдвигов в пространственной организации промышленного производства базируется на сопоставлении данных об объемах промышленного производства по странам мира, но особыми таксономическими единицами исследования могут выступать и регионы, что обусловлено растущей ролью процессов интернационализации, глобализации и регионализации в мировом хозяйстве.

Цель исследования – выявление пространственно-временных закономерностей развития промышленности мира при переходе к постиндустриальному этапу общественного развития, и определение современного вектора в мировом индустриальном развитии. Достижение названной цели предполагает постановку и последовательное решение следующих основных задач:

- проведение системно-структурного анализа развития мировой промышленности во второй половине XX – начале XXI вв.;
- выявление особенностей трансформации отраслевой, организационной и пространственной структур промышленности мира;
- выявление сдвигов в размещении отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности на уровне стран и макрорегионов;
- группировку отраслей промышленности по особенностям происходящих в них трансформационных процессов;
- исследование взаимосвязей между динамикой размещения промышленного производства мира и сдвигами в международной торговле промышленными товарами;
- выявление тенденций развития процесса индустриализации и определение вектора мирового индустриального развития;
- выявление места России в мировой индустрии, характеристика особенностей вовлечения страны в единую мирохозяйственную систему.

Методика исследования, основу которой составляет макроподход, позволила рассматривать: мировую промышленность как сложную, иерархически организованную, полиструктурную систему; мировое промышленное производство как звено мирового хозяйства и мировой экономики; отдельные отрасли промышленности как звенья мирового промышленного производства; промышленность страны или региона как часть мировой [1, 2].

Промышленность мира (мировая промышленность, мировая индустрия) рассматривается в нашем исследовании как одна из подсистем мирового хозяйства, совокупность взаимосвязанных элементов – производственных единиц национальных государств, объединений государств, транснациональных корпораций, их филиалов и альянсов и т.д. Учитывается, что мировая промышленность в основных своих свойствах уже обладает особыми качествами единой системы, хотя глобальная ее структура морфологически разорвана. Но интенсификация всех форм международных отношений ведет к установлению все более тесных связей между всеми субъектами мирового хозяйства, вступающими в эти отношения.

Так как изменения фиксируются во всех структурах мировой индустрии: отраслевой, организационной, социальной и пространственной, то и характеризовать происходящие сдвиги целесообразно с учетом всех аспектов изучаемой проблемы. В отраслевой структуре изменяется соотношение добывающей и обрабатывающей промышленности, при этом фиксируются очень значительные изменения непосредственно в структуре обрабатывающей индустрии, как в развитых, так и в развивающихся странах. При характеристике изменений в организационной структуре мировой промышленности все более интересным представляется исследование масштабов и географии деятельности ТНК. Совершенствование форм организации промышленного производства составляет одну из задач экономической политики любой страны мира, владельцев крупных и мелких фирм. Главная цель: уменьшить суммарные затраты на изготовление продукции, повысить экономическую эффек-

тивность производства и увеличить прибыли. Формы общественной организации производства оказывают влияние не только на размеры предприятий, их локализацию, но и на многие другие аспекты хозяйственной деятельности населения. Глобализация, базируясь на достижениях НТР, открывает новые горизонты развития и многопланового взаимодействия между странами и местностями. Ускорению данного процесса способствуют нарастающие темпы экспорта прямых иностранных инвестиций, вместе с которыми передаются и передовые технологии, менеджмент и профессиональный маркетинг. Главными агентами процесса глобализации и основными носителями постфордистских методов организации промышленного производства являются ТНК, которые выработали эффективные стратегии деятельности, создали новые организационно-хозяйственные структуры. Они координируют функционирование производственной, финансовой и торговой деятельности сотен тысяч филиалов, разбросанных по всему миру в условиях международной производственной кооперации, формируя рыночную среду в отдельных регионах и в мировом хозяйстве в целом. ТНК осуществляют перемещение финансовых ресурсов в форме кредитов и зарубежных инвестиций, выступают главными проводниками инноваций и т.д. В социальной структуре мировой промышленности также происходят существенные изменения, при характеристике которых необходим учет процессов трансформации труда и занятости в постиндустриальную эпоху, изменений количественных и качественных показателей рабочей силы в странах мира и миграционных процессов на международном рынке труда.

Для сопоставления глубины изменений и степени пространственного перераспределения индустриального производства нами было выбрано несколько показателей. Сравнивались также абсолютные показатели объемов производства разного вида промышленной продукции (в натуральных и стоимостных показателях) и удельные веса стран и макрорегионов в общемировом производстве того или иного вида промышленной продукции (добывающей и обрабатывающей отраслей) в динамике почти за 60 лет. Рассматривались изменения в отраслевой структуре мировой промышленности (в т.ч. обрабатывающей), а также в индустрии стран и групп стран разного типа и уровня развития, так они способствуют сдвигам в пространственной организации производственных мощностей. Характеризовались изменения показателей производства условно чистой продукции обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения по странам и регионам мира. Изменение уровня концентрации промышленного производства на глобальном уровне определялось на основании расчета и сопоставления удельного веса лидирующей группы стран мира (трех, пяти и десяти) в общемировом объеме производства продукции свыше 40 видов продукции ведущих отраслей промышленности мира в динамике с 1950 г. по «ключевым» десятилетиям. Для характеристики интенсивности происходящих территориальных изменений рассчитывались показатели вариации абсолютных приростов и темпов роста удельных весов регионов (коэффициенты «абсолютных» и «относительных» структурных сдвигов). Анализировались также сдвиги в географии мировой торговли промышленными товарами на уровне стран и регионов за исследуемый период.

Охарактеризуем некоторые результаты проведенного нами анализа. Безусловно, сложившаяся картина пространственной организации промышленности мира – это исторический результат влияния экономических, социальных, природных, политических условий, предпосылок и факторов, характер воздействия которых постоянно

Таблица 1

Динамика доли макрорегионов в мировой добыче или в производстве отдельных видов промышленной продукции (1950–2008 гг.), %

Макрорегионы	Нефть		Сталь		Химические волокна		Легковые автомобили		Цемент	
	1950	2009	1950	2009	1950	2009	1950	2009	1950	2009
Европа	1,9	5,5	31,9	11,7	47,1	7,1	13,7	31,7	43,7	9,0
СССР/СНГ	7,3	16,9	14,4	8,0	1,5	0,9	0,8	1,5	7,8	2,5
Северная Америка	54,0	16,5	48,1	6,6	41,2	9,6	85,5	8,4	32,8	4,6
Центральная и Южная Америка	17,6	8,9	0,5	3,2	1,9	2,7	–	6,3	4,7	4,3
Азия	18,7	39,6	4,1	68,8	8,3	78,7	–	51,3	8,1	75,8
Африка	0,5	12	0,4	1,2	–	0,9	–	0,5	2,1	3,5
Австралия и Океания	–	0,6	0,5	0,5	–	0,1	–	0,4	0,9	0,3
МИР	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано автором.

Таблица 2

Страны-лидеры по объему продукции обрабатывающей промышленности и Россия, 1995–2008 гг. (в пост. ценах 2000 г.)

Страна	Доля в обрабатывающей промышленности мира, %		Доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны, %		Доля в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности, %		Производство продукции обрабатывающей промышленности на душу населения, долл.	
	1995	2008	1995	2008	1995	2008	1995	2008
США	24,5	20,5	14,7	12,2	12,1	9,1	327,0	4602,4
Япония	20,4	16,4	22,2	22,0	8,7	5,9	7743,0	8895,5
Китай	5,1	13,3	30,8	35,4	3,3	11,3	254,0	688,7
Германия	7,4	6,5	20,5	21,4	11,1	10,6	4311,0	5415,5
Республика Корея	1,9	3,2	22,1	29,3	2,9	3,4	2027,0	4549,1
.....								
Россия	1,0	1,2	19,9	18,5	0,8	1,5	322,0	569,6

Составлено по: [3] UNIDO INDSTAT4 2010. Industrial Statistics Database at the 4-digit Level of ISIC (Revision 2 and 3), 2010 (<http://www.unido.org/index.php?id=4879>).

меняется. Особенности изменений в размещении на макрорегиональном некоторых конкретных производств, отражающих сложные миграционные процессы в мировой индустрии, иллюстрируют данные приведенной ниже таблицы (табл. 1).

Структурные изменения в мировой индустрии на уровне макрорегионов были вызваны дифференцированными темпами роста объемов производства различных отраслей в разных странах мира, которые были обусловлены разными темпами роста производительности в секторах индустрии, изменениями в факторных пропорциях капитала и труда, а также развитием новейших технологий и внедрением их в производство и т.д. На уровне макрорегионов – отчетливо прослеживаются сдвиги промышленного производства в развивающиеся регионы, и особенно в Азию (в

первую очередь за счет роста валовых объемов производства в Китае, азиатских НИС первой и второй волны, Индии).

Анализ последних из имеющихся данных ЮНИДО по мировой промышленности показывает, что по-прежнему, более значительная доля технологических мощностей и объемов производства промышленных изделий (в стоимостных показателях) сосредоточена в группе развитых стран (около 70%) [3]. Но в последние годы особенно значительно увеличили свою долю в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности многие развивающиеся страны: Китай (переместившийся на третью позицию вслед за США и Японией), Республика Корея, Бразилия, Мексика, Индия, Тайвань (табл. 2).

Доля лидирующей четверки мировой обрабатывающей промышленности сохранилась на уровне 60%, при снижении удельного веса США, Японии и Германии. Но разрыв в показателе объема производства обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения (наиболее репрезентативного из всех известных показателей уровня и особенностей развития индустриального сектора экономики) в высокоразвитых и развивающихся странах остается по-прежнему многократным, даже учитывая средние показатели по данным группам стран (развитые страны – 4239 долл. на душу населения, 2008 г., развивающиеся – 395 долл., страны СНГ – 400 долл. в ценах 2000 г. в долл. США).

Роль и значение КНР в мировой экономике и мировой индустрии продолжает расти. В 2010 г. по размерам ВВП Япония опустилась на 3-ю строчку в мировом рейтинге, уступив 2-ю позицию Китаю. 1-е место, как и прежде, занимают США [4]. Китай превзошел Японию по валовому объему промышленного производства и вышел на второе место в мире по этому показателю, такой вывод содержался в опубликованном статистическом докладе Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). По итогам 2009 г. доля Китая в мировом промышленном производстве возросла по итогам 2009 г. до 15,6%, а доля Японии составила 15,4%. Первое место по этому показателю пока удерживают США – 19%. Но согласно прогнозам, Китай уже в 2011 г. обойдет США по объему промышленного производства и выйдет на первое место в мире [5]. Это станет возможным за счет продолжающегося роста экономической мощи КНР даже на фоне мирового финансово-экономического кризиса, а также эффективной реализации Китаем плана «4-х триллионов». При этом руководители страны здраво оценивают проблемы экономического развития. По информации Национального статистического бюро КНР, в 2009 г. Китай занимал первое место по производству стали (около 50% мирового выпуска), цемента (60%), угля (45%), игрушек (75%), удобрений (35%), телевизоров (48%), керамической плитки (40%) и т.д. Но только 26% всего объема китайской продукции отличается высокой добавочной стоимостью – это на 22% меньше, чем в США и Японии, и на 11%, чем в Германии. Однако ситуация постепенно меняется, заканчивается эпоха дешевых китайских товаров, КНР выходит на новый уровень развития производства. В 2010 г. КНР впервые обогнала Германию по стоимости экспорта. В том, что цель Китая завоевать статус крупнейшего производителя высококачественных товаров, будет успешно достигнута, не сомневаются и эксперты The Wall Street Journal – по их прогнозу, к 2015 г. Китай обгонит по стоимости промышленного производства США [6].

Китай уже вышел на первое место в мире и по величине внешней торговли продукцией машиностроения и электроники, и по ее экспорту. В 2010 г. 60% от общего объема экспорта Китая пришлось на продукцию машиностроения и электроники, которая уже 16 лет подряд является самой крупной статьёй экспорта страны [5,

7]. Директор департамента инвестирования и предпринимательства Конференции ООН по торговле и развитию Чжань Сяонин отметил, что в 2009 г. объем иностранных инвестиций в Китае достиг около 95 млрд долл. (второе место в мире после США). Для Китая дальнейшее усиление внешнего инвестирования, особенно зарубежного инвестирования в производственную отрасль, становится необходимым требованием по обеспечению поступательного экономического развития и выведения экономики на новую ступень [8].

Иными словами в мировой индустрии фиксируется пространственная перегруппировка доминирующих в мировой промышленности регионов в создании и обмене промышленной продукцией, распределении капитала, технологий и производственных мощностей. Североамериканский регион во главе с США теряет позиции бывшего лидера мировой индустрии. Наиболее активно заявил о себе «азиатский» или «дальневосточный полюс», который фактически вышел на лидирующие позиции в мире по производству многих видов промышленной продукции. Таким образом, все более четко фиксируется азиатский вектор в мировом индустриальном развитии. Хотя с точки зрения характеристики пространственной организации промышленного производства на глобальном уровне – различия по-прежнему сохраняются по линии «Север» – «Юг» (развитые – развивающиеся страны).

1. Родионова И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX – начало XXI вв.). Монография. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009.
2. Родионова И.А. Мировая экономика: индустриальный сектор. – М.: РУДН, 2010.
3. UNIDO INDSTAT4 2010. Industrial Statistics Database at the 4-digit Level of ISIC (Revision 2 and 3), 2010 (<http://www.unido.org/index.php?id=4879>).
4. <http://www.cia.gov> – официальный сайт Central Intelligence Agency USA. «The World Factbook».
5. www.crirussian.ru - Международная телерадиовещательная сеть Китая (China International Broadcasting Network – CIBN). Программа «Экономический вестник» [Электронный доступ]. 15.02.2011.
6. <http://www.aitcom.ru/news> - сайт Экспортно-импортной компании «АИТ» Компания входит в состав группы компаний «Азиатские промышленные технологии». [Электронный доступ]. 19.04.2010.
7. <http://uz2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/.html> - Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства КНР в Республике Узбекистан. [Электронный доступ]. 15.02.2011.
8. <http://russian.china.org.cn/> - Китайский информационный Интернет-центр.

Степанова А.А. (г. Великий Новгород)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Условия жизни (УЖ) являются основой в концептуальной триаде «природа-население-хозяйство» и представляют главный интерес для исследования с точки зрения антропоцентрического подхода. Они носят объективный характер и складываются независимо от восприятия их субъектом. Условия создают основу для формирования общества, организации хозяйственной деятельности и развития регионов. Они могут как способствовать развертыванию социально-экономических процессов, так и лимитировать их. Понятие «условий жизни» соотносится с понятиями «качества жизни» и «уровня жизни» населения. В географической литературе

наряду с понятием «условий жизни» используется также понятия «среда обитания», «окружающая среда» и «географическая среда».

Теоретические основы и практические методы изучения условий жизни были разработаны еще в советской науке, но изменившиеся реалии требуют модернизации в подходах и методах исследования. Прежде внимание ученых было направлено преимущественно на вопрос сглаживания диспропорций в условиях и качестве жизни между городом и деревней, широко использовалось понятие благосостояния как показателя качества жизни населения. Теперь речь идет, в основном, о борьбе с бедностью и социальным расслоением, о преодолении больших диспропорций неравенстве между группами населения и регионами, а также об обеспечении равного доступа к благам. В критериальном плане появилась необходимость учета дополнительных факторов, таких как, например, покрытие территории сотовой связью, обеспеченность Интернетом и персональными компьютерами.

В рамках современной географической науки термин «условия жизни населения» можно определить следующим образом: это совокупность компонентов природно-антропогенной системы определенной территории, которые в своем взаимодействии формируют внешнюю среду, где происходит непосредственная жизнедеятельность людей. Условия жизни представляют собой результат совместного воздействия факторов окружающей среды на человека, которые определяют качество населения (здоровье, уровень образования и культуры и т.д.), возможности формирования и развития личности человека, а также его повседневное поведение и образ жизни.

Территориальная дифференциация условий жизни населения проявляется на различных иерархических уровнях: начиная от глобального (в пределах географической оболочки) и заканчивая локальным (различные населенные пункты и даже части крупных локалитетов). Различия на региональном уровне можно проследить на примере области (или другого субъекта административно-территориального деления), где в природном плане они будут выражаться в ландшафтном разнообразии, а в социально-экономическом – в межрайонных и межпоселенческих диспропорциях.

Условия жизни делятся на природные и социально-экономические (общественные). Первые представляют собой набор ландшафтных характеристик, вторые – социально-экономических параметров. Природные и общественные УЖ тесно взаимосвязаны и оказывают друг на друга непосредственное влияние. Более высокая степень комфортности одних не компенсирует неблагоприятность других, но может создавать дополнительные возможности для развития территории. Представляемая методика ставит целью оценить степень благоприятности условий жизни для населения региона и выявить их пространственную неоднородность. За основу берется сетка административно-территориального деления региона (как правило, подразделение на районы или другие АТЕ более низкого ранга). Критерием оценки УЖ служат понятия благоприятности (комфортности) с указанием ее различной степени (высокая, средняя, низкая). Оценка позволяет сравнивать различные территории по степени благоприятности УЖ, при этом она всегда относительна, так как дается с точки зрения субъекта (данном случае – населения).

Изучение и оценка условий жизни необходима для объяснения и прогнозирования происходящих общественных процессов. Сущность оценки природной среды состоит в определении степени пригодности или благоприятности последней с точки зрения общественных потребностей. Специфика этой формы состоит в исполь-

зовании категории «полезность (вредность)». При проведении региональных исследований следует учесть, что дифференциация природных компонентов представлена преимущественно на локальном уровне и выражается в различной пригодности районов для организации производства (прежде всего сельскохозяйственного) и рекреационного использования. Вследствие неоднородности антропогенного воздействия на территорию области, различна также экологическая обстановка в районах.

Следует сразу оговориться, что методологически более правильным было бы изучение территориальной дифференциации природных УЖ в разрезе ландшафтов. Но в этом случае мы будем лишены возможности впоследствии сопоставить оценки природных и социально-экономических компонентов.

Оценка общественных условий жизни предусматривает изучение отдельных компонентов территориальных социально-экономических систем при помощи статистических методов. Среди статистических методов часто используется метод балльной оценки (в разных вариациях), который позволяет легко нормировать показатели с учетом диапазона абсолютных значений (в отличие, например, от рейтингового), а затем выявлять территориальные различия в изучаемых параметрах. К социально-экономическим условиям жизни относятся экономические условия, определяемые уровнем развития производства и состоянием рынка труда, особенности формирования социальной инфраструктуры и сферы обслуживания, а также система расселения, которая оказывает самое непосредственное влияние на первые две группы факторов, являясь одновременно результатом их совместного действия. При отборе показателей главной задачей является создание такой системы параметров, которая, с одной стороны, обеспечивает наиболее полный охват данных, а с другой – чрезмерно не загромождает исследование. В качестве решения проблемы может быть предложена разветвленная система показателей (табл. 1). С целью учета неравнозначности влияния компонентов оценки на конечный результат, рационально ввести корректировочные коэффициенты, полученные экспертным путем.

Корректирующие коэффициенты:

K1 – для системы показателей, характеризующих экономические УЖ;

K2 – для системы показателей, характеризующих социально-инфраструктурные УЖ;

K3 – для системы частных показателей, характеризующих систему расселения;

K4 – для корректировки неравнозначности влияния компонентов общественных УЖ;

K5 – для корректировки результата с учетом величины административного центра района как «центрального места» наивысшего иерархического уровня, который лимитирует качество и разнообразие предоставляемых услуг и возможностей

Комплексная оценка условий жизни населения предполагает сопоставление результатов оценок природных и социально-экономических компонентов. В нормирования показателей по величине балла выделяются группы районов с высокой, средней и низкой степенью благоприятности природных и социально-экономических условий. В результате применения шкалирования гипотетически можно обозначить девять групп районов: BB, BC, BH, CB, CC, CH, HB, HC, HH, где первая буква обозначает степень благоприятности природных условий, вторая – социально-экономических.

Для удобства анализа результатов целесообразно составить матрицу в следующем виде (табл. 2):

Распределение районов по группам наглядно демонстрирует корреляцию между изучаемыми параметрами, а также позволяет выявить районы со схожими оценочны-

Таблица 1

Система показателей оценки общественных условий жизни

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЖ										
Экономические УЖ		Социально-инфраструктурные УЖ						Система расселе-ния		
Развит. пр-ва	Возм. осущ. труд. д-ти	Развитие инфраструктуры						Соц. обесп.	Безо-пасн.	набор частных показателей
набор частных показателей	набор частных показателей	ЖКХ	Торг., общепит и быт. обслуж.	Образ.	Здраво-охран.	Культура	Транс-порт	набор частных показателей	набор частных показателей	
		набор частных показателей	набор частных показателей	набор частных показателей	набор частных показателей	набор частных показателей	набор частных показателей			

Таблица 2

Группировка районов по степени благоприятности природных и социально-экономических условий жизни

Прир. усл. \ Соц.-эк. усл.	ВЫСОКАЯ	СРЕДНЯЯ	НИЗКАЯ
ВЫСОКАЯ	районы	районы	районы
СРЕДНЯЯ	районы	районы	районы
НИЗКАЯ	районы	районы	районы

ми характеристиками. На основе данных табл. 2 также удобно создать картосхему для определения территориальных различий условий жизни населения региона.

В таблице можно провести условную диагональ по группам районов НВ-СС-ВН, которая обозначит районы со средними условиями. Районы, расположенные над диагональю имеют относительно более высокую степень комфортности проживания (ВС и СВ), находящиеся под ней – более низкую (НС и СН).

Условия жизни оказывают непосредственное влияние на пространственное и демографическое поведение населения. Реакцию населения на условия жизни характеризуют показатели изменения численности, а также естественного и механического движения населения, выражающиеся в естественном и миграционном приросте (или убыли).

Для анализа естественного и механического движения достаточно разделить районы на три группы по преобладающему знаку естественного и миграционного прироста: с устойчивой положительной динамикой, с устойчивой отрицательной динамикой, с неустойчивой динамикой. Далее для сопоставления степени ком-

фортности районов по природным и социально-экономическим условиям с показателями реакции населения целесообразно составить матрицы, подобные представленной в табл. 2.

В заключение следует отметить следующее. Условия жизни не являются константой: их можно изменять в сторону оптимизации. Прежде всего, это относится к общественным УЖ. Однако и природные условия могут быть преобразованы, например, путем проведения мелиоративных работ, рекреационного освоения, создания селитебных зон или организации культурных ландшафтов. Для каждого района (или другой АТЕ) можно найти свой путь эволюции, который позволит ему выйти на новый уровень развития. Выявить наиболее перспективные и адекватные пути развития возможно при помощи SWOT-анализа выделенных групп.

Условия жизни носят потенциальный характер – они задают основу для существования субъекта. При этом, во-первых, субъективное восприятие объективных характеристик окружающей среды у разных людей может различаться. Во-вторых, использование условий на уровне региона (района) для дальнейшего развития будет также зависеть от субъективных факторов (региональной политики, возможностей финансирования, внедрения инновационных технологий и т.д.).

Представленная методика изучения условий жизни населения имеет ряд ограничений в применении. Однако она позволяет проанализировать наиболее важные факторы, влияющие на организацию жизненного пространства человека и выявить территориальную дифференциацию сложившихся условий жизни. Методика может быть дополнена и расширена посредством привлечения других методов исследования и учета большего набора показателей (например, проведения социологических опросов и анкетирования, изучения показателей здоровья населения и т.д.). При этом она является универсальной и, будучи впервые опробованной на примере Новгородской области (2010 г.), может применяться для проведения социально-географических исследований в других регионах.

Трифорова И.К., Андриевская З.Я. (г. Минск)

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Во всех странах мира большое внимание уделяется проблемам упорядоченного использования территории регионов в целях повышения экономической эффективности производства, улучшения условий жизни людей, восстановления и сохранения зональных и уникальных природных комплексов.

В начале третьего тысячелетия наблюдается заметный рост интереса к проблемам теории и практики регионального развития. Вступление мировой цивилизации в эпоху глобализации, обострило региональные конфликты, вывело региональную тематику в число наиболее актуальных направлений научных исследований. XXI век войдет в историю человечества как столетие не только активного развития процесса глобализации, но и небывалой регионализации. Проблемы гармонии, эффективности, справедливости региональных отношений приобретают особую значимость в контексте развития всей мировой цивилизации.

Региональное развитие – сложный процесс, в котором можно выделить несколько аспектов: географический, экономический, социальный, политический и экологический. Все эти аспекты взаимосвязаны и влияют друг на друга. С региональными проблемами часто сталкивается и практическая сфера человеческой деятельности — планирование, распределение, обслуживание и др.

Традиционно региональный подход наиболее развит в географической и смежных с ней науках – региональной экономике, региональной социологии, региональной демографии и др.

К числу наиболее известных теоретиков классического подхода в развитии региональных исследований за рубежом следует отнести Й. Тюнена, А. Вебера, А. Леша, В. Кристаллера и ряд других исследователей из США, Германии, Франции.

Й. Тюнен считал, что наиболее важным фактором, влияющим на затраты и прибыль, является фактор пространства (т. е. фактор размещения). По его мнению, пространство влияет на специализацию предприятий.

А. Вебер выдвинул идею создания «общей теории размещения», определил факторы, влияющие на размещение единичных промышленных предприятий.

В. Кристаллер разработал теорию «центральных мест» на основе исследований Германии. Кристаллер исследовал города и определял, почему город занимает определенное место среди других населенных пунктов. Он считал, что факторами размещения являются среда, производственные услуги, которые этот город оказывает населению, и др.

А. Леш пришел к таким же выводам. Он выдвинул идею оптимальной конфигурации районов и построил абстрактную модель районирования территории в виде сот. В центре шестигранника – центральное место. Каждый район включает другие районы, также имеющие форму шестигранника. Таким образом, Леш предложил новую концепцию экономического ландшафта.

В современных региональных исследованиях сформировались такие направления, как локационное («размещенческое»), главная задача которого – определение выгодного (оптимального) места размещения предприятия, собственно региональное – нахождение оптимальных размеров и структуры хозяйства какого-либо центра и региона в целом, и комплексное – объединяющее локационные и региональные подходы. Общим для них является учёт пространственного фактора. Эти направления постоянно эволюционируют в связи с новыми тенденциями в хозяйственном освоении пространства, вызванными НТП (освоение новых источников энергии, технический прогресс на транспорте и т.д.), что приводит к переоценке традиционных факторов размещения и регионального развития.

В региональных исследованиях можно выделить два уровня: исследования региональной системы страны (для принятия решений на высшем уровне) и непосредственное изучение и решение чисто региональных проблем конкретных регионов, т.е. исследование внутрирегиональной структуры. Для изучения регионов на разных уровнях разработан и широко распространен такой метод анализа региональной структуры, как использование различного рода региональных балансов (балансовый метод). В зарубежных странах их называют «региональные балансы и счета». Они служат промежуточным звеном между фактами статистики и теорией. Статистические данные используются для разработки наиболее эффективных направлений развития. Они отражают региональный доход, производство, расчеты с другими регионами и государством в целом, т. е.

экономику региона в целом, на основе этих данных государство регулирует отношения между регионами.

На основе анализа региональной структуры происходит построение типологий (или типологических группировок) регионов. Типологизация регионов важна как для системного описания и диагностики социально-экономического положения регионов, так и для осуществления задач государственной региональной политики. Методы, механизмы и мероприятия экономической политики должны учитывать особенности типов регионов, выделяемых с учетом экономических, социальных, природных, геополитических и иных существенных условий. В региональных исследованиях широко используются методы типологических группировок, разработанные в рамках теоретической статистики. При этом предпочтение отдается методам сложных группировок, когда разделение совокупности регионов на группы (типы) осуществляется по двум и более признакам, взятым в сочетании (комбинации).

Уровень социально-экономического развития региона, равно как и уровень благосостояния населения в регионе, невозможно выразить в одном непосредственно измеряемом показателе. При выделении показателей характеризующих региональные уровни развития благосостояния применяются три основных подхода:

- определение главного индикатора и фиксирование (или регулирование) значений других существенных индикаторов в виде ограничительных условий. Например, главным индикатором может быть выбран показатель величины валового районного продукта (ВРП), а ограничительными условиями могут выступать показатели, характеризующие обеспечение населения жильём и социальной инфраструктурой, условиями труда, качеством окружающей среды;
- выделение двух или нескольких индикаторов характеризующих уровни (динамику) экономического и социального развития. Например, динамика промышленного производства (экономическая составляющая) и динамика доходов населения (социальная составляющая);
- составление интегрированных (сводных) социально-экономических индикаторов, дает возможность охарактеризовать общий уровень развития региона.

Анализ сводных интегрированных показателей позволяет установить проблемы регионального развития:

- соотношение между темпами развития и выравниванием уровней развития отдельных регионов;
- рассредоточение (дисперсия) производства и населения;
- создание новых эффективных производственных комплексов;
- решение вопроса регионального развития за счет собственных внутренних ресурсов и резервов региона;
- решение вопросов охраны окружающей среды;
- прогнозирование регионального развития;

Для решения региональных проблем в различных странах разрабатывались специальные региональные прогнозы и комплексные программы развития.

Франция одно из европейских государств, в котором создана самая практическая система регионального планирования, позволяющая доводить мероприятия, предусмотренные в прогнозах до реального воплощения.

Особый опыт Франция имеет в решении конкретных задач в краткосрочные периоды с учетом долгосрочных прогнозов. Например, в районе Марселя решено было создать новый портовый комплекс с общей целью превратить город в самый

крупный порт Западной Европы. Это давало толчок к развитию всей юго-восточной Франции, которая была традиционным сельскохозяйственным районом. Порт позволил развить экономику страны на базе привозного сырья (нефтехимия, машиностроение), а Марсель превратить в южные ворота стран «Общего рынка». Все это стало возможным осуществить благодаря долгосрочным прогнозам.

В ФРГ проведение единой региональной политики сталкивалось со специфическими трудностями, присущими федеративным государствам. Земли в Германии обладают достаточной самостоятельностью в решении хозяйственных вопросов, поэтому проведение единой региональной политики усложнялось. Программирование и планирование размещения производительных сил осуществлялось под контролем федерального министерства экономики во взаимодействии с правительствами земель, но реализация этой политики, ее модификация, распределение ассигнований внутри земель проводились самими землями (т. е. центр дает только общие рамки деятельности). Поэтому наблюдались отклонения от национальных целей развития, региональные диспропорции ликвидировались медленными темпами.

В 90-х гг. появилась особая группа районов – Восточногерманские земли, для которых была создана своя индивидуальная программа развития (модернизация промышленности, управления, подтягивание этих земель до уровня всей страны).

В США региональные программы возглавляются десятками федеральных и региональных комитетов и министерств. Но общенациональной региональной политики нет (в т. ч. и на законодательном уровне). Разрабатываются отдельные крупные комплексы региональных программ, специальные региональные прогнозы и программы. Программы развития постоянно отслеживаются и корректируются с учетом различных факторов (например, экологического). Существует ряд комплексных программ для обширных территорий (Юго-Запада, Северо-Запада и др.).

В Японии чрезмерная концентрация промышленности в немногих районах требовала включения региональных программ в национальные планы. Национальная и региональная политика в Японии является составной частью экономической политики.

Пространство считается в Японии основным видом ресурсов. Еще в 60-е годы в «Национальном прогнозе территориального регулирования» на 20 лет до 1985 г. основное внимание уделялось эффективному использованию пространства как основного фактора развития. В настоящее время особое внимание уделяется росту городов, ограничению этого роста (созданы проекты преобразования мегаполисов, таких как Токио-Осака, где наблюдается сплошная урбанизация пространства). На основе прогнозов осуществляется разработка конкретных планов и программ развития.

Таким образом, в зарубежных странах региональные экономические исследования конца XX начала XXI веков стали выделяться в число приоритетных, повсеместно им стали уделять большое внимание.

Библиографический список

1. Бутов В.И. Основы региональной экономики/ В.И. Бутов, В.Г. Игнатов, Н.П. Кетова. – Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2001. – 409 с.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики/ А.Г. Гранберг. – 5-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 492 с.
3. Новый взгляд на экономическую географию: Доклад о мировом развитии 2009. – М.: Весь мир, 2009. – 284 с.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РАЙОННЫХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ

Проблемам расселения и, в частности, систем населенных мест, в настоящее время уделяется недостаточное внимание. Особенности функционирования и развития территориальных сочетаний городских и сельских населенных пунктов должны учитываться при составлении схем территориального планирования муниципальных образований, субъектов федерации. Это позволяет делать сам процесс планирования более содержательным и предметным.

Районные системы расселения (РСР) относятся к нормативным «конституированным» системам, так как располагаются в официальных административных границах – в границах муниципальных районов [3, с.5]. Они включают в себя все пункты района, поскольку на его территории существуют как минимум два типа связей – административные (отношения власти) и отдельные связи по обслуживанию населения (например, медицинскому: районная больница). Поскольку в данном случае границы систем заранее определены, то это делает их удобным объектом исследования.

Главной интегральной характеристикой систем расселения можно назвать уровень их развития. Он, как правило, выражает степень «зрелости» отдельных элементов систем, характер их функционирования, что, в конечном счете, сказывается на степени концентрация населения, тесноте пространственных связей и т.д. Именно эти показатели (свойства) часто и лежат в основе оценки уровня их развития.

В немногочисленных исследованиях авторы прибегают к использованию как «расселенческих», так и социально-экономических характеристик для решения рассматриваемой задачи [1, 2 и др.]. Результатом сопоставления различных показателей становится выделение типов РСР по уровню развития, как то: высокий, средний, низкий и промежуточные положения. Иногда в названии типов могут присутствовать характеристики отдельных элементов систем расселения, например районных центров [2]. Это делает их громоздкими, но в тоже время «самодостаточными» особенно, если речь идет о большой совокупности изучаемых РСР, находящихся в нескольких субъектах федерации.

В данной работе представлен вариант количественной оценки уровня развития РСР. Величина D_i , или коэффициент развития РСР субъекта федерации, выражена с помощью «расселенческих» параметров. Формула для её вычисления имеет следующий общий вид:

$$D_i = \tilde{P}_{0.5}^i + \tilde{R}^i + \tilde{T}_{cp}^i, \text{ где} \quad (1)$$

D_i – коэффициент развития i -й РСР;

$\tilde{P}_{0.5}^i$ – нормированная доля населения, проживающего в зоне 30-минутной транспортной доступности районного центра (без него самого) i -й РСР;

$\tilde{R}^i$ – нормированный коэффициент доступности субцентров i -й РСР;

$\tilde{T}_{cp}^i$ – нормированная доля населения (без райцентра) i -й РСР, проживающего в пределах километровой доступности дорог с твердым покрытием.

Указанное выражение содержит три нормированных по своей средней величине $P_{0.5}$, R , T_{cp} характеризующие соответственно силу влияния райцентра, качествен-

ную сторону территориальной организации центральных мест и транспортные условия расселения. Рассмотрим эти три составляющие подробнее.

Первая величина ($P_{0.5}$) представляет собой долю населения (без райцентра) РСР, проживающего в зоне 30-минутной транспортной доступности райцентра. Полу- часовая изохрона в качестве границы ареала концентрации населения взята с тем расчетом, что для малых по людности райцентров она фактически полностью включает в себя зону их влияния. То же, в большинстве случаев, можно сказать о средних городах-райцентрах. Для больших и крупных городов зона влияния выходит за рамки зоны получасовой транспортной доступности. Но в качестве ареала концентрации населения для условий решаемой задачи может быть применима и к ним. Географический смысл величины $P_{0.5}$ состоит в том, что чем больше людей проживает в указанной зоне, тем больше сила притяжения центра.

Вторая величина (R), условно назовем ее коэффициентом доступности субцентров, в первом приближении качественно характеризует территориальную организацию центральных мест. Таковыми для нас являются субцентры и райцентры. Под субцентрами, как правило, понимают населенные пункты, дублирующие функции райцентров. Иногда их называют кустовыми [4]. Нет четких параметров их выделения, но можно считать, что к таковым относятся те населенные места, в которых представлены в паре врачебное учреждение (амбулатория, участковая больница) и среднеобразовательная школа [5]. К тому же субцентры должны отстоять от центра РСР не менее чем на 5–10 км, в зависимости от его людности, чтобы быть более «самостоятельными».

Коэффициент доступности субцентров рассчитывается следующим образом:

$$R^i = \frac{1}{\frac{S^i}{n_{cu}^i + 1}} = \frac{n_{cu}^i + 1}{S^i}, \text{ где} \quad (2)$$

R^i – коэффициент доступности субцентров i -й РСР

S^i – площадь i -го района

n_{cu}^i – количество субцентров i -й РСР

Данный коэффициент обратно пропорционален величине средней площади, приходящейся на один субцентр. Чем она меньше, тем лучше обеспеченность центральными местами территории административного района. Заметим, что в данной формуле мы учитываем не только количество субцентров как таковых, но и рассматриваем райцентр как субцентр для своего собственного населения ($n_{cu}^i + 1$). В этом случае выражение всегда будет иметь смысл. В общем виде, чем больше количество субцентров, тем лучше их доступность при определенной площади. Отсутствие субцентра(-ов) в больших по площади районах, как видно из формулы, будет говорить о меньшей рациональности, если можно так выразиться, территориальной организации центральных мест.

Наконец величина $T_{\text{ср}}$ характеризует транспортные условия расселения. Она выражается через долю населения (без райцентра) РСР, проживающего в пределах километровой доступности дорог с твердым покрытием. Эта качественная характеристика может многое сказать о предпосылках развития «людских» связей, а косвенно – о степени охвата населения транспортными услугами. Чем больше людей проживает в указанной зоне, тем лучше транспортные условия расселения. Зона

километровой доступности таких дорог взята для рассмотрения на том основании, что удаленность населенного пункта от дороги с твердым покрытием на большее расстояние во многих случаях является сдерживающим фактором для населения, особенно старше трудоспособного возраста. На это накладывается и состояние некоторых грунтовых дорог, прилегающих к основным, которые в межсезонье часто становятся труднопроходимыми.

Величина D_i складывается не из «чистых» показателей $P_{0.5}$, R и T_{cp} , а из нормированных, которые получаются путем деления на среднее арифметическое этих показателей по области (субъекту федерации):

$$\tilde{P}_{0.5}^i = \frac{P_{0.5}^i}{\bar{P}_{0.5}}, \quad \tilde{R}^i = \frac{R^i}{\bar{R}}, \quad \tilde{T}_{cp}^i = \frac{T_{cp}^i}{\bar{T}_{cp}} \quad (3)$$

Соответственно мы можем судить о том, насколько лучше или хуже развиты РСР по каждой из оставляющих в сравнении со среднеобластной величиной. Нормированные показатели $\tilde{P}_{0.5}^i$, $\tilde{R}^i$, $\tilde{T}_{cp}^i$ делают возможным сопоставление РСР друг с другом. А интегральная величина D дает количественную оценку уровню развития систем расселения.

Представленная в данной работе методика может быть применена и для совокупности РСР нескольких субъектов федерации. Как видно из формулы (1) получить D , можно лишь тогда, когда известны параметры $P_{0.5}$, R , T_{cp} всех РСР. Поэтому здесь дана только сама методика оценки РСР без ее применения. Автором планируется ее реализация на примере Тверской области.

Библиографический список

1. Мытку М.А. Развитие низовых систем расселения в Молдавской СССР / М.А. Мытку, Г.К. Матей // Системы расселения в различных регионах СССР: межвуз. сб. науч. тр. / Горьковский гос. пед. ун-т. – Горький. – 1987. – С. 71–79.
2. Сараев Д.С. Уровень развития территориальных систем расселения / Д.С. Сараев // Системы расселения в различных регионах СССР: межвуз. сб. науч. тр. / Горьковский гос. пед. ун-т. – Горький. – 1987. – С. 24–33.
3. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении / А.А. Ткаченко. – Тверь: ТвГУ, 1995. – 155 с.
4. Ткаченко А.А. Территориальная организация социальной инфраструктуры сельской местности Тверской области: динамика сетей и проблемы управления / А.А. Ткаченко // Социальная инфраструктура в развитии городов и регионов современной России / Сб. науч. тр. ТвГУ / Тверской гос. ун-т. – Тверь: Научная книга. -2006. – С. 31–41.
5. Шаврин В. Н. Опыт изучения районных систем расселения Тверской области / В.Н. Шаврин // Пространственная организация, функционирование, динамика и эволюция природных, природно-антропогенных и общественных географических систем: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, 7-9 окт. 2010 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Вят. гос. гуманит. ун-т; [редкол.: А.М. Прокашев, С.А. Пупышева]. - Киров: ВятГУ, 2010 (Киров: Изд. центр ВятГУ). – С. 196–200.

**ПРИКЛАДНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ**

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В КРУПНЕЙШЕМ ГОРОДЕ (на примере города Волгограда)

Ю.Г. Саушкин в своих работах большое внимание уделял проблеме территориальной организации общества. Под этим понятием он подразумевал экономическую территориальную организацию хозяйства. Она, по его мнению, является соподчиненной по отношению к социальной структуре общества (1). Идеи Ю.Г.Саушкина являются плодотворными для анализа территориальной организации общества в крупнейших городах.

Волгоград имеет интересную историю развития. Однако с позиции территориальной организации общества она стала проявляться в 50–70-е годы XX века. Это стало возможным благодаря тому, что в начале 50-х годов XX века была разработана общегосударственная программа развития южных и юго-восточных территорий европейской части страны (2). Она предусматривала строительство Куйбышевской ГЭС, орошение и обводнение районов Прикаспия, а также сооружение Сталинградской ГЭС. Создание Куйбышевской и Сталинградской ГЭС на юго-востоке европейской части страны должно было усилить индустриальные черты хозяйства.

Сталинградская ГЭС была ядром формирования индустриального облика нашего региона. Для того, чтобы получить максимальный экономический эффект от нового строительства, усилить участие региона в общегосударственном территориальном разделении труда проектным институтом «Гипрогор» (государственный институт проектирования городов) была разработана схема районной планировки Сталинградской ГЭС (3). Она представляла собой программу взаимосвязанного развития отраслей хозяйства, районов г. Сталинграда и прилегающих к нему территорий. Схема была согласована с 17 министерствами союзного и республиканского значения, Сталинградским облисполкомом, утверждена Советом министров. Предложения министерств основывались на уже разработанных технико-экономических обоснованиях строительства новых предприятий. Она предусматривала использование производственных мощностей, сконцентрированных в регионе при строительстве Волго-Донского судоходного канала, наращивание потенциала трудовых ресурсов для сооружения ГЭС и дальнейшее развитие на этой базе различных отраслей хозяйства и территорий, находящихся в зоне непосредственного влияния г. Сталинграда в радиусе 30–40 км от его центра. Схемой районной планировки Сталинградской ГЭС предусматривалось финансирование строительства объектов как производственного, так и социального назначения в объеме 37, 8 млрд. руб. (4). Для того чтобы обеспечить преимущественное распределение финансовых ресурсов в производственное строительство предусматривалось две очереди реализации схемы. Первая очередь охватывала период с 1953 г. по 1960 г. За это время нужно было освоить 20 млрд. руб. Главные направления касались тяжелой промышленности. Получали развитие производства, выпускающие продукцию, в которой нуждалась вся страна. В частности, кроме 8,5 млрд. руб., выделенных на строительство ГЭС, 750 млн. руб. приходилось на строящейся алюминиевый завод, 445 млн. руб. направлялось на реконструкцию завода «Красный Октябрь». Таким образом, наряду со значительной прибавкой производства электрической

энергии на ее основе в регионе создавалось производство алюминия и качественных сталей, которые использовались в новейших технологиях, но уже за пределами нашего региона. Это было одним из направлений усиления его участия в общегосударственном территориальном разделении труда.

Следующим направлением для дальнейшего развития тяжелой промышленности было более полное использование природно-ресурсного потенциала региона. На базе Фроловского, Котовского, Жирновского месторождений нефти в южной части Сталинграда был построен нефтеперерабатывающий завод. Общие затраты на него оценивались в 940 млн. руб. (5). Для того, чтобы обеспечить масштабное строительство деньги направлялись на развертывание промышленности строительных материалов – 680 млн. руб., в том числе 410 млн. руб. в 1953–1960 гг. (6).

Кроме базовых индустриальных отраслей, в г. Сталинграде дальнейшее развитие получали так же обрабатывающие отрасли, такие как машиностроение и химическая промышленность.

Машиностроение, в связи с развитием в регионе электроэнергетики, черной металлургии получило возможность наращивать производственные мощности за счет реконструкции. Основные машиностроительные предприятия - тракторный завод, завод нефтяного машиностроения им. Петрова и другие, на расширение и реконструкцию производства получили 2,7 млрд. руб. Планировалось равномерное освоение средств сроком на 20 лет. В начале 70-х гг. Волгоград стал крупнейшим в стране производителем гусеничных тракторов, металлоемкой нефтяной аппаратуры. Следовательно, наш регион усилил свое участие в общегосударственном территориальном разделении труда по производству машиностроительной продукции.

Подобная картина сложилась и в химической промышленности. Основное предприятие отрасли – химзавод им. Кирова был расширен и реконструирован. Были также построены новые предприятия в южной части г. Волгограда и в г. Волжском. Продукция химической промышленности стала вывозиться за пределы региона. Кроме перечисленных базовых индустриальных, обрабатывающих отраслей получили развитие лесная, легкая и пищевая отрасли промышленности.

Обобщая, отметим, что новое промышленное строительство на базе Сталинградской ГЭС было ориентировано на усиление использования территории города в рамках отраслевого разделения труда. «Точки роста» в нем создавали промышленные министерства, которые в свою очередь нацеливались на получение экономического эффекта за счет технологического единства предприятий.

В рамках изложенной логики развития более важную роль стали выполнять транспортная и социальная инфраструктуры.

В 30-х гг., когда транспортная инфраструктура явно отставала от развития производства, ее проблемы решались на локальном и региональном уровнях. Это вызывало значительные проблемы даже при введении в строй предприятий союзного подчинения. К примеру, срыв сроков строительства автомобильной дороги из центра Сталинграда до тракторного завода стал причиной расформирования дорожно-строительной организации (7).

При строительстве Сталинградской ГЭС, хозяйственном развитии г. Сталинграда и прилегающих к нему территориях были осуществлены значительные преобразования ведущей части транспортной инфраструктуры – дорожной сети. Отметим, что проекты ее строительства разрабатывались в ведущих научно-исследовательских

проектных организациях. Железнодорожное строительство велось на основе решений «Транстэипроекта» МПС, в соответствии со «Схемой развития железнодорожного транспорта зоны Сталинградской ГЭС», принятой к исполнению в 1953 году. Речная транспортная инфраструктура совершенствовалась в соответствии с положениями «Схемы развития речного транспорта в зоне Сталинградской ГЭС», специально разработанной Гипроводтрансом» Министерства морского и речного транспорта. Союзный уровень подчинения транспортных министерств обусловил высокий уровень взаимосвязанности в транспортном и промышленном строительстве и дал возможность им решить сложные отраслевые проблемы.

На железнодорожное строительство выделялось 650 млн. руб. в 1953–70 гг. (8). Новое строительство и реконструкция железных дорог в Сталинградском узле позволили увеличить перевозку грузов с 13,89 млн.т. в 1954 году до 30, 56 млн.т. в 1964 году (9). За 1954–64 гг. эксплуатационная длина подъездных путей промышленных предприятий возросла с 196,7 км до 481,3 км, число собственных локомотивов с 74 ед. до 175 ед., число собственных грузовых вагонов с 544 шт. до 2001 шт. Как следствие, погрузка и разгрузка вагонов за этот же период увеличилась с 545,4 тыс. двухосных вагонов до 2276 тыс. вагонов (10). Как видно, железные дороги Сталинграда и прилегающих к нему территорий стали важной частью транзитных транспортных потоков в рамках страны и мощным грузообразующим, грузопринимающим узлом на юго- востоке европейской части за счет отраслей тяжелой промышленности: нефтеперерабатывающей, черной, цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности.

В речной транспортной инфраструктуре также были реализованы возможности усиления участия в перевозках грузов по Волге. Они были достигнуты благодаря улучшению условий судового хода. После создания водохранилища гарантированные глубины достигли 3,85 м. Ширина судовой трассы достигла 400 м (11). Речные перевозки были ориентированы на транспортировку лесных грузов, каменного угля, строительных материалов. Согласованность планов нового строительства речного портового хозяйства и предприятий угольной, лесной промышленности строительных материалов позволило увеличить перевозку грузов с 6,6 млн. т. в 1952 году до 12,8 млн.т. в 1960 году (12). Был построен новый порт Волжский, реконструировано портовое хозяйство в г. Сталинграде. Их речное транспортное хозяйство стало важнейшей составляющей формируемой единой глубоководной речной системы европейской части страны, перевалочной базой для донецкого угля, грузопринимающим и грузообразующим узлом лесной промышленности, поставщиком местных естественных строительных материалов.

В отличие от железнодорожного и речного транспортного строительства, находившихся в рамках министерств союзного уровня подчинения, автомобильная транспортная инфраструктура развивалась в иных условиях. Направления ее формирования определялись «Схемой развития автомобильных дорог в зоне Сталинградской ГЭС», одобренной министерством дорожного и транспортного хозяйства РСФСР (13). Финансирование, вытекавшее из уровня подчиненности министерства, было ниже, чем в железнодорожном и речном транспортном строительстве - 16, 85% от всех затрат на транспортное строительство.

В рамках развития хозяйства г. Сталинграда и прилегающих к нему территорий строительство объектов социальной сферы наибольший размах приобретало после начала функционирования крупнейших промышленных предприятий. Разме-

шение жилых массивов, их взаимосвязь с местами приложения труда определялось «Положением о порядке выбора района и пункта строительства новых промышленных предприятий и об основных показателях технико-экономического обоснования размещения предприятий», утвержденном Госэкономсоветом и Госстроем (13). Согласно ему наиболее эффективным вариантом размещения строительства считался тот, при котором достигалась минимальная величина полных затрат в производство и обеспечивалась организация производства в кратчайший срок. Наибольшую ценность для развития города приобрели территории, располагавшиеся на берегу Волги, и не требовавшие значительных средств на инженерную подготовку территории. О значимости проблемы рационального использования территории говорит тот факт, что в 1962 году был принят генеральный план развития г. Сталинграда, «выросший» из схемы районной планировки Сталинградской гидроэлектростанции. Территория города была разделена на 17 планировочных районов. От городских административных районов они отличались тем, что охватывали лишь часть района и складывались вокруг «ядра» – крупного промышленного предприятия. Формирование планировочных районов на территории города давало возможность промышленным министерствам за счет лучшего развития социальной сферы на подчиненных предприятиях обеспечивать производственный процесс трудовыми ресурсами. Жилые зоны размещались на менее удобных для строительства территориях в пределах пешеходной транспортной доступности. Масштабное жилищное строительство позволило увеличить селитебную территорию города с 7380 га до 10150 га (14). Город приобрёл дробную планировочную структуру, каждый элемент которой развивался на основе принципа замкнутого трудового баланса. Это приводило к уменьшению внутригородских поездок, формированию среды жизни в рамках определенной территории. Таким образом, развитие социальной сферы г. Сталинграда было подчинено общей логике формирования его хозяйства на базе строительства Сталинградской ГЭС.

Обобщая, отметим, что в середине XX века территориальная организация общества в г. Волгограде обеспечивала население местами приложения труда, позволяла формировать более высокий уровень жизни, чем на сельских территориях области. К настоящему времени условия территориальной организации общества сильно изменились. Прежде всего, они затронули институциональную основу. Если в 1990 г. в области насчитывалось 5286 предприятий и организаций, то в 2006 г. их число составило 48169 единиц за счет дробления основного капитала (15). Как следствие, в 2006 г. инвестиции в основной капитал на одно предприятие/организацию составили 719,4 тыс. руб., что обусловило снижение возможностей в совершенствовании территориальной организации общества. В структуре хозяйства доля обрабатывающей промышленности резко снизилась, уступив ведущее место субъектам оптовой и розничной торговли, организациям по операциям с недвижимостью. Для повышения эффективности территориальной организации общества необходимо смещение акцентов во внутрихозяйственной политике в сторону предприятий реального сектора экономики.

Библиографический список

1. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы и практика. – М.: Мысль, 1973. – С. 379.
2. Планирование размещения производительных сил СССР. В 2-х частях. Ч. 1. – М.: Экономика, 1985. – С. 221.

3. Филиал РГАНТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. Р. 850. Оп.5-4. Д.91. Л.377.
4. Филиал РГАНТД. Ф. Р. 850, оп. 5-4, д. 91, л. 378.
5. Там же.
6. Там же.
7. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). Ф.313. Оп. 1. Д. 1095. Л. 19.
8. Филиал РГАНТД. Ф.Р. 850. Оп. 5-4. Д. 91. Л. 380.
9. ГАВО. Ф. 686. Оп.21. Д.267. Л.1-124; Ф. 686. Оп.21. Д.587. Л.1- 96.
10. ГАВО. Ф.686. Оп.21.Д. 266. Л. 1- 11об; Ф. 686. Оп.21, Д. 587. Л. 1- 96.
11. Филиал РГАНТД. Ф.Р. 850. Оп. 5-4. Д. 90. Л. 344.
12. Филиал РГАНТД. Ф.Р. 850. Оп. 5-4. Д. 90. Л. 355.
13. Планирование размещения производительных сил СССР. В 2-х частях. Ч.1. – М.: Экономика, 1985. – С. 290.
14. Атопов В. И., Масляев В.Е., Минявкин А.Ф. Волгоград. – М.: Стройиздат, 1985. – С. 67.
15. Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб./ Росстат. – М., 2007. – С. 349, 712.

Амельченко В.И. (г. Уральск)

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Юлиан Глебович Саушкин является в географии достойным преемником выдающегося географа Николая Николаевича Баранского. В своём научном творчестве Ю.Г. Саушкин всегда, следуя идеям своего наставника, играл «аккордами», привнося в географическую науку новое звучание, свежие идеи, которые, наполняя «паруса географического корабля» энергией, помогали двигаться ему вперёд, способствовали развитию географической науки.

Свою первую крупную научную работу Юлиан Глебович посвятил злободневному во все времена анализу и прогнозу взаимодействия природы, населения и хозяйства, рациональному природопользованию. Наиболее ярко это проявляется в сельскохозяйственной деятельности населения, поэтому этот научный труд был назван «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза». Интересно само название научной работы – «Географические очерки...» – много ли докторских или кандидатских диссертаций представлено очерками?

Юлиан Глебович родился и вырос в городе и очень глубоких познаний в сельскохозяйственном производстве не имел, поэтому его анализ не был отягощён деталями. Это позволило ему увидеть не «отдельные деревья» а гармонию «всего леса», помогло на конкретных примерах, ярко описанных очевидцем, выделить главное, провести анализ и одновременно сделать синтез данных физической и экономической географии, доказать, что География едина. Как и Н.Н. Баранский, Ю.Г. Саушкин творил в то время, когда в идеологии главенствовало одно направление. Всё самое лучшее из этой идеологии они взяли и привнесли в географию (пространственно-временная основа системно-структурного анализа и другие идеи). Но некоторые мысли в то время прямо изложить было сложно, поэтому очень повезло тем, кто не только читал, но и слушал Юлиана Глебовича, который многое из сказанного дополнял своей интонацией, паузами, мимикой и жестами.

Идеи Ю.Г. Саушкина имели глубокие корни в отечественной географической науке, поэтому получали активное развитие в научной деятельности замечательных учёных-географов, собранных Н.Н. Баранским со всего Советского Союза на своей кафедре. В первую очередь это относится к таким крупным специалистам в области

географии сельского хозяйства и географии населения, как: Андрей Николаевич Ракитников и Сергей Александрович Ковалёв, которые, оперируя деталями и проводя глубокий анализ территориальных различий в сельском хозяйстве и в сельском расселении, поднимались до вершин доказательного синтеза взаимодействия природы, населения и хозяйства. Эти учёные очень уважали друг друга, часто советовались не только в камеральных условиях, но и во время полевых исследований (например, во время изучения в 1978 году Присухонья в Вологодской области).

Стержнем основной полосы расселения в СНГ является территория, в которой сформировались в основном чернозёмные, каштановые и дерново-подзолистые типы почв. Спор в науке, связанный с двумя точками зрения (Д.Рикардо – Г.Ч.Кэри) о том, какие – лучшие или худшие по качеству почвы осваивались в ходе исторического развития в первую очередь, возник, по-нашему мнению, в результате некорректной постановки вопроса. Вначале необходимо выяснить, какие типы почв в каждое определённое историческое время были ресурсами, то есть могли быть использованы человеком в его сельскохозяйственной деятельности. Например, для реконструкции сельскохозяйственного использования земель, которое практиковалось на территории Республики Казахстан в 16-17 в.в., мы с магистранткой Есмагуловой Б.Ж. использовали устное народное творчество, а именно – казахские народные сказки, собранные специалистами АН КазССР во время их научных экспедиций. Для получения полного представления о сельскохозяйственном использовании земель необходим не один, а все пласты культурного наследия, включающего не только устное народное творчество, но и образцы материальной культуры всех коренных народов, на землях которых создаётся казахское государство. Культурное наследие в обобщённом виде отражает практиковавшееся в былые времена природопользование, взаимоотношения этнических групп с природной средой, посредством своей хозяйственной деятельности. Каждая этническая группа занимает свою нишу в общественном развитии. Чернозёмные почвы 400 лет назад для казахов природным ресурсом не являлись: в казахских народных сказках, собранных в разных регионах республики, о них не упоминается, но одновременно с этим, использование земель предгорий для орошаемого земледелия в деталях описывается в сказках, собранных в южных областях республики. Поэтому считаем, что правы А.Смит и Д. Риккардо, утверждавшие, что в первую очередь начинают использоваться лучшие по качеству земли, которые для определённого исторического времени уже стали природным ресурсом. Изучая историю и реконструируя для конкретных территорий типы использования земель, мы получаем возможность определять траекторию развития природопользования. В свою очередь, зная траекторию, можно довольно точно прогнозировать использование земель в будущем. Мы изучаем историю для того, чтобы познать будущее.

Главной задачей географии сельского хозяйства, по-нашему мнению, является определение оптимального для каждой территории уровня интенсивности сельскохозяйственного использования земель. При этом необходимо проводить чёткую границу между понятиями «интенсивность» и «интенсификация». Интенсивность – это допустимый уровень хозяйственной нагрузки на природную среду. Чем выше биоклиматический потенциал территории, тем и более высокий уровень интенсивности сельскохозяйственного использования земель здесь может быть применён. Если мы превысим допустимый уровень интенсивности природопользования, то разрушим ПТК и приведём сельское хозяйство к упадку. Но если мы искусственно занижим уровень интенсивности, то недополучим возможную в этих усло-

виях сельскохозяйственную продукцию, понизим эффективность сельскохозяйственного производства. Уровень интенсивности сельскохозяйственного использования земель необходимо рассматривать в единстве с понятием «Региональные эколого-экономические системы».

Понятие «интенсификация сельского хозяйства» тесно связано с понятием «Научно-техническая революция». Если интенсивность сельскохозяйственного использования земель для каждой территории должна быть определённой, то интенсификация – то есть использование в сельскохозяйственном производстве достижений научно-технического прогресса, должна постоянно повышаться. Если этого не будет происходить, то начинает действовать «закон убывающего плодородия Мальтуса», который К.Маркс, а за ним и В.И. Ленин называли законом объективным, но имеющим частный характер. О законе Мальтуса в Европе уже забыли, но в некоторых республиках СНГ он вновь напомнил о себе.

Сельское хозяйство подразделяют на традиционное и современное. Главным отличием является использование современным сельским хозяйством ископаемых источников энергии. В то же время некоторые современные альтернативные источники энергии в прошлом широко использовались традиционным сельским хозяйством. Всё новое это хорошо забытое старое на современной технологической основе. Во многих случаях традиционное сельскохозяйственное использование земель в большей мере, чем современное сельское хозяйство, учитывало местные особенности природных условий. Но не везде следует его идеализировать, так как не везде оно было рациональным, как, например, в той части северных предгорий Альпийско-Гималайского пояса, которую в настоящее время иногда называют Исламским полумесяцем. Завышенный для прошлого времени уровень орошаемого земледелия привел к нарушению земель, к разрушению региональной эколого-экономической системы и к политической дестабилизации в регионе.

В Республике Казахстан в настоящее время много пишут о пагубном влиянии широкой компании под названием «Целина», нарушившей идиллическое природопользование, которое практиковалось на этой территории в прошлом. Рассмотрим это мнение на примере Западного региона республики. До начала XIX века сельское хозяйство в значительной мере дополнялось охотой, которую также необходимо рассматривать в качестве одной из форм природопользования. Исторически сложилось так, что к западу от реки Урал, на так называемой «Самарской стороне», до начала XVIII века пастбищным животноводством и охотой занималось калмыцкое население, которое имело свою философию охоты, отличавшуюся от подхода к охоте казахского населения, использовавшего земли к востоку от реки Урал – так называемую «Бухарскую сторону». Бухарская сторона имела более плодородные земли, так как в почвообразовательном процессе были задействованы четвертичные отложения суши. В то же время к западу от реки Урал морские четвертичные отложения обусловили широкое распространение засоленных низкопродуктивных земель. Более богатая растительность Бухарской стороны способствовала размножению здесь многочисленного поголовья сайгаков и кабанов, которые массово истреблялись казахами. Как описывал П.С.Паллас, казахи загоняли стада сайгаков в заросли камыша, с предварительно скошенными верхушками. Антилопы прыгали, напарывались животами на торчащий камыш и становились лёгкой добычей охотников. Погибало значительно большее количество животных, чем было необходимо для пропитания. Кабанов массово убивали и просто бросали гнить в за-

рослях камыша. Совершенно иной подход к охоте был у калмыков. Поэтому в настоящее время малочисленные стада сайгаков и кабанов сохранились лишь к западу от реки Урал, на засоленных землях с небогатым травостоем, там, где и раньше их было не так много, но природопользование здесь было организовано калмыками более рационально.

Это первый из известных для данной территории случай завышенного уровня интенсивности природопользования, который привёл к началу разрушения природного комплекса.

Второй этап завышения уровня интенсивности природопользования произошёл во второй половине XIX века, когда в России начал развиваться капитализм. Из центральных районов России в Среднюю Азию через территорию Северного Прикаспия шли караваны верблюдов с промышленными товарами. Местная казахская знать хотела иметь эти товары, в том числе и предметы роскоши. Но чтобы что-то купить, надо что-то продать. Если казаки вывозили на продажу красную рыбу, чёрную икру, яблоки, то казахи могли вывозить на центральный российский рынок лишь такой транспортабельный товар, как овечья шерсть. Поэтому с этого времени численность поголовья овец начала резко увеличиваться. Раньше в казахском хозяйстве овцы имели подсобное значение, как скороспелая отрасль животноводства. Овец использовали на мясо в тёплое время года, когда резать лошадь было невыгодно. Развитие рыночных отношений потребовало резкого увеличения поголовья овец, поэтому для этого использовали не только местные породы, но и менее крупные породы овец из севернее расположенных регионов. Эти овцы своими копытцами вытаптывали корневищные растения, не давая возможности им восстанавливать свой покров. Своим ротовым аппаратом северные овцы почти под самый корень подгрызали растения, размножавшиеся семенами. Рост численности и анатомические особенности овец, делающие их наиболее экологически опасными видами животных для степных растительных ассоциаций, а также начало перехода казахского населения к осёдлому образу жизни, обусловило концентрацию многочисленного поголовья овец, привело к началу процесса опустынивания в Северном Прикаспии и в Южном Приуралье.

Третий этап разрушения природных комплексов рассматриваемой территории произошёл в конце XIX-начале XX века, этот период является фактическим поднятием целины, когда происходило земледельческое освоение Северного Прикаспия и Южного Приуралья переселенцами из Украины и Центральных районов России. Этот процесс ускорило строительство в 1893 году железной дороги Уральск–Покровская Слобода (ныне город Энгельс) и в 1903 году железной дороги Оренбург–Ташкент. Вскоре после этого, в 1910 году, в Уральске вблизи железнодорожной станции был построен крупный и современный для своего времени комплекс по переработке зерна. Переселенцы, арендуя землю, попали в жестокую зависимость от административных казахских аулов. Это было связано с тем, что пригодных для обработки земель переселенцам не хватало, так как практиковалась переложно-залежная система земледелия, при которой пашня на 12–16 лет забрасывалась для восстановления естественного плодородия. Четвёртый этап завышения уровня сельскохозяйственного использования земель произошёл в период 1955–1960-е годы XX века под названием «Целина». К этому времени целинных земель, строго говоря, почти не осталось и превышение уровня интенсивности связано не с распашкой новых земель, а с переходом к плодосменной системе земледелия, к сокращению значения в севооборотах чистых паров.

Как третий, так и четвёртый этап завышения уровня интенсивности сельскохозяйственного использования земель, катастрофических последствий для местного природного комплекса не имел.

Этого нельзя сказать о пятом этапе завышения интенсивности, который в 70–80-х годах XX века был связан с компанией по увеличению в Казахской ССР поголовья овец до 50 млн. голов. Это нанесло тяжёлый удар по пастбищным угодьям, ускорило процесс опустынивания.

Завышенный уровень интенсивности использования земель компенсировался большими дотациями в сельское хозяйство за счёт других регионов СССР, что позволило значительно замедлить разрушение региональной эколого-экономической системы Западного Казахстана.

Определение оптимального уровня интенсивности сельскохозяйственного использования земель является важной, но не единственной задачей, которая стоит перед географами. Злободневными стали многие другие проблемы, которые невозможно решить без участия географов.

Необходимо признать, что достойного преемника у Ю.Г. Саушкина нет, возможно поэтому экономико-географы МГУ им. М.В. Ломоносова теряют своё былое лидерство в науке. В определённой мере преемником Ю.Г. Саушкина можно назвать Владимира Павловича Максаковского, который унаследовал от Юлиана Глебовича кафедру экономической географии в МГПИ им. В.И. Ленина и сохранил на своей кафедре дух географов МГУ им. М.В. Ломоносова, дух Н.Н. Баранского, став его прямым духовным преемником, посвятив всю свою жизнь школьной географии, подхватив эстафету Семёнова – Баранского в создании школьных учебников географии. В настоящее время значение географии как интегративной науки, не только впитывающей, но и генерирующей идеи для многих других наук, возрастает. Необходимо, чтобы предложения географов удовлетворяли этот спрос.

Библиографический список

1. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз, 1947.
2. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования) – М.: Мысль, 1970.
3. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. (Избранные главы). – Уралск: Оптима, 2006.

Аношкин Р.В. (г. Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ДЕПОПУЛЯЦИИ¹

Результатом многолетнего снижения рождаемости, роста смертности, уменьшения ожидаемой продолжительности жизни населения Смоленской области явилась деформация возрастной структуры населения. Немногим более чем за 50 лет Смоленская область из демографически молодого региона превратилась в старый. Первые признаки демографического старения населения Смоленской обла-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Смоленской области в рамках проекта «Будущее населения Смоленской области: пути выхода из демографического кризиса». Грант 11-12-67006 а/Ц

Таблица 1

Доля населения старше 60 лет в общей численности населения Смоленской области по данным переписей населения, %²

Год	1959	1970	1979	1989	2002	2009
Все население	12,7	15,8	16,9	19,4	21,3	24,1
Городское	9,1	11,3	12,0	15,2	18,4	22,8
Сельское	14,4	19,9	24,3	28,0	28,5	27,5

² Демография Смоленской области в 2000 году. Смоленск. Смоленскстат, 2001, С. 21-26

сти проявились в конце 1950 годов (табл. 1). Процесс старения населения области развивался «сверху» за счет стремительного оттока молодежи в города, повышения средней продолжительности жизни населения, и, соответственно, увеличения абсолютной численности пожилых людей. Причем, процесс старения сельского населения проявился значительно раньше, чем городского.

С середины 1960-х годов в сельской местности произошла смена демографического режима воспроизводства населения: расширенный тип трансформируется в простой и затем – в суженный. Изменились репродуктивные установки семьи: на смену 2–3 детной пришла 1–2 детная семья. Миграция способствует резкому сокращению численности фертильных контингентов населения, что в свою очередь привело к снижению рождаемости. Как следствие, с 1967 года в области отмечен отрицательный естественный прирост сельского населения. Происходит своеобразная накладка на старение «сверху» старения «снизу».

За период 1979–1989гг. произошли количественные и качественные изменения в характере демографического старения населения Смоленской области. Во всех без исключения районах Смоленской области наблюдался рост доли пожилого населения. К 1989 году в 18 районах Смоленской области доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения составляла более 25%, а в 9 районах – более 30%. Если в 1979 г. доля лиц старше 60 лет более 25% наблюдалась лишь в одном районе области, то к 1989 г. таких районов стало уже 13. С 1989 года на фоне сокращения ожидаемой продолжительности жизни преимущественно среди мужчин и начавшейся депопуляции в области наблюдается процесс прямо противоположный старению – демографическое омоложение. Одним из основных факторов данного процесса является омоложение «снизу» за счет сокращения абсолютной численности лиц старше 60 лет.

Учитывая достаточно большую эволюционную продолжительность старения населения Смоленской области, для анализа этапов данного процесса в районном разрезе была использована шкала стадий демографического старения Ж. Боже-Гарнье–Э. Россета. Согласно этой шкале, государство вступает в стадию преддверия демографической старости, если доля лиц в возрасте старше 60 лет в общей численности населения переступает порог 8%, а стадия собственно демографической старости наступает, когда доля лиц старше 60 лет составляет 12%. С учетом географической неоднородности старения по характеру динамики и различий в интенсивности процесса предусмотрены несколько стадий демографического старения: стадия 1: начальный уровень ДС – 12–14%; стадия 2: средний уровень ДС – 14–16%; стадия 3: высокий уровень ДС – 16–18%; стадия 4: очень высокий уровень – более 18%.

Таблица 2

Стадии демографического старения населения Смоленской области в 1989 и 2009 гг.
(по Ж. Боже-Гарнье - Э. Россету)

Стадии демографического старения, %	Районы	
	1989 г.	2009 г.
Нет демографического старения	г. Десногорск	–
Стадия 1 Начальный уровень ДС, 12-14	–	г. Десногорск
Стадия 2 Средний уровень ДС, 14-16	г. Смоленск	--
Стадия 3 Высокий уровень ДС, 16-18	2	г. Смоленск
Стадия 4 Очень высокий уровень ДС, 18-25	10	21
Стадия 5 Чрезвычайно высокий уровень ДС, 25-30	11	4
Стадия 6 Крайне высокий уровень ДС, более 30	2	

В связи с тем обстоятельством, что уже в конце 1980-х годов доля лиц старше 60 лет в общей численности населения по Смоленской области значительно превысила рубеж в 18%, имеющаяся шкала была адаптирована следующим образом: стадия 4: очень высокий уровень – 18–25%; стадия 5: чрезвычайно высокий уровень – 25–30% и стадия 6: крайне высокий уровень – более 30% (табл. 2).

К 1989 году в районном разрезе процесс старения населения Смоленской области был представлен пятью стадиями – со 2 по 6. На стадии 2 находился только областной центр – г. Смоленск. На стадии 3 находились лишь два района: Дорогобужский – единственный район с положительным естественным приростом населения и Гагаринский. Преобладающими по количеству были типы районов, находящийся на стадии 4 (10 районов) и стадии 5 (11 районов) (рис. 1).

К числу районов, находящихся на стадиях 3 и 4 демографического старения, относятся: более благоприятные в демографическом развитии территории; территории с большим демографическим потенциалом; менее урбанизированные по сравнению с другими районами территории, отличающиеся большими по размеру и количеству детей семьями. Вышеперечисленные факторы имели некоторый компенсационный эффект на процесс демографического старения. Ко второй категории районов, находящихся на стадиях 3 и 4, относятся районы с преобладанием городского населения (районы самых крупных городов области). В них более благоприятный по сравнению с другими районами Смоленской области характер естественного и механического движения населения способствовал в большей степени увеличению молодых контингентов, нежели пожилых.

В 2009 г. по сравнению с 1989 г. произошли количественные и качественные изменения в характере демографического старения населения Смоленской области. Как видно из рисунка 1 в 2009 году преобладающими являются стадии 4 (21 районов) и 5 (4 района). К началу 2010 года на начальный уровень демографического старения перешел самый «молодой» город Смоленской области – Десногорск. Население г. Смоленска постарело до высокого уровня. С высокого на очень высокий уровень демографического старения перешли Дорогобужский и Гагаринский район; с очень высокого на чрезвычайно высокий – Шумячский. Особенностями процесса старения населения области к началу 2010 г. является появление процесса противоположного демографическому старению – демографического омоложения. За период 1989–2005 гг. доля лиц 60+ лет выросла лишь в 10

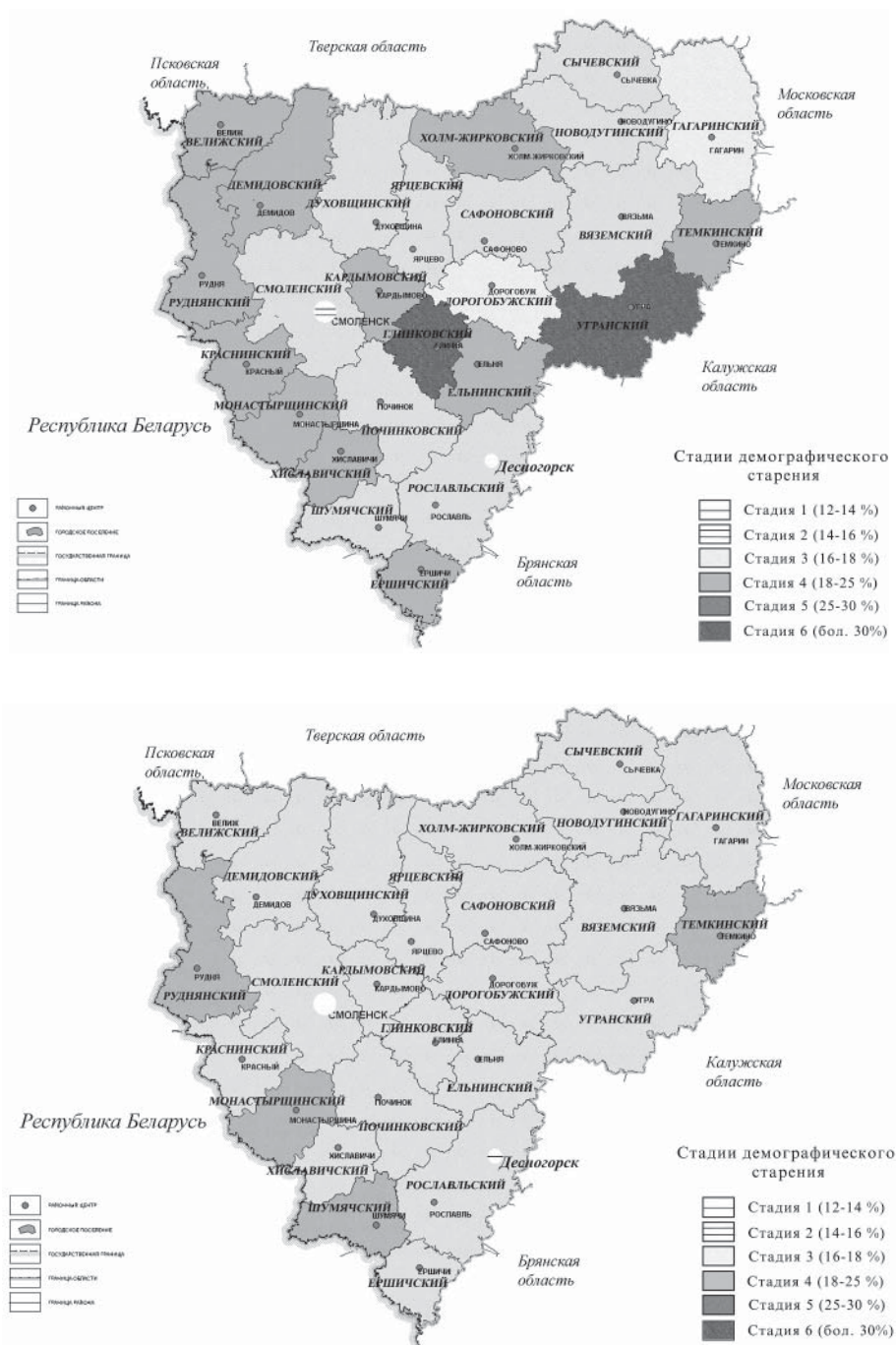

Рис. 1. Стадии демографического старения (ДС) населения Смоленской области в 1989 и 2009 гг. (по Ж. Боже-Гарнье–Э. Россету)

Таблица 3

Группировка районов Смоленской области по характеру динамики численности лиц старше 60 лет, 1989–2009 гг.

Группы по характеру динамики, %		Районы
I группа. Убыль	Ie подгруппа (крайне высокая, более 40)	5
	Id подгруппа (очень высокая, 30-4)	9
	Ic подгруппа (высокая, 20-30)	5
	Ib подгруппа (средняя, 10-20)	3
	Ia подгруппа (низкая, менее 10)	2
II группа. Рост	IIa подгруппа (низкий, менее 10)	1
	IIb подгруппа (средний, 10-20)	г. Смоленск
	Рост 273%	г. Десногорск

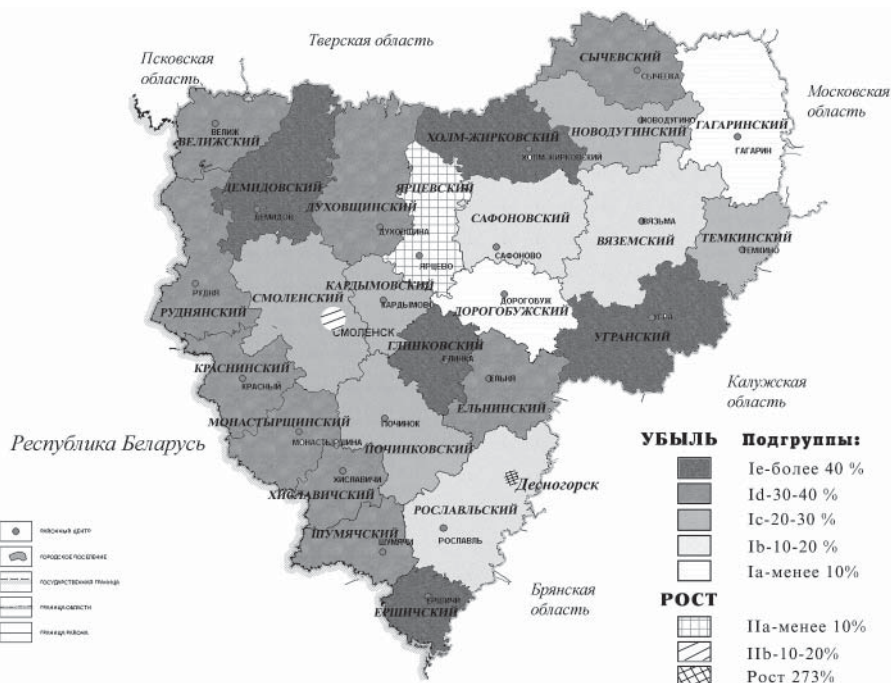

Рис. 2. Группировка районов Смоленской области по характеру динамики численности лиц старше 60 лет 1989–2009 гг.

районах области – Гагаринском, Дорогобужском, Монастырщинском, Новодугинском, Рославльском, Сафоновском, Шумячском и Ярцевском. В остальных 17 районах области доля лиц 60+ лет снизилась.

Дифференциация процесса демографического старения населения районов Смоленской области позволяет выявить не только стадии старения, но и различия в характере динамики лиц 60+ лет за исследуемый период (табл. 3). В качестве ключевого показателя в группировке использовался индекс динамики численно-

сти лиц старше 60 лет за период 1989-2009гг. Учитывая, что в предыдущие периоды демографического развития в районах Смоленской области наблюдались и рост, и убыль пожилого населения, группировка представлена двумя группами районов по характеру динамики лиц старше 60 лет – I группа (убыль численности) и II группа (рост численности). Каждая группа в свою очередь подразделяется на подгруппы, в зависимости от интенсивности убыли или роста.

Из рисунка 2 видно, что в период с 1989 по 2009 гг. убыль численности пожилого населения наблюдалась в 24 из 25 районов Смоленской области. Убыль пожилого населения связана, в основном, со снижением продолжительности жизни населения в этот период и крайне высокой смертностью населения, особенно мужчин. Рисунки 1 и 2 показывают, что рост численности и убыль низкой интенсивности населения старше 60 лет наблюдались в районах Смоленской области, находящихся на более ранних в областном разрезе стадиях демографического старения. Беспрецедентное увеличение численности пожилого населения, составившее 273%, произошло в г. Десногорске.

Как показывают результаты данного исследования, Смоленская область неоднородна по стадийности и динамике старения населения, что, естественно, предполагает и территориальную дифференциацию мер социально-экономического регулирования. Для всех без исключения районов Смоленской области характерна очень высокая доля пожилых людей. Старение населения предполагает увеличение демографической нагрузки на работающее население. Вместе с тем, старение населения порождает новые требования к социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию пожилых людей. Учитывая дифференциацию финансовых возможностей районов области по степени использования определенных финансовых средств на социальные нужды, можно предположить, что для многих районов это создаст определенные трудности.

Очевидно, что уже сейчас необходимо задуматься о перспективах социально-экономического регулирования в этих сферах.

Примечания

- ³ Состояние в браке и возрастно-половой состав населения Смоленской области по данным всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический бюллетень № 264. – Смоленск: Смоленскстат, 2004. – С. 16–98.
- ⁴ Численность населения Смоленской области по полу и отдельным возрастным группам на начало 2010 года. Статистический бюллетень № 573. – Смоленск: Смоленскстат, 2010. – С. 9–35.

Атаев З.А. (г. Рязань)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭНЕРГОСИСТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РОССИИ (1886–1989 гг.)

Эволюция территориальной организации энергосистем ЦЭР России шла синхронно с эволюцией территориальной организации общества, повторяя циклические волны централизации и децентрализации энергетики: автономные энергосистемы, сопряженное развитие децентрализации и централизации, полная централизация и в перспективе возврат к стратегии комбинированного развития разномасштабных энергосистем.

Первый период или этап становления электроэнергетики в ЦЭР России условно может быть ограничен 1886–1914 гг. и связан с образованием «Общества электрического освещения» (1886). На средства «Общества...» в Москве была построена первая в стране тепловая электростанция (1888 г.) [11]. Характерной особенностью территориальной организации энергосистем являлась быстрая функциональная трансформация «домовых» электростанций (обслуживающих отдельный дом, здание) или блок–станций (жилой квартал, завод, фабрика) к выполнению функций, присущих начальной стадии централизации энергетики. Так, формировались автономные энергосистемы с радиусом обслуживания в несколько километров, происходила морфологическая трансформация сети из радиальной (разомкнутой) – в циклическую (кольцевую, замкнутую, или циклическую сеть).

К началу XX века в результате дальнейшего усложнения структуры и выполняемых функций начали формироваться местные энергосистемы, состоящие из нескольких электростанций разного типа и сетей, работающие в согласованном режиме нагрузки. Фактически это были те же автономные системы, только разнообразившие потенциал генерации и расширившие зону обслуживания до границ города и близлежащих территорий.

Характерной технико-экономической особенностью рассматриваемого этапа являлась высокая зависимость отрасли от иностранного капитала, которому принадлежал и контрольный пакет акций энергокомпаний. Базисное оборудование электроэнергетики было также заграничного производства, что вело к технологической зависимости России от поставок запасных частей из Англии, Германии, Бельгии и др. [4; 6]. Сложившаяся структура экономических связей выступала ограничительным фактором повышения уровня электрификации страны и ее регионов. К тому же ресурсная ориентация на ввоз первичных энергоносителей сдерживала развитие собственной топливной базы. Например, все электроснабжение Москвы базировалось на дальнепривозной нефти из Англии и донецком антраците. В целом к началу 1914 г. в сфере топливоснабжения России нарастала кризисная ситуация. Для решения связанных с нею проблем необходимо было увеличить масштабы добычи и транспорта собственных видов топлива.

При этом угольная промышленность России имела свои особенности. Во-первых, росла территориальная концентрация добычи в Донецком угольном бассейне и его доля в топливно-энергетическом балансе страны (ТЭБ). Во-вторых, в угольной промышленности доминировал иностранный капитал (до 90 %), что привело к созданию в 1906 г. монопольного синдиката «Продуголь». Основной вектор деятельности синдиката – это конкурентная борьба с частным капиталом, вкладывавшим средства в местную угольную (Под-московный, западно-украинский уголь) и торфяную промышленность. Вторая составная часть конкурентной борьбы – иностранные монополии, владевшие добычей, переработкой и распределением нефти и нефтепродуктов Кавказа (Бакинские месторождения). Закономерным итогом монопольной деятельности «Продуголь» явилось систематическое повышение цен на донецкий уголь (с 6–8 коп. за 1 пуд в 1890-х гг. и до 12 коп. в 1913 г.). Рост цен намеренно поддерживался на уровне, превышающем темпы роста инфляции в стране и заработной платы рабочих угольной промышленности.

Такая диспропорция финансовых показателей была возможна только в условиях монопольных прав иностранных компаний на топливные ресурсы, что давало возможность создавать искусственный дефицит угля. Так, для регулирования вну-

тренних потребностей и цен в периоды циклического подъема или спада промышленного производства в России синдикат «Продуголь» импортировал уголь из Англии (через морские порты в Петербурге, Архангельске и Мурманске). При этом завозилось только в тех объемах поставок угля, которые были необходимы для поддержания искусственно высоких цен на внутреннем рынке страны [18. С. 43–45]. В итоге Россия несла большие экономические потери, одновременно сдерживалось промышленное развитие ее регионов.

Русские инженеры Г.М. Кржижановский и Р.Э. Классон указывали на опасность сложившейся ситуации и недопустимость высокой зависимости отечественной энергетики от иностранного капитала, справедливо считая намеренно спекулятивной ситуацию резкой диспропорции ТЭБ страны по углю и нефти. Отсюда ими обосновывалась необходимость масштабного использования местных ресурсов топлива, развития независимой региональной энергетической политики. В России первым объектом, изначально ориентированным на запасы подмосковного угля и торфа, была станция «Электропередача» (1912 г.) [12. С. 9–20]. Ныне – это ГРЭС № 3 имени Р.Э. Классона (г. Электрогорск, Павлово-Посадский район Московской области). В 1915 г. впервые в России от этой станции вводится ЛЭП протяженностью 71 км до Москвы. В результате городская и районная электростанции объединились в одну сеть, зарождалась региональная энергосистема.

Однако в последующие годы переломить ситуацию с недостаточным развитием отечественной электроэнергетики не удалось. Отраслевой потенциал был недостаточен для удовлетворения быстро растущих нужд. Например, на начало 1914 г. в пределах Центрального промышленного района, примерно совпадающего с границами ЦЭР России, функционировало 43 станции разных типов суммарной мощностью всего 68 264 л.с., или примерно 59 МВт [4. С. 60, 101]. С точки зрения территориальной организации, в основном это были блок-станции крупных промышленных предприятий или городские станции общего пользования, работающие по изолированной схеме местных энергосистем.

Первая мировая война кардинально изменила отношение к энергетике. В военных условиях наиболее негативно проявилась ее жесткая зависимость от западных поставок. Страна оказалась стесненной как в технологическом отношении, так и по топливоснабжению; к тому же полностью прекратились поставки английской нефти. В результате отраслевой потенциал наращивался очень медленно. Так, по состоянию на 1917 г. суммарная мощность всех электростанций России незначительно превышала показатель предвоенного 1913 года, составляя соответственно 1220 и 1098 МВт [Там же. С. 62]. В сложившейся ситуации стала очевидна актуальность проблемы создания отечественного оборудования и масштабной эксплуатации местных видов топлива.

Однако время предыдущего мирного этапа развития было потеряно безвозвратно, а существовавшие перспективные планы не были реализованы из-за последующих событий Гражданской войны. В условиях экономической и военной блокады Советской России основные базы топливоснабжения были отрезаны от Центра (Донбасс, Бакинская нефть), что вызвало в Центральной России энергетический кризис и стимулировало возрождение планов масштабного использования подмосковных углей и торфа. Применительно к такой ситуации Г.М. Кржижановский отмечал: «Подмосковный буроугольный бассейн – великая страховка на случай всяких осложнений» [12. С. 271]. По причине лимита на ископаемое топливо в условиях кризиса, осо-

бое внимание также уделялось использованию гидравлической энергии как ресурсной основы электрификации села. В 1918 г. была введена в эксплуатацию Ярополецкая микро-ГЭС (48 кВт) – первая в составе каскада из пяти гидроузлов на р. Лама (с. Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии). Только за один 1919 г. было построено и введено в строй еще 50 микро-ГЭС суммарной мощностью 1,6 тыс. кВт [27]. Такие маломощные и технически примитивные гидростанции строили почти повсеместно для электроснабжения отдельных предприятий или небольших поселков. Территориальная близость потребителя определяла и минимальные расходы на сооружение электросети от гидроэлектростанции – 2–3 км.

Рассматриваемый период был первым историческим витком процесса массового строительства объектов малой гидроэнергетики в стране. Для этого существовали благоприятные историко-географические предпосылки.

Второй и качественно новый период развития электроэнергетики в ЦЭР России приходится на 1921–1946 гг. Начальная фаза периода связана с реализацией плана ГОЭЛРО. За первые 10–15 лет предполагалось ввести в эксплуатацию 30 новых районных электростанций разного типа суммарной мощностью 1750 МВт и модернизировать станции старого поколения. План ГОЭЛРО придавал районным станциям доминирующую роль в централизации электроэнергетики: «...районные электростанции должны сделаться теми центрами, которые будут обрастать новыми промышленными и культурными ценностями, строя совершенно новую карту промышленной и экономической географии» [22. С. 495]. Основная цель плана ГОЭЛРО заключалась в получении наибольших народно-хозяйственных эффектов при наименьших затратах. Если сам целевой принцип был не нов, пионерными были принципы ее реализации в электроэнергетике.

К базовым положениям плана электрификации относятся: широкое использование местных видов топлива, ресурсов гидроэнергии, приоритетное строительство районных станций, соединенных единой сетью ЛЭП, всемерное развитие малой энергетики [28. С. 385]. На VIII Всероссийском электротехническом съезде, созванном в 1921 г. для экспертизы плана ГОЭЛРО, разгорелась острая дискуссия о роли районных и местных электростанций, т.е. о стратегии развития отрасли – централизации и децентрализации. Это была первая дискуссия о формах территориальной организации энергетики. Например, профессор Л.К. Рамзин категорически считал, что намеченная планом ГОЭЛРО широкая механизация производственных процессов в России не имеет под собой экономической базы, не крупные районные электростанции, а мелкая электрификация имеет для страны доминирующее значение [3. С. 464].

Вместе с тем сложная политическая обстановка в 1920–1930-е гг. внесла свои коррективы в форме ограничения единичной мощности станций, что сохраняло развитие децентрализованных энергосистем. Обострение международной обстановки, развитие военной техники сказалось и на решениях XVIII съезда ВКП(б) о необходимости перехода к преимущественному строительству малых тепловых и гидравлических станций мощностью от 25 МВт и ниже как менее уязвимых в случае массированных налетов бомбардировочной авиации [6. С. 60]. Для удовлетворения потребностей местной промышленности в 1932 г. было предусмотрено выделение государственных средств на широкое строительство локальных электростанций [7. С. 103]. В планах второй пятилетки подчеркивалась необходимость наращивания использования местных видов топлива и особенно гидроэнергетических ресурсов [8.С.22]. Стратегический курс на децентрализацию топливоснабжения крупных элек-

тростанций того времени имело интересное следствие организационного характера, подмеченное А.А. Бесчинским: мощные станции, используя местные виды топлива, приводили к децентрализации в топливоснабжении, но в то же время сами станции, работая в энергосистемах, усиливали централизацию электроснабжения [2].

Таким образом, в годы первых пятилеток была окончательно закреплена ориентация отрасли на сопряженное развитие централизованных и децентрализованных энергосистем на основе собственных топливных ресурсов и отечественный научно-производственный потенциал. Такая стратегия организации энергетического пространства позволила удовлетворить потребности сложного этапа коллективизации и индустриализации страны. Уже в планах второй пятилетки ставилась задача перехода от районных энергосистем к созданию объединенных, межрайонных систем (1933–1937 гг.). Было также намечено закольцевать мощность Московской, Горьковской, Ивановской, Донбасской и Ростовской региональных энергосистем. Созданный на основе плана ГОЭЛРО потенциал электроэнергетики в годы Великой Отечественной войны позволил обеспечить рост объемов военного производства. После окончания войны основное направление развития энергетики было связано с реализацией планов восстановления народного хозяйства (1946–1950 гг.). Одновременно происходило наращивание отраслевого потенциала, в том числе и в периферийных частях регионов. Особый акцент был сделан на централизацию и объединение региональных энергосистем Центральной России [6. С. 25–39, 108–109].

В 1945 г. было организовано диспетчерское управление ОЭС «Центр». Посредством ЛЭП 35–110–220 кВ были связаны Московская, Ярославская, Ивановская, Горьковская, Калининская и Брянская энергосистемы. Калужская, Тульская и Рязанская область не имели собственного управления и входили в зону обслуживания «Мосэнерго». В зоне доминирования централизованной энергосистемы дальнейшее развитие получило создание локальных энергосистем, связанных сетями с централизованной системой. Одновременно для периферийных и отдаленных территорий регионов характерно почти повсеместное развитие автономных систем. Основой таких систем чаще всего выступали объекты малой гидроэнергетики. Рассматриваемый период в стране являлся вторым историческим витком масштабного строительства малых гидроэлектростанций (1940–1950-е гг.).

По состоянию на 1959 г. всего в СССР было построено 4062 МГЭС суммарной мощностью 482 МВт и производительностью 1025 млн кВт·ч/год. Объем потребления электроэнергии в сельском хозяйстве СССР в 1959 г. составлял 8442 млн кВт·ч [16. С.16]. Таким образом, вклад малой гидроэнергетики в электробаланс сельского хозяйства превышал долю в 12%. Именно в это время формируются и локальные энергосистемы местного значения на энергетической основе малых ГЭС. Например, на основе Кузьминской МГЭС был полностью электрифицирован Рыбновский район Рязанской области, часть электроэнергии поставлялась в областной центр (1947 г., р. Ока, 1 МВт). Такие же функции выполняла локальная система на основе Лыковской МГЭС в Мценском районе Орловской области (р. Зуша, 750 кВт). В период 1940–1950-х гг. в каждом регионе ЦЭР России было построено от 40 до 100 объектов малой гидроэнергетики. Так, в пределах современных границ Рязанской области было введено в эксплуатацию 87 МГЭС суммарной мощностью более 13,2 тыс. кВт [1. С. 143]. В Костромской области только за 1946–1950 гг. было построено 37 малых гидравлических и 28 дизельных станций, сформировавших свои локальные

зоны снабжения. Всего за период 1945–1956 гг. в регионе было построено 46 объектов малой гидроэнергетики общей мощностью 1,8 тыс. кВт [25. С. 252].

Третий период развития электроэнергетики в ЦЭР России явился следующим и наиболее важным этапом развития электроэнергетики, определившим дальнейшее направление развития энергетики и всей экономики страны в 1960–1980-е гг. В 1960-е гг. происходил рост обеспеченности страны энергоэкономичными видами топлива (нефть, газ Западной Сибири), что привело к общей реструктуризации ТЭБ. Низкая себестоимость добычи предопределила и низкие цены на углеводородное топливо. Сложившаяся ситуация способствовала широкому использованию нефтепродуктов в сельском хозяйстве. В 1956 г. было окончательно снято ограничение на подключение к государственным энергосистемам колхозов и совхозов. В последующем начался этап массовой электрификации сельской местности и одновременно процесс «уплотнения» сельских поселений путем создания центральных усадеб вблизи транспортных и энергетических коммуникаций.

Смена энергетической стратегии. В целом для Советского Союза обилие дешевых и энергоэкономичных видов топлива в 1960-е гг. и последующая реструктуризация топливно-энергетического баланса имели следствием общий рост ресурсоемкости экономики. Базисное производственное оборудование промышленности разрабатывалось без учета аспектов энергосбережения и, как следствие, объективно повышался показатель энергоемкости валового национального продукта (ВНП). Согласно различным оценкам, к концу 1980-х гг. энергоемкость ВВП СССР была в 2–4,5 раза выше, чем в США [9; 10; 13; 15; 18; 33]. В развитых странах энергетические кризисы 1971–1973 и 1979–1981 гг. стимулировали активный поиск путей ресурсосбережения. Кардинальное изменение энергетической политики позволило снять остроту проблемы при сохранении общих темпов роста потребления. В результате за 1971–1985 гг. США снизили энергоемкость своей экономики на 33%, а Япония на 78 % [14; 24].

В территориальном аспекте состояние энергетики в европейской части СССР осложнялось низким уровнем самообеспеченности топливом, удовлетворявшим не более 30–40% внутренних потребностей [5. С. 14]. Недостающий объем энергоресурсов компенсировался за счет все возрастающих перевозок из восточных районов страны, что в силу инерционности развития экономических и ресурсных структур обеспечивалось экстенсивным путем. Однако такое форсированное освоение богатых месторождений при низкой степени выработки вело к их быстрому истощению. Произошли изменения и в долевой пропорции методов добычи. Например, если в 1965 г. свыше 78% нефти в Союзе добывалось дешевым фонтанным способом, то уже в 1975 г. более ½ объема добычи составлял дорогостоящий насосный способ [23. С. 144]. В результате наблюдался устойчивый рост расходов на единицу продукции топливно-энергетического комплекса страны.

В сложившихся условиях возникают экономические предпосылки для масштабного внедрения ресурсосберегающих технологий и вовлечения в общий энергобаланс источников энергии различной природы. В 1976 г. утверждается новый курс, направленный на снижение энергоемкости экономики, особенно в европейской части страны. Одновременно предполагалось провести кардинальную реструктуризацию топливно-энергетического баланса СССР с целью увеличения доли углей открытой добычи, атомной и гидравлической энергии [17.С.176–177]. Реализация принятых планов не могла быть обеспечена по ряду объективных причин, анализ которых проведен Г.А. Приваловской. Во-первых, энергоемкость экономики не могла быть

снижена из-за совокупности общегосударственных задач, решаемых хозяйственным потенциалом европейской территории страны (ЕТС). Во-вторых, концентрация предприятий нефтепереработки, нефтехимии, наращивание потенциала металлургических баз Центра и Урала неизбежно повышали показатель энергоемкости ЕТС. В-третьих, без реализации мер по кардинальному перевооружению основных фондов, созданных без учета ресурсо- и энергосбережения, общая энергоемкость экономики не могла быть снижена. В результате наблюдалась дальнейшая переориентация ресурсной проблемы: «Из-за ограниченности разведанных запасов топлива и сырья в зоне развитого хозяйства ... необходимость расширения топливно-энергетической базы стала проблемой освоения отдаленных источников» [26. С. 36–39].

Стратегическая ставка на усиление значимости в топливно-энергетическом балансе углей открытой добычи, атомной и гидравлической энергии на поверку оказалась нереализуемой задачей. Масштабные программы развития атомной энергетики были свернуты после катастрофической аварии на Чернобыле (1986 г.). В общей сложности было сокращено плановое строительство АЭС с 40,5 до 30,0 млн кВт. Реальное же снижение мощностей было выше. К началу 1987 г. потенциал атомных электростанций Советского Союза составлял 30 млн кВт, а к началу 1991 г. не более 11 млн кВт [20.С.395]. В свою очередь замораживание масштабных планов строительства АЭС сдерживало дальнейшую реализацию масштабных программ расширения сетевой инфраструктуры и, особенно в сельских районах староосвоенных регионов СССР [19. С. 9].

Для восполнения потерь мощности на АЭС планировался дополнительный ввод 9 млн кВт на угольных станциях. Реализация этих планов также не могла быть осуществлена из-за ограниченной экологической емкости европейской части страны. Не оправдалась и прогнозная ориентация на дешевые угли открытой добычи Восточной макроэкономической зоны. Низкое качество углей при высоких транспортных затратах предопределяло целесообразность их использования только в районах непосредственной добычи. В Западной макроэкономической зоне страны гидроэнергия также не могла рассматриваться как основа роста потенциала энергетики, где, помимо экологических ограничений, жестко лимитирующим фактором их масштабного использования, выступал относительно высокий уровень освоения гидроэнергетического потенциала территории (40–70%) [32. С. 31].

В целом к середине 1980-х гг. ярко обозначились предпосылки экономической неэффективности ТЭК страны. Демонстративным показателем обоснованности такой позиции является коэффициент корреляции между ростом добычи топлива и приростом на 1% выработки электроэнергии, который имел устойчиво нарастающую тенденцию: в 1960–1970 гг. – 0,50, а в 1970–1980-е гг. – уже 0,74. За последующие пять лет (1980–1985 гг.) он достиг наибольшей величины – 0,66, что указывало на «общую высокую ресурсоемкость и относительно невысокую эффективность энергетики СССР» [26. С. 39–40].

Возраставшие объемы внутреннего потребления и значимость энергоресурсов в экспорте требовали не просто поддержания уровня добычи, а его опережающего роста. За 1970–1987-е гг. экспортная составляющая топлива возросла с 17 до 47% [23.С.132]. Изменились и пропорции между потенциальными и разведанными запасами ресурсов, последние сильно сократились, причем особенно в районах старого освоения. Добыча постепенно удорожалась, к 1987 г. более 2/3 всей нефти в СССР разрабатывалось наиболее дорогостоящим насосным способом. Между тем 1960–1980 гг. характеризуются наиболее высокими темпами наращивания потен-

Таблица 1

Основные показатели развития электроэнергетики СССР (1950–1985 гг.)

Показатель	1950	1960	1970	1980	1985
Объем производства электроэнергии, млрд кВт • ч	91,2	292,3	740,9	1293,9	1544,2
Установленная мощность электростанций, млн кВт, в том числе объединенных в ЕЭС СССР	19,6 —	66,7 —	166,2 104,9	266,7 223,4	315,1 —
Протяженность воздушных ЛЭП напряжением 35 кВ и выше (Минэнерго СССР), тыс. км.	31,4	124,4	443,6	786,4	917,0

Таблица составлена по статистическим данным [18; 31–33].

циала электроэнергетики, централизации энергосистем (табл. 1) и ростом объемов потребления электрической энергии.

В период 1960–1970-х гг. мощность станций и объем производства электроэнергии в СССР возросли более чем в 2,5 раза, а за последующие пять лет еще почти на 20 %. Нарастивание мощностей электростанций форсировало процесс дальнейшего формирования объединенных энергосистем страны. В 1970–1980-е гг. основными чертами развития электроэнергетики являлось углубление централизации путем концентрации мощности станций и роста протяженности ЛЭП высокого и сверхвысокого напряжения. В результате был сформирован основной каркас энергетического пространства страны и ЦЭР, почти не претерпевший существенных изменений к настоящему времени.

Усиление централизации электроэнергетики ЦЭР России за счет постоянного повышения единичной мощности электростанций и усложнения конфигурации системообразующих и питающих сетей увеличивало поляризацию производственных возможностей региональных энергосистем, что в свою очередь приводило к увеличению длины плеча «экономических расстояний» по транзиту электроэнергии между энергоизбыточными и энергодефицитными системами. Отсюда вытекает важное географическое следствие, отмеченное акад. Л.А. Мелентьевым: нерациональная встречность зональных направлений масштабного перетока электрической энергии с не менее мощным межрайонным потоком транспорта первичных энергоносителей и, по той же длине экономических расстояний [18. С. 168–169].

В случае модернизации и сохранения прежней стратегии развития разномасштабных энергосистем можно было удовлетворять нужды в меньшем объеме транзита топлива и электроэнергии. Локальные энергосистемы на разной ресурсной основе позволяют получить эффект за счет меньшей потребности транспортировки энергоносителей, снижения потерь при трансформации и полном отсутствии топливного цикла производства (для возобновляемой энергетики). Такая точка зрения не возобладала.

Продолжался процесс наращивания мощностей энергетики при сохранении в эксплуатации значительной доли устаревшего оборудования, что вело к перерасходу топлива. К началу 1987 г. износ основных производственных фондов в электроэнергетике достиг 37%, а в отраслях топливной промышленности еще выше – 45% [32.С.233]. Вывод из эксплуатации изношенного оборудования сдерживался потерей темпов ввода новых мощностей в 1980-е гг. В ЕЭС СССР показатель резер-

ва мощности к 1985 г. нормативно должен был составлять 13%. В реальности резерв оперативной мощности составлял не более 5–6%, а к концу 1980-х гг. почти исчез. Уместно привести следующие данные: по состоянию на начало 1990-х гг. резерв мощности в энергосистемах США достигал 30%, в Германии – 50%, а во Франции – 65% [13.С.76]. Таким образом, в Германии на одну работающую электростанцию приходилась еще одна аналогичная по мощности «запасная» электростанция, а во Франции – 1,15.

Именно в рассматриваемый период в стране возникли объективные предпосылки для начала третьего исторического витка масштабного использования малых гидроэлектростанций, сопряженного развития разномасштабных энергосистем (1980-е гг.). Был снова осознан и признан принцип необходимости дополнения «большой» энергетики «малой», что позволяет существенно повысить надежность энергоснабжения потребителей и особенно в староосвоенных регионах европейской части страны [32. С. 231–233].

Для частичного решения комплекса накопившихся в электроэнергетике проблем в 1980-е гг. активно прорабатывались планы возрождения потенциала малой гидроэнергетики. Прогресс в технологии производства автоматизированных малых-ГЭС, рентабельность эксплуатации даже устаревшего оборудования привели к пересмотру взглядов на возможности и перспективы малых гидростанций. В планах на двенадцатую пятилетку предполагалось реализовать масштабную программу по восстановлению, модернизации, а также сооружению новых объектов малой гидроэнергетики (1986–1990 гг.).

В 1984–1987-е гг. специалисты Министерства энергетики СССР провели обследование 387 малых ГЭС (219 действующих, законсервированных и 168 списанных). Из общего количества обследованных станций 18 были полностью автоматизированы, а 288 функционировали в полуавтоматизированном режиме. По состоянию на 1 января 1988 г. в системе Минэнерго СССР насчитывалось 243 малых-ГЭС суммарной мощностью 1250,3 тыс. кВт. Из них 56 электростанций не имели сетевой связи с общей энергетикой и работали по схеме децентрализованных энергосистем [16.С.17–18]. В основной своей массе все эти электростанции были построены в 1940–1950-х гг. В 1980-е гг. помимо Минэнерго СССР комплексные изыскания и обоснование технико-экономических проектов восстановления списанных объектов малой гидроэнергетики проводились иными ведомствами (Минводхоз СССР, Минречфлот СССР и др.) [21; 30]. Однако внутривнутриполитические события в стране второй половины 1980-х гг. и последующие реформы притормозили процесс реализации программ возрождения малой гидроэнергетики.

В целом неоднократные попытки решения проблем ТЭК в СССР не могли изменить существующего положения, так как не была ликвидирована ее главная причина, сформулированная Г.А. Приваловской: «Переход экономики к ресурсопользованию преимущественно интенсивного типа осуществлялся в условиях, когда еще не завершен процесс индустриализации, опирающийся на преимущественно экстенсивное использование традиционных видов собственных природных ресурсов как при новых, так и при устаревших технических средствах и технологиях» [26. С. 42]. И как следствие, нарастание комплекса негативных тенденций в энергетике бывшего Советского Союза и ЦЭР России предопределило к концу 1980-х гг. ее предкризисную ситуацию.

Библиографический список

1. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России: Монография / З.А. Атаев ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – М.: Рязань: Изд-во МПСИ, 2006. – 344 с., 15 с. ил.
2. Бесчинский А.А., Коган Ю.Н. Экономические проблемы электрификации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Энергоатомиздат, 1983. – 432 с.
3. БЭС. – Т. 63: Э – Электрофон / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 775 с.
4. Давыдова Л.Г. Использование электроэнергии в промышленности России (исторический очерк). – М.: Наука, 1966. – 196 с.
5. Дьяков А.Ф. Основные направления развития энергетики России // Теплоэнергетика. – 1991. – № 8. – С. 10–16.
6. Жимерин Д.Г. История электрификации СССР. – М.: Социально-экономическая литература, 1962. – 457 с.
7. Индустриализация СССР за 1929–1932 гг. (Документы и материалы) / АН СССР; Институт истории СССР; Институт экономики; Отв. ред. В.Е. Полетаев. – М.: Наука, 1970. – 634 с.
8. Индустриализация СССР за 1933–1937 гг. (Документы и материалы) / АН СССР; Институт истории СССР; Институт экономики; Отв. ред. М.И. Хлусов. – М.: Наука, 1971. – 654 с.
9. Исакович Г.А., Слуцкий Ю.Б. Экономия топливно-энергетических ресурсов в строительстве. – М.: Стройиздат, 1988. – 214 с. (Сер. Экономика топлива и электроэнергии).
10. Калинин М.С. От суэты к системе // Энергия: экономика – техника – экология. – 1987. – № 5. – С. 13–15.
11. Каменецкий М.О. Первые русские электростанции. – М.; Л.: Госэнергоиздат, 1951. – 131 с.
12. Кржижановский Г.М. Избранное. – М.: Политическая литература, 1957. – 567 с.
13. Куркин Б.А. Бремя «мирного» атома. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 269 с.
14. Лемещев М.Я. Земля тревоги нашей // Комсомольская правда. – 1988. – 10 февраля.
15. Макаров А.А. Концепция энергетической политики Российской Федерации в новых экономических условиях // Электрические станции. – 1993. – № 3. – С. 2–10.
16. Малая гидроэнергетика / Л.П. Михайлов, Б.Н. Фельдман, Т.К. Марканова и др.; Под ред. Л.П. Михайлова. – М.: Энергоатомиздат, 1989. – 184 с.
17. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976.
18. Мелентьев Л.А. Очерки истории отечественной энергетики (развитие научно-технической мысли). – М.: Наука, 1987. – 277 с.
19. Муругов В.П. Экономика автономных энергосистем в сельском хозяйстве с использованием возобновляемых источников энергии // Автономная энергетика вчера, сегодня, завтра / Санкт-Петербургский филиал информационного центра агентства «НВ» издательского дома «Коммерсант Ъ». – 1993. – Июнь. – С. 9–12.
20. Народное хозяйство СССР в 1990 г. / Госкомстат. – М., 1991.
21. Обследование сооружений Рассыпухинского гидроузла на р. Мокша. Технический отчет по инженерным изысканиям / Министерство речного флота РСФСР; Главное управление капитального строительства; Государственный институт проектирования на речном транспорте «Гипроречтранс». Арх. № 73730. – М., 1989. – 64 с.
22. План электрификации России (ГОЭЛРО). – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – 634 с.
23. Промышленность СССР: Стат. сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988.
24. Ревелль П., Ревелль Ч. Среда нашего обитания: В 4 кн. – Кн. 3: Энергетические проблемы человечества / Пер. Л.В. Самсоненко, И.М. Спичкина. – М.: Мир, 1995. – 291 с.
25. Смуrow В.В., Тимонин Ю.К. Свет над землей Костромской: Страницы истории электрификации области. (К 40-летию «Костромаэнерго»). – Кострома: ГУИПП «Кострома», 2001. – 520 с.
26. Территориальная структура народного хозяйства СССР в период НТР: сдвиги и тенденции / Г.А. Приваловская, Г.А. Агранат, Г.В. Иоффе и др. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
27. Техническая энциклопедия. – Т. 2: Аэродинамика – Бумажное производство. – М.: Советская энциклопедия, 1928. – 870 с.
28. Техническая энциклопедия. – Т. 26: Шаровые и трубные мельницы. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – 827 с.
29. Указ Президента Российской Федерации «О реализации в электроэнергетической промышленности Указа Президента РФ № 922 «Об особенностях преобразования государственных предприятий, организаций топливно-энергетического комплекса в акционерные общества» № 1334 от 2 ноября 1992 г. // Энергетик. – 1993. – № 2. – С. 2–3.
30. Фельдман Б.Н., Марканова Т.К., Молнар О.В. Реконструкция и восстановление малых ГЭС // Электрические станции. – 1987. – № 1. – С. 5–8.
31. Энергетика СССР в 1981–1985 гг. / Под ред. А.М. Некрасова, А.А. Троицкого. – М.: Энергоатомиздат, 1981.
32. Энергетика СССР в 1986–1990 гг. / Под ред. А.А. Троицкого. – М.: Энергоатомиздат, 1987. – 312 с.
33. Энергетический комплекс СССР / Под ред. Л.А. Мелентьева, А.А. Макарова. – М.: Экономика, 1983. – 264 с.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ПРЕДЕЛАХ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Сельское хозяйство, являющееся основой развития агропромышленного комплекса, а также ключевой сферой деятельности сельского населения, всегда было важным предметом исследования экономической и социальной географии. Узловой проблемой таких исследований стало применение экономико-географических методов изучения взаимоотношений сельского хозяйства и природной среды, позволяющих обосновать пути рационального использования природного потенциала территории при решении экологической проблемы и проблемы продовольственной безопасности.

Среднерусская возвышенность расположена практически в центре Восточно-Европейской равнины и является важным водоразделом между Каспийским, Азовским и Чёрным морями. По её наиболее возвышенным участкам (250–290 м), соответственно проходит граница бассейнов крупных рек – Волги (Ока), Дона (Северский Донец) и Днепра (Десна, Сейм). Благодаря большому простираению возвышенности с севера на юг (около 1000 км) в природном отношении в её пределах происходит изменение интегрального действия физико-географических факторов, что влечёт за собой и смену природных зон от южнотаёжно-лесной на севере, до степной зоны на южных склонах. Весь спектр перехода от одной зоны к другой формирует лесостепь – уникальную в природном отношении территорию, которая сыграла важную роль в становлении и развитии сельского хозяйства России.

По-видимому, начало освоения человеком лесостепной зоны Среднерусской возвышенности относится к среднему палеолиту. Некоторые авторы считают, что возвышенный рельеф способствовал проникновению человека из южных районов на север Восточно-Европейской равнины. «Именно Среднерусская возвышенность могла быть основным путем проникновения древнейших людей в северные широты. Это связано с ландшафтной обстановкой днепровского и начала микулинского времени, когда в результате таяния ледников значительная часть низменностей в Поволжье и Поднепровье оказалась заболочена» [4]. Хозяйственная деятельность человека ещё на протяжении тысяч лет имела локальный, мелкоочаговый характер, поэтому не могла нарушить естественного равновесия природных систем, сложившихся на данной территории. Потому динамика изменения ландшафтов под влиянием антропогенного фактора была незначительной.

Великолепную ретроспективную панораму исторических изменений ландшафтов лесостепной зоны Среднерусской возвышенности под влиянием хозяйственной деятельности человека изобразил Ю.Г. Саушкин в пятом географическом очерке «Зерновое хозяйство возвышенных частей чернозёмной полосы с сильным развитием эрозии почв» [3]. Им показаны три ландшафта. «Первый... относится к доисторическому времени, или первым векам хозяйственного освоения природы Среднерусской возвышенности». Это «лесная местность с чередованием хвойных и лиственных лесов... Ровные плато водоразделов и берега рек заняты, главным образом, ольшатниками и дубравами». Под пологом древесной растительности разлит мощный травянистый покров. По балкам, среди трав и кустарников, «медленно

сочится вода». В понижениях рельефа встречаются неглубокие болота. Темноцветные перегнойные почвы сильно увлажнены, за исключением хорошо дренированных водораздельных участков.

«Второй ландшафт – характерен для XVI века». Он «отличается от первого обилием полей, или «переполей», многие из которых достигают больших размеров и носят название «полей». Сосновые леса занимают лишь склоновые участки, а также песчаные почвы. Основной доминантой являются дубравы с многовековыми деревьями-великанами – именно они и определяют географическую среду для хозяйственной деятельности человека – охоты, рыбной ловли, собирательства. По площади дубравы не уступают «перепольям» – лугам, используемым для выпаса скота и в качестве территории медосбора для многочисленных «бортных ухажеев», пахотные угодья расположены «кое-где», они быстро забрасываются и зарастают кустарником.

«Третий – начиная с конца XIX–начала XX века – типичный современный ландшафт». Это «открытое безлесное пространство, всё изрезанное длинными и короткими оврагами», где распаханно всё вплоть до крутых склонов. Мелколиственные леса и естественные луга сохранились лишь «по долинам рек и днищам балок». Встречаются участки склонов, на которых почва полностью смыта [3, с. 193–194].

Действительно, сельскохозяйственная деятельность изменяет природный ландшафт юга Среднерусской возвышенности с X–XI веков, когда распространяется подсечно-огневое земледелие. В результате к XII веку, распаханное открытое пространство, расположенные в основном на возвышенных водоразделах, стали поглощаться оврагами. Военное противостояние между русскими и татарскими племенами замедлило процесс сельскохозяйственного освоения указанной территории и «смена леса лугом и луга лесом, надо думать, неоднократно повторялась» вплоть до XVII века. Затем происходит военная государственная колонизация, для укрепления южных рубежей Московского государства – по долинам крупных рек были основаны крупные города и селения, «половина жителей которых должны были работать в поле, в то время как другая половина» нести караульную службу. Параллельно с военной колонизацией происходит и вольное заселение района, но преимущественно по мелким лесным рекам и ручьям. С этого времени сельскохозяйственная деятельность человека довольно быстро изменяет ландшафт [3, с. 229–230]. Вместе с тем существенно изменяются социально-экономические условия, что вызывает трансформацию всей сельской местности лесостепи Среднерусской возвышенности.

Первый этап существенного изменения ландшафтов, конец XVI – начало XVIII вв. Формируется система расселения с городами-крепостями в основном на крутых берегах крупных рек или у их слияния. Население этих городов, в основном служилые люди, получало земли в уезде. «По мере роста города, земли служилым людям отводились всё дальше и дальше от него. В центре этих дальних земель основывались деревни – в основном крупные, также имеющие военное значение» [там же]. Земельные наделы распределялись сегментами круга, расходившимися из центра-города, по мере прибытия новых служилых людей сегменты становились всё уже и длиннее, иногда сегменты «ломались», переходили из рук в руки – отсюда происходи длинноземелье и крайняя чересполосица. Уже к этому времени площадь лесов сократилась до 30–40%, а на сельскохозяйственные угодья приходилось до 60–70%, причём большей частью это были луга – в результате чего усиливается процесс «очернозёмливания» лесных почв. Ландшафт преобразуется из лесо-лугового в луговое-лесной.

Второй этап, начало XVIII в. – первая половина XIX в. Русское государство расширяет свои владения в южном направлении, в результате этого города-крепости превращаются в «самые заурядные земледельческие поселения» [3, с. 231]. Земли сосредотачиваются в руках помещиков, крестьянское население закрепощается. Процесс сведения лесов ещё более ускорился в связи со строительством новых деревень, а также на дрова, идущие в большей части на перегонку крепкого вина из излишков зерна помещичьих хозяйств. Усиливается распашка луговых земель под посевы зерновых культур. Плотность населения возрастает с 6 до 25 человек на 1 км². Существенно изменилось соотношение земельных угодий: около половины площади приходится на пашню, по 12% – луга и леса, четверть – выгон и прочие угодья. Основными возделываемыми культурами являлись зерновые (пшеница, рожь и овёс), крупяные (гречиха), а также технические (конопля) культуры. В таких условиях, несмотря на большую угрозу эрозии, равновесие ещё сохраняется в основном за счёт лугов и пастбищных угодий.

Третий этап, вторая половина XIX в. – 1920-е гг. Главным фактором, изменившим облик лесостепи Среднерусской возвышенности в этот период, стало превращение земли в средство извлечения денежного дохода от реализации выращенной на ней продукции. Это способствовало увеличению распаханности территории до величины более 60% от общей земельной площади. Площади сенокосных лугов в этот период сокращаются практически вдвое и составляют около 6%. В структуре использования пашни более половины приходилось на посевные площади, которые на 90% были заняты зерновыми культурами, на 5–7% пропашными, оставшиеся же площади посевов занимали однолетние и многолетние травы [2]. Лесные площади сократились до 3–7% и превратились в отдельные лески и рощи, расположенные в основном по вершинам и склонам оврагов и балок. Именно в этот период равновесное состояние между природными и аграрными антропогенными ландшафтами было нарушено, что привело к повышению интенсивности эрозионных процессов. В 90-е гг. XIX века «расширение пашни перешло в свою противоположность, и сознательное увеличение площади пашни, в погоне за прибылью – до 90% территории – привело к невольному уменьшению пашни из-за смыва почвы и роста оврагов» [3, с. 245]. В условиях ухудшения качества почв произошло и существенное изменение структуры возделываемых культур, а также изменение кормовой базы животноводства.

Для рассматриваемой территории в начале XX в. были характерны в основном экстенсивные формы организации кормовой базы. В составе полевых кормов преобладала солома, в некоторых районах корма заготавливались с естественных природных угодий, также использовали отходы переработки зерна и технических культур. Уже на этом этапе наблюдались существенные региональные различия по типу кормления. Так А.М. Дмитриев (1923) в масштабах всей страны выделял несколько типов организации кормовой базы животноводства, в его типологии территории Среднерусской возвышенности соответствуют следующие:

1) сено-соломенный район, на более южной части территории распространения дерново-подзолистых почв и в северной лесостепи с преимущественно травяно-польной и интенсивно луговоедческой формой кормопроизводства;

2) районы преимущественно соломенного типа кормления, в южной лесостепи [2].

Четвёртый этап, 1930-е гг. – середина 1980-х гг. Данный этап в пределах рассматриваемой территории характеризовался значительным повышением интенсивности сельскохозяйственного производства (несмотря на спад 1930-х – 40-х гг.).

В основном это стало возможным благодаря применению минеральных удобрений и повышению уровня механизации сельского хозяйства.

В пределах лесостепи Среднерусской возвышенности при продвижении на юг площади лесных массивов сильно сокращаются, но увеличивается распаханность территории, причём преобладают крупные массивы пашен. Основу сельскохозяйственного использования земель составляют посевы зерновых культур, в сочетании с которыми возделываются многолетние и однолетние травы. При продвижении к югу доля многолетних трав снижается, но увеличивается значение пропашных культур – сахарной свёклы и подсолнечника, которые в степной зоне, в сочетании с зерновыми составляют основу растениеводства. Природные кормовые угодья в этих районах размещаются исключительно по долинам рек и балкам.

Повышение интенсивности привело к дальнейшему развитию эрозионных процессов, вследствие чего большие площади сельскохозяйственных земель стали выводиться из оборота. На данной территории своеобразной моделью организации культурного ландшафта стали агролесомелиоративные станции (например, Новосильская в Орловской области). Здесь были внедрены специальные севообороты, с преобладанием посевов зерновых культур в сочетании с многолетними травами, а широкое внедрение лесомелиорации (общая лесистость территории около 15%) способствовала не только снижению интенсивности эрозии, но и восстановлению почвенного покрова на крутых склонах балок.

Пятый этап, с середины 1980-х гг. Современный этап характеризуется спадом интенсивности сельскохозяйственного производства, обусловленным преобразованиями экономических, социальных и культурных основ существования и развития сельской местности. Менее интенсивное использование обрабатываемых земель послужило причиной спада урожайности зерновых, кормовых и овощных культур. Так, за 90-е гг. урожайность зерновых снизилась на 9%, а овощных культур на 15%. Однако, ландшафтная специфика сыграла особую роль в период спада производства.

В составе кормовых культур лесостепной зоны в 90-е гг. происходило неуклонное увеличение доли многолетних трав, в некоторых районах от 30 до 50% и более. Дать однозначную оценку данной тенденции невозможно, так как в эрозионно-опасных районах многолетние травы входят в состав специальных противоэрозионных севооборотов и расширение площадей занятых ими носит явно положительный характер. Но необходимо отметить, что такие районы имеют определённую локализацию на возвышенных водораздельных равнинах, а в повышении доли многолетних трав такую локализацию проследить весьма сложно. Вместе с тем, согласно экспертным оценкам и полевым обследованиям территории некоторых хозяйств, земли которые по годовым отчётам и в статистике заняты многолетними травами, на самом деле являются не обрабатываемыми. Похожая ситуация в лесостепной зоне и в зоне перехода лесостепи в степь характеризует и пашни, которые в отчётах и статистических материалах числятся как оставленные под пары.

Решение продовольственной и экологической проблем лесостепных ландшафтов Среднерусской возвышенности связано с оптимизацией использования земель и рационализацией организации территории в условиях трансформации структуры земельной собственности с учётом ландшафтных особенностей сельской местности. Большое значение при этом имеет научно обоснованное разграничение земель сельскохозяйственного и лесохозяйственного пользования. Ландшафты возвышенных и холмистых равнин имеют достаточно высокую степень привлекательно-

сти, что в сочетании с многочисленными объектами исторического и культурного наследия создаёт благоприятные условия для развития массового туризма и отдыха. «Рекреационное освоение этой территории имеет длительную историю, хотя здесь имеются ещё большие неиспользованные возможности рекреационного использования земель в сочетании с сельским и лесным хозяйством» [1].

Библиографический список

1. Крючков В.Г., Казаков С.Г. Эффективность использования земель и экологические проблемы Центральной лесостепи // Вестник Московского университета. – Серия 5. – География. – 1999. – №5. – С. 28.
2. Носонов А.М. Территориальные системы сельского хозяйства (экономико-географические аспекты исследования). – М.: Янус-К, 2001.
3. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: ОГИЗ, 1947.
4. Чубур А.А. Первоначальное заселение человеком среднерусской возвышенности: к постановке проблемы // Успехи современного естествознания. – 2007. – №7.

Горлов В.Н. (г. Москва)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ

Как известно, Ю.Г. Саушкин никогда не занимался вопросами географии электроэнергетики. В целом тематика географии промышленности была в основном вне поля его научных интересов. Но его эрудиция и научный темперамент служили примером и вдохновляющим началом для многих его учеников, в том числе и для автора данного текста доклада.

1. Современная электроэнергетическая база страны сложилась в рамках чуждой капитализму идеологии. В значительной степени она формировалась в течение длительного периода времени под влиянием идеологии плана ГОЭЛРО. Эту идеологию долго не могли сломать реформаторы после 1991 г. В значительной степени этому поспособствовала знаменитая Чагинская авария в Москве, которая сильно напугала власть в стране. После этой аварии стало ясно, что надо срочно определяться по какому пути развития пойдет эта одна из важнейших в стране жизненно-беспечивающих отраслей.

Была принципиальная возможность выбрать один из нескольких возможных: вариантов – полная приватизация или сохранение полной государственной собственности, но при условии создание эффективной и компетентной команды управленцев ее. После долгих колебаний был выбран промежуточный вариант, который с одной стороны устроил многих во власти и бизнесе, а с другой стороны не позволяет решать накопленные в электроэнергетике после 1991 г. проблемы в реальном масштабе времени.

2. К моменту начала приватизации некомпетентное руководство электроэнергетикой и сильное недофинансирование довели генерацию и сетевое хозяйство до предела. Доля оборудования, которое полностью морально и физически устарело перешагнуло за 50%. Сильно сократились возможности национального энергомашиностроения производить новое оборудование, да к тому же в достаточном количестве. Развалились ранее существовавшие мощные специализированные стро-

ительные и монтажные организации, полностью потеряны специальные рабочие, инженерные и проектные кадры и специальная строительная техника.

Частный бизнес заменил в электроэнергетике прежнюю идеологию ее построения и управления – максимальная степень надежности и экономичности работы на другую – получение всеми возможными способами максимума прибыли с выводом части ее в непрофильные фонды. Этот принцип сегодня основополагающий в работе частного бизнеса и поэтому в электроэнергетике страны происходит то, что происходит.

3. Централизованные финансово-банковская, транспортная и энергетическая системы – важнейшие рычаги управления экономикой страны и жизнью общества. Централизованная электро-энергетика это один из важнейших экономических и политических инструментов в руках правящей системы. Децентрализация этих системообразующих элементов национальной экономики сильно ослабляют центральную и региональную власть и одновременно усиливают позиции частного капитала. Идеологи реформы в области электроэнергетики естественно это положение не выпячивали, но явно им руководствовались. К тому же реальная стоимость основных фондов электроэнергетики была в стране сильно недооценена. И уже одно это сулило участникам приватизации существенные прибыли.

К «несчастью» для приватизаторов реформа электроэнергетики пришлось на период, когда в стране все еще происходил процесс «сборки» власти в вертикаль. Поэтому идеологи власти не позволили реализовать реформу в ее полном объеме. В результате сегодня ситуация в электроэнергетике страны запуталась до крайности.

4. Часть генерации и низовые сети были приватизированы, но не полностью. За бортом осталась электроэнергетика Дальнего Востока. Государство оставило в своих руках почти всю гидравлическую, всю атомную и часть топливной генерации. Она сохранила контроль над системообразующими сетями высокого напряжения. В регламент работы частных компаний были включены серьезные пункты их государственного обременения в части режимов работы и особенно в части инвестиционной политики. Например, федеральные диспетчеры могут вмешиваться в режимы работы частной генерации и менять их нагрузку, а следовательно и получаемую ими прибыль. К чему приводит такое вмешательство можно иллюстрировать на примере аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Региональные диспетчеры в силу сложившихся в регионе обстоятельств самостоятельно и дистанционно (но не располагая информацией об их техническом состоянии) включили в работу на повышенную мощность несколько энергоблоков ГЭС, которые такую нагрузку нести уже не могли. По принятым в стране правилам владелец ГЭС не обязан сообщать государственным органам о том, в каком состоянии находится принадлежащее ему генерирующее оборудование, но госслужащие могут включать его в работу в экстренных случаях, не ставя собственника в известность. Известно, что в электроэнергетике процесс происходит мгновенно и тем меньше времени на длительное согласование действия диспетчеров и собственников генерации.

Изменилась система продажи электроэнергии и сохранилась система перепродавцев, которые взвинчивают тарифы для конечных потребителей, не имеющих права выходить на оптовый рынок электроэнергии и мощности.

5. При подготовке к приватизации стоимость электроэнергетических фондов была завышена, а планы будущего роста энергопотребления регионов (уровня платежеспособного спроса) занижены. Это создало дополнительный стимул для роста капитализации электроэнергетики. Власть сама попала на этом, создав для буду-

щих владельцев излишнее обременение по обязательному будущему вводу новой генерации. В экономике России тех лет велико было ожидание непрерывного экономического роста – своеобразного российского экономического чуда. А кончилось чудо в 1998 г.

На всех обсуждениях проекта реформы ее авторы и идеологи клялись в будущем снизить тарифы на энергию как только в этой отрасли заработает рынок. В результате рынок есть, а тарифы продолжают расти и этот рост прогнозируется на длительную перспективу.

6. Наша страна в течение двадцати лет строит основы национального капитализма, а мир в это время переходит в электроэнергетике на принципиально новое оборудование в генерации, у которого КПД использования топлива на 10-15 выше.

Основной тенденцией развития атомной энергетики в мире остается агрегатная и заводская концентрация мощности. Россия временно потеряла технологические возможности производить аналогичное оборудование, но возможно в ближайшие годы снова его восстановит. Потеряны мощности машиностроения и страна не в состоянии развивать АЭС в надлежащем темпе, особенно с учетом экспортных поставок реакторов. Принятое руководством «Росатомэнерго» решение о создании нового центра по производству атомных реакторов на базе Петрозаводского завода тяжелого машиностроения выглядит по крайней мере странно.

В стране надвигается кризис запасов урана, а между тем он активно поставляется в другие страны.

7. В области гидрогенерации наблюдается явная неспособность обеспечить необходимый темп строительства ГЭС. Причина этому в потере ранее созданных региональных баз строительства ГЭС. В стране не хватает финансовых средств на строительство ГЭС, а «Русгидро» закупает основные фонды в других странах в целях зарабатывания там прибыли.

Госкомпания «Русгидро» открыла финансирование работ по проектированию таких специфических проектов, как каскад Нижнеенисейских ГЭС и Южно-Якутского энергокомплекса.

Развитие атомной электроэнергетики в Европейской части страны и рост электропотребления в непромышленном секторе экономики требуют адекватного ввода здесь маневренных и дешевых мощностей. Это в первую очередь ГЭС на Северном Кавказе и в Карелии, а также ГАЭС вблизи центров нагрузки.

Наибольшие изменения произошли в тепловой генерации. Переход на газотурбинные и парогазовые блоки привел к снижению средней мощности установленного оборудования и мощности электростанций. Налицо новая тенденция к уменьшению степени агрегатной и заводской концентрации. Одновременно обозначился заметный сдвиг новой генерации к потребителю тепла и в электропотребляющие узлы.

8. Реанимированы и началась реализация старых советских экспортноориентированных проектов. – Белорусской и Калининградской АЭС, Нижне-Бурейнского и Нижне-Зейского каскадов ГЭС. У всех этих проектов один общий недостаток – высокие риски, связанные с внешнеполитической конъюнктурой и высокой степенью зависимости от внешних партнеров. В тоже время заброшен, например, проект создания мощной системы ЛЭП – 1500 кв по направлению Итат-Экибастуз-Тамбов, необходимость в котором опять встала в результате аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.

9. Особого рассмотрения заслуживает проблема формирования и географии тарифа на электрическую и тепловую энергию. В стране велика степень политизации

тарифообразования на энергию. По мере приближения к выборам органы власти начинают активно регулировать тарифы, при этом не пытаясь заставить компании открыть систему самого тарифообразования и структуры издержек. В результате недовольны все стороны этого процесса. Энергетики жалуются на нехватку средств на реновацию, а конечный потребитель медленно, но уверенно теряет одно из своих конкурентных преимуществ – относительную дешевизну энергозатрат. Особо можно сказать о населении, у которого цены на энергию и инфляция съедают прирост благосостояния и платежеспособного спроса, который и так не велик. Органы верховной власти в стране никак не могут определиться со своей политикой в этом отношении, что создает большие сложности и для реального бизнеса, который не может спрогнозировать свои энергетические издержки на достаточный промежуток лет и поэтому тормозит инвестиционный процесс. При этом мы слышим заклинания по поводу оптимизации инвестиционного климата в стране.

Ермулкина М.Н., Рязанцев А.С. (г. Воронеж)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ И РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объекты историко-культурного наследия Воронежской области, формировавшиеся здесь на протяжении веков, в настоящее время являются основой для организации туристско-рекреационной деятельности. Воронежская область относится к районам раннего освоения и заселения человеком, что привело к формированию на ее территории разнообразных объектов историко-культурного наследия. Сложное взаимодействие целого ряда факторов на этой территории (исторических, природных, социально-экономических) повлияло на динамику геокультурных процессов и явлений. География культуры региона характеризуется территориальными различиями отдельных ее частей. Содержание понятия «историко-культурное наследие» определяли многие авторы. На наш взгляд это понятие наиболее полно раскрыто в трудах Веденина Ю.А. [2]. Используя его подходы, мы определяем историко-культурное наследие как совокупность объектов сложившихся на территории под влиянием исторических, природных, социальных, этнических и экономических факторов.

Отметим некоторые особенности этапов формирования геокультурного пространства Воронежской области. Так как территория области относится к районам раннего освоения и заселения, то для нее характерно наличие многочисленных археологических памятников позднего палеолита, некоторые из которых включены в перечень ЮНЕСКО, как объекты всемирного культурного наследия. Это относится к Костенковско-Борщевская группе стоянок (25 стоянок) Хохольского района Воронежской области [5].

В XVI век, после опустошительного татаро-монгольского нашествия начинается заселение территории, основываются города – крепости для охраны южных границ Московского государства: Воронеж, Острогожск, Коротояк и др. Усиливается развитие земледелия, прибывают «служивые люди, дети боярские и полковое начальство».

В Петровскую эпоху, при строительстве русского флота в Воронеже «оживает» экономика. Происходит бурное развитие судостроения, строительство сукон-

ных и парусных фабрик и т.д. Эти события вызвали приток населения на территорию региона, в основном русских и украинских крестьян. Воронеж стал «колыбелью русского флота». Эпоха Петра оставила богатое историко-культурное наследие. В этот период преобразований здесь были основаны новые города: Павловск, Калач, Богучар, Бутурлиновка и др. Всего к «корабельным Воронежским делам» было приписано 25 городов [6].

Эпоха Екатерины II характеризовалась становлением усадебной культуры дворян. Этот период называют «золотым веком расцвета» дворянской усадебной культуры. Территория Центрального Черноземья размещаясь вблизи столицы оказалась наиболее насыщенной поместьями крупных землевладельцев. Веденин Ю. А. отмечает: «Расцвет дворянских помещичьих усадеб приходится на конец XVIII – п. п. XIX века. Именно в эти годы сеть усадеб охватила буквально всю европейскую часть России, за исключением лишь самых северных территорий» [1]. В этот период на территории Черноземья были основаны крупнейшие усадьбы Орловых, Шереметевых, Барятинских, Бутурлиных, Воронцовых и многих других владельцев. Усадьбы отличались строительным размахом и приемами художественного оформления.

Как видим на протяжении XVI–XIX столетий на территории Воронежской губернии сложилось многообразие объектов историко-культурного наследия, насыщенность которыми характеризуется значительными различиями. Это обусловлено действием ряда факторов: социально-политических, природных и социально-экономических. Остановимся на характеристике территориальных различий геокультурного пространства, сформировавшихся под влиянием дворянских усадеб. Из других объектов историко-культурного наследия дворянские усадьбы оказали значительное влияние на формирование геокультурного пространства области. Потенциал сохранности архитектурного наследия дворянских усадеб обеспечивает и в настоящее время привлекательность территории и развитие туристско-рекреационной деятельности. Изучим, на примере дворянских усадеб, формирование территориальных геокультурных систем.

«Дворянские усадьбы» важный объект исследования социально-экономической географии. Отметим характерные их особенности и факторы формирования. «Дворянская усадьба» представляет собой комплекс жилых, хозяйственных, парковых и других построек, составляющих одно хозяйственное и архитектурное целое [7]. Важным фактором формирования «дворянской усадьбы» было ее размещение в наиболее живописных, благоприятных природных условиях. неотъемлемой чертой усадьбы являлось наличие водоемов. В окрестностях располагались леса. Составной частью каждой усадьбы были лесопарковые насаждения. Несмотря на многообразие усадеб Центрального Черноземья, для них характерны общие черты. В основном они строились по классическому принципу. Архитекторы отмечают, что все постройки усадеб располагались по одной оси, объединявшей в единое целое парадно-жилую, административную и хозяйственную зоны. Господский дом обычно ставился на высокой бровке берега реки и был обращен одним из фасадов к речным просторам. Флигели находились слева и справа от главного дома. Как правило, к реке, озеру или пруду выходила главная аллея парка. Одна из аллей парка вела к церкви [4]. Практически каждая усадьба имела библиотеки, художественные собрания, музеи, театры. Из всех выделенных объектов в настоящее время в «дворянской усадьбе» сохранились не библиотеки и театры, а здания, т.е. архитектурное наследие привлекательное для туристов.

Рис. 1. Геокультурные территориальные системы Воронежской области

Дворян интересовала эта территория не только расположением в центральной части России вблизи столицы, но и выгодами для хозяйственной деятельности. Плодородные черноземы обеспечивали эффективное ведение сельского хозяйства. Мягкий теплый климат этой территории создавал благоприятные условия для жизни. Дворянские усадьбы оказывали большое влияние на развитие экономики окружающих территорий. Они были источником культуры, традиций, высокой нравственности и образованности. Многие поместья являлись примером организации хозяйственной деятельности. Помещики занимались благотворительной деятельностью: строили церкви, школы, больницы, приюты. На основе усадебной культуры формировались геокультурные системы.

Архитектурное наследия бывших усадебно-парковых комплексов характеризуется различной степенью их сохранности. В настоящее время на территории Воронежской области сохранилось не более сорока усадеб. Принимая во внимание степень сохранности и насыщенности дворянскими усадьбами территории муниципальных районов Воронежской области, выделим здесь 4 геокультурные территориальные системы: Северо-Западную (Подворонежье), Центрально-Восточную, Юго-Западную и Юго-Восточную (рис. 1).

Территориальную геокультурную систему мы понимаем как совокупность объектов историко-культурного наследия, характеризующуюся определенным уровнем их насыщенности. В данном случае анализ посвящен одному виду объектов – дворянским усадьбам.

Северо-Западная (I) геокультурная система размещается в междуречье рек Дон и Воронеж. Имеет выгодное экономико-географическое положение, здесь проходит участок трассы М-4 «Дон».

Размещение территории в живописной местности способствовало большому притоку дворянской знати в прошлом. Здесь возникли усадьбы Веневитиновых, Ольденбургских, Тулиновых и др. В настоящее время эта территория характеризуется наибольшей степенью сохранности архитектурного потенциала дворянских усадеб. Поскольку они неоднократно реставрировались. Регион отличается высоким уровнем использования туристского потенциала. Туристические маршруты востребованы и пользуются большим спросом у населения. Здесь имеется густая сеть автомагистралей и сформировались объекты инфраструктуры. Для инвестиционной привлекательности геокультурной системы в дальнейшем необходимо обеспечить сохранность усадеб в Горожанке и Семилуках.

Центрально-Восточная (II) геокультурная система располагается в бассейне рек Битюга, Хопра и их притоков. Данный район пересекает в широтном направлении автомагистраль Воронеж–Саратов. Плодородные почвы лесостепной зоны оказали существенное влияние на заселение и освоение этой территории. Уникальные ландшафты данной территории привлекали внимание знати. Здесь были основан ряд крупных усадеб: графа Орлова – Чесменского, Ростопчиных, Барятинских, Киселевых, и др. Для этой геокультурной системы характерна высокая степень сохранности лишь одной усадьбы – поместья графа Орлова. Здесь сложился туристский комплекс, в составе которого имеется действующий конный завод и школа наездников. Маршрут в поместье характеризуется частой посещаемостью студентов, школьников и других категорий экскурсантов. Для более интенсивного использования в туристских целях региона важно провести реконструкцию усадеб Барятинских, Ростопчиных, Капканщиков и др.

Юго-Западная (III) геокультурная система занимает правобережье р. Дон и его притоков. Здесь в прошлом возникли крупные усадьбы Чертковых и Костомаровых. В настоящее время сохранность дворянских усадеб на низком уровне, они не подвергались реконструкции. Требуется большое внимание уделить ремонту известных дворянских поместий. Эта территория известна сейчас как место паломничества в храмы, находящихся в меловых горах Среднего Дона и его притоков (Дивногорье и Белогорье).

Юго-Восточная (IV) геокультурная система занимает левобережье реки Дон и его притоков. Рельеф этой территории помимо долины реки Дона представлен Калачской возвышенностью и ее отрогами. В эпоху Петра I как и в Воронеже здесь, в Павловске на реке Дон развивалось кораблестроение. В прошлом на этой территории возникли две крупные усадьбы Воронцовых и Бутурлиных, архитектурные сооружения которых не сохранились. Необходима полная реставрация и восстановление этих поместий. Привлекательность района для туристов определяется теплым мягким климатом юга области, наличием заповедной дубравы «Шипов лес».

Изучение территориальных геокультурных систем свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения территории области с точки зрения исследования других объектов историко-культурного наследия. Это позволит увидеть их место в геокультурном пространстве области и решать проблемы территориальной организации историко-культурного наследия, сформировавшейся на территории области и использовать его для развития туристско-рекреационной деятельности.

Библиографический список

1. Веденин Ю.А., Середина Е.В. Роль культурного потенциала в региональном развитии // География и проблемы регионального развития. – М., 1989.
2. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия академии наук. – Серия география. – 1992.
3. Декларация Еврозкосети (Маастрихтская декларация) // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт наследия, 1999.
4. Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Воронежской области: исследования и использование: метод. Пособие / Л.В. Кригер. – Воронеж, 2007. – 124 с.
5. Материалы свода памятников и культуры РФ. – Вып. 1. – Ч. 2. – М., 1990. – С. 128.
6. Русские провинциальные усадьбы XVIII начала XX века. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001.
7. Советская историческая энциклопедия. – Т. 5. – М.: Изд. Советская энциклопедия, 1964. – С. 19.

Заборцева Т.И., Игнатова О.А. (г. Иркутск)

ИЗУЧЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Саморазвитие социально-экономических систем различных рангов от муниципального до регионального (в рамках субъекта РФ, федерального округа, государства в целом) означает, в рамках концепции устойчивого развития, эффективное и экологически соразмерное использование природно-ресурсного и хозяйственного потенциала территории. Преимущественная ориентация на собственные источники развития предполагает всестороннее развитие социально-экономических связей с другими территориями, что выступает значимым фактором саморазвития. Правовые ограничения, связанные с включением озера Байкал в список объектов всемирного природного наследия, принятием федерального закона «Об охране озера Байкал», Постановлением правительства РФ о запрещенных видах хозяйственной деятельности и другие, направляют хозяйственную деятельность на прилегающих к озеру административных районах на сохранение природы этого уникального объекта, на активное развитие здесь туристско-рекреационного комплекса.

Одним из факторов саморазвития районных муниципальных территорий, включенных в зону влияния Байкала с учетом существующих ограничений может стать ориентация на активное продвижение сектора народных промыслов, продукция которых – взаимная экономическая выгода как для муниципальных образований, так и туристического бизнеса. Уточним, что промыслом называют, как правило, вид индивидуальной деятельности для целей получения выгоды, которая может обеспечить, полностью или частично, определенный финансовый достаток, а также проявить творческий интерес. Производственные промыслы или ремесла, что со временем стали представлять художественную ценность, не теряя своей утилитарности, получили название народного промысла (ремесла).

Возвращение на современном уровне к традиционным народным ремеслам – формирование чувства самодостаточности, значимости человека в реальной неповторимой его жизни – определяют, в конечном итоге, и статус места его проживания. Знакомство же туристов с особенностями жизни сибирского населения, в том числе через приобщение к традиционным занятиям, облагораживающим быт, дают

возможность оценить каждодневные трудозатраты сибиряков. По нашему мнению это естественные предпосылки формирования взаимоуважения, доверия и позитивных настроений, что каждый путешествующий хотел бы получить, преодолев большие расстояния. Ежегодно за последнее десятилетие только иркутскую сторону Байкала, Предбайкалье, посещают более 300 тыс. чел.

В рамках пилотного исследования «Экономико-географические условия самоорганизации и саморазвития территориальных сообществ» (Иркутская область, Республика Бурятия) проведены экспедиционные работы по изучению состояния традиционных народных промыслов в двух модельных районах Предбайкалья (Слюдянском районе Иркутской области, Тункинском районе Республики Бурятия), которые расположены на западном его побережье. География исследуемого сектора: два районных центра (г. Слюдянка, с. Кырен), курортное поселение (с. Аршан), городское поселение районного подчинения (г. Байкальск) и четыре муниципальных образования сельско-поселкового статуса. Основные методы (первый этап): встречи с ответственными муниципальными служащими по выявлению реальной институциональной поддержки традиционных промыслов, анкетирование мастеров народных (традиционных) ремесел (общий рабочий планируемый массив социологических данных 104 респондента, однако только 2/3 включены для тематического анализа). При обработке данных использовался стандартный инструментарий программы «Microsoft Excel».

Географические условия проживания сибиряков предопределили доминирование мастеров, занятых деревянной пластикой и изделиями из бересты (бурачный промысел), лозоплетением и изделиями из растительных материалов (каждый второй, рис. 1). Отметим, что опрашиваемый круг респондентов-мастеров курируется разными муниципальными структурами районного и городского статуса (отделами по социально-экономическому развитию, малому бизнесу и потребительскому рынку; комитетами по культуре и спорту, отделами по туризму и др.) и достаточно известен в исследуемых, небольших по численности, прибайкальских поселениях.

В период переходной экономики для занятий народным ремеслом с формальных позиций более прагматично не иметь статуса экономического агента. И, как показали результаты экспедиционных исследований, преобладает доля респондентов означенных по организационному положению как «сам по себе». При этом в семейном бюджете доход от реализации изделий народного ремесла почти для каждого третьего респондента весьма значим дополнительный существенный или основной финансовый источник и примерно для такой же части исследуемого контингента «очень незначительный доход» (но с учетом, что произведенные как правило ручные изделия выступают в качестве подарков, т.е. приносят свою лепту в семейный бюджет).

Относительно сезонности занятий – более чем у половины респондентов это круглогодичное занятие, а каждый пятый посвящает творческому увлечению-ремеслу какой-то определенный сезон. Подобно любой творческой категории людей большая часть наших респондентов занимается избранным ремеслом «всю сознательную жизнь», а заложенные навыки подтверждаются и статистикой генеалогического характера. Так почти у половины респондентов каким-либо творческим ремеслом занимались родители, у каждого четвертого – бабушки, дедушки, а каждый десятый – представитель страты народных мастеров в четвертом поколении.

При ориентации на собственные источники сырья в изготовлении значимой части ручных изделий выявили в процессе анкетирования тесные и долговременные

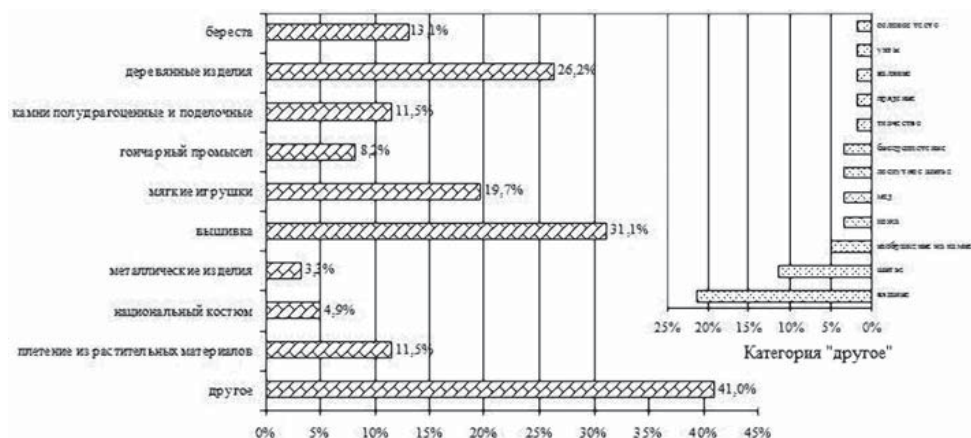

Рис. 1. Структура народных промыслов

связи с другими отечественными и зарубежными территориями География используемого респондентами сырья представлена субъектами Центрального и Уральского федеральных округов, пограничными государствами (Монголия, Китай).

Вопросы авторского тематического пилотного анкетирования нацелены на выявление:

- структуры традиционных промыслов и ремесел исследуемой территории;
- сезонности занятий;
- географии используемого сырья;
- организационного статуса мастеров;
- основных факторов недостаточного уровня развития изучаемого сектора жизнедеятельности;
- финансового (материального) достатка от реализации своих изделий и другие.

Кроме того, получен среднестатистический социологический срез-портрет современного мастера традиционного народного ремесла. Как правило, он относительно укоренившийся сибиряк (проживший более 10 лет или выросший в Предбайкалье), старше 40 лет и с достаточно высоким образовательным статусом (специальное или высшее образование), среднедушевой доход в семье которого от 5 до 10 тыс. руб. Среди шести основных факторов, препятствующих росту традиционных местных ремесел в рекреационной зоне, наш среднестатистический респондент указывает институциональные по своему характеру, а именно: а) недостаточный уровень поддержки властными структурами данного вида деятельности, б) невысокий уровень пропаганды значимости собственных культурных ценностей.

Предварительные выводы:

1. Модельные районы отличает видовое разнообразие традиционных ремесел и промыслов (деревянная пластика, гончарный промысел, обработка полудрагоценных камней, лозоплетение, изготовление народных костюмов и т.д.).
2. По организационному статусу преобладают независимые мастера («сам по себе»).
3. География используемого сырья представлена субъектами Центрального, Уральского и Сибирского федеральных округов, пограничными государствами (Монголия, Китай).

4. Необходимо ускорить формирование благоприятной институциональной среды для развития традиционных народных промыслов в зоне реальной рекреационной специализации, каковой является южная часть Предбайкалья. Информационная поддержка специализированного регионального центра (проведения семинаров, конференций и круглых столов, организация не только в областном центре улицы ремесел по примеру уральских и поволжских крупных городов и др. мероприятия) усилят значимый для отдельного поселения сектор специализированного предпринимательства как важного элемента саморазвития и самоорганизации социума традиционных сибирских территорий.

5. Сеть постоянно работающих муниципальных домов ремесел, где мастер-классы, круглогодичные выставки ярмарки и другие сопутствующие мероприятия – важнейший сектор системы жизнедеятельности территорий, которые включены в туристско-рекреационную зону на видимую перспективу в планах развития как региональных, так и федеральных программ.

Ивашкина И.В. (г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ ГОРОДА МОСКВЫ

Изучение крупного города как сложной природно-хозяйственной системы предполагает использование системного и историко-географического подходов, последнему исключительную роль придавал известный географ Юлиан Глебович Саушкин: «не зная прошлое, трудно познавать настоящее, трудно прогнозировать и предвидеть будущее» [1]. Не зная историко-географических особенностей, форму и развитие территориальной организации крупного города, не считаясь с уроками прошлого, мы рискуем повторить ошибки в настоящем. Все это исключительно важно учитывать при разработке документов территориального планирования города – Генеральных планов.

Москва – сверхкрупный город с многовековой историей становления и развития территориальной структуры, в значительной степени определившей нынешнюю экологическую ситуацию в городе. Многие экологические проблемы имеют «корни» в прошлом и создавались постепенно в результате длительного градостроительного развития в предшествующие исторические периоды, главным образом, в течение XVIII–XX веков.

До XVIII века Москва осваивала площадь менее 2,0 тыс. га – в границах Земляного города. В XVIII веке территория города достигла 7,1 тыс. га и не выходила за пределы придолинного Москворецко-Яузского комплекса. С конца XIX в. началось интенсивное промышленное освоение восточного Мещерского междуречья, а с начала XX в. – северного междуречья до р.Лихоборки; послевоенное освоение юго-западного Теплостанского возвышенного междуречья и уже в 1960-е годы – западного довершили преобразование природного комплекса столицы. Мощный выброс застройки на 20–25 км от центра Москвы, начавшийся с 1960-х годов, изменение строительной индустрии, позволившей увеличить этажность, сознательное формирование новых промышленных зон на окраине города для восполнения дефицита мест приложения труда превратили Москву в местность, однородно за-

строенную, с нивелированными природными характеристиками, однако с явными признаками «амфитеатра»: плотно застроенный, «каменный», сравнительно низкий исторический центр, вокруг которого, подобно «годовым кольцам» дерева, последовательно складывались зоны пред- и послевоенной реконструкции у застав Камер-Коллежского вала, за ними – зона преобладания пятиэтажного строительства 1950–60-х годов (так называемая «срединная зона») и периферийный пояс с высотной застройкой 1970–80-х годов [2].

Москва имеет длительный и уникальный опыт составления градостроительных документов, картографических опорных планов, управленческих указов, распоряжений, Генеральных планов: Опорный план города Москвы (1739 г.), План Москвы и его окрестностей (1763 г.), «Прожектированный план г. Москвы» (1775 г.), План Москвы (1818 г.), План технико-экономической организации Москвы Б.В. Сакулина (1918 г.), «Новая Москва» А. Щусева (1923 г.), «Большая Москва» С. Шестакова (1926 г.), Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, Генеральный план развития Москвы 1971 года, Генеральный план развития Москвы на период до 2020 года, Генеральный план Москвы на период до 2025 года.

Все эти документы в той или иной мере касались решения экологических проблем развития Москвы, поэтому эволюцию экологических приоритетов, характерных для того или иного исторического периода развития города, можно проанализировать на примере её Генеральных планов.

Первым градостроительным документом, по которому развитие города стало регулируемым, был Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года. Это был документ, ориентированный на развитие городского хозяйства и улучшение условий жизни москвичей. Именно тогда была сформулирована идея сдерживания роста численности населения (до 5 млн человек), запрещено дальнейшее промышленное строительство и признана необходимость ликвидации «антисанитарных» предприятий. В Генплане было заложено множество прогрессивных направлений: проникновение зеленых клиньев в городскую ткань, уничтожение ветхой застройки, создание транспортной и инженерной инфраструктуры, соблюдение баланса в расселении жителей и размещении мест приложения труда. Самым значимым экологическим направлением Генплана 1935 года была реализация идеи «зеленого пояса», а именно создание лесопаркового защитного пояса в радиусе до 10 км от границ Москвы. В 1937 году вступил в строй канал им. Москвы протяженностью 128 км, на трассе которого было создано семь водохранилищ. Это обстоятельство позволило зарегулировать сток и защитить город от затопления [3].

Генеральный план развития Москвы 1971 года предусматривал развитие города на перспективу до 2000 года и ставил задачу «превратить Москву в образцовый коммунистический город». Генпланом в части экологических мер предусматривалось проведение комплекса мероприятий по водоснабжению, отводу и очистке хозяйственно-фекальных, промышленных стоков. Намечена система мероприятий по оздоровлению воздушной среды, значительно улучшающих санитарно-гигиенические условия жизни населения. В Москве было запрещено строительство производственных объектов, за исключением необходимых для непосредственного обслуживания нужд населения и городского хозяйства. В целях упорядочения размещения в Москве промышленности, научных организаций и других объектов производственного характера, было предусмотрено формирование 66 многопро-

фильных производственных зон и перебазирование на их территории объектов, намеченных к выводу из жилых зон города.

Генеральным планом 1971 года была научно обоснована и выделена пригородная зона Москвы с учетом особой значимости ее важнейшей части – лесопаркового защитного пояса – как резервуара чистого воздуха и места отдыха москвичей и жителей ближайшего Подмосковья. В пределах пригородной зоны регулировался и ограничивался территориальный рост городов и населенных пунктов с тем, чтобы предотвратить срастание с Москвой. Планировалось сочетать застроенные территории и свободные открытые пространства, создающие оптимальную жизненную среду для населения столицы. Развитие Москвы намечалось в границах Московской Кольцевой Автодороги (МКАД), но были определены и дополнительные территории для будущего расширения столицы – 10 тыс. га в ее пригородной зоне.

Реализация многих предложений Генерального плана развития Москвы 1971 г. была затруднена спецификой экономического развития страны в 70–80-е годы. Существенно затрудняло реализацию предложений Генплана отсутствие официального градостроительного законодательства. Во второй половине 80-х годов среди стран, входивших в ООН, не имели законодательного обеспечения градостроительства только Кипр, Монголия и СССР [4].

Анализ разработки Генеральных планов Москвы 1935 года и 1971 года показал, что в составе этих документов не проводилось специального экологического исследования территории, а разработка экологических мероприятий проводилась по отраслевым разделам (планировочная организация, инженерия, транспорт и т.п.). В Советском Союзе экологическая составляющая градостроительного проектирования обозначилась в 60–70-х годах прошлого столетия. На ранних этапах работы преобладали частные исследования (изучение микроклиматического влияния зеленых насаждений, особенности озеленения жилых районов различной планировки и застройки и т.п.). По мере нарастания остроты экологических проблем, эволюции природоохранного законодательства, развития научно-методической базы, накопления практического опыта решения проблем охраны городской среды, менялись приоритеты и направленность экологических исследований.

Следующий Генеральный план развития города Москвы на период до 2020 года был принят Правительством Москвы 27 июля 1999 года. Впервые в градостроительном документе такого масштаба было разработано полноценное экологическое обоснование с детальной характеристикой состояния окружающей среды, выявлением экологических проблем и формулированием требований к перспективному развитию Москвы с учетом экологических приоритетов. Реорганизация градобразующей базы города, перестройка промышленно-производственной сферы на основе экологически безопасных, ресурсо- и энергосберегающих технологий являлись необходимым условием реализации экологических требований к развитию Москвы. В числе наиболее значимых направлений улучшения экологической обстановки в столице планировалось сохранение и развитие территорий Природного комплекса. Природный комплекс – понятие чисто московское, под которым подразумевается «совокупность территорий с преобладанием растительности и (или) водных объектов, выполняющих преимущественно ландшафтообразующие, рекреационные, оздоровительные функции» [5].

Этот Генеральный план был разработан как «Генплан возможностей», сверхзадачей которого было раскрытие внутреннего потенциала городских территорий для привлечения инвестиций в развитие столицы. И эту задачу Генеральный план развития Москвы на период до 2020 года полностью выполнил, но бурный рост инвестиционной активности выявил и наиболее опасный симптом «болезни роста» – недостаточную защищенность общественных интересов от давления инвестора. В этой связи следующий Генеральный план Москвы задумывался как «Генплан необходимостей», жестко закрепляя социальные гарантии во всех областях жизнедеятельности населения, с одной стороны, и регулируя экономически необходимые для их реализации объемы коммерческого строительства – с другой [6]. Следовательно, основной целью разработки нового Генерального плана города Москвы было обеспечение экологической безопасности как ключевого фактора устойчивого развития. Создание безопасной среды жизнедеятельности и устойчивого развития Москвы, оптимизация экологической обстановки, санация и реабилитация территорий, подвергшихся сильной техногенной нагрузке, восстановление природно-экологического потенциала городской территории являются приоритетными задачами перспективного развития столицы на период до 2025 года [7].

В Генеральном плане города Москвы на период до 2025 года акцентируется внимание на невозможности устойчивого развития города без скоординированного взаимодействия Москвы и Московской области. Создание природного каркаса и системы особо охраняемых природных территорий города Москвы и Московской области является одним из важнейших направлений их совместной деятельности, направленной на достижение устойчивого развития Московского региона в целом. В этой связи в Генеральном плане содержится специальная часть, посвященная обеспечению совместных интересов Москвы и Московской области. Сохраняя приоритет охраны окружающей среды, объектов культурного и природного наследия, Генплан разрабатывался как социально ориентированный документ, предусматривающий переход от территориального роста города к комплексной реконструкции массовой застройки и развитию многофункциональных зон в районах наилучшей транспортной доступности.

Библиографический список

1. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 558 с.
2. Ненарокова К.Н., Доброхотова С.Н., Ильинский С.В. Эколого-градостроительная концепция развития Москвы – Экология и охрана природы Москвы и Московского региона: Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Садовниченко, С.А. Ушакова. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 9–25.
3. Генеральный план Москвы / Мосгорисполком. Главное архитектурно-планировочное управление. Научно-исследовательский и проектный институт генерального плана г. Москвы. – М., 1970. – 64 с.
4. Кузьмин А.В. Архитектура. Строительство. Дизайн. – №4 (14).– 1999. – С.12–17.
5. Природа в Москве / Под общей ред. С.Б. Ткаченко, И.Н. Ильиной, А.А. Минина. – М.: ГУП НИ и ПИ Генплана Москвы, 2008. – 280 с.
6. Баевский О.А. Социальные гарантии в территориальном планировании: актуализация Генерального плана города Москвы на период до 2025 года // Социальная экология. – 2009. – С. 8–25.
7. Закон города Москвы от 5 мая 2010 г. №17 «О Генеральном плане города Москвы».

ПОЛИСТРУКТУРА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В эколого-географическом пространстве одновременно сосуществуют разнообразные структуры, которые и формируют реальное многоликое природопользование – полиструктурное и полигенетическое. В первом приближении можно выделить следующие его структуры, важные с геоэкологических позиций:

1. Традиционная отраслевая структура хозяйства. Каждая хозяйственная отрасль характеризуется определёнными масштабами и спецификой воздействий на природу. Особый тип природопользования связан с расселением населения.

2. Структура хозяйства, состоящего из стадий и звеньев ЭПЦ и «ресурсных» циклов.

3. Структура хозяйства как совокупность видов деятельности, различающихся по тесноте связей с природой.

4. Технологическая и инновационная структура природопользования – соотношение между старыми и новыми технологиями и техникой.

5. Совокупность «частных» (компонентных) структур природопользования: землепользование, недропользование, водопользование, лесопользование и т.п.

6. Структура экосферы, которая не входит в состав природопользования, но обеспечивает условия его функционирования и развития. Экосфера включает: 1) природные ресурсы и 2) природно-экологический потенциал – ассимиляционный потенциал природы, свойства ландшафтов и их компонентов противостоять хозяйственным воздействиям.

7. Организационная структура природопользования. За годы перестройки и реформ сформировались новые формы собственности на объекты и субъекты природопользования. Формы постсоветского бизнеса, корпоративная структура природопользования также требуют изучения в рамках «эколого-географического фирмоведения».

8. Совокупность территориальных структур природопользования на разных уровнях пространственной иерархии.

9. Временная структура природопользования.

Заметим, что не только интегральное природопользование, но и каждая из его выделенных частных структур характеризуется своей и территориальной, и временной структурой.

Разработка методов и приёмов параметризации реального многообразия структур природопользования, а также тенденций их изменения – важнейшие задачи экологической географии. Геоэкологический анализ проблематики структур природопользования предполагает разработку таких сюжетов, как:

- устойчивость и изменчивость различных структур природопользования, их пореформенная диверсификация (унификация или упрощение?);
- изменение меж- и внутрирегиональных экологических контрастов и градиентов;
- разнонаправленная динамика разных структур природопользования;
- взаимосвязи между различными структурами природопользования, социально-экономической динамикой и экологической обстановкой в региональном разрезе;

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 08-06-00348) и по проекту П-24.6.3. Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

- особенности формирования структур природопользования на территориях, различающихся по уровню освоенности и экологической уязвимости;
- проблемы контекстуализации – вписывания новых или трансформирующихся структур природопользования в региональный контекст, в соответствии с региональной обстановкой.

Пока ещё далека от решения задача идентификации интегральных структур природопользования, очевидно, не сводимых к сумме отдельных, частных структур. В докладе рассматриваются некоторые «частные» структуры природопользования страны, характерные для постсоветского периода.

I. Межрайонное перераспределение производства и населения.

Рассмотрено, как в ходе реформирования страны перераспределялись между экономическими районами главные производственные отрасли, трансформирующие природную среду, а также население, определяющее уровень «демографического» давления на среду. Промышленная нагрузка на природу заметно снизилась на Дальнем Востоке и в Волго-Вятском районе, а также на Урале и в Центре. На этом фоне растёт относительное промышленное значение Севера и Северо-Запада. Увеличивается сельскохозяйственная значимость Урала и Западной Сибири, хотя аграрная сфера лучше сохранилась в Центральном Черноземье и Поволжье. В то же время демографическое «давление» на среду смещается в Московский столичный регион и на Северный Кавказ. Наиболее сильное сокращение нагрузок на природу по всем блокам (промышленность, сельское хозяйство и население) отмечается в наименее освоенном, Дальневосточном районе.

II. Экологическая оценка отраслевой промышленной структуры и её изменений.

В постсоветский период наблюдается экологическая деградация промышленной структуры страны. Заметно увеличилась доля природоёмких экологически «агрессивных» отраслей и уменьшилась доля экологически более приемлемых производств. «Утяжеление» региональных промышленных структур произошло везде, кроме Самарской и Ленинградской обл. Выявлена корреляционная зависимость: чем выше в регионе доля «агрессивных» отраслей, тем значительно она увеличилась за постсоветское время. Очень существенно выросла роль Восточной Сибири в производстве продукции экологически опасной цветной металлургии.

III. Структура и динамика извлечения вещества из земных недр.

Проведены оценки извлечения из земных недр вещества природы – минеральных ресурсов вместе с попутно извлекаемыми вскрышными, вмещающими породами, попутным газом и т.п. За 1990–2005 гг. добыча ресурсов из земных недр сократилась в России на 40%, главным образом за счёт сокращения производства нерудных строительных материалов. В структуре добычи заметно увеличилась угольная «составляющая» (табл. 1). В связи с этим Кемеровская обл. усилила свои лидирующие позиции по масштабам извлечения ресурсов недр. Происходит концентрация добывающей промышленности в ограниченном числе регионов. Если на первые 5 регионов в 1990 г. приходилось 37.2% добычи, то в 2005 г. – уже 54.3%.

Сопоставление доли региона в промышленном производстве и добыче сырья страны с соответствующими региональными индексами выявляет роль недропользования в развитии региональной экономики. В Белгородской обл. прирост производства обеспечил не только рост добычи сырья – индекс промышленности здесь намного превышает индекс добычи. В Ханты-Мансийском АО промышленность в физических объёмах изменилась практически пропорционально объёму добычи,

Таблица 1

Динамика извлечения из недр вещества природы при добыче полезных ископаемых в России

Полезные ископаемые	Извлечение из недр вещества природы			
	1990 г.		2005 г.	
	Млн. т	%	Млн. т	%
Уголь	3162.8	39.0	2388.0	49.0
Нефть	526.5	6.5	479.6	9.8
Газ	512.5	6.3	512.6	10.5
Железная руда	428.0	5.3	380.0	7.8
Химическое сырье	100.0	1.2	74.0	1.5
Нерудные стройматериалы	3378.8	41.7	1044.1	21.4
ВСЕГО	8108.5	100.0	4878.3	100.0

Данные о добыче полезных ископаемых взяты из [Промышленность РСФСР в 1990 г. – Росинформцентр Госкомстата РСФСР, 1991. – 431 с. Российский статистический ежегодник. 2008 / Федеральная служба гос. статистики. – CD], расчёты попутно извлекаемых веществ выполнены авторами.

между тем доля этого округа в промышленности страны выросла многократно. Наглядно видно, что экономические успехи этого округа объясняются ростом мировых цен на извлечённые ресурсы недр, а не трудовыми усилиями его населения. В Татарстане добыча сырья уменьшилась в 2.5 раза при сохранении советского промышленного уровня. Относительное экономическое благополучие этой республики базируется отнюдь не на добывающей индустрии.

IV. «Эколого-промышленные» региональные структуры.

«Вещественную» составляющую природопользования характеризуют величины изъятия вещества из природы и объем образующихся хозяйственных отходов. Соотношения этих параметров с масштабами производства графически наглядно передают фигуры, которые предлагается назвать региональными «эколого-промышленными пирамидами» (рис. 1). Проведена типология пирамид по соотношению доли региона в стране в промышленном производстве, добыче и в производстве отходов. При этом учитывалась степень их «экологичности», которая определяется относительной величиной производственного «блока», её соотношением с величиной добычи и отходов. (Понятие «экологичности» относится только к одной модели природопользования или одной его стороне. Экологичный в одном отношении регион может быть чрезвычайно неэкологичным в других отношениях). Самый распространённый производственный добывающий тип «пирамиды», что естественно в силу преимущественно сырьевого характера экономики России.

Проанализированы в региональном разрезе другие базовые экологические параметры промышленного природопользования: 1) производственное использование воды; 2) сброс загрязнённых сточных вод; 3) промышленные выбросы в атмосферу; 4) нарушенные земли. Анализ показывает безусловное лидерство Ханты-Мансийского АО по величине нарушенных земель и (наряду с Красноярским краем) выбросов в атмосферу. Таким образом, ведущими потребителями специфического ресурса «качество природной среды» выступают регионы – основные поставщики экспортной выручки в российский бюджет, «валютные цеха» страны.

Рис. Типы региональных «эколого-промышленных пирамид»

В целом для каждого субъекта Федерации выявляется определённая величина и структура воздействий на природу, которым должны соответствовать комплекс природо-охранных мер и региональная экологическая программа.

Таблица 2

Концентрация воздействий на природу в российских регионах, 2007 г.

	Доля (% от РФ):			
	региона- лидера	первых 5 регионов	первых 10 регионов	первых 20 регионов
Объём промышленного производства	12.3	33.8	49.3	69.6
Производственное использование воды	16.0	39.2	58.8	77.3
Сброс загрязнённых сточных вод	10.0	31.8	49.2	70.0
Выбросы в атмосферу от стационарных источников	9.6	30.6	44.7	63.0
Нарушенные земли	42.6	63.8	81.7	93.4
Извлечение из недр вещества природы	23.2	46.9	60.2	76.6
Образование отходов	44.5	69.0	84.6	96.2

Составлено по данным: [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 /Федеральная служба гос. статистики. – CD] и расчётам авторов.

Установлен уровень концентрации природопользования в региональном разрезе. Концентрация негативных воздействий на среду выражена сильнее, чем концентрация промышленного производства (табл. 2).

В структуре регионального природопользования в постсоветской России по целому ряду параметров центр тяжести перемещается от производственного к потребительскому сектору.

V. Структура загрязнения российских городов.

На новой методической основе составлена экологическая карта России, характеризующая загрязнение более 300 городских поселений. Анализ карты обнаруживает ареалы концентрации городов-загрязнителей водной и воздушной среды: в Московском регионе, в Свердловской и Челябинской обл., в Кузбассе и Прибайкалье. В целом на европейской территории качество городской атмосферы заметно выше, чем в восточных районах. Высоким уровнем загрязнения атмосферы выделяется ряд поволжских городов. Региональные центры Поволжья отличаются также большим объёмом загрязнённых сточных вод, но лидируют по этому параметру с большим отрывом Москва и С.-Петербург. На европейской части страны и Урале воздействие городов на гидросферу в общем сильнее, чем на атмосферу. Более половины загрязнённых сточных вод обеспечивают лишь 70 городов, 12% таких вод приходится на бассейн Москвы-реки. Именно эти города, особенно расположенные в Московском столичном регионе, заслуживают приоритетного внимания водоохраных органов.

Представляется, что предложенные новые методические приёмы выявления и картографирования различных региональных и локальных структур природопользования (графические модели регионов в виде «эколого-промышленных пирамид», сопоставление экологических и экономических индексов; визуализация «утяжеления» региональных промышленных структур и др.), могут быть полезны для геоэкологической методологии.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СУВЕРЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Реализуемая в Беларуси модель формирования инновационной устойчивой социально ориентированной рыночной экономики предусматривает сбалансированное развитие внутриреспубликанских регионов различного таксономического ранга на основе наиболее эффективного использования их потенциала – природно-ресурсного, человеческого и накопленного материального богатства (основных и оборотных средств) в целях повышения благосостояния населения независимо от места проживания. Реализация данной модели прогнозируется, программируется и отслеживается системой национальных (долго-, средне- и краткосрочных) комплексных, отраслевых и региональных прогнозов и программ, а также сопровождается разработкой соответствующих методологических и методических документов.

В настоящее время программы социально-экономического развития на 5-ти летний период и годовые прогнозы социально-экономического развития разрабатываются для шести областей и г.Минска (как самостоятельной административной единицы областного ранга), 118 административных районов и 12 городов областного подчинения. Их основные положения отражаются в отраслевых и самостоятельных региональных разделах республиканских среднесрочных программ (на 5 лет) социально-экономического развития и в годовых республиканских прогнозах. В самом долгосрочном официальном прогнозе социально-экономического развития страны – Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, разрабатываемой на 15-ти летний период, к сожалению, региональный аспект присутствует лишь фрагментарно (в разделах о системе расселения, проблемных регионах, местных инициативах обеспечения устойчивого развития)

Вместе с тем большая роль в обосновании государственной региональной политики принадлежит таким перманентно разрабатываемым и официально утверждаемым документам как Государственная комплексная схема территориальной организации Республики Беларусь (ГСКТО) на 15-ти летний период и концепции регионального развития Республики Беларусь на 5-ти летний период.

Проведенный анализ положений действующих в настоящее время прогнозных и программных документов, а также динамики основных показателей социально-экономического развития регионов областного ранга страны за 1990–2009 гг. и публикаций о типологиях административных районов и городов Беларуси по частным и интегральным показателям уровня их развития позволяет сделать ряд выводов о проблемах и тенденциях регионального развития республики.

Важнейшей проблемой регионального развития в глобальном масштабе, в региональных интеграционных образованиях, в пределах стран, во внутривосточных регионах является нарастание территориальных диспропорций в уровнях их экономического развития и, как следствие – территориального (регионального) неравенства в уровне и качестве жизни населения. Опыт мирового развития свидетельствует также о том, что эти диспропорции обостряются в периоды экономических кризисов, и что основным направлением региональной политики на всех перечисленных уровнях, начиная с 1920–1930-х годов, являются меры по выравниванию уров-

Таблица 1

Динамика дифференциации уровней социально-экономического развития регионов Беларуси

Годы	Интегральные индексы уровней социально-экономического развития регионов по отношению к среднереспубликанскому уровню*						
	Регионы (области и г. Минск)						
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
1990	0,975	1,007	1,011	1,013	1,160	0,989	1,012
1995	0,896	0,954	0,979	0,965	1,354	1,005	0,985
2000	0,890	0,987	0,990	0,961	1,345	1,045	0,881
2005	0,880	0,981	1,020	0,980	1,350	1,010	0,860
2008	0,886	0,967	0,999	0,982	1,301	1,040	0,907
2009	0,917	0,991	1,003	1,012	1,252	1,017	0,899

* Интегральные индексы рассчитаны автором как среднеарифметическое значение частных индексов по 8 основным социально-экономическим показателям (в расчете на душу населения) по данным статистических сборников «Регионы Республики Беларусь» Национального статистического комитета

ней социально-экономического развития регионов с использованием разнообразных инструментов экономического и административного регулирования.

Беларусь в этом отношении – не исключение. Политика выравнивания уровней социально-экономического развития регионов осуществлялась в БССР постоянно и планомерно: преодолевалось исторически обусловленное отставание промышленного развития западных областей (Брестской и Гродненской) и природно обусловленное отставание уровня развития производительных сил Полесья; действовала программа преимущественного развития малых и средних городов; проводилась политика ограничения чрезмерной концентрации производства и населения в Минске и других крупных центрах и т.д. И определенные успехи в этом направлении были достигнуты. Об этом свидетельствуют данные в нижеследующей таблице за 1990 г. – последний год развития Беларуси в составе СССР.

Однако, начиная с 1991 г. – распада СССР и обретения независимости – диспропорции в региональном развитии Республики Беларусь в связи с кризисом переходного периода начали возрастать, что отражено в таблице.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что более развитые регионы страны укрепляют свое лидирующее положение, и что самый развитый регион – г. Минск – все больше отрывается от среднереспубликанского уровня, а регионы-аутсайдеры (Брестская и Могилевская области) по-прежнему отстают. Причина – в объективности, высокой экономической эффективности процесса территориальной концентрации производства и населения. Особенно населения, человеческого капитала. На постиндустриальной инновационной стадии общественного развития преобладающую роль в росте экономики начинает играть именно человеческий капитал, а в территориальной организации производства – эффект от территориальной концентрации человеческого капитала. Поэтому переход к «новой экономике», «эко-

номике знаний» вызвал к жизни и появление «новой экономической географии» и «Нового взгляда на экономическую географию» (так называется Доклад Всемирного банка о мировом развитии в 2009 г.) Представителями зарубежной «новой экономической географии» (рассматриваемой как новая подотрасль экономики) разработаны современная теория городских агломераций и модели учета эффекта территориальной концентрации: экономии локализации, экономии урбанизации и особенно – эффекта «перелива» знаний между фирмами одной отрасли и между кластерами разных отраслей, сконцентрированными в городах и городских агломерациях.

В региональном развитии Беларуси объективный и закономерный процесс территориальной концентрации производства и населения проявляется не только в опережающем росте г. Минска (по разным оценкам в нем производится 25–30 % ВВП Беларуси) и не только в увеличении степени дифференциации уровней социально-экономического развития областей и административных районов, а главным образом – в процессе поляризации территориальной структуры хозяйства на макро-, мезо- и микроуровне. На макроуровне хозяйственная деятельность концентрируется в городах вдоль трансъевропейских коридоров, которые вместе с городами-узлами в местах их пересечения образуют экономический урбанизированный каркас страны. На уровне мезорегионов (областей) и микрорегионов (административных районов) отмечается более быстрый экономический рост их центров и отставание периферийных территорий. На локальном уровне, т.е. в сети городских поселений, характерен более быстрый рост крупных городов и поселений, расположенных в зоне влияния мегаполиса Минска, а также других региональных и межрегиональных центров. Так, в 2009 г. в Беларуси на долю 23 городов с численностью населения более 50 тыс. чел., формирующих экономический пространственный каркас страны, приходится 80 % объема промышленного производства, 77 % численности городского и 57% численности всего населения, хотя их удельный вес в общем количестве городских поселений только 12%. Что касается уровня мезорегионов, то картина следующая: на 3 наиболее крупных центра Минской области (Минск, Солигорск, Борисов) приходится 80 % ее промышленного потенциала, на 3 центра Гомельской (Гомель, Мозырь, Жлобин) – 79%, на 3 центра Гродненской (Гродно, Лида, Волковыск) – 74% объема промышленной продукции соответствующей области.

Вышеизложенное означает, что социальная проблема выравнивания уровня и качества жизни населения вне зависимости от места проживания может быть решена только на основе целенаправленной региональной политики с использованием всего арсенала разработанных в мировой практике инструментов. Это и перераспределение дополнительного эффекта, получаемого от территориальной концентрации человеческого капитала и накопленных материальных благ в успешных регионах (полюсах роста) для обеспечения населению отстающих в развитии территорий гарантированных государством стандартов по условиям жизни. Это и экономические инструменты стимулирования максимального использования местных ресурсных возможностей социально-экономического развития отстающих регионов на основе различных форм их экономической интеграции с успешными регионами (как близлежащими, так и с удаленными).

По сути в ГСКТО Беларуси и в разработанной Концепции регионального развития Республики Беларусь до 2015 года предлагается именно такой путь совершенствования территориальной структуры экономики страны – сочетание: концентрации хозяйственной деятельности в зоне влияния основных транспортных коридо-

ров и столичного мегаполиса г. Минска; формирования системы обеспечения сельского населения объектами и услугами социальной инфраструктуры на современном уровне благодаря созданию нового типа сельских поселений – агрогородков; создания условий для формирования экологической сети и экологически комфортной среды жизнедеятельности всему населению. При этом большая роль отводится разработке и реализации специальных государственных региональных целевых комплексных программ. К числу таких программ в Беларуси относятся завершаемые к настоящему времени «Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг.», «Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг.», «Государственная программа Республики Беларусь по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2006–2010 гг.», и выполняемая «Государственная программа комплексного развития Припятского Полесья».

Резюмируя проведенный анализ, можно сделать обобщающий вывод, что направления и приоритеты в региональном развитии Беларуси, намечаемые системой реализуемых прогнозов и программ, учитывают: с одной стороны – объективные процессы территориальной концентрации производства и населения, а с другой – особенности национальной модели социально ориентированного устойчивого инновационного развития, предусматривающей повышение благосостояния всего населения вне зависимости от места проживания, но с учетом экономических возможностей государства.

Коменденко Д.М. (г. Санкт-Петербург)

ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И РАСКОЛЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ (по материалам президентских выборов 1994 г.)

Одним из наиболее часто применяемых инструментов электорального анализа является метод расколов, предложенный С. Липсетом и С. Рокканом [8]. Хотя метод расколов активно использовался для исследования выборов, проходивших в нашей стране в последние двадцать лет, Беларуси – государству, тесно связанному с Россией, внимания уделялось и уделяется значительно меньше. Очевидно, что основная причина этого – установившийся в стране после 1994 г. режим А.Г. Лукашенко. Массовые нарушения, зарегистрированные в ходе выборов, вынуждают исследователя крайне осторожно подходить к публикуемым итогам. Первыми и последними по-настоящему демократическими президентскими выборами остаются выборы 1994 г., анализу которых и посвящена данная работа.

Стоит сказать, что исследования, посвящённые электоральному поведению белорусских регионов, появлялись и раньше. Однако они либо рассматривали региональные различия только на уровне административно-территориальных единиц первого порядка [2], либо отличались некоторой неполнотой [5]. К сожалению, последнего недостатка не лишена и наша статья. Дело в том, что после 1995 г. в низовом административно-территориальном делении Беларуси произошли некоторые изменения. Ряд городов областного подчинения был объединён с районами, в

Таблица 1

Коэффициенты корреляции по основным показателям. Рассчитано по [4], [7]

	Кебич	Лукашенко	Позняк	Шушкевич	% бел.	% рус.	% пол.	% укр.	СЗП	РТ	ОРПУ
Кебич	1										
Лукашенко	-0,38	1									
Позняк	-0,26	-0,70	1								
Шушкевич		-0,64	0,62	1							
% бел.		0,48	-0,45	-0,39	1						
% рус.	0,30	-0,31		0,46	-0,35	1					
% пол.		-0,37	0,49	-0,90			1				
% укр.				0,21		0,23		1			
СЗП		-0,32		0,63	-0,21	0,67			1		
РТ		-0,26		0,57		0,65			0,72	1	
ОРПУ		-0,36	0,29	0,68	-0,25	0,56		0,29	0,65	0,65	1

Примечание: Исключены данные по второстепенным кандидатам (Дубко, Новиков); для удобства восприятия оставлены только коэффициенты со значением больше 0,2 по модулю. Расчёт произведён по 106 районам и 25 городам, включая Минск.

% бел. – доля белорусского населения по переписи 1999 г.

% рус. – доля русского населения по переписи 1999 г.

% пол. – доля польского населения по переписи 1999 г.

% укр. – доля украинского населения по переписи 1999 г.

СЗП – номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников (1995), тыс. бел. руб.

РТ – розничный товарооборот на душу населения (1995), тыс. бел. руб.

ОРПУ – объём реализации платных услуг на душу населения (1995), тыс. бел. руб.

которых они расположены. Поэтому если итоги выборов 1994 г. публиковались по 155 низовым АТЕ (36 городов, 118 районов и город Минск) [4], то итоги переписи населения 1999 г. официальная белорусская статистика приводит уже по 28 городам, 118 районам и Минску. Тем не менее, мы смогли собрать показатели по 85–90% АТЕ, в которых проживает 90–95% населения Беларуси. Таким образом, мы располагаем относительно полными данными для проведения корреляционного анализа («главный количественный метод в региональных исследованиях электорально-го процесса» [9, с. 15]).

Коэффициенты корреляции по основным показателям приведены в табл. 1.

Следует сказать, что при интерпретации данных корреляционного анализа мы пользовались не стандартной шкалой (до 0,2 – очень слабая корреляция, 0,2–0,5 – слабая корреляция, 0,5–0,7 – средняя корреляция, до 0,9 – высокая корреляция, больше 0,9 – очень высокая корреляция). Как отмечает А. Ахременко: «подобный вариант интерпретации плотности коэффициента корреляции применим в науках, в гораздо большей степени опирающихся на количественные данные, нежели наука политическая (к примеру, экономика). В эмпирических исследованиях политики довольно редко можно обнаружить $r > 0,7$; коэффициент же со значением 0,9 – случай воистину уникальный». Поэтому мы применили «смягчённый вариант» шкалы, предложенный автором: $0,4 > r > 0,3$ – слабая корреляция; $0,6 > r > 0,4$ – средняя корреляция; $r > 0,7$ – сильная корреляция [1, с. 84].

Что же касается собственно результатов корреляционного анализа, нами было отмечено, что раскол по благосостоянию («богатые» – «бедные») ярче всего проявился в голосовании за Шушкевича (средняя корреляция, близкая к сильной) и за Лукашенко (слабая отрицательная корреляция). Этот раскол, в данном случае,

имеет тесную связь с этнической структурой общества, о чём говорит положительная корреляционная связь социально-экономических показателей с долей русского населения, и отрицательная – с долей белорусского.

Нужно отметить, что наиболее значимые этнические меньшинства Беларуси – русские и поляки – отличаются достаточно высокой территориальной концентрацией. Русские сосредоточены в основном в крупных городах (главным образом, в областных центрах и Минске) и на севере Витебской области. Основной ареал поляков – северо-запад страны, в отдельных районах Гродненской области их доля доходит до 80%. Таким образом, раскол по этническому признаку (белорусы – русские, белорусы – поляки) имеет, в том числе, и пространственное измерение.

Как видно из таблицы, каждый из четырёх кандидатов нашёл поддержку у определённой этнической группы. У Лукашенко это были белорусы (коэффициент корреляции 0,48), в то же время связь с долей русского и польского населения носила отрицательный характер (-0,31 и -0,37 соответственно). Напротив, у Позняка это были поляки (0,49), а у Кебича и Шушкевича – русские (0,30 и 0,46 соответственно). Причём если для Шушкевича такой характер голосования объясняется тем, что за него голосовала городская и более обеспеченная часть населения, то в случае Кебича мы можем лишь предположить в качестве объяснения лоялистский тип голосования. За правящего кандидата голосовали крупные города, где выше доля русского населения. Возможно, что так проявлялась и поддержка кандидата, на стороне которого была Москва (по крайней мере, первоначально). В таком случае, стоит говорить о консервативной политической ориентации русского населения.

Ставший своеобразной притчей во языцех при изучении электорального ландшафта России раскол «город – село» проявился и в Беларуси. Анализ показателей кандидатов по 37 парам город – район продемонстрировал, что если Позняк и Шушкевич больше голосов набирали в городах, чем в соответствующих районах (всего по 2 исключения у обоих кандидатов), то для Лукашенко картина была обратной. Лишь в 7 случаях в районе он набрал меньше голосов, чем в городе.

К сожалению, из-за недостатка данных мы не имели возможности полностью «просчитать» конфессиональный фактор фрагментации электорального пространства, однако имеющиеся в нашем распоряжении показатели позволяют сделать осторожный вывод о том, что «православного атеиста» Лукашенко поддержали территории с пониженной религиозностью населения, а Позняка и Шушкевича – с повышенной. При этом речь идёт не только о католическом населении (голосовавшем за католика Позняка), но и о православном.

Помимо квантифицируемых расколов, мы постарались проанализировать и другие, главным образом в духе школы «экологического подхода». Главным из таких расколов следует считать раскол «Запад – Восток», во многом определяющий электоральный ландшафт Беларуси. Существование Западной Белоруссии в составе Польши и БССР в составе СССР на протяжении двух десятилетий не могло не сказаться на его формировании, но более важным историческим фактором оказалось существование так называемой «исторической Виленщины» («Виленского края»). На карте польского географа П. Эберхардта граница, проводимая им между западно-христианской цивилизацией и византийской (православной), отделяет северо-запад Беларуси от основной части страны [11, с. 184]. Северо-запад («историческая Виленщина») – это как раз те территории, на которых националистическая альтернатива Позняка и либеральная альтернатива Шушкевича встретили

наибольшую поддержку. Причиной тому целый комплекс факторов, часть из которых мы рассмотрели выше. Однако этническая, конфессиональная структура и другие характеристики населения – лишь следствие исторического прошлого северо-запада Беларуси, который до 1917 г. составлял с сопредельными территориями современной Литвы единую Виленскую губернию. Интересно, что ряд исследователей рассматривает «Виленский край» как центр этногенеза белорусов; при этом белорусы называются литвинами, а Вильнюс рассматривается как столица Древней Белоруссии – Литвы. Нужно отметить, что в определённой среде белорусского общества, как в самой Беларуси, так и за её пределами, и по сей день существует идея о Вильнюсе как о «потерянной столице Беларуси» и о Беларуси – как о «настоящей Литве», а в качестве самоназвания белорусского этноса признаётся только этноним «литвины». Всё это отражается в региональной идентичности, которая сказывается на общественных процессах, в том числе и на формировании политических предпочтений. Особенно показательна в этом плане карта голосования за Позняка на выборах 1994 г., которая, как заметил ещё В. Вечёрко, выглядит как круги, расходящиеся от Вильнюса (т.е. от города, находящегося за пределами страны!) и постепенно слабеющие [3]. Таким образом, если за Позняка и Шушкевича голосовал «Запад» (точнее, «Северо-запад»), то за Лукашенко – «Восток».

Ещё одним практически неформализуемым фактором стал экологический (в изначальном значении, а не в том, которое вкладывали в него представители «экологического подхода»). Страной, с которой в массовом сознании связана авария на Чернобыльской АЭС, безусловно, является Украина. Однако больше всего от радиоактивного выброса, произошедшего 26 апреля 1986 г., пострадала Беларусь. Над территорией Беларуси выпало свыше 70% радиации, заражены оказались территории Гомельской и Могилёвской областей, частично – Минской, Брестской, Гродненской областей. Всего в зоне аварии оказалось примерно 20% населения страны, загрязнению подверглись 20–25% территории. Из оборота было выведено до 20% сельхозугодий, 15% лесов. Из зоны заражения было отселено около 130 тыс. человек, сопоставимое число жителей покинуло территории с повышенным радиационным фоном самостоятельно [6, с. 573–574; 10, с. 137–166]. Несмотря на то, что с момента аварии прошла почти четверть века, последствия аварии на ЧАЭС продолжают оказывать значительное влияние на многие сферы жизни общества. Логично, что политическая сфера не могла стать исключением.

Чернобыльский социум весьма разнороден, однако у той его части, которая проживает на территориях с наибольшим радиационным загрязнением, должна была сформироваться зависимость от властных структур, которые в данной ситуации оказываются практически единственным источником помощи. Если принять во внимание, что большая часть этой территориальной общности – пожилые люди, вследствие пониженной мобильности не покинувшие этих мест, то можно предположить, что авария на ЧАЭС и её последствия могли привести к укоренению консервативной провластной ориентации, которая и так в значительной мере свойственна данной возрастной группе.

На востоке Гомельской и Могилёвской областей, где находится основная зона заражения, проявилась модель электорального поведения, сходная с моделью крупных промышленных центров, зависящих от государственной поддержки и, как правило, настроенных весьма лояльно. Это выразилось в повышенной поддержке Кебича (в отдельных районах – свыше 30%, т.е. в 2 раза больше, чем в среднем по

Таблица 2

Основные факторы фрагментации и расколы электорального пространства Беларуси

Факторы и расколы	Кебич	Лукашенко	Позняк	Шушкевич
социально-экономический		«бедные»		«богатые»
этнический	русские +	белорусы + поляки – русские –	поляки + белорусы -	русские + белорусы -
город-село		село	город	город
конфессиональный		–	+	+
исторический (цивилизационный)		восток	запад	запад
экологический	Чернобыль			

стране). При этом мы считаем, что речь идёт не о проблемном голосовании, а именно о формировании региональной электоральной культуры.

В качестве некоего резюме приведём табл. 2, кратко отражающую основную суть наших выводов.

Итак, электоральное пространство Беларуси характеризуется значительной неоднородностью, хотя и меньшей, чем, к примеру, электоральное пространство Украины. Мы можем говорить о существовании ряда региональных политических культур (и электоральных как их частного случая) и расколов, важнейшим из которых следует признать раскол «Северо-запад – Юго-восток», обусловленный историческим (цивилизационным) фактором, тесно связанным со структурой населения. Отличительной особенностью электорального пространства стоит считать также активное проявление экологического фактора.

Библиографический список

1. Ахременко А.С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. – М., 2008.
2. Буховец О., Фурман Д. Электоральное поведение белорусских регионов // Белоруссия и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М., 1998. – С. 184–225.
3. Вячорка В. Практичныя заняткі па палітычнай геаграфіі // Свабода. – 1994. – № 28. – С. 4.
4. За каго мы прагаласавалі // Свабода. – 1994. – №25. – С. 3.
5. Казакевіч А. Палітычная картаграфія Беларусі ў выніках прэзыдэнцкіх выбараў 1994–2006 гадоў // Палітычная сфера. – 2006. – №7. – С. 5–18.
6. Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси с древнейших времён до нашего времени. 7-е изд., доп. – Минск, 2008.
7. Регионы Республики Беларусь – 2006 / Статистический сборник. – Минск, 2006.
8. Туровский Р. Ф. Политическая география. – Смоленск, 1999.
9. Туровский Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса // Общественные науки и современность. – 2006. – №5. – С. 5–19.
10. Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. – М., 2005.
11. Eberhardt P. Koncepcja granicy między cywilizacją zachodniego chrześcijaństwa a bizantyńską na kontynencie europejskim // Przegląd Geograficzny. – 2004. – Vol. 76. – №. 2. – P.169–188.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ

В соответствии с современным административно-территориальным делением в стране выделяется шесть областных и городской столичный регион в качестве регионов первого уровня (мезорегионов). Каждый из них характеризуется своим уникальным экономико-географическим и геополитическим положением. Сложившийся рисунок коммуникационной сети в его увязке с размещением крупных предприятий определяет особенности экономико-географического и геополитического положения республиканских регионов. Рассмотрим положение каждого региона в отдельности.

Витебская область является самым северным регионом республики, причём граничащим с максимальным количеством стран среди всех остальных регионов – с тремя: Россией (на севере и востоке). Латвией (на северо-западе) и Литвой (на западе). Важнейшей составляющей как геополитического, так и экономико-географического положения этой области является транспортно-коммуникационная. Коммуникационными узлами региона, являющимися также и экономическими центрами, выступают Витебск, Орша и узел Полоцк–Новополоцк. Орша расположена на пересечении полимагистралей север-юг, запад-восток. Субширотная полимагистраль включает в себя железную дорогу Москва–Брест–Берлин, автостраду Е-30 (Москва–Брест) и газопровод Торжок–Минск–Ивацевичи. Субмеридианальная полимагистраль представлена девятым панъевропейским транспортным коридором, железной дорогой Санкт-Петербург–Одесса. Последняя полимагистраль проходит также и через Витебский транспортный узел и является восточной осью области. Витебск принимает на себя функции ворот для части российских грузов в Прибалтику: через него проходит железная дорога из Смоленска (западного окна Центрального района России) к портам Латвии и Литвы (Рига, Вентспилс, Лиепая, Клайпеда). В этом плане важно сравнение направления Смоленск–Полоцк–Даугавпилс с альтернативным ему направлением Великие Луки–Резекне. Полоцко-Новополоцкий коммуникационный узел кроме упоминавшейся функции субширотных связей Прибалтика–Витебск–Смоленск, осуществление которых возможно также по автодорогам, имеет железнодорожный выход к узлам: Молодечно, Новосокольники и Великие Луки. Главное же значение этого дуоцентра заключается в выполнении функций экспортной переработки нефти, поступающей по трубопроводам из Ярославского коммуникационного узла (связующий узел на пути нефти из Западносибирского и Тимано-Печёрского бассейнов) и Унеченского коммуникационного узла (нефть из Волго-Уральского и Западносибирского бассейнов). Такое расположение Новополоцкого НПЗ, его ориентация на российскую нефть определяет не только региональные ЭГП и геополитическое положение Витебского региона, но и геополитическое положение Беларуси в целом. Так как переработка нефти является одной из основных статей дохода республики. В настоящее время Новополоцк является конечным пунктом приёма российской нефти, а прибалтийские страны получают нефть из Приморского коммуникационного узла (порт Приморск под Санкт-Петербургом). Поэтому связывание Унеченского и Приморского коммуникационных узлов трубопроводом БТС-2, хотя и ухудшает геополитическое положение Беларуси в целом (уменьшая её транзитное значение), в региональном

плане наносит большой урон Мозырскому коммуникационному узлу, расположенному на южной ветке «Дружбы» и до сих пор имеющему транзитное значение.

Ещё одной важной составляющей как чисто геоэкономического, так и геополитического положения региона является создание зон с упрощенным визовым режимом. Такая зона уже действует в приграничных районах области с Латвией, где жители приграничья обеих стран получили возможность посещать приграничные территории страны-соседки на основании разрешения стоимостью 20 евро. Реализуется соглашение о создании аналогичной зоны малого приграничного движения с Литвой. Рассматривается проект упрощения визового режима для туристов из прибалтийских республик и Польши, посещающих белорусские национальные парки. В этой связи можно говорить об улучшении экономико-географического положения Витебщины, обладающей значительным природным рекреационным потенциалом, на территории которой расположены национальные парки «Браславские озёра» и «Нарочанский». С геополитических же позиций регион вовлекается в более тесное взаимодействие с ближайшими странами Евросоюза, снижается существующее барьерное значение границы и увеличивается её контактная функция.

Внутриреспубликанское положение региона характеризуется обширным выходом к Минской и Могилёвской областям, узким участком границы с севером Гродненской области. По отношению к основным осям развития Беларуси необходимо отметить прохождение через Витебский регион восточной субмеридианальной оси развития республики, образовавшейся вдоль железной дороги Санкт-Петербург–Одесса. Что касается отношения области к основной оси развития страны, сформировавшейся вдоль полимагистрали Москва–Брест, то только юго-восточная часть региона, с основным её центром – Оршей, непосредственно пересекается этой магистралью. Основная часть региона значительно удалена от этой оси: к примеру, расстояние по автодорогам от Браслава до Орши – 317 км, а до Минска – 244 км. То же самое касается и ряда других райцентров области (Докшицы, Глубокое, Поставы). Можно говорить о значительных внутрирегиональных различиях в ЭГП, что является одним из аргументов целесообразности изменения административно-территориального деления, иного подхода к самим регионам республики.

Подобные значительные внутрирегиональные различия в ЭГП прослеживаются и в других областях республики. Например, Могилёвская область по отношению к коммуникациям имеет ряд внутрирегиональных различий. Центр и восток области «нанизаны» соответственно на девятый панъевропейский транспортный коридор и на железную дорогу Унеча–Лепель. В то время как юго-запад области примыкает к панъевропейскому коридору № 9В. Причём последний в настоящее время становится весьма привлекательным для иностранных инвестиций и может дать много точек роста. В первую очередь значительный толчок развитию этой части региона может дать проводящаяся электрификация железной дороги Гомель–Вильнюс с использованием кредита китайского «Эксимбанка». Возможно, именно в этой связи китайские партнёры рассматривали Бобруйск в качестве площадки для размещения совместного китайско-белорусского индустриального парка.

Важными составляющими коммуникационного компонента геополитического положения Могилёвского региона является линейные коммуникации из России, а именно: ЛЭП от Смоленской АЭС к Белорусской подстанции, ветка газопровода на Украину, а также северная ветка нефтепровода «Дружба». Именно в Могилёвской области находится кратчайшее расстояние на территории Беларуси между се-

верной и южной ветками «Дружбы», что в свете активной российской инфраструктурной диверсификации и белорусской диверсификации импортёров нефти может быть использовано для строительства субмеридианальной перемычки между этими трубопроводами. Это позволит поставлять венесуэльскую, иранскую или азербайджанскую нефть по трубопроводу не только в Мозырь (через систему «Одесса–Броды»), но и в Новополоцк. Большим потенциалом обладает автотрасса Москва–Рославль–Бобруйск–Барановичи, которая является наиболее удобной альтернативой автодороге Е-30 на участке до Ивацевич. Её модернизация и более активное использование послужат развитию именно Могилёвской области, так как значительная часть этой дороги проходит через неё.

Внутриреспубликанское положение Могилёвского региона характеризуется обширным выходом к восточным частям трёх областей: Минской, Витебской и Гомельской. Область расположена на восточной оси развития республики: Витебск–Могилёв–Гомель. Основная ось развития Беларуси (коммуникационный коридор Брест–Орша) не пересекает область, однако север и центр области имеет удобный выход к Оршанскому коммуникационному узлу: например расстояние от Орши до Могилёва – 85 км, а от Орши до Горок – 46 км. Основные центры области – Могилёв и Бобруйск имеют удобный выход к столице страны, как по автомобильным (204 км по М-4 до Могилёва, 145 км по М-5 до Бобруйска), так и по железным дорогам (Бобруйск в этом плане находится в более выгодном положении вследствие расположенности в непосредственной близости от Осиповичского железнодорожного узла). В то же время восток области по отношению к столице республики находится в глубокой периферии: расстояние от Минска до Костюкович по автодорогам – 340 км., от Минска до Кричева – 310 км. Расстояние по железным дорогам такое же значительное. Не полностью раскрыт потенциал транзитных судоходных рек региона – Березины и Днепра, которые можно использовать и для круизных туристических поездок. Сдерживающим развитие фактором ЭГП области является её расположенность в зоне радиационного загрязнения.

Для Гомельской области этот фактор ЭГП в настоящее время является одним из определяющих. Непосредственная близость к Чернобыльской АЭС и характер техногенной катастрофы привели к сильному радиационному загрязнению юго-востока и северо-востока региона. Одной из мер снижения неблагоприятного воздействия последствий аварии стало создание на территории области Полесского радиационно-экологического заповедника. В то же время сотрудничество со странами Евроатлантического региона по чернобыльской проблеме является сближающим политическим фактором. Несмотря на значительную площадь загрязнённых территорий в приграничных районах, общая граница с Россией и Украиной является важным ресурсом развития области и вкуче с развитой системой коммуникаций на региональном уровне проявляет функцию «ворот» по направлениям: Украина–Прибалтика, Украина–Северо-Западный район России, Центральная–Чернозёмный район России–Западная Европа (трансполесская полимагистраль).

В настоящее время геополитическое положение Гомельского региона определяется ситуацией вокруг её нефтеперерабатывающего и нефтетранспортного секторов экономики. Уже отмечалось, что неблагоприятное воздействие может оказать строительство Россией нефтепровода БТС-2 в обход Беларуси. В первую очередь, этот проект может стать альтернативой южной ветке «Дружбы» – главного нефтепровода области. В то же время как геополитически, так и экономически выгод-

ной составляющей положения региона является его связь через системы «Дружба» и «Одесса–Броды» с портами Украины (Южный и Одесса). Такое расположение позволяет получать венесуэльскую и азербайджанскую нефть по свопсхеме через эту коммуникационную систему, что позволяет снизить зависимость от импорта российской нефти и укрепить суверенитет республики. Также важными составляющими геоэкономического положения области является разветвление на её территории транспортных коридоров №9 и №9 В. Как уже отмечалось, в настоящее время идёт активная электрификация железных дорог последнего, причём Гомельской области она касается в первую очередь. Геополитическим контекстом этого процесса является активное участие Китая в данном проекте: им выделены кредиты под электрификацию участков Гомель–Жлобин–Осиповичи и Жлобин–Калинковичи. Вообще геоэкономическое присутствие Китая в области наращается за счёт участия в строительстве завода по производству сульфатной беленой целлюлозы (Светлогорск) и завода по производству кальцинированной соды (Мозырь).

Экономико-географическое положение Минского региона, включающего в себя две административные единицы первого уровня: Минскую область и город Минск характеризуется в первую очередь центральностью и определяется значительной концентрацией производительных сил и столичными функциями. Выгодность ЭГП регион во многом приобретает благодаря пересечению на его территории панъевропейских транспортных коридоров № 2 и № 9В, железнодорожные составляющие последнего в ближайшее время будет электрифицирована, а автодорога Е-30 является лучшей в республике и одной из лучших на постсоветском пространстве. Центральность и существующий рисунок коммуникационной сети позволяют Минску наиболее эффективно осуществлять столичные функции. Этот же фактор, наряду с рядом внутренних преимуществ (в первую очередь агломерационного эффекта) является основой привлечения иностранных инвестиций. Например, большая часть белорусско-китайских проектов реализуются в Минске. Наиболее явные из новых точек роста сейчас напрямую связаны с транспортно-географическим фактором: это проекты ряда логистических центров в области, модернизация Национального аэропорта Минск, а также возможное размещение китайско-белорусского индустриального парка в одном из районов области, пересеканном полимагистралью. Важным индустриальным узлом области является Солигорск, экономико-географическое и геополитическое положение которого определяется связями по ряду железных дорог с портами Прибалтики и непосредственной работой с ними, а также взаимоотношениями с потенциальными иностранными акционерами предприятия «Беларуськалий», что напрямую отражается на геополитическом положении республики, той или иной степени её суверенитета.

Брестская область и в особенности город Брест, имеют важное коммуникационное значение не только для республики, но и для стран Таможенного союза, так как здесь западная граница Беларуси является западной границей единого таможенного пространства Беларуси, России и Казахстана. Велика барьерная функция области в плане пресечения нелегальной миграции в страны ЕС и борьбы с наркотрафиком. Область является своеобразным «энергетическим окном» в страны ЕС: её пересекают как нефтепровод «Дружба», так и газопровод «Ямал–Европа». Предпосылками для активизации международного сотрудничества (область граничит с Польшей и Украиной) являются такие проекты как еврорегионы «Буг» и «Беловежская пуца». Их значение в настоящее время весьма ограничено, а деятельность представлена в основном гуманитарными, а не совместными экономическими проектами.

Внутриреспубликанское положение области характеризуется сравнительной удалённостью от большинства областных центров республики (характерно для Бреста и Пинска). В то же время наиболее выгодное положение занимает Барановичский транспортный узел, расположенный рядом с Минским регионом. Он является крупнейшим железнодорожным узлом страны (по количеству веток). Весьма перспективным направлением развития региона является интенсификация транзитных перевозок не только по линии восток-запад, но и по линии юг-север: область лежит на кратчайшем пути из Западной Украины в Прибалтику, что позволяет продлить панъевропейский коридор № 5. Геоэкономическое значение имеет расположение области на пути возможного транзита электроэнергии от таких украинских АЭС как Ровенская и Хмельницкая (последняя в ближайшее время будет модернизирована) в страны Прибалтики.

Гродненская область, как и Брестская, граничит с Польшей, а также имеет протяжённую границу с Литвой. В свете последних договорённостей о малом приграничном движении в полосе около 50 км с обеими странами для региона открываются новые возможности, в том числе по привлечению в этот край туристов. Функционирование такой зоны с упрощённым визовым режимом станет более прогрессивной формой сотрудничества по сравнению с теми же еврорегионами (в области функционирует еврорегион «Неман»). Область характеризуется сложным рисунком коммуникационной сети и значительными региональными различиями во внутриреспубликанском положении (расположение северо-востока региона на значительном удалении от областного центра и с удобным выходом к Минску через транспортный коридор № 9В). Определённое геополитическое значение имеет общая граница с Подляским воеводством Польши, где компактно проживает большая белорусская диаспора, а также национальный состав населения самой области (со значительной долей поляков) и её близость к Польше. Негативным моментом, влияющим как на ЭГП, так и на геополитическое положение региона является налаживание коммуникаций по линии Польша–Прибалтика в обход Гродненского транспортного узла. Заморожено железнодорожное движение по направлению Вильнюс–Гродно–Белосток. Планируется строительство скоростной железнодорожной магистрали Центральная Европа–Прибалтика в обход Беларуси. Конечно, такой процесс вполне закономерен, однако ввиду удобного положения области и её транзитного потенциала модернизация существующей инфраструктуры может дать значительный экономический эффект. Область располагает возможностями транзита как по направлению запад-восток, так и по направлению север-юг. Одним из перспективных направлений является подключение коммуникационной сети области к панъевропейскому коридору № 5 Триест–Любляна–Львов до Вильнюса. Важнейшей геополитической особенностью региона является строительство в Островецком районе Белорусской АЭС. Сущность этой особенности заключается в таких аспектах как: размещение АЭС в непосредственной близости от планируемой Висагинской АЭС (Литва), близость региона к планируемым АЭС в Калининградской области и Польше, расположенность непосредственно около энергодефицитного рынка (Прибалтика и Польша), возможность обеспечения большей энергетической независимости страны, вероятное подключение к строительству станции китайских и российских инвесторов.

Таким образом, экономико-географическое и геополитическое положение регионов Беларуси тесно связано и определяется в первую очередь такими факторами как коммуникационный, энергетический, фактор наличия и открытости границ.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Россия обладает крупнейшими в мире запасами древесины, однако лесная промышленность – малозначимая отрасль для экономики страны: ее доля в ВВП и экспорте не превышает первых процентов.

По доходности лесного экспорта Россия уступает многим развитым странам, как лидерам по запасам и заготовке древесины (США, Канада), так и отстающим от России по обоим показателям (Германия).

В условиях стабильно растущего мирового спроса на лесную продукцию, в первую очередь на высокоценную хвойную, которой особенно богата наша страна, при относительно низкой стоимости российской рабочей силы и приемлемых условиях входа на рынок для иностранных инвесторов, по сугубо экономической логике, отрасль должна была бы бурно развиваться, по крайней мере, в течение последнего десятилетия.

Тем не менее, наблюдалось не столько развитие, сколько линейный рост некоторых не самых желательных показателей, при отсутствии серьезных качественных изменений. Происходило наращивание объемов заготовки и экспорта необработанного леса за счет рубок в наиболее истощенных и легкодоступных лесных массивах, вблизи от существующих мощностей по переработке и от границ стран-импортеров (Северная Европа, Китай).

Ранее [1] было показано, что неблагоприятное законодательство не является, в отличие от конъюнктуры мировых рынков, определяющим фактором успеха крупных лесопромышленных предприятий.

Ниже делается попытка ответить на вопрос, почему отрасль развивается недостаточно быстро и каков будет территориальный вектор ее развития в будущем. При этом используется не экономический и не юридический (институциональный), а географический подход. При этом анализ ограничивается крупными предприятиями, поскольку на них приходится основная часть прибыли российской лесной промышленности [2].

Пространственная структура лесной промышленности и товарно-денежных потоков, порождаемых ей, анализируется в трех разрезах:

1. География рынков сбыта продукции.
2. География основных фондов лесной промышленности.
3. География сырьевой базы и ее освоения.

На первое место намеренно поставлен рынок, а не инфраструктура и сырье. Такой подход, на взгляд автора, отражает тенденции изменения значимости факторов размещения производства, нарастающие в последние десятилетия. С развитием технологий транспорта и строительства, освоение пространства становится дешевле, и может инициироваться все меньшими стимулами глобального рынка, который, тем временем, становится все более емким. Реализуемые в России и других странах проекты освоения новых месторождений энергоносителей, которые еще десятилетие назад считались, как минимум, экономически недоступными, наглядно демонстрирует этот тезис. В то же время нарастающие темпы технологической модернизации, характерные для периода НТР в совокупности с развитием финан-

сового сектора, делающего кредит более доступным, подталкивают к пересмотру взглядов на основные фонды производства как на данность, определяющую размещение экономической активности. Индустриальный каркас становится более гибким, производственные мощности – более мобильными. Неизменной географической данностью остается фактор размещения сырья, однако в случае лесной промышленности, сырьевая база которой относительно равномерно распределена по территории в пределах зоны произрастания лесов, сырьевой фактор не является определяющим для размещения производства.

1. География рынков сбыта российской лесной продукции

Анализ официальной статистики [3, табл. 7.2; 4, табл. 14.48–14.56, 15–44, 26.2., 5, табл. 13.43, 25.5, 25.8, 25.16] показывает, что все подотрасли российской лесной промышленности в значительной степени ориентированы на экспорт. Так, в 2007 году из 106 млн. кубм заготовленной (точнее – вывезенной) деловой древесины, было экспортировано в необработанном виде 54 млн. кубм; из 24,3 млн. кубм пиломатериалов, было экспортировано 18,5 млн. кубм. В 2000–2009 гг. экспорт составлял 60–75% от производства газетной бумаги, 50–70% от производства фанеры, 20–40% производства древесно-волоконистых плит. Рассчитать долю экспорта товарной целлюлозы (в отличие от целлюлозы по варке) на основе используемой статистики не представляется возможным, но данные, собранные автором по отдельным предприятиям, показывают, на экспорт уходит порядка 4/5 российской товарной целлюлозы.

При ориентации отрасли на экспорт, она не играет значимой роли ни в общей стоимости российского экспорта, ни на мировых рынках лесной продукции глубокой переработки. Стоимость экспорта российской лесной продукции росла с 1995 до 2007 г. (максимум – 12,3 млрд. долл. в 2007 г., падение до 8,4 млрд. долл. в 2009), но отстающими темпами по сравнению с общей стоимостью экспорта (доля в экспорте снизилась с 5,6% до 2,5%). В мировых масштабах Россия заметна только как крупнейший (44% рынка) экспортер необработанной древесины. Поскольку это самый дешевый вид продукции, то большая величина натурального показателя не означает крупной валютной выручки. Относительно значимым поставщиком России является также по пиломатериалам (12% мирового экспорта), однако как и в случае в необработанном лесом, она специализируется на поставках дешевой продукции невысокого качества (цена за один кубометр лежала в 2007 году в пределах 200–280 долл. при средней цене на мировых рынках 325 долл.). На мировом рынке экспорта листовых лесоматериалов (древесно-волоконистые, древесно-стружечные плиты, фанера) – продукции большей глубины переработки – доля России составляет уже 3%, в экспорте целлюлозы – продукции еще более высокой ступени – не более 1%; при этом на рынке бумаги и бумажных изделий (следующая стадия технологического процесса), Россия уже является нетто-импортером.

Структура российского лесного экспорта в разрезе стран-импортеров проанализирована на основе данных сборника Росстата «Промышленность России» – по ключевым торговым партнерам страны за 2001–2009 гг. Доля этих стран в потреблении всех видов российской лесной продукции, кроме древесных плит, была очень значительной (необработанные лесоматериалы – до 98%, целлюлоза – до 88%) или значительной (обработанные лесоматериалы – до 61%, фанера – до 65%, газетная бумага – до 47%). В конце 2000-х практически весь экспорт необработан-

ных лесоматериалов и целлюлозы приходится на Китай (в 2009 году 76% и 65% среди учтенных стран соответственно); этому предшествовал стабильный рост обоих показателей в течение десятилетия. Рост доли Китая в закупках необработанного леса сопровождался значительным падением закупок в странах ЕС (особенно в Финляндии, ранее крупнейшем импортере: с 10720 тыс. в 2001 г. до 2880 тыс. в 2009 г.), а также в Японии и Южной Корее (два других крупных импортера в АТР, наряду с Китаем). Прекращения начались по итогам 2007 года, что объяснимо: именно с 2007 года стали действовать повышенные таможенные пошлины на вывоз кругляка (необработанного леса). Надо отметить, что древесные плиты, фанера и газетная бумага не интересовали Китайский рынок ранее и не интересуют сейчас. В экспорте этих видов российской продукции на Китай в 2000-е годы никогда не приходилось более 1%.

Структура экспорта в разрезе регионов-источников проанализирована на основе сборника Росстата «Регионы России». Москва (1-й регион по экспорту в целом) находится только на 11-м месте по экспорту лесной продукции, в то время как на лидера, Иркутскую область (поставляющую большую часть лесной продукции в Китай), приходится 21% (на первые 3 региона – 36%, на первые 10 регионов – 65% стоимости лесного экспорта). Таким образом, компании лесного сектора не имеют явной склонности к регистрации внешнеторговых операций в столице, и география экспорта отражает географию производства (из первых 10 регионов-экспортеров, только Санкт-Петербург не располагает мощной лесной промышленностью). Четких географических закономерностей в устойчивости (на примере кризиса 2008-2009 гг.) регионального экспорта лесной продукции не замечено. Так, имеются и улучшившие, и ухудшившие свои позиции как среди регионов европейской части страны, так и среди регионов Сибири и Дальнего Востока.

2. География производственных мощностей российской лесной промышленности

Для анализа географии производства были собраны актуальные (2009-2010 гг.) сведения о пространственной структуре российской лесной промышленности. Источниками были отчеты предприятий – эмитентов ценных бумаг, а также публикации на официальных сайтах и в прессе. Были собраны сведения о наиболее значимых производственных мощностях 10 крупнейших лесопромышленных компаний России. Эти сведения достаточны для характеристики отрасли, поскольку на 10 компаний приходится подавляющая часть стоимости продукции отрасли, и нет ни одного крупного целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) – это наиболее конкурентоспособные предприятия в отрасли, – который бы не принадлежал одной из этих компаний. Анализ данных позволил выявить ряд закономерностей:

Ядрами всех крупнейших компаний являются ЦБК;

В числе владельцев большинства крупнейших ЦБК Европейской России представлены иностранные компании (главным образом, США и Германии);

Все ценнейшие активы целлюлозно-бумажной промышленности Азиатской части страны консолидированы в рамках российско-американской Группы Илим, ориентированной на рынок Китая. За пределами холдинга остались проблемные активы, такие как Байкальский, Енисейский, Селенгинский ЦБК (ЦКК). Они вряд ли интересуют западных инвесторов, поэтому дальнейшее наращивание иностранного присутствия в лесном секторе Восточной Сибири может происходить тремя путями: 1) через наращивание иностранного участия в капитале Группы Илим,

2) скупку западными компаниями небольших успешных лесопильных, фанерных, древесноплитных предприятий, 3) скупку китайскими компаниями проблемных предприятий ради находящихся у них в долгосрочной аренде лесных участков.

Крупнейшие лесные компании страны стали включать в стратегии развития создание производств тары из картона вблизи потребителя, в густонаселенных районах, где велики потребности в упаковочных материалах со стороны пищевой промышленности, складского хозяйства и торговли.

Если говорить о завершенных инвестиционных проектах, то пока значительные инвестиции в производство были осуществлены лишь самыми крупными компаниями с существенным иностранным участием. Все инвестиционные проекты носят характер расширения производственных мощностей, в исключительных случаях – запуска новых производств в пределах производственной площадки основного предприятия. Создание новых предприятий в новых локальностях ограничивается вспомогательными заводами небольшой мощности (в т.ч. тарными). В таких условиях выглядят сомнительными амбиции властей ряда лесных регионов (Нижегородская, Костромская, Вологодская и др.) привлечь инвесторов на создание с нуля крупных ЦБК.

3. География российских лесных ресурсов и потребности в них

При оценке потенциала развития лесопользования в России не следует прельщаться громадными объемами лесных ресурсов; необходимо учитывать их размещение. Во-первых, большая часть лесных ресурсов находится за Уралом, в то время как большая часть заготовки ведется в Европейской части страны. Во-вторых, огромные лесные массивы Сибири, зачастую не только транспортно недоступны, но и просто не востребованы в силу породного состава и низкого бонитета (например, сосняки на болотах Западной Сибири; лиственничники Якутии с низким удельным запасом на единицу площади). Эти макрорегиональные тенденции отражены в статистике Росстата [4] и ФАО [6].

Анализ в региональном разрезе был проведен на основе данных Лесных Планов субъектов РФ (базовый год – 2007). Изучалось территориальное распределение допустимого ежегодного освоения (расчетной лесосеки) и реального освоения лесных ресурсов. Ключевые показатели, рассчитанные по данным Лесных Планов, легли в основу карты (см. рисунок).

Анализ данных позволяет выявить в стране три полюса повышенного спроса промышленности на лесные ресурсы: это, во-первых, регионы Северо-запада у границы с ЕС, во-вторых, Иркутская область, в-третьих, южные приморские регионы Дальнего Востока. При этом наибольшие лесные ресурсы сосредоточены в северных, малоосвоенных частях Сибири (Якутия, Красноярский край, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО).

Территории Сибири и Дальнего Востока, отодвинутые от южной границы страны, несмотря на концентрацию огромных и практически не осваиваемых запасов спелой древесины, вряд ли станут в обозримом будущем лесозаготовительными центрами. Запасы здесь зачастую технически недоступны из-за отсутствия дорог, заготовки затруднены в силу физико-географических условий, плотность населения крайне низкая, удалены как азиатский, так и европейские рынки сбыта продукции; приоритет в освоении этих территорий отдается добыче других, более дорогостоящих ресурсов.

В целом, анализ территориальной динамики экспорта российской лесной продукции позволяет смело охарактеризовать российскую лесную промышленность как моноспециализированного поставщика дешевого сырья в Китай. Тенденции в экспорте и производстве, наметившиеся в последние 10–15 лет дают основание предполагать, что спустя еще десятилетие практически весь необработанный лес, пиломатериалы и целлюлоза будут направляться в Китай, и китайские компании начнут скупать российские предприятия, причем не ради технологий или производственных мощностей, а ради долгосрочно арендованных лесных участков. В связи с этим автору представляется весьма реалистичной перспектива мощного развития лесозаготовок и первичной переработки леса в полосе южных регионов Сибири, граничащих или близких к границе с Китаем. Эти регионы обладают довольно крупными лесными ресурсами, они относительно обеспечены рабочей силой и инфраструктурой и находятся в зоне влияния китайского рынка природных ресурсов, гигантского, ненасыщенного и, в отличие от европейского, мало требовательного к экологическим аспектам и качеству продукции. В условиях политики крупнейших лесоперерабатывающих стран Европы на снижение закупок леса в России за счет других источников, а также в условиях истощения ресурсов хвойной древесины в ключевом лесозаготовительном районе – Северо-Западном, при относительно низкой конкурентоспособности существующих деревоперерабатывающих предприятий, представляется вполне естественным возникновение нового, Южно-Сибирского, лесопромышленного комплекса в результате географического сочетания факторов международной торговли, размещения инфраструктуры и природных ресурсов.

Библиографический список

1. Кузьминов И.Ф. Результаты государственных инициатив по реформированию российского лесного законодательства в 2006–2009 гг. // Устойчивое лесопользование. – 2010. – №3. – С. 58–63.
2. Письмо Федеральной налоговой службы от 21 августа 2009 г. № ШС-23-3/656.
3. Промышленность России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 453 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. – Р76. – М., 2010. – 813 с.
6. Global Forest Resources Assessment (FAO, 2005).

Куликов Г.К.

МЕСТНЫЙ БЮДЖЕТ КАК ЗЕРКАЛО РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ (на примере Уральского и Приволжского федеральных округов)

1. *Роль крупных городов.* Значимость крупных городов как центров роста доказана географическими теориями – центро-периферийной. Города являются проводниками распространения экономических и социальных инноваций, они передают импульс развития периферийным территориям.

В России мало «сильных» городов, что затрудняет социальную и экономическую модернизацию страны. Тем более важно, чтобы тормозом модернизации не стало неблагоприятное финансовое положение городов.

2. *Бюджет города.* Города имеют собственные финансовые ресурсы – бюджет, который во многом определяет возможности их развития. Можно сказать, что местный бюджет – зеркало развития муниципалитета.

Любой бюджет состоит из двух частей – доходов и расходов. Доходная часть включает налоговые и неналоговые доходы, перечисления из бюджетов другого уровня (региона, страны). Основные налоги для городов-муниципалитетов – налог на прибыль, налог на доходы физических лиц (НДФЛ), земельный налог и налог на имущество, а также различные налоги, которые выплачивает малый бизнес. Налоговые доходы зависят от состояния экономики города и влияющих на него факторов: специализации экономики, экономико-географического положения (ЭГП), а также других факторов.

Расходы бюджетов и их структура также зависят от условий и факторов развития, но еще больше – от приоритетов бюджетной политики, проводимой городом, регионом и федеральными властями. Самыми большими являются социальные расходы – на образование, здравоохранение, социальную политику, во многих городах велика и бюджетная поддержка жилищно-коммунального хозяйства.

3. Факторы финансового положения крупных городов. Географические факторы. Физико-географические условия – климат и рельеф – определяют издержки функционирования городских социально-экономических систем, а значит, и расходы бюджета (на строительство и содержание зданий, заработную плату занятым в бюджетной сфере в городах с суровыми климатическими условиями и др.). Экономико-географические факторы связаны с системами транспорта и расселения, развитость которых также влияет на бюджетные расходы. Синтетическим фактором является экономико-географическое положение (ЭГП) города.

Экономические факторы изучаются в школьном курсе географии. В первую очередь, это специализация экономики города, определяющая доходы бюджета. Однако в «бюджетном зеркале» большинства городов России можно увидеть только частичное влияние специализации. Дело в том, что налог на прибыль предприятий с 2005 года поступает в городские бюджеты только в 15-ти регионах страны. Кроме поступления налога на прибыль, специализация влияет на уровень зарплат, а значит, и на поступления налога на доходы физических лиц (НДФЛ), который является основным налогом городских бюджетов. Специализация может быть не только промышленной. В крупных городах быстро развивается сектор услуг, растут доходы от малого бизнеса.

Важнейшими социальными факторами являются особенности структуры населения и человеческий капитал. Возрастная структура влияет на потребности в бюджетных услугах для детей и пожилых, т.е. на структуру расходов бюджета. Квалификация трудовых ресурсов влияет на уровень оплаты труда и, тем самым, на налоговые доходы города.

Институциональные факторы (правила функционирования) влияют на бюджетную систему сильнее всего. Муниципалитеты взаимодействуют с региональными властями, ответственными за перераспределение трансфертов – финансовой помощи. Кроме того, региональные власти определяют, в каких пропорциях распределяется важнейший налог на прибыль. Сложившаяся система перераспределения может стимулировать или ограничивать развитие города. Институциональные факторы не изучаются в школе, но их роль в развитии городов очень велика.

4. Влияние различных факторов на финансовое положение крупных городов Уральского и Приволжского федеральных округов

Факторы и особенности финансового положения можно показать на примере городов Уральского и Приволжского федеральных округов с численностью населения более 100 тысяч человек.

Развитие крупных городов многофакторно. Позитивные факторы могут действовать и по отдельности, и совместно, например, выгодная специализация, агломерационный эффект и статусное преимущество (для региональных столиц), более благоприятные институциональные факторы.

Сравним душевой объем поступлений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в городах разного типа: «миллионерах», центрах с выгодной и с более проблемной специализацией. Различия в душевом уровне поступлений НДФЛ четко прослеживаются. Миллионные города – лидеры в конкуренции за человека, они притягивают высококвалифицированных работников, в них наиболее сильно действует агломерационный эффект. Однако Челябинск с преобладанием промышленных функций заметно отстает от более постиндустриального Екатеринбурга по уровню душевых поступлений НДФЛ, его показатель близок к промышленным центрам с выгодной специализацией. Относительно небольшие по численности населения Тобольск и Новокуйбышевск – центры нефтепереработки, Магнитогорск и Тольятти – металлургии и автомобильной промышленности. Даже в кризисном 2009 году уровень оплаты на градообразующих предприятиях оставался более высоким.

Депрессивное состояние экономики некоторых центров Поволжья негативно сказывается на их финансовом положении. Уровень всех налоговых доходов на душу населения в Димитровграде, Йошкар-Оле, Сызрани, Новочебоксарске более чем в 3 раза ниже, чем в Перми. Большие различия в душевых налоговых доходах даже между крупными городами, не говоря уже о менее крупных, а также сельских муниципалитетах, приводят к росту масштабов перераспределения финансовых ресурсов.

5. *Финансовая самостоятельность городов.* Более существенная финансовая самостоятельность крупных городов в принятии решений существует только в 3 из 20 регионов Уральского и Приволжского федеральных округов (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов и, в меньшей степени, Пермского края). Крупные города других регионов значительного объема нецелевой помощи не получают.

Следствием смещения центра принятия решений с местного на региональный уровень является трансформация приоритетов бюджетной политики. При явно недостаточных расходах на социальные цели растут несоциальные расходы (на транспортную инфраструктуру, управление, муниципальную экономику). Опережающий рост инфраструктурных и инвестиционных расходов далеко не всегда оправдан, однако таких примеров среди рассматриваемых городов много. Рост несоциальных расходов стимулируется целевыми трансфертами из регионального бюджета, а финансово зависимый город не может на это влиять.

Например, в кризисном 2009 году в большинстве городов сократились инвестиции (в бюджетной терминологии – расходов на увеличение стоимости основных средств) муниципального бюджета на социальную сферу (здравоохранение, образование) и ЖКХ. Наиболее сильное сокращение произошло в Новокуйбышевске, Златоусте, Оренбурге (рис. 1). Но в некоторых городах сокращение инвестиций на социальную сферу сопровождалось значительным ростом несоциальных инвестиций, преимущественно в транспортную инфраструктуру. Это характерно для Казани, готовящейся к Универсиаде 2013 года, и для Челябинска, где в кризисный период средства расходовались на расширение городских магистралей. В Нижнем Новгороде, на фоне снижения объема социальных инвестиций, инфраструктурные инвестиции также остались высокими.

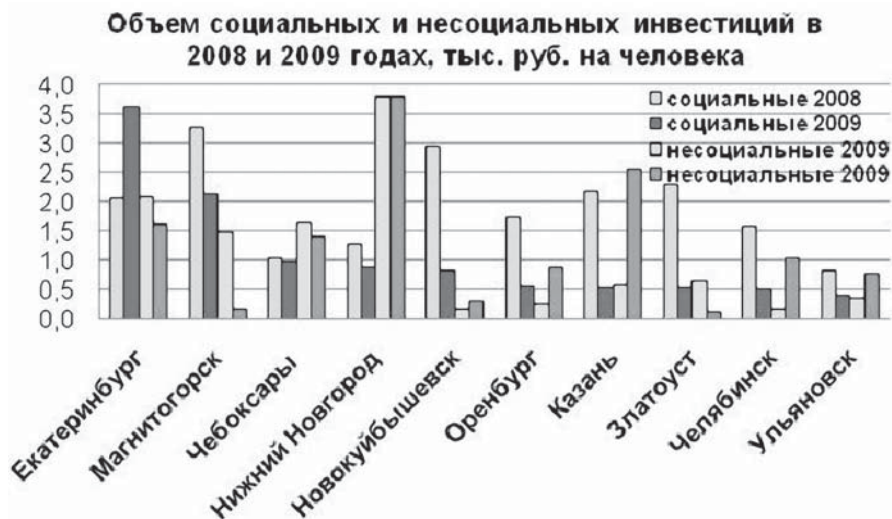

Рис. 1. Социальные и несоциальные инвестиции (расходы на увеличение стоимости основных средств) в 2008–2009 годах

Выбор несоциальных приоритетов на фоне снижения инвестиционных возможностей бюджета в крупных городах затрудняет развитие человеческого капитала и инвестиции в здравоохранение, образование и культуру.

6. Территориальная справедливость. Существующая в большинстве регионов система перераспределения финансовой помощи между крупными городами и периферийными районами направлена не в пользу первых. Территориальная несправедливость проявляется в том, что периферийные муниципалитеты получают такой объем трансфертов, который в душевом выражении обеспечивает более высокий объем доходов (сумма собственных доходов и трансфертов) по сравнению с крупными городами. При этом именно с территории крупных городов собирается значительная часть налогов. В результате нарушается главный принцип концепции территориальной справедливости: распределение доходов между территориями должно быть направлено на обеспечение минимальных потребностей всех, но необходимо соблюдение принципа «кто больше создает, тот больше получает».

На рисунке 2 представлен расчет «справедливости» политики бюджетного выравнивания в четырех регионах. Региональные столицы и «вторые города» обеспечены собственными (налоговыми и налоговыми доходами) намного лучше, чем периферия (муниципальные районы). Однако после распределения трансфертов между центрами и периферией оказывается, что в Оренбургской области душевые доходы периферии больше, чем в Оренбурге и Орске. Это пример явной территориальной несправедливости. В Челябинской области перераспределение обеспечило равенство душевых доходов периферии и двух крупнейших городов. В Самарской области отрыв Самары и Тольятти сохранился, но он минимален. Вряд ли такую ситуацию можно назвать справедливой, ведь крупным городам требуется больше финансовых средств для модернизации, иначе они не смогут выполнять функции «точек роста». Пример рациональной политики выравнивания представ-

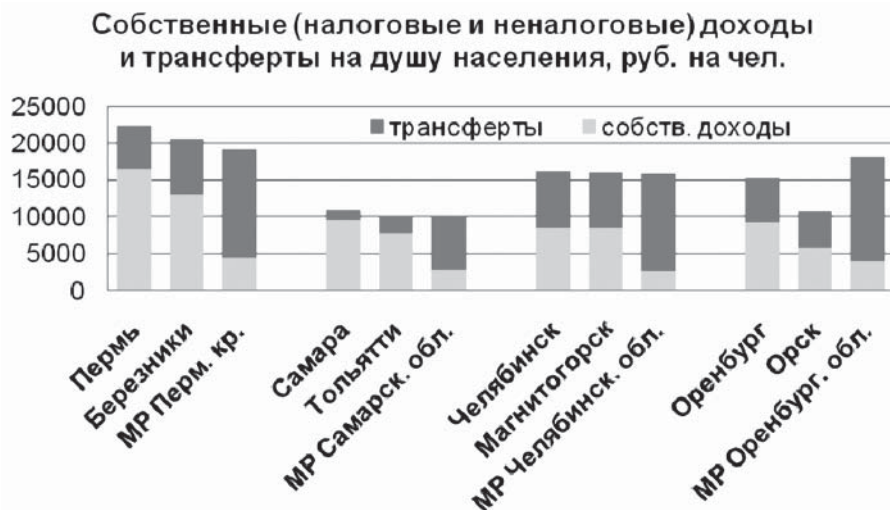

Рис. 2. Душевые доходы бюджета (включая собственные доходы и трансферты) региональных центров, «вторых городов» и средние показатели по муниципальным районам (МР) в 2009 г.

ляет Пермский край: душевые суммарные доходы Перми значительно выше, чем периферийных муниципальных районов.

Таким образом, в «бюджетном зеркале» хорошо видны приоритеты политики региональных властей. Либо они осознают роль крупных городов как «точек роста», их потребность в большем объеме финансирования, либо пытаются перераспределить средства преимущественно на периферию. Более эффективный путь развития периферии – постепенная передача импульса развития от модернизирующихся крупных городов-«точек роста» в виде роста инвестиций в промышленность и сельское хозяйство, дополняемого бюджетными трансфертами в человеческий капитал и инфраструктуру.

Куница М.Н. (г. Брянск)

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ СТАРООСВОЕННЫХ РЕГИОНОВ ЦЕНТРА РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Процесс развития системы расселения староосвоенных регионов – длительный, активный, сложный. Выраженная закономерность – его пульсационно-циклический характер. Причины смены циклов – изменение экономических отношений и технологического способа производства, социально-политической структуры, общественного сознания, демографических процессов. Направленность развития отражают: волны «повышательная» и «понижательная» (по Н.Д. Кондратьеву) или «восходящая» и «нисходящая» ветви, а интенсивность процесса – их стадии [4]. Структуру восходящей ветви образуют стадии оживления и роста-подъема

– до «пика» развития. После «перегиба» разворачивается нисходящая ветвь со стадиями рецессии-регресса и депрессии-кризиса. Кризис отличает экономический спад, социально-политическая конфликтность, снижение уровня жизни, поляризация общества, негативный тренд демографических процессов, депопуляция, «сжатие» сети поселений. После «ложбины» начинается новый цикл развития.

Современный этап функционирования сельского расселения староосвоенных регионов Центра России (Центрального федерального округа) характеризуется признаками стадии кризиса. Согласно разработанной автором системе циклического развития расселения Центральной России он – закономерен. Трансформация, значительный динамизм демографической структуры и более инерционной системы расселения региона, естественная убыль, активные миграционные процессы, усиление мелкоселенности, депопуляция и даже демографическая деградация ряда районов, перестройка в сельской местности всех типов отношений – собственно демографических, экономико-, социально-, эколого- и расселенческо-демографических – современная реальность. Происходит усложнение, нарастание противоречивости, «конфликтности» данных типов отношений, развивающихся по своим циклам.

Резко возрастает значимость демографической структуры как фактора и индикатора развития сельской местности и сельского расселения. Изменяется соотношение ее функций. Ведущей становится лимитирующая, связанная с состоянием демографического кризиса. Она во многом определяет и одновременно отражает уровень социального неблагополучия, препятствует сбалансированному развитию региона. Роль дифференцирующей проявляется в формировании территориальных особенностей качества жизни, естественного и миграционного типов движения населения. Роль оптимизирующей сильно снижена.

Демографический кризис сельской местности староосвоенных регионов Центральной России характеризуется: депопуляцией, снижением качества воспроизводства населения, деформацией половозрастной структуры, ухудшением уровня здоровья населения, нестабильностью семейных отношений, активизацией миграций, социальной сверхполяризацией общества. На развитие населения оказывает влияние комплекс гетерогенных факторов: социально-экономических, историко-политических, биологических, этнодемографических, природно-экологических. Последние двадцать пять лет – очень сложный период с деформацией долговременной эволюции демографического перехода в условиях становления новых государственных структур и типов социально-экономических отношений, экономических кризисов, трансформации социально-политических процессов, смены демографических волн, экологической Чернобыльской катастрофы. Радиоактивному загрязнению подверглись 10 субъектов ЦФО. Основной ареал – Брянская, Калужская, Тульская и Орловская области, где расположено 82% «чернобыльских» поселений. Самая пострадавшая – Брянская область. Здесь представлены все зоны загрязнения, в пределах которых проживает четверть ее населения.

Демографический кризис лимитирует сбалансированное развитие сельской местности ЦФО, обостряет проблему ее демографической безопасности.

Один из индикаторов кризиса – длительное уменьшение численности населения. Сейчас темпы сокращения – максимальные в России. Удельный вес ЦФО в сельском населении страны за последние 25 лет снизился до 18,5 %. Наиболее активна депопуляция в регионах с доминированием мелко- и мелко-среднеселенного расселения, обширными территориями периферии, социально-экономической де-

прессии. Основная проблема – ослабление, а в ряде районов – исчерпание демографического потенциала. Особо выражена она в Тверской, Ивановской, Калужской, Костромской, Смоленской, Рязанской областях, потерявших 16–28 % жителей. Для наиболее радиоактивно загрязненных ареалов Брянской области характерна демографическая деградация. На другом полюсе – относительно благополучные Белгородская, Московская и Липецкая области с минимальным сокращением населения за анализируемый период. В Подмоскovie сейчас наблюдается миграционно обусловленный рост.

Депопуляция во многом обусловлена кризисом процессов воспроизводства населения.

Важная социально-демографическая проблема – значительное снижение рождаемости в ЦФО. Несмотря на изменение тренда (падение со второй половины XX в. – рост в начале XXI в.) общий коэффициент уменьшился с 1986 года в 1,4 раза – до 10,6 ‰ в 2009 году [2]. В настоящее время сельская местность восстановила лидерство по уровню рождаемости, перекрыв городской показатель. Проблема низкой рождаемости в ЦФО – длительна. Округ находится на последней позиции в России. Значительны региональные различия. Более высоки коэффициенты во Владимирской, Костромской, Белгородской областях, где «второй демографический переход» запаздывает, низки – в Курской, Воронежской, Тамбовской. Разрыв между «полюсами» уменьшается. На репродуктивное поведение женщин активно влияет нестабильность семейных отношений. Высока внебрачная рождаемость.

Современный положительный тренд увеличения рождаемости стимулируется и мерами демографической политики. Однако он не сможет выполнить значительную оптимизирующую роль в селах, все активнее воспринимающих тенденции малодетности. В ближайшие годы ожидается снижение интенсивности деторождения вследствие ложбины демографической волны, досрочного исчерпания потенциала рождений, старения населения.

Наблюдается «кризис смертности» в результате ее интенсивного роста. В общем тренде увеличения проявилось и несколько ложбин спада. Наиболее выражена самая длительная – современная. Однако общий коэффициент смертности сельских жителей ЦФО остается очень высоким – 21,5 - 20,6‰ в 2008–2009 годах [1,2]. Это максимальный показатель в стране. Велики региональные различия. В настоящее время смертность варьирует от 16 ‰ в Московской до 28–26‰ в Тверской и Смоленской областях.

Качественно изменилась половозрастная структура смертности. В селах проблема сверхсмертности мужчин особенно остра в трудоспособном возрасте. Структура причин смерти отличается от «городской» большей долей доминирующих болезней системы кровообращения и внешних причин, меньшей – новообразований. Удельная смертность выше в сельской местности с пониженной эффективностью функционирования здравоохранения.

Несмотря на современное сокращение значительна детская смертность – важный индикатор уровня общественного развития. Выраженная проблема – ухудшение генетического здоровья, особенно на радиоактивно загрязненных территориях Брянской области.

Естественная убыль населения является определяющим фактором регионального развития. В сельской местности она наблюдается в течение длительного периода – более 30 лет. В последние годы проявилась положительная тенденция не-

которого уменьшения показателя вследствие повышения рождаемости и сокращения смертности. Коэффициенты в ЦФО составили -11,1 – -10,0 ‰ в 2008–2009 годах [1,2]. Это – максимум в стране. Значительна региональная дифференциация процессов. Наименее неблагоприятная ситуация типична для Московской области. Современный уровень убыли населения (-6,9 – -6,0 ‰) позволяет оценить ее как предкризисную согласно критерию демографической безопасности. Другой полюс с длительными особо кризисными процессами, низкой рождаемостью и высокой смертностью – Смоленская, Тверская, Тульская, Рязанская и Курская области. Здесь и в настоящее время показатели составляют -14 – -17 ‰. Нарастают социально-демографические контрасты «центр – периферия», «зоны депопуляции – роста». Сложна ситуация на радиоактивно загрязненном юго-западе Брянской области.

Качественное изменение половозрастной структуры – важный индикатор демографической угрозы. Уменьшается количество детей и подростков, хотя сейчас темпы этого процесса замедлились. Прирост трудоспособного населения сменяется его сокращением. Тенденция снижения доли людей пенсионного возраста практически исчерпана, начался обратный процесс. Потенциал трудоспособной когорты в селах меньше, а старшей возрастной группы – существенно больше, чем в городских поселениях. Очень высок уровень демографической старости и демографической нагрузки. Пониженные показатели средней ожидаемой продолжительности жизни, большой гендерный разрыв – индикатор социального неблагополучия. Наиболее разбалансирована половозрастная структура в Тверской, Тульской, Смоленской, Рязанской, Ивановской областях. Современные негативные тенденции – фактор будущего ухудшения положения на рынке труда, усиления депопуляции районов.

Важная особенность демографической ситуации – интенсивное миграционное движение. Для сельской местности долгое время был характерен массовый выезд. Вторая половина 80-х годов XX века отличалась постепенным преодолением оттока. Для 90-х годов был типичен кратковременный приток городских жителей, а затем активный – вынужденных переселенцев и беженцев. В начале XXI века вынужденную миграцию сменили центростремительные трудовые потоки с севера и востока России, стран СНГ. В сельской местности ЦФО наблюдается довольно длительный период с положительным сальдо механического движения населения. Однако ее статус миграционного фокуса выражен намного слабее, чем у городских поселений. Даже во время максимального притока его уровень не достигал «планки» замещающей миграции, но интенсивность процесса депопуляции несколько снизилась. Произошло некоторое улучшение демографической ситуации (половозрастной структуры, естественного воспроизводства). Одновременно обострился комплекс проблем, в частности жилищная, трудоустройства. Наиболее характерны данные процессы для Московской и Белгородской областей с максимальным притоком в сельскую местность. Сложен тренд миграций со сменой положительного и отрицательного сальдо в большинстве субъектов ЦФО. Самая негативная ситуация с долговременным доминированием выезда, усиливающего депопуляцию, сложилась в Курской, Костромской, Тверской, Смоленской областях. Особо сложное положение в периферийных районах сельской глубинки всех регионов ЦФО. Новый вид миграций – вынужденные черномыльские переселения наиболее интенсивны в Брянской, значительно менее выражены в Калужской и Тульской областях. Сейчас

их активность уменьшилась. Однако они продолжают являться важным фактором социально-экономического развития радиоактивно загрязненных территорий.

Под влиянием комплекса гетерогенных факторов происходит перестройка расселенческо-демографических отношений [5]. Активизируется процесс депопуляции. Распад поля расселения на две различные части – жизнеспособную с выполняющими хозяйственно-организационные и социальные функции поселениями и депопуляризирующуюся с отмирающими пунктами – типичен для большинства регионов. Нарушаются сложившиеся, возникают новые направления межселенных и межрегиональных связей.

Нарастает мелкоселенность. Усиливается процесс измельчения сети расселения, повышения степени социально-территориальной обособленности поселений. Углубляет проблему увеличение количества пустующих деревень. Удельный вес сел с людностью до 10 человек – «переходных к пустующим» колеблется от 50–40% в северных и северо-западных Ярославской, Костромской, Ивановской, Тверской, Смоленской, 36–30% в Калужской и Тульской до 9–7% в черноземных Курской, Воронежской, Белгородской областей. Такие села – наиболее неустойчивый элемент расселения. Их отмирание усилит депопуляцию.

Снижается демографический потенциал населенных пунктов. Высокая естественная и миграционная убыль способствуют уменьшению численности и старению населения большинства сел. Негативные процессы в воспроизводстве воздействуют на изменение социально-экономических функций поселений, их устойчивости. Данная проблема наиболее выражена в Тверской, Смоленской, Тульской, Костромской, Рязанской, Курской областях с высоким удельным весом депрессивных районов. Для радиоактивно загрязненного юго-запада Брянской области характерна демографическая деградация зоны отчуждения, активная депопуляция зоны обязательного отселения.

Повышается степень дифференциации сельского расселения. Один полюс – очень малые села как наиболее неустойчивый его элемент. Другой – большие и крупные села, положение которых в сети расселения наиболее стабильно. Эти поселения выполняют функции местных организационных, агропромышленных центров, служат ядрами формирования местных типов расселения. Большинство жителей сконцентрировано в средних по людности селах, обладающих разной степенью устойчивости.

Активизируется поляризация расселения. Стадия урбанизации сопровождалась значительным снижением демографических ресурсов сельской местности, концентрацией сельского населения. Эти процессы типичны для ЦФО и на современном этапе. Наметившийся переход к стадии интегрированного расселения с выраженной поляризацией среды формирует новый опорный каркас расселения [3]. Социально-экономические и демографические различия типов сельской местности нарастают – от развивающихся пригородных до активно депопуляризирующихся периферийных [6]. Усиливается проблемность демо-экологического развития поселений, особенно на радиоактивно загрязненном юго-западе Брянщины.

Значительны региональные особенности процессов трансформации расселенческо-демографических отношений в сельской местности. Выделяются несколько контрастных зон. Первая – регионы с мелко- и мелко-среднеселенным расселением (Костромская, Тверская, Ярославская, Ивановская, Смоленская, Калужская области). Их отличают наиболее неблагоприятные социально-демографические условия развития сельской местности, абсолютное доминирование «гаммы» наи-

более неустойчивых поселений (до 100 человек), высокий удельный вес сел, «переходных к пустующим», особенно активный процесс отмирания пунктов на периферии и полупериферии, пригородная и прикаркасная концентрация. Вторая – регионы с преобладанием среднеселенного расселения (Брянская, Орловская, Тульская, Владимирская, Рязанская области). Их характеризует неблагоприятные социально-демографические условия развития территории, доминирование неустойчивых сел, ликвидация пунктов на периферии, начало возрождения деревень в полупригородах, активная пригородная, менее выраженная концентрация в пределах функционально-планировочных коридоров. Третья – регионы с средне-крупноселенным и крупноселенным расселением (Белгородская, Воронежская, Липецкая, Курская, Тамбовская области), относительно неблагоприятными социально-демографическими условиями развития районов, пониженным удельным весом неустойчивых поселений, повышенным – центров устойчивости, сокращением пунктов периферии, возрождением сел на полупериферии, стягиванием поселений в пригородные зоны. Четвертая – Московская область со средне-крупноселенным поляризованным расселением, значительным распространением неустойчивых сел, особо выраженной ролью центров устойчивости, концентрирующих максимальную для ЦФО долю сельского населения, относительно небольшими ареалами депопуляции, активным процессом возрождения деревень, формированием нового типа – коттеджных поселений.

Региональные демографические программы, базирующиеся на комплексном анализе демографического потенциала сельского расселения – необходимое звено разработки и реализации социально-экономической политики сбалансированного развития сельской местности регионов ЦФО.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России. 2009. – М.: Росстат, 2009.
2. Демографический ежегодник России. 2010. – М.: Росстат, 2010.
3. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. – М.: Наука, 1991.
4. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993.
5. Куница М.Н. Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. – Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009.
6. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.

Лекомцев А.А. (г. Ижевск)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ УДМУРТИИ

Изучению географических явлений, как в пространстве, так и во времени в последнее время уделяется достаточно много внимания. В частности М.Д. Шарыгин назвал пространственно-временную парадигму «базисом в фундаментальных и прикладных общественно-географических исследованиях и предложил представлять явление географического пространства-времени как сочетание географических объектов и совокупности связей и отношений между ними, проявляющихся объективно и воспринимаемых субъективно» [3].

Изучение системы расселения населения не только в пространстве, но и во времени, то есть изучение динамики системы, её эволюции, позволяет не просто описать её современное состояние, но и выявить все закономерности, по которым развивается данная система. Такой подход делает возможным более точно прогнозировать изменения в системе расселения населения и предугадывать «поведение» системы при изменении внешних и внутренних факторов, влияющих на неё. Это же, в свою очередь, позволяет более эффективно управлять системой расселения населения.

Наиболее четко динамические характеристики системы расселения, то есть относящиеся к функционированию, поведению и взаимодействию частей системы, отражает понятие «организация системы». Поэтому, для изучения систем населенных пунктов в пространственно-временном аспекте, наиболее верно обратиться к вопросу о её пространственно-временной организации. В нашем понимании, пространственно-временная организация системы населенных пунктов есть – изменение, динамика характеристик взаимосвязей внутри системы в пространстве и во времени. Она выступает как вектор развития системы на данном историческом этапе, направление которого зависит от приспособленности данной системы (подсистемы) к среде, то есть к основным тенденциям и причинам трансформации системы.

Различают два аспекта организации системы: упорядоченность и направленность. Упорядоченность определяется как величина обратная энтропии системы. Это есть развитие иерархической структуры системы расселения и её функционирование (взаимодействие частей системы). Направленность организации характеризует соответствие (или не соответствие) системы условиям окружающей среды, целесообразность данного типа организации с точки зрения поддержания нормального функционирования системы и т. п. [1]. На соответствие и не соответствие организации будут указывать такие признаки, как динамика численности населения отдельных подсистем и их центров.

Рассмотрим основные тенденции пространственно-временного развития системы расселения Удмуртии. Для территории республики более характерна так называемая центрическая дисторсия. Суть ее в том, что когда один из центров теоретически первоначальной гексагональной решетки усиливается настолько, что подчиняет себе остальные, происходит её трансформация в секторно-кольцевую. Где крупный центральный узел становится главным, а центры окружающих узловых районов подчиняются ему. При этом в центральном узловом районе, вокруг «суперцентра» появляются поселения-спутники со своими собственными районами [2]. Таким образом, сеть систем расселения Удмуртии и направление развития подсистем населенных пунктов представленной системы на начало 21 века выглядит как на рисунке (рис. 1а).

Здесь мы имеем шесть узловых районов (ячеек секторно-кольцевой сети), охваченных центрической дисторсией, и один (Глазовский), сохранивший свою полигональность. Из шести первых три образуют внешнюю зону, формирующейся секторно-кольцевой сети (Игринский, Увинский и Можгинский). Два других района, охваченных центрической дисторсией (Воткинский и Сарапульский) имеют признаки как внешней, так приядерной зоны, но из-за близости суперцентра (г. Ижевска) (56 км.), входят в зону непосредственного его влияния, что делает их сателлитными центрами формирующейся агломерации. И наконец, в Ижевском узло-

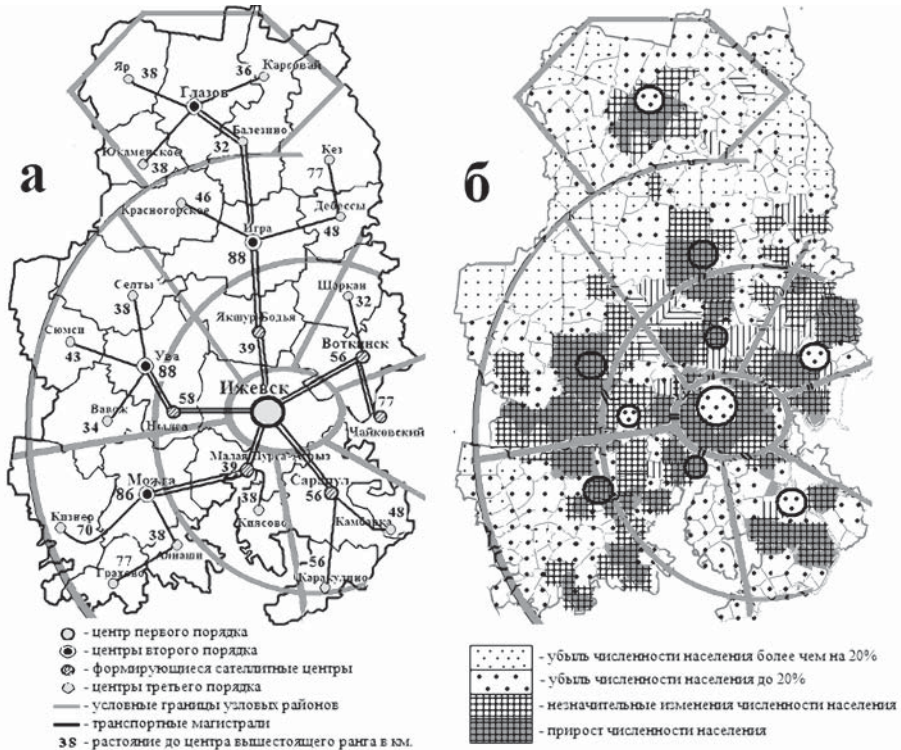

Рис. 1. Современные тенденции пространственно-временной организации населенных пунктов Удмуртии

вом районе второго порядка, на транспортных магистралях, соединяющих супер-центр с центрами районов внешней зоны, формируются новые спутниковые центры Якшур-Бодья, Нылга и Малая Пурга. Степень их сформированности разная, но пока, ни один из них не возглавляет узловой район второго порядка.

Эффективность функционирования (направленность организации) данной иерархически упорядоченной системы расселения можно проследить через динамику людности поселений разных иерархических уровней, через тенденции изменения структуры расселения в подсистемах. Если, при прочих равных условиях (к которым относятся: положение в иерархической лестнице, природные условия и ресурсы территории, социально-экономические и демографические факторы и т.д.), система расселения испытывает сильное снижение численности населения в большинстве или во всех поселениях, включая центр системы, то её можно считать стагнирующей, не приспособленной к данным условиям. Если же в системе расселения происходит рост численности населения в одном, либо каком-то незначительном числе населенных пунктов на фоне общего увеличения людности системы, налицо трансформация системы в целях адаптации к сложившимся условиям. Рост численности населения абсолютного большинства или всех поселений системы расселения говорит о её соответствии условиям.

На период с 2000 по 2010 годы в целом на территории Удмуртии наблюдается стягивание населения от периферии к центрам первого и второго порядка и планомерное, а местами и резкое, снижение численности населения на территориях с более чем двухчасовой доступностью до города Ижевска (рис. 16).

В Глазовской ячейке положительная динамика наблюдается только вокруг центра ячейки. На периферии ячейки убыль населения имеет максимальные показатели по Удмуртии. Такая ситуация вероятно связана с тем, что данная территория является частью системы расселения формируемой Ижевском, но при этом не затянута в центрическую дисторсию. Это не даёт Глазову стать полноценным центром своей системы расселения, а большое расстояние до суперцентра делает периферийные территории неперспективными.

Во внешней зоне положительная динамика наблюдается только на территориях с наилучшими условиями для ведения сельского хозяйства и на территориях, примыкающих к центрам второго порядка. На более удаленных территориях, в основном с лесохозяйственным типом природопользования, происходит снижение численности населения во всех населенных пунктах. При удалении от центра сектора более чем на 50 километров людность большинства муниципальных образований снизилась за последние 10 лет более чем на 20%. Примечательно, что в центрах ячеек внешней зоны в последнее десятилетие наблюдается плавное увеличение численности населения, главным образом, за счет механического притока из подчиненных районов.

В подрайонах, возглавляемых сателлитными центрами, наблюдается планомерный рост численности населения в муниципальных образованиях, примыкающих к транспортным магистралям (соединяющим сателлиты с центром первого порядка), а на территориях, удаленных от таких дорог – убыль численности населения. Развитие самих сателлитных центров ограничено. В основном наблюдается стабилизация людности этих поселений. Последний факт может быть связан с предпочтениями населения переехать в столицу республики, нежели в центр района.

Приядерная часть системы расселения (г. Ижевск и, окружающий его, Завьяловский муниципальный район) характеризуется стабильным ростом численности населения практически во всех населенных пунктах, что в целом отражает тенденцию централизации системы. Между тем в самом центре первого порядка г. Ижевске, в последнее время, наблюдается уменьшение людности, связанное как с естественной убылью населения, так и с отрицательным сальдо миграции. Данная ситуация достаточно сильно сказывается на развитии секторно-кольцевой сети систем расселения. Происходит всё большая концентрация населения в центре сети, но при этом развития и роста, как центра системы расселения, так и её подсистем не наблюдается.

Таким образом, можно говорить о тенденции современной организации системы населенных пунктов Удмуртии, направленной в сторону стагнации развития системы расселения региона с перспективой постепенного исчезновения, если не изменятся условия, определяющее такое состояние.

Данные знания, впоследствии, позволят более эффективно управлять системой расселения населения и улучшить социально-экономическое развитие территории. Но в целом, методике изучения и анализа пространственно-временной организации системы населенных пунктов следует уделить еще много внимания.

Библиографический список

1. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). 3 изд. – Ч. 1–3. – Л.–М., 1925–1929.
2. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: «Ойкумена», 1999. – 256 с.
3. Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в современной географии// Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Кн.1: материалы Всерос. науч.- практ. конф., 10–13 ноября 2008, г. Пермь / Перм. гос.ун-т. – Пермь, 2008. – 446 с.

Липухин Д.Н. (г. Екатеринбург)

ТИПЫ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УРАЛЬСКОМ РАЙОНЕ

В последние два десятилетия кардинальные изменения, происходящие в экономике и в целом в российском обществе, не могли не затронуть социально-экономическую географию, которая стала запаздывать за изменениями общественной жизни. Развивая тезис известного географа Ю.Г. Саушкина о том, что экономическая и социальная география составляют единое диалектическое целое, более чем актуальным стал социально-географический аспект исследований, социологизация и гуманизация географической науки – «все вокруг и через человека, все для человека». Вместе с этим, усилился и региональный аспект исследований, в том числе по мониторингу и изучению пространственной дифференциации демографических процессов и структур. Геодемографическая проблематика особенно актуальна на современном этапе социально-экономического развития России и отдельных ее регионов в связи с неблагоприятной геодемографической ситуацией. Сокращение численности населения России началось по причине депопуляции с 1993 г. Так, за период с начала 1993 г. по начало 2010 г. численность населения страны уменьшилась на 6647,2 тыс. чел., или на 4,5% [2, с. 25]. Подобное сокращение численности населения могло быть еще больше, если бы естественная убыль частично не компенсировалась миграционным притоком населения из-за рубежа.

Не является исключением и Урал, рассматриваемый нами в границах экономико-географического района. Занимая 4,8% территории страны (823,2 тыс. кв. км), Урал сосредоточивает 13,6% российского населения (на начало 2010 г. – 19256,2 тыс. чел.). Численность населения Урала стала сокращаться с 1995 г. За период 1995 – 2010 гг. сокращение численности населения составило 1070,8 тыс. чел. или 5,3% [2, с. 30–31]. Если в целом по стране к началу 2010 г. (впервые за последние 17 лет) естественная убыль полностью компенсировалась миграцией, и население возросло на 10,5 тыс. человек по сравнению с 2009 г., то Урал продолжает тенденцию снижения общей численности населения. За год население региона уменьшилось на 5,6 тыс. чел. [2].

Характерной особенностью последних лет стало снижение темпов сокращения численности населения региона. За период 2001–2005 гг. население сократилось на 2,4%, в том числе городское – на 5%. Сельское население выросло на 4,8% за счет миграций и административно-территориальных преобразований. В 2006–2010 гг. население уменьшилось на 0,8%, в том числе городское – на 0,9%, сельское население – на 0,5%. Причиной этому является снижение естественной убыли в связи с увеличением чисел родившихся, начиная с 2002 г. Во-первых, в этот период в наи-

Таблица 1

Компоненты изменения общего коэффициента рождаемости
в России и на Урале в 2002–2008 гг., в процентах

Территория	Изменение общего коэффициента рождаемости за период	в том числе за счет изменения		
		доли женщин 15-49 лет в населении	возрастной структуры женского репродуктивного контингента	возрастных коэффициентов в рождаемости
Уральский район	+21,7	-2,3	+9,9	+14,1
Российская Федерация	+24,7	-0,7	+7,7	+17,7

более активный детородный возраст вошли более многочисленные поколения женщин, родившихся в начале и середине 1980-х гг. Во-вторых, федеральные мероприятия по стимулированию рождаемости и меры помощи семьям с детьми, введенные с 2007 г., также создали определенный стимулирующий эффект.

Для того, чтобы выявить факторы, влияющие на изменение уровня рождаемости в России и Уральском районе за 2002–2008 гг., мы воспользовались индексным методом [1, с. 164–167]. Расчеты показали, что в целом за 2002–2008 гг. общий коэффициент рождаемости на Урале вырос на 21,7%. При этом за счет снижения процентной доли женщин репродуктивного возраста, зафиксированное к 2008 г. (если бы действовал только данный структурный фактор), он снизился бы на 2,3%, но в то же время увеличился бы на 9,9% за счет некоторого улучшения возрастной структуры внутри женского репродуктивного контингента. Однако увеличение величины общего коэффициента рождаемости было следствием действительного роста рождаемости в Уральском районе на 14,1%. В России рост рождаемости составил 17,7% (табл. 1).

К 2009 г. суммарный коэффициент рождаемости достиг на Урале 1,639, что составляет лишь 77,3% от «необходимого» для обеспечения простого воспроизводства населения. Это обстоятельство позволяет заключить, что демографический кризис в Уральском районе продолжается.

Выявление пространственных различий демографических процессов и структур на Урале проводилось автором на основе системы индикаторов еще в 2000 г. [5, с. 14–15]. С тех лет произошли некоторые изменения, как в региональной демографической ситуации, так и в административно-территориальном устройстве Урала. В декабре 2005 г. в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа был образован Пермский край. Коми-Пермяцкий округ стал административно-территориальной единицей с особым статусом в составе Пермского края. Система показателей, используемых в типологизации, была расширена, с целью более полного учета различий демографических процессов и структур между городской и сельской местностью по административным территориям Урала. Основу статистической модели, отражающей состояние геодемографической системы за 2009 г. образуют 32 индикатора по семи административным территориям Урала (матрица из 224-х показателей).

По результатам проведенной типологизации с использованием пакета программ «Statistica», в пределах Урала выделено четыре типа геодемографической си-

Таблица 2

Типы геодемографической ситуации в Уральском районе (2009 г.)

Тип	Кд 2009/2010 гг., %	Коэффициенты, ‰							
		ОКР	ОКС	КЕП	КМП	младенч. смерт.	брачн.	разводим.	К 60+
1	100,1	13,7	13,1	0,6	0,6	7,1	8,4	4,3	16,0
2	100,1	13,3	13,8	-0,5	1,2	7,3	8,3	4,9	16,6
3	99,9	13,0	14,5	-1,5	0,6	7,6	8,3	5,1	17,5
4	99,5	12,6	15,7	-3,1	-2,3	10,5	8,7	5,5	18,9
Урал	99,9	13,2	14,1	-0,9	0,5	7,5	8,3	4,9	17,0

Примечание. Принятые сокращения: Кд – коэффициент динамики населения за период с начала 2009 г. по начало 2010 г.; ОКР – общий коэффициент рождаемости; ОКС – общий коэффициент смертности; КЕП – коэффициент естественного прироста (убыли); КМП – коэффициент миграционного прироста; К60+ – коэффициент демографической старости.

туации, характеризующихся определенной спецификой проявления демографических процессов и структур. С увеличением номера типа административных территорий Урала геодемографическая ситуация ухудшается (табл. 2).

Тип 1, концентрирующий 29% населения Урала, характеризуется относительно благоприятной геодемографической ситуацией. Его образуют Республики Башкирия и Удмуртия. Это наиболее заселенная и слабоурбанизированная часть Урала. Уровень общей рождаемости населения превышает средний показатель по Уралу на 3,8%, а уровень общей смертности – ниже на 7,1%, что объясняется структурным фактором (несколько повышенная доля детских и трудоспособных возрастов, пониженная доля пожилых). Население указанного типа отличается средним уровнем развития демографического старения. Увеличение численности населения в Башкирии обеспечивается невысоким естественным приростом и положительным сальдо миграций. Подобное характерно и для городской местности Башкирии.

В Удмуртской Республике население сокращается незначительно на фоне невысокого естественного прироста и миграционного оттока.

Несколько лучшие показатели воспроизводства населения в обеих республиках обусловлены, помимо урбарасселенческого фактора, и их этническими особенностями – пониженной численностью депопулирующих славянских этносов (по переписи 2002 г. – 44,5% от общей численности населения республик против 75% по Уралу), повышенным удельным весом башкир (21,6% против 7,8% по району), татар (19,4% против 9,1% по району), удмуртов (8,6% против 2,7% по Уралу). Несмотря на то, что данные этносы ассимилировались с русскими, семьи их более «детные» как в городской, так и в сельской местности. Индекс детности по республикам составляет 380 детей в возрасте до 10 лет на 1000 женщин репродуктивного возраста, что почти на 9% выше, чем в среднем по Уралу. Характерно, что достигнутый к 2009 г. уровень суммарной рождаемости в сельской местности республик, «обеспечивает» простое воспроизводство населения. Население Башкирии и Удмуртии оказалось более «отзывчивым» на меры государственной помощи семье. Об этом свидетельствуют показатели очередности рождений детей. Например, число детей, родившихся первыми в Удмуртии в 2009 г. выросло по сравнению с 2005 г. на 6%, родившихся вторыми – на 44%, родившихся третьими – на 28%. В сельской местности рост еще более интенсивный: родившихся «вторыми» по очередности рождений

– на 51%, «третьими» – на 69%, «четвертыми» – на 43% по сравнению с 2005 г. Примерно такая же ситуация сложилась и в Республике Башкирии.

Предкризисная геодемографическая ситуация с естественной убылью, компенсируемой миграцией, сложилась в типе 2 (Оренбургская область). Здесь сосредоточено 11% жителей Урала. Городское население депопулирует, а сельское население характеризуется слабым естественным приростом. Несмотря на положительное сальдо миграций, население Оренбуржья отличается высоким уровнем постарения.

Кризисная геодемографическая ситуация с сокращающимся населением вследствие естественной убыли, частично компенсируемой миграцией, характерна для типа 3, который образуют Пермский край, Свердловская и Челябинская области. Эта горнозаводская часть Урала сосредоточивает 55,1% всего населения. Здесь высока доля горожан (более 80%) и достаточно зрелая система расселения. Сформировались три крупнейших городских агломерации Урала – Екатеринбургская (более 2,1 млн. чел.), Челябинская (1,4 млн. чел.) и Пермская (около 1 млн. чел.). Урбарасселенческий фактор и относительно высокий достигнутый уровень социально-экономического развития территорий оказывает понижающее влияние на рождаемость. Повышенная смертность населения, особенно в сельской местности, – результат демографического старения жителей, которое характеризуется высоким уровнем. Положительное сальдо миграций не компенсирует естественную убыль населения.

В этническом отношении горнозаводская часть Урала наиболее однородна и отличается повышенной долей славянских этносов, которые депопулируют. Так, доля русских в численности населения Свердловской области составляет более 89%, Челябинской – 82,3%, Пермского края – 85,2%. Уровень суммарной рождаемости в городах рассматриваемого типа «обеспечивает» простое воспроизводство на 69%, в сельской местности – на 97%.

Кризисная геодемографическая ситуация с естественной убылью и миграционным оттоком населения характерна для территории 4-го типа (Курганская область). Здесь проживает 4,9% населения Урала. Коэффициент естественной убыли населения в 3,4 раза превышает аналогичный по Уралу в целом. Ситуация усугубляется тем, что процессы депопуляции протекают здесь на фоне миграционного оттока жителей, главным образом, по социально-экономическим причинам, что приводит к сильной деформации возрастно-половой структуры населения. Население характеризуется очень высоким уровнем демографической старости. Уровень суммарной рождаемости «обеспечивает» простое воспроизводство в городской местности лишь на 70,9%, а в сельской местности – лишь на 84,1%.

Итоги первого полугодия 2010 г. позволяют заключить, что негативных тенденций в геодемографическом развитии Уральского района не наблюдается [3]. Так, общий коэффициент рождаемости составил 13,4 ‰, общий коэффициент смертности 14,3 ‰, коэффициент естественного прироста остался на уровне 2009 г.

Библиографический список

1. Борисов В.А. Демография: учебник для вузов. – М.: Нота Бене, 2003. – 344 с.
2. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 525 с.
3. Естественное движение населения России за 1 полугодие 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/bgd/regl/>
4. Корнев И.Н., Липухин Д.Н. Геодемографические процессы в регионе: монография / Урал. гос. пед. ун-т, Гум. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 258 с.
5. Липухин Д.Н., Поздняк С.Н. О демографической обстановке в Уральском регионе // География в школе. – 2006. – № 2. – С. 11-17.

ПРИГРАНИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ КВЕБЕК

Квебек в современных границах существует с 1929 г., хотя делимитация внешней границы с США датируется 1842 годом. Протяженность квебекско-американской границы составляет 813 км, это около 9% общего периметра Квебека и почти 10% самой длинной международной границы. К внешней границе Квебека выходит 4 административных региона, на которые приходится 4.4% территории, 29% населения (2.3 млн. чел.), 25% ВРП Квебека (71 млрд. долл.), 27% экспорта провинции. Полюс экономического роста и развития, демографический полюс провинции (г. Монреаль) – располагается в 66 км от крупнейшего квебекского трансграничного транспортного перехода Лаколь, т.е. в часовой доступности от государственной границы [5].

Особенностями квебекско-американской приграничной зоны являются:

- значительная протяженность границы, почти 10% канадско-американской границы;
- невозможность формирования целостной и унифицированной зоны смешения культур между франкоговорящим Квебеком и соседними американскими штатами;
- отсутствие сходства так называемых приграничных городов-близнецов;
- отсутствие выравнивания цен в приграничной зоне;
- ассиметричная населенность приграничья: американская приграничная зона в целом представляет собой периферийные территории США (как в экономическом, так и в культурном плане), приграничные территории с канадской стороны являются своего рода «хартлендом» провинции [1]. Мезоположение Квебека как геоизолята обусловлено соседством с единственным государством – Соединенными штатами Америки. Диверсификация географии внешних связей возможна за счет приморского положения провинции. К положительным сторонам геоизоляционного положения можно отнести отсутствие внешних забот сразу за порогом, хотя события 11 сентября показывают, что удаленность вовсе не означает безопасность.

Выгодность «соседского» положения провинции определяется потенциалом соседей первого порядка Квебека (соседским микроположением). Из таблицы 1. следует, что крупнейшим демо-экономическим потенциалом обладают штат Нью-Йорк и провинция Онтарио, равноудаленные от Квебека. Изучив реальные и теоретически возможные торговые связи Квебека с его соседями, определим, насколько провинция использует потенциал соседского и приграничного положения.

Выгодность соседства с самой мощной и передовой в экономическом и технологическом отношении державой мира проявилась особенно отчетливо в связи с развитием фритредерских соглашений – ФТА и, прежде всего, НАФТА. Граница увеличила контактную функцию, что проявилось в увеличении открытости экономики и росте внешних связей с соседями.

После вступления в силу ФТА и НАФТА экспортная квота Квебека выросла с 20% ВРП в 1988 г. до 34% в 2008 г. В 2008 г. объем внешней торговли Квебека составил 160 млрд. долл.

В 2005 г. общая экспортная квота (межпровинциальный и международный экспорт) составляла 57% ВРП Квебека, в т.ч. 47% приходилось на соседей первого порядка: США (32%), Онтарио (13%) и Атлантические провинции Канады (2%). Внешнеторговые связи Квебека характеризуются сильной географической концентрацией: 65% межпровинциальных связей и 72% международных связей Квебека приходится на его ближайших соседей – Онтарио и США соответственно.

Обращает на себя внимание асимметрия и диспропорция межпровинциальных и международных экономических связей, характерная для всех провинций Канады, что стало следствием создания ФТА и НАФТА. Если в 1988 г. соотношение межрегионального и международного экспорта товаров и услуг выглядело 55%:45%, то уже через пять лет это соотношение было обратным, а сейчас 33%:66% соответственно. Уже в 1991 г. П. Кругман образно заметил, что «Канада ближе к США, чем к самой себе».

В 2009 г. на Квебек приходилось 13% канадско-американской торговли, 15% американского экспорта Канады, по этим показателям провинция уступает лишь Онтарио и Альберте. Обмены между США и Квебеком выросли более чем в 2 раза в течение десяти лет функционирования НАФТА, превысив 80 млрд. долл. в 2004 г. Хотя в посткризисном 2009 г. объемы квебекско-американской торговли снизились до 60 млрд. долл., это более 160 млн. долл. в день [5].

География экспорта в США выделяет 2 главных американских района-клиента – это Северо-Восток (45% американского экспорта) и промышленный центр Великих озер (20%) [5]. Штат Нью-Йорк – первый торговый партнер Квебека в США. В 2004 г. общая стоимость товарооборота между Квебеком и штатом Нью-Йорк достигла 10,6 млрд. \$CA, т.е. 7.7 % общего объема международной торговли Квебека, больше, доли второго международного торгового партнера провинции – Великобритании (5%). В то же время такая географическая концентрация торговли на близлежащих американских штатах, постепенно теряющих свой экономический вес в связи со смещением центра экономической активности на запад США ставит перед Квебеком необходимость диверсификации внешних связей.

Наряду с положительным влиянием границы на развитие внешнеторговых связей Квебека, исследования с применением гравитационной модели выявляют и тормозящее влияние границы. Гравитационная модель, применительно к внешней торговле – позволяет установить зависимость двусторонних связей от ВВП контрагентов и расстояния, которое их отделяет. Из таблицы 1 следует, что Онтарио и Нью-Йорк равноудалены от Квебека, при этом ВРП Нью-Йорка (1,1 трлн. канн. долл.) в два раза превосходит ВРП Онтарио (536 млрд.). Согласно гравитационной модели Маккалума (1995 г.), объем торговли между Квебеком и Нью-Йорком должен в 2 раза превышать объем торговли Квебека и Онтарио, т.е. потенциально может достигать 80 млрд. долл. В действительности же реальный объем торговли составляет 10 млрд. долл. Здесь имеет место «эффект границы». Введение дополнительных переменных привнесло корректировку расчетов, так используя один из вариантов гравитационной модели, было подсчитано, что Квебек реализует лишь 50% экспортного потенциала своего первого клиента – штата Нью-Йорк (7 млрд. долл. из теоретически возможных 14 млрд. долл.) [1,2].

Одним из факторов преодоления нетарифных причин «эффекта границы» может стать улучшение транспортной проницаемости и открытости границ, ведь поток грузов между США и Канадой вырос на 30% за первый год действия НАФТА.

Таблица 1

Соседи Квебека первого порядка:
некоторые показатели социально-экономического развития

	Население, 2009 г.	ВРП, тыс. кан. долл. 2007 г.	Расстояние до Квебека, км	Экспорт товаров, млн. кан. долл. 2008 г.
Онтарио	13 млн.	536 340	522	20 240
Нунавут	32 тыс.	1 115	нет данных	112
Новая земля и Лабрадор	510 тыс.	19 696	896 (Атлантический регион Канады)	1 780
О-в Принца Эдуарда	140 тыс.	4 149		202
Нью Брансуик	749 тыс.	23 669		847
Н. Шотландия	938 тыс.	28 803		707
Мэн	1.2 млн.	53 272	326	654
Нью-Хэмпшир	1.2 млн.	63 823	338	1 026
Вермонт	0.6 млн.	27 460	158	2265
Нью-Йорк	19 млн.	1 158 987	544	7 673

Составлено по [2, 3, 4, 5].

Более 75% грузов по стоимости доставляется на американский рынок автомобильным транспортом.

На внешнюю границу Квебека приходится 33 автомобильных трансграничных пересечения и 8 железнодорожных. Через трансграничные посты Квебека следует 10-15% канадско-американской торговли, более 10% потока грузовых автомобилей (1 млн. автомобилей в 2009 г.) [4, 5].

Согласно статистике в 2009 г., лишь 51% экспорта Квебека (по стоимости), доставляемый автомобильным транспортом, пересек границу через один из квебекских постов, в то время как 47% экспорта проследовало через государственную границу Онтарио [5].

В географии потока транспорта это соотношение выглядит иначе: 65% и 35%. Из 1.5 млн. грузовых автомобилей, которые осуществляют связи между американскими штатами и Квебеком, то есть 1.1 млн. пересекают границу через один из квебекских постов¹, еще 0.4 млн. автомобилей проходят через пограничные посты Онтарио.

Крупнейшим квебекским трансграничным переходом выступает Лаколь на границе с Нью-Йорком (60% потока через квебекскую границу, входит в пятерку крупнейших транспортных пересечений канадско-американской границы). Через этот трансграничный пост проходит торгово-транспортный коридор, связывающий г. Квебек и г. Нью-Йорк. Вторые по значимости «ворота» для квебекско-американских связей – мост Тысяча островов через реку Св. Лаврентия (Онтарио).

¹ Крупнейшие посты Квебека: Лаколь (Нью-Йорк), Сен-Арман, Стенсид (Вермонт), Армстронг (Мэн).

Третий коридор проходит через пограничный пост Сен-Арман на границе с Вермонтом (второй по значимости на квебекской границе) [4, 5].

Экономические последствия 11 сентября 2001 г. показали, насколько важна отлаженная схема прохождения границ. Хотя в отличие от воздушной, закрытой для полетов в течение нескольких дней, блокирования сухопутной канадско-американской границы не проводилось, более тщательные процедуры досмотра грузов и пассажиров американскими пограничниками, дорого обошлись канадской экономике как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане [1].

В этой связи актуальными стали исследования, посвященные оценке уязвимости хозяйства Канады в случае возникновения новых внешних «шоков». По оценке Д. Голдфарб и У. Робсона (2003 г.), Квебек относится к высокоуязвимым провинциям, объем «рискованного» экспорта составляет почти 23 млрд. долл., его доля в общем объеме вывоза провинции составляет более 40%, что соответствует 11% ВВП Квебека [1]. Соответственно под ударом в случае неблагоприятного развития событий могут оказаться более 56 тыс. рабочих мест. Уязвимость квебекской экономики объясняется высокой долей отраслей машинотехнической продукции в экспорте (35%) – транспортное, аэрокосмическое и промышленное оборудование, телекоммуникационное оборудование, компьютеры, полупроводники. Эти отрасли относятся к категории высокоинтегрированных, функционирующих по принципу «точно-в-срок» и могут быть относительно легко замещены аналогичной продукцией американского производства. Таким образом, опасность повторения внешних «шоков» на канадско-американской границе сохраняется для Канады и Квебека.

Ответом на эти вызовы послужила Декларация об «умной границе», принятая в декабре 2001 г. «Умная граница» призвана учитывать требования безопасности и облегчение внешней торговли. Такую концепцию канадско-американской границы уже называют «границей будущего» и «моделью для всего мира», хотя ей еще предстоит пройти жесткую проверку временем.

Библиографический список

1. Дружественный рубеж: канадско-американское приграничное сотрудничество / В.И. Соколов, А.И. Кубышкин, И.И. Курилла и др. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 180 с.
2. Les échanges commerciaux entre le QUÉBEC et les ÉTATS-UNIS par région et par État. Ph. Navarro - Direction générale des communications et des services à la clientèle. – Quebec. 2008.
3. L'émergence des régions transfrontalières entre le Canada et les États-Unis - www.recherchepolitique.gc.ca
4. www.statcan.gc.ca – Statistique Canada.
5. www.stat.gouv.qc.ca – Institut de la statistique du Québec.

Махрова А.Г. (г. Москва)

РЫНОК ЖИЛЬЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (на примере Москвы)

Москва занимает особое место в жизни и творчестве Ю.Г. Саушкина: не просто малая родина и любимый город, но и любимый объект исследования. Проблемам развития столицы посвящены многочисленные работы Юлиана Глебовича, включая такие известнейшие монографии как «Москва», выдержавшая пять изданий, и «Москва среди городов мира», последний монографический труд, написанный им в

соавторстве. Рассматривая город как целостный географический комплекс со своей пространственной организацией, Юлиан Глебович тем самым заложил основы направления, связанного с анализом внутригородских различий и развиваемого в дальнейшем его учениками и коллегами¹.

За годы рыночных реформ в Москве, как и во всех крупнейших городах России, происходит постепенное разграничение территории на зоны с разным уровнем цен на жилье, что связано с усилением важности соответствия социального статуса и благосостояния с местоположением и престижностью района проживания для представителей новой элиты и среднего класса. Изменение состава претендентов на обладание престижного адреса, структуры предпочтений и появление возможности их реализации через легальный рынок жилья структурируют городское пространство и ускоряют процессы пространственной стратификации населения.

В постсоветский период кроме различий районов городов по таким объективным характеристикам, как близость к центру, транспортная доступность, степень благоустройства, развитость социальной инфраструктуры, экологические условия все большую роль приобретает такой фактор как престижность. Престижность района проживания начинает более тесно коррелировать с уровнем благосостояния горожан, индикатором которого выступает занимаемое жилье и его цена.

Понятие престижного района появилось в современной жизни сравнительно недавно. В советской реальности такого термина не было, хотя социальные контрасты в расселении населения имеют давние корни. Так, центр и западные части столицы были традиционными местами проживания верхних слоев общества еще в дореволюционный период. Эта тенденция продолжилась и в советское время, но в менее выраженной форме, так как для этого периода было характерно довольно однородное, социально смешанное расселение, что достигалось с помощью доминирования типовой застройки и расселения рабочих вперемежку с интеллигенцией. Однако реально существовала советская городская «география престижа»: Арбат, «Царские села» (в Кунцево, а позднее – в Новых Черемушках), район «Кутузовский проспект – Фили – Кунцево – Крылатское» (место расселения партийно-хозяйственной элиты), Юго-Запад (повышенная концентрация интеллектуальной элиты и номенклатурных работников)².

В начале 1990-х гг. среди отдельных категорий покупателей еще не было четких предпочтений по типам желаемых квартир и их местоположению, главным критерием были размер квартиры, ее планировка и близость к метро. Для современных законодателей городской стратификации – представителей новой элиты наряду с типом жилья не менее важным является район его расположения, его престижность.

В начале XXI в., как и в советское время, наиболее престижное и дорогое жилье сосредоточено в центре и в западных частях Москвы, а наиболее дешевое – на периферийных окраинах, особенно на юго-востоке, востоке и юге города. Как показывает мониторинг цен по административным округам столицы, общие различия между центром и периферией, а также западом и востоком достаточно устой-

¹ Саушкин Ю.Г. Москва – географическая характеристика. – М.: Мысль, 1950; Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. – М.: Мысль, 1984; Саушкин Ю.Г., Васильев Г.Л., Глушкова В.Г. Городской географический комплекс Москвы // Советская география. – 1984; Васильев Г.Л., Привалова О.Л. Социально-географическая оценка внутригородских различий // Вестник МГУ. – Серия География. – 1982. – №4 и др.

² Вешинский Ю.Г. Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м. // Москва и «московский текст» русской культуры. – М., 1998.

Таблица 1

Динамика средней удельной цены квадратного метра на вторичном рынке жилья по административным округам Москвы, в % к среднему по городу

Административные округа	декабрь 1995 г.	декабрь 1998 г.	декабрь 1999 г.	декабрь 2005 г.	июнь 2007 г.	июнь 2008 г.	июнь 2010 г.
Центральный	119,1 (1)*	126,4 (1)	130,9 (1)	134,6 (1)	144,8 (1)	143,6 (1)	149,9 (1)
Северо-Западный	95,5 (4)	97,6 (5)	97,7 (4)	86,7 (6)	90,7 (5-6)	84,9 (7)	90,6 (5)
Западный	114,1 (2)	113,7 (2)	114,5 (2)	108,3 (2)	106,9 (2)	106,1 (2)	106,1 (2)
Юго-Западный	105,5 (3)	111,8 (3)	110,2 (3)	97,4 (3)	100,3 (3)	96,4 (3)	96,6 (3)
Южный	85,7 (7)	91,1 (7)	82,8 (8)	85,3 (7)	86,8 (7)	86,3 (6)	85,6 (7)
Юго-Восточный	72,9 (9)	80,7 (9)	75,8 (9)	79,4 (9)	81,9 (9)	81,8 (9)	81,0 (9)
Восточный	82,5 (8)	91,8 (6)	85,8 (6)	85,1 (8)	85,0 (8)	84,8 (8)	82,7 (8)
Северо-Восточный	90,2 (5)	100,4 (4)	97,4 (5)	89,8 (5)	90,7 (5-6)	89,1 (5)	89,0 (6)
Северный	86,9 (6)	90,3 (8)	84,8 (7)	92,6 (4)	94,6 (4)	92,2 (4)	96,5 (4)
Москва в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	110,0

* – в скобках указано место, занимаемое округом в ценовом рейтинге

чивы. Однако по мере формирования современной географии престижности при сохранении без изменения состава тройки округов-лидеров (Центральный, Западный, Юго-Западный) Северный округ поднялся, а Восточный, напротив, опустился в ценовой иерархии (табл. 1).

Растущий ценовой отрыв Центрального административного округа (ЦАО) связан с активно идущими в этой части города процессами джентрификации и реконструкцией городской среды³. За постсоветский период в центре произошло сокращение жилых функций при одновременной замене самого жилого фонда. Здесь уже не осталось пятиэтажных домов сносимых серий: округ одним из первых в столице завершил программу их ликвидации, а оставшееся ветхое жилье и пятиэтажки заменяются жильем повышенных потребительских характеристик. В настоящее время большая часть всего элитного жилья столицы (70-80%) возводится на территории ЦАО, причем здесь строится самое престижное жилье – классов люкс и премиум. Это приводит к повышению престижности районов центра и к тому, что по ценам на жилье эти части города все значительнее опережают остальные территории столицы.

Самые дорогие районы центра, которые уже в советское время имели статус престижных, такие как Арбат и Хамовники, с середины 1990-х гг. значительно усилили свой имидж за счет повышения качества жилого фонда в результате сноса ветхого жилья, реконструкции существующего жилого фонда и строительства нового элитного жилья. Появление нового элитного жилья, в свою очередь, становится фактором формирования особо привлекательных территорий и районов, притягивая к себе соответствующее соседство. Значительная часть центральных районов Москвы, как и других столиц посткоммунистических стран (Будапешт, Прага, Таллин и др.), повысила свою престижность в результате развития функций, не связанных с постоянным проживанием, прежде всего офисно-деловых, что приводит к формированию новых деловых районов и субрайонов. Элитаризацию центра усиливают и торгово-развлекательные функции, которые в своем размещении тяготеют к деловым районам. Так, концентрация офисных, торговых и развлекательных

³ Махрова А. Рынок жилья и расселение в Московском регионе // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0247/tema01>

Таблица 2

Динамика средних удельных цен предложения по административным районам
Центрального административного округа, вторичный рынок, долл./кв.м

Административные районы	июль 1998 г.	март 2001 г.	ноябрь 2005 г.	июнь 2007 г.	июнь 2008 г.	июль 2010 г.
Арбат	1429 (5)*	1058 (1)	4924 (1)	8887 (1)	12227 (1)	9405 (2)
Басманный	1175 (24)	849 (20)	3386 (8)	5661 (12)	8515 (10)	6503 (11)
Замоскворечье	1245 (16)	852 (18)	3484 (7)	6448 (7)	8811 (8)	7331 (7)
Красносельский	1208 (21)	854 (17)	2944 (15)	5721 (11)	7985 (14)	5809 (18)
Мещанский	1321 (10)	954 (7)	3316 (9)	6175 (9)	8907 (7)	6608 (10)
Пресненский	1442 (4)	944 (9)	3869 (5)	6742 (6)	10284 (5)	7846 (5)
Таганский	1246 (14)	865 (15)	3160 (11)	5509 (14)	8319 (11)	6798 (8)
Тверской	1287 (12)	941 (10)	4179 (3)	7251 (5)	10755 (4)	8126 (4)
Хамовники	1480 (3)	1039 (3)	4286 (2)	7688 (3)	11248 (2)	8559 (3)
Якиманка	1375 (6)	1045 (2)	4142 (4)	7921 (2)	11050 (3)	9615 (1)

* – место, занимаемое районом в рейтинге цен на жилье административных районов г. Москвы

центров в районе Тверской привела к улучшению его имиджа и росту престижности для проживания: по уровню цен на жилье он вошел в четверку самых дорогих районов столицы.

В настоящее время эти так называемые процессы коммерциализации активно протекают в восточных, более промышленных районах центра, многие из которых еще не имеют имиджа территорий, наиболее престижных для проживания. В таких районах элитное жилье начинает строиться уже после образования новых деловых зон, как это уже происходит, например, в Замоскворечье и Таганке (табл. 2).

Неоднородность центра на уровне районов дополняется разной престижностью проживания в отдельных частях муниципальных районов. Сегодня самые дорогие и престижные улицы столицы – это, так называемая, «золотая миля» (Остоженка – Пречистенская набережная), сформировавшая свой имидж самой элитной территории города за 1990-е гг. не только из-за своего положения, но, во многом, благодаря усилиям девелоперских компаний. Следующий по степени «элитности» район – это Арбат и его переулки, которые были наиболее престижными в советский период. К уже сложившимся престижным районам города добавляются новые за счет строительства жилья повышенных потребительских характеристик на Патриарших и Чистых Прудах, Плющихе, Фрунзенской набережной, в Замоскворечье и др.

Изменения во внутригородском расселении наблюдаются и в других округах столицы. Появление среднего класса с его жизненными и целевыми приоритетами приводит к тому, что под влиянием их более взыскательных запросов потребительский спрос постепенно смещается от дешевого жилья к более качественному, которое располагается преимущественно в районах западного направления. Лидером по количеству предложений жилья бизнес-класса является Юго-Западный округ, далее следуют Западный, Северный и Северо-Западный округа.

Наиболее дорогое жилье расположено, прежде всего, в районах, граничащих с ЦАО: Гагаринском, Дорогомилове, Беговом, жить в которых было престижно еще в советские годы. За счет нового жилищного строительства последних десяти лет существенно повысили свой имидж такие районы как Крылатское, Раменки и Проспект Вернадского. Формирование новой престижной оси города – Мичуринского

проспекта – привело к повышению рейтинга Раменок по сравнению с началом-серединой 1990-х гг. Активный снос пятиэтажного жилья и новое строительство привело к росту цен в районе Проспект Вернадского.

Большинство районов Северо-Восточного и Восточного округов столицы в последнее время все более четко позиционируются как мало престижные. Исключение составляет только несколько районов, таких как Сокольники, Алексеевский и Марьино. Привлекательность районов Юго-Восточного и Южного округов сильно снижает неблагоприятная экологическая обстановка. Здесь наиболее дешевые районы с ценами на жилье ниже среднегородского уровня – это не только периферийные районы за МКАД, но и значительное число территорий, расположенных с внутренней стороны кольцевой автодороги (Люблино, Братеево, Восточное и Западное Бирюлево и др.). Причем, если в наименее престижном Юго-Восточном округе нет ни одного района с ценами на жилье выше среднегородского уровня, то в Южном округе в районах Донской и Даниловский цены на жилье выше средних по городу, что связано с их близостью к центру.

В отдельных нецентральных районах города, прежде всего на западе и севере, также идут процессы «обуржуазивания» и формирования новых элитных районов. Причем, в отличие от центра, ядром их образования, как правило, становятся старые престижные районы, вокруг которых возводится новое жилье повышенных потребительских характеристик, офисно-деловые и торговые центры. В качестве такого примера можно привести район, находящийся около метро «Новые Черемушки», где рядом с «Царским селом» был возведен комплекс зданий «Газпрома», снесены пятиэтажки и построены новые современные дома и целые жилые комплексы, а также торговые, офисные и многофункциональные центры.

Таким образом, в настоящее время районы сосредоточения элитного жилья – это, прежде всего, центр, где сформировался московский «золотой треугольник»: Тверская-Остоженка. Однако из-за дефицита земли в центре новые кварталы элитного жилья появляются и в других районах столицы, прежде всего в районах, прилегающих к центру, которые постепенно начинают восприниматься как центральные. Из-за активного строительства дорогих объектов коммерческой и жилой недвижимости, благоустройства городской среды происходит ментальное расширение границ центра. В перспективе именно субцентральные районы будут наиболее активно повышать свой ценовой рейтинг. Кроме субцентральных частей, анклавы элитного жилья, как правило, застроенные таунхаусами или коттеджами, появляются и в более удаленных частях города, в первую очередь на западе, как, например, комплекс «Ближняя дача» на Старовольинской улице в районе Очаково-Матвеевское.

Несмотря на свое активное развитие, процессы пространственной сегрегации в Москве носят пока анклавный, а не зональный характер⁴. Однако, как показывают результаты социологических опросов, рост цен на жилье и высокая стоимость жизни приводят к вымыванию нижних страт общества из престижных районов. Активно формирующийся средний класс, напротив, стремится покинуть непрестижные районы и переселиться на более дорогие территории. Это приводит к тому, что в центральных и западных районах происходит изменение социального состава проживающих за счет постепенного, но постоянного вытеснения менее состоятельных

⁴ Махрова А.Г., Ноздрин Н.Н.. Дифференциация на рынке жилья в Москве как проявление социального расслоения населения // Вестник Московского университета. – Серия 5. – География. – 2002. – №3.

слоев населения⁵. Одновременно, в Москве, как и в других мировых городах, представители социальных низов, продолжающие жить в престижных районах, лишены доступа ко всем благам, которыми пользуются привилегированные слои (престижное жилище, престижные школы, клубы, магазины и т.п.) и становятся как бы невидимыми в этих престижных кварталах, практически не влияя на их имидж⁶.

В Москве, как в других столицах посткоммунистических стран, катализатором трансформации внутригородского пространства и изменений в расселении населения становятся различные правительственные программы и постановления⁷. Это приводит к тому, что в рейтинге районов наблюдаются подвижки, связанные, прежде всего, с градостроительной политикой столичных властей, в том числе с реализацией программ реконструкции пятиэтажного жилого фонда, вывода промышленных предприятий, крупномасштабного транспортного строительства, и строительством нового жилья.

В целом произошедшие изменения свидетельствуют о постепенном переходе от модели равномерного расселения населения социалистического города к социальной пространственной стратификации, которая свойственна современным мировым городам⁸. Рост цен на жилье и высокая стоимость жизни приводят к вымыванию нижних страт общества из престижных районов. Но, несмотря на активное развитие, процессы социальной стратификации носят пока точечный, анклавный характер. Для Москвы, как и для столиц других посткоммунистических стран, все еще характерна сильная дисперсия социальных слоев, неоднородный социальный состав населения и расплывчатые социальные границы городского пространства.

Мильчаков М.В. (г. Москва)

ДЕПРЕССИВНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ: СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА

1. Определение феномена депрессивности: возможные подходы

Традиционно проблемы региональной депрессивности ассоциируются со сложностями реструктуризации хозяйственного комплекса старопромышленных территорий. Стагнация ключевой отрасли, ранее являвшейся опорой региональной экономики, вызывает вал социально-экономических проблем: рост безработицы, снижение доходов населения, деградацию местного социума.

В зарубежных исследованиях, посвящённых данной тематике, просматриваются два основных подхода к установлению причин депрессивности. Традиционалистские теории акцентируют внимание на моноструктурности экономики старопромышленных регионов, положение которой определяет состояние всей региональной экономики. В рамках теории роста на основе экспортной базы спад внешнего спроса на продукцию ключевой отрасли негативно сказывается на положении все-

⁵ Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? Миграционная ситуация в регионах России. – Вып. 3. – М., 2005.

⁶ Трущенко О. Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. – М., 1995 г.

⁷ Махрова А.Г. Рынки жилья в городах-миллионерах России // Academia. Архитектура и строительство. – 2007. – №1.

⁸ Слукa Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005.

го района (к примеру, произошёл существенный спад в аэрокосмическом кластере южной Калифорнии при завершении Холодной войны). П.Кругман связывает экономический спад с мобильностью факторов производства. Теория жизненного цикла товара (Вернон) объясняет изменения на основе инновационной активности и конъюнктурных волн [4].

Более современные взгляды представляют институциональные экономисты и экономисты-эволюционисты. Их подход характеризуется повышенным вниманием к институциональным факторам. К примеру, Херригэл (Herrigel) предположил понятие «промышленный порядок, базирующийся на автаркии фирмы» (autarkic-firm-based industrial order) для описания ситуации, сложившейся в Рурском бассейне [4]. В регионе в определённый момент сложилась жёсткая иерархия крупных промышленных компаний, которая препятствовала приходу новых игроков и развитию новых компетенций. Кризис угледобывающей отрасли обусловил ухудшение экономического положения всего промышленного района. В условиях инерционности управленческих практик и консерватизма институтов существовали труднопреодолимые трансформационные барьеры для последующей санации и развития новых видов экономической активности. В результате в конце 50-х гг. Рурский промышленный район оказался в состоянии социально-экономической депрессии. Только вмешательство государства (объединение неэффективных активов в холдинге с государственным участием) и развитие высшего образования позволили спустя несколько десятков лет вывести Рурский промышленный регион из кризисного состояния. В рамках институционального подхода для объяснения причин попадания в ловушку депрессивности широко используется понятие «унаследованное развитие» или «траектория зависимости» (path dependency). Суть данной концепции состоит в том, что предшествующая история развития оказывает существенное влияние на текущие процессы и формирует определённую траекторию развития. Возможности смены курса зависят от соотношения издержек между выходом из субоптимального состояния и выгодами при переходе к новому формату организации. Зачастую такие переходы совершаются в периоды политических перемен.

Российские исследования характеризуются большим экономизмом и повышенным вниманием к состоянию промышленного сектора. Среди российских учёных значительный вклад в изучение проблем региональной депрессивности внесли В.Н. Лексин и А.Н. Швецов. Авторы предложили следующее определение депрессивных территорий: «такие территориальные образования, в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития; эти территориальные образования не могут рассчитывать на саморазрешение депрессивной ситуации и требуют для этого чрезвычайной, специально организованной поддержки извне, со стороны государства в целом [2]».

От депрессивных следует отличать слаборазвитые (отсталые) территории, уровень экономического развития которых в силу различных причин в несколько раз ниже среднероссийских показателей, а экономика характеризуется слаборазвитой промышленностью, инфраструктурой и социальной сферой. Родовым понятием для обоих терминов является более широкое определение «проблемные территории».

Значительную роль в формировании депрессивных напряжений играет цикличность развития экономики и смена технологических укладов. Среди российских экономико-географов к этой теме обращались В.Л. Бабурин [1], Н.С. Мироненко [3].

Основные выводы делаются на основе теории 50-летних циклов Н.Д. Кондратьева. Смена технологических укладов открывает новые возможности для одних территорий и «закрывает двери» для других. Каждый этап в развитии науки и техники, эволюции бизнес-моделей предъявляет специфический спрос на определённое сочетание факторов, комбинацию местных активов с точки зрения максимизации полезного эффекта (прибыль, рентабельность, генерация идей и пр.). Как показывает практика, наиболее «стойкими» оказываются территории с крупногородскими формами расселения.

Особого внимания заслуживает вопрос о масштабе рассмотрения депрессивных явлений. Депрессивные напряжения могут проявляться как на локальном уровне (муниципальные образования), так и на уровне целых регионов (субъекты Российской Федерации). В первом случае в качестве примера можно привести г. Кизел (кризисный район угледобычи) в экономически развитом Пермском крае, во втором случае – Курганскую или Кировскую область, экономика которых сжалась в связи с сокращением спроса на продукцию военно-промышленного комплекса (ВПК) в постсоветский период. Специфической особенностью России является то, что кризисные и депрессивные явления во многом были обусловлены переходом от плановой экономики к рыночным отношениям. При разрушении хозяйственных связей, в условиях конкуренции со стороны импорта, сжатия сектора ВПК наибольший удар пришёлся по отраслям обрабатывающей промышленности. Добывающие отрасли и металлургия достаточно хорошо смогли переориентироваться на внешний рынок. В этой связи региональная депрессивность в России имеет выраженное отраслевое измерение, снизилась конкурентоспособность целых регионов в связи с повышением значимости экономического расстояния в рыночных условиях.

Таким образом, феномен региональной депрессивности является многогранным социально-экономическим явлением, неотъемлемой частью истории развития мирового хозяйства. Различные авторы большее внимание уделяют тому или иному аспекту данного явления. В России региональная депрессивность в значительной степени обусловлена переходом от плановой экономики к рыночным отношениям.

2. Идентификация депрессивных напряжений на региональном уровне: пример России

Анализ различных подходов к определению депрессивности свидетельствует о большем внимании к институциональному измерению данной проблемы в современных исследованиях. Однако, как показывает практика, при разработке инструментов региональной политики в этой сфере по-прежнему доминирует традиционный подход с опорой на такие факторы, как динамика промышленного производства, уровень безработицы, доходы населения. Это связано с тем, что институциональные процессы сложно формализовать. При выделении депрессивных территорий целесообразно использовать индикаторы и агрегированные оценки, отражающие состояние хозяйственного комплекса и социальной сферы.

Автор разработал собственный алгоритм отбора депрессивных регионов, базирующийся на 6 индикаторах.

1) Уровень промышленного производства в 2007 г. к уровню 1990 года (%).

2) Внебюджетные инвестиции в основной капитал на душу населения в среднем за период 2005–2007 гг. в сопоставимых ценах с корректировкой на стоимость жизни в регионе (руб./чел.).

3) Фактические доходы консолидированного бюджета региона на душу населения без учёта безвозмездных поступлений в среднем за период 2006–2007 гг. с коррекцией на стоимость жизни в регионе (руб./чел).

4) Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в среднем за период 2005–2007 гг. в сопоставимых ценах с корректировкой на стоимость жизни в регионе (руб.).

5) Стандартизированный коэффициент смертности по внешним причинам (число умерших на 100 тыс. чел населения) в 2007 г.

6) Миграционный прирост (убыль) на 10000 чел населения в среднем за период 2000–2007 гг.

На следующем этапе в целях агрегирования исходных данных, по шести частным индикаторам были построены ранкинги регионов России. Каждый субъект Российской Федерации занял определённое место на каждой из шести шкал показателей. Низкий ранг (порядковый номер) сигнализировал о более благоприятной ситуации. Максимальный ранг получили регионы-аутсайдеры, расположившиеся в конце списка. Путём суммирования рангов субъектов Российской Федерации по 6 показателям был получен перечень регионов с максимальной суммой баллов, то есть характеризующихся наиболее кризисной ситуацией.

В качестве механизмов калибровки модели в сторону более полного учёта глубины кризисных явлений и выделения группы слаборазвитых территорий были использованы три дополнительных условия:

1. Регион ни по одному из 6 показателей не должен попадать в категорию 1/3 субъектов с наиболее благоприятной ситуацией (минимальным рангом).

2. Регион, как минимум, по 3 из 6 показателей должен попадать в категорию 2/3 субъектов с наиболее кризисной ситуацией (максимальным рангом).

3. Показатель уровня инфраструктурной освоенности, измеряемый на основе густоты железнодорожных путей общего пользования, должен быть выше среднего российского уровня (50 км на 10000 кв. территории).

На заключительном этапе из категории 1/3 регионов с максимальной суммой рангов были исключены субъекты Российской Федерации, не удовлетворяющие дополнительным критериям отбора. Перечень отобранных депрессивных регионов приведён в таблице 1.

Полученные результаты расчётов свидетельствуют о том, что региональная депрессивность в России имеет широкую географию: в эту категорию попали субъекты Центра России, Поволжья и Волго-Вятки, Урала, юга Сибири и Дальнего Востока, но нет ни одного региона Юга. В целом в депрессивной зоне проживает 9% населения, или 13,2 млн. чел.

3. Депрессивные регионы России в период кризиса

Экономический, кризис, начавшийся в 2008 г., по-разному воздействовал на различные типы регионов. По-разному реагировали на кризис и депрессивные территории.

Тенденции развития по выделенным депрессивным территориям в период кризиса рассматривались в разрезе анализа экономической ситуации (динамика промышленного производства), социального положения (уровень денежных доходов и общая безработица) и состояния региональных финансов. Исследовался период 2007–2010 гг.

Снижение промышленного производства отмечалось в большинстве депрессивных регионов. При этом регионы характеризовались различной глубиной про-

Таблица 1

Социально-экономическое положение депрессивных регионов,
отобранных на основе предложенной методики

Наименование региона	сумма рангов	численность населения в среднем за 2009 г., тыс. чел	уровень промышленного производства, 2010 г. к уровню 1990 г., %	ВРП на душу населения, 2009г., тыс. руб./чел	инвестиции в основной капитал на душу населения, 2010 г., тыс. руб./чел	среднемесячная заработная плата, 2010 г., тыс. руб.
Курганская область	413	950	41	114	35,1	13,1
Алтайский край	384	2 493	66	107	17,5	12,0
Кировская область	381	1 396	49	104	21,1	13,5
Псковская область	377	692	54	108	18,6	14,1
Еврейская АО	374	185	21	137	100,0	20,2
Брянская область	368	1 295	84	97	31,0	12,4
Ивановская область	355	1 069	46	81	28,0	13,2
Пензенская область	350	1 376	61	110	33,9	14,5
Республика Марий Эл	342	699	120	98	30,4	12,7
Забайкальский край	334	1 117	37	133	35,6	18,6
Амурская область	328	862	58	176	92,0	21,8
Тамбовская область	320	1 092	89	122	45,8	12,6
РФ		141 909	84	226	55,9	21,2

Источник: Росстат; Росказна; расчёты автора

мышленного спада. Худшую динамику демонстрировали Ивановская, Брянская, Кировская области. На общем фоне явно выделялась Республика Марий Эл, в которой уровень промышленного производства по итогам 2010 г. составил 120% к уровню 1990 г. Более всего в результате кризиса пострадал промышленный сектор Ивановской области.

В социальной сфере наиболее тяжёлые проблемы были связаны с увеличением безработицы. Максимальный рост отмечался в Курганской, Псковской и Ивановской областях (по методологии Международной организации труда). В Амурской и Пензенской областях по итогам 2010 г. уровень безработицы был ниже среднего значения по субъектам Российской Федерации. Сокращение реальных денежных доходов в период кризиса отмечалось лишь в Алтайском крае.

В результате кризиса большинство депрессивных регионов улучшило собственное бюджетно-финансовое положение относительно других регионов страны. Главными бенефициарами стали Амурская область и Еврейская АО. При этом снизилась фактическая бюджетная обеспеченность Ивановской области (в 2010 г. по сравнению с 2007 годом).

Таким образом, депрессивные регионы отличались по степени устойчивости к кризисным явлениям. Кризис обострил проблему безработицы. Наихудшую динамику демонстрировала Ивановская область.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л., Чистяков П.А. Пространство циклов: Мир – Россия – регион. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 316 с.
2. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 366 с.
3. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 239 с.
4. Ron Boschma, Jan Lambooy. Why do old industrial regions decline? An exploration of potential adjustment strategies // ERSA conference papers URL: <http://www.sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa99/Papers/a061.pdf> (дата обращения: 14.04.2011).

Мироненко К.В. (г. Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КНР

Китай – это страна, в которой до сих пор город и деревня представляют собой два разных мира. Границу между городом и деревней поддерживает система прописки (хукоу), которая не позволяет жителям деревень свободно перемещаться в города. Однако при этом в городах может развиваться сельское хозяйство, а диверсификация сельской экономики идет за счет развития промышленности и сферы услуг. С каждым годом в Китае растет доля городского населения, но до сих пор большая часть населения КНР живет в сельской местности (в 2009 г. – 53,4% [9, 2010, 3-1]). В результате, в Китае сложилась специфическая ситуация с одним из важнейших секторов экономики – промышленностью – она фактически состоит из двух частей: городской и сельской.

До начала реформ в Китае существовало только две формы собственности: государственная (в городах) и коллективная (в сельской местности), и, соответственно, городская промышленность была представлена государственными предприятиями, а сельская – коллективными. Выделение сельской местности в Китае носит административный характер. Страна делится на провинции, автономные районы и города центрального подчинения, те, в свою очередь, делятся на округа, округа – на уезды и города, уезды делятся на волости, поселки и деревни. Сельская местность в Китае – это территории уровня волости и ниже. С началом реформ коллективные предприятия в сельской местности были преобразованы в волостно-поселковые предприятия, которые стали активно развиваться во всех регионах Китая. Волостно-поселковые (сельские) предприятия – это преимущественно негосударственные, небольшие предприятия, расположенные в сельской местности и занятые в основном несельскохозяйственной деятельностью. Сельские предприятия представлены всеми отраслями экономики, однако за время реформ основу сельских предприятий неизменно составляли промышленные предприятия.

Промышленность для Китая – это одна из основных отраслей хозяйства (в 2009 г. – 39,7% ВВП [9, 2010, 2-2]). При этом доля сельской и городской промышленности примерно равны: на волостно-поселковых предприятиях производят 46,4% добавленной стоимости промышленной продукции КНР. Но, что скрывается за этими цифрами, какова структура сельской промышленности, дублирует или дополняет сельская промышленность городскую, существуют ли пространственные различия в структуре сельской промышленности? Эти вопросы требуют ответа.

Обычно сельская промышленность рассматривается как часть единого комплекса волостно-поселковых предприятий, которые в КНР выделены в отдельную группу, работают на основе «Закона о волостно-поселковых предприятиях» и имеют свою систему регулирования. На волостно-поселковых предприятиях создается 30% ВВП Китая, чуть менее половины добавленной стоимости промышленной продукции, около 70% добавленной стоимости сельской экономики, на них приходится 20% налоговых поступлений и 34% объема экспорта страны [6, 2008, с. 1, 16, 18]. Волостно-поселковые предприятия вносят существенный вклад в решение проблемы сельской безработицы (в 2009 г. количество занятых на волостно-поселковых предприятиях достигло 155,8 млн чел. [4] или 30% трудовых ресурсов китайской деревни) и доходов крестьян (в среднем 35% чистого дохода крестьяне получают от деятельности волостно-поселковых предприятий). Темпы развития сельских предприятий опережают темпы роста китайской экономики в целом.

Роль промышленных предприятий достаточно высока, на них приходится 65% стоимости валовой продукции сельских предприятий и около 60% занятых на них. Таким образом, только сельская промышленность дает 18% ВВП страны, 46% промышленного производства, 38% сельской экономики [8, 2009, с. 3, 99].

Процесс формирования сельской промышленности был достаточно долгим. К началу реформ основу промышленности сельских предприятий составляли машиностроение, представленное в основном ремонтом сельскохозяйственной техники, промышленность стройматериалов и химическая промышленность, на долю которых приходилось 2/3 валового промышленного производства сельских предприятий, т.е. структура промышленности была не очень развита и в основном была представлена обслуживающими отраслями или ориентирована на нужды сельского хозяйства [2, 2007, с. 67-72].

В 1980-е годы отраслевая структура промышленности сельских предприятий существенно усложнилась, благодаря опережающему развитию отраслей легкой промышленности, обслуживающих возросший платежеспособный спрос населения, наиболее быстро развивались текстильная, пищевая и швейная отрасли. В 1990-е годы основной упор развития промышленности сельских предприятий был сделан на кооперацию с городской промышленностью, повышение эффективности, снижение энергозатрат. К середине 1990-х годов лидирующими отраслями промышленности сельских предприятий стали машиностроение, текстильная, металлургия, стройматериалов, химическая. Возросшее качество продукции промышленности сельских предприятий позволило увеличить ее экспортность, некоторые предприятия отправляли на экспорт 100% своей продукции. В середине 2000-х годов на три основные отрасли промышленности сельских предприятий приходилось 50% валовой стоимости продукции. Лидирующие позиции по-прежнему занимало машиностроение (27%), но его основная продукция была представлена электроникой; за ней шла текстильная промышленность (15%), почти половина продукции которой шла на экспорт, и замыкала тройку металлургия (8%), причем преимущественно черная металлургия [7, 2004, с. 4]. С начала 2000-х годов все большее внимание уделяется развитию группы отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья, в 2008 г. они составляли 30% добавленной стоимости сельской промышленности [8, 2009, с. 133, 195].

Отраслевая структура промышленности сельских предприятий в начале реформ была смещена в сторону тяжелой промышленности (55%), но для удовлетворения потребностей населения в первые годы реформ опережающими темпами

шло развитие отраслей легкой промышленности, что уже в середине 1980-х годов привело к ее перевесу (55% добавленной стоимости промышленной продукции) [1, 1997, с. 97]. Последние годы доля легких отраслей немного снизилась до 51%, но превалирует над тяжелыми – 49% в добавленной и валовой стоимости продукции сельских предприятий [8, 2007, с. 170, 171, 174].

Однако в городской промышленности тяжелые отрасли преобладают, а последние 10 лет идет постоянное «утяжеление» городской промышленности. Если в 1998 г. на тяжелую промышленность приходилось 51%, то в 2008 г. более 70% валовой промышленной продукции [5, 2009, с. 21].

По перечню отраслей сельская и городская промышленности почти совпадают, исключение составляет нефтегазодобывающая промышленность, которая представлена только предприятиями городов. В городской промышленности больше роль добывающих отраслей – около 13% по добавленной стоимости промышленной продукции¹, половина приходится на нефтегазодобычу, четверть на добычу угля, а в сельской промышленности все добывающие отрасли составляют 5%, чуть менее половины приходится угледобычу. Главная отрасль промышленности Китая и в городе, и в деревне – машиностроение, однако, в городской промышленности его роль выше, чем в сельской: 1/4 против 1/5. В составе машиностроения отдельно можно выделить электронику, в городской промышленности на ее долю приходится 30% добавленной стоимости продукции машиностроения, в сельской – 20%. Таким образом, в структуре промышленности на электронику приходится в городе около 8%, а в деревне – 4%. Доля остальных крупных отраслей промышленности в сельской местности выше, чем в городе. На пять ведущих отраслей в сельской местности приходится 3/4 производства – машиностроение (20%), текстильная (16%), металлургия (15%), химическая (13%), пищевая (12%) [7, 2006, с. 214–260], а в городе – 2/3 – машиностроение (25%), металлургия (13%), пищевая (10%), химическая (9%), текстильная (6%) [5, 2006, с. 202–358], т.е. в сельской промышленности меньше разнообразие в отраслевой структуре. Особенно следует отметить текстильную промышленность – она занимает второе место в структуре сельской промышленности, и играет несущественную роль в городской, различия в весе в отраслевой структуре – почти в 3 раза, это можно связать с тем, что в сельской местности, с одной стороны, более дешевые трудовые ресурсы, а, с другой, ближе источник сырья.

В региональном отношении сельская промышленность – один из наиболее диспропорциональных секторов китайской экономики – рассмотрим диспропорции по трем макрорегионам Китая: Восточный, Центральный и Западный². Так как регионы очень сильно различаются между собой, то сравнение их друг с другом по абсолютным показателям абсурдно. Практически по всем показателям Восточный регион будет наиболее экономически развитым, а Западный – наименее. Поэтому сравнивать лучше по структурным показателям или по соотношению разных показателей по регионам. Например, соотношение Западного, Центрального и Восточного макрорегионов по добавленной стоимости сельского хозяйства 1 : 1,8 : 2,3, по

¹ Анализ проведен по сверхлимитным предприятиям, доход от основной деятельности которых более 5 млн юаней в год.

² Восточный: Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Ляонин, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Гуанси-Чжуанский АР, Хайнань; Центральный: Шаньси, АР Внутренняя Монголия, Цзилинь, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань; Западный: Сычуань, Чунцин, Гуйчжоу, Юньнань, АР Тибет, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР [3, 1991, с. 6-7].

В отраслевой структуре сельской промышленности в Восточном регионе преобладают отрасли обрабатывающей промышленности (97%), дающие более высокую добавочную стоимость, а во Внутренних велика роль добывающих отраслей: в Центральном регионе на добывающие отрасли приходится 13% добавленной стоимости промышленности, а в Западном – 18% [7, 2006, с. 215, 219]. Угледобыча составляет 7-8% в отраслевой структуре сельской промышленности Центрального и Западного регионов и всего 1% – в Восточном.

Сельские предприятия обеспечивают 1/3 китайского экспорта, а по некоторым отраслям их роль существенно выше: в текстильной промышленности и производстве мебели – 60%, в швейной и обувной – 84%, в производстве художественных изделий – более 90% [8, 2009, с. 7]. Причем основная часть экспортных производств сосредоточена в Восточном регионе, имеющем выход к морю.

Библиографический список

1. Круглов А.М. Сельские (волостно-поселковые) предприятия в КНР: Роль и место в народном хо-

- 515

5. Чжунго гунье цзинци тунци няньцзянь – 2006; 2009 (Статистический ежегодник по экономике промышленности Китая – 2006; 2009). – Пекин, 2006; 2010.
6. Чжунго сяньчжэнь цие 30 нянь (30 лет волостно-поселковых предприятий Китая). – Пекин, 2008.
7. Чжунго сяньчжэнь цие няньцзянь (Ежегодник волостно-поселковых предприятий Китая). – Пекин, 2004; 2006.
8. Чжунго сяньчжэнь цие цзи нунчаньпин цзягунье няньцзянь (Ежегодник волостно-поселковых предприятий и промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья Китая). – Пекин, 2007; 2009.
9. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm> – Китайский статистический ежегодник 2010.

Озем Г.З. (г. Минск)

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ БЕЛАРУСИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Одним из составляющих социально-экономической трансформации в Беларуси, начавшейся с середины 1980-х гг. в результате политики перестройки в СССР, является религиозное возрождение. Возврат к религии и рост религиозности населения был тесно связан с поиском новой идеологической доктрины становления и развития суверенного белорусского государства. С одной стороны, процесс религиозного возрождения заключался в возвращении к историческим истокам, когда религия являлась неотъемлемой частью общественной жизни, с другой, – религиозный выбор стал результатом поиска отдельной личности и групп населения, пытающихся ответить на кардинальные вопросы смысла бытия в изменившихся социально-экономических условиях. Элементы религиозного характера присутствуют в современной социально-экономической среде Беларуси практически повсеместно. Поселенческие группы людей являются носителями определенной религиозно-культурной традиции, многие объекты и элементы социально-экономического ландшафта имеют религиозные стороны своего исторического развития и религиозную символику.

За последние десятилетия в Беларуси государственно-религиозной проблематике уделялось особое внимание со стороны социологов, историков, философов, религиоведов и этнографов. Ими был проведен анализ развития этноконфессиональных отношений в республике, выявлены исторические и культурные особенности становления и развития религиозных и национальных структур в Беларуси. Широкое распространение, значительная территориальная дифференциация деятельности религиозных институтов в стране обусловили интерес географов к исследованиям религиозной сферы. Среди географических работ выделяется исследование, проведенное в 1980-1990-х гг. под руководством доктора географических наук С.А. Польского в лаборатории этнической географии Белорусского государственного педагогического университета (г. Минск). Результатом указанного исследования явился ряд карт, изданный в 1994 г. как атлас «Белорусы. Демография. Язык. Этнос» [1].

Однако географические элементы этих исследования сводились к описанию размещения приходов отдельных церквей, либо исследовались региональные особенности формирования конфессиональной структуры. География религий в них рассматривалась скорее как элемент религиоведческого знания, чем географического. Безусловно, научное наследие религиоведения является отправной точкой для формирования теоретико-методологических основ географии религии. Как по-

казывает анализ современного религиоведческого знания, в нем разработана системная структура религии как социального института. Ее понимание и отражение в географических исследованиях представляется нами как некая гипотеза в определении исследовательских интересов географии религии. Территориальный принцип, как один из научно обоснованных теоретико-методологических подходов изучения религии, также сформировался в рамках сравнительной религиозной антропологии и этнологии – был характерен для сравнительно-исторических исследований религиозной сферы. Страноведческий подход рассмотрения процессов развития религиозной сферы характерен для ряда учебных пособий по религиоведению, характеризующих развитие религиозных институтов в конкретных странах [2, 3]. Анализ современных философских и социологических трактовок восприятия религии указывает на то, что если религия, как мировоззрение, исчерпала ресурсы своего социального расширения, то возможности социального и нравственного воздействия религии на образ жизни людей, их общественно-политические ориентации и поведение весьма значительны. Религия из мировоззренческого феномена, альтернативы научного взгляда на мироустройство трансформировалась в объективно развивающийся социокультурный феномен. Религия и религиозные институты выполняют функцию элемента исторической памяти этносов, вырабатывают догматы социальной политики. Религия выступает социальным стержнем цивилизационной идентификации. В условиях глобализации религиозный фактор является основой формирования антиинтеграционных сил и важным фактором мировой политики [4, 5, 6]. Изменение восприятия религии в контексте мировоззренческих концепций позволил значительно расширить объектное поле географического изучения религиозной сферы.

Традиция социогеографических исследований в рамках развивавшейся в СССР районной географической школы включала научный анализ объективных статистических показателей, иллюстрирующих территориальный аспект развития конкретных (локализованных в пространстве, картируемых) религиозных институтов, определяющих процессы социального воспроизводства, преимущественно – материального производства.

В географических исследованиях того времени превалирует рассмотрение религии как среднего объективного фактора экономического и социального развития конкретных территорий. Индивидуальное религиозное чувство, преломленное в коллективном (общественном) сознании, выступает как фактор, определяющий качество трудовых ресурсов, заключенное в способности адекватно воспринимать социально-экономическую действительность в призме религиозных убеждений, догм и норм поведения. Духовные идеологемы сакрального характера формируют менталитет населения, определяют социально-экономическую конкурентоспособность мест и регионов, преломляются в идеологических концепциях государственной и региональной политики. Культурный пласт материальных объектов, созданный в результате исторического развития религиозных институтов, может являться экономическим ресурсом для развития отдельных отраслей экономики, в частности туризма.

Современное восприятие религиозной сферы, как объекта географического изучения в странах СНГ, происходит через заимствование традиций теоретико-методологических подходов, сформировавшихся к началу XXI в. в рамках западно-европейских и американских школ социальной географии. Они акцентированы на

изучении конфессионально-территориальных групп населения, исследовании взаимосвязи между религией и естественным и социально-экономическим характером развития территорий, исследовании паломничества как особого религиозного феномена и связанных с ним форм социально-пространственного поведения населения и территориальной планировочной структуры поселений. Значимым блоком такого рода исследований является разработка методики территориально-структурного анализа религиозной сферы, идеологические основы которого заложены в рамках районной концепции.

Пожалуй, наиболее широкий и комплексный взгляд на религиозную сферу как объект географического исследования, присущ работам С.Г. Сафронова (1998 г.). География религии рассматривается ученым с теоретико-методологических позиций культурной географии. Основной исследовательской терминологической дефиницией выступают религиозные системы России как структурные компоненты культурного ландшафта страны [7, 8, 9]. В исследования украинских географов С.В. Павлова, А.Г. Кучабского, А.С. Ковальчука [10, 11, 12] разработаны методологические схемы географического изучения пространственной организации религиозной сферы отдельных регионов в традициях районной географической школы, т. е. с использованием понятийно-терминологической базы и теоретико-методологических подходов теории территориальной организации общества.

Географическое исследование религиозной сферы Беларуси, предпринятое в 2005–2007 гг. под руководством доктора географических наук И.И. Пирожника коллективом исследователей Белорусского государственного университета (г. Минск), является на сегодняшний момент наиболее комплексным с позиции географического изучения религиозной сферы Беларуси, породившей ряд последующих исследований реализованных Г.З. Оземом [13, 14], А.Н. Шавелем [15, 16] и др. Основными теоретико-методологическими результатами указанных исследований явились разработанные в рамках моделей «центр – периферия», культурного (или социально-экономического) ландшафта, теорий территориальной организации жизни населения, географического страноведения подходы к территориальному структурированию религиозной сферы страны посредством выделения территориальных религиозных систем. Территориальная структура религиозной сферы, как и любой подсистемы территориальной организации общества, представляет объективно складывающуюся в процессе общественного разделения труда взаимосвязанную систему различного рода интегрально-пространственных (историко-культурные религиозные ландшафты, религиозные образы места, конфессиональные районы) и территориально-конфессиональных образований (включая ареалы локализации отдельных религиозных конфессий и институтов). Базовым элементом территориальной структуры религиозной сферы выступают религиозные территориальные системы. Выделение религиозных территориальных систем в практике географического исследования неоднозначно. Элементы и компоненты религиозной сферы зачастую не образуют функционально обособленной автономной системы, имеющей конкретные географические границы. Внешние связи элементов религиозных систем настолько обширны и довольно четко осязаемы, что их рассмотрение без этих связей не столь объективно. Однако для географического анализа развития религиозной сферы, нацеленного на выявление внутрен-

Рис. 1. Конфессиональные районы Беларуси

них территориальных структурных соотношений в рамках религиозной сферы общества, теоретико-методологическая «подмена» системности является оправданной.

В диссертационном исследовании Г.З. Озема «Территориальная структура религиозной сферы и конфессиональное районирование Беларуси» была разработана концептуальная схема конфессионального районирования территории страны (рис. 1, табл. 1). Конфессиональный район – это территория со свойственными ей исторически сложившимися конфессиональной структурой религиозных общин, функционально-иерархической системой центров церковного управления и религиозного паломничества, уровнем религиозности населения, современной системой религиозных отношений и социальным институтом воспроизводства религиозной веры. Элементами территориальной структуры конфессиональных районов являются религиозные пункты, религиозные ядра, религиозные узлы, религиозные центры. В основе их выделения лежит учет функционально-структурной неоднородности и концентрации религиозной жизни на различных иерархически соподчиненных пространственных уровнях – от конкретного населенного пункта до территории всей страны. В рамках государственной системы регулирования религиозной сферы страны конфессиональные районы могут выступать как объекты пространственно дифференцированной политики в области планирования и реализации отдельных направлений государственно-религиозных отношений.

Таблица 1

Конфессиональное районирование Беларуси (2007 г.)

№	Район	Основные характерные черты					
		Доля в площади, %	Доля в населении, %	Доля в численности общин, %	Соотношение количества общин, разы		
					БПЦ*/РКЦ**	БПЦ/Прот.***	РКЦ/Прот.
1	Полоцкое Подвинье	3,4	2,9	3,0	2,3	1,3	0,6
2	Турово-Пинское Полесье	12,0	7,4	13,1	9,4	0,8	0,1
3	Витебское Подвинье	7,4	6,1	6,5	6,2	1,9	0,3
4	Оршанское Поднепровье	3,2	2,7	2,6	6,7	1,5	0,2
5	Минский	4,9	23,0	10,1	4,5	1,1	0,2
6	Браславское Подвинье	4,7	1,6	4,2	1,2	2,8	2,4
7	Мозырское Полесье	9,0	3,3	3,2	8,8	1,7	0,2
8	Брестское Полесье	6,4	7,6	11,2	7,8	1,8	0,2
9	Гомельское Посожье	3,6	6,8	3,7	59,0	1,6	0,0
10	Могилевское Поднепровье	3,9	5,5	2,6	4,3	0,9	0,2
11	Кричевское Посожье	6,1	2,4	2,4	7,0	1,3	0,2
12	Слуцко-Барановичское Предполесье	4,4	4,8	6,6	3,1	1,4	0,5
13	Бобруйско-Березинское Предполесье	8,1	6,8	5,1	8,3	1,0	0,1
14	Березинско-Борисовский	3,5	2,6	2,0	4,1	1,4	0,3
15	Верхнее Понемонье	3,1	1,8	3,3	2,2	1,8	0,8
16	Западное Понемонье	3,6	5,7	5,7	1,1	1,9	1,7
17	Слонимское Понемонье	3,3	2,2	4,2	2,4	2,4	1,0
18	Лидское Понемонье	3,3	2,7	4,0	0,7	2,7	3,6
19	Ошмянско-Нарочанский	6,1	4,0	6,6	1,4	2,4	1,8
* – Белорусская православная церковь							
** – Римско-католическая церковь							
*** – протестантские церкви							

Таблица 2

Типология территориально-административных единиц Беларуси по особенностям развития конфессиональной структуры

Тип	Подтип	Административные единицы (города, районы)
1. Крупнейшие и крупные поликонфессиональные социально-экономические центры европейского и национального значения	1а – с устойчиво высокой динамикой роста численности религиозных общин и сохранением значительного потенциала для роста религиозности населения	г. Минск
	1б – с недостаточно высокой динамикой роста численности религиозных общин и повышенной религиозностью населения	г. Гродно, г. Брест
	1в – с устойчиво высокой динамикой роста численности религиозных общин и нарастающей диверсифицированностью конфессиональной структуры	г. Гомель
	1г – с относительно высокой степенью диверсифицированности конфессиональной структуры и недостаточной динамикой роста численности религиозных общин традиционных конфессий	г. Могилев, г. Витебск

Таблица 2. Продолжение

Тип	Подтип	Административные единицы (города, районы)
2. Урбанизированные поликонфессиональные промышленные районы	2а – с устойчиво высокой динамикой роста численности общин протестантских конфессий	Бобруйский, Солигорский, Барановичский, Молодечненский, Светлогорский, Жлобинский
	2б – с устойчиво высокой динамикой роста численности общин Белорусской православной церкви и протестантских конфессий	Полоцкий, Мозырский, Борисовский, Оршанский, Речицкий
	2в – с устойчиво высокой динамикой роста численности религиозных общин всех конфессий	Пинский, Лидский
3. Промышленно-аграрные и аграрно-промышленные районы с различной диверсифицированностью конфессиональной структуры, расположенные в зонах влияния региональных центров	3а – поликонфессиональные с высокой динамикой роста численности религиозных общин Белорусской православной церкви и протестантских конфессий	Смолевичский, Минский, Дзержинский, Червенский, Пуховичский, Осиповичский, Логойский, Брестский, Витебский, Шкловский, Горецкий, Добрушский, Буда-Кошелевский, Рогачевский, Быховский
	3б – моноконфессиональные с высокой динамикой роста численности религиозных общин Белорусской православной церкви	Могилевский, Гомельский
	3в – биконфессиональные с высокой динамикой роста численности религиозных общин Римско-католической и Белорусской православной церквей	Гродненский, Щучинский
	3г – поликонфессиональные с тенденцией к доминированию протестантских конфессий в общинной структуре	Кобринский, Слуцкий, Волковысский
	4а – демографически депрессивные с доминированием в конфессиональной структуре общин Белорусской православной и Римско-католической церквей	Воложинский, Сморгонский, Вилейский, Несвижский, Столбцовский, Ивьевский, Мирский, Верхнедвинский, Шарковщинский, Мядельский, Докшицкий, Кореличский, Дятловский, Мостовский, Зельвенский, Берестовицкий, Свислочский, Каменецкий, Жабинковский, Малоритский
4. Сельскохозяйственные, рекреационные и природоохранные районы с различной диверсифицированностью конфессиональной структуры	4б – Демографически депрессивные с доминированием в конфессиональной структуре общин Белорусской православной и протестантских церквей	Столинский, Лунинецкий, Житковичский, Любанский, Петриковский, Калинкович-

Таблица 2. Окончание

Тип	Подтип	Административные единицы (города, районы)
		ский, Ивановский, Дрогичинский, Березовский, Ивацевичский, Пружанский, Ганцевичский, Ляховичский, Клецкий, Копыльский, Узденский, Ушачский, Шумилинский, Бешенковичский, Чашницкий, Сенненский, Крупский, Толочинский, Березинский, Круглянский, Бельничский, Кличевский, Кировский, Лепельский, Хотимский, Климовичский, Кричевский, Мстиславский, Дрибинский, Чаусский
	4в – Поликонфессиональные исторически сложившиеся «анклавы» сохраненного конфессионального наследия и высокой религиозности населения	Слонимский, Новогрудский, Поставский, Глубокский
	4г – Демографически депрессивные моноконфессиональные с доминированием общин Римско-католической церкви	Вороновский, Ошмянский, Островецкий, Браславский
	4д – Демографически депрессивные конфессионально ненасыщенные, с низким уровнем конфессионального разнообразия	Октябрьский, Глусский, Стародорожский, Росонский, Городокский, Лиозненский, Дубровенский
5. Районы экологического дисбаланса с неразвитой конфессиональной структурой, демографически депрессивные, с доминированием в конфессиональной структуре общин Белорусской православной и протестантских церквей		Лельчицкий, Ельский, Наровлянский, Лоевский, Хойникский, Брагинский, Ветковский, Чечерский, Кормянский, Краснопольский, Костюковичский, Славгородский, Чериковский

Конфессиональный район выделяется как устойчивое территориальное сочетание типов административных единиц по особенностям развития религиозной сферы. По результатам кластерного анализа по 21 показателю (отбор показателей производился на основе проверки на мультиколлинеарность), характеризующему ко-

личественные и качественные параметры конфессиональной структуры, демографическую и социально-экономическую ситуацию в регионах, были выделены 5 типов административных единиц (табл. 2).

Опыт конфессионального районирования территории Беларуси является основой развития более детальных географических исследований религиозной сферы в пределах выделенных пространственных единиц. Задачи такого исследования заключаются в рассмотрении элементов религиозной сферы в окружающей среде, их взаимосвязи с другими элементами этой среды и их развитие, вытекающее из этой взаимосвязи на топическом и локальном уровнях. За «кадром» реализованных исследований оказалась социокультурная составляющая религиозной сферы, являющаяся основой развития религиозного туризма и паломничества.

Библиографический список

1. Беларусь: Этнагеаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі: атлас / С.А. Польскі [і інш.]; пад аг. рэд. С.А. Польскага. – Мінск: Беларус. дзярж. пед. ун-т, 1996. – 32 с.
2. Зеленков, М.Ю. Мировые религии: история и современность: учеб. пособие / М.Ю. Зеленков. – М.: Юрид. ин-т МИИТ, 2003. – 252 с.
3. Кулаков, А.Е. Религии мира: пособие для учащихся / А.Е. Кулаков. – М.: АСТ, 1996. – 346 с.
4. Дагрон, Ж. Восточный цезаропапизм: История и критика одной концепции / Ж. Дагрон // Под ред. С.А. Иванова. – М.: Индрик 2000. – С. 80–99.
5. Олбрайт, М. Религия и мировая политика / М. Олбрайт; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.
6. Weigel, G. The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics Without God / G.Weigel. – New York: Basic Books, 2005. – 208 p.
7. Сафронов, С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: автореф. ... дис. канд. геогр. наук: 11.00.02 / С.Г. Сафронов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1998. – 18 с.
8. Сафронов, С.Г. Конфессиональное пространство России в начале и в конце XX века / С.Г. Сафронов // Город и деревня в Европейской части России: сто лет перемен: моногр. сб. / Т. Нефедова [и др.]; под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
9. Сафронов, С.Г. Территориальные аспекты организации российских конфессий / С.Г. Сафронов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. – 1998. – № 6. – С. 32–36.
10. Ковальчук, А.С. География религии в Украине: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02 / А.С. Ковальчук; Львов. нац. ун-т им. И. Франко. – Львов, 2000. – 22 с.
11. Кучабский, А.Г. Религиозная сфера областного региона: трансформация и территориальная организация (на материалах Львовской области): автореф. ... дис. канд. геогр. наук: 11.00.02 / А.Г. Кучабский; Львов. нац. ун-т им. И. Франко. – Львов, 2000. – 22 с.
12. Павлов, С.В. Организация религиозно-географической сферы Украины: автореф. ... дис. канд. геогр. наук: 11.00.02 / С.В. Павлов; Киев. нац. ун-т им. Т. Шевченко – Киев, 1999. – 24 с.
13. Озем, Г.З. Конфессиональное районирование Беларуси / Г.З. Озем // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 2, Химия. Биология. География. – 2008. – № 1. – С. 90–96.
14. Озем, Г.З. Социально-географические факторы развития конфессиональной структуры Беларуси / Г.З. Озем // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Серия 2. – Химия. Биология. География. – 2009. – № 3. – С. 90–96.
15. Шавель, А.Н. Исторические предпосылки развития протестантизма в Беларуси // Материалы Всероссийской научной конференции «Теоретическое наследие Б.Н. Семевского и современная социально-экономическая география», посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Семевского / Отв. ред. А.П. Катровский – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 181–188.
16. Шавель, А.Н. Географические особенности формирования региональных конфессиональных структур Беларуси (на примере Гродненской области) // Материалы III семинара молодых ученых «Теория и практика географической конфликтологии», 25-27 мая 2007 г. / Факультет географии и геоэкологии СПбГУ; Редкол. Каледин Н.В. и [и др.]. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 67–84.

ПРИРОДНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕХНОСФЕРУ: ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Катастрофические последствия 9-бального землетрясения и разрушительных волн цунами, обрушившихся 11 марта 2011 г на северо-восточное побережье острова Хонсю в Японии, стали очередным трагическим подтверждением уязвимости техносферы и общества, даже такого высокоразвитого, как японское, к воздействию природных опасностей. Это стихийное бедствие еще раз показало, что помимо того прямого социального, экономического и экологического ущерба, который природные катастрофы наносят сами по себе, еще более страшными могут оказаться последствия вызываемых ими аварий и катастроф в техногенной сфере. Последствия эти тем более тяжелы, чем выше плотность населения и концентрация промышленных и инфраструктурных объектов (особенно, объектов повышенной опасности, таких как АЭС, нефтеперерабатывающих и химических производств) в затрагиваемых бедствием районах. Один из уроков японской трагедии – синергетический характер случившейся катастрофы, когда воздействие землетрясения усилилось воздействием вызванного им цунами, а также одновременно спровоцированных нескольких техногенных аварий, что значительно затруднило борьбу с каждым из этих бедствий в отдельности и сделало их последствия более тяжелыми. Именно таким синергетическим характером отличаются участвовавшие за последние годы как в мире в целом, так и в нашей стране природно-техногенные аварии и катастрофы, что повышает важность и актуальность их исследования. Причинами нарастания числа и тяжести природно-техногенных катастроф являются, с одной стороны, наблюдающееся увеличение повторяемости и интенсивности проявления природных опасностей, а с другой стороны, значительно усложнившийся состав современных территориально-производственных комплексов, попадающих в зону природного риска. Природные воздействия на техносферу, способные повлечь за собой «цепную реакцию» аварий на различных объектах экономики при ограничении ресурсов и возможностей по ликвидации этих аварий, а также при нарушении экономических связей в условиях стихийных бедствий, являются одной из значительных проблем территориальной организации общества, в том числе и российского на современном этапе.

Автором была создана электронная база данных по чрезвычайным ситуациям (ЧС) в техносфере, в том числе и тем, которые были спровоцированы природными опасностями (природно-техногенные ЧС или ПТЧС) [2]. Под природно-техногенными понимаются любые техногенные по сфере своего проявления ЧС, которые были вызваны какими-либо природными событиями. В базу данных заносится информация о времени и месте возникновения ЧС с указанием страны, региона (субъекта федерации), точной локализации (с привязкой по отношению к ближайшим населенным пунктам), типе ЧС, количестве пострадавших и погибших, материальном и экологическом ущербе. Указывается предполагаемая причина произошедшей аварии, приводится ее краткое описание и источник информации. Основными источниками исходных данных служат оперативные сводки МЧС РФ, а также другая открытая информация, в том числе сообщения печатных и электронных СМИ. В настоящее время база данных насчитывает более 13 тыс. единиц информации.

Проведен статистический и географический анализ собранной информации о ПТЧС, которые происходили на территории России в 1991-2010 гг. В результате было выделено 10 различных типов ПТЧС:

- 1) аварии систем электро-, тепло-, водоснабжения и связи вследствие сильных ветров, снегопадов, дождей и града, сильных морозов, грозových разрядов, снежных лавин, селей, оползней или землетрясений (более 60% всех ПТЧС);
- 2) внезапные обрушения зданий и сооружений под воздействием сильных ветров, снегопадов, дождей, сильных морозов, подтоплений или просадок грунта (15%);
- 3) порывы трубопроводов в результате землетрясений, различных склоновых процессов, а также сильных ветров, снегопадов, дождей, града или ударов молний (6%);
- 4) пожары и взрывы, возникшие из-за сильной жары или молний;
- 5) взрывы и пожары на шахтах в результате аккумуляции водорода и метана вследствие глубинной дегазации Земли (подробнее, см. [3]);
- 6) водные аварии, вызванные штормами, циклонами, тайфунами и туманами;
- 7) автомобильные аварии из-за снегопадов и метелей, гололедицы, дождей, туманов, снежных лавин или селей;
- 8) железнодорожные аварии в результате снежных заносов, дождей, лавин, селей, оползней, камнепадов или сильной жары;
- 9) авиакатастрофы, обусловленные неблагоприятными метеоусловиями, а также другими природными факторами;
- 10) аварии с выбросом загрязняющих веществ в результате наводнений или оползней.

Выявлено, что большая часть всех ПТЧС, произошедших в России за исследованный период, была обусловлена воздействием опасных природных процессов и явлений гидрологического и метеорологического характера или связанных с ними природных опасностей другого генезиса (более 90% всех ПТЧС). При этом 39% было вызвано сильными ветрами различного характера, более 20% – снегопадами и метелями, а также сильными дождями, 10% – морозами и гололедными явлениями, 7% – оползнями и другими склоновыми процессами, более 4% – грозами.

Самую большую долю в общем числе природно-техногенных аварий в России составляют аварии на объектах производственной и транспортной инфраструктуры, таких как системы электро-, тепло- и водоснабжения, трубопроводы, линии связи, железные и автомобильные дороги. На территории практически всех субъектов РФ наиболее часто повторяются ЧС, обусловленные авариями в электроэнергетических системах, которые влекут за собой продолжительные отключения электроэнергии на промышленных предприятиях, сельскохозяйственных и транспортных объектах, а также в непроизводственной сфере, что, в свою очередь, может вызвать целый ряд других аварий. Более 70% всех ЧС в системах электроснабжения обусловлено воздействием на них природных факторов. Лидерами среди субъектов РФ по повторяемости ПТЧС этого типа являются Сахалинская область и Краснодарский край (более 45 ЧС за 1991–2010 гг.), в наибольшей степени подверженных воздействию сильных ветров, циклонов, сильных снегопадов, дождей и других природных опасностей. Число таких ЧС велико также в Приморском и Ставропольском краях, Саратовской области и Республике Татарстан (более 20).

Значительный экономический и экологический ущерб наносят аварии на трубопроводном транспорте, особенно те из них, которые сопровождаются

разливами нефти и нефтепродуктов. Абсолютным лидером по количеству ЧС на трубопроводах является Ханты-Мансийский АО (более 100 ЧС за 1991–2010 гг.), велико их число также в Самарской области, Республике Башкортостан, Пермском, Краснодарском и Ставропольском краях, а также Саратовской и Свердловской областях и Республике Дагестан. Основные причины ЧС на трубопроводах – сильная изношенность фондов и, так называемый, «человеческий фактор» – случайное или преднамеренное нарушение труб, эксплуатационные ошибки. ПТЧС на трубопроводах были отмечены за рассматриваемый период в 26 субъектах РФ. Среди природных причин этих аварий наиболее значимы оползни (Краснодарский и Ставропольский края, Республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Чеченская и Удмуртия, Саратовская и Самарская области) и смещения грунта (Ленинградская, Смоленская обл., Республика Чувашия, Ханты-Мансийский АО); сильные ливни и наводнения (Краснодарский и Ставропольский края, Пензенская, Саратовская обл., Республики Кабардино-Балкария, Татарстан, Саха и Северная Осетия), а также сильный ветер (Краснодарский и Ставропольский края, Самарская, Оренбургская обл., Республики Чувашия и Мордовия); превышение снеговых нагрузок (Сахалин); морозное пучение грунтов и другие геокриологические процессы (Республика Коми, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО). Наиболее тяжелыми были последствия Нефтегорского землетрясения на Сахалине 28 мая 1995 г, в результате которого произошло более 200 порывов нефтепроводов. По некоторым данным, потери нефти составили десятки тысяч тонн [1].

Повторяемость ЧС на железнодорожном транспорте наиболее велика в Амурской и Иркутской областях (более 30 за 1991–2010 гг.), а также в Краснодарском крае, Ростовской, Ленинградской и Московской областях, Забайкальском и Хабаровском краях (более 20). Природными причинами вызывается около 4% всех ЧС, они были зафиксированы на территории 18 субъектов РФ. В базе данных зарегистрированы ЧС, которые возникли из-за метелей и снежных заносов (Ямало-Ненецкий АО), сильных ливней (Республика Дагестан, Амурская область), снежных лавин (Сахалинская область, Хабаровский край), сильной жары (Республика Калмыкия и Ростовская область), оползней (Краснодарский край, Орловская область) и камнепадов (Хабаровский край, Республика Башкортостан).

Автомобильные аварии наиболее часто происходят в Сахалинской области, Приморском крае, Республике Хакасия, Магаданской области, Республике Алтай, Тюменской, Владимирской и Московской областях (более 180 ДТП с пострадавшими и жертвами в среднем за год в расчете на 100 тыс. чел. населения за 1990–2008 гг.). Основными природными причинами автомобильных аварий являются снегопады и метели, гололедица, дожди и туманы. ДТП, обусловленные природными воздействиями, наблюдались в 31 субъекте РФ.

Риск возникновения природно-техногенных ЧС (по общему их количеству за исследованный период) в целом наиболее велик в Сахалинской области (79), Краснодарском и Приморском краях (более 50), Ставропольском и Хабаровском краях, Республиках Дагестан, Карачаево-Черкесия и Татарстан, Ростовской, Амурской, Нижегородской, Саратовской, Челябинской, Свердловской и Ленинградской областях, а также в Москве (более 20) (рис.1).

Большая часть всех ПТЧС, происходивших в России за рассматриваемый период, была связана с воздействием неблагоприятных и опасных природных процес-

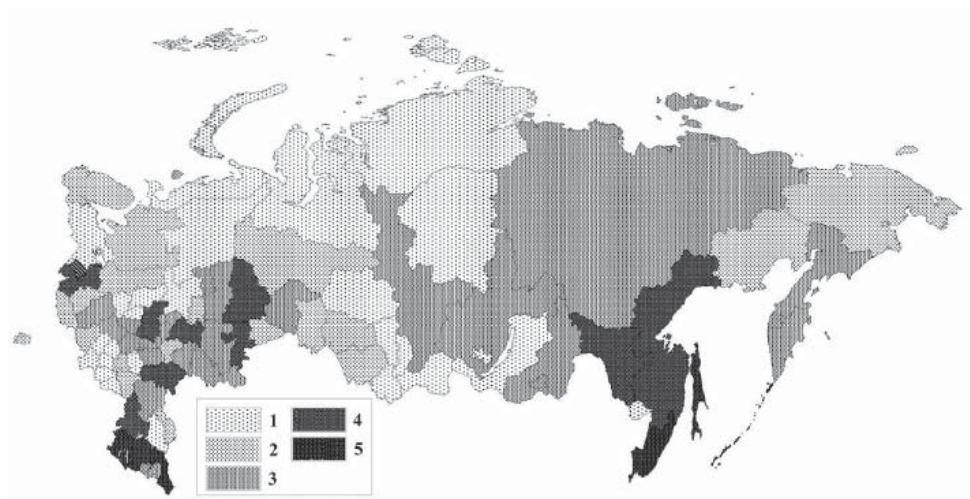

Рис. 1. Риск возникновения природно-техногенных ЧС в субъектах РФ
(уровень риска по числу ЧС за 1991–2010 гг.):

- 1 – низкий (менее 6);
- 2 – средний (6-10);
- 3 – выше среднего (11-19);
- 4 – высокий (20-29);
- 5 – очень высокий (более 30).

сов и явлений гидрологического и метеорологического характера. Поэтому следует ожидать увеличения их повторяемости и тяжести последствий в результате прогнозируемой активизации этих процессов к концу текущего столетия. Так, ожидаемая положительная динамика осадков в холодное время года (особенно, жидких при наличии снежного покрова), чередование оттепелей и похолоданий повышает риск обрыва проводов ЛЭП, внезапных обрушений крыш, а также риск транспортных аварий. Ожидается возрастание числа и тяжести ЧС, обусловленных наводнениями и паводками.

Прогнозируемое увеличение продолжительности периодов с критически высокими значениями температуры воздуха в центральных и южных районах России может повысить вероятность возникновения пожаров, в том числе и на объектах техносферы. Прогрессирующее таяние многолетнемерзлых пород и активизация в связи с этим различных геокриологических опасностей создает угрозу разрушения в районах распространения вечной мерзлоты автомобильных и железных дорог, нефте-, продукто- и газопроводов, ЛЭП, других линейных сооружений и объектов, а также внезапного обрушения зданий, построенных в расчете на постоянно мерзлый грунт. По мере таяния вечной мерзлоты особой опасности будут подвергаться те районы на севере России, где находятся хранилища радиоактивных и других промышленных отходов.

Все эти ожидаемые негативные последствия делают проблему воздействия природных опасностей на техносферу особенно актуальной. Необходимо продолжать

исследования в этой области. Эти исследования должны быть направлены, в первую очередь, на снижение уязвимости экономики российских регионов к неблагоприятным природным воздействиям, особенно в тех районах, где риск возникновения ПТЧС наиболее велик.

Библиографический список

1. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Предупреждение и ликвидация аварийных разливов нефти и нефтепродуктов. – М.: Ин-октаво, 2005. – 368 с.
2. Петрова Е.Г. Природно-техногенные ЧС в России: опыт составления и анализа базы данных. // Снежные лавины, сели и оценка риска. – М: Университетская книга, 2009. – С. 152–162.
3. Сывороткин В.Л. Глубинная дегазация Земли и глобальные катастрофы. – М.: ООО «Геоинформ-центр», 2002. – 250 с.

Пилецкий И.В. (г. Витебск)

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ В БЕЛОРУССКОМ ПООЗЕРЬЕ

Удовлетворение потребностей человека, экономическая и экологическая ситуация в государстве, его продовольственная независимость определяют необходимость осуществления интенсификации сельскохозяйственного производства, что требует больших материальных затрат и, в первую очередь, энергоресурсов [2]. С повышением уровня интенсификации сельскохозяйственного производства возрастают требования не только к охране земель, повышению плодородия почв, но и трудовым ресурсам [9]. Особо актуальны вопросы рационального использования и охраны земель, изменяющейся обеспеченности трудовыми ресурсами в периоды политических и экономических кризисов, при ломке систем ведения сельскохозяйственного производства [3]. В такие периоды вопросы управления культурными ландшафтами приобретают первостепенное значение.

При решении продовольственной программы необходимые площади определяются не только абсолютной величиной, но и их качественным составом, природно-климатическими условиями, уровнем агротехники, организацией сельскохозяйственного производства и другими параметрами [3, 6]. К сожалению, в этом процессе наблюдаемой тенденции уменьшения численности работников в сельскохозяйственных организациях Белорусского Поозерья до сих пор отводится второстепенная роль. Считаем, что на современном этапе возросла не только значимость проблемы управления культурными ландшафтами, но и сложилась объективная необходимость учета отмеченной тенденции при планировании социально-экономического развития региона. Поэтому нам потребовалось установить существует ли связь между экономической эффективностью производства сельскохозяйственной продукции в организациях региона и их средней численностью работающих. Для решения поставленной цели использовались статистические материалы, обобщения исследований других авторов, методы сравнительно-описательного ряда.

Под термином управление сельскохозяйственным производством мы понимаем хозяйственную деятельность, построенную на учете установленных природно-

антропогенных закономерностей, позволяющую обеспечить в требуемых объемах производство продуктов питания и сырья для перерабатывающей промышленности при достигнутом уровне развития производительных сил, способную свести к минимуму ее отрицательное воздействие на сложившиеся ландшафты конкретного региона. Проблема решается исходя из возможного для сложившихся экономических условий объема производства сельскохозяйственной продукции, соблюдения паритета природоохранного и сельскохозяйственного землепользования, учета социально-экономических аспектов конкретного региона [4; 5; 6]. Следует отметить, что организация даже пространственно небольшой территории (сельскохозяйственная организация) предполагает учет большого количества как экономических, так и природно-климатических факторов, которые воздействуют как отдельно, так и совместно.

Характерной особенностью Белорусского Поозерья является совпадение в возрастном отношении литогенной и биогенной основ сформировавшихся современных культурных ландшафтов. Сформировавшийся рельеф региона и хозяйственная освоенность обусловили контрастность биоценозов и мелкоконтурность ландшафтов. Поэтому при управлении культурными ландшафтами приходится учитывать и технологические свойства отдельных участков. Определяющими факторами формирования культурных ландшафтов выступают условия ведения сельскохозяйственного производства, при этом используются обобщенные показатели, которые всесторонне отражают качество земли как средства производства.

Общий балл кадастровой оценки дает представление об относительной ценности земельных участков как средства производства по совокупности свойств – плодородию, технологическим характеристикам и местоположению [1]. Он имеет функциональную связь с показателями дифференциального дохода и нормативного чистого дохода при равном уровне агротехники в отдельных организациях. Чем выше уровень потенциального плодородия по совокупности генетических и приобретенных свойств, тем выше может быть хозяйственный результат в виде урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности кормовых угодий при равном уровне агротехники.

Нормативный чистый доход характеризует прибыльность производства продукции, зависящей от качества земли при реализации ее по цене, базирующейся на средних нормативных затратах [1]. Дифференциальный доход – это избыточный доход, который могут получать товаропроизводители на лучших землях при реализации продукции по кадастровой цене, базирующейся на нормативных затратах в худших (а не средних) условиях. Величина его принимается за вычетом 35% нормативных затрат на обеспечение минимально приемлемой рентабельности производства.

Нами в работе были проанализированы за 2001-2003 г.г. показатели кадастровой оценки земель, расчетных значений нормативного, чистого и дифференциального доходов, средней урожайности зерновых, а также объемы произведенной продукции крупного рогатого скота в хозяйствах Белорусского Поозерья [7, 8]. Определение временных рамок периода исследований обусловлено: во-первых, тем, что это засушливый, умеренный и влажный годы; во-вторых, абсолютное большинство сельскохозяйственных земель находилось в ведении сельскохозяйственных организаций – колхозов и совхозов, что облегчало учет их урожайности зерновых; в-третьих, одинаковые условия хозяйствования позволяют использовать ме-

тод сравнительного анализа и повысить достоверность наших выводов. Анализ полученных данных по исследуемой проблеме показал, что в исследуемом периоде средние значения урожайности зерновых и объемы продукции животноводства по хозяйствам региона изменялись в достаточно широких диапазонах.

На рисунках 1-3 представлена зависимость средней урожайности зерновых культур за 2001–2003 гг. от среднего балла кадастровой оценки земель конкретного хозяйства региона. Приведенные административные районы Белорусского Поозерья являются по отдельности характерными представителями групп возвышенных, средневысотных или низменных культурных ландшафтов. Их детальный анализ не выявил статистически значимой связи урожайности зерновых культур от балла кадастровой оценки сельскохозяйственных земель.

Лишь для низменных культурных ландшафтов Верхнедвинского, Миорского, Глубокского, Лиозненского районов можно говорить о некоторой тенденции в разрезе хозяйств роста урожайности с ростом балла кадастровой оценки их земель. Для средневысотных культурных ландшафтов Ушачского, Лепельского, Чашникского, Сенненского, Бешенковичского районов эта связь еще меньше и просматривается чисто гипотетически. Полное отсутствие связи роста урожайности с увеличением балла кадастровой оценки земель проявилось у возвышенных ландшафтов. При этом у них отмечается чрезвычайно сильная вариабельность урожайности в разрезе отдельных хозяйств. Наблюдаемую тенденцию ослабления зависимости урожайности зерновых культур от роста балла кадастровой оценки земель по группам ландшафтов можно объяснить их микроклиматическими особенностями.

Нами проведен анализ структуры использования продукции растениеводства, произведенной в отчетном периоде, отдельными хозяйствами по различным группам ландшафтов. В продукцию растениеводства мы не включали кукурузу и кормовые корнеплоды. Затраты на производство 1 кг молока в расчетах приняты 1,5 кг к.е., а мяса крупного рогатого скота – 15 кг к.е. Из полученных материалов следует, что структура использования продукции растениеводства и эффективность по отдельным хозяйствам варьируют в широких пределах. Поэтому, при планировании урожайности зерновых культур и показателей хозяйственной деятельности для Белорусского Поозерья, наряду с природно-климатическими факторами и процессами, необходимо учитывать организационный фактор, т.к. он в значительной степени определяет эффективность сельскохозяйственного производства. В разрезе организаций это проявляется различным уровнем эффективности использования средств целевой государственной [3].

Регион характеризуется и более низкой численностью трудоспособных, которые выступают важным фактором повышения эффективности сельскохозяйственного производства [5]. Для установления такой связи мы исследовали эффективность производства продукции животноводства по средним значениям за период 2001–2003 гг. на 100 га сельскохозяйственных земель в пересчете на молоко от среднегодовой численности рабочих на 100 га этих земель у хозяйств упомянутых выше групп ландшафтов.

Результаты этих расчетов позволяют нам говорить о наличии устойчивой статистически значимой связи между объемами произведенной в каждом хозяйстве продукции животноводства и среднегодовой численностью рабочих на 100 га сельскохозяйственных земель. Такая же связь установлена нами и по хозяйствам остальных районов.

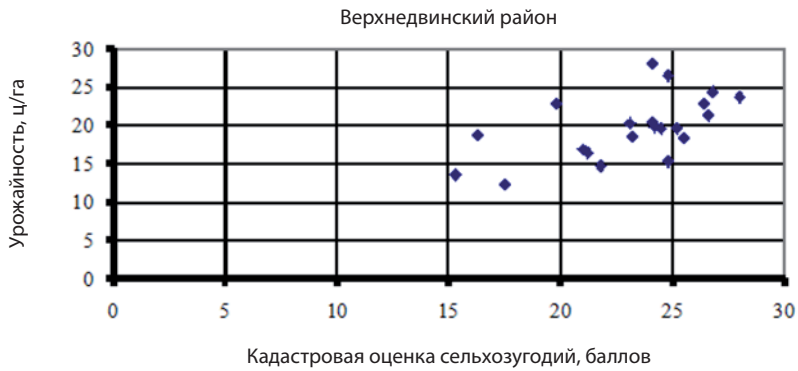

Рис. 1. Зависимость средней урожайности зерновых культур от бонитета земель по хозяйствам Верхнедвинского района за период 2001-2003 гг. (низменные ландшафты)

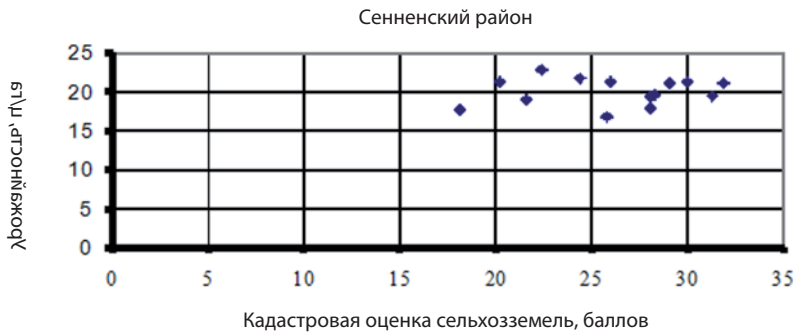

Рис. 2. Зависимость средней урожайности зерновых культур от бонитета земель по хозяйствам Сенненского района за период 2001-2003 гг. (средневысотные ландшафты)

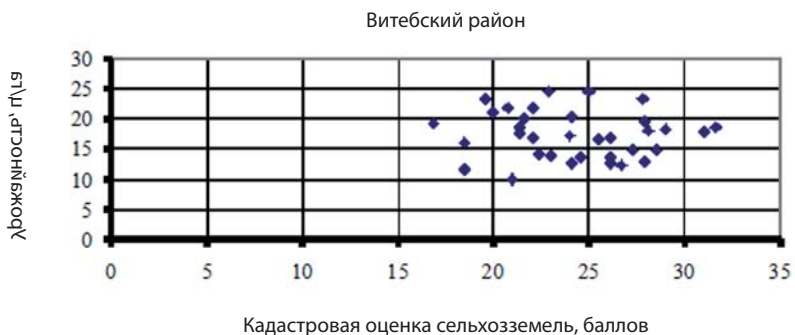

Рис. 3. Зависимость средней урожайности зерновых культур от бонитета земель по хозяйствам Витебского района за период 2001-2003 гг. (возвышенные ландшафты)

Таким образом, в результате проведенных нами исследований установлено, что в сложившихся на настоящее время социально-экономических условиях эффективность сельскохозяйственного производства во многом предопределена удельной численностью работников в каждом конкретном хозяйстве анализируемого региона. Следовательно, она зависит, хотя и косвенно, от тех тенденций, которые формируют демографический потенциал территории, начиная уровнем сельского Совета. Учет этого фактора при планировании производства сельскохозяйственной продукции, несомненно, будет способствовать росту производительности труда, повышению экономического и социально-культурного уровня населения Белорусского Поозерья.

Библиографический список

1. Изменения в показатели кадастровой оценки земель сельскохозяйственных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств. – Минск: Изд-во: УП «Проектный институт Белгипрозем», 2002. – 26 с.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.; Л.М. Александрович [и др.]. – Минск: Юнипак, 2004. – 202 с.
3. Пилецкий И.В. Агропромышленные комплексы Беларуси и России в новых экономических условиях хозяйствования // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Серия аграрных навук. – 2003. – № 3. – С. 25–32.
4. Пилецкий И.В. Вопросы социально-экономического развития культурных ландшафтов Белорусского Поозерья // Географія: праблемы выкладання. «Адукацыя і выхаванне». – № 2(39). – 2005. – С. 9–11.
5. Пилецкий И.В. Культурные ландшафты Белорусского Поозерья и их социально-демографические проблемы. // Веснік ВДУ. Навуковы часопіс, 2005, №1 (35). – С.123-129.
6. Пилецкий И.В. Проблемы реформирования агропромышленного комплекса Республики Беларусь // Веснік ВДУ. Навуковы часопіс. – 2003. – №4 (30). – С. 54–60.
7. Регионы Республики Беларусь, 2009 : стат.сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2009. – 879 с.
8. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2009 : стат. сб. – Минск : М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2010. – 599 с.
9. Труд и занятость в республике Беларусь, 2008.: стат.сб. / Минстат Респ. Беларусь; редкол.: Е.И. Кухаревич [и др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2008. – С. 7–231.

Подгрушный Г.П. (г. Киев)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА УКРАИНЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Социально-экономическое развитие страны – комплексное понятие, объединяющее в себе несколько взаимоподчиненных составляющих. Базовыми из них следует считать состояние и особенности развития в странах регионо- и градообразующих отраслей экономики. В условиях индустриального или высокоиндустриального общества такой отраслью, в основном, выступает промышленное производство. Именно на этих стадиях развития сегодня находится значительная часть регионов и городов Украины.

Вполне естественно, что любые структурные изменения в промышленном производстве ведут к значительным трансформациям во всех сферах жизни регионов и городов страны. Иными словами, структурная трансформация промышленности

выступает в качестве импульса регионального развития. В связи с этим, исследование сущности и механизмов трансформации структуры промышленного производства и ее влияния на региональное развитие приобретает в современных условиях особое значение. Посредством определенных форм воздействия и системы механизмов эти импульсы обуславливают изменения во всех структурных компонентах общественно-территориальных комплексов регионов и городов. Накопленная критическая масса этих изменений обуславливает эволюционное развитие страны и ее территориальных таксонов.

Указанные проблемы все еще остаются недостаточно исследованными. Все это обуславливает необходимость расширения и углубления ранее сформулированных положений об особенностях трансформационных процессов в структуре промышленного производства, определение их особенностей в современных условиях Украины.

Исторический опыт развития глобальной экономической системы, производственных комплексов отдельных стран и регионов свидетельствует, что определяющей чертой динамики их структур является цикличность развития, которая находит свое объяснение в теории длинных волн в экономике. Согласно этой теории, развитие промышленности выражается в чередовании фаз роста и стагнации производства.

Среди авторов этой теории следует назвать ученых-экономистов Й. Шумпетера, Г. Менша, Н. Кондратьева и др. Именем последнего как раз и названы длинные волны (циклы) в экономике. Существование длинных волн в экономике обуславливается периодической активизацией финансовых возможностей в обеспечении генерации и внедрения технологических инноваций.

В развитии мировой экономики сейчас насчитывается пять циклов Кондратьева (ЦК). Прохождение каждого из этих циклов связано с возникновением, экспансией, старением и постепенным свертыванием приоритетных для него базовых инноваций. Соответственно, приоритетными для каждого из циклов есть определенные отрасли промышленного производства.

Трансформационные процессы в промышленности Украины в постсоветский период в значительной степени обусловлены спецификой ее исторического развития и проблемами, накопившимися в предыдущую эпоху.

Во второй половине 60-х годов в Украине начинается переход к стадии высокоиндустриального развития. Именно этот период в Украине ознаменовался началом прохождения четвертого ЦК с присущими ему инновациями. Приоритетное значение на данном этапе получили такие отрасли, как автомобиле- и авиастроение, станкостроение, электротехника, приборостроение, химия органического синтеза и т.п. Благоприятными для размещения новых производств были условия в западных (Закарпатская, Львовская, Волынская, Ровенская, Тернопольская, Ивано-Франковская, Черновицкая) и некоторых центральных (Хмельницкая, Винницкая, Черкасская, Киевская) областях. Именно в этих регионах в конце 60-х – 80-х годах происходили наиболее интенсивные сдвиги в отраслевой структуре промышленности за счет ускоренного развития средне- и некоторых высокотехнологичных отраслей машиностроения.

Подавляющее большинство предприятий этих отраслей (производство средств связи, электронная и радиотехническая промышленность и т.д.) входила в состав военно-промышленного комплекса Советского Союза. Размещение этих произ-

водств было обусловлено наличием здесь широкой сети городов с недостаточно развитой производственной базой, выгодным экономико-географическим положением, значительными трудовыми ресурсами. Это потенциально делало их ядрами промышленного роста.

Незначительные сдвиги в отраслевой структуре произошли в некоторых южных и восточных областях страны (Полтавская, Харьковская, Днепропетровская, Донецкая, Кировоградская, Николаевская). Процессы адаптации инноваций четвёртого ЦК и развитие приоритетных для него отраслей и производств в этих областях проходили по-разному. Восприятие инновационных воздействий в Харьковской, Днепропетровской областях значительной степени происходило в рамках уже сложившейся отраслевой и территориальной структуры промышленности в результате модернизации и частичной переспециализации существующих производств. В других же областях, например, Донецкой, сформированная в течение предыдущих циклов структура производства, характеризовавшаяся высокой долей отраслей угольной промышленности, черной металлургии, низкотехнологичных отраслей тяжелого машиностроения и т.п., оказалась весьма консервативной для восприятия инновационных воздействий. В большинстве же случаев здесь имело место сочетание различных вариантов адаптации нововведений и развития приоритетных отраслей, включая расширение и формирование на этой основе новых центров промышленности.

Это в равной степени касалось и областей, где структурные сдвиги в промышленности имели среднюю интенсивность (Луганская, Запорожская, Херсонская, Сумская, Черниговская, Житомирская, АР Крым).

Развитие в Украине отраслей и производств, приоритетных для четвертого ЦК, имел ряд положительных последствий. Среди них, прежде всего, следует назвать относительную стабилизацию темпов роста промышленного производства, которая отмечалась в стране в течение второй половины 60-х - первой половины 70-х годов. В среднем они составили 8% ежегодного прироста производства.

Не менее важным следствием вышеназванного процесса было формирование в стране нынешней отраслевой структуры промышленности, в которой заметное место принадлежит машиностроению. Именно эта отрасль является основой для производства и адаптации новых технологий, массового производства современной техники, необходимой для модернизации всего хозяйственного комплекса, информатизации общества, а значит – является базисом для перехода страны к стадии постиндустриального развития.

Однако, несмотря на наличие предпосылок, во второй половине 70-х и в 80-е годы не было осуществлено перехода промышленности на качественно новый уровень развития, обеспечивающий становление в стране постиндустриального общества. Именно такой переход произошел в развитых западных странах, начиная с 70-х годов.

Плановый и прогнозируемый характер советской экономики все же не смог предотвратить кризис, который ощутили проявилась во второй половине 70-х - начале 80-х годов. Именно этот период характеризовался резким спадом среднегодовых темпов роста промышленного производства. Причина хронического кризиса, который поразил еще советскую экономику и в течение длительного времени имела латентный, или полулатентный характер, крылась в генезисе промышленности страны, особенностях протекания стадийно-эволюционного процесса в развитии планово-регламентированной и рыночной экономики.

Все это требовало четкого осознания государственной элитой сути ситуации, принятия адекватных решений и организации необходимых мероприятий по структурной перестройке хозяйства, и прежде всего промышленности. Инициированные государственным и партийным руководством меры во второй половине 80-х годов положительных результатов не дали. Более того, меры по либерализации цен, внешнеэкономической и предпринимательской деятельности ускорили коллапс социально-экономической системы, ее дезинтеграцию. Причина этого крылась в игнорировании действия закона стоимости, что фактически блокировало структурную перестройку и обусловило такое свойство системы, как невосприимчивость к научно-техническому прогрессу.

Помимо всего прочего, в наследство от бывшего Советского Союза Украина получила и в значительной мере милитаризованную промышленность (35% мощностей военно-промышленного комплекса бывшего СССР) с деформированной отраслевой структурой, в которой отмечалось чрезмерное (свыше 70%) преобладание отраслей тяжелой индустрии.

Все эти недостатки значительно снижали возможности прогрессивных сдвигов в структуре промышленного производства, перехода страны на качественно высшую стадию развития.

В процессе трансформации социально-экономических условий хозяйствования (переход к рыночным отношениям, интеграция в мировую хозяйственную систему и т.д.) при промедлении с реализацией действенных реформ в экономической сфере кризис еще больше усилилась и приобрела обвальный характер. В 1990 году рост промышленного производства вообще прекратилось, а в последующие годы произошел его резкий спад. Лишь в 1995 году темпы падения начали замедляться, а в 1999 году наметилось некоторое рост производства (4%), которое в 2000 году уже составляло 12,9%, в 2003 – 15,8%, 2004 – 12,5%, 2005 – 3,1%, 2006 – 6,2%, 2007 – 7,6%. Однако, рост промышленного производства последних лет был обусловлен не столько институциональными изменениями в экономике, развитием рыночной инфраструктуры и повышением эффективности функционирования производства, сколько благоприятной конъюнктурой для продукции базовых отраслей промышленности Украины на международном рынке.

Проведенное нами исследование динамики объемов производства и сдвигов в отраслевой структуре промышленности страны и ее регионов за период 1990 - 2007 годов позволили сделать следующие выводы:

1. За указанный период произошел резкий рост «отягощенности» отраслевой структуры промышленности за счет увеличения доли материало-, энерго- и экоемких отраслей тяжелой индустрии – электроэнергетики, топливной промышленности, черной металлургии и др.

2. Произошло значительное сокращение общих объемов и доли высокотехнологичных производств (прежде всего машиностроение), а также отдельных производств товаров широкого потребления в структуре промышленности.

В условиях рыночных трансформаций экономики и либерализации внешней торговли вышеназванные тенденции в динамике структуры промышленности обусловлены несколькими факторами: относительным спросом на мировом рынке на продукцию отраслей тяжелой индустрии (электроэнергию, черные металлы, продукцию химической промышленности); отсутствием спроса на продукцию высокотехнологичных отраслей страны, которые фактически не смогли изменить воен-

ную ориентацию и перейти на выпуск массовой высококачественной наукоемкой продукции гражданского назначения; низкой конкурентоспособностью продукции широкого потребления и т.д.

Региональные процессы развития промышленности в стране в значительной степени подчинены всем вышеперечисленным тенденциям. Вместе с тем в территориальной структуре промышленного производства регионов страны также произошли существенные сдвиги:

1. Уменьшилась величина промышленных центров и пунктов как по объему выпуска продукции, так и по численности занятых в производстве. Имело место исчезновение отдельных промышленных пунктов, как элементов территориальной структуры производства в связи с закрытием предприятий.

2. Произошло «размывание» сформированных на основе использования минеральных ресурсов промышленных узлов. Это объяснялось разрывом производственных связей между предприятиями, входившими в состав определенных технологических циклов. Главным образом это было связано с закрытием большого количества угледобывающих предприятий Донбасса.

3. Интенсивное развитие приобрел процесс диффузии промышленного производства. Основным фактором его активизации является становление и развитие в стране малого и среднего бизнеса, внедрение в производство новых технологий, малогабаритного, широкопрофильного и высокопроизводительного оборудования и т.д.

Таким образом, трансформационные процессы в промышленном производстве Украины в постсоветский период привели к формированию ресурсо- и энергоемкой экспортно-ориентированной модели экономики.

При переходе от плановой к рыночной экономике в результате «непрозрачной» приватизации стратегические отрасли промышленности перешли под контроль олигархических группировок, представленных так называемыми финансово-промышленными группами. Крупнейшими среди них являются: «System Capital Management», «Приват», «Interpipe», «Индустриальный союз Донбасса», «Финансы и кредит» и др. Это фактически сформированные транснациональные корпорации, имеющие свои подразделения во многих странах. Занимая отдельные сегменты международных рынков черных металлов, электроэнергии, продукции химической промышленности эти группы имеют достаточно высокие валютные поступления. Все это не создает для них никаких мотиваций для комплексной модернизации и структурной трансформации хозяйства, на основе повышения его наукоемкости и роста доли высокотехнологичных производств, формирования на этой основе инновационной модели экономики государства.

Таким образом, экономика страны с ее слабо диверсифицированной производственной структурой сегодня чрезвычайно уязвима к конъюнктурным колебаниям внешних рынков. В свою очередь, все это вводит в «зону» высокого риска и социальную сферу страны. Подтверждением тому является тот факт, что Украина попала в число стран, наиболее пострадавших от глобального экономического кризиса. Спад промышленного производства в 2009 году составил почти 22%.

Все это определяет настоятельную необходимость реализации стратегии перехода экономики страны на инновационную модель развития, в основе которой лежат базовые инновации 5 и 6 ЦК. Движущей силой в решении этой проблемы может стать лишь осознание государственной элитой глубины и опасности застоя, ее политическая воля и стремление к успеху.

СРАВНИТЕЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Система здравоохранения является элементом социальной защиты, а также важным сектором непроизводственной сферы экономики. Общественное здоровье населения как фактор социально-экономического развития – область, нуждающаяся в государственной поддержке и долгосрочных инвестициях. Формирование эффективно функционирующей отрасли здравоохранения необходимо для повышения качества человеческого капитала страны, обеспечения ее устойчивого развития, предотвращения угрозы здоровью населения, сокращения бюджетных расходов на оказание врачебной помощи в условиях роста распространения неинфекционных заболеваний и старения населения в европейском регионе. В этой связи представляется актуальным сравнительный анализ развития национальных систем здравоохранения стран Центральной и Восточной Европы, где наблюдается рост заболеваемости по основным группам неинфекционных болезней (онкологические, сердечно-сосудистые заболевания) и значительная дифференциация стратегий развития медицинской отрасли.

Для проведения настоящего исследования был использован функциональный подход, определяющий как детерминанты развития национальных систем здравоохранения четыре основные функции:

- предоставление медицинских услуг, осуществление мероприятий по предупреждению болезней и пропаганде здорового образа жизни;
- финансирование медицинского сектора: сбор, объединение и перераспределение финансовых средств между поставщиками услуг, защита населения от затрат, связанных с наличными выплатами за использование медицинских услуг;
- формирование кадровых и других ресурсов: инвестирование в развитие необходимых людских и материальных ресурсов;
- стратегическое управление, проведение политики в сфере здравоохранения, в том числе применение системы мониторинга и оценки результатов функционирования.

Предлагаемый методический подход комплексной оценки развития национальных систем здравоохранения основан на расчете и сопоставлении двух комплексных показателей: индекса ресурсов здравоохранения (ИРЗ) и индекса затрат на здравоохранение (ИЗЗ), которые по мнению автора позволяют достаточно достоверно и адекватно количественно оценить степень развития в национальной системе здравоохранения важнейших из перечисленных выше четырех функций.

В качестве исходных показателей-компонентов, характеризующих уровень развития ресурсов здравоохранения страны, предлагается использовать:

- обеспеченность высококвалифицированными медицинскими кадрами (количество врачей в расчете на 10 тыс. жителей) – (K1);
- обеспеченность средним медперсоналом в расчете на 10 тыс. жителей – (K2);
- обеспеченность больничными койками в расчете на 10 тыс. жителей – (K3).

Комплексный индекс затрат на здравоохранение (ИЗЗ) был рассчитан на основе двух ключевых показателей: удельный вес расходов на здравоохранение в объеме ВВП (N1); объем государственных расходов на здравоохранение на душу населения – (N2).

Статистическую базу для проведения расчетов составили официальные данные Всемирной организации здравоохранения, публикуемые в ежегодных отчетах. Анализ ситуации в сфере здравоохранения в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) позволяет говорить о значительной дифференциации показателей здоровья населения и уровня развития национальных систем здравоохранения внутри региона (табл. 1).

Показатель доли расходов на здравоохранение в объеме ВВП в регионе ЦВЕ колеблется от 4,7 % в Румынии, до 10,7 % в Республике Молдова. Республика Беларусь наряду с Македонией, Литвой, Латвией, Польшей, Россией, Румынией, Эстонией входит в группу стран, где данный показатель не превышает 6,5%. Это почти на треть ниже среднеевропейского уровня (8,8 %). За период 2000–2009 гг. средние расходы на здравоохранение увеличились в большинстве стран региона. Тем не менее, произошло снижение данного показателя в Македонии, Литве, Румынии, Сербии, Хорватии, а также сокращение доли государственного сектора в финансировании системы здравоохранения в Болгарии, Литве, Словении, Чешской Республике и Эстонии.

Среднедушевой показатель расходов на здравоохранение является составным дескриптом определения уровня развития системы здравоохранения. Коэффициент корреляции между его значением и показателем ожидаемой продолжительности жизни, рассчитанный для стран ЦВЕ, равен 0,75. По среднедушевому показателю расходов на здравоохранение в регионе лидирует Словения (свыше 1500 долл. США). К немногочисленной группе стран, где этот показатель превышает 1000 \$, относятся также Чешская Республика, Хорватия и Словакия. Эти же государства имеют самые высокие в регионе показатели уровня ожидаемой продолжительности жизни. Республика Беларусь незначительно опережает по уровню затрат на здравоохранение на душу населения Россию и почти в 2 раза превышает показатель Украины.

Меняющиеся потребности населения и модели предоставления услуг здравоохранения в странах ЦВЕ требуют наличия квалифицированных кадровых ресурсов. Динамика потребностей населения связана с изменяющейся картиной заболеваемости и демографической ситуацией, распространением новых технологий, ростом информированности и требовательности пациентов.

Уровень обеспеченности работниками здравоохранения значительно варьирует среди стран исследуемого региона. При этом в отличие от западноевропейских стран, где отмечается дефицит медицинского персонала, для ряда постсоветских стран ЦВЕ характерна унаследованная от прежних социально-ориентированных систем чрезмерно высокая удельная обеспеченность врачами и больничными койками (в отчетах ВОЗ в этом отношении употребляется термин «избыток медперсонала»). Самая высокая удельная обеспеченность врачами в странах ЦВЕ отмечается в Республике Беларусь – 49 на 10 тысяч жителей, что в 1,5 раза выше среднеевропейского уровня. Высокая обеспеченность высшим медицинским персоналом характерна также для России, Литвы.

Подобная ситуация сложилась и по обеспеченности средним медицинским персоналом. При среднеевропейском показателе 68 работников на 10 тыс. жителей, в Беларуси достигнут показатель 126, т.е., в 1,8 раза выше. Испытывая дефицит финансовых ресурсов, Беларусь одновременно является явным лидером среди стран ЦВЕ по рассматриваемому показателю. На втором и третьем месте находятся Венгрия и Чешская Республика. Высокий уровень обеспеченности средним медперсоналом характерен также для России, Украины. Самые низкие показатели отмечают

Таблица 1

Показатели развития систем здравоохранения
в странах Центральной и Восточной Европы

	Значение компонентов индекса ресурсов здравоохранения			Комплексный индекс ресурсов здравоохранения (ИРЗ)		Значение компонентов индекса затрат на здравоохранение		Комплексный индекс затрат на здравоохранение (ИЗЗ)	
	K1	K2	K3	ИРЗ	Ранг	N1	N2	ИЗЗ	Ранг
Словения	0,34	0,44	0,20	0,33	12	0,55	1,00	0,78	1
Хорватия	0,39	0,19	0,26	0,28	13	0,52	0,79	0,65	2
Чешск. Респ	0,66	0,58	0,57	0,60	3	0,38	0,91	0,64	3
Словакия	0,53	0,30	0,42	0,42	7	0,54	0,66	0,60	4
Сербия	0,24	0,05	0,27	0,19	17	0,93	0,25	0,59	5
Босния и Герцеговина	0,08	0,08	0,01	0,06	19	0,91	0,22	0,56	6
Эстония	0,58	0,35	0,29	0,18	18	0,75	0,51	0,56	7
Венгрия	0,45	0,60	0,46	0,50	6	0,48	0,62	0,55	8
Литва	0,76	0,42	0,57	0,58	4	0,27	0,49	0,38	9
Польша	0,24	0,14	0,25	0,21	14	0,30	0,43	0,37	10
Болгария	0,68	0,08	0,38	0,38	10	0,46	0,22	0,34	11
Черногория	0,24	0,17	0,12	0,41	8	0,13	0,36	0,32	12
Латвия	0,50	0,20	0,51	0,40	9	0,27	0,35	0,31	13
Беларусь	1,00	1,00	1,00	1,00	1	0,32	0,28	0,30	14
Молдова	0,42	0,30	0,35	0,36	11	1,00	0	0,25	15
Украина	0,53	0,51	0,63	0,56	5	0,39	0,10	0,25	16
Македония	0,37	0,03	0,18	0,20	16	0,25	0,22	0,24	17
Албания	0	0	0	0	20	0,41	0,05	0,23	18
Россия	0,84	0,52	0,74	0,70	2	0,14	0,27	0,21	19
Румыния	0,21	0,02	0,39	0,21	15	0,00	0,25	0,13	20

Составлено автором по данным Всемирной организации здравоохранения

ся в Албании, Македонии, Румынии, Сербии, но и они не являются критическими, превосходят уровень некоторых западноевропейских стран.

Важным индикатором развития инфраструктуры здравоохранения в стране является показатель обеспеченности больничными койками. Первое место в регионе ЦВЕ занимает Республика Беларусь, вдвое превысив средневропейский показатель. В группу с высоким уровнем обеспеченности больничными койками (свыше 80 на 10 тыс. населения) входят также Россия, Литва, Украина, Чешская Республика. Самые низкие показатели в регионе отмечаются у Албании и Боснии и Герцеговины.

Так как целью анализа являлось сравнение между странами на основе комплексных индексов, автором для более корректного их расчета на основе предложенных дескрипторов использовалась методика расчета каждого значения компонента (а затем и комплексного индекса), сходная с методикой расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), принятой в докладах о развитии человека ООН (табл. 2).

Для каждой страны рассчитывается значение (вес) каждого из рассмотренных выше показателей, а затем для расчета комплексного индекса определяется их среднее арифметическое. Вес компонентов (K_1, K_2, K_3 – ресурсы здравоохранения, N_1, N_2 – затраты на здравоохранение) для каждой страны рассчитывался по формуле:

$$K_{1,2,3} = (X_n - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}), \text{ где}$$

X_n – значение данного показателя для конкретной страны;

$X_{\min}$ – минимальное значение показателя во всей совокупности стран;

$X_{\max}$ – максимальное значение показателя во всей совокупности стран.

Комплексные индексы рассчитывались по формулам:

$$ИРЗ = (K_1 + K_2 + K_3) / 3;$$

$$ИЗЗ = (N_1 + N_2) / 2.$$

Следующим этапом исследования стала группировка стран на основе комбинированных показателей с использованием графоаналитического метода. В исследуемом регионе было выделено 4 группы стран в зависимости от соотношения между уровнем развития коечного фонда и трудоресурсного потенциала с одной стороны (ИРЗ) и уровнем затрат на медицинскую сферу (ИЗЗ) с другой.

К первой группе отнесены страны с высоким уровнем расходов на здравоохранение и развитой ресурсной базой (ИРЗ > 0,5; ИЗЗ > 0,5). В нее вошли две страны (Чешская Республика, Венгрия), где благодаря целенаправленным значительным инвестициям в развитие сферы здравоохранения достигнут высокий уровень материально-технической базы и кадрового обеспечения отрасли. Успехи в развитии здравоохранения отражают общие лидирующие позиции указанных государств по уровню социально-экономического развития стран региона.

Во второй группе представлены страны, где высокий уровень затрат на здравоохранение сочетается с более низким уровнем обеспеченности медицинскими кадрами и инфраструктурой стационарного лечения (ИРЗ < 0,5; ИЗЗ > 0,5). В нее вошли Словения, Хорватия, Словакия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина. Несмотря на более низкие показатели ИРЗ в данной группе стран наблюдаются одни из самых высоких в регионе показатели ожидаемой продолжительности жизни (свыше 73 лет) и степени удовлетворенности населения качеством здравоохранения (более 50%). Это подтверждает тезис о том, что уровень финансирования, его рациональное распределение и эффективное использование определяют успешность функционирования сферы здравоохранения в большей степени, чем формальное достижение высоких показателей обеспеченности коечным фондом и медперсоналом.

В третью группу вошли Беларусь, Россия, Украина и Литва, выделяющиеся значительной ресурсной базой, в значительной степени сформированной в советский период, но одновременно – невысокими показателями затрат на здравоохранение и недостаточной эффективностью их использования, на что указывают низкие показатели продолжительности жизни и степени удовлетворенности населения услугами здравоохранения (Беларусь – 32 %, Россия – 29 %, Украина – 17 %).

Четвертая группа стран самая многочисленная. В нее вошли 8 государств с разнонаправленными процессами в развитии национальных систем здравоохранения, для которых значения расчетных комплексных индексов составляют менее 0,5, что свидетельствует о недостаточном финансировании и развитии материально-технической базы отрасли. Для большинства стран группы (Румыния, Албания, Молдова и др.) характерна низкая степень удовлетворенности населения качеством здравоохранения.

Таблица 2

Рейтинг стран Центральной и Восточной Европы по комплексным индексам ресурсов и затрат на здравоохранение

Страна	Кол-во врачей*		Кол-во медсестер*		Кол-во больничных коек*		Расходы на здравоохранение		Удельные госрасходы на здравоохранение		Ожидаемая продолжительность жизни	
	на 10 тыс. чел	Ранг	на 10 тыс. чел.	Ранг	на 10 тыс. чел.	Ранг	% от ВВП	Ранг	на 1 жителя, долл. США	Ранг	лет	Ранг
Албания	11	20	40	20	29	20	7,0	10	208	19	73	10-13
Беларусь	49	1	126	1	121	1	6,5	13	528	11	70	16
Босния и Герцеговина	14	19	47	16	30	10	9,8	3	436	13	73	10-13
Болгария	37	4	47	15	64	19	7,3	9	477	17	73	10-13
Венгрия	28	10	92	2	71	7	7,4	8	980	5	74	6-9
Латвия	30	9	57	11	76	6	6,2	16	620	10	71	15
Литва	40	3	76	7	81	4	6,2	15	809	7	72	14
Македония	25	13	43	18	46	17	6,1	17	439	16	66	20
Молдова	27	11	66	9	61	11	10,3	1	142	20	69	17
Польша	20	15	52	14	52	15	6,4	14	733	8	76	3-4
Россия	43	2	85	4	97	2	5,4	18	512	12	68	18-19
Румыния	19	18	42	19	65	9	4,7	20	475	14	73	10-13
Сербия	20	16	44	17	54	13	9,9	2	475	15	74	6-9
Словакия	31	7	66	10	68	8	7,7	6	1040	4	75	5
Словения	24	14	78	6	47	17	7,8	5	1501	1	79	1
Украина	31	8	84	5	87	3	6,9	11	274	18	68	18-19
Хорватия	26	12	56	12	53	14	7,6	7	1216	3	76	3-4
Чешская Республика	36	5	90	8	81	12	6,8	12	1385	6	77	2
Черногория	20	17	55	3	40	5	8,9	4	633	2	74	6-9
Эстония	33	6	70	13	56	18	5,4	19	836	9	74	6-9

Рассчитано автором по данным Всемирной организации здравоохранения.

Следует отметить, что проведенный автором корреляционный анализ между показателем ожидаемой продолжительности жизни и индексом ресурсов здравоохранения показал отсутствие значимой связи, при этом комплексный индекс затрат на здравоохранение и показатель ожидаемой продолжительности жизни показали прямую корреляционную зависимость (0,683). Парная линейная корреляция между показателем удовлетворенности качеством здравоохранения, опубликованным в Докладе ООН о развитии человека (2010 г.) и комплексным индексом ресурсов здравоохранения показала отсутствие значимой связи и наличие тесной связи (0,769) между показателем удовлетворенности качеством здравоохранения и комплексным индексом затрат.

Проведенный анализ показывает, что на современном этапе развития отрасли здравоохранения в странах ЦВЕ экстенсивный подход, связанный с высокозатратным содержанием значительного коечного фонда и высокой плотности сети врачебной помощи, является недостаточно эффективным и не обеспечивает рост продолжительности и качества жизни. В этой связи представляется целесообразным определение путей эффективного реформирования национальных систем здравоохранения с учетом передового зарубежного опыта, внедрение рыночных механизмов.

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ¹

Исследование качества населения – одно из относительно новых направлений общественно-географических исследований [1, 2, 3 и др.]. Гораздо большее внимание в последние годы уделялось исследованию различных аспектов качества жизни населения. По нашему мнению «качество населения» и «качество жизни населения» понятия близкие и взаимопересекающиеся, но не идентичные. Как справедливо отметил Я.И. Рубин «качество населения» отражает внутренние свойства населения, а качество жизни населения – внешние условия его жизнедеятельности [4].

Под качеством населения в данном исследовании понималась совокупность внутренних характеристик населения, позволяющая ему выполнять свои социальные и биологические функции [5, с. 42–44]. Очевидно, что качество населения – комплексная характеристика некой совокупности людей, населяющих определённую территорию (территориального социума, а не индивидуальная характеристика той или иной личности). Поскольку свойства или разные качества населения территории определяются уровнем и качеством жизни населения, качество населения может выступать как агрегированная характеристика развития территории. Будучи агрегированной характеристикой регионального развития, качество населения должно быть основной заботой государства, поскольку развитие образования, здравоохранения, науки и культуры выступают только в качестве непременно-го условия повышения качества населения [6].

Качество населения может быть охарактеризовано с позиций здоровья населения, его демографических характеристик, уровня образования, культуры, традиций, нравственных и духовных качеств. Проблема научного анализа многочисленных свойств, присущих тому или иному территориальному социуму, остаётся весьма сложной, поскольку многие характеристики населения в силу ограниченности региональной социально-экономической статистики и субъективных подходов к их оценке исследовать затруднительно.

Для оценки качества населения в данном исследовании были отобраны некоторые из его базовых характеристик [5, с. 252–258]: здоровье, образование и основные демографические характеристики, отражающие возрастную структуру и процессы естественного прироста населения. Агрегированный индекс качества населения (Икн) был получен как среднее арифметическое трёх частных индексов: индекса здоровья населения (Изн), индекса образования населения (Ион) и индекса устойчивости демографического развития (Иудр), который отражает совокупность демографических характеристик населения.

Изн был рассчитан на основе общей смертности населения того или иного региона как отношение смертности населения в регионе к смертности населения в стране в 2009 г. Выбор этого показателя для характеристики здоровья населения был обусловлен тем, что смертность населения исключает субъективизм в оценке здоровья населения. Основоположник научной гигиены в России Ф.Ф. Эрисман, в силу вышесказанного, рекомендовал использовать для оценки здоровья населения именно этот показатель [7].

¹ Исследование проведено в рамках гранта БРФФИ № Г10РП-006

Ион был рассчитан как совокупная продолжительность обучения в годах всего взрослого населения в возрасте старше 15 лет. Данные для оценки уровня образования населения регионов Беларуси были взяты из материалов переписи населения, проведенной в Республике Беларусь в 2009 г.

Иудр регионов Беларуси был рассчитан как среднее арифметическое трёх частных индексов: индекса воспроизводства населения (отношение числа родившихся к числу умерших в 2009 г., Ивн), индекса обеспеченности трудовыми ресурсами (отношение числа лиц в трудоспособном возрасте к числу лиц в нетрудоспособных возрастах, Иотр) и индекса регрессивности (прогрессивности) возрастной структуры населения (Ирвсн), рассчитанного как отношение численности лиц в возрасте моложе трудоспособного к численности лиц в возрасте старше трудоспособного. Показатели естественного прироста по регионам Беларуси были взяты по результатам текущего учёта населения, а показатели возрастной структуры населения – по результатам переписи 2009 г.

Всего для оценки качества населения регионов Беларуси были использованы 14 исходных статистических показателей. Все использованные статистические показатели можно найти как на уровне субнациональных (областей Беларуси) и базовых (административных районов) регионов страны. Простота расчётов и возможность использования описанной выше методики для оценки качества населения регионов разного иерархического уровня в Беларуси и других странах СНГ представляется её важным достоинством. В силу вышесказанного, разработанная методика оценки качества населения может быть широко использована в региональных исследованиях.

Белорусские регионы в составе пограничья двух стран представлены тремя областями: Витебской, Могилёвской и Гомельской. В составе рассматриваемого полигона 63 административных района и 7 городов областного подчинения (Полоцк, Новополоцк, Витебск, Орша, Могилёв, Бобруйск, Гомель). Оценка качества населения осуществлялась по 63 регионам белорусского пограничья, поскольку города областного подчинения и соответствующие районы рассматривались в качестве единых регионов.

По качеству населения в целом и большинству его частных индикаторов белорусские регионы российско-белорусского пограничья уступают средним по стране показателям. Наиболее актуальны для полигона исследования проблемы демографического развития и низкий уровень здоровья населения. Особенно остро эти проблемы стоят в Витебской области, где отмечается наиболее низкое из всех областей Беларуси качество населения (Икн 0,931). В Витебской области рождаемость компенсирует смертность только на 60,8 %, возрастная структура населения в этом регионе расбалансирована и регрессивна из-за высокой доли лиц в возрасте старше трудоспособного и низкой доли детей. Высокая доля пенсионеров предопределяет самый высокий в белорусском пограничье уровень смертности населения.

Среди положительных характеристик населения областей белорусской части пограничья России и Беларуси необходимо отметить высокий уровень образования населения и высокую обеспеченность трудовыми ресурсами. Следует отметить, что высокая обеспеченность трудовыми ресурсами, будучи главным фактором обеспечения достаточно высокого уровня устойчивости демографического развития, носит временный характер и обусловлена в последние два десятилетия резким уменьшением детского населения рассматриваемой территории.

Если области белорусского пограничья относительно близки по основным характеристикам населения, то разница между административными районами весь-

ма значительна. Особенно велики различия между белорусскими регионами российско-белорусского пограничья в основных демографических индикаторах.

Жлобинский район Гомельской области является единственным районом пограничья с прогрессивной возрастной структурой населения и его расширенным воспроизводством. Причина этого заключается в активном росте Жлобина как главного центра чёрной металлургии Беларуси. По значению Ирвсн и Ивн Жлобинский район превышает другие регионы Беларуси с наименьшими значениями вышеназванных индикаторов в 2,4–3,0 раза. По смертности населения регионы пограничья отличаются почти в 2,2 раза.

Различия по качеству населения между регионами пограничья также превышают двухкратную величину (Мозырский район Гомельской области и Докшицкий район Витебской области). Большая глубина различий по качеству населения позволяет разделить все административные районы белорусской части российско-белорусского пограничья на три основные группы: с высоким (Икн более 1,000), средним (Икн 0,851–1,000) и низким (Икн 0,850 и менее) качеством населения (рис. 1).

Рисунок, отображающий качество населения административных районов белорусской части российско-белорусского пограничья позволяет выявить три важнейшие закономерности пространственного распределения этого показателя:

1. Качество населения закономерно уменьшается от крупнейших городских центров, ставших ядрами внутриобластных систем расселения и социально-экономических районов (СЭЭР) пограничья к районам окружающей их мелкогородской и сельской периферии, т.е. отражает центр-периферийные закономерности размещения, присущие большинству социально-экономических показателей. Всего в белорусском пограничье сформировалось восемь СЭЭР, как систем жизнеобеспечения крупнейших городских поселений на востоке Беларуси [8]. При этом четыре района пограничных областей Беларуси тяготеют к региональным центрам Минской области. Среди СЭЭР пограничья семь являются моноцентрическими и один полицентрическим. В моноцентрических СЭЭР резко доминирует один крупный региональный центр (регионополис). В Мозырском моноцентрическом СЭЭР в качестве регионополиса выступает парный, т.е. практически сросшийся город Мозырь-Калинковичи.

2. Качество населения административных районов Беларуси существенно повышается в направлении с севера на юг, с Белорусского Поозерья к Полесью (градиент север-юг). Если в Витебской области Икн составляет только 0,931, в Могилёвской области – 0,980, то в Гомельской области – 0,996. Основная причина этого – более остро стоящие перед Витебской областью проблемы демографического развития, вызванные большей истощённостью её демографического потенциала.

3. На востоке Могилёвской области в Посожье сформировался сплошной ареал со средним качеством населения. Основная причина его формирования – отсутствие крупных городских центров, что обусловило слабое проявление здесь центр-периферийных закономерностей распределения показателей социально-экономического и демографического развития. В сформировавшемся в Посожье полицентрическом Кричевском СЭЭР сложились три региональных центра с измеримыми и небольшими демографическим и экономическим потенциалами – города: Кричев, Климовичи и Костюковичи.

Из трёх выявленных пространственных закономерностей распределения качества населения по регионам белорусской части пограничья России и Беларуси первая закономерность носит наиболее яркий характер. Центр-периферийный гра-

Рис. 1. Качество населения административных районов белорусской части российско-белорусского пограничья (схема социально-эколого-экономического районирования пограничья [8])

диент в качестве населения административных районов Беларуси проявляется не только на уровне центров СЭЭР, сформировавшихся в Беларуси, и их периферийных районов, но и на уровне регионов полупериферии. Последняя группа регионов характеризуется размещением в них средних городов с населением 50-100 или 20-50 тыс. чел., которые выступают в качестве субрегиональных центров, помогающих регионополисам «держать» территорию. Субрегиональные центры имеют средние относительно регионов регионополисов и периферийных регионов параметры качества населения и его частных индикаторов. В пределах трёх областей пограничья сложились семь субрегиональных центров. Это города: Поставы, Горки, Осиповичи, Светлогорск, Жлобин, Рогачёв и Речица.

Поскольку в Республике Беларусь как и в Российской Федерации активно идут процессы регионополизации [9], т.е. повышения роли в региональном развитии регионополисов и в меньшей степени – субрегиональных центров, вызванные концентрацией в них более молодого и образованного населения, ростом их экономического потенциала, можно ожидать, что центр-периферийная закономерность распределения качества населения характерна и для регионов России, в том числе и для регионов российской части пограничья двух стран, в пределах которой сформировались, как и в белорусском пограничье, восемь СЭЭР: Псковский, Великолукский, Смоленский, Сафоновский, Рославльский, Брянский и Клинцовский. Процессы регионополизации формируют неоднородное пространство социально-экономического, демографического и экологического развития, т.е. трансформируют территорию в поляризованную и деконцентрированную из-за множественности регионополисов, следовательно, модель поляризованной деконцентрации, отражающая реальные процессы трансформации территории, должна быть положена в основу любых схем и стратегий регионального развития пограничных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь, разрабатываемых на государственном уровне.

Библиографический список

1. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель // Народонаселение. – 2004. – №3. – С. 17–27.
2. Жулина, М.А. Качество населения как категория социально-экономической географии // Теория и практика социально-экономической географии. – Самара, 2002. – С. 79–82.
3. Жулина, М.А. Основные подходы к исследованию термина «качество населения» / М.А. Жулина и [др.] // Территориальные общественные системы: проблемы делимитации, развития, управления. – Пермь, 2005. – С. 236–242.
4. Рубин, Я.И. Потенциалы устойчивого развития // Проблемы повышения качества и уровня жизни населения Республики Беларусь. – Минск, 2001. – С. 23–36.
5. Ридевский, Г.В. Территориальная организация Республики Беларусь: социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию. – Могилёв, 2007. – 525 с.
6. Лаппо, Г.М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. – 2004. – №1. – С. 3–12.
7. Жумагулова, Г.Н. Здоровье населения как индикатор качества окружающей среды // Социально-экономическая география в Казахстане. – Алма-Ата, 1990. – С. 115–116.
8. Ридевский, Г.В. Моделирование социально-экономического и экологического развития приграничных регионов России и Беларуси // Российско-белорусское порубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем. – Псков, 2005. – С. 251–282.
9. Ридевский, Г.В. Три модели сжатия пространства и процесс регионополизации как процесс сжатия пространства на внутристрановом уровне // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М.: Эслан, 2010. – С. 49–59.

Рыбкина И.Д. (г. Барнаул)

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СХЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В условиях демографического кризиса в стране исследование процессов динамики естественного и механического движения населения отдельно взятого региона является актуальной научной проблемой. Несмотря на то, что в большинстве административных территорий России наблюдаются признаки типичности демографи-

ческой ситуации: низкая рождаемость, высокая смертность, естественная убыль, указанные тренды имеют территориальную специфику и требуют детального изучения.

В Алтайском крае проживает почти 2,5 млн. человек, в т.ч. в городах 53,7 % и в сельских муниципальных районах – 46,3 %. Край является типично неблагоприятным регионом в отношении демографической ситуации. Начиная с 1992 года, здесь отмечается естественная убыль населения, а с 2001 года – отрицательное миграционное сальдо. Современное демографическое положение характеризуется сокращением численности проживающего населения (за 1995-2009 гг. на 7,3 %). Рождающееся поколение не восполняет поколения своих родителей, происходит интенсивный процесс старения населения, уменьшается число детей. Обострение демографической ситуации также связано с ростом преждевременной смертности и падением средней продолжительности жизни.

Существующий демографический прогноз Росстата не утешителен [1] и свидетельствует о дальнейшем сокращении численности населения края, темпы которого составят 3-12 % к 2026 г. и 4-18 % – к 2030 г. от уровня 2008 года (при разных сценариях развития ситуации от оптимистического до инерционного и пессимистического) [2]. Как отмечают специалисты [3, 4, 5] темпы сокращения числа жителей будут максимальными (16–18 %) в сельских муниципальных районах края.

На современном этапе развития региональной политики территориальная дифференциация основных демографических процессов в административных образованиях края не учитывается, а существующая программа демографической политики больше направлена на поддержание уровня медицинского обслуживания в городах и районах субъекта. Между тем, при разработке схем территориального планирования муниципальных районов требуется детализация демографической информации с привязкой к конкретным сельским поселениям и административным центрам. Наш собственный опыт участия в 20 проектах свидетельствует также о необходимости учета ретроспективной оценки демографической ситуации в районах и пролонгации имеющихся тенденций в будущем.

С этой целью нами произведены анализ трендов основных демографических процессов (естественный прирост/убыль, миграционный прирост/убыль) и расчет предположительной численности населения муниципальных районов края на перспективу до 2025 года по формуле [6]. Сразу отметим, что полученные таким образом результаты существенно отличаются от опубликованных демографических прогнозов Росстата.

$$S = \frac{S_0(1 + K_{\text{общ.п.}})^n}{1000},$$

где S – перспективная численность населения, S_0 – начальная или современная численность населения, $K_{\text{общ.п.}}$ – коэффициент общего прироста населения (сумма коэффициентов естественного и механического прироста), n – количество лет прогноза.

Результаты анализа показывают, что в пределах Алтайского края сложилась значительная дифференциация муниципальных образований по интенсивности проявления основных демографических процессов. При общих тенденциях в крае естественный и миграционный прирост имеют отрицательные значения и в отдельные годы, и за период 1990–2008 гг. в целом (в среднем население одного муниципального района сокращается на 102 чел./год). Подобными процессами охвачено большинство административных территорий, в том числе, Алтайский, Волчи-

хинский, Калманский, Новичихинский, Панкрушихинский, Петропавловский, Угловский, Чарышский, Шелаболихинский районы. Однако статистический анализ динамики показателей естественной и миграционной убыли или прироста населения районов позволяет территориально дифференцировать степень неблагополучия демографической ситуации с выделением следующих градаций основных демографических трендов (на примере рассматриваемых муниципальных районов):

- естественная и миграционная убыль населения с уменьшением числа жителей на 160–240 и более человек в год – Алтайский, Волчихинский, Калманский, Панкрушихинский, Чарышский и Шелаболихинский районы;
- естественная и миграционная убыль населения с сокращением числа жителей на 80–160 человек в год – Новичихинский, Петропавловский, Советский, Угловский районы;
- естественная убыль и миграционный прирост населения с ежегодным уменьшением числа жителей на 80–160 человек – Зональный и Пospelихинский районы;
- естественная убыль и миграционный прирост населения при сокращении числа жителей на 1–80 человек в год – Михайловский район;
- сохранение тенденций естественной убыли населения на фоне миграционного прироста с увеличением численности проживающего населения на 1–80 и более человек в год – Рубцовский и Павловский районы (причем рост числа жителей последнего составляет более 300 человек в год).

Существующие тенденции основных демографических процессов позволяют провести расчет предположительной численности населения изучаемых районов, отметить тренды демографического развития территорий и по возможности сформулировать первоочередные мероприятия региональной демографической политики. Например, в Калманском, Новичихинском, Панкрушихинском, Чарышском, Шелаболихинском районах численность населения к 2025 году, по нашим оценкам, сократится на 15–20%. Это, пожалуй, одни из самых неблагополучных по демографической ситуации районов края. Они характеризуются высокими темпами сокращения числа жителей, что требует незамедлительного вмешательства властей для стабилизации демографического состояния. В эту группу вошли районы с разным статусом экономико-географического положения (так, Калманский район является пригородным, Чарышский – отдаленным и труднодоступным), вместе с тем, все они имеют сравнительно низкий уровень социально-экономического развития. Демографическая политика здесь должна в большей степени являться составляющей программы социально-экономического развития муниципального образования и быть направлена на обеспечение занятости жителей, организацию работы дошкольных образовательных учреждений, повышение качества и уровня жизни населения.

Средние темпы сокращения численности населения (7–15 %) будут наблюдаться в Волчихинском, Зональном, Петропавловском и Угловском районах. Программы по улучшению демографической ситуации в таких районах могут быть направлены на повышение уровня медицинского обслуживания населения, развитие системы здравоохранения в целом, и в частности специализированных отделений больниц по родовспоможению, пропаганду здорового образа жизни, оказанию помощи в трудоустройстве и предоставления жилья молодым семьям.

Низкие темпы (1–6 %) сокращения численности населения будут отмечаться в Алтайском, Михайловском, Пospelихинском, Советском районах. В Рубцовском и Павлов-

ском районах предполагается увеличение числа жителей на 3,8 % и 13,2 %, соответственно. Некоторые из приведенного списка районы выгодно отличаются сформировавшимися точками социально-экономического роста и не требуют каких-либо специфических мероприятий в рамках существующей региональной демографической политики, при этом намеченные мероприятия могут являться составной частью проводимой социокультурной политики в районах. В других необходима реализация адресной социально-демографической программы, в рамках которой должна осуществляться помощь многодетным и/или малообеспеченным семьям.

Таким образом, изучение территориальной дифференциации основных демографических процессов на уровне муниципальных образований позволяет скорректировать региональную политику в субъекте, повысить эффективность административного управления в районах, наполнить основные положения схемы территориального планирования первоочередными мероприятиями по социально-экономическому развитию, что всегда вызывает сложность при разработке проектов, а главное определить реальные пути решения демографических проблем.

Библиографический список

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года: Стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2009.
2. Демографический ежегодник Алтайского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – Барнаул, 2009. – 152 с.
3. Население Алтайского края и перспективы экономического развития территории: ретроспектива, состояние, тенденции / В.М. Мочалов, А.И. Давыдова, Н.Ф. Шадрин. – Барнаул: изд-во ОАО «Алтайский Дом печати», 2007. – 316 с.
4. Аналитическая записка «Демографические тенденции и перспективы народонаселения в Алтайском крае» / Подготовлено информационно-аналитическим отделом Алтайского Совета народных депутатов. Отв. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул, 2006. – 26 с.
5. Альтернативная стратегия социально-экономического развития Алтайского края (концепция) / отв. ред. В.В. Мищенко. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2007. – 98 с.
6. Статистика: учеб. пособие / А.В. Багат, М.М. Конкина, В.М. Симчера и др.; под ред. В.М. Симчеры. – М.: Финансы и статистика, 2008. – С. 183.

Савчук И.Г. (г. Киев)

РОЛЬ ГОРОДОВ УКРАИНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СООБЩЕНИЯХ ПАССАЖИРСКИХ ПОЕЗДОВ ВНУТРЕННЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Актуальность. Пассажирское сообщение играет важную роль в налаживании и поддержании связей между жителями разных стран и во всем комплексе межгосударственных отношений. Они являются индикатором интенсивных контактов между гражданами различных стран.

Теория. Международное пассажирское железнодорожное сообщение выполняет такие функции: символическую (внешнеполитическая целесообразность развития международных связей), экономическую (участие во внешней торговле стран, в частности между их регионами, где находятся конечные станции следования поездов и беспересадочных вагонов) и социально-коммуникативную (наличие такого вида пассажирского сообщения позволяет поддерживать устойчивые личные связи и международную миграцию).

Под международными пассажирскими железнодорожными поездами и беспересадочными вагонами внутреннего формирования мы понимаем те из них, которые имеют одну из конечных станций следования в Украине.

База данных. В основе исследования лежит открытая информация о постанционном движении международных пассажирских железнодорожных поездов и беспересадочных вагонов (свободный доступ на официальном сайте ОАО «Укрзалізниця» («УЗ») <http://www.uz.gov.ua/> состоянием на 10.01.2007 г.). Автор анализирует исключительно международные пассажирские железнодорожные поезда и беспересадочные вагоны, следующие по зимнему расписанию.

Создана база данных по всем международным пассажирским поездам и беспересадочным вагонам, пересекающим Украину, насчитывает 5845 перегонов, по которым они перемещались, следуя по основному расписанию в 2007 г.

На основе этих данных сформировано таблицы, содержащие такую информацию: номер поезда/беспересадочного вагона, маршрут их следования, города в которых находятся их конечные станции. Для каждого поезда и беспересадочного вагона подсчитано количество рейсов в неделю (интенсивность движения), совершенных по основному расписанию.

Методика исследования. Чтобы понять, насколько важным является международное пассажирское железнодорожное сообщение для регионов страны, необходимо выявить города, являющиеся конечными станциями следования поездов данного вида. Это позволит определить транспортную доступность данных городов в системе международных связей, которая способствует усилению их конкурентных преимуществ. Для достижения данной научной цели официальное расписание движения международных железнодорожных пассажирских поездов и беспересадочных вагонов было систематизировано по перегонам по каждому из них. Потом было подсчитано количество и частота их рейсов в неделю (интенсивность движения) по каждому из перегонов и по железнодорожным станциям.

На втором этапе создается серия картографических произведений по различным показателям, раскрывающим главные экономические и территориальные особенности международного пассажирского железнодорожного сообщения Украины. Для этого используются, однотипные методы картографирования (метод локализованных значков). В качестве карты-основы была избрана проекция с центральным меридианом по г. Киеву, что позволило показать равноискаженное размещение стран, граничащих с Украиной (рис. 1, 2).

На завершающем этапе проводится географический анализ на различных пространственных уровнях, позволяющий выявить геоэкономические, геополитические и геоисторические особенности международного пассажирского сообщения Украины.

В 2007 г. через Украину проходили 139 международных пассажирских железнодорожных поездов и 76 беспересадочных вагонов. Большинство из них составляли поезда (89,29 %) и беспересадочные вагоны (60,00 % от их общего числа) внутреннего формирования. Именно поэтому они выбраны для определения роли городов в международном пассажирском железнодорожном сообщении Украины.

Конечные станции следования поездов внутреннего формирования поездов в пределах Украины группируются в 20 городах государства, из них 15 – центры административно-территориальных единиц первого уровня. Следовательно, их

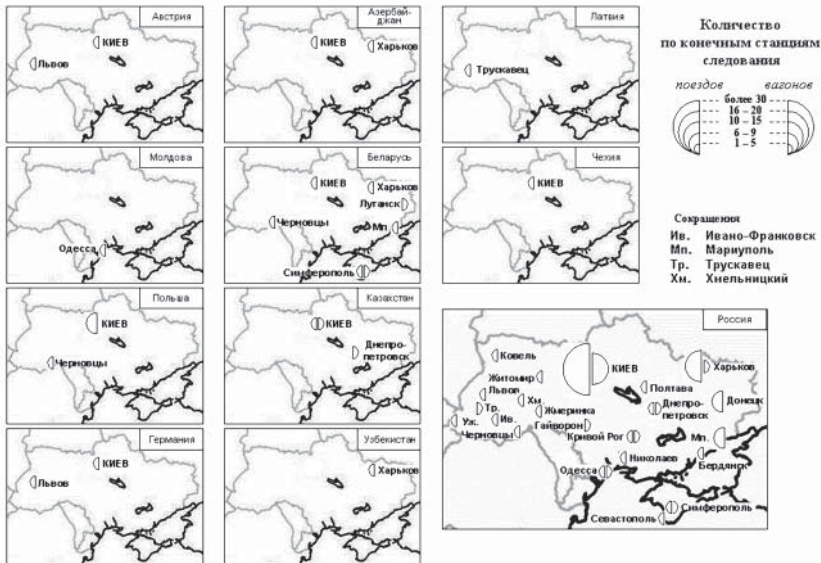

Рис. 1. Распределение международных пассажирских железнодорожных поездов и беспересадочных вагонов внутреннего формирования по странам (состоянием на 01.01.2007 г.).

Рис. 2. Распределение международных пассажирских железнодорожных поездов и беспересадочных вагонов внутреннего формирования по конечным станциям (состоянием на 01.01.2007 г.).

услугами может воспользоваться население большей части территории страны. За исключением таких важных железнодорожных узлов как Жмеринка и Ковель, а также курортного центра Бердянск, все конечные станции следования международных пассажирских железнодорожных поездов внутреннего формирования в Украине находятся в центрах её межрегиональных систем расселения (эффект метрополии). Формирование таких поездов преимущественно в крупнейших экономических центрах страны позволяет утверждать, что часть пассажиров использует их для посещения с деловыми целями иностранных государств.

Прослеживается четкая градация городов по количеству таких поездов с ярко выраженной макроцефалией столицы Украины – Киева, где формируется 30 международных пассажирских железнодорожных поездов внутреннего формирования (эффект столичности). По данному показателю выделяются также региональные центры востока страны. Такая четкая иерархия в размещении в городах конечных станций их следования позволяет утверждать, что она сформировалась в соответствии с положениями теории Кристаллера–Лёша под воздействием эффекта метрополии. При этом лишь четыре украинских города являются конечными станциями международных пассажирских железнодорожных поездов внутреннего формирования, которые курсируют в западном направлении, тогда как в восточном направлении такие поезда ходят из двадцати городов страны (рис. 1, 2).

Доминирование восточного направления следования международных пассажирских железнодорожных поездов внутреннего формирования из Украины (90 поездов из 20 городов), по нашему мнению, связано с действием эффекта исторической инерции. Под воздействием эффекта столичности, с небольшим отрывом лидируют два города: современная столица государства – Киев (22) и Харьков – столица Украинской ССР с 1918 по 1933 гг. (19 поездов). После них идут города преимущественно востока Украины (рис. 1).

В западном направлении курсируют лишь 19 международных пассажирских железнодорожных поездов внутреннего формирования из 4 городов Украины (рис. 1, 2). Как видно на рис. 1, в Киеве формируется 10, в Одессе – 4, Львове – 3 и Черновцах – 2 таких поезда. Такая ступенчатая форма распределения международных пассажирских железнодорожных поездов по крупнейшим городам Украины, размещенных вблизи западного сегмента её государственной границы, говорит об использовании преимуществ их приграничного положения и во многом она связана с действием эффектов исторической инерции и метрополии. Наиболее разнонаправленное пассажирское сообщение такого типа имеет столица Украины – Киев и бывший административный центр Королевства Галиции и Лодометрии – Львов, хотя наибольшее количество поездов курсирует между Одессой и Кишиневом (эффект столичности и исторической инерции).

Анализ размещения конечных станций по городам внутри страны необходимо дополнить изучением их локализации в городах за её пределами. Это позволит выявить глубину проникновения регулярных контактов между населением Украины и других стран, а также определить зарубежные города, имеющие конкурентные преимущества при осуществлении таких связей.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Важнейшей составной частью государственной социальной политики является обеспечение эффективного функционирования системы здравоохранения в регионах страны. Сложившаяся критическая демографическая ситуация в России (падение рождаемости, рост смертности, естественная убыль, рост заболеваемости населения) после 1991 года совпала с проводимыми преобразованиями в системе здравоохранения. Произошло резкое сокращение финансирования здравоохранения в стране, началось формирование платной сети здравоохранения, возникла система обязательного медицинского страхования. Ухудшение демографической ситуации и состояния здравоохранения в России объективно потребовали экстренного принятия государственных решений. С 2005 года реализуются два взаимосвязанных национальных проекта «Демографическое развитие» и «Здоровье», решающих общую задачу – улучшение качества жизни населения.

Состояние здравоохранения специалисты характеризуют как самое худшее в социально-экономической сфере России. По уровню реальных доходов населения Россия среди 210 стран мира занимает 55-е место, по образованию – 30-е, по продолжительности жизни и уровню смертности мужчин – 136-е место, а женщин – 91-е место. По ожидаемой продолжительности жизни Россия отстаёт от Японии на 16,4 года, от США – на 12 лет, от Китая – на 5,7 года. В настоящее время только в России из всех стран мира мужчины живут на 12 лет меньше женщин, а в трудоспособном возрасте их умирает в 4 раза больше, чем женщин [1, с. 81–82]. Общий коэффициент смертности населения страны, т.е. число умерших от всех причин на 1000 человек населения, увеличивается с 1990 г. Его первый пик наблюдался в 1995 г., потом было некоторое улучшение, но с 1998 г. смертность постоянно росла. В 2010 году смертность в России составила 14,3 промилль.

В 2006 г. основными причинами смерти являлись болезни системы кровообращения – 59,6 % (т.е. 1 млн. 292 тыс. из 2 млн. 167 тыс. умерших); внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, самоубийства и убийства и т.п.) – 13,1%, новообразования – 13,2%, болезни органов дыхания – 3,8%, болезни органов пищеварения – 4,1%, от инфекционных болезней умерли – 1,7% [4, с.122].

Сложившаяся демографическая ситуация находит отражение в показателях здоровья населения России. Общая заболеваемость населения России постоянно растёт: она увеличилась с 158,3 млн. случаев в 1990 г. до 207,8 млн. в 2006 г., т.е. на 31% (в пересчёте на 100 тыс. населения заболеваемость увеличилась на 36,5% [4, с. 279]. При этом число случаев болезней на 100 тыс. населения, приводящих к высокой смертности (болезни системы кровообращения и новообразования), увеличилось соответственно на 96% и 61%. Число болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани, приводящих к высокой доле инвалидности населения, выросло на 89%.

При анализе показателей постоянной нетрудоспособности обращает на себя внимание, что численность лиц трудоспособного возраста (18 лет и старше), впервые признанных инвалидами, незначительно меняется по годам и составляет око-

ло 550 тыс. человек в год, или 40–55%, впервые признанных инвалидами. Это говорит о невысоком качестве медицинской помощи и неадекватной социальной реабилитации. Всего инвалидов в России 11,5 млн. человек.

Последствия демографического кризиса для России могут быть весьма ощутимы, так как к 2050 году Россия может потерять 30% населения: численность сократится со 142,8 млн. до 100 млн. человек. По данным ВОЗ, за период 2005–2015 гг. потери ВВП в России из-за преждевременных смертей населения от инфарктов, инсультов и осложнений сахарного диабета могут составить 8,2 триллиона руб. (в 2006 г. объём ВВП в России равнялся 24,4 трлн. руб.) [5, с. 11].

Следствием ухудшения демографической ситуации в Российской Федерации является стремительное сокращение населения с 1992 года и по сей день, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России в XXI веке. Все большую тревогу вызывает ситуация, при которой поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей, страна до 2005 года ежегодно теряла по 700–800 тыс. человек. Начиная с 1992 г. смертность в России устойчиво превышает рождаемость. За 17 лет (1992–2008 гг.) разница между количеством родившихся и количеством умерших в России составила 12,8 млн. человек. Абсолютная убыль населения (с учетом 4,8 млн. въехавших мигрантов из-за рубежа) составила за этот период 8,0 млн. (около 470 тыс. человек в среднем за год).

Общая заболеваемость населения Республики Башкортостан (РБ) за 1990–2005 годы выросла на 68,8%, за период реализации национального проекта «Здоровье» – на 11,9%. Это свидетельствует о том, что в 1991–2005 годы недостаточное внимание здоровью населения, выразившееся в недофинансировании здравоохранения в регионах, привело к ухудшению состояния здоровья населения в РБ. В структуре заболеваемости населения Башкирии наибольшие показатели, как в целом, так и в расчете на 1000 человек, распределяются по группам болезней следующим образом: на первом месте – болезни органов дыхания, на втором месте – болезни системы кровообращения, на третьем месте – болезни органов пищеварения. Наблюдаемая структурная трансформация численности населения республики под влиянием процессов его старения обуславливает увеличение распространенности возрастнo-зависимой патологии (болезни системы кровообращения; новообразования; урологические заболевания; старческие переломы и другая костно-мышечная патология; психические нарушения). В связи с этим можно прогнозировать увеличение риска смерти от названных причин.

Реформирование в системе здравоохранения РБ сопровождалось возрастанием объемов предоставляемых платных медицинских услуг населению. В 2000 году объем оказываемых платных медицинских услуг населению Башкирии составил 770 млн. рублей или 15,4% от объема бюджетного финансирования здравоохранения республики. В 2008 году доля предоставляемых платных медицинских услуг населению РБ в объемах бюджетного финансирования здравоохранения увеличилась уже до 28,3%. Объем платных медицинских услуг на душу населения в Республике Башкортостан выше, чем в Российской Федерации на 20,4%. Среди 83 субъектов РФ Республика Башкортостан по объему платных медицинских услуг на душу населения занимает 13-е место. Объем оказываемых платных санаторно-оздоровительных услуг на душу населения в Республике Башкортостан выше, чем в среднем по Российской Федерации на 70%. Среди 83 субъектов РФ Республика Башкортостан по объему платных санаторно-оздоровительных услуг на душу на-

селения занимает 4-е место. При этом по Российской Федерации объем предоставляемых платных услуг физической культуры и спорта на душу населения составляет 111 рублей, а в Республике Башкортостан – 68 рублей, то есть меньше на 38,7%. Среди 83 субъектов Российской Федерации РБ занимает по этому показателю 26-е место [3, с.156].

За период 1990–2008 гг. материально-техническая база здравоохранения РБ характеризуется высокой степенью не только физического, но и морального износа, требует значительного финансирования и внедрения инноваций. Значительное число зданий больниц и поликлиник, особенно в сельской местности, имеют недостаточную мощность. Для РБ характерна значительная региональная дифференциация оказания медицинской помощи – выполнение сложнейших операций и осуществление дорогостоящего лечения только в столице г.Уфе и крупных городах (Стерлитамак, Салават). В республике сложились существенные территориальные различия в доступности и качестве медицинской помощи, предоставляемой городскому и сельскому населению (подушевые расходы на финансирование здравоохранения по отдельным муниципальным образованиям разнятся в 12-15 раз). Центральной проблемой в сельских районах является уровень развития и доступности медицинского обслуживания. Центральные районные больницы находятся в центрах административных районов и доступны только населению близлежащих сел. Размещение сети учреждений здравоохранения не обеспечивает относительно равноценный уровень медицинского обслуживания населения РБ независимо от места проживания.

Анализ объема предоставляемых платных услуг на душу населения в сфере здравоохранения и отдыха по Республике Башкортостан в сравнение с российскими показателями позволяет сформулировать следующий вывод: в республике очень высокие показатели предоставляемых платных медицинских услуг и особенно платных санаторно-оздоровительных услуг при низком уровне предоставления платных услуг физической культуры и спорта. Акцент в предоставлении платных услуг в сфере здравоохранения Республики Башкортостан делается не на профилактику болезней, а медицинском лечении последствий болезней и послелечебном дорогостоящем обслуживании - платные санаторно-оздоровительные услуги.

Основные экономические проблемы здравоохранения в России следующие:

1. Низкая эффективность использования ограниченного количества всех видов ресурсов. С позиции менеджмента управления эта ситуация объясняется тем, что работа организаций здравоохранения не зависит от результата их деятельности. Оплата труда медицинских работников слабо увязана с выполняемой работой. В сельской местности не хватает 30% медицинских кадров.

2. Неадекватность и несоответствие затрат на здравоохранение реальным потребностям населения России. Уровень государственных расходов на нужды здравоохранения в процентах от ВВП в большинстве стран мира растет (табл. 1). Это отражает тот факт, что в этих странах развитию здравоохранения придается приоритетная значимость в рамках суммарных государственных расходов (бюджетные и частные). Расходы на здравоохранение на душу населения в США – 6695 долларов, Швейцарии – 2794, Норвегии – 2612, Германии – 2476, Дании – 2325 долл. США. В Российской Федерации этот показатель в 2007 г. составлял 377 долл., что в 18 раз меньше, чем в США.

Таблица 1

Затраты стран мира на здравоохранение (в % от ВВП)*

№	Страна	2000 год	2007 год
А	Страны с высокими расходами:		
	США	13,4	15,7
	Франция	10,1	11,0
	Германия	10,3	10,4
	Канада	8,8	10,1
	Аргентина	9,0	10,0
В	Страны со средними расходами:		
	Беларусь	6,4	6,5
	Иран	5,9	6,4
	Латвия	6,0	6,2
	Египет	5,5	6,3
	Российская Федерация	5,4	5,4
	Китай	4,6	4,3
С	Страны с низкими расходами:		
	Бангладеш	2,7	3,4
	Пакистан	3,0	2,7
	Ангола	2,4	2,5
	Ирак	1,4	2,5
	Конго	2,1	2,4
	Индонезия	2,0	2,2

*Составлена по: [2, с.130-137].

3. Бессистемность в выборе направлений реформирования, отсутствие комплексного подхода, проявившееся в оснащении медицинских учреждений высокотехнологическим оборудованием без необходимого кадрового обеспечения, прекращения финансирования закупки запасных частей и расходных материалов к ним и др.

Библиографический список

1. Ермакова С.Э. Российское здравоохранение до и после кризиса: состояние и проблемы // Экономика и управление. – 2010. – №11. – С. 81–86.
2. Мировая статистика здравоохранения. – Женева: ВОЗ, 2010. – 167 с.
3. Сафиуллин М.Р. Территориально-структурные изменения в системе здравоохранения стран ЕС и РФ: критерии, уровни, оценки, проблемы. – В сб.: Арчиковские чтения: науки о Земле и стратегия устойчивого развития. – Чебоксары, 2010. – С. 151–156.
4. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2007. – 826 с.
5. Стародубов В.И., Хальфин Р.А., Баранов А.А. и др. Демографические показатели и показатели здоровья населения России. – В кн.: Сбережение народа зависит от нас. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. С. 3–11.

ДЕМОНТАЖ ЕЭС РОССИИ – УСИЛЕНИЕ РИСКОВ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И РЕГИОНОВ

Электроэнергетика – наиболее универсальная инфраструктурная отрасль, интегрированная со всеми сферами социально-экономической жизни страны и ее регионов. Проблемы территориальной организации российского общества в большой мере связаны со сложнейшим состоянием электроэнергетического хозяйства страны. Президент РФ Д.А.Медведев подчеркивал на заседании президиума Госсовета РФ «О повышении устойчивости функционирования электроэнергетического комплекса» в Саяногорске 11 марта 2011 г.: «вопрос о состоянии электроэнергетики в России «превратился в наиважнейший. Это вопрос номер один ... у нас с этим все очень и очень сложно... Реальной угрозой нашего экономического роста стало увеличение цен на электроэнергию».

После распада СССР Россия унаследовала мощную единую энергетическую систему, в которую входило около 600 ТЭС, 9 АЭС и более 100 ГЭС, длина ЛЭП напряжением 110-1150 кВт составляла около 440 тыс. км. В конце 1992 г. было зарегистрировано Российское акционерное общество энергетики и электрификации (РАО ЕЭС), созданное для управления ЕЭС и обеспечения надежного энергоснабжения хозяйства и населения. В РАО ЕЭС входило более 700 территориальных АО.

А.Б.Чубайс, председатель правления РАО ЕЭС (1998-2008), стал главным менеджером реформирования электроэнергетики страны – ее либерализации. Направление стратегии либерализации он определял как «развитие частной генерации, развитие рынка и ликвидация РАО ЕЭС». Считалось, что благодаря либерализации и созданию «конкурентной среды» произойдет массированное привлечение частных инвестиций, включая иностранные, в строительство новых электростанций и модернизацию действующих. По уверению Чубайса, РАО ЕЭС не будет испытывать проблем с привлечением инвесторов для выполнения своего 81-миллиардного пятилетнего плана. Было обещано освобождение от этих расходов государственного бюджета и снижение цен на электроэнергию. Генерирующая и сбытовая, наиболее доходная деятельность была открыта для частных компаний. Сетевая, распределительная и диспетчерская деятельность осталась под контролем государства, тарифы устанавливаются Федеральной службой по тарифам. Результатом реорганизации стала ликвидация вертикальной интеграции генерирующей и сетевой деятельности. РАО ЕЭС была раздроблена на 23 независимые компании. Лишь 2 компании остались в государственном владении: ОАО «РусГидро» и ОАО «Концерн Росэнергоатом». Почти половина электростанций и 22 сбытовые компании перешли в частную собственность. Но, как было признано на заседании Госсовета 11 марта 2011 г., «реформа энергетики явно пока не принесла всех тех результатов, что когда-то были обещаны». Результаты демонтажа ЕЭС оказались противоположными тем, которые ожидались. Ввод генерирующих мощностей происходит медленно и поглощает значительные бюджетные ассигнования. Тарифы на электроэнергию растут скачкообразно: с 2000 г. они более чем утроились (в ценах 2000 г.) Изношенность основных фондов ТЭК достигла критического состояния. Почти постоянными стали аварии и катастрофы.

22 февраля 2008 года Правительство одобрило Генеральную схему размещения объектов электроэнергетики до 2020 года, которую стали даже называть ГОЭЛРО-2.

Однако по определению Б.И. Нигматулина, первого заместителя директора Института проблем естественных монополий, «на момент принятия она уже была несостоятельна и требовала кардинальной переработки, т.к. параметры Генсхемы не соответствуют ни фактическим нуждам экономики, ни реальным ресурсным возможностям России. Экономический кризис делает Генсхему еще более нереалистичной».

Поскольку интегральный перспективный план развития хозяйства страны отсутствует, Генеральная схема размещения лишена основания – разработки балансов прогнозируемых спроса и предложения, оценке как потенциальных ресурсов (сырьевых, финансовых, трудовых), так и объемов конечного потребления. Отсутствуют гарантии сбыта, а это является необходимым условием для инвесторов, чтобы создавать новые генерирующие мощности.

Если до 1990 г. в России ежегодно вводилось по 5–9 млн. ГВт новых мощностей, то в сумме за последнее 10 лет – лишь 13 ГВт. Чубайс предрекал следующие грандиозные успехи проведения реформы электроэнергетики. «Утверждённая программа предусматривает в 2006–2010 годах объём ввода мощностей, недостижимый в советские времена – 41 тысячу мегаватт. Только в 2010 году мы введём 22 тысячи. При этом максимальный объём годовых вводов в СССР был 9 тысяч мегаватт». В соответствии с принятой правительством «Энергетической стратегией развития до 2020 г.», в 2010 г. предусматривался ввод в строй 10 ГВт новых мощностей при определяющем участии частных энергокомпаний. В действительности в 2010 г. прирост мощностей составил 3,2 ГВт, и это стало самым высоким показателем за последнее десятилетие.

Недостаток генерирующих мощностей существенно ограничивает возможности экономического развития во многих регионах, включая богатую энергоресурсами Сибирь. Это особенно болезненно чувствуется в Республике Тыва, Республике Алтай, Алтайском крае и Томской области. Недостаток резервов и дополнительных мощностей в сочетании с высокой степенью изношенности оборудования в электроэнергетике препятствует решению декларируемых задач модернизации. «Совет производителей энергии и стратегических инвесторов электроэнергетики», созданный для лоббирования интересов частных компаний, настаивает, чтобы Государственный Внешэкономбанк выделил им для энергостроительства 1,5 трлн. рублей на льготных условиях. Таким образом, ход энергетической реформы оказываются противоположными заявленным целям. Глава государства потребовал от крупных бизнесменов завершить строительство оптовых и топливных генерирующих компаний - графики работ по многим из них сорваны, при этом тарифы регулярно повышаются.

Скачкообразный рост тарифов на электроэнергию тормозит экономическое развитие. Если эта тенденция сохранится, отметил Д.А.Медведев, «к 2014 году цена на электроэнергию в России будет выше, чем в США, Финляндии и ряде других стран». Повышение тарифов особенно тяжело влияет на малый и средний бизнес, превышая их возможности продолжать деятельность.

Углубление межрегиональных диспропорций развития в большой мере связано с резкими различиями тарифов на электроэнергию (в 2-3 раза и более) между субъектами РФ. Это определяется многими факторами, начиная с источников генерации электроэнергии. По оценкам, 60% роста тарифов происходит на региональном уровне – в распределительных сетях и сбытовых компаниях. Деятельность многочисленных участников процесса передачи электроэнергии сопровождается неэффективными затратами и повышением тарифов. Например, в Курской области предприятия, работающие на низком напряжении, платят 6,5 рублей за кВтч

(15 евроцентов), что превышает цены в европейских странах. В таких условиях решение вопроса о конкурентоспособности отечественной продукции исключается. При продолжении роста цен строительство собственной генерации становится выгоднее, чем покупка энергоресурсов из сети.

Одна из острейших проблем России – износ основных фондов ТЭК, достигший критического уровня. Изношенность оборудования электростанций превышает 60% мощностей, в электросетевом хозяйстве – свыше 70%. Основные фонды электроэнергетики в большинстве регионов находятся в плачевном состоянии. Исследование Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), проведенное в 2009 г., подтвердило необходимость кардинального обновления оборудования на всех значительных ГЭС и ТЭС страны.

В стране происходит технологический регресс. В советское время коэффициент использования установленной мощности превышал 70 %, теперь в европейской части страны он опустился до 42 %. Доля энергии, расходуемой на собственные нужды электроэнергетики, составляет около 17% от общего объема энергопотребления. Падение пропускной способности электросетей происходит в большой мере из-за их устаревания. Свыше 10% вырабатываемой электроэнергии теряется в ветхой сети электропередач. В сочетании с неэффективным управлением, воровством и некорректным учетом энергопотребления это приводит к тому, что абсолютные потери в сетях выросли почти на 40 %. При этом число специалистов-ремонтников сократилось с 40 тысяч до 7 тысяч. Как указывают эксперты, система «в технологическом плане пребывает в значительно худшем состоянии, чем до начала реформ».

Общее социально-экономическое положение усугубляется из-за сокращения интеллектуального потенциала страны, снижения квалификационного уровня управления. В 1990 г. на НИОКР в российскую электроэнергетику было вложено 150 млн. долл. (по современному курсу), в 2010 г. – лишь 10 млн. долл. на все 23 компании.

Техногенные и социально-экономические риски в российских регионах нарастают – многие из них определяются состоянием электроэнергетики. Известный эксперт по проблемам энергетики В.В.Кудрявый (д.э.н., профессор МЭИ, заместитель министра энергетики России в 1996–2003 гг), главный оппонент политики реформирования электроэнергетики «по Чубайсу», констатирует, что дезинтеграция отрасли в результате реформы привела к повышенной аварийности: «последние 10 лет российской электроэнергетики – сплошная череда аварий, подобных которым в советской электроэнергетике не было». Действительно, аварии происходят постоянно в разных районах страны.

Столичный регион – гиперконцентрация населения, финансово-экономической и управленческой деятельности страны – испытывает серьезнейшие техногенно-энергетические риски. Напряженность ситуации пока не ослабевает. Одним из первых сигналов неблагополучия, получивших широкую огласку, стал сбой в работе московской подстанции Чагино 24 мая 2005 г. Электроснабжение было прервано на значительной площади Москвы. Каскадная авария в энергосистеме Московского региона повлекла веерные отключения в Калужской и Тульской областях. Неполадки в электроснабжении продолжались около двух недель. Общие экономические потери составили 1 млрд. рублей. Два млн. человек испытывали многочисленные неудобства. Ограничения на подачу электричества в столице зимой 2006 г. сопровождалась сбоем в работе транспорта, промышленных предприятий, коммуникационных сетей. «Ледяной дождь», выпавший в Московском регионе, Тверской,

Смоленской областях, в других районах зимой 2010–2011 г., оставил без электричества обширные территории на две недели. Режим чрезвычайной ситуации продлился во многих районах до 1 марта. Полностью энергосистема Московского региона должно быть восстановлено к осени 2011 года. Постоянно ощущаются проблемы в распределительных сетях Санкт-Петербурга и других городов. Еще чаще страдают от сбоев в электроснабжении сельские территории, обслуживаемые сетями низкого напряжения, изношенность которых достигает 80%.

Комиссия экспертов, исследовавших причины беспрецедентной катастрофы 17 августа 2009 г. на крупнейшей в стране Саяно-Шушенской ГЭС, подчеркивает опасное состояние, в котором находится энергетическое хозяйство страны в целом. «Большинство причин аварии носит системный многофакторный характер, обусловленный коренными недостатками существующей системы организации и функционирования отечественной энергетики» (19.02.2010.<http://www.flb.ru/info/47042.html>). Оценивая положение отрасли, В.В. Кудрявый отмечает: «Саяно-Шушенская авария, произошедшая в, казалось бы, самом надёжном секторе генерации, лишь усиливает тревогу. Это не оставляет никаких иллюзий безаварийной работы в будущем».

Аварии в электроэнергетическом хозяйстве продолжаются в 2011 году. По сообщению Интернет, 20 марта пожар на трансформаторной станции города Бердска Новосибирской области оставил без света, тепла и воды 55 тыс. человек. В Краснодарском крае обрывы электросетей лишили света 100 тыс. жителей 2 декабря 2010 г., затем 13 февраля 2011 г. 26 марта сильный ветер обесточил 30 населенных пунктов в 15 районах края (включая 34 социально значимых объектов) – неудобства испытывали 70 тыс. человек. Многочисленные аварии электроэнергетики в самых разных районах страны свидетельствуют об общем неблагополучии базовой отрасли стратегического значения. На заседании президиума Госсовета в марте 2011 г. были подведены основные итоги реформы электроэнергетики России. Анализ последствий демонтажа единой энергетической системы страны приводит к выводу, который сформулировал президент Якутии Егор Борисов: «... энергосистему в немалой степени надо восстанавливать». Глава государства считает, что в правительстве страны не до конца осознан масштаб проблемы.

Анализ системы конкретных данных приводит к выводу, что осуществление либеральной модели развития в России далеко не всегда соответствует принципам технологического прогресса, повышения экономической эффективности, адекватно социальным интересам общества. Цель максимизации прибыли заслоняет приоритет безопасности и надежности природно-техногенных систем. Главная цель развития электроэнергетики в национальных интересах – обеспечение повсеместного надёжного энергоснабжения населения.

Отсутствие ясно сформулированной цели, концепции, сценариев социально-экономического развития страны лишает «ГОЭЛРО-2» методологического фундамента. Федеральные программы, составленные вне взаимосвязи, не выполняются. Разработка научно обоснованных планов и программ развития страны и ее регионов представляет целостное единство – систему подготовки сценариев территориального размещения производительных сил (включая электроэнергетику), демографических потенциалов, миграций населения. Такая взаимосвязанность необходима на всех иерархических уровнях. Соблюдение принципов взаимосвязи программ разных уровней необходимо и при разработке региональных энергетических программ, планов энергосбережения, программ развития теплоснабжения городов.

Проект стратегии Русского географического общества выделяет в качестве одного из главных направлений своей деятельности обоснование устойчивого развития территорий. Обоснование энергетических основ перехода к устойчивому развитию на всех территориальных уровнях – одно из приоритетных направлений исследовательской деятельности географов.

Серко Е.Ю. (г. Нижний Новгород)

ЭТАПЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРИВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ

В начале XXI века в науке стал господствовать цивилизационный подход, который показывает влияние разных цивилизаций на формирование расселения, на развитие городов, на особенности демографической ситуации.

Прогресс человеческой цивилизации тесно связан с водой. Вода является той силой, которая побуждает цивилизацию развиваться. Как отмечал германский ученый Бёттигер в своем труде о Средиземном море, «географическая среда, в которой развивается человечество, имеет своим признаком воду, которая является двигательной силой прогресса в истории» [4, С. 203]. Древние цивилизации начали развиваться вдоль рек, и первые города возникали в бассейнах Нила, Тигра и Евфрата, Янцзы и Хуанхэ, Инда и Ганга. Это ярко рассмотрено в работе Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». Согласно его теории, исторические реки, перечисленные выше, способствовали зарождению и развитию цивилизации в их бассейнах благодаря наличию специфической географической среды, которая могла быть обращена на пользу человеку только в результате всеобщего общественного, жестко дисциплинированного труда. Иначе, при малейшей оплошности, лености в общей работе весь народ подвергался опасности голодовки или бедствий, производимых рекой. Исторические реки не отличаются от других по мощности речного стока. Однако наличие реки и окружающих географических условий способствовали вовлечению труда поколений, что привело к развитию цивилизаций именно здесь. Л.И. Мечников говорил об «оси речной цивилизации», которая начиналась в Древнем Египте у берегов Нила на юго-западе и заканчивалась Китайской цивилизацией у берегов Хуанхэ на северо-востоке, включала цивилизацию Месопотамии Тигра и Евфрата и Индийскую цивилизацию на берегах Инда и Ганга [4, С. 199]. Эти цивилизации были первыми, которые перешли к высшим формам консолидации людей, смогли скоординировать усилия народа в нечто сложное, обобществленное, что способствовало их историческому развитию.

Русская цивилизация тоже зародилась на берегах двух великих рек Европы – Днепра и Волги. Русские города развивались непосредственно на берегах рек. Городу, возникающему на новом месте, всегда была необходима вода, а река удовлетворяла потребности горожан в воде, была источником добычи питания, транспортным путем и в то же время ограждала город от внешних врагов. Нами избраны для географического исследования города, расположенные на берегах великой русской реки Волги, которые мы объединили одним названием – Приволжье.

Издrevле в России главной рекой считают Волгу, крупнейшую реку Европы. Протекая по европейской части страны, она является стержнем русского рассе-

ления, осью развития русской цивилизации. Волга, соединенная посредством каналов с 5 морями (Балтийским, Белым, Азовским, Черным, Каспийским), на протяжении многих веков оставалась главной «торговой улицей» России, ее важнейшим транспортным путем, что и определило возникновение вдоль ее берегов многих городов. Вдоль Волги двигалось русское расселение в XV–XVI вв., когда были присоединены к России Казанское и Астраханское ханства. В XVII–XVIII вв. здесь расцветает торговля, мануфактурное и фабричное производство, в XIX в. зарождается промышленность и пароходное дело. XX век становится для Волги и ее поселений апофеозным: развитие промышленности, сельского хозяйства, строительство каскада ГЭС, рост численности населения, числа городских поселений, сделало города по берегам Волги важной экономической базой страны. Все этапы истории оставили на Волге свои города. Реформы 1990-х, недостаточно продуманные и скоординированные, смена типа экономики и управления, нерациональное природопользование поставили под угрозу не только существование самой реки, но и деятельность на ней человека. К концу XX в. произошла стагнация, а затем деградация многих населенных пунктов, в том числе и городских.

Являясь торговым путем, естественной водной преградой, Волга аккумулировала вдоль своих берегов население, производство, сельское хозяйство. В городах, располагающиеся по берегам Волги сосредоточено около 8 млн. человек. История возникновения и становления городов по берегам Волги сложна и многообразна, и требует особого рассмотрения в связи с особым положением реки в системе расселения страны.

Города на берегах Волги возникали вследствие нескольких основных факторов, изменяющихся в соответствии с историческим развитием страны и возникающих в соответствии с потребностями населения: выгодное экономико-географическое и транспортное положение (Нижний Новгород, Волгоград, Самара); закрепление на берегах Волги (Сарай-Бату, Сарай-Берке, Итиль, Булгар и т.д.); развитие торговли (Кинешма, Ярославль); создание стратегических укреплений (Нижний Новгород, Волгоград, Ульяновск, Чебоксары, Сызрань, Хвалынский); формирование дублеров центров Центрального экономического района (Рыбинск, Новокуйбышевск, Балаково); строительство ГЭС (Волжский, Иваново, Новочебоксарск, Заволжье); разработка месторождений полезных ископаемых (Вольск, Балахна, Жигулевск) и т.д. Используя классификацию Г.М. Лаппо, можно выделить 5 временных этапов, характеризующихся своими факторами возникновения и особенностями функциональной структуры городов (см. табл. 1) [5, с. 65].

Древнерусское государство до монгольского нашествия представляло собой одно из могущественных государств Европы, и в иностранных источниках именовалось «страной городов», «гардарикой». Древнейшие русские города начали появляться на берегах верхней Волги еще в X–XII вв. как оплоты близлежащих земель. Возникают торговые города и центры княжеств – Кострома, Ржев, Тверь, Углич, Ярославль, а позже города-крепости и в среднем течении Волги – Городец, Н. Новгород. В этот период происходит укрепление границ Древней Руси, на окраинах возникают города-крепости, сторожевые центры. При их закладке в первую очередь учитывалось выгодное географическое и военно-стратегическое положение будущего города, поэтому на этом этапе решающую роль играл военно-стратегический фактор. Роль Волги была огромна – она служила и средством сообщения, и препятствием для врагов, и источником питьевой воды, рыбного промысла, пойменные луга давали богатые урожаи и обильные сенокосы.

Таблица 1

Годы образования городов Приволжья^{1, 2}*(курсивом выделены упраздненные, разрушенные города, города, вошедшие в состав другого города)*

Период	Город	Год образования	Город	Год образования
До XIV в.	1. Итиль	VIII–969	12. Тверь	1164
	2. Сувар	IX в. – 1236	13. Астрахань	XIII в.
	3. Булгар	X в. – 1431	14. Зубцов	1216
	4. Ошель	X в. – 1236	15. Хаджи-Тархан	XIII в. – 1556
	5. Углич	937	16. Нижний Новгород	1221
	6. Казань	1005	17. Юрьевец	1225
	7. Ярославль	1010	18. Увек	1250–1370-е
	8. Ржев	XII в.	19. Сарай-Бату	1254–1395
	9. Кострома	XII в.	20. Сарай-Берке	1262–1396 (XVв.)
	10. Скнятино	1134–1459	21. Старица	1297
	11. Городец	1152		
XV–XVI вв.	1. Плес	1410	7. Свияжск	1551–1932
	2. Кинешма	1429	8. Хвалынский	1556
	3. Чебоксары	1469	9. Волгоград	1556
	4. Балахна	1474	10. Козьмодемьянск	1583
	5. Васильсурск	1523–1925	11. Самара	1586
	6. Кимры	1546	12. Саратов	1590
XVII – XVIII вв.	1. Черный Яр	1627–1925	12. Макарьев	1779–1925
	2. Ульяновск	1648	13. Лаишево	1781–1926
	3. Камышин	1668	14. Сенгилей	1780
	4. Сызрань	1683	15. Тольятти	1780
	5. Дубовка	1732	16. Вольск	1780
	6. Ставрополь-на-Волге	1737–1964	17. Тетюши	1781
	7. Балаково	1762	18. Болгар	1781
	8. Калезин	1775	19. Енотаевка	1785–1925
	9. Молога	1777–1940	20. Красный Яр	1785–1925
	10. Мышкин	1777	21. Пучеж	1793
	11. Рыбинск	1777		
XIX в.	1. Тутаев	1822		
	2. Конаково	1829		
	3. Мариинский Посад	1856		
XX в.	1. Энгельс	1914	16. Краснослободск	1955
	2. Маркс	1918	17. Дубна	1956
	3. Канавино	1919–1928	18. Октябрьск	1956
	4. Сормово	1922–1928	19. Кстово	1957
	5. Лысково	1922	20. Ивановско	1958–1960
	6. Зеленодольск	1932	21. Ахтубинск	1959
	7. Наволоки	1938	22. Знаменск	1962
	8. Бор	1938	23. Ленинск	1963
	9. Волжск	1940	24. Новочебоксарск	1965
	10. Заволжье	1950	25. Козловка	1967
	11. Волжский	1951	26. Новоульяновск	1967
	12. Жигулевск	1952	27. Николаевск	1967
	13. Новокуйбышевск	1952	28. Камызяк	1973
	14. Заволжск	1953	29. Звенигово	1974
	15. Чкаловск	1955	30. Харабали	1974
			31. Нариманов	1984

¹ Таблица составлена по материалам сайта www.MojGorod.ru Народная энциклопедия «Мой город».² Использованы материалы энциклопедии «Города России». / Гл. ред. Г.М. Лаппо. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997.

Кроме русских городов, на Средней и Нижней Волге в X в. уже существовали города Хазарского каганата (Итиль, Ал-Байда) и Волжской Булгарии (Булгар, Ошель, Сувар) [10]. Позднее, в XIV в., появились города Золотой Орды (Хаджи-Тархан, Сарай-Берке, Сарай-Бату, Увек) [10], Казань, Астрахань.

Войны, ведшиеся между государствами Приволжья в период VIII–XV веков, привели к уничтожению Хазарского каганата, Волжской Булгарии, появлению и исчезновению Ордынского ханства, а также Татарского и Астраханского ханств. С исчезновением этих государств исчезали их города, многие навсегда, а некоторые, в силу выгоды экономико-географического положения, возрождались в уже русском государстве. В результате к концу XV века вдоль берегов Волги сложилась русская система расселения с опорными военными центрами в ключевых стратегических точках, нередко на местах бывших покоренных городов.

На втором этапе – XV–XVII вв. – под влиянием натиска русских происходит падение Казанского, а затем Астраханского ханств, и многие татарские города приходят в упадок. Волга постепенно становится важнейшим торговым путем России. На этом этапе важнейший фактор формирования городов в Приволжье – прежде всего военно-стратегический (необходимо удержать занятые территории). Возникают опорные сторожевые центры (Плес, Балахна, Чебоксары, Хвалынский, Волгоград, Самара).

На этапе формирования и укрепления Российской империи в XVII–XVIII вв. в связи с историческими событиями, отделением ремесла от земледелия и торговли, изменяются и расширяются функции некоторых городов. Развитие производственных сил создало принципиально новую схему развития городов. Города, бывшие окраинными сторожевыми центрами, утрачивают военное значение, становятся административно-территориальными центрами (Нижний Новгород, Ульяновск, Самара), центрами ремесел (Городец, Н. Новгород), торговли (Торжок, Кинешма, Чебоксары). На этом этапе возникают Симбирск (Ульяновск) (1648), Камышин (1668), Сызрань (1683).

XVIII в. начинается с расцвета России, присоединения новых территорий, освоения Севера страны и Урала. Для укрепления и развития территорий основываются города на Средней и Нижней Волге: Дубовка (1732), Балаково (1762), Сенгилей (1780), Ставрополь-на-Волге (1780), Вольск (1780), Тетюши (1781). Формируются центры на Верхней Волге: Калязин (1775), Мышкин (1777), Рыбинск (1777), Пучеж (1793) [1].

После административной реформы 1775–1785 и выделения губерний происходит всплеск образования городов – в этом столетии на Волге образовалось 14 городов. Но не все города выдержали испытание временем – 4 города были преобразованы в сельские поселения в 20-е годы XX века: Макарьев, Красный Яр, Енотаевка, Леишево. По выражению В.П. Семенова Тянь-Шанского – это так называемые «неистинные города» [4, с. 78]. К ним он относил те города, которые не являлись ни торговыми, ни промышленными центрами, а были «спущены сверху» правительством, и выполняли роль только административных центров, хотя не все «неистинные города» претерпели такую участь, а некоторые развились в достаточно крупные многофункциональные центры. Примером может служить город Чебоксары. По-видимому, сыграло роль столичное положение города.

В XIX в. начинается четвертый этап становления и преобразования функций городов Приволжья, который ознаменовался началом развития промышленности, строительством железных дорог, активной добычей полезных ископаемых – угля, железной руды, соли, леса, нефти. Главные факторы градообразования стали экономические (индустрия и железнодорожный транспорт).

Меняются факторы экономико-географического положения городов: если раньше выгодными считались положение у слияния рек (Ярославль, Рыбинск, Кострома, Н.Новгород, Самара и др.), при сближении Волги с другими крупными реками (Волгоград) и сухопутными магистралями (Плес, Самара и др.), то теперь железные дороги практически сводят на нет все эти преимущества. Это сказывается на развитии некоторых из них (Плес). В XIX веке города получали импульс развития в связи с развитием административных функций – с присвоением статуса губернского центра, подведением железных дорог, развитием торговли в связи с выгодным транспортным и экономико-географическим положением. XIX век стал переломным в плане образования городов. Теперь формирование городских поселений идет не сверху, от правительства, образуя в основном административные центры, а соответственно экономическим законам и потребностям территории, при которых образуются многофункциональные центры, торговые, промышленные и культурные города, там, где требует этого территория.

Железнодорожное строительство приводит к развитию тех центров, к которым подводятся магистрали. Более быстро развиваются те города, через которые прошли транзитные магистрали (Тверь, Н. Новгород, Кинешма, Ярославль, Симбирск (Ульяновск), Саратов, Самара, Царицын (Волгоград) [1]), чем те, к которым подошла тупиковая железнодорожная ветка (Саратов, Астрахань).

К концу XIX в. города становятся полифункциональными – число выполняемых функций города увеличивается. Здесь концентрируется большое количество видов человеческой деятельности: управление, торговля, наука, культура, религия, промышленное производство, транспорт и связь. Активное развитие экономической составляющей города, формирование городской сети поселений на основе транспортной сети приводит к затуханию некоторых административных центров, оказавшихся в тени экономически более развитых городов (Плес, Кимры, Хвалынский, Васильсурск, Пучеж). В связи со строительством железных дорог многие водно-сухопутные перевалочные узлы в малых и средних городах, к которым не подошли железнодорожные пути, приходят в упадок – Мышкин, Плес. Другие же речные пристани, подсоединенные к общероссийской системе железных дорог, наоборот получают импульс к экономическому развитию. Например, уездные города Кинешма и Сызрань. Активно развиваются центры губерний как наиболее притягательные для экономического роста города.

В XX веке на Волге возникло самое большое число городов – 31, это в 1,5 раз больше, чем за 6 веков (за VIII по XVII вв.). Весь этап становления Приволжских городов в XX в. по интенсивности градообразования, исходя из исторических событий и условий формирования городов, можно, подразделить на периоды:

- дореволюционный период – 1900–1917 гг. – 1 город;
- период становления советской власти 1918–1924 гг. – 4 города;
- период индустриализации – 1925–1940 гг. – 4 города;
- военный период и период послевоенного восстановления – 1941–сер. 1950-х. – 1 город;
- период роста и пика экономического развития кон. 1951–1960-е гг. и 1970–1980-е гг. – 21 город.

До революции на Волге появился только один город – Покровск в 1914 г., переименованный в 1932 г. в Ангельс, возникший из быстро развивающейся после подведения железной дороги Покровск-Уральск Покровской слободы.

После Великой Октябрьской революции состав городов был пересмотрен. По некоторым подсчетам [6, с.186], в села и поселки городского типа было преобразовано 142 старых города, утративших экономическую значимость для новой страны. В то же время возникали новые города. На Волге образовались города Маркс (1918) и Лысково (1925), преобразованные из быстро растущих сельских поселений, в 1925–1926 годах утратили городской статус Макарьев, Васильсурск, Красный Яр, Черный Яр, Енотаевка, Леишево, т.к. их экономическое значение перестало удовлетворять требованиям времени.

Промышленный рост и быстрые темпы урбанизации в период индустриализации способствовали росту существующих и возникновению новых городов в основном из волжских сел – Зеленодольска (1932), Волжска (1940), Наволок (1938) [1]. Здесь размещались небольшие предприятия и фабрики, все города имели железнодорожное сообщение и пристани на реке Волге. Эти факторы способствовали становлению из сельских поселений городов и активному их развитию.

В городах Ярославль, Горький (Н.Новгород), Казань, Куйбышев (Самара), Саратов, Сталинград (Волгоград) разместились крупнейшие стройки первых пятилеток. Эти города становятся важнейшими индустриальными центрами страны, что способствует их развитию и «обрастанию» малыми городами-спутниками, сформировавшими в будущем агломерации Приволжья. Эти города становятся узловыми центрами каркаса расселения всего Приволжья.

Великая Отечественная война затормозила развитие городских поселений на Волге. Эвакуированные предприятия и специалисты с запада страны и с оккупированных территорий в Поволжье размещались в крупных городах – Ярославле, Горьком, Казани, Ульяновске, Куйбышеве (Самаре), Саратове и близлежащих от них центрах, что способствовало наращиванию экономического и трудового потенциала. Во время войны были пострадали многие города – Калинин (Тверь), Сталинград (Волгоград), Горький (Н. Новгород), Ярославль.

Послевоенный этап становления городов на Волге характеризуется несколькими факторами: строительством ГЭС, сдвигом производства на Восток, развитием новых отраслей, формированием новых городов из старых промышленных центров [1, с.7–8]. В первые послевоенные годы на Волге образовалось 7 городов. В связи со строительством Горьковской, Сталинградской (Волгоградской) и Волжской ГЭС возникают города на месте рабочих поселков строителей, города энергетиков – Заволжье (1950), Волжский (1951), Жигулевск (1952), Новокуйбышевск (1952), Заволжск (1953), Чкаловск (1955), Краснослободск (1955).

В середине XX века происходит перераспределение экономических центров и ядер расселения Приволжья. Усиливают свое влияние такие города, как Горький (Н.Новгород), Куйбышев (Самара), Казань, Волгоград, обогнав по значению лидеров прошлых лет Тверь, Ярославль, Кострому, Саратов, Астрахань. Развитие советской экономики предопределило возникновение на Волге новых центров производства, дублирующих Центр. В период с 1956 по 1969 образовалось еще 11 новых городов (табл. 1) (город Иваньково образовался в 1958 году, а в 1960 вошел в состав Дубны) [10]. Основные факторы градообразования – формирование новых промышленных производств, научных центров и городов-спутников вокруг крупных областных и республиканских центров. Так возникли центры нефтепереработки – Кстово (1957), Новокуйбышевск (1952), наукоград Дубна (1956), энергетический узел Новочебоксарск (1965), Новоульяновск (1967) – новые города-спутники

областных и республиканских центров Горького, Куйбышева, Москвы, Чебоксар и Ульяновска. Возникают небольшие города, районные центры, преобразованные из поселков городского типа – Ленинск, Козловка, Ахтубинск, Знаменск. Таким образом, за 1950–1969 гг. образовалось 17 городов.

В 1970–80-е гг. городской статус получили рыбные поселки в Низовьях Волги – Камызяк (1973), Харабали (1974), Нариманов (1984), что было вызвано необходимостью на Каспийском побережье административных центров, а также Звенигово (1974) [1]. С конца 1980-х годов, с перестройкой и началом реформ 1990-х, в городах Приволжья начинается кризис. Он затронул экономические и социальные стороны городской жизни, отразившиеся в дальнейшем на демографической ситуации городов. Многие города, особенно малые, останавливаются в развитии, переходят в состояние стагнации, а некоторые и деградации (Мышкин, Кинешма, Зубцов, Кимры, Хвалынский, Калязин и др.). Крупные и крупнейшие города теряют население и экономический потенциал (Ярославль, Н. Новгород, Кострома, Ульяновск, Саратов, Самара). И лишь немногие к концу XX столетия смогли преодолеть этот кризис – Казань, Самара, Астрахань, Тольятти. Однако финансовый кризис 2008–2009 гг. затронул города, специализирующиеся на одной (в основном) отрасли. Так город Тольятти получил большую государственную поддержку в этот период в связи с необходимостью сохранения отечественного автомобилестроения (ВАЗ).

Анализируя динамику возникновения городов на берегах Волги, можно сделать такие выводы. До XIV века на берегах Волги возник 21 город, что связано с наличием и процветанием здесь нескольких государств: Древней Руси, Волжской Булгарии, Хазарского каганата и Татарских ханств. Русских городов было образовано 11, так как в этот период осваивалась только Верхняя Волга – небольшая по площади приволжская территория. Выход к Средней Волге русские имели в районе Нижнего Новгорода. В период XIV–XVI веков образовалось 12 городов в основном на Средней Волге – происходит дальнейшее освоение русскими берегов реки и закрепление за Россией новых территорий. Дальнейший всплеск образования новых городов в XVII–XVIII вв. (19 новых городов) на всей Волге – Верхней, Средней и Нижней, – говорит о важности реки, как главной улицы России. Этому уделяло внимание правительство, создавая на ее берегах форпосты, экономические базы и административные центры. Также всплеск градостроительных работ связан с административными реформами, проводимыми правительством в этот период.

В XIX веке на Волге образовалось только 3 города – это связано с общегосударственным замедлением градообразования. В этот период действовали другие причины и факторы градообразования, чем в предыдущем XVIII веке, изменился сам тип поселения, которому придавался статус города. К тому же промышленность, как главный градообразующий фактор, в тот период в России по экономическим причинам не приходила в города, а располагалась либо при рудных месторождениях (металлургическая), либо в селах (текстильная). Правительство мало уделяло внимания развитию городской инфраструктуры на Волге – силы были переброшены на укрепление окраинных территорий – Средней Азии, Дальнего Востока, Сибири. С точки зрения Г.М. Лаппо, общественное мнение, власти, население препятствовали проникновению в города промышленности на протяжении почти всей первой половины XIX века. Образовывались заводские, шахтерские, пристанционные поселки, ставшие впоследствии городскими поселениями. Только в конце XIX века ситуация стала меняться, и город стал вновь привлекать промышленников и фабрикантов.

В XX век – в век урбанизации, происходит индустриализация. Это влечет за собой образование новых и развитие старых городов, особенно на Волге, как основном экономическом стержне России. Растущие темпы урбанизации, научно-техническая революция привели к возникновению на Волге за все XX столетие 31 город – 36%, более 1/3 всех городов Приволжья. Таким образом, XX век стал самым выдающимся в плане градообразования городов на Волге, обогнав период XVII-XVIII веков, наиболее продуктивный в дореволюционном этапе. С конца 1980-х годов, с перестройкой и началом реформ 1990-х, рост числа городов прекратился, численность населения в них либо стагнировала, либо стала сокращаться. За последнее 30-летие приволжские города «замерли» на уровне 70-х годов XX в. Для нового толчка потребуется новый импульс, которым в ближайшие годы может стать развитие науки и наукоемких производств.

Библиографический список

1. Города России. Лаппо Г.М. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997.
2. Города России. Лубчиков Ю.Н. – М.: Белый город, 2005.
3. Лаппо Г.М. Города Европейской России в конце XIX века. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. ИГ РАН. – М.: ОГИ, 2001. – С. 65–79.
4. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки.
5. Нефедова Т., Трейвиш А. Города как экономические центры: сто лет перемен. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. ИГ РАН. – М.: ОГИ, 2001. – С. 95–124.
6. Перцик Е.Н. Геоурбанистика. – М.: Академия, 2009.
7. Полян П. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. ИГ РАН. – М.: ОГИ, 2001. – С. 33–65.
8. Спутник по реке Волге и притокам ее Оке, Каме. – Саратов, 1902.
9. www.MojGorod.ru Народная энциклопедия «Мой город».
10. www.wikipedia.com Интерактивная энциклопедия.

Уставщикова С.В. (г. Саратов)

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Расселение населения – основа территориальной организации общества. Сельское расселение – неотъемлемая часть расселения населения страны. Оно находится в постоянном развитии, динамически изменяясь. Период с 1990-х годов XX века до конца первого десятилетия XXI века вместил в себя такие тенденции, которые сейчас уже принято называть «стрессовой миграцией» в сельские поселения выходцев из стран СНГ (большинство из которых сейчас уже переехали в города), «рурализацией» населения и поселений (переводом городских поселений в сельские), реформирование сельскохозяйственного производства, социальной сферы (здравоохранения, образования) села.

Настоящее исследование опирается на материалы переписей населения 1989, 2002 годов и, за неимением данных переписи 2010, на информацию по сельским поселениям за 2007–2009 гг., предоставленную администрацией районов для проведения географическим факультетом СГУ блока работ «Схемы территориального планирования муниципальных районов Саратовской области». Использовались также материалы социологических опросов сельского населения и экспертных оценок, текущая статистическая информация. Был проведен анализ сложившейся

геодемографической ситуации в области за 1989–2010 годы, всех ее составляющих: естественного и механического прироста, половозрастной и национальной структур населения.

Анализ динамики численности населения и его составляющих (естественного и миграционного движения) проводился с 1989 г. по 2009 г. В начале XXI века уже изменились направления и причины миграций (экономические факторы стали вновь преобладающими), наметились тенденции сокращения смертности и увеличения рождаемости как по стране в целом, так и по Саратовской области. Тем не менее, численность населения региона сократилась за эти годы на 111,6 тысяч человек. Причем городское население уменьшилось на 81,6 тысяч, сельское – на 30,0 тысяч человек [1]. Если учесть административные преобразования, которые происходили в восьми районах области в конце 90-х годов (в пяти районах более 26 тысяч человек стали сельскими жителями, в трех – около 10 тысяч – городскими), то можно считать, что сельское население сократилось на 43–45 тысяч. Сокращение городского населения на 87% происходит за счет областного центра, для которого отрицательными являются показатели и естественного и механического движения. За исключением роста численности населения города Энгельса, Вольска и Пугачева численность других городов и городских поселений сокращается, хотя и незначительными темпами, либо стабилизировалась (изменения до 1%), в большинстве случаев это результат внутрирегионального миграционного обмена. Положительный естественный прирост отмечается в городе Новоузенске, городских поселениях Озинки, Ровное, Свободный, Соколовый [1].

Необходимо обратить пристальное внимание на сокращение сельского населения. Составляя 26% всего населения области, доля его в сокращении общей численности – 27% (а с учетом административных преобразований еще больше). Причем численность сельского населения 20 районов Правобережья стала меньше на 6,2%, в то время как 18 Левобережных районов – на 5,2%. Правобережье в большей мере охвачено депопуляционными процессами. Показатели естественного воспроизводства населения в Левобережье лучше. Необходимо отметить даже «выход», в последние годы, на положительный естественный прирост в пяти районах. Однако наметилась тенденция оттока сельского населения из периферийных районов Левобережья (в том числе из тех, где отмечается положительный естественный прирост: Новоузенского, Озинского, Перелюбского). На это в значительной мере повлияло реформирование аграрного сектора экономики. Изменение специализации сельскохозяйственных предприятий на юго-востоке области приводит к сокращению занятости, и как следствие, повышению миграционного оттока сельского населения в города и сельскую местность других районов области и за ее пределы. Динамика основных сельскохозяйственных показателей такова: в области посевные площади составляют 64,9% от показателя за 1990 год, поголовье КРС – 32%, свиней – 37,2%, овец и коз – 19,4% соответственно [2]. Динамика некоторых социальных показателей представляет собой следующее: в настоящее время в области 978 общеобразовательных учреждений [3], что составляет 66,4% от 1990 года, число учащихся в них 61,1%. [4]. Число больничных учреждений сократилось соответственно с 256 до 118, амбулаторных учреждений с 411 до 356 [5].

Демографическая ситуация и социально-экономические реформы оказывают непосредственное влияние на систему расселения. В настоящее время в сельском расселении произошли количественные и качественные изменения. Их суть

состоит как в изменении численности сельского населения, так и количества населенных пунктов. Если в 1989 г. число СНП по области составляло 1759, в 2002 – 1697, то в 2009 – 1782. Количество постоянных поселений существенно выросло в Александрово-Гайском (с 16 до 42) и Новоузенском (с 67 до 81) районах. В большинстве районов области изменения числа поселений измерялись от плюс 1–2 до минус 5–11 (Ртищевский район соответственно 105–93, Аткарский – 77–66, Екатеринбургский 79–60) [1]. При этом практически во всех районах области есть поселения, которые числятся без населения.

Опорный каркас сельского расселения области в настоящее время составляют поселения-центры сельских округов, они очень устойчивы, в большинстве случаев численность населения в них растет. Они составляют около 34% всех СНП, в них проживает от 45 до 65 % сельского населения области (без учета сел-райцентров), средняя людность поселений «500–1000» и «1000–3000» человек. Людность большинства центров растет вследствие притока в них населения, как с периферийных поселений округа, так и мигрантов из стран СНГ и регионов РФ. Это объясняется сосредоточением в них, в результате политики прошлых лет, почти всей производственной и социальной инфраструктуры; в 1990-е годы закончилась их газификация. Эти поселения обеспечивались дорогами с твердым покрытием, автобусным сообщением с районным центром. Очевидно, что в ближайшем будущем в области сохранится этот опорный каркас. Численность населения растет и в поселениях меньшей людности, если они имеют выгодное ЭГП, находясь в пешеходной доступности относительно более крупного и значимого СНП, т.е. входят в «агломерацию». В большинстве районов области выделяются сельские агломерации во главе с районным центром и центрами муниципальных образований. В них, независимо от людности поселений, численность населения растет. На «периферии», происходит сокращение численности населения в большинстве поселений независимо от людности. Так, например, в Аркадакском районе из 62 СНП «растут» 25, в Балашовском – 15 «растущих» из 60, в Лысогорском – 17 из 41, в Ершовском (Левобережье) – 24 из 61 и т.д. Положительная динамика численности населения зачастую связана не с людностью поселения, а именно с его местоположением в системе расселения и дорожной сетью района.

Практически все изменения численности населения в СНП на периферии районов, как в Правобережье, так и еще чаще в Левобережье связаны с переездом местных жителей в центральные поселения своего или одного из соседних районов области, переселением или уходом из поселений населения из республик Кавказа или стран СНГ. Очень показателен пример с курдами. «Курды начали переезжать в Саратовскую область с 1990 года, и поток беженцев, среди которых преобладали выходцы из Киргизии, особенно усилился после распада СССР. Селиться пришлось в опустевших, покинутых жителями деревнях в Ершове, Дергачах, Перелюбе и Озинках.

В Озинском районе прежде жили казахи, однако в настоящее время большинство их переехало: эти места считаются экологически неблагоприятными. Ситуация усугубляется плохими дорогами и проблемой нехватки питьевой воды. Факт остается фактом: курды вынуждены были поселиться там, где никто больше жить не в состоянии. К сожалению, социально-бытовые условия продолжают ухудшаться: так, например, в некоторых деревнях из-за отъезда жителей были закрыты школы, и восстановить их работу удастся далеко не всегда. Когда приехали, здания стояли пустые и разрушались. Они отремонтировали дома. Сейчас в Озинском райо-

не живет более трех тысяч курдов. Одна из причин, по которой они выбрали эти места, – здесь обширные пастбища для скота. Однако нехватка воды не дает возможности заниматься тем, что веками кормило курдов – разведением скота. Именно это – основная причина нынешних трудностей и того, что сейчас они находятся лицом к лицу с угрозой нового *вынужденного переселения* (курсив мой) [6]. Казахи Саратовской области все активнее переселяются с юго-востока на северо-запад региона как в пределах Левобережья, так и в Правобережье.

Другой пример: село Рыбушка Саратовского района. Численность населения в 1989 году – 1211 человек, в 2002 – 1356 (по данным переписи 78% населения русские), в 2007 году – 1295 человек. «Прошло чуть меньше 15 лет с тех пор, как в Саратовской области чеченские татары нашли свой второй дом. В настоящее время открыта мечеть» [7].

«В девяностые годы в Саратовской области, согласно переписи населения, жило 123 узбека. Сейчас право на постоянное место жительства получили около 7200 этнических узбеков, и количество желающих получить российское гражданство и остаться в Саратове постоянно растет. Сюда же направляются потоки узбекских гастарбайтеров, 51% прибывших в область мигрантов – из Узбекистана» [8]. Из Узбекистана приезжают и корейцы, по опросам экспертов, в Краснокутском и Марксовском районах, они покупают как дома, так и квартиры. Численность корейцев в области возросла с 545 человек (1989 г.) до 2533 (2002 г.).

По данным переписи 2002 года, такие народы как агулы, балкарцы, кумыки, лезгины, чеченцы проживают, в покинутых русскими, периферийных СНП как в Левобережье, так и в Правобережье области. Изменение численности населения в таких поселениях происходит постоянно. Главное, сам факт «обживания» региона народами Кавказа. Часто такие поселения мононациональны, в них сохраняется традиционный жизненный уклад, происходят видимые изменения в культурном ландшафте местности.

В целом, территориальная организация сельского населения Саратовской области на современном этапе характеризуется следующими тенденциями:

- смена в 1990-х годах характера естественного и механического движения сельского населения, как фактора развития расселения;
- продолжение концентрации населения в средних и крупных поселениях и вблизи транспортных магистралей, развитие сельских агломераций;
- некоторая стабилизация количества сельских поселений; в том числе и в результате возрождения (перезаселения);
- «обживания» периферийных поселений сельских районов населением с Кавказа, из стран СНГ;
- в пригородных зонах происходит дальнейшее развитие коттеджных поселков (субурбанизация);
- значительное число сезонных поселений горожан, таких как садоводческие товарищества, возникших в 1990-е годы, развалилось. Остались поселения, которые образовались в более ранний период (они ближе к городской черте).

Библиографический список

1. Демографический ежегодник Саратовской области 2008 год. Статистический сборник. – Саратов: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. 2009. – 180 с. (с.15, 44–47).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. –990 с.

3. [Электронный ресурс] - Режим доступа. http://edu.seun.ru/main/npi_docs_n/191.doc
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с. (236).
5. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской P32 Федерации. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 654 с. (с. 428).
6. Курды в Саратовской области. Сохраненная копия страницы от 20.09.2010 [04:07:26]. [Электронный ресурс] - Режим доступа Оригинал: <http://www.kurdishcenter.ru/content/view/1436/9/>
7. Опубликовано: 04.09.2010, рубрики: Новости, Рыбушки. [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://dumso.ru/news/v-gostyah-u-rybushkinskix-musulman.html>
8. Мигранты Саратовской области: Депортировать нельзя, оставить 17.12.2008 14:30 msk Мария Яновская (Фергана.Ру). [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://www.fergananews.com/article.php?id=5996>

Часовский В.И. (г. Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Переход России к рыночной экономике объективно ориентирован на завершение индустриального этапа развития в масштабах её национального хозяйства.

Экономическая неоднородность современного рыночного пространства РФ обусловлена комплексом причин, следствием которых являются: процесс дальнейшей дифференциации её регионов по уровню экономического развития, усиление экономических диспропорций, изоляционизма и дезинтеграции производственного пространства. Эти явления говорят о недостаточной разработанности соответствующих концептуальных основ и методологической базы доктрины национального и межгосударственного промышленного развития, отвечающих императивам формирования социально-ориентированной рыночной экономики страны.

Одним из основных аспектов государственного управления территориальным развитием России остаётся сохранение политики бюджетного выравнивания и поддержки депрессивных территорий, что предполагает определение конкретных комплексных проектов развития для российских регионов. Вторым, не менее значимым, в этом вопросе аспектом будет ориентация государства в управлении территориями на принцип «поляризованного» или «многополярного» развития.

Между тем процесс интернационализации выводит постсоветскую российскую экономику на качественно новый уровень в мирохозяйственной сфере, адаптируя национальное производство в соответствии с требованиями технологического единства мирового хозяйства. В этой среде разрозненные части (звенья), относящиеся к различным национальным экономикам, соединяются в единый всемирный интернационализированный воспроизводственный процесс (цикл) [1]. Связанные между собой производственно-экономическими связями транснациональные воспроизводственные полюса (ТНВП) могут образовывать интермодальные «коридоры (оси) роста», что немаловажно для проведения региональной промышленной политики России [5].

Отношение национальной индустрии и ТНВП строится на понимании и выделении этапов зарождения ТНВП учитывая его изменчивый, блуждающий характер, ибо участвующие в нём производственные структуры (корпорации, консорциумы, концерны и т.п.) в условиях жёсткой конкуренции вынуждены менять свой статус (национальный либо транснациональный) распадаются или сливаются в зависимости от форм товара, которым оперируют (товар-объект, товар-программа) и т.д. Предпосылкой этому является быстрая смена пластов экономической и производ-

ственной деятельности, подключение или отторжение различных хозяйственных единиц, инфраструктур, региональных группировок, национальных производств.

При проведении разумной национальной промышленной политики и формировании в стране ТНВП в виде промышленных кластеров, «еврорегионов», ТНК, ФПГ, особых экономических зон, технополисов и технопарков, промышленных парков, способных стать «полюсами роста», с одной стороны, усилится роль столичных и крупнейших региональных центров, где сосредоточены научные кадры и финансовые ресурсы. С другой стороны, усилится тенденция распространения «полюсов роста» в сырьевые, портовые и приграничные регионы России [2]. В результате экономического развития этих центров их техногенное влияние и скачок эффективности будут распространяться вширь, на периферию, что, в конечном счёте, приведёт к ослаблению контрастов между регионами страны.

Между тем, анализируя постсоветский этап развития России, отметим, что снижение доли отраслей реального сектора экономики произошло, прежде всего, за счёт промышленности. В ней существенно снизился уровень специализации и кооперирования, сократилось число переделов, заметно вырос удельный вес добывающих отраслей, то есть наряду с падением объёмов производства происходила редукция (упрощение) структуры промышленности. Помимо этого, в промышленности сохранялась тенденция диверсификации бизнеса, с созданием крупных вертикально- и горизонтально-интегрированных структур с поставщиками сырья и потребителями продукции. Однако при этом развивалось и противоположное направление – даже крупные структуры «избавлялись» в ряде случаев от недостаточно эффективных производственных звеньев, модернизация которых требовала значительных средств, что влияло на изменение состава и географических границ отдельных специализированных воспроизводственных контуров. Происходило усиление территориальной концентрации производства в регионах – традиционных лидерах отраслевого производства.

Важнейшие изменения в структуре промышленности страны проявились при сопоставлении пропорций добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности. Структурные преобразования, произошедшие в отраслях промышленности страны за время экономических реформ, оказались малоэффективными. Более удачно «вписались» в новые условия хозяйствования добывающие отрасли промышленности и естественные монополии, постепенно превратившиеся в национальные и международные ФПГ и ТНК.

Для промышленности России с начала экономических реформ была характерна устойчивая тенденция к сокращению объёмов производства и ассортимента продукции по всем отраслям. Спрос традиционных и новых потребителей на внешних рынках оказывал на отрасли специализации национальной промышленности в целом благоприятное воздействие. Экспорт продукции отраслей специализации был относительно стабильным, что позволило сохранить ряд предприятий от банкротства и продолжить их развитие. Для обслуживающих производство отраслей промышленности за время реформ были характерны такие же темпы падения объёмов производства, как и для отраслей специализации.

Для промышленности России в постсоветский период развития были характерны следующие типы трансформации (ТТ) территориально-организационной структуры промышленных предприятий: ТТ-1 – полное исчезновение отдельных элементов территориально-организационной структуры обрабатывающих и добывающих отрас-

лей; ТТ-2 – уменьшение элементов; ТТ-3 – появление новых элементов территориально-организационной структуры промышленных отраслей; ТТ-4 – стягивание элементов к наиболее богатым природным ресурсам; ТТ-5 – увеличение размеров (объёмов) элементов и увеличение их количества; ТТ-6 – незначительные изменения размеров (объёмов производства) элементов по сравнению с советским периодом [5].

В индустрии страны происходила трансформация территориально-отраслевой структуры промышленных узлов и центров. Ограниченный внутренний спрос в период экономического кризиса обуславливал разрыв национальных производственно-технологических связей между предприятиями, входящими в промышленные районы, узлы и центры. Крупные промышленные узлы за счёт высокой диверсификации отраслевой структуры находились в более благоприятном положении по производительности труда, финансовому результату и рентабельности, чем средние и малые узлы и центры.

Повышение эффективности функционирования предприятий в промышленных узлах во многом зависело от рационализации их структуры. Одно из направлений рационализации заключается в кластерном подходе к изменению структуры промышленных узлов. В промышленности постсоветской России уже начали развиваться кластеры, формирующиеся вокруг ключевых отраслей топливной, химической и нефтегазовой промышленности, автомобилестроения, металлургии, в судостроении. Но эти кластерные системы пока не могут быть в полной мере отнесены к настоящим кластерам, где существует отлаженная система множества конкурентоспособных поставщиков и клиентов.

Анализ региональных изменений в промышленности страны показал, что трансформационного спада не удалось избежать ни одному межотраслевому комплексу. Между тем сохраняющаяся примитивизация промышленности привела к полной зависимости страны от выживания её сырьевых отраслей.

Преимущество отдельных российских регионов, отличавшихся относительно современной структурой промышленности, было почти утрачено в связи с потерей рынков сбыта продукции перерабатывающих отраслей. Произошла деиндустриализация экономики отдельных субъектов Российской Федерации.

Экономический кризис 1991–1999 годов привёл к гипертрофии отраслей ТЭК в структуре промышленности регионов, богатых топливными ресурсами. Доля отраслей ТЭК и металлургии в промышленном производстве возросла почти во всех регионах страны. Регионы, обладающие наиболее развитым машиностроением в докризисный период, во многом сохранили свою специализацию, несмотря на то, что удельный вес отрасли в общем объёме национальной промышленности заметно сократился. Россия смогла частично сохранить объёмы выпуска продукции на предприятиях химической и нефтехимической, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, пищевой промышленности. В остальных отраслях в кризисный период (отдельные отрасли машиностроения, лёгкая промышленность) сокращение производства было катастрофическим – падение превышало от 50 до 85% от уровня 1991 года [3].

С 2000 года по 2008 год в большинстве регионов России наблюдался рост доли отраслей реального сектора экономики, прежде всего за счёт промышленности. За этот период промышленное производство в среднем по России увеличилось в 2–2,5 раза [4].

Между тем для индустрии большинства российских регионов была характерна стагнация или продолжившееся сокращение объёмов производства в машино-

строении и металлообработке. В химической и нефтехимической промышленности сокращение производства продукции было во многом обусловлено либо кризисом, либо подъёмом в отраслях-потребителях. В лёгкой промышленности положение начало стабилизироваться. В пищевой промышленности наблюдался подъём и рост производства продукции.

Таким образом, становление и развитие рыночных механизмов на национальном производственном пространстве активизировали региональные процессы. Часть из них связана с развитием старых тенденций. Среди новых тенденций отметим следующие: поляризация национального промышленного пространства; рост столичной ренты; усиление внутренней связанности промышленности регионов страны; разнотипная региональная динамика развития основных секторов промышленности; сжатие производственного пространства страны и её регионов; растущая дифференциация национального производственного пространства по направлениям внешнеэкономических связей; усиление ориентации в региональных производственных связях и пропорциях на соседствующие национальные или международные рынки [5].

Библиографический список

1. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2006. – 528 с.
2. Перелыгин Ю. Политика поляризованного развития // Экономика России: XXI век. – 2006. – № 20.
3. Регионы России в 1999 году. – М.: Госкомстат России, 2000.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 999 с.
5. Часовский В.И. Промышленность СНГ: структурные и пространственные изменения: монография. – Смоленск: Издательство «Универсум», 2009. – 476 с.

Чубаров И.Г. (г. Москва)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ КНР (на примере Гонконга)

Гонконг как глобальный город. Глобальные города, в первую очередь – это современные финансовые и деловые центры, транспортные и коммуникационные узлы мирового масштаба, привлекательные мультикультурные сообщества. В мире насчитывается несколько десятков глобальных городов разного ранга, они расположены преимущественно в трех самых развитых регионах мира – Северной Америке, Европе и Тихоокеанской Азии, образуя там местные подсистемы со своей спецификой и распределением ролей [1, 2]. И если в первых двух безоговорочное лидерство давно захватили Нью-Йорк и Лондон, то вопрос о третьей, азиатской «столице мира» пока не имеет однозначного ответа – слишком быстро происходят перемены и слишком большая конкуренция между тремя-четырьмя претендентами. Одни из них это Гонконг – город, который с самого начала входит в «глобальную лигу», и сейчас находится на восходящей фазе своего развития.

Начиная с середины 1980-х годов, Гонконг непременно фигурирует во всех рейтингах или исследованиях по тематике глобальных городов. Одной из наиболее авторитетных в своей области является классификационная методика исследовательской группы GaWC (университет Лафборо, Великобритания), основанная на ло-

кализации присутствия фирм из сектора деловых услуг (консалтинг, реклама, аудит и др.). Последняя ревизия списка, проведенная исследователями в 2008 г., отнесла его к категории «альфа+», второму рангу в глобальной иерархии и высшему – в азиатской, наряду с Токио, Сингапуром, Шанхаем и Пекином [3]. Подготовленный в Японии рейтинг 35 глобальных городов GPCI-2009, ставит Гонконг на десятое место в мире и третье в Азии, уступая только Токио и Сингапуру. Наивысшие показатели в этом комплексном ранжировании (учитывались показатели в таких областях, как экономика, развитие науки, культурное взаимодействие, экологическая обстановка и другие) Гонконг получил за счёт своей экономики, опередив Сингапур [4]. Ещё одна комплексная иерархия глобальных городов была построена американскими исследователями в 2008 г. (Global City Index). В нём Гонконг находится на пятом месте в мире и втором в Азии, сразу после Токио, наивысшие места занимает по категориям «экономика» и «человеческий капитал» [5].

Гонконг относится и во многом олицетворяет собой особый тип глобальных городов – «город-ворота». Факторами их включения во всемирную урбанистическую сеть являются не столько валовые экономические и демографические показатели, а та связующая роль, которую они выполняют [6]. Ключевой глобальной компетенцией Гонконга, проявляющейся сейчас во всех областях экономической и социальной модели, является его роль «Ворот в Китай». Экономика города занимает естественное для себя промежуточное положение, помогая иностранным компаниям вести бизнес внутри Китая, либо консультируя китайских предпринимателей, намеревающихся выйти за пределы страны. Как раз такой город, со специализацией на международных связях можно с большим основанием отнести к глобальным, чем крупный промышленный или финансовый центр одной страны. В целом же, к числу наиболее сильных сторон Гонконга в глобальной городской сети относятся геоэкономика, транспорт и этнокультурная городская среда, каждая из которых заслуживает отдельного описания. Уникальная комбинация исторических, географических, геополитических, управленческих и пр. факторов сделала Гонконг геоэкономическим центром мирового значения, что и позволяет причислить его к глобальным городам высшего порядка.

Измерения глобальности. Гонконг стал одной из первых территорий в мире, в своём развитии полностью перешедшей на постиндустриальные рельсы. Специализацией города ещё в 1970-х стали отрасли третичного сектора экономики, которые сейчас занимают более 90% ВВП и 80% занятых [7]. В четырёх ключевых отраслях – финансовые услуги, туризм, торговля и транспорт, деловые услуги – занято 3,5 млн. горожан и производится половина валового продукта. В финансовом секторе Гонконг является одним из важнейших игроков в Азии – третья по капитализации биржа ценных бумаг, второе место по величине привлечённых и осуществлённых инвестиций, здесь действуют две трети крупнейших банков и страховщиков мира. Экономика города уже десятилетия характеризуется как «наиболее свободная экономика мира» – здесь отсутствуют ограничения на передвижение товаров и капиталов, размер ввозимых или вывозимых средств; принцип абсолютно свободной конкуренции не делает различий между иностранными и местными компаниями. Вкупе с независимой системой правосудия (город – азиатский центр арбитража) это создаёт крайне комфортный деловой климат для бизнесменов со всего мира.

За счёт своего выгодного ЭГП положения, Гонконг широко вовлечён в мировую торговлю – согласно статистике, это 13-я по размаху торговли экономика на плане-

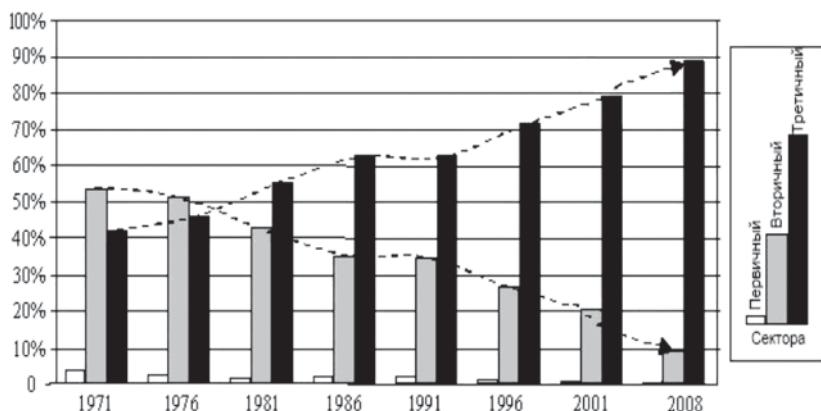

Рис. 1. Структура ВРП Гонконга по трём секторам, 1971–2008 гг.

Источник: [7]

те. В 2008 г. торговый оборот составил более 750 млрд долл. США, экспортная квота (соотношение торговли и ВВП) – почти 400%. Такие цифры связаны со специализацией Гонконга как реэкспортной гавани, доля собственного экспорта в валовом объёме не достигает и 5%. Основным торговым партнёром, как по экспорту, так и по импорту является, что естественно, континентальный Китай. Отсюда товары преимущественно направляются в развитые страны Запада (США, Германия), а приходят сюда для дальнейшей отправки в Китай товары других азиатских стран (Южная Корея, Сингапур, Тайвань). Гонконг является одним из наиболее привлекательных мест для инвестиций – в 2008 г. в его экономику было инвестировано порядка 60 млрд долл., что является седьмым показателем в мире и вторым в Азии.

Несомненно, ключевой фактор включения Гонконга в глобальную городскую сеть – это те связи, которые он осуществляет посредством транспортной функции. Гонконг расположен в без преувеличения в самом центре АТР, посередине между его двумя самыми развитыми частями – северной (Япония, Республика Корея) и южной (Сингапур, Малайзия). В пятичасовой доступности от города проживает половина всего населения планеты. Стратегическое расположение в устье реки Чжуцзян позволяет ему быть морскими воротами южного Китая, основного индустриального региона страны. Гонконг уже на протяжении 50 лет специализируется на международных логистических операциях, и, несмотря на усиливающуюся конкуренцию со стороны Шанхая[8,9], по-прежнему остаётся главным транспортным узлом АТР.

Кроме экономической и демографической сторон, важными сторонами глобальности города является его нематериальная сфера и городская среда. Это труднее всего поддающаяся оценке и параметризации составляющая, тем не менее, обязательно присутствует в исследованиях ГГ. Степень интернационализации города проявляется в количестве постоянно проживающих иностранцев, проводимых международных спортивных, культурных, научных мероприятиях, привлекательности для туристов. Эти показатели тесно связаны с общим уровнем комфортности городской среды – развитостью общественного транспорта, экологической обстановкой, доступностью и разнообразием мест проведения досуга.

Формирование городской культурной среды Гонконга в первую очередь связано с этно-языковой спецификой региона и его историей. До 1997 г. он находился в составе Великобритании, что привело к широкому распространению европейский ценностей и взгляда на жизнь среди горожан. Уникальность города состоит в широком распространении английского языка несмотря на этническую монолитность (95% населения – китайцы). Он является вторым официальным, и за 1990-е доля говорящих выросла до 45% [14]. Город фактически двуязычен, о чём говорит и статистика СМИ – на английском языке выходят 20 из 43 газет и 199 из 640 периодических изданий. Родным языком китайского населения является кантонский диалект, отличающийся от общепринятого в КНР, но благодаря усилиям правительства число говорящих на обоих постоянно растёт. В городе на постоянной основе проживает почти 500 тыс. иностранцев, больше чем во всём остальном Китае. К их услугам более 50 международных школ, ведущих свою деятельность в соответствии с образовательными стандартами различных стран. Кроме лучшего в Азии Гонконгского Университета, ещё два ВУЗа входят в 50 мировых лидеров. Благодаря прекрасно работающему общественному транспорту город является одним из наименее «автомобильных» мегаполисов мира, в нём на 7 млн человек все 570 тыс. частных машин. Довершают картину развитая культурная среда – третья по величине киноиндустрия в мире, авторитетный кинофестиваль, многочисленные выставки и события в мире моды.

Закключение. Своим нынешним процветанием город во многом обязан долгим нахождением в составе одной из наиболее рыночных «по духу» стран мира – Великобритании, которая сумела создать здесь среду, способствующую развитию свободного предпринимательства, тот самый «комфортный деловой климат», который и сейчас привлекает сюда компании со всего мира. Его составляющие – низкие налоги, устоявшаяся законодательная база, отсутствие коррупции, высокоразвитые профессиональные услуги, банковская и страховая системы. Всё это, вкупе с удобным географическим положением и наличием высококвалифицированной англоговорящей рабочей силы максимально облегчают работу иностранных компаний в регионе и способствуют притоку зарубежных инвестиций. Не последнее место играет и политическая стабильность региона – город обладает высокой степенью автономии, которая была гарантирована властями КНР перед воссоединением. Более тесная интеграция с КНР, как становится ясно, не затормозила развитие города, а наоборот, открыла широкий простор для развития. Вопреки опасениям скептиков, в начале XXI в. Гонконг продолжает динамично развиваться, претендуя на статус азиатского глобального города и вхождение в самый высокий уровень мировой «городской элиты».

Библиографический список

1. Слукa Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. – Москва-Смоленск, 2009.
2. Пчелинцев В.С. Урбанизация в азиатском регионе на рубеже веков: От мегаполисов к «мировым» городам // Мегаполисы в условиях глобализации: сборник обзоров и рефератов. – М.: РАН. ИНИОН, 2008. – С. 87–113..
3. Taylor P.J. in associations with P. Ni, B. Derudder, M. Hoyler, J. Huang, F. Lu, K. Pain, F. Witlox, X. Yang, D. Bassens and W. Shen Measuring the world city network: new results and developments // GaWC Research Bulletin, 2009. – № 300.
4. Global Power City Index 2008–2009// Institute for Urban Strategies, The Mori Memorial Foundation. Tokyo 2008–2009 Электронная версия. Режим доступа: http://www.mori-m-foundation.or.jp/english/research/project/6/pdf/GPCI2009_English.pdf.
5. The 2008 Global Cities Index // Foreign Policy, A.T. Kearney, The Chicago Council on Global Affairs, 2008 Электронная версия. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2008/10/15/the_2008_global_cities_index.

6. Слука Н.А. «Ключевые компетенции» глобальных городов в мировой системе // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М., 2007. – С. 79-103.
7. Census and Statistics Department, The Government of the Hong Kong Special Administrative Region – официальный сайт. Режим доступа: http://www.censtatd.gov.hk/hong_kong_statistics/index.jsp
8. Самбунова Е.Н., Чубаров И.Г. Шанхай – мировой город с «китайской спецификой» // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М., 2007. – С. 169-185.
9. Bradsher K., Barboza D. Hong Kong and Shanghai vie to be China's financial center // The New York Times. – 15.01.2007.

Шавель А.Н. (г. Минск)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ТОВАРАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ в 2005–2009 гг.

Внешняя торговля является важным фактором, регулирующим развитие экономики страны. Республика Беларусь относится к числу малых индустриальных стран с ограниченными природными ресурсами и незначительной емкостью внутреннего рынка. Поэтому социально-экономическое развитие в основном поддерживается за счет экспорта и импорта.

Формирование национальной экономики Республики Беларусь происходило в составе СССР, что не могло не определить основные особенности внешнеторговой деятельности после получения страной независимости. Роль БССР в едином народнохозяйственном комплексе СССР – «сборочный цех», она являлась значимым потребителем полуфабрикатов и комплектующих изделий, в тоже же время оставаясь важным производителем широкого спектра готовых товаров. С распадом СССР многие устоявшиеся связи были разорваны, но вместе с тем отрасли национальной экономики не могли отказаться от устоявшихся экспортно-импортных связей. Желание сохранить и вывести на новый уровень функционирование отдельных валобразующих отраслей и предприятий, особенности структуры национальной экономики и объемы производства отдельных видов продукции обуславливают необходимость активного выхода на внешние рынки. Это является важной предпосылкой для сохранения высокой вовлеченности белорусской экономики в мирохозяйственные связи. Стоит отметить, что объем внешнеторгового оборота на протяжении практически всего периода независимости превышал объем ВВП, а величина внешнеторговой квоты доходила до 131 % (в 2004 г.). К 2009 г. размер внешнеторговой квоты сократился и составил 102 %, а доля экспорта в ВВП – 44 %.

В республике на протяжении последних лет постоянно проводится регулирование внешнеторговой деятельности. Это связано с наличием негативных фактов, сопровождающим внешнюю торговлю Республики Беларусь: увеличение объема импорта товаров, отрицательное сальдо внешней торговли товарами, преобладание промежуточных товаров в структуре экспорта и импорта. Для решения имеющихся проблем правительством был разработан ряд программ развития внешнеторговой деятельности: «Государственная программа импортозамещения на 2006–2010 гг.», «Национальная программа развития экспорта на 2006–2010 гг.».

В результате их реализации в 2005–2008 гг. наблюдался поступательный рост объемов внешнеторгового оборота с 32687 до 71952,1 млн. долл. США. Однако не все поставленные цели были достигнуты. Значительная открытость экономики и высокая вовлеченность в мирохозяйственные связи обусловили подвержен-

ность экономики страны колебаниям, происходящим в мировой экономике. Мировой финансовый кризис 2009 г. отрицательно сказался и на экономике республики: произошло резкое сокращение объемов внешнеторгового оборота до 49846 млн. долл. США (в 1,44 раза менее чем в 2008 г.). В таких условиях требовалось полностью выполнять параметры, заложенные в вышеназванных программах. Однако наряду с сокращением внешнеторгового оборота, темпы сокращения экспорта превышали соответствующие показатели по импорту, в результате отрицательное сальдо увеличилось еще на 472 млн. долл. США. Если сравнивать значение внешнеторгового сальдо товарами в 2009 г. с аналогичным показателем 2005 г., то оно увеличилось в 10 раз. Это говорит о больших темпах роста импорта, что, конечно, свидетельствует о невыполнении принятых программных документов. Такое развитие событий актуализировало вопрос о повышении конкурентоспособности белорусских товаров на мировом рынке за счет улучшения их качества, снижения издержек на производство, увеличения ассортимента. Действенным способом решения проблемы реализации экспортируемых белорусских товаров является также поиск рынков сбыта за счет освоения новых, удержания нынешних и возврата бывших внешнеторговых партнеров.

Последнее пятилетие характеризовалось началом ломки устоявшихся связей, которая была обусловлена появлением политических и экономических разногласий с основным внешнеторговым партнером и стратегическим союзником – Российской Федерацией. Главная причина их возникновения связывается с необходимостью «экономизировать» взаимоотношения между двумя государствами, а основными инициаторами выступали крупнейшие российские монополисты, стремящиеся к получению максимальной прибыли. Это привело к сокращению товарооборота между странами, появлению споров и введению ограничений на торговлю отдельными видами товаров. В данных условиях правительство Республики Беларусь начало пересматривать свои позиции по внешней торговле в сторону усиления диверсификации внешнеторговых связей. Несмотря на это, Россия безальтернативно является главным внешнеторговым партнером Беларуси.

В 2005 г. её доля во внешнеторговом обороте составила 48,4 %. Россия является как важным поставщиком сырьевых ресурсов на белорусский рынок, так и значимым потребителем широкого спектра готовой продукции. За ней следовали Нидерланды (7,9 %), Германия (5,6 %), Украина (5,5 %), Польша (4,4). Важными внешнеторговыми партнерами также являлись такие страны как Соединенное Королевство (2,3 %), Китай (2,2 %), от 1 до 2 % доля в товарообороте с Беларусью была у Италии, Литвы, Франции, Латвии, США и Швеции.

Географические особенности внешнеторговых отношений в 2005 г. обуславливались высокой ролью стран-соседей первого порядка (доля 5 стран – России, Украины, Польши, Литвы и Латвии – составила 61,1 %). Высокий спрос на белорусские продукты нефтепереработки обусловил достаточно высокую долю во внешнеторговом обороте Беларуси стран ЕС (32,7 %). Доля стран бывшего СССР составляла 58,8 %, доля стран СНГ – 55,7 %. Доля стран бывшего СЭВ (без учета Германии, Албании и стран бывшего СССР) была около 6,1 %. Доля стран «Великой триады» – Германии, США, Японии – в 2005 г. составила всего лишь 7,0 %, из этого объема большая часть товарооборота была у Беларуси с Германией.

Для оценки успешности внешней торговли товарами Беларуси с отдельными странами мира был использован коэффициент сбалансированности, который

определяет соотношение экспортно-импортных операций по каждому внешнеторговому партнеру и вычисляется по формуле:

$$K_{сб} = \frac{C}{T_o}, \quad (1)$$

где C – сальдо внешней торговли товарами, а T_o – товарооборот. При значении $K_{сб}$ от $-0,2$ до $0,2$ считается, что торговля сбалансирована; при $K_{сб} > 0,2$ рассматриваемая страна проводит экспортную экспансию на рынок другого государства, а при $K_{сб} < -0,2$ наблюдается импортная экспансия со стороны внешнеторгового партнера.

Если рассматривать страны мира, с которыми Республика Беларусь в 2005 г. имела объем товарооборота свыше 100 млн. долл. США, то из 25 таких стран лишь 7 государств выработали с Беларусью положительное сальдо внешней торговли: Российская Федерация (+4402,4 млн. долл. США), Германия (+412,6), Италия (+233,8), Швейцария (+118,5), Чехия (+43,6), Бельгия (+39,7), Турция (+34,6). У Беларуси наибольшая выгода (свыше 100 млн. долл. США) сложилась в торговле с Нидерландами (+2247,0 млн. долл. США), Соединенным Королевством (+976,4), Польшей (+268,4), Латвией (+232,0), Литвой (+217,2), Швецией (+173,6), Казахстаном (+152,4), Индией (+151,5) и Китаем (+146,8). Сбалансированный товарооборот ($-0,2 < K_{сб} < 0,2$) у Беларуси в 2005 г. сложился с следующими наиболее значимыми партнерами: Украиной (0,008), США (0,038), Бразилией (0,081), Данией (0,106) и Молдовой (0,171). Наиболее несбалансированный внешнеторговый товарооборот в пользу Беларуси ($0,5 < K_{сб} < 1,0$) имелся с Нидерландами (0,874), Соединенным Королевством (0,772), Эстонией (0,714), Казахстаном (0,710), Индией (0,622), Латвией (0,562); не в пользу Беларуси ($-1,0 < K_{сб} < -0,5$) – со Швейцарией (-0,935). Помимо этого с двумя нашими основными внешнеторговыми партнерами сложился несбалансированный товарооборот: Российской Федерацией (-0,278) и Германией (-0,226). Данные две страны занимают 1 и 3 место по объему товарооборота с Беларусью и обеспечивают наибольший вклад в отрицательное значение сальдо внешней торговли республики.

Следующий год, который вызывает интерес у исследователя, – докризисный 2008 г. По сравнению с 2005 г. объем ВВП Беларуси в текущих ценах увеличился в 2 раза (с 30210 млн. долл. США в 2005 г. до 60302 млн. долл. США в 2008 г.). Данный год характеризовался максимальными объемами внешней торговли.

Наибольший абсолютный прирост объемов внешней торговли товарами у Беларуси в период с 2005 по 2008 г. сложился с Российской Федерацией – 18225,3 млн. долл. США. Прирост объема внешнеторгового оборота с Нидерландами и Украиной превысил 3 млрд. долл. США. Значительный прирост объемов (от 1 до 2 млрд. долл. США) наблюдался во взаимной торговле с Латвией, Германией, Польшей, Китаем и Бразилией. Сократился товарооборот с Швецией (на 90 млн. долл. США), Кубой (4,2), Пакистаном (1,3) и Тунисом (0,9). В процентном отношении наибольший прирост внешнеторгового оборота наблюдался в торговле с Латвией (1,9 %), Украиной (1,3 %), Бразилией (1,1 %), Китаем (0,6 %) и Японией (0,3 %), с остальными странами увеличение внешнеторгового оборота не превысило 0,2 %. Наибольшее сокращение доли во внешнеторговом обороте Беларуси произошло у Соединенного Королевства (-1,5 %), России (-1,1 %), Швеции (-0,7 %), Германии (-0,6 %), Франции (-0,5 %). Чуть меньшей спад произошел во взаимоотношениях с США, Литвой, Польшей, Данией, Венгрией, Индией, Пакистаном и Кубой.

Географическая структура внешнеторгового оборота республики в 2008 г. имела следующие особенности. Сохранила свое лидерство во внешнеторговом обороте Беларуси Российская Федерация (47,3 %): по сравнению с 2005 г. ее доля сократилась на 1,1 %. Снижение общего объема товарооборота в большей степени было обусловлено сокращением доли экспорта белорусской продукции в Россию. Сохранили за собой второе место во внешнеторговом обороте республики Нидерланды, увеличив свою долю до 8,0 %. На третье место вышла Украина (6,8 %), обойдя Германию (5,0 %). Сохранился значительный товарооборот с Польшей (4,1 %), значительно увеличился с Латвией (до 3,2 %), далее следовали Китай (2,8 %), Соединенное Королевство (2,3 %). От 1 до 2 % составляла доля Бразилии, Италии и Литвы в торговле товарами с Беларусью.

Если рассматривать региональные группировки, то сохраняется высокий удельный вес соседей 1-го порядка (62,6 % от объема всего внешнего товарооборота), возросший на 1,5 %. Увеличилась и доля стран бывшего СССР (на 2,1 % до 60,9 %) и СНГ (на 0,3 % до 56 %). Сократилась доля стран ЕС (до 31,6 %), СЭВ (до 5,91 %) и «Великой триады» (до 6,33 %).

Кризисные явления, начавшие проявляться в мировой экономике в 2008 г., в значительной степени повлияли на состояние внешней торговли Республики Беларусь. За 2008–2009 гг. лишь с 18-ю странами у Беларуси отмечался рост внешнеторгового оборота. Рост свыше 50 млн. долл. США был зафиксирован с Индией (173,1 млн. долл. США), Ливаном (92,5), Пакистаном (58,7) и Венесуэлой (57,6). Наибольший спад в объеме внешнеторгового оборота (свыше 1 млрд. долл. США) наблюдался в отношениях с Россией (-10628,3 млн. долл. США), Нидерландами (-3202,6), Украиной (-1910,5), Польшей (-1343,0); значительный – с Китаем (-772,9), Бразилией (-660,6), Соединенным Королевством (-629,9) и Латвией (-503,9). В целом за период с 2005 по 2009 г. объем товарооборота по отдельным странам вырос. Довольно значительно – у России (7597,0 млн. долл. США), Германии (1373,1), Латвии (1361,9) и Украины (1180,8).

В процентном отношении в 2008–2009 гг. наибольший рост объема товарооборота наблюдался у Беларуси с Германией (на 1,42 %), Индией (0,61 %), Латвией (0,39), Венесуэлой (0,22); сокращение торговли произошло с Нидерландами (-2,87 %), Польшей (-0,87 %), Украиной (-0,82 %), Бразилией (-0,57 %), Россией (-0,33 %) и Китаем (-0,30 %). В целом за период с 2005 по 2009 г. наибольший рост объема товарооборота у Беларуси наблюдался с Латвией (на 2,3 %), Германией (0,83 %), Бразилией (0,5 %), Украиной и Индией (по 0,47 %), Венесуэлой (0,41 %) и Китаем (0,33). Наибольшее сокращение товарооборота за этот же период произошло с Нидерландами (-2,71 %), Соединенным Королевством (-1,75 %), Россией (-1,43 %), Польшей (-1,13 %), Швецией (-0,63 %), Францией (-0,46 %) и Литвой (-0,35 %).

В 2009 г. наиболее важным внешнеторговым партнером Беларуси безоговорочно оставалась Россия (47,01 % объема внешнеторгового оборота). Германия вернулась на 2-е место (6,43 %), отодвинув Нидерланды на 4-е (5,16 %), а 3-е место осталось за Украиной (5,98 %). Важными партнерами в 2009 г. были Латвия (3,56 %), Польша (3,23 %), Китай (2,52 %) и Соединенное Королевство (2,12 %). От 1 до 2 % объема внешней торговли приходилось на Италию, Индию, Бразилию и Литву.

Если рассматривать внешнюю торговлю Беларуси по региональным группировкам, то следует отметить сокращение объемов торговли за 2005–2009 гг. со странами-соседями 1-го порядка (до 60,9 %), ЕС (до 29,1 %), СНГ (до 55,2 %) и СЭВ

(до 4,8%). Лишь «Великая триада» смогла увеличить свою долю в товарообороте до 7,8% (в основном за счет Германии).

В 2009 г. объем внешней торговли свыше 100 млн. долл. США с Беларусью имели 40 государств, и у 21 из них наблюдался положительное сальдо торговли с республикой. Анализ коэффициента сбалансированности позволяет сделать вывод о дисбалансе во внешней торговле Беларуси с большинством стран, так как из 40 государств лишь 4 страны – Украина (0,135), Норвегия (0,096), Польша (0,023), Словакия (-0,135) были соизмеримы по объему двусторонних экспортно-импортных операций. По сравнению с 2005 г. уровень несбалансированности внешней торговли еще более увеличился. Наибольшие диспропорции в пользу Беларуси сложились в торговле с Венесуэлой (Ксб=0,999), Ливаном (0,984), Азербайджаном (0,931), Нидерландами (0,882), Латвией (0,868), Пакистаном (0,859); не в пользу Беларуси – в торговле с Японией (-0,973), Швейцарией (0,938), Аргентиной (-0,933), Испанией (-0,895), Республикой Корея (-0,880), США (-0,824). С основными внешнеторговыми партнерами у Беларуси сложился в целом отрицательный баланс: Россией (Ксб=-0,427), Германией (-0,383), Китаем (-0,723), Италией (-0,582). Сохранился положительный баланс в торговле с Соединенным Королевством (Ксб=0,515).

Если рассмотреть изменение Ксб внешней торговли Беларуси с основными внешнеторговыми партнерами, то в 2005–2009 гг. положительная динамика наметилась в отношениях с Бразилией (+0,499), Латвией (+0,307), Молдовой (+0,163), Норвегией (+0,156), Узбекистаном (+0,140), Украиной (+0,127) и рядом других государств. Однако в целом бросается в глаза тот факт, что с большинством крупнейших внешнеторговых партнеров за этот период сложилась отрицательная динамика сальдо внешней торговли. В частности, наихудшие показатели динамики во взаимоотношениях с Китаем (-0,928), Францией (-0,925), США (-0,862), Швецией (-0,844), Данией (-0,659) и Венгрией (-0,515). Стабильное положение дел наблюдается во внешней торговле Беларуси с Нидерландами, Индией, Казахстаном, Турцией, Венесуэлой, Австрией, Азербайджаном, Пакистаном и Ливаном (изменение Ксб не превышает 0,1). А в торговле с Россией и Германией произошел сдвиг не в пользу Беларуси (изменение Ксб для этих государств составило -0,149 и -0,157 соответственно).

Для оценки разнообразия торговых связей страны можно использовать индекс географической диверсификации внешней торговли (Р), рассчитываемый по аналогии с индексом этнической мозаичности Б.М. Эккеля:

$$P = \sum \Pi_j^m (1 - \Pi_j) \quad (2)$$

где m – число торговых партнеров, Π_j – доля j -й страны во внешней торговле Беларуси.

В 2005 г. значение индекса составляла 0,714, что говорит о высокой диверсификации внешнеторговых партнеров у Республики Беларусь. К 2008 г. его значение увеличилось до 0,745, однако в 2009 г. сократилось до 0,725. Данный факт указывает на широкие связи республики в торговле и подтверждает тенденцию на их пространственную диверсификацию, а динамика показателя отражает влияние кризиса на географические особенности внешней торговли, который сужает круг торговых партнеров.

Особенности внешнеторговой деятельности Республики Беларусь заключаются в следующем:

1) Республика Беларусь является страной с относительно высокой диверсифицированностью внешнеторговых партнеров (в 2009 г. $P=0,725$);

2) Основным внешнеторговым партнером остается Российская Федерация, хотя ее доля сократилась в 2009 на 1,43 % по сравнению с 2005 г.;

3) Важнейшими внешнеторговыми партнерами Беларуси являются страны-соседи 1-го порядка, страны СНГ и ЕС;

4) Происходит разбалансирование внешней торговли товарами Беларуси (увеличение диспропорции между экспортом и импортом по странам), о чем свидетельствует изменение Ксб, который стремится в сторону увеличения к 1 и уменьшения к -1.

Шеломенцева М.В. (г. Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В современной России актуальность решения вопросов стратегического управления развитием территории обусловлена преобразованиями экономического уклада жизни страны, произошедшими в последнее десятилетие XX века. Изменение содержания местного самоуправления в связи с принятием 6 октября 2003 года Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющего возможность под свою ответственность решения населением соответствующей территории местных вопросов, стало основанием для самостоятельной разработки и реализации муниципальной стратегии. В таких условиях каждое муниципальное образование во многом самостоятельно несет ответственность за свое комплексное социально-экономическое состояние, имидж и перспективы развития.

С этой точки зрения занятость и труд, качество и состояние трудового потенциала являются одним из главных системообразующих факторов экономического роста не только страны и её регионов, но и муниципалитетов. Вопросы формирования трудовых ресурсов региона приобретают в настоящее время особую актуальность в связи наблюдающимися в стране уменьшением численности экономически активного населения, дефицитом квалифицированной рабочей силы, заметным старением кадрового состава отраслей экономики, деформацией нормальной социально-демографической структуры занятости (образовательной, возрастной, гендерной). Складывающаяся в регионах, и стране в целом, ситуация с трудовыми ресурсами показывает, что в перспективе уменьшение численности населения становится важнейшим фактором ограничения роста производства. Всё более заметное влияние на состав трудовых ресурсов оказывает миграция.

В этих условиях для органов управления, в том числе и регионального уровня, важно проводить постоянный мониторинг социально-трудовой сферы, исследовать влияние демографических процессов на экономический рост региона, определять, какие социально-экономические меры могут оптимизировать процессы формирования, распределения и использования трудовых ресурсов.

В настоящей работе проведен анализ динамики занятости населения Смоленской области и её муниципальных образований за период 2006–2009 гг. Результаты таких исследований служат основой для развития и совершенствования моделей анализа и прогнозирования состояния трудовых ресурсов региона.

Таблица 1

Динамика основных макроэкономических показателей Смоленской области за 2006 – 2009 гг.
(в сопоставимых ценах), в % к предыдущему году

Показатели	Годы			
	2006	2007	2008	2009
А	1	2	3	4
Объем промышленной продукции	105,6	111,5	98,6	91,1
Инвестиции в основной капитал	97,0	135,0	129,0	90,0
Объем платных услуг населению	99,8	108,0	115,0	89,0
Оборот розничной торговли	111,0	114,0	115,4	98,3
Реально располагаемые денежные доходы	109,5	108,3	115,3	98,0
Индекс потребительских цен (среднегодовой)	110,0	114,0	116,8	110,0
Доля оборота малых предприятий Смоленской области в обороте малых предприятий РФ	87,5	100,0	165,1	146,0
Численность индивидуальных предпринимателей, осуществлявших предпринимательскую деятельность на территории Смоленской области	...	...	100,0	84,8
Численность наемных работников, занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица на территории Смоленской области	...	...	100,0	26,0

Примечание: Расчёты во всех таблицах сделаны на основе источника [4]

Статистические данные представлены по следующим направлениям: численность населения в трудоспособном возрасте, экономически активное население, занятость и безработица по муниципальным образованиям.

Информационную базу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), нормативные документы и аналитические материалы органов исполнительной и законодательной власти и других исследовательских организаций в области проблем занятости и рынка труда.

1. Краткая характеристика социально-экономического положения Смоленской области. Смоленская область расположена в центре Восточно-Европейской равнины, на крайнем западе Российской Федерации, и имеет выгодное географическое положение. Она граничит с пятью областями России: на севере – с Псковской и Тверской, на востоке и юго-востоке – с Московской и Калужской, на юге – с Брянской; а также с двумя областями республики Беларусь: Витебской – на северо-западе и Могилевской – на юго-западе.

Ретроспективный анализ социально-экономического развития Смоленской области (табл.1) позволил установить выраженную тенденцию спада основных экономических показателей.

Сравнительный анализ данных табл. 1 показывает, что в 2009 г. по сравнению с 2007 г. спад объема промышленной продукции составил 18,35 процентных пункта (п.п.); инвестиций в основной капитал – 33,3 п.п.; реально располагаемых денежных доходов населения – 9,5 п.п.; объемов платных услуг населению – 17,6 п.п.; оборота розничной торговли – 13,8 п.п. Снижение индекса потребительских цен произошло на 3,5 п.п.

В регионе основными отраслями промышленности являются машиностроение и металлообработка, химическая, пищевая промышленность. По данным Всерос-

сийской сельскохозяйственной переписи на 1 июля 2006 г. 30% всех земель области приходится на сельскохозяйственные угодья, 20% составляет пашня. Смоленская область специализируется на выращивании крупного рогатого скота молочно-мясного направления, свиноводстве, птицеводстве. Выращивают лен-долгунец, картофель, овощи, плодово-ягодные и кормовые культуры. На долю области приходится 43,2% производства в РФ крупных электромашин, 12,1% – молочных консервов, 3,3% – животного масла.

По данным рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2008 г. инвестиционный рейтинг Смоленской области – 3В2, что означает незначительный потенциал и умеренный риск. Среди 83 регионов России область занимает 32-е место по инвестиционному риску и 54-е по инвестиционному потенциалу. Наименьший инвестиционный риск – социальный, наибольший – криминальный. Наибольший потенциал – инфраструктурный.

По рейтингу финансовой устойчивости регион относится к группе значительного спада, по рейтингам экономической устойчивости – к группе глубокого спада, по рейтингу социальной устойчивости – к группе глубокого спада и по комплексному рейтингу антикризисной устойчивости – к группе глубокого спада.

Сравнительный анализ важнейших экономических показателей Смоленской области дает представление о развитии экономики региона, о смене тенденций развития ситуации в послекризисный период на фоне демографических проблем.

2. Демографические характеристики трудовых ресурсов региона. Смоленская область относится к числу демографически неблагополучных регионов Центральной России. На Смоленщине, как и в целом по России, продолжается начавшееся в 1990-е годы резкое обострение демографических проблем. Область вступила в стадию стабильного процесса депопуляции, т.е. устойчивого сокращения численности населения вследствие превышения числа смертей над рождениями и, начиная с 1999 года, постоянной миграционной убылью населения.

Население области по данным на 01.01.2010 г. составляет 966,0 тыс. человек, в т. ч.: городское – 694,1 тыс. человек, сельское – 271,9 тыс. человек.

Деформация демографических структур и институтов, обеспечивающих обществу жизненное воспроизводство человеческого потенциала, происходит на фоне катастрофического сокращения численности населения, особенно за счет его естественной убыли, связанной с низким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности. Динамика удельного веса населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения в Смоленской области точно повторяет аналогичную кривую для РФ. Это свидетельствует о том, что Смоленская область является территориальным образованием в демографическом отношении типичным для Российской Федерации в целом.

В настоящее время под трудовыми ресурсами региона понимается часть его населения, обладающая физическими и духовными способностями для участия в трудовой деятельности [1]. В современной практике, согласно «Методологическим положениям по статистике» к трудовым ресурсам относится население, занятое экономической деятельностью или способное трудиться, но не работающее по тем или иным причинам. При этом в состав трудовых ресурсов включается трудоспособное население в трудоспособном возрасте и работающие лица, находящиеся за пределами трудоспособного возраста (лица пенсионного возраста и подростки), ино-

Таблица 2

Динамика статистических территориальных значений распределения населения
трудоспособного возраста в Смоленской области за 2006 – 2009 гг., в %

Годы	Количество МО	$\bar{x}$	Me	$x_{\min}$	$x_{\max}$	R	V_{σ}
A	1	2	3	4	5	6	7
2006	27	59,6	59,4	54,3	70,0	15,8	12,8
2007	27	59,9	60,0	54,6	69,8	15,2	11,8
2008	27	60,0	60,3	54,8	69,2	14,4	10,1
2009	27	59,9	60,2	54,7	68,5	13,8	8,7

странные трудовые мигранты. Далее автор придерживается статистического подхода к пониманию категории «трудовые ресурсы».

В состав Смоленской области входят 27 муниципальных образований (МО): 25 муниципальных районов и 2 городских округа. Наиболее крупные города по оценке на 1.01.2010 г. (тыс. жителей): Смоленск – 314,5, Вязьма – 54,6, Рославль – 53,7, Ярцево – 48,8, Сафоново – 43,5.

Численность трудовых ресурсов непрерывно изменяется: увеличивается за счет вступления части населения в трудоспособный возраст; сокращается за счет достижения частью населения пенсионного возраста, а также выбытия по причине смертности. Уменьшение удельного веса населения в трудоспособном возрасте происходит в основном за счет увеличения численности лиц старше трудоспособного возраста, т.е. старения населения.

Группировка муниципальных образований Смоленской области по трудоспособному населению за 2006–2009 гг. показывает, что на их территории сосредоточено от 55% до 65 % населения трудоспособного возраста и уровни сосредоточения населения трудоспособного возраста подчиняются законам нормального распределения. Свыше 65 % трудоспособного населения сосредоточено в городах Десногорск – центре атомной энергетики Смоленской области и Смоленске – областном центре.

Для количественной оценки вариации и степени однородности распределения населения трудоспособного возраста по муниципальным образованиям региона использованы следующие статистические характеристики: максимальное ($x_{\max}$), минимальное ($x_{\min}$), среднее арифметическое ($\bar{x}$) значения, размах вариации (R), медиана (Me), коэффициент вариации (V_{σ}), представленные в табл. 2.

Исследование муниципальных уровней занятости по годам путем оценки динамики максимальных и минимальных значений, а также их размаха (гр.4-6 табл.2) показало снижение муниципальной дифференциации по рассматриваемому показателю. Причем, если в 2008 г. по сравнению с 2006 г. размах уменьшился на 1,4 п.п., то в 2009 г. по сравнению с 2006 г. снижение составило уже 5,0 п.п.

На протяжении всего рассматриваемого периода распределение населения трудоспособного возраста по МО региона приблизительно симметрично ($\bar{x} \approx Me \approx 60\%$), что позволяет сделать заключение о близости изучаемого распределения к нормальному. Коэффициент вариации (гр. 7 табл. 2) за исследуемый период не превышал 33% и уменьшился на 4,1 п. п. (с 12,8 % в 2006 г. до 8,7 % в 2009 г.), что указывает на однородность распределения районов по трудоспособному населению.

Таким образом, за анализируемый период наметилась тенденция к более равномерному распределению населения трудоспособного возраста на территории Смоленской области.

Качественный состав трудовых ресурсов во многом зависит от региональной системы образования, которая представлена (по данным за 2010 г.) следующими образовательными учреждениями: дошкольными – 290, общеобразовательными – 578, дополнительного образования детей – 88, начального профессионального образования – 44, среднего профессионального образования – 34, высшего профессионального образования – 21. Подробный анализ возрастной и профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов региона является отдельной, сложной и трудоёмкой задачей, решение которой едва ли укладывается в рамки статьи. В некоторой степени эта задача решена автором ранее [4], в частности показано, что за 2006–2009 гг. произошли качественные изменения в структуре трудовых ресурсов за счет увеличения лиц с высшим и начальным профессиональным образованием на 1,1 п.п. и 4,3 п.п. соответственно по сравнению с 2006 г.

На фоне повышения качества трудовых ресурсов центральной задачей органов управления становится регулирование распределения и перераспределения трудовых ресурсов. Одним из рычагов их размещения является проведение эффективной демографической и социальной политики, способствующей росту населения в городах с напряженным балансом трудовых ресурсов.

Очень важно при этом размещать трудоемкие производства в трудоизбыточных городах с одновременной подготовкой рабочих кадров из местной молодежи. Необходимо постоянно уделять внимание совершенствованию размещения производительных сил, которое должно обеспечивать экономию общественного труда, комплексное и высокоэффективное развитие каждого малого и среднего города, опираясь на приоритетные направления государственной демографической политики, долгосрочные областные целевые программы: «Демографическое развитие Смоленской области», «Развитие системы образования в Смоленской области», «Государственная поддержка развития кадрового потенциала органов местного самоуправления муниципальных образований Смоленской области» и другие документы.

3. Динамика занятости трудовых ресурсов на региональном и муниципальном уровнях. Управление трудовыми ресурсами на стадии распределения (перераспределения) подразумевает управление занятостью, первичным распределением рабочей силы на рабочие места по предприятиям и отраслям экономики, управление перераспределением рабочей силы – трудоустройством, территориальным перераспределением, миграцией, перемещением в пределах предприятий, внутри отрасли или между отраслями экономики.

Ситуацию на местных рынках труда региона в 2010 г. характеризует табл. 3. «Вклад» районов области в безработицу был и остается выше, чем Смоленска – областного центра. Если в численности экономически активного населения сельские жители составляли менее трети, то среди признанных безработными – 56,6%. В 2010 г. показатель регистрируемой безработицы превысил среднеобластное значение 1,62% в 16 районах области. Если в Ельнинском районе уровень регистрируемой безработицы зафиксирован на отметке 7,31%, Ершицком – 7,28%, Глинковском – 6,96%, Темкинском – 5,07%, то в Вяземском районе – 0,55%, г. Десногорске – 0,59%, в Смоленском районе – 0,80%, Ярцевском – 0,90%, в городе Смоленске

Таблица 3

Статистические характеристики занятости
по муниципальным образованиям региона в 2010 году

Название МО	Занятость и безработица		Имеется вакансий	Коэффициент напряженности на рынке труда (чел/вак)
	показатель трудоустройства, %	уровень регистрируемой безработицы, %		
Смоленск	38,2	1,09	1855	1,3
Десногорск	71,6	0,59	-	-
Велижский	63,9	1,35	30	3,2
Вяземский	74,9	0,55	70	3,6
Гагаринский	72,4	1,5	166	2,2
Глинковский	30,8	6,96	4	47,8
Демидовский	42,5	3,62	7	43,7
Дорогобужский	55,3	0,59	12	26,8
Духовщинский	56,9	2,02	17	11,1
Ельнинский	22,5	7,31	18	36,6
Ершичский	34,6	7,28	0	-
Кардымовский	40,7	3,47	15	14,1
Краснинский	51,8	1,68	5	23,8
Монастырщинский	56,5	3,85	4	52,5
Новодугинский	66,5	1,48	5	16,2
Починковский	46	2,97	28	21,6
Рославльский	56,7	1,55	207	3,2
Руднянский	40,8	3,14	28	14,8
Сафоновский	54,1	1,35	85	5,6
Смоленский	61,3	0,8	164	1,6
Сычевский	64,4	1,81	52	2,7
Темкинский	35,7	5,07	17	9,9
Угранский	36,4	4,28	3	70
Хиславичский	64,5	2,44	8	16,6
Холм-Жирковский	53,1	2,93	38	4,6
Шумячский	41,7	3,35	15	13,5
Ярцевский	61,3	0,9	230	1,2
Итого по области:	51,4	1,62	3083	3,1

– 1,09%. Для сравнения: на 31.12.2010 г. уровень регистрируемой безработицы по официальным данным Росстата, составил по России – 2,1%, по ЦФО – 1,3%.

Данные мониторинговых исследований областного рынка труда, проводившихся службой занятости населения в 2006–2010 гг., показали наличие прямой связи между состоянием экономики районов и ситуацией на местных рынках труда.

Анализ данных показывает, что большинство особо неблагополучных по безработице районов относится к сельскохозяйственным и аграрно-индустриальным, с преобладающей аграрной специализацией. Сложная ситуация с занятостью в этих районах во многом объясняется отсутствием у таких районов промышленного потенциала или недостаточно использованными возможностями его развития, что проявляется и в худшей обеспеченности вакансиями, и в более низком их качестве. В более развитых в экономическом отношении районах (промышленных и индустриально-аграрных) обеспеченность жителей рабочими местами значительно выше, чем в менее развитых. В ряде районов и многих сельских населенных пунктах вакансии для обеспечения занятости населения вообще отсутствуют или их крайне мало.

Важной проблемой для региона являются большие различия в возможностях и обеспечении занятости в городской и сельской местности, что способствует оттоку трудоспособного населения из сельской местности.

4. Дифференциация муниципальных образований по индексу миграционной привлекательности.

В современной России происходит формирование нового рынка – рынка муниципальных образований, которые вступают в конкурентные отношения между собой: конкуренция за средства бюджета, конкуренция способов и методов развития, конкуренция в сфере привлечения инвестиций и т.д.

Дифференциация уровня развития муниципальных образований выражается через показатели, характеризующие состояние их производственных и социальных систем. На региональном уровне таким показателем может служить валовой региональный продукт, расчет которого в муниципальной статистике не производится в виду того что, на муниципальном уровне разработка показателя добавленной стоимости на основе методологии системы национальных счетов (СНС) сопряжена с большим числом информационных ограничений, а сами расчеты – громоздкими и неточными.

В диссертационной работе Н.В. Мелиховой «Моделирование влияния социально-экономических факторов на формирование трудовых ресурсов региона» (2006 г.) была предложена методика расчета показателя, характеризующего миграционную привлекательность отдельного региона. По аналогии с данным показателем целесообразно ввести соответствующий показатель миграционной привлекательности муниципального образования $Impr_{mo}$:

$$Impr_{mo} = \frac{MPr_i}{N(P_{mo})}$$

где MPr_i – муниципальный продукт по i -му муниципальному образованию [3], $N(P_{mo})$ – доля населения муниципального образования в общем населении региона.

Применяя предложенный показатель, был рассчитан индекс миграционной привлекательности муниципальных образований Смоленской обл. за 2006–2009 гг. (табл. 4).

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что $Impr_{mo}$ меньше 1 имеют муниципалитеты с низким уровнем коэффициента миграционного прироста, а для районов и городов региона с высоким уровнем миграционного прироста характерен $Impr_{mo}$ больший 1.

Устойчиво в состав районов с высоким уровнем индекса миграционной привлекательности ($Impr_{mo} > 1$) входят города Десногорск и Смоленск, а также районы Вяземский и Дорогобужский ($Impr_{mo} = 0,7$). Это обусловлено сосредоточением на территории этих муниципальных образований основных промышленных предприятий области: крупнейший производитель бриллиантов в России и одно из самых крупных в Европе – ОАО «Производственное объединение «Кристалл», ЗАО «Смоленский автоагрегатный завод АМО ЗИЛ», ОАО «Смоленский авиационный завод», Десногорская АЭС, Дорогобужский завод азотных и минеральных удобрений, ОАО «Вяземский машиностроительный завод» и др., а также их расположением на пересечении основных транспортных артерий региона.

Число районов с низкими значениями индекса $Impr_{mo}$ нестабильно, что свидетельствует об определенной результативности муниципальной политики занятости. По состоянию на 01.01 2006 г. перечень с наиболее низким уровнем показателя со-

Таблица 4

Динамика индекса $Impr$ по муниципалитетам Смоленской области

№ п/п	Название МО	Годы			
		2006	2007	2008	2009
1	Смоленск	1,02	1	1,03	1,03
2	Десногорск	1,43	1,38	1,75	1,72
3	Велижский	0,23	0,25	0,25	0,24
4	Вяземский	0,67	0,69	0,69	0,66
5	Гагаринский	0,38	0,39	0,39	0,45
6	Глинковский	0,19	0,22	0,23	0,26
7	Демидовский	0,32	0,35	0,34	0,33
8	Дорогобужский	1	0,98	0,92	0,7
9	Духовщинский	0,34	0,39	0,39	0,36
10	Ельнинский	0,17	0,18	0,23	0,22
11	Ершицкий	0,26	0,27	0,26	0,25
12	Кардымовский	0,32	0,27	0,23	0,21
13	Краснинский	0,26	0,24	0,24	0,24
14	Монастырщинский	0,37	0,36	0,37	0,28
15	Новодугинский	0,31	0,31	0,33	0,33
16	Починковский	0,26	0,29	0,3	0,31
17	Рославльский	0,48	0,54	0,54	0,51
18	Руднянский	0,27	0,28	0,32	0,35
19	Сафоновский	0,42	0,46	0,48	0,48
20	Смоленский	0,39	0,32	0,32	0,3
21	Сычевский	0,41	0,38	0,41	0,39
22	Темкинский	0,26	0,26	0,28	0,24
23	Угранский	0,19	0,2	0,19	0,18
24	Хиславичский	0,25	0,27	0,26	0,21
25	Холм-Жирковский	0,52	0,58	0,55	0,49
26	Шумячский	0,32	0,34	0,33	0,29
27	Ярцевский	0,26	0,28	0,32	0,39

Таблица 5

Группировка МО региона по индексу $Impr_{мо}$ на начало 2010 г.

Интервалы $Impr_{мо}$	Число МО	Состав групп (в порядке возрастания уровней)	Качественная характеристика уровня занятости
До 0,3	7	Угранский, Кардымовский, Хиславичский, Ельнинский, Велижский, Краснинский, Темкинский	Низкий уровень
0,3–0,7	16	Ершицкий, Глинковский, Монастырщинский, Шумячский, Смоленский, Починковский, Демидовский, Новодугинский, Руднянский, Духовщинский, Сычевский, Ярцевский, Гагаринский, Сафоновский, Холм-Жирковский, Рославльский	Ниже среднего
0,7–1,0	2	Вяземский, Дорогобужский	Средний уровень
1,0 и выше	2	Смоленск, Десногорск	Высокий уровень
Итого	27		

ставили три района: Кардымовский, Угранский, Глинковский. На 01.01.2010 г. в этот перечень вошли еще четыре района: Краснинский, Хиславичский, Темкинский и Вельжский (табл. 5). Этот факт объясняется ростом численности безработных в сельском хозяйстве, катастрофическим сокращением численности сельского населения, миграцией трудоспособного населения из сельской местности.

В шестнадцати районах значения индекса Импрмо колеблется от 0,3 до 0,7 %, их удельный вес составляет 59,2 %.

Приведенный анализ трудовых ресурсов Смоленской области наглядно свидетельствует о необходимости проведения комплекса организационных, экономических и социальных мер, направленных на устранение всех видов асимметрии, присущей современному муниципальному рынку труда. Использование индекса Импрмо позволяет учитывать как демографические ограничения, так и социально-экономические условия, в которых реализуется процесс согласования спроса на труд и его предложения.

Библиографический список

1. Методологические положения по статистике. – Вып. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
2. Гриценко С.В. Статистическая оценка и анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов Воронежской области // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 22(151). – С. 15–23.
3. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области. Стат. сборник. – Смоленск, 2009. – 167 с.
4. Шеломенцева М.В. Миграционные процессы и трудовые ресурсы Смоленской области / М.В. Шеломенцева // Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), РГАУ – МСХА, ЛНАУ. 17–18 июня 2010 года. – Т. 2. Экономика. – Москва-Луганск: Издательство МАДИ (ГТУ), РГАУ – МСХА, ЛНАУ. 2010. – С. 124–129.

Щукина А.С. (г. Тверь)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

Интерес к познанию рынков не нов для географов. Развитие промышленности, торговли, формирование капиталистического рынка, рост потребности в знаниях по экономике своей страны, ее отдельных регионов, зарубежных стран в XIX в. создали условия не только для расширения исследований по коммерческой географии, но и для включения ее в число обязательных предметов в коммерческих училищах. В настоящее время ряд авторов предлагает, сохраняя историческую преемственность (коммерческую специфику), ввести эту дисциплину в школьные программы и в программы ряда средних специальных заведений (3). Предполагается, что те, кто планирует заниматься предпринимательской деятельностью, должны более детально знать особенности формирования и функционирования не только национального, но и региональных и отраслевых рынков. Необходимые знания о современных тенденциях в развитии мирового рынка, месте России и СНГ в международном разделении труда, о содержании и формах международного торгово-экономического сотрудничества и должен дать курс коммерческой географии. Предметом исследования для географов в первую очередь являются территории

альная организация рынка, факторы определяющие специфику формирования и функционирования рынков разного вида.

Сложность и многоаспектность рынка как объекта исследования привела к необходимости взаимодействия разных наук, использования заимствованных методов и подходов. В результате междисциплинарных исследований сформировались новые научные направления, в том числе геомаркетинг – междисциплинарное направление исследований, в котором используются, взаимодополняя друг друга, географические методы и инструментарий маркетинга. Еще одним направлением междисциплинарных исследований рынка является анализ взаимосвязей рыночных явлений и процессов с демографическими. И.К. Беляевский предложил выделить самостоятельный раздел демографии – демографический маркетинг и ввести данный термин в научный оборот (1).

В прикладных исследованиях обычно анализируются отдельные виды рынков. Понятие «потребительский рынок» стали широко использовать с начала 1990-х гг. В числе первых работ следует назвать монографию Р.И. Шнипера и А.С. Новоселова (4). Повышенный интерес к изучению потребительского рынка объясняется ведущим местом, которое он занимает в системе рынков любой территории, в обеспечении жизнедеятельности населения. Пространственно потребительский рынок определяется территорией, на которой покупатели могут удовлетворить свои потребности в товарах и услугах. Локальный (местный) рынок – это совокупность отношений продавцов и покупателей конкретного товара или товарной группы, сфера деятельности которых ограничивается преимущественно одним городом, районом или определенной их частью.

На масштаб локальных рынков, разнообразие товаров и услуг в первую очередь оказывают влияние такие демографические характеристики как численность и половозрастная структура населения. Мелкоселенность, характерная не только для сельского, но и для городского расселения Тверской области, является фактором, ограничивающим развитие локальных потребительских рынков. Областной центр многократно превосходит по численности населения города второго уровня. В большей части городов области (в 13 из 23) численность населения менее 20 тыс. чел., из них в 7 – менее 10 тыс. жителей. В 21 ПГТ из 28 численность населения менее 5 тыс. чел., из них 8 являются райцентрами. Мелкоселенность сельского расселения (СНП с численностью населения менее 50 чел. составляют 82 % от общего числа СНП, в них проживает каждый пятый сельский житель) ограничивает развитие торговли, сферы услуг в сельской местности, ухудшает доступность этих сфер для сельского жителя и заставляет население удовлетворять свои потребности в товарах и услугах в либо в районных центрах, либо в городах – межрайонных центрах и областной столице. В таблице 1 представлены показатели численности населения и основные характеристики расселения двух муниципальных образований, позволяющие сравнить различия в условиях формирования потребительских рынков.

Если численность населения оказывает влияние в первую очередь на масштаб локальных рынков, то его половозрастная структура влияет на специфику их формирования и функционирования. Каждой возрастной группе населения присущи свои потребности в товарах и услугах. Так, развитие сегмента рынка, обеспечивающего одеждой и детским питанием детей, ограничено в небольших МО, городах и ПГТ. Например, в 2009 году в Жарковском районе было только 69 детей в возрасте до 1 года и 321 ребенок в возрасте от 1 до 6 лет, тогда как в Конаковском районе со-

Таблица 1

Основные характеристики расселения Конаковского и Жарковского МО Тверской области

МО	Численность населения	Число городских поселений	Доля городского населения	Плотность		Средняя людность СНП
				сельского населения на кв. км	СНП на 100 кв. км	
Конаковский	85,4	6	77,1	9,4	6,2	109,1
Жарковский	6,4	1	69,8	1,2	8,6	18,9

ответственно 840 и 4513 детей. За последние годы число детей и структура детского контингента постоянно менялись. В настоящее время рост рождаемости привел к заметному расширению этого сегмента рынка. Высокая доля лиц молодых и средних возрастов с самыми большими и разнообразными потребностями увеличивает емкость потребительского рынка и расширяет его структуру, тогда как высокая доля лиц старше трудоспособного возраста с особыми потребностями и специфическим спросом сужает потребительский рынок. Доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется от 21,1% в Удомельском районе до 32,9% в Рамешковском при среднеобластном показателе 25,4%.

К социальным факторам развития потребительского рынка относятся, прежде всего, доходы населения. От уровня доходов зависит структура расходов и потребления. Немецкий статистик Энгель еще в 1857 году поставил вопрос о количественной связи между доходом и структурой потребления домохозяйства и сформулировал закон, согласно которому с ростом дохода расходуемая доля на питание сокращается, расходуемая на жилище и одежду – не изменяется, а затрачиваемая на образование и лечение – возрастает. Пространственный анализ дифференциации доходов, как на региональном, так и на внутрирегиональном уровне включает два аспекта – анализ различий в доходах населения между территориальными единицами и анализ различий в доходах разных социально-демографических групп (вертикальное социальное расслоение) по территориальным единицам.

На региональном уровне основным статистическим показателем доходов является среднедушевой денежный доход (СДД). Поскольку данный показатель по муниципальным образованиям не разрабатывается, для исследований на внутрирегиональном уровне таким показателем является начисленная заработная плата занятых в экономике. Различия в уровне заработной платы значительны. Соотношение максимального и минимального размеров заработной платы составляет 2,7 раза (23458 руб. в Удомельском районе к 8696 руб. в Торжокском районе). Достаточно высокий уровень заработной платы в целом по области определяется ее уровнем в Удомельском районе, г. Твери, Бологовском и Конаковском районах, где она выше средней по области. В большей части районов области заработная плата превышает прожиточный минимум для лиц в трудоспособном возрасте в 1,6–2 раза. Исследование показало, что высокие показатели розничной торговли и платных услуг не всегда сочетаются с высокими показателями заработной платы. Так, высокие показатели розничной торговли при невысокой заработной плате в Вышневолоцком, Торжокском, Западнодвинском районах связаны с наличием там сети инфраструктурных объектов, обслуживающих дополнительный поток потребителей, благодаря трассам Москва–Санкт-Петербург и Москва–Рига, в Бежецком районе с выполнением межрайонных функций. Кроме того, необходимо учесть, что статистика этой сферы не совсем

Таблица 2

Группировка локальных рынков Тверской области
по объему совокупных денежных доходов населения

Объем совокупного денежного дохода(млн.руб)	Количество локальных рынков в группе	Локальные рынки
Более 4000	1	Тверь
400–600	5	Вышневолоцкий, Конаковский, Ржевский, Торжокский, Удомельский
200–400	4	Бежецкий, Бологовский, Калининский, Кимрский
100–200	8	Калязинский, Кашинский, Лихославльский, Максатихинский, Нелидовский, Осташковский, Старицкий, Торопецкий
50–100	11	Андреапольский, Весьегонский, Западнодвинский, Зубцовский, Кесовогорский, Краснохолмский, Кувшиновский, Рамешковский, Селижаровский, Спировский, Фировский
0–50	8	Бельский, Жарковский, Лесной, Молоковский, Оленинский, Пеновский, Сандовский, Сонковский

достоверна. Пенсии являются главным источником доходов для неработающей части населения старше трудоспособного возраста. Различия между МО по данному показателю не столь значительны как по заработной плате.

Для сравнительной оценки емкости локальных потребительских рынков Тверской области использован показатель объема совокупных денежных доходов населения, рассчитанный на основе данных о численности занятых в экономике, численности пенсионеров, номинальной начисленной заработной плате занятых в экономике и среднем размере назначенных месячных пенсий. Помимо совокупного объема денежных доходов населения был рассчитан показатель соотношения доходов занятых в экономике и пенсионеров. Основная часть локальных рынков области ограничена не только небольшим объемом совокупных доходов, но и достаточно высокой (до 35% в ряде районов) долей доходов пенсионеров.

На емкость и структуру потребительского рынка оказывает влияние и дифференциация доходов по отдельным социально-демографическим группам. Информационной базой для анализа социального расслоения по доходам на уровне регионов и страны в целом служит статистика домашних хозяйств. Обследование проводится статистическими органами на основе квотной выборки по возрасту, полу, составу семьи, источникам средств существования, месту проживания и т.д. Статистической информации на уровне муниципальных образований, необходимой для оценки социального расслоения и принятия обоснованных решений в социальной сфере, нет. Еще в 1997 году на кафедре социально-экономической географии Тверского университета была сделана попытка обработки и анализа материалов обследования бюджетов домашних хозяйств на внутриобластном уровне. Были отобраны городские поселения разные по численности населения, функциональному типу и сложившейся социально-экономической ситуации. Исследование показало, что несмотря на небольшую выборку, проводимое статистическими органами обследование дает возможность анализировать расслоение населения по дохо-

Таблица 3

Распределение населения городов Тверской области по уровню доходов в 1996 г.
(в % от общей численности населения)

Города	Все население	В том числе население со среднедушевыми доходами				
		менее ПМ в 2 раза	от 0,5 до 1,0 ПМ	выше ПМ и ниже СДД по региону	выше среднего по региону от 1 до 2 раз	выше среднего по региону в 2 раза и более
Вышний Волочек	100,0	–	41,4	37,5	17,6	3,5
Красный Холм	100,0	13,9	74,9	8,7	2,5	–
Конаково	100,0	2,2	43,4	23,9	28,3	2,2
Осташков	100,0	1,4	48,5	44,4	5,7	–

дам не только на региональном, но и на внутрирегиональном уровне. Информация о дифференциации доходов разных социально-демографических групп на уровне отдельных МО необходима.

Действенным инструментом исследования влияния уровня социального расслоения на потребительский рынок являются социологические методы. Материалы одного из опросов, проведенных в небольшом поселке городского типа – центре муниципального образования позволили проанализировать доходы различных социально-демографических групп населения, оценку населением своих доходов и своего материального положения по сравнению с окружающими, потребительские настроения населения, изменения в стиле потребительского поведения, слабые стороны данного потребительского рынка и т.д. В небольших городских поселениях со слабой экономической базой расслоение населения выражено не очень сильно. Доходы на 1 человека в семье различаются в несколько раз, что определяет разную оценку своего материального положения респондентами. В ответах на вопрос «К какой группе по материальному достатку относится Ваша семья?» только каждый третий респондент отметил, что семья имеет возможности приобретать предметы длительного пользования. Основная часть респондентов испытывает проблемы от нехватки денег на питание (12%) и на одежду (52%). В тоже время половина респондентов независимо от имеющихся доходов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение по сравнению с окружающими?» ответила, что такое же. Более четко видна зависимость оценки своего положения как худшего по сравнению с окружающими у низкодоходной группы респондентов и несколько лучшего у самой высокодоходной для данного городского поселения группы.

Материалы опроса позволяют также сделать вывод о значительной неудовлетворенности имеющимися доходами. Желаемые доходы многократно превышают среднюю зарплату по данному МО. Личный ежемесячный доход более 30 тыс. руб. хотели бы иметь 38% респондентов, что свидетельствует об увеличивающемся спросе (бытовая техника, машины, квартиры и дома) и изменившемся потребительском поведении в целом. В своих ответах респонденты отмечали, что рынок не в достаточной мере удовлетворяет спрос населения, прежде всего на стройматериалы, мебель, бытовую технику, а также на услуги системы здравоохранения, туристские и досуговые. Рост запросов на дорогие товары и услуги у более доходных социально-демографических групп, меняющийся стиль потребительского поведения стимулируют развитие небольших локальных рынков.

Библиографический список

1. Беляевский И.К. Демографический маркетинг: наука и практика // Вопросы статистики. – 2010. – №4. – С. 24–34.
2. Ильина И.Ю. Использование социально-демографической информации при анализе и прогнозировании потребительского рынка // Народонаселение. – 2008. – №3. – С.136–142.
3. Плисецкий Е.Л. Коммерческая география России. – М., 1996.
4. Шнипер Р.И., Новоселов А.С. Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект. – М., 2003.

Юманова У.В. (г. Чебоксары)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Социально-экономическое неравенство в обществе чаще всего понимается как стратификация, т.е. распределение общественных групп в определенный исторический отрезок времени в иерархически упорядоченном ранге. В самом общем виде неравенство означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления, т.е. общество делится на социальные слои по доходам, наличию или отсутствию привилегий, образу жизни. Специфическими компонентами стратификационной структуры территориальной общности могут быть потребительские группы или группы, различающиеся по образу жизни [5]. Примечательно, что термин «социальная стратификация» ввел в научный оборот наш бывший соотечественник, а затем известный американский социолог Питирим Сорокин, работавший в США в 20-60-е годы прошлого века. Он заимствовал это понятие из геологии. П. Сорокин обосновал такие понятия, как «социальное пространство», «социальный лифт», т.е. перемещение из одной социальной страты в другую, «социальная дистанция» [4]. Стратификация обязательно подчеркивает упорядочение социальных слоев (классов, групп, страт) и имеет русский понятийный аналог – расслоение по какому-то критерию (доходы, власть, престиж и т.д.).

Известно не мало различных критериев выделения социальных страт населения. К. Маркс выдвигал на первый план обладание собственностью и уровень доходов. М. Вебер добавил социальный престиж, принадлежность субъекта к политическим партиям, к власти. П. Сорокин называл причиной стратификации неравномерность распределения прав и привилегий, ответственности и обязанностей в обществе, кроме того – гражданство, род занятий, национальная, религиозная принадлежность [7]. В современном российском обществе формирование стратификационной системы происходит на экономической основе, когда главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность. Это связано с тем, что сложился довольно многочисленный предпринимательский слой, появились новые престижные виды деятельности, наметилось полярное расслоение общества, начинает формироваться средний класс.

В современной России разработано достаточно большое количество методик выделения социально-экономических страт общества, где в основе критериев лежат доходы населения. Наибольшее признание получила стратификационная модель, разработанная академиком Т.И. Заславской на базе данных, полученных в ходе мониторинго-

вых исследований, проводимых ВЦИОМ в середине 1990-х гг. [1]. Она выделяла 4 слоя: верхний, средний, базовый и нижний. Верхний слой образуют элитные и субэлитные группы, занимающие важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах. Это – политические лидеры, верхушка государственного аппарата, руководители промышленных корпораций и т.д. Верхний слой почти на 90% представлен мужчинами молодого и среднего возраста. Уровень доходов этого слоя в 10 раз превышает доходы нижнего слоя. Средний слой состоит из мелких и средних предпринимателей, менеджеров средних и небольших предприятий, представителей среднего государственного аппарата, администраторов непроизводственной сферы, лиц интеллектуальных профессий и др. По уровню доходов средний слой существенно уступает верхнему слою и соответственно заметно хуже его социальное самочувствие. Базовый слой включает лиц, занятых преимущественно в государственном секторе экономики: рабочие, значительная часть интеллигенции, служащие, военнослужащие, работники торговли, сервиса и др. Около 60% этого слоя составляют женщины, в основном среднего и старшего возраста. Уровень жизни этого слоя, и прежде невысокий, в последние годы постоянно снижается. Нижний слой обладает наименьшим профессионально-квалифицированным и трудовым потенциалом. К нему относятся работники, занятые простейшими видами труда, не требующими профессиональных знаний. Две трети этого слоя составляют женщины, а доля пожилых людей в три раза выше средней по стране. Для этих социальных категорий характерен чрезвычайно низкий уровень жизни: 2/3 живут за чертой бедности, из них четверть – за гранью нищеты. Наряду с этими основными слоями Т.И. Заславская выделяет наличие «социального дна», которое образуют алкоголики, бомжи, бродяги, криминальные элементы и т.д.

Несколько иную модель стратификационной системы современного российского общества предлагает известный социолог М.Н. Римашевская, которая выделяет следующие социально-классовые группы [3]: общероссийские элитные группы, обладающие крупной собственностью и средствами властного влияния на федеральном уровне; региональные и корпоративные элиты, обладающие значительной собственностью и влиянием на уровне регионов и секторов экономики; верхний средний класс, имеющий собственность и доходы, обеспечивающие среднероссийские и более высокие стандарты потребления; динамичный средний класс, проявляющий социальную активность и имеющий доходы, обеспечивающие среднероссийские и более стандарты потребления; аутсайдеры, характеризующиеся низкой социальной активностью, невысоким уровнем доходов и ориентацией на легальные способы их получения; маргиналы, отличающиеся низкой степенью социальной адаптации, незначительными доходами и неустойчивостью социально-экономического положения; криминальные элементы, проявляющие высокую социальную активность, но противоречащую моральным и правовым нормам общества.

На сегодняшний день в науке нет, и не может быть общепринятой структуры социально-экономической стратификации российского общества. Представляют интерес работы Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана, Е.Гонтмахер и других ученых по выделению социальных групп, главным образом основыванные на показателях доходов населения.

В процессе социологического исследования Чувашии за основу нами была принята следующая комплексная социально-экономическая стратификация населения, основанная на показателе среднедушевых денежных доходов [6]:

- практически живущие на грани нищеты, их доходы ниже стоимости минимального продуктового набора;

- бедные, доходы которых ниже прожиточного минимума;
- малообеспеченные, доходы, которых выше прожиточного минимума, но ниже минимального потребительского бюджета равному 2 ПМ (стоимостная оценка продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и его жизнедеятельности и обеспечивающих восстановительный уровень потребления, а также обязательные платежи и сборы). Это лица, имеющие скромное питание и скромное (относительно) бытовое потребление;
- среднеобеспеченные, доходы выше минимального потребительского бюджета, но ниже бюджета высокого достатка равному 7 ПМ (стоимостная оценка рационального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, обеспечивающих развивающий уровень потребления, а также платежи и сборы). Нормальное воспроизводство затрат труда, кроме того, возможны некоторые оперативные сбережения для приобретения домашних предметов длительного пользования, бытовой техники;
- состоятельные (доход – 7–20 ПМ). Для них характерен европейский стандарт потребления: личный транспорт, техника и мебель зарубежного производства, квартиры и дачи в личной собственности. Появляются некоторые возможности расточительного потребления (коллекционирование драгоценностей и антиквариата и т.п.;
- богатые и сверхбогатые (очень богатые) лица, имеющие доходы в пределах 20–50 ПМ. Основная часть размещения доходов у них – накопления и вложения в капитал. Доля потребительских расходов малозначима. Возможности домашних хозяйств в этой группе населения безграничны;
- олигархи, имеющие доходы более 100 ПМ. Для них характерно приобретение недвижимое за рубежом, а также вложения в капитал за границей.

Результаты исследования показывают, что большинство опрошенных (рис. 1) субъективно относит себя к малообеспеченному слою населения (54%). Если учесть, что доход малообеспеченного составляет от 1 до 2 ПМ, то по результатам анкетирования мы можем отнести к этой категории несколько меньшую группу респондентов – 45%. Это наиболее сложная и многоликая группа, включающая значительную часть населения, балансирующую на грани бедности (т.н. нуждающиеся) и собственно малообеспеченных, которые являются срединной группой в целом для России.

Основное несоответствие выявляется при определении доли бедного населения. К таковым отнесли себя всего 13.3% респондентов, но реально доход ниже 1 ПМ отметили 33%, в 2.5 раза большая часть опрошенных. Треть опрошенного населения являются бедными, но лишь часть из них считает себя таковыми. Столь значительные различия можно объяснить в первую очередь отсутствием информации о проблемах бедности населения, критериях ее определения, неготовностью согласиться на статус социального аутсайдера. Социальная катастрофа любого региона – наличие группы нищих. К ним себя отнесли 0.9% опрошенных. Но абсолютная оценка показывает, что их почти в 2 раза больше – 1.6%. В целом по Чувашии доля населения с доходами ниже ПМ составляет почти 35%. По мировым стандартам эта группа не должна превышать 10% населения [2]. В городской местности доля населения с доходами ниже 1 ПМ (бедные и нищие) составила около 30% опрошенных. Их среднемесячный доход составил 3147.6 руб. В сельской местности эта груп-

Рис. 1. Распределение населения Чувашии по социальным группам

па значительно шире, примерно 41%, а доход их соотносится с доходом бедных горожан (3141.9 руб.).

Рассматривая социальную стратификацию населения в территориальном аспекте, выявляются следующие зоны и ареалы: проблемные южные 3 района с доходами менее 1 ПМ на момент обследования (менее 4319 руб.); наиболее многочисленная и разбросанная по карте группа с доходами 1–1.5 ПМ (13 районов и городов); северные «пристоличные» 4 района и город (1.5–2 ПМ); центральные 3 района и г. Алатырь с максимальными значениями по Чувашии данного показателя (2–2.5 ПМ). Причины данных территориальных различий частично выявляются при анализе структуры доходов и занятости по отраслям. Основным источником доходов населения Чувашии по результатам исследования является зарплата (более 70%); территориальные различия от 50% до 90%. Пенсию получают в среднем 24% опрошенных; на стипендию приходится 7.3%. Субсидию в среднем получают 8% опрошенных (максимум по районам – 30%). Доход от имущества в структуре источников составляет 6.5% (в некоторых районах 50–60%). Значительна доля материальной помощи родственников и знакомых в структуре доходов населения Чувашии (20%).

Одним из важнейших значений социально-экономической стратификации является определение доли бедного населения в регионе и принятие необходимых мер для улучшения материального положения. В настоящее время параллельно с социальной дифференциацией усиливается и территориальная дифференциация населения по уровню бедности. Региональные различия существовали и раньше, но они не были столь явно выраженными. В такой ситуации государство должно проводить грамотную и обоснованную социальную политику с целью обеспечения достойной жизни населения страны.

Библиографический список

1. Заславская, Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997. – №2. – С. 5–23.
2. Козырев В.М. Основы современной экономики. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 528 с.
3. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. – №6. – С. 55–65.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992.
5. Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М.: Наука, 1995.
6. Экономика труда: Учебник / Под ред. П.Э. Шлендера и Ю.П. Кокина. – М.: Юрист, 2002. – 592 с.
7. Sorokin P. Sociological Theories of Today. – N.Y.-L., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Перцик Е.Н., Шувалов В.Е. К столетию со дня рождения Ю. Г. Саушкина	4

Ю.Г. САУШКИН И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Агирречу А.А. «Географическое мышление» – последнее незавершенное произведение Ю.Г. Саушкина	13

Гладкевич Г.И. Методология оценки территории через призму взаимодействия географической среды и производства в работах Ю.Г. Саушкина	21

Гладкий Ю.Н. «Светоч истины обжигает руку несущего» (к100-летию со дня рождения Ю.Г. Саушкина)	26

Даньшин А.И., Шкирина А.И. Взгляды Ю.Г. Саушкина на социально-экономическую картографию и ее современное развитие	30

Казанский Н.Н. Ю.Г. Саушкин и поиск путей решения проблем территориальной организации производительных сил страны	35

Лаппо Г.М. Ю.Г. Саушкин и создание географических основ государственной политики в России	39

Лейзерович Е.Е. «Золотая книга» Юлиана Глебовича Саушкина	42

Логинова Н.Н. Юлиан Глебович Саушкин – лидер советской географической школы, учитель, человек	46

Пилясов А.Н. Творческое наследие Ю.Г. Саушкина и современность	49

Поросенков Ю.В., Худякова Т.М. Профессор Ю.Г. Саушкин и теория современной социально-экономической географии	69

Родоман Б.Б. Воспоминания о Ю.Г. Саушкине (написаны в 1988 г. по заказу В.Г. Глушковой)	74

Терещенко Т.А. Юлиан Глебович Саушкин и социально-экономическая география в Казахстане	80

Худякова Т.М., Инякина Е.Е. Значение творческого наследия Ю.Г. Саушкина для исследования территориальных социально-экономических систем	85

Шупер В.А. Вклад Ю.Г. Саушкина в становление теоретической географии в СССР	88

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аверкиева К.В. Опыт изучения сельской жизни методом включённого наблюдения на рубеже XIX–XX вв.	97
Благовестова Т.Е. Ретроспективный анализ исследований качества жизни населения в России	102
Булгакова А.И. Теоретические основы отечественной экономической и коммерческой географии конца XIX – начала XX века	109
Гладкий А.В. Формирование научной школы исследований промышленных агломераций в Киевском университете им. Т. Шевченко	113
Катровский А.П. Труды Василия Васильевича Докучаева и развитие социальной-экономической географии	118
Панков С.В. Развитие географической составляющей в исследованиях сельских поселений	122
Пашинская Н.Н. География транспорта в Украине: основные направления развития, проблемы и перспективы	126
Пирожник И.И., Смоляков Г.С. Истоки современной социально-экономической географии в Беларуси	130
Ратанова М.П. 20 лет СНГ: итоги, проблемы, перспективы	135
Савоскул М.С. Развитие социальной географии Германии во второй половине XX века	139
Файбусович Э.Л. Школа Н.Н. Баранского и ее хулители	144
Яковлева С.И. География и картография туризма	147

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Андерсон В.Н. Теоретико-методологические проблемы современной экономической географии: бизнес-география и географическая теория предпринимательства	155
Архипов Ю.Р. Структурно-функциональный иерархический подход к моделированию регионального расселения	158
Бакланов П.Я. Территориальные социально-экономические структуры и системы – основной объект современной социально-экономической географии	162
Барановский Н.А. Общественно-географическая методология исследования региональной депрессивности	166
Бердникова Т.Б. Методологические и теоретические проблемы социально-экономической географии национального фондового рынка	170
Ващалова Т.В. География техносферной аварийности и экономическая география	174

Войнов Д.А. Диалектика исторического сочетания качественных и количественных методов анализа территориальных структур	178
Гриценко А.А. Методологические аспекты изучения социокультурных феноменов в приграничье с позиции географии	182
Демьянов С.А. Теоретические аспекты исследований развития региона в трехмерном измерении	186
Деньгин Д.Д. Инновационная инфраструктура как фактор эффективного развития и размещения региональной экономики	191
Дирин Д.А. Геокультурное пространство, его структура и организация	195
Дружинин А.Г. Исследование феномена метрополизации как приоритетное направление развития социально-экономической географии «вглубь»	200
Замятина Н.Ю. Институциональные и когнитивно-географические факторы регионального развития (на примере территорий нового освоения в России)	204
Землянский Д.Ю. Сезонность социально-экономических процессов в России и мире: географический детерминизм или социальная модернизация?	208
Земцов С.П. Естественно-исторический подход к теории развития (модернизации) социально-экономических геосистем	213
Зубаревич Н.В. Тренды и приоритеты пространственного развития России	218
Култашев Н.Б., Колдунова Е.Н. «Территориальное сознание» как междисциплинарная проблема	224
Корпусов И.М. Географические и демографические факторы формирования религиозной сферы	229
Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность регионального природопользования в условиях финансового кризиса и рыночных преобразований	234
Крылов М.П. Актуальные и дискуссионные вопросы общественной географии (современные коллизии общественно-географической мысли и некоторые особенности творческого наследия Ю.Г. Саушкина)	237
Мажар Л.Ю. Геосистемная парадигма в социально-экономической географии	242
Мечковская О.А. Теоретико-методологические основы комплексного экономико-географического анализа туристского пространства	246
Мошков А.В. Особенности неравновесности и самоорганизации территориально-производственных систем	250
Носонов А.М. Теоретические и методологические аспекты исследования агрогеосистем	255
Пономарева З.В. Территориальная организация регионального развития: постановка проблемы	260
Самбунова Е.Н. Проблемы взаимодействия глобального и национального экономического пространства (на примере Китая)	262

Семина И.А. Региональные позиционные возможности в географических исследованиях	267
Сидоров В.П. География транспорта в географическом изучении общества	271
Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры: взгляд с позиций культурной географии (краткие тезисы)	275
Темирбеков А.Т. О сущности и соотношении понятий «территория» и «пространство» в экономической и социальной географии	279
Ткаченко А.А. О научных школах в современной отечественной географии человека	283
Томашевич А.В. Некоторые проблемы экономической географии природопользования	287
Федорова Е.К. Роль социально-экономической географии в стратегическом территориальном управлении	292
Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Регионализация в условиях глобализации	296
Фокин В.М. Моделирование развития и трансформация городского пространства	301
Черкашин А.К. Методологические и теоретические основы единой географии	307
Шарыгин М.Д. Категория «территориальные системы» в общественной географии	312
Шувалов В.Е. Трансформация понятийно-концептуального и методического аппарата отечественной социально-экономической географии на современном этапе развития	317

МЕТОДЫ И МЕТОДИКА ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Антипова Е.А. Новые методические подходы к изучению геодемографических структур мира в условиях постиндустриального развития	325
Гонтарь Н.В. Применение инструментария технического анализа в методике исследования циклических территориальных процессов	330
Елманова Д.С. Об использовании общедоступных картографических интернет-сервисов в географических исследованиях (на примерепостроения зон влияния дорог, городов и агломераций Бельгии)	334
Зиновьев А.С. Методика изучения пространственной организации политической сферы	338
Кириллов П.Л. Региональное демографическое прогнозирование: методические возможности геодемографического подхода	342
Ковалев Ю.П. Туристский регион как источник конкурентных преимуществ туристского кластера	346
Кокина Ю.В. Методологические основы оценки территориально-рекреационных систем	351

Красноштанова Н.Е. Комплексные показатели территориальной организации общества (на примере Иркутской области)	355
Крылов П.М. Канализу вузовских учебников по экономической географии России	361
Львова Е.К. Эволюция экономических методов географии развития (на примере Китая)	365
Морачевская К.А. Методика изучения трансграничных территориальных социально-экономических систем	369
Овсянников А.С., Поросенков Ю.В. Некоторые подходы к концепции регионального расселения населения на современном этапе развития российского общества	372
Осипов В.А. Инженерно-географические подходы к оптимизации использования аграрных земель на основе экономического анализа альтернативной стоимости участков	377
Пирожник И.И. Экономико-географические подходы к оптимизации территориальной структуры социально-экономического комплекса Беларуси	381
Попкова Л.И. Методика этногеографического изучения приграничного пространства	389
Потоцкая Т.И. Субъекты отраслевых рынков: проблемы экономико-географического анализа	393
Роговская Н.В., Григорьева М.А. Оценка социально-экономического потенциала как элемент программно-целевого планирования развития сельских территорий	398
Родионова И.А. Методика исследования структурных сдвигов в мировой промышленности	401
Степанова А.А. Методика изучения условий жизни населения региона	406
Трифорова И.К., Андриевская З.Я. Подходы к изучению территориальной структуры хозяйственного комплекса зарубежных стран	410
Шаврин В.Н. Методика оценки уровня развития районных систем расселения	414

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Аляев В.А. Об особенностях формирования и возможных путях развития территориальной организации общества в крупнейшем городе (на примере города Волгограда)	419
Амельченко В.И. Современные вопросы географии сельского хозяйства	423
Аношкин Р.В. Территориальные аспекты демографического старения населения Смоленской области в период депопуляции	427

Атаев З.А. Эволюция территориальной организации энергосистем Центрального экономического района России (1886–1989 гг.)	432
Богачёв Д.В. Историко-географические аспекты взаимодействия сельского хозяйства и природной среды в пределах лесостепной зоны Среднерусской возвышенности	442
Горлов В.Н. Новые тенденции в пространственной организации электроэнергетики России	446
Ермулкина М.Н., Рязанцев А.С. Территориальная организация историко-культурного наследия Воронежской области и развитие туристско-рекреационной деятельности	449
Заборцева Т.И., Игнатова О.А. Изучение потенциала развития народных промыслов в Прибайкалье	453
Ивашкина И.В. Эволюция экологических приоритетов генеральных планов города Москвы	456
Клюев Н.Н., Яковенко Л.М. Полиструктура природопользования современной России	460
Козловская Л.В. Региональное развитие суверенной Беларуси: традиции и инновации	465
Коменденко Д.М. Факторы фрагментации и расколы электорального пространства Беларуси (по материалам президентских выборов 1994 г.)	468
Кошевой В.О. Особенности экономико-географического и геополитического положения регионов Беларуси	473
Кузьминов И.Ф. Территориальная организация и перспективы развития российского лесопромышленного комплекса	478
Куликов Г.К. Местный бюджет как зеркало развития крупных городов (на примере Уральского и Приволжского федеральных округов)	482
Куница М.Н. Современный кризис сельского расселения староосвоенных регионов центра России: демографический аспект	486
Лекомцев А.Л. Современные тенденции пространственно-временной организации системы населенных пунктов Удмуртии	491
Липухин Д.Н. Типы геодемографической ситуации в Уральском районе	495
Ломакина А.И. Приграничное положение как фактор экономического развития региона на примере провинции Квебек	499
Махрова А.Г. Рынок жилья как индикатор социального расслоения населения (на примере Москвы)	502
Мильчаков М.В. Депрессивные регионы России: современная география и тенденции развития в период кризиса	507
Мироненко К.В. Территориально-отраслевая структура промышленности сельских предприятий КНР	512

Озем Г.З. География религий Беларуси: теория и практика исследований	516
Петрова Е.Г. Природные воздействия на техносферу: проблемы российских регионов	524
Пилецкий И.В. Специфика управления сельскохозяйственным производством в Белорусском Поозерье	528
Подгрушный Г.П. Трансформация территориальной организации промышленного производства Украины в постсоветский период	532
Решетникова А.Н. Сравнительно-географический анализ развития систем здравоохранения в странах Центральной и Восточной Европы	537
Ридевский Г.В. Методика и результаты оценки качества населения белорусских регионов Российско-Белорусского пограничья	542
Рыбкина И.Д. Анализ демографической ситуации при разработке схем территориального планирования на муниципальном уровне	546
Савчук И.Г. Роль городов Украины в международных железнодорожных сообщениях пассажирских поездов внутреннего формирования	549
Сафиуллин М.Р. Состояние здоровья населения и проблемы здравоохранения: национальный и региональный уровни	553
Сдасюк Г.В. Демонтаж ЕЭС России – усиление рисков развития страны и регионов	557
Серко Е.Ю. Этапы возникновения и развития Приволжских городов	561
Уставщикова С.В. Тенденции современной территориальной организации сельского населения Саратовской области	568
Часовский В.И. Территориально-отраслевые изменения в промышленном производстве России	572
Чубаров И.Г. Факторы формирования глобальных городов КНР (на примере Гонконга)	575
Шавель А.Н. Географические трансформации во внешней торговле товарами Республики Беларусь в 2005–2009 гг.	579
Шеломенцева М.В. Территориальные различия в обеспечении трудовыми ресурсами муниципальных образований Смоленской области	584
Щукина А.С. Социально-демографические факторы пространственной дифференциации регионального потребительского рынка	592
Юманова У.В. Проблемы социально-экономической стратификации населения территории	597

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКА
(к 100-летию со дня рождения Ю.Г. Саушкина)**

Сборник научных статей

Корректор: Баслюкова А.А.
Верстка, дизайн обложки Ершовой О.В.

Подписано в печать 31.05.2011 г. Формат 70х100^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Гарнитура Myriad Pro.
Печ. л. 38,00. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Универсум»
214014, г. Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел./факс: (4812) 64-70-49
E-mail: uni@shu.ru